3 1761 04255 2729

Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
BYELORUSSIAN ALLIANCE IN CANADA.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ГЕНРИКА ИБСЕНА

Переводъ съ датско-норвежскаго

А. и П. Ганзенъ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ и предисловіями къ пьесамъ, составленными А. и П. Ганзенъ, и съ приложеніемъ портрета Г. Ибсена.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1909.

PT
8852
R9 H3
t. 2

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

LIBRARY
758926
UNIVERSITY OF TORONTO

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛЪ.

„Борьба за престолъ“ *) вышла годъ спустя послѣ появленія въ свѣтъ „Комедіи любви“. Планъ драмы Ибсенъ набросалъ еще въ 1858 г. и обдумывалъ его цѣлыхъ пять лѣтъ, чему, вѣроятно, и слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что такое крупное произведеніе было закончено — когда Ибсенъ наконецъ (лѣтомъ 1863 г.) опять взялся за него — въ какія-нибудь шесть недѣль. Издана была драма въ Христіаніи, немедленно принята для постановки на сценѣ Національнаго театра и съ успѣхомъ поставлена подъ личнымъ руководствомъ автора. За предѣлами же родины пьеса получила извѣстность нескоро: въ Данію дошли всего десятка два печатныхъ экземпляровъ ея, и такъ какъ самъ авторъ былъ тогда еще мало извѣстенъ датской критикѣ и публикѣ, то изъ присяжныхъ датскихъ критиковъ того времени лишь двое, и то не первой величины, удѣлили пьесѣ вниманіе. Но послѣ появленія „Бранда“ и „Пера Гюнта“ интересъ и къ предыдущимъ произведеніямъ Ибсена возросъ настолько, что въ сравнительно небольшой промежутокъ времени вышло нѣсколько новыхъ изданій „Борьбы за престолъ“. Въ 1871 г. драма эта была поставлена въ копенгагенскомъ Королевскомъ театрѣ, гдѣ долго пользовалась выдающимся успѣхомъ. Въ Германіи ее поставили раньше всего въ Лейпцигѣ — въ 1875 г., а затѣмъ она обошла всю Германію. Въ Стокгольмѣ же собрались поставить пьесу лишь въ 1879 г., т.-е. спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ ея выхода въ свѣтъ.

„Борьба за престолъ“, единодушно признанная и почитателями и противниками Ибсена однимъ изъ наиболѣе выдающихся по силѣ и величавой красотѣ поэтическихъ произведеній его, является произведеніемъ настолько богатымъ по содержанію и по художественнымъ достоинствамъ, что ни одному изъ литературныхъ критиковъ Ибсена не удалось

*) Подлинное заглавіе драмы „Kongsemnerne“ означаетъ въ сущности — „королевскіе матеріалы“, т.-е. матеріалы, изъ которыхъ создаются короли. Слово *emne* (означающее также: тема, сюжетъ) впервые было примѣнено въ такомъ значеніи, и друзья Ибсена, смущаемые оригинальностью названія, совѣтовали автору замѣнить его болѣе простымъ, обыкновеннымъ, назвать драму, напримѣръ, „Претендентами на корону“ (какъ пьеса и называется въ нѣмецкомъ переводѣ), но Ибсенъ отказался, видимо, придавая выбранному имъ заглавію особое значеніе.

дать всесторонняго разбора этой драмы, вслѣдствіе чего мы, для болѣе полнаго освѣщенія типовъ и положеній, и прибѣгаемъ къ извлеченіямъ изъ трехъ наиболѣе удачныхъ и самостоятельныхъ литературно-критическихъ разборовъ ея.

„Борьба за престолъ“ уже по самой структурѣ своей значительно отличается отъ ближайшихъ предыдущихъ произведеній Ибсена, — говоритъ норвежскій критикъ, профессоръ Іегеръ. — Въ тѣхъ произведеніяхъ дѣйствіе было сосредоточено на небольшомъ протяженіи времени, по возможности даже наблюдалось единство и времени и мѣста. Въ „Борьбѣ за престолъ“, напротивъ, изображаются событія, раздѣленныя годами, а мѣсто дѣйствія мѣняется среднимъ числомъ по два раза въ каждомъ изъ пяти дѣйствій пьесы.

„На ряду съ такою необычною для Ибсена независимостью отъ условностей драматической техники замѣчается поразительная близость поэтическаго изображенія исторической дѣйствительности. Въ разбираемой драмѣ мы встрѣчаемся и съ важнѣйшими дѣйствительными событіями данной эпохи и съ знакомыми намъ по историческимъ даннымъ главными дѣятелями ея, которыхъ творческій геній Ибсена лишь опоэтизировалъ, придавъ ихъ образамъ большую яркость и глубину.

„Норвежскій историкъ Сарсъ проводитъ въ своемъ трудѣ *) характерную параллель между сторонниками двухъ соперниковъ—короля Гокона и ярла Скуле, которая безъ особыхъ измѣненій можетъ пригодиться и для характеристики изображенныхъ Ибсеномъ двухъ политическихъ партій. „Во всѣхъ ихъ переговорахъ, — пишетъ Сарсъ: — ярко выступаетъ та же самая, отмѣченная выше сила и увѣренность въ себѣ одной партіи и та же немощность и неувѣренность другой. Старые „биркебейнеры“ **) дѣйствуютъ открыто и просто, какъ люди, непоколебимо убѣжденные въ правотѣ своего дѣла и неизмѣнно увѣренные въ его конечной побѣдѣ. Сторонники же ярла Скуле прибѣгаютъ къ интригамъ и кознямъ, стараются выиграть дѣло, всячески мѣшая достигнуть цѣли своимъ восторженно-увлеченнымъ противникамъ. Точно формулировать собственную программу они при этомъ все какъ-то не рѣшаются, — слишкомъ ужъ она идетъ въ разрѣзъ съ даннымъ положеніемъ вещей, что и не можетъ не налагать на всѣ ихъ дѣйствія отпечатка неопредѣленности и колебанія“.

„Причина такого различія двухъ партій ясно вытекаетъ изъ исторіи. Гоконъ явился представителемъ идеи королевской власти, родоначальникомъ которой былъ король Сверре. Въ Гокона, какъ читаемъ у Сарса, „было воспитаніемъ вложено непоколебимое убѣжденіе въ его правѣ на королевскій престолъ; онъ выросъ среди ветерановъ временъ Сверре, проникнутыхъ принципами послѣдняго; принципы эти перешли отъ нихъ къ Гокону въ видѣ готовой программы, осуществленіе которой являлось только вопросомъ времени. Гоконъ съ самаго начала находился въ вполнѣ ясномъ положеніи, что и придало его личности ея характерный отпечатокъ. Сила его главнымъ образомъ основывалась на томъ душевномъ спокойствіи и уравновѣшенности, которыя отличали его и коренились въ неизмѣнномъ сознаніи — что и нравственное право и воля народа на его сторонѣ“. Другое дѣло Скуле. Онъ былъ представителемъ борьбы аристократическихъ и теократическихъ тенденцій съ новою си-

*) Ernst Sars, „Udsigt over den norske Historie“ („Обзоръ исторіи Норвегіи“).

**) „Биркебейнеры“ или „березоногіе“ — сторонники политическихъ правъ народа и центральной королевской власти, въ противовѣсъ вліянію высшаго духовенства и могуществу королевскихъ вассаловъ.

лою — королевскою властью. Въ сущности однако борьба эта была уже покончена къ тому времени; королевская власть одержала побѣду еще при предшественникахъ Гокона, и попытки Скуле возобновить борьбу при Гоконѣ были лишь послѣдними судорогами побѣжденной партіи „баглеровъ“ *). „Идея теократически-аристократическаго правленія, представителемъ которой являлся Скуле, все еще собирала вокругъ себя сторонниковъ, но, судя по частымъ пораженіямъ партіи, кругъ этихъ сторонниковъ не могъ быть ни особенно многочисленнымъ ни увѣреннымъ въ себѣ“. Яснѣе всего обнаружилось это, когда Скуле поднялъ открытый мятежъ противъ Гокона. Несмотря на первоначальный успѣхъ, „съ самаго начала было ясно видно, что попытка эта возобновить внутреннюю междоусобицу, распри изъ-за власти, была лишь ходомъ отчаяннаго игрока, который, не взвѣшивая шансовъ, бросается въ игру очертя голову, кидается навстрѣчу неизвѣстному въ одной надеждѣ на слѣпое счастье“.

„Въ данное время теократія не отличалась уже прежней сплоченностью, и многіе изъ сторонниковъ Скуле въ этой средѣ прямо побоялись открыто примкнуть къ нему. Были у него сторонники и среди аристократіи, но времена образованія крупныхъ и сильныхъ политическихъ партій миновали и вообще настолько измѣнились, что Скуле не могъ даже особенно разсчитывать на старую вѣковую вражду между тронделрами (жителями области Троньемъ) и виквэрингами (жителями области Викенъ): прежде вражда эта являлась, „пожалуй, самымъ обильнымъ источникомъ междоусобицъ“, къ данному же времени „источникъ этотъ, повидимому, изсякъ“. „Скуле такимъ образомъ не могъ опереться въ своемъ предпріятіи ни на общественное мнѣніе ни на господствующіе интересы времени, и довольно было одной крупной неудачи, чтобы окончательно сломить его силу...“

„Итакъ, во внѣшней обрисовкѣ Гокона и Скуле существуетъ полное согласіе между историкомъ и драматургомъ. Въ смыслѣ же внутренней, психологической — Ибсенъ придалъ двумъ политическимъ противникамъ значительно бо́льшую глубину и значеніе, нежели какія можно признать за ними, опираясь на историческія данныя.

„Гоконъ, по всему видно, отнюдь не былъ геніальной личностью; Ибсенъ же, въ силу индивидуальныхъ художественныхъ мотивовъ, изображаетъ его именно таковымъ, приписывая ему „великую королевскую мысль“.

„Во всѣхъ предыдущихъ произведеніяхъ, за исключеніемъ „Ивановой ночи“, „Пира на Сольгаугѣ“ и „Олафа Лиліенкранса“, играло видную роль *призваніе* героя. Призваніе Катилины было въ томъ, чтобы спасти Римъ, призваніе фру Ингеръ изъ Эстрота — спасти Норвегію, Йордисъ („Воители на Гельгеландѣ“) — стать валькиріей, Фалька („Комедія любви“) — стать поэтомъ. Въ то время „призваніе“ было окружено въ глазахъ Ибсена мистически-поэтическимъ ореоломъ, — вотъ почему такой образъ, какъ Гоконъ, съ его непоколебимой вѣрой въ свое право и въ свою силу, долженъ былъ рисоваться Ибсену въ особенномъ поэтическомъ свѣтѣ. По мнѣнію Сарса, историческій Гоконъ какъ душевнымъ величіемъ, такъ и поэтической красотой далеко уступалъ наиболѣе виднымъ своимъ предшественникамъ. Ибсенъ однако другого мнѣнія. Въ соотвѣтствіи поставленной себѣ Гономъ задачи со всѣмъ его положеніемъ Ибсенъ видитъ величіе Гокона: соотвѣтствіе это и есть то мистическое, непостижимое, та великая тайна призванія: оно является резуль

*) „Баглеры“ или „кривожезловые“ (отъ кривого епископскаго жезла), политическіе противники биркебейнеровъ.

татомъ союза съ „могущественными силами свыше“, союза, готовящаго путь избраннику, дающаго послѣднему возможность идти къ цѣли прямо и почти безсознательно, какъ лунатику.

„Этой мистически увѣренной въ себѣ избранной натурѣ противопоставленъ человѣкъ сомнѣнія, рефлекса, который боится вѣрить себѣ, не рѣшается остановиться на чемъ-нибудь одномъ, постоянно имѣетъ въ виду и то и другое, словомъ—„пасынокъ Божій на землѣ“. Ему недостаетъ того руководительства свыше, которое епископъ Николасъ называетъ „ingenium“. Скуле — богато одаренная натура, онъ и благороденъ и великодушенъ, ему недостаетъ лишь одного того, что составляетъ силу и величіе другого, да вдобавокъ онъ еще надѣленъ „даромъ сомнѣнія“. Въ изображеніи Скуле Ибсенъ достигъ наибольшей глубины психологическаго анализа въ соединеніи съ величайшимъ подъемомъ поэтическаго вдохновенія, и образъ этотъ даже въ богатой галлереѣ ибсеновскихъ героевъ является однимъ изъ наиболѣе глубоко прочувствованныхъ и наиболѣе тонко очерченныхъ...“

Въ pendant къ этому отзыву Іегера, одного изъ самыхъ убѣжденныхъ почитателей творческаго генія Ибсена, приведемъ извлеченіе изъ отзыва о драмѣ „Борьба за престолъ“ одного изъ самыхъ ярыхъ литературныхъ противниковъ Ибсена, а именно датскаго пастора Шака.

„Повидимому, всѣ присяжные цѣнители и судьи прекраснаго въ поэзіи вполнѣ согласны между собою относительно того, что „Борьба за престолъ“, какъ драматическое произведеніе, является однимъ изъ самыхъ совершенныхъ твореній Ибсена *) и стоитъ выше, напр., „Бранда“ и „Пера Гюнта“, хотя эти произведенія, безъ сомнѣнія, и пользуются большей извѣстностью среди большой публики. И, мнѣ думается, критики эти правы. Конечно, и въ „Брандѣ“ и въ „Перѣ Гюнтѣ“ встрѣчаются столь же глубокія мысли, какъ въ „Борьбѣ за престолъ“, а отдѣльными красотами эти произведенія не уступаютъ „Борьбѣ за престолъ“ или даже превосходятъ эту драму; но послѣдняя, пожалуй, единственное изъ произведеній Ибсена, гдѣ основная идея вполнѣ выдержана, ясна и прозрачна, и гдѣ самъ авторъ, видимо, зналъ, чего хотѣлъ, и достигъ, чего хотѣлъ.

„Главная суть здѣсь, очевидно, не въ историческомъ элементѣ, а въ психологическомъ или психологическо-этическомъ, другими словами — идея пьесы не столько связана съ внѣшнею борьбой между Скуле и Гоконом, сколько съ внутреннею борьбой, происходящею въ душѣ самого Скуле. Съ тѣмъ, что послѣдній — главное лицо, истинный герой драмы, вѣроятно, всѣ согласны. Если теперь спросить, почему Скуле, который, по всему видно, съ самаго начала является натурой болѣе богатой и глубокой, нежели его противникъ, тѣмъ не менѣе оказывается побѣжденнымъ въ борьбѣ, — то, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, стоитъ припомнить разницу между *стремленіемъ самому стать великимъ* и *стремленіемъ совершить великое*. Гоконъ не только стремится къ личному возвеличенію, къ королевскому трону, но стремится также создать нѣчто великое, а именно пересоздать королевство, пересоздать Норвегію, которая до тѣхъ поръ была лишь „государствомъ“, а теперь должна стать „народомъ“. Онъ хочетъ объединить населяющіе ее роды и племена такъ, чтобы они впредь сознавали свое единство, понимали, что составляютъ одно цѣлое, — въ этомъ и заключается его „великая королевская мысль“. Не будь у него этой мысли, этой задачи, онъ сбросилъ бы съ себя королевское величіе, швырнулъ бы свою королевскую власть

*) См. „Aestetiske Studier“ Георга Брандеса, „Ad ogne veje“ Рудольфа Шмита, „Henrik Ibsen“ Генрика Іегера и „Nordiske Digtere“ П. Гансена.

противнику, „какъ милостыню нищему“. Скуле же попросту хочется изображать собою великаго человѣка; создать что-нибудь великое—ему и въ голову не приходитъ. Для этого нужно имѣть вѣру, вѣру въ это великое дѣло и въ возможность его осуществленія, и кромѣ того вѣру въ себя и въ свое призваніе осуществить это великое дѣло. У Скуле нѣтъ такой вѣры: его душу точитъ червякъ — сомнѣніе: вотъ почему, когда Гоконъ впервые сообщаетъ ему свою королевскую мысль, она поражаетъ и захватываетъ Скуле, но онъ не въ состояніи усвоить себѣ ее: онъ ея не понимаетъ, и она лишь укрѣпляетъ глубокое сомнѣніе въ его душѣ, а сомнѣніе въ свою очередь порождаетъ въ критическіе моменты ту нерѣшительность, которая парализуетъ энергію Скуле и подготовляетъ его гибель. Это его ложное отношеніе къ идеѣ превосходно изображено въ четвертомъ дѣйствіи, — въ одномъ изъ самыхъ захватывающихъ и глубокихъ по мысли монологовъ, а также въ бесѣдѣ со скальдомъ Ятгейромъ.

„Эта сцена выясняетъ намъ, насколько Скуле въ одно и то же время и любитъ и ненавидитъ королевскую мысль Гокона. Онъ любитъ ее, смутно сознавая, что путь къ владычеству надъ Норвегіей долженъ опираться на нее; но, съ другой стороны, онъ ненавидитъ ее и готовъ убить, „задушить“ ее за то, что она — мысль Гокона, а не его, и за то, что она даетъ Гокону силу, дѣлающую его непобѣдимымъ. И Скуле видитъ для себя лишь два выхода: или побороть, уничтожить эту мысль (убить чужое дитя, потому что самъ бездѣтенъ), или воспринять ее, воспользоваться ею, какъ ступенькой, ведущей къ королевскому трону. Слова скальда о „дарѣ скорби“ заставляютъ Скуле отказаться отъ перваго выхода, и онъ избираетъ второй, который, конечно, больше соотвѣтствуетъ его внутреннему душевному разладу и раздвоенности. Очевидно однако, что существуетъ еще третій выходъ, самый вѣрный, который не приходитъ Скуле на умъ, а именно — посвятить себя служенію этой мысли, служа Гокону, какъ ея носителю и орудію осуществленія ея на землѣ *). Отношенія между двумя противниками слѣдовательно рисуются въ такомъ видѣ: Гоконъ добивается власти надъ Норвегіей во имя служенія идеѣ, правдѣ, а Скуле добивается воспользоваться идеей, воспользоваться правдой для достиженія власти. Для Гокона съ самаго начала правда служитъ *цѣлью*: для Скуле же правда съ той минуты, какъ онъ открылъ ее, лишь *средство*. И въ силу этого онъ обреченъ на гибель, этимъ самымъ онъ подписалъ самому себѣ приговоръ...“

Нѣмецкому критику Лотару открываются при разборѣ драмы еще болѣе широкіе горизонты.

„Ибсена долгіе годы занимало такъ-называемое великое скандинавское движеніе — стремленіе къ духовному объединенію трехъ скандинавскихъ народовъ. Мысль, что главная сила—въ народѣ, въ его объединеніи, а не въ политическомъ строеніи государствъ, является преобладающею въ политикѣ истекшаго XIX столѣтія. Италія и Германія уже осуществили „королевскую мысль“ Гокона; жива эта мысль и въ панславистскомъ движеніи и во всѣхъ прочихъ характерныхъ для современной политики народныхъ движеніяхъ.

„Когда Скуле начинаетъ отчаиваться въ своей побѣдѣ, онъ рѣшается похитить королевскую мысль Гокона. Онъ выдаетъ ее за свою собственную, но эта ложь и губитъ его. Скуле присвоилъ себѣ мысль Гокона,

*) Это замѣчаніе Шака не совсѣмъ вѣрно. Въ концѣ второго дѣйствія на вопросъ Николаса, какъ Скуле поступилъ бы въ томъ случаѣ, если бы обнаружилось, что Гоконъ законный наслѣдникъ престола, Скуле отвѣчаетъ: „Смирюсь и буду служить ему“.

какъ Гуннаръ („Воители на Гельгеландѣ") выдалъ подвигъ Сигурда за свой: оба строятъ свое зданіе на лжи и оба погибаютъ подъ его развалинами. Въ то время, какъ Гоконъ глубоко и горячо чувствуетъ свое призваніе и свой долгъ, Скуле все колеблется, сомнѣвается. И онъ, какъ фру Ингеръ, — духовный потомокъ Гамлета; и онъ не стоитъ на высотѣ задачи, которую взялъ на себя. Ему недостаетъ мужества во время разрушить за собой всѣ мосты, исключая одного. Неустанно стараясь выяснить себѣ собственное положеніе и путь, по которому ему слѣдуетъ идти, онъ все никакъ не можетъ выбраться изъ окутывающаго его тумана сомнѣній. Подобно тому, какъ осью всей драмы въ цѣломъ служитъ сцена смерти епископа Николаса, такъ осью трагедіи честолюбія, героемъ которой является Скуле, служитъ сцена между Скуле и скальдомъ. Въ драмѣ „Борьба за престолъ" съ изумительнымъ мастерствомъ и силой творческаго генія соединены собственно три драмы: трагедія зависти (Николасъ), трагедія честолюбія (Скуле) и мистерія призванія (Гоконъ).

„Епископъ Николасъ, пожалуй, одинъ изъ самыхъ крупныхъ злодѣевъ, когда-либо изображенныхъ въ поэзіи. Всѣ его рѣшенія и поступки продиктованы трусостью, завистью и вѣроломствомъ: самъ онъ — отъ природы духовный и физическій калѣка — не можетъ стать великимъ человѣкомъ, — такъ пусть же и никто не будетъ великъ, не только рядомъ съ нимъ и при немъ, но и вообще, во всемъ государствѣ, во всѣ времена! Онъ ненавидитъ потому, что не въ состояніи любить. Онъ дѣлаетъ зло ради зла, изъ удовольствія, которое доставляетъ ему злое сознаніе, что онъ наводняетъ страну бѣдами и зломъ. Но эта безумная демоническая душа обладаетъ огромной силой. И если вообще Ибсенъ въ драмѣ „Борьба за престолъ" — которую вполнѣ правильно называютъ одной изъ наиболѣе выдающихся драмъ всемірной литературы — достигаетъ высоты Шекспира, то образъ Николаса по величію замысла и тонкости психологическаго развитія даже превосходитъ созданный Шекспиромъ образъ Ричарда III *).

„Сцена смерти Николаса представляется мнѣ и, вѣроятно, каждому, кто видѣлъ драму на сценѣ, однимъ изъ самыхъ мощныхъ сценическихъ проявленій драматическаго творчества вообще. Въ этой сценѣ въ сущности и ставится проблема, завязывается главный узелъ драмы: душою Скуле овладѣваетъ сомнѣніе какъ въ правѣ Гокона, такъ и въ собственномъ призваніи. Тутъ съ особой силой сказывается свойственная Ибсену техника драматурга. Психологія дѣйствующихъ лицъ — Скуле, Гокона, демоническій ingeniu Николаса выясняются здѣсь до полной очевидности, но внѣшняя проблема драмы — дѣйствительно ли Гоконъ законный наслѣдникъ — остается неразрѣшенной. Почему же авторъ не даетъ разрѣшенія ея? На это у него двѣ причины. Во-первыхъ, Ибсенъ всегда и всюду ставитъ внутреннюю душевную драму выше всякихъ внѣшнихъ событій, а во-вторыхъ, ему присуща эта мистическая манера: онъ любитъ тайну ради тайны и, ставя въ своихъ пьесахъ загадочные вопросы, не приподымаетъ завѣсы, скрывающей разрѣшенія ихъ — можетъ-быть, потому, что и самъ не знаетъ, что за нею скрывается. Законный ли наслѣдникъ Гоконъ, сойдутся ли снова Нора и Гельмеръ („Кукольный домъ"), дастъ ли фру Альвингъ („Привидѣнія") своему сыну ядъ, чья дочь Гедвигъ — Экдаля или Верле („Дикая утка")? Многое говоритъ *за* и многое *противъ* утвердительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, — „свидѣ-

*) Покойный А. П. Ленскій и далъ на сценѣ московскаго Малаго театра въ роли Николаса одно изъ геніальнѣйшихъ своихъ сценическихъ воплощеній.

тельство противъ свидѣтельства", какъ говорится устами дѣйствующихъ лицъ въ „Кесарѣ и Галилеянинѣ" и въ „Дочери моря". И ломать себѣ голову надъ этими загадками безполезно. Всякій разъ, какъ я встрѣчаюсь съ ними въ произведеніяхъ Ибсена, мнѣ чудится, что въ самомъ Ибсенѣ, этомъ „Мефистофелѣ въ монашескомъ одѣяніи" — такъ назвалъ его Фрицъ Маутнеръ — таится что-то сродни епископу Николасу. Епископъ и самъ не читалъ письма, заключавшаго разгадку. Содержаніе письма должно навсегда оставаться тайной, и всѣ pro и contra и создаютъ „perpetuum mobile". Подобныя загадки бросаютъ тѣни, вводятъ въ вообще ясное творчество Ибсена, въ произведеніяхъ котораго всѣ малѣйшія душевныя движенія, всѣ скрытые уголки души человѣческой освѣщены яркимъ свѣтомъ психологическаго анализа, — таинственный, сумеречный элементъ, наводящій жуткое чувство *).

„Гокону ничего неизвѣстно о письмѣ и связанной съ нимъ тайнѣ. Онъ является для Ибсена типомъ счастливой, сильной, уравновѣшенной натуры, человѣкомъ въ родѣ Сигурда („Воители на Гельгеландѣ"), который не ошибется въ выборѣ пути, знаетъ — въ чемъ его призваніе, и выполнитъ его. „Счастливѣйшій — вотъ величайшій", — говоритъ Николасъ **). „Величайшія дѣла совершаетъ счастливѣйшій, тотъ, на кого требованія времени нисходятъ сами собой, словно въ порывѣ похоти, родятъ въ немъ мысли, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, но которыя указываютъ ему пути: куда они ведутъ, онъ самъ не знаетъ и все-таки идетъ, долженъ идти, и идетъ, пока не услышитъ радостныхъ кликовъ народа: остановится, оглядится съ изумленіемъ и пойметъ, что совершилъ великое дѣло". Иными словами: счастье — въ геніальности или непосредственности: избранникъ, истинный геній найдетъ свой путь и выполнитъ свою миссію безъ всякихъ блужданій и борьбы. Гоконъ—такое истинное дитя Божіе. Онъ ни минуты не колеблется, не медлитъ. Онъ заранѣе знаетъ, чего захочетъ, и знаетъ также, что сумѣетъ сдѣлать то, что захочетъ. Это знаніе, эта вѣра въ себя — талисманъ силы, суть счастья. Для того же, чтобы быть сильнымъ, надо быть свободнымъ, а для того, чтобы быть свободнымъ, надо стоять одиноко. И вотъ Гоконъ удаляетъ отъ себя всѣхъ тѣхъ, кто ему слишкомъ дорогъ, и твердо идетъ одинъ по пути власти и выполненія своихъ задачъ. Чѣмъ ожесточеннѣе бьется противъ него Скуле, тѣмъ Гоконъ становится сильнѣе, властнѣе. Какъ самъ Ибсенъ и всѣ его любимые герои, Гоконъ — соколъ, прорѣзывающій облака и несущійся грудью противъ вѣтра. Противодѣйствіе — пробуждаетъ и изощряетъ его способности. Величайшій человѣкъ своего вѣка, — учитъ Ибсенъ, — человѣкъ, который осуществляетъ потребности вѣка, который выноситъ на своихъ плечахъ миссію вѣка. Величіе Гокона въ его королевской мысли. Онъ хочетъ создать изъ страны народъ, хочетъ, чтобы всѣ его подданные почувствовали, сознали себя единымъ цѣлымъ.

„Въ бесѣдѣ Скуле и скальда, котораго привлекла ко двору Скуле первая побѣда послѣдняго надъ Гокономъ, находимъ глубокое обсужденіе призваній короля и поэта. Здѣсь вновь проводится мысль, что даръ

*) Этотъ почти упрекъ Ибсену за „таинственный элементъ" нѣсколько поражаетъ въ устахъ такого вообще чуткаго истолкователя Ибсена, какъ Лотаръ. По нашему мнѣнію, наличность этого элемента является какъ разъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ жизненности или близости къ жизни драматическаго творчества великаго норвежскаго писателя: вѣдь и въ самой жизни — развѣ мало таинственнаго, такого, о чемъ „не снилось нашимъ мудрецамъ"?

**) См. стр. 31.

скорби является для поэта благословеніемъ свыше. „Я воспринялъ даръ скорби и вотъ сталъ скальдомъ“, — говоритъ Ятгейръ. Но и сомнѣніе, если оно сильно и здорово, можетъ сослужить службу поэту. „Мое дѣло—ставить вопросы“,—высказалъ Ибсенъ однажды. И его вопросы будятъ сомнѣнія. Но при всемъ своемъ сомнѣніи онъ чувствуетъ себя сильнымъ и здоровымъ. Нездоровый скептикъ — тотъ, „кто сомнѣвается въ собственномъ сомнѣніи“, т.-е. кто не знаетъ, въ правѣ ли онъ спрашивать, не знаетъ, въ правѣ ли онъ сомнѣваться: такой скептикъ обреченъ гибели, какъ и Скуле. Дальше скальдъ поучаетъ человѣка, сидящаго передъ нимъ на захваченномъ неправдою тронѣ, что вся суть — въ вѣрѣ. Должно вѣрить въ свое королевское призваніе, вѣрить въ свое поэтическое призваніе, иначе не бывать человѣку ни королемъ ни поэтомъ. А затѣмъ уже повѣрять въ него и другіе. Любовь, которую Ибсенъ всегда прославлялъ, тоже въ сущности не что иное, какъ сильная вѣра. И всякое сомнѣніе служитъ лишь къ тому, чтобы еще болѣе укрѣпить вѣру: вѣра тоже — соколъ, несущійся противъ вѣтра. Съ другой стороны, величайшій грѣхъ совершаетъ тотъ, кто убиваетъ вѣру (т.-е. любовь) въ себѣ или въ комъ другомъ. Для этого грѣха нѣтъ отпущенія *). Скуле предлагаетъ скальду сдѣлать его наслѣдникомъ короны Норвегіи, если онъ отречется отъ своего поэтическаго призванія и будетъ жить для дѣла, для идеи Скуле. „Нѣтъ, государь,—отвѣчаетъ на это скальдъ:— слишкомъ дорого обошлась бы мнѣ тогда корона“. — „Поразмысли хорошенько, — взываетъ къ нему Скуле: — король выше скальда!“ — „Не всегда“, — возражаетъ скальдъ... Шиллеръ изобразилъ короля, идущаго рядомъ съ поэтомъ, Ибсенъ же ставитъ поэта одиноко, на вершинахъ человѣчества.

„Женщины, изображенныя въ „Борьбѣ за престолъ“, всѣ прямыя духовныя наслѣдницы Авреліи („Катилина“). Ингебьоргъ, которая годы ждетъ покинувшаго ее Скуле, какъ Сольвейгъ ждетъ Пера Гюнта, такъ опредѣляетъ долю женщины этого типа: полное самоотреченіе и смиренная покорность. Но эту жизнь скрашиваетъ любовь, т.-е. вѣра. Самымъ же совершеннымъ и трогательнымъ воплощеніемъ такого идеальнаго типа женщины является Агнесъ въ „Брандѣ“.

„Въ структурѣ драмы замѣтно вліяніе Шекспира. Мѣсто дѣйствія часто мѣняется, а объ единствѣ времени нѣтъ и рѣчи. Свойственные Ибсену эффекты — перерывы объясненій или разсказа — проведены здѣсь съ большимъ мастерствомъ. Читатель или зритель все время находится подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ. Интересъ его достигаетъ высшаго напряженія, и вниманіе не ослабѣваетъ, не утомляется, несмотря на крупные размѣры самаго произведенія.

„Вмѣстѣ съ этимъ „Борьба за престолъ“ является своего рода авторской исповѣдью. Ибсенъ самъ былъ борцомъ за престолъ, за престолъ поэзіи: онъ ощущалъ въ себѣ призваніе стать величайшимъ поэтомъ страны. И въ этой драмѣ онъ снова олицетворилъ двѣ стороны своей души, противопоставивъ увѣренности въ цѣли сомнѣніе. Но Гоконъ, этотъ Фалькъ („Комедія любви“) героическихъ временъ, побѣдилъ: и здоровая натура Ибсена восторжествовала надъ его скептицизмомъ. Намъ въ этой драмѣ и выясняются какъ самыя завѣтныя его чувства, его душевная борьба, такъ и его неутомимое стремленіе служить своей странѣ, являясь въ ней и грознымъ проповѣдникомъ и судьей ея. Скуле, незадолго до его смерти, является привидѣніе умершаго епископа Николаса и произноситъ внушенныя поэту гнѣвомъ слова:

---

*) См. „Джонъ-Габріель Боркманъ“.

Будутъ норвежцы брести еле-еле
По полю жизни безъ воли, безъ цѣли;
Будутъ ихъ души узки, а сердца
Злобой другъ къ другу пылать безъ конца;
Будутъ въ одномъ межъ собою согласны:
Все, что велико, и все, что прекрасно,
Камнями, грязью должно забросать!
Будутъ позоръ свой за честь почитать,
Будутъ звать тряпки ничтожныя стягомъ.
Знайте тогда — по норвежской землѣ
Путь свой побѣдымъ, торжественнымъ шагомъ
Старый епископъ свершаетъ во мглѣ!

„Ибсенъ всю свою жизнь не уставалъ вести борьбу со старымъ епископомъ, вождемъ баглеровъ".

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гоконъ Гоконсенъ, избранный въ короли Норвегіи партіей биркебейнеровъ.
Инга изъ Вартейга, его мать.
Скуле, ярлъ (графъ).
Рагнгильдъ, жена ярла.
Сигридъ, его сестра.
Маргарита, его дочь.
Гуттормъ Ингессенъ, Сигурдъ Риббунгъ } соискатели престола.
Николасъ Арнессенъ, епископъ Ослоскій.
Дагфинъ Бондъ, сталларъ (начальникъ королевскаго двора) Гокона.
Иваръ Бодде, придворный священникъ Гокона.
Вегардъ Вэрадаль, одинъ изъ приближенныхъ Гокона.
Грегоріусъ Іонссенъ, Поль Флида, лендерманъ (вассалъ) } сторонники ярла.
Ингебьоргъ, жена Андреса Скьяльдарбанта.
Петеръ, ея сынъ, молодой священникъ.
Сира Вильямъ, домашній капелланъ еп. Николаса.
Мейстеръ Сигардъ изъ Брабанта, врачъ.
Скальдъ Ятгейръ, исландецъ.
Бордъ Братте, вождь тронделовъ.

Лендермэны и вожди. Воины. Крестьяне и горожане бергенскіе, ослоскіе и нидароссіе. Крестовая братія, духовенство, монахи и монахини. Гости, придворные, женщины и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ Норвегіи въ первой половинѣ XIII столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кладбище при церкви Христа Спасителя въ Бергенѣ. Въ глубинѣ церковь, обращенная главнымъ порталомъ къ зрителямъ. Налѣво, на переднемъ планѣ, Гоконъ Гоконссёнъ, Дагфинъ Бондъ, Вегардъ Вэрадаль. Иваръ Бодде съ лендермэнами и вождями. Направо, какъ разъ напротивъ, ярлъ Скуле, Грегоріусъ Йонссёнъ, Поль Флида и люди ярла. Подальше на той же сторонѣ виденъ Сигурдъ Риббунгъ со своей свитой, а за нимъ Гуттормъ Ингессёнъ съ нѣсколькими вождями. Всѣ входы въ церковь охраняются стражей. Народъ наполняетъ все кладбище. Многіе сидятъ на деревьяхъ и на кладбищенской оградѣ. Всѣ, видимо, находятся въ напряженномъ ожиданіи. Съ городскихъ колоколенъ, и ближнихъ и дальнихъ, несется звонъ.

Ярлъ Скуле (понизивъ голосъ, съ нетерпѣніемъ Грегоріусу Йонссёну). Что они такъ медлятъ тамъ?

Грегоріусъ Йонссенъ. Тише; псаломъ начинаютъ.

(Изъ церкви сквозь запертыя двери доносится пѣніе хора монаховъ и монахинь: „Domine coeli“ и т. д., подъ аккомпанементъ трубъ. Затѣмъ при пѣніи хора церковныя двери растворяются, и въ притворѣ показывается епископъ Николасъ, окруженный священниками и монахами).

Епископъ Николасъ (въ церковныхъ дверяхъ, подавая знакъ жезломъ). Сейчасъ Инга изъ Вартейга понесетъ каленое желѣзо за Гокона!

(Церковныя двери снова закрываются: пѣніе въ церкви продолжается).

Грегоріусъ (понизивъ голосъ, ярлу). Призови святого короля Олафа на защиту праваго дѣла!

Ярлъ Скуле (быстро, дѣлая отстраняющій жестъ). Не сейчасъ. Самое лучшее не напоминать ему обо мнѣ.

Иваръ Бодде (схвативъ за руку Гокона). Моли Господа Бога своего, Гоконъ Гоконссёнъ!

Гоконъ. Нѣтъ нужды. Онъ меня и такъ не оставитъ.

(Пѣніе въ церкви раздается громче. Всѣ обнажаютъ головы. Многіе становятся на колѣни и молятся).

Грегоріусъ (ярлу). Вотъ великій часъ для тебя и для многихъ!

Ярлъ Скуле (съ напряженнымъ вниманіемъ глядя на церковь). Великій часъ для Норвегіи!

Поль Флида (близъ ярла). Теперь она взяла въ руки желѣзо.

Дагфинъ Бондъ (около Гокона). Теперь они спускаются съ амвона.

Иваръ Бодде. Христосъ спаси твои нѣжныя руки, Инга, мать короля!

Гоконъ. За эту минуту ей будетъ наградой вся моя жизнь!

Ярлъ Скуле (напряженно прислушивавшійся, съ внезапнымъ порывомъ). Вскрикнула? Выронила желѣзо?

Поль Флида (направляясь къ церкви). Не знаю, что̀ тамъ такое.

Грегоріусъ. Женщины навзрыдъ плачутъ въ притворѣ.

Хоръ въ церкви (ликующе). Gloria in excelsis deo!

(Двери церковныя распахиваются, выходитъ Инга въ сопровожденіи монахинь, священниковъ и монаховъ).

Инга (на паперти). Судъ Божій свершился! Взгляните на эти руки; въ нихъ я несла каленое желѣзо!

Голоса изъ толпы. Бѣлы и нѣжны попрежнему!

Другіе голоса. Еще красивѣе!

Весь народъ. Онъ воистину сынъ Гокона Сверрессёна!

Гоконъ (обнимая мать). Спасибо, спасибо тебѣ, свыше благословенная!

Епископъ Николасъ (мимоходомъ ярлу). Неразумно было требовать испытанія желѣзомъ.

Ярлъ Скуле. Нѣтъ, владыка епископъ, надлежало намъ услышать гласъ Божій въ этомъ дѣлѣ.

Гоконъ (глубоко взволнованный, держа Ингу за руку). Итакъ, свершилось то, противъ чего вопіяла вся моя душа, отъ чего надрывалось мое сердце...

Дагфинъ Бондъ (обращаясь къ народу). Ну, глядите на эту женщину и пораскиньте умомъ всѣ, сколько васъ тутъ есть,— кто сомнѣвался въ ея словахъ, пока не понадобилось кому-то вызвать сомнѣніе?

Поль Флида. Сомнѣніе шепталось во всѣхъ углахъ — съ той самой минуты, какъ Гокона ребенкомъ принесли ко двору короля Инге.

Грегоріусъ. А въ послѣднюю зиму оно уже вопіяло громко, раздаваясь по всей странѣ — съ сѣвера на югъ; каждый подтвердитъ это, я полагаю.

Гоконъ. Я самъ лучше всѣхъ могу подтвердить это. Потому-то я и внялъ совѣтамъ преданныхъ друзей и смирился такъ, какъ не смирялся съ давнихъ временъ ни одинъ избранный король. Испытаніе желѣзомъ засвидѣтельствовало мое рожденіе и мои права на страну и королевство, — я сынъ и наслѣдникъ Гокона Сверрессёна. Не хочу допытываться, кто растилъ и холилъ сомнѣніе, пока оно не стало столь громогласнымъ, какъ говорятъ родичи ярла. Но знаю, что мнѣ горько пришлось отъ него. Я былъ избранъ въ короли съ дѣтства, но мало оказывали мнѣ королевскихъ почестей, — даже тамъ, гдѣ я бы скорѣе всего могъ ожидать ихъ. Вспомнить хоть послѣднее Вербное воскресенье въ Нидаросѣ, когда я шелъ къ алтарю и архіепископъ отвернулся, будто не видалъ меня, чтобы только не отдать мнѣ поклона, какой по-

добаетъ королю. Впрочемъ, все подобное я еще перенесъ бы спокойно, но въ странѣ готова была вспыхнуть открытая война, и ее-то я долженъ былъ предотвратить.

Дагфинъ Бондъ. Хорошо, когда короли внимаютъ мудрымъ совѣтамъ; но если бы послушались въ этомъ дѣлѣ моего совѣта, то не каленымъ желѣзомъ, а холодной сталью разсудился бы со своими недругами Гоконъ Гоконссёнъ.

Гоконъ. Умѣй владѣть собой, Дагфинъ, — вотъ что подобаетъ помнить человѣку, которому предстоитъ править государствомъ.

Ярлъ Скуле (съ улыбкой). Легко обзывать недругомъ короля каждаго, кто несогласенъ съ королевской волей. Я же думаю, что злѣйшій врагъ короля тотъ, кто отсовѣтовалъ ему доказать свое право на званіе короля.

Гоконъ. Кто знаетъ. Если бы дѣло касалось лишь моего права, то, можетъ статься, я и не купилъ бы его такой дорогой цѣной; но мы должны смотрѣть выше. Тутъ дѣло въ призваніи и долгѣ. Я глубоко и горячо чувствую это и не постыжусь сказать: я одинъ могу нынѣ вести страну впередъ, къ лучшему будущему. Королевское происхожденіе порождаетъ королевскій долгъ...

Ярлъ Скуле. Многіе здѣсь похваляются тѣмъ же.

Сигурдъ Риббунгъ. Я, и съ такимъ же полнымъ правомъ. Моимъ дѣдомъ былъ король Магнусъ Эрлингссёнъ...

Гоконъ. Да, если отецъ твой, Эрлингъ Стейнвэгъ былъ сыномъ короля Магнуса. Но большинство отрицаетъ это, и до сихъ поръ не было еще испытанія желѣзомъ.

Сигурдъ Риббунгъ. Риббунги признали меня королемъ, признали по доброй волѣ, а Дагфинъ Бондъ и другіе биркебейнеры угрозами добились твоего избранія!

Гоконъ. Да, вы такъ хозяйничали въ Норвегіи, что потомку Сверре пришлось пролагать себѣ путь угрозами.

Гуттормъ Ингессенъ. Я такой же потомокъ Сверре, какъ и ты...

Дагфинъ Бондъ. Но не по прямой линіи отъ отца къ сыну.

Епископъ Николасъ. Черезъ женское колѣно. Гуттормъ.

Гуттормъ Ингессенъ. Знаю все-таки, что Инге Бордссёнъ, отецъ мой, былъ законно принятъ королемъ Норвегіи.

Гоконъ. Никто не вѣдалъ, что живъ внукъ Сверре. Съ той же поры, какъ это стало извѣстно всѣмъ, онъ правилъ страной только какъ мой опекунъ.

Ярлъ Скуле. Этого нельзя сказать по всей правдѣ. Инге всю жизнь правилъ, какъ настоящій король, со всей законной властью, безъ ограниченій. Но того, что права Гуттормa не

велики, оспаривать не стану, — онъ вѣдь незаконный сынъ. Я же законный братъ короля Инге, и законъ за меня, когда я требую и добиваюсь права полнаго наслѣдованія ему.

Дагфинъ Бондъ. Э, государь ярлъ, вы и такъ унаслѣдовали все сполна, не только родовое имущество своего отца, но и все добро, что оставилъ по себѣ Гоконъ Сверрессёнъ.

Епископъ Николасъ. Не все, добрый мой Дагфинъ. Почитай истину. Король Гоконъ сохранилъ королевскую пряжку и золотой обручъ, что носитъ на рукѣ.

Гоконъ. Пусть такъ: съ Божьей помощью я еще верну себѣ свое добро! А теперь, мужи совѣта и закона, слуги церкви, вожди и люди короля, пора созвать государственное собраніе, какъ было рѣшено. До сего дня руки у меня были связаны, и, я думаю, ни одинъ человѣкъ не осудитъ меня за то, что я жажду развязать ихъ.

Ярлъ Скуле. Не вы одни, Гоконъ Гокониссёнъ.

Гоконъ (насторожась). Что вы хотите сказать, государь ярлъ?

Ярлъ Скуле. Хочу сказать, что всѣ мы, предъявившіе свои права на королевство, жаждемъ того же. У всѣхъ у насъ руки были одинаково крѣпко связаны; ни одинъ не зналъ, какъ велики его права.

Епископъ Николасъ. И дѣла церкви были такъ же шатки, какъ дѣла страны; но теперь да рѣшитъ дѣло законъ святого короля Олафа!

Дагфинъ Бондъ (вполголоса). Новыя увертки!

(Люди Гокона тѣснѣе окружаютъ его).

Гоконъ (пересиливая себя и дѣлая шага два къ ярлу). Хочу думать, что не такъ понялъ ваши слова. Испытаніе желѣзомъ подтвердило мои наслѣдственныя права на королевство, и я не вижу иной цѣли государственнаго собранія, кромѣ узаконенія моего избранія, которое уже совершилось на тингѣ въ Эре шесть лѣтъ тому назадъ.

Голоса людей ярла и Сигурда. Нѣтъ, нѣтъ! Мы несогласны!

Ярлъ Скуле. Не то мы полагали, когда порѣшили быть здѣсь государственному собранію. Испытаніе желѣзомъ еще не утвердило за вами королевства, а лишь подтвердило ваше право занять мѣсто на ряду съ нами, остальными соискателями престола, и защищать тѣ права, какія вы мните за собой...

Гоконъ (пересиливая себя). Итакъ, попросту выходитъ, что я шесть лѣтъ незаконно носилъ имя короля, а вы, государь ярлъ, шесть лѣтъ незаконно правили страной отъ моего имени.

Ярлъ Скуле. Отнюдь нѣтъ. Кому-нибудь да надо было именоваться королемъ по смерти моего брата. Биркебейнеры, а больше всѣхъ Дагфинъ Бондъ, усердно защищали ваше дѣло и добились вашего избранія прежде, чѣмъ мы, остальные, успѣли выступить съ нашими притязаніями.

Епископъ Николасъ (Гокону). Ярлъ полагаетъ, что то избраніе дало вамъ лишь право пользованія королевскимъ саномъ, а не право собственности.

Ярлъ Скулѳ. Вы присваиваете себѣ всѣ права. Но и Сигурдъ Риббунгъ, и Гуттормъ Ингессёнъ, и я — считаемъ себя такими же близкими наслѣдниками какъ вы: такъ пусть же теперь разсудитъ насъ законъ и возвѣститъ, кому владѣть наслѣдствомъ — нерушимо, на всѣ времена.

Епископъ Николасъ. Поистинѣ говоря, сужденіе ярла основательно.

Ярлъ Скуле. Не разъ въ эти годы заговаривали и объ испытаніи желѣзомъ и о государственномъ собраніи, но всегда что-нибудь да становилось поперекъ. Да и вы, государь Гоконъ, разъ вы считали свои права нерушимыми со дня перваго вашего избранія, зачѣмъ же вы дали свое согласіе на испытаніе желѣзомъ?

Дагфинъ Бондъ (гнѣвно). Беритесь за мечъ, люди короля, и пусть мечъ разсудитъ!

Многіе изъ придворныхъ. Беритесь за мечъ противъ недруговъ королевскихъ!

Ярлъ Скуле (кричитъ своимъ). Никого не убивать! Не ранить! Только защищаться!

Гоконъ (удерживая своихъ). Мечи въ ножны, всѣ! Мечи въ ножны, говорю я! (Спокойно) Вы только вредите мнѣ своей горячностью.

Ярлъ Скуле. Такъ готовы возстать другъ на друга люди по всей странѣ. Вы теперь увидѣли это, Гоконъ Гоконссёнъ. И теперь, я полагаю, вамъ виднѣе стало, на что слѣдуетъ вамъ рѣшиться, коль скоро вамъ дороги миръ страны и жизнь людей.

Гоконъ (послѣ короткаго раздумья). Да, вижу. (Беретъ Ингу за руку и обращается къ одному изъ своихъ людей) Торкелль, ты былъ вѣрнымъ домочадцемъ отца моего, возьми эту женщину въ свой домъ и будь добръ къ ней, — она была дорога Гокону Сверрессёну... Да благословитъ тебя Богъ, мать моя, — мнѣ надо идти на собраніе. (Инга, пожавъ ему руку, уходитъ съ Торкеллемъ. Гоконъ, помолчавъ, выступаетъ впередъ и твердо, отчетливо произноситъ) Пусть же разсудитъ насъ законъ, одинъ законъ! Биркебейнеры! Васъ, бывшихъ на тингѣ въ Эре и при-

нявшихъ меня королемъ, я освобождаю отъ вашей присяги мнѣ. Дагфинъ. ты болѣе не сталларъ мой. Не надо мнѣ ни сталлара, ни двора, ни дружины, ни воиновъ; я человѣкъ неимущій; все мое наслѣдство — пряжка и этотъ золотой обручъ; мнѣ не изъ чего награждать за службу столькихъ добрыхъ людей. Итакъ, вы, остальные соискатели королевской власти, теперь мы равны. Я не хочу имѣть передъ вами никакихъ преимуществъ, кромѣ того права, что̀ даровано мнѣ свыше; его я не могу и не хочу дѣлить ни съ кѣмъ... Пусть трубы созовутъ государственное собраніе, и пусть насъ теперь разсудитъ Богъ и законъ святого короля Олафа! (Уходитъ со своими людьми налѣво: вдали слышны звуки роговъ и трубъ).

Грегоріусъ (ярлу въ то время, какъ толпа расходится). Пока шло испытаніе желѣзомъ, ты, казалось мнѣ, трепеталъ, а теперь ты такой радостный и увѣренный.

Ярлъ Скуле (радостно, оживленно). Ты замѣтилъ — у него были глаза Сверре, когда онъ говорилъ? Выборъ будетъ хорошъ, кого ни выберутъ королемъ — его или меня.

Грегоріусъ (съ тревогой). Не уступай, вспомни о тѣхъ, кто падетъ вмѣстѣ съ тобой.

Ярлъ Скуле. Теперь я стою на почвѣ права; и не спрячусь отъ лика Святого. (Уходитъ налѣво со своей свитой).

Епископъ Николасъ (догоняя Дагфина Бонда). Все идетъ на ладъ, мой добрый Дагфинъ, все идетъ на ладъ; но, когда изберутъ короля, держите ярла подальше отъ него, подальше!

(Всѣ уходятъ налѣво за церковь).

Покой во дворцѣ королевскомъ. Налѣво, на переднемъ планѣ, низенькое окно: направо входная дверь; въ глубинѣ дверь побольше, ведущая въ королевскую палату. У окна стоитъ столъ; по стѣнамъ скамьи и стулья. Рагнгильдъ и Маргарита входятъ изъ маленькой двери. За ними Сйгридъ.

Рагнгильдъ. Сюда!

Маргарита. Да, тутъ лучше; темнѣе.

Рагнгильдъ (подходя къ окну). И отсюда виденъ валъ, гдѣ соберется тингъ.

Маргарита (осторожно выглядывая). Да, вонъ они всѣ собрались за церковью. (Отворачивается со слезами). Сейчасъ тамъ совершится то, что̀ повлечетъ за собой столько послѣдствій.

Рагнгильдъ. Кто-то будетъ завтра господиномъ въ этихъ палатахъ!

Маргарита. О, молчи! Никогда не думала я дожить до такого тяжелаго дня.

Рагнгильдъ. Рано или поздно день этотъ долженъ былъ настать. Ему мало править именемъ короля.

Маргарита. Да, долженъ былъ настать. Ему мало именоваться королемъ.

Рагнгильдъ. Ты про кого говоришь?

Маргарита. Про Гокона.

Рагнгильдъ. А я про ярла.

Маргарита. Нѣтъ на свѣтѣ лучшихъ, достойнѣйшихъ людей, чѣмъ они двое.

Рагнгильдъ. Видишь Сигурда Риббунга? Вонъ онъ сидитъ — хмурый, злобный, словно волкъ въ капканѣ.

Маргарита. Да, гляди!.. Скрестилъ руки на рукояткѣ меча и оперся на нихъ подбородкомъ.

Рагнгильдъ. Кусаетъ усъ и усмѣхается...

Маргарита. Какая злобная усмѣшка!

Рагнгильдъ. Онъ знаетъ, что никто не постоитъ за него, оттого и злобствуетъ... Кто этотъ судья, что говоритъ сейчасъ?

Маргарита. Это Гуннаръ Грёнбакъ.

Рагнгильдъ. Онъ за ярла?

Маргарита. Нѣтъ, сдается, за короля...

Рагнгильдъ (смотритъ на нее). За кого — говоришь?

Маргарита. За Гокона Гоконссёна.

Рагнгильдъ (выглядываетъ: послѣ небольшой паузы). А гдѣ сидитъ Гуттормъ Ингессёнъ? Я не вижу его.

Маргарита. Позади своихъ людей, тамъ, внизу... въ широкомъ плащѣ.

Рагнгильдъ. Да, да.

Маргарита. Ему какъ будто совѣстно...

Рагнгильдъ. За мать свою.

Маргарита. Гоконъ не такъ поступалъ.

Рагнгильдъ. Кто это говоритъ сейчасъ?

Маргарита (выглядывая). Тордъ Сколле, членъ высшаго суда въ Ранафюлкѣ.

Рагнгильдъ. Онъ за ярла?

Маргарита. Нѣтъ, за... Гокона.

Рагнгильдъ. А ярлъ сидитъ и слушаетъ невозмутимо.

Маргарита. Гоконъ съ виду спокоенъ... но какая въ немъ сила! (Съ увлеченіемъ) Приди сюда чужой человѣкъ издалека, онъ сразу отличилъ бы этихъ двухъ между тысячами остальныхъ.

Рагнгильдъ. Гляди. Маргарита: Дагфинъ Бондъ придвигаетъ золоченый стулъ Гокону...

Маргарита. Поль Флида ставитъ такой же за ярломъ.

Рагнгильдъ. Люди Гокона хотятъ воспротивиться!

Маргарита. Ярлъ крѣпко схватился за стулъ!..

Рагнгильдъ. Гоконъ гнѣвно говоритъ ему... (Съ крикомъ отшатывается отъ окна). Іисусе Христе! Видѣла ты глаза... и улыбку?.. Нѣтъ, это былъ не ярлъ!

Маргарита (тоже съ ужасомъ отшатываясь). И не Гоконъ! Ни ярлъ ни Гоконъ!

Сигридъ (у окна). Какая низость, какая низость!

Маргарита. Сигридъ!

Рагнгильдъ. Ты здѣсь!

Сигридъ. Какими низкими путями приходится имъ избираться на тронъ!

Маргарита. О, помолись съ нами, чтобы Господь все обратилъ къ лучшему!

Рагнгильдъ (блѣдная, испуганная, обращаясь къ Сигридъ). Ты видѣла его?.. Моего супруга?.. Глаза... улыбка... я бы не узнала его!

Сигридъ. Напомнилъ Сигурда Ряббунга?

Рагнгильдъ (тихо). Да, Сигурда Ряббунга!

Сигридъ. И смѣялся, какъ Сигурдъ?

Рагнгильдъ. Да, да!

Сигридъ. Такъ всѣмъ намъ пора молиться.

Рагнгильдъ (съ силой отчаянія). Они должны избрать королемъ ярла! Онъ погубитъ душу свою, если не станетъ первымъ въ странѣ!

Сигридъ (внушительно). Такъ всѣмъ намъ пора молиться!

Рагнгильдъ. Тсс... Что это? (У окна) Какіе крики! Всѣ встали, всѣ стяги и значки вѣютъ въ воздухѣ.

Сигридъ (хватая ее за руку). Молись, женщина! Молись за своего супруга!

Рагнгильдъ. Святой Олафъ, даруй ему полную власть надъ страной!

Сигридъ (внѣ себя). Никакой! Никакой! Не то онъ не спасется.

Рагнгильдъ. Ему нужна власть! Все доброе въ немъ расцвѣтетъ, если онъ добьется власти... Гляди въ окно, Маргарита! Прислушайся! (Отступая отъ окна) Всѣ руки подняты для присяги!

Маргарита (прислушивается).

Рагнгильдъ. Господь и святой Олафъ! Кому это они присягаютъ?

Сигридъ. Молись!

Маргарита (прислушивается и жестомъ призываетъ остальныхъ къ молчанію).

Рагнгильдъ (немного погодя). Говори же!

(Раздаются звуки трубъ и роговъ).

Рагнгильдъ. Господь и святой Олафъ, въ честь кого это?

(Краткое молчаніе).

Маргарита (поворачиваетъ голову и говоритъ). Они приняли королемъ Гокона Гоконссёна.

(Музыка возвѣщаетъ королевское шествіе, доносясь сначала глухо издали, затѣмъ все приближаясь. Рагнгильдъ съ плачемъ прижимается къ Сигридъ, которая молча уводитъ ее направо. Маргарита не двигается съ мѣста, опираясь о подоконникъ. Отроки королевскіе открываютъ створчатыя двери въ королевскую палату, которая понемногу наполняется участвующими въ шествіи съ тинга).

Гоконъ (оборачиваясь въ дверяхъ къ Ивару Бодде). Принеси мнѣ перо, воскъ и шелковый шнуръ... Пергаментъ у меня здѣсь есть. (Взволнованный, возбужденный подходитъ къ столу и кладетъ на него нѣсколько свертковъ пергамента). Маргарита, теперь я король.

Маргарита. Привѣтъ государю моему и королю!

Гоконъ. Спасибо! (Беретъ ее за руку). Простите; я не подумалъ, что вамъ это должно быть больно.

Маргарита (отнимая руку). Мнѣ не больно; вы поистинѣ рождены королемъ.

Гоконъ (съ оживленіемъ). Да, не всѣ ли должны сказать это, памятуя, какъ чудесно хранилъ меня отъ всякаго зла Господь со Своими святыми? Годовалымъ ребенкомъ перенесли меня биркебейнеры черезъ кручи и скалы въ морозъ и вьюгу, пронесли сквозь толпы враговъ, искавшихъ моей жизни. Въ Нидаросѣ я невредимо ускользнулъ отъ баглеровъ, когда они жгли города, избивали нашихъ, и когда самъ король Инге съ трудомъ спасся отъ нихъ на кораблѣ, поднявшись по якорному канату.

Маргарита. Суровая юность выпала вамъ на долю.

Гоконъ (пристально глядя на нее). Теперь сдается мнѣ, вы могли бы смягчить для меня ея суровость...

Маргарита. Я?

Гоконъ. Могли бы быть мнѣ доброй сестрой всѣ эти годы, что мы росли вмѣстѣ.

Маргарита. Не довелось.

Гоконъ. Не довелось. Мы глядѣли другъ на друга каждый изъ своего угла и рѣдко обмѣнивались словами... (Въ порывѣ нетерпѣнія) Что онъ мѣшкаетъ! (Иваръ Бодде приходитъ съ письменными принадлежностями). А, вотъ и ты; давай сюда! (Садится къ столу и пишетъ).

(Спустя нѣкоторое время входитъ ярлъ Скуле, затѣмъ Дагфинъ Бондъ, епископъ Николасъ и Вегардъ Вэрадаль).

Гоконъ (взглянувъ на вошедшихъ, откладываетъ перо). Государь ярлъ, знаете, что я пишу? (Ярлъ подходитъ къ нему). Я пишу матери; благодарю ее за все хорошее и шлю ей тысячу поцѣлуевъ — съ этой грамотой. Ее отвезутъ на востокъ въ Бор-

гасюссель, и она будетъ жить тамъ въ почетѣ, какъ подобаетъ матери короля.

Ярлъ Скуле. Вы не хотите оставить ее при дворѣ королевскомъ?

Гоконъ. Она слишкомъ дорога мнѣ, ярлъ. Не должно королю имѣть подлѣ себя никого, кто ему слишкомъ дорогъ; у короля руки должны быть развязаны: ему надо держаться особнякомъ — не давать ни вести себя ни увлекать. Много, много предстоитъ въ Норвегіи дѣла. (Продолжаетъ писать).

Вегардъ Вэрадаль (тихо епископу). Это я подалъ совѣтъ насчетъ матери короля.

Епископъ Николасъ. Я сразу узналъ васъ въ этомъ совѣтѣ.

Вегардъ Вэрадаль. Не помните: долгъ платежомъ красенъ.

Епископъ Николасъ. Погодите. Я сдержу обѣщаніе.

Гоконъ (вручивъ грамоту Иварy Бодде). Сложи и снеси ей самъ съ сердечнымъ привѣтомъ отъ меня...

Иваръ Бодде (бросивъ взглядъ на грамоту). Государь!.. вы пишете, чтобы она сегодня же!..

Гоконъ. Вѣтеръ добрый и попутный.

Дагфинъ Бондъ (медленно). Вспомните, государь король, она всю ночь провела у подножія алтаря въ постѣ и молитвѣ.

Иваръ Бодде. И, быть-можетъ, истомлена испытаніемъ.

Гоконъ. Правда, правда... моя добрая, любящая мать!.. (Рѣшительно) Коль скоро она слишкомъ утомлена, пусть повременитъ до завтра.

Иваръ Бодде. Да будетъ воля ваша. (Подкладываетъ ему чистый пергаментъ). А теперь — за другимъ дѣло, государь.

Гоконъ. За другимъ?.. Иваръ Бодде, я не могу.

Дагфинъ Бондъ (указывая на первую грамоту). Смогли же вы...

Иваръ Бодде. Все грѣховное должно быть отринуто.

Епископъ Николасъ (приблизясь къ Гокону). Свяжите руки ярлу, король Гоконъ.

Гоконъ (понизивъ голосъ). По-вашему, это необходимо?

Епископъ Николасъ. Вамъ не купить дешевле спокойствія страны.

Гоконъ. Тогда я смогу. Давайте перо! (Пишетъ).

Ярлъ Скуле (епископу, который переходитъ направо). Король охотно слушается васъ, какъ видно.

Епископъ Николасъ. На пользу вамъ.

Ярлъ Скуле. Такъ ли?

Епископъ Николасъ. Вечеръ не успѣетъ наступить, какъ вы будете благодарить меня. (Отходитъ отъ него).

Гоконъ (протягивая вторую грамоту). Прочтите это, ярлъ!

Ярлъ Скуле (читаетъ, изумленно глядитъ на короля и говоритъ вполголоса). Вы порываете съ юной Кангой?

Гоконъ. Да, съ Кангой, которую любилъ больше всего на свѣтѣ! Отнынѣ она будетъ устранена съ пути короля навсегда.

Ярлъ Скуле. Это великій подвигъ, Гоконъ; я по себѣ знаю, чего это стоитъ...

Гоконъ. Прочь всѣхъ, кто слишкомъ дорогъ королю... Перевяжите грамоту. (Отдаетъ ее Ивару Бодде).

Епископъ Николасъ (наклоняясь надъ столомъ). Государь король, вы сдѣлали теперь большой шагъ къ дружбѣ ярла.

Гоконъ (протягивая ему руку). Спасибо, епископъ Николасъ! Совѣтъ вашъ былъ во благо. Просите у меня милости, и она будетъ вамъ оказана.

Епископъ Николасъ. Вамъ угодно?

Гоконъ. Даю вамъ мое королевское слово.

Епископъ Николасъ. Такъ пошлите Вегарда Вэрадаля намѣстникомъ въ Гологаландъ.

Гоконъ. Вегарда? Врядъ ли у меня найдется болѣе вѣрный другъ. Не хотѣлось бы мнѣ удалять его отъ себя.

Епископъ Николасъ. Другъ короля и долженъ быть вознагражденъ по-королевски. Свяжите ярлу руки такъ, какъ я совѣтовалъ, тогда вы обезпечите себѣ покой навсегда.

Гоконъ (беретъ пергаментъ). Вегардъ Вэрадаль будетъ намѣстникомъ въ Гологаландѣ. (Пишетъ). Вотъ ему отъ меня королевская грамота. (Епископъ отходитъ).

Ярлъ Скуле (подходитъ къ столу). Что вы тутъ пишете?

Гоконъ (подавая ему грамоту). Прочтите.

Ярлъ Скуле (читаетъ и пристально глядитъ на короля). Вегарда Вэрадаля? Въ Гологаландъ?

Гоконъ. Въ сѣверную область, которая свободна.

Ярлъ Скуле. Иль вы забыли, что и намѣстничество Андреса Скьяльдарбанда тамъ на сѣверѣ? А они заклятые враги. Андресъ Скьяльдарбандъ мой сторонникъ...

Гоконъ (встаетъ, улыбаясь). А Вегардъ Вэрадаль мой. Такъ пусть постараются помириться — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Отнынѣ между людьми короля и людьми ярла не должно быть никакихъ распрей.

Епископъ Николасъ (про себя). Гм... такъ недолго и до бѣды! (Въ волненіи приближается).

Ярлъ Скуле. Вы разумно и глубоко судите, Гоконъ!

Гоконъ (тепло). Ярлъ Скуле, я отнялъ у васъ сегодня королевство — пусть же ваша дочь раздѣлитъ его со мной!

Ярлъ Скуле. Моя дочь!

Маргарита. Боже!

Гоконъ. Маргарита, хотите вы быть королевой?

Маргарита (молчитъ).

Гоконъ (беретъ ее за руку). Отвѣчайте же мнѣ.

Маргарита (тихо). Я готова быть вашей супругой

Ярлъ Скуле (протягивая Гокону руку и ударяя по его рукѣ). Миръ и согласіе отъ всего сердца!

Гоконъ. Спасибо!

Иваръ Бодде (Дагфину). Хвала небу: проясняется.

Дагфинъ Бондъ. И я готовъ такъ думать. Никогда еще ярлъ не былъ мнѣ такъ по сердцу.

Епископъ Николасъ (сзади). Только будьте настороже, добрый мой Дагфинъ... всегда будьте настороже!

Иваръ Бодде (Вегарду). Теперь вы намѣстникъ въ Гологаландѣ; вотъ вамъ и королевская грамота. (Отдаетъ ему грамоту).

Вегардъ Вэрадаль. Я потомъ поблагодарю короля за его милость. (Хочетъ уйти).

Епископъ Николасъ (останавливая его). Андресъ Скьяльдарбандъ — человѣкъ крутой! Но вы не давайте ему скрутить себя.

Вегардъ Вэрадаль. Этого еще никому не удавалось. (Уходитъ).

Епископъ Николасъ (за нимъ). Будьте тверды, какъ кремень, стойки, какъ скала... и да будетъ съ вами мое благословеніе!

Иваръ Бодде (выжидавшій, стоя позади короля, съ перевязанными грамотами въ рукахъ). Вотъ грамоты, государь...

Гоконъ. Хорошо; передайте ярлу.

Иваръ Бодде. Ярлу? Вы не сами приложите печать?

Гоконъ. Это вѣдь ярлъ привыкъ дѣлать; и печать у него.

Иваръ Бодде (вполголоса). Да, до сихъ поръ... пока онъ правилъ отъ вашего имени, — а теперь!

Гоконъ. И теперь будетъ попрежнему. Печать остается у ярла. (Отходитъ).

Ярлъ Скуле. Давайте мнѣ грамоты, Иваръ Бодде! (Беретъ грамоты, подходитъ къ столу, вынимаетъ изъ-за пояса государственную печать и прикладываетъ ее).

Епископъ Николасъ (вполголоса). Гоконъ Гоконссёнъ король, а у ярла королевская печать... Дѣло наладится, дѣло наладится.

Гоконъ. Что вы говорите, владыка?

Епископъ Николасъ. Я говорю: Господь и святой Олафъ бодрствуютъ надъ своей святой церковью. (Уходитъ въ королевскую палату).

Гоконъ (подходя къ Маргаритѣ). Много добра можетъ принести

странѣ мудрая королева. Я спокоенъ, остановивъ свой выборъ на васъ, — я знаю, вы умны.

Маргарита. И только!

Гоконъ. Что вы хотите сказать?

Маргарита. Ничего, ничего, государь.

Гоконъ. И вы не сѣтуете на меня въ душѣ, хотя изъ-за меня вамъ, быть-можетъ, приходится разстаться съ завѣтными своими мечтами?

Маргарита. Мнѣ не приходится изъ-за васъ разстаться ни съ какими завѣтными мечтами.

Гоконъ. И вы будете мнѣ близкимъ другомъ, будете давать мнѣ добрые совѣты?

Маргарита. Я бы такъ хотѣла стать вамъ близкимъ другомъ!..

Гоконъ. И давать мнѣ добрые совѣты. Спасибо за это! Совѣты женщины всегда могутъ пригодиться мужу, а возлѣ меня отнынѣ вѣдь не будетъ другой женщины, кромѣ васъ, — мать свою я долженъ отослать отъ себя...

Маргарита. Да; она вамъ слишкомъ дорога.

Гоконъ. А я король. Такъ прощайте, Маргарита! Вы еще такъ молоды; но будущимъ лѣтомъ мы сыграемъ свадьбу... и съ того часа я обѣщаю вамъ держать васъ при себѣ въ подобающей вѣрности и чести.

Маргарита (съ грустной улыбкой). Да, я знаю, — меня вы нескоро отошлете отъ себя.

Гоконъ (съ живостью). Отослать васъ? Да никогда я этого не сдѣлаю!

Маргарита (съ глазами полными слезъ). Да, да; такъ поступаетъ Гоконъ лишь съ тѣми, кто ему слишкомъ дорогъ. (Направляется къ маленькой двери. Гоконъ задумчиво смотритъ ей вслѣдъ).

Рагнгильдъ (входитъ справа). Король съ ярломъ все еще здѣсь! Я умираю отъ страха... Маргарита, что говорилъ король, что дѣлалъ?

Маргарита. О, много, много! Подъ конецъ взялъ себѣ намѣстника и королеву.

Рагнгильдъ. Тебя, Маргарита?

Маргарита (бросаясь на грудь къ матери). Да!

Рагнгильдъ. Ты будешь королевой!

Маргарита. Только королевой; но, кажется, я рада и этому. (Уходитъ съ Рагнгильдъ направо).

Ярлъ Скуле (Иварy Бодде). Вотъ грамоты; отнесите ихъ матери короля и Кангѣ. (Иваръ Бодде кланяется и уходитъ).

Дагфинъ Бондъ (въ дверяхъ королевской палаты). Архіепископъ Нидаросскій жаждетъ привѣтствовать короля Гокона Гоконссёна!

Гоконъ (вздохнувъ полной грудью). Наконецъ-то я король въ Норвегіи! (Идетъ въ палату).

Ярлъ Скуле (пряча королевскую печать за поясъ). Но я правлю страной и государствомъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Пиршественная палата во дворѣ королевскомъ въ Бергенѣ. Посреди задней стѣны большая арка-окно. Вдоль стѣны возвышеніе съ сидѣньями для женщинъ. У лѣвой стѣны королевское мѣсто, къ которому ведутъ нѣсколько ступеней; посреднѣ правой стѣны большая входная дверь. Стѣнные столбы и рѣзной деревянный потолокъ украшены знаменами, значками, щитами, оружіемъ и пестрыми коврами. По всей палатѣ разставлены столы, уставленные жбанами, рогами и чашами.

Король Гоконъ сидитъ на возвышеніи съ Маргаритой, Сигридъ, Рагнильдъ и прочими женщинами знатнаго рода. Иваръ Бодде стоитъ за королевскимъ стуломъ. За столомъ сидятъ люди короля и ярла и гости. У передняго стола направо сидятъ Грегоріусъ Іонссёнъ и Поль Флида. Ярлъ Скуле и епископъ Николасъ играютъ у стола налѣво въ шахматы. Слуги ярла разносятъ питія. Изъ смежной палаты доносятся звуки музыки.

Дагфинъ Бондъ. Вотъ ужъ пятый день на исходѣ, а слуги ярла все не устаютъ наполнять чаши.

Поль Флида. У ярла не въ обычаѣ морить гостей жаждой.

Дагфинъ Бондъ. Видно, что не въ обычаѣ. Такой пышной королевской свадьбы не справлялось еще въ Норвегіи.

Поль Флида. Да, ярлу Скуле еще не случалось выдавать дочерей замужъ.

Дагфинъ Бондъ. Что правда, то правда. Ярлъ — могучій мужъ.

Одинъ изъ придворныхъ. У него въ рукахъ третья часть королевства. Ни у одного ярла еще не бывало того.

Поль Флида. У короля-то все же побольше.

Дагфинъ Бондъ. Объ этомъ не будемъ толковать. Теперь мы друзья, — межъ нами миръ и согласіе. (Кланяясь кубкомъ Полю Флидѣ) Пусть себѣ король будетъ королемъ, а ярлъ — ярломъ.

Поль Флида (смѣясь). Сразу слышно, что ты за короля.

Дагфинъ Бондъ. И мужи ярла должны быть за короля.

Поль Флида. Никогда. Мы присягали ярлу, а не королю.

Дагфинъ Бондъ. Это еще не ушло.

Епископъ Николасъ (вполголоса ярлу, во время игры). Слышите, что говоритъ Дагфинъ Бондъ?

Ярлъ Скуле (не подымая глазъ отъ доски). Слышу, слышу.

Грегоріусъ Іонссенъ (глядя въ упоръ на Дагфина). Такъ вотъ что у короля на умѣ?

Дагфинъ Бондъ. Ну, ну... оставимъ это; не надо ссориться сегодня.

Епископъ Николасъ (ярлу). Король хочетъ привести вашихъ мужей къ присягѣ.

Грегоріусъ (громче). Такъ вотъ что у короля на умѣ? — спрашиваю я.

Дагфинъ Бондъ. А я не отвѣчаю. Выпьемъ за миръ и согласіе межъ королемъ и ярломъ. Пиво доброе.

Поль Флида. Было время ему выстояться.

Грегоріусъ. Трижды готовилъ ярлъ брачный пиръ, трижды обѣщалъ король прибыть и — трижды не сдержалъ слова.

Дагфинъ Бондъ. Вини ярла; онъ задалъ намъ столько дѣла въ Викенѣ...

Поль Флида. Сигурдъ Риббунгъ задалъ вамъ еще побольше въ Вермеландѣ — какъ сказываютъ.

Дагфинъ Бондъ (вспыливъ). А кто выпустилъ-то Сигурда Риббунга?

Грегоріусъ. Сигурдъ Риббунгъ сбѣжалъ отъ насъ въ Нидаросѣ, — это всѣмъ вѣдомо.

Дагфинъ Бондъ. Да никому не вѣдомо, чтобы вы старались помѣшать этому.

Епископъ Николасъ (ярлу, задумавшемуся надъ ходомъ). Слышите, ярлъ, — это вы выпустили Сигурда Риббунга.

Ярлъ Скуле (дѣлая ходъ). Стара пѣсня

Грегоріусъ (Дагфину). Я думалъ, ты слыхалъ про исландца Андреса Торстейнссёна, друга Сигурдова...

Дагфинъ Бондъ. Какъ же; когда Сигурдъ бѣжалъ, вы повѣсили исландца, — знаю.

Епископъ Николасъ (дѣлаетъ ходъ и, смѣясь, говоритъ ярлу). Вотъ я сейчасъ побью бонда *), государь ярлъ.

Ярлъ Скуле (громко). Бейте; *бонда* немногаго стоитъ. (Подвигаетъ фигуру).

Дагфинъ Бондъ. Да, это пришлось испытать на себѣ исландцу, когда Сигурдъ Риббунгъ бѣжалъ въ Вермеландъ.

(Сдержанный смѣхъ между людьми короля. Разговоръ продолжается вполголоса; вскорѣ входитъ гонецъ и шепчетъ что-то Грегоріусу Йонссёну).

Епископъ Николасъ. А я пойду сюда вотъ, и вамъ — мать.

Ярлъ Скуле. Похоже на то.

Епископъ Николасъ (откидываясь на спинку стола). Вы плохо стояли за короля напослѣдокъ.

---

*) Бондъ (Bonde) — собственно простолюдинъ или крестьянинъ, а здѣсь означаетъ пѣшку.

Ярлъ Скуле (опрокидывая фигуры и вставая). Я давно усталъ стоять за королемъ.

Грегоріусъ (приближаясь къ нему, говоритъ вполголоса). Государь ярлъ, Постейнъ Тамбъ доноситъ, что корабль готовъ поднять паруса.

Ярлъ Скуле (тихо). Хорошо. (Вынимаетъ пергаментъ съ печатью). Вотъ грамота.

Грегоріусъ (качая головой). Ярлъ, ярлъ, хорошо ли это будетъ?

Ярлъ Скуле. Что?

Грегоріусъ. Приложена королевская печать.

Ярлъ Скуле. Я дѣйствую для блага короля.

Грегоріусъ. Такъ пусть король самъ отвергнетъ предложеніе.

Ярлъ Скуле. Онъ этого не сдѣлаетъ, если дать ему рѣшить дѣло. Онъ только и помышляетъ о томъ, какъ бы покорить риббунговъ, вотъ и хочетъ оградить себя съ другихъ сторонъ.

Грегоріусъ. Быть-можетъ, вы и разумно поступаете, но — опасно это.

Ярлъ Скуле. Предоставь это мнѣ. Снеси грамоту и скажи Постейну, чтобы онъ отплывалъ не медля.

Грегоріусъ. Какъ вы велите, такъ и будетъ. (Уходитъ направо и вскорѣ снова возвращается).

Епископъ Николасъ (ярлу). Много у васъ, какъ видно, дѣлъ и заботъ.

Ярлъ Скуле. А спасиба мало вижу.

Епископъ Николасъ. Король всталъ.

(Гоконъ спускается съ возвышенія; всѣ встаютъ изъ-за столовъ).

Гоконъ (епископу). Крѣпко радуемся, видя васъ такимъ бодрымъ и свѣжимъ послѣ столькихъ веселыхъ дней.

Епископъ Николасъ. Огонекъ порой еще вспыхиваетъ, государь король; но едва-ль его хватитъ надолго. Всю зиму я пролежалъ въ недугахъ.

Гоконъ. Да, да,—вы не даромъ жили, немало совершили на своемъ вѣку славныхъ дѣлъ.

Епископъ Николасъ (качая головой). Ну, много ли! А сколько недодѣлано! Знать бы, что успѣешь все закончить!

Гоконъ. Живые да примутъ наслѣдіе отходящихъ, высокочтимый владыка епископъ! Вѣдь мы всѣ одинаково желаемъ блага странѣ и народу. (Обращаясь къ ярлу) Дивлюсь, какъ это ни одинъ изъ нашихъ намѣстниковъ въ Гологаландѣ не пожаловалъ на свадьбу.

Ярлъ Скуле. Правда. Андреса Скьяльдарбанда я ожидалъ навѣрное.

Гоконъ (съ улыбкой). И Вегарда Вэрадаля тоже.

Ярлъ Скуле. И Вегарда.

Гоконъ (шутливо). Надѣюсь, теперь вы приняли бы моего стараго друга поласковѣе, нежели семь лѣтъ тому назадъ на Ослоскомъ мосту, когда нанесли ему въ щеку такой ударъ, что мечъ прошелъ насквозь.

Ярлъ Скуле (съ натянутой усмѣшкой). Да, это было, когда Гуннульфъ, братъ вашей матери, отсѣкъ правую руку Сирѣ Эйливу, моему первому другу и совѣтчику.

Епископъ Николасъ (весело). И когда Дагфинъ Бондъ съ дружиной поставили крѣпкую стражу на королевскій корабль, говоря, что король не въ безопасности подъ охраной ярла!

Гоконъ (серьезно). Тѣ дни давно миновали и преданы забвенью.

Дагфинъ Бондъ (приближаясь). Теперь можно трубить къ ратной потѣхѣ на валу, если вамъ угодно, государь.

Гоконъ. Хорошо. Сегодня будемъ веселиться во всю; а завтра снова придется заняться риббунгами и Оркнейскимъ ярломъ.

Епископъ Николасъ. Да, онъ вѣдь отказываетъ вамъ въ даняхъ?

Гоконъ. Удалось бы мнѣ только стрясти съ шеи риббунговъ, я бы самъ туда нагрянулъ.

(Гоконъ идетъ къ возвышенію, подаетъ руку Маргаритѣ и уводитъ ее направо: вскорѣ за ними слѣдуютъ и всѣ остальные).

Епископъ Николасъ (Ивару Бодде). Поди сюда. Что за человѣкъ Постейнъ Тамбъ?

Иваръ Бодде. Такъ зовутъ кормчаго съ Оркнейскихъ острововъ.

Епископъ Николасъ. Съ Оркнейскихъ? Вотъ какъ? И онъ теперь отплываетъ домой?

Иваръ Бодде. Да, надо полагать.

Епископъ Николасъ (понижая голосъ). Съ дорогимъ грузомъ, Иваръ Бодде!

Иваръ Бодде. Съ зерномъ и сукнами, сдается мнѣ.

Епископъ Николасъ. И съ грамотой отъ ярла Скуле.

Иваръ Бодде (пораженный). Кому?

Епископъ Николасъ. Не вѣдаю; но за королевской печатью...

Иваръ Бодде (хватая его за руку). Владыка епископъ... такъ ли это?

Епископъ Николасъ. Тсс... не вмѣшивайте меня въ это дѣло. (Отходитъ).

Иваръ Бодде. Такъ мнѣ надо сейчасъ же!.. Дагфинъ

Бондъ!.. Дагфинъ, Дагфинъ!.. (Пробирается сквозь толпу къ выходной двери).

Епископъ Николасъ (съ участіемъ Грегоріусу Йонссёну). Дня не проходитъ, чтобы не посягнули на чье-нибудь добро и свободу.

Грегоріусъ. О комъ идетъ дѣло?

Епископъ Николасъ. Объ одномъ бѣднягѣ кормчемъ... Постейнѣ Тамбѣ, — такъ его, кажется, называли.

Грегоріусъ. Постейнѣ?..

Епископъ Николасъ. Дагфинъ Бондъ собирается задержать его.

Грегоріусъ. Дагфинъ собирается задержать его?

Епископъ Николасъ. Сейчасъ только ушелъ отсюда.

Грегоріусъ. Простите, владыка епископъ, я долженъ поспѣшить...

Епископъ Николасъ. Да, да, ступайте, добрый мой лендерманъ, — Дагфинъ Бондъ такой горячій.

(Грегоріусъ Йонссёнъ поспѣшно уходитъ направо за остальными гостями. Въ палатѣ остаются лишь ярлъ Скуле и епископъ Николасъ).

Ярлъ Скуле (задумчиво ходитъ взадъ и впередъ, и вдругъ, точно очнувшись, озирается и говоритъ). Какъ тихо вдругъ стало.

Епископъ Николасъ. Король ушелъ.

Ярлъ Скуле. И всѣ за нимъ.

Епископъ Николасъ. Всѣ, кромѣ насъ съ вами.

Ярлъ Скуле. Великое дѣло быть королемъ!

Епископъ Николасъ (осторожно). Хотѣлось бы вамъ самому испытать это, ярлъ?

Ярлъ Скуле (съ грустной улыбкой). Я испытывалъ; каждую ночь, чреватую снами, я бываю королемъ Норвегіи.

Епископъ Николасъ. Сны вѣщаютъ.

Ярлъ Скуле. И искушаютъ.

Епископъ Николасъ. Васъ — едва ли. Въ прежнія времена—я понимаю, но теперь!.. Вы владѣете третьей частью королевства, вы первый человѣкъ въ странѣ, отецъ королевы...

Ярлъ Скуле. Теперь-то хуже всего... хуже всего...

Епископъ Николасъ. Не тантесь! Исповѣдуйтесь. Вы, вѣрно, носите въ душѣ великую муку.

Ярлъ Скуле. Теперь-то — хуже всего, говорю я. Вотъ какое проклятіе тяготѣетъ надо мной: всю жизнь стоять такъ близко къ самой высокой цѣли... такъ близко, что лишь одна разсѣлина отдѣляетъ меня отъ нея... одинъ прыжокъ... По ту сторону — королевскій санъ, пурпурная мантія, престолъ и власть

и все; постоянно имѣть это передъ глазами и никогда не быть у цѣли!..

Епископъ Николасъ. Правда, правда, ярлъ!

Ярлъ Скуле. Когда они приняли королемъ Гутторма Сигурдссёна, я былъ въ полномъ расцвѣтѣ юныхъ силъ, и во мнѣ громко раздавался голосъ: «Долой ребенка, — я взрослый, сильный мужъ!..» Между мною и престоломъ была одна разсѣлина.

Епископъ Николасъ. И вы не отважились...

Ярлъ Скуле. Затѣмъ слиттунги провозгласили Эрлинга Стейнвэга. Снова раздался во мнѣ громкій голосъ: «Скуле болѣе могучій вождь, чѣмъ Эрлингъ Стейнвэгъ!». Но мнѣ пришлось бы тогда порвать съ биркебейнерами — вотъ гдѣ была разсѣлина.

Епископъ Николасъ. И Эрлингъ сталъ королемъ слиттунговъ, а позже и риббунговъ, а вы все ждали!

Ярлъ Скуле. Я ждалъ смерти Гутторма.

Епископъ Николасъ. И Гуттормъ умеръ, а Инге Бордссёнъ, вашъ братъ, сталъ королемъ.

Ярлъ Скуле. Тогда я сталъ ждать смерти брата. Онъ былъ всегда такой хилый. Каждое утро мы встрѣчались съ нимъ у святой обѣдни, и я сидѣлъ и все искоса поглядывалъ на него — не усилилась ли хворь. Каждый разъ, какъ по лицу его пробѣгало страданіе—словно порывъ вѣтра надувалъ мой парусъ и приближалъ меня къ престолу. Каждый вздохъ, стонъ, исторгнутый изъ его груди тяжкимъ недугомъ, раздавался въ моихъ ушахъ трубнымъ звукомъ, вѣстью издалека о томъ, что скоро я возьму въ руки бразды правленія. Я съ корнемъ вырывалъ изъ души всякое братское чувство. И вотъ Инге умеръ, но явился Гоконъ — и биркебейнеры приняли его королемъ.

Епископъ Николасъ. А вы все ждали.

Ярлъ Скуле. Мнѣ сдавалось, что вотъ-вотъ явится помощь свыше. Я чувствовалъ въ себѣ королевскую мощь и я старился; каждый день былъ потеряннымъ днемъ для дѣла моей жизни. Каждый вечеръ я ждалъ: завтра совершится чудо, которое свергнетъ его и вознесетъ меня на опустѣвшій престолъ.

Епископъ Николасъ. Невелика была въ то время сила Гокона. Онъ былъ ребенкомъ, вамъ стоило сдѣлать шагъ; но вы его не сдѣлали.

Ярлъ Скуле. Трудно было сдѣлать этотъ шагъ. Онъ отлучилъ бы меня отъ всѣхъ родичей и друзей моихъ.

Епископъ Николасъ. Да, вотъ въ чемъ дѣло, ярлъ Скуле;

вотъ въ чемъ проклятіе, тяготѣющее надъ вашей жизнью. Вы хотите имѣть передъ собой на случай нужды всѣ пути открытыми, — не отваживаетесь разрушить всѣ мосты и оставить лишь одинъ, защищать лишь одинъ, чтобы побѣдить или пасть на немъ. Вы разставляете ловушки своему недругу, разбрасываете капканы на его пути, вѣшаете надъ его головой острые мечи, всыпаете ядъ во всѣ чаши, плетете сотни сѣтей; но, когда онъ готовъ попасться въ ловушку, вы не смѣете дернуть за веревку: если хватается за ядъ, вамъ кажется, что вѣрнѣе было бы поразить его мечомъ; если готовъ попасться утромъ, вамъ кажется лучше, чтобы онъ попался вечеромъ.

Ярлъ Скуле. А вы что сдѣлали бы, владыка епископъ?

Епископъ Николасъ. Рѣчь не обо мнѣ; мое дѣло воздвигать въ странѣ королевскіе престолы, а не сидѣть на нихъ и править народомъ и государствомъ.

Ярлъ Скуле (помолчавъ). Отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ, высокочтимый владыка епископъ; но отвѣтьте по всей правдѣ. Почему Гоконъ идетъ такъ, не сбиваясь, не спотыкаясь, прямо впередъ? Онъ не умнѣе васъ, не храбрѣе меня.

Епископъ Николасъ. Кто совершаетъ величайшія дѣла въ мірѣ?

Ярлъ Скуле. Величайшій изъ мужей.

Епископъ Николасъ. А кто величайшій?

Ярлъ Скуле. Самый отважный.

Епископъ Николасъ. Такъ говоритъ вождь. Священникъ сказалъ бы — самый благочестивый; ученый сказалъ бы — самый мудрый. Но это ни тотъ, ни другой, ни третій, ярлъ. *Счастливѣйшій* — вотъ величайшій. Величайшія дѣла совершаетъ счастливѣйшій, тотъ, на кого требованія времени нисходятъ сами собой, словно въ порывѣ похоти, родятъ въ немъ мысли, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, но которыя указываютъ ему пути; куда они ведутъ, онъ самъ не знаетъ, и все-таки идетъ, *долженъ* идти, и идетъ, идетъ, пока не услышитъ радостныхъ кликовъ народа, — остановится, оглядится съ изумленіемъ и пойметъ, что совершилъ великое дѣло.

Ярлъ Скуле. Да, у Гокона именно такая непоколебимая увѣренность.

Епископъ Николасъ. То самое, что римляне называли ingenium. Я не силенъ въ латыни; но знаю, что это называлось ingenium.

Ярлъ Скуле (сначала задумчиво, затѣмъ съ все возрастающимъ волненіемъ). Такъ Гоконъ другого закала, чѣмъ я? Онъ изъ счастливцевъ?.. Да; развѣ ему въ самомъ дѣлѣ не везетъ во всемъ?

Не складывается все къ лучшему для него? Даже простой народъ замѣчаетъ это; говоритъ, что деревья дважды даютъ плоды, птицы дважды несутся въ лѣто съ тѣхъ поръ, какъ Гоконъ королемъ. Вермеландъ, сожженный, опустошенный имъ, воздвигся снова, блеститъ свѣжими срубами домовъ, а нивы снова тяжело ложатся подъ вѣтромъ. Кровь и пепелъ словно удобряютъ поля, гдѣ проходитъ Гоконъ со своей дружиной; словно самъ Господь прикрываетъ пышными всходами мѣста, вытоптанныя Гокономъ: словно всѣ святые спѣшатъ стирать за нимъ всякій слѣдъ грѣха. А какъ легко достался ему королевскій санъ! Ему нужна была ранняя смерть Инге,—Инге умеръ; нужна была защита и охрана, — его люди защитили и охранили его; нужно было доказать свое право, — явилась его мать и выдержала испытаніе желѣзомъ.

Епископъ Николасъ (съ невольнымъ порывомъ). А мы... мы съ вами!..

Ярлъ Скуле. Мы?

Епископъ Николасъ. Да, вы... вы-то!

Ярлъ Скуле. Право на сторонѣ Гокона, владыка епископъ.

Епископъ Николасъ. Право на его сторонѣ, потому что онъ счастливецъ. Величайшее счастье — имѣть на своей сторонѣ право. Но по какому праву — право на сторонѣ Гокона, а не на нашей?

Ярлъ Скуле (послѣ краткой паузы). Буду молить Бога избавить меня отъ искушенія задаваться такими думами.

Епископъ Николасъ. Вамъ не случалось никогда видѣть старой картины въ Нидаросской церкви Спасителя? На ней изображенъ потопъ; вода разлилась, затопила всѣ горы... осталась лишь одна вершина. Туда взбирается цѣлая семья: отецъ, мать, сынъ, невѣстка и внучата... и сынъ сбрасываетъ отца въ потокъ, чтобы прочнѣе утвердиться самому; онъ сброситъ и мать, и жену, и всѣхъ дѣтей, лишь бы самому добраться до самой вершины, гдѣ осталась еще пядь земли, гдѣ онъ можетъ продержаться съ часъ... Вотъ, ярлъ, сага мудрости и сага каждаго мудреца.

Ярлъ Скуле. Но право!

Епископъ Николасъ. Сынъ *имѣлъ* и право. Въ немъ была сила и жажда жизни. Слѣдовать жизненному позыву, использовать свою силу имѣетъ право каждый.

Ярлъ Скуле. Если это ведетъ къ добру, — да.

Епископъ Николасъ. Игра словами! Нѣтъ ни добра ни зла, ни верха ни низа, ни высокаго ни низменнаго. Всѣ такія слова вамъ необходимо забыть, иначе никогда не сдѣлать вамъ послѣдняго шага, не перепрыгнуть черезъ разсѣлину.

(Понизивъ голосъ, внушительно) Не надо ненавидѣть кучку людей или дѣло за то, что цѣль этой кучки или этого дѣла — то, а не другое; надо ненавидѣть каждаго человѣка изъ этой кучки за то, что онъ противъ васъ, и ненавидѣть каждаго, кто стоитъ за дѣло, которое не споспѣшествуетъ вашей волѣ. Все, что̀ вамъ полезно — добро; все, что̀ вамъ помѣха — зло.

Ярлъ Скуле (въ глубокой задумчивости глядитъ передъ собой). Чего-чего стоило мнѣ приблизиться къ королевскому престолу, и все-таки я до него не добрался, и стоило ли это чего-нибудь Гокону, а онъ вотъ сидитъ на немъ преспокойно! Я былъ молодъ и разстался съ моей дивно-прекрасной, тайной любовью, чтобы взять жену изъ могущественнаго рода. Я молилъ всѣхъ святыхъ даровать мнѣ сына — но у меня рождались только дочери.

Епископъ Николасъ. Увидите — у Гокона будутъ сыновья!

Ярлъ Скуле (направляясь къ окну). Да, ему во всемъ счастье.

Епископъ Николасъ (слѣдуя за нимъ). А вы такъ и дадите всю жизнь гонять себя безъ отдыха, отгонять отъ счастья? Иль вы слѣпы? Не видите, что за Гокона болѣе могущественная сила, чѣмъ эта кучка биркебейнеровъ, — сила, помогающая ему во всякомъ дѣлѣ? Онъ получаетъ помощь сверху, отъ тѣхъ... кто противъ васъ... отъ тѣхъ, кто были вашими недругами съ самаго рожденія! И вы склоняетесь передъ этими недругами! Воспряньте же, ощетиньтесь! А то — на что вамъ дана неукротимая душа? Памятуйте, что первый великій подвигъ на свѣтѣ совершилъ тотъ, кто возсталъ противъ могучаго царства!

Ярлъ Скуле. Кто же?

Епископъ Николасъ. Ангелъ, возставшій противъ свѣта!

Ярлъ Скуле. И низринутый въ бездну...

Епископъ Николасъ (въ дикомъ порывѣ). Тамъ онъ основалъ *свое* царство и сталъ царемъ, могучимъ царемъ... болѣе могущественнымъ, чѣмъ кто-либо изъ тѣхъ десятковъ тысячъ ярловъ наверху! (Безсильно опускается на скамью около стола съ питіями).

Ярлъ Скуле (долго смотритъ на него и наконецъ говоритъ). Епископъ Николасъ, выше вы человѣка или ниже?

Епископъ Николасъ (съ улыбкой). Я обрѣтаюсь въ состояніи невинности: не различаю добра и зла.

Ярлъ Скуле (какъ бы про себя). Зачѣмъ они дали мнѣ жизнь, если не хотятъ устроить меня лучше? У Гокона такая твердая, непоколебимая вѣра въ себя самого... и всѣ его люди твердо, непоколебимо вѣрятъ въ него...

Епископъ Николасъ. Таите отъ всѣхъ, что въ васъ нѣтъ такой вѣры въ себя! Говорите такъ, какъ будто она есть въ васъ; клянитесь всѣмъ на свѣтѣ, что она есть въ васъ... и всѣ повѣрятъ въ васъ.

Ярлъ Скуле. Будь у меня сынъ! Будь у меня сынъ, который могъ бы принять послѣ меня великое наслѣдіе!

Епископъ Николасъ (съ живостью). Ярлъ... будь у васъ сынъ?

Ярлъ Скуле. У меня его нѣтъ.

Епископъ Николасъ. У Гокона будутъ сыновья.

Ярлъ Скуле (стискивая руки). И самъ онъ сынъ короля!

Епископъ Николасъ (встаетъ). Ярлъ... а не будь онъ имъ?

Ярлъ Скуле. Онъ доказалъ это испытаніемъ желѣзомъ.

Епископъ Николасъ. А не будь онъ имъ — вопреки испытанію желѣзомъ?

Ярлъ Скуле. Или вы скажете, Господь лгалъ, благословивъ удачей испытаніе желѣзомъ?

Епископъ Николасъ. Что уповала доказать Божьимъ судомъ Инга изъ Вартейга?

Ярлъ Скуле. Что дитя, рожденное ею въ Боргасюсселѣ, было сыномъ Гокона Сверрессёна.

Епископъ Николасъ (киваетъ, озирается и говоритъ). А если кóроль Гоконъ не то самое дитя?

Ярлъ Скуле (отшатываясь). Всемогущій!.. (Придя въ себя) Это немыслимо!

Епископъ Николасъ. Слушайте, ярлъ. Мнѣ семьдесятъ шесть лѣтъ; день мой быстро клонится къ закату, и дѣло это такое, что я не дерзну предстать съ нимъ тамъ...

Ярлъ Скуле. Говорите, говорите! Такъ онъ не сынъ Гокона Сверрессёна?

Епископъ Николасъ. Слушайте. Никому не было вѣдомо, что Инга понесла во чревѣ. Гоконъ Сверрессёнъ только-что скончался, и она, вѣрно, опасалась Инге Бордссёна, который тогда былъ королемъ, и васъ... ну да и баглеровъ тоже, я полагаю. Родила она втайнѣ въ домѣ священника Тронда, въ Геггенѣ, а девять дней спустя отъѣхала домой. Королевское же дитя оставалось цѣлый годъ у священника; она не смѣла даже навѣстить его, и никто не вѣдалъ о немъ, кромѣ Тронда съ его двумя сыновьями.

Ярлъ Скуле. Да, да, и что же?

Епископъ Николасъ. Когда ребенку минулъ годъ, трудно было скрывать дѣло дольше. Инга и открылась Эрленду изъ Гусебю, старому биркебейнеру еще со временъ Сверре, какъ вамъ вѣдомо.

Ярлъ Скуле. Ну?

Епископъ Николасъ. Онъ съ другими вождями изъ ближнихъ мѣстъ взялъ ребенка, перевалилъ съ нимъ въ серединѣ зимы черезъ горы и доставилъ королю, который тогда пребывалъ въ Нидаросѣ.

Ярлъ Скуле. И вы все-таки говорите, что..?

Епископъ Николасъ. Сами судите, сколь опасно было простому священнику воспитывать королевское дитя. Какъ только дитя родилось, Тронд исповѣдался передъ однимъ изъ старшихъ слугъ церкви и просилъ его совѣта. Этотъ и велѣлъ Тронду тайно подмѣнить ребенка, отвезти подлиннаго королевскаго сына въ безопасное мѣсто, а Ингѣ выдать подмѣныша, буде она или биркебейнеры потребуютъ впослѣдствіи королевское дитя.

Ярлъ Скуле (возмущенный). Какой песъ такъ распорядился?

Епископъ Николасъ. Я.

Ярлъ Скуле. Вы? Да, вы всегда ненавидѣли родъ Сверре.

Епископъ Николасъ. Сдавалось мнѣ, небезопасно было королевскому сыну попасть вамъ въ руки.

Ярлъ Скуле. И священникъ?

Епископъ Николасъ. Обѣщалъ сдѣлать, какъ я велѣлъ.

Ярлъ Скуле (схвативъ его за руку). Такъ Гоконъ не настоящій?..

Епископъ Николасъ. Если священникъ сдержалъ обѣщаніе.

Ярлъ Скуле. *Если* сдержалъ?

Епископъ Николасъ. Тронд покинулъ страну въ ту же зиму, какъ ребенка водворили къ королю Инге. Онъ ушелъ на поклоненіе гробу Ѳомы Бекета и оставался въ Англіи до самой смерти.

Ярлъ Скуле. Вы говорите — покинулъ страну. Значитъ, онъ подмѣнилъ ребенка и опасался мести биркебейнеровъ.

Епископъ Николасъ. Или не подмѣнилъ и опасался моего возмездія.

Ярлъ Скуле. Вы чему больше даете вѣры?

Епископъ Николасъ. И то и другое одинаково вѣроятно.

Ярлъ Скуле. Но сыновья священника, о которыхъ вы говорили?

Епископъ Николасъ. Ушли съ крестоносцами въ Святую землю.

Ярлъ Скуле. И съ той поры нѣтъ о нихъ вѣстей?

Епископъ Николасъ. Были.

Ярлъ Скуле. Что съ ними сталось?

Епископъ Николасъ. Утонули въ Греческомъ морѣ еще на пути туда.

Ярлъ Скуле. А Инга?..

Епископъ Николасъ. Ничего не вѣдаетъ ни объ исповѣди Тронда ни о моемъ совѣтѣ.

Ярлъ Скуле. Ея ребенку было всего девять дней, когда она разлучилась съ нимъ, говорите вы?

Епископъ Николасъ. Да; и свидѣлась она уже съ годовалымъ ребенкомъ...

Ярлъ Скуле. Такъ никто въ мірѣ не можетъ тутъ пролить свѣта! (Взволнованно ходитъ взадъ и впередъ). Боже Всемогущій, ужели это правда? Гоконъ... король... господинъ всей страны и королевства — незаконный наслѣдникъ?.. И почему бы не такъ? Счастье диковинно слѣдовало за нимъ по пятамъ, такъ почему бы и тутъ оно не было съ нимъ: его ребенкомъ взяли изъ жалкой хижины смерда и положили въ колыбель королевскаго сына...

Епископъ Николасъ. А народъ вѣритъ, что онъ сынъ короля...

Ярлъ Скуле. И самъ онъ вѣритъ въ это, епископъ — вотъ величайшій залогъ счастья, вотъ чудодѣйственный талисманъ силы! (Идетъ къ окну). Взгляните, какъ красиво онъ держится въ сѣдлѣ! Ни у кого нѣтъ такой посадки. Въ глазахъ его играетъ и смѣется само солнце; онъ глядитъ такъ смѣло и безпечно, точно сознаётъ, что рожденъ быть впереди всѣхъ, всегда впереди. (Оборачивается къ епископу). Я правая рука короля, пожалуй, даже голова короля; но онъ — весь король съ головы до пятъ.

Епископъ Николасъ. А все же, можетъ статься, и нѣтъ.

Ярлъ Скуле. Да, можетъ статься, и нѣтъ.

Епископъ Николасъ (положивъ руку на плечо ярла). Ярлъ, слушайте...

Ярлъ Скуле (все глядитъ въ окно). Вонъ сидитъ королева. Гоконъ ласково говоритъ съ ней; она краснѣетъ и блѣднѣетъ отъ радости. Онъ взялъ ее въ супруги, потому что умно породниться съ самымъ могущественнымъ мужемъ страны. Сердцу же его она не была дорога. Но это придетъ. Ему во всемъ счастье. Она станетъ свѣтомъ его жизни... (Останавливается пораженный). Что это?

Епископъ Николасъ. Что?

Ярлъ Скуле. Дагфинъ Бондъ съ силой прорвался сквозь толпу. Что-то доноситъ королю.

Епископъ Николасъ (выглядывая въ окно изъ-за спины ярла). Гоконъ, видно, разгнѣванъ... да? Сжимаетъ кулаки...

Ярлъ Скуле. Глядитъ сюда... Что бы это значило? (Хочетъ уйти).

Епископъ Николасъ (удерживая его). Ярлъ, слушайте... пожалуй, есть средство убѣдиться въ правахъ Гокона.

Ярлъ Скуле. Средство, вы говорите?

Епископъ Николасъ. Трондъ передъ смертью составилъ грамоту-исповѣдь и принялъ причастіе во свидѣтельство того, что въ ней одна правда.

Ярлъ Скуле. И эта грамота... во имя милосердія Божія — гдѣ она?

Епископъ Николасъ. Надо вамъ знать, что... (Взглянувъ на дверь) Тсс... король идетъ!

Ярлъ Скуле. Грамота, епископъ... грамота!

Епископъ Николасъ. Вотъ король.

(Гоконъ входитъ въ сопровожденіи придворныхъ и многихъ гостей. Вслѣдъ за королемъ входитъ Маргарита, сильно взволнованная, и порывается подбѣжать къ королю, но ее останавливаетъ Рагнгильдъ, которая слѣдовала за нею съ другими женщинами. Сигридъ держится въ сторонѣ, нѣсколько поодаль, въ глубинѣ палаты. Люди ярла, видимо, встревожены и собираются у правой стѣны, гдѣ стоитъ ярлъ, но пока въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него).

Гоконъ (глубоко взволнованный, но сдержанно). Ярлъ Скуле, кто король этой страны?

Ярлъ Скуле. Кто король?

Гоконъ. Да, я спрашиваю. Я именуюсь королемъ, а въ чьихъ рукахъ власть?

Ярлъ Скуле. Королевская власть должна быть въ рукахъ того, кто имѣетъ на нее право.

Гоконъ. Такъ должно было бы быть: но такъ ли на дѣлѣ?

Ярлъ Скуле. Вы зовете меня на судъ?

Гоконъ. Да; я имѣю право вызвать на судъ каждаго мужа въ странѣ.

Ярлъ Скуле. Уповаю, что могу отстоять всѣ свои дѣянья.

Гоконъ. Добро всѣмъ намъ, если такъ. (Подымается на одну ступень троннаго возвышенія и опирается о ручку кресла). Я, вашъ король, спрашиваю васъ: вѣдомо ли вамъ, что Оркнейскій ярлъ возсталъ противъ меня?

Ярлъ Скуле. Да.

Гоконъ. Что онъ отказываетъ мнѣ въ даняхъ?

Ярлъ Скуле. Да.

Гоконъ. И правда ли, что вы, государь ярлъ, отправили ему сегодня грамоту?

Ярлъ Скуле. Кто это говоритъ?

Иваръ Бодде. Я это говорю.

Дагфинъ Бондъ. Постойнъ Тамбъ не посмѣлъ не взять ея; она была за королевской печатью.

Гоконъ. Вы пишете недругамъ короля и скрѣпляете грамоты печатью короля, хоть онъ и не вѣдаетъ, что вы пишете!

Ярлъ Скуле. Такъ дѣлалъ я много лѣтъ съ вашего согласія.

Гоконъ. Да, въ то время, когда вы правили за меня.

Ярлъ Скуле. И никогда то не было вамъ во вредъ. Ярлъ Оркнейскій писалъ мнѣ, просилъ меня быть посредникомъ; предлагалъ миръ, но на условіяхъ, недостойныхъ короля: вермеландскій походъ утомилъ вашъ духъ; доведись вамъ самимъ рѣшить это дѣло, ярлъ Оркнейскій отдѣлался бы слишкомъ дешево; я сумѣю лучше устроить дѣло.

Гоконъ. Мы предпочли бы сами устроить его... Что же вы отвѣтили?

Ярлъ Скуле. Прочтите мою грамоту.

Гоконъ. Давайте ее!

Ярлъ Скуле. Я полагалъ, она у васъ?

Дагфинъ Бондъ. Вамъ-то лучше знать, гдѣ она. Грегоріусъ Понссёнъ оказался проворнѣе; когда мы явились на судно, грамота пропала.

Ярлъ Скуле (обращаясь къ Грегоріусу Йонссёну). Господинъ лендерманъ, отдайте королю грамоту.

Грегоріусъ (приближаясь, встревоженно). Выслушайте!..

Ярлъ Скуле. Что еще?

Грегоріусъ (понизивъ голосъ). Вы помните, тамъ рѣзко молвлено о королѣ.

Ярлъ Скуле. Я сумѣю держать отвѣтъ. Грамоту!

Грегоріусъ. У меня нѣтъ ея.

Ярлъ Скуле. У васъ нѣтъ ея?

Грегоріусъ. Дагфинъ Бондъ гнался за нами по пятамъ. Я вырвалъ грамоту у Постейна Тамба, привязалъ къ ней камень...

Ярлъ Скуле. Ну?

Грегоріусъ. И она лежитъ теперь на днѣ фьорда.

Ярлъ Скуле. Худо, худо вы поступили!

Гоконъ. Я жду грамоту, государь ярлъ!

Ярлъ Скуле. Я не могу выложить ее вамъ.

Гоконъ. Не можете?

Ярлъ Скуле (дѣлая шагъ къ королю). Я слишкомъ гордъ, чтобы прибѣгать къ тому, что вы съ вашими людьми назвали бы увертками...

Гоконъ (подавляя вспышку гнѣва). И что же?..

Ярлъ Скуле. Однимъ словомъ, я не могу выложить... Не хочу.

Гоконъ. Такъ вы отказываете мнѣ въ повиновеніи?

Ярлъ Скуле. Если ужъ на то пошло — да, я отказываюсь вамъ повиноваться.

Иваръ Бодде (внушительно). Государь король, какого же еще нужно свидѣтельства!

Дагфинъ Бондъ. Да, я полагаю, теперь мы проникли въ замыслы ярла!

Гоконъ (холодно ярлу). Угодно вамъ передать Ивару Бодде королевскую печать.

Маргарита (бросаясь къ возвышенію и умоляюще складывая руки). Гоконъ... будь мнѣ добрымъ и милостивымъ супругомъ!

(Гоконъ дѣлаетъ повелительный знакъ рукой, и Маргарита, закрывъ лицо фатой, отходитъ къ матери).

Ярлъ Скуле (Ивару Бодде). Вотъ королевская печать.

Иваръ Бодде. Вотъ чѣмъ кончился брачный пиръ. Великой скорбью для короля. Но рано или поздно это должно было случиться, и, я полагаю, каждый вѣрный мужъ долженъ радоваться тому, что оно уже случилось.

Ярлъ Скуле. А я полагаю, каждый вѣрный мужъ долженъ негодовать, что священникъ становится нынѣ между нами, биркебейнерами. Да, я говорю—биркебейнерами, ибо я такой же искренній биркебейнеръ, какъ самъ король и его люди. Я изъ того же рода, рода Сверре, королевскаго рода; но вы, священникъ, окружили короля стѣной недовѣрія и отстранили меня отъ него; вотъ надъ чѣмъ вы трудились столько лѣтъ.

Поль Флида (возбужденно окружающимъ). Мужи ярла! Иль мы потерпимъ дольше?

Грегоріусъ (выступая). Нѣтъ, не можемъ и не хотимъ терпѣть. Да будетъ объявлено во всеуслышаніе: никто изъ мужей ярла не можетъ служить королю вѣрой и правдой, пока Иваръ Бодде вхожъ къ королю и наговариваетъ на насъ.

Поль Флида. Священникъ! Я обѣщаю не щадить живота твоего, гдѣ бы ни встрѣтилъ тебя — въ открытомъ полѣ, на морѣ или въ несвященномъ мѣстѣ!

Многіе изъ людей ярла. И я! И я! Не будетъ тебѣ пощады отъ насъ!

Иваръ Бодде. Боже избави, чтобы я сталъ межъ королемъ и такими могучими витязями!.. Гоконъ, государь мой! Знаю за собой, что служилъ вамъ вѣрою и правдою. Противъ ярла я остерегалъ васъ, это такъ; но буде я когда былъ несправедливъ къ нему, то да проститъ мнѣ Богъ. Теперь мнѣ больше нечего дѣлать при дворѣ королевскомъ; вотъ ваша печать; возьмите ее въ свои собственныя руки; давно бы такъ надлежало!

Гоконъ (сойдя съ возвышенія). Вы останетесь!

Иваръ Бодде. Я не могу. Совѣсть грызла бы меня денно и нощно, если бы я остался. Въ такія времена нельзя причинить большаго бѣдствія, какъ ставъ между королемъ и ярломъ.

Гоконъ. Иваръ Бодде, я повелѣваю тебѣ остаться!

Иваръ Бодде. Возстань самъ святой король Олафъ изъ

своей серебряной раки и повели мнѣ остаться, мнѣ все же пришлось бы уйти. (Передаетъ печать въ руки короля). Простите, мой благородный государь! Господь да благословитъ васъ и дѣянія ваши! (Уходитъ сквозь толпу направо).

Гоконъ (мрачно ярлу и его людямъ). Изъ-за васъ я лишился вѣрнаго друга; трудно вамъ будетъ возмѣстить мнѣ эту потерю.

Ярлъ Скуле. Я предлагаю въ возмѣщеніе себя со всѣми своими людьми.

Гоконъ. Боюсь, мало будетъ и этого. Мнѣ предстоитъ нынѣ сплотить вокругъ себя всѣхъ, на кого могу вполнѣ положиться... Дагфинъ Бондъ, отправь немедля гонца на сѣверъ въ Гологаландъ. Пусть Вегардъ Вэрадаль возвратится.

Дагфинъ Бондъ (стоявшій поодаль, бесѣдуя съ недавно вошедшимъ человѣкомъ въ дорожной одеждѣ, приближается къ Гокону и говоритъ взволнованнымъ голосомъ). Вегардъ не можетъ возвратиться, государь.

Гоконъ. Почему ты знаешь?

Дагфинъ Бондъ. Сейчасъ прибылъ гонецъ оттуда.

Гоконъ. Съ какой вѣстью?

Дагфинъ Бондъ. Вегардъ Вэрадаль убитъ.

Голоса. Убитъ!

Гоконъ. Кто его убилъ?

Дагфинъ Бондъ. Андресъ Скьяльдарбандъ, другъ ярла.

(Краткое молчаніе; мужи тревожно перешептываются).

Гоконъ. Гдѣ гонецъ?

Дагфинъ Бондъ (выводя впередъ гонца). Вотъ онъ, государь король.

Гоконъ. Какая была тому причина?

Гонецъ. Никто не вѣдаетъ. Бесѣда шла о даняхъ, и вдругъ Андресъ вскочилъ и нанесъ Вегарду смертельный ударъ.

Гоконъ. А до того бывали между ними ссоры?

Гонецъ. Бывали. Андресъ часто говаривалъ, что одинъ мудрый мужъ съ юга писалъ ему, чтобы онъ былъ твердъ, какъ кремень, стоекъ, какъ скала, съ Вегардомъ Вэрадалемъ.

Дагфинъ Бондъ. Диковинно... А Вегардъ передъ своимъ отъѣздомъ говорилъ мнѣ, что одинъ мудрый мужъ совѣтовалъ *ему* быть кремнемъ и скалой съ Андресомъ Скьяльдарбандомъ.

Епископъ Николасъ. Стыдъ и позоръ такимъ совѣтчикамъ!

Гоконъ. Не будемъ допытываться, откуда это все пошло. Я лишился сегодня двухъ вѣрныхъ друзей. Я готовъ плакать по Вегардѣ, но тутъ мало однѣхъ слезъ. Жизнь за жизнь! Государь ярлъ, Андресъ Скьяльдарбандъ изъ вашихъ людей; вы предлагали мнѣ всякую помощь въ возмѣщеніе за Ивара

Бодде. Я ловлю васъ на словѣ и жду, что вы поможете мнѣ наказать это злодѣяніе.

Ярлъ Скуле. Воистину злые духи становятся сегодня между нами! Будь это кто другой изъ моихъ мужей, я бы выдалъ его вамъ головой.

Гоконъ (напряженно). Ну?

Ярлъ Скуле. Но не Андреса Скьяльдарбанда.

Гоконъ (вспыливъ). Вы защищаете убійцу!

Ярлъ Скуле. Этого убійцу я долженъ защищать.

Гоконъ. Причина?..

Ярлъ Скуле. О ней да вѣдаетъ одинъ Господь Богъ на небѣ.

Епископъ Николасъ (тихо Дагфину). Мнѣ-то она вѣдома.

Дагфинъ Бондъ. И я смекаю.

Епископъ Николасъ. Ни слова, добрый мой Дагфинъ!

Гоконъ. Ярлъ, я готовъ до послѣдняго надѣяться, что вы говорите не серьезно.

Ярлъ Скуле. Убей Андресъ Скьяльдарбандъ хоть родного отца моего, я бы отпустилъ его съ миромъ. И больше не спрашивайте.

Гоконъ. Хорошо. Такъ придется намъ самимъ учинить надъ нимъ судъ и расправу.

Ярлъ Скуле (съ выраженіемъ тревоги). Король! Польется кровь съ обѣихъ сторонъ!

Гоконъ. Пусть такъ. Кара должна свершиться!

Ярлъ Скуле. Нѣтъ, не должна! Не можетъ свершиться!

Епископъ Николасъ. Да, ярлъ правъ.

Гоконъ. И вы такъ говорите, высокочтимый владыка епископъ!?

Епископъ Николасъ. Андресъ Скьяльдарбандъ возложилъ на себя крестъ.

Гоконъ и ярлъ Скуле. Возложилъ крестъ!

Епископъ Николасъ. И уже покинулъ страну.

Ярлъ Скуле (глубоко вздохнувъ). На благо намъ всѣмъ.

Гоконъ. День клонится къ вечеру. Пора закончить брачный пиръ. Благодарю васъ, государь ярлъ, за всю честь, оказанную мнѣ въ эти дни. Вы отплываете въ Нидаросъ, я полагаю?

Ярлъ Скуле. Я такъ намѣренъ.

Гоконъ. А я въ Викенъ... Если ты, Маргарита, предпочитаешь остаться здѣсь, въ Бергенѣ, то оставайся.

Маргарита. Куда ты, туда и я, пока ты самъ не запретишь мнѣ слѣдовать за тобой.

Гоконъ. Хорошо, такъ слѣдуй.

Сигридъ. Распадется, расколется родъ! (Преклоняетъ колѣни передъ Гокономъ). Окажите мнѣ милость, государь король!

Гоконъ. Встаньте, фру Сигридъ. О чемъ просите, будетъ исполнено.

Сигридъ. Я не могу слѣдовать за ярломъ въ Нидаросъ. На Рейнѣ воздвигается женскій монастырь. Напишите архіепископу, — да буду въ немъ настоятельницей.

Ярлъ Скуле. Ты, сестра?

Гоконъ. Вы хотите пойти въ монастырь?

Сигридъ (встаетъ). Съ кровавой ночи моей свадьбы въ Нидаросѣ, когда ворвались къ намъ баглеры, изрубили моего жениха и съ нимъ сотни другихъ, а городъ запылалъ со всѣхъ концовъ, — море крови и пламени словно ослѣпило мой взоръ и застлало отъ него весь этотъ міръ. Но зато мнѣ дана была сила прозрѣвать то, чего не дано видѣть никому другому... и я вижу — надвигаются страшныя времена!

Ярлъ Скуле (съ горячностью). Она больна. Не слушайте ея!

Сигридъ. Богатая жатва зрѣетъ для того, кто жнетъ во тьмѣ. Женщинамъ Норвегіи остается отнынѣ одно—молиться на колѣняхъ по церквямъ и монастырямъ, молиться и денно и нощно.

Гоконъ (потрясенный). Что̀ двигаетъ ея устами: даръ пророчества или душевный недугъ?

Сигридъ. Прости, братъ мой, мы еще встрѣтимся съ тобой.

Ярлъ Скуле (невольно). Когда?

Сигридъ (понизивъ голосъ). Когда надѣнешь вѣнецъ; когда обрушатся всѣ бѣды... и ты прибѣгнешь ко мнѣ въ минуту смертельной скорби!

(Уходитъ направо, сопровождаемая Маргаритой, Рагнгильдъ и женщинами).

Гоконъ (послѣ короткаго молчанія обнажаетъ мечъ и говоритъ съ твердой и спокойной рѣшимостью). Всѣ мужи ярла примутъ присягу!

Ярлъ Скуле (вспыливъ). Вы это твердо рѣшили? (Почти умоляюще) Король Гоконъ, не дѣлайте этого!

Гоконъ. Никто изъ мужей ярла не уйдетъ изъ Бергена, пока не присягнетъ на вѣрность королю!

(Уходитъ со своими придворными. Всѣ, кромѣ епископа и ярла, слѣдуютъ за нимъ).

Епископъ Николасъ. Онъ круто обошелся съ вами сегодня.

(Ярлъ Скуле молча, словно въ столбнякѣ, смотритъ вслѣдъ Гокону).

Епископъ Николасъ (еще болѣе внушительно). А онъ, можетъ статься, и не сынъ короля.

Ярлъ Скуле (вдругъ оборачивается въ сильномъ волненіи и хватаетъ епископа за руку). Исповѣдь Тронда,—гдѣ она?

Епископъ Николасъ. Передъ смертью онъ отправилъ ее мнѣ, не знаю съ кѣмъ, и она не дошла до меня.

Ярлъ Скуле. Она должна найтись!

Епископъ Николасъ. Твердо уповаю на это.

Ярлъ Скуле. И если вы ее найдете, то вручите мнѣ?

Епископъ Николасъ. Обѣщаю.

Ярлъ Скуле. Клянитесь спасеніемъ своей души!

Епископъ Николасъ. Клянусь спасеніемъ моей души!

Ярлъ Скуле. Хорошо. До той поры буду идти Гокону наперекоръ, гдѣ только можно, втайнѣ. Нельзя, чтобы онъ былъ сильнѣе меня къ тому времени, когда борьба начнется.

Епископъ Николасъ. А если обнаружится, что онъ законный наслѣдникъ королевства, тогда что?

Ярлъ Скуле. Тогда мнѣ останется попытаться молиться... просить у Бога смиренія, чтобы служить Гокону вѣрой и правдой.

Епископъ Николасъ. А если незаконный?

Ярлъ Скуле. Тогда пусть онъ уступитъ мнѣ и санъ королевскій, и престолъ, и дворъ, и войско, и казну, и флотъ, и города, и замки,—все хочу я взять себѣ!

Епископъ Николасъ. Онъ укроется въ Викенѣ...

Ярлъ Скуле. Я выгоню его изъ Викена!

Епископъ Николасъ. Онъ укрѣпится въ Нидаросѣ...

Ярлъ Скуле. Я возьму приступомъ Нидаросъ!

Епископъ Николасъ. Онъ запрется въ церкви святого Олафа...

Ярлъ Скуле. Я нарушу миръ церкви!

Епископъ Николасъ. Онъ броситься въ алтарь и ухватится за раку Олафа...

Ярлъ Скуле. Я выволоку его оттуда—хоть съ ракой вмѣстѣ!

Епископъ Николасъ. Но онъ вѣнценосецъ, ярлъ!

Ярлъ Скуле. Я собью съ него вѣнецъ мечомъ!

Епископъ Николасъ. А если онъ сидитъ слишкомъ крѣпко?..

Ярлъ Скуле. Тогда, во славу Господа или сатаны, я сниму съ него вѣнецъ вмѣстѣ съ головой! (Уходитъ направо).

Епископъ Николасъ (глядитъ ему вслѣдъ, медленно киваетъ и говоритъ). Да, да... такимъ я люблю ярла!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Покой въ епископскомъ подворьѣ, въ Осло.

Направо входная дверь. Въ глубинѣ маленькая открытая дверь въ часовню, которая освѣщена. Въ лѣвой стѣнѣ завѣшенная ковромъ дверь въ опочивальню епископа. Впереди у той же стѣны мягкая скамья. Направо столъ съ грамотами, документами и горящей лампадой. Покой пустъ; слѣва, изъ-за двери, завѣшенной ковромъ, доносится пѣніе монаховъ. Немного погодя справа входитъ Поль Флида, одѣтый по-дорожному, останавливается передъ дверью опочивальни, выжидаетъ съ минуту, озирается и трижды стучитъ посохомъ въ полъ.

Сира Вильямъ (выходитъ слѣва и сдержанно восклицаетъ). Поль Флида! Хвала Господу! Такъ и ярлъ недалеко?

Поль Флида. Корабли уже у Говедё. Я поспѣшилъ впередъ. Что епископъ?

Сира Вильямъ. Его соборуютъ.

Поль Флида. Опасность велика?

Сира Вильямъ. Мейстеръ Сигардъ изъ Брабанта сказалъ, что онъ не переживетъ ночи...

Поль Флида. Такъ, сдается, онъ вызвалъ насъ слишкомъ поздно.

Сира Вильямъ. Нѣтъ, нѣтъ... онъ въ полномъ разсудкѣ, и силы еще есть... Каждую минуту спрашиваетъ, не прибылъ ли ярлъ.

Поль Флида. Вы все зовете его *ярломъ*. Развѣ не вѣдаете, король возвелъ его въ санъ герцога?

Сира Вильямъ. Да, да; просто по старой привычкѣ. Тсс!..

(Сира Вильямъ и Поль Флида крестятся и кланяются. Изъ опочивальни епископа выходятъ двое пѣвчихъ со свѣчами, затѣмъ двое съ кадилами; за ними священники съ чашей, дискосомъ, распятіемъ и хоругвью, и цѣлое шествіе молодыхъ священниковъ и монаховъ; заключаютъ его опять пѣвчіе со свѣчами и кадилами. Шествіе скрывается въ часовнѣ, двери которой затворяются за ними).

Поль Флида. Теперь нашъ старецъ покончилъ счеты съ этимъ міромъ.

Сира Вильямъ. И я, вѣрно, могу доложить ему, что герцога Скуле можно ожидать съ минуты на минуту.

Поль Флида. Какъ высадится — сейчасъ сюда. Прощайте! (Уходитъ).

(Нѣсколько священниковъ, въ томъ числѣ и Петеръ, вмѣстѣ со служками епископа выходятъ слѣва, неся ковры, подушки и большую жаровню съ углями).

Сира Вильямъ. Это къ чему?

Одинъ изъ священниковъ (приготовляя ложе на скамьѣ). Епископъ желаетъ полежать тутъ.

Сира Вильямъ. Разумно ли это?

Тотъ же священникъ. Мейстеръ Сигардъ полагаетъ, что надо угождать ему. Да вотъ и онъ.

(Епископъ Николасъ выходитъ, опираясь на мейстера Сигарда и священника. Онъ въ епископскомъ облаченіи, но безъ жезла и митры).

Епископъ Николасъ. Зажгите побольше свѣчей! (Его укладываютъ на ложе, укутываютъ одѣялами и ставятъ рядомъ жаровню). Вильямъ! Теперь я получилъ отпущеніе всѣмъ грѣхамъ моимъ. Они сняли ихъ съ меня, и я чувствую облегченіе.

Сира Вильямъ. Вѣсть отъ герцога, государь; онъ уже у Говедё.

Епископъ Николасъ. Хорошо, очень хорошо. И король, вѣрно, скоро прибудетъ. Блуднымъ псомъ прожилъ я жизнь свою, Вильямъ; много прегрѣшилъ передъ королемъ. Священники сказали, что будто всѣ грѣхи мои теперь отпущены. Хорошо бы... но имъ вѣдь ничего не стоитъ обѣщать; не противъ ихъ я грѣшилъ. Нѣтъ, нѣтъ,—вѣрнѣе получить отпущеніе изъ устъ самого короля. (Съ раздраженіемъ) Свѣчей, говорю я! Здѣсь такой мракъ.

Сира Вильямъ. Зажгли...

Мейстеръ Сигардъ (останавливая его знакомъ и приближаясь къ епископу). Какъ вы себя чувствуете, владыка?

Епископъ Николасъ (со стономъ). О-о! Руки и ноги оледянѣли!

Мейстеръ Сигардъ (вполголоса, придвигая поближе жаровню). Гм... начало конца.

Епископъ Николасъ (со страхомъ Вильяму). Я повелѣлъ восьмерымъ монахамъ пѣть и молиться за меня въ часовнѣ всю ночь. Приглядывай за ними. Межъ ними есть такіе лѣнивцы!..

Сира Вильямъ (молча указываетъ на дверь часовни, гдѣ раздается пѣніе, продолжающееся и въ теченіе слѣдующихъ явленій).

Епископъ Николасъ. Столько еще не додѣлано, и вотъ надо уйти, бросить все! Столько не додѣлано, Вильямъ!

Сира Вильямъ. Владыка, думайте о небесномъ!

Епископъ Николасъ. Время еще терпитъ... Мейстеръ Сигардъ полагаетъ — до утра...

Сира Вильямъ. Владыка, владыка!

Епископъ Николасъ. Дай мнѣ митру и жезлъ!.. Тебѣ хорошо совѣтовать думать... (Одинъ изъ священниковъ подноситъ митру и жезлъ). Такъ; положи тамъ митру; она тяжела мнѣ; а жезлъ дай въ руки. Вотъ теперь я во всеоружіи. Я — епископъ!.. Лукавый не дерзнетъ подступиться ко мнѣ!

Сира Вильямъ. Не угодно ли еще чего?

Епископъ Николасъ. Нѣтъ. Постой, скажи мнѣ... тутъ сынъ Андреса Скьяльдарбанда... всѣ отзываются о немъ съ похвалой..

Сира Вильямъ. Онъ воистину святая душа.

Епископъ Николасъ. Петеръ! Ты посидишь со мной, пока

прибудетъ король или герцогъ. А вы всѣ ступайте пока, но будьте подъ рукой.

(Всѣ, кромѣ Петера, уходятъ направо).

Епископъ Николасъ (послѣ краткой паузы). Петеръ!

Петеръ (приближаясь). Владыка?

Епископъ Николасъ. Ты никогда еще не видалъ, какъ умираютъ старые люди?

Петеръ. Нѣтъ.

Епископъ Николасъ. Всѣ трусятъ,—могу поклясться! На столѣ лежитъ грамота за печатью; дай мнѣ ее. (Петеръ подаетъ). Это матери твоей.

Петеръ. Матери моей?

Епископъ Николасъ. Ты отвезешь грамоту въ Гололандъ. Я пишу ей о важномъ дѣлѣ. Пришла вѣсть объ отцѣ твоемъ.

Петеръ. Онъ бьется за дѣло Божье въ Святой землѣ. Если падетъ, то падетъ на священной землѣ; каждая пядь земли тамъ свята. Я поминаю его передъ Господомъ во всѣхъ своихъ молитвахъ.

Епископъ Николасъ. Андресъ Скьяльдарбандъ дорогъ твоему сердцу?

Петеръ. Онъ честный мужъ; но есть другой мужъ, чьимъ величіемъ мать моя взлелѣяла, вскормила меня.

Епископъ Николасъ (быстро, взволнованно). Это герцогъ Скуле?

Петеръ. Да, герцогъ; Скуле Бордссёнъ. Мать знавала его въ дни молодости. Герцогъ, навѣрное, первый мужъ въ странѣ.

Епископъ Николасъ. Вотъ грамота: немедля отправляйся съ нею на сѣверъ!.. Они не поютъ тамъ больше?

Петеръ. Поютъ, владыка!

Епископъ Николасъ. Восемь дюжихъ молодцовъ съ глотками, какъ трубы іерихонскія,—должно же это помочь, я полагаю?

Петеръ. Владыка, владыка, я бы молился самъ!

Епископъ Николасъ. У меня слишкомъ много не додѣлано, Петеръ. Жизнь слишкомъ коротка... Кромѣ того король, вѣрно, проститъ меня, когда явится... (Его передергиваетъ отъ боли).

Петеръ. Я вижу, вы страждете?

Епископъ Николасъ. Нѣтъ; но у меня звенитъ въ ушахъ, а въ глазахъ мигаютъ огни...

Петеръ. Это небесные колокола отзываютъ васъ домой... и мерцаютъ огни, засвѣченные для васъ ангелами Божьими.

Епископъ Николасъ. Да, да, вѣрно, такъ... Бояться нечего,—только бы они усердно молились тамъ... Прости же: отправляйся немедля съ грамотой.

Петеръ. Не надо ли сначала..?

Епископъ Николасъ. Нѣтъ, ступай: я не боюсь остаться одинъ.

Петеръ. До радостнаго свиданія, владыка, когда небесные колокола отзовутъ и меня туда! (Уходитъ направо).

Епископъ Николасъ. Небесные колокола... да, это легко говорится, пока человѣкъ на погахъ, здоровъ и бодръ... Столько еще не додѣлано! Но все-таки оставлю по себѣ живую память... Я клялся спасеніемъ своей души вручить герцогу исповѣдь священника Тронда, если она попадетъ мнѣ въ руки... Хорошо, что она не попала. Увѣрься онъ, — онъ или восторжествовалъ бы, или палъ. И тогда одинъ изъ нихъ сталъ бы могущественнѣйшимъ изъ мужей, какой когда-либо жилъ въ Норвегіи. Нѣтъ, нѣтъ... чего я не могъ достичь — пусть не достается никому! Лучше всего неувѣренность; пока она тяготѣетъ надъ герцогомъ, они оба будутъ вредить другъ другу, гдѣ только могутъ, жечь города, разорять селенія... Ни одинъ не выиграетъ тамъ, гдѣ проиграетъ другой... (Съ внезапнымъ испугомъ) Милости, пощады! Вѣдь это я всему виною... я далъ первый толчокъ! (Успокаиваясь) Да, да, да; но сейчасъ прибудетъ король... ему вѣдь я повредилъ больше всего, а онъ проститъ меня навѣрно... Будутъ молиться, служить обѣдни... бояться нечего. Я вѣдь епископъ и никого не убивалъ своими руками... Хорошо, что исповѣдь Тронда не попала мнѣ въ руки; святые за меня; не хотятъ ввести меня въ искушеніе нарушить клятву! (Стукъ въ дверь). Кто стучитъ? Вѣрно, герцогъ! (Самодовольно потираетъ руки). Онъ будетъ молить меня дать ему доказательство правъ короля, — а у меня нѣтъ въ рукахъ никакихъ доказательствъ!

(Входитъ Инга изъ Вартейга, вся въ черномъ, въ плащѣ и капюшонѣ).

Епископъ Николасъ (весь вздрагивая). Кто это?

Инга. Женщина изъ Вартейга, высокочтимый владыка.

Епископъ Николасъ. Мать короля?

Инга. Такъ меня звали когда-то.

Епископъ Николасъ. Уйдите, уйдите! Не я посовѣтовалъ королю отослать васъ отъ себя!

Инга. Все, что дѣлаетъ король — хорошо. Я не за тѣмъ явилась.

Епископъ Николасъ. За чѣмъ же?

Инга. Гуннульфъ, братъ мой, вернулся изъ паломничества въ Англію...

Епископъ Николасъ. Изъ Англіи!..

Инга. Онъ пробылъ тамъ много лѣтъ, какъ вамъ вѣдомо; скитался тамъ повсюду... И вотъ привезъ съ собой грамоту.

Епископъ Николасъ (затаивъ дыханіе). Грамоту?..

Инга. Отъ священника Тронда — вамъ, владыка. (Подаетъ ему грамоту).

Епископъ Николасъ. Вотъ что!.. И вы ее принесли?

Инга. Такова была воля Тронда. Я въ большомъ долгу у него за воспитаніе Гокона. До меня дошли слухи, что вы слегли, и я немедля пустилась въ путь... пѣшкомъ...

Епископъ Николасъ. Не такъ къ спѣху было, Инга!

Дагфинъ Бондъ (входитъ справа). Миръ тебѣ, высокочтимый владыка!

Епископъ Николасъ. Король идетъ?

Дагфинъ Бондъ. Спускается съ Рюенскихъ горъ вмѣстѣ съ королевой, младенцемъ и большой свитой.

Инга (кидаясь къ Дагфину). Король... король! Онъ будетъ здѣсь?

Дагфинъ Бондъ. Инга! Вы здѣсь, многострадальная женщина?

Инга. Можно ли звать многострадальной мать столь великаго сына!

Дагфинъ Бондъ. Теперь его суровое сердце смягчится.

Инга. Ни слова королю обо мнѣ! Но видѣть его я должна... Слушай, онъ придетъ сюда?

Дагфинъ Бондъ. Да, скоро.

Инга. А вечеръ темный. Путь короля, вѣрно, освѣтятъ факелами?

Дагфинъ Бондъ. Да.

Инга. Такъ я притаюсь въ сѣняхъ, гдѣ онъ будетъ проходить; а тамъ — опять къ себѣ въ Вартейгъ. Но сначала въ Гальвардскую церковь, — тамъ и ночью теплются свѣчи, — и помолюсь за короля, моего славнаго сына! (Уходитъ направо).

Дагфинъ Бондъ. Я выполнилъ порученіе; пойду встрѣтить короля.

Епископъ Николасъ. Привѣтствуй его отъ меня сердечно, добрый мой Дагфинъ!

Дагфинъ Бондъ (уходя направо). Не хотѣлъ бы я завтра быть на мѣстѣ епископа Николаса!

Епископъ Николасъ. Исповѣдь Тронда!.. Все-таки попала мнѣ въ руки... вотъ она. (Задумчиво глядитъ передъ собой). Не слѣдовало давать никакихъ обѣтовъ, клясться спасеніемъ души такому старику, какъ я. Будь у меня впереди годы, я бы еще могъ какъ-нибудь вывернуться... Но этотъ вечеръ... мой послѣдній вечеръ... нѣтъ, нѣтъ, опасно... Такъ сдержать обѣтъ? И подвергнуть опасности зданіе, надъ которымъ трудился всю жизнь? (Шопотомъ) Ахъ, удалось бы мнѣ еще разокъ провести лукаваго — хоть одинъ этотъ послѣдній разокъ! (Прислушиваясь) Что это? (Кричитъ) Вильямъ! Вильямъ!

(Сира Вильямъ вбѣгаетъ справа).

Епископъ Николасъ. Что это за страшный шумъ и вой?

Сира Вильямъ. Непогода разыгралась; все крѣпчаетъ.

Епископъ Николасъ. Непогода разыгралась? Ну, конечно, я сдержу обѣтъ! Непогода, говоришь ты... Они поютъ тамъ?

Сира Вильямъ. Да, владыка.

Епископъ Николасъ. Скажи имъ, чтобы они молились изо всѣхъ силъ. Особенно братъ Аслакъ; а то онъ всегда читаетъ такія коротенькія молитвы; отвиливаетъ, гдѣ только можно; пропускаетъ слова, песъ! (Стучитъ о полъ жезломъ). Поди и скажи ему, что мнѣ осталась всего одна ночь — послѣдняя; пусть приложитъ всѣ старанія, не то я буду являться ему во снѣ и наяву!

Сира Вильямъ. Владыка, не позвать ли мейстера Сигарда?

Епископъ Николасъ. Ступай, говорю я! (Сира Вильямъ уходитъ въ часовню). Вѣрно, воля неба, чтобы я примирилъ короля и герцога, разъ оно посылаетъ мнѣ грамоту Тронда въ такую минуту. Тяжело тебѣ сдаваться, Николасъ, однимъ взмахомъ уничтожить зданіе, которое созидалъ всю жизнь. Но другого исхода нѣтъ. На этотъ разъ придется покориться волѣ неба... И хоть бы я могъ прочесть, что написано тамъ въ грамотѣ; но я не разберу ни слова! Глаза застилаетъ туманомъ, а въ немъ прыгаютъ искры. И никому нельзя поручить прочесть!.. Дать такой обѣтъ!.. Ужели умъ человѣческій такъ жалокъ, что не въ силахъ справиться съ собственнымъ дѣяніемъ въ его послѣдствіяхъ? Я долго внушалъ Вегарду Вэрадалю, чтобы онъ уговорилъ короля отослать Ингу отъ себя, и это совершилось наконецъ. Это дѣяніе было умно. Но, не дай я тогда такого совѣта, Инга не жила бы въ Вартейгѣ, грамота не попала бы во-время въ мои руки, и мнѣ не предстояло бы теперь сдержать свой обѣтъ... Умное дѣяніе превратилось въ неумное. Будь еще у меня время впереди... но мнѣ осталась всего одна ночь до утра, да и то не навѣрно. Я долженъ, я хочу пожить еще! (Стучитъ жезломъ; справа входитъ священникъ). Позвать мейстера Сигарда! (Священникъ уходитъ; епископъ судорожно сжимаетъ грамоту въ рукахъ). Тутъ, за этой тонкой печатью, покоится сага Норвегіи на сто лѣтъ впередъ! Покоится и дремлетъ, какъ птенецъ въ яйцѣ! О, имѣть бы не одну душу, а нѣсколько, или—ни одной! (Страстно прижимаетъ письмо къ груди). Не будь мой конецъ такъ близокъ... а съ нимъ судъ и возмездіе... я высидѣлъ бы изъ тебя коршуна, который навелъ бы своими крылами тѣнь ужаса на всю страну, вонзилъ бы свои острые когти въ сердце каждаго человѣка! (Вздрагивая) Но послѣдній часъ близокъ! (Вскрикиваетъ) Нѣтъ, нѣтъ... ты бу-

дешь лебедемъ, бѣлымъ лебедемъ! (Бросаетъ грамоту на полъ и кричитъ) Мейстеръ Сигардъ! Мейстеръ Сигардъ!

Мейстеръ Сигардъ (входитъ справа). Какъ вы себя чувствуете, благородный господинъ мой?

Епископъ Николасъ. Мейстеръ Сигардъ... продайте мнѣ три дня жизни!

Мейстеръ Сигардъ. Я сказалъ вамъ...

Епископъ Николасъ. Да, да; но это вы только такъ — нарочно. Вы хотѣли только наказать меня слегка. Я былъ для васъ несноснымъ господиномъ, и вы хотѣли попугать меня. Фу, это было нехорошо! Нѣтъ, нѣтъ, это мнѣ подѣломъ было. Но теперь будьте же добрѣе, снисходительнѣе! Я хорошо заплачу̀... Три дня жизни, мейстеръ Сигардъ, всего три дня!

Мейстеръ Сигардъ. Хоть бы мнѣ самому предстояло отправиться на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ вами, я и тогда не могъ бы отсрочить этого на три дня.

Епископъ Николасъ. Ну, одинъ, хоть одинъ всего! Пусть будетъ свѣтло, пусть свѣтитъ солнце, когда я буду отходить! Слушайте, Сигардъ! (Подзываетъ его и притягиваетъ къ себѣ на скамью). Почти все свое золото и серебро я отказалъ церквямъ, чтобы по мнѣ служили обѣдни, длинныя обѣдни. Я отмѣню свое распоряженіе. Вы все получите! А, Сигардъ? Не надуть ли намъ съ вами всѣхъ ихъ тамъ? Хе-хе-хе! Вы разбогатѣете, Сигардъ, покинете страну. Я же получу отсрочку, возможность немножко управиться съ дѣлами и обойтись меньшимъ числомъ молитвъ. Ну, что̀ же, Сигардъ, сдѣлаемъ такъ?.. (Сигардъ щупаетъ его пульсъ; епископъ со страхомъ) Что̀ же вы не отвѣчаете?

Мейстеръ Сигардъ (встаетъ). Недосугъ мнѣ, владыка! Я приготовлю вамъ питье; оно облегчитъ вамъ послѣднія минуты.

Епископъ Николасъ. Нѣтъ, повремените еще! Повремените и отвѣтьте мнѣ!

Мейстеръ Сигардъ. Недосугъ; питье должно быть готово не позже, какъ черезъ часъ. (Уходитъ направо).

Епископъ Николасъ. Черезъ часъ! (Изступленно стучитъ жезломъ). Вильямъ! Вильямъ! (Сира Вильямъ входитъ изъ часовни).

Епископъ Николасъ. Возьми имъ еще на подмогу! Восьмерыхъ мало!

Сира Вильямъ. Владыка?..

Епископъ Николасъ. Возьми еще нѣсколькихъ на подмогу, говорятъ тебѣ! Крестовый братъ Кольбейнъ пролежалъ на одрѣ болѣзни пять недѣль... немного нагрѣшилъ за это время...

Сира Вильямъ. Онъ исповѣдался вчера.

Епископъ Николасъ (оживленно). Вотъ, вотъ. его и надо! Возьми его! (Вильямъ уходитъ въ часовню). Черезъ часъ! (Отираетъ потъ со лба) Фу, какая здѣсь жара!.. Жалкій песъ, — къ чему вся его ученость, когда онъ не можетъ продлить жизнь на часъ! Сидитъ цѣлыми днями въ своемъ покоѣ и прилаживаетъ хитрые колесики, гири и рычаги; хочетъ соорудить такую штуку, которая бы шла, шла, не останавливаясь — perpetuum mobile, какъ онъ ее называетъ. Зачѣмъ лучше не приложитъ онъ свой умъ и свое искусство къ тому, чтобы превратить человѣка въ такое perpetuum mobile?.. (Останавливается и раздумываетъ: просвѣтлѣвъ) Perpetuum mobile... Я не силенъ въ латыни... но это означаетъ нѣчто такое, что способно дѣйствовать вѣчно, до скончанія вѣковъ. А что если бы я самъ смогъ?.. Вотъ было бы дѣло, достойное конца! Совершить такое величайшее дѣло въ послѣдній часъ своей жизни! Пустить въ ходъ колесики, гири и рычаги въ душѣ короля и герцога, пустить въ ходъ такъ, чтобы никакая сила земная не смогла ихъ остановить! Если я смогу это, то я вѣдь останусь жить, жить въ моемъ дѣлѣ... и въ концѣ концовъ это, пожалуй, и есть то, что называютъ безсмертіемъ... Утѣшительныя, отрадныя мысли, какъ вы успокаиваете старика! (Глубоко переводитъ духъ и вытягивается на ложѣ). Дьяволъ жестоко донималъ меня сегодня. Вотъ къ чему приводитъ праздность... otium est pulvis... pulveris... да ну ее, латынь! Дьяволу больше не взять надо мной власти; я буду дѣйствовать до послѣдняго вздоха: я хочу... Какъ они вопятъ тамъ! (Стучитъ: входитъ Вильямъ). Скажи имъ, чтобы замолчали; они мѣшаютъ мнѣ. Король и герцогъ скоро прибудутъ; мнѣ надо обдумать важныя дѣла.

Сира Вильямъ. Владыка, такъ велѣть имъ?..

Епископъ Николасъ. Пусть перестанутъ ненадолго; дадутъ мнѣ спокойно обсудить. Поди сюда, подними съ полу вонъ ту грамоту!.. Хорошо. И дай мнѣ сюда документы...

Сира Вильямъ (идетъ къ столу). Какіе, государь мой?

Епископъ Николасъ. Все равно... тѣ, съ печатями, что лежатъ сверху... Такъ. Поди теперь и скажи, чтобы они были потише. (Вильямъ уходитъ). Умереть и все-таки властвовать надъ Норвегіей! Умереть и устроить такъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ возвыситься головой надъ всѣми другими! Тысячи путей ведутъ къ этой цѣли; но лишь одинъ годится... Найти, найти его и вступить на него!.. Га! Да вотъ онъ, вотъ онъ! Да будетъ такъ. Я сдержу обѣтъ. Грамота будетъ вручена герцогу; а королю... гм... ему надо вонзить въ душу жало сомнѣнія. Гокинъ честенъ, — какъ это у нихъ называется: вмѣстѣ съ

вѣрой въ себя, въ свое право, въ немъ рухнетъ многое. Оба будутъ сомнѣваться и вѣрить, колебаться изъ стороны въ сторону, и никогда не ощупаютъ твердой почвы подъ ногами — Regretium mobile!.. Но повѣритъ ли Гоконъ моему слову? Повѣритъ; я — на смертномъ одрѣ, и передъ тѣмъ я угощу его правдой... Тѣло слабѣетъ, но духъ крѣпнетъ; я не лежу больше на одрѣ смерти; я сижу въ своемъ рабочемъ покоѣ; я буду работать эту послѣднюю ночь, работать — пока свѣтъ не угаснетъ...

Герцогъ Скуле (входитъ справа и направляется къ епископу). Миръ и привѣтъ, высокочтимый владыка! Мнѣ сообщили, что вамъ неможется.

Епископъ Николасъ. Я трупъ въ почкѣ, добрый мой герцогъ; ночью расцвѣту; завтра услышите, каково я пахну.

Герцогъ Скуле. Уже ночью, говорите вы?

Епископъ Николасъ. Мейстеръ Сигардъ говоритъ—черезъ часъ.

Герцогъ Скуле. А грамота священника Тронда?..

Епископъ Николасъ. Вы все еще думаете о ней?

Герцогъ Скуле. Она не выходитъ у меня изъ головы никогда.

Епископъ Николасъ. Король возвелъ васъ въ герцоги; до васъ еще никто въ Норвегіи не носилъ этого титула.

Герцогъ Скуле. Мнѣ этого мало. Если Гоконъ не законный наслѣдникъ, я хочу овладѣть всѣмъ.

Епископъ Николасъ. У, какъ здѣсь холодно; я весь ледянѣю.

Герцогъ Скуле. Грамоту Тронда, владыка! Ради Господа Всемогущаго, скажите — у васъ она?

Епископъ Николасъ. Знаю, во всякомъ случаѣ, гдѣ она.

Герцогъ Скуле. Скажите же, скажите!

Епископъ Николасъ. Повремените...

Герцогъ Скуле. Нѣтъ, нѣтъ, не теряйте времени... я вижу, дѣло быстро клонится къ концу... И король сейчасъ прибудетъ — сказали мнѣ.

Епископъ Николасъ. Да, король прибудетъ; вотъ вамъ лучшая порука въ томъ, что я пекусь о васъ даже на смертномъ одрѣ.

Герцогъ Скуле. Какія же ваши мысли?

Епископъ Николасъ. Припомните свадьбу короля... вы сказали тогда, что вся сила Гокона въ его непоколебимой вѣрѣ въ себя?

Герцогъ Скуле. Ну?

Епископъ Николасъ. Если я исповѣдуюсь передъ нимъ и посѣю въ немъ сомнѣніе, — вѣра его рухнетъ, а съ нею и сила.

Герцогъ Скуле. Владыка, грѣшно, грѣшно это, если онъ законный наслѣдникъ!

Епископъ Николасъ. Въ вашей власти будетъ вернуть ему вѣру. Прежде чѣмъ проститься съ жизнью, я скажу вамъ, гдѣ грамота Тронда.

Сира Вильямъ (входитъ справа). Король шествуетъ съ факелами и со свитой.

Епископъ Николасъ. Добро пожаловать! (Вильямъ уходитъ). Герцогъ, прошу у васъ послѣдней услуги. Вамъ я завѣщаю разсчитаться со всѣми моими недругами. (Беретъ грамоту). Вотъ тутъ они всѣ поименованы. Тѣхъ, чьи имена сверху, хорошо бы повѣсить, буде можно.

Герцогъ Скуле. Не помышляйте теперь о мести; недолго вамъ осталось...

Епископъ Николасъ. Не о мести, но о возмездіи. Обѣщайте мнѣ занести мечъ возмездія надъ головами всѣхъ моихъ недруговъ, когда меня не станетъ. Они столь же ваши недруги, сколь мои; когда вы будете королемъ, покарайте ихъ: обѣщаете?

Герцогъ Скуле. Обѣщаю и клянусь!.. Но грамота Тронда?..

Епископъ Николасъ. Вы узнаете, гдѣ она; но король идетъ... спрячьте списокъ вашихъ недруговъ.

(Герцогъ прячетъ грамоту: въ ту же минуту справа входитъ Гоконъ).

Епископъ Николасъ. Добро пожаловать ко мнѣ на тризну, государь король!

Гоконъ. Упорно шли вы всегда наперекоръ мнѣ; но да будетъ все это забыто и прощено. Смерть сама похѣритъ самый крупный счетъ.

Епископъ Николасъ. Отлегло! О, какъ чудодѣйственно милосердіе короля! Государь, за то, что вы сдѣлали сейчасъ для стараго грѣшника, вамъ воздастся вдесятеро...

Гоконъ. Оставимъ это; но я долженъ вамъ сказать, что крайне удивленъ. Вы приглашаете меня сюда, чтобы получить мое прощеніе, и готовите мнѣ такую встрѣчу.

Епископъ Николасъ. Встрѣчу, государь?

Герцогъ Скуле. Король намекаетъ на меня. Возьмите на себя, владыка епископъ, увѣрить короля Гокона моей честью, что я ничего не зналъ о его прибытіи прежде, чѣмъ самъ высадился въ Осло.

Епископъ Николасъ. Увы, увы, вся вина на мнѣ! Весь послѣдній годъ я провелъ на одрѣ тяжкой болѣзни; я мало или вовсе не слѣдилъ за дѣлами страны; я полагалъ, что между высокими родичами теперь миръ и согласіе.

Гоконъ. Я замѣтилъ, что наша дружба съ герцогомъ всего

прочнѣе. когда мы держимся другъ отъ друга подальше. Итакъ, простите, епископъ Николасъ, и Господь да приметъ васъ тамъ, куда вы отходите! (Хочетъ уйти).

Герцогъ Скуле (тихо, тревожно). Епископъ, епископъ, онъ уходитъ!

Епископъ Николасъ (вдругъ, съ изступленной силой). Постойте, король Гоконъ!

Гоконъ (останавливается). Что еще?

Епископъ Николасъ. Вы не уйдете изъ этого покоя, пока не выслушаете послѣдняго слова стараго епископа Николаса!

Гоконъ (невольно хватаясь за мечъ). Да вы, быть-можетъ, явились въ Викенъ съ войскомъ, герцогъ?

Герцогъ Скуле. Я тутъ не при чемъ.

Епископъ Николасъ. Я удержу васъ силой слова. Въ домѣ, гдѣ похороны, покойникъ — первое лицо: онъ можетъ сдѣлать все, что вздумаетъ — насколько хватитъ силъ. Поэтому я и хочу теперь самъ произнести себѣ надгробное слово. Въ былыя времена я все боялся, какъ бы не довелось держать его королю Сверре.

Гоконъ. Не говорите безумныхъ рѣчей, владыка!

Герцогъ Скуле. Вы тратите дорогія минуты жизни, что еще остались вамъ!

Гоконъ. У васъ глаза уже помутились!

Епископъ Николасъ. Да, взоръ мой помутился; я еле вижу васъ передъ собой; но передъ моимъ внутреннимъ взоромъ проходитъ вся моя жизнь, озаренная яркимъ свѣтомъ. Передо мной встаютъ видѣнія... внимайте и поучайтесь, король!.. Родъ мой былъ могущественнѣе всѣхъ въ странѣ; много вышло изъ него великихъ вождей; я хотѣлъ быть славнѣйшимъ изъ всѣхъ. Еще отрокомъ томился я жаждой великихъ дѣлъ; я дождаться не могъ того времени, когда вырасту. Выходили въ короли люди съ меньшими правами, чѣмъ я, — Магнусъ Эрлингссёнъ, священникъ Сверре... Я тоже хотѣлъ быть королемъ. Но сначала вождемъ; безъ этого нельзя было. Надвигалась битва на валахъ Иле, и мнѣ впервые предстояло идти на врага. Взошло солнце и заиграло на тысячахъ блестящихъ доспѣховъ. Магнусъ со своей дружиной вышелъ, какъ на потѣху: у меня одного щемило сердце. Съ силой ринулся нашъ фюлькъ впередъ, но я не могъ слѣдовать за нимъ, — я струсилъ! Всѣ остальные вожди Магнуса дрались мужественно, и многіе пали на мѣстѣ, а я кинулся на гору Стенъ и бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, пока не очутился внизу, у фьорда, далеко-далеко. Много въ тотъ вечеръ стеклось людей къ Троньемскому фьорду отмывать свои окровавленныя одежды: мнѣ тоже при-

шлось отмывать свои, но не отъ крови. Да, король, я струсилъ; созданъ быть вождемъ и — трусъ! Меня это какъ молніей поразило; съ той поры я возненавидѣлъ всѣхъ людей: я тайно молился въ церквяхъ, плакалъ, стоялъ на колѣняхъ передъ алтарями; дѣлалъ богатые вклады, давалъ священные обѣты; я испытывалъ себя въ битвѣ за битвой — при Сальмёзундѣ, на валахъ Йонса въ то лѣто, когда баглеры залегли въ Бергенѣ — все тщетно. Сверре первый смекнулъ, въ чемъ дѣло, и сталъ громко глумиться надо мной, и съ того дня Николасъ Арнессёнъ не могъ показаться въ ратныхъ доспѣхахъ, чтобы его не подняли на смѣхъ всѣ и каждый... Трусъ, трусъ... а все-таки я хотѣлъ быть вождемъ, быть королемъ! Я сознавалъ, что все-таки созданъ королемъ, способенъ упрочить царство Божіе на землѣ; но сами святые преградили мнѣ путь.

Гоконъ. Не рощите на небо, епископъ! Вы много ненавидѣли!

Епископъ Николасъ. Да, я много ненавидѣлъ; ненавидѣлъ въ этой странѣ каждую голову, которая возвышалась надъ толпой. Но я ненавидѣлъ потому, что не могъ любить. Красивыя женщины... о, я и теперь готовъ пожирать ихъ горящими глазами! Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ, а я все еще горю желаніемъ — разить мужей и сжимать въ объятіяхъ женщинъ!.. Но и тутъ со мной было то же, что въ битвѣ: одна страсть, одно томленіе желанія, а нѣтъ силъ!.. Я былъ немощенъ отъ рожденія... надѣленъ кипучими страстями и — жалкій калѣка! Тогда я сдѣлался священникомъ. Королемъ или епископомъ долженъ быть тотъ, кто хочетъ власти. (Смѣется) Я — священникъ! Я — слуга церкви! Да, на одно я годился въ церкви, однимъ такимъ даромъ одарило меня небо, — я могъ брать самыя высокія ноты... пѣть женскимъ голосомъ на большихъ церковныхъ торжествахъ. А они тамъ, наверху, еще требуютъ отъ меня, получеловѣка, того, чего они вправѣ требовать лишь отъ тѣхъ, кому даны всѣ силы и способности для осуществленія своего земного призванія! Было время, когда я считалъ такія требованія справедливыми; и я лежалъ тутъ на одрѣ болѣзни, корчась отъ ужаса передъ судомъ и возмездіемъ! Теперь это прошло; я снова воспрянулъ духомъ! Я ни въ чемъ неповиненъ; я обиженный, я чѣлобитчикъ!

Герцогъ Скуле (понизивъ голосъ). Владыка... грамоту! Вамъ недолго осталось!

Гоконъ. Подумайте о душѣ своей и смиритесь!

Епископъ Николасъ. Душа человѣка въ дѣлахъ его, и мое дѣло переживетъ меня на землѣ. А вы, король Гоконъ, берегитесь; какъ небо шло противъ меня и пожинало въ награду

зло, такъ и вы идете противъ человѣка, въ рукахъ котораго счастье страны...

Гоконъ. А, — герцогъ, герцогъ! Теперь я понимаю цѣль этой встрѣчи!

Герцогъ Скуле (съ жаромъ епископу). Ни слова больше ни о чемъ подобномъ!

Епископъ Николасъ (Гокону). Онъ будетъ идти противъ васъ, пока у него голова на плечахъ. Подѣлитесь съ нимъ! Я не буду знать покоя въ гробу, буду бродить привидѣніемъ, если вы не подѣлите между собой власти! Ни одному изъ васъ не возвыситься за счетъ другого! Случись это, страна обрѣла бы богатыря, а здѣсь не мѣсто богатырямъ, — я не былъ никогда богатыремъ! (Обезсиленный опускается на скамью).

Герцогъ Скуле (бросаясь на колѣни возлѣ него, кричитъ Гокону). Зовите на помощь! Ради самого Бога, не давайте ему умереть!

Епископъ Николасъ. Въ глазахъ все темнѣе и темнѣе!.. Король, въ послѣдній разъ... хотите вы подѣлиться съ герцогомъ?

Гоконъ. Не поступлюсь ни единой крупицей того, что̀ даровано мнѣ Богомъ!

Епископъ Николасъ. Хорошо же! (Глухо) Вѣрой вы во всякомъ случаѣ поступитесь. (Кричитъ). Вильямъ!

Герцогъ Скуле (понизивъ голосъ). Грамота, грамота!

Епископъ Николасъ (не слушая его). Вильямъ! (Вильямъ входитъ; епископъ притягиваетъ его къ себѣ и шепчетъ) Когда я принялъ послѣднее помазаніе елеемъ, мнѣ вѣдь были отпущены всѣ грѣхи?

Сира Вильямъ. Всѣ грѣхи отъ самаго рожденія вашего и до того часа, какъ васъ помазали.

Епископъ Николасъ. А не дальше? Не до самаго конца моего?

Сира Вильямъ. Владыка, не согрѣшите же вы въ эту ночь!

Епископъ Николасъ. Гм... кто знаетъ... Возьми золотой кубокъ, что̀ я получилъ въ наслѣдство отъ епископа Абсалона... отдай его въ церковь... и пусть прочтутъ за упокой души моей еще семь длинныхъ молитвъ.

Сира Вильямъ. Владыка, Господь смилостивится надъ вами!

Епископъ Николасъ. Еще семь молитвъ, говорю я тебѣ — за грѣхи сегодняшней ночи! Ступай, ступай! (Вильямъ уходитъ, епископъ поворачивается къ Скуле). Герцогъ, если вы когда-нибудь прочтете грамоту священника Тронда и окажется, что Гоконъ законный наслѣдникъ — что̀ вы сдѣлаете тогда?

Герцогъ Скуле. Пусть будетъ королемъ во славу Божію!

Епископъ Николасъ. Подумайте! Отъ этого многое зависитъ. Провѣрьте каждый уголокъ въ своей душѣ. Отвѣчайте, какъ передъ вышнимъ судомъ! Что̀ вы сдѣлаете, если онъ законный?

Герцогъ Скуле. Смирюсь и буду служить ему.

Епископъ Николасъ (бормочетъ). Да, да, да, — такъ и несите послѣдствія! (Громче) Герцогъ, я усталъ, обезсилѣлъ; въ душу мнѣ нисходитъ миръ...

Герцогъ Скуле. Это смерть! Грамота Тронда! Гдѣ она?

Епископъ Николасъ. Сначала другое. Я далъ вамъ списокъ моихъ недруговъ...

Герцогъ Скуле (съ нетерпѣньемъ). Да, да; я отомщу имъ за все...

Епископъ Николасъ. Нѣтъ, я смирился теперь, хочу простить всѣмъ, какъ велитъ писаніе. Какъ вы отрекаетесь отъ власти, такъ и я отрекаюсь отъ мести. Сожгите списокъ!

Герцогъ Скуле. Хорошо, хорошо. Какъ вы хотите, такъ и будетъ.

Епископъ Николасъ. Тутъ же на жаровнѣ, при мнѣ...

Герцогъ Скуле (бросая бумагу въ огонь). Ну вотъ, горитъ. А теперь говорите, говорите же! Тысячи жизней погибнутъ, если вы не заговорите теперь!

Епископъ Николасъ (съ горящимъ взоромъ). Тысячи жизней!.. (Кричитъ) Свѣту! Воздуху!

Гоконъ (бросается къ дверямъ и кричитъ). Помогите! Епископъ отходитъ!

(Входятъ Сира Вильямъ и другіе приближенные епископа).

Герцогъ Скуле (тряся епископа за плечо). Дѣло идетъ о счастьѣ Норвегіи на сотни лѣтъ; быть-можетъ, о ея величіи на вѣчныя времена!

Епископъ Николасъ. На вѣчныя времена! (Торжествующе) Perpetuum mobile!

Герцогъ Скуле. Спасеніемъ нашихъ душъ заклинаю васъ — гдѣ грамота Тронда?

Епископъ Николасъ (кричитъ). Еще семь молитвъ, Вильямъ!

Герцогъ Скуле (не помня себя). Грамота, грамота!

Епископъ Николасъ (съ улыбкой, въ предсмертной агоніи). Вы ее сожгли, добрый мой герцогъ. (Падаетъ навзничь на ложе и умираетъ).

Герцогъ Скуле (невольно вскрикиваетъ, отшатывается и закрываетъ лицо руками). Боже Всемогущій!

Монахи (выбѣгаютъ изъ часовни). Спасайся, кто можетъ!

Отдѣльные голоса. Всѣ злые духи вырвались на волю въ эту ночь!

Другіе. Въ углу раздался громкій хохотъ!.. Кто-то крикнулъ: — «Теперь онъ нашъ!». Всѣ свѣчи погасли!

Гоконъ. Епископъ Николасъ скончался!

Монахи (убѣгая направо). Pater noster!.. Pater noster!

Гоконъ (приближаясь къ Скуле, говоритъ сдержаннымъ голосомъ). Герцогъ, не буду допытываться, какіе тайные совѣты были

у васъ съ епископомъ передъ его смертью; но съ завтрашняго дня вы снова сложите съ себя полномочія и санъ; теперь я вижу ясно — мы съ вами не можемъ идти рука объ руку.

Герцогъ Скуле (растерянно глядя на него). Идти рука объ руку?..

Гоконъ. Завтра я созову тингъ во дворѣ королевскомъ, и мы съ вами разберемся. (Уходитъ направо).

Герцогъ Скуле. Епископъ умеръ, и грамота сожжена! Жить подъ гнетомъ сомнѣній, въ борьбѣ и въ страхѣ?.. О, если бы я могъ молиться! Нѣтъ, надо дѣйствовать... сегодня же вечеромъ сдѣлать рѣшительный шагъ! (Вильяму) Куда ушелъ король?

Сира Вильямъ (испуганно). Спаси Господи, — на что вамъ его?

Герцогъ Скуле. Или вы думаете, что я замышляю убить его ночью? (Уходитъ направо).

Сира Вильямъ (качая головой, смотритъ ему вслѣдъ въ то время, какъ люди епископа уносятъ трупъ налѣво). Епископъ сказалъ: «еще семь молитвъ»... Я полагаю, вѣрнѣе будетъ прочесть дважды семь. (Слѣдуетъ за остальными).

Покой во дворѣ королевскомъ въ Осло. Въ глубинѣ входная дверь: въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ по двери меньшихъ размѣровъ; впереди справа окно. Подъ потолкомъ горитъ лампада. У самой двери налѣво стоитъ скамья, а подальше колыбель.

Маргарита (склонясь надъ колыбелью, качаетъ и поетъ).

Надъ нами кровлей небо,
Все звѣздами блеститъ;
И къ небу крошка Гоконъ
На крыльяхъ сна летитъ.

Ведутъ съ земли на небо
Ступеньки, а по нимъ
Идетъ малютка Гоконъ,
И ангелы за нимъ.

Господь имъ заповѣдалъ
Сонъ дѣтскій охранять.
Спи съ Богомъ, крошка Гоконъ,
Тебя хранитъ и мать!

(Небольшая пауза; входитъ герцогъ Скуле).

Маргарита (радостно вскрикиваетъ и кидается къ нему). Отецъ!.. О, какъ я тосковала и жаждала свидѣться съ тобой!

Герцогъ Скуле. Миръ тебѣ, Маргарита! Гдѣ король?

Маргарита. У епископа Николаса.

Герцогъ Скуле. Гм... такъ, вѣрно, скоро будетъ здѣсь.

Маргарита. И вы поговорите и примиритесь, будете снова друзьями, какъ прежде?

Герцогъ Скуле. Я бы очень желалъ.

Маргарита. Гоконъ желаетъ тоже, а я каждый день молюсь, чтобы это сбылось. Но поди сюда, взгляни... (Беретъ его за руку и подводитъ къ колыбели).

Герцогъ Скуле. Твое дитя!

Маргарита. Да, это прелестное дитя — мое... Не диво ли? Его зовутъ Гокономъ, какъ короля! Взгляни на его глаза... Нѣтъ, теперь ты ихъ не увидишь, онъ спитъ; но у него большіе голубые глаза; и онъ уже смѣется, протягиваетъ ручонки и ловитъ меня, — онъ уже узнаётъ меня! (Бережно оправляетъ подушки и покрывало).

Герцогъ Скуле. У Гокона будутъ сыновья; епископъ предсказывалъ это.

Маргарита. Этотъ крошка мнѣ въ тысячу разъ дороже всей страны и королевства... и Гокону тоже... Нѣтъ, мнѣ все какъ-то не вѣрится своему счастью; ночью я ставлю колыбель у самой постели моей; какъ проснусь, сейчасъ смотрю — тутъ ли она; я словно боюсь, — не сонъ ли это.

Герцогъ Скуле (прислушиваясь и отходя къ окну). Не король ли?..

Маргарита. Да; идетъ по лѣстницѣ; я встрѣчу его. (Беретъ отца за руку и шутя подводитъ спять къ колыбели). Герцогъ Скуле! Станьте на стражѣ у колыбели королевскаго сына... да, онъ вѣдь также сынъ короля, не только мой, — а я все забываю объ этомъ! И если онъ проснется, преклонитесь передъ нимъ и привѣтствуйте его, какъ привѣтствуютъ королей! Я встрѣчу Гокона! О, Боже, Боже! Наконецъ-то свѣтъ и миръ озарятъ родъ Сверре! (Уходитъ направо).

Герцогъ Скуле (послѣ краткаго угрюмаго молчанія). У Гокона сынъ. Его родъ переживетъ его. Умри онъ, останется королевскій потомокъ, стоящій къ трону ближе всѣхъ другихъ. Гокону счастье во всемъ. Можетъ статься, онъ незаконный наслѣдникъ; но его вѣра въ себя и въ свои права попрежнему тверда. Епископъ хотѣлъ поколебать ее; но не успѣлъ передъ смертью, — Богъ не попустилъ. Господь охраняетъ Гокона; ему дано сохранить талисманъ силы. Сказать ему теперь? Подтвердить клятвой слова епископа? Къ чему это поведетъ? Никто не повѣритъ мнѣ: ни Гоконъ ни другіе. Епископу въ его смертный часъ Гоконъ повѣрилъ бы; сомнѣніе отравило бы его душу: но этому не суждено было сбыться. И какъ глубоко укоренилась вѣра въ Гоконѣ, такъ глубоко въѣлось сомнѣніе въ меня; кто въ свѣтѣ могъ бы вытравить его? Никто, никто. Испытаніе желѣзомъ совершилось, Господь

изрекъ свое слово, и все-таки Гоконъ, можетъ-быть, незаконный наслѣдникъ, и я даромъ загублю свою жизнь... (Садится къ столу направо въ глубокой задумчивости). Да овладѣй я теперь страной и королевствомъ, развѣ сомнѣніе все-таки не осталось бы во мнѣ попрежнему, не грызло, не сосало, не долбило бы меня вѣчно своими ледяными каплями?.. Да, да! Но лучше самому сидѣть на королевскомъ тронѣ и сомнѣваться въ себѣ, чѣмъ стоять внизу въ толпѣ и сомнѣваться въ другомъ, который сидитъ на престолѣ... Пора намъ съ нимъ покончить. Покончить? Но какъ? (Встаетъ). Всемогущій, Ты такъ все устроилъ, Ты и отвѣчай за послѣдствія! (Ходитъ взадъ и впередъ, останавливается и задумывается). Надо разрушить всѣ мосты, оставить лишь одинъ и побѣдить или пасть на немъ — хотъ что̀ сказалъ епископъ на королевской свадьбѣ въ Бергенѣ. Тому пошелъ уже третій годъ, и все это время я тратилъ и раздроблялъ свои силы, защищая всѣ мосты. (Рѣшительно) Теперь надо послѣдовать совѣту епископа: теперь или никогда! Оба мы теперь въ Осло; у меня на этотъ разъ больше людей съ собой, чѣмъ у Гокона; отчего же не воспользоваться перевѣсомъ — онъ такъ рѣдко бываетъ на моей сторонѣ. (Колеблясь) Но сегодня же ночью... сейчасъ?.. Нѣтъ, нѣтъ! Не сегодня!.. Ха-ха-ха!.. Опять раздумье, колебаніе! Гоконъ не знаетъ ничего такого. Онъ идетъ смѣло впередъ и торжествуетъ. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и вдругъ останавливается у колыбели). Королевскій сынъ! Какой красивый лобъ. Ему снятся сны. (Укутываетъ дитя одѣяльцемъ и долго всматривается въ черты ребенка). Такой вотъ, какъ ты, многое можетъ спасти въ душѣ человѣка. У меня нѣтъ сына. (Наклоняясь надъ колыбелью) Онъ похожъ на Гокона. (Разомъ отшатывается). Королевскій сынъ, — сказала королева. Преклонись передъ нимъ и привѣтствуй его, какъ привѣтствуютъ королей!.. Умри Гоконъ прежде меня, этого малютку вознесутъ на престолъ королевскій, а я... я долженъ буду стоять внизу и низко преклоняться передъ нимъ и привѣтствовать его, какъ привѣтствуютъ королей! (Съ все возрастающимъ возбужденіемъ) Этотъ ребенокъ, сынъ Гокона, возсядетъ на престолъ, къ которому я, быть-можетъ, стою ближе... а я — сѣдой, согбенный годами — останусь стоять у подножія престола, не достигну цѣли своей жизни... умру, не побывавъ королемъ! Со мной теперь больше людей, чѣмъ съ Гокономъ... на дворѣ непогода, вѣтеръ дуетъ съ суши... Что̀, если взять королевскаго сына? На тронderовъ я могу положиться. На что отважится Гоконъ, разъ сынъ его будетъ въ моей власти? Люди мои пойдутъ за мной, будутъ биться за меня и побѣдятъ. Я награжу ихъ по-королевски — они и

сдѣлаютъ все!.. Да будетъ такъ! Сдѣлать рѣшительный шагъ... впервые перешагнуть черезъ разсѣлину!.. Взглянуть бы, чьи у тебя глаза — Сверре... или Гокона Сверрессёна!.. Но онъ спитъ... и мнѣ не заглянуть въ нихъ. (Пауза). Сонъ охраняетъ. Спи съ миромъ, маленькое королевское сѣмя! (Переходитъ къ столу). Пусть Гоконъ разсудитъ; поговорю съ нимъ еще разъ.

Маргарита (возвращается справа; за ней король). Епископъ умеръ! О, вѣрь мнѣ, весь раздоръ угаснетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Гоконъ. Ступай спать, Маргарита; ты, вѣрно, утомлена дорогой.

Маргарита. Да, да! (Герцогу) Отецъ, будь мягокъ и уступчивъ... и Гоконъ обѣщалъ мнѣ то же! Тысячу спокойныхъ ночей вамъ обоимъ!

(Уходя, знакомъ вызываетъ изъ дверей двухъ прислужницъ, которыя уносятъ колыбель).

Герцогъ Скуле. Король Гоконъ, нельзя намъ разстаться недругами на этотъ разъ. Великія бѣды пойдутъ, страшныя времена настанутъ для страны.

Гоконъ. Къ этому странѣ не привыкать стать; изъ поколѣнія въ поколѣніе было такъ. Но вы видите, Господь со мной; всякій мой врагъ, всякій, идущій на меня, погибаетъ. Нѣтъ больше баглеровъ, нѣтъ и слиттунговъ, нѣтъ и риббунговъ; ярлъ Оркнейскій палъ, Гуттормъ Ингессёнъ умеръ, Сигурдъ Риббунгъ тоже, — всѣ притязанія, заявленныя на государственномъ собраніи въ Бергенѣ, оказались безсильными, — съ чего же наступятъ теперь страшныя времена?

Герцогъ Скуле. Боюсь, Гоконъ, боюсь — я ихъ вызову!

Гоконъ. Ставъ королемъ, я отдалъ вамъ третью часть государства...

Герцогъ Скуле. А себѣ оставили двѣ трети.

Гоконъ. Вамъ все было мало. Я увеличилъ вашу часть; теперь вы владѣете половиной.

Герцогъ Скуле. Недостаетъ десяти гаваней.

Гоконъ. Я сдѣлалъ васъ герцогомъ; до васъ еще не было герцоговъ въ Норвегіи!

Герцогъ Скуле. Но вы король! Надо мной не должно быть короля! Я не созданъ быть вашимъ подручникомъ, я долженъ править и властвовать самъ.

Гоконъ (смотритъ на него съ минуту и холодно произноситъ). Да укрѣпитъ небо вашъ разумъ, государь герцогъ. Спокойной ночи! (Хочетъ уйти).

Герцогъ Скуле (заступаетъ ему дорогу). Вы не отдѣлаетесь отъ меня такъ! Берегитесь, или я порву съ вами — совсѣмъ! Не стоять вамъ больше надо мной! Подѣлимъ власть!

Гоконъ. Вы дерзаете говорить мнѣ это!

Герцогъ Скуле. Я прибылъ въ Осло съ бо́льшимъ числомъ людей, нежели вы, Гоконъ Гоконссёнъ.

Гоконъ. Можетъ статься, вы замышляете...

Герцогъ Скуле. Выслушайте меня! Вспомните слова епископа! Подѣлимся! Отдайте мнѣ еще десять гаваней; предоставьте мнѣ править моей половиной полновластно, какъ свободному королю, не обязанному вамъ никакими данями и выкупами. Норвегія и прежде дѣлилась на два государства... Между нами будутъ нерушимый миръ и согласіе...

Гоконъ. Герцогъ, вы, вѣрно, одержимы душевнымъ недугомъ, что изъявляете такія притязанія.

Герцогъ Скуле. Да, я одержимъ душевнымъ недугомъ, и нѣтъ другого средства исцѣлить меня. Мы съ вами должны быть равными; не потерплю надъ собой никого!

Гоконъ. Каждый пустынный островокъ служитъ камнемъ въ томъ зданіи, которое воздвигли Гаральдъ Го́рфагеръ и святой король Олафъ; а вы хотите, чтобы я расшаталъ то, что́ они сплотили? Никогда!

Герцогъ Скуле. Ну, такъ будемъ чередоваться у власти! Пусть каждый изъ насъ правитъ по три года! Вы долго правили; теперь мой чередъ. Покиньте страну на три года; я буду пока королемъ; я сглажу путь вашъ къ вашему возвращенію, устрою все къ лучшему... Вѣчно сидѣть на стражѣ — человѣкъ можетъ обезсилѣть и отупѣть отъ этого. Гоконъ, слышите, по три года каждый; будемъ носить вѣнецъ по очереди!

Гоконъ. Вы полагаете, мой вѣнецъ придется вамъ впору?

Герцогъ Скуле. Нѣтъ такого вѣнца, который оказался бы для меня великъ.

Гоконъ. Вѣнецъ носятъ по праву и призванію Божію.

Герцогъ Скуле. А вы такъ увѣрены въ своемъ правѣ?

Гоконъ. Богъ утвердилъ его за мной Своимъ судомъ.

Герцогъ Скуле. Не слишкомъ полагайтесь на это. Успѣй епископъ высказаться... Ну, да теперь это безполезно. Вы не повѣрили бы мнѣ. Да, правда, у васъ могучіе покровители тамъ, наверху, но я все-таки возстаю!.. Вы не хотите властвовать поочередно со мной? Да, да... такъ вотъ послѣдній исходъ. Гоконъ, выйдемъ на единоборство, схватимся грудь съ грудью не на животъ, а на смерть!

Гоконъ. Вы не на смѣхъ говорите это?

Герцогъ Скуле. Я говорю во имя цѣли своей жизни и спасенія души!

Гоконъ. Такъ, значитъ, мало надежды на спасеніе вашей души!

Герцогъ Скуле. Вы не хотите биться со мной? Вы должны, должны!

Гоконъ. Слѣпецъ! Я могу только пожалѣть васъ. Вы все мните, что васъ толкаетъ на тронъ призваніе Господне. А не одно ли тщеславіе? Что васъ манитъ? Королевскій обручъ, мантія съ пурпурной оторочкой, право возсѣдать на три ступени выше пола?.. Какъ ничтожно все это! Сводись все лишь къ этому, я бы бросилъ свое королевство въ вашу шапку, какъ милостыню нищему.

Герцогъ Скуле. Вы съ дѣтскихъ лѣтъ знаете меня — и судите обо мнѣ такъ!

Гоконъ. Вы одарены всѣми душевными доблестями, умомъ, храбростью; вы созданы быть первымъ послѣ короля, но не королемъ.

Герцогъ Скуле. А вотъ испытаемъ!

Гоконъ. Назовите мнѣ хоть одно ваше королевское дѣяніе за всѣ эти годы, что вы правили за меня! Баглеры и риббунги никогда не были сильнѣе, какъ именно въ то время. Вы были зрѣлымъ мужемъ, когда страну терзала междоусобица, — вы одолѣли хоть одну изъ мятежныхъ силъ? Я былъ молодъ и неопытенъ, когда самъ взялся за кормило государства, и — взгляните на меня — все пало ницъ передо мной, когда я сталъ королемъ. Нѣтъ больше ни баглеровъ ни риббунговъ.

Герцогъ Скуле. Этимъ вамъ меньше всего подобало бы похваляться; въ этомъ — главная опасность. Сила должна идти противъ силы, притязаніе противъ притязанія, городъ противъ города, родъ противъ рода, — тогда лишь король будетъ силою. Каждое селеніе, каждый родъ долженъ или нуждаться въ королѣ, или бояться его. Если вы искорените всякую рознь, вы сами лишите себя силы.

Гоконъ. И вы хотите быть королемъ, вы, съ такими сужденіями? Изъ васъ могъ бы выйти полезный вождь во времена Эрлинга Скакка; но вѣкъ ушелъ отъ васъ, и вы его не понимаете. Ужели вы не видите, что норвежское государство, созданное Гаральдомъ и Олафомъ, можно уподобить неосвященной еще церкви? Стѣны высятся, поддерживаемыя мощными столпами, ихъ объемлютъ широкіе своды, шпиль стремится ввысь, подобно стройной ели въ лѣсу, но въ этомъ сооруженіи нѣтъ еще жизни, не бьется сердце, не струится горячая кровь, — духъ Божій не вдохнулъ въ него жизни, оно не освящено... Я освящу его. Норвегія была государствомъ — станетъ народомъ. Трондеръ шелъ противъ виквэринга, агдевэрингъ — противъ гордаланднинга, гологаланднингъ — противъ

согндоля; отнынѣ всѣ должны объединиться, и знать и сознавать, что всѣ они составляютъ одно цѣлое, одинъ народъ! Вотъ дѣло, возложенное на меня Господомъ; вотъ дѣло, предстоящее нынѣ королю Норвегіи. Вы, герцогъ, пренебрегли бы этимъ дѣломъ, — поистинѣ оно вамъ не по плечу!

Герцогъ Скуле (пораженный). Собрать?.. Объединить тронделовъ и виквэринговъ, всю Норвегію?.. (Недовѣрчиво) Это несбыточное дѣло! Ни о чемъ такомъ не вѣщаетъ сага Норвегіи до сего дня!

Гоконъ. Для васъ несбыточное, — вамъ только повторять старую сагу; а для меня это легко, какъ легко соколу прорѣзать облака.

Герцогъ Скуле (взволнованно). Объединить... создать единый народъ... пробудить въ немъ сознаніе, что онъ — одно цѣлое! Откуда у васъ такая диковинная мысль? Меня бросаетъ отъ нея въ жаръ и въ холодъ! (Порывисто) Дьяволъ внушилъ ее вамъ, Гоконъ; никогда ей не стать дѣломъ, пока я въ силахъ носить на головѣ стальной шлемъ!

Гоконъ. Мысль эта отъ Бога, и я не откажусь отъ нея, пока ношу на челѣ обручъ святого короля Олафа!

Герцогъ Скуле. Да будетъ же снятъ съ васъ обручъ святого Олафа!

Гоконъ. Чья рука дерзнетъ на это?

Герцогъ Скуле. Моя, коли не чья другая!

Гоконъ. Завтра тингъ лишитъ васъ всякой власти и силы.

Герцогъ Скуле. Гоконъ! Не искушайте Бога! Не толкайте меня на край пропасти!

Гоконъ (указывая на дверь). Ступайте, государь герцогъ... и да будутъ забыты наши гнѣвныя рѣчи въ эту ночь.

Герцогъ Скуле (съ минуту смотритъ на него въ упоръ и говоритъ). Мы еще не такъ заговоримъ съ вами въ слѣдующую встрѣчу. (Уходитъ черезъ среднюю дверь).

Гоконъ (послѣ краткой паузы). Онъ грозитъ... Нѣтъ, нѣтъ, такъ далеко онъ не зайдетъ. Онъ долженъ сдаться и смириться предо мной; мнѣ нужна эта сильная рука, эта свѣтлая голова... Если у насъ въ странѣ есть храбрость, мудрость, сила, то всѣмъ этимъ Господь одарилъ людей на пользу мнѣ... И герцогъ Скуле одаренъ такъ щедро, чтобы служить мнѣ. Противиться мнѣ — значитъ противиться небу; мой долгъ обуздать каждаго, кто противится волѣ неба, — я столькимъ обязанъ Господу.

Дагфинъ Бондъ (входитъ изъ средней двери). Государь, будьте насторожѣ эту ночь, герцогъ замышляетъ недоброе.

Гоконъ. Что ты говоришь?

Дагфинъ Бондъ. Что онъ замышляетъ — не вѣдаю, но что затѣваетъ онъ что-то — это вѣрнѣе вѣрнаго.

Гоконъ. Ужели задумалъ напасть на насъ? Невозможно, невозможно!

Дагфинъ Бондъ. Нѣтъ, что-то другое. Корабли его стоятъ подъ парусами, и на одномъ собирается тингъ.

Гоконъ. Ты ошибаешься! Ступай, Дагфинъ, и принеси мнѣ вѣрныя вѣсти.

Дагфинъ Бондъ. Ужъ положись на меня, государь. (Уходитъ).

Гоконъ. Нѣтъ, этого и помыслить нельзя. Герцогъ не отважится возстать на меня. Господь не попуститъ... Онъ столь чудесно велъ меня ко благу до сихъ поръ. Теперь мнѣ нуженъ миръ, теперь мнѣ пора начать!.. Я еще такъ мало создалъ; но я слышу въ душѣ истинный голосъ Господень: тебѣ дано будетъ совершить въ Норвегіи великое дѣло, достойное короля!

Грегоріусъ Йонссенъ (входитъ изъ средней двери). Мой государь и король!

Гоконъ. Грегоріусъ Йонссёнъ! И вы здѣсь!

Грегоріусъ. Я предлагаю служить вамъ вѣрою и правдою; до сей поры я все держался герцога, но больше не смѣю слѣдовать за нимъ.

Гоконъ. Что же произошло?

Грегоріусъ. Чему не повѣритъ никто, когда слухъ о томъ разнесется по всей странѣ.

Гоконъ. Говорите, говорите!

Грегоріусъ. Страшусь звука собственныхъ словъ... Узнайте же... (Схвативъ короля за руку, шепчетъ ему).

Гоконъ (съ крикомъ отшатывается). Га! Да вы обезумѣли!

Грегоріусъ. Дай Богъ, чтобы такъ.

Гоконъ. Неслыханно! Нѣтъ, этого быть не можетъ!

Грегоріусъ. Клянусь пречистою кровью Христовой—это такъ.

Гоконъ. Ступайте, велите трубить сборъ дружинѣ; да соберутся всѣ мои мужи! (Грегоріусъ уходитъ).

Гоконъ (ходитъ взадъ и впередъ, затѣмъ быстро подходитъ къ дверямъ налѣво, стучитъ, затѣмъ снова ходитъ взадъ и впередъ, снова подходитъ къ дверямъ, стучитъ и зоветъ). Маргарита! (Продолжаетъ ходить взадъ и впередъ).

Маргарита (въ дверяхъ, въ ночной одеждѣ, съ распущенными волосами: на плечи наброшена красная со шнуровкой тѣлогрѣя, которую она придерживаетъ на груди). Гоконъ!.. Это ты?

Гоконъ. Да, да, выйди сюда.

Маргарита. Только не смотри на меня; я уже была въ постели.

Гоконъ. Не до того мнѣ теперь.

Маргарита. Что произошло?

Гоконъ. Дай мнѣ добрый совѣтъ! Сейчасъ мнѣ принесли худшую изъ всѣхъ вѣстей.

Маргарита (со страхомъ). Какую вѣсть, Гоконъ?

Гоконъ. Въ Норвегіи стало два короля.

Маргарита. Два короля въ Норвегіи!.. Гоконъ, гдѣ мой отецъ?

Гоконъ. На кораблѣ, гдѣ и принялъ имя короля; теперь отплываетъ въ Нидаросъ короноваться.

Маргарита. О, Боже Всемогущій! (Опускается на скамью, закрываетъ лицо руками и плачетъ).

Гоконъ. Два короля въ странѣ!

Маргарита. Супругъ мой — одинъ... а отецъ — другой!

Гоконъ (взволнованно ходитъ взадъ и впередъ). Дай мнѣ добрый совѣтъ, Маргарита! Поспѣшить ли мнѣ въ Оппландъ, опередить его въ Тронделагенѣ и помѣшать коронованію? Нѣтъ, невозможно; у меня слишкомъ мало войска; на сѣверѣ онъ сильнѣе меня... Дай мнѣ совѣтъ, какъ избавиться отъ герцога, прежде чѣмъ онъ доберется до Нидароса?

Маргарита (съ мольбой складывая руки). Гоконъ, Гоконъ!

Гоконъ. Не придумаешь ли ты, какъ покончить съ герцогомъ, спрашиваю я.

Маргарита (опускаясь на колѣни). Иль ты забылъ, что онъ мнѣ отецъ!

Гоконъ. Отецъ тебѣ... да, да, правда; я забылъ. (Подымаетъ ее). Сядь, Маргарита; утѣшься, не плачь; ты не виновата въ этомъ. (Отходитъ къ окну). Герцогъ Скуле сталъ мнѣ хуже всякаго врага!.. Боже, Боже, за что Ты такъ жестоко разишь меня — меня, ни въ чемъ передъ Тобой неповиннаго! (Стукъ въ среднюю дверь; Гоконъ вздрагиваетъ, прислушивается и кричитъ) Кто это стучится сюда въ такую позднюю пору?

Голосъ Инги (за дверями). Иззябшая, Гоконъ!

Гоконъ (вскрикиваетъ). Мать моя!

Маргарита (вскакивая). Инга!

Гоконъ (спѣшитъ къ двери и открываетъ ее; Инга сидитъ на порогѣ). Мать моя! Какъ собака, за порогомъ сына своего! А я еще вопрошаю Бога, за что Онъ разитъ меня!

Инга (простирая къ нему руки). Гоконъ, дитя мое! Да благословитъ тебя Богъ!

Гоконъ (подымая ее). Войди... войди сюда; здѣсь свѣтло и тепло!

Инга. Могу ли я войти къ тебѣ?

Гоконъ. Мы никогда больше не разстанемся.

Инга. Сынъ мой... король мой... о, какъ ты добръ и милостивъ! Я стояла въ уголкѣ и видѣла тебя, когда ты выхо-

дилъ со двора епископа... такой озабоченный, печальный... Я не могла разстаться съ тобой такъ!

Гоконъ. Благодареньс Господу! Ничей приходъ не могъ быть для меня желаннѣе твоего въ эту минуту. Маргарита... мать моя... я жестоко согрѣшилъ, я закрылъ свое сердце для васъ обѣихъ, столь богатыхъ любовью.

Маргарита (бросаясь ему на грудь). О, Гоконъ, мой возлюбленный супругъ, такъ я стала дорога твоему сердцу?

Гоконъ. О, да, дорога. Не за то, что даешь мудрые совѣты, но за то, что свѣтишь на моемъ пути. Будь, что будетъ; я чувствую въ себѣ силу Божію!

Дагфинъ Бондъ (поспѣшно входитъ изъ средней двери). Государь! Сбылося худшее.

Гоконъ (съ улыбкой прижимая къ себѣ Маргариту и Ингу). Я знаю; но это не бѣда, старый мой Дагфинъ! Пусть въ Норвегіи два короля; на небѣ лишь одинъ, и Онъ устроитъ все!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Большая палата во дворѣ королевскомъ въ Осло. Король Скуле пируетъ со своими придворными и вождями. Впереди, налѣво, на возвышеніи королевское мѣсто, гдѣ возсѣдаетъ Скуле, въ богатыхъ одеждахъ, пурпуровой мантіи и коронѣ. Отъ королевскаго мѣста тянется въ глубину накрытый столъ, за которымъ сидятъ на скамьяхъ гости. Прямо противъ Скуле сидятъ Поль Флида и Бордъ Братте. Часть менѣе важныхъ гостей угощается, стоя направо. Поздній вечеръ. Палата ярко освѣщена. Пиръ подходитъ къ концу. Гости очень веселы и частью пьяны, то и дѣло пьютъ за здоровье другъ друга, смѣются и говорятъ наперебой.

Поль Флида (встаетъ и стучитъ). Тише, гости! Скальдъ Ятгейръ споетъ славу королю Скуле.

Ятгейръ (вставая и выходя на середину).

Герцогъ Скуле во Нидаросъ-градѣ
За обѣдней на тингъ созывалъ;
Герцогъ Скуле подъ звонъ колокольный
Королевское имя пріялъ.

Король Скуле на лыжахъ чрезъ Довре
Перешелъ со дружиной своей;
Гудбрандсдолеры слезно взмолились,
Откупаясь отъ грозныхъ мечей.

Король Скуле за озеромъ Мьёсенъ, —
Оппландъ клятвы даетъ и шипитъ;
Черезъ Равмарикъ къ Локу въ Нанстадѣ
Король Скуле съ дружиной спѣшитъ.

Постъ святой наступилъ, и явилась
Биркебейнеровъ мощная рать
Съ ярломъ Кнудомъ; мечи принялися
Королевскую распрю рѣшать.

Молвить правду, со времени Свверре
Не слыхали о брани такой;
По снѣгамъ, устилавшимъ равнину,
Кровь струилась багряной рѣкой.

О-земь копья, щиты побросали
Биркебейнеры, кинувшись вспять;
Да не всѣ: много сотенъ осталось,
Ледянѣя, на мѣстѣ лежать.

Король Гоконъ невѣсть гдѣ блуждаетъ;
Король Скуле въ странѣ господинъ.
Слава, слава тебѣ! Многи лѣта
Правь норвежской землею одинъ!

Мужи Скуле (вскакивая и съ шумнымъ ликованьемъ подымая ковши и чарки и ударяя въ щиты, повторяютъ).

Слава, слава тебѣ! Многи лѣта
Правь норвежской землею одинъ!

Король Скуле. Благодарю за пѣсню, скальдъ! Мнѣ больше всего по душѣ такія пѣсни, что славятъ мужей моихъ наравнѣ со мной.

Ятгейръ. Королю честь, коль его мужей стоитъ славить.

Король Скуле. Въ награду за пѣсню возьми этотъ золотой обручъ; оставайся у меня и будь при мнѣ; я хочу собрать подлѣ себя побольше скальдовъ.

Ятгейръ. Да ихъ немало и надобно, государь, коль воспѣвать всѣ твои дѣянья.

Король Скуле. Я буду трижды щедрѣе Гокона. Пока я король, искусство скальдовъ будетъ чтиться, награждаться наравнѣ съ другими славными подвигами. Садись, отнынѣ ты принадлежишь къ моему двору. Ни въ чемъ не будешь знать нужды, — всего у тебя будетъ вдоволь.

Ятгейръ (садясь). У васъ самихъ, государь, скоро будетъ недостатокъ въ томъ, въ чемъ я больше всего нуждаюсь.

Король Скуле. Въ чемъ же это?

Ятгейръ. Въ недругахъ королевскихъ, бѣгство и пораженіе которыхъ хочу воспѣвать.

Многіе (со смѣхомъ и одобреніемъ). Хорошо сказано, исландецъ!

Поль Флида (Ятгейру). Ты спѣлъ добрую пѣсню; да пѣсня безъ вымысла не бываетъ, и въ твоей есть вымыселъ.

Ятгейръ. Вымыселъ, господинъ сталларъ?

Поль Флида. Да; ты говоришь, что король Гоконъ невѣсть гдѣ блуждаетъ; это не такъ: получены вѣрныя вѣсти, что Гоконъ въ Нидаросѣ.

Король Скуле (улыбаясь). Да, онъ заставилъ присягнуть королевскому сыну и далъ ему королевское имя.

Ятгейръ. Слыхалъ, да не вѣдалъ я, чтобы кто могъ отдать то, чего нѣтъ у самого.

Король Скуле. Легче всего отдать то, чего нѣтъ у самого.

Бордъ Братте. А, вѣрно, тяжко было пробираться зимой изъ Бергена въ Нидаросъ чужими милостями.

Ятгейръ. Биркебейнеры закружились: начали голодомъ и холодомъ и кончаютъ тѣмъ же.

Поль Флида. Въ Бергенѣ слышно — Гоконъ отрекся отъ церкви и всего святого: не былъ у обѣдни въ Новый годъ.

Бордъ Братте. На то была у него законная причина, Поль; весь день стоялъ да рубилъ свои серебряныя чары и блюда — а то нечѣмъ было пожаловать людей своихъ.

(Межъ гостями смѣхъ и громкій говоръ).

Король Скуле (подымая чару). Пью во здравіе твое, Бордъ Братте. Спасибо тебѣ и всѣмъ моимъ новымъ мужамъ. Вы храбро бились за меня подъ Локой, и велика ваша доля въ побѣдѣ.

Бордъ Братте. Въ первый разъ бился я подъ вашимъ стягомъ, государь; но скоро смекнулъ, что съ такимъ вождемъ, какъ вы, побѣда легка. Одно горе: побили мы ихъ больно много и далеко угнали; боюсь, нескоро опять осмѣлятся обратиться противъ насъ.

Король Скуле. Обожди до весны; опять найдемъ ихъ вдоволь. Нынѣ ярлъ Кнудъ сидитъ подъ Тунсбергомъ съ тѣми, что ушли отъ насъ; Арнбьернъ Понссёнъ набираетъ людей въ Викенѣ. Какъ почуютъ за собой силу, вѣрно, дадутъ о себѣ знать.

Бордъ Братте. Не осмѣлятся послѣ великаго урона подъ Локой...

Король Скуле. Такъ заманимъ ихъ хитростью.

Голоса. Да, да! Сдѣлай такъ, государь!

Бордъ Братте. Хитеръ на выдумки король Скуле. Враги ваши не чаютъ, не гадаютъ, какъ вдругъ вы налетаете на нихъ: и гдѣ васъ меньше всего ждутъ — вы тутъ какъ тутъ.

Поль Флида. Вотъ за что биркебейнеры и прозвали насъ ворбэльгами — весенними барашками.

Король Скуле. А другіе зовутъ варгбэльгами — волчьими шкурами. Но клянусь, при слѣдующей встрѣчѣ биркебейнеры узнаютъ, какъ трудно снять шкуры съ такихъ волковъ.

Бордъ Братте. Коль отъ ихъ воли будетъ зависѣть, до встрѣчи не дойдетъ; придется рыскать за ними по всей странѣ.

Король Скуле. Такъ и будетъ. Сначала очистимъ Викенъ и возьмемъ подъ свою руку страну на востокѣ, потомъ соберемъ корабли да, обогнувъ мысъ, пройдемъ все побережье вплоть до Нидароса.

Бордъ Братте. И когда вы такимъ путемъ явитесь въ Нидаросъ, врядъ ли крестовая братія откажется выставить на тингъ раку святого Олафа, какъ сдѣлала осенью, когда васъ избрали королемъ...

Король Скуле. Рака будетъ выставлена; хочу носить имя короля по всѣмъ законамъ и обычаямъ.

Ятгейръ. А я обѣщаю вамъ сложить великую похоронную пѣсню, когда вы сразите соню! (Взрывы хохота среди гостей).

Король Скуле. Соню?

Ятгейръ. Иль вы не вѣдаете, государь, что короля Гокона прозвали «Гокономъ-соней» за то, что на него словно столбнякъ нашелъ съ той поры, какъ вы приняли власть.

Бордъ Братте. Слышно — лежитъ съ закрытыми глазами. Вѣрно, сонъ видитъ, что все еще король.

Король Скуле. Пусть себѣ спитъ; не наспитъ себѣ королевства.

Ятгейръ. Сдѣлай сонъ его безпробуднымъ, безъ сновидѣній, тогда мнѣ будетъ что воспѣть.

Мужи Скуле. Да, да, сдѣлай по слову скальда!

Король Скуле. Коль столько добрыхъ мужей даютъ одинъ совѣтъ — совѣтъ тотъ, вѣрно, добрый. Но оставимъ пока это дѣло. Одно обѣщаю вамъ: каждый изъ монхъ мужей возьметъ себѣ оружіе, одежду, золото и серебро, какія найдетъ у сраженнаго имъ врага; каждый мужъ возьметъ себѣ и достоинство побѣжденнаго. Кто сразитъ на смерть лендермана, самъ получитъ этотъ титулъ; кто сразитъ на смерть намѣстника — возьметъ его намѣстничество; а тѣ, что уже отличены такими достоинствами и должностями, получатъ иную королевскую награду.

Мужи Скуле (вскакивая съ мѣстъ въ буйномъ порывѣ радости). Слава королю Скуле! Веди насъ на биркебейнеровъ!

Бордъ Братте. Теперь побѣда за вами — во всѣхъ битвахъ!

Поль Флида. Дайте-ка мнѣ сразиться съ Дагфиномъ Бондомъ; у него добрый мечъ, — давно я на него зарюсь.

Бордъ Братте. А мнѣ подайте броню Борда Торстейнссёна, она спасла ему жизнь подъ Локой; ее ни мечъ ни копье не беретъ.

Ятгейръ. Нѣтъ, отдай ее мнѣ; мнѣ она больше подойдетъ; а ты возьми отъ меня въ обмѣнъ пять золотыхъ.

Бордъ Братте. Откуда ты самъ ихъ возьмешь, скальдъ?

Ятгейръ. У Григоріуса Понссёна, когда придемъ на сѣверъ.

Мужи Скуле (наперебой). А мнѣ подай... А мнѣ... (Голоса сливаются, и отдѣльныхъ словъ не разобрать).

Поль Флида. По домамъ теперь! Помните, вы въ покоѣ короля.

Мужи Скуле. Да, да! Слава королю! Да здравствуетъ король Скуле!

Король Скуле. Пора на покой, добрые мужи! Засидѣлись мы поздненько за чарами.

Одинъ изъ мужей (въ то время, какъ вся толпа направляется къ выходу). Завтра будемъ метать жеребья на добро биркебейнеровъ.

Второй. Пусть лучше случай рѣшаетъ!

Нѣкоторые. Нѣтъ, нѣтъ!

Другіе. Да, да!

Бордъ Братте. Теперь волки подерутся изъ-за медвѣжьей шкуры.

Поль Флида. А потомъ убьютъ медвѣдя.

(Всѣ уходятъ черезъ среднюю дверь).

Король Скуле (выждавъ, пока всѣ не ушли, опускается на скамью, и напряженное выраженіе лица его разомъ ослабѣваетъ). Какъ я усталъ, смертельно усталъ. Изо дня въ день стоять въ толпѣ, съ улыбкой глядя впередъ, какъ будто я непоколебимо увѣренъ въ своихъ правахъ, побѣдѣ, счастьѣ. И нѣтъ у меня человѣка, съ кѣмъ бы поговорить о томъ, что гложетъ, грызетъ мою душу! (Встаетъ съ выраженіемъ страха). А эта битва подъ Локой! Я побѣдилъ! Гоконъ выслалъ противъ меня свои полки; самъ Господь долженъ былъ разсудить насъ — двухъ королей. И я одержалъ побѣду, побѣду, какой еще никто не одерживалъ надъ биркебейнерами до сей поры! Щиты крѣпко стояли въ снѣгу, но за ними никого не осталось, биркебейнеры ударились въ лѣса, черезъ поля, луга и болота, что было мочи. Сбылося несбыточное. Гоконъ проигралъ, а я выигралъ. Въ этой побѣдѣ что-то таинственно-страшное. Царь Небесный! Такъ, значитъ, тамъ у Тебя нѣтъ незыблемыхъ законовъ, по которымъ все должно идти? Такъ *въ правѣ* нѣтъ побѣдной власти? (Рѣзко обрывая) Я боленъ, боленъ!.. Почему бы праву не быть на моей сторонѣ? Быть-можетъ, самъ Богъ восхотѣлъ увѣрить меня въ моемъ правѣ, доставивъ мнѣ побѣду? (Въ раздумьѣ) Возможность одинакова. Ни малѣйшаго перевѣса ни въ ту ни въ другую сторону, и все же... (Качая головой) Все же перевѣсъ въ пользу Гокона. Я могу бросить на мою чашку вѣсовъ ненависть и страстныя желанія, а пе-

ревѣсъ все же въ пользу Гокона. Какъ вспомню невзначай о королевскихъ правахъ, истиннымъ королемъ всегда выходитъ онъ, а не я. Чтобы явиться законнымъ наслѣдникомъ королевскихъ правъ въ собственныхъ глазахъ, мнѣ приходится пускать въ ходъ всякія хитросплетенія, выводить замысловатое зданіе, приходится гнать отъ себя воспоминанія и брать вѣру силой. Никогда не бывало этого прежде. Что же случилось, что вселило въ меня сомнѣнія? Или то, что епископъ сжегъ грамоту? Нѣтъ, отъ того неувѣренность стала вѣчной, но не болѣе сильной. Или Гоконъ въ послѣднее время совершилъ нѣчто великое, королевское? Нѣтъ, величайшія свои дѣянія онъ совершалъ, когда я меньше всего вѣрилъ въ него. (Садясь направо) Что же это? А, диковинно! Оно вспыхиваетъ и мелькаетъ у меня въ умѣ блуждающимъ огонькомъ, вертится у меня на языкѣ, какъ забытое слово, котораго никакъ не можешь вспомнить... (Вскакивая) А! Вотъ оно! Нѣтъ!.. Да, да! Вотъ оно: «Норвегія была государствомъ—теперь будетъ народомъ; всѣ сольются воедино, станутъ единымъ цѣлымъ, и всѣ сознаютъ себя единымъ цѣлымъ». Съ той поры, какъ Гоконъ вымолвилъ эти безумныя слова, онъ точно стоитъ передо мной воочію истиннымъ, законнымъ королемъ... (Боязливо озирается и шепчетъ) Что, если въ этихъ диковинныхъ словахъ сверкнулъ лучъ божественнаго призванія? Что, если Господь хранилъ эту мысль до поры до времени и восхотѣлъ нынѣ посѣять ее... и избралъ въ сѣятели Гокона?

Поль Флида (входитъ). Государь король, новыя вѣсти!

Король Скуле. Новыя?

Поль Флида. Съ низовья фьорда пришелъ человѣкъ и повѣдалъ, что биркебейнеры спустили въ Тунсбергѣ свои корабли, и что за послѣдніе дни въ городъ стеклось множество воиновъ.

Король Скуле. Добро; мы ударимъ на нихъ—завтра или позже.

Поль Флида. Государь, можетъ статься, биркебейнеры замыслили первыми ударить на насъ.

Король Скуле. У нихъ ни кораблей не хватитъ ни людей.

Поль Флида. Арнбьёрнъ Іонссёнъ набираетъ по всему Викену и людей и суда.

Король Скуле. Тѣмъ лучше, мы ихъ всѣхъ и побьемъ. Какъ подъ Локой.

Поль Флида. Государь, не такъ-то легко побить биркебейнеровъ дважды подъ рядъ.

Король Скуле. А почему бы и нѣтъ?

Поль Флида. Да сага Норвегіи не знаетъ такого примѣра... Не выслать ли развѣдчиковъ?

Король Скуле. Не надобно: ночь темная, да еще туманъ.

Поль Флида. Да, да, королю лучше знать; но вспомните, государь, тутъ въ Викенѣ всѣ противъ васъ. Горожане ослоскіе ненавидятъ васъ, и явись сюда биркебейнеры, они стакнутся съ ними.

Король Скуле (съ живостью). Поль Флида, или несбыточное дѣло, чтобы и виквэринги встали за меня?

Поль Флида (съ изумленіемъ глядитъ на него и качаетъ головой). Да, государь, это несбыточное дѣло.

Король Скуле. Почему?

Поль Флида. Да потому, что за васъ трондеры.

Король Скуле. Я хочу, чтобы за меня были и трондеры и виквэринги!

Поль Флида. Нѣтъ, государь, этому не бывать.

Король Скуле. Не бывать! А почему... почему?

Поль Флида. Потому что виквэрингъ—виквэрингъ, а трондеръ—трондеръ, и сага вѣщаетъ, что всегда было такъ.

Король Скуле. Да, да... ты правъ... Ступай.

Поль Флида. Такъ не высылать развѣдчиковъ?

Король Скуле. Погоди до разсвѣта. (Поль Флида уходитъ). Сага Норвегіи не вѣщаетъ ничего такого; того не бывало прежде. Поль Флида отвѣчаетъ мнѣ, какъ я отвѣтилъ Гокону. Или есть ступени и вверхъ и внизъ? Или Гоконъ столь же высится надо мной, сколь я надъ Полемъ Флидой? Такъ Гокону суждено было прозрѣть неродившіяся мысли, а не мнѣ? Кто былъ раренъ Гаральду Горфагру въ ту пору, когда на каждомъ мысѣ сидѣло по королю и онъ сказалъ: «Долой ихъ,— отнынѣ будетъ лишь одинъ»?.. Онъ перевернулъ старую сагу, создалъ новую... (Пауза: онъ въ раздумьѣ ходитъ взадъ и впередъ, затѣмъ останавливается). Можетъ ли человѣкъ силой присвоить божественное призваніе другого, какъ присваиваетъ оружіе и золото побѣжденнаго? Можетъ ли посягающій на престолъ возложить на себя королевское дѣло, какъ возлагаетъ на себя королевскую мантію? Дубъ, срубленный для постройки корабля, можетъ ли сказать: «Хочу быть мачтой корабля, хочу взять на себя дѣло сосны, стройно тянуться ввысь, носить на верхушкѣ золотой вымпелъ, бѣлѣть вздутыми парусами на солнцѣ и привлекать взоры издалека-далека»?.. Нѣтъ, нѣтъ, тяжелый, суковатый дубъ! Твое мѣсто тамъ, подъ килемъ; вотъ гдѣ тебѣ лежать и приносить пользу въ тиши, невидимо ни для чьего глаза. Твое дѣло не допускать корабль перевернуться въ бурю, а мачта съ золотымъ вымпеломъ и вздутыми парусами понесетъ его впередъ къ новому, невѣдомому, къ чужимъ берегамъ и новой, нарождающейся сагѣ! (Съ жаромъ)

Съ той поры, какъ Гоконъ высказалъ свою великую королевскую мысль, я не знаю иной мысли въ свѣтѣ. Если я не могу взять ее и оправдать на дѣлѣ, то я не знаю иной мысли, за которую стоило бы бороться. (Задумчиво) И развѣ я не могу этого? Если-бъ я не могъ, зачѣмъ бы я такъ возлюбилъ мысль Гокона?

Ятгейръ (входитъ). Прости, государь король, что я вошелъ...

Король Скуле. Добро, что ты вошелъ, скальдъ!

Ятгейръ. Я слышалъ въ городѣ темные разговоры межъ горожанъ.

Король Скуле. Постой. Скажи мнѣ сперва — ты много скитался по чужимъ краямъ. — случалось ли тебѣ видѣть, чтобы женщина любила чужое дитя? Не только привязалась къ нему, а любила, любила со всѣмъ пыломъ горячей материнской любви?

Ятгейръ. На это способны лишь бездѣтныя женщины.

Король Скуле. Только такія женщины?..

Ятгейръ. И прежде всего безплодныя.

Король Скуле. Прежде всего безплодныя?.. Онѣ любятъ чужихъ дѣтей со всѣмъ пыломъ материнской любви?

Ятгейръ. Бываетъ часто.

Король Скуле. А не бываетъ ли иногда, что такая безплодная женщина убьетъ чужое дитя, по той причинѣ, что у нея самой нѣтъ дѣтей?

Ятгейръ. О, да; но это неразумно.

Король Скуле. Неразумно?

Ятгейръ. Да. Убивая чужое дитя, она даритъ его мать даромъ скорби.

Король Скуле. По-твоему, даръ скорби такъ завиденъ?

Ятгейръ. Да, государь.

Король Скуле (пристально глядя на него). Въ тебѣ какъ бы два человѣка, исландецъ. За веселымъ пиромъ въ кругу моихъ придворныхъ ты окутываешь каждую мысль свою покрываломъ, а съ глазу на глазъ ты порою кажешься изъ тѣхъ людей, среди которыхъ хочется выбрать себѣ друга. Откуда это въ тебѣ?

Ятгейръ. Когда вы собираетесь выкупаться въ рѣчкѣ, государь, вы вѣдь не станете раздѣваться на дорогѣ, гдѣ проходитъ народъ изъ церкви, а поищете себѣ укромнаго мѣстечка.

Король Скуле. Само собой.

Ятгейръ. У меня стыдливая душа; оттого я и не разоблачаюсь на людяхъ.

Король Скуле. Гм! (Послѣ короткой паузы) Скажи мнѣ, Ятгейръ,

какъ ты сталъ скальдомъ? Кто научилъ тебя искусству слагать пѣсни?

Ятгейръ. Этому искусству не учатся, государь.

Король Скуле. Не учатся? Какъ же тогда ты овладѣлъ имъ?

Ятгейръ. Я воспринялъ даръ скорби и вотъ сталъ скальдомъ.

Король Скуле. Такъ скальду нуженъ даръ скорби?

Ятгейръ. Мнѣ нужна была скорбь, какъ другимъ бываетъ нужна вѣра, или радость, или сомнѣніе...

Король Скуле. И сомнѣніе также?

Ятгейръ. Да; но тогда сомнѣвающійся долженъ быть сильнымъ и здоровымъ.

Король Скуле. А кого ты назовешь нездоровымъ?

Ятгейръ. Того, кто сомнѣвается въ собственномъ сомнѣніи.

Король Скуле (медленно). Мнѣ думается, что это — смерть.

Ятгейръ. Хуже,—это сумерки.

Король Скуле (съ силой, словно стряхивая съ себя мысли). Гдѣ мои доспѣхи! Хочу бороться, дѣйствовать, а не думать. Съ какою вѣстью ты вошелъ ко мнѣ?

Ятгейръ. Съ вѣстью о томъ, что я замѣтилъ въ городѣ. Горожане ведутъ тайныя бесѣды, язвительно посмѣиваются и спрашиваютъ, увѣрены ли мы, что король Гоконъ на западѣ; они чему-то радуются.

Король Скуле. Они виквэринги, а виквэринги противъ меня.

Ятгейръ. Они издѣваются надъ тѣмъ, что не удалось выставить раку короля Олафа на тингъ, когда васъ избирали королемъ; они говорятъ, что это плохая примѣта.

Король Скуле. Въ слѣдующій разъ, какъ попаду въ Нидаросъ, рака будетъ выставлена, будетъ стоять подъ открытымъ небомъ, хоть бы мнѣ пришлось разорить церковь Олафа и занять подъ тингъ и то мѣсто, гдѣ она стоитъ!

Ятгейръ. Большія силы нужны для такого дѣла; но я сложу объ этомъ пѣсню, достойную столь великаго дѣла.

Король Скуле. Въ тебѣ еще много несложенныхъ пѣсенъ, Ятгейръ?

Ятгейръ. Нѣтъ, но много неродившихся; онѣ зачинаются одна за другой, обрѣтаютъ жизнь и рождаются.

Король Скуле. А если бы я, король, имѣющій власть, повелѣлъ убить тебя, умерла бы съ тобой и каждая неродившаяся мысль скальда, которую ты носилъ въ себѣ?

Ятгейръ. Государь, великій грѣхъ убить свѣтлую мысль.

Король Скуле. Я спрашиваю тебя не о томъ—грѣхъ ли это я спрашиваю—такъ ли это?

Ятгейръ. Не знаю.

Король Скуле. Не было ли у тебя друга, тоже скальда, и не случалось ли ему дѣлиться съ тобой замысломъ великой и прекрасной пѣсни?

Ятгейръ. Бывало, государь.

Король Скуле. А тебѣ не хотѣлось тогда убить его, чтобы завладѣть его мыслью и самому сложить эту пѣснь?

Ятгейръ. Государь, я не безплоденъ; у меня свои дѣти, мнѣ не зачѣмъ любить чужихъ. (Уходитъ).

Король Скуле (помолчавъ). Исландецъ воистину скальдъ. Изрекаетъ глубочайшія божественныя истины, самъ того не зная... Я подобенъ безплодной женщинѣ. Потому и люблю дитя Гокона—его королевскую мысль, люблю горячо, со всѣмъ пыломъ моей души. О, если-бъ мнѣ усыновить ее! Она умерла бы въ моихъ объятіяхъ. Что лучше — умереть ей въ моихъ рукахъ или вырасти, достичь величія въ его? Обрѣту ли я миръ душевный, если это сбудется? Могу ли я смириться? Могу ли спокойно взирать, какъ Гоконъ воздвигаетъ себѣ такой памятникъ?.. Какъ мертво, какъ пусто во мнѣ... и вокругъ меня. Ни единаго друга... Исландецъ! (Идетъ къ двери и кричитъ) Скальдъ ушелъ?

Одинъ изъ людей короля (за дверью). Нѣтъ, государь, онъ стоитъ въ сѣняхъ и разговариваетъ со стражей.

Король Скуле. Скажи ему, чтобы пришелъ ко мнѣ! (Идетъ къ столу. Немного погодя входитъ Ятгейръ). Мнѣ не спится, Ятгейръ. Не даютъ уснуть великія королевскія мысли.

Ятгейръ. Понимаю,—королевскія мысли, что мысли скальда. Выше всего взлетаютъ онѣ и быстрѣе всего растутъ въ тишинѣ ночной.

Король Скуле. И мысли скальда тоже?

Ятгейръ. Да, государь, ни одна пѣсня не родится при дневномъ свѣтѣ; ее можно записать при свѣтѣ солнца, но складывается она въ тихій ночной часъ.

Король Скуле. Кто подарилъ тебя скорбью, Ятгейръ?

Ятгейръ. Та, которую я любилъ.

Король Скуле. Такъ она умерла?

Ятгейръ. Нѣтъ, измѣнила.

Король Скуле. И ты сталъ скальдомъ?

Ятгейръ. Да, и я сталъ скальдомъ.

Король Скуле (хватая его за руку). Какого дара мнѣ недостаетъ, чтобы стать королемъ?

Ятгейръ. Не дара сомнѣнія, а то вы не задали бы мнѣ такого вопроса.

Король Скуле. Какого же дара мнѣ недостаетъ?

Ятгейръ. Государь, вы и такъ король.

Король Скуле. Во всякій ли часъ чувствуешь ты себя призваннымъ скальдомъ?

Ятгейръ (молча смотритъ на него съ минуту). Вы никогда не знавали любви?

Король Скуле. Знавалъ однажды... пылкую, прекрасную и грѣховную.

Ятгейръ. У васъ есть супруга.

Король Скуле. Ее взялъ я, чтобы имѣть сыновей.

Ятгейръ. Но у васъ дочь, государь, кроткая, прекрасная дочь.

Король Скуле. Будь моя дочь сыномъ, я не спрашивалъ бы у тебя, какого дара мнѣ недостаетъ. (Съ внезапнымъ порывомъ) Мнѣ надо имѣть подлѣ себя кого-нибудь, кто не зналъ бы иной воли, кромѣ моей, повиновался бы мнѣ слѣпо... вѣрилъ бы въ меня непоколебимо, прилѣпился бы ко мнѣ всей душой — на добро и на зло, жилъ бы лишь для того, чтобы освѣщать и согрѣвать мою жизнь, и умеръ бы, если я паду. Дай мнѣ совѣтъ, скальдъ!

Ятгейръ. Купите себѣ собаку, государь.

Король Скуле. А человѣка на это не хватитъ?

Ятгейръ. Долго пришлось бы вамъ искать такого.

Король Скуле (внезапно). Хочешь ты быть имъ, Ятгейръ? Хочешь быть мнѣ сыномъ? Ты унаслѣдуешь корону Норвегіи... Ты обрѣтешь страну и государство, если согласишься быть мнѣ сыномъ, жить для моего дѣла и вѣрить въ меня!

Ятгейръ. А какой поруки потребовали бы вы отъ меня въ томъ, что я не кривлю душой?

Король Скуле. Откажись отъ своего призванія; не слагай больше пѣсенъ, и я повѣрю тебѣ!

Ятгейръ. Нѣтъ, государь, слишкомъ дорого обошлась бы мнѣ корона.

Король Скуле. Поразмысли хорошенько! Король выше скальда!

Ятгейръ. Не всегда.

Король Скуле. Ты пожертвуешь лишь несложенными пѣснями.

Ятгейръ. Несложенныя пѣсни всегда самыя прекрасныя.

Король Скуле. Но мнѣ надо... надо найти человѣка, который бы вѣрилъ въ меня! Лишь одного единаго! Я чувствую, будь онъ у меня — я спасенъ.

Ятгейръ. Вѣрьте въ себя сами, и вы спасены!

Поль Флида (вбѣгаетъ). Король Скуле, защищайтесь! Гокопъ Гоконссёнъ со всѣмъ своимъ флотомъ стоитъ у мыса Эльгьяра!

Король Скуле. У мыса Эльгьяра... Значитъ, недалеко.

Ятгейръ. Облекитесь въ доспѣхи! И если суждено кому пасть

сегодня ночью, я съ радостью первый сложу за васъ голову!

Король Скуле. Ты? Когда ты не захотѣлъ жить для меня!

Ятгейръ. Можно сложить свою голову за дѣло другого, но жить можно лишь для своего! (Уходитъ).

Поль Флида (нетерпѣливо). Что повелите предпринять, государь? Не пройдетъ часа, биркебейнеры будутъ въ Осло.

Король Скуле. Самое лучшее было бы намъ уйти на поклоненіе гробу святого Ѳомы Бекета; онъ помогъ многимъ страждущимъ, кающимся душамъ.

Поль Флида (настойчивѣе). Государь, оставьте пустыя рѣчи! Говорю вамъ, биркебейнеры идутъ на насъ!

Король Скуле. Пусть отворятъ всѣ церкви, чтобы мы могли укрыться туда и вымолить себѣ пощаду!

Поль Флида. Однимъ ударомъ вы могли бы разогнать всѣхъ враговъ, а вы хотите укрыться въ церквяхъ!

Король Скуле. Да, да, пусть отворятъ всѣ церкви.

Поль Флида. Будьте увѣрены, Гоконъ нарушитъ миръ церкви, когда дѣло коснется варгбэльговъ.

Король Скуле. Нѣтъ, этого онъ не сдѣлаетъ. Господь не введетъ его въ такой грѣхъ... Господь всегда за Гокона.

Поль Флида (съ гнѣвомъ и печалью). Послушать васъ теперь, такъ спросишь: кто же король въ этой странѣ?

Король Скуле (со скорбной улыбкой). Да, Поль Флида, вотъ великій вопросъ: кто король въ этой странѣ?

Поль Флида (умоляюще). Недугъ охватилъ вашу душу, государь; позвольте мнѣ дѣйствовать за васъ!

Король Скуле. Да, да, дѣйствуй.

Поль Флида (направляясь къ выходу). Прежде всего разрушить всѣ мосты.

Король Скуле. Безразсудный! Стой! Разрушить всѣ мосты! Знаешь ты, что это означаетъ? Я испыталъ!.. Берегись этого!

Поль Флида. Чего же вы хотите, государь?

Король Скуле. Хочу поговорить съ Гокономъ.

Поль Флида. Онъ вамъ отвѣтитъ языкомъ меча!

Король Скуле. Ступай, ступай... ты узнаешь мою волю потомъ!

Поль Флида. Каждая минута дорога. (Хватаетъ его за руку) Король Скуле! Разрушимъ всѣ мосты! Будемъ биться, какъ волки, и уповать на небо!

Король Скуле (глухо). Небо на меня не уповаетъ, и я боюсь уповать на него.

Поль Флида. Коротка же вышла сага варгбэльговъ. (Уходитъ).

Король Скуле. Подъ рукой у меня сотни умныхъ головъ,

тысячи вооруженныхъ рукъ, но ни единой любящей, вѣрящей въ меня души. Вотъ она — королевская нищета! Ни больше... ни меньше.

Бордъ Братте (появляясь изъ среднихъ дверей). Тутъ пришли странники издалека и просятъ бесѣды съ вами, государь.

Король Скуле. Какіе?

Бордъ Братте. Женщина и священникъ.

Король Скуле. Пусть войдутъ.

(Бордъ Братте уходитъ; король Скуле въ раздумьѣ садится направо; немного погодя входитъ женщина въ черной одеждѣ, въ плащѣ съ капюшономъ и подъ густой фатой, скрывающей лицо; сопровождающій ее священникъ останавливается у дверей).

Король Скуле. Кто ты?

Женщина. Та, которую ты любилъ.

Король Скуле (качая головой). Нѣтъ на свѣтѣ никого, кто бы могъ помнить это. Кто ты, спрашиваю?

Женщина. Та, которая любитъ тебя.

Король Скуле. Такъ ты одна изъ умершихъ.

Женщина (приближаясь, говоритъ тихо, задушевно). Скуле Бордсёнъ!

Король Скуле (приподымаясь). Ингебьоргъ!?.

Ингебьоргъ. Узнаёшь меня теперь, Скуле?

Король Скуле. Ингебьоргъ... Ингебьоргъ!

Ингебьоргъ. О, дай мнѣ взглянуть на тебя... дай наглядѣться! (Схвативъ его руки, молча глядитъ на него съ минуту). Прекрасный, любимый, вѣроломный человѣкъ!

Король Скуле. Сними фату, взгляни на меня тѣми глазами, которые когда-то были ясны и сини, какъ небо.

Ингебьоргъ. Двадцать лѣтъ глаза эти были небомъ, затянутымъ дождевыми тучами; ты не узналъ бы ихъ теперь, и тебѣ не видать ихъ никогда.

Король Скуле. Но голосъ твой свѣжъ и нѣженъ и молодъ попрежнему!

Ингебьоргъ. Онъ только и дѣлалъ, что шепталъ твое имя, запечатлѣвалъ твое величіе въ юномъ сердцѣ и молилъ у Бога милости намъ обоимъ, любившимъ во грѣхѣ!

Король Скуле. Ты это дѣлала?

Ингебьоргъ. Я молчала, если не говорила голосомъ моей любви о тебѣ; оттого онъ и остался такимъ свѣжимъ, нѣжнымъ и молодымъ.

Король Скуле. Цѣлая жизнь легла между нами. Всѣ прекрасныя воспоминанія съ того времени я растратилъ, забылъ...

Ингебьоргъ. Забывать — право мужа.

Король Скуле. А ты, Ингебьоргъ, ты, добрая, вѣрная душа,

сидѣла тамъ на сѣверѣ въ ледяномъ уединеніи и хранила, берегла всѣ воспоминанія!

Ингебьоргъ. Беречь воспоминанія — счастье женщины.

Король Скуле. И я могъ отказаться отъ тебя ради власти и богатства! Будь ты моей супругой, стой рядомъ со мной, мнѣ бы легче было стать королемъ.

Ингебьоргъ. Богъ былъ милостивъ ко мнѣ, не допустилъ этого. Душѣ, какъ моя, нужно впасть въ великій грѣхъ, чтобы пробудиться къ раскаянію и искупленію.

Король Скуле. И ты явилась теперь?..

Ингебьоргъ. Вдовой Андреса Скьяльдарбанда.

Король Скуле. Супругъ твой умеръ!?

Ингебьоргъ. На пути изъ Іерусалима.

Король Скуле. Такъ онъ искупилъ убіеніе Вегарда.

Ингебьоргъ. Не ради этого возложилъ на себя крестъ мой благородный супругъ.

Король Скуле. Не ради этого?

Ингебьоргъ. Нѣтъ; мой грѣхъ возложилъ онъ на свои могучія, вѣрныя плечи; его пошелъ онъ смыть въ водахъ Іордана; за него пострадалъ.

Король Скуле (тихо). Онъ все зналъ?

Ингебьоргъ. Съ первой минуты. И епископъ Николасъ зналъ. Передъ нимъ я исповѣдалась; еще одинъ зналъ про то, но *какъ* узналъ — для меня тайна.

Король Скуле. Кто?

Ингебьоргъ. Вегардъ Вэрадаль.

Король Скуле. Вегардъ!

Ингебьоргъ. Онъ шепнулъ на ухо супругу моему срамное слово про меня, и Андресъ Скьяльдарбандъ, выхвативъ мечъ, уложилъ его на мѣстѣ.

Король Скуле. Онъ защитилъ ту, которой я измѣнилъ, которую я забылъ... Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ теперь?

Ингебьоргъ. Чтобы принести тебѣ въ жертву послѣднее.

Король Скуле. Что ты хочешь сказать?

Ингебьоргъ (указывая на священника, стоящаго у дверей). Взгляни на него!.. Петеръ, сынъ мой, подойди.

Король Скуле. Твой сынъ!..

Ингебьоргъ. И твой, король Скуле!

Король Скуле (почти обезумѣвъ). Ингебьоргъ!

(Петеръ приближается и молча, взволнованно преклоняетъ колѣни передъ Скуле).

Ингебьоргъ. Возьми его! Двадцать лѣтъ былъ онъ свѣтомъ и радостью моей жизни... Теперь ты — король Норвегіи.... сынъ

королевскій долженъ вступить въ свои права. У меня нѣтъ больше правъ на него.

Король Скуле (подымая Петера въ бурномъ порывѣ радости). Приди ко мнѣ, желанный и жданный мной такъ страстно! (Сжимаетъ его въ объятіяхъ, выпускаетъ, смотритъ на него и снова обнимаетъ). Мой сынъ! Мой сынъ! У меня есть сынъ! Ха-ха-ха! Кто теперь устоитъ противъ меня! (Подходитъ къ Ингебьоргъ и съ жаромъ беретъ ее за руку). И ты, ты отдаешь мнѣ его, Ингебьоргъ? Ты вѣдь не отступишься отъ своего слова? Ты отдашь мнѣ его?

Ингебьоргъ. Тяжела эта жертва, и едва ли смогла бы я принести ее, если бы епископъ Николасъ не прислалъ его ко мнѣ съ грамотой и вѣстью о смерти Андреса Скьяльдарбанда. Епископъ и возложилъ на меня эту тяжкую жертву во искупленіе моего грѣха.

Король Скуле. Такъ грѣхъ стертъ. И отнынѣ онъ мой сынъ, принадлежитъ мнѣ одному, одному?

Ингебьоргъ. Да, но я беру съ тебя обѣтъ.

Король Скуле. Небо и земля! Требуй, чего хочешь!

Ингебьоргъ. Онъ чистъ, невиненъ, какъ агнецъ Божій. Такимъ я вручаю его тебѣ. Опасенъ путь, ведущій къ королевскому престолу; не дай же ему взять грѣхъ на душу. Слышишь, король Скуле, не дай моему сыну загубить душу свою!

Король Скуле. Обѣщаю и клянусь!

Ингебьоргъ (схвативъ его за руку). Чуть замѣтишь, что онъ готовъ загубить душу свою — пусть лучше умретъ!

Король Скуле. Лучше умретъ! Обѣщаю и клянусь!

Ингебьоргъ. Тогда я спокойно вернусь въ Гологаландъ.

Король Скуле. Да, можешь спокойно вернуться.

Ингебьоргъ. Тамъ я буду каяться и молиться, пока Господь не отзоветъ меня. А когда мы встрѣтимся у Господа, онъ чистымъ и безгрѣшнымъ вернется къ своей матери!

Король Скуле. Чистымъ и безгрѣшнымъ! (Оборачиваясь къ Петеру) Дай взглянуть на тебя. Да, у тебя черты матери и мои; ты тотъ, по комъ я такъ страстно тосковалъ.

Петеръ. Отецъ, мой великій, могучій отецъ! Дай мнѣ жить и бороться для тебя! Пусть твое дѣло будетъ моимъ, и, каково бы оно ни было, я буду знать, что борюсь за правое дѣло!

Король Скуле (съ крикомъ радости). Ты вѣришь въ меня! Ты вѣришь въ меня!

Петеръ. Непоколебимо!

Король Скуле. Такъ все хорошо, такъ я воистину спасенъ! Слушай, сбрось священническое одѣяніе. Архіепископъ разрѣшитъ тебя отъ обѣта; королевскому сыну подобаетъ пре-

поясаться мечомъ и неустанно стремиться впередъ, къ власти и славѣ.

Петеръ. Съ тобой вмѣстѣ, мой великій отецъ! Вмѣстѣ пойдемъ мы!

Король Скуле (прижимая его къ себѣ). Да, да, вмѣстѣ, вдвоемъ съ тобой!

Ингебьоргъ (про себя). Любить, жертвовать всѣмъ и быть забытой — вотъ сага женщины. (Уходитъ въ среднюю дверь).

Король Скуле. Великое дѣло предстоитъ въ Норвегіи! Петеръ, сынъ мой, слушай! Мы подымемъ весь народъ, соберемъ, сплотимъ его воедино; викверинги и трондеры, гологолэндинги и агдевэринги, оплэндинги и согндоли — всѣ составятъ какъ бы одинъ единый великій родъ, и, повѣрь, страна процвѣтетъ!

Петеръ. Какая великая мысль!.. Духъ захватываетъ!..

Король Скуле. Ты ее постигаешь?

Петеръ. Да, да!.. Ясно!

Король Скуле. И вѣришь въ нее?

Петеръ. Да, да, я же вѣрю въ тебя!

Король Скуле (изступленно). Да падетъ Гоконъ Гоконссёнъ!

Петеръ. Да падетъ — если на то твоя воля; воля твоя — законъ.

Король Скуле. Прольется кровь; но все равно.

Петеръ. Она не даромъ прольется, но за твое дѣло.

Король Скуле. Вся власть перейдетъ къ тебѣ, когда я скрѣплю государство. Ты возсядешь на престолѣ королевскомъ, съ вѣнцомъ на челѣ, съ широкой пурпурной мантіей на плечахъ. Всѣ мужи въ странѣ преклонятся передъ тобой... (Слышны отдаленные звуки трубъ). Га! Что это! (Съ крикомъ) Биркебейнеры! Что такое говорилъ Поль Флида?.. (Спѣшитъ къ дверямъ въ глубинѣ).

Поль Флида (входитъ и кричитъ). Пробилъ нашъ часъ, король Скуле!

Король Скуле (въ смятеніи). Биркебейнеры! Воины Гокона Гоконссёна! Гдѣ они?

Поль Флида. Ихъ тысячи подъ Экебэргомъ.

Король Скуле. Труби сборъ! Труби, труби! Дай совѣтъ! Гдѣ встрѣтить ихъ?

Поль Флида. Для насъ отворены всѣ церкви.

Король Скуле. Я спрашиваю про биркебейнеровъ!..

Поль Флида. Для нихъ открыты всѣ мосты.

Король Скуле. Несчастный, что ты надѣлалъ!

Поль Флида. Повиновался своему королю.

Король Скуле. Сынъ мой! Сынъ мой! Горе мнѣ! Я утратилъ твое королевство!

Петеръ. Нѣтъ! Ты побѣдишь! Столь великая королевская мысль не умретъ!

Король Скуле. Молчи, молчи. (Звуки трубъ и крики приближаются). На коней! Къ оружію! Дѣло идетъ о большемъ, чѣмъ о жизни или смерти человѣческой! (Спѣшитъ къ дверямъ, остальные слѣдуютъ за нимъ).

Улица въ Осло. По обѣимъ сторонамъ низенькіе деревянные дома съ навѣсами и крыльцами. Въ глубинѣ кладбище св. Гальварда, обнесенное высокой стѣной съ воротами. Налѣво стѣна примыкаетъ къ церкви, главныя двери которой отворены настежь. Еще ночь; мало-по-малу свѣтаетъ. Бьютъ въ набатъ; издалека справа доносятся воинственные крики, смѣшанный шумъ и гамъ.

Трубачъ короля Скуле (входитъ справа, трубя и крича). Къ оружію! Къ оружію, люди короля Скуле! (Снова трубитъ и уходитъ дальше; немного погодя слышно, какъ онъ трубитъ и созываетъ людей на слѣдующей улицѣ).

Женщина (изъ дверей одного дома справа). Господи, Боже милостивый, что̀ это?

Горожанинъ (выходя, полуодѣтый, изъ дверей противоположнаго дома). Биркебейнеры въ городѣ! Ну, достанется теперь Скуле за всѣ его злодѣйства!

Одинъ изъ воиновъ Скуле (выбѣгаетъ изъ боковой улицы слѣва; за нимъ еще нѣсколько, держа въ рукахъ плащи и доспѣхи). Гдѣ биркебейнеры?

Другой изъ воиновъ Скуле (выбѣгая изъ дома направо). Не знаю.

Первый. Чу! Слушай! Вѣрно, у Гейтенбро.

Второй. Такъ на мостъ! (Всѣ кидаются направо; оттуда выбѣгаетъ горожанинъ).

Первый горожанинъ. Эй! Сосѣдъ! Откуда вы?

Второй горожанинъ. Съ рѣки; бѣдовое дѣло тамъ!

Женщина. Святые Олафъ и Гальвардъ! Биркебейнеры, что ли, пришли?

Второй горожанинъ. Да, да, биркебейнеры. Съ ними король Гоконъ. Весь флотъ у пристани. А самъ онъ съ лучшими мужами высадился у Экебэрга.

Первый горожанинъ. Отплатитъ онъ теперь за уронъ подъ Лекой!

Второй горожанинъ. Да, ужъ не безъ того!

Первый горожанинъ. Глядите... ворбэльги уже бѣгутъ!

(Толпа воиновъ Скуле въ безпорядкѣ вбѣгаетъ справа).

Одинъ изъ бѣгущихъ. Въ церковь! Никому не устоять противъ биркебейнеровъ — такъ и ломятъ!

(Толпа убѣгаетъ въ церковь и затворяется тамъ).

Второй горожанинъ (взглянувъ направо). Я вижу знамя тамъ въ концѣ улицы. Вѣрно, король Гоконъ.

Первый горожанинъ. Глядите, глядите, какъ ворбэльги удираютъ! (Новая толпа спасающихся бѣгствомъ).

Одинъ изъ бѣглецовъ. Спасайся въ церковь и проси пощады!

(Всѣ кидаются къ церковному входу).

Нѣкоторые изъ бѣглецовъ. Заперто! Заперто!

Первый. Такъ къ Мартестоку!

Второй. Гдѣ король Скуле?

Первый. Не знаю. Скорѣй! Вонъ ужъ знамя биркебейнеровъ! (Убѣгаютъ мимо церкви налѣво).

Гоконъ (выходитъ справа, въ сопровожденіи своего знаменоносца, Грегоріуса Йонссёна, Дагфина Бонда и другихъ мужей). Слышите, боевой кличъ! Скуле стягиваетъ своихъ людей за кладбищемъ.

Старый горожанинъ (кричитъ съ крыльца своего дома). Берегитесь, дорогой государь! Варгбэльги свирѣпо дерутся, когда дѣло идетъ о жизни!

Гоконъ. Это ты, старый Гу̀ттормъ Эрлэндссёнъ? Ты бился и за отца моего и за дѣда!

Горожанинъ. Ахъ, далъ бы Господь побиться и за васъ!

Гоконъ. Больно ты старъ, да и нѣтъ нужды; ко мнѣ стекается народъ отовсюду.

Дагфинъ Бондъ (указывая черезъ стѣну направо). Стягъ герцога!

Грегоріусъ Йонссенъ. Самъ герцогъ! На своемъ бѣломъ боевомъ конѣ!

Дагфинъ Бондъ. Надо запереть ему выходъ изъ воротъ!

Гоконъ. Труби, труби! (Трубачъ трубитъ). Ты лучше трубилъ, щенокъ, когда трубилъ о милостынѣ на Бергенскомъ мосту!

(Трубачъ трубитъ громче; сбѣгаются люди).

Одинъ изъ ворбэльговъ (справа, ища спасенья отъ преслѣдующаго его биркебейнера, кидается къ церкви). Пощады! Пощады!

Биркебейнеръ. Нѣтъ! Хоть бы ты въ самый алтарь забрался! (Повергаетъ его ударомъ меча). Сдается, добрый у тебя плащъ,— пригодится! (Хочетъ снять плащъ, вскрикиваетъ и бросаетъ мечъ). Государь король! Мечъ мой больше не подымется за васъ.

Дагфинъ Бондъ. И ты это говоришь въ такой часъ!

Биркебейнеръ. Не подымется!

Дагфинъ Бондъ (повергая его самого ударомъ меча). Такъ и не надо!

Биркебейнеръ (указывая на мертваго противника). Я полагалъ, что будетъ съ меня, коли я ужъ убилъ роднаго брата. (Умираетъ).

Гоконъ. Это братъ его!

Дагфинъ Бондъ. Что? (Подходитъ къ трупу ворбэльга).

Гоконъ. Правда ли?

Дагфинъ Бондъ. Похоже на то.

Гоконъ (потрясенный). Вотъ гдѣ виднѣе всего, что за войну мы ведемъ. Братъ на брата, отецъ на сына. Клянусь Господомъ Всемогущимъ, этому должно положить конецъ!

Грегоріусъ. Герцогъ все ближе въ яростной схваткѣ съ людьми ярла Кнуда!

Дагфинъ Бондъ. Заприте ворота передъ нимъ, люди короля!

(За стѣной показываются сражающіеся. Ворбэльги прокладываютъ себѣ путь налѣво, оттѣсняемые шагъ за шагомъ биркебейнерами. Король Скуле верхомъ на бѣломъ боевомъ конѣ, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ. Петеръ идетъ рядомъ, держа правой рукой коня подъ уздцы, а лѣвой высоко подымая распятіе. Поль Флида несетъ стягъ Скуле: на голубомъ полѣ стоящій золотой левъ безъ сѣкиры).

Король Скуле. Бей! Руби! Не щади никого! Норвегія обрѣла новаго наслѣдника престола!

Биркебейнеры. Новаго наслѣдника престола, говоритъ онъ!

Гоконъ. Скуле Бордссёнъ, подѣлимъ межъ собой государство!

Король Скуле. Все или ничего!

Гоконъ. Вспомните королеву, дочь свою!

Король Скуле. У меня есть сынъ, у меня есть сынъ. Я помню лишь о немъ!

Гоконъ. И у меня есть сынъ. Если я паду, государство перейдетъ къ нему!

Король Скуле. Смерть королевскому сыну, гдѣ бы ни нашли его! Смерть ему на престолѣ королевскомъ, смерть въ алтарѣ, смерть, смерть у груди королевы!

Гоконъ. Ты самъ изрекъ себѣ приговоръ!

Король Скуле (рубясь мечомъ). Бей! Руби! У короля Скуле сынъ! Смерть, смерть! (Сражающіеся удаляются налѣво).

Грегоріусъ. Ворбэльги пробиваются!

Дагфинъ Бондъ. Да, чтобы бѣжать.

Грегоріусъ. Клянусь небомъ — вторыя ворота отворены! Они уже бѣгутъ!

Дагфинъ Бондъ. За ними къ Мартестоку! (Кричитъ) За ними, за ними, ярлъ Кнудъ! Отмсти за уронъ подъ Локой!

Гоконъ. Вы слышали, онъ обрекъ смерти моего сына, объявилъ его внѣ закона, моего невиннаго сына, избраннаго моимъ преемникомъ, наслѣдникомъ норвежскаго престола!

Мужи короля. Да, да, слышали!

Гоконъ. Какой же карѣ подлежитъ такое преступленіе?

Мужи короля. Смерти!

Гоконъ. Такъ смерть ему! (Подымая руку для клятвы) Клянусь, Скуле Бордссёнъ повиненъ смерти, гдѣ бы ни нашли его на несвященной землѣ!

Дагфинъ Бондъ. Долгъ каждаго вѣрнаго мужа сразить его.

Биркебейнеръ (вбѣгая слѣва). Герцогъ Скуле бѣжалъ!

Горожане. Биркебейнеры побѣдили!

Гоконъ. Куда бѣжалъ герцогъ?

Биркебейнеръ. Мимо Мартестока, къ Эйдсволу: у большинства изъ нихъ были подъ рукой кони, а то не уйти бы ни одному.

Гоконъ. Благодаренье Господу за помощь и на сей разъ! Теперь королева можетъ свободно высадиться на берегъ.

Грегоріусъ (указывая направо). Она уже высадилась, государь; шествуетъ сюда.

Гоконъ (ближайшимъ изъ окружающихъ). Предстоитъ еще самое тяжкое; она добрая, любящая дочь. Слышите,—ни слова ей объ опасности, угрожающей ребенку. Обѣщайте всѣ, какъ одинъ человѣкъ, защищать сына вашего короля, но ей не открывайте ничего.

Мужи короля (глухо). Обѣщаемъ!

Маргарита (появляется справа, окруженная женщинами и свитой). Гоконъ, супругъ мой! Само небо охраняло тебя! Ты побѣдилъ и невредимъ.

Гоконъ. Да, я побѣдилъ. Гдѣ дитя?

Маргарита. На кораблѣ королевскомъ, въ рукахъ вѣрныхъ людей.

Гоконъ. Побольше людей туда! (Часть воиновъ уходитъ).

Маргарита. Гоконъ, гдѣ... герцогъ Скуле?

Гоконъ. Направился въ Опландъ.

Маргарита. Такъ онъ живъ!.. Супругъ мой, осмѣлюсь ли я возблагодарить Бога за то, что онъ живъ?

Гоконъ (борясь съ собой). Выслушай меня, Маргарита. Ты была мнѣ вѣрной супругой, дѣлила со мной и горе и радость; ты такъ любила меня... а я долженъ причинить тебѣ великое горе. Тяжело мнѣ это, но я король и долженъ...

Маргарита (затаивъ дыханіе). Дѣло идетъ о... герцогѣ?

Гоконъ. Да. Мнѣ не можетъ выпасть болѣе тяжкой доли, нежели разлука съ тобой на всю жизнь; но если ты послѣ того, что̀ я сейчасъ скажу тебѣ, найдешь, что иначе быть не можетъ, если тебѣ покажется, что ты не можешь больше сидѣть рядомъ со мной, подымать на меня взоръ, не блѣднѣя... то мы разстанемся... будемъ жить каждый самъ по себѣ... и я не осужу тебя за это.

Маргарита. Разстаться съ тобой! Какъ могъ ты это помыслить! Дай мнѣ руку!..

Гоконъ. Не прикасайся къ ней! Она только-что была поднята для клятвы...

Маргарита. Для клятвы?

Гоконъ. Для клятвы, которая приложила нерушимую печать къ смертному приговору.

Маргарита (вскрикивая). Отецъ мой! Отецъ мой! (Шатается: женщины спѣшатъ поддержать ее).

Гоконъ. Да, Маргарита. Король въ моемъ лицѣ осудилъ твоего отца на смерть.

Маргарита. Такъ, вѣрно, онъ совершилъ еще болѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ когда присвоилъ себѣ имя короля.

Гоконъ. Да. И если ты находишь, что намъ должно разстаться. — да будетъ такъ.

Маргарита (приближаясь къ нему; съ силой). Не разставаться намъ вовѣкъ! Я твоя супруга, только твоя супруга и ничего больше!

Гоконъ. У тебя хватитъ силъ? Ты слышала, уразумѣла все? Я осудилъ твоего отца.

Маргарита. Я слышала и уразумѣла все. Ты осудилъ моего отца.

Гоконъ. И не требуешь отъ меня оправданія, не хочешь узнать—въ чемъ его преступленіе?

Маргарита. Довольно, что ты его знаешь.

Гоконъ. Но я осудилъ его на *смерть!*

Маргарита (преклоняя колѣни и цѣлуя руку короля). Мой супругъ и высокій повелитель, твой судъ — праведный судъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Покой во дворѣ королевскомъ въ Нидаросѣ. Направо входная дверь: впереди въ той же стѣнѣ окно. Налѣво дверь поменьше. Сумерки. Поль Флида, Бордъ Братте и еще нѣсколько изъ лучшихъ мужей короля Скуле, стоятъ у окна и смотрятъ на небо.

Одинъ изъ придворныхъ. Такъ и пышетъ краснымъ огнемъ!

Второй. Заняло полнеба; словно огненный мечъ.

Бордъ Братте. Святой король Олафъ! Что предвѣщаетъ это ужасное знаменіе?

Старый ворбэльгъ. Вѣрно, смерть великаго вождя.

Поль Флида. Смерть Гокона, добрые ворбэльги! Онъ стоитъ на фьордѣ съ флотомъ; можно ожидать его въ городѣ нынѣшній вечеръ, и на этотъ разъ нашъ чередъ побѣдить.

Бордъ Братте. Не слишкомъ полагайся; у войска нашего поубавилось храбрости.

Старый ворбэльгъ. Можетъ статься: съ самаго бѣгства изъ Осло король Скуле заперся и не хочетъ ни видѣться ни говорить со своими мужами.

Одинъ изъ придворныхъ. Въ городѣ не знаютъ, чему и вѣрить — живъ онъ или умеръ.

Поль Флида. Королю надо показаться, какъ бы ни былъ силенъ его недугъ. Поговори съ нимъ, Бордъ Братте, — дѣло идетъ о спасеніи всѣхъ насъ.

Бордъ Братте. Мало толку; я ужъ говорилъ съ нимъ.

Поль Флида. Такъ я самъ попытаюсь. (Идетъ къ двери налѣво и стучитъ). Государь король, возьмите власть въ свои руки; такъ долѣе не можетъ идти.

Король Скуле (за дверью). Я боленъ, Поль Флида!

Поль Флида. И мудрено ли. Вы два дня не ѣли; вамъ надо подкрѣпиться...

Король Скуле. Я боленъ.

Поль Флида. Клянусь Всемогущимъ — не до того намъ теперь! Король Гоконъ подходитъ съ флотомъ и съ часу на часъ будетъ въ Нидаросѣ.

Король Скуле. Убейте его! И его и дитя королевское!

Поль Флида. Ведите насъ сами, государь!

Король Скуле. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... счастье и побѣда скорѣе дадутся вамъ, если меня не будетъ...

Петеръ (входитъ справа въ доспѣхахъ). Средь горожанъ смятеніе; толпятся передъ дворомъ королевскимъ.

Бордъ Братте. Если король не поговоритъ съ ними, они ему измѣнятъ въ бѣдѣ.

Петеръ. Такъ надо, чтобы онъ поговорилъ съ ними. (У дверей налѣво) Отецъ! Трондеры, твои вѣрнѣйшіе люди, отпадутъ отъ тебя, если ты не придашь имъ мужества.

Король Скуле. Что сказалъ скальдъ?

Петеръ. Скальдъ?

Король Скуле. Скальдъ, павшій за мое дѣло въ Осло. «Нельзя дать другому того, чѣмъ не владѣешь самъ».

Петеръ. Такъ ты не можешь отдать другимъ и королевства; оно мое послѣ тебя!

Король Скуле. Иду!

Поль Флида. Хвала Господу!

Король Скуле (показывается въ дверяхъ, блѣдный, исхудалый и сильно посѣдѣвшій). Не смотрите на меня! Не люблю, чтобы на меня смотрѣли, когда я боленъ! (Подходитъ къ Петеру). Ты говоришь — отнять у тебя королевство? Великій Боже, что я собирался сдѣлать!

Петеръ. О, прости мнѣ! Я вѣдь знаю — все, что бы ты ни сдѣлалъ, должно быть такъ.

Король Скуле. Нѣтъ, нѣтъ, такъ не было до сихъ поръ. Но отнынѣ я буду силенъ и бодръ; я буду дѣйствовать.

Громкіе крики (за дверью и окномъ). Король Скуле! Король Скуле!

Король Скуле. Что это?

Бордъ Братте (у окна). Горожане толпятся на дворѣ, весь дворъ запруженъ народомъ. Вамъ надо поговорить съ ними.

Король Скуле. Похожъ ли я на короля? Какъ мнѣ говорить съ ними?

Петеръ. Ты долженъ, мой великій отецъ!

Король Скуле. Добро, пусть такъ. (Идетъ къ окну и отдергиваетъ занавѣсь, но тотчасъ же выпускаетъ ее изъ рукъ и отшатывается въ ужасѣ). Опять грозитъ мнѣ этотъ огненный мечъ!

Петеръ. Это знаменіе, что за тебя обнаженъ мечъ побѣды.

Король Скуле. Да, будь оно такъ... (Идетъ къ окну и говоритъ) Тронденры, чего вы хотите,—вашъ король передъ вами.

Горожанинъ (за окномъ). Оставь городъ! Биркебейнеры начнутъ жечь и убивать насъ, коль найдутъ тебя здѣсь.

Король Скуле. Намъ всѣмъ надо быть заодно. Я былъ вамъ добрымъ королемъ, бралъ съ васъ малыя дани; немного вамъ стоили мои походы.

Голосъ изъ толпы. А кровь, что лилась подъ Локой и въ Осло, это какъ назовешь?

Дѣвушка. Верни мнѣ моего нареченнаго!

Мальчикъ. Верни мнѣ отца и брата!

Женщина. Верни мнѣ моихъ трехъ сыновей, король Скуле!

Одинъ изъ толпы. Онъ не король, ему не присягали на ракѣ святого Олафа!

Многіе голоса. Да, да! Ему не присягали на ракѣ Олафа! Онъ не король!

Король Скуле (отступая за занавѣсь). Не присягали!.. Не король!..

Поль Флида. На горе намъ не вынесли раки, когда васъ провозгласили королемъ.

Бордъ Братте. Горожане измѣнятъ — намъ не удержаться въ Нидаросѣ, когда придутъ биркебейнеры.

Король Скуле. А они измѣнятъ, если не присягнутъ мнѣ на святой ракѣ.

Петеръ. Такъ повели вынести раку, и пусть они присягнутъ!

Поль Флида (качая головой). Сбыточное ли это дѣло?

Петеръ. Развѣ есть что несбыточное, если дѣло идетъ о *немъ*? Трубите тингъ и выносите раку!

Нѣкоторые изъ мужей (отшатываясь). Святотатство!

Петеръ. Нѣтъ, не святотатство! Идемъ, идемъ! Крестовая братія расположена къ королю Скуле, согласится...

Поль Флида. Нѣтъ, она не посмѣетъ идти противъ воли епископа.

Петеръ. Вы — королевскіе мужи и не хотите помочь ему въ

такомъ великомъ дѣлѣ! Добро, тамъ на дворѣ найдутся другіе, болѣе охочіе. Отецъ и король мой, крестовая братія должна согласиться! Я буду просить, молить! Пусть трубятъ тингъ: ты будешь носить имя короля по закону и обычаю! (Поспѣшно уходитъ направо).

Король Скуле (сіяя радостью). Видѣли вы его! Видѣли вы моего славнаго сына! Какъ сверкали его глаза! Да, мы всѣ будемъ бороться и побѣдимъ. Велика ли сила биркебейнеровъ?

Поль Флида. Не болѣе нашей, только бы горожане стояли за насъ.

Король Скуле. Они постоятъ за насъ. Надо всѣмъ намъ быть заодно, положить конецъ этой ужасной распрѣ. Иль вы не видите, само небо повелѣваетъ намъ покончить съ нею? Небо разгнѣвалось на Норвегію за то, что творится у насъ такъ долго. Каждую ночь загорается въ вышинѣ огненный мечъ, женщины падаютъ и рожаютъ въ церквяхъ, священниковъ и монаховъ обуялъ повальный душевный недугъ, они бѣгаютъ по улицамъ и вопятъ, что настаетъ кончина міра. Да, клянусь Всемогущимъ, надо покончить все это однимъ ударомъ!

Поль Флида. Что повелите намъ предпринять?

Король Скуле. Разрушить всѣ мосты.

Поль Флида (одному изъ придворныхъ). Поди и вели разрушить всѣ мосты. (Тотъ уходитъ).

Король Скуле. Пусть всѣ мои люди соберутся въ Эре, чтобы ни одинъ биркебейнеръ не ступилъ ногой въ Нидаросъ.

Поль Флида. Мудрыя рѣчи, король!

Король Скуле. Когда раку вынесутъ, пусть трубятъ тингъ. Созвать и воиновъ и горожанъ.

Поль Флида (одному изъ мужей). Поди и вели трубачу трубить по улицамъ. (Тотъ уходитъ).

Король Скуле (обращаясь въ окно къ толпѣ). Держитесь меня всѣ, печалующіеся и сирые! Скоро опять на страну снизойдетъ миръ и свѣтъ, какъ въ первые счастливые дни Гокона, когда поля давали по двѣ жатвы въ лѣто. Держитесь меня крѣпко, уповайте на меня и вѣрьте въ меня,—я такъ несказанно нуждаюсь въ этомъ. Я буду бодрствовать надъ вами, бороться за васъ, я пролью за васъ свою кровь, сложу за васъ свою голову, если будетъ нужда, только не измѣняйте мнѣ, не сомнѣвайтесь во мнѣ!.. (Въ толпѣ слышны громкіе крики ужаса). Что тамъ?

Изступленный голосъ. Покайтесь, покайтесь!

Бордъ Братте (выглядывая). Да это одержимый бѣсами священникъ!

Поль Флида. Рветъ на себѣ рясу и бичуетъ себя!

Голосъ. Покайтесь, покайтесь! Насталъ день судный!

Многіе голоса. Бѣжимъ, бѣжимъ! Горе Нидаросу! Такое грѣховное дѣло!

Король Скуле. Что случилось?

Бордъ Братте. Всѣ бѣгутъ, спасаются словно отъ дикаго звѣря.

Король Скуле. Да, всѣ бѣгутъ. (Вскрикивая отъ радости) Га! Все равно... Мы спасены! Глядите, глядите!.. Рака короля Олафа стоитъ посреди королевскаго двора!

Поль Флида. Рака Олафа!

Бордъ Братте. Клянусь небомъ — стоитъ!

Король Скуле. Крестовая братія вѣрна мнѣ; никогда еще не совершала она такого добраго дѣла!

Поль Флида. Слушайте! Трубятъ тингъ.

Король Скуле. Теперь мнѣ присягнутъ по всѣмъ законамъ и обычаямъ.

Петеръ (входитъ справа). Облекись въ королевскую мантію! Рака вынесена.

Король Скуле. Такъ ты спасъ королевство мнѣ и себѣ! Тысячу разъ возблагодаримъ благочестивую братію за то, что сдалась!

Петеръ. Крестовую братію тебѣ не за что благодарить, отецъ.

Король Скуле. Развѣ не она помогла тебѣ?

Петеръ. Она провозгласила анаѳему каждому, кто осмѣлится посягнуть на святыню.

Король Скуле. Такъ архіепископъ! Наконецъ-то сдался!

Петеръ. Архіепископъ провозгласилъ еще злѣйшую анаѳему, чѣмъ крестовая братія.

Король Скуле. Такъ, вижу, у меня есть еще вѣрные люди. Вы здѣсь трусливо отступили, даромъ что должны были бы стоять ко мнѣ ближе всѣхъ... а тамъ въ толпѣ нашлись вѣрные мнѣ люди, которые дерзнули взять за меня такой великій грѣхъ на душу!

Петеръ. Нѣтъ у тебя тамъ ни единаго вѣрнаго человѣка, который бы дерзнулъ взять за тебя такой грѣхъ на душу.

Король Скуле. Всемогущій Боже — такъ совершилось чудо. Кто вынесъ раку?

Петеръ. Я, отецъ!

Король Скуле (вскрикивая). Ты!

Всѣ (отшатываясь). Святотатецъ!

(Поль Флида, Бордъ Братте и еще нѣкоторые уходятъ).

Петеръ. Надо же было кому-нибудь дерзнуть. Нельзя положиться ни на одного человѣка, пока ты не станешь королёмъ по всѣмъ законамъ и обычаямъ. Я просилъ, молилъ кресто-

вую братію. Тщетно. Тогда я силой ворвался; никто не посмѣлъ слѣдовать за мной. Я прыгнулъ въ алтарь, схватился за ручку, уперся колѣномъ и потянулъ раку. Таинственная власть дала мнѣ силы сверхъ человѣческихъ. Рака подалась, я тащилъ ее за собой, а вослѣдъ мнѣ гремѣла подъ сводами анаѳема... Я выволокъ раку изъ церкви, всѣ разступались передо мной, бѣжали; когда я доволокъ ее до средины двора королевскаго, ручка отломилась. Вотъ она. (Подымаетъ ее кверху).

Король Скуле (тихо, въ ужасѣ). Святотатецъ!

Петеръ. Ради тебя, ради твоей королевской мысли! Но ты сотрешь грѣхъ; ты сгладишь всякое зло; ты принесешь съ собой свѣтъ и миръ; въ странѣ займется новый яркій день— что-жъ за бѣда, если ему предшествовала бурная ночь?

Король Скуле. Святымъ сіяніемъ окружено было чело твое, когда мать твоя привела тебя ко мнѣ... а теперь... мнѣ сдается, надъ нимъ сверкаютъ молніи анаѳемы!

Петеръ. Отецъ, отецъ, не думай обо мнѣ, не бойся за мое спасеніе или гибель! Я сотворилъ волю твою — такъ можетъ ли это быть вмѣнено мнѣ во грѣхъ?

Король Скуле. Я хотѣлъ, чтобы ты вѣрилъ въ меня, а эта вѣра ввела тебя въ грѣхъ.

Петеръ (въ изступленіи). Ради тебя, ради тебя! И Богу остается лишь снять его съ меня!

Король Скуле. Сохранить его чистымъ и непорочнымъ — вотъ что обѣщалъ я Ингебьоргъ, а онъ глумится надъ небомъ!

Поль Флида (входитъ). Всѣ въ смятеніи. Ужасное дѣло повергло въ страхъ твоихъ людей; они разбѣжались по церквямъ.

Король Скуле. Пусть выйдутъ, пусть выйдутъ!

Бордъ Братте (входитъ). Горожане возстали противъ васъ, избиваютъ ворбэльговъ и на улицахъ и въ домахъ, гдѣ попадутся!

Одинъ изъ придворныхъ (входитъ). Биркебейнеры плывутъ по рѣкѣ!

Король Скуле. Труби сборъ моимъ людямъ! Да не отпадетъ отъ меня теперь никто!

Поль Флида. Невозможное дѣло; страхъ обуялъ ихъ и связалъ имъ руки.

Король Скуле (въ отчаяніи). Да нельзя же мнѣ пасть теперь! Нельзя сыну моему пасть со смертнымъ грѣхомъ на душѣ!

Петеръ. Не думай обо мнѣ; все дѣло въ тебѣ одномъ. Бѣжимъ внутрь страны; тамъ всѣ вѣрны тебѣ!

Король Скуле. Да, бѣжимъ! За мной, кому жизнь дорога!

Бордъ Братте. Какимъ путемъ?

Король Скуле. По мосту.

Поль Флида. Всѣ мосты разрушены, государь!

Король Скуле. Разрушены! Всѣ мосты разрушены, говоришь!

Поль Флида. Вамъ бы разрушить ихъ въ Осло, тогда можно было бы оставить ихъ въ Нидаросѣ.

Король Скуле. Такъ вплавь черезъ рѣку!.. Надо спасать жизнь и душу! Бѣжимъ! Бѣжимъ! (Убѣгаетъ съ Петеромъ налѣво).

Бордъ Братте. Да, лучше бѣжать, чѣмъ пасть отъ рукъ горожанъ и биркебейнеровъ!

Поль Флида. Съ Богомъ, бѣжимъ и мы! (Всѣ слѣдуютъ за Скуле).

(Покой пустѣетъ на нѣкоторое время, затѣмъ справа врывается толпа вооруженныхъ горожанъ).

Одинъ изъ горожанъ. Сюда! Онъ навѣрно тутъ.

Второй. Смерть ему!

Другіе. И святотатцу тоже!

Одинъ. Потише наступайте! Они люты отгрызаться.

Первый горожанинъ. Нечего бояться; биркебейнеры уже на улицахъ.

Горожанинъ (входитъ). Поздно,—король Скуле бѣжалъ.

Многіе. Куда? Куда?

Вошедшій. Въ одну изъ церквей, я думаю. Онѣ полны варгбэльгами.

Первый. Пойдемъ искать его; король Гоконъ щедро наградитъ того, кто сразитъ Скуле.

Второй. Биркебейнеры идутъ!

Третій. Самъ король Гоконъ!

Многіе (кричатъ). Слава королю Гокону Гоконссёну!

Гоконъ (входитъ справа въ сопровожденіи Грегоріуса Йонссёна, Дагфина Бонда и другихъ). А, теперь вы смирились, трондеры? Довольно вы противились мнѣ!

Первый горожанинъ (на колѣняхъ). Смилуйся, государь! Скуле Бордссёнъ такъ тѣснилъ насъ!

Второй (тоже на колѣняхъ). Заставилъ насъ силой служить себѣ, а то мы никогда бы не пошли за нимъ.

Первый. Онъ отбиралъ у насъ добро и заставлялъ биться за его неправое дѣло.

Второй. Ахъ. великій государь, онъ былъ бичомъ и для друзей и для недруговъ своихъ.

Многіе голоса. Да, да... Скуле Бордссёнъ былъ бичомъ для всей страны!

Дагфинъ Бондъ. Пожалуй, они правду говорятъ.

Гоконъ. Добро; съ вами, горожанами, я послѣ поговорю; я намѣренъ строго взыскать съ виновныхъ; но сперва о другомъ надо подумать. Знаетъ ли кто, гдѣ Скуле Бордссёнъ?

Многіе. Укрылся въ одну изъ церквей, государь!

Гоконъ. Вѣрно ли знаете?

Горожане. Да, всѣ варгбэльги укрылись въ церквяхъ.

Гоконъ (тихо Дагфину Бонду). Его надо найти. Приставьте стражу ко всѣмъ церквамъ въ городѣ.

Дагфинъ Бондъ. А когда найдутъ — покончить съ нимъ немедля?

Гоконъ (глухо). Покончить? Дагфинъ, Дагфинъ, какъ мнѣ это тяжко!

Дагфинъ Бондъ. Государь, вы дали священную клятву въ Осло.

Гоконъ. И каждый человѣкъ въ странѣ будетъ домогаться его смерти. (Грегоріусу Йонссёну такъ, чтобы не слыхали другіе) Слушай: ты былъ ему нѣкогда другомъ; сыщи его и уговори бѣжать изъ страны.

Грегоріусъ (радостно). Вы того хотите, государь?

Гоконъ. Ради моей кроткой, любящей супруги.

Грегоріусъ. А если онъ не бѣжитъ, не захочетъ, не сможетъ?

Гоконъ. Богъ свидѣтель, тогда я не могу пощадить его: тогда мое королевское слово останется въ силѣ. Ступай.

Грегоріусъ. Пойду и приложу всѣ старанія. Пошли мнѣ небо удачу! (Уходитъ направо).

Гоконъ. Дагфинъ Бондъ, ступай съ вѣрными людьми на корабль королевскій и проводите королеву съ сыномъ въ монастырь Эльгесэтеръ.

Дагфинъ Бондъ. Государь, вы полагаете, она будетъ тамъ въ безопасности?

Гоконъ. Безопаснѣе убѣжища не найти для нея. Въ церквяхъ затворились варгбэльги; и она такъ просилась туда, — ея мать въ Эльгесэтерѣ.

Дагфинъ Бондъ. Да, да, знаю.

Гоконъ. Передай королевѣ мой сердечный привѣтъ и фру Рагнгильдъ также. Скажи имъ, что, какъ только варгбэльги смирятся и взмолятся о милости, въ Нидаросѣ зазвонятъ во всѣ колокола въ знакъ того, что страна снова обрѣла миръ... Васъ, горожане, я призову къ себѣ завтра, и каждый понесетъ кару по дѣламъ своимъ. (Уходитъ со своей дружиной).

Первый горожанинъ. Горе будетъ намъ завтра!

Второй. Поплатимся жестоко!

Первый. Мы такъ долго противились Гокону, подавали голоса за Скуле, когда онъ провозгласилъ себя королемъ.

Второй. Служили Скуле и кораблями и военными припасами, покупали у него все добро, которое онъ грабилъ во владѣніяхъ Гокона.

Первый. Горе, горе намъ завтра!

Горожанинъ (быстро входитъ слѣва). Гдѣ Гоконъ? Гдѣ король?

Первый. Зачѣмъ тебѣ его?

Вновь вошедшій. Я принесъ ему великую, важную вѣсть.

Многіе. Какую?

Вновь вошедшій. Этого не скажу никому, кромѣ моего короля.

Многіе. Говори, говори!

Вновь вошедшій. Скуле Бордссёнъ на пути въ Эльгесэтеръ!

Первый горожанинъ. Быть того не можетъ! Онъ въ одной изъ церквей.

Вновь вошедшій. Нѣтъ, нѣтъ; онъ и сынъ его переправились черезъ рѣку на плоту.

Первый горожанинъ. Га! Такъ мы можемъ спастись отъ гнѣва Гокона.

Второй. Да, оповѣстимъ его немедля, гдѣ Скуле.

Первый горожанинъ. Нѣтъ, лучше сами пойдемъ прямо въ Эльгесэтеръ и умертвимъ Скуле.

Второй. Да, да, пойдемъ!

Третій. А развѣ съ нимъ не большая сила варгбэльговъ?

Вновь вошедшій. Нѣтъ, ихъ всего нѣсколько человѣкъ переправилось черезъ рѣку.

Первый. Вооружимся получше! О, теперь горожане спасены! Никому не скажемъ о нашемъ замыслѣ; насъ довольно. Такъ въ Эльгесэтеръ!

Всѣ (сдержанно). Да, да, да, въ Эльгесэтеръ!

(Спѣшатъ къ дверямъ налѣво).

Сосновый боръ подъ Нидаросомъ. Лунная, но туманная ночь, глубина лѣсного ландшафта то и дѣло заволакивается. Кругомъ пни и огромные камни. Слѣва черезъ лѣсъ пробираются король Скуле, Петеръ, Поль Флида, Бордъ Братте и другіе ворбэльги.

Петеръ. Сюда, отецъ, отдохни!

Король Скуле. Да, отдохнуть! (Садится на камень).

Петеръ. Каково тебѣ можется?

Король Скуле. Я голоденъ!.. Я боленъ. Боленъ. Я вижу тѣни мертвыхъ людей.

Петеръ (вскакивая). Помогите... хлѣба королю!

Бордъ Братте. Тутъ всякій самъ себѣ король; дѣло идетъ о жизни. Вставай, Скуле Бордссёнъ; коль ты король, такъ не слѣдъ тебѣ лежа править страной!

Петеръ. Будешь глумиться надъ отцомъ, я убью тебя!

Бордъ Братте. Меня и такъ убьютъ. Меня король Гоконъ не помилуетъ; я былъ его намѣстникомъ и измѣнилъ ему ради Скуле. Придумай что-нибудь намъ во спасенье! Нѣтъ такого отчаяннаго дѣла, на которое я теперь не дерзнулъ бы.

Одинъ изъ ворбэльговъ. Только бы намъ добраться до монастыря на островѣ!

Поль Флида. Лучше въ Эльгесэтеръ.

Бордъ Братте (внезапно). Самое лучшее пробраться на корабль Гокона и похитить королевскаго сына.

Поль Флида. Ты ума лишился!

Бордъ Братте. Нѣтъ, нѣтъ, въ этомъ все наше спасеніе, и это легко исполнить. Биркебейнеры обыскиваютъ каждый домъ и приставили стражу къ церквямъ; они и не помышляютъ, чтобы кто изъ насъ могъ бѣжать, разъ всѣ мосты были разрушены. На корабляхъ едва ли осталось много людей; а разъ королевскій наслѣдникъ попадетъ намъ въ руки, Гоконъ дастъ намъ миръ, не то — его отродье умретъ съ нами вмѣстѣ! Кто со мной, чтобы спасти жизнь свою?

Поль Флида. Не я, коль надо спасать ее такимъ путемъ.

Многіе. Не я, не я!

Петеръ. Га! А если въ этомъ спасеніе отца моего!..

Бордъ Братте. Хочешь со мной, такъ идемъ. Я отправлюсь на мысъ Ладэ; тамъ скопились люди, которыхъ мы встрѣтили здѣсь подъ холмомъ; болѣе отчаянныхъ головорѣзовъ нѣтъ среди варгбэльговъ; они переплыли рѣку; они вѣдь знаютъ, что имъ не будетъ пощады и въ церкви. Эти молодцы не побоятся навѣстить королевскій корабль! Кто же изъ васъ идетъ со мной?

Нѣкоторые. Я, я!

Петеръ. И я бы не прочь пойти; но сперва мнѣ надо убѣдиться, что отецъ мой въ надежномъ убѣжищѣ.

Бордъ Братте. Не успѣетъ заняться заря, какъ мы подымемся вверхъ по рѣкѣ. Идемъ; отсюда прямой путь въ Ладэ.

(Онъ и еще нѣсколько человѣкъ уходятъ).

Петеръ (Полю Флидѣ). Не говори объ этомъ отцу; онъ изнемогъ душой; придется намъ дѣйствовать за него. Въ замыслѣ Борда Братте наше спасеніе; не успѣетъ заняться заря, какъ сынъ королевскій будетъ у насъ въ рукахъ.

Поль Флида. И убитъ, надо полагать. Иль вы не видите, что это грѣхъ?..

Петеръ. Въ этомъ не можетъ быть грѣха; отецъ мой осудилъ его на смерть въ Осло. Его во всякомъ случаѣ надо устранить; онъ стоитъ на дорогѣ у моего отца. Отецъ мой задался великой королевской мыслью; ей надо пробить дорогу, кто бы или сколько бы людей ни пали для этого!

Поль Флида. Въ злосчастный день узнали вы, что вы —

сынъ короля Скуле! (Прислушиваясь) Тсс... ложитесь плашмя на землю; идутъ люди!

(Всѣ ложатся на землю, кто за камнемъ, кто за пнемъ. Между деревьями въ туманѣ неясно мелькаютъ тѣни пѣшихъ и конныхъ людей, тянущихся другъ за другомъ слѣва направо).

Петеръ. Это королева?

Поль Флида. Да, да; она говоритъ съ Дагфиномъ Бондомъ. Тсс!

Петеръ. Они направляются въ Эльгесэтеръ; королевскій сынъ съ ними.

Поль Флида. И женщины королевы.

Петеръ. Но всего четверо мужей! Встань, встань, король Скуле, — теперь твое королевство спасено!

Король Скуле. Мое королевство? Оно во мракѣ, какъ царство того ангела, который возсталъ противъ Бога.

(Справа показывается крестовая братія).

Одинъ изъ монаховъ. Кто тутъ говоритъ? Люди короля Скуле?

Поль Флида. Самъ король Скуле.

Монахъ (Скуле). Хвала Господу, что мы васъ встрѣтили, государь! Мы узнали отъ горожанъ, что вы взяли путь на сѣверъ, а намъ самимъ такъ же небезопасно оставаться въ Нидаросѣ, какъ и вамъ...

Петеръ. Вы заслужили смерть за то, что не хотѣли вынести раки.

Монахъ. Архіепископъ запретилъ; но мы сами готовы служить королю Скуле; мы всегда были за него. Вотъ мы захватили плащи съ крестами для васъ и для людей вашихъ; надѣньте ихъ, и вамъ легко будетъ укрыться въ одномъ изъ монастырей и попытаться вымолить помилованіе у Гокона.

Король Скуле. Да, дайте мнѣ плащъ съ крестомъ; намъ съ сыномъ нужно укрыться въ священномъ мѣстѣ. Я хочу въ Эльгесэтеръ.

Петеръ (тихо Полю Флидѣ). Позаботьтесь, чтобы отецъ благополучно добрался туда...

Поль Флида. Иль вы забыли, что тамъ биркебейнеры?

Петеръ. Всего четверо; ихъ мы легко одолѣемъ, — внутри стѣнъ монастыря биркебейнеры не осмѣлятся тронуть васъ. Я отыщу Борда Братте.

Поль Флида. Одумайтесь!

Петеръ. Насъ объявили внѣ закона, и не на кораблѣ королевскомъ, а въ Эльгесэтерѣ объявленные внѣ закона спасутъ королевство отцу моему! (Быстро уходитъ направо).

Одинъ изъ ворбэльговъ (шопотомъ другому). Ты пойдешь въ Эльгесэтеръ за Скуле?

Второй. Тсс... нѣтъ; тамъ вѣдь биркебейнеры.

Первый. И я не пойду; но не говори ничего другимъ.

Монахъ. А теперь въ путь; но двое — воинъ и монахъ...

Другой монахъ (сидя на пнѣ позади другихъ). Я возьму короля Скуле.

Поль Флида. Ты знаешь путь?

Монахъ. Я знаю торный путь.

Первый монахъ. Спѣшите; разойдемся по разнымъ тропамъ и встрѣтимся передъ воротами монастыря.

(Уходятъ направо. Туманъ рѣдѣетъ, и на небѣ выступаетъ огненно-кровавый хвостъ кометы).

Король Скуле. Петеръ, сынъ мой!.. (Отшатываясь) Га! Вотъ онъ — огненный мечъ на небѣ!

Монахъ (сидя позади него на пнѣ). А тутъ — я!

Король Скуле. Кто ты?

Монахъ. Старый знакомецъ.

Король Скуле. Никогда не видывалъ человѣка блѣднѣе.

Монахъ. Но ты меня не узнаёшь.

Король Скуле. Ты хочешь провести меня въ Эльгесэтеръ?

Монахъ. Я хочу провести тебя къ престолу королевскому.

Король Скуле. Ты можешь?

Монахъ. Могу, если ты самъ захочешь.

Король Скуле. А какимъ путемъ?

Монахъ. Испытаніемъ; я возведу тебя на высокую гору и покажу тебѣ всѣ царства міра и славу ихъ.

Король Скуле. Слава ихъ искушала меня въ сновидѣніяхъ.

Монахъ. Я посылалъ тебѣ ихъ.

Король Скуле. Кто же ты?

Монахъ. Вѣстникъ отъ старѣйшаго изъ домогавшихся престола!

Король Скуле. Отъ старѣйшаго изъ домогавшихся престола?

Монахъ. Отъ перваго ярла, возставшаго противъ могущественнѣйшаго царя и основавшаго собственное царство, которое переживетъ и день судный!

Король Скуле (вскрикивая). Епископъ Николасъ!

Монахъ (встаетъ).

Призналъ меня? Съ тобой знакомы были,
И для тебя вернулся я сюда.
Мы на одномъ съ тобою суднѣ плыли,
Подъ тѣмъ же вѣтромъ долгіе года.
Разстались въ ночь и бурю; я былъ въ страхѣ,
Когтями душу ястребъ мнѣ терзалъ;
И день и ночь молился монахи, —
Обѣдни и псалмы я заказалъ;

Не семь молитвъ, а дважды семь прочли,
Но вызволить меня все-жъ не могли.

Король Скуле. И ты теперь *оттуда*?..

Монахъ. Да, Скуле, я пришелъ къ тебѣ оттуда,
Изъ царства, что рисуютъ такъ черно;
Но ты повѣрь, не такъ въ томъ царствѣ худо,
И не бѣда, что жарко и темно.

Король Скуле. Послушать тебя — ты обучился искусству скальдовъ, старый вождь баглеровъ

Монахъ. Искусству скальдовъ и латыни, да!
Силенъ въ ней прежде не былъ никогда,
А нынѣ врядъ ли кто меня сильнѣе.
Чтобъ высшую ступень у насъ занять
И вообще туда попасть вѣрнѣе —
Латынь почти необходимо знать.
И диво-ль тамъ преуспѣвать во всемъ,
Въ кругу премудрыхъ сидя день за днемъ?
Тамъ скальдовъ тысячъ семь, полсотни нашъ святѣйшихъ
Да кардиналовъ сотенъ пять мудрѣйшихъ!

Король Скуле. Поклонъ господину твоему; поблагодари его за дружбу! Можешь сказать ему, что, кромѣ него, ни одинъ король не пришелъ на помощь Скуле Первому Норвежскому.

Монахъ. Зачѣмъ меня сюда отправилъ онъ —
Узнай теперь. Имѣетъ слугъ онъ много,
И каждому удѣлъ свой отведенъ;
Въ Норвегію ведетъ *моя* дорога.
Идетъ намъ Гоконъ здѣсь наперекоръ,
И нашъ властитель вынесъ приговоръ:
Твой недругъ Гоконъ скоро долженъ пасть,
А Скуле Бордссёпъ приметъ тронъ и власть!

Король Скуле. Да, да! Отдай мнѣ тронъ и власть! Только бы овладѣть ими, и я сумѣю такъ править, чтобы опять вызволить себя.

Монахъ. О томъ попозже поведемъ мы рѣчь;
Намъ время дорого. Спитъ въ колыбели
Въ монастырѣ сынъ Гокона; твой мечъ
Его найдетъ, и будешь ты у цѣли:
Свершится наяву твой гордый сонъ —
Ты побѣдишь, возсядешь вновь на тронъ!

Король Скуле. Ты увѣренъ, что я побѣдилъ бы тогда?

Монахъ. Истомлены столѣтнею войною,
Норвежцы жаждутъ мира всей душою;
Наслѣдникъ нуженъ королю, чтобъ онъ

Имѣлъ кому оставить власть и тронъ;
Довольно распрь! Встань, Скуле!.. Этой ночью
Иль никогда!.. Гляди, — свѣтло вдали,
Туманъ рѣдѣетъ... Ты узришь воочью,
Какъ соберутся стаей корабли,
Вокругъ тебя полки сомкнутся снова, —
Все, все получишь ты — скажи лишь слово!

Король Скуле. Какое? Говори!

Монахъ. Не требую иного ничего:
Покорствуй голосу своихъ влеченій,
Дай клятву сдѣлать сына своего
Наслѣдникомъ вѣнца и всѣхъ владѣній, —
И власть тебѣ вручу надъ всей страной,
Всѣхъ выше будешь вознесенъ ты мной!

Король Скуле (подымая руку для клятвы). Сынъ мой... (Вдругъ останавливается и съ ужасомъ восклицаетъ) А! Вотъ когда я понялъ тебя! Ты хочешь его вѣчной гибели! Отыди отъ меня, отыди отъ меня! (Подымая руки къ небу) Умилосердись надо мной! Къ Тебѣ взываю я въ горшій мой часъ! (Падаетъ на землю).

Монахъ. Проклятіе! Все шло-было такъ гладко;
Но есть у свѣта милая повадка —
Коварный ходъ вдругъ сдѣлать невзначай,
И вотъ мой вѣрный выигрышъ прощай!
Но мнѣ не къ спѣху. «Вѣчнаго движенья»
Недаромъ колесо пустилъ я въ ходъ;
Мнѣ власть дана на долгій срокъ впередъ,
На цѣлые вѣка и поколѣнья.
Всѣ свѣтоненавистники въ странѣ
Служить неволей-волей будутъ мнѣ.

(Подвигаясь впередъ)

Будутъ норвежцы брести еле-еле
По полю жизни безъ воли, безъ цѣли;
Будутъ ихъ души узки, а сердца —
Злобой другъ къ другу пылать безъ конца;
Будутъ въ одномъ межъ собою согласны:
Все, что̀ велико, и все, что̀ прекрасно,
Камнями, грязью должно забросать!
Будутъ позоръ свой за честь почитать:
Будутъ звать тряпки ничтожныя стягомъ, —
Знайте тогда: по норвежской землѣ
Путь свой побѣднымъ, торжественнымъ шагомъ
Старый епископъ свершаетъ во мглѣ!

(Исчезаетъ въ туманѣ за деревьями).

Король Скуле (полуприподымается и послѣ краткой паузы говоритъ, озираясь). Гдѣ же тотъ, черный? (Вскакиваетъ). Проводникъ, проводникъ, гдѣ ты? Исчезъ?.. Все равно; теперь я самъ знаю дорогу — и въ Эльгесэтеръ и дальше. (Уходитъ направо).

Монастырскій дворъ въ Эльгесэтерѣ. Налѣво часовня съ входомъ со двора; окна ея освѣщены. Вдоль противоположной стѣны тянутся низенькія строенія; въ глубинѣ — монастырская ограда съ массивными воротами на крѣпкомъ запорѣ. Ясная лунная ночь. Трое вождей биркебейнеровъ стоятъ у воротъ. Маргарита, фру Рагнгильдъ и Дагфинъ Бондъ выходятъ изъ часовни.

Рагнгильдъ (почти не помня себя). Ты говоришь, будто королю Скуле пришлось укрыться въ церкви! Будто онъ бѣжалъ, молилъ о мирѣ у алтаря... пожалуй, еще молилъ о пощадѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Этого онъ не сдѣлалъ! Но васъ Богъ накажетъ за то, что вы могли зайти такъ далеко!

Маргарита. Добрая, любимая мать моя, успокойся; ты сама не знаешь, что говоришь; это скорбь твоя говоритъ.

Рагнгильдъ. Слушайте вы, биркебейнеры! Гокону Гокенссёну — вотъ кому лежать во прахѣ у алтаря и молить короля Скуле о пощадѣ и мирѣ!

Одинъ изъ биркебейнеровъ. Непристойно вѣрнымъ мужамъ короля слушать такія рѣчи!

Маргарита. Обнажите головы передъ скорбью супруги!

Рагнгильдъ. Король Скуле осужденъ? Берегитесь, берегитесь вы всѣ, когда онъ снова станетъ у власти!

Дагфинъ Бондъ. Никогда больше не стоять ему у власти, фру Рагнгильдъ!

Маргарита. Молчи, молчи!

Рагнгильдъ. Иль ты думаешь — Гоконъ Гокенссёнъ дерзнетъ дать суду своему совершиться, если схватитъ короля?

Дагфинъ Бондъ. Король Гоконъ самъ лучше знаетъ — можно ли нарушить королевскую клятву.

Рагнгильдъ (Маргаритѣ). И ты слѣдуешь за такимъ кровопійцей, отдала ему свою вѣрность и любовь! Дочь ли ты своего отца? Да поразитъ тебя кара небесная!.. Прочь, прочь отъ меня!

Маргарита. Да благословенны будутъ уста твои, хотя ты и клянешь меня!

Рагнгильдъ. Въ Нидаросъ, въ церковь, искать короля Скуле! Онъ отослалъ меня отъ себя, когда счастье было съ нимъ; я не нужна была ему тогда... Теперь же онъ не разгнѣвается, если я приду къ нему. Отворите мнѣ ворота, пустите меня въ Нидаросъ!

Маргарита. Мать моя, ради Господа милосерднаго!..

(Сильный стукъ въ монастырскія ворота).

Дагфинъ Бондъ. Кто стучитъ?

Король Скуле (за воротами). Король.

Дагфинъ Бондъ. Скуле Бордссёнъ!

Рагнгильдъ. Король Скуле!

Маргарита. Отецъ мой!

Король Скуле. Отворите! Отворите!

Дагфинъ Бондъ. Сюда не впускаютъ тѣхъ, кто объявленъ внѣ закона.

Король Скуле. Говорю вамъ, сюда стучится король, король, у котораго нѣтъ крова надъ головой; король, который ищетъ священнаго убѣжища, чтобы не дрожать за жизнь свою.

Маргарита. Дагфинъ, Дагфинъ, это отецъ мой!

Дагфинъ Бондъ (идетъ къ воротамъ и отворяетъ окошечко). Много ли вы привели съ собой людей?

Король Скуле. Всѣхъ, кто остался мнѣ вѣренъ въ часъ испытанія.

Дагфинъ Бондъ. Сколько же ихъ?

Король Скуле. Ни одного.

Маргарита. Онъ одинъ, Дагфинъ!

Рагнгильдъ. Да поразитъ тебя кара небесная, если ты откажешь ему въ убѣжищѣ на священной землѣ!

Дагфинъ Бондъ. Такъ во имя Господа!

(Отворяетъ; биркебейнеры почтительно обнажаютъ головы; король Скуле входитъ во дворъ).

Маргарита (бросаясь ему на грудь). Отецъ! Дорогой, несчастный отецъ!

Рагнгильдъ (внѣ себя бросается между нимъ и биркебейнерами). Ваше почтеніе одно лицемѣріе. Вы готовы измѣнить ему, какъ Іуды! Не дерзайте подступиться къ нему! Вы не дотронетесь до него, пока я жива!

Дагфинъ Бондъ. Онъ здѣсь въ безопасности, — тутъ мѣсто священное.

Маргарита. И ни у одного изъ твоихъ людей не хватило мужества проводить тебя ночью!

Король Скуле. И крестовая братія и воины мои пошли за мной, но одинъ по одному отставали по дорогѣ; они знали, что въ Эльгесэтерѣ биркебейнеры. Послѣднимъ покинулъ меня Ноль Флида; онъ довелъ меня до монастырскихъ воротъ и тутъ въ послѣдній разъ пожалъ мнѣ руку, помянувъ добромъ то время, когда въ Норвегіи водились ворбольги.

Дагфинъ Бондъ (биркебейнерамъ). Ступайте, вожди, и станьте на стражѣ у королевскаго сына. Мнѣ надо спѣшить въ Ни-

дарость и доложить королю, что Скуле Бордссёнъ въ Эльгесэтерѣ; въ такомъ важномъ дѣлѣ онъ одинъ судья.

Маргарита. О, Дагфинъ, Дагфинъ, и ты можешь желать этого!

Дагфинъ Бондъ. Да. Не то плохо служилъ бы я королю и странѣ. (Воинамъ) Заприте за мной ворота, берегите дитя и не отворяйте никому, пока не явится король. (Понизивъ голосъ, Скуле) Простите, Скуле Бордссёнъ... и пошли вамъ Богъ мирную кончину!

(Уходитъ въ ворота; биркебейнеры затворяютъ за нимъ и уходятъ въ часовню).

Рагнгильдъ. Да, пусть себѣ Гоконъ явится, я тебя не выпущу. Я держу тебя крѣпко въ своихъ объятіяхъ, какъ никогда не держала прежде.

Маргарита. О, какъ ты блѣденъ!.. Какъ постарѣлъ... и дрожишь... Ты озябъ!

Король Скуле. Я не озябъ... но я усталъ, усталъ.

Маргарита. Такъ войди и отдохни...

Король Скуле. Да, да: пора, пожалуй, и отдохнуть.

Сигридъ (выходя изъ часовни). Наконецъ-то пришелъ ты, братъ мой!

Король Скуле. Сигридъ! Ты здѣсь?

Сигридъ. Я вѣдь обѣщала тебѣ, что мы свидимся, когда ты будешь нуждаться во мнѣ въ минуту смертельной скорби.

Король Скуле. Гдѣ твой сынъ, Маргарита?

Маргарита. Спитъ въ ризницѣ.

Король Скуле. Такъ вся семья въ сборѣ въ эту ночь въ Эльгесэтерѣ.

Сигридъ. Да, въ сборѣ — послѣ долгаго смутнаго времени.

Король Скуле. Недостаетъ лишь Гокона Гоконссёна.

Маргарита и Рагнгильдъ (въ горестномъ порывѣ прижимаются къ нему). Отецъ!.. Супругъ мой!

Король Скуле (смотритъ на нихъ растроганно). Вы такъ горячо любили меня обѣ? Я искалъ счастья вдали и никогда не замѣчалъ, что у меня была семья, гдѣ я могъ бы найти его. Я гонялся за любовью во грѣхѣ, не вѣдая того, что она была дана мнѣ по законамъ божескимъ и человѣческимъ. А ты, Рагнгильдъ, супруга моя! Много я грѣшенъ передъ тобой, а ты льнешь ко мнѣ съ любовью и лаской въ самый горшій мой часъ, дрожишь и трепещешь за жизнь человѣка, который не бросилъ ни единаго свѣтлаго луча на путь твой.

Рагнгильдъ. Ты грѣшенъ? О, Скуле, не говори такъ; иль ты думаешь, я когда-нибудь дерзала ровняться съ тобой! Я всегда была слишкомъ ничтожна для тебя, мой великій су-

пругъ; не можетъ быть и тѣни грѣха ни въ одномъ твоемъ дѣяніи!

Король Скуле. Ты такъ крѣпко вѣрила въ меня, Рагнгильдъ?

Рагнгильдъ. Съ перваго дня, какъ увидала тебя.

Король Скуле (съ живостью). Когда Гоконъ явится, я попрошу у него помилованья! Вы, кроткія, любящія женщины... О, жизнь все-таки хороша!

Сигридъ (въ ужасѣ). Скуле, братъ мой! Горе тебѣ, если ты опять заблудишься въ эту ночь!

(Шумъ за воротами и затѣмъ громкій стукъ въ ворота).

Маргарита. Слышите, слышите! Кто-то ломится сюда!

Рагнгильдъ. Кто стучитъ въ ворота?

Голоса (за воротами). Горожане нидаросскіе. Отоприте! Мы знаемъ, что Скуле Бордссёнъ здѣсь!

Король Скуле. Да, онъ здѣсь; что вамъ нужно отъ него?

Крики (за воротами). Выходи сюда! Выходи! Смерть тебѣ, злодѣй!

Отдѣльный голосъ. Король Гоконъ осудилъ его на смерть въ Осло.

Второй. Долгъ каждаго мужа убить его.

Маргарита. Я королева и приказываю вамъ уйти отсюда!

Голосъ. Это говоритъ дочь Скуле Бордссёна, а не королева.

Второй. Вы не вольны въ жизни и смерти; король осудилъ его!

Рагнгильдъ. Въ церковь, Скуле! Ради Господа милосерднаго, не давай кровопійцамъ приблизиться къ тебѣ!

Король Скуле. Да, въ церковь; отъ ихъ рукъ я не хочу пасть. Супруга, дочь моя, я какъ будто теперь только узналъ миръ и свѣтъ... О, пусть же ихъ не отымаютъ у меня такъ внезапно! (Хочетъ войти въ часовню).

Петеръ (за оградой, справа). Отецъ! Король! Побѣда твоя близка!

Король Скуле (съ крикомъ). Онъ! Онъ! (Опускается на ступень церковную).

Рагнгильдъ. Кто это?

Горожанинъ (за воротами). Гляди, гляди! Святотатецъ перелѣзаетъ черезъ крышу!

Другіе. Забросаемъ его камнями! Камнями!

Петеръ (показывается на крышѣ монастырскаго строенія направо и спрыгиваетъ съ нея во дворъ). Въ добрый часъ, отецъ!

Король Скуле (въ ужасѣ глядитъ на него). Ты!.. Тебя я забылъ!.. Откуда ты?

Петеръ (возбужденно). Гдѣ сынъ короля?

Маргарита. Сынъ короля?

Король Скуле (вскакивая). Откуда ты, спрашиваю я?

Петеръ. Съ мыса Ладэ; я предупредилъ Борда Братте съ варгбэльгами; что сынъ короля проводитъ ночь въ Эльгесэтерѣ.

Маргарита. Боже!

Король Скуле. Ты это сдѣлалъ! И..?

Петеръ. И онъ соберетъ людей и приведетъ къ монастырю... Женщина, гдѣ сынъ короля?

Маргарита (становясь передъ дверью часовни). Спитъ въ ризницѣ.

Петеръ. Хоть бы въ алтарѣ! Я добылъ оттуда святыню Олафа,— не побоюсь добыть и королевскаго сына!

Рагнгильдъ (кричитъ Скуле). И его ты любилъ такъ горячо!

Маргарита. Отецъ! Отецъ! Какъ могъ ты забыть насъ всѣхъ ради него!

Король Скуле. Онъ былъ чистъ, какъ агнецъ Божій, когда кающаяся женщина привела его ко мнѣ; вѣра въ меня сдѣлала его тѣмъ, что онъ есть.

Петеръ (не слушая). Тащите королевское дитя! Смерть ему, смерть у груди королевы — вотъ что сказалъ король Скуле въ Осло!

Маргарита. Грѣхъ, грѣхъ!

Петеръ. Святой могъ бы спокойно сдѣлать это, разъ мой отецъ повелѣлъ! Отецъ мой — король; у него великая королевская мысль!

Горожане (стучатъ въ ворота). Отворите! Выходите оба со святотатцемъ, не то мы спалимъ монастырь!

Король Скуле (твердо, рѣшительно). Великая королевская мысль! Да, она-то и отравила твою юную любящую душу! Чистымъ и непорочнымъ долженъ я былъ вернуть тебя. Вѣра въ меня необузданно толкала тебя отъ грѣха къ грѣху, отъ смертнаго грѣха къ смертному грѣху! Но я могу еще спасти тебя, могу спасти насъ всѣхъ! (Кричитъ) Погодите, погодите, горожане! Я иду!

Маргарита (въ ужасѣ, хватая его за руку). Отецъ, ты хочешь?..

Рагнгильдъ (съ крикомъ прижимаясь къ нему). Скуле!

Сигридъ (вырывая его у нихъ и крича въ бурномъ порывѣ радости). Пустите, пустите его, женщины! У мысли его вырастаютъ крылья!

Король Скуле (твердо, съ силой Истеру). Ты видѣлъ во мнѣ избранника Божія... того, кому суждено было осуществить въ Норвегіи великое королевское дѣло. Посмотри на меня хорошенько, заблудшій! Королевскія лохмотья, въ которыя я вырядился, краденыя... Теперь я сбрасываю ихъ съ себя.

Петеръ (испуганно). Мой великій, славный отецъ, не говори такъ!

Король Скуле. Королевская мысль не моя, а Гокона; и ему одному дана отъ Бога сила осуществить ее. Ты повѣрилъ лжи; отвернись отъ меня и спаси свою душу!

Петеръ (надорваннымъ голосомъ). Королевская мысль не твоя, а Гокона!

Король Скуле. Я хотѣлъ быть величайшимъ мужемъ въ странѣ... Боже, Боже, взгляни, я лежу передъ Тобой во прахѣ, я всѣхъ ничтожнѣй!

Петеръ. Господи! Возьми меня отсюда! Покарай меня за всѣ мои прегрѣшенія, но возьми меня прочь отъ земли; нѣтъ у меня здѣсь больше ни рода ни племени! (Падаетъ на церковныя ступени).

Король Скуле. Былъ у меня другъ, павшій при Осло. Онъ сказалъ: человѣкъ можетъ пасть за дѣло другого человѣка, но если жить, то жить для своего. У меня нѣтъ больше своего дѣла, для котораго бы стоило жить; жить для дѣла Гокона я тоже не могу; но я могу пасть за него.

Маргарита. Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Король Скуле (беретъ ее за руку и съ любовью глядитъ на нее). Любишь ты своего супруга, Маргарита?

Маргарита. Больше всего на свѣтѣ.

Король Скуле. У тебя еще хватило силъ перенести то, что онъ осудилъ меня на смерть; но смогла ли бы ты перенести, если бы ему пришлось повелѣть исполнить приговоръ?

Маргарита. Отецъ Небесный, подкрѣпи меня!

Король Скуле. Смогла ли бы ты, Маргарита?

Маргарита (тихо, вся дрожа). Нѣтъ, нѣтъ. Намъ пришлось бы разстаться; я не могла бы видѣть его больше!

Король Скуле. Ты погасила бы лучшій свѣточъ его жизни и своей... Будь спокойна, Маргарита — тебѣ этого не придется.

Рагнгильдъ. Уѣзжай, покинь страну, Скуле! Я послѣдую за тобой всюду и вездѣ.

Король Скуле (качая головой). Съ тѣнью презрѣнія между нами? Я нашелъ тебя впервые только сегодня ночью; никакой тѣни не должно больше вставать между нами, моя беззавѣтная, вѣрная супруга; и потому мы не можемъ вновь соединиться здѣсь на землѣ.

Сигридъ. Мой братъ и король! Вижу, что не нужна тебѣ больше; вижу, ты самъ знаешь, какой путь избрать!

Король Скуле. Есть люди, рожденные для того, чтобы жить, и есть люди, рожденные для того, чтобы умереть. Воля моя

всегда влекла меня не туда, куда указывалъ перстъ Божій; поэтому я до сей поры и не видѣлъ ясно пути своего. Тихую семейную жизнь я утратилъ по своей винѣ; ея мнѣ не обрѣсти вновь; но все то, въ чемъ я согрѣшилъ передъ Гокономъ, я могу искупить тѣмъ, что избавлю его отъ исполненія королевскаго долга; этотъ долгъ разлучилъ бы его съ той, которая ему всего дороже. Горожане стоятъ за воротами; я не стану ожидать короля Гокона! Варгбэльги близко; пока я живъ, они не отступятся отъ своего замысла; если они застанутъ меня здѣсь, мнѣ не спасти дитя твое, Маргарита... Гляди, гляди на небо! Гляди, какъ блѣднѣетъ и таетъ огненный мечъ, занесенный надо мной! Да, да, Господь подалъ голосъ Свой, я понялъ Его, и гнѣвъ Его утихъ. Не въ Эльгесэтерской церкви слѣдуетъ мнѣ пасть ницъ и молить пощады у земного владыки; я долженъ войти въ высокій храмъ съ звѣзднымъ куполомъ и молить пощады у Царя царей, пощады и отпущенія всѣхъ моихъ грѣховъ!

Сигридъ. Не противьтесь ему! Не противьтесь гласу Божьему! Заря занимается; новая заря въ Норвегіи, и въ его мятежной душѣ новая заря! Не довольно ли мы, женщины, въ страхѣ и трепетѣ молились тайкомъ по своимъ кельямъ, прятались по темнымъ угламъ, прислушиваясь ко всѣмъ ужасамъ, что творились за стѣнами, прислушиваясь къ кровавому походу, прошедшему всю страну изъ конца въ конецъ? Не лежали ли мы блѣдныя и окаменѣвшія въ церквахъ, не смѣя выглянуть, какъ ученики Христовы лежали въ Іерусалимѣ въ великій пятокъ, когда шествіе тянулось на Голгоѳу! Воспари на своихъ крылахъ, и горе тѣмъ, кто теперь захочетъ связать ихъ тебѣ!

Рагнгильдъ. Иди съ миромъ, супругъ мой! Иди туда, гдѣ между нами не встанетъ никакой тѣни, когда мы вновь встрѣтимся! (Быстро уходитъ въ часовню).

Маргарита. Отецъ, прости, прости... тысячу разъ прости! (Слѣдуетъ за матерью).

Сигридъ (отворивъ дверь въ церковь, кричитъ). Сюда, сюда всѣ женщины! Соберитесь на молитву, подайте пѣснью вѣсть Господу о томъ, что Скуле Бордссёнъ смиренно возвращается въ домъ Отца своего изъ мятежнаго скитанія по землѣ!

Король Скуле. Сигридъ, моя вѣрная сестра, передай отъ меня королю Гокону привѣтъ и скажи ему, что я и въ послѣдній свой часъ не знаю — королевскаго ли онъ рода-племени, но я твердо увѣренъ въ томъ, что онъ избранникъ Божій.

Сигридъ. Я передамъ ему твой привѣтъ.

Король Скуле. И еще одинъ привѣтъ передай отъ меня. На сѣверѣ, въ Гологаландѣ живетъ кающаяся женщина; скажи ей, что сынъ ея опередилъ ее, послѣдовавъ за мной, когда душѣ его стала грозить гибель.

Сигридъ. Скажу.

Король Скуле. Скажи ей, что грѣшилъ онъ не сердцемъ, и что она встрѣтитъ его тамъ чистымъ и непорочнымъ.

Сигридъ. Скажу. (Указывая въ глубину двора) Слышишь, они отбиваютъ запоръ!

Король Скуле (указывая на часовню). Слышишь, онѣ громко взываютъ къ Господу о мирѣ и спасеніи!

Сигридъ. Слышишь! Всѣ колокола въ Нидаросѣ звонятъ!..

Король Скуле (съ грустной улыбкой). Они звонятъ отходную королю!

Сигридъ. Нѣтъ, они возвѣщаютъ твое истинное вѣнчаніе на царство! Прости, братъ мой, да облечетъ тебя пурпуромъ кровавая мантія и да прикроетъ она всѣ твои грѣхи! Гряди въ великій храмъ и возложи на себя вѣнецъ жизни вѣчной! (Уходитъ въ часовню).

(Пѣніе монахинь и звонъ колокольный продолжаются въ теченіе слѣдующей сцены).

Голоса (за воротами). Запоръ отбитъ! Не вынуждай насъ нарушить миръ церкви!

Король Скуле. Я иду.

Горожане. И святотатецъ пусть выходитъ!

Король Скуле. И святотатецъ выйдетъ! (Подходитъ къ Петеру) Сынъ мой, готовъ ли ты?

Петеръ. Да, отецъ, я готовъ.

Король Скуле (поднявъ глаза къ небу). Господи, я бѣдный человѣкъ; мнѣ нечего дать Тебѣ, кромѣ жизни, но возьми ее и спаси великую королевскую мысль Гокона... А теперь — дай мнѣ руку.

Петеръ. Вотъ рука моя, отецъ!

Король Скуле. И не бойся того, что̀ наступитъ.

Петеръ. Съ тобой, отецъ, я не боюсь.

Король Скуле. Болѣе вѣрной дорогой мы еще не шли съ тобой. (Отворяетъ ворота; передъ ними толпа горожанъ съ поднятымъ оружіемъ). Вотъ мы; идемъ добровольно... только не руби его въ лицо. (Выходятъ рука объ руку; ворота затворяются).

Голосъ. Нечего разбирать! Руби ихъ, руби съ плеча!

Голосъ короля Скуле. Нечестно поступать такъ съ вождями!

(Краткій лязгъ оружія, затѣмъ глухое паденіе тѣлъ, и все разомъ стихаетъ).

Голосъ. Оба мертвы! (Раздаются звуки королевской трубы).

Другой голосъ. Король Гоконъ со свитой!

Толпа. Слава королю Гокону! Нѣтъ у него больше враговъ!

(Растворяютъ ворота).

Грегоріусъ Йонссенъ (останавливаясь передъ мертвыми). Такъ я все-таки опоздалъ! (Входитъ во дворъ).

Дагфинъ Бондъ. А если бы не опоздали, то на горе Норвегіи! (Кричитъ) Сюда, король Гоконъ!

Гоконъ (останавливаясь). Трупъ лежитъ у меня на дорогѣ!

Дагфинъ Бондъ. Коли Гоконъ Гоконссёнъ хочетъ проложить себѣ путь, пусть перешагнетъ черезъ трупъ Скуле Бордссёна!

Гоконъ. Такъ во имя Господне! (Перешагнувъ черезъ трупъ, входитъ во дворъ).

Дагфинъ Бондъ. Наконецъ-то у васъ руки развязаны, вы можете взяться за свое королевское дѣло. Тутъ всѣ, кто вамъ дорогъ; въ Нидаросѣ звонятъ во всѣ колокола, возвѣщая миръ всей странѣ, а здѣсь лежитъ тотъ, кто былъ для васъ опаснѣе всѣхъ враговъ.

Гоконъ. Никто не понималъ его. Жизнь его была загадкой; никто не могъ разгадать ея.

Дагфинъ Бондъ. Загадкой?

Гоконъ (беретъ его за руку и говоритъ тихо). Скуле Бордссёнъ былъ насыпкомъ Божіимъ на землѣ, — вотъ разгадка его жизни.

(Монахини поютъ еще громче; колокола въ Нидаросѣ продолжаютъ звонить).

ФРУ ИНГЕРЪ ИЗЪ ЭСТРОТА.

Плодотворное вліяніе, которое вообще оказала на развитіе драматическаго творчества Ибсена дѣятельность его въ качествѣ руководителя Бергенскаго театра, сказалось съ особенной силой на третій годъ этой дѣятельности. Въ этомъ году на сценѣ упоминаемаго театра была поставлена новая драма Ибсена „Фру Ингеръ изъ Эстрота".

Извѣстный норвежскій критикъ и біографъ Ибсена, профессоръ Іегеръ, отзывается объ этомъ произведеніи такъ:

„Драма „Фру Ингеръ изъ Эстрота" занимаетъ среди раннихъ произведеній Ибсена первое мѣсто. Она не только превосходитъ предыдущія и непосредственно слѣдующія за нею его произведенія силой драматизма, но также выгодно отличается отъ нихъ своимъ историческимъ сюжетомъ и строго выдержаннымъ діалогомъ въ прозѣ. Имѣя много общаго съ двумя позднѣйшими историческими драмами Ибсена—„Воители на Гельгеландѣ" (1858 г.) и „Борьба за престолъ" (1863 г.), „Фру Ингеръ изъ Эстрота" составляетъ вмѣстѣ съ ними крупный вкладъ въ сокровищницу норвежской исторической драмы".

Какъ разъ передъ началомъ своей режиссерской дѣятельности Ибсенъ познакомился съ только-что вышедшей тогда книгой нѣмецкаго писателя Германа Геттнера: „Das moderne Drama", а театральная практика, по словамъ Іегера, помогла Ибсену какъ должно оцѣнить нѣкоторыя основныя правила, изложенныя въ упомянутой книгѣ, и воспользоваться данными указаніями. Такъ, напримѣръ, порицая нѣкоторыя изъ современныхъ подражаній шекспировскимъ драмамъ-хроникамъ, Геттнеръ доказывалъ, что историческая драма, претендующая на значеніе художественнаго произведенія, должна являться въ то же время и психологической, т.-е. представлять картину развитія характеровъ и страстей дѣйствующихъ лицъ; и драма „Фру Ингеръ изъ Эстрота" уже вполнѣ удовлетворяетъ этому требованію. Отвѣчаетъ она также основному аристотелевскому требованію относительно единства времени и мѣста: все дѣйствіе происходитъ въ теченіе одной ночи въ замкѣ фру Ингеръ. И самое развитіе дѣйствія, невзирая на нѣкоторыя длинноты отдѣльныхъ сценъ, протекаетъ быстро, съ непрерывнымъ нарастаніемъ драматической силы и захватывающаго интереса.

Затѣмъ Іегеръ отмѣчаетъ, что въ драмѣ „Фру Ингеръ изъ Эстрота" впервые съ особой силой проявилась оригинальность дарованія Ибсена. И драма „Катилина" не лишена была оригинальности и силы, но въ первоначальной своей редакціи драма эта сильно хромала по формѣ; въ разбираемомъ же произведеніи Ибсенъ уже овладѣлъ драматической формой. Правда, и въ немъ есть погрѣшности по этой части, — признаётъ Іегеръ, — но все же, „знакомясь съ этой драмой, вы сразу чувствуете, что передъ вами настоящій драматургъ, который не сдастся,

пока не превратитъ противоположностей въ крайніе контрасты и не доведетъ своихъ выводовъ до крайнихъ предѣловъ. Ни одинъ драматическій эффектъ, заключающійся въ данномъ сюжетѣ, даже самый сокровенный, не ускользнулъ отъ его остраго взгляда. Сцены увлекающей прелести, какъ, напримѣръ, любовныя сцены между Элиной и Нильсомъ Люкке, смѣняются сценами трагическаго ужаса, какъ, напримѣръ, убійство Нильса Стуре; замысловатыя сплетенія интригъ разрѣшаются захватывающими взрывами страсти и отчаянія. Словомъ, Ибсенъ справляется со своимъ матеріаломъ уже опытной, хотя еще и тяжеловатой рукой: онъ чувствуетъ себя среди этихъ сильныхъ драматическихъ конфликтовъ въ своей стихіи: здѣсь онъ уже на пути къ тому, чтобы „обрѣсти самого себя".

По мнѣнію Іегера, Ибсенъ превосходно передалъ основное настроеніе изображенной имъ эпохи, между тѣмъ какъ чисто историческій элементъ въ драмѣ исчерпывается именами дѣйствующихъ лицъ. Ни характеры послѣднихъ, ни составляющія драму событія не соотвѣтствуютъ исторіи. Вся интрига, касающаяся фру Ингеръ и ея незаконнаго сына, плодъ фантазіи Ибсена: у подлинной фру Ингеръ вовсе не было сына, и отношенія ея къ историческому „юнкеру" изъ Далекарліи основывались на тонкихъ эгоистическихъ расчетахъ, безъ малѣйшей примѣси материнскаго чувства. Превосходныя сцены между Элиной и Нильсомъ Люкке также продиктованы автору его собственной творческой фантазіей: исторія не даетъ ничего даже приблизительно похожаго на судьбу этой ибсеновской героини. Равно и Нильсъ Люкке никогда не былъ Донъ-Жуаномъ, а если и находился въ любовной связи съ двумя дочерьми фру Ингеръ, то при обстоятельствахъ, которыя и въ наши дни не представляли бы ничего изъ ряда вонъ выходящаго. Сначала онъ былъ женатъ на Элинѣ, а послѣ ея смерти влюбился въ своячницу свою Люцію и встрѣтилъ взаимность. Родня дѣвушки однако воспротивилась ихъ браку, — такой бракъ по тогдашнимъ понятіямъ считался кровосмѣсительнымъ, да и кромѣ того тутъ, видимо, замѣшались особыя соображенія, экономическія и семейныя. Словомъ, Нильсъ Люкке былъ обвиненъ въ кровосмѣсительствѣ, заключенъ въ тюрьму и умерщвленъ тамъ. Сама фру Ингеръ далеко не проявляла въ дѣйствительности такихъ крупныхъ чертъ душевнаго величія, какими надѣлилъ ее Ибсенъ. Это была попросту вдова богатаго вельможи, очень корыстолюбивая и крайне неразборчивая въ средствахъ умноженія своихъ владѣній и прочаго имущества, не игравшая никакой серьезной политической роли и не только не испытывавшая никакихъ душевныхъ мукъ изъ-за угнетенія Норвегіи датчанами, но еще умѣвшая извлекать изъ бѣдственнаго положенія родины личныя выгоды. Дополняя характеристику исторической фру Ингеръ, Іегеръ говоритъ, что она „то и дѣло присваивала себѣ непринадлежавшія ей земли и угодья и оставляла ихъ за собою, пока ее не вынуждали вернуть ихъ обратно. Дочерей своихъ она выдавала за датскихъ дворянъ только потому, что они представляли собой наиболѣе выгодныхъ женихоvъ. Оказывая покровительство какому-нибудь монастырю, она сторицей вознаграждала себя за это захватомъ монастырскихъ земель и вообще, даже творя добро, умѣла заставить заплатить себѣ за это. Давъ убѣжище гонимому канцлеру Педеру, она взяла съ него богатый золотой перстень, сто рейнскихъ гульденовъ и другія монеты, а принявъ подъ свое покровительство „юнкера" изъ Далекарліи, сдѣлала его женихомъ одной изъ своихъ дочерей въ надеждѣ на то, что онъ со временемъ станетъ королемъ Швеціи. Вообще она была не хуже и не лучше своихъ современниковъ. Вотъ изъ какого неблагодарнаго матеріала поэтическій геній Ибсена, воодушевленный патріотиз-

момъ, создалъ извѣстный всѣмъ намъ величественный и трагическій образъ фру Ингеръ.

„Интересоваться историческою фру Ингеръ и освѣщать ея жизнь и характеръ стали вообще лишь послѣ появленія въ печати произведенія Ибсена. До того времени, хотя и были извѣстны отдѣльныя характерныя черты госпожи Эстрота, сама она оставалась въ общемъ довольно загадочной личностью, жизнь и дѣятельность которой представляли обширное поле для всякаго рода догадокъ и толкованій. Истолкованіе Ибсена, который превратилъ „юнкера“ въ незаконнаго сына фру Ингеръ отъ Стена Стуре, столь же смѣло въ историческомъ смыслѣ, сколь геніально въ поэтическомъ“.

На самомъ дѣлѣ „юнкеръ“ былъ сыномъ простого крестьянина; фру Ингеръ съ Винцентомъ Люнге повѣрили въ его происхожденіе отъ Стуре и сблизились съ нимъ лишь ради личныхъ выгодъ, такъ какъ одновременно распространился слухъ о смерти Густава Вазы. Если однако, благодаря игнорированію Ибсеномъ этихъ обстоятельствъ, драма его и потеряла въ смыслѣ исторической вѣрности, то, по мнѣнію Іегера, значительно выиграла въ смыслѣ трагической силы и глубины. Именно глубокая, отчаянная внутренняя борьба между материнской любовью и любовью къ родинѣ и создаетъ изъ фру Ингеръ могучій трагическій образъ. Творчески пересоздавъ историческую дѣйствительность, Ибсенъ одержалъ крупную побѣду въ области искусства.

Такимъ образомъ Ибсенъ, въ смыслѣ свободнаго обращенія съ историческимъ матеріаломъ, разошелся во взглядахъ съ вышеупомянутымъ Геттнеромъ, книгѣ котораго Іегеръ приписываетъ извѣстное вліяніе на развитіе его драматическаго творчества. Геттнеръ утверждаетъ, что историческая драма должна быть построена на историческихъ данныхъ. Ибсенъ же въ драмѣ „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ остался вѣренъ пріему, о которомъ писалъ въ постскриптумѣ къ первой своей драмѣ „Катилина“: „...Историческія данныя использованы (здѣсь) лишь отчасти, такъ что на нихъ скорѣе всего слѣдуетъ смотрѣть просто какъ на оболочку основной идеи драмы... Авторъ, между прочимъ, воспользовался историческими именами для лицъ, которыя ни по характеру, ни по обстановкѣ, въ какой дѣйствуютъ, не соотвѣтствуютъ исторіи; но едва ли это можно поставить ему въ укоръ, особенно принявъ во вниманіе, что самыя имена эти не настолько значительны, чтобы появленіе данныхъ лицъ при обстоятельствахъ, не соотвѣтствующихъ исторіи, могло смутить кого-либо“.

„Словомъ, для Ибсена-драматурга, — резюмируетъ Іегеръ: — исторія представляла въ то время то же, что дѣйствительность для Ибсена-лирика, а именно — была лишь той твердой исходной точкой, отъ которой онъ отправлялся въ собственный міръ идей и фантазій...“

Нѣмецкій критикъ Лотаръ даетъ объ этомъ первомъ крупномъ трудѣ Ибсена весьма интересный и сочувственный отзывъ, который мы и приводимъ здѣсь въ извлеченіи.

„Конфликтъ пьесы, внутреннюю трагедію составляетъ борьба, происходящая въ душѣ фру Ингеръ между материнской любовью и внутреннимъ призваніемъ. „Мнѣ предназначено было стать знаменоносицей Божьей въ странѣ“,—восклицаетъ она. Любовь къ родинѣ, ненависть къ Даніи — вотъ въ чемъ заключалась ея миссія на землѣ, вотъ чему она должна была посвятить свою жизнь. Но страхъ за судьбу сына заставилъ ее свернуть съ истиннаго пути призванія, и за это ее постигла страшная кара — черезъ сына же. Тутъ мы впервые встрѣчаемся съ тою основною этической идеей Ибсена, которая затѣмъ стала руководящимъ мотивомъ всего его творчества. У каждаго человѣка есть свое

внутреннее призваніе, которое указываетъ ему единственный вѣрный путь къ полному проявленію его личности. Всестороннее проявленіе своей личности — задача земной жизни каждаго человѣка. Этотъ трудный, крутой путь къ проявленію своей личности, или, такъ сказать, путь къ самому себѣ, предстоитъ пройти каждому изъ насъ. Лишь такимъ образомъ можемъ мы исполнить наше земное предназначеніе, сыграть свою роль въ ходѣ міровыхъ событій; лишь такимъ образомъ становимся мы настоящими орудіями судьбы. Пройти этотъ путь вполнѣ сознательно, по свободному выбору и подъ личной отвѣтственностью, не сбиваясь и ни передъ чѣмъ не отступая — и значитъ осуществить „правду своей жизни“. Вотъ та внутренняя правда личности, которой Ибсенъ требуетъ отъ человѣка. „Наша жизнь, — говоритъ Карлейль: — ограничена рамками необходимости, и все-таки истинное значеніе жизни въ обрѣтеніи свободы, въ силѣ личной воли“. Каждый несетъ, учитъ Ибсенъ, тяжелую отвѣтственность за возложенную на него миссію, которую онъ обязанъ осуществить добровольно; каждый отвѣтственъ за выполненіе своего призванія. Судьба, опредѣляющая призваніе, носитъ у Ибсена различныя наименованія, называется то Богомъ („Фру Ингеръ изъ Эстрота“, „Пиръ въ Сольхаугѣ“), то „необходимостью“ („Кесарь и Галилеянинъ“), то средою *). Будь вполнѣ самимъ собою, прислушивайся лишь къ своему внутреннему голосу, не давай ему заглохнуть въ тебѣ и не давай никому заглушить его, будь свободенъ въ своемъ выборѣ, но выбирай такъ, какъ долженъ—вотъ категорическій императивъ Ибсена. Этому внутреннему голосу онъ придаетъ характеръ то христіанской совѣсти, то того „демона“, о которомъ говоритъ Сократъ. Трагизмъ всѣхъ ибсеновскихъ героевъ и героинь, начиная съ драмы „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ и кончая драматическимъ эпилогомъ „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“, и состоитъ въ борьбѣ съ условіями, препятствующими имъ выйти на собственный путь въ жизни, въ конфликтѣ между желаніемъ и возможностью жить собственной жизнью.

„Если однако продумать до конца этотъ трагизмъ и положенную въ основу его этическую идею, то поневолѣ придешь къ логическому противорѣчію и сядешь на мель (впрочемъ, Ибсенъ самъ однажды высказалъ въ дружеской бесѣдѣ: „Случалось ли вамъ когда-нибудь продумать до конца какую-либо мысль и не наткнуться на противорѣчіе?“). Ибсенъ вѣритъ, что „величайшими дѣяніями руководитъ судьба“ („Воители на Гельгеландѣ“); что конечная цѣль земной жизни (назначеніе) каждаго человѣка предопредѣлена и остается неизмѣнной; что если мы рѣшаемся на что-либо, то потому лишь, что должны. Это и есть „естественная необходимость“ Спинозы, перефразировка положенія Шопенгауэра: „человѣкъ всегда дѣлаетъ лишь то, что̀ хочетъ, и все-таки дѣлаетъ по необходимости“. Найти же путь къ этой предопредѣленной цѣли, по мнѣнію Ибсена, предоставлено намъ самимъ, нашей свободной волѣ. Вся суть въ нашей доброй волѣ, а не въ возможности осуществить ее („Брандъ“). Если мы, слѣдуя зову нашего внутренняго голоса, выходимъ на надлежащій путь, то мы выполняемъ свое призваніе, и насъ ожидаетъ вѣнецъ истинной жизни; если же мы ошибаемся въ выборѣ пути или умышленно обходимъ этотъ путь, если проявимъ себя не всецѣло, а лишь наполовину, напъ удѣлъ — пораженіе и осужденіе.

„Ибсенъ слѣдовательно видитъ въ общемъ ходѣ міровой исторіи предопредѣленіе — назовите его, какъ хотите: Богомъ, необходимостью, эво-

*) Лотаръ не указываетъ, къ какимъ изъ произведеній Ибсена это относится, но, по всей вѣроятности, нѣмецкій критикъ подразумѣваетъ здѣсь пьесы, слѣдующія за «Кесаремъ и Галилеяниномъ».

люціей — и въ то же время вѣритъ въ личную свободу человѣка. Вотъ гдѣ и кроется противорѣчіе. Въ сущности, или *все* предопредѣлено, *все* совершается потому, что *должно* совершиться, *все* въ волѣ Божьей, во власти рока, *все* зависитъ отъ сцѣпленія причинъ и слѣдствій; или — *ничто* не диктуется извнѣ, свыше, *все* случайно и зависитъ отъ нашего свободнаго выбора и личнаго усмотрѣнія. Въ міровой жизни нѣтъ различія между великимъ и малымъ, значительнымъ и незначительнымъ. Значеніе и величіе дѣлъ, какъ и людей, зависятъ отъ точки зрѣнія. Нѣтъ и различія между путемъ и цѣлью. Путь и цѣль — одно и то же: одно обусловливаетъ другое. Или положеніе: „я хочу — значитъ я долженъ хотѣть“ сохраняетъ свою силу и по отношенію къ самымъ мелкимъ и ничтожнымъ фактамъ, или — оно лишено всякаго значенія. Свобода воли — вопросъ трансцедентальный; его не рѣшить ни моралисту, ни философу, ни поэту. Но заключающійся въ этомъ вопросѣ метафизическій элементъ не могъ не возбуждать живѣйшаго интереса Ибсена-поэта. Этика Ибсена соотвѣтствуетъ потребностямъ духа сильнаго драматическаго писателя, инстинктивно понимающаго, что съ несвободнымъ человѣкомъ сценѣ нечего дѣлать; но, полный глубокой мистической вѣры во всемогущество свободной воли, онъ не хочетъ отнимать меча и вѣсовъ правосудія у судьбы природныхъ силъ. Единственное знаніе, котораго добиваются созданные Ибсеномъ герои, добиваются въ силу того, что они настоящіе люди, — иныхъ онъ никогда и не изображалъ, — сводится къ познанію своего „я“, къ уразумѣнію своего пути въ жизни и къ сознанію непреложности его, къ уясненію своей задачи на землѣ въ качествѣ орудія мірового прогресса. Настоящіе люди — тѣ зрячіе, которые понимаютъ то, что̀ видятъ, и выясняютъ это другимъ. Тѣ же, которые въ слѣпотѣ своей не видятъ ни своей задачи ни своего пути, или же лукаво обманываютъ въ этомъ отношеніи себя и другихъ — въ нравственномъ смыслѣ люди негодные, половинчатые, фальшивые. Цѣльность — во внутренней правдѣ; правда — во внутренней цѣльности.

„Фру Ингеръ лукавитъ сама съ собой, является половинчатой, двуличной, потому и погибаетъ. Она была женщиной, на плечи которой возложено мужское дѣло. И она подвержена проклятію, тяготѣющему надъ тѣмъ, кому предстоитъ совершить великое дѣло.

„Дочь фру Ингеръ, Элина — типическій женскій образъ Ибсена. Нильсъ Люкке увлекъ и погубилъ ея сестру Люцію, какъ Катилина — сестру Фурію Сильвію („Катилина“). Элина не знаетъ, что этотъ соблазнитель — Нильсъ Люкке, но ненавидитъ послѣдняго еще до знакомства съ нимъ, отчасти инстинктивно, отчасти возбуждаемая чувствомъ патріотизма. Изъ ненависти — вполнѣ въ духѣ творчества Ибсена — развивается любовь: Элина любитъ, тогда какъ ей слѣдовало бы ненавидѣть. Слишкомъ поздно, лишь послѣ того, какъ уже пала жертвой любви, узнаётъ она отъ матери имя виновнаго, сгубившаго ея сестру. Тоску Элины по герою, стремленіе вдаль, на просторъ носила въ своемъ сердцѣ уже Бланка въ „Богатырскомъ курганѣ“; такою же тоскою, такимъ же стремленіемъ проникнуты женскіе образы и во всѣхъ слѣдующихъ произведеніяхъ Ибсена. И какъ эта драма („Фру Ингеръ изъ Эстрота“), такъ и каждая новая доказывала высокое мнѣніе Ибсена о женщинѣ. „Нѣтъ въ свѣтѣ никого сильнѣе женщины: въ ея власти направить мужчину такъ, какъ это угодно Богу“, — говоритъ Ибсенъ устами Нильса Люкке. Все дальнѣйшее развитіе его творчества представляетъ новые примѣры въ доказательство этого положенія. У Ибсена сила всегда на сторонѣ женщинъ, а слабость на сторонѣ мужчинъ. Судьба всегда воплощается въ лицѣ женщины; женщина опредѣляетъ судьбу мужчины, — говоритъ намъ творчество Ибсена. Стоитъ пробѣжать мысленно всѣ его двадцать

четыре драмы, чтобы убѣдиться, насколько это относится ко всѣмъ его героямъ безъ исключенія.

„Драма „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ является въ высшей степени характерною для творчества Ибсена и его драматической техники еще въ иномъ отношеніи. Лишь въ четвертомъ дѣйствіи узнаёмъ мы, въ чемъ собственно дѣло. До этого мы бродимъ въ туманѣ загадокъ; пасъ хотя и ведетъ твердая рука, но все же впотьмахъ. И когда мы наконецъ узнаёмъ, въ чемъ дѣло, — настоящее становится намъ яснымъ благодаря прошедшему“. — Вообще, по мнѣнію Лотара, вліяніе шекспировскаго „Гамлета“, на которое такъ упираютъ многіе критики при психологическомъ анализѣ фру Ингеръ, сказывается не столько въ лицѣ самой фру Ингеръ, сколько въ общемъ построеніи драмы, въ техникѣ. Технику эту Ибсенъ сумѣлъ усвоить себѣ самымъ удивительнымъ образомъ и развить до виртуозности. Онъ научился сознавать, что настоящее является плодомъ прошедшаго, необходимымъ плодомъ развитія. И онъ задался цѣлью показать намъ это и какъ моралистъ и какъ мастеръ драматической техники.

„Миссія фру Ингеръ заключалась въ ея любви къ родинѣ и ненависти къ Даніи. И вся пьеса проникнута ненавистью къ Даніи — вполнѣ въ духѣ той среды націоналистовъ-патріотовъ, въ которой жилъ и вращался тогда поэтъ. Любовь же къ родинѣ ясно сказывается здѣсь, какъ и въ слѣдующихъ драмахъ, въ грозныхъ филиппикахъ. „И Норвегія похожа на пустую скорлупу, какъ этотъ шлемъ: снаружи блеститъ, а внутри пусто, источено червями“, — говорится устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Ненависть къ Даніи, впрочемъ, не помѣшала тому, что вся драма цѣликомъ написана подъ вліяніемъ царившаго тогда въ датской литературѣ романтизма“.

Публика того времени, къ сожалѣнію, не была на высотѣ пониманія творчества Ибсена, и „Фру Ингеръ изъ Эстрота“, третья по порядку драма, поставленная Ибсеномъ на сценѣ Бергенскаго театра, имѣла такъ же мало успѣха, какъ и предыдущія.

Въ книгѣ Бланка: „Первая норвежская національная сцена“, находимъ такую краткую замѣтку по этому поводу: „Историческая драма Генрика Ибсена „Фру Ингеръ изъ Эстрота“, поставленная въ день основанія театра, 2 января 1855 г., особаго успѣха не имѣла. Своеобразная смѣсь „психологической драмы“ и „пьесы интриги“, которую создалъ на этотъ разъ молодой поэтъ и событія которой относились къ столь отдаленной и мало извѣстной эпохѣ, повидимому, не заинтересовали публику, несмотря на искусно сплетенную интересную интригу“.

Со времени появленія этого перваго крупнаго произведенія Ибсена, въ которомъ уже ярко сказались характерныя особенности его творчества, прошло полвѣка. Но если и до сихъ поръ критики, даже такіе тонкіе и даровитые, какъ Брандесъ и Лотаръ, несмотря на тщательное изученіе произведеній великаго норвежскаго драматурга, несвободны отъ ошибокъ и недочетовъ въ своихъ истолкованіяхъ, то удивляться ли, что норвежская критика того времени, къ которому относится первый періодъ литературной дѣятельности Ибсена, оказалась несостоятельной, не сумѣла понять и оцѣнить творчества геніальнаго драматурга-новатора?

Даровитый критикъ Лотаръ въ приведенномъ разборѣ драмы „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ также впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки и противорѣчія, обусловливаемыя тѣмъ, что и онъ, подобно Брандесу, какъ-то обходитъ „религіозный элементъ“ въ творчествѣ Ибсена. Этотъ недостатокъ Брандеса, какъ критика, тонко отмѣченъ въ новѣйшей датской

критикѣ авторомъ интереснаго и оригинальнаго критическаго труда: „Генрикъ Ибсенъ съ новой точки зрѣнія на два фронта“. Во вступительной статьѣ къ драмѣ „Кесарь и Галилеянинъ“ читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ трудѣ, авторомъ котораго является Торупъ; здѣсь же отмѣтимъ лишь основной взглядъ послѣдняго на Ибсена.

Торупъ разсматриваетъ Ибсена, какъ писателя глубоко религіознаго, все творчество котораго зиждется на словѣ Божьемъ и на глубокой вѣрѣ въ это слово. То обстоятельство, что Торупъ, разбирая творчество Ибсена съ этой точки зрѣнія, не включаетъ въ число разбираемыхъ произведеній „Фру Ингеръ изъ Эстрота“, можно объяснить только обиліемъ бывшаго въ его распоряженіи матеріала, такъ какъ въ сущности едва ли среди произведеній Ибсена найдется другое, которое представляло бы болѣе благодарный матеріалъ для подтвержденія упомянутаго основного воззрѣнія Торупа на творчество Ибсена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дополненіе и коррективъ взглядовъ Лотара.

Лотаръ говоритъ о фру Ингеръ: „Страхъ за судьбу сына заставилъ ее свернуть съ истиннаго пути призванія, и за это ее постигла страшная кара — черезъ сына же“. Дальше онъ самъ указываетъ на то, что „судьба, опредѣляющая призваніе, носитъ у Ибсена различныя наименованія, называется то *Богомъ* (при чемъ приводятся въ примѣръ лишь драма „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ и „Пиръ въ Сольхаугѣ“, и пропускаются такія характерныя въ этомъ отношеніи произведенія, какъ „Борьба за престолъ“, „Кесарь и Галилеянинъ“ и „Перъ Гюнтъ“), то „необходимостью“, то „средой“; и тѣмъ не менѣе, опредѣляя сущность „трагизма всѣхъ ибсеновскихъ героевъ и героинь, начиная съ драмы „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ и кончая драматическимъ эпилогомъ „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“ — Лотаръ суживаетъ эту сущность, видя ее только „въ борьбѣ съ условіями, препятствующими имъ выйти на собственный путь въ жизни, въ конфликтѣ между желаніемъ и возможностью жить собственной жизнью“. Такимъ опредѣленіемъ вообще далеко не исчерпываются характерные для творчества Ибсена конфликты, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе. Лотаръ упускаетъ одну важную сторону въ характеристикѣ фру Ингеръ: въ лицѣ ея Ибсенъ изображаетъ также женщину, возмутившуюся противъ Божественнаго Промысла, попирающую божескіе и человѣческіе законы, короче — „теряющую Бога“, слѣдуя по пути гордыни и себялюбія. Сначала она было-жертвуетъ святымъ материнскимъ чувствомъ, самообольщая себя гордой мечтой о болѣе высокомъ призваніи: отдаетъ своего малютку-первенца чужимъ людямъ въ чужую страну; затѣмъ, наоборотъ, свое призваніе спасительницы родной страны приноситъ въ жертву чувствамъ материнской любви и страха за судьбу сына; далѣе, чувство честолюбія и жажда мести заставляютъ ее попрать всякое материнское чувство и долгъ по отношенію къ тремъ ея дочерямъ, и наконецъ, увлеченная манією величія, она безсознательно губитъ и своего сына, черезъ котораго — не останавливаясь передъ убійствомъ законнаго претендента на престолъ — мечтаетъ достичь наивысшаго положенія въ странѣ.

Характерная особенность почти всѣхъ трагически погибающихъ героевъ Ибсена, начиная съ фру Ингеръ и кончая профессоромъ Рубекомъ („Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“) — ихъ горделиво-пренебрежительное отношеніе къ религіи, къ нравственному закону. Уже въ первой бесѣдѣ фру Ингеръ съ Элиной, когда послѣдняя напоминаетъ матери объ отвѣтственности передъ Богомъ, фру Ингеръ отвѣчаетъ: „Я сама знаю, какую отвѣтственность взяла на себя, и не боюсь ея“. А на вопросъ Элины: „Гдѣ Люція, вторая ваша дочь?“ — фру Ингеръ, сама уложившая эту дочь въ могилу, отвѣчаетъ еще рѣзче: „Спроси у Бога, который

взялъ ее". По уходѣ дочери фру Ингеръ, все-таки взволнованная обвиненіями дочери, успокаиваетъ себя, стараясь свалить отвѣтственность на Бога: „Правъ ли Господь Богъ? Создать меня женщиной и возложить мнѣ на плечи мужской подвигъ?" Къ такому же самоутѣшенію прибѣгаетъ она и послѣ того, какъ, побуждаемая жаждой мести, губитъ и послѣднюю свою дочь: „*Такъ суждено.* Въ небесахъ звѣздами написано, что мнѣ суждено ломать одну зеленую вѣтвь за другою, пока стволъ не обнажится совсѣмъ... Пусть такъ; пусть такъ. Теперь я верну себѣ сына. О другихъ дѣтяхъ, о дочеряхъ, я и думать не буду... Отчетъ? Придется отдать отчетъ?.. О, это еще въ день страшнаго суда. До него долго".

Едва ли въ какомъ-либо другомъ произведеніи Ибсена, если не считать „Кесаря и Галилеянина", трагизмъ личности, дерзнувшей бороться съ Богомъ, стряхнувъ съ себя цѣпи нравственнаго закона и отвѣтственность за свои поступки и взваливая ее на Промыслъ, обрисованъ болѣе ярко и захватывающе, нежели во „Фру Ингеръ изъ Эстрота". Такое отношеніе къ нравственному долгу и Промыслу роковымъ образомъ доводитъ ее наконецъ и до невольнаго убійства сына. Совершенное преступленіе мучитъ ея совѣсть, и она, не зная еще, что убитъ ея собственный сынъ, всячески пытается успокоить себя и оправдаться въ собственныхъ глазахъ. Сначала она сваливаетъ вину на орудіе ея преступной воли, на Олафа Скактавля, и наконецъ снова приходитъ къ заключенію, что такъ „должно было случиться". Фраза, вырвавшаяся у фру Ингеръ передъ тѣмъ: „Господи, Ты видѣлъ, — я одумалась" — указываетъ на то, что она не совсѣмъ потеряла Бога и не вполнѣ освободилась отъ нравственно-религіозныхъ представленій объ отвѣтственности человѣческой, хотя дальше и говоритъ презрительно: „Что намъ, взрослымъ людямъ, до нашихъ ребяческихъ вѣрованій?". Борьба съ этими вѣрованіями однако такъ потрясаетъ ее, что она минутами почти теряетъ разсудокъ. Въ помраченіи разсудка она и торжествуетъ свою мнимую побѣду надъ Богомъ: „...Мнѣ пришлось бороться съ самимъ Всемогущимъ..." „Ха-ха! Кто побѣдилъ — Богъ или я?"

Отмѣтимъ еще одно, нуждающееся въ коррективѣ или по крайней мѣрѣ въ оговоркѣ, воззрѣніе Лотара на характерныя особенности ибсеновскаго творчества. По мнѣнію Лотара, у Ибсена „сила всегда на сторонѣ женщины, слабость на сторонѣ мужчины; женщина опредѣляетъ судьбу мужчины,—говоритъ намъ творчество Ибсена".

Въ дѣйствительности характерной особенностью творчества Ибсена является то, что онъ всегда ставитъ своихъ героевъ между двумя женщинами противоположнаго характера, изъ которыхъ каждая оказываетъ на даннаго мужчину свое воздѣйствіе. Но едва ли въ этомъ воздѣйствіи слѣдуетъ видѣть что-либо другое, нежели постоянное реагированіе человѣческой души подъ вліяніемъ заложенныхъ въ ней же самой темныхъ и свѣтлыхъ силъ, которыя у Ибсена изображены въ лицахъ женщинъ.

Въ печати „Фру Ингеръ изъ Эстрота" появилась только два года спустя послѣ ея постановки на сценѣ и то лишь благодаря тому, что другъ Ибсена П. Боттенъ-Гансенъ, редакторъ христіанійской газеты „Illustreret Nyhedsblad", предложилъ помѣстить драму въ фельетонахъ этой газеты за гонораръ въ 200 кронъ (100 рублей). Собственникъ газеты типографщикъ Іенсенъ, впрочемъ, оказался не въ состояніи уплатить автору даже такую скромную сумму и выдалъ ему по частямъ лишь немного больше половины, несмотря на то, что, воспользовавшись готовымъ наборомъ, еще выпустилъ драму отдѣльнымъ изданіемъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ.

Семнадцать лѣтъ спустя, когда произведенія Ибсена, начиная съ „Бранда“, стали издаваться въ Копенгагенѣ фирмою Гюльдендаль (издатель Гегель), „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ вышла вторымъ „просмотрѣннымъ и исправленнымъ изданіемъ“.

Послѣ постановки драмы въ Бергенѣ она была поставлена 11 апрѣля 1859 г. на сценѣ частнаго театра въ Христіаніи. На сцену же Христіанійскаго театра, впослѣдствіи Національнаго, она попала лишь въ 1875 г., послѣ чего вскорѣ обошла съ большимъ успѣхомъ всѣ главныя сцены въ скандинавскихъ странахъ и въ Финляндіи (въ Гельсингфорсѣ 1880 г.). Въ Германіи „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ шла въ Берлинѣ на сценахъ Nationaltheater въ 1878 г. и Volkstheater въ 1888 г.

ФРУ ИНГЕРЪ ИЗЪ ЭСТРОТА.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Фру Ингеръ, дочь Отти Ремера, вдова государственнаго канцлера Нильса Гюльденлеве.
Элина Гюльденлеве, ея дочь.
Нильсъ Люкке, датскій рыцарь, членъ государственнаго совѣта.
Олафъ Скактавль, норвежскій дворянинъ, изгнанникъ.
Нильсъ Стенссенъ.
Йенсъ Бьелькe, начальникъ шведскаго отряда.
Бьернъ, старшій слуга } въ Эстротѣ.
Финнъ, слуга }
Эйнаръ Гукъ, дворовый староста.
Домочадцы, крестьяне и шведскіе ратники.

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Эстротъ, близъ Трòньемскаго фьорда, въ 1528 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Покой въ Эстротѣ. Въ средней стѣнѣ открытыя двери въ рыцарскую залу, время отъ времени озаряемую луной, лучи которой проникаютъ черезъ глубокое сводчатое окно въ противоположной стѣнѣ залы. Въ правой стѣнѣ покоя окно съ занавѣсью, а подальше въ глубинѣ входныя двери. Въ лѣвой стѣнѣ большой открытый каминъ, гдѣ разведенъ огонь, освѣщающій комнату, а подальше дверь во внутренніе покои.

Ненастный, бурный вечеръ.

Бьернъ и Финнъ сидятъ у камина. Финнъ занятъ чисткой шлема; возлѣ него лежатъ и другіе боевые доспѣхи, въ томъ числѣ мечъ и щитъ.

Финнъ (помолчавъ). Кто такой былъ Кнутъ Альфсѣнъ?

Бьернъ. Господа говорятъ — послѣдній норвежскій рыцарь.

Финнъ. И датчане уложили его въ Ослоскомъ фьордѣ?

Бьернъ. Спроси пятилѣтняго ребенка, коли самъ не знаешь.

Финнъ. Значитъ, Кнутъ Альфсѣпъ былъ нашъ послѣдній рыцарь? А теперь умеръ... и нѣтъ его больше! (Поднявъ кверху шлемъ) Ну, тогда висѣть тебѣ да блестѣть преспокойно въ ры-

царской залѣ безъ единаго пятнышка; ты теперь — пустая скорлупа; ядро давнымъ-давно источено червями... Послушай. Бьёрнъ, не скажешь ли того же про Норвегію? И Норвегія похожа на пустую скорлупу, какъ этотъ шлемъ: снаружи блеститъ, а внутри пусто, источено червями.

Бьернъ. Заткни глотку и дѣлай свое дѣло... Шлемъ вычищенъ?

Финнъ. Блеститъ, какъ серебряный, при лунномъ свѣтѣ.

Бьернъ. Ну и положи его... Гляди, какая ржавчина на мечѣ; надо отчистить.

Финнъ (вертитъ въ рукахъ мечъ). Стóитъ ли?

Бьернъ. Что̀ такое?

Финнъ. Лезвее сточено.

Бьернъ. Не твое дѣло. Дай-ка сюда... Принимайся за щитъ.

Финнъ (вертя въ рукахъ щитъ). Безъ рукоятки. Не за что взяться.

Бьернъ (бормочетъ). Взяться бы хорошенько за тебя!..

(Финнъ начинаетъ напѣвать вполголоса).

Бьернъ. Чего ще?

Финнъ. Пустой шлемъ, мечъ безъ лезвея, щитъ безъ рукоятки — вотъ и все богатство! Никто, я полагаю, и не попрекнетъ фру Ингеръ за то, что она оставляетъ такіе доспѣхи висѣть чистенькими на стѣнкѣ вмѣсто того, чтобы дать имъ заржавѣть отъ крови датчанъ.

Бьернъ. Вздоръ болтаешь; у насъ теперь миръ.

Финнъ. Миръ? Да, когда крестьянинъ выпуститъ послѣднюю стрѣлу, а волкъ утащитъ у него изъ хлѣва послѣдняго ягненка — между ними тоже бываетъ миръ да ладъ. Только ладъ особаго рода. Ну, да пусть! Какъ я сказалъ — немудрено, что доспѣхи висятъ чистенькими въ рыцарской залѣ. Знаешь, небось, старую поговорку: «Только рыцарь — мужчина». А разъ у насъ нѣтъ больше ни одного рыцаря, такъ все равно, что нѣтъ и мужчинъ. Гдѣ же нѣтъ мужчинъ, приходится заправлять женщинамъ, а потому...

Бьернъ. А потому — совѣтую тебѣ оставить свою дурацкую болтовню. (Встаетъ). Поздно уже. Поди и повѣсь шлемъ и панцырь на мѣсто.

Финнъ (вполголоса). Нѣтъ, ужъ лучше погодить до утра.

Бьернъ. Да не трусъ же ты?

Финнъ. Днемъ не трусъ, а если случается струсить подъ вечеръ, такъ не мнѣ одному. Нечего на меня смотрѣть. Послушай-ка, что̀ говорятъ внизу, въ людской — много чего наслушаешься. (Понизивъ голосъ) Ходитъ слухъ, что по залѣ каждую ночь бродитъ привидѣніе — высокаго роста, все въ черномъ.

Бьернъ. Бабья брехня!

Финнъ. Всѣ клянутся, что это сущая правда.

Бьернъ. Еще бы!

Финнъ. Диковиннѣе всего то, что сама фру Ингеръ думаетъ то же самое.

Бьернъ (пораженный). Фру Ингеръ? Что же она думаетъ?

Финнъ. Что фру Ингеръ думаетъ? Ну, положимъ, объ этомъ мало кто знаетъ. Одно вѣрно, что сама она не знаетъ покоя. Не видишь ты развѣ, какъ она блѣднѣетъ и таетъ день ото дня? (Пытливо глядя на Бьёрна) Люди сказываютъ — совсѣмъ сна лишилась... изъ-за этого привидѣнія...

(Въ полуоткрытыя двери налѣво показывается Элина Гюльденлёве и, услыхавъ послѣднія слова, останавливается на порогѣ, незамѣченная собесѣдниками).

Бьернъ. И ты вѣришь такому вздору?

Финнъ. И вѣрю и не вѣрю. Иные толкуютъ это и по-другому. Только это ужъ прямо по злобѣ... Послушай, Бьёрнъ, знаешь ты, какую пѣсенку распѣваютъ по всей странѣ?

Бьернъ. Пѣсенку?

Финнъ. Да; у насъ въ народѣ. Само собой, это скверная, ругательная пѣсня. А напѣвъ недуренъ. Вотъ послушай. (Напѣваетъ вполголоса)

Фру Ингеръ изъ Эстрота силой грозна,
Вся въ бархатѣ, въ куньихъ мѣхахъ,
И жемчугъ у ней въ волосахъ;
Вотъ только покоя не знаетъ она
И ночи проводитъ безъ сна.
Фру Ингеръ датчанамъ себя продаетъ, —
Рабомъ сталъ норвежскій народъ;
Въ награду за это...

(Бьёрнъ гнѣвно схватываетъ его за воротъ и встряхиваетъ, а Элина въ это время незамѣтно отступаетъ назадъ въ дверь).

Бьернъ. А я за это послалъ бы тебя безъ всякой награды къ чорту! Не мели непристойностей о фру Ингеръ!

Финнъ (высвобождаясь). Ну, ну, ну, — не я же сложилъ такую пѣсню. (За сценой справа раздается звукъ рога).

Бьернъ. Тсс... что это?

Финнъ. Рогъ трубитъ. Вѣрно, гости.

Бьернъ (у окна). Отворяютъ ворота. Слышенъ стукъ копытъ во дворѣ. Должно-быть, рыцарь.

Финнъ. Рыцарь? Едва ли.

Бьернъ. Почему такъ?

Финнъ. Самъ же ты сказалъ, что нашъ послѣдній рыцарь умеръ. (Уходитъ направо).

Бьернъ. Проклятый шутъ — у него ушки на макушкѣ! Какъ я ни старался замалчивать и скрывать — мало толку. Въ народѣ ужъ заговорили о нашей госпожѣ; скоро, пожалуй, всѣ и каждый будутъ кричать, что...

Элина (снова входитъ изъ дверей налѣво, озирается и, подавляя волненіе, говоритъ). Ты здѣсь одинъ, Бьёрнъ?

Бьернъ. А, это вы, йомфру Элина?

Элина. Послушай... разскажи мнѣ какую-нибудь сказку; я знаю, у тебя еще много ихъ въ запасѣ, кромѣ тѣхъ, которыя...

Бьернъ. Разсказать сказку? Теперь? Вѣдь ужъ поздній вечеръ?..

Элина. Если вести счетъ времени съ той поры, какъ въ Эстротѣ у насъ стемнѣло, то, правда, теперь уже поздній вечеръ.

Бьернъ. Что съ вами? Что-нибудь неладно? Вы такъ встревожены?

Элина. Да, пожалуй...

Бьернъ. Съ вами что-нибудь случилось? За эти послѣдніе полгода вы такъ перемѣнились, что я просто не узнаю васъ.

Элина. Ты забылъ — вотъ уже полгода, какъ моя любимая сестра Люція покоится въ могильномъ склепѣ.

Бьернъ. Это не отъ того, йомфру Элина; не это одно причиной, что вы то бродите — блѣдная, молчаливая, задумчивая, то мечетесь — разстроенная, растерянная, какъ вотъ сейчасъ.

Элина. Ты такъ думаешь? А почему? Не была ли она кротка, добра, прекрасна, какъ лѣтняя ночь? Бьёрнъ, говорю тебѣ — я любила Люцію, какъ себя самоё. Ты забылъ, какъ мы, маленькія, сиживали у тебя на колѣняхъ зимними вечерами? Ты пѣлъ намъ пѣсни, разсказывалъ...

Бьернъ. Да, въ тѣ времена вы были свѣтлая, веселая.

Элина. Да, въ тѣ времена. Тогда я жила чудесной жизнью въ мірѣ сказокъ и собственныхъ грезъ. Можно ли повѣрить, что на берегу моря у насъ было въ тѣ времена такъ же голо и пустынно, какъ теперь? Если и было, то я не замѣчала этого. Это было мое любимое мѣсто; тамъ я гуляла и сочиняла про себя прекраснѣйшія саги и хроники; мои герои приносились по морю изъ далекихъ странъ и снова уносились по волнамъ туда же; я сама жила ихъ жизнью и сопровождала ихъ въ путь. (Опускаясь въ кресло) Теперь я чувствую такую усталость, слабость... мои собственныя сказки не даютъ больше пищи моей душѣ; теперь онѣ для меня не болѣе, какъ сказки. (Порывисто встаетъ). Бьёрнъ, знаешь, что подточило мое здоровье?.. Правда! Одна ужасная, безобразная правда, которая гложетъ меня день и ночь, какъ червь.

Бьернъ. Что вы хотите сказать?

Элина. Помнишь, ты порой давалъ намъ добрые совѣты, училъ, какъ надо жить? Сестра слѣдовала твоимъ наставленіямъ, а я... Боже мой!..

Бьернъ (утѣшая). Ну, ну, полно.

Элина. Я знаю — я была горда, заносчива. Когда мы играли, я всегда хотѣла быть королевой, потому что я вѣдь выше всѣхъ, прекраснѣе всѣхъ, умнѣе всѣхъ. Я помню!

Бьернъ. Правда.

Элина. Разъ ты взялъ меня за руку и, строго глядя мнѣ въ глаза, сказалъ: «Не гордись ни красотой своей ни умомъ, но будь горда, какъ горный орелъ, мыслью, что ты дочь Ингеръ Гюльденлёве».

Бьернъ. Такой матерью можно было гордиться.

Элина. Ты достаточно часто разсказывалъ мнѣ объ этомъ, Бьёрнъ. О, ты много разсказывалъ мнѣ тогда сказокъ. (Пожимая ему руку) Спасибо за всѣ... Разскажи мнѣ теперь еще одну; быть-можетъ, она исцѣлитъ меня, сдѣлаетъ попрежнему веселой, беззаботной.

Бьернъ. Вы уже не дитя больше.

Элина. Вѣрно. Но дай мнѣ хоть потѣшить себя мыслью, что я еще дитя... Ну, разсказывай!

(Элина бросается въ кресло; Бьёрнъ присаживается на край каминной рѣшетки).

Бьернъ. Жилъ-былъ благородный рыцарь...

Элина (тревожно прислушиваясь къ чему-то въ залѣ, хватаетъ старика за руку и говоритъ взволнованнымъ шопотомъ). Тсс! Не кричи такъ. Я вѣдь не глухая.

Бьернъ (понизивъ голосъ). Жилъ-былъ благородный рыцарь, и шла о немъ диковинная молва...

(Элина, привставъ, боязливо-напряженно прислушивается въ томъ же направленіи).

Бьернъ. Йомфру Элина, что̀ съ вами?

Элина (снова садясь). Со мной? Ничего. Разсказывай!

Бьернъ. Вотъ какая молва: стоило ему пристально поглядѣть въ глаза какой-нибудь женщинѣ, и она уже никогда его не забывала, но вѣчно думала о немъ, провожала его мыслями, гдѣ бы онъ ни былъ, и изнывала отъ тоски по немъ.

Элина. Это я слыхала. Оно, впрочемъ, и не сказка. Рыцарь, о которомъ ты разсказываешь, Нильсъ Люкке; онъ и понынѣ еще засѣдаетъ въ датскомъ государственномъ совѣтѣ...

Бьернъ. Можетъ статься.

Элина. Ну, да все равно; продолжай.

Бьернъ. И вотъ случилось разъ...

Элина (вдругъ встаетъ). Тсс! Замолчи!

Бьернъ. Что̀ такое? Что̀ съ вами?

Элина (прислушиваясь). Слышишь?

Бьернъ. Что̀?

Элина. Вотъ оно! Такъ и есть! Клянусь крестомъ Господнимъ, такъ оно и есть!

Бьернъ (встаетъ). Да что̀ такое? Гдѣ?

Элина. Она сама... ходитъ по рыцарской залѣ... (Кидается къ дверямъ залы).

Бьернъ (слѣдуетъ за нею). Какъ это вамъ на умъ пришло? Йомфру Элина, ступайте къ себѣ.

Элина. Тсс! Ни съ мѣста! Не шевелись! Не выдай себя! Стой — сейчасъ проглянетъ луна... Видѣлъ ты—мелькнула черная тѣнь?..

Бьернъ. Клянусь всѣми святыми!..

Элина. Видишь — повертываетъ портретъ Кнута Альфсёна лицомъ къ стѣнѣ. Ха-ха! Пожалуй, онъ слишкомъ упорно глядитъ ей въ глаза.

Бьернъ. Йомфру Элина, выслушайте меня.

Элина (возвращаясь къ камину). Теперь я знаю.

Бьернъ (про себя). Значитъ, все-таки правда.

Элина. Кто это былъ, Бьёрнъ? Кто?

Бьернъ. Вы же сами видѣли не хуже меня.

Элина. Ну, хорошо; кого же я видѣла?

Бьернъ. Вы видѣли вашу мать.

Элина (какъ бы про себя). Каждую ночь слышала я ея шаги въ залѣ. Слышала, какъ она вздыхаетъ и стонетъ, словно душа умершаго безъ покаянія. И въ пѣснѣ вѣдь говорится... Ахъ, теперь я знаю! Теперь я знаю, что...

Бьернъ. Тсс!

(Фру Ингеръ входитъ быстрыми шагами изъ залы и, не замѣчая присутствующихъ, идетъ прямо къ окну, откидываетъ занавѣсь, долго вглядывается въ темноту, словно высматриваетъ кого на дорогѣ, и затѣмъ медленно возвращается въ залу).

Элина (тихо, провожая ее глазами). Ни кровинки въ лицѣ — словно мертвецъ...

(За входной дверью справа раздаются шумъ и громкіе голоса).

Бьернъ. Что̀ еще тамъ?

Элина. Поди и узнай, въ чемъ дѣло.

(Въ передней появляются Эйнаръ Гукъ и большая толпа дворовыхъ слугъ и крестьянъ).

Эйнаръ Гукъ (въ дверяхъ). Прямо къ ней! И не робѣть!

Бьернъ. Кого вамъ нужно?

Эйнаръ Гукъ. Намъ нужно самоё фру Ингеръ.

Бьернъ. Фру Ингеръ? Въ такую позднюю пору?

Эйнаръ Гукъ. Хоть и поздно, но все-таки, надо полагать, еще вѐ-время.

Крестьяне. Да, да! Пусть выслушаетъ насъ.

(Толпа изъ передней входитъ въ покой. Въ эту минуту въ дверяхъ залы показывается фру Ингеръ Гюльденлёве. Всѣ сразу умолкаютъ).

Фру Ингеръ. Что вамъ нужно отъ меня?

Эйнаръ Гукъ. Мы пришли къ вамъ, благородная госпожа, чтобы...

Фру Ингеръ. Ну, говори прямо.

Эйнаръ Гукъ. Да что-жъ, наше дѣло правое. Однимъ словомъ, мы пришли съ просьбой отпустить насъ и выдать оружіе...

Фру Ингеръ. Отпустить и выдать оружіе?.. Для чего?

Эйнаръ Гукъ. Прошелъ слухъ изъ Швеціи, будто народъ въ Далекарліи поднялся на короля Густава...

Фру Ингеръ. Далекарлійцы?

Эйнаръ Гукъ. Да, таковъ слухъ, и, сдается, онъ вѣренъ.

Фру Ингеръ. Ну, если оно и такъ, вамъ-то что до возстанія далекарлійцевъ?

Крестьяне. И мы съ ними! На помощь имъ! И сами освободимся!

Фру Ингеръ (про себя). О, неужели часъ пробилъ?

Эйнаръ Гукъ. Норвежцы толпами бѣгутъ въ Далекарлію изъ всѣхъ пограничныхъ селеній. Даже объявленные внѣ закона изгнанники, годами укрывавшіеся въ горахъ, отваживаются спускаться въ селенія, ищутъ людей и оттачиваютъ свои мечи.

Фру Ингеръ (помолчавъ). Слушайте... скажите — хорошо ли вы обдумали? Хорошо ли расчитали, во что вамъ обойдется это, если войска Густава побѣдятъ?

Бьернъ (тихо, умоляюще, ей). Расчитайте, во что это обойдется Даніи, если войска Густава будутъ разбиты!

Фру Ингеръ (рѣзко). Не мое дѣло пускаться въ такіе расчеты. (Обращаясь къ толпѣ) Вы знаете, король Густавъ вполнѣ можетъ разсчитывать на помощь Даніи. Король Фредерикъ — другъ ему и, конечно, не оставитъ его въ бѣдѣ...

Эйнаръ Гукъ. А если бы теперь народъ поднялся по всей Норвегіи? Если бы поднялись мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ — и слуги господскіе и простой народъ? Да, фру Ингеръ Гюльденлёве, сдается мнѣ — мы дождались удобнаго случая. Если теперь искра разгорится — чужеземцамъ придется убраться во-свояси.

Крестьяне. Долой датскихъ фогтовъ! Долой чужеземныхъ господъ! Долой подручниковъ государственнаго совѣта!

Фру Ингеръ (про себя). Это молодцы настоящаго закала! Но все-таки, все-таки...

Бьернъ (также). Она колеблется. (Элинѣ) Бьюсь объ закладъ, іомфру Элина, вы согрѣшили, осуждая свою мать.

Элина. Бьернъ, я готова вырвать себѣ глаза, если они солгали мнѣ.

Эйнаръ Гукъ. Видите, благородная госпожа, прежде всего надо взяться за короля Густава; разъ его власть будетъ сломлена, и датчанамъ не удержаться у насъ долго.

Фру Ингеръ. А тогда?

Эйнаръ Гукъ. Тогда мы свободны; надъ нами не будетъ чужеземныхъ господъ, и мы сами можемъ избрать себѣ короля, какъ иведы до насъ.

Фру Ингеръ (съ живостью). Сами избрать короля... Ты думаешь о родѣ Стуре?

Эйнаръ Гукъ. Король Христіанъ и за нимъ другіе поочистили нашу землю отъ старинныхъ дворянскихъ гнѣздъ. Лучшіе изъ нашихъ господъ бродятъ изгнанниками въ горахъ, если только живы еще. Но можетъ статься все-таки, что отыщется какой-нибудь потомокъ стариннаго рода, который...

Фру Ингеръ (быстро). Довольно, Эйнаръ Гукъ! Довольно. (Про себя) Ахъ, моя лучшая надежда!.. (Обращаясь къ крестьянамъ и домочадцамъ) Теперь я сдѣлала, что могла: уговаривала васъ, сказала, въ какое опасное дѣло вы пускаетесь. Но если вы твердо стоите на своемъ, то съ моей стороны неразумно было бы запрещать вамъ то, что вы можете предпринять, и не спрашиваясь у меня, на свой собственный страхъ.

Эйнаръ Гукъ. Такъ вы соглашаетесь?..

Фру Ингеръ. У васъ *своя* крѣпкая воля; съ ней и вѣдайтесь. Если, какъ вы говорите, васъ мучатъ, угнетаютъ... Я мало свѣдуща въ этихъ дѣлахъ... и не хочу ничего знать больше... Что же я могу сдѣлать, — одинокая женщина? Даже если бы вы вздумали разграбить рыцарскую залу, гдѣ немало годнаго оружія... Сегодня вѣдь вы хозяева въ Эстротѣ, — дѣлайте, какъ знаете. Спокойной ночи.

(Толпа испускаетъ громкіе радостные клики. Зажигаютъ огни, и слуги приносятъ изъ залы разное оружіе).

Бьернъ (схвативъ за руку фру Ингеръ въ то время, какъ она собирается уходить). Спасибо, благородная и великодушная госпожа моя! Съ дѣтскихъ лѣтъ знаю я васъ и никогда не сомнѣвался въ васъ.

Фру Ингеръ. Тише, Бьернъ... опасную игру я затѣяла сегодня. Для всѣхъ другихъ здѣсь ставкой только жизнь, а моя ставка... въ тысячу разъ больше — повѣрь мнѣ!

Бьернъ. Какъ? Или вы бонтесь за свою власть и доброе согласіе съ...

Фру Ингеръ. Мою власть? Творецъ небесный!

Одинъ изъ слугъ (выходя изъ залы съ длиннымъ мечомъ). Вотъ

это настоящій волчій зубъ! Имъ я буду кусать приспѣшниковъ кровопійцъ!

Эйнаръ Гукъ (другому слугѣ). Что ты тамъ нашелъ?

Второй. Броню, которую, говорятъ, носилъ Герловъ Гютефаде.

Эйнаръ Гукъ. Ну, тебѣ она не по плечу. Гляди, вотъ у меня копье Стена Стуре; повѣсь на него броню, тогда у насъ будетъ такое богатое боевое знамя, что лучшаго и не надо.

Финнъ (входитъ изъ дверей налѣво съ письмомъ въ рукахъ и обращается къ фру Ингеръ). Я искалъ васъ по всему дому...

Фру Ингеръ. Что тебѣ?

Финнъ (подаетъ ей письмо). Посланный изъ Трòньема съ письмомъ и поклономъ вамъ.

Фру Ингеръ. Посмотримъ. (Вскрывая письмо) Изъ Трòньема? Что бы это такое могло быть? (Пробѣгая письмо) Іисусе Христе! Отъ него. Пріѣхалъ сюда... (Въ сильномъ волненіи продолжаетъ читать, въ то время какъ слуги таскаютъ оружіе изъ залы).

Фру Ингеръ (про себя). Онъ ѣдетъ сюда. Прибудетъ сегодня въ ночь. Придется, значитъ, пустить въ дѣло умъ, а не мечъ.

Эйнаръ Гукъ. Будетъ, будетъ, добрые люди; теперь, я думаю, мы вооружены на-славу. Можно и въ путь-дорогу.

Фру Ингеръ (вдругъ). Ни одинъ человѣкъ не выйдетъ со двора въ эту ночь!

Эйнаръ Гукъ. Но, благородная госпожа, вѣтеръ какъ разъ попутный; мы стрѣлой понесемся по фьорду и...

Фру Ингеръ. Какъ я сказала, такъ и будетъ.

Эйнаръ Гукъ. Значитъ, намъ остаться до утра?

Фру Ингеръ. И до утра и дольше. Ни одинъ вооруженный человѣкъ не выйдетъ изъ Эстрота до поры до времени!

(Въ толпѣ ропотъ неудовольствія).

Нѣкоторые изъ крестьянъ. Мы все-таки уйдемъ, фру Ингеръ!

Другіе. Да, да! Мы все-таки уйдемъ!

Фру Ингеръ (дѣлая шагъ къ нимъ). Кто осмѣлится? (Всѣ молчатъ). Я за васъ обдумала дѣло. Что понимаете вы, простые люди, въ дѣлахъ государства? А беретесь судить о нихъ!.. Придется вамъ потерпѣть еще немного. Что обижаться вамъ, когда и намъ, господамъ, живется не слаще... Отнесите все оружіе на мѣста, въ залу. Послѣ вы узнаете мою волю. Ступайте.

(Слуги уносятъ оружіе, послѣ чего вся толпа уходитъ въ двери направо).

Элина (тихо Бьерну). Ну что же, ты все еще того мнѣнія, что я согрѣшила, осудивъ госпожу Эстрота?

Фру Ингеръ (знакомъ подозвавъ къ себѣ Бьёрна). Приготовь одну изъ комнатъ для гостей.

Бьернъ. Слушаю, фру Ингеръ.

Фру Ингеръ. И ворота настежь, кто бы ни постучался!

Бьернъ. Но?..

Фру Ингеръ. Ворота настежь!

Бьернъ (повторяетъ про себя въ недоумѣніи). Ворота настежь! (Уходитъ направо).

Фру Ингеръ (Элинѣ, которая уже въ дверяхъ налѣво). Останься... Элина... дитя мое... мнѣ надо поговорить съ тобою наединѣ.

Элина. Я васъ слушаю.

Фру Ингеръ. Элина... нехорошо думаешь ты о своей матери.

Элина. Я думаю такъ, какъ велитъ мнѣ думать ваше поведеніе, хотя мнѣ это и больно.

Фру Ингеръ. Тебѣ внушаетъ такой отвѣтъ твой строптивый нравъ.

Элина. Кто сдѣлалъ меня строптивой? Съ самаго дѣтства привыкла я смотрѣть на васъ, какъ на женщину высокой, благородной души. Я представляла себѣ похожими на васъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ говорятъ хроники и саги. Мнѣ казалось, будто самъ Господь Богъ отмѣтилъ ваше чело печатью, избралъ васъ руководить нерѣшительными и слабыми духомъ. Въ рыцарской залѣ вамъ воспѣвали хвалу рыцари и господа; даже простой народъ изъ ближнихъ и изъ дальнихъ мѣстъ называлъ васъ надеждой и опорой страны. Всѣ думали, что благодаря вамъ вновь настанутъ для нея счастливыя времена. Всѣ думали, что благодаря вамъ въ Норвегіи настанетъ новый день. Однако у насъ все еще стоитъ ночь, и я не знаю даже, смѣю ли я надѣяться на то, что когда-нибудь благодаря вамъ забрезжитъ утро.

Фру Ингеръ. Нетрудно догадаться, откуда ты почерпаешь такія ядовитыя слова. До тебя дошли шипѣнье и ропотъ безсмысленной черни о вещахъ, въ которыхъ она мало смыслитъ.

Элина. Гласъ народа — гласъ Божій, — говорили вы когда-то, когда васъ величали въ пѣсняхъ и рѣчахъ.

Фру Ингеръ. Пусть такъ. Но если я избрала себѣ такую долю — смирно сидѣть здѣсь, сложа руки, хотя отъ меня самой зависитъ дѣйствовать... то моя ноша и безъ того достаточно тяжела, а ты еще отягощаешь ее камнями упрековъ!

Элина. Камни, которыми я отягощаю вашу ношу, не меньше тяготятъ меня самоё. Какъ легко мнѣ жилось и дышалось, пока я вѣрила въ васъ. Вѣдь, чтобы жить, я должна сохранить мою гордость; и я могла бы жить и гордиться, если бы вы оставались такой, какой нѣкогда были.

Фру Ингеръ. А что тебѣ порукой въ томъ, что я не такова? Элина... почему ты такъ увѣрена, что ты не несправедлива къ своей матери?

Элина (порывисто). О, если бы это было такъ!

Фру Ингеръ. Тише. Ты не въ правѣ требовать отчета у матери... Скажи я одно только слово... но... тебѣ было бы мало радости, если бы ты сейчасъ узнала... Лучше подожди, придетъ время, быть-можетъ...

Элина (собираясь уйти). Спокойной ночи, матушка!

Фру Ингеръ (запинаясь). Нѣтъ... побудь со мной... у меня есть еще... Подойди поближе... Выслушай меня, Элина! (Садится у стола передъ окномъ).

Элина. Я васъ слушаю.

Фру Ингеръ. Какъ ты ни молчалива, я знаю навѣрное, что тебя тянетъ вырваться отсюда. Слишкомъ пусто, уединенно для тебя въ Эстротѣ.

Элина. Можетъ ли это удивлять васъ, матушка?

Фру Ингеръ. Отъ тебя самой зависитъ перемѣнить свою жизнь.

Элина. Какъ?

Фру Ингеръ. Слушай... Сегодня въ ночь я жду гостя.

Элина (подходя ближе). Гостя?

Фру Ингеръ. Гостя, который долженъ остаться для всѣхъ чужимъ и неизвѣстнымъ. Никто и знать не долженъ, откуда онъ явится и куда уѣдетъ.

Элина (съ крикомъ радости, бросаясь передъ матерью на колѣни и схвативъ ея руки). Матушка, матушка! Простите мнѣ мою несправедливость къ вамъ, если можете!

Фру Ингеръ. Что ты хочешь сказать?.. Элина, я тебя не понимаю.

Элина. Итакъ, всѣ, всѣ ошибались! Вы все та же, сердце ваше не измѣнилось!

Фру Ингеръ. Но встань же и скажи мнѣ...

Элина. О, вы думаете, я не знаю — кто этотъ гость?

Фру Ингеръ. Ты знаешь? И все-таки?..

Элина. Или вы думаете — ворота Эстрота были замкнуты такъ наглухо, что сюда не могли проникать даже горестные слухи? Вы думаете, я не знаю — сколькимъ потомкамъ древнихъ родовъ приходится скитаться изгнанниками, объявленными внѣ закона, безъ крова, безъ пристанища, въ то время какъ датскіе господа хозяйничаютъ въ ихъ вотчинахъ?

Фру Ингеръ. Ну? И что же дальше?

Элина. Я хорошо знаю, что многихъ благородныхъ дворянъ травятъ въ лѣсу, какъ голодныхъ волковъ. Нѣтъ у нихъ ни очага ни крошки хлѣба...

Фру Ингеръ (холодно). Довольно! Теперь я понимаю тебя.

Элина (продолжая). Вотъ почему вы въ эту ночь оставляете ворота Эстрота открытыми. Вотъ почему гость нашъ долженъ остаться чужимъ и неизвѣстнымъ для всѣхъ; вотъ почему никто не долженъ знать, откуда онъ явится, куда уѣдетъ. Вы, вопреки строгому запрету давать убѣжище и помощь изгнанникамъ...

Фру Ингеръ. Довольно, довольно, говорю тебѣ! (Помолчавъ, продолжаетъ, видимо принуждая себя) Ты ошибаешься, Элина... Я жду сегодня не изгнанника.

Элина (встаетъ). Такъ я плохо поняла васъ.

Фру Ингеръ. Выслушай меня, дитя мое! Но будь разсудительна, если вообще въ силахъ укротить свой необузданный нравъ.

Элина. Я буду смирно слушать васъ до конца.

Фру Ингеръ. Такъ слушай, что̀ я скажу тебѣ... Я старалась по мѣрѣ силъ оставлять тебя въ невѣдѣніи, скрывать отъ тебя все то горе и бѣдствія, въ которыя мы ввергнуты. Какая кому была бы польза отъ того, что я омрачила бы твою молодую душу скорбью и озлобленіемъ? Слезами и бабьимъ хныканьемъ не помочь горю, не вызволить насъ изъ бѣды! Для этого нужны мужество и сила.

Элина. Кто же вамъ сказалъ, что у меня не нашлось бы мужества и силы, если бы на то пошло?

Фру Ингеръ. Потише, дитя; я могла бы поймать тебя на словѣ.

Элина. Какъ, матушка?

Фру Ингеръ. Я могла бы потребовать отъ тебя и того и другого... могла бы... Но дай мнѣ сначала договорить. Знай, близка, какъ видно, минута, которую столь долго подготовлялъ датскій государственный совѣтъ... Я хочу сказать — удобная минута нанести нашимъ правамъ и вольностямъ послѣдній ударъ. Вотъ почему теперь и надо...

Элина (страстно). Возстать, матушка?

Фру Ингеръ. Нѣтъ, надо выиграть время. Въ Копенгагенѣ теперь какъ разъ происходитъ совѣщаніе о томъ, какъ лучше взяться за дѣло. Большинство членовъ совѣта, видно, того мнѣнія, что ладу не добиться, пока Норвегія и Данія не станутъ однимъ государствомъ. Вѣдь сохрани за собой Норвегія права свободнаго государства, — при новомъ избраніи короля взаимная вражда можетъ вырваться наружу. Вотъ это-то господа датчане и хотятъ предотвратить...

Элина. Какъ имъ не хотѣть! Но намъ снести это? Намъ спокойно смотрѣть, какъ..?

Фру Ингеръ. Нѣтъ, намъ этого не снести. Но и пустить въ ходъ оружіе... вступить въ открытую борьбу — къ чему бы это повело, пока у насъ нѣтъ единенія? Развѣ страна переживала когда-нибудь худшія времена, времена большей разрозненности, нежели теперь?.. Нѣтъ, если и возможно достичь чего-либо, то лишь втихомолку. И прежде всего надо, какъ я говорю, выиграть время, успѣть пораскинуть умомъ-разумомъ. Въ южной Норвегіи значительная часть дворянства стоитъ за датчанъ; но здѣсь у насъ на сѣверѣ это еще сомнительно. Поэтому король Фредерикъ послалъ сюда одного изъ самыхъ довѣренныхъ своихъ приближенныхъ, чтобы онъ самолично убѣдился въ нашемъ настроеніи.

Элина (напряженно). Ну, и что же?..

Фру Ингеръ. Этотъ рыцарь пріѣзжаетъ въ Эстротъ сегодня ночью.

Элина. Сюда? Ночью?

Фру Ингеръ. Торговый корабль доставилъ его вчера въ Троньемъ, и сейчасъ меня извѣстили, что онъ намѣренъ посѣтить меня. Не пройдетъ и часу, какъ онъ будетъ здѣсь.

Элина. И вы не подумали, матушка, какой опасности вы подвергаете свое доброе имя, соглашаясь на свиданіе съ датскимъ посланцемъ? Здѣшній народъ и безъ того уже относится къ вамъ подозрительно. Какъ же вы надѣетесь, что онъ когда-нибудь станетъ слушаться вашихъ совѣтовъ и приказаній, разъ узнаетъ...

Фру Ингеръ. Не безпокойся. Все это я вполнѣ обдумала; бояться тутъ нечего. Его порученіе — тайна; поэтому онъ прибылъ въ Троньемъ подъ видомъ чужестранца и такимъ же неизвѣстнымъ чужестранцемъ посѣтитъ Эстротъ.

Элина. А имя этого датскаго посланца?

Фру Ингеръ. Это громкое имя, Элина. Врядъ ли среди дворянъ Даніи найдется болѣе знатный.

Элина. Но какія же у васъ еще намѣренія? Я все-таки не совсѣмъ поняла васъ.

Фру Ингеръ. Скоро поймешь... Разъ мы не можемъ раздавить змія, надо связать его.

Элина. Берегитесь, если узы не выдержатъ.

Фру Ингеръ. Отъ тебя зависитъ затянуть ихъ покрѣпче.

Элина. Отъ меня?

Фру Ингеръ. Я давно замѣтила, что Эстротъ для тебя тюрьма. Молодому соколу не по нраву сидѣть за желѣзной рѣшеткой.

Элина. У меня крылья подрѣзаны... Хоть бы вы и дали мнѣ свободу — мало проку.

Фру Ингеръ. Крылья твои остаются подрѣзанными лишь до поры до времени — пока тебѣ самой такъ хочется.

Элина. Хочется? Моя воля въ вашихъ рукахъ. Станьте той, какою вы были, и я...

Фру Ингеръ. Довольно объ этомъ. Слушай дальше... Врядъ ли тебѣ не по сердцу покинуть Эстротъ.

Элина. Быть-можетъ, матушка.

Фру Ингеръ. Однажды ты сказала мнѣ, что не знавала лучшей жизни, нежели та, какою ты жила, погружаясь въ свои сказки и хроники. Вотъ эта-то жизнь и могла бы вернуться для тебя.

Элина. Что вы хотите сказать?

Фру Ингеръ. Элина, что если сегодня явится сюда могущественный рыцарь, чтобы увезти тебя съ собою въ свой замокъ, гдѣ тебя ждутъ слуги и служанки, шелковыя платья и высокія хоромы?

Элина. Рыцарь, говорите вы?

Фру Ингеръ. Да.

Элина (понизивъ голосъ). И датскій посланецъ пріѣзжаетъ сюда сегодня ночью?

Фру Ингеръ. Ночью.

Элина. Если такъ, то я боюсь истолковать себѣ смыслъ вашихъ словъ.

Фру Ингеръ. Бояться нечего, разъ только ты не истолкуешь его въ дурную сторону. Я, право, не помышляю принуждать тебя. Выборъ и рѣшеніе въ твоей волѣ.

Элина (дѣлая шагъ къ матери). Слышали вы разсказъ о матери, которая переѣзжала черезъ горы ночью въ саняхъ съ маленькими дѣтьми? За ней по пятамъ гнались волки; дѣло шло о жизни, и мать выбрасывала изъ саней дѣтей своихъ одного за другимъ, чтобы выиграть время и спастись самой.

Фру Ингеръ. Сказка. Мать вырвала бы у себя сердце изъ груди прежде, нежели выбросить свое дитя волкамъ.

Элина. Не будь я дочерью своей матери, я бы сказала, что вы правы. Но вы какъ разъ похожи на ту мать; и вы бросаете волкамъ своихъ дочерей — одну за другою. Сначала старшую дочь. Пять лѣтъ тому назадъ покинула Эстротъ сестра моя Мерете; теперь она въ Бергенѣ, супругой Винцента Люнге. Но, вы думаете, она счастлива въ замужествѣ за датскимъ рыцаремъ? Винцентъ Люнге — могущественный господинъ, почти король. У Мерете много слугъ и служанокъ; есть и шелковыя платья и высокія хоромы; но днемъ ей не свѣтитъ солнце, ночь не приноситъ ей съ собою покоя,—она никогда не любила того, кто сталъ ея супругомъ; и онъ

явился сюда свататься за нее потому лишь, что она была богатѣйшей наслѣдницей въ Норвегіи, и потому, что ему тогда нужно было пустить корни здѣсь въ странѣ. Я это знаю, отлично знаю. Мерете покорилась вамъ и послѣдовала за чужимъ господиномъ. Но чего это ей стоило? Больше слезъ, чѣмъ желательно будетъ матери принять на свою отвѣтственность въ день судный.

Фру Ингеръ. Я сама знаю, какую отвѣтственность взяла на себя, и не боюсь ея.

Элина. Отвѣтственность ваша на этомъ не кончается. Гдѣ Люція, вторая ваша дочь?

Фру Ингеръ. Спроси у Бога, который взялъ ее.

Элина. Я *васъ* спрашиваю. — *вамъ* предстоитъ отвѣчать за то, что ей пришлось разстаться съ молодой жизнью. Веселая, какъ птичка весной, отплыла она изъ Эстрота погостить къ сестрѣ въ Бергенъ. Черезъ годъ она снова была здѣсь,—но щеки ея были уже блѣдны, и смерть точила ея грудь. А, вы удивлены, матушка? Вы, вѣрно, полагали, что эта безобразная тайна погребена вмѣстѣ съ нею? Но она сама разсказала мнѣ все. Благородный рыцарь завладѣлъ ея сердцемъ. Хотѣлъ жениться на ней. Вы знали, что дѣло идетъ о спасеніи ея чести, но остались непреклонны, и вашей дочери пришлось умереть. Вы видите, я знаю все.

Фру Ингеръ. Все? Такъ она сказала тебѣ и его имя?

Элина. Его имя? Нѣтъ; имени его она не сказала мнѣ. Оно наводило на нее какой-то мучительный страхъ... она ни разу не упомянула его имени.

Фру Ингеръ (съ облегченіемъ переводя духъ, про себя). А... такъ ты все-таки не знаешь всего. (Вслухъ) Элина... то событіе, которое ты только-что затронула, было мнѣ хорошо извѣстно. Но въ этомъ дѣлѣ есть еще нѣчто, на что, быть-можетъ, ты не обратила вниманія. Тотъ дворянинъ, котораго Люція встрѣтила въ Бергенѣ, былъ датчанинъ.

Элина. И это я знаю.

Фру Ингеръ. И его любовь была обманъ. Онъ попросту обольстилъ Люцію, обошелъ ее своими лукавыми, вкрадчивыми рѣчами.

Элина. Я знаю; но она все-таки любила его; и будь въ васъ материнское сердце, для васъ выше всего на свѣтѣ была бы честь вашей дочери.

Фру Ингеръ. Не выше ея счастья. Неужели, ты думаешь, я, имѣя передъ глазами судьбу Мерете, могла принести въ жертву и вторую мою дочь человѣку, который не любилъ ея?

Элина. Умными рѣчами можно провести многихъ, но меня

ними не провести. Не думайте, что я такъ-таки совсѣмъ была въ сторонѣ и не знаю ничего изъ того, что творится вокругъ насъ. Я вполнѣ понимаю ваши дѣйствія: я хорошо знаю, что датскіе господа не имѣютъ въ васъ надежнаго друга. Вы, быть-можетъ, даже ненавидите ихъ, но вы и боитесь ихъ. Въ то время, когда вы отдали Мерете Винценту Люнге, датчане взяли верхъ повсюду въ странѣ. Три года спустя, когда вы воспретили Люціи выйти замужъ за того, съ кѣмъ она связала свою жизнь, хотя онъ и обольстилъ ее — дѣло обстояло иначе. Датскіе фогты, поставленные королемъ, позорно ругались надъ народомъ, и вы сочли неразумнымъ еще болѣе укрѣпить тѣ узы, которыя уже связывали вашъ домъ съ чужеземными насильниками. Но что вы сдѣлали, чтобы отомстить за Люцію, за ея раннюю смерть? Ничего вы не сдѣлали. Хорошо же; я сдѣлаю это за васъ; я отомщу за позоръ, постигшій народъ нашъ и домъ нашъ.

Фру Ингеръ. Ты? На что ты рѣшилась?

Элина. Я пойду своей дорогой, какъ вы своей. Я сама еще не знаю, на что мнѣ рѣшиться, но я чувствую въ себѣ силы и мужество пойти на все ради нашего праваго дѣла.

Фру Ингеръ. Въ такомъ случаѣ тебѣ предстоитъ жестокая борьба. Я нѣкогда дала такой же обѣтъ... и посѣдѣла подъ тяжестью своего обѣта.

Элина. Спокойной ночи. Вашего гостя можно ожидать съ минуты на минуту, и при этой встрѣчѣ я лишняя. Можетъ-быть, для васъ еще не поздно... Господь да укрѣпитъ и направитъ васъ! Не забывайте, что на васъ устремлены тысячи глазъ. Вспомните о Мерете, которая день и ночь оплакиваетъ свою загубленную жизнь. Вспомните о Люціи, спящей въ гробу. Еще одно: не забудьте, что въ эту ночь вы затѣваете игру, отъ исхода которой зависитъ судьба послѣдняго вашего ребенка. (Уходитъ налѣво).

Фру Ингеръ (съ минуту смотритъ ей вслѣдъ). Моего послѣдняго ребенка? Ты сказала правду, сама ея не подозрѣвая. Но дѣло идетъ не объ одномъ моемъ ребенкѣ. Господи, помоги мнѣ! Въ эту ночь ставкой является судьба всей Норвегіи... А!.. Кто-то въѣзжаетъ во дворъ? (Прислушивается у окна) Нѣтъ, никого. Это вѣтеръ. Холодный, какъ изъ могильнаго склепа... Правъ ли Господь Богъ? Создать меня женщиной и возложить на мои плечи мужской подвигъ. Да, въ моихъ рукахъ благо страны. Въ моей власти поднять ихъ всѣхъ отъ перваго до послѣдняго. Отъ меня ждутъ они знака, и если я не подамъ его теперь, то этого, быть-можетъ, никогда не случится... Медлить? Пожертвовать столькими ради одного?.. Не

лучше ли было бы?.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу; не могу. (Украдкой бросаетъ взглядъ въ сторону рыцарской залы, быстро отворачивается, словно въ испугѣ, и шепчетъ) Опять они тамъ... эти блѣдные призраки... мертвые предки, павшіе родичи... Фу! Эти сверлящіе глаза, глядящіе изъ всѣхъ угловъ! (Отмахиваясь назадъ рукой, кричитъ) Стенъ Стуре! Кнутъ Альфсёнъ! Олафъ Скактавль! Прочь! Прочь! Я не могу!

(Изъ залы выходитъ человѣкъ сильнаго сложенія, съ просѣдью въ волосахъ и въ бородѣ, въ разорванномъ овчинномъ тулупѣ и заржавленныхъ доспѣхахъ).

Вошедшій (останавливаясь въ дверяхъ, глухо). Привѣтъ вамъ, фру Ингеръ Гюльденлёве!

Фру Ингеръ (оборачиваясь съ крикомъ). А!.. Христосъ спаси и помилуй!..

(Падаетъ въ кресло. Вошедшій пристально смотритъ на нее, не двигаясь съ мѣста и опираясь на свой мечъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Тотъ же покой въ Эстротѣ. Фру Ингеръ сидитъ у стола передъ окномъ. Олафъ Скактавль стоитъ нѣсколько поодаль. Лица обоихъ выражаютъ сильное волненіе, вызванное бесѣдой.

Олафъ Скактавль. Въ послѣдній разъ, Ингеръ Гюльденлёве, — вы непоколебимы въ своемъ рѣшеніи?

Фру Ингеръ. Я не могу иначе... И мой совѣтъ вамъ — поступать, какъ я. Если такова воля неба, чтобы Норвегія пала безвозвратно, она падетъ, будемъ ли мы поддерживать ее или нѣтъ.

Олафъ Скактавль. И вы хотите, чтобы я на этомъ успокоился? Сидѣть и смотрѣть, сложа руки, теперь, когда часъ насталъ? Или вы забыли, за что мнѣ предстоитъ отомстить? Они отняли у меня всѣ мои земли и раздѣлили между собой. Сына моего, мое единственное дитя, послѣдняго потомка моего рода, убили какъ собаку. Меня самого двадцать лѣтъ гоняли безъ отдыха, безъ пощады по лѣсамъ и горамъ. Молва много разъ хоронила меня, но я усердно уповаю, что имъ не удастся спровадить меня на тотъ свѣтъ, пока я не отомщу.

Фру Ингеръ. Тогда передъ вами еще долгая жизнь. Что же вы намѣрены дѣлать?

Олафъ Скактавль. Дѣлать? Развѣ я знаю, что мнѣ дѣлать? Я никогда не затѣвалъ ничего такого. Тутъ вамъ надо придти мнѣ на помощь. У васъ на это хватитъ ума. У меня же лишь пара сильныхъ рукъ да мечъ мой.

Фру Ингеръ. Мечъ вашъ заржавѣлъ, Олафъ Скактавль. Всѣ мечи въ Норвегіи заржавѣли.

Олафъ Скактавль. Потому, вѣрно, нѣкоторые люди и борются однимъ языкомъ. Ингеръ Гюльденлёве, вы сильно измѣнились. Было время — въ груди вашей билось мужское сердце.

Фру Ингеръ. Не напоминайте мнѣ о томъ, что было.

Олафъ Скактавль. Но я для этого и явился къ вамъ. Вы должны выслушать меня, хотя бы...

Фру Ингеръ. Ну, хорошо; только покороче, такъ какъ... Да... придется сказать вамъ — вы не въ безопасности въ моемъ домѣ.

Олавъ Скактавль. Эстротъ не безопасное убѣжище для изгнанника? Я это давно знаю. Но вы забываете, что объявленному внѣ закона изгнаннику вездѣ грозитъ опасность, куда бы онъ ни направился.

Фру Ингеръ. Такъ говорите; я не стану мѣшать вамъ.

Олафъ Скактавль. Теперь скоро минетъ тридцать лѣтъ съ того дня, какъ я увидѣлъ васъ впервые. Это было въ Акерсхусѣ въ домѣ Кнута Альфсёна и его супруги. Вы были тогда почти еще ребенокъ, но смѣлы, какъ вольный соколъ, а порою съ вами и вовсе не было сладу. Многіе сватались за васъ. И я полюбилъ васъ... полюбилъ, какъ не любилъ ни до ни послѣ того ни одной женщины. Но у васъ была тогда одна дума, одна забота — скорбь и невзгоды родной страны.

Фру Ингеръ. Мнѣ было всего пятнадцать лѣтъ, — не забывайте. И, кромѣ того, развѣ не всѣ мы были охвачены въ тѣ дни какой-то безумной отвагой?

Олафъ Скактавль. Называйте это, какъ хотите. Но я знаю одно: старые и опытные изъ насъ полагали, что вы были отмѣчены въ книгѣ судебъ у Господа Бога, какъ избранница, которой суждено было разбить оковы рабства и вернуть намъ наши старыя права. И я знаю, что вы сами тогда думали то же.

Фру Ингеръ. Это была грѣшная мысль, Олафъ Скактавль. Во мнѣ говорила гордыня, а не призваніе Господне.

Олафъ Скактавль. Вы могли бы стать избранницей, если бы захотѣли. Вы вели свой родъ отъ благороднѣйшихъ родовъ Норвегіи; васъ ожидали власть и богатство; и вы преклоняли слухъ свой къ стенаніямъ народа — въ то время. Помните вы тотъ день, когда Гендрикъ Крумединге появился у Акерсхуса съ датскимъ флотомъ? Датскіе господа предложили покончить дѣло миромъ, и, увѣренный въ безопасности данною ему охранной грамотой, Кнутъ Альфсёнъ спокойно взошелъ на корабль. Спустя три часа мы вносили его въ ворота замка...

Фру Ингеръ. Мертвымъ, мертвымъ!

Олафъ Скактавль. Разбилось благороднѣйшее сердце въ Нор-

вегіи, когда наемники Крумедике убили Кнута Альфсёна. Я до сихъ поръ, какъ воочію, вижу передъ собой длинное похоронное шествіе, скорбно-медленно, пара за парой вступавшее въ рыцарскую залу. Тамъ воздвигли ему смертный одръ, и онъ лежалъ на немъ съ разсѣченной топоромъ, зіяющей раною на лбу, бѣлый, какъ вешнее облако. Смѣю сказать, что въ ту ночь всѣ лучшіе люди Норвегіи были въ сборѣ. Фру Маргарита стояла у изголовья своего усопшаго супруга, и всѣ, всѣ мы клялись не щадить ни добра ни живота своего, чтобы отомстить за это послѣднее злодѣяніе и за всѣ прочія. Ингеръ Гюльденлёве, — кто тогда, раздвинувъ ряды мужчинъ, проложилъ себѣ путь къ покойнику? Молодая дѣвушка, почти дитя еще... Въ глазахъ ея горѣлъ огонь, въ голосѣ слышались рыданья... Какую клятву дала она? Повторить ли вамъ ваши слова?

Фру Ингеръ. Я дала такую же клятву, какъ и всѣ другіе; ни больше ни меньше.

Олафъ Скактавль. Вы помните вашу клятву... И все-таки вы забыли ее.

Фру Ингеръ. А какъ сдержали свои обѣты другіе? Я не говорю о васъ, Олафъ Скактавль, но о вашихъ друзьяхъ, о дворянствѣ Норвегіи. Среди нихъ за всѣ эти годы не нашлось ни единаго, у кого хватило бы мужества вести себя, какъ подобаетъ мужчинѣ; а мнѣ вотъ ставятъ въ вину, что я женщина!

Олафъ Скактавль. Я знаю, что̀ вы хотите сказать. Почему они подчинились, вмѣсто того, чтобы противиться насильникамъ до конца? Правда, нынѣшніе наши дворянскіе роды плохого закала; но будь между ними согласіе — кто знаетъ, что̀ вышло бы? И вы могли бы сплотить ихъ; передъ вами всѣ преклонились бы.

Фру Ингеръ. Я могла бы отвѣтить вамъ, но вы врядъ ли удовлетворились бы моимъ отвѣтомъ. Не будемъ же больше говорить о томъ, чего нельзя измѣнить. Перейдемъ лучше къ тому, что̀ собственно привело васъ въ Эстротъ. Вы нуждаетесь въ убѣжищѣ? Хорошо, я попытаюсь укрыть васъ. Нуждаетесь еще въ чемъ — скажите; я готова...

Олафъ Скактавль. Двадцать лѣтъ бродилъ я безъ крова, безъ пристанища. Посѣдѣлъ въ скитаніяхъ по горамъ, укрываясь въ медвѣжьихъ и волчьихъ логовищахъ. Видите, фру Ингеръ, *я* лично въ васъ не нуждаюсь; нуждаются въ васъ наше дворянство и народъ.

Фру Ингеръ. Старая пѣсня!

Олафъ Скактавль. Да, вамъ неугодно ее слушать, — я знаю,

знаю; но все-таки вамъ придется выслушать ее. Однимъ словомъ, я прибылъ изъ Швеціи; тамъ броженіе; далекарлійцы, говорятъ, готовы возстать.

Фру Ингеръ. Я знаю.

Олафъ Скактавль. Канцлеръ Педеръ съ ними заодно, но втайнѣ, понимаете.

Фру Ингеръ (пораженная). Вотъ какъ?

Олафъ Скактавль. Онъ-то и послалъ меня въ Эстротъ.

Фру Ингеръ (встаетъ). Канцлеръ Педеръ, вы говорите?

Олафъ Скактавль. Онъ самый... или, быть-можетъ, вы его не знаете больше?

Фру Ингеръ (какъ бы про себя). Слишкомъ хорошо знаю. Но скажите мнѣ, прошу васъ, съ какою вѣстью вы явились отъ него?

Олафъ Скактавль. Когда слухи о волненіяхъ дошли до пограничныхъ горъ, гдѣ я скрывался, я немедленно отправился въ Швецію. Я сразу подумалъ, что дѣло не обошлось безъ участія канцлера Педера. Я разыскалъ его и предложилъ свою помощь. Онъ зналъ меня въ былыя времена, какъ вамъ извѣстно. И зналъ, что на меня можно положиться. Вотъ онъ и отправилъ меня сюда.

Фру Ингеръ (нетерпѣливо). Да, да; значитъ, онъ послалъ васъ сюда съ тѣмъ, чтобы..?

Олафъ Скактавль (таинственно). Фру Ингеръ... сегодня ночью въ Эстротъ прибудетъ нѣкто...

Фру Ингеръ (пораженная). Какъ? Вы знаете, что..?

Олафъ Скактавль. Да, знаю. Я все знаю; канцлеръ Педеръ и послалъ меня, чтобы я встрѣтился съ нимъ здѣсь.

Фру Ингеръ. Съ нимъ? Невозможно, Олафъ Скактавль, невозможно!

Олафъ Скактавль. Я же вамъ говорю. Если онъ еще не прибылъ, то, вѣрно, скоро...

Фру Ингеръ. Да, да... но...

Олафъ Скактавль. Такъ вы его ожидаете?

Фру Ингеръ. Разумѣется. Онъ прислалъ гонца. Вотъ почему васъ и впустили въ ворота, едва вы постучались.

Олафъ Скактавль (прислушиваясь). Тсс... кто-то ѣдетъ по дорогѣ... (Идетъ къ окну). Отворяютъ ворота...

Фру Ингеръ (глядитъ въ окно). Рыцарь со слугой. Слѣзаютъ съ коней во дворѣ.

Олафъ Скактавль. Значитъ — онъ. Имя его?

Фру Ингеръ. Вы не знаете?..

Олафъ Скактавль. Канцлеръ Педеръ не хотѣлъ назвать его. Онъ сказалъ лишь, что посолъ встрѣтитъ меня въ Эстротѣ въ третій вечеръ послѣ Мартынова дня...

Фру Ингеръ. Вѣрно; какъ разъ сегодня вечеромъ.

Олафъ Скактавль. Онъ привезетъ письма. Изъ нихъ и отъ васъ я узнаю, кто онъ.

Фру Ингеръ. Такъ позвольте мнѣ проводить васъ въ комнату для гостей. Вамъ надо отдохнуть и подкрѣпиться. Пріѣзжій не заставитъ себя ждать, и вы побесѣдуете съ нимъ.

Олафъ Скактавль. Если вамъ такъ угодно... (Оба идутъ налѣво).

(Черезъ нѣсколько минутъ изъ дверей направо осторожно входитъ Финнъ, заглядываетъ въ рыцарскую залу, снова возвращается къ дверямъ и подаетъ кому-то знакъ. Вслѣдъ затѣмъ въ покой входятъ Нильсъ Люкке и начальникъ шведскаго отряда Йенсъ Бьельке).

Нильсъ Люкке (понизивъ голосъ). Никого?

Финнъ (такъ же). Никого, господинъ.

Нильсъ Люкке. Ну, а на тебя можно вполнѣ положиться?

Финнъ. Комендантъ троньемскій всегда отличалъ меня, какъ человѣка, на котораго можно положиться.

Нильсъ Люкке. Хорошо; онъ такъ и сказалъ мнѣ. Итакъ, прежде всего — прибылъ ли въ Эстротъ кто-нибудь чужой? Сегодня вечеромъ до насъ?

Финнъ. Да, съ часъ тому назадъ прибылъ чужой человѣкъ.

Нильсъ Люкке (Йенсу Бьельке). Онъ здѣсь. (Снова обращаясь къ Финну) Ты бы узналъ его? Видѣлъ его?

Финнъ. Нѣтъ; да, кажется, его и никто не видалъ, кромѣ привратника. Его сейчасъ же провели въ покой къ фру Ингеръ, и она...

Нильсъ Люкке. Ну? Что она? Не успѣлъ же онъ уѣхать?

Финнъ. Нѣтъ; но она, вѣрно, укрыла его въ своихъ покояхъ, потому что...

Нильсъ Люкке. Хорошо.

Йенсъ Бьельке (шопотомъ). Значитъ, прежде всего стражу къ воротамъ; тогда онъ у насъ въ рукахъ.

Нильсъ Люкке (съ улыбкою). Гм!.. (Финну) Слушай, скажи мнѣ — изъ замка нѣтъ другого выхода, кромѣ воротъ? Не гляди на меня такъ глупо. Я хочу спросить — можно ли незамѣтно выбраться изъ Эстрота, если главныя ворота на запорѣ?

Финнъ. Не знаю. Поговариваютъ о какихъ-то потаенныхъ подземныхъ ходахъ, но, видно, никто, кромѣ самой фру Ингеръ, ихъ не знаетъ... Развѣ еще йомфру Элина...

Йенсъ Бьелке. Чортъ возьми!

Нильсъ Люкке. Хорошо. Можешь идти.

Финнъ. Слушаю. Если я потомъ понадоблюсь господамъ, вы только стукните во вторую дверь направо въ рыцарской залѣ, и я — тутъ какъ тутъ.

Нильсъ Люкке. Хорошо. (Указываетъ на дверь въ переднюю).

(Финнъ уходитъ).

Йенсъ Бьельке. Слушайте — знаете что, дорогой другъ и братъ? Боюсь, какъ бы походъ этотъ не кончился для насъ съ вами проваломъ.

Нильсъ Люкке. О, не для меня, надѣюсь.

Йенсъ Бьельке. Вотъ какъ? Прежде всего, мало чести гоняться за такимъ молокососомъ, какъ этотъ Нильсъ Стуре. Считать ли его умнымъ или безумнымъ, судя по тому, какъ онъ поступаетъ? Сначала онъ смущаетъ крестьянъ, обѣщаетъ имъ помощь, сулитъ золотыя горы, а затѣмъ, когда доходитъ до дѣла, удираетъ и прячется подъ бабьей юбкой! Впрочемъ, откровенно говоря, я раскаиваюсь, что послѣдовалъ вашему совѣту, а не дѣйствовалъ за свой страхъ.

Нильсъ Люкке (въ сторону). Раскаяніе это довольно-таки запоздало, братецъ.

Йенсъ Бьельке. Знаете, рыться да копать подходы, гоняясь за барсуками — никогда не было мнѣ по вкусу. Я ожидалъ совсѣмъ другого. Теперь вотъ я протащился съ моими всадниками отъ самаго Емтеланда; получилъ отъ троньемскаго коменданта письменное разрѣшеніе искать мятежника повсюду, гдѣ вздумаю, и всѣ слѣды указываютъ, что онъ направился въ Эстротъ...

Нильсъ Люкке. Онъ здѣсь, здѣсь, говорю я!

Йенсъ Бьельке. Но тогда вѣдь надо было ожидать, что мы найдемъ ворота наглухо запертыми, подъ сильной охраной! То-то бы славно было!.. Тогда я могъ бы пустить въ дѣло моихъ молодцовъ.

Нильсъ Люкке. А вмѣсто того ворота распахнули передъ нами настежь самымъ учтивымъ образомъ. Увидите, если слава фру Ингеръ не ложна, — она не заставитъ своихъ гостей томиться голодомъ или жаждой, — угоститъ!..

Йенсъ Бьельке. Чтобы замять дѣло разговорами! И съ чего вамъ вздумалось настаивать, чтобы я оставилъ своихъ всадниковъ чуть не за цѣлый часъ пути отъ замка? Явись мы сюда съ вооруженной силой...

Нильсъ Люкке. Хозяйка все равно приняла бы насъ такъ же радушно. Но замѣтьте себѣ — въ такомъ случаѣ наше посѣщеніе возбудило бы вниманіе. Окрестные крестьяне сочли бы его насиліемъ противъ фру Ингеръ, и она тогда снова поднялась бы въ глазахъ народа, а это намъ не на руку.

Йенсъ Бьельке. Пожалуй, что такъ. Но что же мнѣ теперь дѣлать? Графъ Стуре въ Эстротѣ, — говорите вы. А какой мнѣ отъ этого прокъ? У фру Ингеръ, какъ у лисицы, на-

вѣрно, много ходовъ и выходовъ. Мы съ вами можемъ ходить тутъ вдвоемъ да разнюхивать, сколько угодно, и ничего не добьемся. Чортъ бы побралъ все это дѣло!

Нильсъ Люкке. Ну хорошо, другъ мой, если вамъ не нравится тотъ оборотъ, какой приняло ваше посольство, то оставьте поле дѣйствій за мною.

Йенсъ Бьелькe. За вами? Что же вы сдѣлаете?

Нильсъ Люкке. Пустивъ въ ходъ умъ и хитрость, удастся, пожалуй, добиться того, чего не удалось бы добиться оружіемъ... Откровенно говоря, господинъ Йенсъ Бьелькe, у меня уже было нѣчто такое на умѣ съ самой нашей встрѣчи вчера въ Трондьемѣ.

Йенсъ Бьелькe. Такъ не потому ли вы и уговорили меня оставить моихъ молодцовъ?

Нильсъ Люкке. И ради вашего и ради моего дѣла въ Эстротѣ лучше всего было обойтись безъ нихъ, ну и...

Йенсъ Бьелькe. Чортъ бы васъ побралъ — готовъ я сказать! Да и меня кстати. Мнѣ слѣдовало бы знать, что у васъ вѣчно лисица за пазухой.

Нильсъ Люкке. Да, но, видите ли, тутъ лисица какъ разъ можетъ пригодиться, — если сражаться одинаковымъ оружіемъ. И я долженъ вамъ сказать, что для меня крайне важно исполнить свое порученіе возможно удачнѣе, безъ шума. Надо вамъ знать, что господинъ мой король не былъ ко мнѣ особенно милостивъ передъ моимъ отъѣздомъ. Онъ полагалъ, что имѣетъ для этого основанія, хотя я-то думаю, что былъ ему полезенъ не меньше кого другого и помогъ не въ одномъ трудномъ дѣлѣ.

Йенсъ Бьелькe. Это похвальное свидѣтельство вы съ полнымъ правомъ можете выдать себѣ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что вы — самый лукавый бѣсъ во всѣхъ трехъ государствахъ.

Нильсъ Люкке. Покорно васъ благодарю. Это вѣдь еще не очень-то много значитъ. Но теперь вотъ мнѣ дѣйствительно предстоитъ настоящій искусъ, — надо перехитрить женщину...

Йенсъ Бьелькe. Ха-ха-ха! Въ этомъ-то ремеслѣ вы давно считаетесь настоящимъ мастеромъ, братецъ! Или, вы думаете, мы въ Швеціи не знаемъ нѣсенки:

„Нильсъ Люкке, Нильсъ Люкке всѣмъ дѣвушкамъ милъ!
Всѣ шепчутъ: ахъ, если-бъ меня полюбилъ!"

Нильсъ Люкке. Увы, эта нѣсня говоритъ о женщинахъ лѣтъ двадцати или около того. А фру Ингеръ, вѣрно, подъ пятьдесятъ, и къ тому же она хитра, какъ никто. Ее одолѣть будетъ трудно. А надо во что бы то ни стало. Если мнѣ удастся добиться надъ нею нѣкотораго перевѣса въ пользу короля,

чего король давно жаждетъ, я могу разсчитывать, что на меня возложатъ и посольство во Францію будущей весной. Вы, вѣрно, знаете, что я провелъ цѣлыхъ три года въ Парижѣ, въ высшей школѣ? И всей душой рвусь туда опять... особенно, если бы могъ явиться въ почетномъ званіи королевскаго посла!.. Итакъ, не правда ли, вы предоставите фру Ингеръ мнѣ? Вспомните, когда вы въ послѣдній разъ гостили при дворѣ въ Копенгагенѣ, я уступилъ вамъ не одну красотку...

Йенсъ Бьельке. Ну, это, знаете, невелико было великодушіе съ вашей стороны. Онѣ всѣ уже побывали у васъ въ рукахъ. Но все равно, — разъ ужъ я попалъ впросакъ, такъ лучше берите на себя все дѣло. Съ однимъ только уговоромъ: если молодой графъ Стуре въ Эстротѣ, вы мнѣ его добудете живымъ или мертвымъ.

Нильсъ Люкке. Вы получите его живымъ. Я, по крайней мѣрѣ, не собираюсь убивать его. Но въ такомъ случаѣ вы, значитъ, вернетесь къ своему отряду. Займите проѣзжую дорогу. Случись мнѣ замѣтить что̀ подозрительное — я немедленно извѣщу васъ.

Йенсъ Бьельке. Хорошо, хорошо. Но какъ же мнѣ выбраться отсюда?

Нильсъ Люкке. Слуга, который сейчасъ былъ здѣсь, поможетъ вамъ; но помните — не подымать шума.

Йенсъ Бьельке. Разумѣется... Ну, желаю счастья!

Нильсъ Люкке. Счастье никогда не измѣняло мнѣ въ дѣлахъ съ женщинами. Поторопитесь же! (Йенсъ Бьельке уходитъ направо).

Нильсъ Люкке (стоитъ съ минуту неподвижно, потомъ прохаживается по комнатѣ, озираясь по сторонамъ; вполголоса). Вотъ наконецъ я и въ Эстротѣ... въ этомъ старомъ замкѣ, о которомъ два года назадъ столько разсказывало мнѣ то милое дитя — Люція. Да, два года тому назадъ она была еще дитя. А теперь... теперь лежитъ въ могилѣ. (Напѣваетъ, чуть-чуть улыбаясь) «Цвѣты срываютъ, цвѣты увядаютъ...» (Снова озирается вокругъ) Эстротъ. Я какъ будто уже видѣлъ все это раньше; я здѣсь, какъ дома. Вонъ тамъ рыцарская зала. А подъ нею склепъ. Тамъ, вѣрно, покоится и Люція. (Понизивъ голосъ, полусерьезно-полушутливо, но принужденно) Будь я трусомъ, я бы могъ вообразить себѣ, что въ ту минуту, какъ я переступилъ порогъ Эстрота, она перевернулась въ гробу; когда прошелъ по двору — приподняла крышку, а когда сейчасъ назвалъ ее по имени — ее словно кто вызвалъ изъ могильнаго склепа на свѣтъ Божій... И теперь она, пожалуй, ощупью поднимается по лѣстницѣ... Саванъ путается у нея въ ногахъ, но она все-таки бредетъ... Вотъ она уже въ рыцарской залѣ. Стоитъ

и смотритъ на меня изъ-за косяка... (Откидываетъ голову назадъ, затѣмъ кланяется и громко произноситъ) Подойди поближе, Люція! Поболтаемъ! Мать твоя заставляетъ себя ждать; ждать скучно... а ты уже помогла мнѣ скоротать немало скучныхъ часовъ. (Проводитъ рукою по лбу и раза два проходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Да, да. Вотъ и глубокая оконная ниша съ занавѣсью. У этого окна Ингеръ Гюльденлёве всегда стоитъ и смотритъ на дорогу, словно ждетъ кого-то, кто все не ѣдетъ и не ѣдетъ... А тамъ... (глядя на дверь налѣво) тамъ гдѣ-то комната младшей сестры — Элины. Элины? Да, ее зовутъ Элиной... Правда ли, она такая особенная — умная, отважная, какъ разсказывала Люція? И красива, говорятъ. Но жениться на ней?.. Не слѣдовало бы мнѣ писать такъ прямо. (Въ задумчивости собирается присѣсть къ столу, но снова встаетъ). Какъ-то приметъ меня фру Ингеръ?.. Не спалитъ же замокъ съ нами вмѣстѣ. Не заманитъ же меня въ западню. И удара ножомъ сзади не нанесетъ... (Прислушивается) Ага!

Фру Ингеръ (выходитъ изъ залы; холоднымъ тономъ). Привѣтствую васъ, господинъ совѣтникъ...

Нильсъ Люкке (съ низкимъ поклономъ). А... госпожа Эстрота!

Фру Ингеръ... и благодарю за предувѣдомленіе о вашемъ прибытіи.

Нильсъ Люкке. О, это былъ мой прямой долгъ. Я имѣлъ основанія полагать, что мое прибытіе поразитъ васъ...

Фру Ингеръ. Поистинѣ, господинъ совѣтникъ, вы не ошиблись. Я меньше всего могла ожидать видѣть Нильса Люкке гостемъ въ Эстротѣ.

Нильсъ Люкке. А еще меньше ожидали вы, что онъ можетъ явиться другомъ?

Фру Ингеръ. Другомъ? Вы прибавляете еще насмѣшки къ тому горю и позору, которые обрушили на мой домъ? Уложивъ дитя мое въ могилу, вы еще осмѣливаетесь...

Нильсъ Люкке. Позвольте, фру Ингеръ Гюльденлёве, относительно этого мы врядъ ли будемъ согласны. Вы не принимаете въ расчетъ того, что я потерялъ при этомъ злосчастномъ случаѣ. У меня были честныя намѣренія. Меня тяготила моя безпорядочная жизнь... Я уже перешагнулъ тогда за тридцать лѣтъ и томился желаніемъ найти себѣ добрую, кроткую супругу. Прибавьте къ этому счастливую надежду стать *вашимъ* зятемъ...

Фру Ингеръ. Берегитесь, господинъ совѣтникъ! То, что произошло съ моей дочерью, я по мѣрѣ силъ скрыла. Но не думайте: что скрыто — то забыто. Можетъ-быть, недолго ждать случая...

Нильсъ Люкке. Это угроза, фру Ингеръ? Я протянулъ вамъ руку въ знакъ примиренія. Вы отказываетесь принять ее. Такъ съ этихъ поръ между нами открытая вражда?

Фру Ингеръ. Я не знала, что *до* сихъ поръ было иначе.

Нильсъ Люкке. Съ вашей стороны — можетъ статься. Я же никогда не былъ вашимъ врагомъ... хотя у меня, какъ подданнаго короля датскаго, и были основательныя причины для этого.

Фру Ингеръ. Я васъ понимаю. Я не была достаточно податлива. Перетянуть меня въ вашъ лагерь было не такъ легко, какъ бы вамъ хотѣлось. Мнѣ кажется однако, вамъ не на что жаловаться. Мужъ моей дочери Мерете — вашъ землякъ. Дальше я не могу идти. Мое положеніе трудное, Нильсъ Люкке.

Нильсъ Люкке. Это я вполнѣ понимаю. И господа и простой народъ въ Норвегіи считаютъ себя въ правѣ предъявлять вамъ какія-то старыя требованія, обязательства, — обязательства, которыя вы, говорятъ, оправдали пока лишь наполовину.

Фру Ингеръ. Позвольте, господинъ совѣтникъ; за свои поступки я отвѣчаю лишь Богу и самой себѣ. Поэтому, если вамъ угодно, перейдемъ къ тому, что привело васъ сюда.

Нильсъ Люкке. Сейчасъ, фру Ингеръ. Цѣль моего посольства врядъ ли можетъ быть неизвѣстной вамъ?..

Фру Ингеръ. Я знаю, какія обыкновенно возлагаютъ на васъ порученія. Королю нашему важно знать, какъ относится къ нему норвежское дворянство.

Нильсъ Люкке. Несомнѣнно.

Фру Ингеръ. Такъ вы за этимъ и посѣтили Эстротъ?

Нильсъ Люкке. Отчасти. Однако я сюда явился отнюдь не затѣмъ, чтобы потребовать отъ васъ какого-либо словеснаго завѣренія...

Фру Ингеръ. Ну?..

Нильсъ Люкке. Выслушайте меня, фру Ингеръ! Вы сейчасъ сами сказали, что ваше положеніе трудное. Вы стоите между двумя враждебными лагерями, изъ которыхъ каждый довѣряетъ вамъ лишь наполовину. Мысль о собственной пользѣ невольно заставляетъ васъ примкнуть къ намъ. Къ недовольнымъ же привязываютъ васъ узы землячества и, кто знаетъ, быть-можетъ, и другія тайныя узы.

Фру Ингеръ (про себя). Тайныя узы! Іисусе Христе, неужели онъ?..

Нильсъ Люкке (замѣчаетъ ея волненіе, но не подаетъ виду и непринужденно продолжаетъ). Вы,вѣрно, сами согласитесь, что удерживать за собою такое положеніе долго нельзя. Предположите

теперь, что въ моей власти освободить васъ отъ тѣхъ стѣснительныхъ узъ...

Фру Ингеръ. Въ вашей власти — вы говорите?

Нильсъ Люкке. Прежде всего, фру Ингеръ, прошу васъ не придавать значенія легкомысленнымъ словамъ, которыя могли въ свое время вырваться у меня о томъ, что̀ вышло между нами. Не думайте, что я хоть на минуту могъ забыть свою вину передъ вами. Предположите, напротивъ, что мнѣ давно хотѣлось искупить эту вину, насколько возможно. Предположите, что лишь ради этого я и добился у короля порученія къ вамъ.

Фру Ингеръ. Объяснитесь, господинъ совѣтникъ, — теперь я васъ не понимаю.

Нильсъ Люкке. Я, вѣрно, не ошибусь, предполагая, что и вамъ такъ же хорошо, какъ мнѣ, извѣстно о тѣхъ смутахъ, которыя готовятся въ Швеціи. Вы знаете, или по крайней мѣрѣ догадываетесь, что смуты эти преслѣдуютъ болѣе широкія цѣли, нежели какія имъ вообще приписываютъ, и поэтому поймете, что нашъ король не можетъ спокойно предоставить событіямъ идти своимъ ходомъ. Не такъ ли?

Фру Ингеръ. Продолжайте.

Нильсъ Люкке (послѣ короткой паузы, испытующе). Возможно такое стеченіе обстоятельствъ, которое подвергнетъ опасности тронъ Густава Вазы...

Фру Ингеръ (про себя). Куда онъ клонитъ?..

Нильсъ Люкке... а именно, если бы въ Швеціи нашелся человѣкъ, который въ силу своего происхожденія имѣлъ бы право быть избраннымъ народомъ въ вожди и правители...

Фру Ингеръ (уклончиво). Шведское дворянство такъ же искалѣчено, какъ и наше, господинъ совѣтникъ. Откуда же взяться...

Нильсъ Люкке (съ улыбкой). Откуда взяться? Такой человѣкъ уже есть...

Фру Ингеръ (вздрогнувъ). Уже есть?

Нильсъ Люкке. И онъ стоитъ къ вамъ слишкомъ близко, фру Ингеръ, чтобы вы сразу не вспомнили о немъ. (Пристально смотритъ на нее) Покойный графъ Стенъ Стуре оставилъ сына...

Фру Ингеръ (съ крикомъ). Спаситель небесный!.. Откуда вы знаете?..

Нильсъ Люкке (въ свою очередь пораженный). Успокойтесь, фру Ингеръ, и дайте мнѣ договорить... Этотъ молодой человѣкъ до сихъ поръ смирно жилъ у своей матери, вдовы Стена Стуре.

Фру Ингеръ (съ облегченіемъ переводя духъ). Ахъ, да, конечно!

Нильсъ Люкке. Теперь же онъ выступилъ открыто и объ-

явилъ себя вождемъ крестьянъ въ Далекарліи. Число его приверженцевъ растетъ съ каждымъ днемъ и, какъ вамъ, быть-можетъ, извѣстно, они находятъ друзей среди народа и по сю сторону пограничныхъ горъ.

Фру Ингеръ (успѣвшая тѣмъ временемъ овладѣть собой). Господинъ совѣтникъ... вы говорите обо всѣхъ этихъ событіяхъ въ полной увѣренности, что они мнѣ извѣстны. Какой поводъ подала я вамъ для такого предположенія? Я ничего не знаю и знать ничего не хочу. Мое намѣреніе — жить спокойно въ предѣлахъ моихъ владѣній; я не оказываю помощи мятежникамъ; но и не разсчитывайте на меня, если вы намѣрены подавить мятежъ.

Нильсъ Люкке (понизивъ голосъ). Вы остались бы бездѣятельной и въ томъ случаѣ, если бы я намѣревался оказать свое содѣйствіе?

Фру Ингеръ. Какъ мнѣ понять васъ?

Нильсъ Люкке. Вы, значитъ, все еще не поняли, на что я все время намекалъ вамъ?.. Хорошо, такъ я выскажусь прямо и откровенно. Знайте же, что король и его совѣтъ вполнѣ теперь убѣдились, что намъ нечего разсчитывать обрѣсти въ Норвегіи прочную почву подъ ногами, если и дворянство и простой народъ будутъ попрежнему считать себя порабощенными и угнетенными. Мы вполнѣ уразумѣли, что лучше имѣть добровольныхъ союзниковъ, нежели подневольныхъ подданныхъ; поэтому мы ничего такъ искренно не желаемъ, какъ развязать тѣ узы, которыя на самомъ дѣлѣ одинаково тяготятъ и стѣсняютъ и насъ и васъ. Но вы, вѣрно, признаете и то, что враждебное намъ настроеніе норвежцевъ заставляетъ насъ считать такой шагъ слишкомъ опаснымъ, пока у насъ нѣтъ надежной заручки.

Фру Ингеръ. И эту заручку?..

Нильсъ Люкке. Эту заручку ближе всего найти въ Швеціи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что объ этомъ нечего и думать, пока тамъ правитъ Густавъ Ваза; онъ еще не покончилъ своихъ счетовъ съ Даніей, да, пожалуй, и не покончитъ никогда. Напротивъ, новый шведскій король, за котораго будетъ весь народъ и который самъ будетъ обязанъ своею короной содѣйствію Даніи... Ну? Начинаете понимать меня? При такихъ условіяхъ мы съ увѣренностью могли бы сказать вамъ, норвежцамъ: «Возьмите назадъ свои старыя наслѣдственныя права; избирайте себѣ властителя по собственному желанію и будьте намъ братьями въ нуждѣ, какъ и мы будемъ вамъ братьями». Замѣтьте себѣ, впрочемъ, фру Ингеръ, что съ нашей стороны великодушіе въ сущности будетъ не такъ велико,

какъ кажется; ибо вы сами сообразите, что такой шагъ не ослабитъ насъ, а скорѣе удвоитъ наши силы. И разъ я теперь высказался передъ вами начистоту, то и вы отбросьте всякую подозрительность. Итакъ... (рѣшительно) тотъ дворянинъ, который прибылъ сюда изъ Швеціи за часъ до меня...

Фру Ингеръ. Такъ вы уже знаете?

Нильсъ Люкке. Знаю. Его я и ищу.

Фру Ингеръ (про себя). Непостижимо! Выходитъ все-таки, какъ сказалъ Олафъ Скактавль. (Вслухъ) Прошу васъ подождать здѣсь, господинъ совѣтникъ. Я приведу его къ вамъ. (Уходитъ въ залу).

Нильсъ Люкке (смотритъ ей вслѣдъ съ торжествомъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ). Она приведетъ его. Да, дѣйствительно... приведетъ ко мнѣ! Сраженіе наполовину выиграно. Не думалъ я, что дѣло пойдетъ такъ гладко. Она таки-далеко зашла въ своихъ сношеніяхъ съ мятежниками. Такъ вся и встрепенулась отъ страха, когда я назвалъ сына Стена Стуре. Ну, а дальше что? Гм... Разъ фру Ингеръ такъ довѣрчиво бросилась въ ловушку, то и съ Нильсомъ Стуре не будетъ особыхъ хлопотъ. Молодая кровь горяча: не удержится, не станетъ соображать... Стоитъ мнѣ пообѣщать ему поддержку, и онъ спокойно выѣдетъ отсюда. Къ несчастью, Йенсъ Бьелке перехватитъ его по дорогѣ... и все движеніе будетъ разомъ подавлено. А затѣмъ? Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ ради нашихъ собственныхъ выгодъ. Разнесется слухъ, что молодой графъ Стуре былъ въ Эстротѣ... что датскій посолъ имѣлъ бесѣду съ фру Ингеръ... и что вслѣдъ затѣмъ молодой Стуре былъ схваченъ солдатами короля Густава неподалеку отъ замка. Какимъ почетомъ ни пользуйся въ народѣ фру Ингеръ Гюльденлёве — противъ такого удара трудненько будетъ устоять ея доброй славѣ. (Вдругъ встрепенувшись, какъ бы въ сильной тревогѣ) Чортъ побери... А если фру Ингеръ почуяла недоброе? Быть-можетъ, онъ въ эту минуту ускользаетъ изъ нашихъ рукъ?.. (Тревожно прислушивается по направленію рыцарской залы). Нѣтъ, всѣ страхи напрасны. Вотъ они идутъ.

(Изъ залы выходитъ фру Ингеръ въ сопровожденіи Олафа Скактавля).

Фру Ингеръ (Нильсу Люкке). Вотъ тотъ, кого вы ждете.

Нильсъ Люкке (въ сторону). Адская бездна!.. Что это значитъ?

Фру Ингеръ. Я сообщила этому дворянину ваше имя и то, что вы мнѣ говорили...

Нильсъ Люкке (въ недоумѣніи). Да? Вотъ какъ! Ну, и что же...

Фру Ингеръ. ...и не скрою отъ васъ, что онъ не особенно полагается на вашу помощь.

Нильсъ Люкке. Не полагается?

Фру Ингеръ. Можетъ ли это удивлять васъ? Вы, вѣрно, знаете и его намѣренія и тяжелую судьбу...

Нильсъ Люкке. Этого человѣка?.. Ну... да, да, конечно...

Олафъ Скактавль (Нильсу Люкке). Но разъ самъ канцлеръ Педеръ устроилъ эту нашу встрѣчу...

Нильсъ Люкке. Канцлеръ Педеръ?.. (Быстро спохватясь) Да, да... у меня порученіе отъ канцлера...

Олафъ Скактавль. Ему лучше знать, на кого онъ можетъ положиться; поэтому я не стану ломать себѣ голову надъ тѣмъ, какимъ образомъ...

Нильсъ Люкке. Да, правда, дорогой господинъ, самое лучшее оставить это.

Олафъ Скактавль. ...и перейти прямо къ дѣлу.

Нильсъ Люкке. ...прямо, безъ проволочекъ; таковъ мой обычай!

Олафъ Скактавль. Такъ скажите же мнѣ, съ какимъ порученіемъ вы явились?

Нильсъ Люкке. Я думаю, вы приблизительно можете отгадать, въ чемъ оно заключается.

Олафъ Скактавль. Канцлеръ Педеръ говорилъ что-то о бумагахъ, которыя...

Нильсъ Люкке. О бумагахъ? Ну, да, да, конечно.

Олафъ Скактавль. Онѣ вѣдь при васъ?

Нильсъ Люкке. Разумѣется; въ полной сохранности; пожалуй, даже слишкомъ хорошо спрятаны, чтобы въ одну минуту... (Дѣлаетъ видъ, будто ищетъ у себя за пазухой, и говоритъ въ сторону) Чортъ побери — кто онъ такой? Что мнѣ предпринять? Пожалуй, здѣсь предстоятъ великія открытія... (Замѣчая, что слуги накрываютъ столъ и зажигаютъ огни въ залѣ, говоритъ Олафу Скактавлю) Но, я вижу, фру Ингеръ велѣла приготовить намъ поужинать. Такъ за столомъ намъ будетъ, пожалуй, удобнѣе поговорить о нашихъ дѣлахъ.

Олафъ Скактавль. Хорошо; какъ вамъ угодно.

Нильсъ Люкке (въ сторону). Выиграть время — выиграть побѣду. (Съ особенной привѣтливостью обращаясь къ фру Ингеръ) А тѣмъ временемъ мы могли бы узнать, какое участіе намѣрена принять въ нашемъ предпріятіи фру Ингеръ Гюльденлёве?

Фру Ингеръ. Я? Никакого.

Нильсъ Люкке и Олафъ Скактавль. Никакого?

Фру Ингеръ. Чему тутъ удивляться, благородные господа, если я не отваживаюсь вмѣшаться въ игру, въ которой поставлено на карту все? Тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ моихъ союзниковъ не рѣшается довѣриться мнѣ вполнѣ.

Нильсъ Люкке. Меня этотъ упрекъ не задѣваетъ. Я вѣрю вамъ слѣпо; прошу васъ положиться на это.

Олафъ Скактавль. Кому же ближе всего довѣриться вамъ, какъ не землякамъ вашимъ.

Фру Ингеръ. Поистинѣ... такое довѣріе меня радуетъ. (Идетъ къ поставцу въ глубинѣ залы и наливаетъ два кубка).

Нильсъ Люкке (про себя). Проклятье, если ей удастся выскользнуть изъ сѣтей.

Фру Ингеръ (подавая каждому по кубку). И разъ дѣло обстоитъ такъ, прошу васъ осушить эти кубки, которыми привѣтствую васъ, какъ желанныхъ гостей въ Эстротѣ. Пейте, благородные господа мои! Пейте до дна! (Послѣ того, какъ они выпиваютъ, смотритъ попеременно то на того, то на другого и говоритъ) И знайте, что одинъ кубокъ былъ заздравнымъ кубкомъ для моего друга-союзника, а другой — смертной чашей для моего недруга.

Нильсъ Люкке (бросая кубокъ). А! Меня отравили!

Олафъ Скактавль (тоже бросая кубокъ и хватаясь за мечъ). Смерть и адъ, вы убили меня!

Фру Ингеръ (Олафу, смѣясь и указывая на Нильса Люкке). Вотъ какъ датчане вѣрятъ фру Ингеръ Гюльденлёве... (Нильсу Люкке, указывая на Олафа) И земляки мои вѣрятъ мнѣ столько же. (Обоимъ) А мнѣ положиться на васъ всецѣло? Потише, мои благородные господа, потише! Госпожа Эстрота еще въ полномъ разумѣ.

Элина (изъ дверей налѣво). Шумъ и крики?.. Что случилось?

Фру Ингеръ (Нильсу Люкке). Моя дочь Элина.

Нильсъ Люкке (въ сторону). Элина! *Такою* я ея не представлялъ себѣ.

(Элина, замѣтивъ Нильса Люкке, пораженная, не сводитъ съ него глазъ).

Фру Ингеръ (беретъ ее за руку). Дитя мое, этотъ рыцарь...

Элина (жестомъ прерывая ее и не сводя глазъ съ Нильса Люкке). Излишне. Я вижу — кто онъ. Это Нильсъ Люкке.

Нильсъ Люкке (тихо фру Ингеръ). Какъ? Она меня знаетъ? Развѣ Люція?.. Неужели ей извѣстно?..

Фру Ингеръ. Тише. Ей ничего неизвѣстно.

Элина (въ сторону). Я это знала: такимъ и долженъ быть Нильсъ Люкке.

Нильсъ Люкке (приближаясь). Итакъ, Элина Гюльденлёве, — вы угадали. И разъ я нѣкоторымъ образомъ знакомъ вамъ... и къ тому же гость вашей матушки, то не откажите подарить мнѣ букетъ, который у васъ на груди. Пока онъ будетъ свѣжъ и душистъ — я буду имѣть передъ собой вашъ живой образъ.

Элина (горделиво, но все не сводя съ него взгляда). Простите

меня, господинъ рыцарь, — цвѣты эти сорваны въ моей собственной свѣтлицѣ, а тамъ не растетъ цвѣтовъ для васъ.

Нильсъ Люкке. А-а!.. (Высвобождая букетикъ, который засунутъ въ петлицу его кафтана). Но тогда не отвергните вотъ этого скромнаго дара. Добродѣтельная дама дала мнѣ его на прощанье, когда я уѣзжалъ сегодня утромъ изъ Троньема. Замѣтьте себѣ только, благородная йомфру Элина, что, если бы мнѣ предстояло поднести вамъ даръ, вполнѣ васъ достойный, я рѣшился бы предложить вамъ... развѣ княжескую корону.

Элина (безсознательно взявъ цвѣты). Поднесите вы мнѣ даже корону Даніи, я — скорѣе, чѣмъ раздѣлить ее съ вами — смяла бы ее въ рукахъ и бросила обломки къ вашимъ ногамъ! (Бросаетъ цвѣты къ его ногамъ и уходитъ въ залы).

Олафъ Скактавль (бормочетъ про себя). Смѣла, какъ Ингеръ, дочь Отти, у смертнаго одра Кнута Альфсёна!

Фру Ингеръ (въ сторону, посматривая то на дочь, то на Нильса Люкке). Волкъ дастъ себя приручить. Надо только доковать цѣпь.

Нильсъ Люкке (поднимая цвѣты и восторженно глядя вслѣдъ Элинѣ). Пречистая кровь Христова!.. Какъ она горда и прекрасна!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Рыцарская зала. Въ глубинѣ высокое сводчатое окно. Впереди палѣво другое поменьше. Въ правой и лѣвой стѣнахъ по нѣсколько дверей. Потолокъ поддерживаютъ толстые деревянные столбы, которые, какъ и стѣны, увѣшаны разнымъ оружіемъ. Кромѣ того по стѣнамъ тянутся длинные ряды картинъ — изображенія святыхъ, портреты рыцарей, кавалеровъ и дамъ. Съ середины потолка спускается большая зажженная люстра. Впереди направо на возвышеніи старинное рѣзное кресло. Посреди залы накрытый столъ съ остатками ужина.

Элина (задумчиво, медленно входитъ слѣва. Выраженіе ея лица выдаетъ, что она мысленно переживаетъ вновь встрѣчу съ Нильсомъ Люкке. Наконецъ она дѣлаетъ движеніе рукой, какъ бы бросая на полъ букетъ, и тихо говоритъ). ...И вотъ онъ подобралъ обломки короны Даніи... то-есть цвѣты... и сказалъ: «Пречистая кровь Христова, — какъ она горда и прекрасна». Пусть бы онъ прошепталъ эти слова въ самомъ глухомъ уголкѣ, за тысячу миль отъ Эстрота — я все-таки услышала бы ихъ. Какъ я его ненавижу! Какъ я всегда ненавидѣла его — этого Нильса Люкке! Нѣтъ другого такого, какъ онъ, — говорятъ всѣ. Женщинами онъ играетъ... и топчетъ ихъ ногами... И за него-то мать моя задумала отдать меня... Какъ я его ненавижу! Говорятъ, Нильсъ Люкке не таковъ, какъ другіе. Это неправда. Ничего въ немъ нѣтъ особеннаго. Такихъ, какъ онъ, многое множе-

ство. Всѣ принцы въ сказкахъ, которыя разсказывалъ мнѣ Бьёрнъ, были похожи на Нильса Люкке. И всѣ рыцари и герои, о которыхъ я грезила, сочиняя свои хроники, были похожи на Нильса Люкке. Какое странное и сладкое чувство — ненависть! Я и не знала раньше, какъ сладко ненавидѣть, не знала — до этого вечера. Нѣтъ, и за тысячу лѣтъ жизни не отдала бы я тѣхъ минутъ, которыя пережила съ этой встрѣчи съ нимъ... «Пречистая кровь Христова, какъ она...» (Медленно идетъ въ глубину залы, открываетъ окно и выглядываетъ).

(Изъ ближайшихъ дверей направо выходитъ Нильсъ Люкке).

Нильсъ Люкке (про себя). Спите спокойно въ Эстротѣ, господинъ рыцарь, — сказала мнѣ на прощанье Ингеръ Гюльденлёве. Спите спокойно. Да, сказать это легко, но... Тамъ, за окномъ, буря — и на землѣ и на морѣ; внизу, въ могильномъ склепѣ схоронена молодая жизнь; въ моихъ рукахъ судьба двухъ государствъ... а на груди моей увядшій букетъ, который бросила къ моимъ ногамъ женщина. Боюсь, право, что сонъ заставитъ себя долго ждать. (Замѣчаетъ Элину, которая, отойдя отъ окна, направляется къ дверямъ налѣво). Вотъ она. Въ гордомъ взорѣ задумчивость. Ахъ, если бы я посмѣлъ!.. (Вслухъ) Йомфру Элина!

Элина (останавливаясь у дверей). Что вамъ угодно? Зачѣмъ вы преслѣдуете меня?

Нильсъ Люкке. Вы ошибаетесь; я васъ не преслѣдую. Меня самого преслѣдуютъ...

Элина. Васъ?

Нильсъ Люкке. Да; разныя мысли. Вотъ сонъ и бѣжитъ отъ меня... какъ и вы.

Элина. Подойдите къ окну, вотъ и скоротаете время; на морѣ буря...

Нильсъ Люкке (улыбаясь). На морѣ буря? Это я найду и здѣсь у васъ.

Элина. У меня?

Нильсъ Люкке. Наша первая встрѣча убѣдила меня въ этомъ.

Элина. И вы сѣтуете на это?

Нильсъ Люкке. Отнюдь нѣтъ; но все-таки желалъ бы увидѣть васъ въ болѣе мирномъ настроеніи.

Элина (гордо). Вы думаете, вамъ это удастся?

Нильсъ Люкке. Я увѣренъ въ этомъ, такъ какъ сейчасъ поднесу вамъ пріятную вѣсть.

Элина. Какую?

Нильсъ Люкке. Мой прощальный привѣтъ.

Элина (дѣлая шагъ къ нему). Прощальный привѣтъ? Вы покидаете Эстротъ... такъ скоро?

Нильсъ Люкке. Сегодня же въ ночь.

Элина (съ минуту смотритъ на него, какъ бы въ нерѣшимости, затѣмъ говоритъ холоднымъ тономъ). Такъ примите и мой прощальный привѣтъ, господинъ рыцарь! (Кланяется и хочетъ уйти).

Нильсъ Люкке. Элина Гюльденлёве... я не имѣю никакого права удерживать васъ... но съ вашей стороны было бы неблагородно не выслушать того, что̀ я имѣю сказать вамъ.

Элина. Я васъ слушаю, господинъ рыцарь.

Нильсъ Люкке. Я знаю, вы ненавидите меня.

Элина. Ваша проницательность не измѣнила вамъ, какъ я замѣчаю.

Нильсъ Люкке. Но я знаю также, что вполнѣ заслужилъ эту ненависть. Мои намеки на васъ въ письмѣ моемъ къ фру Ингеръ были непристойны и оскорбительны.

Элина. Очень возможно; я не читала письма.

Нильсъ Люкке. Но содержаніе его во всякомъ случаѣ небезызвѣстно вамъ; я знаю, матушка ваша не оставила васъ въ невѣдѣніи о томъ; во всякомъ случаѣ сообщила вамъ, что я назвалъ счастливымъ того человѣка, которому... ну, да вы знаете, какія я питалъ надежды.

Элина. Господинъ рыцарь... если вы намѣрены говорить со мной объ *этомъ*, то...

Нильсъ Люкке. Я намѣреваюсь говорить съ вами объ этомъ единственно съ цѣлью оправдаться. Другой причины нѣтъ, клянусь вамъ. Если слава моя — что̀ я, къ несчастью, имѣю основаніе предполагать — дошла до васъ раньше, чѣмъ я самъ предсталъ предъ вами въ Эстротѣ, то вы должны быть освѣдомлены о моей жизни достаточно, чтобы не удивляться той смѣлости, съ какой я въ такихъ случаяхъ иду къ цѣли. Я зналъ много женщинъ, Элина Гюльденлёве. Непреклонныхъ же не встрѣчалъ между ними никогда. При такихъ обстоятельствахъ, видите ли, недолго избаловаться, отвыкнуть ходить окольными путями...

Элина. Возможно. Не знаю, какого закала были тѣ женщины... Но вы ошибаетесь, полагая, что ненависть и озлобленіе къ вамъ пробудило во мнѣ ваше письмо къ моей матери. У меня были причины болѣе давнія.

Нильсъ Люкке (съ безпокойствомъ). Болѣе давнія? Что̀ вы хотите сказать этимъ?

Элина. Вы не ошиблись въ другомъ своемъ предположеніи,— ваша слава опередила васъ и въ Эстротѣ, какъ повсюду. Вѣдь если гдѣ упоминаютъ имя Нильса Люкке, то всегда рядомъ

съ именемъ женщины, которую онъ обманулъ или покинулъ. Кто говоритъ объ этомъ съ гнѣвомъ, кто со смѣхомъ, издѣваясь надъ этими слабыми созданіями. Но всѣ эти гнѣвныя рѣчи и насмѣшки заглушаетъ пѣсня, сложенная о васъ, — пѣсня, похожая на вражескій побѣдный гимнъ... Все это и породило во мнѣ ненависть къ вамъ. Вы постоянно были у меня въ мысляхъ, и я съ какой-то страстной тоской жаждала встрѣтиться съ вами лицомъ къ лицу... Пусть бы вы узнали, что есть на свѣтѣ женщины, которыхъ вамъ не покорить своими лукавыми рѣчами — вздумай вы пустить ихъ въ ходъ!

Нильсъ Люкке. Вы несправедливы ко мнѣ, если судите обо мнѣ по дошедшимъ до васъ слухамъ. Возможно, что въ этихъ слухахъ и была доля правды; но вамъ неизвѣстны причины моего поведенія. Семнадцатилѣтнимъ юнкеромъ началъ я свои веселыя похожденія. Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Легкомысленныя женщины дарили мнѣ то, чего я желалъ, еще раньше, нежели желаніе мое успѣвало перейти въ просьбу, а то, что я предлагалъ имъ, радостно хватали обѣими руками. Вы — первая женщина, съ презрѣніемъ отвергшая мой даръ, бросивъ его къ моимъ ногамъ... Не думайте, что я на это жалуюсь. Напротивъ, я уважаю васъ за это, какъ не уважалъ еще ни одной женщины. Но вотъ на что я жалуюсь, вотъ о чемъ болитъ мое сердце — зачѣмъ судьба не послала мнѣ васъ навстрѣчу раньше?.. Элина Гюльденлёве! Ваша матушка разсказывала мнѣ о васъ. Въ то время, какъ жизнь шла своимъ тревожнымъ ходомъ гдѣ-то вдали, вы бродили въ уединенномъ Эстротѣ тихая, безмолвная, погруженная въ свои мечты и грезы. Такъ вы поймете, что я скажу вамъ... Знайте, что и я нѣкогда жилъ такою жизнью, какъ вы здѣсь. Я воображалъ, что, когда вступлю въ свѣтъ — въ этотъ обширный, безпредѣльный міръ, мнѣ навстрѣчу выйдетъ благородная, прекрасная женщина, которая подзоветъ меня къ себѣ и укажетъ мнѣ путь къ славной цѣли. Я обманулся, Элина Гюльденлёве. Женщины шли мнѣ навстрѣчу, но *ея* среди нихъ не было. Не успѣлъ я еще вполнѣ возмужать, какъ уже научился презирать ихъ всѣхъ... Моя ли это вина? Почему другія не были такими, какъ вы?.. Я знаю, судьба вашей родины лежитъ у васъ на душѣ тяжелымъ камнемъ. Вы знаете, какое участіе я принимаю въ дѣлахъ государства... Обо мнѣ говорятъ, будто я измѣнчивъ, какъ пѣна морская. Возможно; но если я таковъ, то потому, что сами женщины научили меня быть такимъ. Найди я раньше то, чего искалъ, встрѣть я женщину гордую, благороднаго образа мыслей, какъ вы, — путь мой навѣрно былъ бы иной. Быть-можетъ, я въ

эту минуту стоялъ бы рядомъ съ вами ходатаемъ за всѣхъ угнетенныхъ въ Норвегіи. Я вѣрю, что нѣтъ на свѣтѣ никого сильнѣе женщины; въ ея власти направить мужчину такъ, какъ это угодно Господу Богу.

Элина (про себя). Возможно ли, чтобы онъ говорилъ правду? Нѣтъ, нѣтъ, — глаза его лгутъ, уста лукавятъ! И все же слова его слаще всякой пѣсни.

Нильсъ Люкке (приближаясь и понизивъ голосъ, говоритъ еще задушевнѣе). Какъ часто, бывало, сидѣли вы здѣсь, въ Эстротѣ, одна-одинешенька со своими быстролетными думами... и сердцу вашему становилось тѣсно въ груди, потолокъ и стѣны словно сдвигались и давили васъ... Вы рвались прочь отсюда; вамъ хотѣлось улетѣть далеко-далеко... куда—вы и сами не знали... Какъ часто, бывало, вы одиноко бродили у фьорда... вдали проплывалъ разукрашенный корабль, съ кавалерами и дамами, подъ звуки пѣсенъ и рокотанье струнъ лютни... До васъ смутно долетали слухи о великихъ событіяхъ, и въ груди вашей вспыхивало желаніе, непреодолимое влеченіе узнать — что творится тамъ, за моремъ. Но вы не понимали, чего вамъ недоставало. Порою вы думали, что васъ волнуетъ, наполняетъ тревожными мыслями судьба родины. Вы сами обманывали себя,— дѣвушкѣ въ ваши годы есть о чемъ думать — иномъ. Элина Гюльденлёве! Вамъ никогда не приходили на умъ тѣ тайныя силы... та могучая таинственная сила, которая связываетъ судьбу одного человѣка съ судьбой другого? Мечтая о пестрой разнообразной жизни тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, мечтая о рыцарскихъ турнирахъ и веселыхъ празднествахъ, — не видѣли ли вы въ своихъ мечтахъ рыцаря, стоявшаго среди шумнаго сборища съ улыбкой на устахъ и горечью въ сердцѣ, — рыцаря, который нѣкогда предавался такимъ же прекраснымъ мечтамъ, какъ вы, — мечталъ о женщинѣ благородной, дивнопрекрасной, и напрасно искалъ ее среди всѣхъ окружавшихъ его женщинъ?

Элина. Кто вы, что сумѣли облечь въ слова мои завѣтнѣйшія думы? Какъ могли вы открыть мнѣ то, что я носила въ сокровеннѣйшей глубинѣ сердца... сама того не вѣдая? Откуда вы знаете?..

Нильсъ Люкке. То, что я сказалъ вамъ, я прочелъ въ вашемъ взорѣ.

Элина. Никогда ни одинъ мужчина не говорилъ со мною, какъ вы. Я лишь смутно поняла васъ, и все же... съ этихъ поръ все какъ будто измѣнилось... (Про себя) Теперь я понимаю, почему они говорили, что Нильсъ Люкке не таковъ, какъ всѣ другіе.

Нильсъ Люкке. Есть на свѣтѣ дума, которая, если отдаться ей, въ состояніи спутать всѣ мысли человѣка. Это дума о томъ, *что могло бы* случиться, сложись обстоятельства *такъ-то* или *такъ-то*. Встрѣть я васъ на своемъ пути раньше, пока дерево моей жизни было еще зелено и пышно, вы въ эту минуту, можетъ статься, были бы... Но простите меня, благородная йомфру! Эти нѣсколько минутъ бесѣды съ вами заставили меня забыть наше взаимное положеніе. Словно какой-то таинственный голосъ съ самаго начала шепнулъ мнѣ, что съ вами я могу говорить откровенно, безъ лести, безъ притворства.

Элина. Да, можете.

Нильсъ Люкке. Хорошо, и эта откровенность, быть-можетъ, отчасти уже примирила насъ другъ съ другомъ. Да, я иду еще дальше въ своихъ надеждахъ. Быть-можетъ, вы будете вспоминать о чужеземцѣ безъ ненависти и безъ озлобленія. О, не перетолкуйте моихъ словъ въ дурную сторону. Я не хочу сказать — *теперь, сейчасъ,* но — *когда-нибудь,* впослѣдствіи. И чтобы облегчить вамъ возможность этого... и разъ ужъ я началъ говорить съ вами прямо и чистосердечно... позвольте мнѣ еще сказать вамъ...

Элина. Господинъ рыцарь!..

Нильсъ Люкке (улыбаясь). Ахъ, я вижу, что мое письмо все еще держитъ васъ въ страхѣ. Но будьте вполнѣ спокойны. Я дорого далъ бы за то, чтобы оно не было написано, потому что... Да, разъ я знаю, что такое признаніе не будетъ вамъ непріятно, то и скажу прямо, что не люблю васъ и никогда не полюблю. Будьте же поэтому вполнѣ спокойны; я никогда и пытаться не стану... Но что съ вами?..

Элина. Со мной? Ничего; ничего. Скажите мнѣ одно: зачѣмъ вы все носите эти цвѣты? На что они вамъ?

Нильсъ Люкке. Эти цвѣты? Да вѣдь это же боевая перчатка, брошенная вами отъ лица всѣхъ женщинъ въ лицо злодѣю Нильсу Люкке. Какъ же мнѣ было не поднять ея?. На что они мнѣ, спрашиваете вы? (Понизивъ голосъ) Когда мнѣ случится опять стоять въ кругу прекрасныхъ датчанокъ... когда звуки лютни умолкнутъ и въ залѣ водворится тишина — я выну эти цвѣты и разскажу сказку про молодую дѣвушку, которая сидитъ одиноко въ темной бревенчатой залѣ, на далекомъ сѣверѣ... (Обрывая и почтительно кланяясь) Но я боюсь, что слишкомъ долго задерживаю благородную дочь хозяйки дома. Мы больше не увидимся, — солнце не взойдетъ, какъ меня здѣсь уже не будетъ. Итакъ, примите мой прощальный привѣтъ!

Элина. А вы — мой, господинъ рыцарь! (Короткое молчаніе).

Нильсъ Люкке. Вы снова задумались, Элина Гюльденлёве. Опять васъ снѣдаетъ тревога о судьбѣ вашей родины?

Элина (качая головой и разсѣянно глядя передъ собой въ пространство). Моей родины?.. Я не думаю о моей родинѣ.

Нильсъ Люкке. Такъ васъ тревожитъ самое время наше съ его борьбой и печалями?

Элина. Время? Я забыла о времени... Вы отправляетесь въ Данію? Не такъ ли вы сказали?

Нильсъ Люкке. Я отправляюсь въ Данію.

Элина. Можно отсюда глядѣть въ ту сторону, гдѣ Данія?

Нильсъ Люкке (указывая на окно налѣво). Да, изъ этого окна. Вонъ тамъ на югъ лежитъ Данія.

Элина. Она далеко отсюда? До нея больше сотни миль?

Нильсъ Люкке. Много больше. Между вами и Даніей—море.

Элина (про себя). Море? У мечты крылья чайки. Море ея не остановитъ. (Уходитъ налѣво).

Нильсъ Люкке (съ минуту смотритъ ей вслѣдъ, затѣмъ говоритъ). Будь въ моемъ распоряженіи денька два или хоть одинъ — я бы прибралъ и ее къ рукамъ, какъ всѣхъ остальныхъ... Впрочемъ, эта молодая дѣвушка рѣдкаго закала. Въ ней есть гордость. Или мнѣ рѣшиться въ самомъ дѣлѣ?.. Нѣтъ; лучше смирить ея гордость. (Прохаживается по комнатѣ). Право, она какъ будто зажгла во мнѣ всю кровь. Кто бы подумалъ, что со мной еще можетъ случиться что-нибудь подобное?.. Прочь все это! Надо выпутаться изъ всей этой исторіи, въ которую я попалъ. (Садится на стулъ направо). Какъ мнѣ объяснить себѣ дѣло? И Олафъ Скактавль и Ингеръ Гюльденлёве, повидимому, не подозрѣваютъ даже, какое рискуютъ навлечь на себя подозрѣніе, если станетъ извѣстнымъ, что я заодно съ ними. Или фру Ингеръ въ самомъ дѣлѣ разгадала мои намѣренія? Поняла, что всѣ обѣщанія были пущены въ ходъ затѣмъ лишь, чтобы выманить Нильса Стуре изъ его логовища? (Вскакивая) Проклятье! Неужели въ самомъ дѣлѣ меня самого провели? Весьма правдоподобно, что графа Стуре и нѣтъ вовсе въ Эстротѣ. Быть-можетъ, слухъ объ его бѣгствѣ былъ лишь военною хитростью. Пожалуй, онъ въ эту минуту преблагополучно сидитъ себѣ у своихъ друзей въ Швеціи, а я тутъ?.. (Въ волненіи ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). И надо же мнѣ было быть такимъ самоувѣреннымъ! Что если мнѣ ничего не удастся добиться? Что если фру Ингеръ проникнетъ въ мои замыслы... и не станетъ скрывать моихъ поступковъ?.. Стать предметомъ насмѣшекъ и глумленія и здѣсь и въ Даніи!.. Разсчитывать заманить въ ловушку фру Ингеръ и вмѣсто

того — послужить ей же, укрѣпить ея добрую славу въ народѣ!.. О, я готовъ продать душу самому нечистому, лишь бы онъ помогъ мнѣ изловить графа Стуре!..

(Окно въ глубинѣ распахивается, и въ немъ показывается Нильсъ Стенссёнъ).

Нильсъ Люкке (хватаясь за мечъ). Это что?

Нильсъ Стенссенъ (спрыгивая на полъ). Ну, наконецъ-то я попалъ сюда!

Нильсъ Люкке (тихо). Это что значитъ?

Нильсъ Стенссенъ. Миръ вамъ, господинъ!

Нильсъ Люкке. Благодарю, господинъ! Вы однако избрали себѣ особый ходъ.

Нильсъ Стенссенъ. Да какого же чорта мнѣ было дѣлать? Двери заперты. А люди здѣсь, въ замкѣ, видно, спятъ, какъ медвѣди въ берлогахъ о Рождествѣ.

Нильсъ Люкке. И слава Богу! Вы знаете, чистая совѣсть — лучшая подушка.

Нильсъ Стенссенъ. Должно-быть, такъ. Сколько я ни стучалъ и ни барабанилъ...

Нильсъ Люкке. Васъ все-таки не впустили?

Нильсъ Стенссенъ. Угадали. Я и сказалъ себѣ: разъ тебѣ во что бы то ни стало необходимо быть сегодня вечеромъ въ Эстротѣ, такъ отчего же не пролѣзть хоть въ окно?

Нильсъ Люкке (про себя). А-а! Что, если это?.. (Дѣлаетъ шагъ къ нему) Значитъ, вамъ такъ необходимо было явиться въ Эстротъ именно сегодня вечеромъ?

Нильсъ Стенссенъ. Необходимо ли? Я полагаю. Я не люблю заставлять себя ждать, — скажу я вамъ.

Нильсъ Люкке. Ага, — значитъ, фру Ингеръ Гюльденлёве ждетъ васъ?

Нильсъ Стенссенъ. Фру Ингеръ Гюльденлёве? Вотъ ужъ не знаю, право. (Съ лукавой усмѣшкой) Но, пожалуй, здѣсь найдется нѣкто другой...

Нильсъ Люкке (тоже улыбаясь). Ну, здѣсь найдется нѣкто другой?..

Нильсъ Стенссенъ. Скажите мнѣ — вы здѣсь свой человѣкъ?

Нильсъ Люкке. Я? Да,—поскольку я съ сегодняшняго вечера гость фру Ингеръ.

Нильсъ Стенссенъ. Вотъ какъ?.. Сдается мнѣ, у васъ сегодня какъ разъ третій вечеръ послѣ Мартынова дня?

Нильсъ Люкке. Третій вечеръ?.. Да; такъ оно и есть... Быть-можетъ, вы желаете немедленно повидаться съ хозяйкой дома? Насколько я знаю, она еще не легла. Но не хотите ли пока присѣсть и отдохнуть, молодой господинъ? Вотъ тутъ еще

остался жбанъ съ виномъ. И закусить найдется чѣмъ. Не стѣсняйтесь же; вамъ, должно-быть, не мѣшаетъ подкрѣпиться.

Нильсъ Стенссенъ. Вы правы, господинъ; не худо было бы! (Садится къ столу и ѣстъ и пьетъ, продолжая разговоръ). И жаркое и сладкое! Хорошо здѣсь живутъ, по-барски! Кто, какъ я, спалъ на голой землѣ и питался лишь хлѣбомъ да водой четыре-пять дней...

Нильсъ Люкке (глядя на него съ улыбкой). Да, это должно быть тяжело для того, кто привыкъ возсѣдать за богато убранными столами въ графскихъ покояхъ.

Нильсъ Стенссенъ. Въ графскихъ покояхъ?..

Нильсъ Люкке. Зато теперь вы можете всласть отдохнуть здѣсь въ Эстротѣ.

Нильсъ Стенссенъ (радостно). Да? Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, мнѣ не очень скоро придется опять отправиться въ путь-дорогу?

Нильсъ Люкке. Не знаю. Это вамъ самому лучше знать.

Нильсъ Стенссенъ (про себя). Ахъ, чортъ возьми! (Развалясь на стулѣ) Вотъ видите ли... дѣло это еще не вполнѣ рѣшено. Я съ своей стороны ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы расположиться здѣсь на нѣкоторое время, но...

Нильсъ Люкке. Но вы не вполнѣ отъ себя зависите? Есть извѣстныя обязательства и обстоятельства?..

Нильсъ Стенссенъ. Вотъ въ томъ-то и загвоздка. Если бы дѣло зависѣло отъ меня лично, я во всякомъ случаѣ отдохнулъ бы здѣсь въ Эстротѣ зиму. Я вѣдь бо́льшую часть жизни провелъ по-походному, и... (Вдругъ обрываетъ, подымаетъ свой кубокъ и пьетъ) За ваше здоровье, господинъ!

Нильсъ Люкке. По-походному? Гм...

Нильсъ Стенссенъ. Нѣтъ, я вотъ что̀ хотѣлъ сказать: мнѣ давно хотѣлось повидать фру Ингеръ Гюльденлёве, — о ней идетъ такая слава!.. Должно-быть, дивная женщина. Не правда ли?.. Съ однимъ только я не могу примириться: почему она, чортъ возьми, ни за что не хочетъ пойти напроломъ?

Нильсъ Люкке. Пойти напроломъ?

Нильсъ Стенссенъ. Ну да; вы вѣдь понимаете меня. Я хочу сказать, — зачѣмъ она все медлитъ вмѣшаться въ дѣло и выгнать изъ страны чужеземныхъ господъ.

Нильсъ Люкке. Да, вы правы. Но вотъ теперь вы сдѣлаете, что̀ можете — авось, дѣло и пойдетъ на ладъ.

Нильсъ Стенссенъ. Я? Дай-то Богъ, чтобы я сумѣлъ! Невелика отъ меня польза!..

Нильсъ Люкке. Странно однако, что вы явились сюда, если у васъ такъ мало надежды.

Нильсъ Стенссенъ. Что̀ вы хотите сказать?.. Послушайте, вы знаете фру Ингеръ?

Нильсъ Люкке. Само собою; разъ я у нея въ гостяхъ, то...

Нильсъ Стенссенъ. Ну, это еще не значитъ, что вы знаете ее. И я у нея въ гостяхъ, а никогда въ глаза ея не видывалъ.

Нильсъ Люкке. И все-таки столько можете разсказать про нее...

Нильсъ Стенссенъ. То, что̀ болтаютъ всѣ и каждый? Да, конечно. Кромѣ того я достаточно наслышался отъ канцлера Педера... (Въ смущеніи умолкаетъ и усиленно принимается за ѣду).

Нильсъ Люкке. Вы хотѣли сказать еще что-то.

Нильсъ Стенссенъ (продолжая ѣсть). Я? О, нѣтъ, я такъ.

(Нильсъ Люкке смѣется).

Нильсъ Стенсенъ. Чему вы смѣетесь, господинъ?

Нильсъ Люкке. О, ничему, господинъ!

Нильсъ Стенссенъ (пьетъ). Хорошее вино у васъ здѣсь въ замкѣ. Такое живительное!

Нильсъ Люкке (подсаживаясь къ нему поближе, дружескимъ тономъ). Послушайте, не пора ли сбросить маски?

Нильсъ Стенссенъ (улыбаясь). Маски? Да это какъ вамъ самимъ угодно.

Нильсъ Люкке. Такъ оставьте всякое притворство. Васъ узнали, графъ Стуре!

Нильсъ Стенссенъ (со смѣхомъ). Графъ Стуре? И вы думаете, что я графъ Стуре?! (Встаетъ изъ-за стола) Вы ошибаетесь, господинъ. Я не графъ Стуре.

Нильсъ Люкке. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ кто же вы?

Нильсъ Стенссенъ. Меня зовутъ Нильсъ Стенссёнъ.

Нильсъ Люкке (улыбаясь, смотритъ на него). Гм! Нильсъ Стенссёнъ? А не сынъ Стена Стуре — Нильсъ? Имена во всякомъ случаѣ совпадаютъ.

Нильсъ Стенссенъ. Совершенно вѣрно. Но Богъ вѣдаетъ, имѣю ли я право носить это имя. Отца своего я никогда не зналъ. Мать моя была бѣдная крестьянка, которую ограбили и убили въ одну изъ бывшихъ междоусобицъ. Канцлеру Педеру какъ разъ въ это время случилось быть въ тѣхъ мѣстахъ; онъ взялъ меня къ себѣ, воспиталъ и научилъ владѣть оружіемъ. Вы знаете, что король Густавъ много лѣтъ преслѣдовалъ его; вотъ я и былъ его вѣрнымъ спутникомъ въ скитаніяхъ.

Нильсъ Люкке. Канцлеръ Педеръ научилъ васъ не только

владѣть оружіемъ, какъ я вижу... Ну, да хорошо; вы, значитъ, не сынъ графа Стуре. Но вы все-таки пріѣхали изъ Швеціи. Канцлеръ Педеръ послалъ васъ сюда отыскать чужестранца, который...

Нильсъ Стенссенъ (кивнувъ головой, съ хитрой улыбкой). Который уже найденъ.

Нильсъ Люкке (нѣсколько неувѣренно). И котораго вы не знаете?

Нильсъ Стенссенъ. Такъ же мало, какъ вы меня. Клянусь самимъ Господомъ, я не графъ Стуре.

Нильсъ Люкке. Правда, господинъ?

Нильсъ Стенссенъ. Какъ то, что я живъ! Зачѣмъ бы я сталъ отпираться, будь это такъ?

Нильсъ Люкке. Но гдѣ же графъ Стуре?

Нильсъ Стенссенъ (тихо). А это тайна.

Нильсъ Люкке (шопотомъ). Которая извѣстна вамъ? Не такъ ли?

Нильсъ Стенссенъ (кивнувъ головой). И которую я открою вамъ.

Нильсъ Люкке. Мнѣ? Ну... гдѣ же онъ?

(Нильсъ Стенссёнъ показываетъ рукой наверхъ).

Нильсъ Люкке. Тамъ? Фру Ингеръ спрятала его на чердакѣ?

Нильсъ Стенссенъ. Да нѣтъ же, вы не поняли меня. (Осторожно озираясь) Нильсъ Стуре на небѣ.

Нильсъ Люкке. Умеръ? Гдѣ?

Нильсъ Стенссенъ. Въ замкѣ своей матери... три недѣли тому назадъ.

Нильсъ Люкке. О, вы обманываете меня! Пять-шесть дней тому назадъ онъ перебрался черезъ норвежскую границу.

Нильсъ Стенссенъ. Ахъ, такъ это былъ я.

Нильсъ Люкке. Но незадолго передъ тѣмъ графа видѣли въ Далекарліи; народъ, который давно уже глухо волновался, возсталъ открыто и хотѣлъ избрать его королемъ.

Нильсъ Стенссенъ. Ха-ха-ха! Да и это былъ я.

Нильсъ Люкке. Вы?

Нильсъ Стенссенъ. Вотъ послушайте, какъ все вышло. Разъ канцлеръ Педеръ призвалъ меня къ себѣ и далъ понять, что готовятся великія событія. Потомъ велѣлъ мнѣ отправиться въ Норвегію, въ Эстротъ, куда я долженъ былъ явиться въ извѣстный день...

Нильсъ Люкке (кивнувъ головой). Въ третій вечеръ послѣ Мартынова дня.

Нильсъ Стенссенъ. Тамъ я долженъ былъ встрѣтиться съ чужестранцемъ...

Нильсъ Люкке. Вѣрно, со мною.

Нильсъ Стенссенъ. И отъ него узнать — что мнѣ дальше дѣлать. Я съ своей стороны долженъ былъ сообщить ему, что графъ умеръ, но что это еще неизвѣстно никому, кромѣ графини, его матери, канцлера Педера и нѣкоторыхъ старыхъ слугъ дома Стуре.

Нильсъ Люкке. Я понимаю. Графъ былъ во главѣ возставшихъ крестьянъ. Узнавъ объ его смерти, они разбрелись бы, и вся затѣя пошла бы прахомъ.

Нильсъ Стенссенъ. Быть-можетъ, и такъ; я мало смыслю въ этихъ дѣлахъ.

Нильсъ Люкке. Но какъ же вамъ пришло въ голову выдавать себя за графа?

Нильсъ Стенссенъ. Какъ мнѣ пришло въ голову? А я почемъ знаю? Мало ли глупостей приходило мнѣ въ голову на моемъ вѣку. Впрочемъ, я не самъ выдумалъ это; гдѣ бы я ни показался въ Далекарліи — народъ собирался вокругъ меня и привѣтствовалъ графомъ Стуре. Сколько я ни отнѣкивался— все было напрасно. Они говорили, что графъ былъ у нихъ два года назадъ, и что всѣ они отъ мала до велика признали меня. Ну, думаю, пусть себѣ; больше ужъ тебѣ никогда въ жизни не бывать графомъ; попробуй же хоть разокъ, каково это.

Нильсъ Люкке. Ну... а что же вы дѣлали потомъ?

Нильсъ Стенссенъ. Что? Ѣлъ, пилъ и жилъ себѣ всласть. Жаль только, что недолго пришлось мнѣ побыть тамъ; но когда я добрался до границы... ха-ха-ха!.. я обѣщалъ имъ, что вернусь съ тремя-четырьмя... или сколькими тамъ придется тысячами людей, и тогда мы пойдемъ напроломъ!

Нильсъ Люкке. И вамъ не пришло въ голову, что вы поступаете безразсудно?

Нильсъ Стенссенъ. Нѣтъ, послѣ-то пришло, да было уже поздно.

Нильсъ Люкке. Мнѣ жаль васъ, мой юный другъ; скоро вы испытаете послѣдствія своего безразсудства. Я могу сказать вамъ, что за вами снаряжена погоня. Васъ разыскиваетъ отрядъ шведскихъ всадниковъ.

Нильсъ Стенссенъ. Меня? Ха-ха-ха! Нѣтъ, это славно! И вотъ они явятся и будутъ думать, что схватили самого графа Стуре... Ха-ха-ха!

Нильсъ Люкке (серьезно). И вамъ придется проститься съ жизнью.

Нильсъ Стенссенъ. Мнѣ?.. Да я же не графъ Стуре!

Нильсъ Люкке. Но вы призывали народъ къ оружію. Вы давали мятежныя обѣщанія и нарушили миръ въ странѣ.

Нильсъ Стенссенъ. О, это было въ шутку!

Нильсъ Люкке. Король Густавъ взглянетъ на дѣло иначе.

Нильсъ Стенссенъ. Да... въ вашихъ словахъ есть доля правды. И угораздило же меня надѣлать такихъ глупостей!.. Ну, да какъ-нибудь выпутаемся изъ бѣды. Вы вѣдь поможете мнѣ? И къ тому же шведы еще не гонятся за мною по пятамъ!

Нильсъ Люкке. Но что вы имѣете сообщить мнѣ еще?

Нильсъ Стенссенъ. Я? Ничего. Осталось только отдать вамъ пакетъ...

Нильсъ Люкке (необдуманно). Пакетъ?

Нильсъ Стенссенъ. Ну да; вы же знаете...

Нильсъ Люкке. Да, да, вѣрно; бумаги отъ канцлера Педера.

Нильсъ Стенссенъ. Вотъ онѣ всѣ тутъ. (Отдаетъ ему пакетъ, который вынулъ изъ-за пазухи).

Нильсъ Люкке (про себя). Письма и бумаги господину Олафу Скактавлю. (Нильсу Стенссену) Пакетъ не запечатанъ, какъ вижу. И вы, вѣрно, знаете содержаніе?

Нильсъ Стенссенъ. Нѣтъ, господинъ; я не охотникъ читать по-писанному; на это есть свои причины.

Нильсъ Люкке. Понимаю; вы больше налегали на искусство владѣть оружіемъ. (Садится къ столу направо и пробѣгаетъ бумаги) Ага! Свѣдѣнія болѣе нежели достаточныя, чтобы разобраться во всемъ, что тутъ творится. Это письмецо, перевязанное шелковымъ шнуромъ... (смотритъ на надпись) тоже господину Олафу Скактавлю. (Развязываетъ письмо и бѣгло просматриваетъ содержаніе) Отъ канцлера Педера. Я такъ и думалъ. (Читаетъ вполголоса) «Я въ большомъ затрудненіи, ибо...» Да, совершенно вѣрно; здѣсь написано: «молодой юнкеръ Стуре отправился къ праотцамъ какъ разъ, когда мятежъ готовъ былъ разразиться»... «но есть еще средство поправить дѣло»... Что такое?! (Пораженный, читаетъ дальше) «Надо вамъ знать, господинъ Олафъ Скактавль, что молодой человѣкъ, который вручитъ вамъ это письмо, сынъ...» Небо и земля! Неужели?! Да, клянусь кровью Христовой, такъ и написано. (Взглянувъ на Нильса Стенссёна) Онъ?.. А, если такъ!.. (Читаетъ дальше) «Я воспиталъ его, взявъ къ себѣ годовалымъ ребенкомъ; но до сего дня все воздерживался возвратить его, видя въ немъ надежнаго заложника, ручавшагося за вѣрность фру Ингеръ Гюльденлёве намъ и нашимъ друзьямъ... Онъ однако мало принесъ намъ пользы въ этомъ отношеніи. Вы въ правѣ удивляться, почему я не довѣрилъ вамъ этой тайны, когда вы недавно были у меня; чистосердечно признаюсь вамъ, что боялся, какъ бы вы не завладѣли юношей съ тою же цѣлью, какъ и я. Теперь, напро-

тивъ, повидавшись съ фру Ингеръ, вы, вѣрно, убѣдились, какъ неохотно она идетъ на наши предложенія, и поняли, что разумнѣе всего какъ можно скорѣе вернуть ей то, что ей принадлежитъ. Быть-можетъ, радость, увѣренность и благодарность... Это наша послѣдняя надежда». (Сидитъ съ минуту, словно не можетъ придти въ себя отъ удивленія, и наконецъ у него вырывается какъ бы про себя) Н-да... вотъ такъ письмо! Его можно оцѣнить на вѣсъ золота.

Нильсъ Стенссенъ. Какъ видно, я доставилъ вамъ важныя вѣсти. Да, да, канцлеръ Педеръ мастеръ на всѣ руки.

Нильсъ Люкке (про себя). Какъ мнѣ однако быть? Тутъ тысячи выходовъ... Если я..? Нѣтъ, это было бы слишкомъ опасно. Но если бы все-таки..? Если бы..? Отважусь! (Разрываетъ письмо пополамъ, комкаетъ и прячетъ на груди: остальныя бумаги снова складываетъ въ пакетъ, засовываетъ за свой поясъ, встаетъ и говоритъ) Еще одно, мой юный другъ!

Нильсъ Стенссенъ (приближаясь). Ну... по вашему лицу видно, что игра налаживается.

Нильсъ Люкке. Я полагаю. Вы сдали мнѣ на руки однѣ фигуры — дамъ, валетовъ и...

Нильсъ Стенссенъ. Ну, а мнѣ, послѣ того, какъ я привезъ вамъ эти добрыя вѣсти, нечего больше здѣсь дѣлать?

Нильсъ Люкке. Вамъ? Что вы! И вы участвуете въ игрѣ. Вы — король, да еще козырный!

Нильсъ Стенссенъ. Я? А, понимаю; вы, вѣрно, думаете о возвышеніи?

Нильсъ Люкке. Возвышеніи?

Нильсъ Стенссенъ. Да; попадись я въ лапы слугъ короля Густава, меня, какъ вы предсказывали... (Жестомъ показываетъ, какъ вздергиваютъ на висѣлицу).

Нильсъ Люкке. Да, да; но пусть это васъ больше не пугаетъ. Теперь отъ васъ самихъ зависитъ — надѣнутъ ли вамъ черезъ мѣсяцъ на шею веревку или золотую цѣпь.

Нильсъ Стенссенъ. Золотую цѣпь? И это отъ меня самого зависитъ? (Нильсъ Люкке киваетъ головой). Ну, такъ чортъ ли тутъ задумается! Скажите только, какъ мнѣ быть?

Нильсъ Люкке. Скажу, скажу. Но прежде всего вы поклянитесь мнѣ всѣмъ святымъ не выдавать ни единой живой душѣ того, что я вамъ сейчасъ открою.

Нильсъ Стенссенъ. Только-то? Да я дамъ вамъ хоть десять клятвъ, если надо.

Нильсъ Люкке. Серьезнѣе, господинъ! Я не шучу съ вами.

Нильсъ Стенссенъ. Ну, ну; я серьезенъ.

Нильсъ Люкке. Въ Далекарліи вы себя называли графскимъ сыномъ... Не такъ ли?

Нильсъ Стенссенъ. Ну, вы опять про то же? Я вѣдь честно признался вамъ...

Нильсъ Люкке. Вы меня не поняли. То, что вы сказали тогда — правда.

Нильсъ Стенссенъ. Правда? Что вы? Да скажите мнѣ...

Нильсъ Люкке. Сначала поклянитесь. Самымъ святымъ для васъ; дайте самую нерушимую клятву.

Нильсъ Стенссенъ. Хорошо. Вонъ на стѣнѣ образъ Дѣвы Маріи...

Нильсъ Люкке. Дѣва Марія нынѣ не въ почетѣ. Вы слышали, что утверждаетъ монахъ изъ Виттенберга?..

Нильсъ Стенссенъ. Фу! Охота вамъ обращать вниманіе на виттенбергскаго монаха! Канцлеръ Педеръ говоритъ, что онъ еретикъ.

Нильсъ Люкке. Не будемъ спорить объ этомъ. Но я вотъ покажу вамъ настоящій образъ, которымъ вы должны поклясться. (Указываетъ на картину, висящую на одномъ изъ стѣнныхъ столбовъ) Подите сюда... и клянитесь молчать, пока я самъ не разрѣшу вашего языка; клянитесь вѣчнымъ спасеніемъ своимъ и того, кто здѣсь изображенъ.

Нильсъ Стенссенъ (подойдя къ картинѣ). Клянусь и призываю въ свидѣтели Господа Бога... (Вдругъ, пораженный, отступаетъ) Іисусе Христе! Спаситель мой!..

Нильсъ Люкке. Что съ вами?

Нильсъ Стенссенъ. Этотъ портретъ... Вѣдь это я самъ.

Нильсъ Люкке. Это старый графъ Стенъ Стуре, какимъ былъ въ молодости.

Нильсъ Стенссенъ. Стенъ Стуре?.. И это сходство?.. И я говорилъ правду, когда называлъ себя сыномъ графа, — сказали вы? Такъ?

Нильсъ Люкке. Такъ.

Нильсъ Стенссенъ. А, я понялъ, понялъ. Я...

Нильсъ Люкке. Вы сынъ Стена Стуре, господинъ!

Нильсъ Стенссенъ (въ тихомъ изумленіи). Я — сынъ Стена Стуре!

Нильсъ Люкке. И съ материнской стороны вы происходите отъ знатнаго рода. Канцлеръ Педеръ говорилъ неправду, если утверждалъ, что мать ваша была бѣдная крестьянка.

Нильсъ Стенссенъ. Странно, диковинно. Но могу ли я повѣрить?..

Нильсъ Люкке. Вполнѣ можете повѣрить всему, что я вамъ скажу. Но помните, если вы забудете то, въ чемъ поклялись

мнѣ вѣчнымъ спасеніемъ своего отца, все это послужитъ вамъ только на погибель.

Нильсъ Стенссенъ. Забыть? О, нѣтъ, повѣрьте, не забуду... Но вы взяли съ меня такую клятву... а кто вы сами?

Нильсъ Люкке. Меня зовутъ Нильсъ Люкке.

Нильсъ Стенссенъ (пораженный). Нильсъ Люкке? Не датскій же рыцарь, членъ государственнаго совѣта?

Нильсъ Люкке. Онъ самый.

Нильсъ Стенссенъ. И вы?.. Вотъ странно! Какъ же объяснить, что вы...

Нильсъ Люкке. Что я получаю посланія отъ канцлера Педера? Васъ это удивляетъ?

Нильсъ Стенссенъ. Не отопрусь. Онъ всегда отзывался о васъ, какъ о злѣйшемъ недругѣ нашемъ...

Нильсъ Люкке. И потому вы мнѣ не довѣряете?

Нильсъ Стенссенъ. Нѣтъ, вовсе не то; но... Э, да пусть чортъ ломаетъ себѣ надъ этимъ голову!

Нильсъ Люкке. Вы правы. Если будете поступать по-своему— веревка ждетъ васъ такъ же неминуемо, какъ имя графа и золотая цѣпь, если вы положитесь на меня.

Нильсъ Стенссенъ. Во всемъ! Вотъ моя рука, дорогой господинъ. Помогайте мнѣ добрыми совѣтами, пока это нужно. Когда же дойдетъ до того, чтобы пустить въ ходъ оружіе, я самъ сумѣю постоять за себя.

Нильсъ Люкке. Хорошо. Теперь идите за мной въ мою комнату; я разскажу вамъ, какъ обстоитъ дѣло и что вамъ нужно предпринять. (Идетъ направо).

Нильсъ Стенссенъ (бросая взглядъ на портретъ). Я — сынъ Стена Стуре! Диковинно... словно во снѣ!.. (Слѣдуетъ за Нильсомъ Люкке).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рыцарская зала; столъ съ остатками ужина убранъ. Изъ второй двери налѣво входитъ Бьёрнъ съ зажженнымъ канделябромъ, освѣщая путь фру Ингеръ и Олафу Скактавлю. У фру Ингеръ въ рукахъ бумаги.

Фру Ингеръ (Бьёрну). И ты увѣренъ, что дочь моя разговаривала съ рыцаремъ здѣсь въ залѣ?

Бьернъ (ставя канделябръ на столъ налѣво). Увѣренъ. Я встрѣтилъ ее какъ разъ, когда она выходила отсюда.

Фру Ингеръ. И тебѣ показалось, что она взволнована? Да?

Бьернъ. Ни кровинки въ лицѣ, и такая разстроенная. Я спросилъ — не больна ли она, но она вмѣсто отвѣта сказала: «Поди къ моей матери и скажи, что рыцарь уѣзжаетъ на

зарѣ; если у нея есть письма или вѣсти для него, то попроси ее не замѣшкаться съ ними, чтобы не задержать его». Тутъ она прибавила еще что-то, чего я не разобралъ хорошенько.

Фру Ингеръ. Совсѣмъ не разобралъ?

Бьернъ. Показалось мнѣ, будто она промолвила: «Боюсь, что онъ и такъ пробылъ въ Эстротѣ слишкомъ долго».

Фру Ингеръ. А рыцарь? Онъ гдѣ теперь?

Бьернъ. Кажется, въ своей комнатѣ во флигелѣ.

Фру Ингеръ. Хорошо. У меня уже все готово, что̀ я намѣревалась вручить ему. Поди же и скажи ему, что я жду его здѣсь въ залѣ. (Бьёрнъ уходитъ направо).

Олафъ Скактавль. Знаете что̀, фру Ингеръ, — хотя я въ такихъ дѣлахъ и слѣпъ, какъ кротъ, но сдается мнѣ, что... гм...

Фру Ингеръ. Ну?

Олафъ Скактавль. ...что ваша дочь полюбилась Нильсу Люкке.

Фру Ингеръ. Тогда вы, пожалуй, не такъ еще слѣпы. Я сильно ошибусь, если вы въ этомъ случаѣ не окажетесь правы. Замѣтили вы, какъ жадно прислушивался онъ за столомъ къ каждому моему слову объ Элинѣ?

Олафъ Скактавль. Забывая и объ ѣдѣ и о питьѣ.

Фру Ингеръ. И о нашихъ тайныхъ планахъ.

Олафъ Скактавль. Мало того, забылъ даже отдать мнѣ бумаги отъ канцлера Педера.

Фру Ингеръ. И вы изъ всего этого, вѣрно, заключаете?..

Олафъ Скактавль. Изъ всего этого я заключаю прежде всего то, что разъ вы знаете Нильса Люкке и знаете, какая у него слава — особенно по женской части, то...

Фру Ингеръ. ...то чѣмъ скорѣе его не будетъ здѣсь, тѣмъ для меня должно быть пріятнѣе?

Олафъ Скактавль. Да; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Фру Ингеръ (улыбаясь). Нѣтъ, какъ разъ наоборотъ, Олафъ Скактавль!

Олафъ Скактавль. Какъ васъ понять?

Фру Ингеръ. Если мы съ вами правы въ нашихъ предположеніяхъ — Нильса Люкке ни подъ какимъ видомъ нельзя выпускать изъ Эстрота до поры до времени.

Олафъ Скактавль (неодобрительно глядитъ на нее). Опять вы идете окольными путями, фру Ингеръ? Что̀ такое вы затѣваете? Нѣчто такое, что̀ можетъ усилить вашу власть во вредъ намъ и..?

Фру Ингеръ. Ахъ, эта близорукость, которая дѣлаетъ всѣхъ несправедливыми ко мнѣ! Я вижу, вы думаете, что я намѣрена взять Нильса Люкке въ зятья? Будь у меня такое намѣреніе, зачѣмъ мнѣ было бы отказываться принять участіе

въ томъ, что теперь подготовляется въ Швеціи и что, повидимому, готовъ поддержать Нильсъ Люкке со всей своей датской сворой?

Олафъ Скактавль. Но разъ вы не намѣрены привлечь его на свою сторону и закрѣпить его за собой, то какіе же у васъ на него виды?

Фру Ингеръ. Это я объясню вамъ въ нѣсколькихъ словахъ. Нильсъ Люкке въ письмѣ ко мнѣ выразился, что почелъ бы за счастье породниться со мною; и я честно сознаюсь, что дѣйствительно на одну минуту остановилась на этой мысли.

Олафъ Скактавль. Вотъ видите!

Фру Ингеръ. Связать Нильса Люкке съ моимъ домомъ узами родства было бы могучимъ средствомъ для устраненія усобицъ въ странѣ.

Олафъ Скактавль. Бракъ вашей дочери Мерете съ Винцентомъ Люнге, сдается мнѣ, могъ бы показать вамъ, много ли проку отъ такихъ средствъ. Стоило только господину Люнге стать у насъ твердою ногой, какъ онъ началъ прибирать къ рукамъ и добро и права наши.

Фру Ингеръ. О, я знаю, Олафъ Скактавль! Но порою меня обуреваетъ столько разныхъ думъ... Я не могу вполнѣ довѣриться ни вамъ ни кому бы то ни было. Часто я даже не знаю сама, что лучше всего для меня... И все-таки... вторично взять въ зятья датскаго дворянина — это такой выходъ, къ которому я могу прибѣгнуть лишь въ крайности. И, слава Богу, до этого еще не дошло пока.

Олафъ Скактавль. Я и теперь ровно ничего не понимаю, фру Ингеръ. Чего же ради вамъ хочется удержать Нильса Люкке въ Эстротѣ?

Фру Ингеръ (глухо). Того ради, что я питаю къ нему глубокую ненависть. Нильсъ Люкке нанесъ мнѣ такое кровное оскорбленіе, какого еще никто не наносилъ. Не могу сказать вамъ — какое. Но я не буду знать покоя, пока не отомщу ему. Вы меня не понимаете? Скажемъ, что Нильсу Люкке понравилась моя дочь. Сдается мнѣ, что это довольно правдоподобно. Я уговорю его остаться здѣсь. Онъ узнаетъ Элину поближе. Она и красива и умна... И вотъ, случись, что онъ когда-нибудь, пылая любовью, придетъ ко мнѣ просить ея руки, — выгнать его какъ собаку, осыпать насмѣшками, глумленіемъ, презрѣніемъ, разславить по всей странѣ, что Нильсъ Люкке получилъ отказъ изъ Эстрота!.. Говорю вамъ, десять лѣтъ жизни отдала бы я, чтобы пережить одинъ такой часъ!

Олафъ Скактавль. Положа руку на сердце, Ингеръ Гюльденлёве — это и есть ваше истинное намѣреніе относительно него?

Фру Ингеръ. Да, истинное и единственное; другихъ у меня нѣтъ, клянусь Богомъ! Повѣрьте мнѣ, Олафъ Скактавль, я чиста по отношенію къ моимъ землякамъ. Но я сама себѣ не госпожа. Есть нѣкоторыя обстоятельства, которыя мнѣ приходится держать въ тайнѣ, если я не хочу нанести себѣ самой смертельнаго удара. Но какъ только я обезпечу себя съ этой стороны, вы узнаете — забыла ли я свою клятву у трупа Кнута Альфсёна.

Олафъ Скактавль (пожимая ей руку). Спасибо за эти слова. Мнѣ крѣпко не хотѣлось думать о васъ дурно... Но что касается вашихъ намѣреній относительно рыцаря, сдается мнѣ— вы затѣваете опасную игру. Что, если вы промахнетесь? Если ваша дочь..? Говорятъ вѣдь, что ни одной женщинѣ не устоять противъ этого вкрадчиваго дьявола.

Фру Ингеръ. Моя дочь? Вы думаете, что она?.. Нѣтъ, будьте спокойны. Я лучше знаю Элину. Все, что она слышала въ похвалу ему, разожгло въ ней ненависть къ нему. Вы же сами собственными глазами убѣдились...

Олафъ Скактавль. Да, да; но женскій нравъ — зыбкая почва. На ней ничего нельзя строить. Не мѣшало бы вамъ все-таки быть насторожѣ.

Фру Ингеръ. Я и буду зорко слѣдить за ними. Но случись даже, что ему удалось бы завлечь ее въ свои сѣти, — мнѣ стоитъ шепнуть ей два слова, и она...

Олафъ Скактавль. И она?

Фру Ингеръ. И она съ ужасомъ отшатнется отъ него, какъ отъ посланца самого Искусителя... Тише, Олафъ Скактавль! Онъ идетъ. Будьте теперь осторожны.

(Въ ближайшую дверь справа входитъ Нильсъ Люкке).

Нильсъ Люкке (почтительно подойдя къ фру Ингеръ). Моя благородная госпожа изволила звать меня.

Фру Ингеръ. Мнѣ передали отъ имени моей дочери, что вы собирастесь покинуть насъ сегодня же ночью.

Нильсъ Люкке. Къ сожалѣнію, моя миссія въ Эстротѣ окончена.

Олафъ Скактавль. Нѣтъ еще. Я не получилъ отъ васъ бумагъ.

Нильсъ Люкке. Совершенно вѣрно. Я чуть-было не забылъ самаго главнаго изъ своихъ порученій. Но это ужъ вина нашей высокородной хозяйки. Она такъ увлекла своихъ гостей за столомъ умной и пріятной бесѣдой...

Фру Ингеръ. ...Что вы позабыли о томъ, что привело васъ сюда? Это меня радуетъ; я именно этого и хотѣла. Чтобы гостю моему Нильсу Люкке было вполнѣ по себѣ въ Эстротѣ, ему прежде всего надо было, какъ мнѣ сдавалось...

Нильсъ Люкке. Что, фру Гюльденлёве?

Фру Ингеръ. Позабыть о своемъ порученіи... и обо всемъ, что предшествовало этому посѣщенію.

Нильсъ Люкке (Олафу Скактавлю, вынимая пакетъ и отдавая ему бумаги). Вотъ бумаги отъ канцлера Педера. Вы найдете тутъ подробныя свѣдѣнія о нашихъ сторонникахъ въ Швеціи.

Олафъ Скактавль. Хорошо. (Садится къ столу налѣво, вынимаетъ изъ пакета бумаги и просматриваетъ ихъ).

Нильсъ Люкке. А теперь, фру Ингеръ, насколько я знаю, мнѣ здѣсь больше дѣлать нечего.

Фру Ингеръ. Постольку, поскольку насъ съ вами свели одни государственныя дѣла, вы, пожалуй, правы. Но едва ли это можно допустить.

Нильсъ Люкке. Вы хотите сказать?..

Фру Ингеръ. Я хочу сказать, что разъ Нильсъ Люкке рѣшился посѣтить меня, то вѣдь не только въ качествѣ члена датскаго государственнаго совѣта или союзника канцлера Педера... Ошибусь ли я, полагая, что вамъ въ Даніи приходилось слышать о фру Ингеръ изъ Эстрота нѣчто такое, возбудившее въ васъ любопытство и желаніе узнать ее поближе?

Нильсъ Люкке. Я и не думаю отрицать...

Олафъ Скактавль (перелистывая бумаги). Странно — никакого письма.

Нильсъ Люкке. ...что слава фру Ингеръ Гюльденлёве велика, и что встрѣча съ нею лицомъ къ лицу не могла не быть моимъ давнишнимъ желаніемъ.

Фру Ингеръ. Я такъ и думала. Но много ли въ такомъ случаѣ проку — провести съ нею часокъ въ шутливой бесѣдѣ за ужиномъ? На томъ, что произошло между нами раньше, мы попытаемся поставить крестъ. Можетъ случиться, что тотъ Нильсъ Люкке, котораго я узнаю, смягчитъ глубокое нерасположеніе къ тому Нильсу Люкке, котораго я не знала. Продлите же ваше пребываніе здѣсь на нѣсколько дней, господинъ совѣтникъ! Олафа Скактавля я не смѣю уговаривать. У него секретныя дѣла въ Швеціи. Что же касается васъ, вы навѣрно заранѣе обставили дѣло такъ, что ваше личное присутствіе тамъ врядъ ли окажется необходимымъ. И, повѣрьте, вы не соскучитесь у насъ. По крайней мѣрѣ, мы съ дочерью приложимъ всѣ старанія, чтобы угодить вамъ.

Нильсъ Люкке. Не сомнѣваюсь въ добромъ расположеніи ко мнѣ ни съ вашей стороны ни со стороны вашей дочери. Въ этомъ я уже успѣлъ достаточно убѣдиться. Но если я тѣмъ не менѣе вынужденъ заявить вамъ, что не могу продлить своего пребыванія въ Эстротѣ, вы, навѣрно, не откажетесь признать

безотлагательную необходимость моего личнаго присутствія въ иномъ мѣстѣ.

Фру Ингеръ. Такъ... Знаете что̀, господинъ совѣтникъ, — будь я злопамятна, мнѣ могло бы придти на умъ, что вы явились въ Эстротъ помѣряться со мной силами; теперь вы, повидимому, считаете игру проигранной и потому вамъ непріятно оставаться дольше на полѣ битвы, среди свидѣтелей вашего пораженія.

Нильсъ Люкке (улыбаясь). Допускаю, что возможно найти довольно вѣскія основанія для такого истолкованія; на дѣлѣ же несомнѣнно то, что я еще не считаю битву проигранной.

Фру Ингеръ. Ну, какъ бы тамъ ни было, — останься вы у насъ еще нѣсколько дней, вы во всякомъ случаѣ могли бы отыграться. Да вы сами видите, какъ я колеблюсь, стоя на распутьѣ, уговариваю своего опаснѣйшаго противника не очищать поля битвы... Ну, откровенно говоря, дѣло въ томъ, что вашъ союзъ съ недовольными въ Швеціи все еще представляется мнѣ... какъ бы это сказать? — нѣсколько страннымъ, господинъ совѣтникъ. Я говорю вамъ это безъ обиняковъ, дорогой господинъ. Соображенія, вынуждающія королевскій совѣтъ предпринять этотъ тайный шагъ, я считаю весьма мудрымъ, но они сильно идутъ въ разрѣзъ съ поступками вашихъ земляковъ въ теченіе минувшихъ лѣтъ. Да не оскорбитъ васъ поэтому, если я скажу вамъ, что мое довѣріе къ вашимъ добрымъ обѣщаніямъ должно обрѣсти болѣе прочные устои, прежде чѣмъ я ввѣрю вамъ все свое благосостояніе и благополучіе.

Нильсъ Люкке. Врядъ ли дальнѣйшее пребываніе въ Эстротѣ способствовало бы этой цѣли; во всякомъ случаѣ я не намѣреваюсь болѣе пытаться поколебать ваше рѣшеніе.

Фру Ингеръ. Тогда мнѣ жаль васъ отъ всего сердца. Правда, господинъ совѣтникъ, я лишь безпомощная вдова; но повѣрьте моему слову — ваша поѣздка въ Эстротъ выраститъ вамъ терніи.

Нильсъ Люкке (съ улыбкой). Вы это предсказываете, фру Ингеръ?

Фру Ингеръ. Еще бы! Что̀ дѣлать, дорогой господинъ! Люди въ наше время такъ падки на злословіе. Васъ будутъ высмѣивать въ пѣсенкахъ; въ какіе-нибудь полгода вы станете притчей во языцѣхъ; люди будутъ останавливаться на дорогѣ и глазѣть вамъ вслѣдъ, говоря: «глядите, глядите, вонъ ѣдетъ господинъ Нильсъ Люкке; онъ ѣздилъ въ Эстротъ изловить фру Ингеръ, да самъ запутался въ своихъ сѣтяхъ»... Ну, ну, не волнуйтесь, господинъ рыцарь! Не я вѣдь такъ думаю;

такъ будутъ судить злобные, дурные люди. А ихъ, къ сожалѣнію, вездѣ слишкомъ много... Да, это прискорбно, но несомнѣнно — вы пожнете насмѣшки за то, что женщина васъ перехитрила. Скажутъ: «лукавой лисицей прокрался онъ въ Эстротъ, а выскочилъ оттуда пристыженной собакой». Еще одно: вы не думаете, что канцлеръ Педеръ и его друзья захотятъ избавиться отъ союза съ вами, когда узнаютъ, что я не рѣшилась вступить въ борьбу подъ вашимъ знаменемъ?

Нильсъ Люкке. Вы мудро судите, фру Гюльденлёве. И чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ... болѣе того: чтобы избѣжать разрыва со всѣми дорогими друзьями въ Швеціи, я вынужденъ...

Фру Ингеръ (быстро). Продлить свое пребываніе въ Эстротѣ?

Олафъ Скактавль (прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ, про себя). Идетъ въ ловушку.

Нильсъ Люкке. Нѣтъ, благородная госпожа моя, я вынужденъ договориться съ вами до конца сейчасъ же.

Фру Ингеръ. А если это не удастся?

Нильсъ Люкке. Удастся.

Фру Ингеръ. Вы, какъ видно, увѣрены въ себѣ.

Нильсъ Люкке. Хотите биться объ закладъ, что вы пойдете рука объ руку со мной и канцлеромъ Педеромъ? Что вы поставите?

Фру Ингеръ. Замокъ Эстротъ противъ пряжекъ на вашихъ подвязкахъ.

Нильсъ Люкке (ударивъ себя въ грудь, восклицаетъ). Олафъ Скактавль, передъ вами хозяинъ Эстрота!

Фру Ингеръ. Господинъ совѣтникъ!..

Олафъ Скактавль (вставая). Что такое?

Нильсъ Люкке (фру Ингеръ). Заклада я не принимаю; черезъ минуту вы готовы будете отдать мнѣ и Эстротъ и еще многое въ придачу, лишь бы только выпутаться изъ сѣтей, въ которыхъ запутались вы сами, а не я.

Фру Ингеръ. Шутите, да знайте мѣру, господинъ! Веселость ваша переходитъ границы.

Нильсъ Люкке. Будетъ еще и не такъ весело, — по крайней мѣрѣ мнѣ. Вы кичитесь, что перехитрили меня; вы грозите сдѣлать меня всеобщимъ посмѣшищемъ. Ну, вамъ слѣдовало бы остерегаться разжигать во мнѣ жажду мести. Я двумя словами могу повернуть васъ къ моимъ ногамъ.

Фру Ингеръ. Ха-ха... (Вдругъ останавливается, словно охваченная предчувствіемъ). И эти два слова, Нильсъ Люкке? Эти два слова?..

Нильсъ Люкке. Это тайна о вашемъ и Стена Стуре сынѣ.

Фру Ингеръ (вскрикиваетъ). Іисусе Христе!..

Олафъ Скактавль. Сынъ Ингеръ Гюльденлёве! Что вы говорите?

Фру Ингеръ (почти на колѣняхъ передъ Нильсомъ Люкке). Пощадите! Будьте милосердны!..

Нильсъ Люкке (поднимая ее). Придите въ себя и поговоримъ спокойно.

Фру Ингеръ (упавшимъ голосомъ, почти не помня себя). Вы слышали, Олафъ Скактавль? Или это былъ лишь сонъ? Вы слышали, что онъ сказалъ?

Нильсъ Люкке. Это не былъ сонъ, фру Ингеръ!

Фру Ингеръ (всплеснувъ руками). И вы знаете это! Вы... вы!.. Но гдѣ же онъ у васъ? Гдѣ онъ у васъ? Что вы хотите съ нимъ сдѣлать? (Вскрикивая) Не убивайте его, Нильсъ Люкке! Верните мнѣ. Не убивайте его!

Олафъ Скактавль. А, я начинаю понимать...

Фру Ингеръ. Этотъ страхъ... этотъ убійственный страхъ!.. Я изнывала подъ его гнетомъ много-много лѣтъ... и вдругъ этотъ ужасъ обрушился на меня... мнѣ придется испить эту горькую чашу... Господи Боже мой, справедливо ли это? Затѣмъ ли Ты далъ мнѣ сына? (Овладѣвъ собой, говоритъ съ вынужденнымъ спокойствіемъ) Нильсъ Люкке, скажите мнѣ одно: гдѣ онъ у васъ? Гдѣ онъ?

Нильсъ Люкке. У своего пріемнаго отца.

Фру Ингеръ. Все еще у него! О, этотъ неумолимый человѣкъ!.. Все отказывалъ и отказывалъ мнѣ... Но дольше это не можетъ такъ продолжаться. Вы поможете мнѣ, Олафъ Скактавль!

Олафъ Скактавль. Я?

Нильсъ Люкке. Вамъ не будетъ нужды бояться, если вы только...

Фру Ингеръ. Выслушайте меня, господинъ совѣтникъ! Разъ ужъ вамъ извѣстно объ этомъ — знайте все отъ начала до конца. И вы тоже, старый вѣрный другъ мой... Вы напомнили мнѣ о томъ злополучномъ днѣ, когда Кнутъ Альфсёнъ былъ убитъ подъ Осло; напомнили мнѣ и о томъ обѣтѣ, который я дала надъ его трупомъ, въ кругу лучшихъ мужей Норвегіи. Я едва вышла тогда изъ дѣтскаго возраста; но я чувствовала въ себѣ силу Господню и думала, какъ и многіе думали потомъ, что самъ Господь отмѣтилъ меня печатью Своей, избравъ меня биться въ первыхъ рядахъ за благо страны и государства... Была ли это гордыня? Или же — откровеніе свыше? Я никогда не могла рѣшить этого вопроса. Но горе каждому, на комъ лежитъ великое призваніе... Въ теченіе семи лѣтъ, смѣю сказать, я была вѣрна своему обѣту.

Я дѣлила горе и бѣдствія съ моими земляками. Всѣ мои подруги дѣтства разбрелись по странѣ, стали женами и матерями, я одна не смѣла внимать мольбамъ жениховъ. И не внимала *никому*. Вамъ лучше всѣхъ знать это, Олафъ Скактавль... Тутъ я увидѣла въ первый разъ Стена Стуре. Прекраснѣе его я не видѣла никогда никого.

Нильсъ Люкке. А-а, теперь мнѣ стало ясно. Стенъ Стуре пріѣзжалъ тогда въ Норвегію съ тайнымъ порученіемъ. Намъ, датчанамъ, нельзя было знать о его благорасположеніи къ вашимъ друзьямъ.

Фру Ингеръ. Переодѣтый простымъ слугой, провелъ онъ зиму подъ одной кровлей со мною... Въ ту зиму я все меньше и меньше думала о благѣ родины. Такого красавца я еще никогда не видывала. Вдобавокъ я уже приближалась къ двадцати пяти годамъ... Слѣдующею осенью Стенъ Стуре вернулся. И когда уѣхалъ — тайкомъ увезъ съ собою грудного малютку. Не злыхъ языковъ людскихъ боялась я; я опасалась, что, провѣдай люди о моей близости къ Стену Стуре, это повредило бы нашему дѣлу... Ребенка отдали на воспитаніе канцлеру Педеру. Я ждала лучшихъ временъ, ожидала, что они скоро настанутъ. Но они такъ и не настали. Черезъ годъ Стенъ Стуре женился, а когда умеръ, оставилъ вдову...

Олафъ Скактавль. И законнаго наслѣдника своего имени и своихъ правъ.

Фру Ингеръ. Сколько разъ писала я канцлеру Педеру, умоляя его вернуть мнѣ мое дитя. Но онъ постоянно отказывалъ: «Примкните къ намъ всецѣло, крѣпко и нерушимо, — отвѣчалъ онъ: — и я отошлю вашего сына въ Норвегію, — не раньше». Какъ могла я рѣшиться на это? На насъ, недовольныхъ, косились многіе робкіе люди въ странѣ. Стоило имъ провѣдать о моей тайнѣ, они — я знаю — чтобы подрѣзать крылья матери, охотно уготовали бы сыну ту же участь, которая ожидала короля Христіана, не спасись онъ бѣгствомъ... Да кромѣ того датчане не дремали. Они не щадили ни угрозъ ни обѣщаній, чтобы привлечь меня на свою сторону.

Олафъ Скактавль. Понятно. Глаза всѣхъ были обращены на васъ, какъ на флюгеръ, указывающій, откуда дуетъ вѣтеръ и куда держать курсъ.

Фру Ингеръ. Тутъ разразилось возстаніе Герлуфа Гюдефаде. Помните вы то время, Олафъ Скактавль? Правда, какъ будто весна озарила страну солнечнымъ сіяніемъ? Громкіе голоса звали меня примкнуть къ движенію... но я не смѣла. Я колебалась... сидѣла вдали отъ борьбы, въ своемъ уединенномъ замкѣ. Порой мнѣ сдавалось, что самъ Господь Богъ взываетъ

ко мнѣ; но тутъ опять на меня нападалъ этотъ убійственный страхъ и обезсиливалъ меня. «Кто побѣдитъ?» — вотъ вопросъ, который вѣчно раздавался у меня въ ушахъ... Недолгая это была весна для Норвегіи! Герлуфа Гюдефаде и многихъ съ нимъ пытали и колесовали. Меня ни въ чемъ не могли обвинить, и все-таки со стороны датчанъ не было недостатка въ замаскированныхъ угрозахъ. Чего же я могла ожидать, если бы узнали мою тайну? Въ концѣ концовъ я и не могла объяснить себѣ ихъ поведеніе иначе, какъ тѣмъ, что они знали ее... Въ такое-то мучительное время прибылъ сюда къ намъ гофмейстеръ Гюльденлёве и посватался за меня. Пусть встревоженная мать представитъ себя на моемъ мѣстѣ. Мѣсяцъ спустя я была супругой гофмейстера и — изгнанницей изъ сердецъ моихъ земляковъ... Наступили тихіе годы. Никто больше не возмущался. Датскіе господа могли угнетать насъ, сколько хотѣли. Порою я становилась противна себѣ самой. Вѣдь что оставалось мнѣ въ жизни? Трепетать отъ страха, нести презрѣніе земляковъ и рождать мужу дочерей. Дочери мои!.. Боже, прости мнѣ, что у меня не было къ нимъ настоящаго материнскаго чувства! Обязанности супруги я исполняла, какъ батракъ отбываетъ барщину. Какъ же мнѣ было любить своихъ дочерей? Сына — дѣло другое! Онъ былъ дитя моего сердца; онъ одинъ напоминалъ мнѣ о томъ времени, когда я была женщиной, только женщиной... И его-то у меня отняли! Онъ росъ у чужихъ людей, которые, можетъ-быть, сѣяли въ его душѣ сѣмена пагубы. Олафъ Скактавль, пусть бы я, подобно вамъ, бродила по горамъ изгнанницей, всѣми покинутая, зимою, въ бурю и въ непогоду, — но будь только мое дитя у моей груди! Повѣрьте мнѣ, я бы такъ не убивалась, не пролила бы столько слезъ, какъ приходилось мнѣ убиваться и плакать о немъ съ самаго его рожденія и до сего дня.

Олафъ Скактавль. Вотъ моя рука! Я слишкомъ строго судилъ васъ, фру Ингеръ! Располагайте мною, какъ прежде. Я буду повиноваться... Клянусь всѣми святыми, я знаю, что значитъ оплакивать свое дитя!

Фру Ингеръ. Насильники убили вашего сына. Но что смерть въ сравненіи съ вѣчнымъ страхомъ въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ?

Нильсъ Люкке. Ну, хорошо; въ вашей власти избавиться отъ этого страха. Примирите враждующія партіи, и ни одна изъ нихъ не подумаетъ держать у себя вашего сына заложникомъ въ обезпеченіе вашей вѣрности.

Фру Ингеръ (глядя передъ собой и ни къ кому не обращаясь). Вотъ

она — кара небесная!.. (Взглянувъ на Нильса Люкке) Коротко и ясно — чего вы требуете отъ меня?

Нильсъ Люкке. Прежде всего я требую, чтобы вы призвали къ оружію народъ изъ сѣверныхъ областей для оказанія поддержки недовольнымъ въ Швеціи...

Фру Ингеръ. И затѣмъ?..

Нильсъ Люкке. Затѣмъ я требую вашего содѣйствія для возстановленія молодого графа Стуре въ его родовыхъ правахъ, какъ правителя Швеціи.

Фру Ингеръ. Его? Вы требуете, чтобы я?..

Олафъ Скактавль (тихо). Этого желаютъ многіе шведы. И намъ это было бы на руку.

Нильсъ Люкке. Вы раздумываете, фру Гюльденлёве? Но вы дрожите за безопасность вашего сына, такъ чего же лучше для васъ, если его сводный братъ будетъ на тронѣ?

Фру Ингеръ (задумчиво). Правда... правда...

Нильсъ Люкке (пристально глядя на нее). Если только тутъ не замѣшаны иныя соображенія...

Фру Ингеръ. Что вы хотите сказать?

Нильсъ Люкке. Можетъ-быть, Ингеръ Гюльденлёве замышляетъ стать матерью короля?

Фру Ингеръ. Нѣтъ, нѣтъ! Верните мнѣ моего сына и раздавайте короны, кому хотите. Увѣрены ли вы только, что самъ графъ Стуре согласенъ?..

Нильсъ Люкке. Насчетъ этого онъ самъ можетъ васъ увѣрить.

Фру Ингеръ. Онъ самъ? Когда?

Нильсъ Люкке. Сейчасъ.

Олафъ Скактавль. Какъ?

Фру Ингеръ. Что вы говорите?

Нильсъ Люкке. Однимъ словомъ—графъ Стуре находится въ Эстротѣ.

Олафъ Скактавль. Здѣсь?

Нильсъ Люкке (фру Ингеръ). Вамъ, можетъ-быть, докладывали, что я въѣхалъ въ ворота замка самъ-другъ? Графъ былъ моимъ спутникомъ.

Фру Ингеръ (про себя). Я въ его власти. Иного выбора у меня нѣтъ. (Пристально глядя на него) Хорошо, господинъ совѣтникъ, я дамъ вамъ мое завѣреніе относительно требуемаго вами содѣйствія.

Нильсъ Люкке. Письменное завѣреніе?

Фру Ингеръ. Какъ вамъ будетъ угодно. (Идетъ къ столу налѣво, садится и вынимаетъ изъ ящика письменныя принадлежности).

Нильсъ Люкке (въ сторону, у стола направо). Наконецъ-то я побѣдилъ!

Фру Ингеръ (послѣ минутнаго раздумья, внезапно повертывается къ Олафу Скактавлю и шепчетъ). Олафъ Скактавль... теперь я увѣрена—Нильсъ Люкке предатель.

Олафъ Скактавль (тихо). Какъ? Вы полагаете?

Фру Ингеръ. Онъ замышляетъ измѣну. (Кладетъ передъ собой бумагу и обмакиваетъ перо).

Олафъ Скактавль. И вы все-таки хотите дать ему письменное завѣреніе, которое можетъ повести за собою вашу гибель?

Фру Ингеръ. Тсс... предоставьте все дѣло мнѣ. Нѣтъ, постойте, выслушайте сначала... (Шепчетъ ему что-то).

Нильсъ Люкке (про себя, наблюдая за ними). О, совѣщайтесь сколько хотите. Теперь всякая опасность миновала. Съ ея письменнымъ завѣреніемъ въ карманѣ я могу обвинить ее, когда захочу. Сегодня же ночью пошлю тайкомъ гонца къ Йенсу Бьельке. Я не солгу, давъ ему слово, что молодого графа Стуре нѣтъ въ Эстротѣ. А завтра, когда путь будетъ свободенъ, помчимся съ юнкеромъ въ Троньемъ! Оттуда же я увезу его на кораблѣ заложникомъ въ Копенгагенъ. И разъ мы упрячемъ молодца въ башню, можно будетъ предписывать фру Ингеръ какія угодно условія. А я..? Послѣ этого, я думаю, король не пошлетъ во Францію другого.

Фру Ингеръ (продолжая разговаривать шопотомъ съ Олафомъ Скактавлемъ). Итакъ, вы меня поняли?

Олафъ Скактавль. Вполнѣ. Будь по-вашему, — дерзнемъ! (Уходитъ въ глубину направо).

(Въ первую дверь справа входитъ Нильсъ Стенссёнъ, незамѣченный фру Ингеръ, которая занята письмомъ. Слѣдующая бесѣда ведется вполголоса).

Нильсъ Стенссенъ. Господинъ рыцарь... господинъ рыцарь!

Нильсъ Люкке (идетъ къ нему). Неосторожный! Что вамъ здѣсь надо? Вѣдь я сказалъ вамъ, чтобы вы дожидались, пока я не позову васъ?

Нильсъ Стенссенъ. Какъ же я могъ?.. Послѣ того, какъ вы открыли мнѣ, что фру Ингеръ моя мать, я болѣе чѣмъ когда-либо жажду увидѣть ее лицомъ къ лицу... О, это она! Какая высокая, гордая! Такою я всегда и представлялъ ее себѣ. Не бойтесь, дорогой господинъ,—я не проболтаюсь. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ эту тайну, я чувствую себя будто старше и разумнѣе. Я не буду больше такимъ легкомысленнымъ и вѣтренымъ; я буду держать себя, какъ другіе благородные юнкеры... Слушайте, скажите мнѣ — она знаетъ, что я здѣсь? Вы подготовили ее?

Нильсъ Люкке. Конечно, я... Но...

Нильсъ Стенссенъ. Ну?

Нильсъ Люкке. Она не хочетъ признать васъ своимъ сыномъ.

Нильсъ Стенссенъ. Не хочетъ признать меня? Но она же мать моя!.. И если дѣло только за этимъ, то... (снимаетъ кольцо, висѣвшее у него на шеѣ на шнуркѣ) покажите ей это кольцо. Я носилъ его съ самаго ранняго дѣтства. Она-то вѣрно знаетъ, что̀ это за кольцо.

Нильсъ Люкке. Спрячьте кольцо. Спрячьте, говорятъ вамъ... Вы меня не поняли. Фру Ингеръ и не сомнѣвается, что вы ея сынъ, но... да вы оглядитесь кругомъ! Посмотрите на все это богатство, на изображенія этихъ могущественныхъ предковъ и родичей, развѣшанныя по стѣнамъ. Возьмите наконецъ ее самоё, эту гордую женщину, привыкшую повелѣвать, какъ первая изъ первыхъ въ странѣ. Вы думаете, ей можетъ быть пріятно показать людямъ бѣднаго, невѣжественнаго юнкера и сказать имъ: вотъ мой сынъ?

Нильсъ Стенссенъ. Да, вы правы. Я бѣденъ и невѣжественъ. Я ничего не могу предложить ей взамѣнъ того, чего требую. О, никогда я не тяготился своей бѣдностью—до этой минуты! Скажите, что̀ мнѣ дѣлать, по-вашему, чтобы завоевать ея благосклонность? Скажите мнѣ, дорогой господинъ,—навѣрно вы знаете!

Нильсъ Люкке. Вамъ предстоитъ завоевать страну и корону. До того же, какъ это совершится, вы всячески должны остерегаться оскорбить ея слухъ малѣйшимъ намекомъ на родство или тому подобное. Для виду она будетъ считать васъ графомъ Стуре, пока вы сами не сумѣете заслужить чести называться ея сыномъ.

Нильсъ Стенссенъ. О, такъ скажите же мнѣ...

Нильсъ Люкке. Тсс, тсс!..

Фру Ингеръ (встаетъ и подаетъ ему бумагу). Господинъ рыцарь... вотъ мое завѣреніе.

Нильсъ Люкке. Благодарю васъ.

Фру Ингеръ (замѣтивъ Нильса Стенссёна). А... этотъ молодой человѣкъ?..

Нильсъ Люкке. Да, фру Ингеръ, это графъ Стуре.

Фру Ингеръ (украдкой посматривая на него, въ сторону). Всѣ черты... лицо въ лицо... да, клянусь Богомъ,—это сынъ Стена Стуре! (Приближаясь къ нему; съ ледяной вѣжливостью) Привѣтствую васъ подъ своей кровлей, господинъ графъ! Отъ васъ самихъ зависитъ — благословимъ ли мы черезъ какой-нибудь годъ эту встрѣчу или нѣтъ.

Нильсъ Стенссенъ. Отъ меня? О, повелѣвайте мною, скажите, что̀ мнѣ дѣлать. Повѣрьте, у меня есть и мужество и желаніе...

Нильсъ Люкке (съ тревогою прислушиваясь). Что̀ это за шумъ

и крики, фру Ингеръ? Кто это врывается сюда? Что это значитъ?

Фру Ингеръ (возвышая голосъ). Это духи пробуждаются.

(Олафъ Скактавль, Эйнаръ Гукъ, Бьёрнъ, Финнъ и множество дворовыхъ слугъ и крестьянъ входятъ справа изъ глубины).

Крестьяне и слуги. Да здравствуетъ фру Ингеръ Гюльденлёве!

Фру Ингеръ (Олафу Скактавлю). Сказали вы имъ, что готовится?

Олафъ Скактавль. Все, что имъ нужно знать, я сказалъ.

Фру Ингеръ (толпѣ). Теперь, вѣрные мои слуги и люди, вооружайтесь, какъ сочтете за лучшее. То, чему я воспротивилась вчера вечеромъ, теперь вамъ вполнѣ разрѣшается. А вотъ вамъ и молодой графъ Стуре — будущій властитель Швеціи... и Норвегіи, если будетъ на то воля Господня.

Толпа. Да здравствуетъ, да здравствуетъ графъ Стуре!

(Общее движеніе. И крестьяне и домочадцы шумно выбираютъ и надѣваютъ на себя оружіе).

Нильсъ Люкке (тихо, тревожно). Духи пробуждаются,—сказала она? Я въ шутку вызвалъ бѣса мятежа. Проклятье, если онъ возьметъ верхъ надо мной!

Фру Ингеръ (Нильсу Стенссёну). Примите отъ меня первой руку помощи—тридцать верховыхъ для охраны и защиты въ пути. Повѣрьте мнѣ — не успѣете вы достигнуть границы, какъ сотни и сотни станутъ подъ мое и ваше знамя. Итакъ— съ Богомъ!

Нильсъ Стенссенъ. Благодарю... Ингеръ Гюльденлёве! Благодарю! И будьте увѣрены—вамъ не придется краснѣть за... за графа Стуре! Если мы свидимся когда-нибудь снова, вы увидите меня во главѣ страны.

Нильсъ Люкке (про себя). Да, *если* она увидитъ тебя когда-нибудь снова.

Олафъ Скактавль. Кони ждутъ, добрые люди! Вы готовы?..

Крестьяне. Да, да, да!

Нильсъ Люкке (тревожно фру Ингеръ). Какъ? Вы развѣ сегодня же ночью?..

Фру Ингеръ. Сію минуту, господинъ рыцарь!

Нильсъ Люкке. Нѣтъ, нѣтъ, невозможно.

Фру Ингеръ. Какъ я сказала, такъ и будетъ.

Нильсъ Люкке (тихо Нильсу Стенссёну). Не слушайтесь ея!

Нильсъ Стенссенъ. Какъ же я могу? Я хочу и долженъ.

Нильсъ Люкке. Но для васъ — это идти прямо на гибель...

Нильсъ Стенссенъ. Все равно. Она имѣетъ право распоряжаться мною...

Нильсъ Люкке (повелительно). А я?

Нильсъ Стенссенъ (вполголоса). Клятву свою я сдержу; будьте

спокойны. Тайна не выйдетъ изъ моихъ устъ, пока вы сами не разрѣшите ихъ. Но она—мать моя.

Нильсъ Люкке (въ сторону). А Пенсъ Бьелькс стережетъ на пути! Проклятье! Онъ вырветъ у меня изъ рукъ добычу... (Фру Ингеръ) Подождите до утра.

Фру Ингеръ (Нильсу Стенссёну). Графъ Стуре, угодно вамъ слушаться меня или нѣтъ?

Нильсъ Стенссенъ. На коней! (Отходитъ въ глубину).

Нильсъ Люкке (въ сторону). Несчастный! Самъ не знаетъ, на что идетъ. (Фру Ингеръ) Ну, если такъ—прощайте! (Кланяется и быстро поворачивается, чтобы уйти).

Фру Ингеръ (останавливая его). Нѣтъ, постойте! Не такъ, господинъ рыцарь... не такъ.

Нильсъ Люкке. Что вы хотите сказать?

Фру Ингеръ (понизивъ голосъ). Нильсъ Люкке, вы—предатель! Смирно! Пусть никто не замѣтитъ смятенія въ станѣ вождей. Вы снискали довѣріе канцлера Недера какою-то дьявольской хитростью, которую я не въ состояніи разгадать. Вы принудили меня поднять мятежъ — не ради нашего дѣла, а ради вашихъ собственныхъ плановъ, каковы бы они тамъ ни были. Для меня уже нѣтъ возврата. Но не думайте, что побѣда за вами. Я сумѣю сдѣлать васъ безвреднымъ...

Нильсъ Люкке (невольно хватаясь за мечъ). Фру Ингеръ...

Фру Ингеръ. Будьте спокойны, господинъ совѣтникъ! Жизнь ваша въ безопасности. Но вы не переступите порога Эстрота, пока мы не побѣдимъ.

Нильсъ Люкке. Смерть и адъ!

Фру Ингеръ. Всякое сопротивленіе безполезно. Васъ отсюда не выпустятъ. Держитесь поэтому смирно; это самое разумное въ вашемъ положеніи.

Нильсъ Люкке (въ сторону). А! Меня перехитрили. Она оказалась хитрѣе меня. (Вдругъ его осѣняетъ мысль) А если я все-таки?..

Фру Ингеръ (тихо Олафу Скактавлю). Проводите графа Стуре до самой границы. А затѣмъ немедля поѣзжайте къ канцлеру Недеру и привезите мнѣ мое дитя. Теперь у канцлера нѣтъ больше причинъ удерживать силой то, что принадлежитъ мнѣ по праву. (Олафъ Скактавль хочетъ идти). Постойте, есть одна примѣта: тотъ, у кого кольцо Стена Стуре, и есть мой сынъ.

Олафъ Скактавль. Клянусь всѣми святыми, я верну его вамъ!

Фру Ингеръ. Благодарю... благодарю, мой вѣрный другъ!

Нильсъ Люкке (Финну, котораго онъ незамѣтно для другихъ подозвалъ къ себѣ и съ которымъ шепталея). Итакъ... постарайся потихоньку выбраться. Смотри, чтобы никто тебя не видалъ.

Неподалеку отсюда шведы устроили засаду. Скажи начальнику, что графъ Стуре умеръ. Этого молодого человѣка нельзя трогать. Скажи все это начальнику и прибавь, что жизнь этого юнкера мнѣ дороже тысячъ.

Финнъ. Будетъ исполнено.

Фру Ингеръ (которая наблюдала за Нильсомъ Люкке). Съ Богомъ теперь! (Указывая на Нильса Люкке) Этотъ благородный рыцарь не можетъ рѣшиться такъ скоро покинуть своихъ друзей въ Эстротѣ. Онъ желаетъ дождаться у меня радостной вѣсти о нашей побѣдѣ!

Нильсъ Люкке (въ сторону). Дьяволъ!

Нильсъ Стенссенъ (схвативъ его за руку). Вѣрьте — вамъ не придется ждать долго!

Нильсъ Люкке. Хорошо, хорошо. (Въ сторону) Все еще можетъ кончиться хорошо для меня. Лишь бы посланный во-время поспѣлъ къ Пенсу Бьельке...

Фру Ингеръ (Эйнару Гуку, указывая на Финна). А этого посадить въ погребъ подъ замокъ и зорко стеречь.

Финнъ. Меня?

Эйнаръ Гукъ и другіе. Финна!

Нильсъ Люкке (тихо). Послѣдній мой якорь сорвался.

Фру Ингеръ (повелительно). Въ погребъ!

(Эйнаръ Гукъ, Бьёрнъ и другіе уводятъ Финна налѣво).

Остальные (кромѣ Нильса Люкке, устремляясь направо). Въ путь! На коней, на коней! Да здравствуетъ Ингеръ Гюльденлёве!

Фру Ингеръ (проходя мимо Нильса Люкке вслѣдъ за остальными). Кто побѣдилъ?

Нильсъ Люкке (оставшись одинъ). Кто? Да, горе тебѣ, дорого заплатишь ты за эту побѣду! Я умываю руки. Не я убью его... Но моя добыча все-таки ускользнетъ изъ моихъ рукъ. А мятежъ все растетъ да растетъ. Ахъ, безразсудную, безумную игру я затѣялъ! (Прислушивается у окна) Выѣзжаютъ изъ воротъ, бряцая оружіемъ... Ворота запираются за ними... а я остаюсь тутъ — въ плѣну... Нѣтъ никакой возможности выскользнуть. Не пройдетъ и часу, какъ шведы нападутъ на него. У него съ собой тридцать хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Завяжется борьба не на жизнь, а на смерть... А если они все-таки возьмутъ его въ плѣнъ живымъ? Будь я свободенъ, я бы догналъ шведовъ раньше, чѣмъ они успѣли бы перебраться черезъ границу, и добился бы его выдачи. (Подходитъ къ окну въ глубинѣ и выглядываетъ) Проклятье! Повсюду стража. Неужели же нѣтъ никакого выхода отсюда? (Быстро отходитъ отъ окна, вдругъ останавливается и прислушивается) Что это? Пѣніе и звуки лютни? Слышится какъ будто въ комнатѣ

йомфру Элины. Да; это она поетъ. Не легла еще... (Видно, что его внезапно осѣняетъ мысль) Элина!.. Ахъ, если бы удалось!.. Если бы можно было!.. И почему—нѣтъ? Развѣ я не прежній Нильсъ Люкке? Въ пѣсенкѣ поется:

„Нильсъ Люкке, Нильсъ Люкке всѣмъ дѣвушкамъ милъ!
Всѣ шепчутъ: ахъ, если-бъ *меня* полюбилъ!“

А она?.. Да, Элина Гюльденлёве спасетъ меня!
(Быстро, но крадучись, направляется къ первой двери налѣво).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Рыцарская зала. Все еще ночь. Зала слабо освѣщена однимъ канделябромъ, стоящимъ на столѣ впереди направо.
У стола сидитъ фру Ингеръ Гюльденлёве въ глубокой задумчивости.

Фру Ингеръ (помолчавъ). Меня считаютъ умнѣе всѣхъ въ странѣ. И, я думаю, такъ оно и есть. Умнѣе всѣхъ... А почему я умнѣе всѣхъ?.. Никто не знаетъ. Я двадцать лѣтъ съ лишкомъ боролась за спасеніе своего ребенка. Вотъ ключъ къ загадкѣ. Отъ этого поумнѣешь... Поумнѣешь? Куда же дѣвался мой умъ въ эту ночь? Гдѣ моя сообразительность? Въ ушахъ звенитъ и шумитъ. Передо мной витаютъ тѣни, встаютъ образы до того живо, что я какъ будто вотъ-вотъ схвачу ихъ руками. (Вскакиваетъ) Господи Іисусе — что̀ это? Или я ужъ не владѣю больше своимъ разсудкомъ? Неужели дошло до того, что я..? (Крѣпко сжимаетъ голову обѣими руками, затѣмъ снова садится и говоритъ уже спокойнѣе) О, ничего. Это пройдетъ. Бояться нечего,— это пройдетъ. Какой миръ и спокойствіе сегодня здѣсь въ залѣ! Ни предки ни родичи не глядятъ на меня съ угрозой. Не приходится повертывать ихъ къ стѣнѣ лицомъ. (Снова встаетъ) Да, хорошо, что я наконецъ собралась съ мужествомъ. Мы побѣдимъ... и я—у цѣли. Я верну себѣ свое дитя. (Беретъ въ руки канделябръ и собирается выйти, но останавливается и говоритъ, глядя передъ собой) У цѣли? У цѣли? Верну его себѣ? И только?.. Ничего больше?.. (Снова ставитъ канделябръ на столъ) Нильсъ Люкке обронилъ словечко... Какъ онъ могъ прочесть во мнѣ неродившуюся мысль? (Тише) Мать короля... Мать короля,—сказалъ онъ... И почему бы не такъ? Развѣ предки мои не властвовали, какъ короли, хоть и не именовались королями? Развѣ у моего сына нѣтъ такихъ же правъ на имя и всѣ преимущества рода Стуре, какъ у того, другого? Передъ Богомъ они оба равны, если только есть справедливость на небѣ... И вотъ я въ минуту страха лишила своего сына всѣхъ этихъ правъ и преимуществъ: щедрой рукой отдала ихъ въ видѣ выкупа за его свободу... А если бы удалось вернуть ихъ ему обратно?.. Или небо разгнѣвалось бы на меня, если-бъ я..? Или я на-

влекла бы на себя новыя испытанія, если бы..? Кто знаетъ... кто знаетъ?.. Пожалуй, вѣрнѣе всего—отказаться. (Снова беретъ канделябръ) Я вернусь себѣ свое дитя. И этого довольно. Попытаюсь отдохнуть. Надо отогнать сномъ всѣ эти дерзновенныя мысли. (Идетъ въ глубину залы, но тамъ останавливается и говоритъ въ раздумьѣ) Мать короля?.. (Медленно уходитъ въ заднюю дверь налѣво).

(Вскорѣ затѣмъ изъ первой двери налѣво тихонько выходятъ Нильсъ Люкке и Элина Гюльденлёве. У Нильса Люкке въ рукахъ фонарикъ).

Нильсъ Люкке (поводя фонарикомъ, озирается и шепчетъ). Все тихо. Пора мнѣ въ путь.

Элина. О, дай же мнѣ еще разъ взглянуть въ глаза тебѣ, прежде чѣмъ покинешь меня.

Нильсъ Люкке (обнимая ее). Элина!

Элина (послѣ краткой паузы). Ты никогда больше не пріѣдешь въ Эстротъ?

Нильсъ Люкке. Какъ ты можешь сомнѣваться? Развѣ ты съ этой ночи не нареченная моя?.. Но останешься ли ты вѣрна мнѣ, Элина? Захочешь ли? Не забудешь ли меня, пока мы не встрѣтимся снова?

Элина. Захочу ли я остаться вѣрной тебѣ? Да развѣ у меня есть теперь своя воля? Смогу ли я измѣнить тебѣ, если бы даже захотѣла?.. Ты пришелъ ко мнѣ ночью, постучался въ мою дверь, и я впустила тебя. Ты заговорилъ со мной. Что ты говорилъ мнѣ? Ты глядѣлъ мнѣ въ глаза. Какая таинственная сила заворожила меня, опутала словно волшебной сѣтью? (Быстро прячетъ лицо на его плечѣ) О, не гляди на меня. Нильсъ Люкке! Не надо тебѣ глядѣть на меня послѣ этого... Остаться тебѣ вѣрной, — говоришь? Вѣдь ты овладѣлъ мной. Я твоя... и останусь твоей... навѣкъ.

Нильсъ Люкке. Такъ клянусь же честью рыцаря, года не минетъ, какъ ты будешь моей супругой и хозяйкой въ моемъ родовомъ замкѣ!

Элина. Не надо обѣтовъ, Нильсъ Люкке! Не клянись мнѣ ни въ чемъ.

Нильсъ Люкке. Что съ тобой? Отчего ты такъ печально качаешь головой?

Элина. Я знаю, что сладкія рѣчи, которыми ты обворожилъ мою душу, ты много разъ шепталъ другимъ до меня... Нѣтъ, нѣтъ, не гнѣвайся, мой возлюбленный! Я не упрекаю тебя ни въ чемъ, какъ бывало тогда, когда я еще не знала тебя. Теперь я вѣдь понимаю, какъ высоки твои цѣли. Могла ли любовь быть для тебя чѣмъ инымъ, нежели игрой, а женщина—забавой?

Нильсъ Люкке. Элина, выслушай меня!

Элина. Я выросла подъ звуки твоего имени. Я ненавидѣла это имя; мнѣ вѣдь казалось, что твоимъ поведеніемъ нанесено оскорбленіе всѣмъ женщинамъ. И все же — какъ странно! — когда я въ мечтахъ рисовала себѣ свою собственную жизнь въ будущемъ — моимъ героемъ всегда былъ ты, хотя я сама того не сознавала. Теперь мнѣ все стало ясно. Что это было за чувство, которое я испытывала? То была вѣщая загадочная тоска по тебѣ, одномъ тебѣ; ты долженъ былъ явиться и раскрыть предо мной жизнь во всемъ ея блескѣ.

Нильсъ Люкке (въ сторону, ставя фонарь на столъ). Что со мною? Эта обаятельная сила, отъ которой кружится голова... Если это чувство — любовь, то я никогда не зналъ ея до этого часа... Быть-можетъ, еще не поздно?.. Ахъ, этотъ ужасъ съ Люціей! (Тяжело опускается на стулъ).

Элина. Что это? Ты такъ тяжело вздыхаешь?..

Нильсъ Люкке. О, ничего, ничего... Элина... я чистосердечно исповѣдуюсь тебѣ. Я обманывалъ и словомъ и взглядомъ; я многимъ говорилъ то, что въ эту ночь шепталъ тебѣ. Но, вѣрь мнѣ...

Элина. Тсс! Ни слова больше объ этомъ. Я не плачу тебѣ любовью за любовь. О, нѣтъ, я люблю тебя потому, что каждый твой взглядъ — царственное велѣніе мнѣ любить тебя. (Опускается къ его ногамъ) О, дай мнѣ еще разъ запечатлѣть въ своей душѣ это царственное велѣніе, хотя я знаю, что оно и такъ уже не сотрется изъ нея во вѣки вѣковъ... Боже мой, какъ я была слѣпа! Еще вчера вечеромъ я говорила своей матери: «чтобы жить, мнѣ надо сохранить мою гордость». Въ чемъ же теперь моя гордость? Въ сознаніи свободы моихъ земляковъ или въ возвеличеніи моего рода? О, нѣтъ, нѣтъ! Моя гордость — въ моей любви. Собачка гордится, если ей позволятъ сидѣть у ногъ ея господина и подбирать крошки хлѣба, падающія изъ его рукъ. Такъ и я горжусь, пока могу сидѣть у твоихъ ногъ и пока твои слова и твои взгляды насыщаютъ мою душу. Вотъ почему я говорю тебѣ, какъ недавно говорила моей матери: «чтобы жить, мнѣ надо сохранить мою любовь»; въ моей любви отнынѣ и навѣки вся моя гордость.

Нильсъ Люкке (привлекая ее къ себѣ на колѣни). Нѣтъ, нѣтъ, не у ногъ моихъ, а рядомъ со мною твое мѣсто, какъ бы высоко ни вознесла меня судьба. Да, Элина, — ты вывела меня на вѣрный путь. И если мнѣ суждено когда-нибудь искупить славнымъ дѣломъ то, въ чемъ я прегрѣшилъ въ своей бурной молодости, то честь будетъ принадлежать столько же тебѣ, сколько мнѣ.

Элина. О, ты говоришь, словно я все та же Элина, которая вчера вечеромъ бросила къ твоимъ ногамъ цвѣты... Въ книгахъ я читала о пестрой, разнообразной жизни въ далекихъ странахъ. Звуки рога возвѣщаютъ о выѣздѣ въ зеленую рощу молодого рыцаря съ соколомъ на рукѣ. Такъ и ты проходишь жизненный путь: имя твое гремитъ впереди тебя, куда бы ты ни направился... Все, чего я желаю на свою долю изъ всего этого великолѣпія — права отдыхать на твоей рукѣ подобно соколу... И я была слѣпа, какъ соколъ въ колпачкѣ, — не видала свѣта и жизни, пока ты не снялъ завѣсу съ моихъ глазъ и не помогъ мнѣ взлетѣть высоко-высоко надъ вершиной деревьевъ... Но вѣрь мнѣ — какъ смѣло ни расправлю я свои крылья, я всегда вернусь назадъ въ свою клѣтку.

Нильсъ Люкке (встаетъ). Такъ и я пойду наперекоръ прошлому! Вотъ возьми это кольцо и будь *моей* передъ Богомъ и людьми, *моей* — хоть бы изъ-за этого мертвецы перевернулись въ гробахъ!

Элина. Мнѣ жутко отъ такихъ словъ... Что это значитъ?..

Нильсъ Люкке. Ничего. Дай мнѣ надѣть тебѣ кольцо на палецъ... Вотъ такъ. Теперь ты моя невѣста.

Элина. Я — невѣста Нильса Люкке! Все, что случилось въ эту ночь, кажется мнѣ сномъ. О, но какой дивный сонъ! Мнѣ такъ легко, хорошо. Въ душѣ моей нѣтъ больше горечи и ненависти. Я все заглажу, исправлю, — все, въ чемъ была неправа. Я была неласкова съ матерью. Завтра я пойду къ ней; пусть она проститъ меня за то, въ чемъ я была виновата передъ ней.

Нильсъ Люкке. И согласится на нашъ союзъ.

Элина. Она согласится. О, я въ этомъ увѣрена. Мать моя добра; всѣ люди добры; я больше не питаю злобы ни къ кому... исключая одного.

Нильсъ Люкке. Исключая одного?

Элина. О, это грустная исторія. У меня была сестра...

Нильсъ Люкке. Люція?

Элина. Ты зналъ Люцію?

Нильсъ Люкке. Нѣтъ, нѣтъ; я только слышалъ о ней.

Элина. И она отдала свое сердце одному рыцарю. Онъ обманулъ ее. Теперь она на небесахъ.

Нильсъ Люкке. И ты?..

Элина. Я его ненавижу.

Нильсъ Люкке. Не надо. Если въ твоей душѣ есть милосердіе, прости ему его грѣхъ. Повѣрь мнѣ, онъ несетъ кару въ своей душѣ.

Элина. Ему я никогда не прощу. Я не могу, если бы даже

хотѣла. Я дала страшную клятву... (Прислушиваясь) Тсс! Ты слышишь?..

Нильсъ Люкке. Что? Гдѣ?

Элина. Тамъ... вдали. По дорогѣ какъ будто скачетъ толпа всадниковъ.

Нильсъ Люкке. Ахъ, это они! А я и забылъ!.. Они скачутъ сюда... Такъ опасность велика. Мнѣ надо въ путь.

Элина. Куда? О, Нильсъ Люкке, что ты скрываешь отъ меня?..

Нильсъ Люкке. Завтра, Элина... Клянусь Богомъ, я вернусь!.. Ну, скорѣе, — гдѣ потайной ходъ, о которомъ ты говорила?

Элина. Онъ идетъ черезъ могильный склепъ. Вотъ люкъ...

Нильсъ Люкке. Могильный склепъ!.. (Про себя) Все равно; *его* необходимо спасти.

Элина (у окна). Всадники почти у самыхъ воротъ... (Подаетъ ему фонарь).

Нильсъ Люкке. Ну, будь что будетъ!.. (Начинаетъ спускаться).

Элина. Иди все прямо до гробницы съ мертвой головой и чернымъ крестомъ. Это гробъ Люціи...

Нильсъ Люкке (быстро подымается обратно и захлопываетъ люкъ). Люціи!.. У!..

Элина. Что ты говоришь?

Нильсъ Люкке. О, ничего. У меня голова закружилась отъ трупнаго запаха.

Элина. Слышишь? Они стучатъ въ ворота.

Нильсъ Люкке (уронивъ фонарь). А!.. Я опоздалъ!..

(Справа быстро входитъ Бьёрнъ со свѣчой въ рукахъ).

Элина (идетъ къ нему навстрѣчу). Что это, Бьёрнъ? Что это?

Бьернъ. Нападеніе. Графъ Стуре...

Элина. Графъ Стуре? Что же онъ?

Нильсъ Люкке. Его убили?

Бьернъ (Элинѣ). Гдѣ ваша матушка?

Двое слугъ (врываясь справа). Фру Ингеръ! Фру Ингеръ!

Фру Ингеръ (входитъ изъ послѣднихъ дверей слѣва съ зажженнымъ канделябромъ въ рукахъ и поспѣшно говоритъ). Я все знаю. Скорѣе во дворъ! Отворите ворота нашимъ друзьямъ, а для всѣхъ остальныхъ — на запоръ! (Ставитъ канделябръ на столъ налѣво).

(Бьёрнъ и слуги уходятъ опять направо).

Фру Ингеръ (Нильсу Люкке). Такъ вы разставили ему западню, господинъ совѣтникъ...

Нильсъ Люкке. Ингеръ Гюльденлёве, вѣрьте мнѣ...

Фру Ингеръ. Вы устроили засаду, съ цѣлью изловить его, какъ только — на мою погибель — заручитесь моимъ завѣреніемъ.

Нильсъ Люкке (вынимая бумагу и разрывая ее въ клочки). Вотъ

ваше завѣреніе. У меня не осталось ничего, что могло бы послужить уликой противъ васъ.

Фру Ингеръ. Чего же вы хотите?

Нильсъ Люкке. Я хочу отнынѣ быть вашимъ защитникомъ. Если я въ чемъ былъ грѣшенъ противъ васъ, — теперь, клянусь небомъ, я попытаюсь искупить свой грѣхъ. Но мнѣ надо вырваться отсюда, хотя бы пришлось мечомъ прорубить себѣ путь. Элина... скажи своей матери все. И забудемъ наши счеты, фру Ингеръ! Будьте великодушны... храните молчаніе. Вѣрьте мнѣ, не успѣетъ взойти солнце — вы будете у меня въ великомъ долгу. (Быстро уходитъ направо).

Фру Ингеръ (съ торжествомъ смотритъ ему вслѣдъ). Да, да! Я понимаю его! (Оборачиваясь къ Элинѣ) Нильсъ Люкке?.. Ну?..

Элина. Онъ постучался ко мнѣ въ дверь и надѣлъ мнѣ на палецъ это кольцо.

Фру Ингеръ. Онъ полюбилъ тебя?

Элина. Онъ такъ сказалъ, и я ему вѣрю.

Фру Ингеръ. Хитро сдѣлано, Элина! Ха-ха! Господинъ рыцарь, — теперь *мой* чередъ!

Элина. Матушка... вы такъ странно говорите... Да, я знаю... васъ прогнѣвала моя непокорность...

Фру Ингеръ. Нѣтъ, нѣтъ, дорогая Элина! Ты послушная дочь. Ты впустила его: ты слушала его сладкія рѣчи. Я понимаю, чего это стоило тебѣ. Я вѣдь знаю твою ненависть...

Элина. Но, матушка...

Фру Ингеръ. Тсс! Наши замыслы встрѣтились. Какъ же ты добилась этого, мое разумное дитя? Я вижу — онъ горитъ любовью. Держи его теперь крѣпче! Затягивай все туже и туже въ сѣти! А тамъ... Ахъ, Элина, если бы мы могли вырвать изъ его груди клятвопреступное сердце!

Элина. Горе мнѣ... Что вы говорите?

Фру Ингеръ. Не теряй мужества. Слушай. Я знаю слово, которое поддержитъ въ тебѣ духъ. Узнай же... (Прислушиваясь) Бой идетъ у самыхъ воротъ... Теперь благоразуміе! Скоро пробьетъ часъ... (Снова обращаясь къ Элинѣ) Узнай же — это Нильсъ Люкке уложилъ въ могилу твою сестру.

Элина (вскрикивая). Люцію!

Фру Ингеръ. Да, вотъ кто погубилъ ее, — свидѣтель мнѣ Богъ, Мститель на небесахъ!

Элина. Такъ помоги мнѣ, Боже!

Фру Ингеръ (съ испугомъ). Элина?..

Элина. Я его нареченная передъ Богомъ.

Фру Ингеръ. Несчастное дитя, что ты сдѣлала?!

Элина (сухо). Навѣки погубила миръ души своей. Спокойной ночи, мать моя! (Уходитъ налѣво).

Фру Ингеръ. Ха-ха-ха!.. Родъ Ингеръ Гюльденлёве идетъ на убыль. Вотъ послѣдняя моя дочь. Отчего я не могла промолчать? Не узнай она ничего, она, можетъ-быть, была бы счастлива — по-своему. Такъ суждено. Въ небесахъ звѣздами написано, что мнѣ суждено ломать одну зеленую вѣтвь за другою, пока стволъ не обнажится совсѣмъ. Пусть такъ, пусть такъ. Теперь я верну себѣ сына. О другихъ дѣтяхъ, о дочеряхъ, я не буду думать. Отчетъ? Придется отдать отчетъ?.. О, это еще въ день страшнаго суда. До него долго.

Нильсъ Стенссенъ (кричитъ за дверями направо). Эй, захлопните ворота!

Фру Ингеръ. Голосъ графа Стуре.

Нильсъ Стенссенъ (обезоруженный, въ разодранной одеждѣ, вбѣгаетъ справа и со смѣхомъ, полнымъ отчаянія, кричитъ). Пріятная встрѣча, Ингеръ Гюльденлёве!

Фру Ингеръ. Что такое произошло?

Нильсъ Стенссенъ. Все пропало — и королевство и жизнь!

Фру Ингеръ. А крестьяне? Мои слуги? Гдѣ они?..

Нильсъ Стенссенъ. Туши ихъ найдете на дорогѣ. Кто взялъ остальное — не сумѣю вамъ сказать.

Олафъ Скактавль (за дверью справа). Графъ Стуре! Гдѣ вы?

Нильсъ Стенссенъ. Здѣсь, здѣсь!

(Олафъ Скактавль, входитъ; правая рука его обмотана платкомъ).

Фру Ингеръ. Ахъ, и вы, Олафъ Скактавль!..

Олафъ Скактавль. Невозможно было прорваться.

Фру Ингеръ. Вы ранены?

Олафъ Скактавль. Ну, однимъ пальцемъ меньше, вотъ и все.

Нильсъ Стенссенъ. Гдѣ шведы?

Олафъ Скактавль. Гонятся по пятамъ за нами. Ломаютъ ворота.

Нильсъ Стенссенъ. О, Іисусе Христе! Но нѣтъ, нѣтъ! Я не могу... не хочу умирать!

Олафъ Скактавль. Тайникъ, фру Ингеръ. Развѣ нѣтъ здѣсь уголка, куда бы его спрятать?

Фру Ингеръ. А если они обыщутъ весь замокъ?..

Нильсъ Стенссенъ. Да, да, тогда они найдутъ меня. А попасть въ тюрьму или на висѣлицу!.. Нѣтъ Ингеръ Гюльденлёве... я знаю, знаю, никогда вы этого не допустите!

Олафъ Скактавль (прислушиваясь). Запоры отбили.

Фру Ингеръ (у окна). Толпами врываются во дворъ.

Нильсъ Стенссенъ. Разстаться съ жизнью... теперь, теперь! Когда предстояло начать ее по-настоящему!.. Когда я только-

что узналъ, что мнѣ есть для чего жить! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Не думайте, что я трусъ, Нигеръ Гюльденлёве! Дали бы мнѣ только прожить столько дней, чтобы успѣть...

Фру Ингеръ. Я слышу — они уже въ сѣняхъ. (Рѣшительно Олафу Скактавлю) Его нужно спасти во что бы то ни стало!

Нильсъ Стенссенъ (схвативъ ея руку). О, я такъ и зналъ!.. Вы благородны и добры.

Олафъ Скактавль. Но какъ? Разъ намъ нельзя скрыть его...

Нильсъ Стенссенъ. А, я знаю, знаю средство! Тайна!..

Фру Ингеръ. Тайна?

Нильсъ Стенссенъ. Ну да, ваша и моя.

Фру Ингеръ. Іисусе Христе... вы ее знаете?

Нильсъ Стенссенъ. Знаю, все знаю. И теперь, когда дѣло идетъ о жизни... Гдѣ господинъ Нильсъ Люкке?

Фру Ингеръ. Бѣжалъ.

Нильсъ Стенссенъ. Бѣжалъ? Такъ помоги мнѣ, Боже! Только онъ могъ бы разрѣшить мои уста. Но жизнь дороже обѣщанья. Когда явится шведскій начальникъ...

Фру Ингеръ. Что тогда? Что вы сдѣлаете?

Нильсъ Стенссенъ. Куплю себѣ жизнь и свободу, открывъ ему все!

Фру Ингеръ. О, нѣтъ, нѣтъ, — сжальтесь!

Нильсъ Стенссенъ. Другого средства спасенія нѣтъ. Когда я разскажу ему то, что знаю...

Фру Ингеръ (смотритъ на него, подавляя волненіе). Тогда вы спасены?

Нильсъ Стенссенъ. Да, да. Нильсъ Люкке защититъ меня. Вы видите — это послѣднее средство.

Фру Ингеръ (овладѣвъ собой, съ удареніемъ). Послѣднее средство? Вы правы — за послѣднее средство ухватится всякій. (Указывая налѣво) Вонъ тамъ вы можете спрятаться пока.

Нильсъ Стенссенъ (понизивъ голосъ). Вѣрьте — вы никогда не раскаетесь въ томъ, что дѣлаете!

Фру Ингеръ (полупросебя). Дай Богъ, чтобы вы сказали правду!

(Нильсъ Стенссенъ быстро уходитъ въ послѣднюю дверь налѣво. Олафъ Скактавль хочетъ послѣдовать за нимъ, но фру Ингеръ удерживаетъ его).

Фру Ингеръ. Вы поняли, на что онъ намекалъ?

Олафъ Скактавль. Негодяй! Онъ выдастъ вашу тайну. Пожертвуетъ вашимъ сыномъ, чтобы спастись самому.

Фру Ингеръ. Когда дѣло идетъ о жизни, по его словамъ, мы въ правѣ испробовать всѣ средства, до послѣдняго. Хорошо, Олафъ Скактавль, — пусть будетъ, какъ онъ сказалъ.

Олафъ Скактавль. Что вы разумѣете?

Фру Ингеръ. Жизнь за жизнь. Одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть.

Олафъ Скактавль. А... вы хотите...

Фру Ингеръ. Если не заставить его замолкнуть навѣки прежде, чѣмъ онъ успѣетъ поговорить съ шведскимъ начальникомъ — сынъ мой погибъ для меня. Напротивъ, если его устранить, я со временемъ заявлю свои права на всѣ его преимущества — отъ имени моего сына. Тогда увидите—попрежнему ли сильна Ингеръ, дочь Отти! Положитесь на меня— недолго тогда ждать вамъ мести, которой вы жаждали двадцать лѣтъ... Слышите? Они подымаются по лѣстницѣ. Олафъ Скактавль, отъ васъ зависитъ — останусь ли я завтра бездѣтной или...

Олафъ Скактавль. Да будетъ такъ. У меня въ запасѣ еще одинъ здоровый кулакъ. (Протягивая ей руку) Ингеръ Гюльденлёве, — ваше имя не умретъ по моей винѣ. (Идетъ въ дверь, за которой скрылся Нильсъ Стенссёнъ).

Фру Ингеръ (блѣдная, дрожащая). Смѣю ли я отважиться? (Изъ комнаты налѣво доносится шумъ. Она съ крикомъ бросается къ дверямъ) Нѣтъ, нѣтъ — нельзя, нельзя! (Слышно паденіе чего-то тяжелаго. Фру Ингеръ затыкаетъ себѣ уши и съ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ отбѣгаетъ прочь. Черезъ минуту она осторожно отнимаетъ руки отъ ушей, прислушивается и тихо говоритъ) Кончено. Все стихло. Господи, Ты видѣлъ, — я одумалась. Но Олафъ Скактавль слишкомъ поспѣшилъ.

(Олафъ Скактавль молча выходитъ въ залу).

Фру Ингеръ (немного погодя и не глядя на него). Сдѣлано?

Олафъ Скактавль. Что до него — будьте спокойны; онъ никого не выдастъ.

Фру Ингеръ (попрежнему). Такъ онъ замолкъ?

Олафъ Скактавль. На шесть вершковъ всадилъ ему въ грудь мечъ... лѣвой рукой.

Фру Ингеръ. Да, да, — правая слишкомъ хороша для такого дѣла.

Олафъ Скактавль. Это дѣло ваше, — мысль была ваша. А теперь въ Швецію! Миръ вамъ пока! Въ слѣдующій разъ я пріѣду въ Эстотъ самъ-другъ. (Уходитъ въ заднюю дверь направо).

Фру Ингеръ. Кровь на моихъ рукахъ. Вотъ до чего должно было дойти. Дорогой цѣной обрѣту я его.

(Изъ первой двери направо входитъ Бьёрнъ и за нимъ нѣсколько шведскихъ ратниковъ).

Одинъ изъ ратниковъ. Извините, — если вы госпожа замка...

Фру Ингеръ. Вы ищете графа Стуре?

Ратникъ. Да.

Фру Ингеръ. Въ такомъ случаѣ вы не ошиблись дорогой. Графъ искалъ убѣжища у меня.

Ратникъ. Убѣжища? Простите, благородная госпожа... но не въ вашей власти дать ему убѣжище; онъ вѣдь...

Фру Ингеръ. Графъ, вѣрно, самъ это понялъ и потому... да поглядите сами — онъ лишилъ себя жизни.

Ратникъ. Лишилъ себя жизни?

Фру Ингеръ. Поглядите сами, — говорю я. Тамъ вы найдете его трупъ. И разъ онъ теперь предсталъ передъ нимъ Судіей, я прошу, чтобы его увезли отсюда со всею честью, подобающею его высокому роду. Бьёрнъ, ты знаешь, въ тайникѣ много лѣтъ стоитъ наготовѣ мой собственный гробъ. (Ратникамъ) Въ немъ я и прошу васъ отвести въ Швецію тѣло графа Стуре.

Тотъ же ратникъ. Будетъ исполнено, какъ вы приказываете. (Одному изъ своихъ товарищей) Бѣги съ этой вѣстью къ господину Пенсу Бьельке. Онъ съ остальными стережетъ дорогу. Намъ же остается войти туда и...

(Одинъ изъ ратниковъ уходитъ направо: остальные идутъ съ Бьёрномъ въ покой налѣво).

Фру Ингеръ (нѣкоторое время безмолвно въ волненіи блуждаетъ по залѣ). Не простись графъ Стуре съ жизнью теперь, его черезъ какой-нибудь мѣсяцъ вздернули бы на висѣлицу или заточили на всю жизнь. Легче ли было бы ему мириться съ такой долей? Или онъ купилъ бы себѣ свободу, предавъ моего сына въ руки враговъ. Такъ я ли убила его? И волчица защищаетъ своихъ дѣтенышей. Кто же осудитъ меня за то, что я вцѣпилась когтями въ того, кто хотѣлъ похитить у меня мою плоть и кровь? Случилось то, что должно было случиться. Каждая мать поступила бы, какъ я. Но теперь не время для праздныхъ размышленій. Надо дѣйствовать. (Присаживается къ столу налѣво) Я напишу всѣмъ нашимъ друзьямъ въ странѣ. Пусть встанутъ всѣ, какъ одинъ, и поддержатъ великое дѣло. Новый король... Сначала правитель страны, а затѣмъ король... (Начинаетъ писать, но задумывается и тихо говоритъ) Кого же имъ избрать на мѣсто умершаго?.. Мать короля?.. Красиво звучитъ. Одно только — это близкое, ужасное сходство со словами: матъ королю! Кто даетъ матъ королю — отымаетъ жизнь у короля. Мать короля даритъ жизнь королю. (Встаетъ) Хорошо. Я возмѣщу имъ то, что отняла. Мой сынъ будетъ королемъ. (Снова садится и берется за письмо, но снова откладываетъ и откидывается на спинку стула) Всегда какъ-то жутко въ домѣ, гдѣ лежитъ покойникъ. Вотъ отчего и мнѣ такъ не по себѣ. (Быстро поворачиваетъ голову въ сторону, словно обращаясь къ кому-то)

Нѣтъ? Да иначе отчего же? (Задумчиво) Развѣ такъ велика разница — сразить врага и убить кого-нибудь? Кнутъ Альфсёнъ раскроилъ своимъ мечомъ немало лбовъ; а у него самого чело было чисто и ясно, какъ у ребенка. Отчего же у меня съ ума не идетъ?.. Я такъ и вижу... (дѣлаетъ движеніе, какъ будто вонзаетъ ножъ) этотъ ударъ въ сердце... и кровавый потокъ, хлынувшій оттуда... (Звонитъ и продолжаетъ говорить, роясь въ бумагахъ) Впредь я знать не хочу такихъ безобразныхъ видѣній. Я буду работать, не покладая рукъ, и день и ночь. И черезъ мѣсяцъ... черезъ мѣсяцъ мой сынъ вернется ко мнѣ...

Бьернъ (входитъ). Это вы звонили, госпожа?

Фру Ингеръ (принимаясь писать). Принеси побольше свѣчей. Помни, чтобы впредь здѣсь всегда горѣло много-много свѣчей.

(Бьёрнъ уходитъ).

Фру Ингеръ (спустя нѣкоторое время въ волненіи встаетъ). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Перо не повинуется мнѣ въ эту ночь. Голова такъ и горитъ... (Испуганно прислушивается) Что это? А, это они привинчиваютъ крышку гроба... Въ дѣтствѣ мнѣ разсказывали сказку про рыцаря, который носилъ гробъ за спиной... Что, если *ему* тамъ вздумалось бы явиться ко мнѣ когда-нибудь ночью съ гробомъ за спиной — поблагодарить за одолженіе? (Съ тихимъ смѣхомъ) Гм... что намъ, взрослымъ людямъ, до нашихъ ребяческихъ вѣрованій? (Горячо) Но все-таки подобныя сказки вредны. Онѣ порождаютъ тревожные сны. Когда мой сынъ станетъ королемъ, ихъ запретятъ. (Прохаживается взадъ и впередъ, затѣмъ открываетъ окно). Сколько времени проходитъ обыкновенно, пока трупъ не начнетъ гнить? Надо провѣтрить всѣ покои... Пока этого не сдѣлано, здѣсь нездорово жить.

(Бьёрнъ входитъ съ двумя зажженными канделябрами, которые и ставитъ на столъ).

Фру Ингеръ (снова берется за бумаги). Вотъ такъ. И смотри, не забудь, что я тебѣ говорила. Побольше свѣчей!.. Что они теперь тамъ дѣлаютъ?

Бьернъ. Все возятся съ гробомъ: привинчиваютъ крышку.

Фру Ингеръ (пишетъ). Крѣпко привинчиваютъ?

Бьернъ. Да ужъ тамъ, какъ нужно.

Фру Ингеръ. Да, да... ты не знаешь — *какъ* это нужно. Пригляди же, чтобы все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ. (Идетъ къ нему съ бумагами въ рукахъ и таинственно говоритъ) Бьёрнъ, ты старикъ, но я дамъ тебѣ одинъ совѣтъ. Берегись людей... всѣхъ, всѣхъ, и тѣхъ, кто уже умеръ, и тѣхъ, кому еще пред-

стоитъ умереть... Ступай теперь... ступай и посмотри—крѣпко ли они привинтили крышку гроба.

Бьернъ (тихо, покачивая головой). Не пойму я ее. (Уходитъ налѣво).

Фру Ингеръ (начинаетъ запечатывать письмо, но не докапчиваетъ его и бросаетъ; ходитъ съ минуту взадъ и впередъ и наконецъ съ горячностью говоритъ). Будь я труслива, никогда въ жизни я не сдѣлала бы этого. Будь я труслива, я бы крикнула самой себѣ: остановись, пока у тебя есть еще хоть тѣнь надежды спасти свою душу! (Взглядъ ея падаетъ на портретъ графа Стуре, она быстро отворачивается и тихо говоритъ) Онъ смѣется мнѣ прямо въ лицо. Фу! (Поворачиваетъ портретъ лицомъ къ стѣнѣ, не глядя на него) Почему ты засмѣялся? Потому, что я причинила зло твоему сыну? А тотъ, другой — развѣ не сынъ твой? Да еще вдобавокъ мой — помни это. (Боязливо косится на рядъ портретовъ) Никогда я не видѣла ихъ такими возбужденными, какъ сегодня. Они не сводятъ съ меня глазъ, куда бы я ни пошла, гдѣ бы ни встала. (Топая ногой) Но я знать этого не хочу! Я хочу имѣть покой въ своемъ домѣ! (Начинаетъ поворачивать всѣ портреты одинъ за другимъ лицомъ къ стѣнѣ). Да, всѣ, всѣ—даже образъ самой Дѣвы Маріи... Или теперь, по-Твоему, пора?.. Почему Ты раньше не хотѣла внять моимъ горячимъ мольбамъ, помочь мнѣ вернуть моего сына? Почему? Потому что виттенбергскій монахъ правъ: нѣтъ никакихъ посредниковъ между Богомъ и людьми! (Тяжело переводитъ духъ и продолжаетъ съ все возрастающимъ возбужденіемъ) Хорошо, что я знаю теперь правду. Никто не видалъ того, что произошло тамъ. Никто не будетъ свидѣтельствовать противъ меня. (Вдругъ раскрываетъ свои объятія и шепчетъ) Сынъ мой! Мое возлюбленное дитя! Приди ко мнѣ! Я здѣсь... Тсс! Я скажу тебѣ что-то. Меня ненавидятъ тамъ... по ту сторону звѣздъ — за то, что я родила тебя на свѣтъ. Мнѣ предназначено было стать знаменоносицей Божьей въ странѣ. А я пошла своимъ путемъ. Вотъ за что мнѣ и пришлось страдать такъ много и такъ долго.

Бьернъ (входитъ изъ покоя слѣва). Госпожа, я пришелъ доложить... Іисусе Христе... что это?

Фру Ингеръ (взойдя на возвышеніе у стѣны направо). Смирно. Я — мать короля. Моего сына избрали королемъ. Тяжко пришлось мнѣ бороться, чтобы достигнуть этого; мнѣ пришлось бороться съ самимъ Всемогущимъ.

Нильсъ Люкке (запыхавшись, вбѣгаетъ справа). Онъ спасенъ! Пенсъ Бьельке далъ мнѣ слово. Фру Ингеръ, знаете...

Фру Ингеръ. Смирно, говорю я! Смотрите, какая толпа!.. (Изъ покоя налѣво доносится пѣніе погребальнаго псалма) Вотъ коронаціонное шествіе тронулось. Какая толпа! Всѣ склоняютъ

головы передъ матерью короля. Да, да: она боролась за своего сына... боролась, пока руки ея не обагрились... Гдѣ мои дочери? Я ихъ не вижу.

Нильсъ Люкке. Господи, что случилось?

Фру Ингеръ. Мои дочери, мои красавицы-дочери! У меня нѣтъ больше ни одной. У меня оставалась одна, и ея я лишилась, когда ей предстояло взойти на брачное ложе. (Шопотомъ) На немъ уже лежалъ трупъ Люціи. Для двухъ мѣста не было.

Нильсъ Люкке. А!.. Вотъ до чего дошло! Кара Божья поразила меня!

Фру Ингеръ. Видите вы его? Глядите, глядите! Вотъ король! Сынъ Ингеръ Гюльденлёве! Я узнаю его по коронѣ и по кольцу Стена Стуре, которое онъ носитъ на шеѣ... Слушайте, какой веселый звонъ! Онъ приближается. Скоро я сожму его въ своихъ объятіяхъ. Ха-ха, кто побѣдилъ — Богъ или я?

(Входятъ ратники съ гробомъ).

Фру Ингеръ (схватясь за голову, кричитъ). Трупъ! (Шопотомъ) Фу... какой гадкій сонъ! (Тяжело опускается въ кресло).

Йенсъ Бьельке (входитъ справа, останавливается пораженный и восклицаетъ). Мертвъ! Значитъ, все-таки...

Одинъ изъ ратниковъ. Онъ самъ...

Йенсъ Бьельке (обмѣниваясь взглядомъ съ Нильсомъ Люкке). Самъ?..

Нильсъ Люкке. Тсс...

Фру Ингеръ (приходя въ себя, слабымъ голосомъ). Да, вѣрно; теперь я все припоминаю.

Йенсъ Бьельке (ратникамъ). Поставьте гробъ. Это не графъ Стуре.

Одинъ изъ ратниковъ. Простите, господинъ, но это кольцо, которое было у него на шеѣ...

Нильсъ Люкке (схвативъ его за руку). Молчи, молчи!

Фру Ингеръ (вскочивъ). Кольцо, кольцо! (Кидается къ нему и вырываетъ кольцо) Кольцо Стена Стуре! (Вскрикиваетъ) Іисусе Христе... *мой* сынъ! (Кидается на гробъ).

Ратники. Ея сынъ?

Йенсъ Бьельке (одновременно). Сынъ Ингеръ Гюльденлёве?

Нильсъ Люкке. Да.

Йенсъ Бьельке. Такъ почему же вы мнѣ не сказали?..

Бьернъ (пытаясь поднять фру Ингеръ). Помогите, помогите! Госпожа моя, что съ вами?

Фру Ингеръ (беззвучнымъ голосомъ, полуприподнявшись). Что со мной?.. Еще одинъ гробъ сюда! Могилу мнѣ рядомъ съ моимъ сыномъ... (Снова безъ чувствъ опускается на гробъ).

(Нильсъ Люкке быстро уходитъ направо; общее смятеніе).

ВОИТЕЛИ ВЪ ГЕЛЬГЕЛАНДѢ.

Трагедія „Воители въ Гельгеландѣ“ принадлежитъ къ наиболѣе выдающимся по драматической силѣ, яркости колорита и мощи впечатлѣнія произведеніямъ Ибсена; теперь противъ этого врядъ ли кто станетъ возражать, но въ свое время Ибсену пришлось выслушать немало упрековъ со стороны критиковъ, не понимавшихъ стремленій драматурга-новатора или завидовавшихъ его быстро возраставшей извѣстности. Полемика съ такими критиками и защита автора противъ нареканій — особенно по поводу „заимствованности“ сюжета, эффектныхъ положеній и даже репликъ трагедіи изъ сагъ — помѣшали профессору Іегеру, вообще одному изъ самыхъ чуткихъ критиковъ и тонкихъ цѣнителей Ибсена, отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ самой трагедіи и выяснить ея существенныя достоинства. Нѣмецкій же критикъ Лотаръ былъ избавленъ отъ необходимости считаться съ подобными критиками и доказывать, что при изображеніи извѣстной исторической эпохи далекаго прошлаго мудрено обойтись безъ „заимствованій“ изъ историческихъ источниковъ (или выяснять, что въ подобныхъ случаяхъ суть не въ самомъ заимствованіи, а въ томъ, *какъ* заимствовано), и къ тому же имѣлъ возможность разсматривать трагедію въ связи со всею литературной дѣятельностью Ибсена, благодаря чему ему и удалось дать чрезвычайно интересный и тонкій критическій разборъ трагедіи.

„Въ одно и то же десятилѣтіе три крупнѣйшихъ драматурга вѣка: Рихардъ Вагнеръ, Геббель и Ибсенъ, трактовали одинъ и тотъ же сюжетъ о Зигфридѣ. Но Ибсенъ, разрабатывая сказаніе о Зигфридѣ и Брюнгильдѣ, Гунтерѣ и Кримгильдѣ, держался не пѣсни о Нибелунгахъ, а саги о Вёльзунгахъ и родовыхъ исландскихъ сагъ. Вѣрнѣе, онъ заимствовалъ изъ сагъ лишь сырой матеріалъ конфликта и затѣмъ разработалъ его самостоятельно, доказавъ при этомъ, насколько онъ, какъ драматургъ, превосходилъ всѣхъ, кто до него бралъ за тотъ же сюжетъ. Дѣло въ томъ, что Ибсенъ при разработкѣ сюжета взялъ основою заключающійся въ сагѣ драматическій мотивъ — любовь Зигфрида къ Брюнгильдѣ, которую онъ завоевываетъ для своего друга Гунтера. И Вагнеръ и Геббель проглядѣли значеніе этого мотива. Ибсенъ превращаетъ боговъ и полубоговъ сагъ въ сѣверныхъ героевъ земного масштаба. Затѣмъ онъ измѣняетъ имена, называя Брюнгильду — Йордисъ, Кримгильду — Дагни. Йордисъ — пріемная дочь, а Дагни — родная дочь Эрнульфа, вождя и владѣтеля земель въ Исландіи. Туда же пріѣзжаютъ два викинга — Сигурдъ и Гуннаръ. Оба влюбляются въ Йордисъ, но Сигурдъ скрываетъ свою любовь отъ всѣхъ, а Гуннаръ открывается Сигурду въ своей любви и проситъ послѣдняго во имя связывающихъ ихъ узъ побратимства, освященнаго кровью, подвергнуться вмѣсто него, Гуннара, испытанію, которое Йордисъ ставитъ условіемъ тому, кто хочетъ

обладать ею. И вотъ Сигурдъ ночью, въ доспѣхахъ Гуннара, идетъ на свирѣпое чудовище, бѣлаго медвѣдя, стерегущаго входъ въ свѣтлицу Иордисъ, завоевываетъ дѣву и утромъ уноситъ ее на корабль Гуннара. Затѣмъ самъ онъ сватается за Дагни и увозитъ ее изъ дома ея отца. Итакъ, въ сагѣ Ибсенъ нашелъ свой излюбленный мотивъ. Въ драмѣ, которая разыгрывается нѣсколько лѣтъ спустя на родинѣ викинговъ въ Норвегіи, Сигурдъ поставленъ между этими двумя женщинами, Иордисъ и Дагни, изъ которыхъ одна является олицетвореніемъ „вчера", другая— „сегодня": это — ночь и день, сила и кротость, солнце и луна. Поэтъ рисуетъ два брака, которые оба приводятъ къ несчастью и бѣдѣ, потому что оба основаны были на лжи. Сигурдъ и Иордисъ были предназначены судьбою другъ для друга: „призваніе" Иордисъ заключалось въ томъ, чтобы помочь Сигурду прославиться на весь міръ, а призваніе Сигурда — самому овладѣть любимой женщиной, — пусть онъ даже не зналъ, что она тоже любитъ его. Но онъ позволилъ себѣ свернуть съ истиннаго своего пути ради друга. „Всѣмъ можетъ поступиться человѣкъ ради друга своего, только не любимой женщиной *). Если же онъ дѣлаетъ это, онъ разрываетъ таинственную нить норнъ (судьбы) и губитъ двѣ жизни". „Вонтели въ Гельгеландѣ" — трагедія дружбы. Какого мнѣнія держался Ибсенъ о дружбѣ позже, мы узнаёмъ изъ его письма къ Брандесу (6 марта 1870 г.): „Друзья—слишкомъ дорогая роскошь, и тому, кто весь свой капиталъ вкладываетъ въ свое призваніе, въ свою миссію въ жизни, тому не по карману обзаводиться друзьями. Слишкомъ дорого обходятся друзья не въ силу того, что̀ дѣлаешь для нихъ, а въ силу того, что̀ изъ-за нихъ отказываешься сдѣлать. Благодаря этому заглушаешь, калѣчишь въ себѣ немало духовныхъ ростковъ. Я самъ испыталъ это на себѣ и насчитываю въ прошломъ немало годовъ, въ теченіе которыхъ мнѣ не удавалось найти себя самого". Это проклятіе дружбы, которое Ибсенъ понялъ съ годами, тяготѣетъ и надъ Сигурдомъ. И самъ Ибсенъ впослѣдствіи трактовалъ вопросъ о дружбѣ всегда съ ироніей, сатирически, — стоитъ вспомнить „Дикую утку" **).

„Эрнульфъ отыскиваетъ викинговъ-похитителей, чтобы потребовать съ нихъ выкупъ за увезенныхъ невѣстъ. Сигурдъ охотно соглашается на это и предлагаетъ старику даже больше, чѣмъ тотъ требуетъ. И Гуннаръ готовъ былъ бы поладить съ Эрнульфомъ, но Иордисъ разжигаетъ его. Окончательное примиреніе откладывается до большого пира; пиръ этотъ— центральная сцена трагедіи, когда разражается бѣда. Иордисъ славитъ своего супруга, какъ сильнѣйшаго изъ мужей Сѣвера, и глумится надъ Сигурдомъ; Дагни, которой извѣстна тайна брачной ночи Иордисъ, не выдерживаетъ и разоблачаетъ эту тайну. Роковой часъ пробилъ. Слишкомъ поздно узнаютъ Сигурдъ и Иордисъ о своей взаимной любви, грѣхѣ и проклятіи этой любви, и вотъ, видя, что имъ обоимъ уже нечего ждать отъ жизни (сначала, впрочемъ, Иордисъ, какъ фру Маргитъ, героиня „Пира въ Сольхаугѣ", помышляетъ перешагнуть черезъ трупъ мужа, чтобы соединиться со своимъ возлюбленнымъ), Иордисъ желаетъ соединиться съ Сигурдомъ хоть за предѣлами земной жизни и поражаетъ его стрѣлой изъ лука. Но Сигурдъ, умирая, признаётся ей, что перешелъ въ христіанскую вѣру, и Иордисъ остается только умчаться на свое небо одной, на черномъ конѣ, какъ валькиріи. Иронія развязки

*) То же повторитъ Ибсенъ черезъ двадцать лѣтъ въ предпослѣдней своей драмѣ: «Джонъ-Габріэль Боркманъ».

**) Самой же горькой ироніей звучитъ опредѣленіе сущности дружбы въ «Джонѣ-Габріэлѣ Боркманѣ».

трагедіи поразила многихъ. Но эта манера заканчивать пьесу рѣзкимъ подчеркиваніемъ основной ея идеи — характерная черта созрѣвшаго таланта Ибсена. Ему нравится однимъ ударомъ изобразить въ заключеніе всю тщету стремленій своихъ героевъ. Люди вѣдь могутъ совершать лишь то, что должны. Судьба шагаетъ черезъ нихъ. Разъ Сигурдъ и Иордисъ загубили свою жизнь, они уже не могутъ соединиться ни въ жизни ни по смерти. Судьба, по Ибсену, неумолима.

„Эмиль Рейхъ весьма остроумно называетъ сцену послѣдняго объясненія между Иордисъ и Сигурдомъ борьбой между Ницше и Шопенгауэромъ, между отстаиваніемъ и отрицаніемъ жизни. Но борьба эта проходитъ красной нитью по всѣмъ произведеніямъ Ибсена, и оба эти міровоззрѣнія, господствовавшія во второй половинѣ XIX столѣтія, дѣля власть надъ умами людей, боролись въ его душѣ еще раньше, чѣмъ онъ познакомился съ философіей названныхъ мыслителей. Ницше и Шопенгауэръ — лишь громкія имена двухъ душъ, которыхъ мы видимъ у Ибсена въ постоянной борьбѣ между собой. И онѣ доводятъ свою борьбу изъ-за индивида до конца подъ флагомъ оптимизма и пессимизма. Пессимизмъ Ибсена вытекаетъ въ сущности изъ его же оптимизма — какъ любовь Фуріи („Катилина"), Элины („Фру Ингеръ изъ Эстрота") и Иордисъ рождается изъ ненависти. Иордисъ любитъ, тогда какъ ей слѣдовало бы ненавидѣть, и сама долго не можетъ разобраться въ своихъ чувствахъ, — ледъ горитъ, какъ пламя, ненависть становится любовью: и въ Ибсенѣ любовь и ненависть сливаются; и у него трудно провести границу между глубочайшимъ человѣконенавистничествомъ и наивысшимъ человѣколюбіемъ. Но высшее человѣколюбіе Ибсена всегда имѣетъ объектомъ наивысшее развитіе личности и направлено на идеальнаго индивида. И то обстоятельство, что приближаются къ этому идеалу у Ибсена однѣ только женщины, находится въ связи съ его высокимъ почитаніемъ женщины.

„Герои трагедіи, несмотря на всю свою первобытную грубость, носятъ яркую печать ибсеновской личности. Гуннаръ, какъ и Бенгтъ („Пиръ въ Сольхаугѣ") — предокъ Йоргена Тесмана („Гедда Габлеръ"): добронравная Дагни возрождается въ Теѣ Эльвстедъ („Гедда Габлеръ"), а сама Гедда Габлеръ — своего рода карикатура Иордисъ. Гедда страшится скандала, какъ Иордисъ ставитъ выше всего въ мірѣ добрую славу. Лёвборгъ („Гедда Габлеръ") — та же богатая натура Сигурда, но загубленная разгульной жизнью. Вообще драма „Гедда Габлеръ" — какъ это ни покажется страннымъ — можетъ быть разсматриваема какъ пародія на „Воителей въ Гельгеландѣ". Подвигъ, который предстояло совершить викингу Гуннару, становится въ современной драмѣ научнымъ трудомъ, книгой; Лёвборгъ и Гедда, — соединенная судьбой чета, какъ Иордисъ и Сигурдъ: и послѣ того, какъ гибнетъ эта поэтическая чета, остается прозаическая, — въ трагедіи Гуннаръ и Дагни, въ драмѣ Тесманъ и фру Эльвстедъ. Если угодно, можно даже въ пистолетѣ Гедды Габлеръ увидѣть pendant къ луку Иордисъ. Можетъ-быть, самому поэту и въ умъ не приходило сопоставленіе этихъ двухъ драмъ, но въ такомъ случаѣ мы имѣемъ лишь новое доказательство того, до какой степени Ибсенъ все вращается въ кругу однѣхъ и тѣхъ же идей и личностей, какъ его постоянно занимаютъ одни и тѣ же типы, мотивы и конфликты, надъ разъясненіемъ которыхъ онъ проработалъ всю жизнь не покладая рукъ.

„Эрнульфъ, потерявъ всѣхъ своихъ сыновей и даже самаго младшаго изъ нихъ, любимца Торольфа, убитаго на пиру у Гуннара, не помнитъ себя отъ горя, не пьетъ, не ѣстъ и думаетъ только о смерти. Но вотъ дочь его Дагни напоминаетъ о томъ, что онъ вѣдь скальдъ и обязанъ

прославить своихъ сыновей посмертною пѣснью (драпою). Эрнульфъ слагаетъ и поетъ пѣснь, и въ этомъ творчествѣ вновь обрѣтаетъ самого себя, свое душевное равновѣсіе. Мотивъ этотъ Ибсенъ заимствовалъ изъ саги объ Эгилѣ, но заимствованіе тутъ лишь чисто внѣшнее. Внутренняя сущность мотива, а именно то, что поэзія — дитя скорби, что скорбь и страданія пробуждаютъ и воспитываютъ поэта, становится любимой темой Ибсена, однимъ изъ тѣхъ личныхъ авторскихъ признаній, которыми вообще столь богато его творчество. Скорбь создаетъ поэта *), И самые рѣзкіе выпады Ибсена противъ человѣчества и свѣта вызваны скорбью поэта о людяхъ и людской жизни.

„Что касается драматической техники трагедіи „Воители въ Гельгеландѣ“, то Ибсенъ является здѣсь уже настоящимъ мастеромъ, хотя разныя „недоумѣнія“ все еще играютъ значительную роль, ради усложненія или затемненія дѣйствія, — напримѣръ, въ сценѣ убійства Торольфа. И тутъ, какъ всегда у Ибсена, разъясненіе запаздываетъ. Затѣмъ лишь въ третьемъ дѣйствіи, изъ бесѣды Йордисъ и Сигурда, узнаёмъ мы о взаимной любви Сигурда и Йордисъ. Но, хотя это разъясненіе главнаго мотива трагедіи и опаздываетъ, оно все-таки не поражаетъ неожиданностью. Этапы, по которымъ ведетъ насъ поэтъ къ этому моменту, во всякомъ случаѣ лишь мнимо-невидимые или даже мнимоскрытые. Съ этихъ поръ Ибсенъ все совершенствуется въ искусствѣ заставлять зрителя (или читателя) глядѣть въ извѣстномъ направленіи, откуда должно снизойти на него пониманіе. И этой власти надъ зрителемъ Ибсенъ достигаетъ самыми простыми средствами, оборотами рѣчи, глубокій смыслъ которыхъ становится яснымъ лишь впослѣдствіи, при взглядѣ назадъ. Во время перваго дѣйствія пьесы мы словно идемъ за авторомъ по темному коридору и скорѣе догадываемся, что тамъ, въ концѣ этого коридора — свѣтъ, нежели руководимся, увлекаемся имъ. Но поэтъ ведетъ насъ желѣзной рукой, намъ не оторваться отъ него, и мы все больше и больше волнуемся и спѣшимъ впередъ. Кульминаціонный пунктъ въ драмахъ Ибсена — тотъ моментъ, когда мы прозрѣваемъ. Тутъ мы сразу видимъ весь пройденный дѣйствующими лицами путь, и отсюда онъ сразу сворачиваетъ къ катастрофѣ. Ядромъ такой сцены разъясненія является обыкновенно признаніе, исповѣдь. И въ этомъ признаніи драматическая техника Ибсена достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта.

„Воители въ Гельгеландѣ“ — первая вершина ибсеновскаго художественнаго творчества. Эта трагедія полна такой драматической мощи, силы настроенія, что подобное можно найти лишь у Шекспира. Сцена пира, сцена объясненія между Йордисъ и Сигурдомъ и заключительная сцена, когда маленькій Эгиль видитъ мать, уносящуюся на черномъ конѣ за облака, — все это сцены подавляющей драматической силы, какихъ немного найдется и у самого Ибсена. Разсматриваемая съ національно-исторической точки зрѣнія и какъ художественное произведеніе, трагедія „Воители въ Гельгеландѣ“, какъ и „Борьба за престолъ“, имѣетъ достойные предшествующіе образцы лишь въ драмахъ-хроникахъ Шекспира“.

Осенью 1857 г. Ибсенъ представилъ рукопись трагедіи въ дирекцію Христіанійскаго театра; послѣдняя приняла пьесу для постановки, но самая постановка въ назначенный срокъ не состоялась. Затѣмъ авторъ получилъ отъ дирекціи увѣдомленіе, что финансовое положеніе театра не позволяетъ выплачивать въ данномъ сезонѣ гонораровъ за ориги-

*) Наиболѣе ярко и красиво признаніе это выражено устами скальда Ятгейра въ «Борьбѣ за престолъ».

нальныя произведенія. Ибсенъ отвѣтилъ на это рѣзкой статьей въ газетѣ „Dagbladet“ (1858 г., № 58), послѣ чего разгорѣлась въ печати жаркая полемика, въ которой кромѣ Ибсена принимали участіе Бьёрстьерне-Бьёрнсонъ, Боттенъ-Гансенъ и др. Почти одновременно съ этимъ пьеса была отвергнута цензоромъ датскаго королевскаго театра въ Копергагенѣ І.-Л. Гейбергомъ, ярымъ противникомъ новыхъ вѣяній въ сѣверной литературѣ. Весь авторскій гонораръ составили такимъ образомъ 120 кронъ (около 60 р.), полученныхъ за напечатаніе трагедіи въ видѣ литературнаго приложенія (2200 экз.) къ „Illustreret Nyhedsblad“. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже вышли въ свѣтъ „Брандъ“ и „Перъ Гюнтъ“, издатель (типографщикъ Йенсенъ) вздумалъ эксплоатировать широкую извѣстность Ибсена, переиздавъ „Вонтелей въ Гельгеландѣ“ и „Фру Ингеръ“ (1871 г.). Ибсенъ не замедлилъ опротестовать такое нарушеніе его авторскихъ правъ, дѣло дошло до суда, и безцеремонный издатель пропгралъ дѣло по всѣмъ инстанціямъ. Съ тѣхъ поръ (1873 г.) Ибсенъ сталъ печатать свои произведенія исключительно у копенгагенскаго издателя Гегеля (фирма Гюльдендаль), которымъ „Вонтели въ Гельгеландѣ“ по настоящее время выпущены въ свѣтъ уже 10-мъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Первая постановка трагедіи состоялась на сценѣ норвежскаго театра въ Христіаніи 24 ноября 1878 г., а сотое представленіе ея было пріурочено къ празднованію дня рожденія автора, 19 февраля 1896 г. За границей пьеса имѣла выдающійся успѣхъ въ Германіи. Шла она и у насъ въ Россіи на сценахъ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ (1892 г.).

ВОИТЕЛИ ВЪ ГЕЛЬГЕЛАНДѢ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Эрнульфъ съ Фьордовъ, владѣтель земель въ Исландіи.
Сигурдъ Могучій, вождь викинговъ.
Гуннаръ Ленникъ, богатый бондъ въ Гельгеландѣ.
Торольфъ, младшій сынъ Эрнульфа.
Дагни, дочь Эрнульфа.
Порднсъ, пріемная дочь его.
Коре, бондъ гельгеланденъ.
Эгиль, четырехлѣтній сынъ Гуннара.
Шесть старшихъ сыновей Эрнульфа.
Дружины Эрнульфа и Сигурда.
Гости, домочадцы, слуги и служанки, лишенные мира изгнанники и проч.

Дѣйствіе происходитъ во времена Эрика Кровавой-Сѣкиры въ Гельгеландѣ (на сѣверѣ Норвегіи), въ домѣ и вблизи двора Гуннара.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Высокій берегъ, круто обрывающійся на заднемъ планѣ въ море. Налѣво сарай для лодокъ, направо — скалы и хвойный лѣсъ. Внизу изъ-за скалъ виднѣются мачты двухъ кораблей викинговъ, стоящихъ въ бухтѣ; еще дальше направо видны шкеры и высокіе островки; море бурное; зима; мятель и непогода.

Сигурдъ идетъ отъ кораблей; на немъ бѣлый полукафтанъ съ серебрянымъ поясомъ, синій плащъ, обтяжные штаны, мѣховые сапоги и стальной шлемъ; сбоку короткій мечъ. Вслѣдъ затѣмъ наверху между скалъ показывается Эрнульфъ, въ темномъ овчинномъ полукафтанѣ, въ латахъ и наколѣнникахъ, мѣховыхъ сапогахъ и шерстяныхъ штанахъ; на плечи наброшенъ темный плащъ изъ грубаго домодѣльнаго сукна съ капюшономъ, надвинутымъ на шлемъ и полузакрывающимъ лицо. Онъ высокаго роста и могучаго сложенія, но старый и слегка согбенный, съ длинной сѣдой бородой; вооруженъ круглымъ щитомъ, мечомъ и копьемъ.

Сигурдъ (выйдя, озирается и, увидавъ сарай для лодокъ, быстро направляется къ нему и пытается отворить дверь).

Эрнульфъ (видимо пораженный появленіемъ Сигурда и какъ будто узнавъ его, спускается внизъ и кричитъ). Уступи поле, витязь!

Сигурдъ (оборачивается и, положивъ руку на мечъ, отвѣчаетъ). Этого со мной еще не бывало!

Эрнульфъ. Такъ будетъ! Сарай нуженъ мнѣ для ночлега моей полузамерзшей дружинѣ.

Сигурдъ. А мнѣ для усталой женщины!

Эрнульфъ. Мои молодцы стоятъ побольше твоего бабья.

Сигурдъ. Неужто лѣсные бродяги въ такой цѣнѣ въ Гельгеландѣ?

Эрнульфъ (подымая копье). Дорого заплатишь ты за эти слова!

Сигурдъ (обнажая мечъ). А тебѣ плохо придется, старикъ!

(Эрнульфъ бросается на него; Сигурдъ защищается).

(Съ берега приходятъ Дагни и нѣсколько людей изъ дружины Сигурда. Справа на скалахъ показываются шесть сыновей Эрнульфа).

Дагни (одѣтая въ красное платье, синій плащъ и мѣховую шапку и нѣсколько опередившая спутниковъ, кричитъ, обернувшись къ кораблямъ). Сюда, дружина Сигурда! Супругъ мой бьется съ кѣмъ-то.

Сыновья Эрнульфа. На помощь старику! (Спускаются со скалъ).

Сигурдъ (своимъ людямъ). Не подходите! Я и одинъ его одолѣю.

Эрнульфъ (сыновьямъ). Не мѣшайте мнѣ! (Нападая на Сигурда) Я хочу увидѣть твою кровь!

Сигурдъ. Посмотри прежде на свою! (Ранитъ его въ руку и выбиваетъ копье).

Эрнульфъ. Славный ударъ, витязь!..

Ловко ты мечомъ владѣешь,
Съ силой грозной рвешься къ бою, —

Самъ Могучій Сигурдъ, вѣрно,
Былъ бы посрамленъ тобою!

Сигурдъ (улыбаясь). Но этотъ срамъ ему же былъ бы къ чести.

Сыновья Эрнульфа (пораженные). Самъ Сигурдъ! Сигурдъ Могучій!

Эрнульфъ. Но ты нанесъ мнѣ ударъ еще сильнѣе въ ту ночь, когда похитилъ дочь мою Дагни. (Сбрасываетъ капюшонъ).

Сигурдъ и его дружина. Эрнульфъ съ Фьордовъ!

Дагни (радостно, но съ оттѣнкомъ тревоги). Отецъ и братья!

Сигурдъ. Стань позади меня.

Эрнульфъ. Нѣтъ нужды. (Подходя къ Сигурду) Я узналъ тебя съ перваго взгляда; оттого и завелъ ссору; я хотѣлъ испытать — правду ли говоритъ молва, называя тебя храбрецомъ изъ храбрецовъ Норвегіи. А теперь будь между нами миръ и согласіе!

Сигурдъ. Всего бы лучше такъ.

Эрнульфъ. Вотъ моя рука. Ты лихой боецъ; давно ни съ кѣмъ такъ славно не рубился старый Эрнульфъ!

Сигурдъ (пожимая протянутую руку). Пусть же это будетъ послѣдняя наша схватка. Я предложу тебѣ самому разсудить насъ; согласенъ ли ты?

Эрнульфъ. Согласенъ, и мы сразу уладимъ нашу распрю. (Окружающимъ) Да будетъ извѣстно всѣмъ, въ чемъ дѣло. Пять зимъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сигурдъ Могучій и Гуннаръ Ленникъ викингами зимовали въ Исландіи и нашли мирную пристань какъ разъ у моего двора. Весной Гуннаръ взялъ силой и хитростью мою пріемную дочь Йордисъ, а ты, Сигурдъ, похитилъ Дагни, мою родную дочь, и отплылъ съ нею. За это похищеніе присуждаю я тебя уплатить мнѣ триста гривенъ серебра, и конецъ нашей распрѣ.

Сигурдъ. Милостивыя условія предлагаешь ты мнѣ; я выплачу тебѣ триста гривенъ серебра, а въ придачу пойдетъ плащъ съ мѣховой опушкой, даръ короля Этельстана англійскаго; ни одинъ мужъ въ Исландіи не носилъ плаща богаче.

Дагни. Вотъ такъ, мой добрый супругъ, и спасибо тебѣ, отецъ! Теперь только я вздохну свободно! (Пожимаетъ руки отцу и братьямъ и тихо разговариваетъ съ ними).

Эрнульфъ. Да будутъ же межъ нами отнынѣ ненарушимый миръ и согласіе, а Дагни съ этихъ поръ да пользуется такимъ же почетомъ, какъ бы жена, честно взятая тобою въ супружество съ согласія ея родичей.

Сигурдъ. И ты можешь разсчитывать на меня, какъ на собственнаго родича.

Эрнульфъ. Я на это и разсчитывалъ и сразу же хочу испытать твое расположеніе ко мнѣ.

Сигурдъ. Я готовъ; говори — чего требуешь?

Эрнульфъ. Помощи словомъ и дѣломъ. Я прибылъ сюда, въ Гельгеландъ, чтобы отыскать Гуннара и потребовать съ него пеню за похищеніе Йордисъ.

Сигурдъ (пораженный). Гуннара?

Дагни (такъ же). И Йордисъ... Гдѣ же они?

Эрнульфъ. Дома, во дворѣ своемъ, полагаю.

Сигурдъ. А гдѣ ихъ дворъ?

Эрнульфъ. Въ нѣсколькихъ перелетахъ стрѣлы отсюда; ты развѣ не зналъ?

Сигурдъ (подавляя волненіе). Нѣтъ, нѣтъ. Рѣдко получалъ я вѣсти отъ Гуннара съ тѣхъ поръ, какъ мы отплыли изъ Исландіи. Далеко залеталъ я со своими викингами, служилъ многимъ иноземнымъ королямъ въ то время, какъ Гуннаръ сидѣлъ дома. Сюда же присталъ я сегодня утромъ на зарѣ изъ-за непогоды. Я, правда, зналъ, что отцовскій дворъ Гуннара гдѣ-то здѣсь, на сѣверѣ, но...

Дагни (Эрнульфу). Такъ ты за этимъ и отплылъ съ родины?

Эрнульфъ. Да. (Сигурду) Наша встрѣча съ тобою здѣсь — дѣло Могучихъ тамъ, наверху; они такъ захотѣли. Вздумай я самъ искать тебя — я не зналъ бы, куда и направить свои поиски.

Сигурдъ (задумчиво). Правда, правда. Но это дѣло съ Гуннаромъ... Скажи мнѣ, Эрнульфъ, ты крѣпко рѣшился добиться своего — добромъ или силой?

Эрнульфъ. Я долженъ. Слушай, Сигурдъ! Лѣтомъ былъ я на тингѣ, и тамъ собралось много нашихъ почтенныхъ мужей. Когда тингъ отошелъ, сидѣлъ я въ ставкѣ и попивалъ изъ рога со своими земляками, какъ вдругъ зашла рѣчь о похищеніи невѣстъ, и мнѣ пришлось выслушать много горькаго за то, что я такъ долго оставляю свою обиду неотмщенной. Тутъ я разгнѣвался и поклялся отправиться въ Норвегію, отыскать Гуннара и потребовать съ него пени или отмстить ему за похищеніе, а безъ того не возвращаться назадъ въ Исландію.

Сигурдъ. Да, да, если дѣло такого рода, то я понимаю — надо добиться своего во что бы то ни стало.

Эрнульфъ. Надо; но я не буду несговорчивымъ, а Гуннаръ слыветъ почтеннымъ человѣкомъ. Я и радъ, что затѣялъ этотъ походъ, — время подъ конецъ потянулось для меня слишкомъ медленно въ Исландіи! Тамъ на синихъ водахъ я состарѣлся и посѣдѣлъ, и мнѣ сдавалось, что надо же мнѣ еще разокъ

погулять по нимъ, прежде чѣмъ... Гм... да,—Бѣргтора, добрая жена моя, давно умерла, старшіе сыновья каждое лѣто гуляютъ по морямъ, а теперь и Торольфъ подросъ...

Дагни (радостно). Торольфъ съ тобой? Гдѣ же онъ?

Эрнульфъ. На кораблѣ. (Указывая въ глубину сцены направо) Поглядѣла бы ты на молодца! Большой выросъ, сильный и красивый, съ тѣхъ поръ, какъ ты покинула домъ. Изъ него выйдетъ лихой витязь, Сигурдъ; будетъ похожъ на тебя.

Дагни (улыбаясь). Вижу, все по-старому; Торольфъ всегда былъ твоимъ любимцемъ.

Эрнульфъ. Онъ самый младшій и похожъ на мать свою — оттого.

Сигурдъ. Но скажи мнѣ... насчетъ твоего намѣренія... Думаешь ли ты сегодня же?..

Эрнульфъ. Лучше сегодня, нежели завтра. Я удовольствуюсь небольшимъ выкупомъ; если же Гуннаръ не согласится, пусть самъ на себя пеняетъ.

(Справа поспѣшно приближается бондъ Кòре, одѣтый въ кафтанъ изъ сѣраго домодѣльнаго сукна и широкополую войлочную шляпу; въ рукахъ у него жердь, выломанная изъ плетня).

Коре. Добрая встрѣча, витязи!

Эрнульфъ. Встрѣча съ викингами рѣдко доводитъ до добра.

Коре. Если вы честные люди, то дадите мнѣ пріютъ и защиту; слуги Гуннара Ленника добираются до моей головы.

Эрнульфъ. Гуннара Ленника!..

Сигурдъ. Такъ, вѣрно, ты причинилъ ему зло?

Коре. Я защищалъ свое право. У насъ было общее пастбище на островкѣ, неподалеку отъ берега, и люди Гуннара угнали у меня лучшихъ воловъ, а одинъ изъ его людей вдобавокъ обозвалъ меня рабомъ. Тогда я поднялъ на него оружіе и положилъ его на мѣстѣ.

Эрнульфъ. Ты поступилъ по закону.

Коре. А сегодня утромъ люди его замыслили напасть на меня; по счастью, меня предупредили во-время, и я бѣжалъ; но, вѣрно, недолго ждать мнѣ погони моихъ недруговъ.

Сигурдъ. Плохо вѣрится твоимъ словамъ, бондъ! Въ былое время я зналъ Гуннара, какъ себя самого, и вѣрю — никогда онъ не учинитъ обиды мирному человѣку.

Коре. Гуннаръ не при чемъ во всѣхъ этихъ безчинствахъ; онъ уѣхалъ на югъ; это Йордисъ, жена его...

Дагни. Йордисъ!..

Эрнульфъ (бормочетъ). Да, да; это похоже на нее.

Коре. Я предлагалъ Гуннару виру за убитаго, и онъ соглашался принять, но тутъ вмѣшалась Йордисъ, разожгла своего

супруга насмѣшками и помѣшала нашему соглашенію. Потомъ Гуннаръ отправился на югъ, а сегодня утромъ...

Сигурдъ (смотритъ налѣво). Вонъ съ сѣвера идутъ какіе-то люди; ужъ не...

Коре. Самъ Гуннаръ!

Эрнульфъ. Будь спокоенъ; я думаю, что помирю васъ.

(Слѣва входитъ Гуннаръ съ нѣсколькими людьми. Онъ одѣтъ по-домашнему, въ коричневомъ кафтанѣ, обтяжныхъ штанахъ, синемъ плащѣ и широкополой шляпѣ; изъ оружія при немъ лишь небольшой топоръ).

Гуннаръ (останавливается при видѣ собравшихся). Эрнульфъ съ Фьордовъ? Да, въ самомъ дѣлѣ...

Эрнульфъ. Ты не ошибся!

Гуннаръ (приближаясь). Ну, такъ добро пожаловать въ мои владѣнія — если ты пришелъ съ миромъ.

Эрнульфъ. Если ты желаешь того, какъ и я, — миръ не будетъ нарушенъ.

Сигурдъ (выступая). Добрая встрѣча, Гуннаръ!

Гуннаръ (радостно). Сигурдъ! Братъ! (Пожимаетъ ему руку) Да, разъ ты здѣсь, — я увѣренъ, что Эрнульфъ прибылъ съ миромъ. (Эрнульфу) Протяни мнѣ руку, старикъ! Нетрудно догадаться, зачѣмъ ты явился сюда, на сѣверъ. Дѣло касается Йордисъ, твоей пріемной дочери...

Эрнульфъ. Вѣрно. Ты нанесъ мнѣ великую обиду, когда увезъ Йордисъ безъ моего согласія.

Гуннаръ. Ты правъ; прорѣхи юноши чинить мужу. Давно я поджидалъ тебя, Эрнульфъ, и если дѣло лишь за выкупомъ— мы скоро поладимъ.

Сигурдъ. И я то же думаю. Эрнульфъ будетъ умѣренъ въ своихъ требованіяхъ.

Гуннаръ (съ сердечной теплотой). Да, старикъ; вѣдь если бы ты потребовалъ за нее сколько слѣдуетъ, — всего моего добра не хватило бы расплатиться съ тобой!

Эрнульфъ. Я поступлю по закону и обычаю, будь спокоенъ. А теперь о другомъ. (Указывая на Коре) Ты видишь этого человѣка?

Гуннаръ. Коре! (Эрнульфу) Ты знаешь, что мы въ ссорѣ?

Эрнульфъ. Твои люди угнали его скотъ; за похищеніе полагается выкупъ.

Гуннаръ. А за убійство вира! Коре убилъ моего раба!

Коре. Онъ ругался надо мной.

Гуннаръ. Я уже сказалъ, что готовъ помириться.

Коре. Но Йордисъ не согласна, — сегодня въ твое отсутствіе напала на меня и теперь грозитъ убить меня.

Гуннаръ (гнѣвно). Ты правду говоришь? Она...

Коре. Отъ слова до слова — все правда.

Эрнульфъ. Вотъ почему бондъ просилъ меня о помощи, и она будетъ ему оказана.

Гуннаръ (подумавъ съ минуту). Ты поступаешь со мною честно, Эрнульфъ; и мнѣ подобаетъ исполнить твою волю. Слушай меня, Коре! Я готовъ простить тебѣ убійство раба; пусть это покроетъ причиненный тебѣ вредъ, и дѣло съ концомъ.

Коре (протягивая руку Гуннару). Условія добрыя; я принимаю ихъ.

Эрнульфъ (Гуннару). И даешь за себя и за своихъ миръ ему и его дому?

Гуннаръ. Миръ ему въ его домѣ и гдѣ бы онъ ни былъ!

Сигурдъ (указывая направо). Смотрите!

Гуннаръ (недовольный). Йордисъ!

Эрнульфъ. Съ вооруженными людьми!

Коре. Она гонится за мной!

(Йордисъ съ толпой слугъ. Она вся въ черномъ; на плечахъ плащъ съ капюшономъ; слуги вооружены мечами и сѣкирами, а у нея самой въ рукахъ легкое копье).

Йордисъ (останавливаясь въ нѣкоторомъ разстояніи). Мы сильны людьми, какъ видно.

Дагни (спѣша къ ней). Добрая встрѣча, Йордисъ!

Йордисъ (холодно). Спасибо. Я уже слышала, что ты здѣсь неподалеку. (Приближается и окидываетъ собравшихся острымъ взглядомъ) Гуннаръ и... Коре, мой недругъ... Эрнульфъ съ сыновьями и... (Увидавъ Сигурда, чуть замѣтно вздрагиваетъ, умолкаетъ на минуту, но затѣмъ овладѣваетъ собой) Словомъ, я вижу здѣсь много знакомыхъ лицъ... но не знаю, кто изъ нихъ лучше расположенъ ко мнѣ.

Эрнульфъ. Мы всѣ расположены къ тебѣ.

Йордисъ. Если такъ, — ты не откажешься выдать Коре моему мужу.

Эрнульфъ. Въ этомъ нѣтъ нужды.

Гуннаръ. Между нами миръ и согласіе!

Йордисъ (съ скрытой насмѣшкой). Согласіе? Да, я вѣдь знаю— ты человѣкъ умный, Гуннаръ. Коре обрѣлъ сильныхъ друзей, и, видно, тебѣ кажется безопаснѣе...

Гуннаръ. Напрасно разжигать меня насмѣшками! (Съ удареніемъ) Я далъ миръ Коре.

Йордисъ (принужденно). Хорошо. Разъ ты далъ ему миръ — надо сдержать свое слово.

Гуннаръ (съ силой, но безъ горячности). Да, такъ должно быть и будетъ.

Эрнульфъ (Йордисъ). Передъ твоимъ приходомъ почти-что заключенъ былъ и еще миръ...

Йордисъ (рѣзко). Между тобой и Гуннаромъ?

Эрнульфъ (кивая головой). Да; дѣло шло о тебѣ.

Йордисъ. Я знаю, какое дѣло! Но скажу тебѣ, пріемный отецъ мой, никогда не бывать тому, чтобы Гуннаръ Ленникъ далъ запугать себя, хоть ты и явился сюда съ вооруженными людьми. Явись ты въ нашъ домъ одинокимъ путникомъ — вамъ легче было бы сговориться.

Гуннаръ. Эрнульфъ и его сыновья явились съ миромъ.

Йордисъ. Быть-можетъ, но молва иначе толкуетъ дѣло, и самъ ты, Гуннаръ, вѣрно, не очень-то полагался на ихъ миръ еще вчера вечеромъ, коли отослалъ сына нашего Эгиля на югъ, едва услыхалъ, что приплылъ на своихъ ладьяхъ Эрнульфъ съ Фьордовъ.

Сигурдъ (Гуннару). Ты отослалъ сына своего на югъ?

Йордисъ. Чтобы вѣрнѣе уберечь его, если Эрнульфъ нападетъ на насъ.

Эрнульфъ. Не слѣдъ тебѣ насмѣхаться, Йордисъ. Гуннаръ поступилъ какъ разумный мужъ — если ты сумѣешь помѣшать примиренію.

Йордисъ. Счастье правитъ жизнью. Будь что̀ будетъ; но я лучше умру, чѣмъ куплю себѣ жизнь трусливымъ примиреніемъ.

Дагни. Сигурдъ тоже заплатилъ выкупъ и не сталъ отъ этого хуже.

Йордисъ. Сигурду самому лучше знать, что̀ можетъ умалить его честь, что̀ нѣтъ.

Сигурдъ. Да, объ этомъ напоминать мнѣ не приходится.

Йордисъ. Сигурдъ прославленный витязь, но Гуннаръ совершилъ самый отважный подвигъ, убивъ бѣлаго медвѣдя у дверей моей свѣтлицы!

Гуннаръ (смущенно поглядывая на Сигурда). Да, да, — довольно объ этомъ.

Эрнульфъ. Правда, — это самый отважный подвигъ, кѣмъ-либо совершенный въ Исландіи, и потому...

Сигурдъ. Тѣмъ легче Гуннару уступить, что никто не назоветъ его трусомъ.

Йордисъ. Если давать выкупъ, то надо и требовать выкупа. Гуннаръ, помнишь ты, что̀ однажды обѣщалъ мнѣ?

Гуннаръ. Я далъ необдуманное обѣщаніе, и ты требуешь, чтобы я его исполнилъ?

Йордисъ. Оно должно быть исполнено, если впредь намъ жить вмѣстѣ подъ одной кровлей. Знай же, Эрнульфъ, если

тебѣ будетъ данъ выкупъ за похищеніе твоей пріемной дочери, то и ты долженъ заплатить виру за убійство Йокуля, моего отца, и за расхищеніе его земель и добра.

Эрнульфъ. Йокуль палъ въ честномъ поединкѣ; твои же родичи нанесли мнѣ тяжкую обиду, отославъ тебя въ Исландію и хитростью заставивъ меня взять тебя въ пріемыши. Они скрыли отъ меня — кто ты.

Йордисъ. Честью, а не обидой, было для тебя воспитывать дочь Йокуля!

Эрнульфъ. Съ тѣхъ поръ я не зналъ мира, — это вѣрно.

Йордисъ. И, пожалуй, будетъ еще хуже, если ты...

Эрнульфъ. Я прибылъ сюда не для того, чтобы препираться съ женщинами... Гуннаръ, выслушай мое послѣднее слово: согласенъ ты дать выкупъ за похищеніе?

Йордисъ (Гуннару). Помни, что ты обѣщалъ!

Гуннаръ (Эрнульфу). Ты слышишь, я далъ слово и долженъ...

Эрнульфъ (съ горечью). Довольно, довольно! Никогда не скажутъ про меня, что я заплатилъ виру за честную побѣду въ единоборствѣ!

Йордисъ (съ силой). Такъ мы становимся противъ тебя и твоихъ!

Эрнульфъ (съ возрастающимъ гнѣвомъ). И кто здѣсь въ правѣ требовать виру за убіеніе Йокуля? Гдѣ его родичи? Ни единаго нѣтъ въ живыхъ. Гдѣ его законные мстители?

Йордисъ. Мстителемъ выступаетъ Гуннаръ за меня.

Эрнульфъ. Гуннаръ? Да, если бы ты стала его женой съ согласія твоего пріемнаго отца, или уплати онъ теперь выкупъ за похищеніе, онъ былъ бы законнымъ мстителемъ, но...

Дагни (боязливо, съ мольбой). Отецъ! Отецъ!..

Сигурдъ (быстро). Не договаривай!

Эрнульфъ (возвысивъ голосъ). Нѣтъ, скажу во всеуслышаніе. У женщины похищенной нѣтъ законнаго супруга!

Гуннаръ (запальчиво). Эрнульфъ!

Йордисъ (въ дикомъ порывѣ). Поругана! Опозорена! (Дрожащимъ голосомъ) Ты... ты раскаешься!..

Эрнульфъ (продолжая). Похищенная женщина по закону считается лишь наложницей. Если хочешь, чтобы тебя уважали, какъ жену Гуннара, ты должна...

Йордисъ (съ принужденнымъ спокойствіемъ). Нѣтъ, Эрнульфъ, я лучше знаю, что нужно для этого. Если я слыву лишь наложницей Гуннара, то онъ долженъ прославить себя подвигами, прославиться такъ, чтобы не позоръ былъ мнѣ оставаться даже наложницей его! И берегись теперь, Эрнульфъ! Пути наши расходятся, но я буду пускать въ ходъ оружіе противъ

тебя и твоего рода, гдѣ и какъ придется; отнынѣ не быть тебѣ спокойнымъ за свою жизнь, какъ и всякому, кто... (Злобно взглянувъ на Коре) Коре! Эрнульфъ заступился за тебя, и между нами миръ; но я не совѣтую тебѣ спѣшить домой; за убитаго встанетъ много мстителей, и легко можетъ случиться, что... Ну, я предостерегла тебя отъ бѣды; теперь поступай, какъ самъ знаешь. Идемъ, Гуннаръ; надо намъ вооружиться. Ты совершилъ славный подвигъ въ Исландіи; здѣсь тебѣ предстоитъ совершить еще болѣе славный, чтобы твоей... наложницѣ не пришлось стыдиться себя и тебя!

Гуннаръ. Будь разумна, Йордисъ! Непристойно вести себя такъ.

Дагни (умоляюще). Постой, сестра, погоди! Я уговорю отца...

Йордисъ (не слушая ее). Домой, домой! Не пѣли надъ моей колыбелью, что я буду влачить жизнь презрѣнной наложницей; но если ужъ мнѣ влачить эту жизнь и этотъ позоръ... хоть одинъ день еще, то супругъ мой долженъ совершить нѣчто... нѣчто такое, что̀ поставитъ его превыше всѣхъ мужей въ свѣтѣ! (Уходитъ направо).

Гуннаръ (вполголоса). Сигурдъ, дай мнѣ слово — поговорить со мной прежде, чѣмъ уѣдешь отсюда. (Уходитъ со своими людьми направо).

(Непогода между тѣмъ утихла. На горизонтѣ низко надъ моремъ показывается красный дискъ полуденнаго солнца).

Эрнульфъ (грозно). Дорого заплатишь ты за свое поведеніе, пріемная дочь!

Дагни. Отецъ! Отецъ! Не злое же у тебя на умѣ!

Эрнульфъ. Оставь меня! Ну, Сигурдъ, теперь не объ одномъ выкупѣ пойдетъ у насъ рѣчь съ Гуннаромъ.

Сигурдъ. Что̀ ты намѣреваешься предпринять?

Эрнульфъ. Не знаю; но далеко пронесется молва о томъ, какъ Эрнульфъ съ Фьордовъ гостилъ у Гуннара Ленника!

Сигурдъ (спокойно и твердо). Быть-можетъ; но вотъ что̀ я скажу тебѣ, Эрнульфъ: ты не нападешь на него съ оружіемъ въ рукахъ, пока я живъ.

Эрнульфъ. Почему такъ? Если захочу...

Сигурдъ. Этого не должно быть, хоть ты и хочешь.

Эрнульфъ (съ горячностью). Хорошо! Будь заодно съ моими недругами; я не побоюсь пойти противъ васъ всѣхъ.

Сигурдъ. Выслушай меня, Эрнульфъ; не дождаться тебѣ того дня, чтобы мы съ тобою вступили въ бой. Межъ нами честный миръ; Дагни мнѣ дороже оружія и золота, и я никогда не забуду, что ты ея ближайшій родичъ...

Эрнульфъ. Я того и ждалъ отъ тебя, отважный Сигурдъ!

Сигурдъ. Но Гуннаръ — мой названный братъ; мы поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ и мирѣ. Мы дѣлили съ нимъ счастье и удачу въ походахъ и въ мирное время, и онъ мнѣ дороже всѣхъ мужей въ свѣтѣ. Набѣги и походы ему не по душѣ, хоть онъ и храбръ... Словомъ, меня вы всѣ знаете; знаете, что я не трусъ и не боюсь борьбы, но теперь я прошу о мирѣ для Гуннара. Уступи мнѣ на этотъ разъ, Эрнульфъ!

Эрнульфъ. Не могу; всѣ витязи поднимутъ меня на смѣхъ, если я вернусь въ Исландію съ пустыми руками.

Сигурдъ. Съ пустыми руками ты не вернешься. Тутъ въ заливѣ два новыхъ корабля со всѣмъ добромъ, добытымъ мной въ набѣгахъ; много тамъ и драгоцѣнныхъ королевскихъ даровъ, сундуковъ съ добрымъ оружіемъ и прочими сокровищами; бери себѣ одинъ корабль, выбирай любой изъ нихъ,— онъ будетъ твой со всѣмъ, что̀ есть на немъ, и пусть это будетъ выкупомъ за Йордисъ, — дай миръ Гуннару!

Эрнульфъ. Великодушный Сигурдъ! Вотъ что̀ готовъ ты сдѣлать для Гуннара!

Сигурдъ. Чего пожалѣетъ человѣкъ для лучшаго друга своего?

Эрнульфъ. Отдать половину своего добра!

Сигурдъ (внушительно). Бери все, бери оба корабля, все, что̀ у меня есть, и возьми меня съ собой въ Исландію бѣднѣйшимъ своимъ дружинникомъ: то, что̀ я отдаю, я могу добыть себѣ вновь, но если ты нападешь на Гуннара, не знавать мнѣ больше радости на бѣломъ свѣтѣ. Ну, Эрнульфъ, что̀ ты скажешь мнѣ?

Эрнульфъ (раздумывая). Два корабля, оружіе и всякое добро... Добро никогда не лишнее, сколько бы его ни было... (Съ горячностью) Но нѣтъ, нѣтъ! Йордисъ грозила мнѣ... Не хочу, нечестно было бы завладѣть твоимъ добромъ.

Сигурдъ. Да выслушай сначала...

Эрнульфъ. Нѣтъ, говорю я! Я самъ добьюсь своего; пусть счастье вершитъ дѣло.

Коре (приближаясь). Дружескій совѣтъ даетъ Сигурдъ, но, если хочешь вѣрнѣе добиться своего, я могу дать тебѣ еще лучшій совѣтъ. Не разсчитывай на выкупъ, пока за Йордисъ остается послѣднее слово; но отмстить ты можешь, если послушаешься меня.

Эрнульфъ. Отмстить? Какой же ты дашь мнѣ совѣтъ?

Сигурдъ. Недобрый, — это я вижу.

Дагни (Эрнульфу). Не слушай его!

Коре. Йордисъ лишила меня мира и будетъ стараться извести меня хитростью; если ты обѣщаешь мнѣ свою защиту,

я сегодня же ночью подожгу домъ Гуннара такъ, чтобы всѣ они сгорѣли тамъ. По душѣ ли тебѣ это?

Сигурдъ. Презрѣнный!

Эрнульфъ (спокойно). По душѣ ли мнѣ это? Знаешь, Коре, что̀ мнѣ больше по душѣ? (Громовымъ голосомъ) Обрубить тебѣ носъ и уши, презрѣнный рабъ! Плохо ты знаешь стараго Эрнульфа, если полагаешь, что онъ пойдетъ на такое позорное дѣло.

Коре (попятившись). Если ты не нападешь на Гуннара, онъ нападетъ на тебя.

Эрнульфъ. Такъ на то у меня есть руки и оружіе, чтобы защищаться.

Сигурдъ (Коре). А теперь — убирайся прочь! Честнымъ людямъ позоръ знаться съ тобой.

Коре (уходя). Да, да; придется мнѣ самому защищать себя, какъ сумѣю; а вамъ говорю: раскаетесь, если будете дѣйствовать добромъ. Я знаю Йордисъ. И... найду, чѣмъ поразить ее! (Спускается къ морю).

Дагни. Онъ замышляетъ месть! Сигурдъ, надо помѣшать ему!

Эрнульфъ (съ досадой). А пусть его дѣлаетъ, что̀ хочетъ; подѣло̀мъ ей будетъ.

Дагни. Ты это говоришь не отъ сердца. Вспомни, ты воспиталъ ее.

Эрнульфъ. Въ злосчастный день принялъ я ее подъ свой кровъ; начинаетъ сбываться предсказаніе Йокуля.

Сигурдъ. Йокуля?

Эрнульфъ. Йокуля, ея отца. Когда я нанесъ ему смертельную рану, онъ рухнулъ навзничь на траву и провѣщалъ, глядя на меня:

«Племя Йокуля его убійцѣ
Будетъ вредъ чинить всегда и всюду;
Тотъ, кто Йокуля возьметъ имѣнье,
Не къ добру его возьметъ, а къ худу!»

А провѣщавъ это, помолчалъ съ минуту, захохоталъ и умеръ.

Сигурдъ. Ну, ты не вѣрь этому.

Эрнульфъ. Какъ знать? Утверждаютъ, будто Йокуль однажды скормилъ своимъ дѣтямъ волчье сердце, чтобы и они стали лютыми, какъ волки. Йордисъ, видно, тоже получила свою долю, судя по ея нраву... (Останавливается, глядя направо) Гуннаръ! Или намъ суждено встрѣтиться сегодня еще разъ?

Гуннаръ (приближаясь). Да, Эрнульфъ, думай обо мнѣ что̀ хочешь, но я не могу допустить, чтобы мы съ тобой разстались врагами.

Эрнульфъ. Чего же ты хочешь?

Гуннаръ. Мирно протянуть тебѣ руку передъ твоимъ отъѣздомъ. Слушайте меня всѣ; послѣдуйте за мною ко мнѣ въ домъ и будьте моими гостями, сколько захотите. Ни въ постеляхъ ни въ угощеніи недостатка не окажется, и о спорѣ нашемъ не будетъ упомянуто ни слова — ни сегодня ни завтра.

Сигурдъ. А Йордисъ?..

Гуннаръ. Покорилась моей волѣ; одумалась по дорогѣ и теперь согласна со мной, что мы съ тобой, вѣрно, поладимъ, если вы погостите у насъ.

Дагни. Да, да! Вотъ такъ!

Сигурдъ (нерѣшительно). Но я не знаю...

Дагни. Гуннаръ — твой названный братъ; право, это будетъ непохоже на тебя, если ты откажешься.

Гуннаръ (Сигурду). Ты былъ мнѣ другомъ всегда и во всемъ; не пойдешь же ты противъ меня на этотъ разъ?

Дагни. Уѣхать отсюда, оставить Йордисъ съ ненавистью въ сердцѣ... нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя!

Гуннаръ. Я причинилъ Эрнульфу великую обиду, — пока она не заглажена, я не могу успокоиться.

Сигурдъ (горячо). Все готовъ я сдѣлать для тебя, Гуннаръ, только не остаться здѣсь. (Спохватившись) Я — вассалъ короля Этельстана, и мнѣ надо вернуться къ нему въ Англію нынѣшнею зимою.

Дагни. Да это же тебѣ не помѣшаетъ.

Гуннаръ. Никто не знаетъ, что̀ кого ждетъ впереди; быть-можетъ, мы встрѣтились съ тобой въ послѣдній разъ, Сигурдъ, и ты самъ будешь раскаиваться, что не утѣшилъ меня, пока можно было.

Дагни. И нескоро ты увидишь меня веселой, если отплывешь сегодня.

Сигурдъ (рѣшительно). Хорошо; будь по-вашему, хотя... Но теперь дѣло рѣшено; вотъ моя рука: я остаюсь и буду въ гостяхъ у тебя и у Йордисъ.

Гуннаръ (пожимая ему руку). Спасибо, Сигурдъ; я зналъ, что ты мнѣ не откажешь... А ты, Эрнульфъ, и ты скажешь то же?

Эрнульфъ (угрюмо). Я подумаю; больно уязвила меня Йордисъ... Сегодня я не дамъ отвѣта.

Гуннаръ. Ну, ну, старый витязь, — Сигурдъ и Дагни, вѣрно, сумѣютъ разгладить морщины на твоемъ челѣ. Теперь я пойду готовить пиръ. Оставайся пока съ миромъ и добро пожаловать въ мой домъ! (Уходитъ направо).

Сигурдъ (про себя). Йордисъ одумалась, сказалъ онъ. Какъ

мало онъ ее знаетъ; скорѣе же она замышляетъ... (Обрываетъ и оборачивается къ своимъ людямъ) Ну, за мной къ ладьямъ; я хочу выбрать дорогіе подарки для Гуннара и для... его близкихъ.

Дагни. Самые лучшіе подарки, какіе только у насъ найдутся! А ты, отецъ?.. Нѣтъ, я не отстану отъ тебя, пока ты не сдашься! (Уходитъ съ Сигурдомъ и его людьми къ морю).

Эрнульфъ. Сдамся? Да, не будь въ домѣ Гуннара женщинъ,—я зналъ бы, чѣмъ поразить ее!.. Торольфъ, это ты?

Торольфъ (быстро подходя). Какъ видишь. Правду ли я слышалъ, что ты встрѣтился съ Гуннаромъ?

Эрнульфъ. Да.

Торольфъ. И между вами теперь вражда?

Эрнульфъ. Гм... по крайней мѣрѣ, между мной и Йордисъ.

Торольфъ. Такъ будь спокоенъ. Ты будешь отмщенъ.

Эрнульфъ. Отмщенъ? Кто отмститъ за меня?

Торольфъ. Ты слушай: я стоялъ на палубѣ, когда мимо пробѣжалъ человѣкъ съ палкой въ рукахъ и крикнулъ: «Если ты изъ дружины Эрнульфа, то кланяйся ему отъ Коре и скажи, что я отмщу и за себя и за него». Тутъ онъ сѣлъ въ лодку и, гребя прочь отъ берега, прибавилъ: «Въ заливѣ я найду двадцать такихъ же лишенныхъ мира, какъ и я; мы поплывемъ на югъ и — вечеръ не успѣетъ наступить, какъ Йордисъ перестанетъ хвалиться потомствомъ!»

Эрнульфъ. Онъ такъ и сказалъ? А! Теперь я понимаю. Гуннаръ отослалъ своего сына на югъ, Коре золъ на Гуннара...

Торольфъ. И теперь онъ отправится туда и убьетъ мальчика.

Эрнульфъ (рѣшительно). Въ путь, всѣ! Мы поспоримъ изъ-за этой добычи.

Торольфъ. Что ты задумалъ?

Эрнульфъ. Предоставь это мнѣ. *Я* отмщу, а не Коре!

Торольфъ. Я съ тобой!

Эрнульфъ. Нѣтъ, ты съ Сигурдомъ и сестрою своей отправишься къ Гуннару.

Торольфъ. Съ Сигурдомъ? Онъ здѣсь?

Эрнульфъ. Видишь его корабли? Мы съ нимъ помирились; ты пойдешь за нимъ.

Торольфъ. Къ твоимъ недругамъ?

Эрнульфъ. Ты пойдешь на пиръ. Теперь Йордисъ узнаетъ стараго Эрнульфа. Но слушай, Торольфъ, никому не говори, что я задумалъ; слышишь — никому.

Торольфъ. Обѣщаю.

Эрнульфъ (беретъ его за руку и любовно глядитъ на него). Прощай же, мой славный мальчикъ; веди себя благопристойно на пиру, чтобы сдѣлать мнѣ честь. Не веди лишнихъ рѣчей; а

что будетъ сказано, то должно быть сказано, какъ мечомъ отрублено. Будь привѣтливъ, пока съ тобой привѣтливы; но если оскорбятъ, не смолчи на обиду. Не пей больше, чѣмъ можешь, но и не отталкивай отъ себя рога, пока угощаютъ умѣренно, чтобы не прослыть бабой.

Торольфъ. Нѣтъ, будь спокоенъ!

Эрнульфъ. Ступай же на пиръ къ Гуннару. И я явлюсь на пиръ — да такъ, какъ меня меньше всего ожидаютъ. (Весело остальнымъ) Впередъ, волчата! Наточите зубы, — вамъ предстоитъ отвѣдать крови! (Уходитъ со старшими сыновьями въ глубину).

(Сигурдъ и Дагни идутъ съ берега въ богатыхъ праздничныхъ одеждахъ, въ сопровожденіи двухъ людей, несущихъ ларецъ; люди немедленно уходятъ назадъ).

Торольфъ (глядя вслѣдъ отцу). Теперь они пойдутъ биться, а меня не берутъ. Тяжело быть младшимъ въ семьѣ... Здравствуй, Дагни, милая сестра моя!

Дагни. Торольфъ! Всѣ благіе боги — какъ же ты выросъ!

Торольфъ. За пять лѣтъ, я полагаю...

Дагни. Да, да, правда.

Сигурдъ (протягивая ему руку). Ты будешь добрый помощникъ отцу, если я не ошибаюсь.

Торольфъ. Только бы онъ испыталъ меня!..

Дагни (улыбаясь). Но онъ бережетъ тебя, и тебѣ это не по душѣ. Я помню, онъ всегда любилъ тебя почти черезчуръ нѣжно.

Сигурдъ. Куда онъ направился?

Торольфъ. На корабль. Пойдемъ; онъ явится попозже.

Сигурдъ. Я жду своихъ людей; они переносятъ грузъ и прикрѣпляютъ корабли къ берегу.

Торольфъ. Я пойду помогу. (Идетъ къ морю).

Сигурдъ (послѣ краткаго раздумья). Дагни, супруга моя, теперь мы одни, а у меня есть нѣчто на душѣ, чего нельзя долѣе скрывать.

Дагни (удивленно). Что ты хочешь сказать?

Сигурдъ. Этотъ нашъ пиръ у Гуннара можетъ кончиться бѣдою.

Дагни. Бѣдою? Или ты думаешь, что Гуннаръ...

Сигурдъ. Нѣтъ, нѣтъ, Гуннаръ добрый, честный мужъ; но лучше было бы мнѣ уѣхать отсюда, не бывъ его гостемъ.

Дагни. Ты пугаешь меня, Сигурдъ! Что это значитъ?

Сигурдъ. Скажи мнѣ сначала одно. Гдѣ у тебя тотъ золотой обручъ, который я однажды далъ тебѣ?

Дагни (показывая). Здѣсь, на рукѣ; ты велѣлъ мнѣ носить его.

Сигурдъ. Брось его въ море — поглубже, чтобы его не

нашли никогда; онъ можетъ стоить жизни многимъ доблестнымъ мужамъ.

Дагни. Этотъ обручъ?

Сигурдъ (глухо). Ты помнишь тотъ вечеръ въ домѣ отца твоего... когда произошло похищеніе?..

Дагни. Помню ли я!..

Сигурдъ. Объ этомъ-то я и поведу рѣчь.

Дагни (съ напряженнымъ вниманіемъ). Говори, говори!

Сигурдъ. Помнишь ты — былъ пиръ; ты рано ушла въ свою опочивальню; но Йордисъ осталась сидѣть за столомъ среди мужей. Бойко ходилъ въ круговую рогъ съ медомъ, и громко раздавались всякія клятвы и похвальбы. Я поклялся увезти съ собой изъ Исландіи прекрасную дѣву. Гуннаръ далъ такую же клятву и передалъ рогъ Йордисъ. Она приняла рогъ, встала и дала клятву, что станетъ женой лишь того витязя, который войдетъ въ ея теремъ, убивъ бѣлаго медвѣдя, прикованнаго на цѣпь у порога, и вынесетъ ее изъ терема на рукахъ.

Дагни. Да, да, я знаю.

Сигурдъ. Но всѣ нашли, что это несбыточное дѣло, — такимъ свирѣпымъ чудовищемъ считался этотъ медвѣдь. Никто, кромѣ Йордисъ, не смѣлъ и подходить къ нему; съ нимъ не сладили бы и двадцать человѣкъ вмѣстѣ...

Дагни. Но Гуннаръ все-таки одолѣлъ его и прославился этимъ подвигомъ на весь міръ.

Сигурдъ (глухо). Да... но... совершилъ подвигъ *я*.

Дагни (вскрикивая). Ты!

Сигурдъ. Когда всѣ разошлись изъ пиршественной горницы, Гуннаръ позвалъ меня побесѣдовать съ нимъ съ глазу на глазъ въ опочивальнѣ. И вотъ онъ сказалъ мнѣ: «Йордисъ мнѣ милѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ; я не могу жить безъ нея». Я отвѣчалъ: «Такъ ступай къ ней въ теремъ, — ты знаешь ея условія». Но онъ на это сказалъ: «Кто любитъ, тому жизнь дорога; какъ знать, что̀ будетъ, если я пойду на медвѣдя? А я боюсь теперь лишиться жизни, — съ нею вмѣстѣ я лишусь и Йордисъ». Мы долго толковали и покончили на томъ, что Гуннаръ пошелъ готовить къ отплытію свой корабль, а я взялъ свой мечъ, облекся въ боевые доспѣхи Гуннара и пошелъ въ теремъ.

Дагни (съ гордой радостью). И ты — ты убилъ медвѣдя!

Сигурдъ. Да, я. Въ теремѣ было темно, какъ подъ крыльями ворона. Йордисъ думала, что передъ нею Гуннаръ... Разгоряченная выпитымъ медомъ, она сняла съ руки обручъ и дала мнѣ... Этотъ самый обручъ ты и носишь.

Дагни (запинаясь). И ты провелъ ночь въ свѣтлицѣ у Йордисъ?

Сигурдъ. Мечъ мой лежалъ между нами. (Краткое молчаніе) Еще до зари я отнесъ Йордисъ на корабль Гуннара. Она не замѣтила нашей хитрости, и онъ отплылъ съ нею. Тогда я пошелъ въ твою опочивальню и нашелъ тебя въ кругу твоихъ дѣвушекъ... Ну, ты сама знаешь, что было дальше. Я отплылъ изъ Исландіи съ прекрасной дѣвой, какъ поклялся, и ты съ тѣхъ поръ слѣдуешь за мной, какъ подобаетъ вѣрной подругѣ, куда бы я ни направился.

Дагни (растроганно). Отважный супругъ мой! Ты совершилъ тотъ славный подвигъ!.. О, я должна была бы догадаться! Ты одинъ могъ совершить его... Йордисъ!.. Ты могъ овладѣть этой гордой красавицей и все-таки выбралъ меня. Теперь ты сталъ бы мнѣ еще въ десять разъ дороже, не будь ты мнѣ уже дороже всего на свѣтѣ!

Сигурдъ. Дагни, моя добрая супруга, теперь ты знаешь все, что надо. Я долженъ былъ предостеречь тебя... Вѣдь обручъ... Чтобы онъ никогда не попался Йордисъ на глаза! Послушайся меня, брось его — въ самую глубь морскую.

Дагни. Нѣтъ, Сигурдъ, онъ слишкомъ дорогъ мнѣ, — вѣдь ты подарилъ его мнѣ. Но будь спокоенъ, я затаю его отъ всѣхъ глазъ и никогда не выдамъ того, что ты сейчасъ повѣдалъ мнѣ.

(Торольфъ возвращается съ людьми Сигурда).

Торольфъ. Готово; идемъ на пиръ!

Дагни. Идемъ, Сигурдъ, — благородный, отважный витязь!

Сигурдъ. Тише, Дагни, тише! Отъ тебя теперь зависитъ, кончится ли этотъ пиръ добромъ или бѣдою. (Быстро оборачиваясь къ остальнымъ) Впередъ, всѣ! На пиръ къ Гуннару!

(Уходитъ съ Дагни направо; остальные за ними).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Пиршественная горница въ домѣ Гуннара. Въ глубинѣ входныя двери: въ боковыхъ стѣнахъ двери поменьше. Впереди налѣво возвышеніе съ почетнымъ мѣстомъ, направо такое же, меньшихъ размѣровъ. Посреди сложенный изъ камней очагъ, гдѣ пылаетъ огонь. Вдоль средней стѣны по обѣ стороны входныхъ дверей возвышенія со скамьями для женщинъ. Отъ каждаго почетнаго мѣста идетъ вдоль стѣны въ глубину по длинному столу со скамьями по обѣ стороны. На дворѣ темно; горница освѣщается пламенемъ очага.

Йордисъ и Дагни входятъ справа.

Дагни. Нѣтъ, Йордисъ, не пойму я тебя. Ты мнѣ показала весь свой дворъ, и я вижу — ни въ чемъ у тебя нѣтъ недостатка; все такъ хорошо, богато — на что тебѣ сѣтовать?

Йордисъ. Гм... посади орла въ клѣтку, и онъ станетъ грызть прутья, будь они хоть желѣзные, хоть золотые.

Дагни. Однимъ ты все-таки богаче меня, — у тебя есть сынъ, малютка Эгиль.

Йордисъ. Лучше совсѣмъ не имѣть потомства, чѣмъ имѣть прижитое въ безчестьѣ.

Дагни. Въ безчестьѣ?

Йордисъ. Ты забыла, что̀ сказалъ твой отецъ?.. Эгиль — сынъ наложницы, — по его словамъ.

Дагни. Слова эти вырвались у него въ гнѣвѣ; кто же обращаетъ вниманіе на сказанное въ сердцахъ?

Йордисъ. Нѣтъ, Эрнульфъ сказалъ правду. Эгиль слабый ребенокъ; видно, что онъ неблагороднорожденный.

Дагни. Йордисъ, какъ ты можешь?..

Йордисъ (не обращая на нее вниманія). Позоръ впитывается въ кровь, словно ядъ отъ укуса змѣи. Благороднорожденные сыновья героевъ бываютъ иного закала. Я слыхала про одну королеву, которая пришила кафтанъ къ тѣлу сына, и тотъ бровью не повелъ! (Съ злорадствомъ) Дагни, я хочу такъ испытать Эгиля!

Дагни (возмущенная). Йордисъ, Йордисъ!

Йордисъ (смѣясь). Ха-ха-ха! Ты думала — я и вправду?.. (Перемѣнивъ тонъ) Но хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь мнѣ — на меня порою находитъ... находитъ искушеніе сдѣлать что-нибудь подобное. Это должно быть въ роду у насъ, — я вѣдь изъ породы великановъ, какъ говорятъ... Но садись, Дагни; ты много летала по бѣлу свѣту за эти пять долгихъ лѣтъ. Разскажи мнѣ — вѣрно, часто гостила при дворахъ королей?

Дагни. Бывало; особенно при дворѣ Этельстана въ Англіи.

Йордисъ. И вездѣ тебя принимали съ честью, сажали за столомъ на почетнѣйшее мѣсто?

Дагни. Сама знаешь. Какъ супруга Сигурда...

Йордисъ. Да, да, Сигурдъ славный витязь, хотя Гуннаръ выше его.

Дагни. Гуннаръ?

Йордисъ. Гуннаръ совершилъ такой подвигъ, на который не отважился Сигурдъ... Ну, да оставимъ это. Но скажи, когда Сигурдъ со своими викингами шелъ въ бой на твоихъ глазахъ, когда ты слышала лязгъ мечей, вдыхала запахъ дымящейся крови, заливавшей палубу, — въ тебѣ самой не вскипало неистовое желаніе врубиться въ самую сѣчу, ты не облекалась въ боевые доспѣхи, не хваталась за оружіе?

Дагни. Никогда. Что̀ ты выдумала? Я — женщина.

Йордисъ. Женщина, женщина!.. Гм... никто не знаетъ, на что способна женщина... Ну, скажи мнѣ еще одно, Дагни,— это ты навѣрно испытала... Когда мужчина обнимаетъ люби-

мую женщину... не правда ли — вся кровь вспыхиваетъ въ ней огнемъ, сердце такъ и колотится въ груди, и голова кружится отъ неизъяснимаго блаженства?

Дагни (краснѣя). Йордисъ, какъ можно...

Йордисъ. Да говори же!

Дагни. Это, я думаю, ты и сама испытала.

Йордисъ. Да, одинъ единственный разъ. Въ ту ночь, когда Гуннаръ проникъ ко мнѣ въ теремъ. Онъ прижалъ меня къ груди такъ, что броня его треснула, и тогда, тогда...

Дагни (не выдержавъ). Какъ? Сигурдъ!..

Йордисъ. Сигурдъ? Кто говоритъ про Сигурда? Я говорю о Гуннарѣ. О той ночи, когда совершилось похищеніе..

Дагни (опомнившись). Да, да, помню... знаю...

Йордисъ. Такъ вотъ, тогда лишь, одинъ единственный разъ: съ тѣхъ поръ никогда, ни разу. Мнѣ сдается, что я была просто околдована. Вѣдь повѣрить, чтобы Гуннаръ могъ такъ обнимать женщину... (Останавливается и смотритъ на Дагни) Ты больна? То блѣднѣешь, то краснѣешь.

Дагни. Нѣтъ, нѣтъ!

Йордисъ (не обращая на нее болѣе вниманія). Нѣтъ, мнѣ бы дѣлить съ викингами ихъ походы! Такъ было бы лучше для меня... и, пожалуй, для всѣхъ насъ. Вотъ была бы жизнь — полная, богатая! Ты не дивишься, Дагни, что застала меня здѣсь еще въ живыхъ? Не боишься сидѣть со мной въ покоѣ одна въ сумерки? Тебѣ не чудится, что я успѣла умереть за эти долгіе годы, и что возлѣ тебя привидѣніе?

Дагни (охваченная жуткимъ чувствомъ). Пойдемъ туда... къ другимъ!

Йордисъ (взявъ ее за руку). Нѣтъ, останься. Тебѣ не кажется непонятнымъ, Дагни, какъ это человѣкъ можетъ остаться въ живыхъ, просидѣвъ здѣсь цѣлыхъ пять ночей?

Дагни. Пять ночей?

Йордисъ. Здѣсь на сѣверѣ ночь — вся долгая зима. (Вдругъ мѣняя выраженіе) Но не думай, что здѣсь нехорошо. Ты увидишь здѣсь такія чудеса, какихъ не видывала при дворѣ королевскомъ въ Англіи; заживемъ съ тобою, какъ сестры, пока ты гостишь у меня; будемъ ходить съ тобою къ морю, когда непогода хорошенько разыграется; ты увидишь, какъ волны летятъ на берегъ, словно дикіе бѣлогривые кони... а вдали ныряютъ киты. Они сшибаются другъ съ другомъ грудью, какъ витязи въ бронѣ. О, что за наслажденіе было бы осѣдлать кита, носиться по волнамъ передъ ладьями, накликать бурю и заманивать людей въ бездну своими заклинаніями!

Дагни. Фу, Йордисъ, какъ ты можешь говорить такъ!

Йордисъ. Ты умѣешь творить заклинанія?

Дагни (съ отвращеніемъ). Я!..

Йордисъ. А я думала — умѣешь. Чѣмъ же тогда привлекла ты Сигурда?

Дагни. Ты издѣваешься надо мной! Я уйду.

Йордисъ (удерживая ее). Я шучу. Нѣтъ, ты слушай дальше. Подумай, Дагни, — сидѣть тутъ вечеръ за вечеромъ у окошка и слушать плачъ водяного — тамъ, въ сараѣ для лодокъ; сидѣть и ждать, прислушиваясь къ полету мертвецовъ, — ихъ путь лежитъ вѣдь черезъ нашу полуночную страну. Это все отважные бойцы, павшіе въ битвѣ, и могучія женщины, которыя жили не нашею мирною жизнью, — какъ ты и я. Въ бурю и непогоду летятъ они вихремъ на вороныхъ коняхъ, звеня бубенчиками. (Обнимаетъ ее и бурно прижимаетъ къ себѣ) А!.. Подумай, Дагни, — совершить послѣдній путь на такомъ лихомъ скакунѣ!

Дагни (вырываясь). Йордисъ, Йордисъ! Пусти! Я не хочу тебя слушать!

Йордисъ (смѣясь). Какая же ты малодушная. Тебя не трудно запугать.

(Изъ входныхъ дверей появляются Гуннаръ, Сигурдъ и Торольфъ).

Гуннаръ. Да, теперь я, право, не знаю, чего мнѣ еще и желать, — я опять нашелъ тебя, Сигурдъ, мой честный, отважный братъ, и ты все такой же вѣрный другъ мнѣ, какъ и прежде; и потомокъ Эрнульфа подъ моимъ кровомъ, и самъ старикъ скоро будетъ здѣсь, — не правда ли?

Торольфъ. Онъ обѣщалъ.

Гуннаръ. Одного лишь недостаетъ, — маленькаго Эгиля.

Торольфъ. Ты, вѣрно, очень любишь мальчика? Все о немъ вспоминаешь.

Гуннаръ. Да, люблю; онъ вѣдь одинъ у меня и обѣщаетъ стать и красивымъ и привѣтливымъ.

Йордисъ. Но витязя изъ него не выйдетъ.

Гуннаръ. Ну, ну, — не говори.

Сигурдъ. И зачѣмъ ты его отослалъ?..

Гуннаръ. Да, лучше бы не дѣлать этого. (Вполголоса) Но ты вѣдь знаешь — у человѣка сердце бываетъ не на мѣстѣ, когда дѣло идетъ о томъ, кого любишь больше всего на свѣтѣ. (Вслухъ) У насъ тутъ мало людей, и никто изъ насъ не могъ быть спокоенъ за свою жизнь, когда прошелъ слухъ, что Эрнульфъ присталъ къ берегу со своими ладьями.

Йордисъ. Одно я знаю, что̀ нужно спасать прежде всего, прежде жизни.

Торольфъ. Что̀ же это?

Йордисъ. Добрую славу.

Гуннаръ. Йордисъ!

Сигурдъ. Никто не скажетъ про Гуннара, что онъ этимъ обезчестилъ себя.

Гуннаръ (строго). Никому не удастся поссорить меня съ родичами Эрнульфа.

Йордисъ (съ улыбкой). Гм!.. Скажи мнѣ, Сигурдъ, — твоя ладья идетъ впередъ при всякомъ вѣтрѣ?

Сигурдъ. Да, если умѣть править.

Йордисъ. Хорошо, и я буду смѣло править своей ладьей и вѣрно приведу ее туда, куда меня влечетъ. (Ходитъ по комнатѣ).

Дагни (тихо, тревожно). Сигурдъ, уѣдемъ отсюда... сегодня же вечеромъ.

Сигурдъ. Теперь поздно. И ты сама...

Дагни. Да, тогда я любила Йордисъ, а теперь... я наслушалась отъ нея такихъ рѣчей, что страшно вспомнить.

(Изъ входныхъ дверей входятъ: дружина Сигурда и другіе гости, мужчины и женщины, слуги и служанки).

Гуннаръ (послѣ краткой паузы, во время которой происходитъ обмѣнъ привѣтствій). Прошу за столъ! Самый почетный гость мой, Эрнульфъ съ Фьордовъ, будетъ попозже, какъ оповѣстилъ Торольфъ.

Йордисъ (домашнимъ). Пусть обносятъ гостей медомъ и пивомъ — тогда языки развяжутся, и на душѣ станетъ веселѣе.

(Гуннаръ ведетъ Сигурда на почетное мѣсто. Дагни садится по правую руку мужа, Йордисъ какъ разъ напротивъ, по другую сторону того же стола. Торольфу указываютъ мѣсто за другимъ столомъ прямо противъ Гуннара, который занимаетъ главное почетное мѣсто налѣво. Остальные размѣщаются за обоими столами и начинаютъ пить, привѣтствуя другъ друга кубками).

Йордисъ (послѣ нѣкоторой паузы). Рѣдко бываетъ такое сборище отважныхъ мужей, какъ у насъ на пиру сегодня. Вотъ гдѣ кстати пришлась бы древняя забава: каждый перечислитъ свои подвиги, и всѣ разсудятъ — кому отдать первенство.

Гуннаръ. Этотъ обычай некстати на пиру, гдѣ много пьютъ; часто изъ-за этого выходятъ ссоры.

Йордисъ. Не думала я, что Гуннаръ трусливъ.

Сигурдъ. Да, вѣрно, и теперь никто этого не думаетъ; но мы нескоро бы кончили, если бы стали перечислять всѣ свои подвиги, — такъ много насъ здѣсь. Лучше разскажи намъ, Гуннаръ, о своей поѣздкѣ въ Біармію; славный подвигъ — пробраться такъ далеко на сѣверъ, и мы охотно послушаемъ о немъ.

Йордисъ. Поѣздка въ Біармію — дѣло торговое, и нечего говорить о томъ въ кругу витязей. Начинай ты, Сигурдъ! Не

то я подумаю, что тебѣ нелюбо слушать, какъ будутъ славить моего супруга. Повѣдай о томъ изъ своихъ подвиговъ, который почитаешь славнѣйшимъ.

Сигурдъ. Ну, разъ ты неволишь меня — будь по-твоему. Былъ я со своими викингами у Оркнейскихъ острововъ: на насъ напали, но мы живо очистили вражьи ладьи; я одинъ бился противъ восьмерыхъ.

Йордисъ. Славный подвигъ; но ты былъ во всеоружіи?

Сигурдъ. Да: при сѣкирѣ, копьѣ и щитѣ.

Йордисъ. И все-таки подвигъ твой славенъ. Теперь ты, супругъ мой, повѣдай, что̀ считаешь самымъ славнымъ изъ своихъ подвиговъ?

Гуннаръ (неохотно). Я сразилъ двухъ берсерковъ, которые захватили торговое судно; затѣмъ отпустилъ плѣнныхъ купцовъ домой и отдалъ имъ судно безъ всякаго выкупа. Король Англіи очень одобрилъ это, объявилъ, что я поступилъ благородно, и прислалъ мнѣ свое спасибо и богатые дары.

Йордисъ. Право, Гуннаръ, ты могъ бы назвать подвигъ куда славнѣе!

Гуннаръ (вспыливъ). Иными подвигами я не хвалюсь. Съ послѣдняго похода въ Исландію я жилъ мирно и занимался торговымъ дѣломъ. И довольно объ этомъ.

Йордисъ. Если ты самъ замалчиваешь свою славу, то жена твоя не промолчитъ!

Гуннаръ. Йордисъ, умолкни, — я приказываю тебѣ!

Йордисъ. Сигурдъ бился одинъ съ восьмерыми, но былъ во всеоружіи. Гуннаръ проникъ въ мой теремъ темной ночью и одолѣлъ медвѣдя, обладавшаго силой двадцати человѣкъ, — одолѣлъ, вооруженный лишь короткимъ мечомъ!

Гуннаръ (въ сильномъ волненіи). Жена, ни слова болѣе!

Дагни (тихо). Сигурдъ, и ты потерпишь?..

Сигурдъ (такъ же). Успокойся!

Йордисъ (окружающимъ). Ну, храбрые мужи, кто же отважнѣе — Сигурдъ или Гуннаръ?

Гуннаръ. Ни слова!

Йордисъ (возвышая голосъ). Отвѣчайте. — я имѣю право требовать!

Старикъ (изъ гостей). Если говорить правду, то подвигъ Гуннара славнѣйшій между подвигами человѣческими; Гуннаръ герой изъ героевъ; за нимъ уже Сигурдъ.

Гуннаръ (бросая взглядъ черезъ столъ). Ахъ, Сигурдъ, Сигурдъ, зналъ бы ты...

Дагни (тихо). Это слишкомъ много... даже для друга!

Сигурдъ (такъ же). Помолчи, супруга моя! (Громко окружаю-

щимъ) Да, поистинѣ, Гуннаръ славнѣйшій изъ мужей, и въ моихъ глазахъ онъ былъ бы такимъ до послѣдняго дня моей жизни, если бы даже и не совершалъ того подвига; этотъ подвигъ я ставлю не такъ высоко, какъ вы.

Йордисъ. Въ тебѣ говоритъ зависть, Сигурдъ викингъ!

Сигурдъ (улыбаясь). Ты сильно ошибаешься. (Привѣтливо Гуннару, поднимая чару) Слава тебѣ, благородный Гуннаръ! Дружба наша устоитъ, кто бы ни пытался ее нарушить.

Йордисъ. Никто и не пытается, насколько мнѣ вѣдомо.

Сигурдъ. Полно: я готовъ подумать, что ты пригласила насъ на пиръ затѣмъ лишь, чтобы поссорить.

Йордисъ. Это похоже на тебя, Сигурдъ! Теперь ты разгнѣванъ на то, что не можешь занять перваго мѣста на пиру.

Сигурдъ. Я всегда почиталъ Гуннара выше себя.

Йордисъ. Да и вторымъ быть послѣ Гуннара немало чести, и... (бросивъ взглядъ на Торольфа) будь здѣсь Эрнульфъ, ему пришлось бы отвести третье мѣсто.

Торольфъ. Тогда Йокулю, отцу твоему, будь онъ здѣсь, пришлось бы сѣсть куда ниже, — Эрнульфъ вѣдь сразилъ его.

(Обмѣнъ рѣчей ведется съ обѣихъ сторонъ со скрытымъ, но все возрастающимъ раздраженіемъ).

Йордисъ. Не говори! Эрнульфъ — скальдъ, и поговариваютъ, будто онъ славитъ себя за такіе подвиги, какихъ и не совершалъ.

Торольфъ. Горе тому, кто объ этомъ заговоритъ такъ, что это дойдетъ до меня!

Йордисъ (съ вызывающей усмѣшкой). Ты отомстилъ бы?

Торольфъ. И такъ, что далеко прошла бы молва!

Йордисъ. Ну, я осушу рогъ за то, чтобы у тебя сначала выросла борода.

Торольфъ. И безбородый юноша годенъ на лучшее, нежели препираться съ женщинами.

Йордисъ. Но не годенъ еще биться съ мужами. Оттого отецъ твой и берегъ тебя дома за печкой, когда старшихъ братьевъ твоихъ бралъ съ собой въ морскіе походы.

Торольфъ. Плохо сдѣлалъ онъ, что не берегъ лучше тебя,— не пришлось бы тебѣ невольницей покинуть родину!

Гуннаръ и **Сигурдъ.** Торольфъ!

Дагни (въ то же время). Братъ мой!

Йордисъ (тихо, дрожащимъ отъ злобы голосомъ). А, — погоди же ты... погоди!..

Торольфъ (протягивая руку Гуннару). Не гнѣвайся, Гуннаръ,— недобрыя слова сорвались у меня съ языка, но супруга твоя задѣла меня.

Дагни (тихо, умоляюще). Сестра, если ты когда-нибудь любила меня, не заводи ссоры!

Йордисъ (со смѣхомъ). Что̀ за пиръ безъ шутокъ! И веселья не будетъ.

Гуннаръ (поговоривъ вполголоса съ Торольфомъ). Ты молодецъ! (Подаетъ ему мечъ, висѣвшій на стѣнѣ у почетнаго мѣста) Вотъ, Торольфъ, тебѣ добрый даръ. Пускай его въ дѣло съ честью, и останемся друзьями.

Йордисъ. Не слѣдовало бы тебѣ раздавать свое оружіе, Гуннаръ, а то еще люди скажутъ, будто ты даришь лишь то, что̀ самому не нужно.

Торольфъ (который тѣмъ временемъ осматривалъ мечъ). Спасибо за даръ, Гуннаръ! Онъ никогда не будетъ поднятъ за безславное дѣло.

Йордисъ. Если хочешь сдержать свое слово, никогда не одолжай этого меча своимъ братьямъ!

Гуннаръ. Йордисъ!

Йордисъ (продолжая). Да не вѣшай его и на стѣнѣ отцовскаго покоя, а то онъ будетъ висѣть рядомъ съ оружіемъ безславнаго.

Торольфъ. Правда, Йордисъ, — тамъ много лѣтъ уже висятъ сѣкира и щитъ твоего отца.

Йордисъ (подавляя гнѣвъ). Побѣда Эрнульфа надъ моимъ отцомъ вѣчно у тебя на языкѣ; но если молва говоритъ правду, то побѣда его не такъ почетна, какъ ты думаешь.

Торольфъ. О какой молвѣ ты говоришь?

Йордисъ (съ улыбкой). Я не смѣю передать ея, — ты разгнѣваешься.

Торольфъ. Тогда помолчи лучше. (Отворачивается отъ нея).

Йордисъ. Хотя... почему не сказать? Правда ли, Торольфъ, что отецъ твой, переодѣтый женщиной, три ночи подъ рядъ просидѣлъ у колдуньи въ Смальсергорнѣ, варя зелье — передъ тѣмъ какъ выйти на поединокъ съ Покулемъ?

(Всѣ встаютъ съ мѣста; общее смятеніе).

Гуннаръ, Сигурдъ и Дагни. Йордисъ!

Торольфъ (въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ). Такой гнусной лжи ты никогда не слыхала про Эрнульфа съ Фьордовъ. Ты сама ее выдумала; надо быть такой ядовитой змѣей, какъ ты, чтобы выдумать подобное. Ты клевещешь на отца моего, будто онъ повиненъ въ самомъ недостойномъ мужа дѣлѣ! (Бросаетъ мечъ) Вотъ, Гуннаръ, мечъ твой. Не хочу имѣть дара изъ дома, гдѣ позорятъ отца моего.

Гуннаръ. Торольфъ, выслушай!

Торольфъ. Пусти меня! Но берегитесь вы оба съ Йордисъ!

Отецъ мой въ эту минуту держитъ въ своей власти того, кто вамъ всего дороже!

Йордисъ (пораженная). Твой отецъ?..

Гуннаръ (порывисто). Что ты говоришь?

Сигурдъ (съ горячностью). Гдѣ Эрнульфъ?

Торольфъ (съ презрительнымъ смѣхомъ). На югѣ... съ моими братьями!

Гуннаръ. На югѣ?

Йордисъ (порывисто). Гуннаръ! Эрнульфъ убилъ нашего сына Эгиля!

Гуннаръ. Убилъ?.. Эгиль убитъ? Горе тогда Эрнульфу и всему его роду! Торольфъ... говори прямо — правда это?

Сигурдъ. Гуннаръ, Гуннаръ, выслушай меня!

Гуннаръ. Говори, если жизнь тебѣ дорога!

Торольфъ. Ты не запугаешь меня. Подожди, вотъ вернется отецъ. Онъ водрузитъ позорный столбъ возлѣ двора Гуннара. А ты, Йордисъ, радуйся пока словамъ, которыя я слышалъ сегодня. «Не успѣетъ солнце закатиться, какъ Гуннаръ съ его супругой перестанутъ похваляться потомствомъ!» (Уходитъ въ среднія двери).

Гуннаръ (въ глубокой горести). Убитъ... убитъ! Мой маленькій Эгиль убитъ!

Йордисъ (яростно). А ты... ты далъ ему уйти! Оставляешь Эгиля неотомщеннымъ! Презрѣннымъ негодяемъ будешь ты слыть, если...

Гуннаръ (словно внѣ себя). Мечъ!.. Сѣкиру! Это будутъ его послѣднія слова! (Выхвативъ сѣкиру у одного изъ окружающихъ выбѣгаетъ въ среднія двери).

Сигурдъ (хочетъ броситься за нимъ). Гуннаръ, приди въ себя!

Йордисъ (удерживая его). Останься! Люди ихъ разнимутъ. Я знаю Гуннара.

(Въ толпѣ, собравшейся въ дверяхъ, раздается крикъ).

Сигурдъ и Дагни. Что это?

Голосъ изъ толпы. Торольфъ палъ!

Сигурдъ. Торольфъ! Га, пусти!

Дагни. Братъ мой! О, братъ мой!

(Сигурдъ бросается къ дверямъ, но въ эту минуту толпа разступается, пропуская Гуннара).

Гуннаръ (отбрасывая отъ себя сѣкиру). Кончено! Эгиль отмщенъ.

Сигурдъ. Счастье твое, если ты на этотъ разъ не поспѣшилъ чрезмѣрно.

Гуннаръ. Быть-можетъ, быть-можетъ. Но Эгиль, Эгиль, мой славный мальчикъ!

Йордисъ. Намъ всѣмъ теперь нужно вооружиться и просить помощи у друзей, — у Торольфа осталось много мстителей.

Гуннаръ (мрачно). Онъ самъ будетъ за себя злѣйшимъ мстителемъ; и днемъ и ночью будетъ стоять у меня передъ глазами.

Йордисъ. Торольфу досталось по заслугамъ. Родичи платятся за дѣла родичей.

Гуннаръ. Правда; но я знаю, что до убійства его на душѣ у меня было свѣтлѣе.

Йордисъ. Ночь, когда льется кровь, всегда кажется самой ужасной; а минетъ она — и все пройдетъ. Гнуснымъ коварствомъ насытилъ Эрнульфъ свою месть; онъ не хотѣлъ вступить съ нами въ открытый бой, прикинулся, что хочетъ мира съ нами, и напалъ на наше беззащитное дитя. Га! Я была прозорливѣе! Я знала, что Эрнульфъ золъ и коваренъ; и хорошо дѣлала, что подбивала тебя противъ него и его лукаваго отродья.

Гуннаръ (вспыливъ). Да, ты это дѣлала. Но месть моя мала въ сравненіи съ его злодѣяніемъ. Онъ лишился Торольфа, но у него осталось шестеро сыновей, а у меня ни единаго, ни единаго.

Слуга (запыхавшись, вбѣгаетъ изъ среднихъ дверей). Эрнульфъ съ Фьордовъ идетъ.

Гуннаръ. Эрнульфъ?..

Йордисъ и многіе изъ мужей. Къ оружію! Къ оружію.

Дагни (въ то же время). Отецъ мой!

Сигурдъ (словно охваченный предчувствіемъ). Эрнульфъ!.. О, Гуннаръ, Гуннаръ!

Гуннаръ (обнажая мечъ). Всѣ люди ко мнѣ! Отмстимъ убійцѣ Эгиля!

(Входитъ Эрнульфъ съ Эгилемъ на рукахъ).

Гуннаръ (вскрикивая). Эгиль!

Эрнульфъ. Вотъ вамъ вашъ маленькій Эгиль!

Всѣ (другъ другу). Эгиль! Эгиль живъ!

Гуннаръ (роняя мечъ). Горе мнѣ! Что я сдѣлалъ!..

Дагни. О, Торольфъ, братъ мой!

Сигурдъ. Я такъ и думалъ.

Эрнульфъ (спустивъ мальчика съ рукъ). Вотъ тебѣ, Гуннаръ, твой славный мальчикъ!

Эгиль. Отецъ! Старый Эрнульфъ вовсе не хотѣлъ мнѣ зла, какъ ты говорилъ, когда я уѣзжалъ.

Эрнульфъ (Йордисъ). Теперь я уплатилъ виру за смерть твоего отца. Теперь, я думаю, намъ можно помириться.

Йордисъ (подавляя волненіе). Быть-можетъ.

Гуннаръ (словно очнувшись). Что это, — мнѣ приснился злой сонъ?.. Ты, ты вернулъ мнѣ Эгиля!

Эрнульфъ. Какъ видишь. Но знай, что онъ былъ на волосъ отъ смерти.

Гуннаръ. Знаю.

Эрнульфъ. И не радуешься, что онъ возвращенъ тебѣ?

Гуннаръ. Вернись онъ раньше — я бы обрадовался больше. Но разскажи мнѣ все, что случилось.

Эрнульфъ. Это разсказать недолго. Коре замыслилъ зло на васъ и съ другими злодѣями отправился на югъ за Эгилемъ.

Гуннаръ. Коре! (Тихо) А, теперь я понимаю слова Торольфа!

Эрнульфъ. Я узналъ объ этомъ умыслѣ. Нельзя было допустить такого злодѣянія. Я не хотѣлъ давать виры за смерть Покуля и охотно сразилъ бы тебя, Гуннаръ, на поединкѣ, если бы на то пошло, но родъ твой я долженъ былъ поберечь. И я отправился со своими сыновьями въ погоню за Коре.

Сигурдъ (тихо). Недоброе дѣло вышло здѣсь.

Эрнульфъ. Когда я прибылъ, охрана Эгиля лежала связанной по рукамъ и ногамъ, а сынъ твой уже былъ во власти недруговъ, и они бы не пощадили его. Жаркая вышла схватка. Рѣдко рубился я болѣе жестоко. Коре и еще двое спаслись бѣгствомъ, остальные спятъ крѣпко, и разбудить ихъ трудно.

Гуннаръ (съ напряженіемъ). А ты... твои всѣ, Эрнульфъ?

Эрнульфъ (мрачно). Шестеро сыновей послѣдовало за мной въ бой...

Гуннаръ (затаивъ дыханіе). А вышло изъ него?..

Эрнульфъ. Ни единаго.

Гуннаръ (въ ужасѣ). Ни единаго! (Тихо) И Торольфъ... Торольфъ!..

(Сильное волненіе среди окружающихъ. Йордисъ, видимо, переживаетъ жестокую внутреннюю борьбу. Дагни тихо плачетъ у почетнаго мѣста направо. Сигурдъ, глубоко удрученный, стоитъ около нея).

Эрнульфъ (послѣ краткой паузы). Тяжело быть раскидистой вѣтвистой сосной и вдругъ лишиться своихъ вѣтвей въ одну бурную ночь. Но мужъ долженъ идти на смѣну мужу... Дайте мнѣ рогъ: я осушу его въ память моихъ сыновей. (Одинъ изъ людей Сигурда подаетъ рогъ). Слава и честь вамъ... тамъ, куда вы мчитесь теперь, мои храбрые сыновья! Мѣдныя ворота не захлопнутся за вами по пятамъ, — много слѣдуетъ за вами убитыхъ мужей. (Пьетъ и отдаетъ рогъ обратно). А теперь—домой въ Исландію! Конченъ походъ Эрнульфа; на старомъ деревѣ осталась всего одна зеленая вѣтвь, и надо ее поберечь. Гдѣ Торольфъ?

Эгиль (отцу). Да, покажи мнѣ Торольфа! Эрнульфъ сказалъ, что онъ вырѣжетъ мнѣ ладью и много-много викинговъ въ ней.

Эрнульфъ. Хвала всѣмъ добрымъ богамъ, что Торольфа не было съ нами; случись и съ нимъ то же... я не пережилъ бы, какъ я ни силенъ. Но что же онъ не идетъ? Всегда, бывало,

онъ первый встрѣчалъ отца; намъ обоимъ казалось, что мы дня не можемъ прожить другъ безъ друга.

Гуннаръ. Эрнульфъ, Эрнульфъ!..

Эрнульфъ (съ возрастающей тревогой). Вы безмолвствуете всѣ... Что случилось?.. Гдѣ Торольфъ?

Дагни. Сигурдъ, Сигурдъ! Это будетъ для него всего тяжелѣе.

Гуннаръ (борясь съ собой). Старикъ... Нѣтъ... И все же не скроешь...

Эрнульфъ (возбужденно). Сынъ мой! Гдѣ онъ?

Гуннаръ. Торольфъ убитъ.

Эрнульфъ. Убитъ! Торольфъ! Га! Ты лжешь!

Гуннаръ. Я отдалъ бы жизнь за то, чтобы онъ былъ живъ.

Йордисъ (Эрнульфу). Торольфъ самъ виною того, что случилось. Темными рѣчами далъ онъ понять намъ, что ты напалъ на Эгиля и убилъ его. Мы съ тобой разстались почти врагами... ты и прежде истреблялъ родъ мой... и кромѣ того Торольфъ велъ себя за столомъ, какъ болтливый отрокъ... обижался на шутки и обронилъ немало недобрыхъ словъ... Тогда лишь Гуннаръ разгнѣвался, тогда лишь поднялъ оружіе на твоего сына... И, я полагаю, у него были для этого важныя причины.

Эрнульфъ (спокойно). Видно, что ты женщина, — щедра на слова. Къ чему это? Если Торольфъ убитъ — его сага спѣта.

Эгиль. Если Торольфъ убитъ, у меня не будетъ викинговъ.

Эрнульфъ. Да, Эгиль... мы съ тобой лишились нашихъ викинговъ, и ты и я. (Йордисъ) Отецъ твой провѣщалъ:

«Племя Йокуля его убійцѣ
Будетъ вредъ чинить всегда и всюду».

И ты усердно позаботилась о томъ, чтобы слова его сбылись. (Помолчавъ, обращается къ одному изъ мужей) Куда нанесенъ ему смертельный ударъ?

Спрошенный. Прямо въ лобъ.

Эрнульфъ (довольный). Гм... это почетное мѣсто; значитъ, онъ не повернулъ спину. А упалъ онъ къ ногамъ Гуннара или въ противную сторону?

Тотъ же. Наполовину въ сторону, наполовину къ Гуннару.

Эрнульфъ. Это предвѣщаетъ лишь половинную месть. Ну, да увидимъ.

Гуннаръ (подходя къ нему). Эрнульфъ, знаю я — всего моего двора мало, чтобы возмѣстить тебѣ твою утрату; но требуй отъ меня, чего хочешь...

Эрнульфъ (строго, обрывая). Отдай мнѣ тѣло Торольфа и дай

уйти. Гдѣ онъ лежитъ? (Гуннаръ молча указываетъ на среднія двери. Эрнульфъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ выходу, но затѣмъ оборачивается и говоритъ громовымъ голосомъ Сигурду, Дагни и другимъ, которые намѣревались-было его сопровождать) Останьтесь! Или вы думаете, Эрнульфа надо сопровождать изъ дома скорби, какъ хнычущую женщину? Оставайтесь здѣсь, говорятъ вамъ. Я и одинъ въ силахъ снести Торольфа. (Спокойно, но съ силой) Я ухожу бездѣтнымъ, но никто не скажетъ, что видѣлъ меня сломленнымъ. (Медленно выходитъ).

Йордисъ (съ принужденнымъ смѣхомъ). Пусть его идетъ, какъ хочетъ. Намъ нѣтъ нужды въ большой дружинѣ, если онъ и вернется врагомъ. Ну, Дагни, — я думаю, отецъ твой въ послѣдній разъ отплылъ изъ Исландіи съ тѣмъ, чтобы требовать съ насъ выкупа.

Сигурдъ (возмущенный). Стыдись!

Дагни (такъ же). Ты еще можешь глумиться надъ нимъ? Глумиться... послѣ того, что здѣсь произошло?

Йордисъ. Разъ дѣло сдѣлано, имъ надо хвалиться. Я поклялась утромъ въ ненависти и мести Эрнульфу. Я могла забыть убійство Йокуля, все другое, — но не то, что Эрнульфъ опозорилъ меня. Онъ назвалъ меня наложницей! Если такъ,— мнѣ теперь нечего стыдиться этого: Гуннаръ теперь сильнѣе твоего отца, храбрѣе и славнѣе Сигурда, твоего супруга!

Дагни (въ крайнемъ возмущеніи). Ты ошибаешься, Йордисъ!.. И пусть теперь всѣ знаютъ правду — ты живешь подъ кровомъ труса!

Сигурдъ (горячо). Дагни, — что ты!

Гуннаръ. Труса?

Йордисъ (съ презрительнымъ смѣхомъ). Ты говоришь безсмысленныя рѣчи.

Дагни. Нечего больше скрывать! Я молчала, пока ты позорила моего отца и павшихъ братьевъ, молчала, пока Эрнульфъ былъ здѣсь. Ему не подобало знать, что Торольфъ палъ отъ руки презрѣннаго... Но теперь не восхваляй больше Гуннара за его подвигъ въ Исландіи, — Гуннаръ трусъ! Мечъ, что лежалъ между тобой и похитителемъ, виситъ на поясѣ моего супруга... а обручь, что ты сняла съ своей руки, ты отдала Сигурду. (Снимаетъ съ руки обручъ и высоко подымаетъ кверху) Вотъ онъ!

Йордисъ (внѣ себя). Сигурдъ!

Толпа. Сигурдъ, Сигурдъ совершилъ подвигъ!

Йордисъ (дрожа отъ волненія). Онъ! Онъ!.. Гуннаръ, правда это?

Гуннаръ (съ благороднымъ спокойствіемъ). Все правда, кромѣ того, что я трусъ. Я не трусъ и не презрѣнный.

Сигурдъ (растроганно). Ты ни то ни другое, Гуннаръ. И никогда не былъ этимъ. (Окружающимъ) Въ путь, дружина! Въ путь!

Дагни (оборачиваясь у выхода, къ Йордисъ). Кто теперь славнѣйшій изъ мужей — мой супругъ или твой?

(Дагни уходитъ съ Сигурдомъ и его дружиной).

Йордисъ (про себя). Теперь осталось мнѣ на землѣ одно дѣло, одна дума: или Сигурдъ, или я; одинъ изъ насъ обреченъ смерти!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же горница въ домѣ Гуннара. День. Йордисъ сидитъ на скамьѣ передъ вторымъ почетнымъ мѣстомъ и сучитъ тетиву. На столѣ передъ нею лукъ и стрѣлы.

Йордисъ (вытягивая тетиву). Тугая и крѣпкая. (Взглянувъ на стрѣлы) Стрѣлы тяжелыя и острыя... (Уронивъ руки на колѣни) Но гдѣ найти руку... (Запальчиво) Презрѣна! Презрѣна имъ... Сигурдомъ! Его я должна ненавидѣть больше всѣхъ, я это вижу; и не пройдетъ двухъ-трехъ дней, какъ... (Задумчиво) Но рука, рука, которая совершила бы это дѣло?..

(Изъ среднихъ дверей входитъ съ задумчивымъ видомъ Гуннаръ).

Йордисъ (помолчавъ). Какъ поживаешь, супругъ мой?

Гуннаръ. Плохо, Йордисъ; вчерашнее не выходитъ у меня изъ головы, лежитъ на сердцѣ и гнететъ его.

Йордисъ. Поступи, какъ я — займись дѣломъ.

Гуннаръ. Да, пожалуй.

(Пауза. Гуннаръ ходитъ взадъ и впередъ, замѣчаетъ ея работу и подходитъ къ ней).

Гуннаръ. Что ты тутъ дѣлаешь?

Йордисъ (не взглянувъ на него). Сучу тетиву, какъ видишь.

Гуннаръ. Тетиву... изъ собственныхъ волосъ?

Йордисъ (улыбаясь). Здѣсь то и дѣло совершаются великія дѣла; ты сразилъ моего названнаго брата, а я съ утра сучу вотъ эту тетиву.

Гуннаръ. Йордисъ, Йордисъ!

Йордисъ (взглянувъ на него). Что?

Гуннаръ. Гдѣ была ты ночью?

Йордисъ. Ночью?

Гуннаръ. Тебя не было въ опочивальнѣ.

Йордисъ. Ты знаешь?

Гуннаръ. Мнѣ не спалось... меня обуревали тревожные сны... отъ того... отъ того, что вышло съ Торольфомъ... И какъ будто онъ пришелъ ко мнѣ... Я проснулся, и мнѣ послыша-

лось въ домѣ дивное, прекрасное пѣніе; я всталъ, прислушался у дверей... ты сидѣла здѣсь у очага, гдѣ пылало синее и красное пламя... насаживала стрѣлы на древки и пѣла надъ ними заклинанія.

Йордисъ. Я дѣлала нужное дѣло; тверда грудь, которую предстоитъ пронзить сегодня.

Гуннаръ. Я понимаю тебя; ты хочешь, чтобы Сигурдъ палъ.

Йордисъ. Гм... можетъ статься.

Гуннаръ. Этого тебѣ никогда не дождаться. Я останусь въ мирѣ съ Сигурдомъ, сколько бы ты ни разжигала меня противъ него.

Йордисъ (съ улыбкой). Ты думаешь?

Гуннаръ. Я знаю.

Йордисъ (подавая ему тетиву). Скажи, Гуннаръ, можешь ли ты разсучить ее?

Гуннаръ (пробуя). Нѣтъ; она ссучена слишкомъ крѣпко и искусно.

Йордисъ (вставая). Норны еще искуснѣе сучатъ свою нить; ее тебѣ и подавно не разсучить.

Гуннаръ. Темны пути могучихъ силъ; никому ихъ не разгадать, ни тебѣ ни мнѣ.

Йордисъ. Одно все-таки я знаю твердо. Сигурдъ испортитъ намъ съ тобой жизнь въ конецъ.

(Пауза. Гуннаръ стоитъ, углубившись въ себя).

Йордисъ (втихомолку наблюдавшая за нимъ). О чемъ ты задумался?

Гуннаръ. О снѣ, который приснился мнѣ недавно. Представилось мнѣ, будто я совершилъ то, чего ты добиваешься. Сигурдъ лежалъ сраженный на землѣ; ты стояла возлѣ, блѣдная какъ смерть. И я сказалъ: «Ну что же, рада теперь? Потвоему вышло». А ты засмѣялась и отвѣтила: «Еще больше была бы я рада, если бы на мѣстѣ Сигурда лежалъ ты».

Йордисъ (съ принужденнымъ смѣхомъ). Плохо же ты знаешь меня, если тебя можетъ встревожить такой нелѣпый сонъ.

Гуннаръ. Гм... Скажи мнѣ, Йордисъ, какъ тебѣ нравится эта горница?

Йордисъ. Сказать правду, Гуннаръ, она кажется мнѣ порою тѣсной.

Гуннаръ. Да, да, я такъ и думалъ; одинъ тутъ лишній.

Йордисъ. Пожалуй, двое.

Гуннаръ (не слышавшій того, что она сказала). Но это надо поправить.

Йордисъ (вопросительно смотритъ на него). Поправить? Ты намѣренъ?..

Гуннаръ. Снарядить свои корабли и отплыть отсюда. Я хочу вернуть себѣ честь и славу, которыхъ лишился изъ-за любви къ тебѣ, — ты была мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

Йордисъ (задумчиво). Ты уѣдешь? Да, да, такъ, вѣрно, будетъ всего лучше для насъ обоихъ.

Гуннаръ. Съ самаго перваго дня нашего отплытія изъ Исландіи я видѣлъ ясно, что не зажить намъ съ тобой по добру. Горда и сильна душа твоя; временами я почти страшусь тебя; но диковинно — за это-то какъ будто я больше всего и люблю тебя. Ты внушаешь какой-то чарующій страхъ... Мнѣ сдается, ты могла бы увлечь меня на злодѣяніе, и мнѣ казалось бы, что такъ и должно быть, разъ ты этого требуешь. (Тихо покачивая головой) Велѣнія норнъ неисповѣдимы. Сигурду быть бы твоимъ мужемъ!

Йордисъ (порывисто). Сигурду?

Гуннаръ. Да, Сигурду. Тебя ослѣпляетъ ненависть и жажда мести, не то ты оцѣнила бы его лучше. Будь я таковъ, какъ Сигурдъ, я бы сдѣлалъ тебя счастливою.

Йордисъ (сильно взволнована, но сдерживаетъ себя). Ты думаешь, Сигурдъ смогъ бы?..

Гуннаръ. У него сильная душа и вдобавокъ гордая, какъ твоя.

Йордисъ (пылко). Если такъ... (Овладѣвъ собою) Все равно, все равно. (Въ изступленіи) Гуннаръ, умертви Сигурда!

Гуннаръ. Никогда.

Йордисъ. Ты взялъ меня въ жены хитростью, измѣной, — забудемъ это. Пять безрадостныхъ лѣтъ провела я здѣсь — все будетъ забыто съ того дня, какъ Сигурда не станетъ.

Гуннаръ. Моя рука не причинитъ ему зла. (Невольно отодвигаясь отъ нея) Йордисъ, Йордисъ, не искушай меня!

Йордисъ. Такъ придется мнѣ поискать себѣ другого мстителя; недолго Сигурду издѣваться надо мной и надъ тобой! (Судорожно сжимая руки) Съ ней... съ этой простоватой женщиной... съ ней сидитъ онъ теперь, быть-можетъ, вдвоемъ, ласкаетъ ее и смѣется надъ нами, разсказываетъ ей о той обидѣ, которую нанесъ мнѣ, похитивъ меня за тебя, разсказываетъ, какъ хитро посмѣивался про себя въ темнотѣ тому, что я не признала его.

Гуннаръ. Этого онъ не дѣлаетъ, нѣтъ, нѣтъ!

Йордисъ (съ силой). Сигурдъ и Дагни должны умереть. Я не могу свободно дышать, пока они живы. (Подходитъ къ нему вплотную, сверкая глазами, и шепчетъ въ изступленіи) Гуннаръ, если ты поможешь мнѣ избавиться отъ нихъ, — я полюблю тебя, сожму тебя въ своихъ объятіяхъ такъ горячо, такъ страстно, какъ тебѣ никогда и во снѣ не снилось!

Гуннаръ (колеблясь). Йордисъ! Ты могла бы?..

Йордисъ. За дѣло, Гуннаръ! И настанетъ конецъ нашимъ тяжелымъ днямъ; я не буду больше уходить изъ покоя, когда ты войдешь, не буду говорить съ тобой неласково, гасить на твоихъ устахъ улыбку радости; я буду рядиться въ мѣха и въ дорогія шелковыя ткани; отправишься въ походъ — я послѣдую за тобою; выѣдешь по мирному дѣлу — я поѣду рядомъ; и на пирахъ буду сидѣть подлѣ тебя, наполнять тебѣ рогъ, пить съ тобой и пѣть тебѣ прекрасныя пѣсни, радовать твое сердце!

Гуннаръ (почти побѣжденный). Правда? Ты готова?..

Йордисъ. Больше, въ десять разъ больше, повѣрь,—лишь бы отомстить! Отомсти Сигурду и Дагни, и я... (Останавливается, увидавъ, что дверь открывается). Дагни, ты?

Дагни (входитъ изъ среднихъ дверей). Спѣши, Гуннаръ, вооружить своихъ людей!

Гуннаръ. Вооружить? Противъ кого?

Дагни. Идетъ Коре съ толпой лишенныхъ мира. Онъ злоумышляетъ противъ тебя. Сигурдъ только-что помѣшалъ ему, но кто знаетъ...

Гуннаръ (тронутый). Вотъ что сдѣлалъ для меня Сигурдъ!

Дагни. Сигурдъ — твой вѣрный другъ.

Гуннаръ. А мы-то, Йордисъ, мы думали... Да, какъ я сказалъ, въ рѣчахъ твоихъ есть какія-то чары; каждое дѣло кажется мнѣ хорошимъ, разъ ты указываешь на него.

Дагни (съ удивленіемъ). О чемъ ты?..

Гуннаръ. Ничего, ничего. Спасибо за вѣсть, Дагни; пойду и соберу своихъ людей. (Направляется къ выходу, но останавливается и снова возвращается). Скажи мнѣ, что Эрнульфъ?

Дагни (понуривъ голову). Не спрашивай. Вчера онъ отнесъ тѣло Торольфа на корабль; теперь насыпаютъ курганъ на берегу; подъ нимъ будутъ почивать мои братья.

(Гуннаръ молча уходитъ въ среднія двери).

Дагни. До вечера нечего опасаться. (Подходитъ ближе) Йордисъ, у меня есть еще одно дѣло къ тебѣ.

Йордисъ. Ко мнѣ? Послѣ того, что произошло вчера?

Дагни. Особенно потому. Йордисъ, сестра, не питай ко мнѣ ненависти; забудь слова, которыя вложили мнѣ въ уста горе и злые духи. Прости мнѣ все зло, которое я тебѣ причинила; повѣрь мнѣ, я теперь въ десять разъ несчастнѣе тебя.

Йордисъ. Несчастна — ты? Супруга Сигурда?

Дагни. Все это моихъ рукъ дѣло; и то, что вышла ссора, и что Торольфъ палъ, и что тебя съ Гуннаромъ постигло без-

честье. Всему виной я. Горе мнѣ! Какъ хорошо жилось мнѣ!.. А теперь — не знавать мнѣ больше радости!

Йордисъ (словно внезапно осѣненная мыслью). А прежде, эти пять долгихъ лѣтъ — все это время ты была счастлива?

Дагни. Какъ ты можешь сомнѣваться?

Йордисъ. Гм... до вчерашняго дня я и не сомнѣвалась, но...

Дагни. Что ты хочешь сказать?

Йордисъ. О, ничего особеннаго; поговоримъ о другомъ.

Дагни. Нѣтъ, нѣтъ, Йордисъ, скажи мнѣ!

Йордисъ. Мало тебѣ будетъ радости отъ того: но разъ ты хочешь... (Съ злобнымъ выраженіемъ) Помнишь, однажды тамъ, въ Исландіи, были мы на тингѣ съ Эрнульфомъ, отцомъ твоимъ, и сидѣли съ нашими подругами въ ставкѣ, какъ подобаетъ женщинамъ... И вдругъ вошли двое чужихъ витязей...

Дагни. Сигурдъ и Гуннаръ.

Йордисъ. Они учтиво поклонились намъ, присѣли на скамью, и зашла у насъ съ ними веселая бесѣда. Кому-то изъ нашихъ захотѣлось узнать, зачѣмъ явились эти двое витязей, не затѣмъ ли, чтобы взять себѣ женъ у насъ на островѣ. Тогда Сигурдъ сказалъ: «Мнѣ трудно найти жену себѣ по сердцу». Эрнульфъ разсмѣялся и сказалъ, что въ Исландіи нѣтъ недостатка ни въ благородныхъ ни въ богатыхъ дѣвушкахъ; но Сигурдъ отвѣтилъ: «Герою нужна гордая супруга. Та, которую я изберу, не должна довольствоваться скромною долей. Для нея не должно быть славы столь высокой, чтобы она не стремилась къ ней. Она должна по доброй волѣ сопровождать меня въ походахъ, носить боевые доспѣхи, разжигать меня на борьбу и не сморгнуть глазомъ передъ взмахами меча! Отъ робкой, трусливой жены — мало будетъ мнѣ чести». Не такъ ли говорилъ Сигурдъ?

Дагни (неувѣренно). Да, онъ говорилъ такъ, но...

Йордисъ. Вотъ какой должна была быть та женщина, которая могла украсить собой его жизнь; и вотъ (съ презрительной усмѣшкой) онъ избралъ тебя!

Дагни (съ горестнымъ изумленіемъ). А!.. Или ты думаешь?..

Йордисъ. Вотъ почему ты, вѣрно, и вела себя, какъ подобаетъ женщинѣ высокой, гордой души, — требовала почета отъ всѣхъ, чтобы и Сигурду была честь по тебѣ,—не такъ ли?

Дагни. Нѣтъ, Йордисъ, но...

Йордисъ. Ты побуждала его къ славнымъ подвигамъ, всюду слѣдовала за нимъ въ боевыхъ доспѣхахъ и рвалась въ самую сѣчу, — такъ вѣдь?

Дагни (сильно взволнованная). Нѣтъ, нѣтъ!

Йордисъ. Такъ ты была труслива, и Сигурду приходилось стыдиться тебя?

Дагни (подавленная). Йордисъ, Йордисъ!

Йордисъ (презрительно улыбаясь). Но все-таки ты была счастлива все это время; и думаешь, Сигурдъ можетъ сказать то же самое?

Дагни. Оставь меня! Горе мнѣ! Ты открыла мнѣ глаза на меня самоё!

Йордисъ. Съ тобой пошутишь, а ты сейчасъ и въ слезы. Не думай больше объ этомъ. Смотри, чѣмъ я была занята сегодня. Не правда ли, я умѣю точить стрѣлы? (Беретъ со стола нѣсколько стрѣлъ) Смотри, какія острыя!

Дагни. Умѣешь и метать ихъ, — мѣтко цѣлишь, Йордисъ! Все, что ты сейчасъ сказала мнѣ... Я никогда объ этомъ не думала. (Разгорячась) Но чтобы Сигурдъ!.. Чтобы я все это время только отягощала ему жизнь и безславила его... Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ!

Йордисъ. Ну, ну, утѣшься, Дагни; ничего такого вѣдь и не было. Держись Сигурдъ прежнихъ мыслей — пожалуй, это могло бы быть... Въ тѣ времена его завѣтнѣйшимъ помысломъ и желаніемъ было — стать славнѣйшимъ витяземъ въ странѣ. Теперь онъ довольствуется меньшимъ.

Дагни. Нѣтъ, Йордисъ, Сигурдъ все такъ же великъ душой, какъ и прежде. Я хорошо вижу, что я не та жена, какую бы ему нужно; онъ скрывалъ это отъ меня; но этому не бывать больше!

Йордисъ. Чего же ты хочешь?..

Дагни. Я не хочу больше быть для него обузой, помѣхой.

Йордисъ. Такъ ты думаешь?..

Дагни. Тсс... сюда идутъ.

(Изъ среднихъ дверей входитъ слуга).

Слуга. Сигурдъ викингъ идетъ къ намъ.

Йордисъ. Сигурдъ? Такъ позови сюда Гуннара.

Слуга. Гуннаръ уѣхалъ сзывать на помощь сосѣдей,—Коре вѣдь собирается...

Йордисъ. Хорошо, хорошо, знаю. Ступай же. (Слуга уходитъ. Обращаясь къ Дагни, которая тоже собирается уйти) Ты куда же?

Дагни. Хочу уйти, чтобы не встрѣтиться съ Сигурдомъ. Кончится, вѣрно, тѣмъ, что мы съ нимъ разстанемся,—я понимаю. И встрѣтиться съ нимъ теперь, — нѣтъ, нѣтъ, я не могу! (Уходитъ налѣво).

Йордисъ (съ минуту молча смотритъ ей вслѣдъ). И ее-то я хотѣла... (Досказываетъ мысленно, взглянувъ на тетиву) Плохая это

была бы месть! Нѣтъ, теперь я нанесла ударъ вѣрнѣе. Гм... смерть горька, но жизнь порою еще того горше.

(Сигурдъ входитъ въ среднія двери).

Йордисъ. Ты, вѣрно, ищешь Гуннара? Садись же; онъ скоро вернется. (Хочетъ уйти).

Сигурдъ. Останься; я скорѣе искалъ тебя, нежели его.

Йордисъ. Меня?

Сигурдъ. И хорошо, что засталъ тебя одну.

Йордисъ. Если ты пришелъ насмѣхаться надо мной, то тебѣ, вѣрно, не помѣшало бы, будь даже горница полна народу.

Сигурдъ. О, да; я знаю, какъ ты обо мнѣ судишь.

Йордисъ (съ горечью). Или я несправедлива къ тебѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ! Сигурдъ, ты отравилъ мнѣ всю жизнь. Вспомни свою гнусную хитрость! Ты проникъ ко мнѣ въ теремъ и прикинулся, что любишь меня, а самъ въ душѣ смѣялся надо мной; бросилъ меня Гуннару — для него я все-таки годилась, — а самъ отплылъ съ милой твоему сердцу.

Сигурдъ. Многое въ человѣческой волѣ; но великими дѣяніями правитъ судьба; такъ было и съ нами.

Йордисъ. Правда; злыя норны властвуютъ надъ міромъ: но ихъ власть ничтожна, если онѣ не находятъ пособниковъ въ нашей собственной груди. Счастье — удѣлъ того, у кого хватитъ силы вступить въ борьбу съ норнами; и вотъ на это я и рѣшилась теперь.

Сигурдъ. Какъ тебя понять?

Йордисъ. Я хочу отважиться помѣряться силами съ тѣмъ... съ тѣми, кто надо мной! Но не будемъ сегодня говорить объ этомъ. У меня много дѣла. (Садится у стола).

Сигурдъ (послѣ краткой паузы). Ты готовишь доброе оружіе для Гуннара.

Йордисъ (съ грустной улыбкой). Не для Гуннара, а противъ тебя.

Сигурдъ. Казалось бы, это одно и то же.

Йордисъ. Да, пожалуй, что такъ. Если я смогу поспорить съ норнами — ты и Гуннаръ рано или поздно... (Умолкаетъ и, облокотившись на столъ, съ улыбкой смотритъ на него и говоритъ другимъ тономъ) Гм... знаешь, что иногда бываетъ со мной? Мнѣ часто доставляетъ удовольствіе рисовать себѣ веселыя картины; я сижу съ закрытыми глазами и думаю: «Вотъ идетъ на насъ Сигурдъ Могучій... хочетъ спалить насъ вмѣстѣ съ домомъ — мужа и меня. Всѣ люди Гуннара уже пали; остались я да онъ. Поджигаютъ крышу. «Одинъ выстрѣлъ изъ лука, — говоритъ Гуннаръ: — одинъ единственный выстрѣлъ можетъ спасти насъ»... Но тетива порвалась. «Йордисъ, отрѣжь

прядь своихъ волосъ и ссучи тетиву — дѣло идетъ о спасеніи жизни!». Но я смѣюсь. «Сгоримъ такъ сгоримъ. Жизнь для меня не стоитъ пряди волосъ!»

Сигурдъ. Въ твоихъ рѣчахъ диковинная сила. (Приближается къ ней).

Йордисъ (холодно глядя на него). Ты хочешь сѣсть рядомъ со мной?

Сигурдъ. Ты думаешь, я затаилъ въ душѣ гнѣвъ противъ тебя? Йордисъ, мы говоримъ съ тобою въ послѣдній разъ; на сердцѣ у меня есть нѣчто, что грызетъ меня день и ночь, и я не могу такъ уѣхать; ты должна узнать меня лучше.

Йордисъ. Что же ты намѣренъ сдѣлать для этого?

Сигурдъ. Повѣдать тебѣ одну сагу.

Йордисъ. Тяжелую?

Сигурдъ. Какъ сама жизнь.

Йордисъ (съ горечью). Ты развѣ знаешь, что жизнь бываетъ тяжела?

Сигурдъ. Суди объ этомъ, когда выслушаешь мою сагу до конца.

Йордисъ. Такъ разсказывай; я буду продолжать свое дѣло.

(Онъ садится на низенькую скамейку справа отъ нея).

Сигурдъ. Жили-были двое витязей и отплыли они изъ Норвегіи, ища себѣ славы и добычи; они поклялись другъ другу въ неизмѣнной дружбѣ и честно держались другъ друга, какъ далеко ни залетали.

Йордисъ. Этихъ двухъ витязей звали — Сигурдъ и Гуннаръ?

Сигурдъ. Ну, назовемъ ихъ хоть такъ. Долго ли, коротко ли они плавали, — прибыли въ Исландію. Тамъ жилъ старый вождь, который покинулъ Норвегію во времена короля Гаральда. Въ домѣ у него выросли двѣ красавицы-дочери, но одна изъ нихъ, пріемная дочь старика, была все-таки лучше: она была и разумна и сильна духомъ. Витязи говорили о ней между собой и признавались другъ другу, что не видывали женщины прекраснѣе. Такъ казалось имъ обоимъ.

Йордисъ (напряженно). Обоимъ? Ты насмѣхаешься надо мной?

Сигурдъ. Гуннаръ думалъ о ней днемъ и ночью, да и Сигурдъ, видно, тоже; но оба молчали, а по ней нельзя было замѣтить — нравится ли ей Гуннаръ; зато ясно было, что къ Сигурду сердце ея не лежало.

Йордисъ (затаивъ дыханіе). Продолжай, прошу тебя...

Сигурдъ. И все-таки Сигурдъ все больше и больше думалъ о ней, но никто не зналъ объ этомъ. И вотъ разъ вечеромъ былъ пиръ, и эта гордая красавица поклялась, что ею овладѣетъ лишь тотъ, кто совершитъ подвигъ, который она ука-

зала. Сильно забилось тогда у Сигурда сердце отъ радости; онъ чуялъ въ себѣ силы для исполненія подвига; но Гуннаръ, оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, открылся ему въ своей любви... Сигурдъ промолчалъ о своей, и вотъ...

Йордисъ (прерывая). Сигурдъ, Сигурдъ! (Овладѣвъ собой) Эта сага — правда?

Сигурдъ. Да. Одному изъ насъ приходилось уступить. Гуннаръ былъ мой другъ. Я не могъ поступить иначе... Вотъ какъ ты стала супругой Гуннара, а я взялъ въ жены другую.

Йордисъ. И полюбилъ ее?

Сигурдъ. Я научился цѣнить ее; но любилъ Сигурдъ лишь одну женщину въ мірѣ, а его эта женщина не взлюбила съ первой встрѣчи. (Вставая) Тутъ и конецъ моей сагѣ. Разстанемся же. Прощай, супруга Гуннара, — мы никогда больше не увидимся!

Йордисъ (вскочивъ). Нѣтъ, постой! Горе намъ обоимъ! Сигурдъ, что ты сдѣлалъ?!

Сигурдъ (пораженный). Я сдѣлалъ?.. Что съ тобой?

Йордисъ. И ты теперь лишь повѣдалъ мнѣ все? Но нѣтъ, этого быть не могло! Это неправда!

Сигурдъ. Мы говоримъ съ тобою въ послѣдній разъ; каждое мое слово — истина; я хотѣлъ, чтобы ты судила меня не такъ строго, вотъ и долженъ былъ повѣдать тебѣ все.

Йордисъ (невольно складываетъ руки и смотритъ на него съ тихимъ изумленіемъ). Любилъ... любилъ меня... ты?.. (Горячо, подходя къ нему вплотную) Я тебѣ не вѣрю! (Смотритъ на него въ упоръ и съ страстной горечью восклицаетъ) Да, это правда... на горе намъ обоимъ! (Закрываетъ лицо руками и отходитъ).

Сигурдъ (въ ужасѣ). Йордисъ!

Йордисъ (тихо, борясь со смѣхомъ и слезами). Не тужи обо мнѣ. Я хотѣла только сказать... (Кладетъ руку ему на плечо) Сигурдъ, ты не досказалъ своей саги до конца. Та гордая женщина, о которой ты говорилъ... она тоже любила тебя!

Сигурдъ (отшатываясь). Ты!..

Йордисъ (овладѣвъ собой). Да, Сигурдъ, я тебя любила; теперь я понимаю это. Ты говоришь, что я была неразговорчива и неласкова съ тобой; что же остается дѣлать женщинѣ? Не могла же я навязываться со своей любовью! Тогда я была бы недостойна тебя. Ты всегда казался мнѣ самымъ первымъ изъ мужей... И сознавать, что ты сталъ мужемъ другой женщины!.. Вотъ что причиняло мнѣ ту жгучую боль, которой я сама не понимала.

Сигурдъ (потрясенный). Злосчастною нитью обвила норна насъ обоихъ!

Йордисъ. Ты самъ виноватъ; смѣлымъ и сильнымъ подобаетъ быть мужу! Когда я ставила то тяжелое условіе для того, кто хотѣлъ овладѣть мной — я думала о тебѣ; а ты, ты могъ!..

Сигурдъ. Я зналъ сердечное горе Гуннара; я одинъ могъ исцѣлить его. У меня не было другого выбора. И все же... знай я тогда то, что̀ знаю теперь — я не ручаюсь за себя... Любовь такъ сильна!

Йордисъ (быстро). Ну, хорошо, Сигурдъ... роковая случайность разлучила насъ на долгіе годы; теперь узелъ развязанъ; теперь мы будемъ вознаграждены.

Сигурдъ (качая головой). Не бывать этому никогда; мы разстанемся.

Йордисъ. Нѣтъ, не разстанемся. Я люблю тебя, я смѣю это сказать теперь, не стыдясь; моя любовь не забава, какъ у слабосильныхъ женщинъ! Будь даже я мужемъ, клянусь всѣми мощными силами — я и тогда любила бы тебя такъ же, какъ теперь! Воспрянь же, Сигурдъ! Счастье стóитъ подвига; мы оба станемъ свободны, если захотимъ, и игра выиграна.

Сигурдъ. Свободны? Что̀ ты хочешь сказать?

Йордисъ. Что̀ тебѣ Дагни? Чѣмъ она можетъ быть для тебя? Она для тебя не больше, чѣмъ Гуннаръ для меня, для моей души. Надо ли жалѣть объ этихъ двухъ никому ненужныхъ жизняхъ?..

Сигурдъ. Йордисъ, Йордисъ!

Йордисъ. Ну, пусть Гуннаръ остается здѣсь, а Дагни ѣдетъ въ Исландію съ отцомъ; я же послѣдую за тобой всюду, закованная въ доспѣхи! (Сигурдъ обнаруживаетъ волненіе). Я послѣдую за тобой не какъ жена твоя, — я принадлежала другому, и жива та женщина, которая была близка тебѣ. Нѣтъ, Сигурдъ, не какъ жена твоя, но какъ тѣ отважныя дѣвы, какъ сестры Гильды, буду я слѣдовать за тобой, воодушевлять тебя къ борьбѣ и мужественнымъ подвигамъ, чтобы имя твое прогремѣло далеко по свѣту! Въ горячей схваткѣ я буду къ тебѣ всѣхъ ближе, раздѣлю съ твоей дружиной бури и подвиги, а когда запоютъ драпу тебѣ — споютъ ее о Сигурдѣ и Йордисъ вмѣстѣ!

Сигурдъ. Это было когда-то моей завѣтной мечтой; теперь уже поздно. Между нами стоятъ Гуннаръ и Дагни и имѣютъ на то право. Я загубилъ свою юную любовь ради счастья Гуннара, и если ужъ взялъ на себя такую мýку, то пусть же не напрасно. И Дагни!.. Безъ боязни, полная вѣры въ меня, покинула она родной домъ... Никогда не должна она узнать, что я въ ея объятіяхъ тосковалъ по Йордисъ!

Йордисъ. И ради этого ты готовъ наложить на себя такое тяжелое бремя? Для чего же тогда были тебѣ даны сила и мужество и всѣ лучшіе душевные дары? И развѣ достойная меня доля — оставаться тутъ, въ домѣ Гуннара? Нѣтъ, Сигурдъ, повѣрь мнѣ, здѣсь найдется много дѣла для такого мужа, какъ ты... Норвегіей правитъ Эрикъ; возстань противъ него; съ непреодолимой силой двинемся мы впередъ, будемъ биться и бороться упорно; не остановимся — пока ты не возсядешь на престолѣ Гаральда Прекрасноволосаго!

Сигурдъ. Йордисъ, Йордисъ! Я мечталъ объ этомъ во дни буйной юности; пора забыть это... Не смущай меня.

Йордисъ (величаво). Велѣніе норнъ — намъ съ тобой идти рука объ руку; измѣнить этого нельзя; ясно вижу я теперь свое дѣло въ жизни: прославить тебя на весь міръ! Ты стоялъ у меня передъ глазами ежедневно, ежечасно; я хотѣла вырвать тебя изъ своей души, но не могла; теперь этого и не нужно, разъ я знаю, что ты любишь меня!

Сигурдъ (съ напускной холодностью). Если такъ — знай: я любилъ тебя; теперь это прошло; я забылъ о тѣхъ дняхъ.

Йордисъ. Сигурдъ, ты лжешь! Я знаю себѣ цѣну, — разъ ты полюбилъ меня, тебѣ уже не забыть этого никогда.

Сигурдъ (пылко). Я долженъ и хочу!

Йордисъ. Пусть такъ, но не можешь. Ты хочешь помѣшать мнѣ... Этого не удастся. Не успѣетъ вечеръ наступить — Гуннаръ и Дагни будутъ знать все!

Сигурдъ. Га! Ты этого не сдѣлаешь!

Йордисъ. Сдѣлаю!

Сигурдъ. Такъ я плохо знаю тебя; прежде, сдавалось мнѣ, ты была великодушной.

Йордисъ. Лихіе дни — лихія мысли: ты судилъ обо мнѣ слишкомъ высоко. Я хочу, я должна слѣдовать за тобой — въ жизнь, въ борьбу! Слишкомъ низки потолки для меня здѣсь въ домѣ Гуннара!

Сигурдъ (съ силой). Но все-таки ты всегда высоко ставила добрую славу; у насъ съ Гуннаромъ довольно причинъ для борьбы. Что, если бы онъ палъ отъ моей руки — ты и тогда выдала бы тайну и послѣдовала за мной?

Йордисъ (пораженная). Зачѣмъ ты спрашиваешь?

Сигурдъ. Сначала отвѣть мнѣ; что бы ты сдѣлала, если бы я сталъ убійцей твоего супруга?

Йордисъ (смотритъ на него въ упоръ). Тогда мнѣ оставалось бы лишь молчать и не знать покоя, пока я не добилась бы твоей смерти!

Сигурдъ (съ улыбкой). Хорошо, Йордисъ; я такъ и зналъ.

Йордисъ (поспѣшно). Но этому не бывать!

Сигурдъ. Такъ должно быть; ты сама бросила жребій на наши жизни — Гуннара и мою.

(Гуннаръ и съ нимъ нѣсколько слугъ входятъ въ среднія двери).

Гуннаръ (мрачно обращаясь къ Йордисъ). Ну вотъ, зерно, посѣянное тобой, уже даетъ всходы.

Сигурдъ (приближаясь къ нему). Что съ тобою?

Гуннаръ. Сигурдъ, это ты? Что со мною? Ничего, кромѣ того, чего надо было ожидать. Какъ только супруга твоя Дагни принесла намъ вѣсть о замыслѣ Коре, я сѣлъ на коня и поѣхалъ къ сосѣдямъ за помощью.

Йордисъ (съ напряженіемъ). Ну?

Гуннаръ. Къ кому я ни обращался, мнѣ отвѣчали нехотя; говорили, что я нечестно поступилъ съ Коре... Гм... и много другого, чего я не могу повторить... Я опозоренъ. Про меня говорятъ, что я совершилъ безчестный поступокъ, и теперь считаютъ позоромъ имѣть со мною дѣло.

Сигурдъ. Недолго будетъ это считаться позоромъ; не успѣетъ вечеръ наступить — у тебя будетъ достаточно вооруженныхъ союзниковъ противъ Коре.

Гуннаръ. Сигурдъ!

Йордисъ (тихо, торжествующе). А! Я такъ и знала.

Сигурдъ (принуждая себя говорить съ силой). Но затѣмъ и миру межъ нами конецъ. Слушай теперь мое слово, Гуннаръ Ленникъ: ты сразилъ Торольфа, родича моей супруги, и я вызываю тебя на единоборство завтра чѣмъ свѣтъ.

(Йордисъ, сильно взволнованная, дѣлаетъ шагъ къ Сигурду, но овладѣваетъ собой и остается стоять неподвижно).

Гуннаръ (крайне пораженный). На единоборство!.. Меня! Ты шутишь, Сигурдъ!

Сигурдъ. Ты вызванъ по закону и обычаю. Завяжется игра не на жизнь, а на смерть. Одинъ изъ насъ долженъ пасть.

Гуннаръ (съ горечью). А, я понимаю! Ты побесѣдовалъ наединѣ съ Йордисъ, и она снова разожгла тебя.

Сигурдъ. Быть-можетъ. (Наполовину обращаясь къ Йордисъ) Женщинѣ высокой души и подобаетъ стоять на стражѣ чести своего супруга. (Людямъ въ глубинѣ комнаты) А вы, люди, ступайте къ сосѣдямъ Гуннара, возвѣстите имъ, что завтра онъ будетъ биться со мной. Никто не назоветъ трусомъ того, кто вступаетъ въ бой съ викингомъ Сигурдомъ!

(Слуги уходятъ).

Гуннаръ (быстро подходитъ къ Сигурду, жметъ ему руку и говоритъ въ сильномъ волненіи). Сигурдъ, славный братъ мой, теперь лишь я понялъ тебя. Теперь ты готовъ жизнью отстоять

мою честь, какъ прежде готовъ былъ отдать жизнь за мое счастье.

Сигурдъ. Благодари свою супругу. Она главная причина. Завтра на зарѣ...

Гуннаръ. ...мы встрѣтимся. (Мягко) Братъ, хочешь принять отъ меня добрый мечъ? Это драгоцѣнный даръ.

Сигурдъ. Спасибо; но пусть себѣ виситъ здѣсь. Кто знаетъ, понадобится ли онъ мнѣ завтра вечеромъ.

Гуннаръ (пожимая ему руку). Прощай, Сигурдъ!

Сигурдъ. Прощай, и желаю тебѣ счастья!

(Они расходятся. Гуннаръ направляется влѣво, Сигурдъ, бросивъ взглядъ на Йордисъ, уходитъ въ среднія двери).

Йордисъ (помолчавъ, тихо и задумчиво). Завтра единоборство. Кто падетъ? (Помолчавъ, вдругъ восклицаетъ, словно принявъ твердое рѣшеніе) Кто бы ни палъ — мы съ Сигурдомъ не разлучимся!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

На берегу моря. Вечеръ. Время отъ времени сквозь разорванныя тучи проглядываетъ луна. Въ глубинѣ чернѣетъ свѣже-насыпанный могильный курганъ. Эрнульфъ сидитъ впереди направо, на камнѣ, съ обнаженной головой, опершись локтями о колѣни и закрывъ лицо руками. Дружина его доканчиваетъ насыпку кургана; нѣкоторые стоятъ возлѣ съ факелами. Вскорѣ затѣмъ изъ сарая для лодокъ, гдѣ ярко пылаетъ огонь, выходятъ Сигурдъ и Дагни.

Дагни (вполголоса). Все еще сидитъ тамъ. (Удерживая Сигурда) Не надо, не заговаривай съ нимъ.

Сигурдъ. Ты права; слишкомъ рано; пусть лучше побудетъ одинъ.

Дагни (идетъ подальше направо и съ тихой скорбью наблюдаетъ за отцомъ). Какъ силенъ былъ онъ вчера, когда поднялъ и понесъ тѣло Торольфа; крѣпился, пока насыпали курганъ; но когда всѣ были уложены въ могилу и засыпаны землей и камнями — горе подкосило его, онъ словно погасъ вдругъ. (Отираетъ глаза). Скажи мнѣ, Сигурдъ, когда ты думаешь отплыть домой, въ Исландію?

Сигурдъ. Какъ только утихнетъ буря и я покончу счеты съ Гуннаромъ.

Дагни. И тогда ты купишь землю, поставишь себѣ дворъ и никогда больше не будешь гулять по морямъ?

Сигурдъ. Да, да, — я вѣдь обѣщалъ тебѣ.

Дагни. И я смѣю повѣрить, что Йордисъ меня обманула, когда говорила, что я была мало достойною тебя женой?

Сигурдъ. Да, да, Дагни; повѣрь моему слову!

Дагни. Такъ я опять спокойна и попытаюсь забыть все то

зло, что здѣсь совершено. Долгими зимними вечерами мы будемъ съ тобой вспоминать о Гуннарѣ и Йордисъ и...

Сигурдъ. Нѣтъ, Дагни, если желаешь добра намъ обоимъ, никогда не вспоминай о Йордисъ, когда мы снова будемъ съ тобой въ Исландіи.

Дагни (съ кроткимъ упрекомъ). Ты несправедливъ въ своей ненависти къ ней. Сигурдъ, Сигурдъ, это такъ непохоже на тебя.

Одинъ изъ дружины (подходя къ Эрнульфу). Ну вотъ, курганъ готовъ.

Эрнульфъ (словно пробуждаясь отъ сна). Курганъ? Готовъ?.. Да...

Сигурдъ. Поговори съ нимъ, Дагни!

Дагни (подходя). Отецъ, тутъ холодно; къ ночи собирается буря.

Эрнульфъ. Гм... не безпокойся, курганъ крѣпокъ и плотенъ; тепло имъ тамъ лежать.

Дагни. Да, но тебѣ...

Эрнульфъ. Мнѣ? Я не зябну.

Дагни. Ты ничего не ѣлъ сегодня; не хочешь ли войти подъ кровъ? Ужинъ готовъ.

Эрнульфъ. Я не голоденъ.

Дагни. Но тебѣ не годится сидѣть здѣсь такъ неподвижно, повѣрь мнѣ; ты не привыкъ.

Эрнульфъ. Правда; что-то давитъ, сжимаетъ мнѣ грудь; вздохнуть не могу.

(Снова закрываетъ лицо. Пауза. Дагни садится рядомъ съ нимъ).

Дагни. Завтра ты вѣдь снарядишь свою ладью и отплывешь съ нами въ Исландію?

Эрнульфъ (не глядя на нее). Что мнѣ тамъ дѣлать? Нѣтъ, я хочу къ моимъ сыновьямъ.

Дагни (горестно). Отецъ!

Эрнульфъ (поднимая голову). Ступай къ себѣ и оставь меня тутъ; ночь-другую побушуетъ вокругъ меня непогода, и — конецъ.

Сигурдъ. Что ты! Такія думы...

Эрнульфъ. Ты дивишься, что мнѣ хочется отдохнуть? Мой трудовой день вѣдь конченъ, — я схоронилъ своихъ сыновей. (Горячо) Подите отъ меня!.. Уйдите! (Снова прячетъ лицо).

Сигурдъ (тихо Дагни, которая встаетъ). Дай ему посидѣть еще немножко.

Дагни. Нѣтъ, я хочу испытать еще одно средство... Я знаю отца. (Эрнульфу) Трудовой день твой конченъ, — говоришь ты, но это не такъ. Ты схоронилъ своихъ сыновей... но ты вѣдь скальдъ, и надо почтить ихъ память посмертной пѣснью.

Эрнульфъ (качая головой). Пѣснью? Нѣтъ, нѣтъ; вчера я еще могъ бы, сегодня же я состарился.

Дагни. Нѣтъ, все-таки... Сыновья твои были честные мужи; они заслужили себѣ драпу, а въ нашемъ роду некому спѣть ее, кромѣ тебя.

Эрнульфъ (вопросительно смотритъ на Сигурда). Спѣть? Какъ по-твоему, Сигурдъ?

Сигурдъ. Мнѣ кажется — такъ подобаетъ; надо тебѣ сдѣлать, какъ она говоритъ.

Дагни. Нехорошо это покажется твоимъ сосѣдямъ въ Исландіи: станутъ они править поминки по сынамъ Эрнульфа, и нечѣмъ будетъ помянуть ихъ, — никто не сложилъ о нихъ пѣсни. Послѣдовать за своими сыновьями ты еще успѣешь.

Эрнульфъ. Ну, хорошо, попытаюсь; а ты, Дагни, слушай; послѣ ты вырѣжешь эту пѣсню рунами на доскѣ.

(Дружина съ факелами въ рукахъ окружаетъ Эрнульфа. Онъ собирается съ мыслями и затѣмъ начинаетъ)

Душитъ горе душу,
Радость Браги, гдѣ ты?
Скальдъ скорбитъ, и будутъ
Пѣсни скорби спѣты.

Скальдовъ богъ даръ пѣсенъ
Далъ мнѣ, даръ богатый;
Чья печаль сравнится
Днесь съ моей утратой?

(Встаетъ).

Злая норна злобно
Путь мой преградила,
Радости и счастья
Эрнульфа лишила.

Семь сыновъ послали
Въ спутники мнѣ боги;
Сгибли всѣ; одинъ я,
Старый, на дорогѣ.

Семь сыновъ прекрасныхъ
Были мнѣ отрадой,
Эрнульфа сѣдинамъ
Грозною оградой.

Рушилась ограда,
Нѣтъ сыновъ, — убиты;
Сирота я сирый,
Домъ мой безъ защиты.

Торольфъ... сынъ мой младшій,
Соколъ ясный, смѣлый!
Встань ты, — слезъ не лилъ бы
Эрнульфъ посѣдѣлый.

Ты весны прекраснѣй,
Солнца былъ яснѣе;
Витяземъ ты выросъ
Храбрыхъ всѣхъ храбрѣе.

Палъ ты вдругъ, сраженный
Взмахомъ острой стали;
Словно межъ щитами
Сердце мое сжали...

Жертва норны жадной
Я — лишился сына;
Гложетъ грудь мнѣ горе,
Точитъ червь-кручина.

Мечъ извлечь не въ силахъ,
Вѣрно, буду скоро;
О, когда-бъ мнѣ дали
Боги силу Тора!

Только бы и было
Мысли, что о мести
Норнѣ; отомстивъ же,
Легъ бы съ сыномъ вмѣстѣ.

Но лишила норна
Эрнульфа всего ли?
Нѣтъ, рожденъ онъ скальдомъ, —
Нѣтъ завиднѣй доли!

(Съ возрастающимъ восторженнымъ подъемомъ)

Пусть сыновъ сразила
Всѣхъ однимъ ударомъ;
Норнѣ я обязанъ
Пѣсенъ славнымъ даромъ.

Жало скорби жгучей
Съ корнемъ вырываетъ,
Въ сердцѣ боль утраты
Пѣсня утоляетъ.

Язвы всѣ врачуетъ
Пѣснь волшебной силой;

Тамъ греми же громче
Надъ сыновъ могилой!

Честь сынамъ-героямъ!
Слава вамъ вовѣки!
Вѣдь на полѣ брани
Вы сомкнули вѣки!

Ждутъ героевъ павшихъ
Одина палаты;
Скорби всѣ смягчаетъ
Даръ боговъ богатый!

(Тяжело переводитъ духъ, откидываетъ волосы со лба и говоритъ уже спокойно) Вотъ теперь Эрнульфъ снова силенъ и крѣпокъ. (Дружинѣ) Идемъ ужинать, молодцы; тяжелый трудовой день выпалъ намъ сегодня. (Идетъ съ дружиной въ сарай).

Дагни. Хвала Высокимъ въ небѣ за то, что подали мнѣ добрый совѣтъ! (Сигурду) А ты не хочешь войти подъ кровъ?

Сигурдъ. Нѣтъ, нѣтъ; не хочется. Скажи мнѣ, все ли готово на завтра?

Дагни. Все. Тамъ на скамьѣ лежитъ вышитое шелками полотно; но я знаю, что ты побѣдишь Гуннара, потому и не плакала надъ нимъ.

Сигурдъ. Да пошлютъ всѣ благія силы, чтобы ты и никогда не плакала изъ-за меня. (Останавливается и смотритъ въ сторону).

Дагни. Къ чему ты прислушиваешься?

Сигурдъ. Ты не слышишь... тамъ?.. (Указываетъ налѣво).

Дагни. Да, сдается, надъ моремъ проносится диковинная буря.

Сигурдъ (отходя нѣсколько въ глубину). Гм... вѣрно, жестокій градъ выпадетъ въ эту бурю. (Кричитъ) Кто идетъ?

Коре (за сценой слѣва). Знакомые люди, Сигурдъ викингъ! (Слѣва появляется Коре съ толпой вооруженныхъ людей).

Сигурдъ. Куда вы направляетесь?

Коре. Во дворъ Гуннара!

Сигурдъ. Какъ враги?

Коре. Да, ужъ можешь положиться. Ты помѣшалъ мнѣ тогда, но теперь, я полагаю, тебѣ самому это будетъ по сердцу.

Сигурдъ. Можетъ статься.

Коре. Я слышалъ о твоей ссорѣ съ Гуннаромъ, но если станется по-моему, онъ выйдетъ противъ тебя съ плохимъ оружіемъ.

Сигурдъ. Ты затѣваешь дерзкое дѣло; берегись, бондъ!

Коре (съ злорадствомъ смѣхомъ). Это мое дѣло; а вотъ если ты

хочешь снарядить свои ладьи ночью, то мы тебѣ посвѣтимъ. За мной всѣ! Сюда! (Всѣ проходятъ въ глубину направо).

Дагни. Сигурдъ, Сигурдъ, ты долженъ помѣшать этому злодѣйству.

Сигурдъ (быстро идетъ къ дверямъ сарая и кричитъ). Встань изъза стола, Эрнульфъ! Отмсти бонду Коре!

Эрнульфъ (выходитъ съ дружиной). Бонду Коре? Гдѣ онъ?

Сигурдъ. Идетъ на Гуннара, хочетъ спалить его дворъ со всѣми людьми.

Эрнульфъ. Ха-ха! Пусть его! Такъ я заодно отмщу Гуннару и Йордисъ. Послѣ я отыщу Коре.

Сигурдъ. Нѣтъ, это будетъ напрасно. Если ты хочешь поразить Коре, ищи его сегодня ночью: совершивъ свое злодѣяніе, онъ уйдетъ въ горы. Я вызвалъ Гуннара на поединокъ; и онъ отъ тебя не уйдетъ, случись, что я... Но сегодня ночью его надо защитить отъ его враговъ; худо было бы, если-бъ такой негодяй, какъ Коре, вырвалъ месть изъ моихъ рукъ!

Эрнульфъ. Ты говоришь правду. Сегодня ночью я буду защищать убійцу Торольфа, но завтра онъ долженъ пасть.

Сигурдъ. Онъ или я — будь спокоенъ!

Эрнульфъ. Идемъ же мстить за родъ Эрнульфа!

(Уходитъ съ дружиной въ глубину направо).

Сигурдъ. Дагни, ступай за ними... Мнѣ надо остаться; слухъ о единоборствѣ уже прошелъ въ народѣ, и я не могу встрѣтиться съ Гуннаромъ раньше положеннаго срока; а ты ступай и удерживай и направляй отца; пусть поступаетъ по чести; во дворѣ Гуннара много женщинъ; нельзя допустить, чтобы пострадала Йордисъ... или другія.

Дагни. Да, да, я пойду. Ты все-таки подумалъ о Йордисъ,— спасибо за твою доброту.

Сигурдъ. Иди, иди, Дагни!

Дагни. Иду. Но за Йордисъ мы можемъ быть спокойны; у нея въ свѣтлицѣ висятъ золоченые доспѣхи, и она сама сумѣетъ постоять за себя.

Сигурдъ. И я думаю такъ; но поди на всякій случай, направляй отца; бодрствуй надъ всѣми и — побереги супругу Гуннара!

Дагни. Положись на меня. До радостнаго свиданія!

(Уходитъ за остальными).

Сигурдъ. Въ первый разъ, братъ Гуннаръ, стою я безоружнымъ въ то время, какъ тебѣ грозитъ опасность. (Прислушивается) Слышны крики и лязгъ мечей. Они уже у двора...

(Хочетъ пойти направо, но въ изумленіи отступаетъ). Йордисъ! Она идетъ сюда!

(Йордисъ въ короткой красной одеждѣ, въ золоченыхъ латахъ, шлемѣ, наколѣнникахъ и наручникахъ, съ распущенными волосами; за спиной колчанъ, къ поясу пристегнутъ небольшой щитъ, въ рукахъ лукъ съ волосяной тетивой).

Йордисъ (озираясь назадъ, словно боясь погони, поспѣшно подходитъ къ Сигурду, беретъ его за руку и глухо говоритъ). Сигурдъ! Сигурдъ! Видишь ты его?

Сигурдъ. Кого? Гдѣ?

Йордисъ. Волка... тамъ вонъ, близко. Онъ не шевелится и не спускаетъ съ меня огненныхъ глазъ. Это вѣстникъ моей смерти, Сигурдъ! Три раза онъ являлся мнѣ. Это значитъ — я умру сегодня ночью.

Сигурдъ. Йордисъ! Йордисъ!

Йордисъ. А, вотъ онъ провалился сквозь землю! Да, да, теперь онъ предостерегъ меня.

Сигурдъ. Ты больна. Войди подъ кровъ.

Йордисъ. Нѣтъ, я дождусь здѣсь. Недолго мнѣ ждать!

Сигурдъ. Что случилось съ тобой?

Йордисъ. Что случилось? Не знаю; но ты правду сказалъ сегодня, что между нами стоятъ Гуннаръ и Дагни; мы должны уйти отъ нихъ и отъ жизни; тогда мы будемъ вмѣстѣ.

Сигурдъ. Мы? Ты хочешь сказать?..

Йордисъ (торжественно). Я стала въ мірѣ сирой, безпріютной съ того дня, какъ ты взялъ себѣ въ жены другую. Всѣмъ можетъ поступиться человѣкъ ради друга своего, только не любимой женщиной! И если онъ дѣлаетъ это, онъ разрываетъ таинственную ткань норнъ и губитъ двѣ жизни. Какой-то вѣщій голосъ говоритъ мнѣ, что я родилась такой сильной духомъ, чтобы ободрять и поддерживать тебя въ минуты испытаній, а ты родился, чтобы я въ одномъ человѣкѣ могла найти все, что представляется мнѣ великимъ, славнымъ! Я знаю, Сигурдъ — держись мы съ тобою крѣпко другъ друга, ты былъ бы славнѣйшимъ мужемъ, а я счастливѣйшею женщиной въ мірѣ!

Сигурдъ. Напрасно жаловаться теперь. Или ты думаешь — сладкая жизнь ждетъ меня? Изо дня въ день быть съ Дагни и притворяться въ любви, отъ которой щемитъ сердце... И все же такъ надо и нельзя этого измѣнить.

Йордисъ (съ возрастающей необузданной страстностью). Должно измѣнить! Намъ съ тобой нѣтъ мѣста въ жизни! Видишь эту тетиву? Я спущу съ нея стрѣлу и не промахнусь; я спѣла надъ нею чудесныя заклинанія! (Накладываетъ стрѣлу и натягиваетъ

тетиву). Слушай, слушай — какой свистъ въ воздухѣ! Это поѣздъ мертвецовъ. Я вызвала ихъ своими заклинаніями... умчимся вслѣдъ за ними!

Сигурдъ (отступая). Йордисъ! Йордисъ! Мнѣ страшно за тебя.

Йордисъ (не слушая его). Никакая сила въ мірѣ не измѣнитъ теперь нашей судьбы! О, да!.. И лучше такъ, чѣмъ если бы ты избралъ меня своей женой здѣсь, въ этой земной жизни. Сидѣть у твоего очага и рожать тебѣ дѣтей... Фу!

Сигурдъ. Стой! Твои заклинанія обратились противъ тебя,— душу твою охватилъ смертельный недугъ. (Въ ужасѣ) Смотри! Дворъ Гуннара горитъ!

Йордисъ. Пусть горитъ, пусть горитъ! Облачный чертогъ тамъ въ вышинѣ прекраснѣе бревенчатаго дома Гуннара!

Сигурдъ. Но Эгиль, сынъ твой... Они его убьютъ!

Йордисъ. Пусть убьютъ, — заодно убьютъ и мой позоръ.

Сигурдъ. Они убьютъ и Гуннара, твоего супруга!

Йордисъ. Что мнѣ за дѣло? Я обрѣту сегодня ночью лучшаго супруга и послѣдую за нимъ въ его обитель! Да, Сигурдъ! Пусть будетъ такъ! Нѣтъ для меня счастья въ этой жизни: на Сѣверъ падвигается бѣлый богъ, я не хочу встрѣтиться съ нимъ: а старые боги ужъ не такъ сильны, какъ прежде... они спятъ... превратились въ какія-то тѣни... вотъ мы и поборемся съ ними! Прочь изъ жизни, Сигурдъ! Я посажу тебя на небесный престолъ и сама возсяду рядомъ! (Разражается буря). Слушай, слушай! Мчится наша свита. Видишь бѣшеныхъ воронихъ коней? Одинъ мнѣ, другой тебѣ! (Прикладываетъ лукъ къ щекѣ и стрѣляетъ). Отправляйся же въ послѣдній путь!

Сигурдъ. Мѣтко цѣлишь, Йордисъ! (Падаетъ).

Йордисъ (торжествующе, подбѣгая къ нему). Сигурдъ, братъ мой, — теперь мы принадлежимъ другъ другу!

Сигурдъ. Теперь меньше, нежели прежде. Здѣсь наши пути расходятся: я крестился.

Йордисъ (въ ужасѣ). Ты!.. Га! Нѣтъ! нѣтъ!

Сигурдъ. Бѣлый Богъ сталъ моимъ богомъ. Король Этельстанъ научилъ меня познать Его, и къ Нему я пойду теперь.

Йордисъ (въ отчаяніи). А я?.. (Роняя лукъ) Горе мнѣ, горе!

Сигурдъ. Тяжела была моя жизнь съ тѣхъ поръ, какъ я вырвалъ тебя изъ моего сердца и отдалъ Гуннару. Спасибо, Йордисъ... теперь мнѣ легко, я свободенъ. (Умираетъ).

Йордисъ (тихо). Мертвъ. Такъ я загубила свою душу! (Буря усиливается, и она дико вскрикиваетъ) Они мчатся сюда! Я ихъ вызвала. Но нѣтъ, нѣтъ!.. Я не послѣдую за ними, я не уйду безъ Сигурда... Все напрасно! Они увидали меня... смѣются,

кивають, пришпорили коней... (Бросается на край скалы въ бину). Вотъ они надо мной... и некуда бѣжать, негдѣ скрыться!.. А! Развѣ въ пучинѣ морской! (Бросается внизъ со скалы).

(Эрнульфъ, Дагни, Гуннаръ, Эгиль и дружина Эрнульфа и Сигурда выходятъ мало-по-малу справа).

Эрнульфъ (повернувшись къ кургану). Теперь спите спокойно; вы не будете лежать неотмщенными.

Дагни (за нимъ). Отецъ, отецъ, я умираю отъ страха! Это кровавое дѣло... и буря... Слышишь, слышишь?..

Гуннаръ (съ Эгилемъ на рукахъ). Дай миръ и пріютъ моему ребенку!

Эрнульфъ. Гуннаръ!

Гуннаръ. Да, Эрнульфъ, дворъ мой сожженъ, и всѣ мои слуги пали; я въ твоей власти, дѣлай со мной, что̀ хочешь.

Эрнульфъ. Это дѣло Сигурда. Но войди подъ кровъ, здѣсь небезопасно.

Дагни. Да, войдемъ, войдемъ. (Идетъ къ сараю и, увидавъ тѣло Сигурда, испускаетъ вопль) Сигурдъ!.. Супругъ мой! Они сразили его! (Бросается возлѣ него на землю).

Эрнульфъ (спѣшитъ къ Сигурду). Сигурдъ!

Гуннаръ (ставя Эгиля на землю). Сигурдъ сраженъ!

Дагни (въ отчаяніи смотритъ на дружину, обступающую мертваго). Нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ! Онъ, вѣрно, живъ еще... (Замѣтивъ лукъ) А!.. Что̀ это? (Встаетъ).

Эрнульфъ. Дочь, ты сказала правду сразу, — Сигурдъ сраженъ.

Гуннаръ (какъ бы охваченный внезапной мыслью). А Йордисъ?.. Йордисъ была здѣсь?

Дагни (тихо, но спокойно). Не знаю; но знаю, что лукъ ея былъ здѣсь.

Гуннаръ. Я такъ и думалъ.

Дагни. Молчи! Молчи! (Про себя) Такъ вотъ какъ она его ненавидѣла!

Гуннаръ (такъ же). Сразила его... наканунѣ поединка... Значитъ, она все-таки любила меня!

(Всѣ вздрагиваютъ. По воздуху проносится поѣздъ мертвецовъ).

Эгиль (въ страхѣ). Отецъ! Смотри! Смотри!

Гуннаръ. Что̀ тамъ?

Эгиль. Тамъ, наверху, вороные кони...

Гуннаръ. Это тучи...

Эрнульфъ. Нѣтъ, это поѣздъ мертвецовъ.

Эгиль (вскрикивая). И мать съ ними тамъ!

Дагни. Всѣ благія силы!..

Гуннаръ. Дитя, что̀ ты говоришь?

Эгиль. Тамъ.... впереди... на ворономъ конѣ! Отецъ, отецъ! (Испуганно прижимается къ отцу).

(Короткая пауза: буря стихаетъ, тучи расходятся, и мѣстность озаряется мирнымъ сіяніемъ луны).

Гуннаръ (тихо, съ горестью). Такъ Йордисъ, вѣрно, уже нѣтъ въ живыхъ.

Эрнульфъ. Вѣрно такъ, Гуннаръ. А мнѣ слѣдовало мстить скорѣе ей, нежели тебѣ. Дорого обошлась намъ обоимъ наша встрѣча... Вотъ моя рука въ знакъ мира и дружбы!

Гуннаръ. Благодарю, Эрнульфъ! И въ путь, — я отплыву вмѣстѣ съ вами въ Исландію.

Эрнульфъ. Да, въ путь, въ Исландію! И нескоро забудутъ нашъ бранный походъ.

Викинговъ набѣги
Скальды славить будутъ,
И потомки долго
Дѣдовъ не забудутъ!

КАТИЛИНА.

Предисловіе автора ко второму изданію.

Драма „Катилина“, которою я началъ свое литературное поприще, была написана зимою въ 1848 — 49 гг., слѣдовательно на 21-мъ году моей жизни.

Я проживалъ тогда въ Гримстадѣ, предоставленный собственнымъ силамъ — въ смыслѣ обезпеченія себѣ средствъ къ существованію и подготовки къ поступленію въ университетъ. Время было бурное. Февральская революція, возстаніе въ Венгріи и другихъ мѣстахъ, война за Шлезвигъ — все это много содѣйствовало моему развитію, хотя оно еще и долго послѣ того оставалось незаконченнымъ. Я посвящалъ громкія стихотворенія мадьярамъ, призывая и ободряя ихъ продолжать, во имя свободы и блага человѣчества, свою справедливую борьбу съ „тиранами“; посвятилъ также цѣлый рядъ сонетовъ королю Оскару — сонетовъ, заключавшихъ главнымъ образомъ, какъ я помню, требованія отложить въ сторону всѣ мелочныя соображенія и немедленно во главѣ своихъ войскъ двинуться къ предѣламъ Шлезвига на помощь братьямъ. Такъ какъ въ настоящее время, въ противоположность тогдашнему, я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы мои крылатыя воззванія могли принести сколько-нибудь существенную пользу дѣлу мадьяровъ или скандинавовъ, то и считаю за лучшее, что стихи эти не вышли изъ полуинтимной области рукописей. Я не могъ однако воздержаться отъ того, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ приподнятаго настроенія не высказываться устно въ унисонъ своимъ страстнымъ стихотворнымъ пзліяніямъ, что, впрочемъ, стяжало мнѣ лишь весьма сомнительные лавры какъ въ средѣ моихъ друзей, такъ и въ средѣ недруговъ. Первые привѣтствовали во мнѣ задатки безсознательнаго комизма, а вторые были поражены тѣмъ, что молодой человѣкъ, занимающій еще столь незначительное и неопредѣленное положеніе, могъ предаваться такимъ вопросамъ, о которыхъ они сами не дерзали имѣть собственнаго мнѣнія. Ради соблюденія истины я долженъ еще прибавить, что поведеніемъ своимъ я вообще не подавалъ обществу особенныхъ надеждъ на то, чтобы оно въ моемъ лицѣ обрѣло приростъ гражданскихъ добродѣтелей: а затѣмъ эпиграммами и карикатурами я испортилъ свои отношенія ко многимъ лицамъ, которыя заслуживали бы съ моей стороны лучшаго и расположеніемъ которыхъ я въ сущности дорожилъ. Словомъ, подъ шумъ великихъ международныхъ бурь я со своей стороны воевалъ съ маленькимъ обществомъ, къ которому былъ прикованъ волей обстоятельствъ и житейскихъ условій.

Таково было положеніе вещей, когда я, готовясь къ экзамену, познакомился съ „Катилиной“ Саллюстія и рѣчами Цицерона противъ Катилины. Я съ жадностью проглотилъ эти сочиненія, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у меня уже была готова драма. Какъ видно изъ нея, я въ то

время не раздѣлялъ воззрѣній этихъ двухъ древнихъ римскихъ писателей на характеръ и поступки Катилины, да и до сихъ поръ склоненъ думать, что долженъ же былъ представлять собою нѣчто великое или значительное человѣкъ, съ которымъ неутомимый адвокатъ Цицеронъ не считалъ удобнымъ сразиться до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не приняли такого оборота, что нападки на него уже перестали грозить какою-либо опасностью. Надо также помнить, что въ исторіи найдется мало лицъ, чья память находилась бы въ большей зависимости отъ враговъ, чѣмъ память Катилины.

Драма моя была написана въ ночные часы. Принципалъ мой былъ человѣкъ хорошій и добросовѣстный, но знать не знавшій ничего, кромѣ своего дѣла, и мнѣ приходилось почти что воровать себѣ свободное время для умственныхъ занятій, а отъ этихъ краденыхъ учебныхъ часовъ еще урывать минуты для занятія поэзіей. Въ общемъ и неоткуда было черпать досуга, какъ только изъ ночного отдыха, и въ этомъ, пожалуй, кроется причина того, что почти все дѣйствіе драмы, безсознательно съ моей стороны, пріурочено къ ночному времени.

Разумѣется, этотъ столь непонятный для окружающихъ фактъ, что я занимался писаньемъ драмы, мнѣ приходилось держать въ секретѣ: но совсѣмъ безъ повѣренныхъ двадцатилѣтнему поэту не обойтись, и я довѣрилъ двумъ друзьямъ-сверстникамъ то, чѣмъ занимался втихомолку.

Мы всѣ трое возлагали большія надежды на „Катилину“, когда драма была окончена. Прежде всего надо было переписать ее набѣло, чтобы подъ псевдонимомъ представить въ христіанійскій театръ, и затѣмъ сдѣлать ее общественнымъ достояніемъ путемъ печати. Одинъ изъ моихъ вѣрныхъ и вѣрующихъ въ меня друзей взялъ на себя трудъ изготовить красивую и четкую копію съ моего невыправленнаго чернового наброска и выполнилъ свою задачу столь добросовѣстно, что не упустилъ ни единаго изъ безчисленныхъ тире, которыя я въ пылу творчества разсыпалъ всюду, гдѣ мнѣ сразу не приходило на умъ подходящаго выраженія. Другой изъ моихъ друзей, котораго я назову здѣсь по имени, такъ какъ его уже нѣтъ въ живыхъ, бывшій тогда студентомъ, а впослѣдствіи адвокатомъ, Оле С. Шулерудъ, отправился съ рукописью въ Христіанію. Я еще помню одно изъ его писемъ, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что „Катилина“ сданъ въ театръ: относительно того, что драма будетъ скоро поставлена, не было, разумѣется, никакого сомнѣнія, такъ какъ дирекція вѣдь состояла изъ людей свѣдущихъ: столь же мало могло быть сомнѣнія и относительно того, что любой изъ столичныхъ книгоиздателей съ радостью заплатитъ крупный гонораръ за первое изданіе; по мнѣнію моего друга, оставалось только найти того изъ нихъ, который предложилъ бы наивыгоднѣйшія условія.

Послѣ долгаго и томительнаго ожиданія стали однако обнаруживаться нѣкоторыя затрудненія. Дирекція театра возвратила рукопись моему другу съ очень вѣжливымъ, но столь же рѣшительнымъ отказомъ. Тогда онъ принялся обходить съ нею книгоиздателей одного за другимъ, но всѣ въ одинъ голосъ высказывались въ томъ же смыслѣ, какъ театральная дирекція; предложившій же наивыгоднѣйшія условія — потребовалъ извѣстную сумму за напечатаніе драмы безъ всякаго гонорара.

Все это, впрочемъ, далеко не умалило въ моемъ другѣ вѣры въ побѣду. Напротивъ, онъ написалъ мнѣ, что такъ именно дѣло складывается лучше всего; мнѣ и слѣдовало самому издать свою драму; необходимыми деньгами онъ брался ссудить меня, а прибыль мы должны были раздѣлить пополамъ; онъ же бралъ на себя всю дѣловую часть предпріятія, исключая чтенія корректуры, что, впрочемъ, онъ считалъ излишнимъ, такъ какъ печатать приходилось съ такой прекрасной, чет-

кой рукописи. Въ слѣдующемъ письмѣ другъ мой заявилъ, что при столь многообѣщающихъ видахъ на будущее онъ подумываетъ даже бросить университетъ, дабы всецѣло посвятить себя изданію моихъ произведеній: двѣ-три пьесы въ годъ мнѣ, по его мнѣнію, ничего не стоило написать, и по приблизительному расчету прибыль отъ нихъ вполнѣ могла въ непродолжительномъ времени обезпечить намъ возможность предпринять не разъ уже рѣшенную нами въ принципѣ поѣздку по Европѣ и Востоку.

Однако поѣздка моя ограничилась на первыхъ порахъ Христіаніей. Я прибылъ туда въ началѣ весны 1850 г., вскорѣ послѣ появленія „Катилины“ въ продажѣ. Пьеса возбудила живой интересъ въ студенческихъ кружкахъ; но критики остановились главнымъ образомъ на погрѣшностяхъ стихотворной формы и въ общемъ нашли произведеніе незрѣлымъ. Болѣе благосклонное сужденіе было высказано лишь съ одной стороны, но сужденіе это исходило отъ лица, чье одобреніе было для меня всегда дорого и цѣнно и которому я здѣсь снова приношу свою благодарность. Расходилось наше изданіе, повидимому, крайне туго. Извѣстная часть экземпляровъ осталась на рукахъ у моего друга, и я помню, однажды вечеромъ, когда наше совмѣстное домашнее хозяйство испытывало непреодолимыя затрудненія, мы всю эту кипу печатной бумаги благополучно сбыли въ качествѣ макулатуры хозяину мелочной лавки. Въ теченіе ближайшихъ дней у насъ зато не было недостатка въ хлѣбѣ насущномъ.

Во время моего пребыванія на родинѣ прошлымъ лѣтомъ, главнымъ же образомъ непосредственно по моемъ возвращеніи туда, разнообразныя картины изъ моей писательской жизни выступили передо мной ярче, чѣмъ когда-либо. Между прочимъ вспомнился мнѣ и „Катилина“, и я взялся за него. Содержаніе драмы я отчасти успѣлъ забыть, но, перечитывая, нашелъ, что въ ней все-таки немало такого, что я и теперь еще могу признать своимъ, — особенно принимая во вниманіе, что это былъ трудъ начинающаго поэта. Многое, что стало предметомъ моего творчества въ позднѣйшее время: противорѣчіе между способностями и стремленіями, между волей и возможностью, противорѣчіе, составляющее трагедію и вмѣстѣ съ тѣмъ комедію человѣчества и индивида— все это проступало уже въ этой драмѣ туманными намеками, и я рѣшилъ выпустить ее новымъ изданіемъ въ видѣ своего рода юбилейнаго труда, на что издатель мой съ обычной готовностью изъявилъ свое согласіе,

Но, разумѣется, нельзя было попросту перепечатать старое изданіе; послѣднее, какъ было уже упомянуто, представляло собой не что иное, какъ отпечатокъ моего незаконченнаго и невыправленнаго конспекта, или, вѣрнѣе, перваго сырого наброска. Перечитывая этотъ набросокъ, я припомнилъ ясно, что именно мерещилось мнѣ тогда, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ, что форма, въ которой это вылилось у меня, почти нигдѣ не выражала того, что мнѣ хотѣлось выразить.

Поэтому я и рѣшился переработать свое юношеское произведеніе, придавъ ему ту форму, какую, я думаю, мнѣ удалось бы дать ему и въ свое время, будь тогда въ моемъ распоряженіи необходимый досугъ и вообще если бы обстоятельства мнѣ болѣе благопріятствовали. Идей же, образовъ и вообще всего развитія дѣйствія я, напротивъ, не коснулся вовсе. Произведеніе осталось въ сущности тѣмъ же, чѣмъ было, съ той лишь разницей, что является теперь въ законченномъ видѣ.

Согласно вышеизложенному я и прошу друзей моихъ въ Скандинавіи и въ другихъ странахъ принять это произведеніе, какъ привѣтъ мой на рубежѣ извѣстнаго періода времени, богатаго для меня всякими пере

мѣнами и контрастами. Многое изъ того, о чемъ я мечталъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, стало дѣйствительностью, хотя и не совсѣмъ такъ или же не такъ скоро, какъ я надѣялся. Теперь я думаю, впрочемъ, что для меня все это было къ лучшему, и я не желалъ бы, чтобы хоть что-нибудь изъ оставшагося теперь позади было выброшено изъ моей жизни, осталось неиспытаннымъ мною: словомъ, озираясь назадъ, обнимая взоромъ все пережитое въ его цѣлости, я испытываю чувство благодарности за все и всѣмъ.

Дрезденъ, 1 февраля 1875 г.

Генрикъ Ибсенъ.

Первое юношеское произведеніе Ибсена „Катилина“ представляетъ особенный интересъ прежде всего потому, что оно — первое, и затѣмъ въ силу того, что заключаетъ въ себѣ, какъ въ зародышѣ, существенные мотивы дальнѣйшаго творчества Ибсена. Поэтому вполнѣ въ порядкѣ вещей, что критики и біографы Ибсена удѣлили этому произведенію особое вниманіе. Мы остановимся на разборахъ двухъ нѣмецкихъ критиковъ: Пассарге и Лотара, и норвежскаго — Іегера. Первый изъ нихъ говоритъ:

„Выборъ сюжета этого перваго произведенія не былъ случайнымъ. И безъ чтенія Цицерона и Саллюстія поэтъ, вѣроятно, напалъ бы на этотъ или подобный же сюжетъ. Вѣдь первое чувство, испытываемое юношей при вступленіи въ свѣтъ и въ жизнь — чувство возмущенія противъ общечеловѣческихъ обычаевъ и общихъ условностей. Нельзя себѣ представить поэта безъ этого клича свободы. О ней вопіетъ и Шиллеръ въ „Разбойникахъ“ и Гёте въ „Гёцъ фонъ-Берлихингенѣ“. Эта потребность — ставить на первомъ планѣ права личности — особенно свойственна германцамъ. Въ силу этого каждое первое драматическое произведеніе нѣмецкаго поэта бываетъ непремѣнно революціоннаго характера; герои революціи какъ бы сами идутъ навстрѣчу ищущимъ темы поэтамъ. И тѣ изъ послѣднихъ, которые не носятъ въ себѣ задатковъ истинно великаго поэта, по большей части цѣликомъ и исчерпываютъ самихъ себя, создавъ одно такое твореніе. Такъ, Георгъ Бюхнеръ написалъ только „Смерть Дантона“, Гриппенкерль — только „Робеспьера“. Но Шиллеръ и послѣ „Разбойниковъ“ продолжалъ отстаивать права личности въ „Коварствѣ и любви“ и въ „Донъ-Карлосѣ“, и Гёте вновь стряхнулъ съ себя цѣпи, создавъ „Тассо“ и „Фауста“.

„Катилина“ также не болѣе, какъ призывъ къ свободѣ юной души, стиснутой въ узкихъ житейскихъ рамкахъ. Во времена викинговъ существовалъ такой способъ отдѣлываться отъ врага-богатыря: сражавшіеся противъ него воины старались окружить его и затѣмъ все суживали кругъ, надвигаясь на врага и тѣсня его своими щитами, пока тотъ не задыхался. Подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ на поэтическую натуру окружающее общество съ его узкими воззрѣніями и застывшими порядками, идущими въ разрѣзъ съ законами природы. Драма „Катилина“, о происхожденіи которой поэтъ самъ далъ намъ столь интересныя свѣдѣнія, есть не что иное, какъ протестъ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ поэтъ, находясь въ положеніи плѣнника, тѣснимый узкими рамками своего положенія при театрѣ въ Бергенѣ и Христіаніи, не повторялъ такого протеста, но затѣмъ послѣдній вдругъ раздался опять въ „Комедіи любви“, громогласный, пронзительный, словно воинскій кличъ изъ объятаго пламенемъ Рима. И съ тѣхъ поръ кличъ этотъ уже не прерывался. Этотъ кличъ, призывъ къ отвоеванію правъ личности и

протестъ противъ общеустановленной лжи, и есть въ сущности самая характерная черта ибсеновскаго творчества".

По словамъ норвежскаго критика и біографа Ибсена, профессора Іегера, Ибсенъ, когда писалъ „Катилину", не былъ, насколько ему помнится, знакомъ съ другими драматическими писателями, кромѣ сѣверныхъ классиковъ Гольберга и Эленшлегера. Въ „Катилинѣ" есть отдѣльныя мѣста, которыя заставляютъ припомнить римскія трагедіи Шекспира: особенно третье дѣйствіе „Катилины" напоминаетъ мѣстами послѣднее дѣйствіе „Юлія Цезаря", но Ибсенъ въ то время зналъ Шекспира только по имени, такъ что тутъ не могло быть и рѣчи о какомъ-либо вліяніи или подражаніи. Словомъ, юноша Ибсенъ и въ качествѣ начинающаго драматурга являлся до извѣстной степени такимъ же самоучкой, какъ и въ подготовкѣ къ сдачѣ университетскаго экзамена. Все это дѣлаетъ „Катилину" тѣмъ болѣе замѣчательнымъ явленіемъ въ драматическомъ отношеніи. У Эленшлегера юный драматургъ научился немногому: умѣнію пользоваться бѣлымъ пятистопнымъ ямбомъ; вліяніе Эленшлегера можно прослѣдить и въ самой конструкціи стиха. Но при томъ сильномъ душевномъ броженіи, которое происходило тогда въ Ибсенѣ, онъ не въ силахъ былъ удержаться въ данныхъ рамкахъ: бѣлый пятистопный ямбъ порою кажется ему тѣснымъ, слишкомъ однообразнымъ, онъ хочетъ придать стихамъ болѣе яркій лирическій оттѣнокъ и вдругъ переходитъ съ бѣлаго ямба на рифмованный, а то такъ и вовсе рѣзко мѣняетъ размѣръ.

Подобную же характерную неустойчивость видитъ Іегеръ у молодого драматурга и въ томъ, какъ онъ распоряжается матеріаломъ. Три дѣйствія разыгрываются въ девяти различныхъ мѣстахъ. Въ первомъ дѣйствіи происходитъ чисто шекспировская сутолока въ смыслѣ безпрестанной смѣны мѣста; сколько явленій, столько же почти и различныхъ обстановокъ, а именно пять. Для одного дѣйствія это „немножко много". Во второмъ дѣйствіи мѣсто и обстановка мѣняются всего три раза, что уже представляетъ прогрессъ, а третье дѣйствіе все цѣликомъ происходитъ въ одной обстановкѣ. Очевидно, авторъ во время самой разработки пьесы понемногу совершенствовался, все больше овладѣвалъ драматической техникой.

„Еще характернѣе, — говоритъ Іегеръ: — самое драматическое развитіе сюжета. Нѣтъ и рѣчи о какихъ-либо прямыхъ внѣшнихъ конфликтахъ; ни единый изъ противниковъ Катилины не выступаетъ въ пьесѣ. Настоящаго дѣйствія въ ней вообще минимумъ: столь же мало и драматическихъ коллизій. Фурія съ ея жаждой мести содѣйствуетъ въ сущности лишь ускоренію развитія драмы и развязки: измѣна Курія влечетъ за собою катастрофу лишь въ чисто внѣшнемъ смыслѣ, и предательство двуличнаго Лентула — лишь эпизодъ, нимало не вліяющій на ходъ событій. Драматическая борьба тутъ чисто внутренняго характера; назрѣваетъ и развивается она въ душѣ Катилины. Тѣмъ не менѣе дѣйствіе далеко не лишено драматическаго интереса. Въ той энергіи, съ какой ведется (начиная съ самообвиненій Катилины въ первомъ же монологѣ) психологическое развитіе дѣйствія путемъ разочарованій, пока наконецъ безуміе не омрачаетъ душу героя, — въ этой энергіи современный читатель предугадываетъ, невзирая на всѣ недостатки и неловкости юнаго писателя, богатые задатки будущаго мастера въ области психологической драмы".

Лотаръ даетъ такой отзывъ:

„При бѣгломъ чтеніи драмы, особенно же перваго дѣйствія, можно подумать, что это обыкновенная трагедія изъ римской жизни, принадлежащая перу юнаго гимназиста. При болѣе же близкомъ знакомствѣ

драма оказывается однимъ изъ краеугольныхъ камней драматическаго творчества Ибсена. Повсюду узнаёшь зародыши и прелюдіи его главныхъ мотивовъ и даже его позднѣйшей техники и понимаешь, почему поэтъ въ 1874 году нашелъ свой первый юношескій, давно заброшенный трудъ достойнымъ новаго изданія. Въ предисловіи къ этому второму изданію Ибсенъ, между прочимъ, пишетъ: „Содержаніе драмы я отчасти успѣлъ забыть, но, перечитывая, нашелъ, что въ ней все-таки немало такого, что я и теперь еще могу признать своимъ, — особенно принимая во вниманіе, что это былъ трудъ начинающаго поэта. Многое, что̀ стало предметомъ моего творчества въ позднѣйшее время: противорѣчіе между способностями и стремленіями, между волей и возможностью, противорѣчіе, составляющее трагедію и вмѣстѣ съ тѣмъ комедію человѣчества и индивида — все это проступало уже въ этой драмѣ туманными намеками". Прилагая эту общую программу къ отдѣльнымъ случаямъ, мы имѣемъ всю программу ибсеновской драматургіи. И съ этой точки зрѣнія „Катилина" дѣйствительно является первымъ звеномъ въ цѣпи драмъ Ибсена.

„Дѣйствіе въ пьесѣ носитъ характеръ чисто психологическій. Герой драмы „Катилина" женатъ на Авреліи, благородной, добросердечной, готовой на жертвы женщинѣ: но влюбляется онъ въ весталку Фурію. Послѣдняя — его злой геній, какъ Аврелія — добрый. Прошлое у Катилины крайне бурное. На совѣсти у него уже есть одна жертва — соблазненная имъ весталка Сильвія, сестра Фуріи. Фурія однако не знаетъ, что ненавидимый ею соблазнитель и виновникъ самоубійства сестры и есть самъ Катилина, — послѣдній является къ Фуріи подъ другимъ именемъ. И вотъ Фурія однажды беретъ съ него клятву отмстить соблазнителю ея сестры. Только уже послѣ того, какъ Катилина связываетъ себя страшной клятвой мести, обоимъ открывается, кто обреченъ этой клятвой на гибель. Такимъ образомъ Катилина самъ посвятилъ себя отмщенію собственной вины. Этотъ мотивъ клятвы, основанной на недоразумѣніи, не разъ затѣмъ повторяется у Ибсена („Богатырскій курганъ", „Фру Ингеръ изъ Эстрота"). Положеніе Катилины между двумя женщинами, изъ которыхъ одна (Фурія) толкаетъ его на борьбу съ Римомъ, и составляетъ содержаніе драмы. Фурія за свою грѣшную любовь, вѣрнѣе — за то, что, увлеченная любовью, даетъ погаснуть священному огню, осуждена на казнь; ее заживо погребаютъ. Но влюбленный въ нее юноша Курій освобождаетъ ее изъ склепа. И она съ этихъ поръ преслѣдуетъ Катилину, какъ тѣнь, какъ выходецъ съ того свѣта. Она—такая же возставшая изъ мертвыхъ, какъ Ирена („Когда мы, мертвецы, пробуждаемся"); въ „драматическомъ эпилогѣ", какъ называетъ Ибсенъ свою послѣднюю драму, ясно звучитъ мотивъ изъ перваго его произведенія. Два же типическихъ женскихъ образа, между которыми поставленъ герой и которые борются изъ-за господства надъ его сердцемъ, его душой, его судьбой, можно прослѣдить почти во всѣхъ произведеніяхъ Ибсена. Аврелія и Фурія повторяются въ Дагни и Іордисъ („Воители въ Гельгеландѣ"), въ Альфгильдъ и Ингеборгъ („Олафъ Лилiекрансъ"), въ Сигне и Маргитъ („Пиръ въ Сольхаугѣ"), въ Агнесъ и Гердъ („Брандъ"), въ Сольвейгъ и дочери Доврскаго дѣда („Перъ Гюнтъ"), въ Макринѣ и Еленѣ („Кесарь и Галилеянинъ"), въ Беатѣ и Ребеккѣ („Росмерсгольмъ"), въ Теѣ Эльвстедъ и Геддѣ Габлеръ („Гедда Габлеръ"), въ Алинѣ и Гильдѣ („Строитель Сольнесъ"), въ Эллѣ Рентгеймъ и фру Боркманъ („Джонъ-Габріель Боркманъ"), въ Иренѣ и Майѣ („Когда мы, мертвецы, пробуждаемся"). Фурія — типъ женщины горячей, необузданной, страстной и любящей жизнь; любовь женщинъ этого типа—сродни ненависти или даже дитя ненависти. И этотъ мотивъ: любовь вытекаетъ

изъ ненависти и ненависть вытекаетъ изъ любви (...„Душа, которую любила, ненавидя“,—говоритъ Фурія Катилинѣ),—мотивъ, который Ибсенъ въ первомъ своемъ произведеніи заставляетъ звучать съ необузданной силой, остается болѣе или менѣе постояннымъ руководящимъ мотивомъ всего его творчества. Аврелія — типъ женщины мягкой, кроткой, полной самопожертвованія и всепрощающей. Одинъ типъ находится подъ знакомъ солнца, другой — подъ знакомъ луны. Особенно любитъ поэтъ пользоваться этими двумя типами для рельефнаго противоположенія „вчера“ — „сегодня“. Подобно тому, какъ герой поставленъ между двумя женщинами, онъ поставленъ и между своимъ прошлымъ и настоящимъ.

„Внѣшнюю рамку пьесы образуетъ историческій заговоръ Катилины противъ Рима. Очевидно, тема привлекла молодого поэта заключавшимся въ ней политическимъ элементомъ, но вскорѣ внѣшнее дѣйствіе у него уступило мѣсто внутреннему. Каждый юноша переживаетъ въ своей жизни время, когда онъ мыслитъ, какъ революціонеръ, чувствуетъ себя мятежникомъ и обнажаетъ кинжалъ противъ тирановъ. И первая драма Ибсена характерна своею особою революціонною тенденціей. Въ драмѣ стремятся не къ свободѣ народа или какого-либо извѣстнаго класса общества. Рѣчь идетъ не о возстановленіи правъ угнетенныхъ. Заговорщики, во главѣ которыхъ становится крайне неохотно Катилина, — трусливые, промотавшіеся и опустившіеся молодые люди. Ибсенъ имѣетъ въ виду совсѣмъ иную свободу, за которую неутомимо ратуетъ въ своихъ произведеніяхъ — свободу индивида, право личности. Ибсенъ никогда не выступалъ въ своихъ драмахъ ни соціалистомъ ни демократомъ. Онъ всегда былъ духовнымъ аристократомъ, индивидуалистомъ. Въ началѣ XIX столѣтія Вильгельмъ Гумбольдтъ писалъ: „Истинная цѣль человѣка — наивысшее и наиболѣе гармоничное развитіе своихъ силъ для образованія цѣльной личности. Первымъ же и непремѣннымъ условіемъ такого образованія является свобода“. Эти слова Гумбольдта могли бы послужить эпиграфомъ для собранія сочиненій Ибсена. Его взглядъ на личность, на ея способность къ развитію и возможность этого развитія, на ея права и отношеніе къ себѣ самой, на ея долгъ оставаться вѣрной самой себѣ и своему внутреннему призванію и выполнить это призваніе, — этотъ взглядъ ясно и твердо намѣченъ еще въ „Катилинѣ“. И норвежскій драматургъ все больше и больше развивалъ его въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ. Весьма интересно и поучительно сравнить съ драмами Ибсена письма его, которыя приводитъ Георгъ Брандесъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ, посвященномъ Ибсену.

„Солидарности я вообще никогда особенно не сочувствовалъ. Она была для меня только своего рода традиціоннымъ credo... и если бы у насъ хватило мужества вполнѣ ее игнорировать, то, пожалуй, мы избавились бы отъ балласта, который больше всего отягчаетъ личность... Я во всякомъ случаѣ долженъ сказать: единственное, что я цѣню въ свободѣ, это — борьбу за нее: обладаніе же ею меня не интересуетъ... Борьба за свободу и есть постоянное живое усвоеніе идеи свободы. Всякое иное обладаніе свободой, исключающее постоянное стремленіе къ ней, мертво, бездушно. Вѣдь самое понятіе „свобода“ тѣмъ само по себѣ и отличается, что все расширяется по мѣрѣ того, какъ мы стараемся усвоить себѣ его. Поэтому, если кто во время борьбы за свободу остановится и скажетъ: „вотъ я обрѣлъ ее“, тотъ этимъ докажетъ лишь какъ разъ то, что утратилъ ее. Но вотъ такой-то мертвый застой, такое пребываніе на одномъ извѣстномъ достигнутомъ пунктѣ свободы и составляютъ характерную черту нашихъ государствъ, и это-то я не считаю за благо“.

„Благодаря этимъ отрывкамъ, — продолжаетъ Лотаръ: — написаннымъ много лѣтъ спустя послѣ того, какъ написанъ „Катилина“, названная драма и предстаетъ передъ нами въ надлежащемъ освѣщеніи. Свидѣтельствуютъ эти отрывки между прочимъ и о томъ, какъ рано возникли у Ибсена основныя идеи его міровоззрѣнія, какъ неотступно стремились эти идеи облечься въ надлежащую форму и какъ послѣдовательно развивалось все творчество Ибсена, исходя изъ одного пункта. У Ибсена всюду, какъ въ „Катилинѣ“, сильный стремится къ обособленію, любовь къ родинѣ и къ своему народу сродни ненависти, борьба и столкновенія переносятся изъ внѣшняго міра въ душу и сердце героя. Каждая драма Ибсена говоритъ о прогрессирующемъ проникновеніи его тѣми же идеями. Если хочешь знать свою судьбу, загляни себѣ въ душу. Я — твое око, твоя память и твой судъ надъ самимъ собою, говоритъ Фурія Катилинѣ. И такъ въ сущности говорятъ герою ибсеновскихъ драмъ всѣ дѣйствующія въ нихъ лица. И всѣ эти лица лишь — орудія въ рукахъ судьбы. Когда лучшій другъ Катилины, соблазненный демоническою Фуріей, измѣняетъ ему, Катилина говоритъ: „ты былъ лишь орудіемъ и поступилъ, какъ должно“. То же говоритъ камергеръ Братсбергъ адвокату Стенгору: „Всѣ мы орудія, и вы также — то-есть разрушающее“ („Союзъ молодежи“). Самою мощною трагедіей на эту тему (все совершается потому, что должно совершиться; мы хотимъ потому, что должны хотѣть, и противящійся — лишь краеугольный камень подъ гнѣвомъ необходимости) явилась міровая драма „Кесарь и Галилеянинъ“.

„Когда Катилинѣ становится ясно, что дѣло его проиграно, Фурія призываетъ его слѣдовать за нею въ царство тѣней. Но любовь Авреліи еще привязываетъ его къ жизни. Тогда Катилина, чтобы стать свободнымъ и умереть свободно, убиваетъ Аврелію. „Ты хотѣла приковать меня къ полужизни“,—кричитъ онъ, умирая, Авреліи. И это — первый лепетъ, первый намекъ того великаго тезиса, который начертанъ надъ сознательнымъ отношеніемъ Ибсена къ жизни: „Пусть каждый живетъ своей собственной жизнью до конца: все или ничего“.

„Будущій Ибсенъ сказывается не только въ этомъ основномъ мотивѣ драмы, но и въ мелкихъ техническихъ подробностяхъ. Драматическая техника вначалѣ очень хромаетъ: мѣсто дѣйствія то и дѣло мѣняется. Но уже въ этомъ первомъ произведеніи ясно видно, какъ поэтъ — сцена за сценой, дѣйствіе за дѣйствіемъ — ищетъ и находитъ болѣе вѣрные технические пріемы. Многіе пріемы, какъ пристрастіе къ сценамъ съ подслушиваніемъ, къ перерывамъ дѣйствія въ моменты наивысшаго напряженія (важное объясненіе, разсказъ, необходимый для выясненія положенія, прерываются изъ-за прихода третьяго лица) и неопредѣленность развязки — всѣ эти пріемы встрѣчаемъ мы и во всѣхъ послѣдующихъ драмахъ Ибсена. И какъ восходитъ солнце надъ полемъ битвы и умирающею четою — Катилиной и Авреліей, — озаряется восходящимъ солнцемъ и заключительная сцена „Привидѣній“. Какъ Катилина слѣдуетъ за увлекающей его Фуріей навстрѣчу злому року, не простясь съ Авреліей, которая въ это время спокойно занята приготовленіями къ совмѣстному съ мужемъ отъѣзду изъ Рима въ мирную провинцію, такъ и Перъ Гюнтъ внезапно оставляетъ ожидающую его въ хижинѣ Сольвейгъ. И если мы теперь наконецъ спросимъ, за что борется Катилина, во имя какихъ идеаловъ онъ собирается испепелить Римъ, изъ-за чего становится мятежникомъ и преступникомъ, то приходится отвѣтить, что борьба Катилины была борьбой за правду и свободу противъ лжи и рабства, которыя довели Римъ до паденія и гибели. „Духъ правды и свободы — вотъ столпы, вотъ устои общества“, — говоритъ Лона Гессель въ „Столпахъ общества“.

КАТИЛИНА.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Люцій Катилина, римскій патрицій.
Аврелія, его супруга.
Фурія, весталка.
Курій, родственникъ Катилины, юноша.
Манлій, старый воинъ.
Лентулъ, Кепарій, Габиній, Статилій, Цетегъ } молодые патриціи.
Амбіорикскъ, Олловико } послы аллоброговъ.
Старикъ.
Жрицы и прислужники храма Весты.
Гладіаторы и воины.
Свита пословъ аллоброговъ.
Привидѣніе Суллы.

Первое и второе дѣйствія происходятъ близъ Рима и въ самомъ Римѣ, третье — въ Этруріи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Фламиніева дорога подъ Римомъ. У дороги поросшій деревьями холмъ. Въ глубинѣ — холмы и стѣны самаго города. Вечеръ.

Катилина стоитъ на холмѣ среди кустовъ, прислонясь къ дереву.

Катилина. Я долженъ! Долженъ! Такъ повелѣваетъ
Изъ глубины души мнѣ тайный голосъ.
И я послѣдую ему. Во мнѣ
И силы есть и мужество. На нѣчто
И лучшее и высшее гожусь я,
Чѣмъ эта жизнь — рядъ наслажденій буйныхъ
И необузданныхъ страстей игра!..
Нѣтъ, нѣтъ, не этимъ утолить влеченье
И страстную душевную тоску.
Я замечтался. Мнѣ одно лишь нужно —
Забвеніе. Все кончено. Осталось
Все позади. Безцѣльна жизнь моя. (Послѣ краткой паузы)
О, гдѣ вы, юныя мои мечтанья?
Растаяли, какъ въ полдень облачка.
Раскаянье и разочарованье
Остались мнѣ; надежды ни одной. (Ударяя себя по лбу)

Стыдись же самого себя! Стыдись
И презирай себя, о, Катилина!
Ты чувствуешь: въ твоей душѣ такъ много
Таится благородныхъ силъ, а — цѣль ихъ?..
Къ чему направлены онѣ? Увы!
Лишь къ утоленью чувственныхъ желаній. (Спокойнѣе)
И все-жъ порой, какъ въ этотъ часъ вечерній,
Въ груди моей томленіе глухое...
Взгляну на городъ нашъ, на этотъ гордый,
Богатый Римъ, и безпощадно-ярко
Передо мною выступаютъ пошлость,
Ничтожество, въ которыхъ онъ погрязъ,
И голосъ внутренній кричитъ мнѣ громко:
«Проснись и мужемъ стань, о, Катилина!» (Обрывая)
Все это лишь игра воображенья,
Уединенія ночного плодъ.
Малѣйшій звукъ дѣйствительности разомъ
Сгонетъ мечты всѣ эти въ глубь души.

(Послы аллоброговъ Амбіориксъ и Олловико со своей свитой идутъ по дорогѣ къ городу, не замѣчая Катилины).

Амбіориксъ. А вотъ и цѣль стремленій нашихъ — Римъ!
Вотъ стѣны города, а вонъ тамъ къ небу
Вздымается великій Капитолій!

Олловико. Такъ это Римъ? Италіи владыка,
А скоро и Германіи и даже,
Быть-можетъ, Галліи!

Амбіориксъ. Увы, къ несчастью,
Когда-нибудь и это совершится;
Владычество же Рима безпощадно
Гнететъ къ землѣ подвластные народы.
Теперь узнаемъ, что ждетъ нашъ народъ:
Дадутъ отъ притѣснителей защиту
И миръ и правосудіе намъ здѣсь?

Олловико. Дадутъ.

Амбіориксъ. Хотѣлось бы питать надежду;
Мы вѣрнаго вѣдь ничего не знаемъ.

Олловико. Боишься ты какъ будто?

Амбіориксъ. Есть причины.
Римъ власть свою оберегалъ ревниво
Всегда; и, вспомни, правятъ гордымъ Римомъ
Не какъ у насъ — достойные вожди.
У насъ господствуетъ мудрецъ иль воинъ,
Разумнѣйшій въ совѣтѣ, первый въ битвѣ;
Такого избираемъ мы въ вожди

И въ судьи, и въ правители народа.
А здѣсь...

Катилина (кричитъ имъ съ холма).

Здѣсь властвуютъ корысть, насилье!
Лукавствомъ, кознями здѣсь власть берутъ.

Олловико. О, горе, братья, намъ! Онъ насъ подслушалъ!

Амбіориксъ (Катилинѣ).

Такъ вотъ обычай римлянъ благородныхъ?
У насъ въ долинахъ это дѣло бабье.

Катилина (спускаясь съ холма на дорогу).

Не бойтесь, — не лазутчикъ передъ вами.
Случайно я подслушалъ вашу рѣчь...
Отъ аллоброговъ вы пришли послами?
Найти здѣсь мните правосудья мечъ?
Домой верните́сь! Произволъ, неправда
Здѣсь болѣе, чѣмъ въ свѣтѣ гдѣ, царятъ.
Республикою Римъ зовется, правда,
Но цѣни рабства граждане влачатъ;
Всѣ — должники, всѣ — данники сената;
Казнитъ и милуетъ, какъ хочетъ, онъ!
Старинный духъ свободы, что̀ когда-то
Римъ оживлялъ, исчезъ какъ дымъ, какъ сонъ!
Въ рукахъ сената наша жизнь, свобода;
Какъ милость, ихъ даритъ иль продаетъ!
Корысть, насилье во главѣ народа;
Власть сильныхъ и патриція гнететъ!..

Амбіориксъ. Надеждамъ нашимъ подрѣзаешь крылья,
Всѣхъ упованій рушишь ты устой;
Скажи намъ — кто же ты?

Катилина. Я — врагъ насилья,
Свободы другъ и всѣхъ, кто подъ пятой
Всевластья стонетъ, — слабыхъ, угнетенныхъ;
Я тотъ, кто противъ сильныхъ встать готовъ!

Амбіориксъ. Твердишь о римлянахъ порабощенныхъ...
Насъ хочешь обмануть? Чтобы въ рабовъ
Народъ свободный, гордый обратился!..
Иль не попрежнему Римъ — слабыхъ щитъ,
Гроза тирановъ? Съ славою простился?

Катилина (указывая на городъ).

Гляди — тамъ съ высоты врагамъ грозитъ,
Какъ прежде, Капитолій нашъ священный,
Сіяньемъ златопламеннымъ горя,
Послѣдними лучами озаренный;
То — Рима самого вечерняя заря!

Ползетъ ночная тьма къ его свободѣ,
И весь онъ погрузится въ мракъ готовъ.
Но солнце вновь на римскомъ небосводѣ
Взойдетъ и сброситъ съ Рима тьмы покровъ! (Уходитъ).

Портикъ въ Римѣ.

Лентулъ, Статилій, Кепарій и Цетегъ выходятъ, оживленно бесѣдуя.

Кепарій. Ты правъ; становится что̀ день — то хуже;
И чѣмъ все кончится — не знаю самъ.
Цетегъ. А мнѣ и въ голову-то не приходитъ
Мысль о концѣ. Живу я настоящимъ,
Пью чашу наслажденія до дна,
И пусть вся жизнь идетъ хоть вкривь, хоть вкось!
Лентулъ. Кто можетъ разсуждать такъ — счастливъ! Мнѣ же
Способности счастливой не дано —
Ждать равнодушно дня, когда лишимся
Послѣдняго.
Статилій. И проблеска надежды
На лучшее не остается намъ,
Хотя нашъ образъ жизни, молвить правду...
Цетегъ. Ахъ, замолчи!
Лентулъ. Сегодня я лишился
Послѣдней цѣнной вещи изъ наслѣдства
Отцовскаго, — долги, долги!..
Цетегъ. Довольно!
Прочь жалобы и вздохи! Всѣ за мной —
Въ попойкѣ беззаботной ихъ утопимъ!
Кепарій. Да, да! Идемъ, друзья, повеселимся!
Лентулъ. Постой, — вонъ старый Манлій... Пасъ, какъ видно,
Онъ ищетъ, по обыкновенью...
Манлій (быстро входитъ, взволнованный). Горе!
Проклятье вамъ, лукавыя собаки!
Забыли вы, что̀ значитъ справедливость!
Лентулъ. Въ чемъ дѣло? Чѣмъ ты огорченъ такъ, Манлій?
Статилій. Иль и тебя ростовщики терзаютъ?
Манлій. Совсѣмъ не то. Внимайте! Вѣрно, всѣмъ вамъ
Извѣстно, что служилъ я въ войскѣ Суллы
И выслужилъ клочокъ земли въ награду.
По окончаніи войны и жилъ я,
Кормясь доходомъ скуднымъ съ той земли.
Теперь ее вдругъ отняли! Предлогъ?..
Должны всѣ государственныя земли

Возвращены быть государству, — нужно
Ихъ равномѣрнѣе распредѣлить!
Но это попросту разбой! Хотятъ
Лишь собственную жадность утолить!
Кепарій. Вотъ такъ права всѣ наши попираютъ!
Что власть имущимъ вздумается, то
И дѣлаютъ они!
Цетегъ (весело). Бѣдняга Манлій!
Но на меня обрушился ударъ
Потяжелѣе. Ливія красотка
Меня покинула какъ разъ теперь,
Когда, по милости ея, спустилъ я
Послѣднее, что было у меня!
Статилій. Твоя же расточительность виною
Твоей бѣды.
Цетегъ. Ищи вину, гдѣ хочешь;
Но не умѣрю я своихъ желаній,
Ихъ буду утолять, пока возможно.
Манлій. А я, борецъ за честь, за власть и силу,
Которыми теперь они кичатся,
Я вынужденъ!.. О, будь теперь со мною
Соратниковъ дружина удалая!
Увы! въ живыхъ нѣтъ большинства, другіе
Разсѣяны по всѣмъ концамъ страны!..
Вамъ, поколѣнье юное, далеко
До тѣхъ борцовъ! Вы гнетесь передъ силой.
Въ васъ мужества — расторгнуть цѣпи — нѣтъ!
Смиренно иго рабское несете!
Лентулъ. Клянусь богами — хоть намъ и обидно,
Но правда есть въ его рѣчахъ.
Цетегъ. Да, да!
Должны ему отдать мы справедливость.
Но какъ же быть? За что намъ ухватиться?
Вотъ дѣло въ чемъ!
Лентулъ. Что правда — правда. Слишкомъ
Мы долго этотъ гнетъ переносили.
Пора намъ сбросить цѣпи, что надѣли
На насъ несправедливость и тиранство!
Статилій. Я понимаю, Лентулъ, мысль твою.
Но, если такъ, намъ нуженъ предводитель,
Не только храбрый, но съ большимъ умомъ.
Гдѣ взять такого?
Лентулъ. Одного я знаю,
За кѣмъ могли бы мы пойти безъ страха.

Манлій. О Катилинѣ говоришь?
Лентулъ. О немъ.
Цетегъ. Да, Катилина... онъ, пожалуй, годенъ.
Манлій. Я Катилину знаю. Другомъ былъ
Съ отцомъ его я много лѣтъ; бокъ-о-бокъ
Мы съ нимъ не разъ дрались на полѣ битвы.
Его сопровождалъ въ походахъ сынъ.
Былъ необузданъ, своеволенъ мальчикъ,
Но дарованья рѣдкія являлъ
Ужъ и тогда; былъ надѣленъ великой
Душой и мужествомъ неколебимымъ.
Лентулъ. Онъ къ намъ примкнетъ, я думаю, охотно.
Я встрѣтился съ нимъ вечеромъ вчера;
Онъ сильно былъ разстроенъ, озабоченъ.
Давно обдумываетъ что-то онъ;
Какимъ-то смѣлымъ планомъ занятъ.
Статилій. Какъ же!
Онъ мѣтитъ въ консулы.
Лентулъ. Не попадетъ!
Его враги въ сенатѣ такъ напали
Сегодня на него и разгромили,
Что вышелъ онъ оттуда разъяренный,
Пылая жаждой мести.
Статилій. Такъ, навѣрно,
Онъ будетъ съ нами заодно.
Лентулъ. Надѣюсь.
Но прежде надо намъ между собою
Все обсудить. И часъ благопріятенъ. (Уходятъ).

Храмъ Весты въ Римѣ. Въ глубинѣ жертвенникъ и на немъ лампада со священнымъ огнемъ.
Катилина въ сопровожденіи Курія тихонько крадется между колоннъ.

Курій. Куда меня привелъ ты, Катилина?
Въ храмъ Весты!
Катилина (смѣясь). Да, какъ видишь самъ.
Курій. Но, боги!
Какое легкомысліе! Сегодня,
Сегодня только Цицеронъ громилъ
Тебя въ сенатѣ, ты-жъ опять...
Катилина. Забудемъ!
О чемъ тутъ вспоминать!
Курій. Тебѣ опасность
Грозитъ, а ты о ней не хочешь помнить,
Стремишься въ худшую еще попасть!

Катилина (весело). Что дѣлать! Перемѣна — страсть моя.
Я не вкушалъ еще любви весталки —
Запретнаго плода; и вотъ сюда
Явился счастья попытать.
Курій. Возможно-ль!
Нѣтъ, нѣтъ, надѣюсь, это — шутка!
Катилина. Шутка?
Пожалуй, — какъ всегда любовь моя.
Но что сказалъ я, то сказалъ не въ шутку.
На празднествахъ послѣднихъ проходила
Процессія весталокъ черезъ площадь,
И на одну изъ нихъ упалъ случайно
Мой взглядъ; въ отвѣтъ поймалъ я взоръ блестящій...
Проникъ онъ въ глубину души моей!
Такого выраженія, какъ въ этихъ
Очахъ весталки черныхъ, я ни разу
Ни у одной изъ женщинъ не видалъ!
Курій. Я вѣрю, вѣрю. Но что-жъ было дальше?
Катилина. Я доступъ въ храмъ сумѣлъ себѣ открыть
И видѣлся не разъ съ моей весталкой
Какая разница межъ ней и кроткой
Моей Аврелією!
Курій. Такъ ты обѣихъ,
Обѣихъ разомъ любишь?.. Я тебя
Не понимаю.
Катилина. И не диво, Курій!
Я самъ себя не понимаю. Знаю
Одно лишь — что я ихъ люблю обѣихъ,
Какъ ты сказалъ. Но разною любовью.
Аврелія голубка тихимъ словомъ
Умѣетъ бурный духъ мой укрощать,
А Фурія... Тсс! кто-то входитъ. Спрячься!

(Оба прячутся за колоннами).

Фурія (входитъ съ другой стороны).
О, храмины проклятыя! Нѣмыя
Свидѣтельницы тяжкихъ, мрачныхъ дней!
Надеждъ и мыслей искры всѣ живыя
Погасли навсегда въ душѣ моей!
Охваченное дрожью ледяною,
Порой трепещетъ сердце, стынетъ кровь...
Но вдругъ вскипитъ и лавой огневою,
Мятежной къ сердцу устремится вновь!..
О, рокъ мой! За какія прегрѣшенья
Меня ты приковалъ здѣсь къ алтарю?

Изъ жизни вырвалъ свѣтлыя мгновенья,
Весны и счастья погасилъ зарю?
Неизлѣчимую нанесъ мнѣ въ сердце рану
И ядомъ отравилъ всю жизнь мою?.
Но жребій свой оплакивать не стану,—
Я ненависть и месть въ груди таю!..

Катилина (входитъ).

Ты и ко мнѣ иныхъ чувствъ не питаешь?

Фурія. О, боги! Дерзкій! Ты опять здѣсь! Или
Ты не боишься?..

Катилина. Я не знаю страха.
Опасностью пренебрегать и вызовъ
Бросать судьбѣ — вотъ страсть моя!

Фурія. Прекрасно
И гордо! Страсть твою я раздѣляю.
И ненавижу этотъ храмъ тѣмъ болѣ
За то, что жизнь течетъ здѣсь такъ спокойно,
Въ стѣнахъ его опасностямъ нѣтъ мѣста...
О, эта праздная, пустая жизнь,
Существованье тусклое, какъ пламя
Лампады, угасающей безъ масла!..
Какъ тѣсно здѣсь для полноты моихъ
Широкихъ цѣлей, пламенныхъ желаній!
Простора эти стѣны не даютъ,
Тѣснятъ и давятъ; жизнь здѣсь цѣпенѣетъ;
Надежда гаснетъ; день бредетъ сопливо;
Мысль въ дѣло не стремится перейти!

Катилина. Какое дивное сродство межъ нами!
Я слышу эхо собственныхъ страстей!
Ты чертишь огненными письменами
Стремленья бурныя души моей.
И это сердце, какъ твое, мятется;
Въ горнилѣ ненависти и оно
Закалено; и мнѣ не остается
Надежды въ жизни; цѣли нѣтъ давно!..
Но я таю свою тоску и муку;
Никто не знаетъ — что кипитъ во мнѣ!
Презрѣніе и ненависть внушаю
Я имъ... тѣмъ жалкимъ людямъ. Гдѣ понять имъ,
Какъ бьется сердце горячо въ груди
Во имя справедливости, свободы
И всѣхъ высокихъ, благородныхъ чувствъ,
Когда-либо одушевлявшихъ римлянъ!

Фурія. Я знала! Созданы мы другъ для друга!

Въ душѣ твоей, ни въ чьей иной, найду я
Мнѣ родственную душу, — такъ мнѣ голосъ
Вѣщаетъ внутренній, что никогда
Не ошибается, въ обманъ не вводитъ.
И онъ зоветъ насъ, этотъ голосъ, — слышишь?

Катилина. Что хочешь ты сказать? Куда зоветъ онъ,
Прекрасная мечтательница?

Фурія. Прочь
Отсюда и какъ можно дальше, дальше!
Здѣсь гордый духъ подъ гнетомъ, и заказанъ
Ему полетъ свободный; гаситъ пошлость
Здѣсь искру мысли свѣтлой; не даетъ
Огнемъ ей разгорѣться благороднымъ.
Бѣжимъ! Свободный духъ — повсюду дома;
Отечество ему — весь кругъ земной!

Катилина. Въ твоихъ рѣчахъ чарующая сила...

Фурія. О, не дадимъ же улетѣть мгновенью!
Воспользуемся имъ — бѣжимъ скорѣй
Въ заоблачныя выси, черезъ горы,
Далеко за море — отъ Рима дальше!..
Друзья тебѣ вослѣдъ пойдутъ толпою;
Въ странѣ далекой родину найдемъ;
Свободной жизнью заживемъ съ тобою,
Въ любви взаимной счастье обрѣтемъ!

Катилина. О, радость! Но зачѣмъ бѣжать должны мы?
И здѣсь огонь свободы можетъ вспыхнуть;
Найдется поле для борьбы и дѣла
И здѣсь — подстать душѣ твоей великой.

Фурія. Здѣсь, въ этомъ жалкомъ Римѣ, гдѣ лишь рабство
И произволъ, а истинной свободѣ
Нѣтъ мѣста? Иль и ты принадлежишь
Къ числу людей, что могутъ, не краснѣя,
О славномъ прошломъ Рима вспоминать?
Кто властвовалъ здѣсь прежде и кто нынѣ?
Избранники народные, герои —
Тогда, рабы рабовъ — *теперь*!..

Катилина. Глумись,
Коль хочешь, надо мной и ты, но знай:
Чтобъ Риму сохранить свободу, чтобы
Хоть разъ еще онъ озарился славой,
Какъ въ дни былые, — съ радостью бы въ пропасть
Я бросился, какъ Курцій!

Фурія. Вѣрю, вѣрю.
Тебѣ лишь одному я вѣрю. Взоръ твой

Горитъ огнемъ; ты правду говоришь.
Но уходи, — сейчасъ другія жрицы
Придутъ смѣнить меня.
Катилина. Я ухожу,
Но лишь затѣмъ, чтобы вернуться снова.
Меня къ тебѣ влечетъ волшебной силой, —
Тебѣ подобныхъ женщинъ не видалъ я.
Фурія (съ зловѣщей усмѣшкой).
Такъ обѣщай одно мнѣ и клянись,
Что сдержишь свой обѣтъ. Готовъ ты, Люцій?
Катилина. На все готовъ, что̀ Фурія прикажетъ;
Повелѣвай — какой обѣтъ мнѣ дать?
Фурія. Такъ слушай! Какъ въ плѣну я здѣсь живу,
Но знаю, обитаетъ въ Римѣ нѣкто,
Кого я ненавидѣть поклялась
До смерти, мстить ему и за могилой!.
Катилина. И что-жъ?
Фурія. Клянись, что врагъ мой и твоимъ
Врагомъ отнынѣ и до смерти будетъ!
Катилина. Клянусь великими богами! Тѣнью
Отца клянусь и памятью священной
Усопшей матери!.. Но что̀ съ тобой?
Огнемъ безумнымъ взоръ горитъ, и блѣденъ,
Какъ мраморъ, ликъ... О, что̀ съ тобой, скажи!
Фурія. Сама не знаю... Пламенный потокъ
Бѣжитъ по жиламъ... Но докончи клятву!
Катилина. Обрушьте, боги, на меня весь гнѣвъ свой,
Испепелите молніей меня,
Коль я нарушу клятву — ненавидѣть
И гнать врага, какъ демонъ, безпощадно!
Фурія. Довольно, вѣрю. Тяжесть спала съ сердца.
Тебѣ вручаю месть мою отнынѣ.
Катилина. Я отомщу. Но кто твой врагъ и въ чемъ
Вина его?
Фурія. Близъ Тибра береговъ,
Вдали отъ шума городского, дѣтство
Мое прошло въ тиши родного крова.
Росла любимая сестра со мной;
Ее отъ колыбели посвятили
Богинѣ Вестѣ. Но въ пріютъ нашъ тихій
Проникъ одинъ презрѣнный человѣкъ,
Увидѣлъ будущую жрицу...
Катилина (пораженный). Жрицу?
Скажи... Нѣтъ, продолжай!

Фурія. Ее увлекъ онъ
И погубилъ, — ей Тибръ могилой сталъ.
Катилина (тревожно). Его ты знаешь?
Фурія. Нѣтъ, его ни разу
Я не видала. Обо всемъ узнала
Тогда лишь я, когда ужъ поздно было.
Теперь я знаю, какъ его зовутъ.
Катилина. Скажи!
Фурія. То имя громкое. Зовется
Онъ Катилиной.
Катилина (отшатываясь). Что ты говоришь?
О, ужасъ! Фурія...
Фурія. Приди въ себя!
Ты побѣлѣлъ въ лицѣ весь... Что съ тобою?
Иль этотъ человѣкъ — твой другъ, мой Люцій?
Катилина. Мой другъ? О, нѣтъ, не другъ онъ больше мнѣ.
Я проклялъ... ненавидѣть поклялся
Я — самого себя!
Фурія. Ты — Катилина!?
Катилина. Я — Катилина.
Фурія. Сильвіи убійца!..
Такъ Немезида вопль мой услыхала!
Ты самъ проклятье на себя обрушилъ,
Призвалъ на голову свою возмездье!
Катилина. Твой взоръ застывшій ледянитъ меня.
Ты — Сильвіей, возставшею изъ гроба,
Мнѣ кажешься при этомъ тускломъ свѣтѣ!

(Бросается бѣжать къ выходу; лампада со священнымъ огнемъ гаснетъ).

Фурія (послѣ нѣкоторой паузы).
Теперь я понимаю. Съ глазъ монхъ
Упала пелена, во тьмѣ я вижу.
То чувство странное, что охватило
На площади меня, когда его
Я въ первый разъ узрѣла, тотъ огонь,
Какъ молнія по жиламъ пробѣжавшій,
То — ненависть была. О, пусть же онъ
Теперь узнаетъ, что измыслить можетъ
Такая ненависть, чтобъ месть насытить!..
Весталка (входитъ). Пришла я, Фурія, смѣнить тебя;
Окончено твое ночное бдѣнье...
Но, мощная богиня... что я вижу!
Погасъ огонь священный! Горе! Горе!
Фурія (вић себя). Погасъ, ты говоришь? Нѣтъ, нѣтъ! Такъ ярко
Онъ не пылалъ еще!

Весталка. О, силы неба!
Что это значитъ?..
Фурія. Нѣтъ, не такъ-то скоро
Огонь, зажженный ненавистью, гаснетъ!
Огонь любви, тотъ вспыхнетъ на мгновенье,
Чтобъ въ слѣдующій мигъ опять угаснуть
А ненависть...
Весталка. Охвачена безумьемъ! (Кричитъ)
Сюда! Сюда! На помощь! Всѣ сюда!
(Вбѣгаютъ остальныя весталки и храмовые прислужники).
Нѣкоторыя. Что здѣсь за крикъ?
Другія. Погасъ огонь священный!
Фурія. Но пламя ненависти, мести пышетъ!
Весталки. Прочь, прочь ее! На судъ, на казнь ведите!
(Уводятъ Фурію).

Курій (выходитъ изъ-за колоннъ).
Ее въ темницу увели. Оттуда-жъ
Одна дорога — заживо въ могилу!
Но ей ли, горделивѣйшей изъ женщинъ,
Быть погребенной заживо? Нѣтъ, нѣтъ!
О, никогда еще такого чувства
Я не испытывалъ въ душѣ своей.
Любовь ли это? Да! И я отъ смерти
Спасу ее, клянусь!.. А Катилина?..
Она преслѣдовать не перестанетъ
Его своею ненавистью, местью.
И такъ враговъ у Катилины много...
Еще умножить ихъ число я смѣю-ль?
Онъ съ дѣтства для меня былъ старшимъ братомъ;
Признательности долгъ повелѣваетъ
Мнѣ быть ему защитой. Но любовь?
Она велитъ мнѣ что? И Катилинѣ-ль
Отважному бояться женской мести!
Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣе къ дѣлу приступить!
Не бойся, Фурія! Я изъ могилы
Тебя освобожу для жизни новой—
Хотя бы стоило то жизни мнѣ! (Быстро уходитъ).

Зала въ домѣ Катилины.

Катилина (входитъ поспѣшно въ волненіи).
«Такъ Немезида вопль мой услыхала!
Ты самъ проклятье на себя обрушилъ,
Призвалъ на голову свою возмездье...» —
Мечтательница изрекла. Быть-можетъ,

То — предсказанье, предостереженье?..
Итакъ, себя связалъ я страшной клятвой —
Стать мстителемъ за собственный свой грѣхъ.
О, Фурія! И до сихъ поръ я вижу
Твой молніеносный взглядъ, подобный взору
Самой богини смерти. Раздаются
Въ ушахъ зловѣщія слова твои;
А клятвы я до смерти не забуду!

(Во время слѣдующаго монолога входитъ Аврелія и приближается къ Катилинѣ, не замѣчаемая имъ)

Но глупо дальше размышлять объ этомъ
Безуміи; да, то безумьемъ было.
Я помыслы свои могу направить
По лучшему пути; могу поставить
Достойнѣйшую цѣль своимъ стремленьямъ.
Зоветъ къ борьбѣ великой наше время;
Но упованій и сомнѣній бремя
Гнететъ мнѣ душу...

Аврелія (схвативъ его за руку). Развѣ раздѣлить
Его съ тобой я не могу? Причины
Узнать того, что такъ гнететъ тебя?
Разгладить на челѣ твоемъ морщины,
Тебя утѣшить, приласкать, любя?

Катилина (мягко). Аврелія! Ты — доброта и кротость.
Но смѣю-ль омрачать я жизнь твою,
Тебя въ свои заботы посвящая?
Иль мало ты изъ-за меня страдала?
Отнынѣ голову свою повинь буду
Я подъ удары рока подставлять,
Одинъ нести вражду, проклятье,
Что связано съ великой силой духа
И жгучей жаждою великихъ дѣлъ —
Когда для этой силы, этой жажды
Простора нѣтъ въ условьяхъ жалкихъ жизни.
Такъ и тебя ужели къ горькой чашѣ
Моей судьбы я долженъ пріобщить?

Аврелія. Любить и утѣшать — призванье наше;
Намъ подвиговъ великихъ не творить.
Когда, мечтою гордой вдохновленный,
Вступаетъ мужъ въ жестокую борьбу
И, неудачами глубоко удрученный,
Разочарованный, клянетъ судьбу,
Жена любовно кроткими рѣчами
Ему бальзамъ на раны сердца льетъ.

Жизнь мирная дарить такими днями,
Какихъ жизнь бурная намъ не даетъ.

Катилина. Да, ты права, — я чувствую, но мнѣ
Отъ жизни, полной бурь, не оторваться.
Тревога вѣчная въ груди моей
И умолкаетъ лишь въ борьбѣ и схваткѣ.

Аврелія. Любовь твоей Аврелін не можетъ
Наполнить жизнь твою; твой духъ мятежный
Ей умиротворить не суждено, —
Такъ сердце хоть открой ея участью,
Прислушайся хоть къ слову утѣшенья.
Пускай не въ силахъ я унять тревогу
Иль гордыхъ мыслей раздѣлить полетъ;
Зато сумѣю раздѣлить всѣ скорби;
Во мнѣ и силъ и мужества довольно!

Катилина. Такъ знай же, что̀ меня такъ угнетаетъ,
Волнуетъ эти дни. Давно ужъ тщетно
Я добиваюсь консульства. Ты знаешь,
Чтобъ обезпечить голоса себѣ,
Я расточилъ...

Аврелія. Не говори, — мнѣ больно.

Катилина. И ты мой образъ дѣйствій осуждаешь?
Другого, лучшаго не зналъ я средства.
Но расточилъ свое добро я даромъ,
Насмѣшки только и позоръ стяжалъ.
Еще сегодня Цицеронъ, мой недругъ,
Въ сенатѣ съ грязью смѣшивалъ меня.
Онъ въ рѣчи вопіющую картину
Моей всей жизни далъ и содрогнуться
Заставилъ самого меня. И ужасъ
Во взорахъ всѣхъ читалъ я; съ отвращеньемъ
Произносилось имя Катилины.
Къ потомству перейдетъ оно, и будетъ
Съ нимъ связано навѣки представленье
О человѣкѣ — смѣси всѣхъ пороковъ,
Въ которомъ сочеталось буйство нрава
Съ ничтожествомъ душевнымъ и враждою,
Презрѣньемъ ко всему, что̀ благородно.
И никакому подвигу не смыть
Клейма, наложеннаго клеветою!
Всѣ будутъ вѣрить слухамъ и молвѣ...

Аврелія. Но я, супругъ мой, слухамъ тѣмъ не вѣрю.
Пусть осуждаетъ цѣлый свѣтъ тебя,
Пусть голову твою позоромъ кроетъ, —

Я знаю, въ глубинѣ души таишь ты
Ростки, способные дать цвѣтъ и плодъ.
Но здѣсь имъ не пробиться, — заглушатъ ихъ
Здѣсь плевелы. Покинемъ этотъ край,
Отечество пороковъ. Что тебя
Привязываетъ здѣсь? Зачѣмъ намъ долѣ
Здѣсь оставаться?

Катилина. Какъ? Своимъ врагамъ
Оставить долженъ безъ борьбы я поле?
Мнѣ отъ великихъ плановъ отступиться?
Вѣдь утопающій—хоть на спасенье
Надежды мало—изъ послѣднихъ силъ
За остовъ, уцѣлѣвшій отъ крушенья,
Цѣпляется: когда-жъ и остовъ этотъ,
А съ нимъ оплотъ послѣдній всѣхъ надеждъ
Размечутъ и поглотятъ злыя волны,
Доски послѣдней онъ не выпускаетъ
Изъ рукъ своихъ и ко дну съ ней идетъ!

Аврелія. Но если берегъ вдругъ мелькнетъ зеленый,
Гостепріимный за гребнями волнъ, —
Не вступитъ ли съ пучиною соленой
Онъ вновь въ борьбу, надежды новой полнъ,
Не устремится-ль къ гавани, сулящей
Пріютъ надежный, отдыхъ и покой?..
Тамъ тишина царитъ и миръ, цѣлящій
Истерзанныя души; за волной
Волна катится къ берегу безъ шума,
Безъ рокота; тамъ манитъ отдохнуть
Трава зеленая, тамъ скорби дума
Разсѣется, вздохнетъ свободнѣй грудь,
И вѣтеръ благовонный и прохладный
Съ чела прогонитъ тѣнь заботъ, скорбей,
Навѣетъ скоро въ душу миръ отрадный,
Забвеніе минувшихъ черныхъ дней.
Отъ жизни бурь лишь отзвукъ отдаленный
Въ пріютъ тотъ тихій будетъ долетать,
И миръ души, тобою обрѣтенный,
Не въ силахъ будетъ онъ поколебать.
Лишь укрѣпитъ онъ этотъ миръ и радость,
Будя о мрачномъ прошломъ память въ насъ.
Оцѣнимъ тѣмъ полнѣй мы мира сладость,
Благословимъ покоя каждый часъ!

Катилина. Ты правду говоришь, и въ этотъ мигъ
Послѣдовать я могъ бы за тобою...

Бѣжать отъ шума и борьбы житейской.
Но укажи мнѣ уголокъ такой,
Гдѣ мы съ тобою зажили-бъ въ тиши?

Аврелія (радостно). Ты могъ бы, Катилина?.. О, блаженство!..
Его вмѣстить почти не въ силахъ грудь!
О, пусть же будетъ такъ! Сегодня-жъ ночью
Отправимся...

Катилина. Куда? Ты назови
Мѣстечко, гдѣ пріютъ найти могу я
И полный отдыхъ для души усталой.

Аврелія. Иль ты забылъ отцовъ моихъ наслѣдье,
Тотъ уголокъ, гдѣ провела я дѣтство
И гдѣ мы, въ пору перваго расцвѣта
Любви взаимной, пережили столько
Счастливыхъ лѣтнихъ дней? Трава росла ли
Пышнѣе гдѣ, чѣмъ тамъ? А въ лѣтній зной
Лѣса—гдѣ большею прохладою дышали?
Бѣлѣетъ домикъ въ зелени густой
И манитъ насъ подъ кровъ свой безмятежный.
Тамъ мы съ тобой узнаемъ сельскій трудъ
И радости простыя. Лаской нѣжной
Тебѣ я скрашу скромный тотъ пріютъ,
Разсѣю поцѣлуями своими
Твои заботы всѣ и грусть твою! (Улыбаясь)
Войдешь ко мнѣ съ цвѣтами полевыми
Привѣтствовать владычицу свою—
Тебѣ я честь воздамъ, о, мой владыка,
Тебѣ надѣну лавровый вѣнокъ.
Но ты блѣднѣешь... взоръ блуждаетъ дико...
Мнѣ руку жмешь!..

Катилина. Въ тотъ тихій уголокъ
Тебя не увезу ужъ никогда я...
О, горе мнѣ, Аврелія, о, срамъ!
Дѣйствительность позорная и злая,
Увы, не дастъ расцвѣсть твоимъ мечтамъ.

Аврелія. Меня пугаешь ты, мой Катилина!
Но это шутка лишь? Скажи — вѣдь такъ?

Катилина. О, если-бъ это шуткою лишь было!
Но слово каждое твое пронзаетъ,
Какъ мести заостренная стрѣла,
Измученную грудь, которой въ жизни
Покоя больше не знавать.

Аврелія. О, боги!
Что̀ хочешь ты сказать?

Катилина. Смотри же — вотъ
Родной твой домъ, мечты о тихой жизни!
(Вынимаетъ кошель съ золотомъ и бросаетъ его на столъ).
Аврелія. Ты продалъ?..
Катилина. Я сегодня продалъ все.
И для чего? Для подкупа...
Аврелія. Не надо!
Не говори! Не будемъ даже думать
Объ этомъ больше,—скорбь лишь будятъ думы.
Катилина. Твое терпѣнье кроткое пронзаетъ
Больнѣй мнѣ душу, чѣмъ ее пронзилъ бы
Крикъ боли громкій, съ устъ твоихъ слетѣвшій.
(Входитъ старый солдатъ и приближается къ Катилинѣ).
Солдатъ. Прости, мой господинъ, что поздно такъ
И безъ доклада я къ тебѣ явился;
Не гнѣвайся...
Катилина. Что надобно тебѣ?
Солдатъ. Съ мольбой смиренною я обратиться
Хочу къ тебѣ. Ты выслушаешь, вѣрно.
Я бѣдный человѣкъ, свои всѣ силы
Потратившій на службѣ Риму. Нынѣ
Сталъ слабъ я, болѣе служить не въ силахъ,
Оружіе мое ржавѣетъ праздно.
Надеждой старости моей былъ сынъ, —
Трудами рукъ своихъ меня кормилъ онъ.
Увы! Теперь онъ за долги въ темницѣ...
И вызволить его у насъ нѣтъ средствъ. (Преклоняя колѣни)
О, помоги, мой господинъ! Молю я
О милостынѣ скромной. Я хожу
Изъ дома въ домъ, но заперты всѣ двери.
Не знаю больше я, къ кому прибѣгнуть.
Катилина. На нихъ похоже! И въ такой нуждѣ
Здѣсь не одинъ, а сотни сотенъ. Такъ-то
Вознаграждаетъ Римъ неблагодарный
За храбрость, вѣрность старыя войска.
Я въ справедливомъ гнѣвѣ мстить тиранамъ
Хотѣлъ огнемъ, мечомъ, но утишили
Слова любви и кротости мой гнѣвъ.
Я не хочу карать. Утѣшить въ горѣ,
Помочь страдальцу — тоже дѣло чести.
Вотъ, старый воинъ — заплати долги.
(Протягиваетъ ему кошель съ золотомъ).
Солдатъ (встаетъ), О, добрый господинъ! Повѣрить смѣю-ль...
Катилина. Да, да, старикъ. Ступай, освободи

Надежду старости своей скорѣе. (Солдатъ поспѣшно уходитъ).
Не правда ли, Аврелія, такъ лучше,
Чѣмъ если-бъ золото пошло на подкупъ?..
Прекрасно раздавить тирановъ силу,
Но дѣло милосердія прекраснѣй.

Аврелія (бросаясь въ его объятія).
Твоя душа богата, благородна!
Я снова Катилину узнаю!

Подземный склепъ съ свѣже-замурованнымъ отверстіемъ наверху. Тускло горитъ свѣтильникъ.
Фурія въ длинномъ черномъ одѣяніи стоитъ, словно прислушиваясь.

Фурія. Я слышу гулъ глухой. Гроза, должно-быть,
Грохочетъ наверху тамъ; даже здѣсь,
Въ могилѣ, отдается. А могила
Сама безмолвна и тиха. Ужели
Здѣсь ждетъ меня тяжелый вѣчный сонъ?
Ужели мнѣ не вырваться на волю,
Къ чему всю жизнь свою стремилась я? (Помолчавъ)
Какая необычная судьба!
Звѣздой падучей жизнь вся промелькнула.
Мы встрѣтились. Таинственная сила,
Созвучье душъ насъ бросило другъ къ другу.
Была я для него богиней мести,
А онъ — моею жертвой; но постигло
И мстительницу самоё возмездье. (Снова помолчавъ)
Тамъ наверху свѣтло теперь. А я,
Быть-можетъ, незамѣтно удаляюсь
Отъ свѣта навсегда? О, счастье, если
Мое томленіе въ могильныхъ нѣдрахъ
Есть въ сущности полетъ на крыльяхъ вѣтра
Въ край мрака, къ Стикса берегамъ широкимъ!
Свинцовыя тяжелыя въ немъ воды,
Харонова ладья скользитъ безшумно.
Я скоро буду тамъ. И молча сяду
У переправы, вопрошая каждый
Безплотный духъ, чуть видимую тѣнь,
Которые изъ царства жизни будутъ
Скользить къ рѣкѣ, текущей въ царство смерти.
Я буду спрашивать, какъ поживаетъ
Тамъ на землѣ должникъ мой Катилина,
Какъ держитъ данную мнѣ клятву мести!
Я сѣрный факелъ буду подносить
Къ ввалившимся очамъ всѣхъ мертвецовъ, —

Не Катилину-ль вижу предъ собою!
Когда же наконецъ и онъ придетъ,
Мы переправу совершимъ съ нимъ вмѣстѣ,
Передъ Плутономъ объ руку предстанемъ.
И, тѣнью ставъ, я тѣнь его узнаю
И не разстанусь съ ней; гдѣ Катилина,
Тамъ быть всегда и Фурія должна!

(Помолчавъ, ослабѣвшимъ голосомъ)

Становится удушливѣе воздухъ
И гуще мракъ... Мнѣ тяжело дышать.
Я приближаюсь къ тѣмъ болотамъ чернымъ,
Откуда вытекаетъ сонный Стиксъ...

(Прислушивается къ глухому шуму)

Какой-то шумъ? Удары веселъ будто?..
Иль это перевозчикъ мертвыхъ самъ
Спѣшитъ ко мнѣ? Нѣтъ, *здѣсь* хочу я ждать!

(Камни, замуровывавшіе отверстіе, раздвигаются, и въ отверстіе показывается Курій. Онъ киваетъ Фуріи).

Фурія. Привѣтъ тебѣ, Харонъ! Уже явился
Меня къ Плутону въ гости отвезти?
Но нѣтъ! Я здѣсь хочу остаться ждать!

Курій (шопотомъ). Молчи! Молчи! Спасти тебя пришелъ я!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Зала въ домѣ Катилины; въ глубинѣ открытая колоннада. Зала освѣщена лампой.

Катилина, Лентулъ и Цетегъ.

Катилина (ходитъ взадъ и впередъ по залѣ).
Нѣтъ, нѣтъ! Не понимаете вы сами,
Чего вы требуете отъ меня.
Предательски гражданскую войну,
Междоусобицу поднять здѣсь? Кровью
Своихъ согражданъ руки обагрить?
Нѣтъ, никогда! Ужъ лучше оставаться
Мнѣ жертвой клеветы и осужденья.

Лентулъ. Такъ ты не хочешь?

Катилина. Не хочу.

Цетегъ. Не хочешь?
Иль не за что и не къ кому тебѣ
Кипѣть враждою и желаньемъ мести?

Катилина. Пусть мститъ, кто хочетъ, я не буду. Впрочемъ,
Презрѣніе нѣмое — та же месть.
Оно моею местью пусть и будетъ.

Цетегъ. Къ тебѣ не во-время пришли мы, видно.

Но завтра утромъ ты, надѣюсь, будешь
Судить совсѣмъ иначе.

Катилина. Почему?

Цетегъ. Да слухи странные по Риму ходятъ...
Какъ разъ сегодня къ смерти присудили
Одну весталку...

Катилина (пораженный). Что ты говоришь!..

Лентулъ. Да, да; и шопотомъ передается
Изъ устъ въ уста...

Катилина. Ну, что же, что же?

Цетегъ. Будто
Замѣшанъ въ этомъ темномъ дѣлѣ ты.

Катилина. И вѣрятъ этому?

Лентулъ. Гм... слухъ таковъ.
Для насъ, друзей твоихъ, конечно, въ этомъ
Нѣтъ ничего такого... Но народъ —
Ты знаешь, Катилина — судитъ строже.

Катилина (задумчиво). И умерла она?

Цетегъ. Сомнѣнья нѣтъ.
И часъ пробыть въ той каменной могилѣ
Достаточно...

Лентулъ. Да, да! Но насъ не то
Заставило заговорить о ней.
Ты о себѣ подумай, Катилина!
Ты добивался консульства и строилъ
Свое благополучіе на этой
Надеждѣ хрупкой. Ей конецъ теперь.

Катилина (попрежнему погруженный въ задумчивость).
«Ты самъ проклятье на себя обрушилъ,
Призвалъ на голову свою возмездье».

Цетегъ. Стряхни съ себя такія мысли! Полно!
Веди себя, какъ подобаетъ мужу;
Еще твоею можетъ быть побѣда;
Рѣшись... друзей довольно у тебя...
Но зову первому пойдутъ съ тобою...
Ну что-жъ, — рѣшайся!

Катилина. Нѣтъ, сказалъ я, нѣтъ!
И что на заговоръ толкаетъ васъ?
Скажите правду? Пылкое стремленье
Къ свободѣ и любовь къ ней васъ влекутъ?
Величіе былое Рима, славу
Его былую воскресить хотите?
И ради этого готовы пламя
Братоубійственной войны зажечь?

Лентулъ. О, нѣтъ; но мысль о собственномъ величьи —
Достаточное побужденье.
Цетегъ. Да...
Но я не такъ честолюбивъ и больше
Цѣню возможность средства пріобрѣсть,
Чтобъ наслаждаться жизнью беззаботно.
Катилина. Я такъ и думалъ. Вами управляютъ
Своекорыстныя соображенья
И побужденья мелочныя. Нѣтъ, —
Мои задачи были шире. Правда,
Я подкупомъ пытался обезпечить
Себѣ избранье въ консулы, но цѣль
Преслѣдовалъ при этомъ я достойнѣй,
Чѣмъ можно полагать, по средствамъ судя.
Свобода гражданъ, благо государства —
Вотъ что моихъ стремленій цѣлью было.
Меня не поняли; все говорило
Не въ пользу, а во вредъ мнѣ, — такъ хотѣла
Моя судьба. Ея не избѣжать.
Цетегъ. Пусть такъ, но мысль одна — друзей спасти
Отъ разоренія и униженья?..
Дойдемъ мы скоро вѣдь до нищеты
Благодаря веселой нашей жизни.
Катилина. Остановитесь во-время — совѣтъ мой;
Рѣшился твердо самъ я это сдѣлать.
Лентулъ. Ты, Катилина, хочешь измѣнить
Свой образъ жизни? Ха-ха-ха! Ты шутишь.
Катилина. Клянусь богами — твердо я рѣшился!
Цетегъ. Такъ нечего и время съ нимъ терять.
Идемъ и сообщимъ всѣмъ нашимъ, Лентулъ,
Какой отвѣтъ онъ далъ намъ. Ихъ найдемъ
У Бибула за дружеской пирушкой.
Катилина. У Бибула! Немало провели
Ночей веселыхъ тамъ, друзья, мы съ вами.
Теперь конецъ разгульной этой жизни;
Я до зари еще покину городъ.
Лентулъ. Какъ? Что ты говоришь?
Цетегъ. Ты уѣзжаешь?
Катилина. Сегодня въ ночь съ супругой. Навсегда
Мы покидаемъ Римъ и поселимся
Въ долинахъ Галліи; прокормитъ насъ
Моей рукой воздѣланное поле.
Цетегъ. Ты хочешь Римъ покинуть, Катилина?
Катилина. Хочу и долженъ. Давитъ гнетъ позора

Меня здѣсь. Мужество во мнѣ найдется,
Чтобъ встрѣтить бѣдность и нести ее;
Но ненависть къ себѣ читать, презрѣнье
Во взорѣ каждаго изъ римлянъ — нѣтъ!
То свыше силъ моихъ. Зажить безвѣстной
И тихой жизнью въ Галліи хочу я,
Забыть о томъ, кѣмъ я когда-то былъ,
И, заглушивъ стремленье къ славнымъ цѣлямъ,
Какъ смутный сонъ лишь вспоминать былое.

Лентулъ. Ну, добрый путь! Будь счастливъ въ новой жизни!

Цетегъ. Съ пріязнью вспоминай о насъ, какъ будемъ
И мы тебя воспоминать. Теперь же
Пойдемъ и сообщимъ друзьямъ о новомъ
И неожиданномъ твоемъ рѣшеньи.

Катилина. Имъ всѣмъ привѣтъ мой дружескій, прощальный!

(Лентулъ и Цетегъ уходятъ).

(Аврелія входитъ изъ боковой двери, но боязливо останавливается при видѣ уходящихъ; по удаленіи ихъ она подходитъ къ Катилинѣ).

Аврелія (съ мягкимъ упрекомъ). Опять разгульные друзья дорогу
Нашли въ твой домъ? О, Катилина!

Катилина. Вѣрь,
Въ послѣдній разъ. Я распростился съ ними.
Всѣ связи порваны межъ мной и Римомъ
Отнынѣ навсегда.

Аврелія. Я уложила
Пожитки наши. Набралось немного,
Но хватитъ съ тѣхъ, чьи требованья скромны.

Катилина (задумчиво). Достаточно для тѣхъ, кто все утратилъ,
Какъ я.

Аврелія. Забудь о томъ, чего не въ силахъ
Мы измѣнить; забудь...

Катилина. О, счастливъ тотъ,
Кто можетъ позабыть, — кто вырвать въ силахъ
И память изъ души своей, и всѣ
Надежды, и стремленій лучшихъ цѣли!
Чтобъ этого достигнуть, нужно время;
Но попытаюсь...

Аврелія. Я помочь готова;
И ты забвенье вкусишь, исцѣлишься.
Но прочь отсюда — чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Здѣсь жизнь тебя зоветъ и искушаетъ...
Не правда-ль, — ѣдемъ мы сегодня въ ночь?

Катилина. Да, да, моя Аврелія. Сегодня.

Аврелія. Я собрала оставшіяся деньги, —
Намъ хватитъ на дорогу.
Катилина. Хорошо.
А тамъ — свой мечъ на заступъ промѣняю.
Увы! На что теперь мнѣ добрый мечъ!
Аврелія. Очистимъ землю отъ камней, вскопаемъ, —
Я буду помогать тебѣ во всемъ, —
И окружимъ нашъ домикъ цвѣтникомъ;
Распустятся въ немъ розы, незабудки,
Намъ предвѣщая, что наступитъ скоро
То время для тебя, когда ты сможешь
Воспоминаніе любое встрѣтить
Привѣтствіемъ, какъ друга юныхъ лѣтъ.
Катилина. Боюсь, любимая, что это время
Еще скрывается въ дали туманной.
(Мѣняя тонъ на болѣе спокойный)
Ступай теперь, супруга дорогая,
И отдохни. Когда наступитъ полночь,
Мы въ путь съ тобой отправимся. Весь городъ
Сномъ глубочайшимъ будетъ спать тогда,
Никто не прослѣдитъ дороги нашей,
А первая заря застанетъ насъ
Ужъ далеко отсюда. Въ чащѣ лавровъ
Мы отдохнемъ на травяномъ коврѣ.
Аврелія. Насъ новая и лучшая ждетъ жизнь,
Чѣмъ та, которую мы покидаемъ!..
Такъ я пойду; часъ отдыха прибавитъ
Мнѣ бодрости и силъ... Спокойной ночи!
(Обнимаетъ его и уходитъ).
Катилина (смотритъ ей вслѣдъ).
Ушла. Мнѣ легче стало. Можно сбросить
Притворства гнетъ, видъ бодрости наружной,
Которой нѣтъ въ душѣ. Мой добрый геній —
Моя Аврелія! Узнай она
Мои сомнѣнія — ей станетъ больно,
И долженъ я скрывать ихъ отъ нея.
Но этотъ часъ ночной я созерцанью
Своей погибшей жизни посвящу...
Мнѣ свѣтъ сосредоточиться мѣшаетъ...
Я лампу погашу... пускай здѣсь будетъ
Темно... темно, какъ и въ душѣ моей.
(Гаситъ лампу; луна просвѣчиваетъ изъ-за колоннъ).
А, все еще свѣтло! Но все равно;
Подходитъ къ тусклымъ сумеркамъ, въ которыхъ

Прошла вся жизнь моя, луны свѣтъ блѣдный...
Гм... Катилина, значитъ, этотъ день —
Послѣдній день твой; завтра ужъ не будешь
Ты прежнимъ Катилиной — тѣмъ, чѣмъ былъ.
Въ далекой дикой Галліи, подобно
Рѣкѣ въ глуши лѣсной, струиться тихо
И незамѣтно будетъ жизнь моя...
Очнулся я теперь отъ всѣхъ мечтаній
О власти, славѣ, подвигахъ великихъ;
Мечты тѣ испарились, какъ роса;
На днѣ души моей онѣ таились,
О нихъ никто и не подозрѣвалъ...
Не страшно было бы мнѣ погрузиться
Въ покой тотъ сонный, въ это прозябанье
Вдали отъ шума жизни, если-бъ только
Хотя на мигъ сверкнуть я могъ, подобно
Звѣздѣ въ ея паденьи съ небосвода!
О, хоть одинъ бы подвигъ совершить,
Чтобъ обезсмертить имя Катилины —
И съ радостью бы въ самый часъ побѣды
Я бросилъ все, изъ Рима удалился,
Иль радостно пронзилъ по доброй волѣ
Себя кинжаломъ, умеръ бы спокойно, —
Что̀ смерть тому, кто ужъ успѣлъ пожить!
Но умереть, не живъ — ужасный жребій,
И мнѣ онъ выпалъ? Долженъ я погибнуть?

(Воздѣвъ руки къ небу)

О, боги гнѣвные, подайте знакъ,
Что это вы судили мнѣ безслѣдно
Пройти чрезъ жизнь, во мракъ забвенья кануть!

Фурія (изъ-за колонны). Нѣтъ, Катилина, нѣтъ!

Катилина (отшатываясь). Кто говоритъ?
Чей голосъ мнѣ вѣщаетъ? Голосъ духа
Изъ царства тьмы, обители тѣней...

Фурія (выходя на лунный свѣтъ). Я тѣнь твоя.

Катилина (въ ужасѣ). Весталки привидѣнье!..

Фурія. Меня боишься? Какъ же палъ ты низко!

Катилина. Скажи, ты встала изъ своей могилы,
Чтобъ мнѣ отмстить, преслѣдовать меня?

Фурія. Преслѣдовать? Я тѣнь твоя; должна я
Сопровождать тебя вездѣ и всюду. (Приближается).

Катилина. Она жива! О, боги! Предо мною
Не тѣнь ея, — она сама, сама!

Фурія. Тѣнь или нѣтъ — я спутница твоя.

Катилина. И мстительница, полная вражды!

Фурія. О, нѣтъ! Вражда въ могилѣ угасаетъ,
Какъ и любовь, какъ всѣ влеченья, страсти,
Живущія въ земной груди. Одно
Незыблемо какъ въ жизни, такъ и въ смерти.

Катилина. Что? Что? Скажи скорѣй!

Фурія. Твоя судьба.

Катилина. Моя судьба однимъ богамъ премудрымъ
Открыта, а не смертнымъ.

Фурія. Мнѣ открыта.
Я тѣнь твоя: таинственныя нити
Связуютъ насъ.

Катилина. То ненависти нити.

Фурія. О, нѣтъ! Встаетъ ли духъ изъ нѣдръ могильныхъ,
Пылая ненавистью, жаждой мести?
Въ струяхъ рѣки подземной погасила
Я всякое земное пламя страсти,
Когда-то бушевавшей здѣсь въ груди.
Не та я больше Фурія, къ которой
Когда-то ты пылалъ любовью.

Катилина. Правда,
Ты ненависти больше не питаешь
Ко мнѣ?

Фурія. Нѣтъ, нѣтъ! Сойдя въ могилу, стоя
На рубежѣ межъ жизнью и межъ смертью,
Шагнуть готовая ежеминутно
Въ подземный міръ — охвачена была я
Какимъ-то трепетомъ необъяснимымъ...
И съ этимъ потрясеньемъ превращенье
Чудесное со мной произошло:
Отхлынула вражда и жажда мести,
И всѣ воспоминанья и влеченья
Земныя вдругъ исчезли, и одно
Лишь имя Катилины уцѣлѣло,
Какъ выжженное пламенемъ въ душѣ.

Катилина. Непостижимо! Но кѣмъ хочешь будь ты —
Земнымъ ли существомъ иль блѣдной тѣнью —
Полны чарующей и страшной силы
Твои слова и черные глаза.

Фурія. Силенъ ты духомъ, какъ и я, и хочешь
Смиренно, робко отъ надеждъ отречься,
Отъ всякой мысли о побѣдѣ, власти?
Трусливо спину повернуть аренѣ,

Гдѣ смутныя стремленія твои
Могли бы въ полномъ блескѣ развернуться?
Катилина. Я долженъ. Безпощадная судьба
Судила такъ.
Фурія. Твоя судьба? Зачѣмъ же
Даны тебѣ геройскій духъ и силы,
Какъ не затѣмъ, чтобы бороться съ тѣмъ,
Что называешь ты судьбой!
Катилина. Да развѣ
Я не боролся? Или не была
Борьбой сплошной вся жизнь моя? И что же,
Что я стяжалъ въ борьбѣ? Позоръ, презрѣнье!
Фурія. О, какъ ты низко палъ! Намѣтилъ цѣль
Высокую себѣ ты дерзновенно,
Хотѣлъ бы цѣли той достигнуть, но —
Препятствія тебя пугаютъ? Страшно?
Катилина. Не страхъ причиной: цѣль недостижима;
Лишь юношескою мечтой все было.
Фурія. Теперь себя обманываешь самъ.
Тебя все та же цѣль влечетъ, что прежде;
Въ тебѣ великій духъ, владыки римлянъ
Достойный; много у тебя друзей, —
Зачѣмъ же ты колеблешься и медлишь?
Катилина (въ задумчивости).
Иль долженъ я?.. Своихъ согражданъ кровью?..
Фурія. Ты — мужъ, и мужествомъ ты уступаешь
Намъ, женщинамъ? Ты римлянку ту помнишь,
Чрезъ трупъ отца стремившуюся къ трону?
И я на Туллію душой похожа.
А ты? Ты долженъ презирать себя!
Катилина. Я долженъ презирать себя? За то ли,
Что дикіе порывы честолюбья
Не властны больше надъ душой моей?
Фурія. Теперь стоишь ты на распутьѣ жизни.
Пойдешь туда — тамъ ждетъ тебя пустое,
Безцѣльное существованье, спячка...
Не смерть, не сонъ, а вялая дремота;
Пойдешь сюда — тебя ждетъ царскій тронъ!
Такъ выбирай же, Катилина!
Катилина. Манишь
И искушаешь ты меня — на гибель.
Фурія. Въ твоихъ рукахъ — и честь и благо Рима;
И блескъ и власть — во мглѣ твоей судьбы!
А грудь твоя сомнѣніемъ томима,

Колеблешься, бѣжишь ты отъ борьбы?
Тебя влечетъ въ твои лѣса, гдѣ скоро
Всѣ мысли гордыя въ тебѣ замрутъ,
Гдѣ для надеждъ нѣтъ пищи, нѣтъ простора, —
Могилой будетъ новый твой пріютъ!
Ужели жажда славы, Катилина,
Совсѣмъ исчезла изъ твоей души?
Ты родился съ душою властелина, —
Тебѣ-ль безславно угасать въ глуши!
Бѣги! Но знай, утратишь навсегда ты,
Что могъ бы подвигомъ завоевать,
И слишкомъ скоро горечь той утраты
Познаешь самъ!

Катилина. Что хочешь ты сказать?

Фурія. Себя ты обезславилъ; поколѣнья
Грядущія всѣ будутъ говорить
О Катилинѣ съ дрожью отвращенья.
Но съ памятью твоею примирить
И озарить ее безсмертной славой
Великій подвигъ можетъ. Если ты
Порядокъ опрокинешь здѣсь неправый
И возвѣстишь народу съ высоты,
Что никогда отнынѣ рабства тучей
Не омрачится римскій небосклонъ, —
Когда воздвигнешь ты рукой могучей
Себѣ среди свободныхъ царскій тронъ...

Катилина. Довольно! Ты затронула тѣ струны,
Что въ глубинѣ души моей дрожали;
Въ твоихъ рѣчахъ звучало эхо словъ,
Что сердце мнѣ и день и ночь шептало.

Фурія. Я Катилину снова узнаю!

Катилина. Я не уѣду. Вновь ты пробудила
Во мнѣ всю смѣлость юности, стремленье
Къ высокимъ цѣлямъ зрѣлаго бойца.
Да, да! Я стану свѣточемъ спасенья
Для Рима, погруженнаго во тьму,
Звѣздой блуждающей сверкну надъ Римомъ
И, въ трепетъ всѣхъ повергнувъ, разбужу!
Вы, гордыя ничтожества, узнайте,
Что я не сломленъ вами; лишь на часъ,
Борьбою утомленный, ослабѣлъ я.

Фурія. Должны исполнить мы судьбы велѣнье,
Рѣшеніе могучихъ темныхъ силъ.
Велѣніемъ судьбы во мнѣ погасла

Вражда и ненависть. Подай мнѣ руку
Въ знакъ вѣчнаго союза... Что же — медлишь?
Колеблешься? Не хочешь?

Катилина. Не хочу?..
Въ глаза твои гляжу... Они сверкаютъ
И мечутъ молніи во мракѣ ночи...
Ты улыбнулась... Предъ собой какъ будто
Я вижу Немезиду...

Фурія. Чтобъ увидѣть
Ее — ты въ душу загляни себѣ.
Иль позабылъ свою ты клятву?

Катилина. Помню.
Но все-жъ въ тебѣ я мстительницу вижу.

Фурія. Я отраженіе твоей души.

Катилина (раздумывая). Я смутно чувствую, не понимая;
Мелькаютъ предо мной въ туманѣ словно
Загадочныя тѣни и видѣнья,
И не могу я разобраться въ нихъ —
Темно здѣсь слишкомъ.

Фурія. И должно быть такъ.
Тьма наше царство; ей дѣянья наши
Принадлежатъ. Давай же руку мнѣ
Въ знакъ вѣчнаго союза!

Катилина (возбужденно). Немезида
Моя прекрасная... и тѣнь моя...
Души моей мятежной отраженье —
Тебѣ даю я руку въ знакъ союза,
Въ знакъ темнаго и вѣчнаго союза!

(Съ горячностью схватываетъ ее за руку; она смотритъ на него съ застывшей улыбкой).

Фурія. Теперь мы связаны съ тобой навѣки!

Катилина. Ахъ! Отъ пожатья твоего по жиламъ
Какъ будто пробѣжалъ огонь. Не кровь
Теперь струится въ нихъ, а словно пламя;
Стѣснило грудь мнѣ... и въ глазахъ темнѣетъ.
Пусть Римъ охватитъ огненное море!
(Обнажаетъ мечъ и взмахиваетъ имъ).
Мой мечъ! Мой мечъ! Ты видишь, какъ онъ блещетъ!
А скоро весь зальется алой кровью!
О, что со мной? Горитъ чело, и роемъ
Видѣнья передъ взорами летятъ...
Да, месть, побѣда, жизнь — для воплощенья
Великихъ грезъ о власти и о славѣ!
Мой кличъ побѣдный: смерть и пламя ада!

На Капитолій! Вотъ когда лишь сталъ я
Самимъ собою — прежнимъ Катилиной!
(Выбѣгаетъ. Фурія за нимъ).

Внутренность слабо освѣщенной таверны.
Входятъ Статилій, Габиній, Кепарій и другіе молодые римляне.

Статилій. Вотъ здѣсь, друзья, мы ночь и скоротаемъ;
Здѣсь будемъ въ безопасности; никто
Насъ не услышитъ.

Габиній. Да. Повеселимся!
Кто знаетъ, долго ли осталось намъ..?
Давайте пить!

Кепарій. Нѣтъ, подождемъ, — какія
Цетегъ и Лентулъ вѣсти принесутъ.

Габиній. Э, что намъ ждать! Какія бы тамъ вѣсти
Они ни принесли, — вино несутъ,
И надобно испробовать его.
Затянемъ же дружнѣе-нашу пѣсню!

(Слуги приносятъ амфоры съ виномъ и кубки).

Всѣ (хоромъ).

Мы величаемъ
Бога вина
И осушаемъ
Кубки до дна!
Сокъ ароматный
Грѣетъ сердца,
Сокъ благодатный
Вакха-отца!

Вакхъ свѣтлымъ взоромъ
Шлетъ намъ привѣтъ,
Радостнымъ хоромъ
Грянемъ въ отвѣтъ:
Счастье и радость
Въ добромъ винѣ,
Высшая сладость
Въ кубкѣ на днѣ!

Дивный напитокъ,
Красный, какъ кровь!
Силы избытокъ,
Смѣлость, любовь,
Радости страсти,
Сладость мечты —

Все въ твоей власти,
Все даришь ты!

Мы величаемъ
Бога вина
И осушаемъ
Кубки до дна!
Сокъ ароматный
Грѣетъ сердца,
Сокъ благодатный
Вакха-отца!

(Входятъ Лентулъ и Цетегъ).

Лентулъ. Умолкните. Не до веселья намъ.
Статилій. Въ чемъ дѣло, другъ? Не съ вами Катилина?
Габиній. Не согласился онъ?
Кепарій. Отвѣтилъ что?
Да говорите же!
Цетегъ. Совсѣмъ иное,
Чѣмъ ожидали отъ него мы.
Габиній. Ну?
Лентулъ. Онъ отклонилъ всѣ наши предложенья,
А нашихъ доводовъ не сталъ и слушать.
Статилій. Да правда ли?
Кепарій. Но почему же такъ?
Лентулъ. Не захотѣлъ — и все. Намъ измѣняетъ;
Бѣжитъ отъ насъ и — покидаетъ городъ.
Статилій. Онъ покидаетъ Римъ?
Цетегъ. Сегодня въ ночь.
Но осуждать его нельзя за это;
Причины основательныя онъ
Привелъ намъ...
Лентулъ. Трусъ онъ, вотъ и вся причина!
Намъ въ часъ бѣды постыдно измѣняетъ.
Габиній. Такъ вотъ она, вотъ дружба Катилины!
Кепарій. Нѣтъ, Катилина не былъ никогда
Ни вѣроломнымъ ни трусливымъ.
Лентулъ. Все же
Онъ уѣзжаетъ.
Статилій. И съ собой уноситъ
Надежды наши. Гдѣ намъ взять вождя?
Кепарій. Придется намъ оставить наши планы.
Лентулъ. Нѣтъ, рано; мнѣніе мое о дѣлѣ
Послушайте! На что рѣшились мы?
Добыть себѣ рукой вооруженной,

Чего лишилъ насъ рокъ несправедливый.
Насъ угнетаютъ, — мы хотимъ господства;
Нужду мы терпимъ, — наша цѣль богатство!
Многіе голоса. Да, да, хотимъ мы власти и богатства!
Лентулъ. Вождемъ своимъ намѣтили мы друга,
Въ которомъ видѣли оплотъ свой твердый;
Но обманулъ довѣріе онъ наше
И отъ опасности бѣжитъ. Друзья!
Не падать духомъ! Мы ему покажемъ,
Что можемъ обойтись и безъ него.
Кого намъ нужно? Мужа твердой воли
И храбрости, что̀ сталъ бы во главѣ...
Нѣкоторые. Такъ назови такого намъ.
Лентулъ. А если
Я назову... онъ выступитъ предъ вами,
Его своимъ вождемъ вы изберете?
Нѣкоторые. Да, да!
Другіе. Мы изберемъ!
Статилій. Ну, кто же онъ?
Лентулъ. А если бы — я самъ?
Габиній. Ты самъ?
Кепарій. Ты, Лентулъ?..
Многіе (колеблясь). Ты хочешь насъ вести?
Лентулъ. Хочу!
Цетегъ. Ты въ силахъ?
Безумная отвага тутъ нужна
И сила Катилины.
Лентулъ. Недостатка
Нѣтъ у меня ни въ силѣ ни въ отвагѣ.
Скорѣй лишь къ дѣлу. Или отступить
Хотите вы и упустить минуту?
Теперь — иль никогда! Все обѣщаетъ
Исходъ счастливый...
Статилій. Хорошо! Готовы
Мы за тобой идти!
Многіе. Идемъ съ тобой!
Габиній. Да... если насъ оставилъ Катилина,
То ближе всѣхъ тебѣ стать во главѣ.
Лентулъ. Такъ слушайте — мой планъ таковъ. Сначала...
(Катилина быстро входитъ).
Катилина. Вотъ я, друзья!
Всѣ. Ты?.. Катилина!.
Лентулъ (въ сторону). Онъ!..
Проклятье!

Катилина. Говорите же, чего вы
Хотите отъ меня? Хотя я знаю
И самъ, въ чемъ дѣло, и готовъ вести васъ.
Хотите слѣдовать за мной?

Всѣ (кромѣ Лентула). Да, да!
Мы за тобой пойдемъ!

Статилій. Насъ обманули!

Габиній. Тебя оклеветали!

Кепарій. Намъ сказали,
Что будто хочешь ты покинуть Римъ
И бросить наше дѣло.

Катилина. Такъ хотѣлъ я.
Теперь же — для великой цѣли
Я жить хочу!

Цетегъ. А эта цѣль — какая?

Катилина. Моя цѣль выше, чѣмъ ты полагаешь, —
Пожалуй, даже выше, чѣмъ кто-либо
Угадываетъ здѣсь. Друзья, внимайте!
Хочу я къ дѣлу нашему привлечь
Всѣхъ гражданъ, всѣхъ съ душой свободной, смѣлой,
Кто ставитъ честь и благо Рима выше
Всего на свѣтѣ. Древне-римскій духъ
Вѣдь не совсѣмъ еще угасъ. Мы искры
Его послѣднія раздуемъ въ пламя
Столь яркое, какъ прежде никогда!
О, слишкомъ долго рабства тьма лежала,
Какъ туча темная, надъ гордымъ Римомъ!
И какъ ни гордъ онъ, ни могучъ еще, —
Уже шатается, грозитъ паденьемъ.
Бразды правленья крѣпкая рука
Должна въ немъ взять, чтобъ обновить въ немъ все.
Отъ спячки пробудить здѣсь гражданъ надо,
Отнять у недостойныхъ власть; какъ ядомъ,
Они сердца здѣсь ею отравляютъ
И душатъ всѣ побѣги новой жизни.
Свободы гражданъ я хочу добиться;
Хочу вернуть я древній духъ гражданства,
Который въ Римѣ царствовалъ когда-то.
Хочу вернуть то золотое время,
Когда за честь отчизны жизнь отдать
Готовъ былъ каждый римлянинъ и счастье
Народа всѣмъ добромъ своимъ купить!

Лентулъ. Ты замечтался. Наши планы были
Совсѣмъ иные.

Габиній. Простодушье нравовъ
Былое воскрешать — какой намъ прокъ?
Нѣкоторые. Мы власти требуемъ!..
Другіе. И средствъ для жизни
Привольной, беззаботной!
Многіе голоса. Да, вотъ цѣль!
Кепарій. Иль для свободы и благополучья
Другихъ — играть своею жизнью намъ?
Всѣ. Вкусить хотимъ плоды побѣды сами!
Катилина. О, жалкій родъ! Какіе вы потомки
Великихъ предковъ? На страну родную
Позоръ нагромождать — вотъ способъ вашъ
Служить ея величію!
Лентулъ. Ты смѣешь
Насъ обдавать такимъ презрѣньемъ, ты —
Такъ долго бывшій пугаломъ...
Катилина. Да, правда, —
Для добраго и честнаго всего;
Но все-жъ такимъ ничтожествомъ презрѣннымъ,
Какъ вы, я не былъ никогда.
Лентулъ. Сдержи
Языкъ свой! Мы ругательствъ не потерпимъ!
Многіе. Да, да, мы не потерпимъ!
Катилина (спокойно). Неужели?
Вы не потерпите? Такіе трусы,
Рабы?..
Лентулъ. Долой его!
Многіе. Долой! Долой!

(Обнажаютъ кинжалы и бросаются на Катилину. Онъ спокойно распахиваетъ плащъ и, открывъ имъ свою грудь, смотритъ на нихъ съ холодной, презрительной улыбкой. Они опускаютъ кинжалы).

Катилина. Разите! Что-жъ, не смѣете?.. Друзья!
Я сталъ бы уважать васъ больше, если-бъ
Вы грудь мою открытую пронзили,
Какъ угрожали мнѣ. Иль не осталось
Ни искры мужества у васъ въ груди?
Нѣкоторые. Онъ блага намъ желаетъ.
Другіе. Заслужили
Его глумленье мы.
Катилина. Вы заслужили.
Но часъ насталъ — стереть клеймо позора.
Забудемъ все, что̀ позади осталось;
Скорѣй навстрѣчу новой, свѣтлой жизни! (Съ горечью)
О, я глупецъ! Надѣяться и вѣрить

Въ побѣду — съ вами! Живъ ли духъ побѣды
Въ толпѣ, такъ низко павшей? (Съ увлеченьемъ)
О, какія
Прекрасныя мечты лелѣялъ я!
Какія предо мною проносились
Великія видѣнья! Я мечталъ,
Что, какъ Икаръ, я къ небесамъ на крыльяхъ
Вознесся; я мечталъ, что сами боги
Меня могучей силой одарили
И научили молніи метать.
Я молнію настигъ въ ея полетѣ,
Схватилъ могучею рукой и бросилъ
На Римъ. И яркимъ пламенемъ онъ вспыхнулъ
И рухнулъ, и лежалъ въ золѣ сѣдой.
Тогда я вызвалъ голосомъ громовымъ
Сподвижниковъ Катона изъ могилъ;
И духовъ тысячи на зовъ явились
И ожили... и Римъ возсталъ изъ пепла!.. (Обрывая)
Но это были все мечты лишь, грезы.
Прошедшаго не воскресятъ намъ боги,
Изъ нѣдръ могильныхъ мертвецы не встанутъ. (Возбужденно)
Пусть такъ! Моя рука возстановитъ
Не въ силахъ Рима *древняго*, такъ пусть же
Она погубитъ *современный* Римъ!..
Гдѣ высились изъ мрамора колонны —
Столбы взовьются изъ огня и дыма,
Обрушатся дома, дворцы и храмы,
И Капитолій превратится въ прахъ!
Клянитесь же, друзья, что посвятите
Себя всецѣло разрушенью Рима!
Я стану во главѣ, — за мной идите!

Статилій. Идемъ! Идемъ!

(Нѣкоторые изъ остальныхъ колеблются и перешептываются. Катилина смотритъ на нихъ съ презрительной улыбкой).

Лентулъ (вполголоса). Да, такъ вѣрнѣй всего.
Среди дымящихся развалинъ легче
Найдемъ мы то, что̀ ищемъ.

Всѣ (кричатъ). Мы съ тобой!

Катилина. Такъ поклянитесь же богами предковъ
Повиноваться слѣпо мнѣ во всемъ!

Всѣ (поднявъ руки). Клянемся мы тебѣ повиноваться!

Катилина. Въ мой домъ по одиночкѣ проберитесь
Путями скрытыми. Вы тамъ найдете

Оружіе. И я приду за вами,
Повѣдаю вамъ планъ борьбы. Ступайте! (Всѣ уходятъ).

Лентулъ (удерживая Катилину).
Постой — два слова. Знаешь, — аллоброги
Отправили посольство въ Римъ, къ сенату,
Просить защиты, жалобу подать.

Катилина. Я знаю; прибыло оно сегодня.

Лентулъ. Сегодня, да. А если-бъ въ уговоръ
Вступить намъ съ ними, заключить союзъ?
Вся Галлія за ними бы возстала,
На нашихъ недруговъ бы поднялась.

Катилина (неохотно). Намъ съ варварами заключить союзъ?

Лентулъ. Онъ намъ необходимъ. Не обезпечить
Намъ собственными силами побѣды;
Необходима помощь намъ извнѣ...

Катилина (съ горькой усмѣшкой).
Римъ низко палъ! Въ его стѣнахъ нѣтъ больше
Людей, которымъ бы подъ силу было
Самимъ руину эту опрокинуть!.. (Уходитъ).

Садъ за домомъ Катилины; самый домъ виднѣется въ глубинѣ между деревьями; налѣво боковая пристройка.

Курій, Цетегъ и еще нѣкоторые изъ заговорщиковъ осторожно входятъ справа, перешептываясь между собой.

Курій. Но правда ли все это?

Цетегъ. Правда, правда!
Все въ ту минуту было рѣшено.

Курій. И онъ всѣмъ руководитъ?

Цетегъ. Во главѣ
Всего стоитъ. Да самъ поговори съ нимъ.
(Всѣ, за исключеніемъ Курія, входятъ въ домъ).

Курій. Какая ночь! Во мнѣ смѣшались мысли...
Не сонной грезой ли все это было?
Но въявь или во снѣ то пережилъ я —
Теперь и наяву се лишь вижу,
Куда ни обернусь. (Катилина входитъ справа).

Катилина. Ты здѣсь, мой Курій?
Мнѣ такъ тебя недоставало... Знаешь,
Свиданіе съ весталкою имѣло
Конецъ нежданный...

Курій (смущенно). Да... ты правъ; я знаю...

Катилина. Но это мы оставимъ. Для меня
Свиданіе то было роковымъ. (Въ раздумьѣ)
Иль правду говорятъ — изъ преисподней

Являются къ намъ фурін, чтобъ насъ
Преслѣдовать всю жизнь... О, если-бъ такъ!..

Курій (тревожно). Иль встрѣтилъ ты ее?..

Катилина. Сегодня ночью
Сама была здѣсь... Но забудемъ это.
Послушай, Курій, мы предпринимаемъ
Великій шагъ...

Курій. Я знаю; мнѣ Цетегъ
Повѣдалъ все...

Катилина. Какъ знать, — какой исходъ
Опредѣлили боги предпріятью?
Пасть на пути я обреченъ, быть-можетъ,
И цѣли не достигнуть никогда...
Пусть такъ! Но ты мнѣ дорогъ съ дѣтства, Курій,
Я воспиталъ тебя... Тебѣ не надо
Бросаться въ вихрь опасности. Дай слово
Остаться въ Римѣ, если я рѣшу
Въ иное мѣсто свой ударъ направить;
Вполнѣ возможно это; не спѣши
Примкнуть къ намъ; подожди успѣха дѣла.

Курій (растроганно). Отечески заботливый мой другъ!
Твоя любовь...

Катилина. Такъ ты мнѣ обѣщаешь?
Мы здѣсь съ тобой простимся. Лишь минуту
Постой, — я скоро возвращусь къ тебѣ. (Уходитъ въ домъ).

Курій (смотритъ вслѣдъ ему).
Попрежнему меня онъ любитъ. Видно,
Онъ ничего и не подозрѣваетъ.

(Справа входятъ Лентулъ и другіе заговорщики).

Лентулъ (Курію). Не проходилъ сейчасъ тутъ Катилина?

Курій. Онъ въ домъ вошелъ. (Всѣ уходятъ въ домъ).

Курій (тревожно бродя по саду). О, чѣмъ мнѣ заглушить
Мою тоску? Грызетъ меня тревога.
О, Фурія, диковинная дѣва!
Гдѣ, гдѣ искать тебя? Когда увижу
Тебя опять?.. Куда она исчезла?
Скользнула и пропала, словно тѣнь,
Едва ее я вывелъ изъ могилы.
Какъ вспомню рѣчи темныя ея,
Глаза потухшіе и въ то же время
Палящіе!.. Что, если помутился
Разсудокъ въ ней отъ ужасовъ могилы?..

Фурія (между деревьями позади него).
Нѣтъ, блѣдный юноша! Не бойся.

Курій (вскрикивая). Здѣсь ты!
Фурія. Живетъ здѣсь Катилина: а гдѣ онъ,
Тамъ быть и Фурія должна.
Курій. О, слѣдуй,
Любимая, за мной! Тебя укрою.
Подумай — если кто-нибудь увидитъ...
Фурія. У мертвыхъ страха нѣтъ. Иль ты забылъ,
Что трупъ мой взялъ и вынесъ изъ могилы?
Курій. Опять тѣ страшныя слова!.. Послушай,
Приди въ себя, скорѣй за мною слѣдуй!
(Хочетъ схватить ее за руку).
Фурія (дико отталкивая его).
Безумецъ дерзкій! Иль ты не трепещешь
Отъ ужаса? Передъ тобой дочь смерти,
На мигъ покинувшая міръ подземный.
Курій. Я трепещу, но этотъ трепетъ сладокъ.
Фурія. Чего ты хочешь отъ меня? Мой домъ
Въ землѣ сырой. Подземной тьмы жилица,
Изъ царства мертвыхъ я пришла тайкомъ
И вновь уйду — едва блеснетъ денница...
Не вѣришь мнѣ? Не вѣришь, что сидѣла
Я съ блѣдными тѣнями у Плутона?
Я только-что была тамъ, повторяю,
На берегу потока мертвыхъ, Стикса.
Курій. Возьми же и меня туда!
Фурія. Тебя?
Курій. Да, да: я за тобой пойду отважно
И въ царство смерти мрачною стезей!
Фурія. Нельзя. Мы здѣсь съ тобой должны разстаться;
Живой не можетъ слѣдовать за мертвой.
Лишь время у меня ты отнимаешь,
А мнѣ такъ дорого оно. Для дѣйствій
Часами тьмы лишь я располагаю:
Я тьмы посланница, и дѣло тьмы —
То дѣло, для котораго пришла я.
Но гдѣ же Катилина?
Курій. Катилина?
Такъ ищешь ты его?
Фурія. Его ищу я.
Курій. Ты все еще преслѣдуешь его?
Фурія. Зачѣмъ же я сегодня ночью встала
Изъ мертвыхъ, какъ не ради Катилины?
Курій. Ахъ, снова этотъ бредъ безумный слышу!
Но ты прекрасна и въ своемъ безумьѣ.

О, позабудь теперь о Катилинѣ!
Иди за мной! И мной повелѣвай! (Падаетъ ницъ передъ нею).
У ногъ твоихъ, какъ рабъ, я умоляю
О милости! Взгляни лишь на меня
И выслушай! Тебя люблю... Огонь
Всепожирающій и ядовитый,
Но сладкій, жжетъ меня, и ты, лишь ты
Мои мученья можешь утолить!

Фурія (смотритъ на домъ). Свѣтло и многолюдно. Что творится
У Катилины?

Курій (вскакивая). Снова это имя!
Къ нему прикованы твои всѣ мысли.
О, я его готовъ возненавидѣть!

Фурія. Онъ наконецъ осуществить рѣшился
Свой смѣлый планъ, что долго такъ лелѣялъ?

Курій. Ты знаешь?

Фурія. Все.

Курій. И знаешь, что готовъ
Онъ самъ стать во главѣ попытки смѣлой?
Но заклинаю — мнѣ не задавай
О Катилинѣ ты вопросовъ больше!

Фурія. Еще — послѣдній: съ нимъ ты заодно?

Курій. Второй отецъ онъ мнѣ...

Фурія. *Мой* Катилина?..

Курій. А!..

Фурія. Человѣкъ, къ которому всѣ мысли
Мои прикованы?

Курій. Я задыхаюсь...
Темно въ глазахъ. Его убить я могъ бы!

Фурія. Не клялся-ль ты, что мнѣ готовъ служить?

Курій. Повелѣвай! Я повинуюсь слѣпо.
Служить тебѣ готовъ во всемъ. Но только
Забудь о Катилинѣ — умоляю!

Фурія. О немъ забуду я, когда въ могилу
Сойдетъ онъ.

Курій (отшатываясь). Какъ? Ты требуешь, чтобъ я..

Фурія. Оружія ты въ ходъ пускать не долженъ,
Лишь выдай замыслы его...

Курій. Чтобъ я
Измѣнникомъ, убійцей сталъ? О, вспомни,
Онъ мой второй отецъ...

Фурія. *Мой* Катилина —
Властитель думъ моихъ? Безумецъ жалкій,
И о любви своей твердить мнѣ смѣешь,

Когда нѣтъ смѣлости въ тебѣ — свалить
Того, кто на пути твоемъ стоитъ!..
Оставь меня! (Поворачивается къ нему спиной).

Курій (удерживая ее). Постой! На все согласенъ.
Холоднымъ ужасомъ въ лицо мнѣ вѣешь,
И все-жъ я разорвать не въ силахъ цѣпи,
Которыми опутала меня ты.

Фурія. Такъ ты согласенъ?

Курій. Какъ ты презираешь
Меня, коль задаешь такой вопросъ!
Согласенъ ли? Да развѣ у меня
Теперь своя есть воля? Взглядъ твой полонъ
Змѣиныхъ чаръ, — когда змѣя глядитъ
На птичку, и бѣдняжка въ страхѣ бьется,
Какъ въ заколдованномъ кругу, все ближе
И ближе становясь къ разверстой пасти.

Фурія. Такъ къ дѣлу!

Курій. И когда своею дружбой
Пожертвую я для любви, тогда..?

Фурія. Я позабуду Катилину; будетъ
Исполненъ долгъ мой. Большаго не требуй.

Курій. И я такой цѣною долженъ..?

Фурія. Медлишь?
Ты малодушенъ такъ, что и надежда
Тебя не подкрѣпляетъ, никакихъ
И ожиданій ты не возлагаешь
На благодарность женщины?..

Курій. Клянусь
Я всѣми силами могучей ночи,
Что не замедлю! Онъ стоитъ межъ нами —
Долой его! Пусть онъ падетъ! Погаснетъ
Во мнѣ пусть искра всякая любви
И сожалѣнія къ нему! Порвутся
Пускай всѣ узы между нимъ и мной!
О, кто ты, ночи дивное видѣнье,
Чья близость ледянитъ и зажигаетъ?
Меня мое влеченье ледянитъ
И зажигаетъ страхъ. Моя любовь
И ненависть подобны наважденью.
Кто самъ я — и того не знаю больше.
Одно я знаю — я не тотъ ужъ Курій,
Какимъ былъ прежде, чѣмъ тебя узналъ.
Я за тобой охотно въ бездну ринусь!
Подписанъ Катилинѣ приговоръ.

Отправлюсь въ Капитолій, — засѣдаетъ
Сегодня ночью тамъ сенатъ. Записка
Отъ неизвѣстнаго ему откроетъ
Кровавый замыселъ... Прощай пока. (Быстро уходитъ).

Фурія (про себя). Нависли тучи; скоро грянетъ громъ.
Конецъ не за горами, Катилина!
Шагаешь быстро ты къ своей могилѣ.

(Отъ дома идутъ послы аллоброговъ Амбіориксъ и Олловико не замѣчая Фуріи, стоящей въ тѣни между деревьями).

Амбіориксъ. Ну, дѣло рѣшено. Хотя опасно
Къ союзу этому примкнуть.
Олловико. Опасно;
Но просьбы всѣ и требованья наши
Отвергъ сенатъ; другого нѣтъ исхода,
Побѣда же такъ много намъ сулитъ,
Что есть изъ-за чего дерзать намъ.
Амбіориксъ. Правъ ты.
Олловико. Освобожденіе отъ власти Рима,
Утраченной свободы возвращенье —
Намъ есть изъ-за чего вступить въ борьбу!
Амбіориксъ. Путемъ кратчайшимъ мы домой вернемся,
Возстанья пламя въ Галліи зажжемъ;
На притѣснителей пойдутъ охотно
Всѣ племена, послѣдуютъ за нами
И увеличатъ силы Катилины.
Олловико. Но Римъ силенъ еще, и предстоитъ
Жестокая борьба.
Амбіориксъ. Должны дерзнуть мы!
Скорѣе въ путь!
Фурія (предостерегающе кричитъ имъ вслѣдъ). О, горе, горе вамъ!
Амбіориксъ (вздрагивая). О, боги!
Олловико (въ ужасѣ). Слушай! Вѣщій голосъ громко
Взываетъ къ намъ изъ мрака почи.
Фурія. Горе
Всему народу вашему!
Олловико. Ты видишь
Тамъ блѣдный вѣщій призракъ?
Фурія. Горе всѣмъ,
Кто съ Катилиной заодно!
Амбіориксъ. Скорѣе
Бѣжимъ! Всѣ обѣщанія нарушимъ!
Олловико. Насъ вѣщій голосъ остережетъ недаромъ!

(Быстро уходятъ оба направо).

(Катилина идетъ изъ глубины сада отъ дома).

Катилина. Съ толпою этихъ трусовъ Римъ повергнуть —
Надежда тщетная. Ихъ что влечетъ?
Одна лишь жажда грабежа, наживы, —
Какъ сами нагло мнѣ они сознались.
И стоитъ ради этого лить кровь?
Чего достигну этимъ я? Что будетъ
Моей наградой?

Фурія (скрываемая деревьями). Месть!

Катилина (вздрагивая). Чей голосъ это?
Кто духовъ мести будитъ ото сна?
Изъ глубины души моей, быть-можетъ,
Тотъ голосъ прозвучалъ? Такъ месть? Да, вотъ онъ
Мой лозунгъ, кличъ мой боевой! Месть! Месть —
За всѣ мечты мои и всѣ надежды,
Разбитыя враждебнымъ, злобнымъ рокомъ,
За всю загубленную жизнь мою!

(Изъ дома выходятъ вооруженные заговорщики).

Лентулъ. Ночная тьма окутала весь городъ;
Пора намъ выступать.

Остальные (шопотомъ). Пора! Впередъ!

(Изъ боковой пристройки выходитъ Аврелія).

Аврелія (не замѣчая заговорщиковъ).
Ты здѣсь, возлюбленный мой Катилина?

Катилина (вскрикивая). Аврелія!

Аврелія. Ты ждешь меня?

(Увидавъ заговорщиковъ, бросается къ нему).
О, боги!

Катилина (отталкивая ее). Оставь меня!

Аврелія. Скажи мнѣ, Катилина...
Всѣ эти люди..? Кто вооружилъ ихъ?..
Ужель и ты поднимешь мечъ?

Катилина (въ дикомъ порывѣ). Да, да!
Зову въ свидѣтели всѣхъ духовъ тьмы —
Походъ веселый мы предпринимаемъ!
Смотри, какъ мечъ горитъ. Онъ жаждетъ крови.
И эту жажду утолю я скоро!

Аврелія. Мои надежды... сладостныя грезы!
Какое пробужденіе!

Катилина. Молчи!
Не докучай мольбами и слезами!
Недаромъ блещутъ грозные мечи.
Останься здѣсь иль вслѣдъ иди за нами...
Друзья, смотрите — полная луна
Готова скрыться. А когда она

Опять появится на небѣ Рима —
Его все сплошь застелютъ клубы дыма,
Здѣсь разольется пламени рѣка!
И за вѣками потекутъ вѣка,
Свѣтить здѣсь будетъ мѣсяцъ блѣднооκій
Попрежнему. Но столбъ лишь одинокій
Укажетъ посѣтителю руинъ,
Гдѣ Римъ былъ, гордый міра властелинъ!
(Быстро уходитъ направо; остальные за нимъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лагерь Катилины въ лѣсистой мѣстности въ Этруріи. Направо ставка Катилины, а возлѣ нея старый дубъ. Передъ ставкой горитъ сторожевой огонь. Въ глубинѣ сцены, между деревьями, виднѣется еще нѣсколько сторожевыхъ костровъ. Ночь. Луна временами прорывается сквозь облака. Статилій спитъ у огня. Манлій ходитъ взадъ и впередъ передъ ставкой.

Манлій. А молодежь себѣ вѣрна. Всѣ спятъ,
Какъ птенчики подъ крылышкомъ у матки
Въ гнѣздѣ родномъ, а не въ лѣсу чужомъ.
Спятъ крѣпко и спокойно всѣ, какъ будто
Разбудитъ утро ихъ для игръ веселыхъ,
А не для схватки — можетъ-быть, послѣдней.

Статилій (просыпаясь, подымается).
Ты все еще на стражѣ? Утомился?
Сейчасъ смѣню тебя, а ты уснешь.

Манлій. Спи лучше самъ. Вамъ, молодымъ, нужнѣе
Крѣпительный и долгій сонъ. Силъ много
Вы тратите на дикіе порывы
И страсти буйныя. Другое дѣло
Тѣ, у кого сѣдая голова,
Струится вяло въ жилахъ кровь, и гнутся
Подъ бременемъ годовъ спина и плечи.

Статилій. Ты правъ. И я когда-нибудь, какъ старый,
Испытанный въ бояхъ...

Манлій. А ты увѣренъ,
Что старость уготована тебѣ
Судьбой?

Статилій. А почему же нѣтъ? Откуда
Предчувствія такія у тебя?
Случилось что-нибудь?

Манлій. Безумецъ юный!
По-твоему, намъ нечего бояться?

Статилій. Но силы наши все растутъ; все больше
И больше прибываетъ къ намъ людей.
Манлій. Да кто идетъ къ намъ? Бѣглые рабы
И гладіаторы...
Статилій. Пускай; ихъ много,
И въ общей массѣ это — сила, помощь
Немалая. А тамъ пришлетъ подмогу
Намъ Галлія...
Манлій. Да что-то все не шлетъ.
Статилій. Ты сомнѣваешься, что аллоброги
Исполнятъ обѣщанье, сдержатъ слово?
Манлій. Народы эти хорошо я знаю...
Но что-бъ тамъ ни было, узнаемъ завтра, —
Что боги и судьба судили намъ...
Ступай теперь, провѣрь посты ночные.
Нельзя, чтобъ насъ враги врасплохъ застали;
А мы не знаемъ — гдѣ они теперь.

(Статилій уходитъ въ лѣсъ).

Манлій (одинъ у сторожевого огня).
Гм... Тучи все сгущаются. Какая
Зловѣщая, томительная ночь!
Туманъ холодный на сердце ложится,
Предчувствіе бѣды томитъ меня.
О, гдѣ ты, гдѣ, былая беззаботность,
Съ какой я прежде боя ожидалъ?
Иль это бремя старости, не болѣ?
Но странно, что и молодежь не въ духѣ
Была вчера, какъ показалось мнѣ. (Послѣ небольшой паузы)
Но боги мнѣ свидѣтели, — пошелъ я
За Катилиною не ради мести.
Вскипѣлъ отъ гнѣва я, когда себя
Обиженнымъ, поруганнымъ увидѣлъ, —
Кровь старая остыла не совсѣмъ,
Нѣтъ-нѣтъ да и вскипитъ хоть ненадолго.
Но я успѣлъ забыть свою обиду
И вслѣдъ за Катилиною пошелъ
Лишь ради самого же Катилины,
Чтобъ охранять его и защищать.
Онъ одинокъ среди толпы разгульныхъ
Своихъ друзей и сброда бѣглецовъ.
Его имъ не понять, а онъ такъ гордъ,
Что ихъ понять и не желаетъ даже.

(Подбрасываетъ въ огонь нѣсколько вѣтвей и стоитъ молча).

(Катилина выходитъ изъ своей ставки).

Катилина (про себя). Ужъ скоро полночь. Тихо все кругомъ.
А мнѣ не спится. Пусть холодный вѣтеръ
Чело обвѣетъ, въ грудь вдохнетъ мнѣ силы.
Онѣ нужны мнѣ... (Увидавъ Манлія)
А, мой старый Манлій!
Одинъ ты бодрствуешь во тьмѣ ночной?

Манлій. Оберегалъ я часто сонъ твой юный,
Когда еще ребенкомъ былъ ты. Помнишь?

Катилина. Прошло то время; съ нимъ же отлетѣлъ
И мой покой. Куда бы ни пошелъ я —
Меня преслѣдуютъ видѣнья всюду.
Въ груди моей — всѣ чувства, всѣ волненья;
Въ ней мѣста нѣтъ линь миру и покою.

Манлій. Гони докучливыя мысли. Нуженъ
Тебѣ покой. Понадобиться могутъ
Тебѣ вся мощь твоя, всѣ силы завтра,
Для общаго спасенія...

Катилина. Нѣтъ, Манлій,
Не отдохнуть мнѣ. Чуть глаза закрою,
Чтобъ хоть на краткій мигъ во снѣ забыться —
Меня диковинные сны тревожатъ.
Вотъ и сейчасъ прилегъ я, задремалъ,
И поплыли передо мной видѣнья
Еще загадочнѣй, темнѣй, тревожнѣй,
Чѣмъ прежнія. О, если бы я могъ
Ихъ разгадать, узнать, что̀ предвѣщаютъ!

Манлій. Довѣрь свой сонъ тревожный мнѣ. Быть-можетъ,
Сумѣю я истолковать его.

Катилина. Спалъ иль бодрствовалъ — не знаю, только мыслей
рой
Вихремъ несся, — мысль за мыслью пестрой чередой.
Сумракъ блѣдный и туманный былъ разлитъ вокругъ,
Но смѣнился непроглядной тьмой ночною вдругъ.
Тьму порою прорѣзала молніи змѣя,
Освѣщая сводъ и стѣны, — былъ въ могилѣ я.
Но высокъ былъ сводъ какъ небо, въ тучахъ грозовыхъ.
Тучи тѣней, вихри духовъ, блѣдныхъ и нѣмыхъ,
Тамъ свивались, налетая вмигъ со всѣхъ сторонъ,
Съ свистомъ воздухъ раздавался, гулъ стоялъ и стонъ, —
Словно море расходилось въ страхѣ предъ грозой,
Волны съ ревомъ ударялись о̀ берегъ крутой.
Тамъ же, всѣ въ цвѣтахъ, мелькали и толпы дѣтей,
Съ пѣснью о полузабытой родинѣ своей.
Слабый свѣтъ отъ нихъ струился, и узрѣлъ мой взоръ

Въ центрѣ круга свѣтового словно двухъ сестеръ;
Но одна — грознѣе ночи; ликъ покрыла тѣнь;
А другая — точно кроткій уходящій день.
О, какъ странно близки были обѣ мнѣ онѣ.
То одна лила улыбкой радость въ душу мнѣ,
То другая мнѣ грозила молніей очей;
Жутко, но и сладко было мнѣ слѣдить за ней.
Гордо выпрямясь, стояла у стола она,
На который опиралась свѣтлая жена.
Въ шахматы онѣ играли у того стола;
Ходъ, другой... игра ихъ скоро кончена была.
Проигравшая исчезла, скрылась подъ землей,
И за нею, свѣтлой, скрылся дѣтокъ свѣтлый рой.
Шумъ сильнѣй сталъ, тьма сгустилась, а изъ тьмы въ упоръ
На меня глядѣлъ побѣдный, молньеносный взоръ.
Закружилось и смѣшалось все нередо мной,
Я лишь два горячихъ глаза видѣлъ въ тьмѣ ночной...
И что грезилось мнѣ дальше въ смутно-странномъ снѣ —
Спитъ въ душѣ моей сномъ крѣпкимъ, спитъ на самомъ днѣ.
Если-бъ могъ я вспомнить дальше этотъ вѣщій сонъ,
Разгадать его сумѣлъ бы, — но забытъ мной онъ.

Манлій. Да, въ самомъ дѣлѣ сонъ мудреный; трудно
Истолковать его.

Катилина (задумчиво). О, если-бъ только
Припомнить мнѣ его! Но нѣтъ, напрасно
Я напрягаю память, силюсь...

Манлій. Полно,
Не мучь себя. Ну, что такое сны?
Воображенія игра пустая,
Мечты безъ смысла, безъ основы.

Катилина. Правъ ты!
Не стану больше голову ломать.
Я успокоился. Ступай же, Манлій,
И отдохни, а я здѣсь похожу,
Наединѣ съ самимъ собой побуду
И съ думами и мыслями своими. (Манлій уходитъ въ лѣсъ).

Катилина (нѣкоторое время ходитъ взадъ и впередъ около огня, готоваго погаснуть, затѣмъ останавливается и въ раздумьѣ говоритъ).

О, если-бъ только могъ я... Нѣтъ, бояться,
Задумываться — мужа недостойно.
И все же въ этотъ часъ глухой, полночный,

Въ уединеньи этомъ выступаетъ
Передо мной мой сонъ такъ живо...

(Между деревьями, неподалеку, словно изъ-подъ земли вырастаетъ Тѣнь въ образѣ старца, въ воинскихъ доспѣхахъ и въ тогѣ. Катилина отшатывается съ крикомъ).

Боги!

Тѣнь. Привѣтъ тебѣ, мой Катилина!

Катилина. Кто ты?
Что надо отъ меня тебѣ, видѣнье?

Тѣнь. Постой. Здѣсь вопрошать — за мною право,
И отвѣчать — тебѣ. Не узнаёшь
Ты голоса, гремѣвшаго когда-то
И смолкшаго давнымъ-давно?

Катилина. Какъ будто...
Но не увѣренъ я. Скажи — кого же
Ты ищешь здѣсь въ полночный часъ?

Тѣнь. Тебя.
И только этотъ часъ мнѣ данъ для странствій,
Блужданья по землѣ.

Катилина. Но заклинаю —
Скажи, открой мнѣ — кто же ты?

Тѣнь. Молчи.
Явился я призвать *тебя* къ отвѣту.
Зачѣмъ покой могилы возмущаешь?
Зачѣмъ изъ тихаго пріюта смерти
Меня ты гонишь и лишаешь мира
Забвенія? Тебя искать я долженъ,
Чтобъ грознымъ воплотомъ предостеречь
Отъ покушенія затмить мою,
Столь дорого мной купленную славу.

Катилина. Ахъ, этотъ голосъ! Я припоминаю...
Догадываюсь...

Тѣнь. Что теперь осталось
Отъ моего могущества? Лишь тѣнь,
Какъ самъ я; вмѣстѣ мы сошли въ могилу.
А дорого оно досталось мнѣ!
Души покоемъ заплатилъ при жизни
Я за него, потомъ — загробнымъ миромъ.
А ты теперь рукою дерзновенной
Меня лишить послѣдняго замыслилъ.
Иль нѣтъ иныхъ дорогъ къ дѣламъ великимъ?
Зачѣмъ же избирать какъ разъ мою?
Я власть сложилъ съ себя еще при жизни.
Мое же имя въ памяти людей,

Я минулъ, останется горѣть навѣки
Не кроткою звѣздой, но молньей грозной,
Застывшею на небесахъ ночныхъ.
Жить въ памяти людей, какъ образецъ
Высокихъ добродѣтелей душевныхъ,
За кротость, благородство чтимымъ быть
Я не хотѣлъ, — такую память сотни
Стяжали до меня и впредь стяжаютъ.
Себѣ хотѣлъ я памятникъ воздвигнуть
Изъ ужаса и крови! Я хотѣлъ,
Чтобъ вслѣдъ мнѣ съ изумленіемъ и страхомъ
Смотрѣли, какъ воздушному явленью,
Что вдругъ появится и вновь исчезнетъ,
Таинственностью грозною пугая.
Хотѣлъ, чтобъ робко на меня косились,
Какъ на того, къ кому никто и прежде
Не приближался, не дерзнетъ и впредь...
Я вотъ о чемъ мечталъ и — обманулся.
Тебя я зналъ, ко мнѣ стоялъ ты близко,
И я не угадалъ — какія зрѣли
Въ душѣ твоей мятежной сѣмена!
Но берегись! Сквозь пелену густую
Грядущаго я проникаю взоромъ,
Судьбу твою читаю я по звѣздамъ!

Катилина. Мою судьбу?.. Открой же мнѣ ее!

Тѣнь. Нѣтъ, лишь за темными вратами, —
Когда ихъ смерть намъ распахнетъ, —
Туманъ рѣдѣетъ передъ нами,
Мы зримъ грядущаго весь ходъ.
Одно лишь я тебѣ открою:
Ударъ послѣдній нанесешь
Себѣ ты собственной рукою,
Но отъ чужой руки умрешь!

(Расплывается туманомъ и исчезаетъ).

Катилина (послѣ небольшой паузы).
Исчезъ. Иль это сонъ былъ только? Нѣтъ.
Вотъ здѣсь стоялъ онъ. Лунный свѣтъ дрожащій
По лику помертвѣвшему скользилъ.
Его узналъ я. Старый кровопійца,
Диктаторъ бывшій, вышелъ изъ могилы,
Чтобъ напугать меня! Боится онъ
За свой вѣнецъ побѣдный; не за славу
Воителя, — за обаянье страха,

Чѣмъ память держится его... И тѣни
Безкровныя страдаютъ честолюбьемъ?

(Безпокойно бродитъ взадъ и впередъ).

Какой-то вихрь. То слышу — голосъ кроткій
Авреліи меня остерегаетъ,
То раздается Фуріи призывъ.
И тѣни прошлаго изъ нѣдръ могильныхъ
Выходятъ, чтобы мнѣ грозить. Ужели
Остановиться мнѣ? Назадъ вернуться?
Нѣтъ, смѣло къ цѣли я пойду и скоро
Ея достигну я побѣдоносно!

(Изъ лѣсу быстро выходитъ взволнованный Курій).

Курій. О, Катилина!
Катилина (пораженный). Ты? Ты здѣсь, мой другъ?
Курій. Не могъ я.
Катилина. Почему ты не остался,
Какъ я совѣтовалъ тебѣ?
Курій. Не въ силахъ
Я былъ, — меня гналъ страхъ...
Катилина. О, за меня!
И ринулся ты слѣпо вслѣдъ за мною,
Опасностью пренебрегая. Курій,
Какое легкомысліе!.. Но все же
Дай мнѣ обнять тебя. (Хочетъ обнять его).
Курій (отшатываясь). Нѣтъ, нѣтъ, не трогай!
Не подходи ко мнѣ!
Катилина. Да что съ тобой?
Курій. Скорѣй бѣги, спасайся, если можешь.
Со всѣхъ сторонъ идутъ враги твои,
Твой лагерь окруженъ, о, Катилина!
Катилина. Опомнись, — бредишь ты. Иль такъ дорога
Тебя разстроила?
Курій. Нѣтъ, нѣтъ, не то.
Но долженъ ты бѣжать, пока не поздно.
Измѣна... (Бросается къ его ногамъ).
Катилина (отступая). Что ты говоришь? Измѣна?
Курій. Подъ маской дружбы скрылася измѣна.
Катилина. Ты въ заблужденіи, мой другъ. Мнѣ вѣрны,
Какъ ты, всѣ буйные мои друзья.
Курій. Такъ берегись, — ихъ дружба вѣроломна!
Катилина. Приди въ себя! Твоя любовь ко мнѣ
И страхъ за друга стараго рисуютъ
Тебѣ опасности, которыхъ нѣтъ.

Курій. О, какъ слова твои меня терзаютъ!
Бѣги! Молю тебя и заклинаю!..
Катилина. Опомнись и разумно говори.
Зачѣмъ бѣжать мнѣ? Врагъ не знаетъ — гдѣ я.
Курій. Онъ знаетъ... Знаетъ и твои всѣ планы!
Катилина. Ты не въ умѣ! Онъ знаетъ?.. Невозможно!
Курій. О, если-бъ такъ! Но не теряй минуты.
Быть-можетъ, бѣгствомъ ты еще спасешься.
Катилина. Мнѣ измѣнили?.. Нѣтъ, не можетъ быть!
Курій (выхвативъ свой кинжалъ, протягиваетъ ему).
Вотъ, Катилина, — въ грудь мою вонзи!
Измѣнникъ и предатель — я!
Катилина. О, Курій,
Ты обезумѣлъ.
Курій. Да! Я обезумѣлъ!
Не спрашивай лишь о причинахъ. Самъ
Едва ихъ знаю. Знаю лишь, что предалъ
Тебя я, выдалъ замыслы твои.
Катилина (горестно). Во мнѣ убилъ теперь ты вѣру въ дружбу.
Курій. Вонзи же въ грудь мою кинжалъ скорѣе!
Не мучь меня презрительной пощадой!
Катилина (мягко). Живи, мой Курій! Встань! Ошибся ты,
Тебя прощаю я.
Курій (подавленный). О, Катилина!
Ты раздавилъ меня!.. Но торопись!
Бѣги! Ты слышишь ли? Не терпитъ время.
Враги идутъ... ворвутся въ лагерь скоро!..
Катилина. Остались въ городѣ у насъ друзья...
Курій. Они всѣ взяты; часть ихъ въ заточеньи..
А большинство убито.
Катилина (глядя передъ собой). О, судьба!
Курій (снова протягивая ему кинжалъ). Убей!
Катилина (кротко смотритъ на него). Орудіемъ ты былъ простымъ
И дѣйствовалъ, какъ должно.
Курій. Все равно.
Дай смертью грѣхъ мнѣ искупить! Покоя
Не знать мнѣ...
Катилина. Я тебя простилъ.
(Направляясь въ лѣсъ) Одно
Осталось мнѣ...
Курій (вскакивая). Да... бѣгство?
Катилина. Смерть героя! (Уходитъ въ лѣсъ).
Курій. Все тщетно. Онъ погибнетъ. Злѣйшей кары,
Чѣмъ эта кротость, заслужить не могъ я.

Послѣдую за нимъ, — лишить не можетъ
Меня онъ права одного — съ нимъ пасть!
(Спѣшитъ за Катилиной).
(Лентулъ и за нимъ двое гладіаторовъ крадутся между деревьями).
Лентулъ (тихо). Здѣсь кто-то говорилъ...
Одинъ изъ гладіаторовъ. Теперь все тихо.
Второй гладіаторъ. Быть-можетъ, то была ночная стража?
Прошла товарищей смѣнить...
Лентулъ. Быть-можетъ.
Но вотъ гдѣ надо намъ на стражѣ стать.
Мечи отточены у васъ, надѣюсь?
Первый гладіаторъ. Ихъ лезвея какъ молніи блестятъ.
Второй. Кусается мой мечъ. Въ бою послѣднемъ
На праздникѣ двоихъ имъ уложилъ.
Лентулъ. Теперь вы притаитесь за кустами;
Когда же человѣкъ тотъ, на кого
Я укажу вамъ, подойдетъ къ палаткѣ —
Вы бросьтесь и сзади поразите.
Первый. Все будетъ сдѣлано, мой господинъ.
(Гладіаторы прячутся. Лентулъ высматриваетъ кругомъ).
Лентулъ (про себя). Опасную игру я затѣваю.
Но времени терять нельзя. Сегодня —
Иль никогда мнѣ это не удастся...
Падетъ отъ ихъ ударовъ Катилина,
И некому тогда вождемъ быть, кромѣ...
Не пожалѣю золотыхъ посуловъ,
Куплю ихъ всѣхъ и поведу на Римъ.
Сенатъ въ безумномъ страхѣ не посмѣетъ
И помышлять сопротивляться намъ.
(Скрывается между деревьями).
Первый гладіаторъ (тихо другому).
Послушай, — кто онъ, этотъ незнакомецъ,
Котораго должны сразить мы?
Второй. Намъ-то
Какое дѣло — кто и что онъ? Лентулъ
Намъ платитъ, онъ за все и отвѣчаетъ.
Лентулъ (поспѣшно возвращается). Готовьтесь. Онъ идетъ сюда.
(Всѣ трое прячутся за кустами. Вслѣдъ затѣмъ изъ лѣсу выходитъ Катилина и направляется къ своей ставкѣ).
Лентулъ (шопотомъ). Впередъ!
Рубите въ спину! (Всѣ трое бросаются на Катилину).
Катилина (обнажая мечъ и защищаясь). Негодяи!.. Кто вы?
Лентулъ (гладіаторамъ). Рубите!
Катилина (узнавъ его). Ты — съ мечомъ на Катилину!
Первый гладіаторъ (въ испугѣ). Такъ это онъ!

Второй (отступая). — Нѣтъ, противъ Катилины
Меча не подыму! Бѣжимъ! (Оба гладіатора убѣгаютъ).
Лентулъ. Пади же
Отъ моего!

(Бьется съ Катилиной. Послѣдній выбиваетъ у него изъ рукъ мечъ. Лентулъ хочетъ бѣжать, но Катилина крѣпко держитъ его).

Катилина. Измѣнникъ и убійца!
Лентулъ (умоляюще). О, пощади меня!
Катилина. Твой гнусный плапъ
Написанъ на лицѣ твоемъ. Хотѣлъ ты
Убить меня и во главѣ стать самъ!
Не такъ ли?
Лентулъ. Такъ.
Катилина (смотритъ на него съ презрѣніемъ).
Ты жаждешь власти, — будь же
По-твоему.
Лентулъ. Что хочешь ты сказать?
Катилина. Я уступлю, и ты меня замѣнишь...
Лентулъ (пораженный). Ты хочешь?..
Катилина. Я хочу. Но ко всему
Ты долженъ быть готовъ. Намъ измѣнили.
Сенатъ всѣ наши замыслы узналъ
И выслалъ войско противъ насъ. Готово
Нашъ лагерь окружить оно.
Лентулъ. Что слышу!
Катилина. Сейчасъ товарищей я созову.
Иди за мной и выступи предъ ними,
Какъ вождь. Тебѣ я уступаю мѣсто.
Лентулъ (удерживая его). Нѣтъ, погоди.
Катилина. Намъ дороги минуты.
Заря заняться не успѣетъ, какъ
Тебѣ придется встрѣтить вражій натискъ!..
Лентулъ (боязливо).
Послушай, другъ... ты шутишь? Быть не можетъ!
Катилина. Насъ выдали, какъ я тебѣ сказалъ.
Теперь весь умъ свой проявить ты долженъ,
Всѣ дарованія свои на дѣлѣ.
Лентулъ. Насъ выдали? Такъ горе всѣмъ намъ, горе!
Катилина (съ презрительной улыбкой).
А, жалкій трусъ! Теперь дрожишь? И ты
Хотѣлъ меня свалить? Себя считалъ ты
Достойнымъ быть вождемъ!
Лентулъ. Прости меня!

Катилина. Ищи спасенія въ трусливомъ бѣгствѣ, —
Быть-можетъ, и удастся.
Лентулъ. Позволяешь?..
Катилина. Иль думалъ ты — готовъ я въ самомъ дѣлѣ
Покинуть постъ свой въ часъ бѣды нежданной?
Меня ты плохо знаешь, если такъ.
Лентулъ. О, Катилина!..
Катилина (холодно). Не теряй мгновеній.
Спасайся. Я же умереть сумѣю. (Отворачивается отъ него).
Лентулъ (про себя). Благодарю тебя за эту новость...
Воспользоваться ею постараюсь.
Я кстати съ этой мѣстностью знакомъ
И вражье войско отыскать сумѣю;
Затѣмъ его окольными путями
Я проведу сюда — тебѣ на гибель —
И тѣмъ куплю себѣ прощенье. Знай,
Что у змѣи, которую съ презрѣньемъ
Готовъ ты растоптать—еще есть жало! (Уходитъ).
Катилина (послѣ нѣкоторой паузы).
Такъ вотъ она, незыблемая дружба!
И на такихъ людей я опирался!
Одинъ по одному мнѣ измѣняютъ.
О, боги! Трусость и измѣна только
Гнѣздятся въ этихъ вялыхъ рабскихъ душахъ.
И я — глупецъ съ затѣями своими!
Хотѣлъ я Римъ — змѣиное гнѣздо—
Разрушить, раздавить; а Римъ давно —
Лишь куча мусора.

(Раздается бряцаніе оружія, которое все приближается. Катилина прислушивается).

Они идутъ,
Идутъ! Такъ мужи есть еще межъ ними,
Отважные и стойкіе борцы!
О, какъ воинственно мечи бряцаютъ,
Какъ гулко ударяютъ о щиты!
Меня воспламеняютъ эти звуки.
Близка развязка, близокъ часъ великій,
Когда все будетъ рѣшено. Привѣтъ ему!

(Изъ лѣса выходятъ Манлій, Статилій, Габиній и другіе заговорщики).

Манлій. Вотъ, Катилина, всѣ твои друзья;
По приказанью твоему я поднялъ
Тревогу въ лагерѣ...
Катилина. Сказалъ ты имъ?..

Манлій. Они все знаютъ.
Статилій. Знаемъ и готовы
Идти съ тобой, съ мечомъ въ рукахъ вступить
Въ послѣднюю борьбу — на жизнь иль смерть!
Катилина. Благодарю, товарищи! Но знайте —
Вамъ выборъ предстоитъ не между жизнью
И смертью; выборъ межъ геройской смертью
Въ борьбѣ неравной съ полчищами власти
И смертью-казнью загнанныхъ звѣрей.
Предъ вами выборъ — попытаться бѣгствомъ
Купить срокъ краткій жизни жалкой, или,
Подобно вашимъ гордымъ предкамъ, съ честью,
Съ мечомъ въ рукахъ на полѣ брани пасть!
Габиній. Послѣднее мы выбираемъ!
Нѣкоторые голоса. Смерть!
Веди, веди на смерть насъ, Катилина!
Катилина. Коль такъ — впередъ! Себѣ мы этой смертью
Безсмертіе прекрасное стяжаемъ,
И съ гордостью насъ будутъ вспоминать
Потомки...
Фурія (изъ-за деревьевъ позади) ...Или съ ужасомъ!
Нѣкоторые голоса. Смотрите —
Тамъ — женщина!..
Катилина (вздрагивая). Ты здѣсь опять? Зачѣмъ?
Фурія. Должна тебя сопровождать я къ цѣли.
Катилина. А гдѣ она? Ну, говори же!
Фурія. Каждый
Своимъ путемъ идетъ и ищетъ цѣли.
Къ своей стремишься ты путемъ борьбы
И безнадежной схватки. Въ этой схваткѣ
Ты пораженье обрѣтешь и смерть.
Катилина. Но также честь и славу и безсмертье.
Уйди! Великъ, прекраснъ этотъ часъ;
Я глухъ къ твоимъ зловѣщимъ, хриплымъ крикамъ!

(Аврелія показывается во входномъ отверстіи ставки).

Аврелія. Мой другъ...

(Боязливо останавливается при видѣ множества собравшихся).

Катилина (горестно). Аврелія!
Аврелія. О, что случилось?
Что значитъ этотъ шумъ и совѣщанье?..
Катилина. Я могъ забыть тебя... твою судьбу!..
Фурія (не замѣчаемая Аврелісй, презрительно, шопотомъ).
Колеблешься въ намѣреньи великомъ?
Такъ вотъ геройская готовность къ смерти!

Катилина (вспыливъ). Нѣтъ, нѣтъ, клянусь богами тьмы!
Аврелія (приблизясь). Скажи мнѣ,
Возлюбленный супругъ... О, не томи!
Фурія (шопотомъ сзади). Бѣги съ женой,—друзья пусть умираютъ!
Манлій. Не медли же! Веди насъ на равнину!..
Катилина. О, выборъ роковой! Но нѣтъ другого;
Достигнуть цѣли долженъ я, не смѣю
Остановиться я на полпути! (Кричитъ)
За мной, товарищи!
Аврелія (бросаясь ему на грудь). О, Катилина!
Не уходи... возьми меня съ собою!
Катилина. Нѣтъ, нѣтъ, Аврелія! Останься здѣсь!
Фурія (какъ прежде). Возьми ее съ собой. И обрѣтешь
Ты смерть, достойную твоей всей жизни
И имени, когда тебя сразятъ
Въ объятьяхъ женщины!
Катилина (отталкивая Аврелію). Поди ты прочь!
Меня лишить послѣдней чести хочешь?
Среди мужей я долженъ умереть;
Я жизнь свою загладить долженъ смертью
И съ имени пятно позора смыть!
Фурія. Вотъ такъ, вотъ такъ, мой гордый Катилина!
Катилина. Я порываю узы всѣ съ прошедшимъ,
Со всѣми грезами его пустыми.
Все то, что позади осталось, словно
И не существовало для меня...
Аврелія. О, не отталкивай меня, любимый!
Со мной не разлучайся, — заклинаю!
Моя любовь...
Катилина. Молчи! Душою я
Закрылъ глаза и уши для любви.
Отъ жизни мишуры я отвернулся
И вижу только блѣдную звѣзду
На небѣ памяти посмертной.
Аврелія. Боги!

(Безсильно прислоняется къ дубу у ставки).

Катилина (товарищамъ). Впередъ!
Манлій. Чу?.. Шумъ... Оружія бряцанье!
Многіе голоса. Враги идутъ!
Катилина. Навстрѣчу имъ смѣлѣй!
Позора ночь смѣнить должно сіянье
Кровавой славы. Мы утонемъ въ ней!

За мной! Падутъ подъ римскими мечами
Послѣдніе изъ истыхъ римлянъ съ нами!

(Быстро идетъ въ лѣсъ. Всѣ поспѣшно слѣдуютъ за нимъ. Изъ лагеря доносятся шумъ и воинственные крики).

Фурія. Онъ ушелъ. Близка я къ цѣли. Солнце выйдетъ изъ-за тучъ, —
Трупъ его холодный въ полѣ встрѣтитъ первый лучъ!

Аврелія (про себя). Какъ? Въ его смятенномъ сердцѣ больше нѣтъ любви? То — сонъ?
Нѣтъ. Въ безумномъ гнѣвѣ это самъ сказалъ мнѣ онъ.

Фурія. Звонъ мечей! О, Катилина, ты спѣшишь къ могилѣ самъ!
Скоро тѣнью отлетишь ты къ Стикса берегамъ.

Аврелія (вздрагивая). Кто ты, голосомъ зловѣщимъ, хриплымъ, сходная съ совой,
Что кричитъ передъ бѣдою ночью въ тьмѣ лѣсной?
Не оттуда-ль ты, гдѣ тѣни смертно-блѣдныя живутъ,
Звать явилась Катилину въ мрачный свой пріютъ?

Фурія. Тотъ пріютъ — цѣль нашихъ странствій; Катилина то постигъ
И свернулъ на путь туманный, скользкій...

Аврелія. ...Лишь на мигъ!
Добръ былъ, благороденъ сердцемъ, мужественъ, великъ душой
Онъ — пока ужаленъ не былъ мести злой змѣей.

Фурія. Свѣжъ платанъ бываетъ, зеленъ, пышно онъ цвѣтетъ,
Но ползучее растенье обовьетъ, сожметъ...

Аврелія. Вотъ и выдала себя ты! Узнаётъ мой скорбный слухъ
Въ рѣчи злобной Катилины твой мятежный духъ.
Ты, змѣя, мнѣ отравила жизни драгоцѣнный плодъ,
Ты мнѣ въ сердце Катилины преградила входъ!
Узнаю тебя, видѣнье сновъ тревожныхъ, демонъ злой,
Хищный духъ, всегда стоявшій между нимъ и мной!
У груди супруга сладко я мечтала объ одномъ —
Жизнь начать свѣтлѣе, чище, съ нимъ въ краю иномъ.
Въ сердцѣ буйномъ насаждала я спокойствія цвѣты,
Но рукой своей враждебной сорвала ихъ ты!
И любовь я нашу нѣжно берегла, какъ лучшій цвѣтъ;
Ядомъ ты на насъ дохнула, и — цвѣтка ужъ нѣтъ.

Фурія. Ты, ничтожная, мечтала направлять шаги его?
Нѣтъ, тебѣ не открывалъ онъ сердца своего!
Иль цвѣты твои взрасли бы пышно на такой землѣ?
Не фіалкамъ, бѣленѣ лишь расцвѣсти во мглѣ, —
Въ сердцѣ гордомъ Катилины не царилъ весенній день,

Осень тамъ давно стояла, съ ней туманъ и тѣнь.
Брось надежды! Скоро искра въ немъ послѣдняя замретъ,
И онъ — жертвой Немезиды въ мрачный адъ сойдетъ!

Аврелія (съ возрастающимъ жаромъ).

Нѣтъ, о, нѣтъ, клянусь богами свѣта, не бывать тому!
Для любви моей проложатъ слезы путь къ нему.
Если я найду супруга въ полѣ блѣднаго, въ крови —
Я сожму его въ объятьяхъ съ силою любви;
Всю любовь свою вдохну я въ онѣмѣвшія уста,
И душа, гнетъ темный сбросивъ, станетъ вновь чиста;
Вѣчный миръ въ ней водворю я, онъ избавится отъ мукъ, —
Жертву вырву, демонъ мести, у тебя изъ рукъ!
Я любви волшебной нитью къ царству свѣта прикую
Духъ его и въ смерти душу съ нимъ солью свою.
Тѣло-жъ — боги, къ вамъ взываю я съ послѣднею мольбой —
Рядомъ съ тѣломъ Катилины пусть найдетъ покой! (Уходитъ).

Фурія (глядя ей вслѣдъ). Ступай, ищи его, слѣпая! Крѣпко
Держу побѣду я въ своихъ рукахъ...
Шумъ битвы все растетъ. Оружья лязгъ
Слился со стонами людей и трескомъ
Щитовъ разбитыхъ. Живъ ли онъ еще?
О, часъ прекрасный! Тучи грозовыя
Готовы скрыть луну въ ея закатѣ...
Настанетъ вновь хоть ненадолго тьма
До наступленія зари; когда же
Займется день — покончено все будетъ.
Во мракѣ онъ умретъ, какъ жилъ во мракѣ!
О, дивный часъ! (Прислушивается)
Чу! Свистъ! Какъ будто буря
Осенняя свиститъ и, проносясь,
Вдали стихаетъ; все съ пути сметая,
Густыя полчища неудержимо
Впередъ стремятся, попирая павшихъ;
Какъ волны моря, катятся, уходятъ...
Я слышу павшихъ стоны и хрипѣнье...
То — пѣсня колыбельная, которой
Они себя и братьевъ усыпляютъ...
Сова ей вторитъ. Поздравляетъ мертвыхъ,
Достигшихъ царства мрачнаго тѣней!
(Послѣ небольшой паузы)
Все стихло. Мой теперь онъ, мой навѣки!
Теперь за нимъ послѣдовать могу я
Къ рѣкѣ забвенія и дальше, дальше —
Туда, гдѣ вѣчный мракъ царитъ. Но прежде

Хочу я трупъ его найти; насытить
Свой взоръ хочу я, созерцая ликъ,
Столь дорогой и ненавистный мнѣ,
Пока еще не искаженъ онъ солнцемъ
И воронами, ждущими добычи!

(Хочетъ идти, но вдругъ отшатывается назадъ).

Но что я вижу? Что скользитъ въ туманѣ?
Иль это испаренія болотъ
Отъ утренняго холода сгустились
И формы обрѣли?.. Все ближе, ближе...
То — Катилины тѣнь! Посмертный призракъ!..
Я вижу взоръ потухшій, щитъ разбитый
И мечъ безъ лезвея у мертвеца;
Смертельной раны только я не вижу...

(Катилина идетъ по лѣсу, блѣдный, осунувшійся, съ поникшей головой и блуждающимъ взоромъ).

Катилина (про себя). «Ударъ послѣдній нанесешь
Себѣ ты собственной рукою,
Но отъ чужой руки умрешь!» —
Мнѣ призракъ предсказалъ. Теперь я палъ,
Хотя ничья рука не поразила
Меня. О, кто же разрѣшитъ загадку?

Фурія. Привѣтъ тебѣ мой послѣ битвы!

Катилина. Кто ты?

Фурія. Я тѣни тѣнь.

Катилина. Ты — Фурія! И ты
Привѣтствуешь меня?

Фурія. И приглашаю
Въ пріютъ нашъ общій. Вмѣстѣ мы — двѣ тѣни —
Въ ладьѣ Харона поплывемъ съ тобой.
Но прежде примешь ты вѣнецъ побѣдный
Изъ рукъ моихъ! (Срываетъ цвѣты и плететъ изъ нихъ вѣнокъ).

Катилина. Что хочешь дѣлать ты?

Фурія. Я увѣнчать хочу твое чело.
Но почему одинъ сюда пришелъ ты?
Тѣнь павшаго вождя сопровождать
Должны толпы соратниковъ, съ нимъ павшихъ.
А гдѣ-жъ они?

Катилина. Всѣ спятъ.

Фурія. Всѣ спятъ еще?

Катилина. И будутъ долго спать. Да, всѣ уснули.
Тихонько выберись изъ лѣса въ поле...
Потише, чтобы ихъ не разбудить...
Увидишь — тамъ лежатъ они рядами.

Подъ лязгъ мечей они смежили очи
И не проснулися, какъ я, когда
Та пѣсня колыбельная затихла.
Меня ты тѣнью назвала. Я — тѣнь,
Тѣнь самого себя. Не думай только,
Что сонъ почившихъ тихъ и безмятеженъ.
О, нѣтъ!

Фурія. Скажи же, что имъ снится?

Катилина. Слушай...
Съ отчаяньемъ въ душѣ въ рядахъ переднихъ
Я бился: смерти я искалъ себѣ
Подъ римскими мечами. Справа, слѣва,
Вокругъ меня товарищи валились.
Статилій палъ, за нимъ Габиній, Манлій...
И Курій, грудь мою своей прикрывшій;
Всѣ пали подъ ударами мечей, —
Мечей, однимъ лишь мною пренебрегшихъ!
Да, римскіе мечи меня презрѣли.
И со щитомъ разбитымъ я стоялъ,
Какъ оглушенный, самъ себя не помня,
Не сознавая ничего, пока
Вокругъ, какъ море, битва бушевала.
Опомнился тогда лишь я, когда
Все стихло близъ меня. Я оглянулся —
Отхлынуло далеко это море,
Едва виднѣлось гдѣ-то позади.
Какъ долго я стоялъ одинъ — не знаю;
Одно лишь знаю — я одинъ живой
Стоялъ средь мертвецовъ. Но ихъ глаза
Потухшіе, улыбка, что змѣилась
На ихъ устахъ — все говорило мнѣ,
Мнѣ, одному живому среди мертвыхъ,
Мнѣ, храброму вождю, который бился
За римлянъ и за Римъ и поощренъ
Остался острыми мечами римлянъ, —
О ихъ презрѣніи ко мнѣ. Тогда-то
И умеръ Катилина.

Фурія. Нѣтъ, ты ложно
Толкуешь спящихъ взгляды и улыбку;
Невѣрно — будто бы тогда ты умеръ.
Улыбкою и взглядомъ приглашали
Они тебя заснуть, какъ сами спятъ!..

Катилина. О, если-бъ только могъ я!

Фурія. Успокойся,

Героя тѣнь, — часъ сна ужъ недалекъ...
Склони чело; его я увѣнчаю.

(Протягиваетъ къ нему руку съ вѣнкомъ).

Катилина. Вѣнокъ изъ маковъ? Фу!

Фурія (въ безумномъ весельѣ). Ну да; изъ маковъ.
Иль маки некрасивы? Окаймятъ
Кровавымъ пурпуромъ чело твое!

Катилина. Брось, брось! Я ненавижу этотъ пурпуръ!

Фурія (съ громкимъ смѣхомъ).
Ты больше любишь тусклые цвѣта?
Такъ я тебѣ достану тотъ зеленый
Вѣнокъ изъ тростника, который сняли
Съ кудрей намокшихъ Сильвіи, когда
Ее изъ Тибра вытащили мертвой!

Катилина. Какія ты видѣнья вызываешь!..

Фурія. Иль съ римскихъ площадей тебѣ достать
Репейника, обрызганнаго кровью
Твоихъ согражданъ, — кровью, что лилась
По твоему велѣнью, Катилина?

Катилина. О, замолчи!

Фурія. Иль предпочтешь вѣнокъ
Изъ листьевъ дуба, что нашъ домъ родимый
Своею сѣнью прикрывалъ отъ солнца
И съ той поры засохъ, какъ съ громкимъ крикомъ
Метнулась въ мутный Тибръ безчестья жертва?

Катилина. Всѣ чаши мести вылей на меня,
Но разомъ!..

Фурія. Я — души твоей лишь эхо,
Я — память, судъ твой надъ самимъ собой.

Катилина. Зачѣмъ какъ разъ теперь?..

Фурія. Дойдя до цѣли,
Усталый путникъ взоръ бросаетъ вспять
На пройденный имъ путь.

Катилина. А я — у цѣли?
Я ни въ живыхъ ни въ мертвыхъ. Гдѣ же цѣль?

Фурія. Близка — коль хочешь.

Катилина. У меня нѣтъ воли.
Когда погибло все, чего желалъ я,
И воля умерла во мнѣ. (Отмахиваясь руками)
Уйдите,
Уйдите, блѣдныя видѣнья, тѣни
Мужей и женъ! Что отъ меня вамъ надо?
Я не могу вернуть вамъ... Какъ ихъ много!

Фурія. Къ землѣ еще привязана ты, тѣнь!

Порви всѣ эти узы. Дай скорѣе
Мнѣ на чело твое надѣть вѣнокъ;
Цѣлительной онъ силой обладаетъ:
Покой даритъ и убиваетъ память.

Катилина (беззвучно). Онъ убиваетъ память? Смѣю-ль вѣрить
Твоимъ словамъ? О, такъ скорѣй и крѣпче
Надвинь его мнѣ на чело!

Фурія (надѣвая вѣнокъ ему на голову). Увѣнчанъ!
Такимъ предстанешь ты предъ княземъ тьмы.

Катилина. Идемъ! Меня влечетъ туда, во тьму,
Домой, въ обитель всѣхъ тѣней. Идемъ же!
Но что̀ шаги мои такъ замедляетъ?
Какъ будто держитъ что̀ меня здѣсь... А!..
Я чувствую, что позади, въ туманѣ
На небѣ утреннемъ, горитъ звѣзда;
Она меня привязываетъ къ жизни
Къ себѣ притягиваетъ, какъ луна
Морскія волны.

Фурія. Слѣдуй же за мною!

Катилина. Она блеститъ, и манитъ, и зоветъ!
Я слѣдовать не въ силахъ за тобою,
Пока звѣзда та не погаснетъ — или
Завѣса тучъ ее отъ глазъ не скроетъ.
А! Вижу! Это не звѣзда, а сердце!
Горячее, трепещущее сердце;
Оно меня привязываетъ, тянетъ,
Какъ тянетъ звѣздочка къ себѣ ребенка.

Фурія. Такъ пусть то сердце перестанетъ биться!

Катилина. Что̀ хочешь ты сказать?

Фурія. Кинжалъ я вижу
За поясомъ твоимъ. Одинъ ударъ —
Звѣзда погаснетъ, разобьется сердце
И съ нимъ преграда межъ тобой и мною!

Катилина. Чтобъ самъ я потушилъ?.. Кинжалъ остеръ...

(Вскрикиваетъ)

Аврелія! Аврелія! О, гдѣ ты?
Была бы здѣсь ты... Нѣтъ! Я не хотѣлъ бы
Съ тобой теперь увидѣться. И все же
Мнѣ чудится — все стало бы иным;
Я миръ обрѣлъ бы, если-бъ могъ склониться
На грудь твою, покаяться...

Фурія. А въ чемъ?

Катилина. Во всемъ, что̀ дѣлалъ я и чѣмъ я былъ.

Фурія. Нѣтъ, слишкомъ поздно каяться! Отсюда,

Куда пришелъ ты, нѣтъ путей назадъ...
Домой иду я. Ты же попытайся,
Безумецъ, и къ груди ея прильни;
Увидишь, — обрѣтешь ли миръ желанный!

(Съ возрастающимъ возбужденіемъ)

Они всѣ встанутъ — тысячи убитыхъ
И женщины, которыхъ соблазнилъ ты,
И всѣ придутъ къ тебѣ: отдай намъ жизнь,
И кровь, и честь, которыя ты отнялъ!
И въ ужасѣ ты побѣжишь отъ нихъ
Во мракъ ночной, по всей землѣ скитаться,
Во всѣ углы ея кидаться будешь,
Какъ Актеонъ, преслѣдуемый псами,
Какъ тѣнь, гонимая тѣнями!

Катилина. Вижу.
Я вижу это, Фурія: теперь
Лишенъ я мира на землѣ: пріюта
Мнѣ въ царствѣ свѣта нѣтъ, и за тобою
Готовъ идти въ обитель тьмы, тѣней.
А нить послѣднюю — я перерѣжу!

Фурія. Ты за кинжалъ хватаешься; зачѣмъ?

Катилина. Она умретъ! (Молнія и громъ).

Фурія. Ликуютъ силы мрака, —
Одобрили рѣшеніе твое!
Смотри же — вонъ идетъ твоя жена!

(Аврелія идетъ по лѣсу, боязливо озираясь).

Аврелія. О, гдѣ-жъ искать его? Куда онъ скрылся?
Его я не нашла средь мертвыхъ... (Увидавъ Катилину),
Небо!
Мой Катилина!.. (Спѣшитъ къ нему).

Катилина (обезумѣвъ). Замолчи! Не смѣй,
Не смѣй произносить ты это имя!

Аврелія. Ты живъ!.. (Хочетъ броситься ему на грудь).

Катилина (отстраняя ее). Уйди! Я умеръ.

Аврелія. Мой любимый,
О, выслушай!..

Катилина. Молчи! Не стану слушать!
Ты ненавистна мнѣ. Твое коварство
Я разгадалъ. Меня обречь хотѣла
На ужасъ полужизни ты! Не смѣй же
Глядѣть такъ на меня въ упоръ! Пронзаютъ
Твои глаза мнѣ душу, какъ кинжаломъ...
Ахъ, да, — кинжалъ!.. Умри! Закрой глаза!

(Выхвативъ кинжалъ изъ-за пояса, хватаетъ ее за руку).

Аврелія. Благіе боги, бодрствуйте надъ нами!

Катилина. Закрой глаза, закрой ихъ, говорю!
Въ нихъ звѣздный блескъ, въ нихъ утреннее небо...
Пусть утренняя звѣздочка погаснетъ!
Пусть сердце перестанетъ биться. (Снова ударъ грома).
Слышишь?
Привѣтъ прощальный боги жизни шлютъ
Тебѣ и Катилинѣ! Такъ умри же!

(Заноситъ надъ нею кинжалъ; она убѣгаетъ въ ставку; онъ за нею).

Фурія (прислушиваясь). Она съ мольбою руки простираетъ,
О жизни молитъ; но не внемлетъ онъ.
Ударилъ въ сердце... Кончено. Свершилось!

(Катилина съ кинжаломъ въ рукѣ медленно выходитъ изъ ставки).

Катилина. Свободенъ! Скоро я съ земли исчезну.
Душа ужъ погружается въ туманъ
Забвенія; я вижу, слышу смутно,
Какъ будто надо мной сомкнулись волны.
Ты знаешь, что я этимъ вотъ кинжаломъ
Убилъ? Я не ее одну убилъ,
Но всѣ сердца земныя, все живое
И все, что зеленѣетъ и цвѣтетъ;
Я погасилъ и звѣзды всѣ на небѣ,
И ясную луну, и солнца пламя.
Смотри сама — оно все не восходитъ
И не взойдетъ ужъ больше никогда!
Теперь весь кругъ земной необозримый
Могилой сталъ, огромною, холодной,
Съ свинцовымъ сводомъ; и подъ этимъ сводомъ
Стоимъ мы двое — ты и я — внѣ свѣта,
Внѣ тьмы, внѣ жизни и внѣ смерти, двое
Тѣней, не знающихъ покоя.

Фурія. Мы
Стоимъ у цѣли нашей, Катилина!

Катилина. Нѣтъ, шагъ еще — тогда достигну цѣли.
Освободи меня отъ тяжкой ноши.
Не видишь — трупъ ношу я на спинѣ,
Трупъ Катилины? Колъ въ него вонзи!
(Показываетъ на кинжалъ)
Освободи меня! Вотъ колъ, которымъ
Я утренней звѣздѣ глаза пронзилъ.
Бери его и трупъ пронзи; утратитъ
Тогда онъ власть свою, и я — свободенъ.

Фурія (схвативъ кинжалъ). Да будетъ такъ, мятежная душа,
Которую любила, ненавидя!

Стряхни съ себя земное бремя — прахъ —
И вслѣдъ за мной въ забвенье погрузись!

(Глубоко вонзаетъ кинжалъ ему въ грудь; онъ падаетъ къ подножію дуба).

Катилина (черезъ нѣкоторое время приходитъ въ себя, проводитъ рукою по лбу и говоритъ слабымъ голосомъ).

Духъ загадочный, постигъ я смыслъ реченнаго тобой!
Самъ себя сгубилъ, но палъ я отъ руки чужой.
Немезида отомстила. Мракъ, укрой меня скорѣй!
Стиксъ, неси ко мнѣ Харона! Пусть въ ладьѣ своей
Онъ умчитъ меня отъ жизни по своимъ сѣдымъ волнамъ
Въ царство смерти. Двѣ дороги я увижу тамъ;
Молча я сверну налѣво — въ мрачный адъ глухимъ путемъ.

Аврелія (блѣдная, съ окровавленной грудью, шатаясь, выходитъ изъ ставки).

Нѣтъ, въ Элизіумъ—направо мы съ тобой свернемъ!

Катилина (вздрагивая).

Этотъ свѣтлый образъ?.. Въ страхѣ узнаю его едва...
Ты — Аврелія! Скажи мнѣ — ты еще жива?

Аврелія (становясь возлѣ него на колѣни).

Я жива, чтобъ гнетъ тяжелыхъ мукъ помочь тебѣ стряхнуть.
Я жива, чтобъ лечь съ тобою рядомъ и — уснуть.

Катилина. Ты жива!

Аврелія. На мигъ сознанье мнѣ затмила ночи мгла,
Но любовь супруги снова силы мнѣ дала,
И къ тебя я поспѣшила въ мигъ послѣдній, роковой, —
Съ грудью грудь, уста съ устами — вкусимъ мы покой.

Катилина. О, какъ сладко!.. Но безсильна будетъ вся любовь твоя.
Мы должны разстаться. Мести въ жертву отданъ я.
Ты стопой свободной, легкой въ царство свѣта поспѣшишь,
Я — сойду во мракъ забвенья, въ мертвенную тишь!..

Аврелія (указывая на разгорающуюся въ небѣ зарю).

Нѣтъ, любовь сильнѣе мести. Смерти ночь намъ не страшна.
Видишь, тучи всѣ исчезли, даль свѣтла, ясна...
(Поднимая обѣ руки къ небу)

Свѣтъ побѣду торжествуетъ! День грядетъ, великій день!
Другъ, иди за мною... Кроетъ очи смерти тѣнь!..
(Опускается на землю возлѣ него).

Катилина (прижимаетъ ее къ себѣ и, собравъ послѣднія силы, говоритъ).

О, какое счастье! Вспомнилъ ясно свой забытый сонъ:
Свѣтъ опять потокомъ хлынулъ, — мракъ былъ побѣжденъ,
И навстрѣчу дню, ликуя, раздался вновь дѣтскій хоръ.
Ахъ... рука моя слабѣетъ... угасаетъ взоръ...
Но въ душѣ свѣтъ небывалый, и встаетъ передо мной
Озаренный имъ путь бурный жизни прожитой.
Жизнь моя — рядъ вспышекъ молній, буря ночи грозовой;
Смерть — заря, что̀ день встрѣчаетъ, свѣтлый день иной!
(Склоняясь лицомъ къ лицу Авреліи)
Мракъ души тобой разсѣянъ, водворенъ въ ней миръ и свѣтъ,
И въ Элизіумъ иду я за тобою вслѣдъ!
(Вырываетъ кинжалъ изъ своей груди и говоритъ угасающимъ голосомъ)
Духи утра насъ лобзаютъ... имъ вручаемъ душу мы...
Ты любовью побѣдила духовъ злобныхъ тьмы!

(Во время послѣдняго монолога Фурія все дальше и дальше уходитъ въ глубину сцены, гдѣ и скрывается. Голова Катилины падаетъ на грудь Авреліи; оба умираютъ).

БОГАТЫРСКІЙ КУРГАНЪ.

Годъ спустя послѣ своего перваго дебюта въ области драматическаго творчества драмою „Катилина“, то-есть въ 1850 г., Ибсенъ написалъ одноактную драматическую поэму: „Богатырскій курганъ“, которая 26 сентября того же года была поставлена на сценѣ Христіанійскаго театра и имѣла нѣкоторый успѣхъ.

„Богатырскій курганъ“, переработка набросанной Ибсеномъ еще въ Гримстадѣ драмы „Норманны“, стоитъ значительно ниже „Катилины“ какъ по оригинальности замысла, такъ и по выполненію; въ этой переработкѣ особенно сильно отразилось господствовавшее тогда въ скандинавской литературѣ вліяніе датскаго поэта Эленшлегера, главы сѣвернаго романтизма.

Нѣмецкій критикъ Лотаръ, отмѣчая незначительность названной поэмы, какъ художественнаго произведенія, не можетъ однако не признать за нею немаловажнаго значенія въ ряду произведеній Ибсена, такъ какъ и въ ней замѣтно проступаютъ характерныя для всего творчества Ибсена черты. Такъ, въ „Богатырскомъ курганѣ“ впервые выдвигается одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ всего драматическаго творчества Ибсена — идея жертвы. Родной городокъ писателя Скіенъ изстари былъ извѣстенъ своимъ благочестивымъ строго-піэтическимъ духомъ. Отсюда началось немало религіозныхъ движеній, на этой почвѣ выросла замѣчательная личность пастора Ламмерса (см. предисловіе къ „Бранду“); здѣсь же приходится искать и корни этическихъ идей, проникающихъ творчество великаго норвежскаго драматурга, которое такъ мѣтко опредѣляетъ Антонъ Шёнбахъ, говоря, что весь психическій анализъ и синтезъ Ибсена, самый процессъ его творчества проникнуты духомъ протестантизма, и что его этика, исканіе правды, борьба съ ложью и лицемѣріемъ носятъ религіозный отпечатокъ. Самая идея, въ осуществленіи которой Ибсенъ видитъ величайшее проявленіе истинной человѣчности, идея жертвы — глубоко религіозна. Среди драмъ Ибсена едва ли и найдется хоть одна, въ которой этотъ мотивъ не звучалъ бы болѣе или менѣе сильно. Жертва — вотъ то „чудо изъ чудесъ“, которое спасло бы бѣдную Нору („Кукольный домъ“), если бы Гельмеръ взялъ на себя ея вину. Жертва Гедвигъ („Дикая утка“) должна была возстановить разрушенный семейный очагъ семьи Экдаля. На идеѣ жертвы построена вся жизненная драма Бранда. Осуществленіе этой идеи доведено въ „Брандѣ“ до крайнихъ предѣловъ трагизма. Въ „Богатырскомъ курганѣ“ идея эта выражена еще робко, не вполнѣ умѣло; но чѣмъ дальше, тѣмъ Ибсенъ развивалъ этотъ мотивъ — какъ и всякій находимый имъ новый — все смѣлѣе, страстнѣе, впадая порою въ сильныя преувеличенія, но тѣмъ не менѣе все правдивѣе и совершеннѣе въ смыслѣ пси-

хологической тонкости. То же самое приходится сказать о другомъ мотивѣ, впервые прозвучавшемъ въ словахъ Бланки:

О, развѣ человѣку надо видѣть
Глазами все и слышать все ушами?

Со временемъ Ибсенъ все больше и больше учился самъ и училъ другихъ переносить драму изъ міра внѣшнихъ чувствъ въ міръ внутреннихъ. Извѣстный интересъ представляетъ „Богатырскій курганъ“ также благодаря отдѣльнымъ поэтическимъ мѣстамъ и общему лирическому настроенію: такъ и слышно, какъ молодой поэтъ самъ упивается красивыми громкими словами о родимомъ Сѣверѣ и его герояхъ. Благозвучію этихъ словъ, по мнѣнію Лотара, пьеса, пожалуй, главнымъ образомъ и была обязана благосклоннымъ пріемомъ ея на сценѣ Христіанійскаго театра.

Успѣхъ пьесы побудилъ Ибсена поставить „Богатырскій курганъ“ въ слѣдующемъ сезонѣ на сценѣ руководимаго имъ театра въ Бергенѣ, но объ этомъ представленіи не было даже упомянуто въ отчетахъ мѣстныхъ газетъ.

БОГАТЫРСКІЙ КУРГАНЪ.

Драматическая поэма въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Родрикъ, старый отшельникъ.
Бланка, его пріемная дочь.
Гандальфъ, норвежскій коннунгъ.
Асгавтъ, старый викингъ.
Роллоугъ } викинги.
Йостейнъ }
Геммингъ, молодой скальдъ.
Прочіе викинги.

Дѣйствіе происходитъ на островкѣ близъ Сициліи незадолго до введенія христіанства въ Норвегіи.

Поляна въ рощѣ близъ морского берега. Налѣво, въ глубинѣ, между деревьями развалины античнаго храма. По срединѣ поляны высокій могильный курганъ съ водруженнымъ на вершинѣ камнемъ-памятникомъ, украшеннымъ вѣнкомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Родрикъ (справа) сидитъ и пишетъ. Бланка (слѣва) полулежитъ на травѣ.

Бланка. На зари волну волна
Набѣгаетъ въ жаркомъ спорѣ,
Небо — огненное море;
Но какъ въ храмѣ тишина.
Кроткимъ голубемъ слетаетъ

Лѣтній вечеръ на поля,
И усталая земля
Вѣки сонныя смыкаетъ.
Дремлютъ статуи боговъ
Тамъ въ священной, тихой сѣни, —
Бѣломраморныя тѣни
Міра — достоянья сновъ.
Камень здѣсь нѣмой свидѣтель
Въ вѣчность канувшихъ временъ:
Каменный объемлетъ сонъ
Вѣрность, храбрость, добродѣтель.
Очарованный мертвецъ —
Югъ съ отжившими богами! (Встаетъ).
Но страна есть за морями —
Мнѣ разсказывалъ отецъ;
Боги тамъ не умирали.
И не въ краскахъ, не въ камняхъ —
Живы въ подвигахъ, въ дѣлахъ,
Въ богатырскихъ взмахахъ стали.
И когда мнѣ грудь гнететъ
Вечеръ Юга тихій, душный,
Предо мной въ дали воздушной
Сѣверъ гордый возстаетъ.
Здѣсь — печальныя руины,
Сонъ и мертвенный покой;
Тамъ — могучія лавины,
Жизнь весной и смерть зимой...

О, если-бъ крылья лебединыя имѣла!..

Родрикъ (послѣ нѣкотораго перерыва, продолжая писать).

«Такъ Рагнарокъ борьбу всѣхъ дикихъ силъ
Собою разрѣшилъ и новой жизни
Начало положилъ; да будутъ править
Потомствомъ Аскура—Альфадеръ, Бальдуръ
И Фрейя кроткая отнынѣ съ міромъ!»
(Съ минуту наблюдаетъ за Бланкой).
Ты, Бланка, снова унеслась въ міръ грезъ,
Задумчиво вперила взоръ въ пространство;
Чего ты ищешь тамъ?

Бланка (встаетъ и подходитъ къ нему).

Прости, отецъ!
Я съ лебедемъ, проносящимся надъ моремъ,
Хотѣла пролетѣть хоть часть пути...

Родрикъ. Но если-бъ я тебя, прекрасный лебедь,
Въ твоемъ полетѣ не остановилъ, —

Какъ знать — куда бы залетѣла ты?
На дальній Сѣверъ — въ Тулу?

Бланка. Ну такъ что же?
Туда весною улетаетъ лебедь,
Чтобъ осенью опять назадъ вернуться.
(Садится у ногъ старика)
Но я не лебедь; я скорѣе соколъ,
Плѣненный, прирученный соколь, смирно
Сидящій съ золотымъ кольцомъ на ножкѣ.

Родрикъ. А гдѣ же у тебя кольцо?

Бланка. Любовь,
Моя любовь къ тебѣ, отецъ! Такъ крѣпко
Опутанъ ею юный соколъ твой,
Что, какъ ни хочется, не упорхнетъ. (Встаетъ).
Когда-жъ летитъ надъ моремъ плавно лебедь,
Какъ облако, что по вѣтру плыветъ, —
Мнѣ вспоминаются твои разсказы
О жизни храбрецовъ въ далекой Туле,
И лебедь превращается въ ладью
Съ чудовищною головой дракона
И золоченымъ вымпеломъ; въ ладьѣ же
Я вижу юнаго героя; блещетъ
Изъ мѣди шлемъ на золотыхъ кудряхъ,
Сжимаетъ мечъ могучая рука...
Я за героемъ слѣдую въ набѣгъ,
И рѣютъ вкругъ ладьи мечты мои,
Какъ птицы, и ныряютъ, какъ дельфины,
Въ волнахъ фантазіи глубокихъ.

Родрикъ. Бланка,
Мечтательница ты. Я опасаюсь,
Что слишкомъ часто мысль твоя гоститъ
На дальнемъ Сѣверѣ.

Бланка. Но кто виною?

Родрикъ. Не я-ль по-твоему?

Бланка. А кто же? Самъ ты
Живешь лишь памятью о юныхъ дняхъ,
Протекшихъ между сѣверныхъ героевъ.
Не отрицай, что словно молодѣешь,
Едва начнешь повѣствовать о битвахъ,
Единоборствахъ викинговъ, набѣгахъ, —
Глаза твои блестятъ, пылаютъ щеки...

Родрикъ. Да, да, но самъ я жилъ среди норманновъ,
И все, что шепчетъ память мнѣ о нихъ —

Листки изъ саги собственной моей.
А ты, дитя — ты выросла на югѣ:
И горъ въ серебряномъ уборѣ зимнемъ
Ты сроду не видала: не слыхала
Призывныхъ звуковъ рога боевого, —
Такъ чѣмъ плѣнилась ты въ моихъ разсказахъ?

Бланка. О, развѣ человѣку надо видѣть
Глазами все и слышать все ушами?
Какъ будто у души нѣтъ зрѣнья, слуха!
Тѣлесными очами вижу я
Всѣ переливы яркихъ красокъ розы.
Духовнымъ взоромъ же я проникаю
И въ чашечку цвѣтка: за лепестками
Душистыми лукаво притаился
Прекрасный эльфъ и напѣваетъ тихо
О силѣ той таинственной, небесной,
Которая и переливы красокъ
И сладкій ароматъ дала цвѣтку.

Родрикъ. Права ты, дочь моя.

Бланка. И я готова
Повѣрить: потому какъ разъ, что мнѣ
Не довелось того воочью видѣть,
Оно и кажется мнѣ вдвое краше!
Я по тебѣ сужу, отецъ. Охотно
Ты вспоминаешь старыя преданья
И пѣсни о богахъ и о герояхъ,
Заносишь рунами ихъ на пергаментъ;
Но если я когда тебя повѣдать
Прошу о жизни собственной твоей
На Сѣверѣ,—молчишь, и, мнѣ сдается,
Тогда тяжелыя воспоминанья
Въ умѣ твоемъ тѣснятся, исторгая
Тяжелый вздохъ за вздохомъ изъ груди.

Родрикъ (вставая).
Не говори, дитя, объ этомъ больше.
Найдется ли на свѣтѣ кто, чья память
О юныхъ дняхъ была-бъ вполнѣ свободна
Отъ горечи? Тѣмъ болѣ, знаешь ты,
Что сѣверяне — лютые бойцы.

Бланка. А Юга воины не такъ же люты?
Иль ночь забылъ ты — десять лѣтъ назадъ —
Когда здѣсь высадились чужеземцы,
Разграбили, опустошили островъ?..

Родрикъ (съ явнымъ безпокойствомъ).
Довольно же; пойдемъ. Заходитъ солнце, —
Пора. (Идетъ).
Бланка (слѣдуя за нимъ). Дай руку мнѣ. (Останавливаясь)
Нѣтъ, погоди.
Родрикъ. Ну, что съ тобой?
Бланка. Я въ первый разъ забыла...
Родрикъ. Забыла? Что?
Бланка (указывая на курганъ). Взгляни же на вѣнокъ.
Родрикъ. Я вижу...
Бланка. Онъ вчерашній и увядшій.
Забыла вечеромъ сплести я новый.
Но прежде въ хижину сведу тебя,
Потомъ нарву цвѣтовъ: росой вечерней
Омытыя фіалки пахнутъ слаще;
Всего прекраснѣе бываетъ роза,
Полусвернувшаяся въ сладкой дремѣ.

(Уходитъ въ глубину направо).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Справа выходятъ Гандальфъ и викинги.

Асгавтъ. Отсюда недалеко и до мѣста.
Гандальфъ. Ну гдѣ-жъ оно? Указывай.
Асгавтъ. Постой,
Сначала обогнуть придется лѣсъ.
У моря на утесѣ возвышались
Развалины стѣны, когда отсюда
Мы отплывали; вѣрно, и донынѣ
Стоятъ еще.
Йостейнъ. Повѣдай, коннунгъ Гандальфъ,
Зачѣмъ тутъ попусту блуждаемъ мы?
Роллоугъ. Да, да, скажи, что дѣлать намъ...
Гандальфъ. Молчать
И слѣпо коннунгу повиноваться. (Асгавту)
Сдается мнѣ, что вы въ послѣдній разъ,
Когда навѣдались сюда на островъ,
Перестарались, — все опустошили.
Не худо было бы и мнѣ на долю
Оставить кое-что, чѣмъ месть насытить.
Роллоугъ. Ты—коннунгъ нашъ; тебѣ на тингѣ дали
Мы клятву вѣрности; но за тобою
Послѣдовали мы въ морской походъ
Затѣмъ, чтобъ чести раздобыть и славы.

Йостейнъ. И золота и всякаго богатства.
Викинги. Таковъ законъ,—его ты долженъ чтить.
Гандальфъ. Не хуже васъ законы всѣ я знаю.
А вы скажите, есть у насъ обычай,
Вѣками утвержденный —мстить кроваво
За родича, сраженнаго врагомъ,
Безъ погребенья брошеннаго въ полѣ
Въ добычу хищнымъ воронамъ?
Викинги. Да. да.
Гандальфъ. Готовьте же мечи: вамъ предстоитъ
Отмстить за коннунга, мнѣ — за отца!
(Среди викинговъ движеніе).
Йостейнъ. За коннунга?
Роллоугъ. И за отца?
Гандальфъ. Внимайте.
Я разскажу вамъ все. Извѣстно вамъ,
Что мой отецъ былъ коннунгомъ могучимъ;
Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ
Въ походъ послѣдній свой съ дружиной стройной
И вѣрнымъ Асгавтомъ отплылъ въ ладьяхъ.
Два года онъ провелъ въ набѣгахъ славныхъ,
То налеталъ на берега Бретани,
То въ Валландѣ, то въ Блоландѣ гостилъ,
И наконецъ, въ Сициліи воюя,
Про этотъ островъ услыхалъ, гдѣ замокъ
Себѣ на скалахъ нѣкій вождь построилъ
И въ немъ скопилъ несмѣтныя богатства.
Отецъ здѣсь высадился темной ночью,
Огнемъ, мечомъ обрушился на замокъ:
Какъ разъяренный сѣверный медвѣдь,
Онъ шелъ на приступъ во главѣ дружины
И, въ исступленьи боевомъ берсэрка,
Не замѣчалъ, какъ таяла дружина...
Когда заря зажглась на небѣ—замокъ
Въ развалинахъ дымящихся лежалъ.
И съ горстью воиновъ остался Асгавтъ:
Отецъ и свыше сотни храбрецовъ
Сквозь дымъ и пламя вознеслись въ Валгаллу.
Асгавтъ. Я поднялъ паруса и въ путь обратный
Ладьи направилъ къ берегамъ отчизны.
Тамъ Гандальфа я отыскать пытался,
Но за море орленокъ улетѣлъ —
Въ Исландію иль къ Фэрскимъ островамъ —
Сказали мнѣ. Я вслѣдъ за нимъ пустился,

Но не нашелъ. Гдѣ ни былъ я, однако
Повсюду имя Гандальфа гремѣло;
Хотя его ладья и проносилась,
Какъ въ бурю облако, еще быстрѣе
Летѣла слава юнаго героя.
Лишь нынѣ лѣтомъ, знаете вы, встрѣтилъ
Я въ Вѣльскландѣ его. Ему поѣдалъ
Про смерть геройскую отца, и Гандальфъ,
Призвавъ въ свидѣтели боговъ Валгаллы,
Кровавой мести клятву далъ.

Йостейнъ. Да, да,
Таковъ обычай древній; онъ священенъ.
Но будь я конунгомъ—подольше-бъ пробылъ
У вельсковъ, золота ища...

Роллоугъ. ...И славы!

Гандальфъ. Такъ вотъ какъ павшихъ конунговъ вы чтите!

Йостейнъ. Ну, ну, не гнѣвайся! Хотѣлъ сказать я,
Что некуда вѣдь торопиться мертвымъ,
И мести павшій конунгъ подождалъ бы.

Асгавтъ (подавляя горечь). О, жалкій родъ!

Йостейнъ. Но разъ мы здѣсь, конечно...

Роллоугъ. ...Достойный памятникъ ему воздвигнемъ.

Нѣкоторые викинги. Да, да!

Другіе викинги. Изъ крови и огня!

Асгавтъ. Вотъ дѣло!

Гандальфъ. Итакъ, впередъ теперь—обыщемъ островъ.
До наступленья ночи отомщеннымъ
Отецъ мой долженъ быть, не то—я самъ
Повиненъ смерти.

Асгавтъ (викингамъ). *Такъ* онъ поклялся.

Гандальфъ. Свидѣтели мнѣ всѣ Валгаллы боги!
Еще разъ повторить готовъ я клятву...

Геммингъ (съ арфой черезъ плечо, приблизившійся въ теченіе предыдущей сцены къ Гандальфу, восклицаетъ съ мольбой).

О, не клянись, мой конунгъ!

Гандальфъ. Что съ тобою?

Геммингъ. Не надо клятвъ здѣсь въ ронѣ. Не услышатъ
Тебя здѣсь наши боги. Будь въ ладьѣ ты,
Стой на скалахъ на Сѣверѣ родномъ—
Они бы услыхали, здѣсь же—нѣтъ.

Асгавтъ. Такъ и тебя тлетворный воздухъ Юга
Своимъ дыханьемъ заразилъ?

Геммингъ. У вельсковъ
Я слышалъ отъ священниковъ разсказы

Чудесные про Бѣлаго Христа;
И вотъ они изъ памяти моей
Съ тѣхъ поръ ни днемъ ни ночью не выходятъ.

Гандальфъ. Я взялъ тебя съ собою; съ юныхъ лѣтъ
Ты подаешь богатыя надежды
И дарованья скальда проявляешь.
Свидѣтелемъ ставъ подвиговъ монхъ,
Ты, юный скальдъ, меня на склонѣ жизни
Съ моей дружиной старой могъ бы тѣшить
Своими пѣснями о нашихъ битвахъ
И помогать намъ—за столомъ дубовымъ,
За чашей—зимній вечеръ коротать,
И драпу мнѣ посмертную ты спѣлъ бы.
Пѣснь скальда вдохновенная—прочнѣйшій,
Славнѣйшій памятникъ герою ставитъ!..
Ступай же, арфу брось свою и спрячься
Въ клобукъ монашескій. Тогда ты будешь
Достойнымъ Гандальфа пѣвцомъ! Ха-ха!

(Викинги уходятъ въ лѣсъ налѣво: Геммингъ слѣдуетъ за ними).

Асгавтъ. Въ гнилое время мы живемъ. На убыль
И вѣра древняя пошла и весь
Обычай нашъ старинный. Счастье мнѣ:
Мой станъ подъ бременемъ годовъ согнулся,—
Паденья Сѣвера я не увижу.
Но ты силенъ и молодъ, конунгъ Гандальфъ!
Такъ помни же, гдѣ-бъ ни скитался ты,
Что дѣло конунга—стоять на стражѣ
Боговъ народныхъ и народныхъ силъ.

(Уходитъ за остальными).

Гандальфъ (помолчавъ). Нѣтъ вѣры у него въ меня. И радъ я,
Что онъ ушелъ. Въ присутствіи его
Какой-то гнетъ мнѣ на душу ложится.
Изъ камня высѣченъ какъ будто онъ,
Похожъ на аза Тора, что стоялъ.
Держа въ рукахъ свой молотъ молніеносный,
Въ священной рощѣ, близъ двора отца...
Отцовскій дворъ... Какъ знать, каковъ теперь онъ?
И что творится тамъ, въ родныхъ краяхъ?
Лѣса и скалы, вѣрно, тѣ же все;
А какова душа народа? Тѣ же-ль
Звучатъ въ ней струны, что и встарь? Нѣтъ, нѣтъ!
Покрылось ржавчиною время наше,
И точитъ силу Сѣвера она
И губитъ лучшіе его цвѣты...

Хочу домой! Спасти что можно прежде,
Чѣмъ въ прахъ совсѣмъ разсыплется оно.
(Послѣ нѣкоторой паузы, озираясь)
Какъ хорошо здѣсь, въ этой южной рощѣ!
Такого аромата нѣтъ въ сосновыхъ
Мохъ лѣсахъ! (Увидавъ курганъ)
Курганъ здѣсь богатырскій?
Не прахъ ли земляка отъ старыхъ, свѣжихъ,
Богатыхъ силою временъ скрываетъ?
Курганъ нашъ сѣверный на Югѣ. Въ этомъ
Есть смыслъ: мы, сѣверяне, здѣсь на Югѣ
Смертельную вѣдь получили рану...
Какъ хорошо здѣсь!.. Помню, въ зимній вечеръ
У очага сидѣлъ я разъ съ отцомъ:
Онъ взялъ меня, ребенка, на колѣни
И сталъ разсказывать мнѣ о богахъ:
Объ Одинѣ, о Бальдурѣ и Торѣ.
О рощѣ Фрейи я его спросилъ,
И онъ ее мнѣ описалъ такою,
Какъ эта роща вотъ, точь въ точь. Когда же
Я попросилъ мнѣ о самой богинѣ
Поразсказать и описать ее,
Старикъ, меня съ колѣнъ спуская, молвилъ
Съ улыбкою:—«О ней когда-нибудь
Тебѣ, мой мальчикъ, женщина разскажетъ». (Прислушиваясь)
Шаги тамъ въ рощѣ? Осторожнѣй, Гандальфъ:
Они — вѣсть первая о скорой мести!
(Отступаетъ въ кусты направо).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Гандальфъ. Бланка входитъ слѣва въ вѣнкѣ изъ дубовыхъ листьевъ, держа въ рукахъ корзину съ цвѣтами.

Бланка (садится налѣво и начинаетъ плести вѣнокъ изъ цвѣтовъ).
Журчатъ струи въ травѣ долинъ зеленыхъ,
И волны свѣтлыя на берегъ плещутъ,
Но шопотъ ручейковъ и вздохи моря
Такою силою не обладаютъ,
Какъ эти вотъ цвѣты, что жмутся тѣсно
Къ холмамъ, сплетаясь въ сестринскихъ объятьяхъ;
Они влекутъ меня и днемъ и ночью,—
Какъ хорошо сидѣть здѣсь и мечтать!..
Вѣнокъ готовъ, и пусть теперь прикроетъ
Онъ памятникъ героя—камень голый. (Указывая на курганъ)
Погребена и достояньемъ праха

Тамъ стала жизнь, могучая когда-то,
И памятью, потомству говорящей
О жизни той, холодный камень служитъ.
Но вотъ искусство любящей рукою
Беретъ цвѣты съ груди природы, чтобы
Суровый памятникъ прикрыть вѣнкомъ
Изъ лилій бѣлыхъ, незабудокъ кроткихъ.

(Подымается на холмъ, надѣваетъ вѣнокъ на могильный камень и, помолчавъ, говоритъ)

Мечты мои вновь за море несутся,
Какъ стая перелетныхъ птицъ; туда,
Туда влечетъ меня, и поддаюсь
Охотно я таинственной той силѣ,
Престолъ которой въ глубинѣ души.
На Сѣверѣ теперь я: я невѣста
Героя-викинга и со скалы
Пронизываю даль орлинымъ взоромъ.
Въ волнахъ ныряетъ, вижу я, ладья,—
Лети же къ берегу родному чайкой!
Дочь Юга я и ждать не въ силахъ дольше,
Вѣнокъ дубовый съ головы срываю —
Лови его, герой! Вторымъ привѣтомъ
Тебѣ онъ будетъ отъ меня; вѣдь первымъ
Была тоска моя!

(Бросаетъ вѣнокъ: Гандальфъ выступаетъ изъ-за кустовъ и подхватываетъ вѣнокъ).

А?.. Что же это?

(Протираетъ глаза и съ удивленіемъ смотритъ на витязя).

Нѣтъ, это не мечта, не сонъ. О, кто ты?
Кого ты, чужеземецъ, ищешь здѣсь?

Гандальфъ. Сойди съ кургана и поговоримъ.

Бланка (спускается). Ну вотъ, я здѣсь.

(Разсматривая его, говоритъ про себя)

Кольчуга... мѣдный шлемъ—
Совсѣмъ какъ мнѣ разсказывалъ отецъ. (Вслухъ)
Сними свой шлемъ.

Гандальфъ. Зачѣмъ?

Бланка. Сними, прошу. (Опять про себя)
Блестящій взоръ и кудри золотые —
Точь въ точь такимъ онъ мнѣ во снѣ являлся!

Гандальфъ. Скажи мнѣ, кто ты, дѣвушка?

Бланка. Кто я?
Дочь бѣдняка.

Гандальфъ. Но, вѣрно, всѣхъ богаче
На островѣ здѣсь красотой.

Бланка. Пожалуй;
Вѣдь здѣсь и нѣтъ другихъ.
Гандальфъ. Здѣсь нѣтъ другихъ?..
Бланка. Нѣтъ, есть еще отецъ мой, но онъ — старецъ,
Съ такой вотъ длинной бородой.
Такъ первенство за мною остается.
Гандальфъ. Веселая ты, вижу.
Бланка. Не всегда.
Гандальфъ. Но объясни мнѣ, какъ же такъ — васъ двое?..
А по разсказамъ — этотъ островъ густо
Былъ населенъ?
Бланка. Да, десять лѣтъ назадъ.
Но вотъ... Да, грустную услышишь повѣсть,
Коль хочешь выслушать ее.
Гандальфъ. Хочу.
Бланка. Такъ десять лѣтъ тому назадъ... (Садится).
Присядемъ.
Гандальфъ (отступая). Нѣтъ, ты сиди себѣ, — я постою.
Бланка. Такъ десять лѣтъ назадъ, Богъ вѣсть откуда,
Нагрянули разбойники на островъ
И грабить принялись кругомъ жилища
И всѣхъ, кто попадался, убивать.
Кто могъ, спасался бѣгствомъ подъ защиту
Стѣнъ крѣпкихъ замка моего отца.
Тотъ замокъ...
Гандальфъ. Твоего отца?
Бланка. Ну да.
Тотъ замокъ на скалѣ стоялъ у моря.
Ненастный бурный вечеръ былъ, когда
Разбойники обрушились на замокъ.
Пробили стѣну, ворвались во дворъ —
И началась рѣзня. Въ смертельномъ страхѣ
Я, пользуясь ночною тьмой, укрылась
Въ лѣсу и видѣла оттуда, какъ
Пылалъ нашъ замокъ, слышала удары
Мечей тяжелыхъ о щиты и крики
Предсмертные... Но наконецъ все стихло, —
Всѣ наши полегли костьми, а горсть
Разбойниковъ умчалась во-свояси.
На слѣдующій день сидѣла я
Одна у тлѣющихъ развалинъ замка, —
Лишь я одна избавилась отъ смерти...
Гандальфъ. Но ты сказала, что съ отцомъ живешь?

Бланка. Съ пріемнымъ, да. Сейчасъ о немъ узнаешь.
Сидѣла со стѣсненнымъ сердцемъ я,
Прислушиваясь къ жуткой тишинѣ,
И вдругъ почудился мнѣ вздохъ тяжелый
Въ ущельѣ у подножія скалы.
Я вслушалась, потомъ туда спустилась
И чужеземца блѣднаго нашла
Въ крови, безъ чувствъ простертымъ на землѣ.
Преодолѣвъ свой страхъ, перевязала
Ему я, какъ сумѣла, раны, стала
Ухаживать за нимъ...

Гандальфъ. И онъ?..

Бланка. И онъ
Пришелъ въ себя. Потомъ онъ разсказалъ мнѣ,
Что къ намъ на островъ въ день набѣга прибылъ
На кораблѣ торговомъ и, укрывшись
Съ другими въ замкѣ, отражалъ враговъ,
Пока, израненный весь, не свалился
Въ ущелье, гдѣ его я и нашла.
Съ тѣхъ поръ я вмѣстѣ съ нимъ живу. Построилъ
Онъ въ чащѣ лѣса хижину для насъ
И сталъ мнѣ всѣхъ дороже, ближе въ свѣтѣ.
Пойдемъ къ нему сейчасъ...

Гандальфъ. Нѣтъ, погоди.
Еще успѣемъ свидѣться мы съ нимъ.

Бланка. Какъ хочешь. Но, повѣрь, онъ будетъ радъ
Принять тебя подъ нашей бѣдной кровлей.
Гостепріимство и у насъ на Югѣ,
Не только лишь на Сѣверѣ у васъ...

Гандальфъ. На Сѣверѣ? Такъ знаешь ты?..

Бланка. Откуда
Ты прибылъ? Знаю, да. Отецъ мнѣ много
Разсказывалъ о викингахъ, и сразу
Я догадалась...

Гандальфъ. И не испугалась?

Бланка. Чего же было мнѣ пугаться?

Гандальфъ. Развѣ
Онъ не разсказывалъ тебѣ?..

Бланка. О томъ,
Что вы — герои, удальцы? Конечно.
Но что-жъ тутъ страшнаго? Васъ жажда славы,
Я знаю, къ берегамъ чужимъ влечетъ;
Съ достойными васъ храбрыми бойцами
Иныхъ земель вы ищите сразиться,

А я — не воинъ въ латахъ и съ мечомъ, —
Чего-жъ пугаться было мнѣ?..

Гандальфъ. Да, да.
Но чужеземцы, что сожгли вашъ замокъ?..

Бланка. Ну, что же?

Гандальфъ. Я хотѣлъ спросить: отецъ твой
Не говорилъ — откуда налетѣли?

Бланка. Не говорилъ. Вѣдь и ему, какъ намъ,
Они чужіе были. Если-жъ хочешь,
Я у него пойду спрошу...

Гандальфъ (поспѣшно). Нѣтъ, послѣ.

Бланка. Постой... я понимаю, чужеземецъ.
Узнать ты хочешь, гдѣ искать ихъ, чтобы
Исполнить долгъ кровавой мести? Такъ вѣдь
Вы это называете?

Гандальфъ. Да! Месть!..
Спасибо, что напомнила. Готовъ былъ
Я позабыть...

Бланка. А знаешь ты, что это
Обычай злой, дурной?

Гандальфъ (идетъ въ глубину). Прощай!

Бланка. Уходишь?

Гандальфъ. О, мы увидимся. (Останавливается)
Скажи одно:
Кто похороненъ подъ курганомъ этимъ?

Бланка. Не знаю.

Гандальфъ. Ты не знаешь, а цвѣтами
Могилу украшаешь?

Бланка. Мой отецъ
Меня сюда привелъ однажды утромъ
И, показавъ мнѣ свѣжій холмъ могильный,
Котораго я раньше не видала,
Надъ нимъ прочесть молитву попросилъ,
А также поминать въ своихъ молитвахъ
Тѣхъ чужеземцевъ, что на насъ напали.

Гандальфъ. И ты?

Бланка. Я по утрамъ не забываю
Съ тѣхъ поръ за ихъ спасенье помолиться
И каждый вечеръ свѣжими цвѣтами
Могильный камень убираю.

Гандальфъ. Странно.
Какъ можешь ты молиться за враговъ?

Бланка. Велитъ такъ наша вѣра.

Гандальфъ (горячо). Вѣра трусовъ!

Высасывастъ изъ героевъ силу
Такая вѣра. Вотъ у васъ на Югѣ
И умираетъ богатырство смертью
Позорной на соломѣ.

Бланка. Но я знаю,
Что, если-бъ эту вѣру трусовъ, какъ
Ее ты назвалъ, къ вамъ пересадить
На почву свѣжую, она-бъ взрастила
Такое изобиліе цвѣтовъ,
Что голыхъ скалъ у васъ бы не осталось!

Гандальфъ. Пусть голыми стоятъ, пока не рухнутъ.

Бланка. А знаешь что? Возьми меня съ собою!

Гандальфъ. Что хочешь ты сказать? Я ѣду вѣдь
Домой, на Сѣверъ...

Бланка. Вотъ и я съ тобою.
Летала столько разъ въ мечтахъ туда я,
Гдѣ ты живешь — въ снѣгахъ и льдахъ, среди
Лѣсовъ сосновыхъ. То-то бы у васъ
Пошло веселье въ замкѣ, если-бъ дали
Тамъ волю мнѣ! Веселая вѣдь я.
А есть тамъ у тебя пѣвецъ?

Гандальфъ. Съ собою
Привезъ я одного, но струны арфы
Его отъ вѣтра южнаго ослабли.

Бланка. Такъ у тебя сама я скальдомъ буду!

Гандальфъ. Но развѣ ты могла бы ѣхать съ нами?
Оставить домъ, отца?..

Бланка (смѣясь). Ха-ха! Да ты
И впрямь повѣрилъ, вижу я?

Гандальфъ. Такъ это
Была лишь шутка?

Бланка. Глупая мечта,
Которою я часто увлекалась
И до того, какъ встрѣтилась съ тобой,
И впредь навѣрно буду увлекаться,
Когда тебя... (Вдругъ обрывая)
Да что ты на меня
Такъ пристально глядишь?

Гандальфъ. Я развѣ?..

Бланка. Да!
О чемъ задумался?

Гандальфъ. О, ни о чемъ.

Бланка. Какъ ни о чемъ?

Гандальфъ. Ну, такъ... и самъ не знаю...

Нѣтъ, впрочемъ, знаю. Думалъ я о тѣхъ
Цвѣтахъ, которые у насъ мечтаешь
Ты со своею вѣрой насадить;
Потомъ припомнилась мнѣ наша вѣра...
И вдругъ понятно стало мнѣ одно,
Чего никакъ не могъ постичь я раньше.

Бланка. О чемъ ты говоришь?

Гандальфъ. По нашей вѣрѣ —
Къ Альфадеру отходитъ половина
Бойца, сраженнаго въ бою, другую-жъ
Беретъ себѣ богиня Фрейя. Прежде
Я этого не постигалъ, теперь же
Постигъ: я самъ сраженный богатырь,
И половина лучшая моя
Принадлежитъ богинѣ свѣтлой Фрейѣ.

Бланка (пораженная). Не понимаю... Что ты говоришь?

Гандальфъ. Ну, такъ узнай же...

Бланка (живо). Послѣ. Я не смѣю
По вечерамъ такъ долго медлить здѣсь, —
Отецъ сидитъ и ждетъ. Прощай пока.

Гандальфъ. Уходишь ты?

Бланка (подымая дубовый вѣнокъ, который онъ уронилъ, надѣваетъ ему на шлемъ).

Оставь себѣ вѣнокъ:
Его тебѣ въ мечтахъ не разъ дарила
И наяву дарю теперь.

Гандальфъ. Прощай! (Быстро уходитъ направо).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бланка (одна). Нѣтъ его! И тишь нѣмая
У кургана вновь стоитъ.
Тишь нѣмая, гробовая
И въ душѣ моей царитъ.
Пропизалъ лишь мракъ унылый
Онъ, какъ солнца лучъ живой!
Скоро чайкой бѣлокрылой
Унесется въ край родной.
Мнѣ-жъ осталось — путь далекій
Грезъ цвѣтами усыпать,
Чайкой грустной, одинокой
Вкругъ ладьи его нырять!..

(Слѣва раздается звукъ трубы викинговъ).

А! Это что? Звукъ рога боевого?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бланка: Гандальфъ входитъ справа.

Гандальфъ (про себя). О, слишкомъ поздно!
Бланка. Онъ — опять.!. Что надо?
Гандальфъ. Скорѣй, скорѣй бѣги отсюда прочь!
Бланка. Зачѣмъ? Что хочешь ты сказать?
Гандальфъ. Бѣги же!
Тебѣ грозитъ бѣда.
Бланка. Какая?
Гандальфъ. Смерть!
Бланка. Не понимаю.
Гандальфъ. Отъ тебя хотѣлъ я
Отвлечь грозившую бѣду, ушелъ—
Въ ладьи дружину отозвать и съ нею
Отплыть; ты никогда бы не узнала...
Но рогъ мнѣ возвѣстилъ, что слишкомъ поздно;
Они идутъ сюда.
Бланка. Да кто же, кто?
Гандальфъ. Узнай — тѣ чужеземцы, что на островъ
Напали десять лѣтъ тому назадъ,
Такіе-жъ были викинги, какъ я.
Бланка. Норманны?
Гандальфъ. Да. Отецъ мой былъ ихъ конунгъ;
Онъ въ битвѣ палъ и долженъ быть отмщенъ.
Бланка. Отмщенъ?
Гандальфъ. Таковъ у насъ обычай!
Бланка. А!
Теперь я поняла.
Гандальфъ. Идутъ. О, спрячься!
Я заслоню тебя..!
Бланка. Прочь, кровопійца!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, Асгавтъ и викинги приводятъ Родрика.

Асгавтъ (Гандальфу). Неважная добыча все же лучше,
Чѣмъ ничего.
Бланка. Отецъ! (Бросается къ нему на грудь).
Родрикъ. Дитя мое!
Йостейнъ. И женщина! Она его проводитъ...
Асгавтъ. ...Въ жилище Гель!
Бланка. О, почему, отецъ,
Ты никогда не говорилъ мнѣ?..

Родрикъ. Тсс!

(Викингамъ, указывая на Гандальфа)

Онъ коннунгъ вашъ?

Асгавтъ. Да; коннунгъ. (Гандальфу)

Пусть разскажетъ

Тебѣ старикъ, какъ палъ отецъ твой храбрый.

Онъ былъ при этомъ — самъ сказалъ.

Гандальфъ. Молчи!

Я слушать не хочу.

Асгавтъ. Такъ прямо къ дѣлу.

Бланка. О, Боже! Что хотите съ нимъ вы сдѣлать?

Гандальфъ (вполголоса Асгавту). Я не могу.

Асгавтъ (также вполголоса). Иль труситъ коннунгъ нашъ?

Иль женскимъ льстивымъ языкомъ опутанъ?

Гандальфъ. Тамъ какъ бы ни было — сказалъ я...

Асгавтъ. Вспомни,

Тутъ честь твоя замѣшана. Ты клятву

Богамъ Валгаллы далъ; ее нарушивъ,

Себя покроешь ты позоромъ вѣчнымъ.

И помни: вѣра древняя давно

Расшатана; еще толчокъ — и рухнетъ;

А если сверху, коннунгомъ самимъ

Ударъ тотъ будетъ нанесенъ — конецъ ей!

Гандальфъ. Га! Клятву злополучную я далъ!

Асгавтъ (викингамъ). Готовьтесь, викинги!

Бланка. Ужель хотите

Вы старца беззащитнаго убить?

Асгавтъ. Прикончить ихъ обоихъ!

Бланка. Боже, Боже!

Роллоугъ. Нѣтъ, жаль красавицу! Пусть лучше съ нами

Летитъ на Сѣверъ!

Йостейнъ (смѣясь). Да, какъ дѣва брани —

Валькирія!

Гандальфъ. Назадъ!

Родрикъ. О, пощадите

Мое дитя! Я коннунга убійцу

Вамъ укажу — ее лишь пощадите!

Гандальфъ (поспѣшно викингамъ).

Она свободна, если онъ намъ выдастъ

Убійцу моего отца, — не такъ ли?

Викинги. Да, да!

Бланка (Родрику). О, что ты обѣщалъ?

Асгавтъ (Родрику). Ну, гдѣ-жъ онъ?

Родрикъ. Предъ вами.

Нѣкоторые викинги. Га! Старикъ!.. Онъ самъ?..

Гандальфъ. О, горе!

Бланка. Нѣтъ, нѣтъ! Не долженъ ты...

Родрикъ. Рукой своею
Я коннунга отправилъ въ путь послѣдній;
И прахъ его — подъ этимъ вотъ курганомъ.

Гандальфъ. Могила моего отца!..

Родрикъ. Онъ былъ
Отважный богатырь, и схоронилъ я
Его, какъ сѣверный велитъ обычай.

Гандальфъ. Но если съ честью погребенъ отецъ мой...

Асгаутъ. Нѣтъ, все равно; сраженный коннунгъ мести
Кровавой требуетъ! Старикъ умретъ!

Бланка. Но онъ обманываетъ васъ! (Гандальфу)
Не понялъ
Ты развѣ, что меня спасти онъ хочетъ,
Что за меня готовъ отдать онъ жизнь?..
Да гдѣ же вамъ понять любовь такую,
Которая на всѣ готова жертвы!..

Гандальфъ. Ты думаешь — мнѣ не понять? Мнѣ? Мнѣ!..
(Викингамъ)
Оставьте старика! Освободите!

Бланка. Отецъ! Онъ добръ, какъ ты!

Асгаутъ (Гандальфу). Преступишь клятву?

Гандальфъ. О, нѣтъ, сдержу.

Йостейнъ. Но какъ? Что хочешь дѣлать?

Роллоугъ. Скажи!

Гандальфъ. Я клятву далъ отмстить иль пасть.
Старикъ свободенъ, — я иду въ Валгаллу.

Бланка (Родрику). Что хочетъ онъ сказать?

Асгаутъ. Такъ ты замыслилъ?..

Гандальфъ. Ладью мою мнѣ приготовьте, други!
Поставьте паруса и разведите
На палубѣ костеръ. Я на него
По древнему обычаю взойду:
Вечерній вѣтеръ съ берега повѣетъ —
На огненныхъ крылахъ взовьюсь въ Валгаллу!
(Йостейнъ молча уходитъ направо).

Асгаутъ. Га! Женщина тебя околдовала!

Бланка. Нѣтъ, нѣтъ! Ты долженъ жить!

Гандальфъ. Я не могу;
Своимъ богамъ хочу остаться вѣрнымъ.

Бланка. Ты клятву далъ кровавую, и Бальдуръ
Ея не принялъ!

Гандальфъ. Не живетъ межъ нами
Давно ужъ Бальдуръ.
Бланка. Для тебя живетъ онъ,—
Душа твоя кротка.
Гандальфъ. На гибель мнѣ.
Мое призванье — быть вождемъ и стражемъ,
Хранителемъ обычаевъ старинныхъ,
Но сила измѣняетъ мнѣ. Прими же
Ты, Асгавтъ, власть изъ рукъ моихъ: вонтель
Ты настоящаго закала. Я же
Давно подточенъ въ корнѣ ядомъ Юга.
Но если я для моего народа
Не въ силахъ жить, я за него умру.
Асгавтъ. Ты слово мудрое изрекъ, мой конунгъ.
Бланка. Такъ жребій брошенъ. Вѣрность сохраняя
Своимъ богамъ, умрешь геройской смертью.
Но передъ вѣчною разлукой знай,
Что, выполняя клятву, обрекаешь
Ты смерти и меня.
Гандальфъ. Тебя? О, нѣтъ!..
Бланка. Была подобна жизнь моя цвѣтку,
Который, выросши на чуждой почвѣ,
Не размыкалъ въ дремотѣ лепестковъ;
Но съ родины далекой солнца лучъ
Достигъ цвѣтка,— то былъ, мой Гандальфъ, ты!..
И чашечка раскрылась... на мгновенье;
Померкнетъ яркій лучъ — цвѣтокъ завянетъ!
Гандальфъ. О, такъ ли понялъ я? Могла бы ты?..
Стократъ злосчастную далъ клятву я!
Бланка. Мы встрѣтимся съ тобою.
Гандальфъ. Никогда!
Ты къ Бѣлому Христу идешь на небо,
А я въ Валгаллу къ Одину. Но молча
Я сяду у конца стола, у двери,—
Не для меня пирующихъ веселье!
Йостейнъ (возвращается съ знаменемъ въ рукахъ).
По твоему велѣнью все готово.
Асгавтъ. Ты славный обрѣтешь конецъ. Немало
Героевъ позавидуетъ тебѣ.
Гандальфъ (Бланкѣ). Прощай!
Бланка. Прощай! И здѣсь и тамъ — навѣки!
Родрикъ (борясь съ собой). Остановись!
(Бросается на колѣни передъ Бланкой)
О, сжалься и прости!

Бланка. Создатель мой!
Гандальфъ. Что̀ хочетъ онъ сказать?
Родрикъ. Я лгалъ, обманывалъ тебя все время.
Бланка. Отъ ужаса въ немъ помутился разумъ!
Родрикъ. Нѣтъ, нѣтъ! (Вставъ и обращаясь къ Гандальфу)
Мой юный коннунгъ, ты свободенъ
Отъ клятвы роковой. Кровавой мести
Не требуетъ тѣнь твоего отца.
Гандальфъ. Га! Объяснись!
Бланка. О, говори скорѣе!
Родрикъ. Предъ вами коннунгъ Рёрекъ самъ живой.
Нѣкоторые. Сраженный коннунгъ?
Бланка. Небо!
Гандальфъ (недовѣрчиво). Ты — отецъ мой?
Родрикъ. Взгляни же, Асгавтъ! Шрамъ ты долженъ помнить,
Который мнѣ своимъ мечомъ нанесъ
Въ походѣ первомъ нашемъ удаломъ,
Когда съ тобою мы изъ-за добычи
Поспорили. (Обнажаетъ руку и показываетъ Асгавту).
Асгавтъ. Клянусь, ты — коннунгъ Рёрекъ!
Гандальфъ (бросаясь ему на грудь).
Отецъ! Ты жизнь мнѣ даровалъ вторично!
Прими признательность мою!
Родрикъ (понурясь, Бланкѣ). А ты —
Что̀ старику-разбойнику предложишь?
Бланка. Любовь дочернюю, какъ прежде. Развѣ
Всѣ эти годы преданныхъ заботъ.
Отцовской ласки — съ твоего щита
Кровавое пятно не смыли?
Асгавтъ. Коннунгъ!
Но объясни же, какъ ты живъ остался?
Гандальфъ. Она спасла его.
Родрикъ. Какъ добрый эльфъ,
Она сумѣла залѣчить мнѣ раны,
За мной, какъ любящая дочь, ходила
И такъ разсказывала мнѣ чудесно
О вѣрѣ кроткаго народа Юга,
Что сердце грубое мое смягчилось.
И день за днемъ я ей открыться медлилъ...
Не смѣлъ сказать ей — кто я...
Гандальфъ. А курганъ?
Родрикъ. Я закопалъ подъ нимъ свой мечъ и щитъ;
И съ ними вмѣстѣ схоронилъ какъ будто

Суроваго богатыря. О немъ
Молилась Бланка каждый день.

Асгавтъ. Прощай!

Гандальфъ. Куда ты?

Асгавтъ. Поплыву на Сѣверъ дальній.
Мое, какъ вижу, миновало время;
Перевелись богатыри у насъ.
Въ Исландію отправлюсь, — не успѣла
Еще туда дойти зараза Юга. (Бланкѣ)
Ты, дѣва юная, меня заступишь
При коннунгѣ. Не править больше Тору, —
Заржавѣлъ молньеносный молотъ аза;
Въ твоемъ лицѣ отнынѣ Бальдуръ правитъ.
Прощай! (Уходитъ).

Гандальфъ. Да, да. Въ твоемъ лицѣ пусть Бальдуръ
Отнынѣ правитъ, Бланка! Лишь теперь
Я понялъ смыслъ своихъ морскихъ скитаній.
Изъ дома отчаго меня влекла
Не только жажда славы и добычи,
Но смутная душевная тоска
По Бальдуру, влеченіе къ нему.
Теперь я утолилъ тоску желанья;
На родину вернемся, гдѣ и буду
Я въ мирѣ жить средь своего народа. (Викингамъ)
Хотите слѣдовать за мной?

Всѣ. Хотимъ!

Гандальфъ (Бланкѣ). А ты?

Бланка. Я Сѣверу принадлежу.
Взрастило сердце лучшіе цвѣты
Свои на вашихъ скалахъ. Къ нимъ стремилась
Въ своихъ мечтахъ я: и любовь оттуда
Явилась мнѣ!

Родрикъ. Такъ въ путь!

Гандальфъ. А ты?

Бланка. Ты съ нами?

Родрикъ. Нѣтъ, я останусь здѣсь. (Указывая на курганъ)
Меня здѣсь ждетъ
Могильный мой курганъ.

Бланка. И мнѣ покинуть
Тебя здѣсь одного?!

Геммингъ. Не бойся! Я
Останусь съ нимъ, глаза ему закрою
И драпу коннунгу спою, то будетъ

И пѣсня лебединая моя!

(Растроганно, схвативъ за руку Гандальфа)

Прощай, мой конунгъ! Лучшаго пѣвца,
Чѣмъ я, себѣ обрѣлъ ты нынѣ.

Родрикъ (твердо). Гандальфъ.

Ты конунгъ и обязанность несешь,
Великій долгъ передъ своимъ народомъ.

(Соединяетъ руки Гандальфа и Бланки)

Вы, дѣти новой утренней зари,
Туда летите, гдѣ васъ ждетъ вашъ долгъ
И тронъ; а я — послѣдній пережитокъ
Временъ прошедшихъ; тронъ мой — холмъ могильный,
И предоставьте мнѣ его.

(Гандальфъ и Бланка молча обнимаютъ Родрика, и затѣмъ онъ восходитъ на курганъ. Геммингъ садится съ арфой у ногъ старика).

Гандальфъ (собравшись съ духомъ). Такъ въ путь!
Въ Норвегію!

Роллоугъ. Домой!

Всѣ. Домой! На Сѣверъ!

Бланка (въ порывѣ восторга, выхвативъ знамя изъ рукъ Йостейна).

Да, въ путь скорѣй! По пѣнистымъ волнамъ
И въ тишь и въ бурю путь открытый намъ!
Зажжется солнца новаго сіянье
Надъ Сѣверомъ, — одно воспоминанье
Останется отъ буйныхъ удальцовъ.
Для викинга послѣдняго готовъ
Могильный холмъ. Простите, дни былые,
Когда водилъ дружины удалыя
Въ украшенныхъ драконами ладьяхъ
Онъ къ берегамъ чужимъ! И молотъ въ прахъ
Разсыпался у громовержца Тора,
И Сѣверъ самъ курганомъ станетъ скоро.
Но не забудемъ — рекъ Отецъ боговъ:
Когда одѣнетъ травяной покровъ
Курганъ героя, — духъ его ловитвой
Въ поляхъ небесныхъ тѣшится иль битвой.
И Сѣверъ изъ могилы встанетъ вновь, —
Его духовно воскреситъ любовь!

ПИРЪ ВЪ СОЛЬХАУГѢ.

Предисловіе автора ко 2-му изданію пьесы.

„Пиръ въ Сольхаугѣ“ я написалъ въ Бергенѣ лѣтомъ 1855 г., слѣдовательно почти 28 лѣтъ тому назадъ.

Въ этомъ же городѣ пьеса шла въ первый разъ на сценѣ 2 января 1856 г., для торжественнаго спектакля въ годовщину основанія Норвежскаго театра.

Я тогда состоялъ режиссеромъ при Бергенскомъ театрѣ и такимъ образомъ самъ руководилъ постановкой моей пьесы. Исполненіе было прекрасное, на рѣдкость стройное. Сыграна пьеса была съ охотой и увлеченіемъ и принята такъ же. „Бергенскій лиризмъ“, который, какъ говорили, рѣшилъ впослѣдствіи исходъ политической выборной кампаніи, былъ въ тотъ вечеръ ключомъ въ переполненномъ публикой театрѣ. Спектакль закончился многочисленными вызовами автора и артистовъ. Позже вечеромъ оркестръ, въ сопровожденіи значительной части публики, явился подъ окна моей квартиры и далъ мнѣ серенаду, и я самъ, кажется, позволилъ себѣ увлечься настолько, что сказалъ собравшимся какую-то рѣчь: помню, во всякомъ случаѣ, что былъ чрезвычайно счастливъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя „Пиръ въ Сольхаугѣ“ поставили въ Христіаніи. И тамъ пьеса имѣла большой успѣхъ у публики, а на другой день послѣ перваго представленія Бьёрнсонъ посвятилъ ей въ „Morgenbladet“ прочувствованную, юношески-горячую статью. Въ сущности это не былъ отчетъ или критическій разборъ, а скорѣе богатая поэтическимъ настроеніемъ вольная фантазія на тему о пьесѣ и о представленіи.

Но затѣмъ послѣдовала настоящая критика со стороны присяжныхъ критиковъ.

Какимъ образомъ въ тѣ времена — я разумѣю десятилѣтіе 1850 — 1860 гг. — въ Христіаніи вырабатывались присяжные литературные и, главное, театрально-драматическіе критики?

Обыкновенно дѣло происходило такъ: поупражнявшись нѣкоторое время на столбцахъ „Samfundsbladet“ и наслушавшись преній, происходившихъ въ „Кафе Трешова“ или у „Нигебрета“ по вечерамъ, по окончаніи театральныхъ представленій, будущій критикъ отправлялся въ книжный магазинъ Іогана Даля и выписывалъ изъ Копенгагена экземпляръ „Прозаическихъ сочиненій“ І. А. Гейберга *), въ которыхъ, какъ онъ слыхалъ, заключался очеркъ подъ заглавіемъ „О водевилѣ“. Этотъ очеркъ затѣмъ прочитывался, обдумывался и, пожалуй, частью усвоивался. Тѣ же самыя сочиненія давали будущему критику понятіе о полемикѣ, которая велась въ свое время Гейбергомъ противъ пре-

*) Датскій поэтъ-критикъ (1791 — 1860 гг).

фессора Эленшлегера *) и поэта Гауха **), а по пути онъ случайно узналъ, что еще раньше былъ предпринятъ подобный же походъ противъ великаго поэта, автора трагедій „Аксель и Вальборгъ“ и „Ярлъ Гаконъ“ (т.-е. Эленшлегера), І. І. Баггесеномъ ***), авторомъ „Писемъ съ того свѣта“.

И много другихъ полезныхъ для критика свѣдѣній почерпалось изъ этихъ сочиненій. Такъ, напримѣръ, изъ нихъ можно было узнать, что эстетическій вкусъ обязываетъ истиннаго критика питать отвращеніе къ „зіянію“. И если въ какомъ-нибудь стихѣ попадалось подобное чудовище, можно было быть увѣреннымъ заранѣе, что юные христіанійскіе критиканы-Іеронимусы закричатъ, подобно Іеронимусу-простаку Гольберга °): — „Батюшки свѣты, міръ не простоитъ до Пасхи!“

Кромѣ того, у тогдашняго столичнаго норвежскаго критика была еще одна своеобразная особенность, которой я долго не могъ себѣ уяснить. Стоило какому-нибудь новичку написать, выпустить книжку или поставить на сцену пьесу, чтобы критики пришли въ столь неистовый гнѣвъ и вообще вели себя такъ, какъ будто появленіе книги или представленіе пьесы нанесло имъ, критикамъ, и газетамъ, въ которыхъ они писали, кровное оскорбленіе. Какъ уже сказано, я долго ломалъ себѣ голову надъ этой своеобразностью, пока наконецъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Читая датскій журналъ „Maanedskrift for Literatur“ („Литературный Ежемѣсячникъ“), я замѣтилъ, что и почтенный статскій совѣтникъ Мольбекъ °°) въ свое время обыкновенно приходилъ въ неистовство, чуть какому-нибудь молодому писателю удавалось выпустить въ свѣтъ книгу или поставить пьесу въ Копенгагенѣ.

Вотъ какъ приблизительно образовалось то судилище, которое взялось подвергнуть „Пиръ въ Сольхаугѣ“ суду критики въ ежедневной христіанійской прессѣ. Главнымъ образомъ состояло оно изъ молодыхъ людей, которые въ качествѣ критиковъ пребывали на чужомъ иждивеніи, живя заимствованіями изъ разныхъ источниковъ. Ихъ критическія мысли давно были продуманы и высказаны другими, ихъ мнѣнія давнымъ-давно формулированы въ другихъ мѣстахъ. Теорія эстетики была ими цѣликомъ заимствована, критическій методъ тоже; заимствована была, и въ крупныхъ чертахъ и въ мелочахъ, и самая полемическая тактика, которую они пускали въ ходъ. Даже настроеніе и то было у нихъ заимствованное. Все, все заимствованное. Единственнымъ оригинальнымъ пріемомъ ихъ было то, что они вѣчно примѣняли все заимствованное вкривь, вкось и некстати.

Неудивительно, что этотъ коллегіумъ, члены котораго питались въ качествѣ критиковъ заимствованіями, счелъ возможнымъ приписать ту же черту и мнѣ, какъ поэту. Двѣ-три газеты, а можетъ-быть, и больше, не преминули заявить, что я заимствовалъ то-то и то-то изъ драмы Генрика Герца °°°): „Домъ Свена Дюринга“.

Это утвержденіе критиковъ лишено всякаго основанія. Поводомъ къ нему послужило, повидимому, то обстоятельство, что въ обоихъ произведеніяхъ примѣненъ размѣръ, свойственный народнымъ пѣснямъ о ге-

*) Знаменитый датскій поэтъ, глава сѣверной романтической школы (1779 — 1850 гг.).

**) Датскій поэтъ-романистъ (1790 — 1872 гг.).

***) Выдающійся датскій поэтъ-сатирикъ (1764 — 1826 гг.).

°) Отецъ датской литературы и «датскій Мольеръ», авторъ безсмертныхъ сатирическихъ бытовыхъ комедій (1684 — 1754 гг.).

°°) Датскій критикъ (1783 — 1857 гг.).

°°°) Выдающійся датскій поэтъ-драматургъ (1798 — 1870 гг.).

рояхъ и богатыряхъ. Но тонъ у меня взятъ совсѣмъ иной, нежели у Герца, да и рѣчь звучитъ совсѣмъ иначе: отъ ритма въ моей пьесѣ вѣетъ легкимъ лѣтнимъ вѣтеркомъ; ритмъ Герца дышитъ угрюмой осенью.

И въ отношеніи характеровъ, дѣйствія и всего фактическаго содержанія обѣ пьесы представляютъ сходства не больше, нежели это обусловливается тѣмъ, что матеріалъ для обѣихъ почерпнутъ изъ ограниченнаго мірка „богатырскихъ пѣсенъ".

Съ такимъ же или съ еще бо́льшимъ правомъ можно было бы утверждать, что авторъ „Дома Свена Дюринга" заимствовалъ кое-что и даже немало изъ „Кетхенъ изъ Гейльброна" Генриха фонъ-Клейста, произведенія, написаннаго въ началѣ XIX столѣтія. Отношенія Кетхенъ къ графу Веттеръ-Штралю въ главныхъ чертахъ тѣ же, что̀ и отношенія Рагнгильдъ къ рыцарю Стигу Виду. И Рагнгильдъ, какъ Кетхенъ, охвачена непонятной, загадочной силой, повелѣвающей ей слѣдовать за любимымъ человѣкомъ повсюду, тайкомъ прокрадываться къ нему, помимо своей воли ложиться спать по близости отъ него и упорно возвращаться къ нему, сколько бы разъ ее ни прогоняли. Къ этому надо прибавить и прочія проявленія сверхъестественнаго элемента, общія пьесамъ Клейста и Герца.

Но кто же усомнится, что при добромъ или зломъ желаніи возможно отыскать въ еще болѣе старинной литературѣ произведеніе, которое дастъ возможность утверждать, будто и драма Клейста — вещь заимствованная?

Я во всякомъ случаѣ не сомнѣваюсь, что это возможно. Но подобныя ссылки и указанія дѣло праздное. Произведеніе становится духовной собственностью автора, разъ оно носитъ явную печать его собственной творческой личности. Я полагаю поэтому, что, несмотря на указанное сходство драмы „Домъ Свена Дюринга" съ драмой „Кетхенъ изъ Гейльброна", первое изъ названныхъ произведеній есть безспорно и безусловно столь же оригинальное твореніе Генрика Герца, какъ второе — Генриха Клейста.

Что же касается меня, то я считаю себя въ правѣ утверждать то же самое относительно „Пира въ Сольхаугѣ". Надѣюсь также, что въ будущемъ за всѣми тезками (Генриками) признано будетъ ненарушимое право собственности на то, что̀ по праву принадлежитъ каждому изъ нихъ.

Георгъ Брандесъ въ данномъ случаѣ, опредѣляя взаимоотношеніе „Пира въ Сольхаугѣ" и „Дома Свена Дюринга", высказалъ, что первая драма не является подражаніемъ второй, но написана подъ ея вліяніемъ, объясняющимся воздѣйствіемъ старшаго поэта на младшаго. Брандесъ вообще отнесся къ моему труду настолько благосклонно, что я и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, имѣю всѣ основанія быть ему признательнымъ.

Тѣмъ не менѣе я настаиваю на томъ, что въ дѣйствительности дѣло не такъ, какъ объясняетъ Брандесъ. Генрикъ Герцъ никогда не былъ мнѣ особенно по сердцу, какъ поэтъ-драматургъ. И поэтому для меня совершенно непостижимо, какимъ образомъ онъ помимо моей воли могъ оказать на мое драматическое творчество какое-либо вліяніе.

Тутъ я могъ бы ограничиться указаніемъ на труды приватъ-доцента эстетики при Гельсингфорскомъ университетѣ, доктора Вальфрида Васеніуса. Въ его докторской диссертаціи: „Henrik Ibsens dramatiska diktning i dess första skede" (1879) *), а также въ другомъ его трудѣ: „Henrik Ibsen, ett skaldeporträtt" **), выясненъ его основной взглядъ на раз-

*) Драматическое творчество Генрика Ибсена въ его первой стадіи.
**) Генрикъ Ибсенъ, портретъ скальда.

бираемую пьесу, а въ послѣднемъ изъ названныхъ трудовъ есть кромѣ того добавленіе, составленное на основаніи нашей краткой бесѣды съ нимъ при встрѣчѣ въ Мюнхенѣ.

Итакъ, какъ уже сказано, я могъ бы попросту сослаться на труды доктора Васеніуса, но ради порядка все-таки самъ разскажу здѣсь исторію происхожденія „Пира въ Сольхаугѣ".

Вотъ она.

Я началъ это предисловіе указаніемъ, что пьеса написана лѣтомъ 1858 г.

Годомъ раньше я написалъ „Фру Ингеръ изъ Эстрота". Трудъ этотъ заставилъ меня углубиться въ литературный и историческій матеріалъ, относящійся къ среднимъ вѣкамъ Норвегіи, особенно же къ позднѣйшему ихъ періоду. Я пытался, насколько возможно, сжиться съ нравами и обычаями тѣхъ временъ, проникнуться чувствованіями тѣхъ людей, ихъ образомъ мыслей и манерой выражаться.

Періодъ этотъ однако не настолько привлекателенъ, чтобы остановиться на немъ надолго: да онъ и не даетъ особенно благодарнаго матеріала для драматической обработки.

Поэтому я скоро перешелъ къ эпохѣ сагъ. Но приковали меня не королевскія саги и вообще строго историческіе литературные памятники тѣхъ отдаленныхъ временъ: для моихъ поэтическихъ цѣлей въ то время непригодны были усобицы и борьба между королями и вождями, между партіями и народными массами. Этимъ я могъ воспользоваться только впослѣдствіи.

Зато въ исландскихъ родовыхъ сагахъ я нашелъ въ изобиліи матеріалъ, въ которомъ нуждался для облеченія въ человѣческіе образы тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя въ то время наполняли меня или во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе опредѣленно возникали у меня въ душѣ. До той поры я не зналъ этихъ древне-сѣверныхъ литературныхъ вкладовъ въ исторію дѣятелей эпохи сагъ: едва ли даже слышалъ о нихъ. Но тутъ мнѣ случайно попался въ руки превосходный — во всякомъ случаѣ по стилю и выдержанности тона — переводъ Н. М. Петерсена. Изъ этихъ родовыхъ хроникъ, рисующихъ самыя разнообразныя отношенія и сцены между мужчинами и женщинами, вообще между людьми того времени, хлынула на меня богатая, полная содержанія, живая жизнь человѣческая; и по мѣрѣ того, какъ я сживался съ этими цѣльными, простыми, естественными женщинами и мужчинами, въ умѣ у меня сталъ возникать первоначальный смутный набросокъ „Воителей на Гельгеландѣ".

Не сумѣю теперь сказать, много ли частностей успѣло сформироваться у меня тогда, но я хорошо помню, что прежде всего выдѣлились передъ моимъ умственнымъ взоромъ два женскихъ образа, впослѣдствіи воплотившихся въ Йордисъ и въ Дагни. Затѣмъ мнѣ представилось необходимымъ ввести въ пьесу большой пиръ съ острыми и роковыми по своимъ послѣдствіямъ столкновеніями. Дальше я хотѣлъ извлечь изъ характеровъ, страстей и внутреннихъ отношеній людей того времени все, что являлось по-моему наиболѣе типичнымъ для жизни той эпохи. Словомъ, я имѣлъ въ виду подвергнуть драматической обработкѣ матеріалъ, которому въ сагѣ Вёльзунговъ была придана эпическая форма.

Едва ли однако я успѣлъ набросать себѣ тогда сколько-нибудь цѣльный, связный планъ. Я сознавалъ ясно одно — эта пьеса должна быть первымъ трудомъ, за который мнѣ слѣдовало взяться.

Но тутъ явились разнаго рода помѣхи, большею частью чисто личнаго свойства, которыя, пожалуй, имѣли наиболѣе сильное, рѣшающее значеніе. Думаю также, что нѣкоторое вліяніе оказало и то обстоятель-

ство, что я какъ разъ въ это время принялся основательно изучать сборникъ Ландстада „Norske folkeviser“ („Норвежскія народныя пѣсни“), который вышелъ года за два передъ тѣмъ. Къ моему личному настроенію въ то время болѣе подходилъ литературный романтизмъ среднихъ вѣковъ, нежели основанное на фактахъ повѣствованіе сагъ; скорѣе стихотворная форма, нежели прозаическая, и больше музыкальный складъ „богатырскихъ пѣсенъ“, нежели характерный языкъ сагъ.

Вотъ какимъ образомъ и произошло, что смутно бродившій во мнѣ планъ трагедіи „Воители на Гельгеландѣ“ временно преобразился въ лирическую драму „Пиръ въ Сольхаугѣ“.

Два женскихъ образа задуманной трагедіи, сводныя сестры Йордисъ и Дагни, превратились въ написанной лирической поэмѣ въ двухъ сестеръ Маргитъ и Сигне. Происхожденіе послѣднихъ отъ двухъ женщинъ изъ сагъ сразу бросится въ глаза, если только обратить на это вниманіе. Родовое сходство несомнѣнно. Слегка лишь намѣченный образъ Сигурда, героя трагедіи, много странствовавшаго и благосклонно принимаемаго при чужихъ королевскихъ дворахъ, воплотился въ пѣвцѣ Гудмундѣ Альфсёнѣ, который такъ много ѣздилъ по чужимъ странамъ и живалъ при дворѣ короля. И его отношенія къ двумъ сестрамъ видоизмѣнились, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ и условіямъ времени, отношеніе же обѣихъ сестеръ къ нему осталось въ существенныхъ чертахъ тѣмъ же, какъ и въ прежде задуманной, но позже написанной трагедіи. Роковой пиръ, которому я придавалъ такое большое значеніе, обдумывая свою трагедію, сталъ въ драмѣ ареной, на которой выступили и вполнѣ проявили себя дѣйствующія лица, фономъ, на которомъ развернулось дѣйствіе и который придалъ всей картинѣ желательный мнѣ основной тонъ. Конецъ пьесы смягченъ, согласно общему характеру драмы, въ отличіе ея отъ трагедіи; но между ортодоксальными исповѣдниками эстетики можетъ, пожалуй, возникнуть споръ о томъ, не сохранились ли и въ этой развязкѣ черты несмягченнаго трагизма, какъ бы въ свидѣтельство происхожденія драмы.

Не стану однако распространяться по этому поводу. Я хотѣлъ только установить, что предлагаемая драма, какъ и всѣ мои драматическія произведенія, является естественнымъ продуктомъ моей личной душевной жизни въ данный моментъ, вытекла изъ глубины моего творческаго „я“, а не обусловлена какимъ-нибудь внѣшнимъ толчкомъ или чужимъ вліяніемъ.

Такова подлинная исторія происхожденія „Пира въ Сольхаугѣ“.

Римъ, апрѣль 1883 г.

Генрикъ Ибсенъ.

---

* * *

Предисловіе это интересно не только помѣщенной въ немъ отповѣдью автора критикамъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ Ибсенъ впервые пролилъ нѣкоторый свѣтъ на самый процессъ своего творчества.

Опираясь на признанія автора, нѣмецкій критикъ Лотаръ и выводитъ свое заключеніе, что, подобно тому, какъ драматическая поэма „Пиръ въ Сольхаугѣ“ развилась изъ созрѣвавшаго въ умѣ Ибсена плана трагедіи „Воители на Гельгеландѣ“, такъ и всѣ другія его произведенія какъ бы выросли, развились одно изъ другого. „Такимъ образомъ всѣ произведенія Ибсена находятся въ самой тѣсной взаимной связи, и писатель былъ правъ, высказавъ въ предисловіи къ юбилейному изда-

нію *) собранія своихъ сочиненій: „Лишь воспринявъ всѣ мои произведенія, какъ одно связное, неразрывное цѣлое, возможно вынести изъ нихъ то впечатлѣніе, которое имѣлъ въ виду вызвать авторъ“.

Какую роль играетъ въ данномъ поэтическомъ произведеніи „пережитое“, въ какой пропорціи переплетены здѣсь между собой Dichtung und Wahrheit (вымыселъ и правда), Лотаръ не берется рѣшать; но какъ признанія самого автора, такъ и показанія друзей его указываютъ на то, что чисто личный элементъ сыгралъ тутъ особенно значительную роль, и самая пьеса ярко характеризуетъ охватившее Ибсена въ ту пору настроеніе.

Пересказывая содержаніе „Пира въ Сольхаугѣ“, Лотаръ подчеркиваетъ родственную связь между дѣйствующими лицами этой пьесы и получившими впослѣдствіи такую громкую извѣстность лицами изъ другихъ ибсеновскихъ произведеній.

„Бенгтъ — добродушный, вздорный, неуклюжій, самодовольный и гордящійся своей женой мужъ — предокъ Іоргена Тесмана („Гедда Габлеръ“). Видны въ Бенгтѣ въ зародышѣ и нѣкоторыя черты Гельмера („Кукольный домъ“), — особенно Гельмера, чувственно влюбленнаго въ Нору. Сцена (въ третьемъ дѣйствіи „Кукольнаго дома“), гдѣ грубая страсть Гельмера, прорываясь наружу, вдругъ раскрываетъ Норѣ пропасть, которая легла между нею и мужемъ, имѣетъ свой прообразъ въ сценѣ съ кубкомъ, наполненнымъ отравленнымъ питьемъ (3-е дѣйствіе „Пира въ Сольхаугѣ“).

„Фру Маргитъ глубоко несчастна въ своемъ бракѣ. Проклятіе этого брака въ томъ, что онъ основанъ на куплѣ и продажѣ, на власти богатства. „...Ничто не можетъ утолить мою тоску, я промѣняла свою молодость, продала свою радость за червонное золото, сама надѣла на себя золотыя цѣпи!“ — жалуется фру Маргитъ. Бенгтъ соблазнилъ ее своимъ богатствомъ, и вотъ она сидитъ и изнываетъ въ золотой клѣткѣ. Она продалась своему мужу и пожала въ награду горькую долю. Мотивъ этотъ съ тѣхъ поръ уже не исчезаетъ изъ ибсеновскихъ драмъ. Представляющій столь обычное явленіе бракъ, основанный на куплѣ и продажѣ, прикрытыхъ общественною ложью, глубоко ненавистенъ Ибсену. Онъ считаетъ корыстныя побужденія: алчность, жажду богатства, власти и блеска — главной причиной, порождающей несчастные браки. Ибсенъ не знаетъ ничего гнуснѣе самопродажи, уклоненія отъ своего истиннаго пути, отъ своего призванія ради выгодъ, ничего возмутительнѣе торговли своей совѣстью и своей личностью — лучшимъ, что есть въ насъ. „Сама по себѣ я безмѣрно богата“, — наивно говоритъ Сигне и вручаетъ свое богатство — самоё себя, по свободному выбору, своему возлюбленному Гудмунду. Самъ Гудмундъ вступаетъ въ домъ Бенгта, еще не уяснивъ себѣ хорошенько своихъ чувствъ къ обѣимъ сестрамъ. Положеніе, въ которое онъ попадаетъ, нѣсколько напоминаетъ положеніе Катилины („Катилина“) и Нильса Люкке („Фру Ингеръ изъ Эстрота“). Разница лишь въ томъ, что трагизму этого положенія придано въ „Пирѣ въ Сольхаугѣ“ болѣе свѣтлый оттѣнокъ. „Пиръ въ Сольхаугѣ“ въ сущности комедія съ трагическимъ эпизодомъ. Сцена, въ которой фру Маргитъ вливаетъ въ кубокъ ядъ и затѣмъ колеблется — дать ли выпить его мужу или нѣтъ, пока наконецъ грубыя заигрыванья Бенгта не обостряютъ ея отвращенія къ нему и не заставляютъ ее рѣшиться („Кубокъ твой налитъ; вонъ онъ стоитъ“), — сцена эта глубоко прочувствована и полна истиннаго трагизма.

„Ибсенъ въ данной пьесѣ вообще усердно пользуется техникой фран-

*) Въ десяти томахъ, изд. фирмой Гюльдендаль въ Копенгагенѣ 1898 г.

цузской комедіи и ея эффектами, основанными на недоразумѣніяхъ, на томъ, что зрители не узнаютъ своевременно имени какого-нибудь дѣйствующаго лица или не предувѣдомлены о какихъ-нибудь, весьма простыхъ по существу, обстоятельствахъ. Нѣтъ тутъ недостатка и въ монологахъ и въ репликахъ „въ сторону“. Вообще вся эта лирическая драма, со своими хорами, пѣснями и декламаціонными нумерами въ стилѣ арій, производитъ скорѣе впечатлѣніе оперы, нежели драмы. И. по-моему, нельзя представить себѣ болѣе благодарнаго матеріала для оперы“ *).

Въ числѣ критиковъ, вызвавшихъ своими сужденіями о „Пирѣ въ Сольхаугѣ“ опроверженіе Ибсена, находился также Георгъ Брандесъ: поэтому новый отзывъ его о данной пьесѣ, приложенный ко 2-му тому новаго изданія собранія сочиненій Ибсена въ нѣмецкомъ переводѣ, представляетъ глубокій интересъ, тѣмъ болѣе, что между первымъ и вторымъ отзывомъ легли четыре десятка лѣтъ, въ теченіе которыхъ Брандесъ имѣлъ возможность прослѣдить всю литературную дѣятельность Ибсена.

Приводимъ здѣсь этотъ второй отзывъ Брандеса:

„Въ собственномъ предисловіи своемъ ко второму изданію „Пира въ Сольхаугѣ“ Ибсенъ такъ обстоятельно выяснилъ исторію возникновенія пьесы и разсказалъ о томъ пріемѣ, который она встрѣтила при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, что почти нечего прибавить къ этому. Да и кому вообще, кромѣ автора, извѣстны самый источникъ его вдохновенія или внутреннія и внѣшнія причины, вызвавшія появленіе на свѣтъ его творенія? Что остается другимъ сказать объ этомъ такого, что не оказалось бы весьма мало говорящимъ въ сравненіи съ искреннимъ и обстоятельнымъ разъясненіемъ самого автора?

„Можно только отъ души пожелать, чтобы Ибсенъ изложилъ намъ исторію возникновенія и всѣхъ другихъ своихъ произведеній такъ же, какъ изложилъ исторію одного этого. Впрочемъ, едва ли можно считать и данное изложеніе вполнѣ исчерпывающимъ предметъ. Дать подобное Ибсенъ могъ бы лишь тогда, если бы онъ, и какъ поэтъ и какъ личность, былъ менѣе сдержаннымъ, замкнутымъ въ себѣ. Въ упомянутомъ предисловіи онъ лишь слегка коснулся того обстоятельства, что за поэтическими настроеніями и творческими побужденіями, создавшими „Пиръ въ Сольхаугѣ“, лежало еще нѣчто личное, пережитое. Объясняя причины, побудившія его, вмѣсто раньше задуманной трагедіи „Воители на Гельгеландѣ“, написать лирико-романтическую драму, Ибсенъ пишетъ: „Но тутъ явились разнаго рода помѣхи, большею частью чисто личнаго свойства, которыя, пожалуй, имѣли наиболѣе сильное, рѣшающее значеніе. Думаю также, что нѣкоторое вліяніе оказало и то обстоятельство, что я какъ разъ въ это время принялся основательно изучать сборникъ Ландстада: „Норвежскія народныя пѣсни“.

„Самое главное слѣдовательно заключалось въ чемъ-то чисто личномъ, о чемъ мы однако такъ-таки и не узнаёмъ ничего, хотя и можемъ догадаться по содержанію пьесы, тѣмъ болѣе, что сюжетъ этотъ

*) Сильный лиризмъ пьесы, который біографы Ибсена объясняютъ охватившимъ его въ то время настроеніемъ, не преминулъ соблазнить нѣсколькихъ современныхъ композиторовъ дать музыкальныя иллюстраціи къ драмѣ. Въ Бергенѣ она шла (1856 г.) съ музыкой ф. Шедива, въ Христіаніи (1856 г.) съ музыкой Паоло Сперати, затѣмъ тамъ же, при возобновленіи (въ 1897 г.), съ музыкой датскаго композитора Ланге-Мюллера, и въ Копенгагенѣ (1861 г.), съ музыкой Глезера. За границей «Пиръ въ Сольхаугѣ» шелъ въ Вѣнѣ (1891 г.) и въ Мюнхенѣ (1897 г.).

часто варьируется въ періодъ юношескаго творчества Ибсена, наиболѣе же ярко разработанъ въ появившейся двумя годами позже трагедіи „Вонтели на Гельгеландѣ“.

„Указать, гдѣ искать зародышъ этого чисто личнаго элемента, — задача, отъ которой приходится отказаться критику, не получившему на этотъ счетъ какихъ-либо интимныхъ указаній отъ самого автора. Критикъ можетъ отмѣтить лишь то, что данная пьеса — произведеніе юношеское, что она дѣйствуетъ на чувство, какъ музыкальная гамма юношескихъ настроеній, и что за этимъ должно скрываться нѣчто такое, что пришлось лично пережить юношѣ-автору, подобно большинству даровитыхъ людей въ ихъ молодости. Передъ нами молодая страстная женщина, съ которой юноша познакомился, которую полюбилъ, когда самъ былъ еще почти мальчикомъ, и которую встрѣчаетъ вновь уже замужемъ за другимъ. Женщина эта не нашла счастья въ своемъ бракѣ и живетъ воспоминаніями о другѣ дѣтства. Передъ нами два контраста — пылкая, мятущаяся въ отчаяніи, соблазнительно-прекрасная и готовая даже на преступленіе женщина и наивная, чистая, беззавѣтно любящая дѣвушка. Главное дѣйствующее лицо мужского пола — поэтъ. Своими пѣснями онъ проложилъ себѣ путь сначала къ сердцу Маргитъ, а три года спустя и къ сердцу Сигне. Вдобавокъ онъ поэтъ-изгнанникъ, какимъ навѣрно уже давно чувствовалъ себя тогда Ибсенъ и какимъ является въ „Олафѣ Лиліенкрансѣ“ бездомный Торгьердъ. Въ драмѣ „Пиръ въ Сольхаугѣ“ изображено въ поэтической формѣ, какъ сама судьба освобождаетъ молодого рыцаря и пѣвца изъ сѣтей, въ которыхъ онъ было-запутался благодаря страстному влеченію, пробужденному имъ въ женскомъ сердцѣ.

„Небольшое поэтическое произведеніе это гармонично и цѣльно, красиво округлено: всѣ подробности тщательно мотивированы, каждый эпизодъ психологически подготовленъ. Съ увѣренностью опытнаго драматурга Ибсенъ изображаетъ въ эффектной градаціи душевную муку, доводящую Маргитъ до преступленія. Овладѣвающія ея душой темныя силы встаютъ передъ нами въ краскахъ, яркихъ до прозрачности. Вообще всѣ выступающіе въ драмѣ образы производятъ впечатлѣніе какъ бы прозрачныхъ изображеній, своего рода живописи на стеклѣ, отличающейся теплотой красокъ и свѣтлою ясностью легкихъ, но вполнѣ рельефныхъ очертаній. Наиболѣе ярко очерченной фигурой является супругъ фру Маргитъ — честный, глупый, мелочный и безтактный Бенгтъ; это вмѣстѣ съ тѣмъ единственная фигура, носящая комическій оттѣнокъ и даже смахивающая на карикатуру. Въ немъ мы узнаемъ первообразъ Йоргена Тесмана изъ „Гедды Габлеръ“.

„Форма пьесы смѣшанная: стихи и проза чередуются безъ малѣйшей диссгармоніи. Отъ будничнаго спора діалогъ возвышается до лирическаго пафоса. Конецъ второго дѣйствія съ его контрастами — пѣсней, которою Гудмундъ даетъ понять Маргитъ, что онъ отклоняетъ ея любовь, и сказкой, которою Маргитъ рисуетъ свою отвергнутую любовь — выдаетъ будущаго мастера драматическихъ контрастовъ и тонкихъ иносказательныхъ проявленій душевнаго волненія.

„Въ общемъ „Пиръ въ Сольхаугѣ“ написанъ молодымъ поэтомъ-романтикомъ, который намѣренно притупилъ остріе трагизма своего сюжета, чтобы дать ему вылиться въ мягкой лирической формѣ. Тѣмъ не менѣе и это произведеніе позволяетъ угадывать въ его творцѣ будущаго крупнаго поэта-трагика, который станетъ великимъ въ тотъ день, когда во имя безпощадной любви къ правдѣ пренебрежетъ всякаго рода дешевыми гармоничными заключительными аккордами“.

ПИРЪ ВЪ СОЛЬХАУГѢ.

Лирическая драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бенгтъ Гаутесенъ, владѣлецъ Сольхауга.
Маргитъ, его супруга.
Сигне, ея сестра.
Гудмундъ Альфсенъ, дальній родственникъ сестеръ.
Кнутъ Гэслингъ, королевскій фогтъ.
Эрикъ изъ Гэгге, его другъ.
Первый слуга } въ Сольхаугѣ.
Второй слуга }
Королевскій гонецъ.
Старикъ.
Дѣвушка-служанка.
Гости обоего пола.
Свита Кнута Гэслинга.
Домочадцы въ Сольхаугѣ, дѣвушки и парни.

Дѣйствіе происходитъ въ Сольхаугѣ въ XIV столѣтіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Пиршественный покой: въ средней стѣнѣ дверь и въ обѣихъ боковыхъ по двери. Впереди направо оконный выступъ: переплетъ въ окнѣ мелкій оловянный съ круглыми стеклышками. Передъ окномъ столъ съ разными женскими украшеніями. У лѣвой стѣны длинный столъ, уставленный серебряными жбанами, стопами и рогами. Средняя дверь ведетъ въ открытыя сѣни, откуда открывается обширный видъ на фьордъ и прибрежный ландшафтъ.

У стола съ питьями сидятъ Бенгтъ Гаутесёнъ, фру Маргитъ, Кнутъ Гэслингъ и Эрикъ изъ Гэгге. Въ глубинѣ покоя сидятъ и стоятъ люди изъ свиты Кнута, передавая изъ рукъ въ руки стопы съ пивомъ. Издали доносится звонъ церковныхъ колоколовъ, — звонятъ къ обѣднѣ.

Эрикъ (встаетъ). Ну, по чести и не тратя даромъ рѣчей — какой отвѣтъ дадите вы мнѣ, свату Кнута Гэслинга?

Бенгтъ (безпокойно поглядывая на жену). Да... сдается мнѣ... (Видя, что она все молчитъ) Гм, да... Маргитъ, послушаемъ сначала, что ты скажешь.

Маргитъ (встаетъ). Господинъ Кнутъ Гэслингъ! Давно знала я о томъ, что повѣдалъ намъ сейчасъ Эрикъ изъ Гэгге. Знаю я, что родъ вашъ славенъ, что богаты вы всякимъ добромъ и золотомъ, и что король, господинъ нашъ, отмѣнно милостивъ къ вамъ.

Бенгтъ (Кнуту). Отмѣнно милостивъ — и я это скажу.

Маргитъ. И сестра моя врядъ ли найдетъ себѣ болѣе благороднаго супруга...

Бенгтъ. Болѣе благороднаго — никогда! Я какъ разъ того же мнѣнія.

Маргитъ (доканчивая). ...Если вамъ удастся снискать ея расположеніе.

Бенгтъ (испуганно, вполголоса). Но... но... дорогая супруга!..

Кнутъ (вскочивъ). Вотъ какъ, фру Маргитъ! Вы полагаете, что сестра ваша?..

Бенгтъ (стараясь успокоить его). Погодите, Кнутъ Гэслингъ! Постойте же! Поймите насъ какъ слѣдуетъ.

Маргитъ. Въ словахъ моихъ нѣтъ обиды для васъ. Сестра моя знаетъ васъ лишь по тѣмъ пѣснямъ, которыя про васъ распѣваютъ, а пѣсенки эти смущаютъ благочестивый слухъ.

Вашъ отцовскій домъ — ненадежный пріютъ, —
Въ немъ отъ буйныхъ гостей нѣтъ отбою;
День и ночь разгулъ, пьютъ, ѣдятъ и поютъ;
Горе той, что войдетъ къ вамъ женою!
Горе дѣвѣ той, что прельстится казной.
Вамъ навѣки отдастъ свою руку, —
Будетъ плакать ночь, думать день-денской:
Скоро-ль смерть прекратитъ ея му́ку!

Эрикъ. Ну да... правда... Кнутъ Гэслингъ права буйнаго, невоздержнаго. Но все это живо перемѣнится, какъ только онъ введетъ въ домъ молодую жену.

Кнутъ. И вотъ что попомните, фру Маргитъ! Тому будетъ съ недѣлю, какъ пировалъ я въ Гэгге у Эрика, который вотъ тутъ стоитъ. Пиво было крѣпкое, и подъ вечеръ я далъ слово, что году не минетъ, какъ Сигне, ваша красавица сестра, будетъ моей супругой. А ужъ про Кнута Гэслинга никто не скажетъ, что онъ когда-нибудь не сдержалъ своего слова. Такъ сами судите, вамъ придется избрать меня въ мужья вашей сестрѣ — волей или неволей.

Маргитъ. Прежде, нежели это сбудется, вамъ надо распустить свою буйную ватагу, перестать съ крикомъ и гамомъ

рыскать окрестъ верхомъ и въ колымагѣ, издалека наводя страхъ на дома, гдѣ ладятъ свадьбу. Пусть этотъ страхъ заглохнетъ навсегда! Ведите себя благопристойно на пирахъ, и пусть сѣкира ваша мирно виситъ себѣ дома въ углу за дверью. Вы сами знаете — она такъ и пляшетъ у васъ въ рукахъ, когда медъ и пиво бросятся вамъ въ голову. Не трогайте также благочестивыхъ женщинъ: пусть каждый мужъ съ миромъ владѣетъ своимъ добромъ. И не хвалитесь встрѣчному и поперечному, что кто-де уменъ — пусть запасется саваномъ прежде, чѣмъ стать у васъ на дорогѣ. И вотъ, если вы будете вести себя благопристойно цѣлый годъ, вамъ, пожалуй, и удастся расположить къ себѣ сестру мою.

Кнутъ (съ скрытой злобой). Вы складно ведете рѣчь, фру Маргитъ! Вамъ бы попомъ быть, а не женой своего мужа.

Бенгтъ. Ну, что до этого, то и я, пожалуй, могъ бы...

Кнутъ (не обращая на него вниманія). Но вы попомните, фру Маргитъ, — заговори со мною такъ мужчина, способный носить оружіе...

Бенгтъ. Да послушайте, Кнутъ Гэслингъ, — поймите насъ!..

Кнутъ (попрежнему). Однимъ словомъ — онъ на себѣ испыталъ бы, что сѣкира пляшетъ у меня въ рукахъ, какъ вы сейчасъ сами сказали.

Бенгтъ (тихо). Ну вотъ и дождались! Ахъ, Маргитъ, Маргитъ, не кончится это добромъ!

Маргитъ (Кнуту). Вы просили отвѣтить вамъ по чести, я и отвѣтила.

Кнутъ. Добро, добро: я и не буду ставить вамъ всякое лыко въ строку, фру Маргитъ. Вы одна умнѣе всѣхъ насъ вмѣстѣ. Вотъ моя рука... пожалуй, вы-таки не безъ причины наговорили мнѣ горькихъ рѣчей.

Маргитъ. Вотъ это мнѣ по душѣ. Вы уже на пути къ исправленію. И вотъ еще одно. Сегодня мы даемъ въ Сольхаугѣ пиръ.

Кнутъ. Пиръ?

Бенгтъ. Да, господинъ Гэслингъ! Надо вамъ сказать, что сегодня день нашей свадьбы: три года минуло, какъ я женатъ на фру Маргитъ.

Маргитъ (нетерпѣливо перебивая). Какъ я сказала, мы даемъ сегодня пиръ. Когда вы отстоите обѣдню и покончите остальныя свои дѣла, возвращайтесь къ намъ и раздѣлите наше веселье. Кстати и познакомитесь съ сестрой моей.

Кнутъ. Добро, фру Маргитъ; спасибо! Только я пріѣхалъ сюда сегодня не ради обѣдни, а ради Гудмунда Альфсёна, родича вашего.

Маргитъ (пораженная). Моего родича? Да гдѣ же вы его найдете?

Кнутъ. Его дворъ какъ разъ за мысомъ, по ту сторону фьорда.

Маргитъ. Да самъ-то онъ за тридевять земель отсюда.

Эрикъ. Не говорите: онъ, пожалуй, ближе, чѣмъ вы думаете.

Кнутъ (шопотомъ). Молчи!

Маргитъ. Ближе? Какъ это понять?

Кнутъ. Или вы не слыхали, что Гудмундъ Альфсёнъ вернулся на родину? Онъ сопровождалъ канцлера Аудуна изъ Гегранеса, котораго посылали во Францію за нашей новой королевой.

Маргитъ. Это такъ; но на этихъ дняхъ играютъ съ большой пышностью свадьбу короля въ Бергенѣ, значитъ, и Гудмундъ Альфсёнъ тамъ.

Бенгтъ. Да, и мы могли бы быть тамъ, если бы супруга моя пожелала.

Эрикъ (тихо Кнуту). Такъ фру Маргитъ не знаетъ, что..?

Кнутъ (тихо). Какъ видно, но не выдавай этого. (Вслухъ) Итакъ, фру Маргитъ, придется мнѣ все-таки поѣхать на всякій случай. Вечеромъ же я возвращусь къ вамъ.

Маргитъ. И докажите, что способны обуздать свой буйный нравъ.

Бенгтъ. Да, помомните это!

Маргитъ. Не хвататься за сѣкиру — слышите, Кнутъ Гэслингъ!

Бенгтъ. Ни за сѣкиру, ни за ножъ, ни за какое другое оружіе, которое носите при себѣ.

Маргитъ. Не то не надѣйтесь никогда стать моимъ зятемъ!

Бенгтъ. Да, это мы твердо рѣшили.

Кнутъ (Маргитъ). Будьте спокойны!

Бенгтъ. Ужъ разъ мы что рѣшили, такъ крѣпко.

Кнутъ. Вотъ это мнѣ любо, господинъ Бенгтъ Гаутесёнъ! У меня такой же обычай. И я уже выпилъ за родство съ вами. Такъ вотъ увидите, крѣпокъ ли и я въ своемъ словѣ. Миръ вамъ, и прощайте до вечера!

(Уходитъ съ Эрикомъ и свитой въ среднюю дверь. Бенгтъ провожаетъ ихъ до дверей. Звонъ колоколовъ между тѣмъ умолкаетъ).

Бенгтъ (возвращаясь). Сдается мнѣ, онъ пригрозилъ намъ передъ уходомъ?

Маргитъ (разсѣянно). Да, похоже на то.

Бенгтъ. Съ нимъ шутки плохи. И какъ пораздумаю, сдается мнѣ, что мы наговорили ему много обиднаго. Ну, да не будемъ ломать себѣ голову надъ этимъ. Сегодня надо быть по-

веселѣе, Маргитъ! У насъ съ тобой, сдается мнѣ, есть на то особая причина.

Маргитъ (съ грустной улыбкой). Какъ же, какъ же.

Бенгтъ. Правда, я былъ уже не первой молодости, когда посватался за тебя. Зато я былъ богатѣйшимъ человѣкомъ на много-много миль кругомъ — это я твердо знаю. Ты же была красавица, знатнаго рода, но приданое твое врядъ ли могло кого прельстить.

Маргитъ (про себя). И все же какъ я была богата тогда!

Бенгтъ. Что ты сказала, моя супруга?

Маргитъ. О, ничего, ничего. (Идетъ направо). Я хочу надѣть свои жемчужные уборы и кольца. Сегодня вѣдь мой праздникъ.

Бенгтъ. Вотъ такія рѣчи мнѣ по сердцу. Смотри же, разодѣнься въ самый пышный нарядъ свой; пусть наши гости говорятъ: счастливица она, что вышла замужъ за Бенгта Гаутесёна! Но теперь мнѣ надо въ кладовую, не оберешься хлопотъ сегодня. (Уходитъ налѣво).

Маргитъ (тяжело опускается на стулъ у стола направо).

Ушелъ онъ... я рада; когда онъ со мною —
Какъ будто не день, непроглядная ночь,
И словно кто сердце рукой ледяною
Мнѣ сжалъ, и... дышать мнѣ невмочь!..

(Со слезами на глазахъ)

Жена я ему. Онъ супругъ мой навѣкъ.
Какъ долго на свѣтѣ живетъ человѣкъ?
Мой Богъ! Лѣтъ съ полсотни, пожалуй, и дольше.
А мнѣ — двадцать два лишь, не больше.

(Послѣ краткой паузы, спокойнѣе)

Какъ въ клѣткѣ изъ золота тяжко дышать,
Какъ тяжко въ неволѣ свой вѣкъ коротать!

(Разсѣянно перебираетъ украшенія и начинаетъ надѣвать ихъ на себя).

Гостей ослѣпить надо блескомъ наряда,
Уборомъ жемчужнымъ на гордомъ челѣ...
О, Боже! А я-то сама была-бъ рада —
Уснуть сномъ могильнымъ въ землѣ!.. (Обрывая)
Нѣтъ, прочь эту думу-змѣю!
Я пѣсенку лучше спою. (Поетъ)

Горный король объѣзжаетъ страну,
— Какъ жизнь свою грустно влачу я —
Ищетъ себѣ онъ красотку-жену.
— О немъ днемъ и ночью тоскуя! —
Горный король въѣхалъ въ Гёконовъ дворъ,
— Какъ жизнь свою грустно влачу я —
Кирстенъ краса привлекла его взоръ.

— О немъ днемъ и ночью тоскуя! —
Горный король ее въ жены просилъ;
— Какъ жизнь свою грустно влачу я —
Цѣпью серебряной станъ ей обвилъ.
— О немъ днемъ и ночью тоскуя! —
Кирстенъ-красавицу въ жены онъ взялъ.
— Какъ жизнь свою грустно влачу я —
Кольцами пальцы ея унизалъ.
— О немъ днемъ и ночью тоскуя! —
Годъ минулъ... три... вотъ ужъ близко къ пяти,
— Какъ жизнь свою грустно влачу я —
Кирстенъ сидитъ все въ горѣ взаперти.
— О немъ днемъ и ночью тоскуя! —
Столько-жъ еще; вотъ десятый ужъ годъ;
— Какъ жизнь свою грустно влачу я —
Кирстенъ напрасно все солнышка ждетъ.
— О немъ днемъ и ночью тоскуя! —
Солнце, цвѣты, пѣнье птицъ — на землѣ;
— Какъ жизнь свою грустно влачу я —
Здѣсь чуть сіяетъ лишь злато во мглѣ.
— О немъ днемъ и ночью тоскуя!

(Встаетъ и идетъ по комнатѣ).

Загадочныхъ чаръ эта пѣсня полна:
Пѣлъ Гудмундъ ее намъ, бывало,
И что-то такое въ ней есть, что она
Такъ крѣпко мнѣ въ душу запала.
Въ ней что-то такое смущаетъ мой умъ;
Унять не могу я встревоженныхъ думъ...

(Вдругъ останавливается какъ бы въ ужасѣ)

Серебряный поясъ и сотни колецъ...
Сманилъ ими дѣву духъ горъ подъ вѣнецъ!

(Въ отчаяніи опускается на скамью у стола налѣво).

О, горе! Такая же плѣнница я!
Никто не придетъ, не избавитъ меня!..

(Изъ средней двери вбѣгаетъ Сигне, вся сіяя отъ радости).

Сигне (кричитъ). Маргитъ, Маргитъ, — онъ придетъ!

Маргитъ (вскочивъ). Придетъ? Кто придетъ?

Сигне. Гудмундъ, нашъ родичъ.

Маргитъ. Гудмундъ Альфсёнъ! Сюда? Откуда ты взяла?..

Сигне. О, я увѣрена!

Маргитъ (переходя направо). Гудмундъ Альфсёнъ пируетъ на королевской свадьбѣ; ты знаешь это не хуже меня.

Сигне. Можетъ статься; а я все-таки увѣрена, что это былъ онъ.

Маргитъ. Такъ ты его видѣла?
Сигне. О, нѣтъ, нѣтъ! Но ты послушай...
Маргитъ. Говори скорѣе!
Сигне. Сегодня поутру, когда я проснулась,
Мнѣ благовѣстъ вѣтеръ въ окошко донесъ,
И звону навстрѣчу душа встрепенулась.
Тропинкой лѣсною, межъ ивъ и березъ,
Я въ церковь отправилась. Птицъ щебетань
Стояло надъ лѣсомъ, веселый гомонъ;
Полны были воздухъ и лѣсъ ликованья;
Манили цвѣты меня съ разныхъ сторонъ...
И я опоздала къ обѣднѣ. Вошла я —
Священникъ съ амвона ужъ отпустъ читалъ,
А паства вся, набожно старцу внимая,
Сидѣла безмолвно... Какъ вдругъ зазвучалъ
Надъ фьордомъ ласкающій голосъ. И, право,
Иконы и тѣ повернулись туда,
Откуда онъ несся, чаруя дубраву!
Маргитъ. Что-жъ дальше, о, Сигне?
Сигне. Меня же тогда
Какъ будто кто силою тайной, могучей
Изъ церкви повлекъ по доламъ, по холмамъ;
Я шла, какъ во снѣ, на призывъ тотъ пѣвучій...
Назадъ оглянулась—былъ пустъ Божій храмъ:
И пастырь и паства шли слѣдомъ за мною —
Сманилъ, какъ меня, ихъ волшебный напѣвъ.
И, словно подъ сводами храма, лѣсною
Тропинкой мы шли подъ навѣсомъ деревъ;
Умолкъ птичій гамъ и кукушки стенанье,
Лѣсной жаворонокъ спустился съ небесъ;
Какъ въ храмѣ, въ кустахъ водворилось молчанье;
Зато слали откликъ и скалы и лѣсъ!
Маргитъ. Ну, дальше!
Сигне. Креститься народъ сталъ, сестрица,
Когда свою пѣснь спѣлъ пѣвецъ до конца;
Въ груди-жъ у меня билось сердце, какъ птица —
Узнала я чудную пѣснь и пѣвца!
Не разъ въ своемъ дѣтствѣ ее я слыхала;
Намъ пѣлъ ее родичъ нашъ, Гудмундъ, бывало;
А все, что онъ пѣлъ, въ моемъ сердцѣ живетъ
И вмѣстѣ со мной лишь умретъ.
Маргитъ. И ты думаешь, что это..?
Сигне. Я увѣрена! Вотъ увидишь—я не ошиблась. (Смѣясь)
Развѣ не прилетаетъ назадъ домой изъ чужихъ краевъ даже

малая пѣвчая пташка? Сама не знаю, почему мнѣ такъ весело сегодня... Сдается мнѣ... Знаешь что. Маргитъ? Его арфа виситъ тамъ на стѣнѣ. Возьму да вычищу ее и настрою золотыя струны.

Маргитъ (какъ бы въ забытьѣ). Дѣлай, какъ знаешь...

Сигне (съ упрекомъ). Не такъ, не такъ! (Обнимая ее) Но вотъ придетъ Гудмундъ, и ты опять станешь такой же веселой, беззаботной, какъ тогда, когда Сигне была маленькой.

Маргитъ (про себя). Какъ много измѣнилось съ тѣхъ поръ!..

Сигне. Тебѣ ли не быть веселой, Маргитъ? Сколько у тебя слугъ и служанокъ! Кладовая полна богатыхъ нарядовъ. А сколько всякаго добра, Господи Іисусе! Днемъ катайся верхомъ по полямъ и дубравамъ, гоняйся за дикими ланями; ночью покойся въ богатой опочивальнѣ на шелковыхъ подушкахъ.

Маргитъ (глядя въ окно). И онъ будетъ гостемъ въ Сольхаугѣ!..

Сигне. Что ты говоришь?

Маргитъ (оборачиваясь). Ничего. Поди, принарядись получше, и тебѣ на долю можетъ выпасть такое же счастье, которое ты сейчасъ восхваляла.

Сигне. Что ты хочешь сказать?

Маргитъ (гладя ее по головѣ). Я хочу сказать... Ну, да увидимъ... Что, если бы къ намъ сегодня вечеромъ пожаловалъ женихъ и посватался?..

Сигне. Посватался? За кого?

Маргитъ. За тебя.

Сигне (съ громкимъ смѣхомъ). За меня! Ну такъ женихъ не туда попалъ!

Маргитъ. Что же ты отвѣтишь, если онъ честно попроситъ у тебя руку и сердце?

Сигне. Я отвѣчу, что мнѣ слишкомъ весело живется, чтобы думать о женихахъ и тому подобномъ.

Маргитъ. А если онъ знатный господинъ? Богатъ?

Сигне. Будь даже король онъ, съ богатствомъ несмѣтнымъ.

Пусть сотни служанокъ имѣетъ и слугъ
И счета не знаетъ камнямъ самоцвѣтнымъ—
Меня не прельститъ и столь видный супругъ.
Сама по себѣ я безмѣрно богата:
Струи горной рѣчки—мое серебро,
А солнца лучи—мое злато;
Приволье лѣсное—мое все добро,
А пѣніе птичекъ—моя вся отрада!
Съ тобой хочу жить, какъ доселѣ жила:

Твоихъ жениховъ мнѣ и даромъ не надо;
Чтобъ замужъ идти---слишкомъ я весела!

(Убѣгаетъ, напѣвая, направо).

Маргитъ (послѣ нѣкотораго молчанія). Гудмундъ Альфсёнъ пріѣдетъ сюда? Сюда — въ Сольхаугъ? Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ! Сигне говоритъ, что слышала его пѣніе. Но и мнѣ это часто чудилось, когда въ чащѣ бора шумѣли сосны, бурлилъ водопадъ и призывно щебетали пташки въ вершинахъ деревьевъ. Мнѣ чудились звуки пѣсенъ Гудмунда, а онъ былъ далеко-далеко! Сигне ошиблась. Гудмундъ не придетъ.

Бенгтъ (входитъ впопыхахъ изъ средней двери и кричитъ). Нежданный гость, супруга моя!

Маргитъ. Кто же?

Бенгтъ. Гудмундъ Альфсёнъ, родичъ твой! (Кричитъ въ дверь направо) Приготовить самый лучшій изъ покоевъ для гостей... да не мѣшкая!

Маргитъ. Такъ онъ уже въѣхалъ во дворъ къ намъ?

Бенгтъ (выглядывая въ сѣни). Нѣтъ еще, но недолго заставитъ себя ждать. (Опять кричитъ направо) Рѣзную дубовую кровать съ драконовыми головами! (Возвращаясь къ Маргитъ) Его оруженосецъ прибылъ съ вѣстью и поклономъ отъ него, а самъ онъ будетъ слѣдомъ.

Маргитъ. Его оруженосецъ? Онъ ѣздитъ съ оруженосцемъ?

Бенгтъ. Еще бы! Съ оруженосцемъ и со свитой изъ шести вооруженныхъ людей. Ну да, Гудмундъ Альфсёнъ совсѣмъ не таковъ нынѣ, какимъ уѣхалъ отсюда. Но мнѣ надо встрѣтить его. (Кричитъ) Осѣдлайте моего коня сѣдломъ изъ золоченой кожи! Да не забудьте удилъ съ змѣиными головками. (Выглядываетъ изъ средней двери) Ой, да онъ уже у околицы! Ну, такъ хоть палку мнѣ съ серебрянымъ набалдашникомъ! Такого рыцаря подобаетъ встрѣтить съ честью, съ великимъ почетомъ! (Торопливо уходитъ въ среднюю дверь).

Маргитъ (задумчиво). Уѣхалъ безвѣстнымъ и бѣднымъ когда-то,
Вернулся со свитой, въ одеждѣ богатой!
Что надо ему? Или манитъ взглянуть,
Какъ съ горя-тоски надрывается грудь?
Натѣшиться хочетъ печалью моею?
Узнать, гдѣ терпѣнью и силамъ предѣлъ?
Такъ нѣтъ, за себя постоять я сумѣю,
Ему не добиться, чего онъ хотѣлъ!

(Знакомъ вызываетъ изъ двери направо трехъ служанокъ).

Вы, дѣвушки, слушайте, что вамъ скажу:
Должны нарядить вы свою госпожу!
Ведите меня въ мой высокій покой,

Готовьте мой шелковый плащъ голубой!
Подайте мнѣ бархатный лучшій нарядъ!
Пусть камни цвѣтные на шеѣ горятъ,
И жемчугъ украситъ мои волоса:
Пусть всѣхъ ослѣпитъ здѣсь фру Маргитъ краса!..

(Дѣвушки уходятъ налѣво, унося ларцы съ драгоцѣнностями).

Маргитъ (направляясь за ними).

Ха-ха! Мой супругъ вѣдь недаромъ духъ горъ!
Мнѣ будетъ къ лицу королевскій уборъ! (Уходитъ налѣво).

(Бенгтъ вводитъ изъ сѣней въ среднюю дверь Гудмунда Альфсёна).

Бенгтъ. Еще разъ добро пожаловать подъ кровъ Сольхауга, родичъ супруги моей!

Гудмундъ. Благодарю васъ. А какъ она поживаетъ? Надѣюсь, хорошо?

Бенгтъ. Да, хоть поклясться, что такъ! У нея ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Цѣлыхъ пять служанокъ ходятъ за ней, и осѣдланный скакунъ всегда къ ея услугамъ. Словомъ, у нея есть все, чего только можетъ пожелать себѣ благочестивая женщина для полнаго счастья.

Гудмундъ. И Маргитъ счастлива?

Бенгтъ. И Богу и людямъ должно бы такъ казаться; но диковинное дѣло...

Гудмундъ. Что вы хотите сказать?

Бенгтъ. Да вотъ хоть вѣрьте, хоть не вѣрьте, а, сдается мнѣ, Маргитъ была веселѣй, когда жила въ бѣдности, нежели съ тѣхъ поръ, какъ поселилась хозяйкой въ Сольхаугѣ.

Гудмундъ (про себя). Я такъ и зналъ; тѣмъ и должно было кончиться.

Бенгтъ. Что вы говорите, родичъ?

Гудмундъ. Я говорю, что дивлюсь тому, что вы повѣдали мнѣ про свою супругу.

Бенгтъ. А я-то, какъ вы думаете, не дивлюсь? Не будь я честнымъ человѣковъ, если понимаю, чего ей недостаетъ? Я день-денской не отхожу отъ нея, и никто не скажетъ, что держу ее строго; весь присмотръ за домомъ и хозяйствомъ взялъ на себя, и — все-таки!.. Ну, вы всегда были веселымъ молодцомъ и, я думаю, внесете съ собою лучъ солнца въ нашъ домъ. Тсс... вотъ и фру Маргитъ. Не подавайте вида, что я...

(Маргитъ въ пышномъ нарядѣ входитъ слѣва).

Гудмундъ (идетъ ей навстрѣчу). Маргитъ... дорогая Маргитъ!

Маргитъ (останавливаясь и точно не узнавая его). Простите, господинъ рыцарь, но... (Какъ бы теперь лишь узнавъ его) Право, если я не ошибаюсь — Гудмундъ Альфсёнъ? (Протягиваетъ ему руку).

Гудмундъ (не принимая руки). И ты не узнала меня сразу?

Бенгтъ (смѣясь). Ахъ, Маргитъ, да что же это съ тобой? Я вѣдь только-что сказалъ тебѣ, что твой родичъ...

Маргитъ (переходя къ столу направо). Двѣнадцать лѣтъ — долгій срокъ, Гудмундъ! Самая свѣжая зелень успѣетъ завянуть десять разъ.

Гудмундъ. Мы не видѣлись всего семь лѣтъ.

Маргитъ. О, навѣрно, гораздо дольше.

Гудмундъ (смотритъ на нее). Готовъ повѣрить этому, но все-таки оно такъ, какъ я говорю.

Маргитъ. Диковинно! Я, вѣрно, была тогда еще ребенкомъ, вотъ мнѣ и кажется, будто цѣлый вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ. (Опускаясь на стулъ) Ну, садитесь, родичъ. Отдохните; вечеромъ усладите насъ своимъ пѣніемъ. (Съ принужденной улыбкой) Вы вѣдь знаете, что у насъ сегодня веселье, — пируемъ вечеромъ.

Гудмундъ. Мнѣ сказали объ этомъ, какъ только я въѣхалъ во дворъ.

Бенгтъ. Да, сегодня какъ разъ три года, что мы...

Маргитъ (прерывая). Родичъ мой уже слышалъ это. (Гудмунду) Вы бы сняли свой плащъ.

Гудмундъ. Благодарю васъ, фру Маргитъ; но, мнѣ кажется, здѣсь холодно,—холоднѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Бенгтъ. А я весь въ поту; ну, да у меня столько хлопотъ сегодня. (Маргитъ) Не дай же нашему гостю соскучиться, пока я не вернусь. Побесѣдуй о быломъ, о прежнемъ житьѣ-бытьѣ. (Хочетъ уйти).

Маргитъ (нерѣшительно). Ты уходишь?.. Не лучше ли...

Бенгтъ (возвращается и, смѣясь, говоритъ Гудмунду). Видите? Господинъ Бенгтъ изъ Сольхауга мастеръ водиться съ женщинами. Жена не можетъ обойтись безъ меня и на часокъ. (Беретъ Маргитъ за подбородокъ) Ну, ну, не тужи, я скоро вернусь къ тебѣ!

Маргитъ (про себя). О, какъ мучительно и ненавистно сносить это! (Краткое молчаніе).

Гудмундъ. Какъ поживаетъ ваша дорогая сестра?

Маргитъ. Благодарю, хорошо.

Гудмундъ. Мнѣ сказали—она живетъ съ вами.

Маргитъ. Она живетъ здѣсь съ нами съ самаго моего... (Обрывая) Вотъ уже три года, какъ она живетъ въ Сольхаугѣ. (Немного погодя) Она, навѣрно, скоро выйдетъ къ вамъ.

Гудмундъ. Сигне прежде была такая ласковая, привѣтливая, безхитростная. Какъ вспомню ея голубые глазки — невольно вспоминаются Божьи ангелы. Впрочемъ, многое мо-

жетъ измѣниться за семь лѣтъ. Скажите, неужели и она такъ же сильно измѣнилась за то время, что я странствовалъ вдали отъ родныхъ мѣстъ?

Маргитъ (принужденно-насмѣшливо). И она? Это при дворѣ королевскомъ учатъ такимъ учтивымъ рѣчамъ? Вы напомнили мнѣ о томъ, какъ время безжалостно...

Гудмундъ. Маргитъ, вы хорошо поняли, что я хотѣлъ сказать. Въ былое время вы обѣ были со мной дружны. Вы плакали, когда я уѣзжалъ; мы дали другъ другу слово оставаться добрыми близкими друзьями—и въ радости и въ горѣ. Вы, какъ солнце, сіяли въ кругу молодыхъ дѣвицъ; далеко шла о васъ слава. Вы и теперь прекрасны, но госпожа Сольхауга, какъ вижу, забыла бѣднаго родича. Вы стали такой неприступной, а прежде были такой ласковой, радушной.

Маргитъ (едва удерживаясь отъ слезъ). Да, прежде!..

Гудмундъ (съ участіемъ глядитъ на нее и послѣ краткаго молчанія говоритъ, понизивъ голосъ). Вашъ супругъ предложилъ намъ скоротать время бесѣдой о быломъ, дорогомъ намъ обоимъ времени.

Маргитъ (горячо). Нѣтъ, нѣтъ; только не объ этомъ! (Спокойнѣе) Мнѣ такъ трудно вспоминать о быломъ; я еще не научилась этому. Лучше вы разскажите о томъ времени, когда васъ здѣсь не было. Оно, вѣрно, богато приключеніями, и вы много можете порассказать мнѣ. Бѣлый свѣтъ великъ и согрѣтъ солнцемъ; тамъ на просторѣ легче дышится и думается.

Гудмундъ. Никогда не бывало такъ хорошо, легко у меня на душѣ въ королевскихъ палатахъ, какъ въ вашемъ убогомъ жилищѣ, когда я былъ бѣднымъ отрокомъ.

Маргитъ (не глядя на него). А я... сидя тутъ, въ Сольхаугѣ, каждый день благодарила Бога за то, что послалъ мнѣ такую счастливую долю.

Гудмундъ. Благо вамъ, если вамъ есть за что благодарить...

Маргитъ (запальчиво). Развѣ я не живу въ чести и въ холѣ? Развѣ не сама себѣ госпожа? Не могу дѣлать, что мнѣ вздумается? Я здѣсь первая; мнѣ нѣтъ равной, а это, вы знаете, всегда было мнѣ любо. Вы-то, вѣрно, ожидали застать меня убитой горемъ, но, видите, я весела и беззаботна. Не стоило вамъ и пріѣзжать въ Сольхаугъ; не найти вамъ здѣсь, чего искали!

Гудмундъ. Что вы хотите сказать, фру Маргитъ?

Маргитъ (вставая). Я хорошо знаю, что привело васъ сюда, въ мой тихій пріютъ.

Гудмундъ. Вы знаете, что меня привело? И вамъ это не

по сердцу? (Кланяется и хочетъ уйти) Миръ Господень да будетъ съ вами, благородная госпожа!

Маргитъ. Больше чести было бы вамъ оставаться тамъ, гдѣ были—въ королевскихъ палатахъ.

Гудмундъ (останавливаясь). Въ королевскихъ палатахъ? Вы можете насмѣхаться надъ моей горькой долей?

Маргитъ. Горькой долей? Высоко же вы мѣтите, родичъ! Хотѣла бы я знать, гдѣ сядете! Вы можете рядиться въ алый бархатъ, вы состоите при королѣ, владѣете всякимъ добромъ и золотомъ...

Гудмундъ. Вамъ лучше знать — насколько счастье ко мнѣ благосклонно. Вы сами сейчасъ сказали, что знаете, зачѣмъ я явился въ Сольхаугъ...

Маргитъ. Ну да, знаю.

Гудмундъ. Такъ знаете и то, что мнѣ недавно пришлось испытать; знаете, что я въ опалѣ, изгнанникъ?

Маргитъ (въ ужасѣ). Въ опалѣ!? Изгнанникъ!? Ты, Гудмундъ?..

Гудмундъ. Да, да. Но зову я въ свидѣтели Бога:
Не переступилъ бы у васъ я порога,
Когда бы лишь зналъ,—будь вамъ то не въ укоръ,—
Что сильно вы такъ измѣнились съ тѣхъ поръ.
Какъ съ вами разстались мы. Думалъ—какъ прежде
Привѣтомъ и лаской сіяетъ вашъ ликъ,
И сердце полно доброты... но въ надеждѣ
Обманутъ своей. Не бѣда! Лѣсъ великъ,
Рука моя такъ же тверда и проворна,
И мѣтокъ мой лукъ. Кровъ изгнанникъ найдетъ,—
Ему и въ берлогѣ должно быть просторно,
И камень за мягкое ложе сойдетъ!
Все лучше, чѣмъ клянчить у васъ состраданья!
(Направляется къ двери).

Маргитъ (удерживая его). Изгнанникъ!.. Постой же! О, Гудмундъ, повѣрь!..
Клянусь — ничего про опалу, изгнанье
Не слышала...

Гудмундъ. Знайте-жъ теперь,
Что я съ высоты королевскаго трона
Объявленъ лишеннымъ защиты закона.
Но жизнь всѣмъ мила, и въ лѣсу я, какъ песъ
Бездомный, три ночи скитался; утесъ
Мнѣ ложемъ служилъ для усталаго тѣла,
Подушкой скала. Я подъ кровомъ чужимъ
Пріюта просить постыдился-бъ, но смѣло

Шелъ къ вамъ; я вѣдь думалъ—иду я къ своимъ,
Тамъ ждетъ меня отдыхъ отъ трудныхъ скитаній,—
Друзья узнаются во дни испытаній.
Но эта надежда увяла—увы!—
Быстрѣй въ полѣ скошенной лѣтомъ травы.
Супругъ вашъ изгнанника встрѣтилъ радушно,
Заздравную чашу поднесъ у дверей,
Но въ вашихъ покояхъ такъ мрачно... и душно...
И пусто, — я здѣсь не имѣю друзей!
Пусть такъ: я въ скитанье отправлюсь безъ жалобъ.

Маргитъ (умоляюще). Послушай же, Гудмундъ... О, если я знала-бъ!..

Гудмундъ. Не съ рабской душой я родился на свѣтъ,
И жизнь для меня теперь — лишь пустоцвѣтъ,
Цѣны никакой не имѣетъ съ утратой
Всего, что̀ любилъ я. Сказалъ я прости
Всѣмъ лучшимъ надеждамъ.

Маргитъ. Но, Гудмундъ...

Гудмундъ. Богатой
И знатною дамой, въ довольствѣ, въ чести
Живите! Вамъ честь моя служитъ порукой:
Къ вамъ впредь докучать своимъ горемъ и мукой
Не явится Гудмундъ вовѣкъ никогда!
Онъ съ вами простится теперь — навсегда.

Маргитъ. Довольно же, Гудмундъ! Ты самъ пожалѣешь
Объ этихъ язвительныхъ, горькихъ словахъ...
Вѣдь знай я, что крова ты здѣсь не имѣешь,
Изгнанникомъ бродишь въ горахъ и лѣсахъ, —
Тебя приняла-бъ я, какъ вѣстника счастья!
Изгнанника въ домѣ своемъ отъ ненастья,
Невзгодъ и опасности смертной укрыть —
Да можетъ ли слаще, желаннѣй что̀ быть?..

Гудмундъ. Что̀ ты говоришь, что̀ мнѣ думать теперь?..

Маргитъ (протягивая ему руку) ...Что въ Сольхаугѣ у тебя родные и друзья.

Гудмундъ. Но ты сейчасъ лишь...

Маргитъ. Пустое! выслушай меня, и ты все поймешь. Жизнь для меня — черная ночь безъ единаго проблеска солнца или звѣздъ. И ничто не можетъ утолить мою тоску, — я промѣняла свою молодость, продала свою радость за червонное золото, сама надѣла на себя золотыя цѣпи! Повѣрь мнѣ, богатство—плохое утѣшеніе, когда душа скорбитъ. Въ дѣтствѣ какая я была веселая! Жили мы бѣдно, жилище наше было убого,

но въ груди моей таилось цѣлое богатство радостныхъ надеждъ.

Гудмундъ (не спуская съ нея взгляда). И ты уже обѣщала тогда стать красавицей изъ красавицъ.

Маргитъ. Быть-можетъ. Но восхищеніе и похвалы, которыми меня осыпали, и сгубили мое счастье. Тебѣ пришлось уѣхать въ чужіе края, но пѣсни твои глубоко запали мнѣ въ душу, отуманили мою голову. Ты пѣлъ о радостяхъ, которыя можетъ познать человѣческое сердце, воспѣвалъ свободную, веселую долю въ кругу знатныхъ господъ и дамъ... То и дѣло и съ запада и съ востока являлись ко мнѣ женихи, и вотъ... я стала женой своего супруга.

Гудмундъ. О, Маргитъ!

Маргитъ. Скоро пришлось мнѣ горько раскаяться. Единственной моей отрадой стало — думать о тебѣ, мой родичъ и другъ! Какъ пусто казалось мнѣ въ хоромахъ и покояхъ Сольхауга! Къ намъ съѣзжались рыцари, господа и дамы; скальды воспѣвали и славили мою красоту, но никто не понималъ меня, никто не понялъ моей тоски. Я зябла, словно меня заточили въ подземной пещерѣ, въ горѣ, а голова моя горѣла отъ думъ, кровь кипѣла...

Гудмундъ. Но супругъ твой?..

Маргитъ. Никогда не былъ онъ любъ мнѣ. Меня соблазнило лишь его золото; когда же онъ говорилъ со мной, садился рядомъ, я не знала, куда дѣваться отъ тоски. (Всплеснувъ руками) И такъ я прожила цѣлыхъ три года! Жизнь моя была сплошною, безконечною мукой. Но вотъ дошла до меня вѣсть о твоемъ прибытіи. Ты вѣдь знаешь мою гордость; она глубоко пустила корни въ моей душѣ. И я затаила свою скорбь, свою муку, — тебѣ меньше кого-либо слѣдовало знать о нихъ!

Гудмундъ (растроганно). Потому-то ты и отворачивала отъ меня лицо свое?..

Маргитъ (не глядя на него). Я думала — ты явился насмѣхаться надъ моимъ горемъ.

Гудмундъ. Маргитъ, и ты могла такъ думать?..

Маргитъ. Да, да, мнѣ было чего опасаться! Но, хвала небу, теперь этотъ страхъ прошелъ. Я больше не одна; на сердцѣ у меня такъ отрадно, мнѣ дышится такъ легко, какъ ребенку въ родномъ саду. (Вздрогнувъ въ испугѣ) Ахъ, что я вспомнила!.. Какъ могла я забыть!.. Будьте милостивы ко мнѣ всѣ святые! Внѣ закона — сказалъ ты?..

Гудмундъ (съ улыбкой). Теперь я дома; здѣсь люди короля оставятъ меня съ миромъ.

Маргитъ. Но ты же недавно былъ у него въ такой милости... Разскажи мнѣ, какъ это случилось?..

Гудмундъ. Разсказъ мой будетъ недологъ. Ты знаешь, я былъ во Франціи, когда канцлеръ Аудунъ пріѣхалъ туда изъ Бергена съ пышной свитой, чтобы отвезти въ Норвегію невѣсту короля, съ ея отроками, дѣвушками и сокровищами. Господинъ Аудунъ былъ красивъ и ловокъ; принцесса была красавица изъ красавицъ; взглядъ ея такъ и проснлся въ душу... Они все бесѣдовали между собой, перешептывались украдкой... О чемъ? Трудно было догадаться. Разъ ночью я сидѣлъ, тѣсно прижавшись къ борту корабля. Мысли мои неслись вмѣстѣ съ бѣлоснѣжными чайками къ берегамъ Норвегіи. Вдругъ за спиной у меня послышался шопотъ двухъ голосовъ. Я оглянулся — это были онъ и она. Они меня не видѣли: я сидѣлъ въ тѣни; я же ясно различалъ ихъ обоихъ. Она жалобно глядѣла на него и шептала:—«Ахъ, если бы корабль уносилъ насъ съ тобой въ чудныя страны юга и мы были бы одни на кораблѣ, вдвоемъ съ тобой, — сердце мое не разрывалось бы, голова моя не горѣла бы такъ». Господинъ Аудунъ возразилъ ей что-то, она смѣло отвѣчала ему... говорила страстныя, безумныя рѣчи. Я видѣлъ — глаза ея горѣли, какъ звѣзды. Она молила его... (Обрывая) Тутъ меня охватилъ ужасъ.

Маргитъ. О чемъ она молила его?..

Гудмундъ. Я вскочилъ, и они вмигъ исчезли: я остался на палубѣ одинъ. (Вынимая изъ кармана пузырекъ) Но вотъ что я нашелъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они сидѣли.

Маргитъ. Что это?

Гудмундъ (понизивъ голосъ). Таинственное зелье: одну каплю въ чашу твоего недруга — и онъ начнетъ хирѣть... жизненная сила медленно изсякнетъ въ немъ, и никакому врачу не исцѣлить его.

Маргитъ. Но скажи мнѣ...

Гудмундъ (шопотомъ). Зелье это предназначалось для короля.

Маргитъ. Святые мученики!..

Гудмундъ (снова пряча пузырекъ). Хорошо, что пузырекъ этотъ попался мнѣ въ руки. Черезъ три дня путь нашъ былъ оконченъ. И я тайно скрылся съ моими людьми; я зналъ, что Аудунъ замышляетъ мою гибель, хочетъ обвинить меня передъ королемъ...

Маргитъ. Теперь самая горшая бѣда миновала... Скоро все опять пойдетъ по-старому.

Гудмундъ. Все? Нѣтъ, Маргитъ, прежде ты была свободна.

Маргитъ. Что ты хочешь сказать?..

Гудмундъ. Я? Ничего. О, дай мнѣ собраться съ мыслями. Я такъ радъ, что опять съ вами. Но скажи мнѣ, гдѣ же Сигне?

Маргитъ (съ улыбкой указывая на дверь налѣво). Она скоро придетъ. Надо же ей немножко принарядиться для своего родича, а это не такъ-то скоро дѣлается.

Гудмундъ. Посмотрю, узнаетъ ли она меня. (Уходитъ налѣво).

Маргитъ (глядитъ ему вслѣдъ). Какъ онъ прекрасенъ и мужественъ! (Со вздохомъ) Мало сходства между нимъ и... (Начинаетъ прибирать на столѣ съ питьями, но вдругъ останавливается). «Прежде ты была свободна»,—сказалъ онъ. Да, прежде. (Краткая пауза). Диковинную исторію разсказалъ онъ о принцессѣ... Она полюбила другого и... Ахъ, эти чужеземныя женщины... Я и прежде слыхала, что онѣ не такія робкія, какъ мы; не боятся перейти отъ мысли къ дѣлу. (Береть со стола кубокъ) Изъ этого кубка мы съ Гудмундомъ пили передъ его отъѣздомъ за радостную встрѣчу послѣ разлуки. Это почти единственное мое приданое, что я принесла съ собою въ Сольхаугъ. (Ставитъ кубокъ въ стѣнной поставецъ). Какой сегодня чудесный лѣтній день! Какъ здѣсь свѣтло! Такъ ярко солнце еще не свѣтило ни разу за эти три года!

(Сигне и за нею Гудмундъ входятъ слѣва).

Сигне (смѣясь, подбѣгаетъ къ Маргитъ). Ха-ха-ха! Онъ вѣрить не хочетъ, что это я.

Маргитъ (улыбаясь, Гудмунду). Видишь, пока ты странствовалъ вдали отъ родины, она тоже сильно измѣнилась.

Гудмундъ. Да, да. Но чтобы изъ нея... Нѣтъ, нѣтъ, этого я и представить себѣ никогда не могъ! (Схвативъ Сигне за руки, смотритъ на нее) И все-таки я вижу въ голубыхъ глазахъ твоихъ все ту же чистую дѣтскую душу,—какъ же мнѣ сомнѣваться, что это ты? Мнѣ смѣшно, когда вспомню, какъ часто я представлялъ себѣ тебя взрослой въ то время, когда еще носилъ тебя на рукахъ. Тогда ты была ребенкомъ; теперь стала дріадой, которая чаруетъ и дразнитъ.

Сигне (грозя ему пальцемъ). Такъ берегись! Если ты прогнѣвишь дріаду, она тебя запутаетъ въ свои сѣти.

Гудмундъ (про себя). Да оно, кажется, такъ и есть уже.

Сигне. Но постой, ты еще не видалъ, въ какой чести у меня твоя арфа, какъ я берегла ее. (Уходя налѣво). Теперь ты долженъ научить меня всѣмъ своимъ пѣснямъ.

Гудмундъ (тихо, глядя ей вслѣдъ). Распустилась вдругъ, какъ прекраснѣйшая роза подъ лучами солнца, а на зарѣ еще была почкой...

Сигне (приноситъ арфу). Смотри.

Гудмундъ (схвативъ арфу) Моя арфа! Блещетъ золотомъ, какъ прежде! (Беретъ нѣсколько аккордовъ) И старыя струны звучатъ попрежнему... Теперь ты не будешь праздно висѣть на стѣнѣ!

Маргитъ (глядя изъ сѣней на дорогу). Вонъ идутъ наши гости.

Сигне (въ то время, какъ Гудмундъ играетъ прелюдію къ пѣснѣ). Тсс!.. Слушай!

Гудмундъ (поетъ). Бродилъ одинокій и полный печали
Я по лѣсу; птички кругомъ щебетали,
Чирикали то же и то же мнѣ вновь:
Послушай же, какъ возникаетъ любовь!
Какъ дубъ вѣковѣчный, взрастаетъ годами,
Питается пѣснями, скорбью, мечтами;
Приняться-жъ ей въ сердцѣ — минута одна,
Но крѣпко тамъ корни пускаетъ она!

(Доигрывая заключительные аккорды, идетъ въ глубину покоя и ставитъ тамъ арфу).

Сигне (задумчиво повторяетъ про себя).
«Приняться-жъ ей въ сердцѣ — минута одна,
Но крѣпко тамъ корни пускаетъ она!»

Маргитъ (разсѣянно). Ты сказала мнѣ что-то? Я не разслышала...

Сигне. Я? О, нѣтъ. Я только... (Снова погружается въ свои мечты).

Маргитъ (вполголоса, глядя передъ собой, повторяетъ).
«Какъ дубъ вѣковѣчный, взрастаетъ годами,
Питается пѣснями, скорбью, мечтами».

Сигне (очнувшись). Что ты говоришь?..

Маргитъ (проводя рукой по лбу). О, нѣтъ, ничего. Пойдемъ встрѣчать гостей.

(Изъ сѣней входятъ Бенгтъ и гости — мужчины и женщины).

Гости (поютъ).
Подъ арфы звонъ и подъ пѣсенный ладъ
Входимъ веселой толпою!
Привѣтъ и миръ господину палатъ
Съ бѣлой лебедкой женою!
Господь пошли имъ любовь да совѣтъ
На много лѣтъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Березовая роща, примыкающая къ дому, уголъ котораго виденъ налѣво. Въ глубинѣ тропинка ведетъ на обрывъ. Вправо отъ тропинки по обрыву бѣжитъ горная рѣчка, теряясь между скалами и каменными глыбами. Свѣтлая лѣтняя ночь. Дверь изъ дома открыта; окна освѣщены. Изъ дома доносятся звуки музыки.

Гости (поютъ въ домѣ).

Пусть струны звенятъ! Подъ ихъ звонъ
Забудемъ усталость и сонъ!
До дна осушаемъ мы чары!
Цѣлуются, кружатся пары!
Вся ночь напролетъ
Въ веселье пройдетъ!

(Изъ дома выходятъ Кнутъ Гэслингъ и Эрикъ изъ Гэгге. Звуки музыки, пляски и веселья продолжаютъ во время слѣдующихъ сценъ глухо доноситься изъ дома).

Эрикъ. Не пришлось бы тебѣ раскаяться, Кнутъ!

Кнутъ. Это ужъ мое дѣло.

Эрикъ. Да, да; дѣло-то опасное. Ты королевскій фогтъ. Тебѣ присланъ наказъ схватить Гудмунда Альфсёна, гдѣ бы онъ тебѣ ни попался. Теперь онъ у тебя въ рукахъ, а ты обѣщаешь ему свою дружбу и отпускаешь, куда глаза глядятъ.

Кнутъ. Я знаю, что дѣлаю. Я искалъ Гудмунда у него въ домѣ и не нашелъ. А попытайся я схватить его здѣсь, ты думаешь, фру Маргитъ отдастъ за меня Сигне?

Эрикъ (протяжно). Нѣтъ, добромъ не отдастъ, но...

Кнутъ. А къ силѣ прибѣгать у меня охоты нѣтъ. Къ тому же Гудмундъ мой другъ и можетъ быть мнѣ полезнымъ. (Рѣшительно) Какъ я сказалъ, такъ и будетъ. Нынѣ вечеромъ никто не узнаетъ, что Гудмундъ Альфсёнъ объявленъ внѣ закона. А завтра — пусть ужъ самъ за себя постоитъ.

Эрикъ. А королевскій наказъ?

Кнутъ. Королевскій наказъ! Ты не хуже меня знаешь, что въ этихъ краяхъ онъ не больно-то много значитъ. Если бы соблюдать всѣ королевскіе наказы, то сколькимъ храбрымъ молодцамъ пришлось бы поплатиться и за похищеніе невѣстъ и за кровавую месть... Пойдемъ же! Знать бы только, гдѣ найти Сигне?..

(Уходятъ направо. По тропинкѣ съ обрыва спускаются Гудмундъ и Сигне).

Сигне. О, говори, говори! Дай мнѣ еще послушать твоихъ рѣчей. Онѣ для меня слаще самой сладкой музыки.

Гудмундъ. Сигне, моя прекрасная, возлюбленная!

Сигне (въ тихомъ, радостномъ изумленіи). Я... я ему мила!

Гудмундъ. Милѣе всѣхъ!

Сигне. Я могла плѣнить тебя... заполнить твои мысли!.. О, смѣю ли я повѣрить?..

Гудмундъ. Да, да. Слушай, Сигне! Годы шли, а вы обѣ, два прекраснѣйшихъ цвѣтка моихъ, не выходили у меня изъ памяти; я все думалъ о васъ, и зимой и лѣтомъ. Но я самъ хорошенько не понималъ себя самого. Уѣзжая, я оставилъ тебя малюткой, крохотной эльфой, какъ тѣ эльфы, что рѣзвятся и играютъ въ лѣсу, когда мы, люди, спимъ. Но сегодня, увидавъ васъ обѣихъ подъ кровомъ Сольхауга, я понялъ себя и свои чувства... понялъ, что фру Маргитъ — гордая красавица, а ты — прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ юныхъ дѣвъ!

Сигне (лишь наполовину слушавшая его).

Разъ вечеромъ зимнимъ съ тобою вдвоемъ
Сидѣли мы передъ пылавшимъ огнемъ;
Внимала сквозь сонъ твоему я напѣву;
Вполголоса ты напѣвалъ мнѣ про дѣву,
Которую въ море увлекъ водяной.
Ей память сковала волшебная сила,
И мать и отца своихъ, домъ свой родной,
Сестеръ всѣхъ и братьевъ тамъ дѣва забыла,
И небо, и землю, Творца и людей.
Но не позабылъ одинъ отрокъ о ней.
Печальный, разъ съ арфой своей золотою
На берегъ песчаный онъ вышелъ съ зарею,
Ударилъ по струнамъ и пѣсню запѣлъ.
И словно отъ дрёмы тяжелой, съ улыбкой
Очнулася дѣва. И болѣ не смѣлъ
Держать водяной ее. Рѣзвою рыбкой
Всплыла на поверхность она; передъ ней —
Земля съ небесами въ сіяньи лучей;
Тутъ вновь она небо и землю узнала,
И слово Господне въ душѣ зазвучало!

Гудмундъ. О, Сигне, мой нѣжный цвѣтокъ!

Сигне. Какъ во снѣ

И я, предаваясь грёзамъ, бродила;
Но пѣсня твоя... отдалась въ глубинѣ
Души моей, разомъ меня пробудила, —
Та пѣсня о силѣ любви. Никогда
Земля не казалась прекраснѣй, вода

Прозрачнѣе, небо синѣй, необъятнѣй,
И птицъ щебетаніе сердцу пріятнѣй!..

Гудмундъ. Такова сила любви. Она рождаетъ въ человѣческой душѣ новыя мысли, тоску, желанія и страсть. Но пойдемъ къ сестрѣ твоей...

Сигне (стыдливо). Ты хочешь сказать ей?..

Гудмундъ. Она должна узнать все.

Сигне (нопрежнему). О, такъ поди къ ней одинъ; я знаю, что сгорю со стыда.

Гудмундъ. Хорошо; я пойду.

Сигне. А я подожду тебя здѣсь... (Прислушиваясь по направленію направо) Или нѣтъ, — лучше внизу у рѣчки. Я слышу тамъ голоса Кнута и Гэслинга; тамъ собрались и наши молодые гости.

Гудмундъ. Такъ ты будешь тамъ?

Сигне. Пока ты не поговоришь съ Маргитъ.

(Сигне уходитъ направо, а Гудмундъ въ домъ. Маргитъ выходитъ слѣва изъ-за угла дома).

Маргитъ. Пируетъ супругъ мой съ гостями своими,
И въ горницахъ весело, людно, свѣтло:
Но Гудмунда... Гудмунда нѣтъ между ними.
И грудь тамъ мнѣ давитъ, огнемъ жжетъ чело.
(Глубоко вздохнувъ)
Вотъ здѣсь хорошо мнѣ, — здѣсь тихо, прохладно.
И свѣжесть ночную вливаю я жадно.
(Помолчавъ, въ раздумьѣ)
Одно лишь — та страшная мысль не даетъ
Покоя мнѣ... прочь изъ ума не идетъ.
Я слышу сквозь музыку, шумъ и веселье,
Мнѣ словно кто на ухо шепчетъ про сокъ
Загадочный тотъ, смертоносное зелье:
Влить капельку въ чашу, изъ чаши глотокъ,
И — недругъ мой таять начнетъ, и всѣ силы
Земныя его не спасутъ отъ могилы! (Снова помолчавъ)
Но любитъ ли Гудмундъ меня? Если-бъ знать—
Не стала бы долго я думать, гадать!..
(Изъ дома выходитъ Гудмундъ).

Гудмундъ. Маргитъ, ты здѣсь? Что ты тутъ бродишь одна? Я тебя искалъ-искалъ повсюду.

Маргитъ. Тамъ душно, а здѣсь такъ прохладно. Погляди— надъ болотомъ стелются бѣлые туманы... Тутъ ни темно ни свѣтло,—полумракъ, полусвѣтъ... (про себя) какъ и у меня на душѣ. (Смотритъ на него) Правда, въ такую ночь сама не знаешь, что съ тобой творится: только чудится, что и въ кустахъ, и въ вѣтвяхъ, и въ цвѣтахъ, и въ тростникѣ коно-

шится какая-то таинственная жизнь. (Рѣзко перемѣнивъ тонъ) Знаешь, чего мнѣ хотѣлось бы?

Гудмундъ. Чего?

Маргитъ. О, если-бъ была я дріада лѣсная, —
Какъ сѣти искусно, хитро бы плела я!

Гудмундъ. Откройся мнѣ, что твою душу гнететъ?

Маргитъ (не слушая его). Я пѣла бы ночи и дни напролетъ...
О, какъ бы я пѣла! Мой голосъ дріады
Звучалъ бы страданьемъ и нѣжной мольбой...
(Съ возрастающей горячностью)
Увлечь бы сумѣла въ гротъ, полный прохлады,
Отважнаго рыцаря я за собой
И тамъ бы забыла все горе, страданье!..
Слились бы уста наши въ жаркомъ лобзаньи...

Гудмундъ. О, Маргитъ!

Маргитъ. А страсть утоливъ, мы покой
Вкусили бы сладкій въ часъ тихій ночной.
И если бы долженъ былъ, черезъ мгновенье,
Лучъ первый же солнца мнѣ смерть принести —
Блаженная смерть! Вѣрь мнѣ — безъ сожалѣнья
Сказала-бъ я жизни навѣки прости!

Гудмундъ. Ты больна.

Маргитъ (разражаясь смѣхомъ). Ха-ха-ха! Дай же мнѣ, отвести душу! Дай посмѣяться! Мнѣ это такъ нужно!

Гудмундъ. Вижу, что ты все такая же пылкая, необузданная, какъ въ былое время.

Маргитъ (вдругъ становясь серьезной). Не дивись этому; я бываю такой лишь въ ночную пору, когда люди спятъ; днемъ я пуглива, какъ лань... И что все это значитъ въ сущности? Ты вспомни про женщину чужихъ краевъ. Про ту красавицу принцессу... Вотъ она такъ была необуздана. Я въ сравненіи съ нею кротка, какъ овечка. Она не только тосковала да металась... она готова была перейти отъ мысли къ дѣлу, а это...

Гудмундъ. Хорошо, что ты мнѣ напомнила. Не зачѣмъ мнѣ беречь и носить при себѣ то, въ чемъ мнѣ больше нѣтъ нужды. (Вынимаетъ пузырекъ).

Маргитъ. Пузырекъ. Ты хочешь..?

Гудмундъ. Я спряталъ его, думая, что онъ дастъ мнѣ свободу, если люди короля вздумаютъ наложить на меня руки. Но со вчерашняго вечера онъ потерялъ для меня свою цѣну. Теперь я скорѣе прибѣгну къ мечу и къ помощи друзей и родныхъ, буду бороться за свою свободу и жизнь до послѣдняго. (Хочетъ разбить пузырекъ о скалу).

Маргитъ (схвативъ его за руку). Нѣтъ, постой. Лучше дай его мнѣ.

Гудмундъ. Ты хочешь..?

Маргитъ. Подарить водяному. Онъ столько разъ чаровалъ меня своей игрой, напѣвалъ мнѣ чудесныя пѣсни! Дай сюда. (Береть у Гудмунда пузырекъ) На, возьми! (Дѣлаетъ видъ, что бросаетъ пузырекъ въ рѣчку).

Гудмундъ (идетъ направо и заглядываетъ въ обрывъ). Ты бросила?

Маргитъ (пряча пузырекъ). Ну да: ты самъ видѣлъ... (Шепчетъ про себя, направляясь къ дому) Помоги мнѣ, Боже! Теперь — будь что будетъ. (Велухъ) Гудмундъ!

Гудмундъ (подходя къ ней). Что тебѣ?

Маргитъ. Слушай, растолкуй мнѣ одну старую пѣсню про церковь тамъ, внизу. Въ пѣснѣ говорится объ одной госпожѣ и юношѣ. Они крѣпко любили другъ друга, и въ тотъ день, когда ее снесли на кладбище, онъ пронзилъ себя мечомъ. Ее схоронили къ югу отъ церковной стѣны, а его закопали къ сѣверу. До той поры на церковной землѣ не росло ни ивы ни боярышника, а слѣдующею весной на обѣихъ могилахъ выросли пышные кусты съ бѣлыми цвѣтами; вѣтви ихъ перекинулись черезъ крышу церкви и сплелись, зеленѣя и зимой и лѣтомъ. Можешь ли ты растолковать мнѣ смыслъ этой пѣсни?

Гудмундъ (пытливо глядя на нее). Не знаю хорошенько...

Маргитъ. Правда, ее можно толковать по-разному: но, я думаю, всего вѣрнѣе такъ: «Церковь не въ силахъ разлучить двухъ любящихъ сердецъ».

Гудмундъ (про себя). Святые мученики!.. Что если..? Такъ пора ей узнать все. (Велухъ) Отвѣчай мнѣ, Маргитъ, желаешь ли ты моего счастья?

Маргитъ (радостно, взволнованно). Желаю ли?

Гудмундъ. Я хочу сказать...

Маргитъ. Говори же!

Гудмундъ. Хорошо. Ты могла бы сдѣлать меня безконечно счастливымъ, если бы...

Маргитъ. Гудмундъ!..

Гудмундъ. Слушай, я открою тебѣ... (Вдругъ обрываетъ рѣчь).

(У рѣчки раздаются громкіе голоса и смѣхъ; затѣмъ справа выходятъ Сигне съ молодыми дѣвушками, а за ними Кнутъ, Эрикъ и молодые люди).

Кнутъ (еще издали). Гудмундъ Альфсёнъ! Постой! Мнѣ надо сказать тебѣ словечко. (Останавливается и говоритъ что-то Эрику. Остальные проходятъ въ домъ).

Маргитъ (про себя). Сдѣлать его безконечно счастливымъ... Что же другое могъ онъ разумѣть, какъ не..? (Вполголоса)

Сигне, Сигне, милая сестра моя! (Обнимаетъ Сигне и, тихо разговаривая съ нею, уходитъ въ глубину сцены).

Гудмундъ (тихо, провожая ихъ глазами). Да, такъ будетъ всего вѣрнѣе, — намъ съ Сигне надо поскорѣе оставить Сольхаугъ. Кнутъ Гэслингъ выказалъ мнѣ свою дружбу, онъ и поможетъ мнѣ.

Кнутъ (тихо Эрику). Да, да, говорю я. Гудмундъ ея родичъ; онъ лучше всѣхъ замолвитъ за меня слово.

Эрикъ. Ну, какъ хочешь. (Уходитъ въ домъ).

Кнутъ (подходя ближе). Слушай, Гудмундъ...

Гудмундъ (съ улыбкой). Ужъ не собираешься ли ты объявить мнѣ, что не смѣешь больше оставлять меня на свободѣ?

Кнутъ. Не смѣю? Будь спокоенъ. Кнутъ Гэслингъ смѣетъ все, чего захочетъ. Нѣтъ, тутъ дѣло другое... Ты вѣдь знаешь, я слыву здѣсь человѣкомъ буйнымъ, необузданнымъ...

Гудмундъ. Да, и если молва не лжетъ, то...

Кнутъ. Да, тутъ, пожалуй, много правды. Но ты послушай... (Бесѣдуя, уходитъ съ Гудмундомъ въ глубину).

Сигне (Маргитъ, возвращаясь съ нею къ дому). Я тебя не понимаю. Ты ведешь рѣчь, какъ будто тебѣ выпало на долю нежданное счастье. Что ты хочешь сказать?

Маргитъ. Сигне... ты еще дитя; ты не знаешь, что значитъ мучиться вѣчнымъ страхомъ... (Вдругъ обрывая) Подумай, Сигне, увянуть, умереть, не вкусивъ настоящей жизни!

Сигне (смотритъ на нее въ недоумѣніи, покачивая головой). Но, Маргитъ?..

Маргитъ. Да, да, тебѣ все это непонятно, но я все-таки... (Опять удаляются, разговаривая).

(Гудмундъ и Гэслингъ спускаются съ противоположной стороны).

Гудмундъ. Ну, если такъ, если эта безпорядочная жизнь тебѣ больше не по душѣ, то вотъ тебѣ лучшій совѣтъ, какой другъ можетъ подать другу: возьми себѣ въ супруги благородную дѣвицу.

Кнутъ. Вотъ, вотъ. А если я скажу тебѣ, что самъ какъ разъ задумалъ то же?

Гудмундъ. Такъ въ добрый часъ, Кнутъ Гэслингъ! И знай, что и я...

Кнутъ. И ты? И ты замыслилъ то же?

Гудмундъ. Да; но королевская немилость... я вѣдь въ опалѣ...

Кнутъ. Э, полно, не обращай на это вниманія. Здѣсь никто, кромѣ фру Маргитъ, еще не знаетъ объ этомъ, и пока я съ тобой въ дружбѣ, тебѣ есть на кого положиться. Послушай же. (Шопотомъ продолжаетъ разговоръ, и оба снова идутъ въ глубину сцены).

Сигне (возвращаясь съ Маргитъ). Да скажи же мнѣ, Маргитъ...

Маргитъ. Больше я ничего не смѣю тебѣ сказать.

Сигне. Я буду съ тобою чистосердечнѣе. Но сначала отвѣти мнѣ... (Запинаясь) Никто... никто не говорилъ съ тобой обо мнѣ?

Маргитъ. О тебѣ? Нѣтъ; что же бы такое?..

Сигне (попрежнему и потупясь). Утромъ ты спросила меня, что если въ Сольхаугъ явится женихъ?..

Маргитъ. Правда. (Про себя) Неужели Кнутъ Гэслингъ уже... (Въ напряженномъ ожиданіи) Ну?.. И что же?

Сигне (тихо, радостно). Женихъ явился! Онъ явился, Маргитъ! Утромъ я еще не знала, о комъ ты говоришь... но теперь...

Маргитъ. Что же ты отвѣтила ему?

Сигне. О, не знаю... (Обвивая руками ея шею) Но міръ кажется мнѣ такимъ прекраснымъ, богатымъ съ той минуты, какъ *онъ* сказалъ мнѣ, что любитъ меня.

Маргитъ. Но, Сигне, Сигне! Я не понимаю, какъ ты такъ скоро?.. Ты едва знала его до сегодняшняго вечера.

Сигне. О, я еще мало смыслю въ любви, но я знаю, это правда, что поется о ней въ пѣснѣ:

«Приняться-жъ ей въ сердцѣ — минута одна,
Но крѣпко тамъ корни пускаетъ она!..»

Маргитъ. Пусть такъ. Но тогда и мнѣ нѣтъ нужды больше таиться отъ тебя. А!.. (Вдругъ умолкаетъ, увидавъ приближающихся Кнута и Гудмунда).

Кнутъ (довольнымъ тономъ). Ну, это мнѣ по сердцу, Гудмундъ! Вотъ моя рука!

Маргитъ (тихо). Что такое?

Гудмундъ (Кнуту). А вотъ моя. (Пожимаютъ другъ другу руки).

Кнутъ. А теперь оба назовемъ имена своихъ...

Гудмундъ. Хорошо. Здѣсь, въ Сольхаугѣ, нашелъ я среди прекрасныхъ женщинъ ту, которая...

Кнутъ. Я тоже. И увезу ее отсюда сегодня же въ ночь, если на то пойдетъ.

Маргитъ (незамѣтно приблизившись къ нимъ). Святые покровители!..

Гудмундъ (кивая Кнуту). И я намѣренъ сдѣлать то же.

Сигне (тоже прислушавшись). Гудмундъ!..

Гудмундъ и **Кнутъ** (шепчутъ другъ другу, оба указывая на Сигне). Вотъ она!

Гудмундъ (пораженный). Да: *моя* невѣста!

Кнутъ (такъ же). Нѣтъ, моя!

Маргитъ (тихо, почти обезумѣвъ). Сигне!..

Гудмундъ (все еще не придя въ себя). Что ты хочешь сказать?

Кнутъ. Я хочу взять въ жены Сигне.

Гудмундъ. Сигне? Сигне моя нареченная передъ Богомъ!

Маргитъ (вскрикивая). Такъ это о ней онъ?.. Нѣтъ, нѣтъ!

Гудмундъ (тихо, увидѣвъ ее). Маргитъ! Она все слышала!

Кнутъ. Эге! Вотъ какъ обернулось? Послушайте, фру Маргитъ, нечего вамъ прикидываться. Теперь я все понимаю.

Маргитъ (Сигне). Но ты сейчасъ лишь сказала мнѣ?.. (Вдругъ сообразивъ все) Ты говорила о Гудмундѣ!

Сигне (удивленно). А развѣ ты не знала? Но что съ тобой, Маргитъ?

Маргитъ (почти лишаясь языка). О, ничего, ничего...

Кнутъ (Маргитъ). И утромъ, когда вы брали съ меня слово, что я не затѣю вечеромъ никакой ссоры. — вы уже знали, что Гудмундъ Альфсёнъ ѣдетъ къ вамъ. Ха-ха! Не думайте, что вамъ удастся одурачить Кнута Гэслинга! Сигне мнѣ полюбилась. Утромъ я еще сватался за нее просто ради своего необдуманнаго обѣщанія, теперь же...

Сигне (Маргитъ). Онъ? Онъ — тотъ женихъ, о которомъ ты думала?

Маргитъ. Тише, тише!

Кнутъ (рѣзко, рѣшительно). Фру Маргитъ... вы ея старшая сестра и должны дать мнѣ отвѣтъ.

Маргитъ (борясь съ собой). Сигне уже избрала себѣ жениха... я не могу дать вамъ другого отвѣта.

Кнутъ. Хорошо. Такъ мнѣ нечего больше дѣлать въ Сольхаугѣ. Но послѣ полуночи — запомните это! — тогда конецъ этому дню, наступитъ новый. — и вы увидите меня снова. Пусть тогда счастье рѣшитъ, кому увезти съ собой Сигне изъ Сольхауга — Гудмунду или мнѣ.

Гудмундъ. Попытайся только — головой поплатишься!

Сигне (въ страхѣ). Гудмундъ! Ради всѣхъ святыхъ!..

Кнутъ. Потише, потише. Гудмундъ Альфсёнъ! Солнце не успѣетъ взойти, какъ ты будешь у меня въ рукахъ!.. И она, твоя невѣста!.. (Направляется къ дверямъ дома, манитъ рукой и кричитъ вполголоса) Эрикъ! Эрикъ! Поди сюда. Ѣдемъ къ нашимъ родичамъ. (Угрожающе, въ то время какъ Эрикъ показывается въ дверяхъ) И горе вамъ всѣмъ, когда я вернусь опять! (Уходитъ съ Эрикомъ въ глубину налѣво).

Сигне (тихо Гудмунду). О, скажи же мнѣ, что все это значитъ?

Гудмундъ (шопотомъ). Намъ съ тобой надо бѣжать изъ Сольхауга сегодня же ночью.

Сигне. Господи, спаси меня!.. Ты хочешь?..

Гудмундъ. Только не говори объ этомъ. Никому ни слова. Даже сестрѣ своей.

Маргитъ (про себя). Ее... ее любитъ онъ! Ее, хотя едва ду-

малъ о ней до этого вечера. Но будь я свободна... я знаю, кого онъ выбралъ бы... Да, будь я свободна...

(Изъ дома выходятъ Бенгтъ съ гостями).

Молодежь (поетъ).

Сюда всѣ! Мы будемъ здѣсь пѣть и плясать,
Пока птичій хоръ голосистый
Не встрѣтитъ зарю. Хорошо пировать
Въ березовой рощѣ тѣнистой!
Сюда всѣ! Веселье пусть брызжетъ, кипитъ,
Пусть пѣнится медъ золотистый!
Тамъ мѣста нѣтъ грусти, гдѣ скрипка звучитъ.
Въ березовой рощѣ тѣнистой!

Бенгтъ. Вотъ такъ-то! Это мнѣ по сердцу. Мнѣ сегодня весело, и супругѣ моей тоже: такъ и вамъ всѣмъ надо веселиться.

Одинъ изъ гостей. Давайте устроимъ состязаніе въ пѣсняхъ.

Многіе (кричатъ). Да! Да! Состязаніе!

Другой гость. Нѣтъ, лучше не надо. Недолго и до ссоры. (Понизивъ голосъ) Или забыли, что Кнутъ Гэслингъ здѣсь?

Нѣкоторые изъ гостей (перешептываясь между собой). Да, да, правда. Помните, какъ онъ въ послѣдній разъ... Лучше поостеречься.

Старикъ. Но вы, фру Маргитъ?.. Я знаю, даръ пѣсенъ у васъ въ роду, и вы знавали много прекрасныхъ сказаній, еще когда были малымъ ребенкомъ.

Маргитъ. О, я давно позабыла ихъ всѣ. Попросите Гудмунда Альфсёна, родича моего; онъ знаетъ одну презабавную сказку.

Гудмундъ (вполголоса, умоляюще). Маргитъ!..

Маргитъ. О, какое у тебя горестное лицо. Будь веселѣе, Гудмундъ! Будь веселѣе! Да, да, не легко это тебѣ, знаю. (Смѣясь, гостямъ) Онъ видѣлъ сегодня вечеромъ дріаду. Она хотѣла увлечь его... Но Гудмундъ Альфсёнъ вѣрный рыцарь. (Снова обращаясь къ Гудмунду) Но сказка вѣдь еще не кончена. Когда повезешь свою милую черезъ лѣсъ и горы, не оборачивайся назадъ, не оглядывайся. За каждымъ кустомъ притаилась дріада и хохочетъ... Въ концѣ концовъ (подступивъ къ нему вплотную и понизивъ голосъ) тебѣ не уѣхать дальше, чѣмъ она захочетъ. (Отходитъ направо).

Сигне (тихо). Боже мой, Боже!..

Бенгтъ (довольный, расхаживая между гостями). Ха-ха-ха! Фру Маргитъ мастерица принимать гостей. Когда захочетъ, такъ лучше меня все сдѣлаетъ.

Гудмундъ (про себя). Она грозитъ. Надо отнять у нея послѣднюю надежду. До тѣхъ поръ ей не успокоиться. (Обра-

щаясь къ гостямъ) Я знаю одну пѣсенку. Если хотите послушать...

Многіе. Спасибо, спасибо, Гудмундъ Альфсёнъ!

(Всѣ собираются въ кружокъ около него: кто стоитъ, кто сидитъ. Маргитъ стоитъ, прислонясь къ дереву направо. Сигне налѣво у дома).

Гудмундъ (поетъ). Равниною унылой
И черезъ лѣсъ густой,
Спѣшилъ пѣвецъ за милой
Въ далекій край родной.
Ему съ улыбкой злою
Шептала эльфа вслѣдъ:
— «Не поведешь съ собою
Къ вѣнцу ты дѣву, нѣтъ!»
— «Твоя напрасна злоба,—
Отвѣтилъ ей пѣвецъ:—
Не разлучить до гроба
Двухъ любящихъ сердецъ!..»

Старикъ. Славная пѣсенка! Поглядите, какъ молодежь подмигиваетъ другъ другу. (Указывая на дѣвушекъ) Да, да, у каждаго, вѣрно, есть своя милая.

Бенгтъ (подмигивая фру Маргитъ). А у меня своя,—это я твердо знаю. Ха-ха-ха!

Маргитъ (тихо, вся дрожа). О, сносить такой позоръ, глумленіе! Нѣтъ, нѣтъ; надо отважиться на послѣднее средство.

Бенгтъ. Что съ тобой? Ты какъ будто поблѣднѣла?

Маргитъ. Это скоро пройдетъ. (Обращаясь къ гостямъ) Я думала, что позабыла всѣ свои сказки, какъ вамъ сказала. Но, кажется, все-таки помню одну.

Бенгтъ. Добро, супруга моя! Ну, сказывай!

Молодыя дѣвушки (умоляюще). Да, да, фру Маргитъ!

Маргитъ. Боюсь только, не понравится вамъ она. Ну, да такъ и быть.

Гудмундъ (тихо). Святые мученики, не затѣваетъ же она?..

Маргитъ. Красавица въ домѣ отцовскомъ цвѣла;
По бархату золотомъ шила, по шелку;
Въ рукахъ ея быстро мелькала игла.
Но мало отъ этого было ей толку.
Съ утра и до вечера дѣва одна:
«Когда же я буду богата, знатна?!»—
Томила ее неотвязная дума.
Вотъ горный король съ высоты своихъ горъ,
Со свитою пышной, съ богатой казною
Спустился; къ красавицѣ въѣхалъ во дворъ,
А въ третью ночь съѣхалъ съ женой молодою.

Гора затворилась. — сбылися мечты:
Тамъ злато, богатство ее окружало;
Но солнце и небо, траву и цвѣты
Во снѣ лишь красавица съ тѣхъ поръ видала...
И жилъ-былъ на свѣтѣ пѣвецъ молодой;
На арфѣ игралъ онъ, и чудные звуки
Проникли къ ней въ душный подземный покой.
Въ тоскѣ заломила красавица руки,
Огнемъ непонятнымъ зажглася душа...
И — своды скалистые въ то же мгновенье
Разсѣлись!.. Стояла она, чуть дыша.
Вся въ слухъ превратилась и въ зрѣнье,—
Какъ будто впервые для жизни отъ сна
Ее пробудили тѣ звуки живые,
Какъ будто и жизнь и свободу она
И міра красу оцѣнила впервые...
Вамъ вѣдомо: всѣмъ, кто въ горѣ заключенъ,
Вернуть можетъ вѣщая арфа свободу.
Но плѣнницы слезы и жалобный стонъ
Пѣвца не растрогали. Милой въ угоду
Отбросилъ онъ арфу, ладью оснастилъ
И отплылъ съ невѣстой въ край чудный, далекій!

(Съ возрастающей страстностью)

Ты душу живую во мнѣ пробудилъ,
И больше не въ силахъ я быть одинокой!..
На волю, на волю я выйти хочу!
Здѣсь душно и холодно... я ледянѣю...
Ему что̀ за дѣло? Любовно къ плечу
Припала невѣста, — онъ полонъ лишь ею! (Съ крикомъ)
Закрылась гора! Мнѣ спасенія нѣтъ!
Въ очахъ помутилось... Угасъ Божій свѣтъ!..

(Шатается и безсильно опускается возлѣ дерева).

(Сигне въ слезахъ спѣшитъ къ ней и заключаетъ въ свои объятья).

Гудмундъ (одновременно поддерживая фру Маргитъ). Помогите! Помогите! Она умираетъ!

(Бенгтъ и гости съ испуганными восклицаніями толпятся около фру Маргитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тотъ же покой въ Сольхаугѣ, что̀ и въ первомъ дѣйствіи, но въ нѣкоторомъ безпорядкѣ послѣ бывшаго пира. Все еще ночь. Въ покоѣ и надъ виднымъ изъ сѣней ландшафтомъ разлитъ мягкій полусвѣтъ. Бенгтъ стоитъ въ сѣняхъ съ пивной стопой въ рукахъ. Толпа гостей собирается покинуть дворъ. Одна изъ служанокъ прибираетъ въ покоѣ.

Бенгтъ (кричитъ уходящимъ). Миръ Господень да будетъ съ вами, и добро пожаловать опять въ Сольхаугъ! А то остались бы ночевать съ остальными?.. Ну, ну, какъ хотите... Нѣтъ, постойте! Я провожу васъ до околицы,—хочу еще разъ выпить за ваше здоровье.

Гости (поютъ, удаляясь).

Да будетъ Господень миръ дому и вамъ,
Кто въ этомъ дому обитаетъ!
Гостямъ расходиться пора по домамъ,
Но скрипка пускай не смолкаетъ,—
Звучнѣе играетъ!
Впередъ! Въ путь-дорогу пуститься пора,—
Такъ съ пѣснями, съ пляской пойдемъ со двора.

(Пѣсня замираетъ вдали).

(Маргитъ входитъ въ покой слѣва).

Служанка. Христосъ спаси и помилуй, госпожа, — вы уже встали?

Маргитъ. Я совсѣмъ здорова; иди спать... Постой, скажи мнѣ: всѣ гости уѣхали?

Служанка. Нѣтъ, не всѣ: кое-кто остался до завтра, вѣрно, спятъ уже.

Маргитъ. А Гудмундъ Альфсёнъ?..

Служанка. И онъ, вѣрно, тоже. (Указывая направо) Недавно прошелъ въ свою опочивальню — тамъ онъ, прямо надъ сѣнями.

Маргитъ. Хорошо; ступай себѣ. (Служанка уходитъ налѣво).

(Маргитъ медленно идетъ къ столу направо, садится и смотритъ въ открытое окно).

Маргитъ. Возьметъ въ руки посохъ скитальческій свой
И дворъ нашъ покинетъ поутру, о, Боже!
А я здѣсь останусь! Со мной будетъ то же,
Что̀ съ сорванной травкой, съ надломленной розой,
Со срубленной острой сѣкирой березой —
Увяну я; будетъ недологъ вѣкъ мой.

(Послѣ короткой паузы, откидываясь на спинку стула)

Я сказку о дѣвочкѣ бѣдной слыхала;
Судилъ Богъ на свѣтъ ей явиться слѣпой,

Но весело дѣтство ея протекало,
Рѣзвилась, играла она день-денской.
Всѣмъ сердцемъ болѣла за дочку родная
И, радость бѣдняжкѣ доставить желая,
За прялку прясть нитку волшебную сѣла.
Взявъ въ руки ту нитку, слѣпая узрѣла,
Дивясь, восхищаясь, и лѣсъ и поля,
Узрѣла, какъ дивно прекрасна земля.
Вдругъ нить порвалася въ дрожащихъ рукахъ,
И вновь свѣтъ померкъ у бѣдняжки въ глазахъ!
Съ тѣхъ поръ всѣ веселыя игры забыты,
Ни пѣсенъ ни смѣха ея не слыхать;
Отъ слезъ и тоски поблѣднѣли ланиты;
Угасла, — какъ дочку ни нѣжила мать...
Слѣпыми — увы! — и мои были очи
Для радостей жизни и солнца лучей... (Вскочивъ)
Прозрѣла! И вновь... свѣтъ бѣжитъ изъ очей,
Я вновь погружаюсь во тьму вѣчной ночи!?
Нѣтъ, жизни такой я не въ силахъ влачить!
Три лучшіе года ему отдала я,
Супружеской волѣ себя покоряя:
Довольно мнѣ въ жертву себя приносить!
Иль вянуть мнѣ здѣсь, рядомъ съ мужемъ постылымъ,
А жизнь проходить будетъ мимо меня?
Нѣтъ, съ лукомъ, щитомъ я пойду вслѣдъ за милымъ —
Сѣдлать и разсѣдлывать въ полѣ коня,
Дѣлить съ нимъ труды и покоя мигъ краткій,
Шаги сторожить его, сонъ беречь сладкій.
Пойду по тернистому жизни пути...
Женой его, объ руку съ нимъ горделиво:
Пусть наша любовь будетъ людямъ на диво!
Женой его? (Заломивъ руки)
Грѣшныя рѣчи прости,
Прости мнѣ безумной, о, Господи правый!
Опуталъ меня своей сѣтью лукавый!
(Ходитъ съ минуту въ глубокой задумчивости).
Иль Сигне, сестру дорогую, не жаль?
Ее въ безысходную ввергну печаль?
И все-таки... Сигне дитя вѣдь годами...
Наврядъ ли сталъ дорогъ навѣки ей онъ...
Любовь ея вырвать нетрудно съ корнями...
(Снова пауза. Затѣмъ Маргитъ вынимаетъ пузырекъ. долго смотритъ на него и тихо говоритъ)
Вотъ зелье... Вкусившему дастъ оно сонъ...

Сонъ вѣчный... (Въ ужасѣ)
Нѣтъ, нѣтъ! Поскорѣй бросить въ воду!
(Хочетъ бросить пузырекъ въ рѣчку, но одумывается)
И все же... могла-бъ обрѣсти я свободу...
(Шепчетъ съ выраженіемъ ужаса, смѣшаннаго съ восторгомъ)
Какъ грѣхъ искусительно сладокъ! Дана
Ему надъ душою волшебная сила.
И счастье — тѣмъ выше, чѣмъ больше вина
Иль грѣхъ тотъ, которымъ его я-бъ купила!

(Бенгтъ съ пустою стопою въ рукахъ входитъ изъ сѣней, лицо его пылаетъ, походка неувѣренная).

Бенгтъ (швыряя стопу на столъ налѣво). Ну-у! Вотъ такъ пиръ! О немъ пройдетъ слава по всей округѣ! (Увидавъ Маргитъ) А, ты здѣсь? Оправилась?.. Вотъ это мнѣ любо.

Маргитъ (успѣвъ спрятать пузырекъ). Ворота заперты?

Бенгтъ (садясь у стола слѣва). Я обо всемъ позаботился. Проводилъ до околицы послѣднихъ гостей. А куда дѣвался вечеромъ Кнутъ Гэслингъ? Дай-ка мнѣ меду, Маргитъ! Пить хочется. Налей вонъ въ тотъ кубокъ.

(Маргитъ достаетъ изъ шкапа жбанъ съ медомъ и наливаетъ кубокъ, который стоитъ передъ Бенгтомъ).

Маргитъ (отходя со жбаномъ направо). Ты спрашивалъ про Кнута Гэслинга?

Бенгтъ. Да, спрашивалъ. Вотъ хвастунъ... горлодеръ! Помнится, онъ грозилъ мнѣ вчера утромъ.

Маргитъ (ставя жбанъ на столъ направо). Онъ грозилъ еще пуще ночью, уѣзжая.

Бенгтъ. Вотъ какъ? Хорошо же! Я его убью!

Маргитъ (съ презрительной усмѣшкой). Гм!..

Бенгтъ. Убью, говорю! Не боюсь я такихъ молодцовъ. Пойду хоть на десятерыхъ. Въ клѣти виситъ сѣкира моего дѣда... ручка въ серебряной оправѣ... Какъ схвачу ее да... (Ударивъ кулакомъ по столу, отпиваетъ изъ кубка). Завтра же вооружусь, заберу съ собой всѣхъ своихъ людей, поѣду — и убью Кнута Гэслинга. (Осушаетъ кубокъ до дна).

Маргитъ (тихо). О, жить съ такимъ... (Хочетъ уйти).

Бенгтъ. Маргитъ, поди сюда. Налей-ка мнѣ еще. (Она подходитъ, и онъ привлекаетъ ее къ себѣ на колѣни) Ха-ха-ха! Ты красавица, Маргитъ! Я тебя люблю.

Маргитъ (вырываясь). Пусти! (Отходитъ съ кубкомъ направо).

Бенгтъ. Ты сегодня неподатлива. Ха-ха-ха! Ну, ты это, вѣрно, такъ, въ шутку.

Маргитъ (наливая кубокъ, тихо). Пусть бы это былъ послѣдній кубокъ, что я наливаю тебѣ!.. (Поставивъ кубокъ, хочетъ отойти налѣво).

Бенгтъ. Послушай, Маргитъ! За одно должна ты благодарить небо—за то, что я взялъ тебя въ жены раньше, нежели Гудмундъ Альфсёнъ успѣлъ вернуться.

Маргитъ (останавливаясь у двери). Почему такъ?

Бенгтъ. Да вѣдь его состояніе въ десять разъ меньше моего. А я увѣренъ — онъ бы посватался за тебя, не будь ты госпожой въ Сольхаугѣ.

Маргитъ (подходя ближе и косясь на кубокъ). Ты думаешь?

Бенгтъ. Хоть поклясться. Бенгтъ Гаутесёнъ не слѣпъ, и смекалка у него есть. Но пусть его теперь женится на Сигне.

Маргитъ. Ты думаешь, онъ захочетъ?..

Бенгтъ. ...Взять ее за себя? Ну да, разъ нельзя взять тебя... Но будь ты свободна — ха-ха-ха! Гудмундъ такой же, какъ всѣ. И онъ завидуетъ мнѣ, что я твой супругъ. Потому-то я и люблю тебя, Маргитъ... Давай сюда кубокъ! Наливай до краевъ!

Маргитъ (нехотя идетъ направо). Сейчасъ, сейчасъ.

Бенгтъ. Кнутъ Гэслингъ тоже сватался за Сигне, но его я убью. Гудмундъ благородный малый; ему и отдадимъ ее. Подумай, Маргитъ, какъ славно мы съ нимъ заживемъ сосѣдями. Будемъ гостить другъ у друга, коротать дни — каждый со своей женкой на колѣняхъ, попивая медъ и бесѣдуя о томъ да о семъ.

Маргитъ (переживая жестокую душевную борьбу, невольно достаетъ пузырекъ). Да-да, да-да.

Бенгтъ. Ха-ха-ха! Сначала-то, я думаю, Гудмундъ будетъ косо поглядывать на меня, когда я примусь тебя цѣловать-миловать; но это скоро пройдетъ, я полагаю.

Маргитъ (тихо). Это свыше силъ человѣческихъ! (Выливаетъ содержимое пузырька въ кубокъ, идетъ къ окну, выбрасываетъ пузырекъ и говоритъ, не глядя на мужа) Кубокъ твой налитъ до краевъ.

Бенгтъ. Давай сюда!

Маргитъ (послѣ нѣкоторой борьбы говоритъ). Лучше не пей больше сегодня.

Бенгтъ (смѣясь и откидываясь на спинку стула). Ну... ты, пожалуй, поджидаешь меня? (Подмигивая) Иди, иди; и я скоро приду.

Маргитъ (вдругъ, рѣшительно). Кубокъ твой налитъ. (Указывая) Вонъ стоитъ. (Быстро уходитъ налѣво).

Бенгтъ (встаетъ). Люблю я ее. Не каюсь, что взялъ въ жены, даромъ, что всего приданаго за ней было—этотъ вотъ кубокъ да серебряныя пряжки, въ которыхъ она вѣнчалась. (Идетъ къ столу у окна и беретъ кубокъ).

(Изъ сѣней быстро вбѣгаетъ испуганный слуга).

Слуга (кричитъ). Господинъ Бенгтъ, господинъ Бенгтъ, ско-

рѣе, скорѣе! Кнутъ Гэслингъ идетъ на насъ съ вооруженными людьми.

Бенгтъ (отставляя кубокъ). Кнутъ Гэслингъ? Кто сказалъ?

Слуга. Гости наши встрѣтили его на дорогѣ и бросились назадъ.

Бенгтъ. Хорошо. Такъ я же ему!.. Подать мнѣ мою дѣдовскую сѣкиру! (Уходитъ со слугою въ среднюю дверь).

(Нѣсколько минутъ спустя, справа тихо, осторожно входятъ Гудмундъ и Сигне).

Сигне (вполголоса). Дѣлать нечего!

Гудмундъ (такъ же). Другого исхода нѣтъ.

Сигне. Но бѣжать тайкомъ изъ родныхъ мѣстъ!.. (Отирая слезы) И все же я не стану жаловаться. Вѣдь я покидаю родину для тебя! Не будь ты въ опалѣ, Гудмундъ, я бы осталась съ сестрой.

Гудмундъ. А завтра явился бы сюда во всеоружіи Кнутъ Гэслингъ, посадилъ бы тебя на своего коня и увезъ къ себѣ, сдѣлалъ своей женой!

Сигне. О, бѣжимъ! Но куда мы направимся?

Гудмундъ. Тамъ у фьорда живетъ одинъ изъ моихъ друзей; онъ добудетъ намъ ладью. И мы поплывемъ съ тобою по синему морю къ датскимъ берегамъ. Повѣрь мнѣ, тамъ прекрасно, и мы заживемъ съ тобой счастливо... Тамъ подъ тѣнью буковъ растутъ прекраснѣйшіе цвѣты...

Сигне (заливаясь слезами). Моя бѣдная сестра... прощай, прощай! Ты какъ мать берегла, лелѣяла меня, горячо молилась о моемъ счастьѣ. Гудмундъ, давай выпьемъ изъ этого кубка за ея здоровье, пожелаемъ ей скорѣе вновь обрѣсти миръ душевный! Пусть Господь утолитъ ея печаль! (Беретъ кубокъ).

Гудмундъ. Да, выпьемъ: осушимъ кубокъ до дна! (Вдругъ отшатываясь) Нѣтъ, стой! (Беретъ у нея изъ рукъ кубокъ). Сдается, мнѣ знакомъ этотъ кубокъ.

Сигне. Это кубокъ Маргитъ.

Гудмундъ (смотритъ на него). Клянусь небомъ. — да, теперь я вспомнилъ. Когда я уѣзжалъ отсюда, въ этомъ кубкѣ алѣлъ виноградный сокъ... Она пила изъ этого кубка за мое возвращеніе и нашу счастливую встрѣчу... Увы! эта встрѣча принесла ей одно горе. Нѣтъ, Сигне, не пей никогда изъ этого кубка ни меду ни вина. (Выливаетъ содержимое кубка за окно). Пора намъ въ путь. (Издали доносятся шумъ и бряцаніе оружія).

Сигне. Тсс! Гудмундъ, я слышу голоса и шумъ.

Гудмундъ (прислушиваясь). Голосъ Кнута Гэслинга.

Сигне. Спаси насъ, Господи!

Гудмундъ (заслоняя ее). Не бойся, я сумѣю защитить свою невѣсту.

(Слѣва быстро входитъ Маргитъ).

Маргитъ (прислушиваясь къ шуму). Въ чемъ дѣло? Мой супругъ..?

Гудмундъ и **Сигне**. Маргитъ!

Маргитъ (увидавъ ихъ). Гудмундъ? И Сигне?.. Вы здѣсь?

Сигне (бросаясь къ ней). Маргитъ... дорогая сестра!

Маргитъ (въ ужасѣ, замѣтивъ въ рукахъ у Гудмунда пустой кубокъ). Кубокъ? Кто осушилъ его?

Гудмундъ (въ замѣшательствѣ). Осушилъ?.. Мы съ Сигне хотѣли...

Маргитъ (вскрикиваетъ). Милосердный Боже!.. Помогите! Они умрутъ!

Гудмундъ (ставя кубокъ на столъ). Маргитъ?..

Сигне. О, Боже, что съ тобой?

Маргитъ (бросаясь къ средней двери). Помогите! Помогите! Да что же никто не идетъ на помощь!

(Изъ сѣней вбѣгаетъ слуга).

Слуга (въ ужасѣ кричитъ). Фру Маргитъ! Супругъ вашъ...

Маргитъ. И онъ! Такъ и онъ пилъ?..

Гудмундъ (тихо). А, теперь я понимаю...

Слуга. Кнутъ Гэслингъ сразилъ его!

Сигне. Сразилъ!

Гудмундъ (обнажая мечъ). Надѣюсь, не успѣлъ еще... (Шепчетъ Маргитъ) Успокойся, никто не пилъ изъ этого кубка.

Маргитъ. Хвала Господу, спасшему насъ всѣхъ!

(Падаетъ на стулъ налѣво. Гудмундъ бросается къ средней двери).

Другой слуга (встрѣчая его на порогѣ). Поздно! Господинъ Бенгтъ мертвъ.

Гудмундъ. Все-таки — сраженъ!

Слуга. Но гости и люди наши одолѣли насильниковъ. Кнутъ Гэслингъ и его люди связаны. Ихъ ведутъ сюда.

(Оруженосцы Гудмунда, гости и слуги Бенгта ведутъ связанными Кнута Гэслинга и Эрика изъ Гэгге вмѣстѣ съ ихъ приспѣшниками).

Кнутъ (блѣдный, тихо). Я убійца, Гудмундъ! Что ты скажешь на это?

Эрикъ. Это неумышленно, могу поклясться!

Гудмундъ. Кнутъ, Кнутъ, что ты надѣлалъ?

Кнутъ. Онъ ринулся на меня съ поднятой сѣкирой; я хотѣлъ отразить ударъ и — хватилъ сплеча.

Эрикъ. Свидѣтелей много.

Кнутъ. Фру Маргитъ, требуйте какой угодно виры; я готовъ заплатить.

Маргитъ. Я не требую никакой виры. Господь разсудитъ насъ всѣхъ. Одного я требую: оставьте ваши злые замыслы противъ сестры моей.

Кнутъ. Никогда больше не стану пытаться сдержать свой злополучный обѣтъ. Повѣрьте мнѣ, я исправлюсь. Только бы мнѣ не понести позорнаго наказанія за свое дѣло! (Гудмунду) Если ты опять войдешь въ честь и милость, замолви за меня слово у короля.

Гудмундъ. Я? Прежде, чѣмъ наступитъ день, я долженъ покинуть страну.

(Гости въ недоумѣніи. Эрикъ шопотомъ объясняетъ имъ, въ чемъ дѣло).

Маргитъ (Гудмунду). Ты уѣзжаешь? И Сигне послѣдуетъ за тобой?

Сигне (умоляюще). Маргитъ!

Маргитъ. Будьте счастливы оба!

Сигне (бросаясь къ ней на грудь). Дорогая сестра!

Гудмундъ. Спасибо, Маргитъ! И прощай теперь! (Прислушиваясь) Тсс! Я слышу стукъ копытъ во дворѣ...

Сигне (въ страхѣ). Пріѣхали какіе-то чужіе люди.

Слуга (въ дверяхъ). Во дворѣ люди короля. Ищутъ Гудмунда Альфсёна.

Сигне. Отецъ Небесный!

Маргитъ (вскочивъ въ ужасѣ). Люди короля!

Гудмундъ. Такъ все кончено! О, Сигне, лишиться тебя теперь—тяжелѣе всего для меня.

Кнутъ. Нѣтъ, Гудмундъ, продай свою жизнь подороже! Освободи насъ; мы всѣ станемъ за тебя грудью!

Эрикъ (выглядывая). Мало толку; они сильнѣе насъ.

Сигне. Идутъ сюда. О, Гудмундъ. Гудмундъ!

(Изъ сѣней входитъ королевскій гонецъ).

Гонецъ. Именемъ короля и по его порученію—я ищу васъ, Гудмундъ Альфсёнъ!

Гудмундъ. Хорошо. Но я невиненъ; клянусь всѣмъ святымъ!

Гонецъ. Знаемъ.

Гудмундъ. Какъ?

(Среди присутствующихъ движеніе).

Гонецъ. Я имѣю приказъ пригласить васъ ко двору короля. Онъ жалуетъ васъ попрежнему и награждаетъ богатыми помѣстьями.

Гудмундъ. Сигне!

Сигне. Гудмундъ!

Гудмундъ. Но скажите же мнѣ...

Гонецъ. Недругъ вашъ, канцлеръ Аудунъ Гуглэйксенъ, палъ.

Гудмундъ. Канцлеръ?!

Гости (вполголоса другъ другу). Палъ!

Гонецъ. Три дня тому назадъ онъ сложилъ голову въ Бергенѣ. (Понизивъ голосъ) Онъ оскорбилъ королеву Норвегіи.

Маргитъ (становясь между Сигне и Гудмундомъ).

Возмездье идетъ за грѣхомъ по пятамъ.
Хранители душъ возсылали сегодня
Моленье за чашу мою къ небесамъ;
Спасла отъ грѣха меня сила Господня.
Я знаю теперь — не въ богатствѣ одномъ
Суть жизни; она и не въ счастьѣ земномъ...
Раскаянье душу мою истерзало,
Спасительный страхъ за нее испытала;
Погибнуть ей не далъ Христосъ Искупитель, —
И я удаляюсь въ святую обитель
Замаливать грѣхъ.

(Гудмундъ и Сигне хотятъ возразить).

Нѣтъ, не тратьте вы словъ!
(Соединяетъ ихъ руки).
Вези ее, Гудмундъ, подъ отчій свой кровъ
И въ счастьѣ живи тамъ съ женой молодой!
Союзъ вашъ скрѣпилъ самъ Господь Всеблагой!

(Киваетъ имъ на прощанье и идетъ налѣво. Гудмундъ и Сигне хотятъ послѣдовать за нею, но Маргитъ останавливаетъ ихъ властнымъ движеніемъ, уходитъ и затворяетъ за собой дверь. Въ ту же минуту встаетъ солнце и озаряетъ весь покой своими лучами).

Гудмундъ. О, Сигне, сбѣжала послѣдняя тѣнь
Съ любви нашей! Новый насталъ для насъ день!

Сигне. И лучшими чувствами, Гудмундъ, своими
И чувствами самыми я дорогими
Обязана арфѣ твоей золотой.
И въ горѣ и въ радости струны рукой
Искусной ласкай, мой пѣвецъ, и буди
Отвѣтные звуки у Сигне въ груди!
Она — та же арфа; тебѣ отзовутся
На все ея струны, пока... не порвутся!

Всѣ присутствующіе (хоромъ).

Надъ землею грѣшною высоко
День и ночь всевидящее Око
Стережетъ пути дѣтей земныхъ
И ко благу направляетъ ихъ.
Слава Богу въ вышнихъ, въ небесахъ святыхъ!

ОЛАФЪ ЛИЛІЕКРАНСЪ.

„Олафъ Лиліекрансъ, — читаемъ у Іегера:—написанъ, какъ и „Пиръ въ Сольхаугѣ", въ стилѣ богатырскихъ пѣсенъ. Настроеніемъ, выдержаннымъ въ духѣ романтизма, новая пьеса превосходитъ предыдущую, но уступаетъ ей драматической силой и мастерствомъ композиціи.

„Существуетъ, какъ извѣстно, народная пѣсня того же названія, какъ и драма. Пѣсню эту можно найти въ собраніи норвежскихъ народныхъ пѣсенъ (Norske folkeviser", стр. 355). Герой пѣсни, какъ и герой драмы, помолвленъ, и въ скоромъ времени предстоитъ его свадьба. Но тутъ онъ встрѣчается въ лѣсу съ эльфами, которые и начинаютъ его соблазнять остаться у нихъ. Онъ однако не поддается ихъ уговорамъ и не даетъ также запугать себя. Въ наказаніе они наносятъ ему ударъ, отъ котораго онъ вскорѣ по возвращеніи домой умираетъ. Въ драмѣ есть намеки на эту пѣсню; изъ нея заимствованы нѣкоторыя реплики. И образъ фру Кирстенъ также, повидимому, взятъ изъ народной пѣсни, въ которой мать Олафа играетъ такую же роль, какъ фру Кирстенъ въ началѣ драмы. Наконецъ возбужденное душевное состояніе Олафа въ первомъ дѣйствіи также указываетъ на вліяніе народной пѣсни. На этомъ и исчерпывается сходство между пѣсней и пьесой.

„Да и не упомянутая пѣсня дала автору основную идею драмы. Идея эта успѣла выработаться у него еще до того, какъ въ литературѣ стало сказываться вліяніе народной пѣсни; этимъ и приходится объяснить незначительное вліяніе вышеупомянутой пѣсни объ Олафѣ Лиліекрансѣ на развитіе дѣйствія и характеры персонажей пьесы. Пѣсня, очевидно, лишь подсказала заглавіе для драмы, самое же лицо, давшее имя и пѣснѣ и драмѣ, въ сущности не является главнымъ лицомъ пьесы: главное лицо ея — Альфгильдъ, которая и была первымъ задуманнымъ авторомъ дѣйствующимъ лицомъ.

„Эта молодая дѣвушка, живущая въ горной долинѣ, обитатели которой вымерли во время чумы, оказывается при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нею не кѣмъ инымъ, какъ „Justedalsgyra" (Бѣлая куропатка долины Юста) изъ народнаго преданія. Это-то преданіе и подало Ибсену первую идею драмы. Мысль разработать въ драматической формѣ исторію „Бѣлой куропатки" занимала Ибсена, еще когда онъ писалъ „Катилину", и онъ тогда же взялся-было за ея выполненіе, но, написавъ два дѣйствія, отложилъ работу. Рукопись эта, относящаяся къ 1850 г., еще существуетъ и носитъ заглавіе: „Бѣлая куропатка долины Юста; народная драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ". Главное дѣйствующее лицо тожественно съ Альфгильдъ въ „Олафѣ Лиліекрансѣ" и вдобавокъ носитъ то же имя, да и самое дѣйствіе, насколько можно судить по началу, должно было развиваться аналогично дѣйствію въ пьесѣ, доведенной авторомъ до конца.

„Драма „Олафъ Лиліекрансъ" заключаетъ первый періодъ твор-

ческой дѣятельности Ибсена, относящійся къ пребыванію писателя въ Бергенѣ. Это была послѣдняя пьеса, написанная имъ для Бергенскаго театра, которымъ онъ тогда руководилъ. По отношенію къ этому періоду „Иванова ночь“ является какъ бы вступленіемъ, а „Олафъ Лиліекрансъ“ какъ бы заключеніемъ, и между обѣими пьесами есть вообще нѣкоторое сходство: послѣдняя, какъ и первая, страдаетъ нѣкоторой неувѣренностью въ разработкѣ, неясностью и недостаткомъ послѣдовательности въ психологическомъ развитіи дѣйствующихъ лицъ; все это объясняется тѣмъ, что обѣ пьесы отмѣчаютъ переломъ въ развитіи поэтическаго творчества Ибсена.

„Въ „Ивановой ночи“ впервые громко зазвучалъ романтизмъ народной пѣсни, а въ „Олафѣ Лиліекрансѣ“ онъ — уже замирающій отзвукъ. И какъ „Ивановой ночи“ предшествовала въ литературной дѣятельности Ибсена критическая статья „Обитель гульдры“ (см. „Статьи и рѣчи“ Ибсена), въ которой выяснялось значеніе и сущность національной поэзіи, такъ непосредственно за „Олафомъ Лиліекрансомъ“ послѣдовала статья „Богатырскія пѣсни и ихъ значеніе для искусства“. Изъ этихъ статей видно, какое значеніе придавалъ Ибсенъ народной пѣснѣ, но практика не вполнѣ оправдала теорію. Въ „Олафѣ Лиліекрансѣ“ упадокъ поэтическаго творчества въ духѣ романтизма народной пѣсни отразился уже какъ нельзя ярче.

„Упадокъ этотъ прежде всего бросается въ глаза во внѣшней формѣ. Стихи и проза какъ бы спорятъ между собой изъ-за мѣста, а не чередуются вольно и естественно, какъ въ „Пирѣ въ Сольхаугѣ“; гдѣ стихотворная форма облекаетъ только лирическія мѣста: въ „Олафѣ Лиліекрансѣ“ нѣкоторыя сцены будничной жизни изложены въ стихахъ, а романтическія любовныя сцены между героемъ и героиней — въ прозѣ.

„Еще сильнѣе даетъ себя знать недостатокъ послѣдовательности психологическаго развитія. Характерною чертою является поразительная смѣна основного настроенія двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Олафъ и Альфгильдъ то высоко романтичны, то разсуждаютъ вполнѣ трезво. Въ первомъ дѣйствіи, напримѣръ, Олафъ выражается такъ, что можно предположить, будто его возлюбленная и впрямь существо сверхъестественное, околдовавшее его, а не простая смертная. Едва же онъ спускается съ горныхъ высотъ въ селеніе — романтическое настроеніе съ него какъ рукой снимаетъ, и онъ безпрекословно пасуетъ передъ практичными будничными требованіями матери. То же самое происходитъ и съ Альфгильдъ. Послѣ поджога дома, гдѣ происходилъ свадебный пиръ, она тоже находится въ сильнѣйшемъ душевномъ возбужденіи, говоритъ приподнятымъ романтическимъ слогомъ, но, очутившись во власти фру Кирстенъ, вдругъ снова оказывается нормальной, трезво разсуждающей. Такихъ внезапныхъ, плохо мотивированныхъ переходовъ немало. Романтизмъ пересталъ выражать внутреннее основное настроеніе и свелся лишь къ ряду внѣшнихъ проявленій.

„Разсматривая самую идею пьесы, опять наталкиваемся на черты упадка. Идея эта — борьба романтизма съ реализмомъ, мечты съ дѣйствительностью. Олафъ олицетворяетъ непримиримый контрастъ этихъ двухъ борющихся началъ. Подъ вліяніемъ Альфгильдъ, Олафъ смотритъ на весь міръ глазами романтика; подъ вліяніемъ матери онъ видитъ вещи такими, каковы онѣ суть въ дѣйствительности. Альфгильдъ является лицомъ болѣе цѣльнымъ. Она — олицетвореніе самаго романтизма, и та враждебная ему сила, которая присуща душѣ Олафа, для нея существуетъ лишь въ видѣ внѣшняго сопротивленія. Она олицетворяетъ романтизмъ, борющійся съ жестокой дѣйствительностью, и пораженія,

которыя терпитъ романтизмъ, являются побѣдами дѣйствительности. Но симпатіи Ибсена все еще на сторонѣ романтизма, и его видимо огорчаетъ то, что романтизму приходится признать себя побѣжденнымъ.

„Олафъ Лиліекрансъ“ выдержалъ всего лишь два представленія. Ибсенъ былъ самъ недоволенъ пьесой, даже не хотѣлъ печатать ее, и черезъ нѣсколько лѣтъ пытался передѣлать въ романтическую оперу. Написавъ первое дѣйствіе, онъ однако отложилъ работу на нѣсколько лѣтъ, потомъ снова взялся за нее, приступилъ ко второму дѣйствію и послалъ первое композитору Удбю. Послѣдній сначала выразилъ-было готовность написать музыку, но вскорѣ затѣмъ отказался отъ этого намѣренія *).

„Дѣло въ томъ, что съ того пункта, до котораго успѣло дойти развитіе Ибсена, какъ поэта и драматурга, къ тому времени, когда онъ писалъ „Олафа Лиліекранса“, не было уже возврата назадъ — въ область романтизма. Все указывало на новыя области и новые горизонты. Одна стадія развитія была пройдена, предстояло вступить въ новую; „народная пѣсня“ не могла дать поэту большаго, на очереди стояла *сага*“.

Въ печати „Олафъ Лиліекрансъ“ появился лишь въ 1898 г. въ собраніи сочиненій Ибсена, изданномъ одновременно датской издательской фирмой Гюльдендаля въ Копенгагенѣ и нѣмецкой — Фишера — въ Берлинѣ. „Иванова ночь“, по желанію автора, такъ и не увидѣла свѣта.

ОЛАФЪ ЛИЛІЕКРАНСЪ.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Фру Кирстенъ Лиліекрансъ.
Олафъ Лиліекрансъ, ея сынъ.
Арне изъ Гульдвика.
Ингеборгъ, его дочь.
Геммингъ, его слуга.
Торгьердъ, бродячій пѣвецъ-музыкантъ.
Альфгильдъ.
Гости на свадьбѣ. Родичи Арне изъ Гульдвика. Слуги и служанки фру Кирстенъ.

Дѣйствіе происходитъ въ средніе вѣка въ горномъ селеніи.

---

*) Оригинальная рукопись, помѣченная 1851 г., находится во владѣніи частнаго лица въ Христіаніи. Отправленная композитору Удбю копія перваго дѣйствія составляетъ собственность ученаго общества въ Тронъемѣ, такъ же, какъ и письмо Ибсена къ композитору, помѣченное 18 іюля 1861 г., и объясненія послѣдняго, касающіяся его дальнѣйшихъ переговоровъ съ авторомъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Густо поросшій лѣсомъ горный склонъ, ведущій къ выше лежащимъ горнымъ уступамъ. Изъ глубины ущелья, направо, бѣжитъ быстрая горная рѣчка, черезъ которую переброшено нѣсколько старыхъ древесныхъ стволовъ — остатки разрушеннаго моста. На авансценѣ разбросаны огромныя глыбы: вдали видны вершины снѣговыхъ горъ. Вечерняя заря; нѣсколько позже восходитъ луна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Торгьердъ стоитъ у рѣчки на каменной глыбѣ, прислушиваясь къ пѣнію, раздающемуся за сценой.

Хоръ слугъ, сопровождающихъ фру Кирстенъ (доносится слѣва изъ глубины лѣса).

Псалмы и гимны въ вечерній часъ
Поемъ мы подъ звонъ колокольный.
Душа крещеная, слышишь насъ?
Очнися отъ спячки безвольной!

Хоръ родственниковъ Арне изъ Гульдвика (издали справа).

Бодрѣй впередъ!
Насъ свадьба тамъ ждетъ,
И кони рѣзвѣй бѣгутъ, отдыхъ почуя.
Въ лѣсу звенитъ
Отъ конскихъ копытъ, —
Тамъ строки тѣшатся, лихо гарцуя!

Хоръ слугъ фру Кирстенъ (нѣсколько ближе).

Гдѣ-бъ ни былъ ты — въ глубинѣ лѣсовъ,
Въ пещерѣ ли, въ нѣдрахъ ли горныхъ,
Тебя зовемъ, выходи на зовъ,
Стряхни съ себя власть духовъ черныхъ!

(Торгьердъ исчезаетъ въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ рѣчка).

Хоръ родственниковъ Арне (тоже приближаясь).

Мы пѣсней путь коротаемъ свой,
Поемъ мы о свадебной ночи!

Хоръ слугъ фру Кирстенъ.

Въ слезахъ мы бродимъ весь день денской!
Въ лѣсу проглядѣли всѣ очи!

Хоръ родственниковъ Арне (совсѣмъ близко).

Живѣе! Ждетъ насъ веселье тамъ,
Насъ свадебный пиръ ждетъ веселый!

Хоръ слугъ фру Кирстенъ (также приближаясь).

О, гдѣ же ты, Олафъ? Откликнись намъ!
Гдѣ дремлешь ты дремой тяжелой?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Арне изъ Гульдвика, въ сопровожденіи родичей и друзей обоего пола, музыкантовъ и проч., показывается въ глубинѣ направо, по ту сторону рѣчки. Всѣ въ праздничныхъ одеждахъ. Вскорѣ съ той же стороны выходитъ Геммингъ.

Одинъ изъ родичей. Вотъ тутъ и дорога.

Второй. Нѣтъ, вотъ она гдѣ!

Третій. Полно, — тутъ!

Арне. Опять застряли! (Зоветъ) Геммингъ! Гдѣ Геммингъ?

Геммингъ (выступая впередъ). Здѣсь.

Арне. Говорилъ я тебѣ или нѣтъ, чтобы ты былъ всегда у меня подъ рукой?

Геммингъ. Да йомфру Ингеборгъ...: Она велѣла... И вотъ...

Арне (сердито). Йомфру Ингеборгъ! Йомфру Ингеборгъ! Ты что же, изъ дѣвушекъ йомфру Ингеборгъ? Ты *мой* слуга; твое дѣло быть при мнѣ; за это тебя кормятъ и платятъ тебѣ жалованье. Ну, говори теперь—гдѣ тутъ дорога? Опять застряли!

Геммингъ (неувѣренно). Дорога? Здѣшнія мѣста мнѣ мало знакомы, но...

Арне. Ну вотъ, я такъ и зналъ! Великъ же мнѣ прокъ отъ тебя! Я буду не я, не Арне изъ Гульдвика, если намъ не придется заночевать тутъ въ глуши!

Геммингъ (замѣтившій полуразрушенный мостъ). Бѣда еще не такъ велика, — здѣсь можно перебраться черезъ рѣчку.

Арне. Что же ты не говорилъ сразу?

(Всѣ переходятъ черезъ рѣчку и собираются на авансценѣ).

Арне (озираясь). А, теперь я узнаю, гдѣ мы. Рѣчка эта протекаетъ на самомъ рубежѣ нашихъ владѣній — моихъ и фру Кирстенъ. (Указывая налѣво) А вонъ въ той сторонѣ ея дворъ. Черезъ часъ, много два, будемъ сидѣть себѣ да прохлаждаться въ домѣ жениха; только надо торопиться. (Зоветъ) Ингеборгъ!.. Геммингъ, куда опять дѣвалась Ингеборгъ?

Геммингъ. Она позади, на горѣ. (Указывая направо) Играетъ съ дѣвушками: обрываютъ зеленыя вѣтки боярышника и гоняются другъ за дружкой... смѣются, веселятся.

Арне (съ досадой и понизивъ голосъ). Геммингъ! Эта свадьба въ конецъ меня изведетъ, — столько мнѣ отъ нея огорченій. (Взглянувъ направо) Нѣтъ, вы посмотрите только, какъ онѣ тамъ носятся! И это она все выдумала — свернуть съ дороги и направиться черезъ горы: тутъ-де будетъ ближе; вотъ тебѣ и ближе! У! Право, я готовъ изъ себя выйти! Ей завтра подъ вѣнецъ идти, а она... Такъ ли пріучаютъ себя къ благонравію и благопристойности? Что скажетъ фру Кирстенъ, увидавъ,

что моя дочь такъ плохо воспитана? (Геммингъ хочетъ возразить). Да, да! Такъ оно и есть; она плохо воспитана, говорятъ тебѣ!

Геммингъ. Хозяинъ! Не выдавать бы вамъ свою дочку въ семью фру Кирстенъ. И она и вся родня ея люди знатные...

Арне. Ты глупъ, Геммингъ! Знатные, знатные! Хороша честь, коли нечего ѣсть. Если фру Кирстенъ изъ знати, такъ я зато богатъ; мошна полна золота, сундуки — серебра.

Геммингъ. Но сосѣди смѣются надъ вашимъ съ ней договоромъ.

Арне. Ха-ха-ха! Пусть ихъ! Имъ завидно.

Геммингъ. Они говорятъ, что вы отступились отъ своихъ исконныхъ правъ, чтобы выдать йомфру Ингеборгъ за Олафа Лиліекранса. Пожалуй, и не слѣдовало бы мнѣ говорить этого... но про васъ даже сложили преобидную пѣсенку, хозяинъ!

Арне. Врешь ты! Кто посмѣетъ распѣвать обидныя пѣсенки про Арне изъ Гульдвика! Я силенъ; могу ихъ всѣхъ повыгнать изъ домовъ и дворовъ, если захочу. Обидную пѣсенку... Да что ты понимаешь въ такихъ пѣсенкахъ!.. Если они сложили пѣсню, такъ въ честь невѣсты и ея отца. (Вспыливъ) Да и никуда она не годится — эта пѣсня, скажу я! И сложилъ ее никуда негодный пѣвецъ... Дай мнѣ только добраться до него!..

Геммингъ. Эге, хозяинъ, такъ вы ее знаете? Неужто кто-нибудь осмѣлился спѣть ее вамъ?

Арне. Спѣть, спѣть!.. Да не задерживай ты меня своей болтовней! (Другимъ) Въ путь, друзья! Не время мѣшкать, если хотимъ до полуночи добраться до дома жениха. Послушали бы вы, что тутъ Геммингъ мнѣ поразсказалъ! Такая, говоритъ, идетъ молва, будто фру Кирстенъ пекла и варила цѣлыхъ пять дней, чтобы встрѣтить насъ съ честью! Правда, Геммингъ?

Геммингъ. Да, хозяинъ.

Арне. И нѣтъ, говорятъ, такой драгоцѣнной серебряной посуды, которой бы она не вытащила изъ сундуковъ да не выставила на столъ вычищенной на славу! Такого пира не готовила она съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ молодой король пріѣзжалъ въ гости къ ея покойному мужу двадцать лѣтъ тому назадъ. Правда, Геммингъ?

Геммингъ. Да, хозяинъ. (Шопотомъ) А не умно это, хозяинъ, распускать такіе слухи. Фру Кирстенъ кичится своимъ родомъ; она думаетъ, что бракъ этотъ—великая честь для васъ, и какъ знать — уважитъ ли она своихъ гостей?

Арне (тихо). Болтай еще! (Другимъ) Онъ говоритъ, что фру Кирстенъ покоя не знаетъ, день и ночь снуетъ изъ кладовой

въ погребъ, изъ погреба въ кладовую. Не правда ли?.. (Въ недоумѣніи глядя налѣво) Геммингъ! Это что? Кто это идетъ сюда?

Геммингъ (громко). Сама фру Кирстенъ Лиліекрансъ!

Всѣ (пораженные). Фру Кирстенъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же; слѣва выходитъ фру Кирстенъ со своими слугами.

Фру Кирстенъ (слугамъ, не замѣчая Арне съ его спутниками). Ну, теперь еще небольшой конецъ, и мы навѣрно найдемъ его. (Вздрогнувъ; въ сторону) Арне изъ Гульдвика! Господи, спаси и помилуй!

Арне (идя ей навстрѣчу). Миръ вамъ, фру Кирстенъ Лиліекрансъ!

Фру Кирстенъ (оправясь и протягивая ему руку). Миръ и вамъ! (Въ сторону) Или онъ ничего не знаетъ?

Арне (продолжая, довольнымъ тономъ). И мой привѣтъ вамъ на рубежѣ нашихъ владѣній! Это мнѣ по сердцу! Хотя не больно ли много чести?

Фру Кирстенъ. Что вы хотите сказать?

Арне. Хочу сказать, что вы оказали мнѣ слишкомъ большую честь, выйдя мнѣ навстрѣчу. Какъ же! Сдѣлать такой путь по горамъ и доламъ, чтобы привѣтствовать меня при вступленіи въ ваши владѣнія...

Фру Кирстенъ. О, господинъ Арне!.. (Въ сторону) Онъ, видно, ничего не знаетъ.

Арне. ...Да еще въ такой день, когда у васъ хлопотъ по горло! Свадьбу играемъ вѣдь у васъ въ домѣ; отъ насъ больно далеко до церкви. И вы все-таки вышли мнѣ навстрѣчу со всѣми своими слугами!

Фру Кирстенъ (смущенно). Прошу васъ, не будемъ говорить объ этомъ.

Арне. Какъ не говорить! Буду говорить во всеуслышаніе. Люди все толкуютъ, что вы кичитесь своимъ высокимъ происхожденіемъ и презираете меня; согласились же заключить со мной договоръ ради того лишь, чтобы положить конецъ безконечнымъ распрямъ, которыя стали вамъ въ тягость, особенно съ той поры, какъ вы овдовѣли и старость уже не за горами. Не то, дескать, вы никогда бы...

Фру Кирстенъ. Охота вамъ слушать, что плетутъ злые языки. Не будемъ вспоминать и о распряхъ, которыя тянулись со временъ вашего дѣдушки. Думаю, что отъ нихъ въ достаточной мѣрѣ пострадали и вашъ и мой родъ. Оглянитесь вокругъ, господинъ Арне! Не стала ли эта мѣстность пустыней? А при

нашихъ предкахъ она была густо заселена, богата. Черезъ рѣчку былъ мостъ, и проѣзжая дорога шла отъ Гульдвика прямо къ дому моего отца. Но съ тѣхъ поръ и съ той и съ другой стороны столько разъ прошли по ней съ огнемъ и мечомъ, что все опустошили. Родичей нашихъ, очевидно, тяготило ихъ близкое сосѣдство. Теперь проѣзжая дорога заросла бурьяномъ, мостъ разрушенъ, и водятся здѣсь одни волки да медвѣди.

Арне. Да, родичи наши проложили новую дорогу подъ горой; она подлиннѣе, и на ней имъ легче было сторожить другъ друга. Но намъ-то въ этомъ нѣтъ нужды — къ нашему общему благу.

Фру Кирстенъ. Да, да. Но гдѣ же сама невѣста?.. Я ея не вижу, и дѣвушекъ ея тоже. Или она..?

Арне. Она идетъ за нами; сейчасъ догонитъ. Но... послушайте, фру Кирстенъ! Одно я хочу вамъ сказать, не откладывая въ долгій ящикъ, хотя вамъ это и безъ того, вѣрно, извѣстно. У Ингеборгъ порой бываютъ разныя причуды и затѣи... клянусь вамъ, это такъ, какъ тамъ она ни хорошо воспитана вообще.

Фру Кирстенъ (насторожась). Ну, и что же? (Въ сторону) Пожалуй, и она тоже...

Арне. Такъ вамъ надо отучить ее отъ этого. Мнѣ, какъ отцу, это все какъ-то не удавалось, а вы, вѣрно, справитесь.

Фру Кирстенъ. Будьте спокойны. (Въ сторону) А Олафа все нѣтъ и нѣтъ!

Геммингъ (посмотрѣвъ направо). Вотъ и йомфру Ингеборгъ! (Въ сторону) Какъ она красиво выступаетъ впереди всѣхъ!

Фру Кирстенъ (тихо своимъ слугамъ). Надѣюсь, вы помолчите насчетъ того, зачѣмъ мы явились сюда.

Одинъ изъ слугъ. Положитесь на насъ.

Геммингъ (въ сторону, вздохнувъ и продолжая не отрываясь смотрѣть направо). Счастливъ Олафъ, которому она достанется!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же; Ингеборгъ съ дѣвушками переходитъ черезъ мостъ.

Ингеборгъ (еще въ глубинѣ сцены). Зачѣмъ вы убѣжали отъ меня? Къ чему? Безъ меня все равно ничего не будетъ. (Замѣтивъ фру Кирстенъ съ ея спутниками) Фру Кирстенъ! Вы здѣсь! Вотъ это мнѣ по сердцу. (Бросая на ходу слугамъ) Привѣтъ вамъ всѣмъ! (Снова обращаясь къ фру Кирстенъ и озираясь по сторонамъ) Но гдѣ же Олафъ?

Фру Кирстенъ. Олафъ? (Въ сторону) Увы! Теперь не миновать бѣды.

Арне. И впрямь. гдѣ же Олафъ? Ха-ха-ха! Я, вѣрно, слѣпъ; хорошо, что у невѣсты глаза повострѣе; я и не замѣтилъ, что женщина нѣтъ. Но теперь-то я понимаю, какъ это вышло, что мы встрѣтились тутъ; это онъ всему причиной!..

Фру Кирстенъ. Онъ?.. Вы полагаете?.. Вы знаете, что...

Арне. Я полагаю, что ему не сидѣлось тамъ въ свадебной горницѣ. Да, да, помню, что со мной было въ день моей свадьбы; въ ту пору и я былъ молодъ. Ему, видно, не терпѣлось поскорѣе увидать невѣсту, вотъ онъ и поднялъ васъ всѣхъ на ноги.

Фру Кирстенъ. Ему, конечно, крѣпко хотѣлось встрѣтить невѣсту, но...

Ингеборгъ. Что такое?

Фру Кирстенъ. Олафа нѣтъ съ нами.

Геммингъ (приближаясь). Нѣтъ?

Арне. А почему нѣтъ?

Ингеборгъ. Говорите же, прошу васъ!

Фру Кирстенъ (съ усиліемъ, шутливо). Однако и невѣстѣ какъ будто не терпится. Идемъ, идемъ домой, — тамъ онъ, вѣрно, отыщется.

Геммингъ (шопотомъ Арне). Хозяинъ! Вспомните мое предостереженіе!

Арне (подозрительно фру Кирстенъ). Сначала отвѣтьте намъ, а тамъ и пойдемъ.

Фру Кирстенъ. Ну... онъ поѣхалъ на охоту. (Собираясь отправиться въ путь) Идемте же: стало уже смеркаться.

Ингеборгъ. На охоту?

Фру Кирстенъ. Развѣ это васъ удивляетъ? Вы вѣдь знаете пѣсенку:

«Для рыцаря лучшей забавы не можетъ и быть,
Какъ по полю чистому краснаго звѣря травить!»

Ингеборгъ. Развѣ онъ такъ мало цѣнитъ свою невѣсту, что въ такой день, накануне своей свадьбы, уѣзжаетъ на охоту?

Фру Кирстенъ. Вы шутите. Идемъ, идемъ же!

Арне (который тѣмъ временемъ наблюдалъ за фру Кирстенъ и ея спутниками). Нѣтъ, постойте, фру Кирстенъ! Хоть я и не берусь помѣряться съ вами умомъ, но одно вижу ясно — вы скрываете отъ насъ настоящую причину, которая привела васъ сюда.

Фру Кирстенъ (пораженная). Я! Какъ вы можете думать?

Арне. По лицу всѣхъ вашихъ слугъ, отъ мала до велика, я вижу, что вы чего-то не договариваете. И вамъ словно не по себѣ... вы лишь прикидываетесь, что вамъ весело, но выходитъ не то...

Фру Кирстенъ. Для меня не новость, что вы дурно думаете обо мнѣ и моей родинѣ.

Арне. Можетъ статься; но у меня на это всегда были основательныя причины. (Вдругъ) Головой отвѣчаю, что вы утаиваете отъ меня что-то.

Фру Кирстенъ (въ сторону). Что теперь будетъ!?

Арне. Я далъ-было вамъ провести себя, но теперь у меня глаза открылись. Вы сказали, что вышли встрѣтить меня на рубежѣ вашихъ владѣній. Откуда же вы узнали, что мы пустились черезъ горы? Это Ингеборгъ такъ вздумалось, когда мы вышли изъ Гульдвика, а вамъ никто не могъ объ этомъ донести. (Видя, что фру Кирстенъ не отвѣчаетъ) Ага, молчите! Я такъ и думалъ!

Геммингъ (вполголоса). Видите, хозяинъ! Будете теперь вѣрить мнѣ?

Арне (такъ же). Замолчи!

Фру Кирстенъ (успѣвъ оправиться). Ну, хорошо, господинъ Арне! Я честно признаюсь вамъ, и пусть будетъ, что будетъ!

Арне. Говорите же...

Ингеборгъ. Что вы хотите сказать?

Фру Кирстенъ. Словомъ и рукобитьемъ скрѣпленъ договоръ между нами, и многіе честные мужи, которыхъ я вижу здѣсь, могутъ засвидѣтельствовать, что Олафъ, сынъ мой, долженъ былъ жениться на дочери вашей, и свадьба должна была состояться у меня въ домѣ завтра...

Арне (съ нетерпѣніемъ). Да, да!

Фру Кирстенъ. Позоръ тому, кто нарушаетъ свое слово, но...

Арне и его родичи. Что, что? Говорите!

Фру Кирстенъ. ...Но свадьбѣ завтра не быть, какъ было рѣшено.

Арне. Не быть?

Фру Кирстенъ. Придется обождать.

Геммингъ. Стыдъ и позоръ!

Ингеборгъ. Свадьбѣ не быть?!.

Арне. Будьте же вы прокляты за вашъ обманъ!

Родичи Арне (угрожающе, при чемъ нѣкоторые выхватываютъ ножи и бросаются на людей фру Кирстенъ). Месть! Месть роду Лиліекранса!

Люди фру Кирстенъ (становясь въ оборонительное положеніе и потрясая сѣкирами). Руби! Рази гульдвикенцевъ!

Фру Кирстенъ (бросаясь между ними). Остановитесь, остановитесь, прошу васъ!.. Господинъ Арне! Выслушайте меня до конца, прежде чѣмъ осудить мое поведеніе.

Арне (попытавшись сначала успокоить своихъ родичей, прибли-

жается къ фру Кирстенъ и говоритъ ей вполголоса, стараясь при этомъ подавить внутреннее волненіе). Простите меня, фру Кирстенъ! Я ужъ больно поспѣшилъ сгоряча. Пораздумавъ, я понялъ, что все это лишь шутка... Прошу, не возражайте, — такъ оно должно быть. Свадьбѣ завтра не быть? Какъ же это можно! Если у васъ не хватаетъ меду, или пива, или серебра, или двѣтныхъ скатертей — пошлите ко мнѣ!

Фру Кирстенъ. Не за бѣдняка отдаете вы свою дочь, господинъ Арне! Приди вы на свадебный пиръ со всѣми вашими родичами и друзьями, приведи вы ихъ хоть втрое больше, если на то пошло — у меня на всѣхъ хватитъ и мѣста и угощенія. Не думайте, чтобы такая постыдная причина могла помѣшать мнѣ.

Арне. Такъ вы, чего добраго, передумали?

Фру Кирстенъ. Все не то. Разъ я дала слово, такъ и готова сдержать его, и лучше сегодня, нежели завтра. Таковъ всегда былъ обычай въ нашемъ роду. Но тутъ дѣло не во мнѣ, а въ другомъ...

Ингеборгъ. Въ другомъ? Въ комъ же? Я полагала, что разъ невѣста согласна...

Фру Кирстенъ. Въ брачномъ дѣлѣ мало одной невѣсты; тутъ и женихъ...

Арне и его родичи. Олафъ!

Ингеборгъ. Женихъ мой!

Фру Кирстенъ. Да; онъ скрылся сегодня въ ночь изъ дому, бѣжалъ отъ меня и отъ невѣсты.

Родичи Арне. Скрылся!

Арне. Бѣжалъ! Онъ!

Фру Кирстенъ. Клянусь милостью неба,—я тутъ не при чемъ.

Арне (сдерживая ярость). А завтра должна была состояться свадьба! Дочь моя разодѣлась въ шелкъ и парчу, я разослалъ по всему краю гонцовъ звать на свадьбу моихъ родичей и друзей, всѣ съѣдутся завтра, издалека... (Вспыливъ) Га! Берегитесь сдѣлать Арне изъ Гульдвика посмѣшищемъ! Плохо вамъ придется, клянусь всѣмъ святымъ!

Фру Кирстенъ. Вы строите на зыбкой почвѣ, если полагаете...

Арне. Не говорите такъ, фру Кирстенъ, не говорите! У насъ съ вами еще старые счеты не сведены. Не въ первый разъ вы разставляете ловушки мнѣ и моимъ родичамъ. Родъ Гульдвиковъ достаточно потерпѣлъ отъ вашихъ лукавыхъ затѣй. Сила у насъ была, и денегъ и добра довольно, но вы насъ перехитрили. Сумѣли заманить насъ хитрыми рѣчами... Этому товару я никогда не зналъ настоящей цѣны!

Фру Кирстенъ. Господинъ Арне! Выслушайте меня!

Арне (продолжая). Вижу теперь, что поступилъ, какъ человѣкъ, построившій свой домъ на льдинѣ: пришла оттепель, и домъ пошелъ ко дну. Но и вамъ отъ того будетъ мало проку. Я отъ васъ не отстану, фру Кирстенъ! Вы отвѣтите мнѣ за своего сына: вы сватали за него мою дочь, вамъ и держать слово, которое вы дали мнѣ. Глупецъ я былъ, тысячу разъ глупецъ, что поддался вашимъ складнымъ рѣчамъ! Тотъ, кто желалъ мнѣ добра, предостерегалъ меня, завистники высмѣивали меня, а я все слушать не хотѣлъ. Я надѣлъ свое праздничное платье, собралъ родичей и друзей, съ пѣснями двинулись мы въ путь, къ дому жениха, и вотъ — женихъ сбѣжалъ!

Ингеборгъ. Я не пойду подъ вѣнецъ съ тѣмъ, кто такъ мало цѣнитъ меня.

Арне. Молчи!

Геммингъ (тихо Арне). Йомфру Ингеборгъ права; лучше вамъ нарушить договоръ.

Арне. Молчи, говорятъ тебѣ!

Фру Кирстенъ (Арне). Вы имѣете право гнѣваться и негодовать, но если вы считаете меня вѣроломной, то не въ мѣру несправедливы ко мнѣ. Вы думаете, съ вами вели двойную игру? Но скажите, что могло побудить меня и моего сына къ подобному? Или Ингеборгъ не была ему по сердцу? Могъ ли онъ найти себѣ невѣсту лучше? Или она не прекрасна и не разумна? Или отецъ ея не богатъ, не силенъ? Или родъ ея не славится повсюду, гдѣ только прошелъ о немъ слухъ?

Арне. Но какъ же въ такомъ случаѣ Олафъ могъ...

Фру Кирстенъ. Доля моя тяжелѣе, нежели вы думаете. Вы пожалѣете меня, а не будете гнѣваться на меня, когда узнаете... Съ самаго восхода солнечнаго брожу я здѣсь по горамъ въ поискахъ за нимъ.

Арне. По горамъ?

Фру Кирстенъ. Да, по горамъ, ибо... Вы ужаснетесь, узнавъ!.. Ну, все равно! Олафъ... околдованъ!

Родичи Арне. Околдованъ!

Ингеборгъ (одновременно). Господи, спаси!

Арне. Что вы говорите, фру Кирстенъ?

Фру Кирстенъ. Онъ околдованъ. Да какъ же иначе?.. Три недѣли тому назадъ, послѣ помолвки и пира въ Гульдвикѣ, онъ явился домой лишь на другой день подъ вечеръ — блѣдный, молчаливый, тихій, какимъ я его никогда не видала. Съ тѣхъ поръ такъ и пошло; днемъ онъ все больше молчалъ да лежалъ на постели, отвернувъ лицо, а подъ вечеръ начиналъ

безпокоиться, потомъ сѣдлалъ коня и уѣзжалъ далеко въ горы. И никто не смѣлъ сопровождать его, никто не зналъ, куда онъ отправляется. Повѣрьте мнѣ, это нечистая сила околдовала его: они сильны, эти горные духи; съ той самой поры, какъ былъ здѣсь моръ, въ горахъ у насъ стало нечисто. Дня почти не проходитъ, чтобы пастушки не слыхали какихъ-то странныхъ звуковъ — словно струны звенятъ, хотя тамъ, откуда они несутся, нѣтъ ни единаго человѣческаго жилья.

Арне. Околдованъ! Статочное ли дѣло?

Фру Кирстенъ. Дай Богъ, чтобы это было не такъ. Но я больше не смѣю сомнѣваться. Вотъ уже трое сутокъ, какъ его нѣтъ.

Арне. И вы не могли узнать, что̀ съ нимъ сталось?

Фру Кирстенъ. Нѣтъ, къ сожалѣнію. Тутъ въ горахъ одинъ охотникъ видѣлъ его вчера. Но онъ смотрѣлъ такъ дико, испуганно, словно загнанный олень; собиралъ тутъ разныя травы и цвѣты и разбрасывалъ ихъ по дорогѣ передъ собой, нашептывая какія-то диковинныя слова. Какъ только я это узнала, я отправилась съ моими людьми на поиски, но до сихъ поръ мы никого не нашли.

Арне. И никого не встрѣтили, кто бы сказалъ вамъ...

Фру Кирстенъ. Вы знаете,—здѣсь глухо, жилья нѣтъ нигдѣ.

Арне (завидѣвъ Торгьерда, который подымается отъ рѣчки). А вонъ все-таки идетъ кто-то, спросимъ его.

Геммингъ (испуганно). Хозяинъ! Хозяинъ!

Арне. Что̀ такое?

Геммингъ. Пусть его идетъ своей дорогой; вы не видите развѣ, кто это?

Родичи Арне и слуги фру Кирстенъ (перешептываясь между собой). Торгьердъ музыкантъ! Юродивый Торгьердъ!

Ингеборгъ. Онъ научился играть и пѣть у самого водяного.

Геммингъ. Пусть его уходитъ! Оставьте его!

Арне. Ну, будь онъ хоть самъ водяной!..

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же. Торгьердъ тѣмъ временемъ идетъ налѣво, но при послѣднихъ словахъ Арне вдругъ поворачивается, словно къ нему обратились.

Торгьердъ (дѣлая нѣсколько шаговъ къ Арне). Что̀ тебѣ надо отъ меня?

Арне (пораженный). Что̀ же это?

Геммингъ. Вотъ видите!

Арне. Предоставь мнѣ!.. (Торгьерду) Мы ищемъ Олафа Лиліекранса; ты не встрѣчалъ его сегодня?

Торгьердъ. Олафа Лиліекранса?

Фру Кирстенъ. Ну да: ты вѣдь знаешь его.

Торгьердъ. Онъ изъ тѣхъ злыхъ людей, оттуда, изъ селенья?

Фру Кирстенъ. Злыхъ?

Торгьердъ. Они всѣ тамъ злые. Олафъ Лиліекрансъ клянетъ пташку, если она запоетъ на крышѣ дома его матери.

Фру Кирстенъ. Лжешь ты, музыкантъ!

Торгьердъ (съ лукавой усмѣшкой). Тѣмъ лучше для него.

Арне. Какъ такъ?

Торгьердъ. Вы спрашиваете объ Олафѣ Лиліекрансѣ? Онъ заблудился здѣсь? Вы его ищете и не можете найти?

Фру Кирстенъ. Да, да.

Торгьердъ. Такъ тѣмъ лучше для него, если я солгалъ про него, — тогда ему не будетъ бѣды.

Ингеборгъ. Скажи прямо, что̀ знаешь!

Торгьердъ. Не скоро бы тогда я кончилъ. (Насмѣшливо) Здѣсь хозяйничаютъ эльфы и духи. Будьте спокойны! Если вы его не найдете, значитъ, онъ у эльфовъ; имъ дорогъ тотъ, кто любитъ пташекъ, а Олафъ вѣдь, какъ вы сказали... Ступайте себѣ домой! Олафъ во власти горныхъ духовъ, и ему теперь не грозитъ никакой бѣды.

Фру Кирстенъ. Будь ты проклятъ за то, что̀ сказалъ!

Арне (фру Кирстенъ). Не обращайте вниманія на его слова.

Торгьердъ (снова приближаясь). Теперь я иду играть. Олафъ Лиліекрансъ сидитъ въ горѣ: тамъ сыграютъ его свадьбу. Безумный Торгьердъ тоже будетъ тамъ; стòитъ ему ударить по струнамъ, — у него запляшутъ столы и скамьи. А вы смотрите, берегитесь, ступайте домой; вамъ тутъ быть не годится; или вы не слыхали, что̀ поется въ пѣснѣ?

Берегись игры эльфовъ подсматривать!
И тебя они въ свой хороводъ увлекутъ;
И все то, что̀ увидишь, услышишь ты тутъ —
Тебѣ вѣкъ изъ ума ужъ не выбросить!

(Вдругъ обрывая, въ порывѣ дикой радости)

А, да тутъ все свадебные гости... ха-ха! Женщины разнаряжены, мужчины въ самыхъ лучшихъ курткахъ... Теперь понимаю! Олафъ Лиліекрансъ — женихъ и тамъ у васъ. У него и тамъ была невѣста. Такъ, вѣрно, вамъ не впервые слышать такія вещи?.. И я знаю... Тому уже много лѣтъ минуло... но я хорошо помню!.. (Продолжаетъ послѣ минутной паузы все безсвязнѣе)

На свадьбу весь крещеный міръ
Къ себѣ рыцарь Альваръ сзываетъ;

Три дня и ночи длится пиръ;
Невѣста всѣ взоры плѣняетъ.
Взяла она и красотой,
И пляской, и всею повадкой.
Среди гостей былъ водяной, —
На пиръ пробрался онъ украдкой;
На арфѣ сталъ своей играть
И съ Ингридъ не сводитъ онъ взоровъ,—
Пошли столы, скамьи плясать
Не хуже всѣхъ прочихъ танцоровъ.
Потомъ изъ дома вышелъ онъ,
На арфѣ волшебной играя,
А вслѣдъ за нимъ изъ дома вонъ
Невѣста пошла молодая!

(Съ дикимъ торжествомъ)

А рыцарь Альваръ самъ не свой.
Ни съ мѣста; и гости всѣ тоже.
Въ ту ночь для Ингридъ водяной
Въ рѣкѣ постлалъ брачное ложе!

(Вдругъ умолкаетъ и затѣмъ тихо говоритъ)

Этой пѣсни мнѣ не забыть!.. А вы ступайте себѣ домой. Вечеретъ, а когда солнце зайдетъ — лѣсъ во власти другихъ. Прощайте! Я передамъ Олафу вѣсточку туда, гдѣ онъ теперь — въ нѣдра горы. (Уходитъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Торгьерда.

Арне (фру Кирстенъ). Лжетъ онъ! Не вѣрьте ему!

Геммингъ. Но это правда, — такъ было съ той невѣстой; исчезла въ самый день свадьбы.

Арне. Но это было давнымъ-давно; въ наше время ничего такого не бываетъ. И мы всѣ готовы помочь отыскать его.

Ингеборгъ. Ну ужъ нѣтъ! Надъ моей колыбелью не пѣли, что я буду рыскать по горамъ, по доламъ за сбѣжавшимъ женихомъ!

Арне. Замолчи!

Ингеборгъ. Если его околдовали и заманили въ гору — и пусть его тамъ сидитъ! Я не желаю дѣлить сердца моего жениха съ горными духами.

Геммингъ (тихо, горячо). Богъ васъ благослови за эти слова!

Ингеборгъ (бросая на него гордый взглядъ). Что еще?

Арне. Замолчишь ли ты, говорятъ тебѣ!.. Живѣе, родичи! Раз-

сыпьтесь по лѣсу и по горамъ, обшарьте всѣ скалы и пригорки! Впередъ!.. Вотъ такъ! Завтра попируемъ на свадьбѣ!

(Гости Арне и слуги фру Кирстенъ кучками расходятся въ разныя стороны).

Арне (тихо фру Кирстенъ). Его надо найти! Мнѣ будетъ вѣчный срамъ и позоръ, если свадьба разстроится.

Фру Кирстенъ. Идемъ, идемъ!

Ингеборгъ (тихо Геммингу, который стоитъ, какъ пришибленный). Что же ты не идешь за всѣми? Лучше бы нашелъ мнѣ моего жениха, чѣмъ стоять тутъ да благословлять меня за слова, которыя я бросила такъ, на вѣтеръ.

Арне. Идемъ, идемъ!

Ингеборгъ (Геммингу, который собирается идти вслѣдъ за хозяиномъ). Постой, Геммингъ! Застегни мнѣ пряжки на башмакахъ.

(Фру Кирстенъ и Арне уходятъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Ингеборгъ и Геммингъ.

Ингеборгъ (выставляя впередъ ногу). Ну, застегивай же хорошенько!

(Геммингъ становится на колѣни и застегиваетъ).

Ингеборгъ (выставляя другую ногу). Вотъ застегни и эту покрѣпче! Ну, чего ты понурилъ голову? Что-нибудь случилось съ тобой?

Геммингъ. Если вы требуете отъ меня правды...

Ингеборгъ. Ну, разумѣется.

Геммингъ. Такъ знайте...

Ингеборгъ (поспѣшно). Нѣтъ, не нужно. (Отходитъ).

Геммингъ (вставая). Ахъ, йомфру Ингеборгъ! Когда-то вы были со мной ласковы, а теперь, когда стали совсѣмъ взрослой дѣвушкой... особенно же съ тѣхъ поръ, какъ стали невѣстой...

Ингеборгъ. Ну, что же?

Геммингъ. О, ничего... (Пауза). Вспомните-ка, мы съ вами разъ уже были здѣсь, въ горахъ.

Ингеборгъ (холодно). Я ни о чемъ никогда не вспоминаю.

Геммингъ. Вы побѣжали за своимъ пѣгимъ козленкомъ, а я, по обыкновенію, за вами... Да, это было давно, а я какъ сейчасъ помню... Тамъ внизу болото, гдѣ...

Ингеборгъ (приближаясь). Это — когда мы заслышали медвѣдя?

Геммингъ. Вотъ, вотъ, — тогда!

Ингеборгъ (все больше и больше оживляясь). Я таки-нашла своего козленка!

Геммингъ. Нѣтъ, нашелъ-то его первый я.

Ингеборгъ. Да, да, правда: тамъ, подъ утесомъ

Геммингъ. А вы сняли съ себя подвязку...

Ингеборгъ. ...И привязала козленка.

Геммингъ. А мы пошли собирать земляничку.

Ингеборгъ. На томъ вонъ холмѣ, да, да! И ты сдѣлалъ мнѣ лукошко.

Геммингъ. Вдругъ мы услыхали...

Ингеборгъ. ...Медвѣдя, ха-ха-ха! Намъ пришлось бѣжать черезъ болото, какъ разъ по самому топкому мѣсту.

Геммингъ. И я взялъ тебя на руки...

Ингеборгъ. ...И давай прыгать со мной съ кочки на кочку. (Смѣясь) Какъ мы тогда перепугались оба!

Геммингъ. Я-то больше всего за тебя боялся.

Ингеборгъ. А я за тебя. (Вдругъ останавливается и смотритъ на него, при чемъ ея лицо принимаетъ повелительное и оскорбленное выраженіе) Что же это ты все стоишь тутъ и разговариваешь со мной? Почему не уходишь? Развѣ подобаетъ такъ разговаривать съ дочерью своего господина? Ступай искать моего жениха!

Геммингъ. Ахъ. я и забылъ про вашего жениха; забылъ, что вы дочь моего господина!

Ингеборгъ. Если ты отыщешь его, я подарю тебѣ на радостяхъ вышитый камзолъ къ Рождеству.

Геммингъ. Не надо мнѣ никакого камзола; я служу вамъ не за серебро или золото, не за пищу или одежду. Я пойду и сдѣлаю, что могу, разъ я знаю. что это можетъ васъ обрадовать.

Ингеборгъ (вскочивъ на камень, обрываетъ цвѣтущія вѣтви боярышника). Геммингъ! Богатъ мой женихъ?

Геммингъ. Богатъ ли онъ—не знаю; но про дѣда его поется въ пѣснѣ:

«Ему разодѣть по плечу
Хоть сотню служанокъ невѣсты въ парчу!»

Олафъ не такой богачъ, но все-таки у него есть дворъ и земли.

Ингеборгъ (продолжая обрывать вѣтви). А у тебя что есть?

Геммингъ (со вздохомъ). У меня — одна моя бѣдность, вотъ и все.

Ингеборгъ. Немного, Геммингъ!

Геммингъ. Немного, йомфру Ингеборгъ!

Ингеборгъ (напѣваетъ, отвернувшись отъ него и продолжая свое занятіе).

Мнѣ не по сердцу тотъ. у кого
Добра, злата-сѣребра вволю:

Я люблю бѣдняка одного,
Хочу раздѣлить его долю!

Геммингъ (въ порывѣ радости). Ингеборгъ! Неужели это правда? О, если такъ — я буду благословлять свою бѣдность!

Ингеборгъ (поворачивается къ нему и говоритъ холодно). Я тебя не понимаю; я просто пѣла старинную пѣсенку. (Спрыгиваетъ съ камня, держа въ рукахъ сорванныя вѣтви, и подходитъ къ Геммингу, глядя на него въ упоръ) Но я знаю еще одну старую пѣсню; вотъ ты послушай:

Въ конюшняхъ царскихъ коней и не счесть;
Въ комъ рыцаря храбрость, отвага есть —
Любого пусть осѣдлаетъ онъ,
И сбудется въявь его сладкій сонъ!
Царевнѣ пускай подведетъ скакуна,—
Бѣжать съ нимъ немедля готова она.
Коль съ нею онъ — о чемъ ей жалѣть?
Готова съ нимъ жить и съ нимъ умереть!

Геммингъ (почти внѣ себя). Ингеборгъ! Ингеборгъ! Такъ ничто теперь не устрашитъ меня! Ни то, что у тебя есть женихъ, ни то, что ты дочь моего господина... Клянусь жизнью, я похищу тебя сегодня же ночью!

Ингеборгъ (притворно-запальчиво, съ трудомъ удерживая улыбку). Господи, помилуй! Что съ тобой? Что ты замышляешь? Хочешь похитить дочь своего господина? Да ты боленъ или не въ своемъ умѣ, если такъ! Но такъ и быть—я позабуду объ этомъ... на этотъ разъ. Ступай же. И благодари Бога, что отдѣлался такъ дешево. Ты заслужилъ хорошую трепку... (замахивается на него вѣтками, но опускаетъ ихъ и говоритъ, измѣнивъ тонъ) ...и мое золотое колечко — на, бери! (Бросаетъ ему кольцо, которое сняла съ пальца, и быстро убѣгаетъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Геммингъ и немного погодя Олафъ. Восходитъ луна.

Геммингъ. Изъ рукъ моей милой кольцо получилъ!
Я сталъ ей такъ дорогъ, я сталъ ей такъ милъ?
Шутила со мною она лишь, какъ видно —
Что будто бы стало ей такъ ужъ обидно!..
Любовью, отвагой теперь я горю,
На что я рѣшиться, дерзнуть не посмѣю!..
(Вдругъ упавшимъ голосомъ)
Но я вѣдь бѣднякъ, ничего не имѣю...
Съ другимъ она завтра пойдетъ къ алтарю! (Съ живостью)
Женихъ неизвѣстно гдѣ бродитъ однако...

О, если-бъ совсѣмъ не вернулся назадъ!
О, если бы не было этого брака!..

(Поспѣшно направляется налѣво, но останавливается съ восклицаніемъ)

Самъ Олафъ! Какъ блѣденъ... какъ дикъ его взглядъ!

(Олафъ медленно выходитъ изъ глубины сцены, пробираясь между скалами. Онъ словно въ бреду; руки его полны цвѣтовъ, лепестки которыхъ онъ обрываетъ и разбрасываетъ по дорогѣ).

Олафъ (не замѣчая Геммингa).
О, если-бъ я могъ разгадать затаенный,
Запутанный смыслъ той загадки...

(Собирается уйти налѣво).

Геммингъ. Куда,
Негг Олафъ! Куда вы?

Олафъ (полуочнувшись). А, Геммингъ!.. Туда!
Меня не задерживай.

Геммингъ. Видъ изможденный...
Въ лицѣ ни кровинки... въ поту все чело...
Съ тѣхъ поръ, какъ вы скрылись, три дня ужъ прошло.
Вы заняты странной игрою!

Олафъ. Три ночи
Блуждаю, три ночи борюсь напролетъ:
Я блѣденъ, ввалились щеки и очи,—
Я съ эльфами въ чащѣ водилъ хороводъ!

Геммингъ. Спаси насъ Господь!

Олафъ. Голова какъ въ туманѣ...
Свѣтъ меркнетъ... сливается небо съ землей.

Геммингъ (въ страхѣ). Негг Олафъ, вернитесь скорѣе домой!

Олафъ. Гдѣ домъ мой? Я дома и здѣсь — на полянѣ.
Сталъ лѣсъ родовою усадьбой моей;
Шумъ сосенъ и рѣчки журчаніе горной
Понятнѣе матери строгихъ рѣчей.

(Съ возрастающимъ увлеченьемъ)

И здѣсь, въ этой залѣ прекрасной, просторной—
Свой брачный отпраздную пиръ!

Геммингъ. Онъ въ бреду.

Олафъ. Скажи мнѣ: ты видѣлъ красивѣе мѣсто?
Навряд ли! Вотъ здѣсь я невѣсту и жду.

Геммингъ. Такъ, стало-быть, знаете вы, что невѣста..?

Олафъ (продолжая). Какъ только луна озаритъ небосклонъ,
Объемлетъ въ природѣ живое все сонъ—
Приходитъ она, красотою сіяя!..

Геммингъ. Охъ, будь съ нами крестная сила святая!

Олафъ. Ты знаешь, гдѣ встрѣтился съ ней въ первый разъ?
Изъ Гульдвика ѣхалъ я; поздній былъ часъ:

Я ѣхалъ, мнѣ помнится, съ пира, съ тяжелой
Какой-то обидой въ душѣ... невеселый...
Не помню теперь, кто обидѣлъ меня.
Задумавшись, шагомъ пустилъ я коня
И выѣхалъ къ рѣчкѣ ужъ въ полночь глухую.
Вдругъ арфу услышалъ я: то плясовую
Игралъ на ней кто-то искусной рукой.
То пѣсню, звучавшую страстной тоской.
Въ испугѣ сложилъ на молитву я руки,—
Ни словъ нѣтъ ни мыслей!.. А чудные звуки
Манили все громче, настойчивѣй вдаль;
То смѣхъ въ нихъ задорный звучалъ, то печаль,
То радость опять, то вдругъ страсти рыданья,
То словно предсмертные вопли, стенанья...
Рѣкою волшебной лились на меня
Тѣ звуки, чаруя, пугая, маня...
Дрожалъ я, мнѣ духъ захватило, и словно
Какая-то высшая сила любовно
И мягко, но властно, влекла меня ввысь
По горному склону, а звуки лились,
Лились неустанно, мой путь направляя.
Я въ лѣсъ углублялся, имъ жадно внимая...

Геммингъ (въ сторону).

Точь въ точь, какъ разсказывалъ старый колдунъ,—
Невѣсту сманила та музыка въ горы!..

Олафъ. Какъ долго я ѣхалъ—не помню. Скакунъ
Мой сталъ самъ собою. Очнулся я, взоры
Обвелъ въ изумленьи вокругъ—какъ прекрасно,
Какъ дивно тамъ было! Но вспомнить напрасно
Старался я это мѣстечко: оно
Мнѣ было совсѣмъ незнакомо; полно
Покоя и мира, прохлады душистой
И залито свѣтомъ луны серебристой...
Играла на озера глади луна
И словно смѣялась, ныряя до дна...
Въ какой-то истомѣ тяжелой, сонливой
Моя голова поникала на грудь...
Тянуло прилечь на траву и заснуть,
И легъ у воды я подъ шепчущей ивой.

Геммингъ. Нетъ Олафъ! Да какъ же могли вы?..

Олафъ (продолжая). И вотъ
Вдругъ эльфовъ меня окружилъ хороводъ.
И дѣва лѣсная вѣнокъ мнѣ надѣла
Изъ бѣлыхъ кувшинокъ, и травъ водяныхъ,

И синихъ, какъ небо, цвѣтовъ полевыхъ;
Мнѣ въ самую душу очами глядѣла,
Шепча непонятныя рѣчи, слова...
Отъ нихъ закружилась моя голова,
И сердце забилось надеждою сладкой...
Съ тѣхъ поръ все и мучусь я этой загадкой:
«Ты знаешь ли, Олафъ, гдѣ счастье растетъ,
Гдѣ миръ и покой твое сердце найдетъ?
Есть чудный цвѣтокъ; съ тѣмъ цвѣткомъ во вселенной
Сравниться не могутъ другіе цвѣты;
Найди и сорви тотъ цвѣтокъ драгоцѣнный,
По вѣтру развѣй лепестки всѣ, и ты
Покой вкусишь снова душою и тѣломъ,
И счастье твоимъ тогда станетъ удѣломъ!»

Геммингъ. Во снѣ вамъ пригрезилось это!

Олафъ. Съ тѣхъ поръ
Мнѣ тѣсенъ сталъ домъ мой; нагорный просторъ
Манилъ меня; ѣздить сталъ каждою ночью
Я въ горы и эльфу узрѣлъ вновь воочью.

Геммингъ (отступая, пораженный удивленіемъ).
Такъ вы ее видѣли и наяву?..

Олафъ. Съ кольцомъ обручальнымъ спустилъ тетиву;
Кольцо пронеслось надъ ея головою
И дѣву связало навѣки со мною!

Геммингъ. Такъ эту невѣсту и ждете сюда?

Олафъ. И ждать ужъ недолго теперь мнѣ!

Геммингъ (въ сторону). Бѣда!
Разсудокъ померкъ его! Боленъ душою!
Фру Кирстенъ должна все узнать. (Громко)
И въ горахъ
Не страшно блуждать вамъ порою почною?

Олафъ. Я здѣсь забываю тревоги и страхъ,—
Бродить хорошо здѣсь, привольно, мечтая!

(Медленно проходитъ между камнями направо).

Геммингъ. На утро назначена свадьба его,
А онъ и забылъ о невѣстѣ, блуждая
Въ бреду по горамъ, и не знаетъ того,
Что здѣсь она близко, но... любитъ другого.
И этотъ другой ужъ кольца золотого,
Которое дѣва вручила ему,
Назадъ не отдастъ ни за что никому!..
Но пусть все узнаетъ фру Кирстенъ скорѣе,
А чѣмъ это кончится—Богу виднѣе. (Уходитъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Олафъ (снова появляется справа).

«Есть чудный цвѣтокъ, съ тѣмъ цвѣткомъ во вселенной
Сравниться не могутъ другіе цвѣты;
Найди и сорви тотъ цвѣтокъ драгоцѣнный,
По вѣтру развѣй лепестки всѣ, и ты
Покой вкусишь снова душою и тѣломъ,
И счастье твоимъ тогда станетъ удѣломъ!»
Какъ эти слова меня мучатъ! Цвѣтокъ,
Съ которымъ сравниться не могутъ другіе?..
Но гдѣ мнѣ искать, какъ найти уголокъ,
Взрастившій цвѣтокъ драгоцѣнный? Какія
Примѣты его? И за что средь цвѣтовъ
Прославленъ единственнымъ онъ, несравненнымъ?
Иль, можетъ-быть, свойствомъ своимъ сокровеннымъ
Обязанъ таинственнымъ чарамъ? На видъ
Всѣхъ прочихъ цвѣтовъ незамѣтнѣй, скромнѣе?
И мимо иду я? Годами лежитъ,
Случается, мечъ благородный, ржавѣя,—
Не видятъ подъ ржавчиной люди клинка;
Въ углу позабытая арфа пылится,
И люди глядятъ на нее свысока,
А въ струнахъ волшебная сила таится;
Проявитъ себя,—ей весь міръ покорится!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Олафъ. Альфгильдъ выходитъ изъ глубины сцены, одѣтая въ фантастическій нарядъ, украшенная гирляндами изъ листьевъ и цвѣтами. Она озирается вокругъ и, завидѣвъ Олафа, радостно спѣшитъ къ нему навстрѣчу.

Альфгильдъ. О, постой же, не уходи отъ меня!

Олафъ (словно вдругъ оживая). Альфгильдъ! Моя юная, прекрасная невѣста!

Альфгильдъ. Олафъ! Мой прекрасный рыцарь! Слишкомъ тяжко стало мнѣ ждать, и я пошла тебѣ навстрѣчу.

Олафъ. Но скажи мнѣ, почему ты такъ боишься приходить сюда?

Альфгильдъ. Я говорила тебѣ, что никогда не выходила изъ своей долины, пока ты не явился ко мнѣ. Отецъ сказалъ мнѣ, что здѣсь хозяйничаютъ злые духи, и что только тамъ, среди своихъ родныхъ горъ, могу я быть спокойной. Но пусть здѣсь хозяйничаютъ какіе хотятъ злые духи, — ты

здѣсь, и этого съ меня довольно. Поди сюда, дай мнѣ взглянуть тебѣ въ глаза. Да, да, ты—снова мой!

Олафъ. Твой! Увы, Альфгильдъ! Коварная, прекрасная дѣва,—я опять твой! Ты околдовала мою душу; веди же меня куда хочешь—въ нѣдра горы, въ подземную пещеру, гдѣ вечеромъ такъ задорно звучатъ музыка и пѣніе, на дно рѣчное, подъ водопадъ, гдѣ таятся арфы, со струнъ которыхъ громко слетаютъ дивныя жалобныя пѣсни... Гдѣ бы ни былъ твой пріютъ—я готовъ слѣдовать за тобой.

Альфгильдъ. Зачѣмъ ты говоришь такъ? Ты самъ знаешь—въ нѣдрахъ земныхъ и въ пещерахъ живутъ эльфы и тролли, а на днѣ рѣчномъ водяные, — какъ говоритъ отецъ. Или ты думаешь, что я—эльфа, или..?

Олафъ. Ты прекраснѣе всѣхъ на свѣтѣ! Будь кѣмъ хочешь, лишь будь моей!

Альфгильдъ (улыбаясь). Будь я эльфой—тебѣ въ самомъ дѣлѣ пришлось бы плохо!

Олафъ. Мнѣ?

Альфгильдъ. Да, тебѣ. Встрѣтивъ тебя въ глуши одного, я бы поднесла тебѣ золотой рогъ съ напиткомъ забвенія, поворожила бы надъ нимъ, и ты забылъ бы обо всемъ на свѣтѣ—гдѣ родился и выросъ, какъ тебя зовутъ и кто твои родные, и помнилъ бы одно, одно бы заполонило всю твою память и всѣ твои помыслы!

Олафъ. Такъ ты воистину эльфа. Съ первой же минуты приворожила меня.

Альфгильдъ. Развѣ?

Олафъ. Я ѣхалъ по лѣсу, тамъ, внизу подъ горой, гдѣ бѣжитъ рѣчка... Была ночь... въ воздухѣ звучали диковинныя веселыя и жалобныя пѣсни... Я заблудился... заѣхалъ далеко-далеко въ горы и попалъ въ прекрасную долину, куда не ступала ничья нога, не проникалъ ничей взоръ до моего... Мною овладѣла тяжелая дрёма, но эльфы водили тамъ хороводъ и увлекли меня въ свой кругъ... Когда я проснулся — грустно стало у меня на душѣ; я поѣхалъ домой, но мнѣ уже не жилось тамъ попрежнему; мнѣ все казалось, что я оставилъ гдѣ-то что-то самое дорогое, лучшее въ свѣтѣ... Мнѣ какъ будто было уготовано судьбою какое-то сокровище, которое мнѣ предстояло искать и найти... Меня тянуло въ долину; я не зналъ покоя... Тутъ я встрѣтилъ тебя: ты явилась мнѣ — прекрасная, свѣтлая, какъ и въ эту минуту; я схватилъ твою руку; взглянулъ въ твои глаза — въ твоемъ взорѣ слились земля и небо, вся красота на свѣтѣ!.. Тогда я забылъ и родныхъ и дру-

зей: я вернулся туда же слѣдующею ночью: я сжималъ тебя въ своихъ объятіяхъ, прижималъ къ груди своей—въ объятьяхъ твоихъ узналъ я райское блаженство!.. Тогда я забылъ свое христіанское имя и домъ... Я вернулся и на третью ночь; я не могъ не вернуться: я поцѣловалъ тебя въ алыя уста, а очи мои впились въ твою душу. Тамъ я обрѣлъ не одну красоту мірскую. Я забылъ не только Бога и семью, не только небо и землю, — я забылъ себя самого. (Бросается къ ея ногамъ) Альфгильдъ! Альфгильдъ!

Альфгильдъ. Если ты намекалъ на это, говоря о волшебномъ напиткѣ, то я сама отвѣдала его и заворожила себя самоё. Со мной случилось то же, что съ музыкантомъ, который выучился пѣснямъ у водяного, чтобы приворожить къ себѣ свою милую: онъ ворожилъ да ворожилъ, пока волшебная сила не овладѣла его собственной душой, и онъ не могъ больше освободиться отъ нея. (Умолкаетъ и задумывается).

Олафъ (вставая). О чемъ ты задумалась?

Альфгильдъ. Высоко въ горахъ есть обрывъ, такой крутой, что орлу не за что зацѣпиться своими когтями: на обрывѣ растетъ одинокая березка; плохо расти ей, она бѣдна листвой, но простираетъ свои вѣтви надъ долиной, проходящей глубоко внизу, и словно скучаетъ по своимъ сестрамъ въ свѣжей зеленой рощѣ, словно стремится вырваться съ корнями и перенестись туда, къ согрѣтой солнцемъ жизни... И я была похожа на эту горную березку; и я стремилась вырваться, тосковала по тебѣ задолго-задолго до того, какъ узнала, что ты существуешь на свѣтѣ. Мнѣ было тѣсно въ родной долинѣ: но я не знала, что за горами есть другая долина, такая же, какъ моя. Мнѣ было мало моихъ рыцарей и дамъ, посѣщавшихъ меня по ночамъ, — они ничего не говорили мнѣ о жизни тамъ, за горами.

Олафъ. Рыцарей и дамъ? Ты говорила мнѣ, что никого никогда не видала въ своей долинѣ.

Альфгильдъ. Никого, кромѣ тебя. Но отецъ каждый вечеръ пѣлъ мнѣ свои пѣсни, и каждую ночь, когда я закрывала глаза, ко мнѣ являлись всѣ тѣ люди, которые жили въ пѣсняхъ моего отца. Храбрые рыцари, прекрасныя дамы, верхомъ на гордыхъ коняхъ, съ соколами на рукахъ. Они плясали по лугу, шутили, смѣялись, а эльфы тихонько прислушивались къ нимъ—каждый изъ чашечки своего цвѣтка, птички—съ вѣтвей, гдѣ усаживались на ночь. Но когда наступало утро—всѣ они исчезали, и я бродила опять одна-одинешенька, украшая себя цвѣтами и зелеными листьями.—я вѣдь знала, что ночью они вернутся снова. И все-таки мнѣ было мало

такой жизни; грудь мою снѣдала тоска, и, не явись ты, никогда бы она не затихла.

Олафъ. Ты говоришь о своемъ отцѣ; я ни разу не видалъ его тамъ.

Альфгильдъ. Онъ теперь рѣдко приходитъ туда и не бывалъ тамъ ни разу съ того вечера, когда мы съ тобою встрѣтились впервые.

Олафъ. Но скажи мнѣ, кто онъ?

Альфгильдъ. Ты говорилъ мнѣ, что ѣхалъ ночью лѣсомъ, гдѣ течетъ рѣчка, и вдругъ услыхалъ странныя пѣсни... Онѣ были понятны тебѣ лишь наполовину, но манили и увлекали тебя, такъ что тебѣ уже не забыть ихъ вовѣки.

Олафъ. Да, да.

Альфгильдъ. Ты слышалъ пѣсни моего отца. Я выросла, слушая ихъ. Правда, и я ихъ не вполнѣ понимала; но онѣ казались мнѣ самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ; въ нихъ была моя жизнь; теперь мнѣ мало дѣла до нихъ; онѣ стали для меня лишь первой вѣстью о томъ счастьѣ, которое ожидало меня. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ говорилось о прекрасномъ рыцарѣ; онъ казался мнѣ лучше, прекраснѣе всего во всѣхъ долинахъ, лучше и прекраснѣе всего вездѣ и повсюду, куда только залетаетъ птичка, куда только заносится вѣтромъ облачко... Олафъ! Это былъ ты. Я узнала тебя. Итакъ, разскажи мнѣ о своемъ домѣ, о далекой долинѣ, откуда ты явился; тамъ должно быть дивно хорошо; туда, вѣрно, и улетаютъ мои птички, когда здѣсь настаетъ листопадъ; когда онѣ снова возвращаются, онѣ приносятъ съ собой столько диковинныхъ разсказовъ, поютъ о такихъ чудесахъ, что всѣ почки и цвѣточки распускаются, всѣ деревья зеленѣютъ, и яркое прекрасное солнышко встаетъ рано-рано, а садится поздно-поздно, чтобы вдоволь наслушаться этихъ дивныхъ пѣсенъ и сказокъ! Но я мало въ нихъ понимаю; растолкуй же мнѣ ихъ, объясни мнѣ все, о чемъ спрашиваетъ и на что ищетъ отвѣта моя душа!

Олафъ. Не жди отъ меня такъ много. Ты спрашиваешь о моемъ родномъ домѣ? О моемъ родномъ домѣ! Да будь у меня даже родной домъ гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ—я мало помню о немъ. Все, что осталось у меня позади, похоже на смутный сонъ, который забывается, когда мы просыпаемся. Но поди сюда. Тамъ, далеко внизу лежитъ селеніе, и мнѣ сдается, что тамъ я жилъ прежде, чѣмъ встрѣтиться съ тобой; тамъ, сдается мнѣ, живутъ мои родные. Слышишь, какъ журчитъ и зоветъ горная рѣчка? Пойдемъ по ея теченію до самаго водопада,—оттуда видно селеніе, гдѣ я жилъ когда-то. Пойдемъ!

Альфгильдъ. Но смѣю ли я?..

Олафъ. Будь спокойна,—я защищу тебя.

Альфгильдъ. Я готова; я знаю, что волей или неволей должна слѣдовать за тобой. (Оба уходятъ направо).

(Хоръ гостей и слугъ фру Кирстенъ доносится снова изъ глубины лѣса).

Тебя мы зовемъ, выходи на зовъ,
Стряхни съ себя власть духовъ черныхъ!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Фру Кирстенъ и за ней Геммингъ выходятъ слѣва.

Геммингъ. Вотъ тутъ онъ былъ... Э, да его уже нѣтъ здѣсь!

Фру Кирстенъ. И онъ сказалъ, что ждетъ здѣсь невѣсту?

Геммингъ. Да, но какую—этого я никакъ не могъ взять въ толкъ; рѣчь его была какая-то сбивчивая, путанная. Одно вѣрно—онъ разумѣлъ не Ингеборгъ.

Фру Кирстенъ. Тише, добрый Геммингъ! Не повторяй громко его рѣчей. Хорошо, что ты мнѣ одной сказалъ, гдѣ видѣлъ его. Ты получишь за это богатую награду; но сначала нужно отыскать его...

Геммингъ (глядя направо). Поглядите-ка — тамъ на холмѣ у рѣки, въ лунномъ сіяніи... Да, право, это...

Фру Кирстенъ. Тсс... тсс... Это Олафъ!

Геммингъ. Тамъ двое; съ нимъ рядомъ женщина...

Фру Кирстенъ. Ангелы небесные!

Геммингъ. Онъ показываетъ ей внизъ, на селеніе какъ будто... Ушли!

Фру Кирстенъ. Позови господина Арне и нашихъ людей. Пусть всѣ придутъ сюда, а я приведу сюда Олафа.

Геммингъ. И вы рѣшитесь?..

Фру Кирстенъ. Дѣлай, что я велю, но помолчи о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Можешь сказать, что Олафъ гонялся за оленями и медвѣдями въ горахъ и заблудился.

Геммингъ. Ужъ положитесь на меня, фру Кирстенъ! (Уходитъ направо).

Фру Кирстенъ. Ужели это правда? Ужели злые духи овладѣли имъ?.. Ну, этимъ я могу морочить Арне изъ Гульдвика, но сама-то этому не повѣрю, — хотя здѣсь и толкуютъ, что въ старину бывали такіе случаи. Но это скорѣе женщины-эльфы изъ плоти и крови, которыя... Онъ спускается къ рѣкѣ,—надо поспѣшить. (Уходитъ направо).

Хоръ (издали, слѣва изъ лѣсу).
Псалмы и гимны въ вечерній часъ
Поемъ мы подъ звонъ колокольный.
Душа крещеная, слышишь насъ?..
Очнися отъ спячки безвольной!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Олафъ и Альфгильдъ выходятъ справа изъ глубины сцены. Затѣмъ фру Кирстенъ.

Альфгильдъ. Еще и еще разскажи мнѣ, побольше!
Слова твои сладкой медвяной росой
Кропятъ мою душу. Толкуешь какъ будто
Тоски моей руны ты рѣчью живой.
Когда-нибудь ясною лѣтнею ночью
У горнаго озера сиживалъ ты,
Бездонную глубь его мѣряя взоромъ
И глядя, какъ звѣзды съ небесъ высоты
Въ глубокой водѣ отражались, мигали?
Тебѣ не казалось, что это глядятъ
Пытливые чьи-то глаза тебѣ въ душу,
И больше вѣщаетъ, пророчитъ ихъ взглядъ.
Чѣмъ можешь понять ты и высказать въ силахъ,
Имѣй ты хоть тысячу устъ? Надъ водой
Нерѣдко сидѣла я такъ и ловила
Блестящія звѣзды-загадки рукой:
Хотѣлось схватить, разсмотрѣть ихъ поближе,
Но тщетно. И словно темнѣли онѣ,
Какъ очи, готовыя брызнуть слезами,
И тайну свою хоронили на днѣ.
Какъ звѣзды, блестящія въ озерѣ темномъ,
Роились загадки въ душѣ у меня;
Чѣмъ больше старалась понять ихъ, тѣмъ глубже
Онѣ погружались, какъ будто дразня!

Олафъ. А я для себя самого сталъ загадкой!
Я развѣ тотъ Олафъ, тотъ рыцарь-гордецъ,
Что родомъ кичился своимъ и смѣялся
Надъ страстью, любовью невинныхъ сердецъ?
Но кѣмъ бы я ни былъ—о томъ позабуду;
Одно я теперь хочу помнить и знать—
Я счастливъ! Пророчила ты мнѣ напрасно,
Что будто цвѣтокъ несравненный сорвать
Мнѣ надо,—тогда лишь я счастье узнаю,
Душевный покой обрѣту... Безъ того
Я счастье нашелъ и спокоенъ душою.

Альфгильдъ. Тебѣ не пророчила я ничего.
Но больше еще я узнать бы хотѣла
О жизни у васъ тамъ.

Олафъ. О, пусть тамъ она
Идетъ своимъ ходомъ обычнымъ; я—дома!
Останусь съ тобой здѣсь! Моя ты жена,
Подруга навѣки, прекрасная Альфгильдъ!
Скажи мнѣ, гдѣ выше, просторнѣй, чѣмъ здѣсь,
Чертогъ себѣ брачный найдемъ мы? Разубранъ
Цвѣтами и залитъ огнями онъ весь;
Все дышитъ здѣсь радостью, счастьемъ и міромъ,
И душу они переполнили... Чу!
Ты слышишь? Опять эти дивные звуки!
Имъ внемля, смѣяться и плакать хочу!
Отъ этихъ волшебныхъ, чарующихъ звуковъ
И сталъ самъ не свой я: душа, какъ въ огнѣ!..
(Страстно привлекая Альфгильдъ къ себѣ)
«Прости» говорю я родному селенью
И жизни всей прежней,—я жилъ какъ во снѣ.
Я здѣсь постелю себѣ брачное ложе,
Невѣсту прекрасную здѣсь обойму!..

Альфгильдъ (боязливо отступая). Мой Олафъ...

Олафъ (словно охваченный вдругъ неяснымъ, но болѣзненнымъ воспоминаніемъ). О, что говорю я? Невѣсту?
Скажи же мнѣ, Альфгильдъ... Я самъ не пойму...
Не вспомню... зачѣмъ здѣсь тогда очутился
Въ тотъ вечеръ—ты помнишь—въ долинѣ глухой,
Гдѣ въ первый разъ встрѣтились мы?.. Не пришелъ ли
Я съ тѣмъ, чтобъ тебя взять въ селенье съ собой?
Не ѣхалъ ли звать я на свадьбу...

Альфгильдъ. На свадьбу?
Не знаю, что хочешь сказать...

Олафъ. Говорю,
Что въ Гульдвикѣ пиръ былъ въ честь нашей помолвки...
На третьей недѣлѣ тебя къ алтарю
Былъ долженъ вести я... но что-то случилось...
Нѣтъ, думать нѣтъ мочи! Горитъ голова!..

Хоръ (глухо, издалека въ лѣсу).
О, гдѣ же ты, Олафъ? Откликнись намъ!
Гдѣ дремлешь ты дрёмой тяжелой?

Альфгильдъ. Тсс... Олафъ! Ты слышишь?

Олафъ. И ты это слышишь?

Альфгильдъ. О, что это?

Олафъ. Старыя мысли, слова,

Что въ памяти снова всплываютъ порою...
Сманить меня снова въ селенье хотятъ!

Фру Кирстенъ (выходя изъ глубины сцены и, не замѣчаемая ни Олафомъ ни Альфгильдъ, говоритъ про себя).

А, вотъ они гдѣ! Но о чемъ говорятъ?..

(Подкрадывается къ нимъ, прислушиваясь).

Олафъ (съ все возрастающимъ жаромъ).

Ну что жъ, я приду! Но приду—съ нею вмѣстѣ!
Вы, рыцари, дамы, на зовъ громкій мой
Со свитою пышной спѣшите толпой,
Отдайте поклонъ моей юной невѣстѣ!..
Тебѣ подведенъ будетъ кровный скакунъ,
И двинется свадебный поѣздъ съ гостями
Подъ пѣсни, подъ звонъ, рокотаніе струнъ!
Пойдутъ впереди музыканты съ пѣвцами,
За ними священникъ и дружки верхомъ,
Всѣхъ встрѣчныхъ на свадебный пиръ приглашая!
Два отрока рядомъ съ твоимъ скакуномъ
Пойдутъ, его взявъ подъ уздцы, усыпая
Цвѣтами твой путь. И встрѣчать у воротъ
Съ поклонами будетъ насъ всюду народъ,
Подъ звонъ колокольный, подъ говоръ гостей:
«Домой ѣдетъ Олафъ съ невѣстой своей!»

Хоръ гостей (оживленно, но глухо доносится изъ глубины лѣса).

Бодрѣй впередъ!
Насъ свадьба вѣдь ждетъ,
И кони рѣзвѣй бѣгутъ, отдыхъ почуя.
Въ лѣсу звенитъ
Отъ конскихъ копытъ. —
Тамъ отроки тѣшатся, лихо гарцуя!

Фру Кирстенъ (въ сторону во время пѣнія хора).

А! Геммингъ успѣлъ имъ сказать, — слава Богу!

Альфгильдъ (ликуя). Они услыхали! Спѣшатъ на твой зовъ!
Ты слышишь, ты видишь? Взгляни на дорогу!

Фру Кирстенъ. О, сынъ мой!

(Спѣшитъ къ нему, не замѣчаемая Альфгильдъ, которая, не отрываясь, смотритъ налѣво на дорогу).

Олафъ. Что вижу?.. Создатель!.. Нѣтъ словъ!..

Фру Кирстенъ. Дитя мое! Сынъ мой заблудшій, несчастный!
Теперь ты спасенъ изъ бѣсовскихъ сѣтей.
Смотри, вонъ Herr Арне съ твоею прекрасной
Невѣстою Ингеборгъ, съ сотней гостей...

Олафъ (съ крикомъ, точно вдругъ очнувшись).

Ахъ, Ингеборгъ! Имя сто кратъ роковое!

Такъ сномъ было счастье мое молодое?
Я съ Ингеборгъ долженъ идти подъ вѣнецъ!.. (Въ отчаяніи)
О, матушка, матушка! Если-бъ вы знали,
Какой сонъ волшебный, прекрасный прервали!
Проснулся, — всему теперь разомъ конецъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Арне, Ингеборгъ, Геммингъ, свадебные гости и слуги фру Кирстенъ выходятъ слѣва.

Арне. Поздравляю, фру Кирстенъ! Нашли-таки его, какъ мнѣ сказали.

Фру Кирстенъ. Да, да, нашла!.. Теперь домой!

Арне (Олафу). Съ вами не случилось никакой бѣды?

Олафъ (словно въ забытьѣ). Со мной? Что вы хотите сказать?..

Фру Кирстенъ (прерывая). Конечно, никакой, господинъ Арне. Просто заблудился на охотѣ и...

Ингеборгъ (указывая на Альфгильдъ). А эта дѣвушка?..

Фру Кирстенъ. Бѣдная пастушка. Она пріютила и накормила его.

Арне. Но тутъ въ горахъ никто не живетъ.

Фру Кирстенъ. Кое-кто живетъ все-таки. Со времени чумы здѣсь среди скалъ ютятся отдѣльныя семьи.

Арне. Такъ идемъ же, идемъ! Кони ждутъ насъ подъ горою.

Олафъ (горестно, взглянувъ на Альфгильдъ). Матушка! Я не могу.

Фру Кирстенъ (тихо, рѣшительно). Ты долженъ. Иначе на тебя ляжетъ вѣчный стыдъ и позоръ!..

Арне. Что онъ говоритъ?

Фру Кирстенъ. Онъ еще чувствуетъ себя слабымъ и усталымъ; но это пройдетъ. Въ путь! (Многозначительно, глядя на Олафа) Молодая дѣвушка отправится съ нами.

Ингеборгъ. Вы полагаете — она..?

Фру Кирстенъ. Она ухаживала за нимъ, и надо ее наградить.

Арне. Такъ завтра свадьба?

Фру Кирстенъ. Завтра! Клянусь всѣмъ святымъ!

Арне. Теперь у меня ваше обѣщаніе.

Геммингъ (тихо, съ торжествомъ, вынимая кольцо). А у меня кольцо Ингеборгъ!

Ингеборгъ (взявъ у него кольцо, равнодушно). Мое кольцо? Такъ оно у тебя, Геммингъ? Спасибо. Теперь я сама его поберегу.

(Геммингъ стоитъ съ минуту озадаченный, а затѣмъ медленно слѣдуетъ за остальными, которые всѣ, кромѣ Альфгильдъ, идутъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Альфгильдъ и вслѣдъ затѣмъ Торгьердъ изъ глубины сцены.

Альфгильдъ (съ тихимъ дѣтскимъ изумленіемъ созерцавшая происходившее, оставшись одна, вдругъ вздрагиваетъ, словно очнувшись).

Ушли? Не во снѣ ли все было?.. Нѣтъ, нѣтъ.
Вотъ здѣсь всѣ стояли они. Освѣщала
Такъ ярко луна ихъ... Но мнѣ надо вслѣдъ
За Олафомъ. Я вѣдь невѣстою стала!

(Хочетъ поспѣшно уйти налѣво).

Торгьердъ (изъ глубины).

Дитя мое! Альфгильдъ! Ты здѣсь? Вѣдь не разъ
Тебѣ запрещалъ, и была ты послушна...

Альфгильдъ. Отецъ дорогой! Теперь пробилъ мой часъ!
Пора улетать мнѣ, — здѣсь тѣсно и душно!

Торгьердъ (приближаясь). Что сталось съ тобой?

Альфгильдъ (ликуя). Онъ пришелъ наконецъ!

Торгьердъ. Да кто же?

Альфгильдъ. Мой рыцарь прекрасный, желанный,
Такъ страстно любимый, такъ долго мной жданный!
И взять меня хочетъ съ собою, отецъ!
Теперь поняла я тоску и томленье,
Тѣснившія грудь мнѣ, когда твое пѣнье
Я слушала тихой вечерней порой.
Сидѣли мы часто вдвоемъ надъ рѣкой,
Ты пѣлъ о принцессѣ, въ скалѣ заключенной.
Отецъ! Та принцесса — сама я была!
Но рыцарь явился—и палъ, имъ сраженный,
Коварный духъ горъ, и разсѣлась скала.
Я стала свободной, какъ воздухъ свободной!
Съ собой меня рыцарь зоветъ благородный
Туда, гдѣ такъ жизнь и пестра и полна.
Какъ музыка, рѣчь его слухъ мой ласкала,
И крылья дала мнѣ какъ будто она,
Всѣ узы мои навсегда развязала!

Торгьердъ. Дитя мое бѣдное! Хочешь туда?
Тамъ ждетъ тебя горшая въ жизни бѣда, —
Отнимутъ покой твой сердечный обманомъ.
Останься!

Альфгильдъ. Отецъ, не могу я! Туманомъ
На сердце падутъ — не живою росой —
Теперь твои лучшія пѣсни и сказки.

Торгьердъ. Ступай же! Натѣшься прекрасной мечтой.
Но рѣчи затѣйливой, вкрадчивой ласки,
Дитя, берегись въ молодецкихъ устахъ!

Альфгильдъ. Отецъ, дорогой мой, напрасенъ твой страхъ!
Гдѣ Олафъ — тамъ вѣчно я счастлива буду,
За нимъ безъ боязни послѣдую всюду.
Давно его знаю изъ пѣсенъ твоихъ.
И замокъ его на столбахъ золотыхъ.
Онъ тотъ королевичъ, тотъ рыцарь-боецъ!
И съ Альфгильдъ бѣдняжкой пойдетъ подъ вѣнецъ!
Нѣтъ, я не бѣдняжка теперь, не плачевна
Судьба моя болѣ! Теперь я — царевна!
И выше! Вѣдь Олафу я дорога!

(Издали доносятся звуки музыки и свадебнаго хора).

Ты слышишь ли? Трубы звучатъ и рога,
И громкое пѣнье, меня призывая.
Прощайте же, горы, долина родная!
Ты стала тѣсна мнѣ. Открытъ мнѣ весь міръ,
Зоветъ и готовитъ торжественный пиръ!
Вся въ златѣ, блистая богатымъ нарядомъ,
Возсяду заутра я съ Олафомъ рядомъ.
И сбудутся грезы мои наяву —
Я истинной жизнью своей заживу!..

(Спѣшитъ налѣво. Торгьердъ задумчиво смотритъ ей вслѣдъ. Хоръ замираетъ вдали, и занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дворъ въ усадьбѣ фру Кирстенъ. Направо стѣна господскаго дома съ слуховымъ окошечкомъ подъ крышей; другихъ оконъ или дверей не видно. Дальше въ глубинѣ направо маленькая церковь и кладбище. Налѣво амбаръ и другія хозяйственныя строенія. Ближе къ авансценѣ по обѣимъ сторонамъ простыя каменныя скамьи. Время подъ вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Фру Кирстенъ, слуги и служанки заняты приготовленіями къ пиру.

Фру Кирстенъ. Смотрите, чтобы всего было вдоволь — блюдъ и чарокъ. (Про себя) Тяжко пришлось мнѣ, много я трудилась, чтобы довести дѣло до конца; зато и задамъ же теперь пиръ на славу! (Слугамъ) Присматривайте за свадебнымъ столомъ... Или нѣтъ — я сама. Вина подавать въ серебряныхъ жбанахъ, а въ большіе рога нацѣдить заморскаго сусла; пивомъ потчевать только слугъ, и домашнимъ медомъ тоже. Да слушайте, — позаботьтесь, чтобы въ церкви зажгли побольше свѣчей яраго

воску; вѣнчаніе будетъ вѣдь поздно вечеромъ. И проводить жениха съ невѣстой въ церковь надо съ факелами. Ступайте же теперь всѣ, и пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло. (Люди уходятъ). Богу извѣстно, свадьба эта обойдется мнѣ дорого, не по средствамъ, но Ингеборгъ принесетъ хорошее приданое и кромѣ того... Да, съ Арне-то можно поладить, повернуть его по-своему, если... (Смотритъ направо) Олафъ идетъ! Знать бы только, что онъ?..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Фру Кирстенъ. Олафъ въ богатомъ нарядѣ выходитъ изъ дому. Онъ блѣденъ и задумчивъ.

Олафъ (про себя). Вчера и сегодня! Всего одна ночь, короткая лѣтняя ночь прошла, а словно цѣлая осень и зима легли мнѣ на сердце съ тѣхъ поръ, какъ я бродилъ по горамъ... съ нею, съ Альфгильдъ. (Замѣтивъ фру Кирстенъ) Ахъ, матушка, вы здѣсь?

Фру Кирстенъ. Вотъ такъ, хорошо, сынъ мой! Весь въ шелку и въ золотѣ, — это мнѣ любо. Теперь сразу видно — кто у насъ женихъ. Вижу, ты успѣлъ отдохнуть.

Олафъ. Я спалъ, но плохо отдохнулъ. Сны все снились.

Фру Кирстенъ. Жениху по старому обычаю и должны сниться сны — сладкіе сны.

Олафъ. Самый сладкій сонъ мой конченъ; не будемъ и вспоминать.

Фру Кирстенъ (переводя разговоръ на другое). Весело у насъ будетъ сегодня, я полагаю.

Олафъ. Непохоже, чтобы небо радовалось моей свадьбѣ.

Фру Кирстенъ. Какъ такъ?

Олафъ. Собирается непогода; смотрите, какія тучи ползутъ съ запада!

Фру Кирстенъ. Тѣмъ ярче будутъ горѣть брачные огни, когда ты пойдешь вечеромъ въ церковь.

Олафъ (прохаживается взадъ и впередъ, затѣмъ останавливается передъ матерью). А если бы я посватался къ бѣдной дѣвушкѣ, безъ роду, безъ племени, безъ приданаго?.. Скажите, матушка, что бы вы сдѣлали?

Фру Кирстенъ (глядя на него въ упоръ). Зачѣмъ ты спрашиваешь?

Олафъ. Сначала отвѣтьте мнѣ. Что бы вы сдѣлали?

Фру Кирстенъ. Прокляла бы тебя и съ горя сошла бы въ могилу. Но скажи, зачѣмъ ты спрашиваешь?

Олафъ. Такъ, въ шутку; взялъ да спросилъ.

Фру Кирстенъ. Да ужъ надѣюсь! Ты вѣдь всегда крѣпко

стоялъ за честь и славу своего рода. Но будь же теперь повеселѣе; завтра Ингеборгъ станетъ твоей женой, и ты успокоишься и будешь счастливъ.

Олафъ. Успокоюсь, буду счастливъ? Одного недостаетъ для этого!

Фру Кирстенъ. Чего же?

Олафъ. Дивнаго цвѣтка, который мнѣ надо было сорвать и развѣять лепестки его по вѣтру.

Фру Кирстенъ. Глупый сонъ... забудь его.

Олафъ. Пожалуй, это было бы лучше всего, — если бы я могъ.

Фру Кирстенъ. Въ свѣтлицѣ сидитъ твоя невѣста со своими дѣвушками; ты мало бесѣдовалъ съ нею сегодня. Не хочешь ли пойти къ ней?

Олафъ (задумчиво). Да, да. Гдѣ она?

Фру Кирстенъ. Въ свѣтлицѣ, — я сказала.

Олафъ (оживленно). Съ этого дня ни въ чемъ не будетъ у нея недостатка! Я подарю ей башмачки съ серебряными пряжками; она будетъ ходить вся въ кольцахъ и запястьяхъ. Пусть сброситъ съ себя увядшіе цвѣты; я подарю ей золотую цѣпь!

Фру Кирстенъ. О комъ ты говоришь?

Олафъ. Объ Альфгильдъ.

Фру Кирстенъ. А я говорила объ Ингеборгъ, о твоей невѣстѣ. Олафъ, Олафъ! Ты меня пугаешь, — такой ты сталъ странный. Право, я готова повѣрить, что она околдовала тебя.

Олафъ. Такъ оно и есть! Воистину, матушка, меня околдовали! Я закружился въ хороводѣ эльфовъ, я былъ счастливъ, пока это длилось, но теперь... Долго буду я тосковать, вспоминая объ этомъ!

Фру Кирстенъ. Будь она колдуньей — ей бы не миновать костра; но она просто хитрая, лукавая женщина. Она заворожила тебя сладкой рѣчью.

Олафъ. Она чиста и непорочна, какъ сама Дѣва Марія.

Фру Кирстенъ. Да, да, какъ же! Но какъ бы тамъ ни было — помни, что завтра ты будешь мужемъ Ингеборгъ; позоръ и стыдъ падутъ на твою голову, если ты и тогда будешь думать о другой.

Олафъ. Я понимаю, понимаю, матушка.

Фру Кирстенъ. Подумай объ Ингеборгъ; ты обрученъ съ ней, и она тебя любитъ... Да, Олафъ, любитъ всѣмъ сердцемъ. Кара небесная поразитъ тебя, если...

Олафъ. Правда, правда.

Фру Кирстенъ. Не стану ужъ говорить о нашихъ дѣлахъ.

Но помни одно — дочь Арне окажетъ намъ немалую помощь. Сильно опустился родъ нашъ, а если и въ этомъ году не будетъ урожая — того и гляди съ сумой пойдемъ.

Олафъ. Знаю, знаю.

Фру Кирстенъ. Деньги Арне все поправятъ; и самъ ты займешь почетное мѣсто среди людей короля. Подумай же хорошенько... и если ты обѣщалъ Альфгильдъ больше, чѣмъ въ силахъ сдержать, — а мнѣ сдается, похоже на то, какъ она ни таится отъ меня, — то поговори съ нею. Скажи ей... ну, да скажи, что хочешь. Она не уйдетъ отъ насъ съ пустыми руками, это ты можешь смѣло обѣщать ей. Смотри, вонъ она! Олафъ, сынъ мой! Подумай о своей невѣстѣ, о нашемъ славномъ родѣ, о своей старой матери, которая умретъ со стыда, если ты... Будь мужчиной, Олафъ! А я пойду, присмотрю за приготовленіями къ пиру. (Уходитъ въ домъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Олафъ одинъ.

Олафъ (глядя направо). Она весела, словно лань молодая,
Что прыгаетъ подлѣ родимой своей!
Но скоро заплачетъ и, горько рыдая,
Отсюда уйдетъ... Мы разстанемся съ ней!
Я вѣру ея дѣтски-чистую въ нашу
Любовь и въ людей долженъ буду разбить!
За что же, Создатель, столь горькую чашу,
За что предстоитъ ей, бѣдняжкѣ, испить! (Задумчиво)
А что для меня значилъ родъ мой старинный,
И слава, и честь, когда съ нею я былъ?
Богатства души мнѣ такія сулилъ
Очей ея кроткихъ взглядъ чистый, невинный,
Какихъ не могла вся вселенная дать..
Я возлѣ нея позабылъ всю кручину;
Едва же сюда возвратился опять,
Какъ будто бы вновь погрузился въ пучину
Тоски безутѣшной и скорби глухой;
Брожу, какъ потерянный, всѣмъ здѣсь чужой!.. (Обрывая)
Но рыцарь я, отпрыскъ семьи благородной,
А гдѣ же семья и домъ Альфгильдъ безродной?
Нѣтъ, Олафу Лиліекрансу она
Не ровня, — увы! — не годна, какъ жена!
Мнѣ надо сказать ей... Не въ силахъ! Къ гортани
Прилипъ мой языкъ!.. Но нельзя и молчать;
Смеркается... надо сказать ей заранѣ,
Хотя-бъ свое сердце пришлось растерзать!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Олафъ. Альфгильдъ выходитъ изъ церкви.

Альфгильдъ (радостно бросаясь къ нему).
Мой Олафъ! Меня перенесъ ты изъ тѣсной,
Пустынной долины въ чудеснѣйшій край!
Здѣсь, вѣрно, тотъ островъ блаженства, тотъ рай,
Гдѣ жить буду жизнью безгрѣшной, небесной,
И смертью блаженной умру. Но должна
О многомъ спросить я... такъ много загадокъ!
Скажи мнѣ, всегда ли здѣсь лѣто, весна?
И воздухъ всегда ли душистъ такъ и сладокъ?

Олафъ. О, Альфгильдъ!

Альфгильдъ. Иль нѣтъ, погоди! О другомъ
Сначала спрошу я. Ты видишь тотъ домъ
Съ высокою башней и шпилемъ на крышѣ?
Съ утра я туда отдохнуть забрела, —
Здѣсь было такъ шумно, а тамъ было тише,
Чѣмъ ночью въ горахъ. Я тихонько вошла —
Тамъ сумракъ былъ легкій, прохладно, просторно,
Входившіе люди склоняли покорно
Колѣни, и слезы блестѣли въ глазахъ,
Наверхъ устремленныхъ... А тамъ въ облакахъ
Прекрасная дѣва парила, блистая
Вѣнцомъ изъ лучей на челѣ. Голубая
Была на ней риза, и свѣтелъ былъ ликъ;
Къ груди-жъ ея эльфъ златокудрый приникъ,
И ангелы-крошки ее окружали
И внизъ на меня, улыбаясь, взирали.

Олафъ (въ сторону). Безчестную велъ я игру и, какъ звѣрь,
Я сердце ея растерзаю теперь!

Альфгильдъ. Скажи мнѣ, мой Олафъ.—была я въ чьемъ домѣ?
Построенъ, скажи мнѣ, онъ кѣмъ, для кого?

Олафъ. Построенъ людьми и для всѣхъ людей, кромѣ
Жестокихъ, холодныхъ сердецъ; для того,
Кто кротокъ, какъ ты, и невиненъ душою;
То — церковь, домъ Божій.

Альфгильдъ. О, вѣрно, со мною
Ты шутишь! Домъ Божій не здѣсь, не таковъ.
Чертогъ Его звѣздный на небѣ высоко,
Гдѣ стаи плывутъ лебедей-облаковъ!
Не можетъ туда заглянуть наше око,
Туда залетаютъ лишь дѣти во снѣ.

Но этотъ же домъ назвалъ церковью мнѣ —
Такъ вотъ куда въ праздничной свѣтлой одеждѣ
Войду я и стану съ тобой подъ вѣнецъ!

Олафъ (въ сторону). Увы, положить этой сладкой надеждѣ
Пора мнѣ жестокій, нежданный конецъ!

Альфгильдъ. Вѣдь каждое слово твое западало
Глубоко мнѣ въ дѣвичье сердце и въ немъ
Горѣть будетъ, теплиться вѣчнымъ огнемъ.
И пѣсня отцовская такъ не звучала,
Какъ рѣчь твоя, счастье и радость даря
Куда-бъ я теперь ни пошла — освѣщаютъ
Слова тѣ, какъ звѣздочки въ небѣ горя,
Мой путь, мнѣ блаженную долю вѣщаютъ.
Сказалъ ты, что ждетъ меня кровный скакунъ,
Что двинется свадебный поѣздъ съ гостями,
Подъ пѣсни, подъ звонъ, рокотаніе струнъ;
Пойдутъ впереди музыканты съ пѣвцами,
За ними священникъ и дружка верхомъ,
Всѣхъ встрѣчныхъ на свадебный пиръ приглашая;
Два отрока рядомъ съ моимъ скакуномъ
Пойдутъ, его взявъ подъ уздцы, усыпая
Цвѣтами мой путь, и цвѣточки въ лугахъ,
И тѣ предъ невѣстой всѣ склонятся въ прахъ!..

Олафъ. Ужель такъ сказалъ я?

Альфгильдъ. Отъ слова до слова!
И сбыться велѣнье твое ужъ готово.
У церкви построился линъ стройныхъ рядъ, —
Надѣли свой праздничный яркій нарядъ;
И розы, какъ эльфы въ своей колыбели,
Отъ вѣтра качаясь на тонкихъ стебляхъ,
Въ честь нашу раскрылися всѣ, заалѣли;
И славятъ насъ птички въ зеленыхъ вѣтвяхъ.
Когда же пѣвали онѣ веселѣе,
И самое небо бывало-ль свѣтлѣе?
И это все вызвалъ, возлюбленный, ты!
Въ приливѣ блаженства, отъ чувствъ полноты
Готова весь міръ заключить я въ объятья;
Люблю и жалѣю я всѣхъ безъ изъятья.
Нѣтъ въ полѣ былинки увядшей, сухой,
Которую стала-бъ топтать я ногой;
Нѣтъ жалкой букашки, которой бы горе
Иль радость понять не сумѣла бы я;
Въ груди у меня весь восторгъ бытія
Бушуетъ, бурлитъ и кипитъ, будто море!

Олафъ (въ сторону). А скоро холодной змѣей обовьетъ
Тоска твое сердце, его изсосетъ!
Альфгильдъ. Какъ дивно прекрасна, какъ жизнь хороша!
(Становится на колѣни и простираетъ руки къ небу)
Отецъ милосердый, на небѣ живущій!
Имѣла бы ангельскій голосъ душа —
Хвалу бы воспѣла Тебѣ, Всемогущій!
Но слишкомъ великъ Ты, и словъ нѣтъ въ устахъ.
Могу предъ Тобой лишь склониться во прахъ,
Тебѣ благодарность и честь воздавая
За все, чему жизнь меня учитъ земная!
О, жизнь въ домѣ Олафа такъ же почти
Прекрасна, какъ самая смерть!
Олафъ. Неужели
Прекрасно сказать юной жизни «прости»,
Уснуть сномъ могильнымъ въ дощатой постели?
Альфгильдъ. Не знаю я, что говоришь ты такое..
О смерти я думала много ночей
И спрашивать стала отца разъ о ней,
А онъ спѣлъ мнѣ пѣсню о смертномъ покоѣ:

«Устанетъ дитя нашей грѣшной земли
Отъ мукъ и страданій, покоя запроситъ —
Является эльфъ бѣлокрылый къ нему,
Баюкая, въ синее небо уноситъ.

Сначала постельку ему стелетъ эльфъ:
Для ложа колосьевъ возьметъ золотистыхъ,
Подушечку розами, макомъ набьетъ,
Соткетъ покрывало изъ лилій душистыхъ.

И на руки ложе съ усопшимъ возьметъ,
И ихъ колесница умчитъ золотая
Въ лазурь поднебесную, въ синій просторъ,
Къ предѣламъ Господня прекраснаго рая.

На небѣ же ангеловъ много живетъ,
И бѣлыя крылья у нихъ за плечами;
Цвѣточное ложе ребенка они
Осыплютъ съ небесныхъ высотъ жемчугами.

И въ небѣ проснется земное дитя
Для жизни и радости свѣтлой, небесной.
Увы! Здѣсь никто ничего на землѣ
Не знаетъ о жизни той райской, чудесной!»
Олафъ. О, Альфгильдъ, была бы счастливѣе ты,
Когда-бъ изъ долины пустынной, скалистой

Сюда не спускалась къ намъ, въ міръ суеты;
Здѣсь радость измѣнитъ душѣ твоей чистой,
И вѣра угаснетъ...

Альфгильдъ. Твоею женой
Я стану, мой милый, и путь свой земной
Безъ страха съ тобою пройду рука въ руку;
Пойду за тобою на радость и муку! (Прислушиваясь)
Но слышишь напѣвъ отдаленный, печальный?..
Звучитъ онъ предсмертною пѣснью прощальной...

(Справа за сценой слышится тихое погребальное пѣнье).

Хоръ. Къ послѣднему жилищу
Дитя несемъ въ слезахъ;
Червямъ оставимъ въ пищу
Намъ прежде милый прахъ!

Удѣлъ сто кратъ печальный —
Дитя въ гробу нести
И въ пѣснѣ погребальной
Твердить: навѣкъ прости!

Альфгильдъ (неувѣренно, съ стѣсненнымъ сердцемъ).
О, что это, Олафъ?..

Олафъ. Въ послѣдній пріютъ
Дитя, что сномъ смерти уснуло, несутъ
Родные и льютъ надъ нимъ горькія слезы.

Альфгильдъ. Сномъ смерти?.. Дитя?.. Гдѣ же алыя розы
И гдѣ покрывало изъ лилій? Гдѣ самъ
Ребенокъ?..

Олафъ. Въ томъ ящикѣ черномъ, и, кромѣ
Соломы и стружекъ, напрасно ты тамъ
Чего-нибудь стала-бъ искать!

Альфгильдъ. На соломѣ
Ребенокъ усопшій лежитъ... безъ цвѣтовъ?

Олафъ. Повѣрь мнѣ!

Альфгильдъ. Гдѣ-жъ эльфъ, что слетѣлъ съ облаковъ
И принялъ уставшаго крошку въ объятья,
Чтобъ, тихо баюкая, на небо взять?

Олафъ. Я вижу, за гробомъ рыдаетъ лишь мать,
Да малые сестры плетутся и братья.

Альфгильдъ. А жемчугъ, которымъ съ небесныхъ высотъ
Ребенка и ложе его осыпаютъ?

Олафъ. Слезами лишь — вижу я — гробъ черный тотъ
Сестренки и бѣдная мать орошаютъ.

Альфгильдъ. А гдѣ же прекрасный, блаженный пріютъ,
Куда всѣ дитя провожаютъ толпою?

Олафъ. Ты видишь — его къ черной ямѣ несутъ,
Опустятъ туда и засыплютъ землею!

Альфгильдъ (помолчавъ, тихо, задумчиво).
Но въ пѣсняхъ отца говорилось не то
О смерти и жизни загробной, чудесной!

Олафъ. Увы! На землѣ ничего и никто
Не знаетъ навѣрно о жизни небесной.
Но слышала ты вѣдь сказанье про кладъ,
Что тролли и эльфы въ горахъ сторожатъ:
Увидитъ его кто ночною порою,
Подумаетъ — золото блещетъ во мглѣ;
Схватить попытается жадной рукою —
Ощупаетъ грязь лишь да соръ на землѣ.
Бываетъ, и жизнь шутитъ шутки такія:
Какъ звѣзды, насъ радости манятъ земныя,
Но издали только онѣ такъ блестятъ:
Протянешь къ нимъ руки — лишь соръ, а не кладъ!
(Замѣтивъ приближающуюся справа фру Кирстенъ)
Но мать моя все тебѣ скажетъ сегодня...
И будь съ тобой сила святая Господня!..

(Направляется за домъ, но фру Кирстенъ останавливаетъ его. Небо заволакивается облаками: верхушки деревьевъ колышутся отъ вѣтра. Альфгильдъ стоитъ, погруженная въ глубокую думу).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и фру Кирстенъ.

Фру Кирстенъ (тихо). Ну, сынъ мой, сказалъ ты ей?

Олафъ. Все, что были въ силахъ вымолвить уста мои, я сказалъ. Остальное скажите ей, матушка, сами, — и чтобы я никогда, никогда болѣе не встрѣчался съ нею! (Бросаетъ на Альфгильдъ долгій прощальный взглядъ и уходитъ за домъ).

Фру Кирстенъ. Все это безуміе скоро выйдетъ у него изъ головы, если... (Словно вдругъ осѣненная мыслью) А что, если я..? Ха-ха! Если бы это удалось, — ручаюсь, онъ исцѣлился бы! Но Альфгильдъ?.. Ну, все равно, надо попытаться.

Альфгильдъ (про себя).
Такъ люди и здѣсь терпятъ горе, страданья?
Ну что же, пускай! Чему быть, тому быть.
Готова на все, не боюсь испытанья, —
Вѣдь Олафъ меня будетъ вѣчно любить!

Фру Кирстенъ (подходитъ къ ней). Сдается мнѣ, тебя гнетутъ тяжелыя думы?..

Альфгильдъ. Да, да: мнѣ тяжело отъ того, что я сейчасъ узнала.

Фру Кирстенъ. Отъ Олафа?

Альфгильдъ. Отъ Олафа. Онъ сказалъ мнѣ...

Фру Кирстенъ. Знаю, Альфгильдъ, знаю, что̀ онъ сказалъ тебѣ. (Въ сторону) Разумѣется, онъ объявилъ ей о своей свадьбѣ. (Вслухъ) И это совершится сегодня же вечеромъ.

Альфгильдъ. Что̀ совершится?

Фру Кирстенъ. Свадьба.

Альфгильдъ (живо). О, я знаю!

Фру Кирстенъ. Знаешь, и тебя это не огорчаетъ?

Альфгильдъ. Нѣтъ; почему же это должно огорчать меня?

Фру Кирстенъ (въ сторону). Она что-то замышляетъ, я это ясно вижу. (Вслухъ) Но скажи мнѣ, — если мы сыграемъ свадьбу — что̀ же ты намѣрена дѣлать тогда?

Альфгильдъ. Я? А я и не думала объ этомъ.

Фру Кирстенъ. Я хотѣла спросить, думаешь ли ты остаться здѣсь или отправишься домой?

Альфгильдъ (съ удивленіемъ глядя на нее). Думаю остаться здѣсь.

Фру Кирстенъ (въ сторону). Вотъ оно! Она хочетъ держать его въ своихъ сѣтяхъ и женатаго. Ну, мы еще поспоримъ съ тобой. (Вслухъ) Альфгильдъ, я желаю тебѣ добра, и если-бъ ты могла довѣриться мнѣ...

Альфгильдъ. Еще бы не могла!

Фру Кирстенъ. Хорошо, такъ предоставь мнѣ устроить твое счастье. Я позабочусь о тебѣ, устрою все по лучшему своему разумѣнію, и если ты будешь согласна, то сегодня же вечеромъ пойдешь подъ вѣнецъ.

Альфгильдъ. Знаю, знаю!

Фру Кирстенъ (пораженная). Знаешь? Кто же сказалъ тебѣ?

Альфгильдъ. Самъ Олафъ.

Фру Кирстенъ. Олафъ!.. (Въ сторону) Неужели Олафъ?.. Да, правда, ему, вѣрно, пришла въ голову та же мысль, что̀ мнѣ — выдать ее замужъ, чтобы отдѣлаться отъ нея. Или, быть-можетъ, для того, чтобы..? Все равно, — разъ она будетъ замужемъ и Олафъ женатъ, то... (Вслухъ) Ну, хорошо, Альфгильдъ! Разъ Олафъ открылъ тебѣ наши намѣренія, то мнѣ нѣтъ нужды... Ступай теперь поскорѣе въ клѣть, — тамъ виситъ мой свадебный нарядъ, ты его и надѣнешь.

Альфгильдъ (съ дѣтской радостью). Я! Твой собственный свадебный нарядъ!..

Фру Кирстенъ. Дѣлай, какъ я велю. Поди туда, одѣнься и укрась себя, какъ твоей душѣ угодно.

Альфгильдъ. Мнѣ дадутъ и вѣнецъ?

Фру Кирстенъ. Разумѣется. И вѣнецъ, и серебряныя за-

пястья, и ленты, затканныя золотомъ. Ты найдешь ихъ вдоволь въ сундукахъ и ларцахъ.

Альфгильдъ. Серебряныя запястья и золотыя ленты!

Фру Кирстенъ. Ступай же, ступай, и поторопись.

Альфгильдъ. О, я не замѣшкаюсь. (Хлопаетъ въ ладоши) Я надѣну вѣнецъ и золотыя ленты! (Спѣшитъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Фру Кирстенъ одна.

Фру Кирстенъ. Проклятая злодѣйка! Весела и спокойна, хоть и знаетъ, что Олафъ идетъ подъ вѣнецъ съ другой! Но тѣмъ лучше для меня; обойдется легче, нежели я полагала. Съ виду такая невинная, словно дитя, а готова выйти замужъ за перваго, кого я ей посватаю! А я-то думала, что она въ самомъ дѣлѣ такъ любитъ Олафа! Онъ еще не знаетъ, какова она въ душѣ, — такъ скоро узнаетъ. Увидитъ ее насквозь, узнаетъ, зачѣмъ она старалась околдовать его, и тогда — тогда она перестанетъ быть для него опасной. (Съ улыбкой) Да, да! Олафъ додумался до того же средства спасенія, какъ и я; не считала я его такимъ разсудительнымъ... Но гдѣ же мы возьмемъ для нея жениха, который бы согласился?.. Правда, она хороша собой, и мы не постоимъ за деньгами и за небольшимъ клочкомъ земли. Или Олафъ уже переговорилъ объ этомъ съ кѣмъ-нибудь?.. Нѣтъ, статочное ли дѣло!.. Ну, такъ я сама позабочусь объ этомъ. У меня довольно молодцовъ во дворѣ и... (Взглянувъ направо) Геммингъ! А что, если попытаться уговорить его? Но вѣдь онъ засталъ ихъ вчера вдвоемъ въ горахъ: онъ долженъ знать, что между ними есть что-то. Тѣмъ не менѣе — онъ простой слуга, у него ничего нѣтъ за душой, а нравомъ онъ мягокъ, податливъ, — увидимъ, увидимъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Фру Кирстенъ. Геммингъ справа.

Геммингъ (про себя). Ингеборгъ нигдѣ нѣтъ; уморитъ она меня съ горя, право! Вчера была со мной ласкова, дала мнѣ свое кольцо, а сегодня отняла и глядѣть на меня не хочетъ!

Фру Кирстенъ (подходя къ нему, про себя). Надо поосторожнѣе... (Вслухъ) А, Геммингъ! Я вижу, ты все одинъ бродишь, держишься въ сторонѣ отъ молодцовъ и дѣвушекъ. Сдается мнѣ, что это неспроста.

Геммингъ. Что вы, высокородная госпожа! Съ чего бы...

Фру Кирстенъ. Ну, ну, Геммингъ! У тебя есть что-то на душѣ; ты упалъ духомъ.

Геммингъ (пораженный). Я упалъ духомъ? Я?

Фру Кирстенъ (улыбаясь). Здѣсь есть молодая прекрасная дѣвушка, и сердце твое лежитъ къ ней.

Геммингъ. Святые угодники!..

Фру Кирстенъ. И ты ей любъ.

Геммингъ. Я? Кому? Я не знаю, о комъ вы говорите.

Фру Кирстенъ. Полно, Геммингъ! Не говори такъ. Отъ меня нечего таиться. Да, да, я-то все вижу, повѣрь мнѣ!

Геммингъ (въ сторону). Небо!.. Она подмѣтила, что Ингеборгъ...

Фру Кирстенъ. Вижу, вижу, что свадебный пиръ тебѣ не по сердцу! И въ церковь идти у тебя нѣтъ охоты; тебѣ самому хотѣлось бы войти туда женихомъ, да ты не знаешь, какъ бы это тебѣ устроить.

Геммингъ (въ величайшемъ смущеніи). Ахъ, фру Кирстенъ! Благородная госпожа! Не гнѣвайтесь!

Фру Кирстенъ (удивленно). Мнѣ гнѣваться? Да зачѣмъ же мнѣ гнѣваться?

Геммингъ (продолжая). Я всячески боролся съ этой злосчастной любовью, пока силъ хватало. И она тоже, я увѣренъ.

Фру Кирстенъ. Она? Такъ она тебѣ сказала, что любитъ тебя?

Геммингъ. Почти что.

Фру Кирстенъ. Отлично; такъ вы уже говорили съ ней объ этомъ?

Геммингъ. Да, но всего одинъ единственный разъ, клянусь вамъ!

Фру Кирстенъ. Одинъ разъ или десять — мнѣ все равно. (Въ сторону) Такъ они уже поладили между собой; везетъ же мнѣ, что я напала прямо на Геммингa! Теперь я не дивлюсь больше, что Альфгильдъ такъ охотно согласилась идти къ алтарю. (Вслухъ) Геммингъ! Я у тебя въ большомъ долгу за то, что ты отыскалъ моего сына и вообще былъ мнѣ послушенъ.... Теперь я могу отблагодарить тебя и помогу тебѣ, чѣмъ могу, въ томъ дѣлѣ, о которомъ мы сейчасъ говорили съ тобой.

Геммингъ (ошеломленный радостью). Вы? Вы, фру Кирстенъ? Ахъ, Господи! Святые угодники! Да какъ мнѣ повѣрить! (Останавливаясь) Но господинъ Олафъ, сынъ вашъ? Какъ вы думаете — что онъ скажетъ?

Фру Кирстенъ. Онъ не станетъ тебѣ поперекъ дороги, — объ этомъ я позабочусь.

Геммингъ (простодушно). Да, правда, и ему это будетъ на руку, — я вѣдь знаю, что сердце ея не лежитъ къ нему.

Фру Кирстенъ (улыбаясь). Я это уже замѣтила, Геммингъ!

Геммингъ. Вы? Да, вы такъ умны, фру Кирстенъ!. А я-то думалъ, что я одинъ замѣтилъ это. (Въ раздумьѣ) Но вы полагаете, — господинъ Арне согласится?

Фру Кирстенъ. Хозяинъ твой? Я сумѣю уговорить его; это все уладимъ.

Геммингъ. Вы думаете? Увы! Я вѣдь такъ бѣденъ; простой слуга.

Фру Кирстенъ. Я и сама помогу тебѣ, если господинъ Арне заупрямится.

Геммингъ. Спасибо, спасибо, фру Кирстенъ! Господь наградитъ васъ за вашу добрую душу!

Фру Кирстенъ. Но ты никому не говори пока о томъ, о чемъ мы съ тобой бесѣдовали.

Геммингъ. Свято обѣщаю вамъ!

Фру Кирстенъ. Ну, такъ готовься; скоро сюда соберутся гости — будь тогда подъ рукой. (Идетъ къ клѣти и подсматриваетъ за Альфгильдъ).

Геммингъ (про себя). Нѣтъ, это все какой-то мудреный, дразнящій сонъ. Ингеборгъ и я — мы будемъ мужемъ и женой! Ахъ, да можетъ ли это статься? Я никогда не смѣлъ залетать въ своихъ мечтахъ такъ высоко. Мнѣ поутру всегда казалось ужасной дерзостью съ моей стороны, если я хоть ночью грезилъ объ этомъ... Гм! Отлично знаю, — фру Кирстенъ хлопочетъ тутъ не ради меня. У нея что-то есть на умѣ; ей надо нарушить договоръ съ господиномъ Арне, а тутъ она подмѣтила, что Ингеборгъ ко мнѣ благосклонна, вотъ и хочетъ придраться къ этому. Да, да, я столько разъ предостерегалъ противъ нея моего хозяина, но онъ все не хотѣлъ мнѣ вѣрить.

Арне (зоветъ за сценой слѣва). Геммингъ! Геммингъ!

Фру Кирстенъ (возвращаясь на авансцену). Тебя зоветъ твой хозяинъ. Ступай теперь. Я послѣ поговорю съ нимъ, онъ сдастся, повѣрь мнѣ, проводить своего слугу къ алтарю въ тотъ же самый часъ, какъ и дочь свою.

Геммингъ. Благодарю, благодарю, фру Кирстенъ! По правдѣ — вы сдѣлаете доброе дѣло на благо всѣмъ намъ. (Уходитъ налѣво).

Фру Кирстенъ (про себя). Такъ молода и такъ хитра! Заигрывала съ Геммингомъ и въ то же время кружила голову моему сыну! Хорошо, онъ скоро узнаетъ про всѣ ея продѣлки. Но сначала нужно взяться за Арне. Онъ очень привязанъ къ Геммингу и разстанется съ нимъ неохотно. Геммингъ, какъ видно, этого и боялся. Но они отлично могутъ не разставаться и послѣ женитьбы Геммингa... Геммингъ однако понятли-

вѣе, нежели я полагала. «Что скажетъ Олафъ?»—спросилъ онъ; значитъ, замѣтилъ, что Альфгильдъ еще близка сердцу моего сына. Ну, да пусть его; разъ онъ женится на ней, такъ будетъ молчать, и разъ Альфгильдъ будетъ замужемъ... Я знаю Олафа; онъ всегда высоко цѣнилъ почетъ и уваженіе окрестныхъ господъ, и потому... Да, да, все удастся, уладится! (Уходитъ направо).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Геммингъ выходитъ слѣва, пряча подъ полой пивной жбанъ. Арне, осторожно озираясь, слѣдуетъ за нимъ.

Арне. Никого нѣтъ?

Геммингъ. Нѣтъ; идите, идите, хозяинъ!

Арне. Но мнѣ послышался голосъ фру Кирстенъ.

Геммингъ. Она ушла. Идите же!

Арне (садится на скамью налѣво). Геммингъ! Хорошо, что свадьба сегодня вечеромъ. Завтра же утромъ уѣду домой непремѣнно. Ни одного дня дольше не останусь у фру Кирстенъ!

Геммингъ. Что же такъ, хозяинъ? Или у васъ съ ней опять нелады?

Арне. А мало развѣ того, что она и вся ея знатная родня дерутъ носъ передо мной? За ужиномъ все время смѣялись и шутили межъ собой оттого, что я не зналъ, какъ справиться со всѣми этими проклятыми заморскими блюдами. А пить-то что намъ подавали? Сладкое вино да сусло, отъ которыхъ у меня животъ разстроится на недѣлю. Нѣтъ, мнѣ подавайте мое домашнее пиво! (Пьетъ и прибавляетъ тихо, со злобой) Я подарилъ его цѣлыхъ три бочки этой дрянной бабѣ, а она что сдѣлала? Отдала своимъ слугамъ, и мнѣ самому приходится отвѣдывать его тайкомъ, какъ вору! А, Геммингъ, каково? Украдкой пить свое собственное пиво, чтобы не показаться имъ сѣрымъ мужикомъ, который не знаетъ толку въ барскихъ напиткахъ!

Геммингъ. Да, да, хозяинъ! Я васъ предостерегалъ.

Арне. Э, предостерегалъ! Ты глупъ, Геммингъ! Думаешь, я самъ не замѣчалъ? Но постой же ты у меня, постой! (Вспыливъ) Отдать мое доброе домашнее пиво челяди, словно оно недостойно подаваться за господскимъ столомъ!..

Геммингъ. Да, фру Кирстенъ дурно обходится съ вами, это вѣрно.

Арне (отдавая ему жбанъ). Вотъ, присаживайся и отхлебни. (Геммингъ садится). Слушай, Геммингъ! Будь мы теперь съ тобой дома!..

Геммингъ. И мнѣ тутъ не по сердцу.

Арне. Да, куда лучше въ нашей старой горницѣ въ Гульдвикѣ! Когда мы сиживали, бывало, съ тобой вдвоемъ по вечерамъ за шашками да за кружкой пива...

Геммингъ. А йомфру Ингеборгъ за своимъ ткацкимъ станкомъ и ткала по бѣлому полотну алыя розы и разные цвѣты!..

Арне. Да, и пѣла такъ славно, что, право, молодѣешь, бывало, слушая ее. Вотъ, Геммингъ, отпируемъ на свадьбѣ и опять заживемъ по-старому.

Геммингъ. Но некому ужъ будетъ стучать возлѣ насъ ткацкимъ челнокомъ и пѣть славныя пѣсенки!

Арне. Правда, Ингеборгъ съ нами уже не будетъ. Тяжело ляжетъ мнѣ на сердце разлука съ нею. Она своенравна, непокорна, но безъ нея мнѣ будетъ тяжело. (Раздумывая) Положимъ, я могъ бы время отъ времени наѣзжать къ ней въ гости... Нѣтъ, не буду! Тутъ смѣются надо мной, шепчутся у меня за спиной,—я, небось, вижу!

Геммингъ. Но если бы вы захотѣли, вы могли бы еще передѣлать все.

Арне. Передѣлать! Ты глупъ, Геммингъ! Вѣчно говоришь одно и то же—передѣлать да передѣлать! (Передавая ему жбанъ) На, отхлебни, тебѣ это полезно. Передѣлать! Нѣтъ, ужъ нельзя этого передѣлать. Злые духи нашептали мнѣ эту мысль — породниться съ фру Кирстенъ. Но теперь дѣло сдѣлано. Пусть себѣ ея знатная родня ведетъ себя, какъ хочетъ, а ужъ сосѣдямъ моимъ не смѣяться надо мною. Я далъ слово, такъ и сдержу его. (Упавшимъ голосомъ) Только бы знать, что Олафъ будетъ хорошо обращаться съ ней... Я его попрошу. (Съ горячностью) Да не смѣетъ онъ обижать ее! Не то я пріѣду и задамъ ему своими старыми кулаками!

Геммингъ. Да, вамъ не худо позаботиться о ней: Олафъ-то не очень ее цѣнитъ.

Арне. Ты такъ думаешь?

Геммингъ. Помните вы Альфгильдъ, бѣдную дѣвушку, которая пришла вчера съ нами изъ горъ?

Арне. Помню. Красивая дѣвушка.

Геммингъ (вставая). И Олафъ думаетъ то же.

Арне. Это что значитъ?

Геммингъ. Олафъ любилъ ее. Онъ частенько бывалъ у нея въ гостяхъ. Вы не вѣрьте тому, что вамъ наплела фру Кирстенъ.

Арне. А тому, что ты тутъ плетешь, я вѣрю еще меньше. Ты золъ на Ингеборгъ за то, что она иногда поддразнивала тебя, да и завидно тебѣ, что она вступаетъ въ такой знатный бракъ. Да, да, знаю я тебя!

Геммингъ. Ахъ, хозяинъ, неужели вы думаете...

Арне. Морочить меня тѣмъ, будто Олафу Лиліекрансу полюбилась нищая дѣвчонка! Такому знатному, высокородному господину! Это все равно, что сказать, будто Ингеборгъ влюбилась въ тебя!

Геммингъ (въ смущеніи). Въ меня?.. Какъ это могло придти вамъ въ голову...

Арне. Да мнѣ и не приходило вовсе. Но одно другого стоитъ,—одинаково несуразно. (Встаетъ) Вотъ и фру Кирстенъ съ гостями. Что теперь будетъ?

Геммингъ. Сначала всѣ соберутся здѣсь, потомъ проводятъ жениха и невѣсту за парадный столъ, а оттуда въ церковь.

Арне. Вотъ проклятый обычай! Въ церковь—на ночь глядя. Да развѣ женитьба теперь стала считаться темнымъ дѣломъ?

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же. Фру Кирстенъ. Олафъ, Ингеборгъ, гости, слуги и служанки мало-по-малу собираются съ разныхъ сторонъ.

Фру Кирстенъ. Не удалось застать Олафа одного. Но какъ поразмыслю, такъ, пожалуй, и лучше ему ничего не знать, пока все не совершится. (Тихо Геммингу, который шопотомъ разговаривалъ съ Ингеборгъ) Ну, Геммингъ, какъ ты находишь, — поддастся твой хозяинъ?

Геммингъ (тихо). Увы, фру Кирстенъ! Мало надежды, если только вы не поможете.

Фру Кирстенъ. Ну, ну, какъ-нибудь уладимъ. (Вмѣшивается въ толпу гостей).

Ингеборгъ (тихо Геммингу). Что ты хочешь сказать? Какая тамъ у тебя сладкая надежда?

Геммингъ. Ахъ, я не смѣю ничего сказать, но фру Кирстенъ желаетъ намъ добра. Она скоро покажетъ вамъ, что...

Ингеборгъ. Тсс! Они идутъ.

Олафъ (понизивъ голосъ). Матушка, скажите, — какъ она? Что съ ней?

Фру Кирстенъ. Да ничего, какъ я и предвидѣла.

Олафъ. Значитъ, сможетъ утѣшиться?

Фру Кирстенъ (улыбаясь). Повидимому, такъ. Ты погоди немножко. Сегодня же вечеромъ самъ убѣдишься въ этомъ.

Олафъ. Что вы хотите сказать?

Фру Кирстенъ. Хочу сказать, что она прехитрая вѣдьма! Всѣ ея сладкія рѣчи — одинъ обманъ, притворство!

Олафъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка!

Фру Кирстенъ. Увидимъ. Альфгильдъ весела и довольна — это я знаю.

Олафъ. Счастье мнѣ, если такъ!

Фру Кирстенъ (громко и формально). Господинъ Арне изъ Гульдвика! Наконецъ-то насталъ часъ, котораго, я полагаю, всѣ мы ждали съ нетерпѣніемъ.

Геммингъ (въ сторону). Вотъ теперь и грянетъ громъ!

Фру Кирстенъ. Скоро церковь благословитъ нашихъ дѣтей на долгую счастливую жизнь въ любви и согласіи.

Геммингъ (въ сторону, пораженный). Что же это?

Фру Кирстенъ. Насчетъ брачнаго договора мы поладили. Но, я полагаю, намъ слѣдуетъ еще разъ подтвердить нашъ уговоръ словомъ и рукобитьемъ.

Геммингъ (въ сторону). Небо и земля! Она измѣнитъ мнѣ!

Арне. Это все лишнее; я сдержу свое слово, какъ честный человѣкъ.

Фру Кирстенъ. Знаю, знаю, господинъ Арне. Но это все недолго повторить... Во-первыхъ, между родами нашими на вѣчныя времена прекращаются всякая вражда и распря, и никто больше не требуетъ возмѣщенія потерь и убытковъ, которые потерпѣли обѣ стороны изъ-за старыхъ распрей: каждый пусть теперь наверстываетъ свои потери, какъ умѣетъ. Не такъ ли? Обѣщаемъ другъ другу?

Всѣ. Такъ! Обѣщаемъ!

(Родичи жениха и невѣсты бьютъ по рукамъ).

Геммингъ (тихо). Стыдъ и позоръ тебѣ, что ты обманула меня!

Фру Кирстенъ. Остается еще упомянуть о томъ, насчетъ чего мы тоже пришли уже къ соглашенію, а именно, что граница между владѣніями господина Арне и моими отодвигается по его землѣ настолько, насколько это признано справедливымъ честными и безпристрастными людьми.

Арне. Да, да; дѣлать нечего!

Фру Кирстенъ. Значитъ, и это обѣщано?

Родичи. Обѣщано! (Снова бьютъ по рукамъ).

Фру Кирстенъ. Наконецъ господинъ Арне даетъ за своей дочерью въ приданое столько серебра, полотенъ и прочаго добра, сколько условлено было на сговорѣ. И все это должно быть доставлено сюда во дворъ въ тотъ же день, какъ Ломфру Ингеборгъ поселится здѣсь супругой моего сына, что совершится сегодня вечеромъ. Такъ мы вѣдь согласились?

Родичи. Обѣщаемъ и свидѣтельствуемъ! (Опять бьютъ по рукамъ).

Фру Кирстенъ. А теперь пусть женихъ съ невѣстой подадутъ другъ другу руки, чтобы идти за свадебный столъ, а оттуда и въ церковь.

Арне (въ сторону). Ха-ха, вотъ теперь пусть Геммингъ посмотритъ — надуетъ ли меня фру Кирстенъ!

Геммингъ (про себя). Значитъ, конецъ мнѣ! Глупецъ я былъ, что полагался на нее.

Фру Кирстенъ. Но въ такой радостный для насъ день намъ слѣдуетъ доставить радость и другимъ, осчастливить стольких людей, сколькихъ сможемъ. И вотъ у меня есть одна просьба къ вамъ, господинъ Арне!

Арне. Говорите! Если только смогу, съ радостью исполню.

Геммингъ (въ сторону). Что она затѣваетъ?

Фру Кирстенъ. Тутъ есть еще одна молодая парочка, которая охотно обвѣнчалась бы сегодня вечеромъ. Они ужъ сговорились другъ съ другомъ, какъ я слышала. О невѣстѣ я позабочусь, а жениху должны помочь вы, господинъ Арне. Эта парочка—Геммингъ, вашъ слуга, и Альфгильдъ.

Ингеборгъ (вскрикивая). Геммингъ!

Олафъ (такъ же). Альфгильдъ!

Геммингъ. О, горе мнѣ, горе! Теперь я понимаю!

Гости (одновременно). Геммингъ и Альфгильдъ! Пастушка! (Смѣхъ и перешептыванія).

Олафъ. Альфгильдъ! Вы хотите ее выдать замужъ за... Нѣтъ, нѣтъ! Этому не бывать! Никогда! Никогда!

Фру Кирстенъ. Тише, Олафъ, сынъ мой! Замолчи, прошу тебя!

Арне (про себя). Однако Геммингъ-то, какъ видно, былъ правъ, — между этими двумя есть что-то! (Шопотомъ) Фру Кирстенъ! Я васъ понимаю. Теперь я знаю, гдѣ пропадалъ Олафъ эти три дня. И Геммингъ долженъ избавить васъ отъ нея? Ха-ха!

Фру Кирстенъ (съ принужденнымъ спокойствіемъ). Господинъ Арне! Какъ вы можете думать такъ!

Арне (вполголоса). О, я вижу! И полагаю, у меня теперь есть основательная причина нарушить договоръ.

Фру Кирстенъ (тихо, испуганно). Нарушить договоръ! Прошу васъ! Вы хотите опозорить насъ всѣхъ!

(Продолжаютъ тихо разговаривать между собой).

Геммингъ (Ингеборгъ, съ которой онъ тѣмъ временемъ шепталася). Вотъ какъ было дѣло, клянусь вамъ! Мы съ фру Кирстенъ не поняли другъ друга.

Ингеборгъ. Такъ откажись! Ты долженъ! Я приказываю тебѣ.

Геммингъ. Нѣтъ, нѣтъ, не смѣю. Тогда она поймете, что я думалъ о васъ.

Ингеборгъ. Хорошо, такъ я сама. (Громко) Геммингъ не пойдетъ подъ вѣнецъ съ Альфгильдъ: онъ слишкомъ хорошій малый, чтобы жениться на чужой наложницѣ.

Олафъ (вскрикивая). Опозорена!

Гости. Наложницѣ!

Арне (Ингеборгъ). Что ты говоришь?

Фру Кирстенъ. Небо, защити насъ!

Олафъ. Будь я проклятъ! Она опозорена!

Ингеборгъ. Да, я громко утверждаю это: она чужая наложница. Пусть возразитъ мнѣ. кто смѣетъ.

Арне. Ингеборгъ! (Въ сторону) Что съ ней такое?

Фру Кирстенъ (тихо). Вотъ оно что вышло! Это она, она любитъ Геммингa! (Вполголоса, но рѣшительно, Арне) Вы все еще будете думать о разрывѣ? Видите теперь сами изъ поведенія вашей дочери, какая причина была у меня женить Геммингa.

Арне (озадаченный). Моя дочь? Вы могли подумать, что она?..

Фру Кирстенъ. Не притворяйтесь! Ингеборгъ пришелся по сердцу вашъ слуга; теперь, я полагаю, у меня основательная причина нарушить договоръ.

Арне. Нарушить! Нарушить?.. Что вы замышляете? Навлечь на меня такой позоръ!

Фру Кирстенъ (насмѣшливо). Да вѣдь иначе — вы это сдѣлаете.

Арне (послѣшно). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я одумался. Самое лучшее намъ обоимъ молчать.

Фру Кирстенъ (про себя). Вотъ я и побѣдила. Я знаю Олафа: его не соблазнитъ опозоренная женщина.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Альфгильдъ выходитъ незамѣтно изъ клѣти въ пышномъ свадебномъ нарядѣ и вѣнцѣ.

Арне (въ сторону). Вотъ такъ проклятый денекъ выпалъ мнѣ сегодня! Ахъ, эта хитрая лиса Геммингъ! Зналъ, что любъ Ингеборгъ, оттого ему такъ и не по вкусу было, чтобы она досталась Олафу!

Фру Кирстенъ (которая тѣмъ временемъ вполнѣ овладѣла собой). А теперь въ горницу и за столъ! Геммингомъ займемся послѣ... Олафъ, подай руку своей невѣстѣ!

Арне (недовольный тѣмъ, что Ингеборгъ шепчется съ Геммингомъ). Да гдѣ же невѣста? Выходи, кто невѣста!

Альфгильдъ и Ингеборгъ (одновременно выступаютъ и берутъ Олафа за руку). Я! Я!

Гости. Какъ? Она беретъ Олафа?

(Общее смятеніе).

Фру Кирстенъ (въ сторону). Вотъ какъ далеко онъ зашелъ съ нею! (Альфгильдъ) Ты ошибаешься. Онъ не твой женихъ.

Альфгильдъ. Нѣтъ, мой! Вѣдь это Олафъ!

Ингеборгъ (выпуская его руку). Такъ онъ обѣщалъ ей?..

Фру Кирстенъ (сильно возмущенная). Олафъ не твой женихъ, говорятъ тебѣ! Скажи ей это самъ, сынъ мой!

(Олафъ молчитъ).

(Родичи фру Кирстенъ смущенно переглядываются. Родичи Арне мрачно и угрожающе наступаютъ на нихъ).

Фру Кирстенъ (возвысивъ голосъ). Олафъ Лиліекрансъ! Отвѣчай громогласно! Этого требуютъ отъ тебя по праву!

Олафъ (въ отчаяніи, борясь съ собой). Будь по-вашему, матушка! Да, клянусь всѣми святыми, я отвѣчу... Альфгильдъ! Ты ошибаешься. Я не твой женихъ. (Указывая на Ингеборгъ) Вотъ моя невѣста.

Альфгильдъ (отступивъ на шагъ, стоитъ, какъ вкопаная, не сводя съ него взгляда). Она? Твоя?..

Олафъ (все болѣе и болѣе разгорячаясь). Альфгильдъ! Уходи отсюда! Уходи подальше, назадъ въ горы! Тамъ твое мѣсто. Я былъ боленъ душой, помутился въ умѣ, когда бродилъ тамъ. Не помню, что я говорилъ тебѣ. Не знаю и знать не хочу! Слышишь, — знать не хочу! Золотой вѣнецъ можешь оставить себѣ. Оставь себѣ все серебро и золото, что надѣто на тебѣ. Ты получишь еще больше, въ десять разъ больше. Ну, что ты такъ глядишь на меня? (Альфгильдъ снимаетъ съ себя вѣнецъ и другія украшенія и кладетъ все къ ногамъ Олафа, не спуская съ него глазъ). Быть-можетъ, я морочилъ тебя обѣщаньемъ, что это ты пойдешь сегодня вечеромъ подъ вѣнецъ со мной? Быть-можетъ, ты повѣрила мнѣ? Быть-можетъ, ты вообразила, что Олафъ Лиліекрансъ женится на... на... какъ бишь ее назвали? (Топая ногой) Да не гляди же на меня такъ, говорятъ тебѣ! Я знаю тебя, ты меня околдовала. Я забылъ, изъ какого я рода; забылъ свою невѣсту, свою нареченную, — вотъ она! (Схвативъ Альфгильдъ за руку) Взгляни на нее, Альфгильдъ! Ха-ха-ха! Ее я люблю. (Альфгильдъ падаетъ на колѣни и закрываетъ лицо руками). Встань, Альфгильдъ, встань, говорю тебѣ! Если ты осмѣлишься такъ горевать, я убью тебя!.. Почему ты невесела? Будь весела и ликуй, какъ я!.. И вы всѣ тоже! Что вы стоите да перешептываетесь молча? Смѣйтесь же, смѣйтесь на весь дворъ!.. Альфгильдъ! Почему ты не отвѣчаешь? Мало я сказалъ тебѣ? Ха-ха-ха! Скажите и вы ей словечко, вы, другіе! Скажите и вы свое слово! Фру Кирстенъ того желаетъ. Смѣйтесь надъ Альфгильдъ! Презирайте ее, топчите ногами! (Съ рѣзкимъ смѣхомъ) Ха-ха-ха! Вѣдь это наложница Олафа Лиліекранса! (Альфгильдъ совсѣмъ припадаетъ къ землѣ возлѣ каменной скамейки налѣво. Яркая молнія озаряетъ сцену. Раздается громовой раскатъ; чѣмъ дальше, тѣмъ становится темнѣе, и буря все усили-

вается). Вотъ, вотъ! Это мнѣ по сердцу. Мнѣ вторятъ сверху. Теперь я пойду со своей невѣстой въ церковь. Идемъ, йомфру Ингеборгъ! Но сперва пойдемъ пировать — да, пить, пить, пить! Жбаны и рога сюда... нѣтъ, туда! Зажигайте всѣ огни въ церкви! Пусть органъ играетъ плясовую, а не плаченые псалмы, — фу! Плясовую! (Молнія и громъ). Ха-ха! Свадебный пиръ Олафа Лиліекранса прогремитъ до самаго неба! (Убѣгаетъ направо).

Арне. Христосъ, спаси и помилуй! Онъ потерялъ разсудокъ.

Фру Кирстенъ. Будьте спокойны; это скоро пройдетъ: я его знаю. (Увлекаетъ за собой Арне).

Арне (тихонько грозя Геммингу мимоходомъ). О, Геммингъ, Геммингъ! Хитрая лиса!

(Гости, разстроенные, молча идутъ направо: слуги уходятъ налѣво).

Ингеборгъ (задерживая Гемминга). Геммингъ! Я не пойду подъ вѣнецъ съ Олафомъ Лиліекрансомъ!

Геммингъ. Да какъ же этому помѣшать?

Ингеборгъ. Коли на то пойдетъ — я во всеуслышаніе откажусь передъ самымъ алтаремъ!

Геммингъ. Ингеборгъ!

Ингеборгъ. Держи моего коня наготовѣ подъ сѣдломъ.

Геммингъ. Какъ? Вы хотите?..

Ингеборгъ. Хочу! Теперь только я поняла, какъ ты мнѣ дорогъ, когда того и гляди потеряю тебя. Дѣлай, что я велю, и подай мнѣ знакъ, когда будетъ пора. (Уходитъ направо).

Геммингъ. Теперь я силенъ, теперь я на все отважусь! (Уходитъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Альфгильдъ. Затѣмъ Геммингъ, Ингеборгъ и другіе въ разное время.

Альфгильдъ (долго лежитъ неподвижно, закрывъ лицо руками: наконецъ, полуприподымаясь, растерянно озирается, встаетъ и говоритъ съ тихимъ, прерывающимся смѣхомъ).

Тотъ соколъ сидитъ на рукѣ у самой
Царицы, а этотъ — бродяга бездомный;
Одной птицѣ алыя перья, другой —
Весь вѣкъ вѣковать птичкой сѣренькой, скромной.
Слыхала я, слезы — цѣлебный бальзамъ
Для мукъ душевной, для раны сердечной;
Съ меня же не смыть пятенъ срама слезамъ;
Смѣяться, смѣяться осталось мнѣ вѣчно!

(Тѣмъ временемъ совсѣмъ стемнѣло. Окна церкви ярко освѣщаются изнутри. Альфгильдъ направляется къ дому и прислушивается. Изъ дому глухо доносится хоръ свадебныхъ гостей).

Хоръ. Женихъ и невѣста сидятъ за столомъ!

Мы ихъ величаемъ, имъ славу поемъ!
Да здравствуетъ Олафъ, соколикъ нашъ ясный,
Съ голубкою Ингеборгъ сизой, прекрасной!

Геммингъ (прокрадывается слѣва во время пѣнія). Конь осѣданъ. Подамъ тайкомъ знакъ Ингеборгъ, и — въ путь. (Уходитъ за домъ направо).

Альфгильдъ. Женихъ и невѣста сидятъ средь гостей,
И гости имъ славу поютъ, величаютъ...
И свѣчи изъ яраго воску пылаютъ,
Алтарь утопаетъ въ сіяньи лучей...
Женихъ и невѣста пируютъ съ гостями,
Смѣются, другъ друга ласкаютъ очами...
А я... у меня здѣсь души близкой нѣтъ,
Меня, видно, бросилъ, покинулъ весь свѣтъ.
Мой Олафъ! Я здѣсь безъ пріюта, безъ крова,
И дождь мочитъ, вѣтеръ мнѣ рветъ волоса!..
Мой Олафъ! Темны и грозны небеса,
И въ страхѣ, тоскѣ умереть я готова!.. (Со смѣхомъ)
О, что значитъ вѣтеръ и дождь для того,
Кто въ сердце, какъ я, раненъ другомъ смертельно?
Покинула домъ и отца своего,
Чтобъ съ Олафомъ жребій свой слить безраздѣльно;
Любить меня вѣчно онъ клятву давалъ,
И я ему вѣрила, слушала жадно;
Но вдругъ оттолкнулъ отъ себя и прогналъ,
Надъ мукой моей насмѣялся злорадно!
Меня, какъ собаку, сидѣть у дверей
Закрытыхъ оставили... Прочь поскорѣй!..

(Хочетъ уйти, но останавливается).

Но силъ нѣтъ уйти. Здѣсь остаться должна я,
Готова на все, что-бъ ни сталось со мной;
Не можетъ съ корнями трава полевая
Сама себя вырвать изъ почвы родной!
Я съ Олафомъ сердцемъ срослась; оторваться —
Не все ли равно мнѣ, что съ жизнью разстаться!

(Пауза. Слуги выходятъ слѣва съ факелами).

Альфгильдъ (словно охваченная зловѣщимъ предчувствіемъ). Куда вы идете? Куда? Куда? Что тутъ готовится?

Слуга. Эге! Да это Альфгильдъ! Она все еще здѣсь!

Альфгильдъ. О, скажите мнѣ! Что тутъ готовится?

Слуга. Вѣнчаніе. Не хочешь ли посмотрѣть?

Альфгильдъ (въ лихорадочномъ страхѣ). Вѣнчаніе! О, нѣтъ, нѣтъ! Погодите хоть до утра! Вѣдь когда вѣнчаніе кончится— и мнѣ конецъ. я знаю.

Слуга. Погодить? Нѣтъ, Альфгильдъ: это не будетъ по вкусу ни жениху ни невѣстѣ.

Второй слуга. Подумай-ка! Будь ты сама невѣстой — захотѣла ли бы ты ждать?

(Смѣхъ среди слугъ).

Первый слуга. Намъ пора; станемъ у дверей церкви и освѣтимъ красными факелами путь свадебному шествію.

Второй слуга. Пойдемъ, Альфгильдъ! И тебѣ дадутъ въ руки факелъ.

Другіе слуги. Да, да! Пойдемъ, пойдемъ! Сегодня праздникъ господина Олафа!

(Смѣхъ среди слугъ).

Альфгильдъ (беретъ факелъ). Да, да! Я пойду! Я буду стоять въ толпѣ, какъ послѣдняя изъ послѣднихъ; но когда онъ увидитъ меня и когда я стану просить его, умолять, напомню ему все, что онъ обѣщалъ, въ чемъ клялся мнѣ, — о, скажите мнѣ, скажите мнѣ — вѣдь онъ опять полюбитъ меня? Правда? О, скажите же, скажите, что такъ!

Слуги. Ха-ха-ха! Такъ и полюбитъ! Иди, иди! (Уходятъ направо за домъ).

Альфгильдъ (со слезами).

За что меня каждый изъ нихъ презираетъ?
И камень наврядъ такъ бываетъ жестокъ!
Онъ мшинкамъ пробиться, расти позволяетъ;
Меня же всѣ гонятъ, преслѣдуетъ рокъ!..

(Молнія и громъ).

Обрушиться самое небо грозою
Готово надъ бѣдной моей головою!
Но нѣтъ у него, видно, молній для тѣхъ,
Кто клятвъ себѣ ложныхъ не ставитъ во грѣхъ.

(Изъ церкви доносятся звуки органа).

Чу! Ангелы въ небѣ запѣли у Бога.
Зовутъ они Олафа въ церковь. Туда
Войдетъ онъ съ невѣстой, а я у порога
Въ лохмотьяхъ вѣчальныхъ сгорю со стыда!..

(Высоко взмахивая факеломъ)

Нѣтъ, лучше меня не вводи въ искушенье,
Иль я измѣню Тебѣ!

(Опять прислушивается)

Ангеловъ пѣнье!
И мертваго въ силахъ поднять изъ земли...
О, какъ тяжело мнѣ, мучительно больно!

(Становится на колѣни, обернувшись лицомъ къ церкви)

Не надо же больше! Довольно, довольно!
О, если бы ангелы смолкнуть могли!

Не то ихъ небесное, дивное пѣнье
Изъ дома его къ алтарю увлечетъ.

(Шопотомъ, охваченная смертельнымъ страхомъ)

Молю васъ, умолкните хоть на мгновенье!
Теперь онъ изъ кубка забвенiе пьетъ...
Забылся на мигъ... Не будите! Проснется
И въ церковь уйдетъ съ ней — моя жизнь порвется!

(Звуки органа, усиливаясь, покрываютъ шумъ бури. Альфгильдъ вскакиваетъ внѣ себя отъ отчаянiя)

И знать не хотятъ меня тамъ, въ небесахъ.
Меня презираютъ съ печалью моею!
Имъ нуженъ лишь онъ, а я пусть здѣсь въ слезахъ.
Въ тоскѣ безысходной, во тьмѣ цѣпенѣю?..
Ха-ха! Мнѣ во мракѣ всю ночь коротать. —
Тебѣ же пусть будетъ свѣтлѣй пировать!

(Швыряетъ факелъ въ открытое слуховое окошко и падаетъ ницъ на землю).

(Изъ дома быстро выходятъ Ингеборгъ и Геммингъ).

Геммингъ. Пора! Конь осѣданъ тамъ за клѣтью.

Ингеборгъ. А слуги всѣ собрались у церкви?

Геммингъ. Да, да! Будь покойна. А въ горницѣ, гдѣ пируютъ, я заперъ снаружи всѣ двери и окна; засовы желѣзные, — никто не вырвется.

Ингеборгъ. Такъ въ путь! Въ ту долину, о которой разсказывала Альфгильдъ.

Геммингъ. Да, да, туда! Тамъ насъ никто не будетъ искать.

(Убѣгаютъ направо).

(Альфгильдъ долго лежитъ неподвижно. Вдругъ въ домѣ начинается сумятица, слышны крики. Надъ крышей показываются огненные языки).

Альфгильдъ (вскакивая въ отчаянiи).

Горитъ!.. Ха-ха-ха! Вспоминаю: Мнѣ стало
Здѣсь слишкомъ темно, меня страхъ обуялъ.
Да, Олафъ мой, ты посмѣялся сначала,
Теперь чередъ мой посмѣяться насталъ!
Въ покоѣ, гдѣ пиръ шелъ, смятенье и крики,
Пылаетъ пожаръ; на груди жениха
Невѣста горитъ молодая... ха-ха!..

(Слуги, одинъ за другимъ побросавъ факелы, кидаются къ дому и останавливаются, какъ вкопаные. Олафъ показывается въ слуховомъ окнѣ, которое съ отчаянными усилiями старается расширить).

Олафъ. Ты, ты это, Альфгильдъ? О, Боже великiй!
Я долженъ былъ знать... Ты ходить у меня
Вся будешь въ парчѣ, лишь спаси отъ огня!

Альфгильдъ (съ дикимъ смѣхомъ).

Я знаю, какъ держишь свои обѣщанья!

Скорѣй снаряжайся съ невѣстою въ путь.
Подъ пѣніе пѣсенъ и струнъ рокотанье!
Наложницу жалкую Альфгильдъ забудь!
Она факелъ яркій зажгла въ твою честь,
И пламенемъ къ небу взвилась ея месть!

(Бросается бѣжать).

(Слуги спѣшатъ на помощь; часть крыши рушится: Олафъ стоитъ наверху среди пламени. Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Свѣтлая цвѣтущая долина, съ богатой растительностью, окруженная высокими снѣговыми вершинами. Посреднѣ тихое озеро: налѣво утесъ, круто обрывающійся въ воду. На той же сторонѣ, ближе къ авансценѣ, старая бревенчатая хижина, полускрытая высокой травой и кустарникомъ. Заря золотитъ скалы; въ самой долинѣ еще разлитъ утренній полусвѣтъ: но въ теченіе слѣдующихъ сценъ восходитъ солнце.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альфгильдъ спитъ на землѣ у хижины въ кустахъ: тихая музыка изображаетъ ея смѣняющіяся сонныя грезы. Олафъ спускается справа съ горы. Поверхъ богатаго свадебнаго наряда на плечи его наброшенъ грубый кафтанъ.

Олафъ. Здѣсь; я узнаю лужайку у воды. Здѣсь подъ явой приснился мнѣ тотъ загадочный сонъ. Вотъ тамъ на склонѣ стоялъ я, когда въ первый разъ увидалъ Альфгильдъ, наложилъ на тетиву лука свое обручальное кольцо и выстрѣлилъ надъ ея головой... Это былъ волшебный выстрѣлъ, — онъ поразилъ самого стрѣлка!.. Диковинно: когда я брожу тутъ высоко надъ селеніемъ, — въ лицо мнѣ словно вѣетъ другимъ воздухомъ, и кровь какъ будто быстрѣе течетъ въ жилахъ, словно самая душа и мысли мои становятся иными... Гдѣ-то теперь она?.. Я долженъ, я хочу отыскать ее! Она должна придти сюда; у нея вѣдь нѣтъ пристанища въ томъ холодномъ бѣломъ свѣтѣ. А я... не такой же ли бездомный изгнанникъ? Вѣдь я сталъ чужимъ въ домѣ матери, чужимъ среди родныхъ съ первой же минуты нашей встрѣчи съ Альфгильдъ... Что же она — вѣдьма, колдунья, которая..? Мать моя! Гм... сдается мнѣ, что я покорился ея волѣ не на благо себѣ; она внушила мнѣ мысли, которыя чужды моему сердцу. Нѣтъ, нѣтъ! Я хочу отыскать Альфгильдъ, вымолить у нея прощеніе за все, въ чемъ виноватъ передъ нею... (Останавливается и смотритъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Олафъ, Альфгильдъ, попрежнему спящая. Торгьердъ выходитъ слѣва изъ-за хижины.

Олафъ. Здравствуй, чужакъ!

Торгьердъ. Здравствуй и ты! Рано же ты вышелъ гулять.

Олафъ. Иль поздно; рано — днемъ, но поздно ночью.

Торгьердъ. Ты, вѣрно, оттуда, изъ селенія; живешь тамъ?

Олафъ. Мой родъ живетъ тамъ. А ты?

Торгьердъ. Тамъ, гдѣ мысли человѣка, тамъ и домъ его; вотъ почему я охотнѣе всего бываю здѣсь; тутъ меня не безпокоятъ сосѣди.

Олафъ. Я это замѣтилъ.

Торгьердъ. Такъ ты не въ первый разъ здѣсь?

Олафъ. Разъ лѣтомъ я охотился тутъ за ланью. Но теперь-то мнѣ сдается, это была не лань, а заколдованная принцесса.

Торгьердъ (глядитъ на него въ упоръ). Это опасная охота.

Олафъ. Для охотника?

(Торгьердъ киваетъ головой).

Олафъ. Вотъ и я такъ разсудилъ; сдается мнѣ, что я самъ былъ подстрѣленъ на охотѣ.

Торгьердъ. Прощай, и желаю тебѣ удачи.

Олафъ. Тьфу! Коли пожелать охотнику удачи, то дичь не подпуститъ его къ себѣ на выстрѣлъ.

Торгьердъ. Разъ выстрѣлъ попадаетъ въ самого охотника, то для него же лучше, если ему не придется стрѣлять вовсе!

Олафъ. Умно говоришь!

Торгьердъ. Да, да, тутъ многому можно научиться.

Олафъ. Еще бы! Тутъ я научился самому лучшему изъ того, что̀ знаю.

Торгьердъ. Прощай! Я снесу твоимъ роднымъ вѣсточку и поклонъ отъ тебя.

Олафъ. Ты собираешься туда, внизъ?

Торгьердъ. Собираюсь. Я слыхалъ — тамъ праздникъ. Знатный рыцарь играетъ свадьбу.

Олафъ. Такъ тебѣ бы придти туда этой ночью! Теперь, пожалуй, главное веселье позади.

Торгьердъ. Приду еще во̀-время, думается мнѣ.

Олафъ. Быть-можетъ. Но жаль, что тебя не было тамъ почью, — такого свѣту и жара въ пиршественной залѣ ты навѣрно не видывалъ!

Торгьердъ. Тѣмъ лучше для тѣхъ, кому удалось попасть туда.

Олафъ. Я знаю, кому пришлось стоять за порогомъ!

Торгьердъ. Да, да, за порогомъ — мѣсто бѣдняка.

Олафъ. Я знаю, кому пришлось стоять за порогомъ, и кому все-таки было и лучше и хуже, нежели тѣмъ, кто былъ внутри!

Торгьердъ. Вижу по всему, что и мнѣ тамъ найдется мѣсто и дѣло — поиграть для пирующихъ. Возьму свою арфу и...

Олафъ. Ты музыкантъ?

Торгьердъ. И не изъ послѣднихъ. Возьму свою арфу, — она спрятана у водопада. Послушалъ бы ты ее! Разъ я сидѣлъ съ нею на кровати и выманилъ своей музыкой изъ свадебной горницы невѣсту, увлекъ за собой въ горы... Слыхалъ ты пѣсенку про Ингридъ? Тотъ же, кто сумѣлъ игрою своей выманить невѣсту изъ объятій жениха, сумѣетъ, вѣрно, вернуть и свое дитя назадъ, въ отцовскій домъ. Прощай! Если побудешь тутъ—мы, пожалуй, встрѣтимся, когда я вернусь. (Уходитъ направо вдоль озера.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Олафъ. Альфгильдъ.

Олафъ. А! Что если..? Да, нельзя и сомнѣваться! Альфгильдъ сама говорила, что отецъ ея извлекаетъ изъ струнъ такіе звуки, что, кто разъ услышитъ — вовѣкъ не забудетъ. Онъ говорилъ объ Ингридъ, которая исчезла въ день своей свадьбы много лѣтъ тому назадъ... Разсказывали, что ее любилъ одинъ молодой музыкантъ, Торгьердъ по имени. О немъ ходило потомъ много диковинныхъ слуховъ; вдругъ появится въ селеніи и начинаетъ играть — да такъ, что всѣ плачутъ: но никто не зналъ, гдѣ онъ живетъ. Альфгильдъ — его дочь. Тутъ она и выросла въ этой пустынной долинѣ, о которой много лѣтъ никто и не вспоминалъ... А Ингридъ, которая исчезла въ день свадьбы?.. Онъ вѣдь говорилъ... (Увидавъ Альфгильдъ) Альфгильдъ! Она здѣсь! Вотъ гдѣ суждено было тебѣ проснуться послѣ свадебной ночи! Горекъ пришелся тебѣ мой праздникъ! Она бѣжала сюда, какъ была - въ вѣнчальномъ уборѣ. Ты рвалась въ жизнь, хотѣла узнать красоту Божьяго міра... Тяжелый путь пришлось тебѣ пройти! Но теперь все опять будетъ хорошо... Она шевелится... словно мечется во снѣ отъ горя и страха... Зато ты проснешься для радости и счастья!

Альфгильдъ (еще въ полуснѣ).

Горитъ!.. О, спасите его изъ огня!
Не долженъ погибнуть онъ изъ-за меня!

(Въ ужасѣ вскакиваетъ: музыка умолкаетъ).

О, гдѣ я? И кто это? Олафъ? О, скройся! (Бросаясь къ нему)
Иль тяжкіе сны отъ меня отгони!

Олафъ. Я — Олафъ! Приди же въ себя! Успокойся!

Альфгильдъ (вдругъ испуганно отступая).
Ты думаешь снова меня, какъ въ тѣ дни,
Своей сладкой рѣчью опутать? Ты злое
На сердцѣ таишь, и добро на устахъ
Меня не обманетъ, — я помню былое!

Олафъ. Приди въ себя, Альфгильдъ; напрасенъ твой страхъ!
Я тотъ вѣдь, кого ты такъ крѣпко любила.
Да, мной овладѣла недобрая сила —
Тебя я обидѣлъ, жестокъ былъ съ тобой;
Былъ слабъ я и волѣ поддался чужой,
Нанесъ тебѣ въ сердце смертельную рану.
Прости меня, Альфгильдъ, прости, и я стану
Защитой, опорою вѣрной твоей,
Лелѣять тебя до конца твоихъ дней!
Съ ланитъ твоихъ каждую горя слезинку
Своимъ поцѣлуемъ горячимъ сотру,
И камешекъ каждый и даже песчинку
Съ пути твоего я, клянусь, уберу!
Сниму я съ души твоей горестей бремя,
И пышный ростокъ въ ней дастъ радостей сѣмя!

Альфгильдъ (кротко и жалобно).
Лукавый хитрецъ! Тебя вижу насквозь.
Повѣрь мнѣ, успѣла я стать поумнѣе:
Меня не обманешь; уловки всѣ брось!
И такъ на душѣ у меня тяжелѣе
Тяжелаго камня лежишь ты! Внушить
Мнѣ хочешь, что будто бы *ты* это радость
И муки любви мнѣ открылъ, далъ испить
Изъ жизненной чаши и горечь и сладость?
Напрасно! При солнцѣ тебя и во мглѣ
Всегда я узнаю. Горитъ на челѣ
Измѣны печать. На того... на другого
Совсѣмъ непохожъ ты, какъ сумракъ на свѣтъ!

Олафъ. О комъ говоришь? На кого — на другого?

Альфгильдъ. Кого ужъ на свѣтѣ въ живыхъ больше нѣтъ.
И вотъ почему не знавать мнѣ покоя!
Тебѣ непонятно? Васъ было вѣдь двое;
Одинъ меня крѣпко любилъ всей душой:
Какъ ты, былъ лукавъ и коваренъ другой;
Пришелъ ко мнѣ первый порою ночною —
И въ сердцѣ повѣяло чудной весною,

И все расцвѣло оно, словно цвѣтокъ!
Другой меня въ бездну обманомъ увлекъ.
Тамъ было такъ холодно, мрачно и сыро,
И солнца тамъ нѣтъ, не цвѣтутъ и цвѣты.
Тотъ Олафъ коварный, измѣнчивый — ты!
Мнѣ первый дороже былъ цѣлаго міра,
Вовѣки вѣковъ не забыть его мнѣ...
И я, я сожгла его въ адскомъ огнѣ!

(Опускается на камень возлѣ хижины и заливается слезами).

Олафъ. Но если несчастій твоихъ онъ виною —
То вырви изъ сердца его навсегда.

Альфгильдъ. Пусть въ землю зароютъ меня, и туда
Пойдетъ мое лютое горе со мною!
Не знала — увы! — я, что такъ онъ мнѣ дорогъ:
Казалось мнѣ — былъ онъ лютѣйшій мой ворогъ...
Теперь же я вижу — его не забыть,
До самой кончины тоски не избыть! (Короткая пауза).
Скажи — есть въ душѣ твоей струны живыя?
Сдается, что есть, — такъ пѣвучъ голосъ твой,
Хотя и лукавъ. Эти струны настрой
И пѣсню объ Альфгильдъ печальную пой
Повсюду, гдѣ дѣвушки есть молодыя:

Я ланью была и въ чащѣ лѣсовъ
Гуляла; меня увидали,
И сокола вслѣдъ спустили и псовъ, —
Меня затравили, загнали!

Я пташкой была; подъ сѣнью вѣтвей
Я пѣла; меня увидали,
И гнать стали прочь, и въ злобѣ своей
Камнями меня забросали!

Голубкой была я дикой, лѣсной,
Что въ чащѣ гнѣздится, воркуя;
Но люди пришли и сердце стрѣлой
Пронзили мнѣ: скоро умру я!..

Олафъ (глубоко растроганный).
О, лучше-бъ зарытъ я въ землѣ былъ сырой,
Вкушалъ бы тамъ вѣчный, могильный покой!
Мнѣ сердце пронзаетъ вѣдь каждое слово
Стрѣлою каленой изъ лука стальнаго!

Альфгильдъ (вскочивъ, съ дѣтской радостью).
Вотъ такъ! Такъ и надо! Я слышу — звучатъ
Въ душѣ твоей струны! Настрой ихъ на ладъ
Такой же печальный, когда ты въ селеньи

О горѣ моемъ будешь пѣть. — твое пѣнье
Растрогаетъ всѣхъ, и покажется имъ,
Что самъ ты болѣешь страданьемъ моимъ,
И самъ затаилъ въ своемъ сердцѣ рыданья,
И горе тяжелое въ жизни несешь,
Не легче того, о которомъ поешь!

(Останавливается и печально смотритъ на него)

Иль нѣтъ, мнѣ не надо людей состраданья.
Откуда взялась я и скроюсь куда —
Пускай не узнаетъ никто никогда!..
О томъ лучше спой ты, настрой свои струны,
Какъ къ эльфамъ попалъ въ хороводъ Олафъ юный;
Объ Альфгильдъ колдуньѣ, коварной и злой,
Прельстившей его и сгубившей, ты спой;
О горѣ великомъ, сердца охватившемъ
Рыдающихъ горько друзей и родныхъ
Надъ Олафомъ, сномъ непробуднымъ почившимъ;
О томъ, какъ несли хоронить всѣхъ троихъ:
Въ гробъ первый легъ Олафъ, въ другой — молодая
Невѣста его; въ гробъ же третій легла,
По сынѣ тоскуя, фру Кирстенъ сѣдая, —
Утраты тяжелой она не снесла!

Олафъ. Пусть тотъ Олафъ умеръ, но я тебѣ буду
Защитникомъ вѣрнымъ и другомъ всегда;
Куда-бъ ни пошла ты — съ тобой я повсюду;
Со мною тебя не коснется нужда;
А мнѣ самому будутъ сладки лишенья,
Я въ нихъ буду видѣть грѣха искупленье.
Блуждать по пустынѣ, но рядомъ съ тобой,
И то мнѣ покажется райской судьбой.
Какъ преданный рабъ, какъ собака, я въ очи
Глядѣть тебѣ буду съ утра и до ночи,
Тебѣ о раскаяньи буду твердить,
За грѣхъ свой невольный прощенья просить,
Пока не повѣришь, не дашь мнѣ прощенья!
Напомнить о каждомъ счастливомъ мгновеньи
Съ тобой пережитомъ, сумѣю тебѣ;
О томъ будутъ пѣть и всѣ пташки лѣсныя,
Шептать всѣ деревья, цвѣты полевые,
И съ ними свой голосъ солью я въ мольбѣ!..

Альфгильдъ. Умолкни! Я знаю, надѣешься снова
Меня обмануть. Твое каждое слово
Такъ сладко звучитъ, пышетъ жаркимъ огнемъ,
Но ледъ, ледъ предательства въ сердцѣ твоемъ!

Откуда ты взялся? Что здѣсь тебѣ надо?
Тебѣ уголокъ этотъ развѣ знакомъ?
Былъ прежде не хуже онъ Божьяго сада,
Теперь надъ нимъ грянулъ проклятія громъ.
Когда здѣсь, бывало, одна я гуляла —
Листва зеленѣла, привѣтъ мнѣ шептала;
И пѣли всѣ птички, цвѣли всѣ цвѣты,
Когда, какъ невѣсту, меня обнялъ ты.
Теперь въ одну ночь измѣнилась долина,
Какъ молніей вся сожжена и мертва:
Трава почернѣла, свернулась листва,
Завяли цвѣты, на кустахъ паутина.
Я вижу, весь міръ постарѣлъ въ одну ночь!
Когда ты меня оттолкнулъ, и я прочь
Съ рыданьемъ пошла, отъ стыда вся сгорая,
Въ тотъ мигъ пелена съ міра спала цвѣтная.
Все умерло въ мірѣ, обманъ лишь живетъ,
Измѣна и ложь торжествуютъ лишь, — вотъ
Отъ Олафа что я узнала въ день брачный!
Мнѣ лгалъ мой отецъ, когда пѣсню мнѣ пѣлъ,
Что жизнь въ кругу ангеловъ — мертвыхъ удѣлъ.
Былъ Олафъ правдивѣй и жребій ихъ мрачный
Открылъ мнѣ: хоронятъ въ землѣ ихъ сырой!

(Въ порывѣ глубочайшей скорби)

Что такъ оно — я на себѣ испытала;
Сама въ эту черную яму попала,
Послѣдній лучъ солнца погасъ надо мной!

Олафъ. О, Альфгильдъ! Когда бы ты знала, какъ больно
Мнѣ въ сердце вонзаются, словно мечи,
Слова твои. Грѣхъ мнѣ прости мой невольный...
Обиду забудь свою!..

Альфгильдъ (все болѣе и болѣе заговариваясь).
Тсс! Замолчи!..
Смотри же — вонъ гробъ несутъ черный, и тоже
Ни лилій, ни розъ, ни колосьевъ въ немъ нѣтъ,
И даже никто не плетется во слѣдъ —
Ни сестры ни мать. На соломенномъ ложѣ,
На стружкахъ тамъ Альфгильдъ покоится прахъ.
Увы! Ко мнѣ ангелъ на бѣлыхъ крылахъ
Не спустится съ неба! Не видѣть мнѣ рая!
И некому гробъ провожать мой, рыдая!
Не будутъ меня въ небѣ ангелы ждать
И жемчугомъ свѣтлымъ меня усыпать!

Увы! Не видать мнѣ страны той чудесной,
Не встать мнѣ изъ гроба для жизни небесной!

Олафъ. О, Альфгильдъ!

Альфгильдъ. Вотъ въ яму спустили меня,
Теперь засыпаютъ тяжелой землею,
Хоронятъ отъ свѣта и яснаго дня!
Во мракѣ должна со своею тоскою
Лежать я отнынѣ и жить и страдать,
Хотя умерла я; должна сознавать,
Что кончено все для меня, но забвенья
Не знать и ждать тщетно души исцѣленья!
И слышать, какъ тотъ, кто такъ дорогъ былъ мнѣ,
Торопится въ церковь съ невѣстою милой
И ѣдетъ надъ самой моею могилой...
И въ пламени видѣть его тамъ въ окнѣ,
Спасти же его оставаться безсильной!..
О, я задыхаюсь здѣсь! Воздухъ могильный
Разсудокъ мутитъ и тѣснитъ мою грудь.
Меня позабыли небесныя силы
И бросили... Конченъ мой жизненный путь...
Нѣтъ, нѣтъ! Откопайте меня изъ могилы! (Бѣжитъ налѣво).

Олафъ. О, Альфгильдъ! Куда-жъ ты? Съ тобою вѣдь я!..
Что сдѣлалъ я съ нею!.. Господь мнѣ судья! (Спѣшитъ за нею).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ингеборгъ и Геммингъ выходятъ справа.

Ингеборгъ. Ну, вотъ и мы добрались. Какъ здѣсь хорошо, свѣтло и мирно!

Геммингъ. Да, тутъ мы славно заживемъ вмѣстѣ.

Ингеборгъ. Но ты помни, что ты мой слуга и только — пока отецъ мой не дастъ своего согласія.

Геммингъ. Никогда онъ не дастъ.

Ингеборгъ. Будь спокоенъ, мы ужъ сумѣемъ это уладить... А теперь надо подумать о жилищѣ. Выберемъ себѣ одну изъ хижинъ.

Геммингъ. Ихъ тутъ вдоволь. По всей долинѣ разбросаны пустыя хижины; стоятъ, какъ стояли, когда померли ихъ послѣдніе хозяева въ моровую язву много лѣтъ тому назадъ.

Ингеборгъ. Здѣсь мнѣ какъ разъ по душѣ. Вонъ тамъ кстати стоитъ старая хижина; вода близко, а въ лѣсу, вѣрно, много всякой дичи. Ты будешь охотиться, ловить рыбу... Чудесно заживемъ!

Геммингъ. Да, чудесно! Я буду охотиться и ловить рыбу, а ты собирать ягоды, прибирать въ домѣ и стряпать...

Ингеборгъ. Я? Нѣтъ, это твое дѣло.

Геммингъ. Ну, ну, какъ хочешь. Заживемъ превесело. (Останавливается и прибавляетъ упавшимъ голосомъ) Только вотъ, какъ подумаю хорошенько — у меня нѣтъ ни лука ни рыболовныхъ снастей.

Ингеборгъ (тѣмъ же тономъ). А я какъ вспомню, что тутъ нѣтъ служанокъ, некому ходить за мной...

Геммингъ. Я самъ съ радостью буду ходить за тобой.

Ингеборгъ. Нѣтъ, ужъ спасибо! А мои дорогія платья!.. Я вѣдь ничего не взяла съ собой, кромѣ этого вѣнчальнаго наряда, что на мнѣ.

Геммингъ. Какъ же это ты не подумала? Плохо дѣло!

Ингеборгъ. Правда, Геммингъ. Такъ вотъ что — придется тебѣ какъ-нибудь ночью прокрасться въ Гульдвикъ и забрать съ собой мои платья и все прочее, что мнѣ нужно.

Геммингъ. Чтобы попасться и угодить на висѣлицу за воровство.

Ингеборгъ. Нѣтъ, только не попадайся! Этого я тебѣ не велю. (Въ раздумьѣ) Ну, а когда придетъ долгая зима? Людей тутъ нѣтъ, пляски и пѣнія не услышишь... Геммингъ! Оставаться ли намъ тутъ, или...

Геммингъ. Да куда же намъ иначе дѣваться?

Ингеборгъ (нетерпѣливо). Но тутъ же нельзя жить людямъ.

Геммингъ. Ну, какъ нельзя, — жили.

Ингеборгъ. И самъ видишь, — всѣ померли. Геммингъ, я думаю, лучше мнѣ будетъ вернуться назадъ къ отцу.

Геммингъ. А со мной что будетъ?

Ингеборгъ. Ты ступай на войну.

Геммингъ. На войну? Чтобы сложить тамъ голову?

Ингеборгъ. Зачѣмъ? Ты совершишь славный подвигъ, станешь рыцаремъ, и тогда отецъ мой помирится съ тобой.

Геммингъ. А если меня убьютъ?

Ингеборгъ. Ну, объ этомъ еще успѣемъ подумать. Сегодня и завтра намъ, вѣрно, придется пробыть тутъ; это время гости еще останутся у фру Кирстенъ, доѣдая свадебныя яства; и если будутъ искать насъ, то, вѣрно, только около селенія; здѣсь, на высотахъ, намъ можно быть совсѣмъ спокойными. (Останавливается и прислушивается).

(За сценой справа раздается пѣнье).

Хоръ. Впередъ, друзья, впередъ!
Отыщемъ Альфгильдъ злую!
За ту бѣду лихую
Пусть кару понесетъ!

Геммингъ. Ингеборгъ, Ингеборгъ! Они за нами!

Ингеборгъ. Куда бы намъ спрятаться?

Геммингъ. Почемъ я знаю?..

Ингеборгъ. Войди въ хижину и прилодь дверь, чтобы можно было запереться изнутри.

Геммингъ. Но...

Ингеборгъ. Дѣлай, что я велю. А я подымусь на холмъ, погляжу — близко ли они. (Уходитъ направо).

Геммингъ. Да, да, да! Только бы они насъ не изловили! (Входитъ въ хижину).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Олафъ слѣва изъ лѣсу. Вслѣдъ затѣмъ Ингеборгъ справа.

Олафъ (озирается и зоветъ вполголоса). Альфгильдъ! Альфгильдъ!.. Нигдѣ не видать ея. Упорнула, словно птица, скрылась въ лѣсу изъ виду...

Ингеборгъ. Они близехонько... (Въ испугѣ останавливается и вскрикиваетъ) Олафъ Лиліекрансъ!

Олафъ. Ингеборгъ!

Геммингъ (незамѣтно высовываетъ изъ дверей голову и замѣчаетъ Олафа). Господинъ Олафъ! Ну, теперь, видно, конецъ мнѣ! (Поспѣшно прячется).

Ингеборгъ (въ сторону). Онъ, должно-быть, опередилъ другихъ!

Олафъ (въ сторону). Она пришла сюда съ отцомъ отыскивать меня!

Ингеборгъ (въ сторону). Но я съ ними не вернусь!

Олафъ (въ сторону). Но я отсюда не уйду!

Ингеборгъ (вслухъ, дѣлая шагъ къ нему). Олафъ Лиліекрансъ, ты меня нашелъ; но ты плохо расчиталъ, если думаешь силой заставить меня...

Олафъ. Я и не думаю.

Ингеборгъ. Зачѣмъ же тогда ты явился сюда съ моими родичами?

Олафъ. Я? Наоборотъ, ты...

Ингеборгъ. Меня не проведешь отговорками. Я сейчасъ ихъ всѣхъ видѣла.

Олафъ. Кого? Кого?

Ингеборгъ. Отца моего и всѣхъ родичей.

Олафъ. Здѣсь?

Ингеборгъ. Ну да, близехонько.

Олафъ. А! Такъ и мать моя съ ними?

Ингеборгъ. Еще бы; но почему же это пугаетъ тебя?

Олафъ. Да вѣдь это они меня ищутъ!

Ингеборгъ. Нѣтъ, меня!

Олафъ (пораженный). Тебя?

Ингеборгъ (начиная понимать). Или... постой... Ха-ха-ха! Что мнѣ пришло въ голову!.. Слушай, будемъ откровенны другъ съ другомъ?

Олафъ. Вотъ, вотъ, я этого и хотѣлъ.

Ингеборгъ. Хорошо, такъ скажи мнѣ, когда ты сюда явился?

Олафъ. Ночью.

Ингеборгъ. Я тоже.

Олафъ. Ты?

Ингеборгъ. Ну да, да! И ты скрылся тайкомъ отъ всѣхъ?

Олафъ. Да.

Ингеборгъ. И я тоже.

Олафъ. Но скажи же мнѣ...

Ингеборгъ. Тсс. Намъ некогда. И ты бѣжалъ сюда потому, что тебѣ не по сердцу было вести меня къ алтарю?

Олафъ. Какъ ты можешь думать?..

Ингеборгъ. Какъ не думать! Говори только прямо: мы вѣдь рѣшили высказаться откровенно.

Олафъ. Ну, хорошо — поэтому.

Ингеборгъ. Отлично; и я тоже.

Олафъ. Ты, Ингеборгъ?

Ингеборгъ. И теперь тебѣ, вѣрно, смерть не хочется, чтобы напали на твой слѣдъ?

Олафъ. Признаюсь.

Ингеборгъ. И мнѣ тоже. Ха-ха-ха! Вотъ забавное совпаденіе: я убѣжала отъ тебя, а ты отъ меня. Оба скрылись сюда, а тутъ встрѣтились какъ разъ, когда наши родичи гонятся за нами. Слушай, Олафъ Лиліекрансъ, дадимъ слово не выдавать другъ друга.

Олафъ. Дадимъ.

Ингеборгъ. А теперь намъ надо разойтись.

Олафъ. Я понимаю.

Ингеборгъ. Не то, если они увидятъ насъ вмѣстѣ...

Олафъ. ...Тебѣ будетъ трудно отдѣлаться отъ меня.

Ингеборгъ. Прощай! Если мнѣ когда-нибудь доведется сыграть свою свадьбу, я позову тебя дружкой.

Олафъ. А если мнѣ доведется сыграть свою, ты, вѣрно, не откажешься пожаловать ко мнѣ.

Ингеборгъ. Разумѣется! Прощай! Прощай! И не поминай меня лихомъ!

Олафъ. Разумѣется, нѣтъ! Я протяну тебѣ руку, какъ другу, гдѣ бы мы ни встрѣтились.

Ингеборгъ. И я тоже. Гдѣ бы ни встрѣтились! Только не передъ алтаремъ! (Входитъ въ хижину).

(Олафъ уходитъ въ глубину лѣса направо).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Фру Кирстенъ. Арне изъ Гульдвика. Свадебные гости, крестьяне и слуги входятъ справа.

Фру Кирстенъ. Вотъ откуда начнемъ нашу охоту. Пусть наши люди разсыплются по лѣсу и по тропинкамъ вокругъ озера. Она придетъ сюда, и тогда — горе ей! Пусть не ждетъ отъ меня милости и пощады!

Арне. Что же вы хотите съ ней сдѣлать?

Фру Кирстенъ. Судить ее — тутъ же на мѣстѣ, гдѣ попадется. За то злодѣйство, которое она совершила въ моихъ владѣніяхъ, я властна покарать ее по праву и обычаю.

Арне. А что толку? Потеряннаго все равно не вернешь.

Фру Кирстенъ. Не вернешь, но я хоть отомщу ей, и это чего-нибудь да стоитъ. Месть, месть! Мнѣ надо утолить свою жажду мести, чтобы перенести, пережить свою потерю и весь тотъ позоръ, который она навлекла на меня. Ночная буря сгубила у меня весь годовой урожай, на поляхъ не уцѣлѣло ни единаго колоса, а здѣсь, гдѣ она, по ея словамъ, живетъ, здѣсь все нетронуто, растетъ и цвѣтетъ такъ пышно, какъ я никогда еще не видывала. Ну, мыслимо ли это безъ колдовства? Олафа же она такъ крѣпко опутала своими дьявольскими сѣтями, что онъ сегодня ночью въ самую бурю бѣжалъ въ горы вслѣдъ за нею. Домъ мой она сожгла до тла, да еще заперла всѣ окна и двери... Божье чудо, что слуги во-время подоспѣли на помощь.

Арне. О, Господи помилуй, — боюсь, что пожаръ этотъ стоилъ мнѣ двухъ дорогихъ жизней — Ингеборгъ и слуги моего Гемминга.

Фру Кирстенъ. Ну, ну, господинъ Арне! Рано еще отчаиваться. Ингеборгъ могла спастись; всѣ мы остальные спаслись же, несмотря на хитрость этой проклятой колдуньи... Ингеборгъ со страху потеряла голову и куда-нибудь убѣжала.

Арне. Ну, пусть Ингеборгъ, а ужъ Гемминга-то нечего искать, — я знаю.

Фру Кирстенъ. Почему такъ?

Арне. О, онъ сталъ такимъ хитрымъ, пронырливымъ бѣсомъ въ послѣднее время. Онъ нарочно сгорѣлъ тамъ, чтобы отплатить мнѣ, — онъ зналъ, что я и дня не могу обойтись безъ него. О, я его знаю!

Фру Кирстенъ. Какъ бы тамъ ни было — Альфгильдъ надо схватить, допросить, судить и казнить. У меня немало найдется въ чемъ обвинить ее!

Арне. А если понадобится, я могу еще прибавить. Она

украла ночью изъ конюшни моего сѣраго въ яблокахъ коня. Исчезъ и съ сѣдломъ и съ уздечкой.

Фру Кирстенъ (въ сторону). Ингеборгъ и Геммингъ исчезли и конь его тоже... Будь я на его мѣстѣ, я бы знала, что мнѣ думать. (Вслухъ) Теперь двинемся и раздѣлимся на кучки; кто первый увидитъ Альфгильдъ, пусть затрубитъ въ рогъ или трубу: другіе услышатъ и поспѣшатъ на зовъ, пока не соберемся всѣ вмѣстѣ. (Всѣ расходятся въ разныя стороны).

Арне (оставшійся одинъ). А я совсѣмъ не знаю мѣстности; куда же я пойду? (Зоветъ) Геммингъ! Геммингъ! (Спохватясь) Ахъ, да, его вѣдь... (Покачивая головой) Гм... гм... стыдно ему! (Уходитъ направо).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Альфгильдъ выходитъ у рѣки слѣва; въ рукахъ у нея узелокъ.

Альфгильдъ. Наплакалась досыта; больше въ глазахъ
Нѣтъ слезъ у меня и нѣтъ жалобъ въ устахъ.
Пора отдохнуть; я устала смертельно.
(Безсильно опускается на камень на переднемъ планѣ).
Осталось послать мнѣ отцу лишь прости
И — въ горы высоко-высоко уйти.
Здѣсь Олафа власть надо мной безпредѣльна, —
Куда ни пойду — онъ стоитъ предо мной.
Лишь тамъ, на высотахъ, найду я покой.
Изъ памяти всѣ дорогія мгновенья
И скорбь свою вырву; мнѣ нужно забвенье.
А я-то мечтала, что жизнь хороша!
Она такова, пока грезитъ душа;
Очнется и трезвыми взглянетъ очами —
Увы, ничего настоящаго нѣтъ;
Разсыплется все подъ твоими руками;
Все ложь и поддѣлка — таковъ бѣлый свѣтъ!
(Изъ лѣсу доносятся звуки рога).
Вотъ тутъ драгоцѣнное все достоянье,
Что Альфгильдъ въ наслѣдство оставила мать;
Хочу подъ березкой его закопать,
Гдѣ съ Олафомъ первое было свиданье.

(Развязываетъ узелокъ и вынимаетъ изъ него серебряный вѣнецъ и другія украшенія).

Носила вѣнецъ на челѣ и она;
Прельстилъ и ее міръ любовной мечтою;
Ужели такою же грубой рукою
Ее разбудили отъ сладкаго сна?

И пѣсни отца моего, что мнѣ пѣли
О счастьѣ, блаженствѣ любви, — неужели
Тѣ пѣсни насмѣшкой лишь были одной?
Такъ лучше молчалъ бы! Судья ему Богъ!
Тѣ пѣсни душевный мой миръ возмутили,
Въ груди моей пышный чертогъ возводили
Для радостей жизни, но — рухнулъ чертогъ!

(Снова слышатся звуки рога).

Мое серебро — вѣдь металлъ благородный;
Оно не истлѣетъ подобно негодной
Соломѣ, откуда цѣпъ выбилъ зерно;
Зарой его въ землю, лежи тамъ оно
Столѣтьями, — вырой, почисть — засіяетъ,
Ни въ блескѣ своемъ ни въ цѣнѣ не теряетъ.
Да, счастье подобно соломѣ пустой,
А скорбь — благородный металлъ дорогой!

(Снова завязываетъ украшенія въ узелокъ).

Я пѣсню о кладѣ волшебномъ слыхала:
Что ночь — по десятку жемчужинъ стекало
Изъ клада на землю, какъ слезы, а кладъ
Попрежнему все оставался богатъ.
И скорбь моя можетъ съ тѣмъ кладомъ сравниться:
И ночью и днемъ будутъ слезы катиться —
Жемчужины крупныя, самый же кладъ
Останется неистощимо богатъ...
Порой увлекалася я облаками,
Летѣла мечтою крылатой имъ вслѣдъ,
Небесными ихъ я звала лебедями...
Теперь умудрилъ меня опытомъ свѣтъ!
Я вѣрила прежде всѣмъ сердцемъ, душою:
Деревья растятъ свою лѣтнюю сѣнь,
Чтобъ дать мнѣ отъ зноя защиту и тѣнь,
Что камни и тѣ живутъ жизнью живою!..
И все вдругъ инымъ стало! Знаю — одна
Душа человѣка скорбитъ и страдаетъ
Отъ горя и счастьемъ любви расцвѣтаетъ,
Живетъ жизнью истинной только она!
Но въ горѣ ли, въ счастьѣ-ль — она одинока.
Друзей у меня ни въ лѣсахъ, ни въ лугахъ (вставая)--
Такъ я унесу-жъ свое горе далеко,
Съ собой сохраню вмѣстѣ въ вѣчныхъ снѣгахъ!

(Хочетъ идти).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Альфгильдъ, фру Кирстенъ, Арне, гости, крестьяне и слуги стекаются съ разныхъ сторонъ. Позже Олафъ.

Фру Кирстенъ. Вотъ она! Стой, Альфгильдъ! Не пытайся бѣжать, не то мы тебя застрѣлимъ!

Альфгильдъ. Что тебѣ надо отъ меня?

Фру Кирстенъ. Успѣешь еще узнать объ этомъ. (Указывая на узелокъ) Что у тебя тутъ?

Альфгильдъ. Наслѣдство послѣ матери.

Фру Кирстенъ. Давай сюда! Ага! Серебряный вѣнецъ! По правдѣ, Альфгильдъ, если ты единственная дочь у своей матери, то, боюсь, вѣнецъ этотъ не уцѣлѣетъ въ ея родѣ. (Слугамъ) Свяжите ее! Она стоитъ и смотритъ такъ беззаботно, — какъ знать, что она замышляетъ.

(Альфгильдъ связываютъ руки).

Фру Кирстенъ (громко, со сдержанной страстностью). Судъ объ явленъ!.. Какъ вамъ извѣстно, я имѣю полное право защищать свои владѣнія и судить по законамъ страны всякаго, кто причинитъ мнѣ вредъ на моей землѣ. Ты повинна въ этомъ, Альфгильдъ! Ты дерзнула на это и потому стоишь теперь отвѣтчицей передъ судомъ. Оправдывайся, если можешь, но не забывай, что дѣло идетъ о твоей головѣ.

Арне. Но помилуйте, фру Кирстенъ...

Фру Кирстенъ. Простите, господинъ Арне! Я въ своемъ правѣ и не отступлюсь отъ него. (Альфгильдъ) Выступи впередъ и отвѣчай мнѣ!

Альфгильдъ. Спрашивай, я буду отвѣчать.

Фру Кирстенъ. Многочисленны и тяжки обвиненія противъ тебя. Прежде всего я обвиняю тебя въ томъ, что ты безбожными волхвованіями околдовала сына моего Олафа Лиліекранса, отвратила его сердце и мысли отъ его невѣсты, съ которой онъ былъ обрученъ... И онъ, заболѣвъ душой, не находилъ больше покоя въ своемъ домѣ, все рвался сюда, въ горы, гдѣ ты жила. Все это было неспроста, поэтому ты обвиняешься въ колдовствѣ. Отвѣчай, оправдывайся, если можешь!

Альфгильдъ. Мало могу я сказать въ отвѣтъ на это. Ты называешь колдовствомъ ту таинственную силу, которая влекла Олафа сюда въ горы. Быть-можетъ, ты права; но колдовство это не отъ лукаваго; самъ Господь Богъ могъ смотрѣть на насъ съ Олафомъ въ любой часъ, что онъ провелъ здѣсь; въ каждой мысли своей объ Олафѣ я могла бы сознаться Божьимъ ангеламъ, и они не смутились бы.

Фру Кирстенъ. Довольно! Ты еще усугубляешь свой грѣхъ

кощунствомъ. Горе тебѣ, Альфгильдъ! Каждое твое слово падаетъ на чашу вѣсовъ правосудія. Но это твое дѣло. (Окружающимъ) Я зову васъ въ свидѣтели ея отвѣта. (Снова обращаясь къ Альфгильдъ) Еще я обвиняю тебя въ томъ, что ты этой ночью снова колдовствомъ своимъ сманила Олафа сюда и укрыла его у себя.

Альфгильдъ. Ты права. Онъ у меня.

Фру Кирстенъ. Ты сознаёшься!

Альфгильдъ. Но вся твоя власть безсильна вырвать его у меня. Пожалуй, для меня лучше было бы, будь это въ твоей власти, но ни ты ни всѣ силы земныя не могутъ этого сдѣлать.

Фру Кирстенъ (въ страстномъ порывѣ). Теперь тебѣ не уйти отъ смерти! Говори же, гдѣ онъ у тебя?

Альфгильдъ (прижимая руки къ груди). Здѣсь, въ сердцѣ. Если сможешь вырвать его отсюда, ты искуснѣе меня въ колдовствѣ.

Фру Кирстенъ. Этотъ отвѣтъ мало поможетъ тебѣ. Говори прямо, гдѣ онъ?

Альфгильдъ. Я сказала.

Фру Кирстенъ (сдерживая злобу). Хорошо, хорошо!

Арне (окружающимъ). Будь Геммингъ живъ, онъ бы сумѣлъ допытаться у нея правды; онъ такой хитрый сталъ въ послѣдніе дни.

Фру Кирстенъ. Теперь третье мое обвиненіе противъ тебя: ты сегодня ночью подожгла мой домъ, и онъ сгорѣлъ до тла. Быть-можетъ, при этомъ погибли человѣческія жизни, — мы еще не знаемъ навѣрно, но если и не такъ — все равно; намѣреніе твое — сжечь насъ всѣхъ вмѣстѣ съ домомъ — ясно, какъ день. Будешь ли ты отрицать, что сожгла ночью мой домъ?

Альфгильдъ. Я не отрицаю, я сожгла твой домъ.

Фру Кирстенъ. И какими же выдумками ты скрасишь свое дѣло? (Съ горькой насмѣшкой) Ты не можешь сослаться на то, что дѣйствовала сгоряча, не подумавъ. У тебя, насколько я помню, было время собраться съ мыслями; ты стояла во дворѣ одна, никто къ тебѣ не подходилъ, никто не мѣшалъ тебѣ спокойно обсудить дѣло. Не можешь ты сослаться и на то, что веселье на пиру отуманило тебя, что вино бросилось тебѣ въ голову: ты вѣдь не пировала съ нами, ты стояла во дворѣ, и тамъ было довольно прохладно; холодный вѣтеръ могъ тебя образумить.

Альфгильдъ. Да, я сожгла ночью твой домъ, но ты и Олафъ и всѣ вы причинили мнѣ еще больше зла. Весь міръ былъ для меня высокой храминой, принадлежавшей Великому Отцу. Голубое небо служило кровлей, звѣзды лампадами, свѣтившими съ высокаго свода. И я рѣзвилась въ этой храминѣ, веселая,

богатая счастьемъ, а вы—вы сожгли у меня все это сіяющее великолѣпіе; теперь все мертво, разрушено!

Фру Кирстенъ. Мало тебѣ будетъ проку отъ такихъ рѣчей! Еще разъ спрашиваю тебя, гдѣ Олафъ Лиліекрансъ, сынъ мой?

Альфгильдъ. Я сказала.

Фру Кирстенъ. Такъ сама же и произнесла себѣ приговоръ, а я скрѣплю его!

(Олафъ показывается на обрывѣ, не замѣчаемый присутствующими).

Олафъ (въ сторону). Альфгильдъ!.. Господи, спаси! Еще что?.. (Не замѣченный никѣмъ, прячется).

Фру Кирстенъ. Уличенная въ колдовствѣ и поджогѣ съ цѣлью убійства, ты по законамъ страны повинна смерти. Приговоръ произнесенъ и немедленно будетъ исполненъ.

Арне. Но послушайте, фру Кирстенъ...

Фру Кирстенъ. Приговоръ произнесенъ! Альфгильдъ повинна смерти!

Альфгильдъ. Дѣлай, какъ знаешь; я не стану тебѣ противиться. Когда Олафъ отвергъ меня, отнялъ у меня свою любовь — жизнь моя померкла, я не живу больше.

Фру Кирстенъ. Отведите ее на обрывъ!

(Двое слугъ уводятъ Альфгильдъ).

Фру Кирстенъ. Въ послѣдній разъ, Альфгильдъ, — верни мнѣ моего сына!

Альфгильдъ. Я не буду отвѣчать больше.

Фру Кирстенъ. Такъ будь же по-твоему! (Слугамъ) Сбросьте ее въ пропасть... Постойте! Мнѣ пришло въ голову... (Обращаясь къ Альфгильдъ) Глядя на тебя тамъ, я вспомнила, какъ ты вчера стояла въ золотомъ вѣнцѣ, мня себя достойной невѣстой Олафа. Теперь посмотримъ — очень ли тебя цѣнятъ; здѣсь много крестьянъ и слугъ и богатыхъ людей — можетъ статься, жизнь твоя будетъ спасена. Да, Альфгильдъ, ты смотришь на меня съ удивленьемъ, но я хочу быть милостивой къ тебѣ. (Обращаясь къ остальнымъ) Вѣдь вы всѣ знаете старинный обычай: женщина, осужденная на смерть, какъ она, избѣгаетъ казни и освобождается отъ суда, если честный, ничѣмъ не запятнанный человѣкъ выступитъ впередъ, провозгласитъ ее невинной и вызовется жениться на ней. Не правда ли, вы знаете этотъ обычай?

Всѣ. Да, да!

Альфгильдъ (сквозь слезы). О, сносить такое глумленье, такой позоръ въ послѣдній свой часъ!..

Фру Кирстенъ. Такъ вотъ, Альфгильдъ! Да послужитъ тебѣ на пользу этотъ обычай. Если хоть самый послѣдній изъ

слугъ моихъ выступитъ впередъ и вызовется жениться на тебѣ, — ты свободна. (Озирается) Никто не вызывается? (Всѣ молчатъ).

Фру Кирстенъ. Надѣньте на нее серебряный вѣнецъ. Пусть онъ пойдетъ въ придачу... Съ нимъ ты, можетъ-быть, выиграешь въ цѣнѣ, Альфгильдъ! (На Альфгильдъ надѣваютъ вѣнецъ).

Фру Кирстенъ. Во второй разъ спрашиваю — не хочетъ ли кто спасти ее? (Оглядываетъ окружающихъ. Всѣ молчатъ). Вотъ когда дошло до дѣла! Боюсь, что твои минуты сочтены. Слушайте меня хорошенько, вы, молодцы тамъ, наверху. Если никто не откликнется и на третій мой вызовъ — вы по знаку моему сбросите ее въ озеро. Ну, пусти же теперь въ ходъ все свое колдовство, Альфгильдъ! Попробуй колдовствомъ спастись отъ смерти! (Громогласно) Въ послѣдній разъ! Вотъ стоитъ колдунья, поджигательница, убійца, — кто спасетъ ее и женится на ней? (Оглядываетъ окружающихъ).

(Всѣ молчатъ. Фру Кирстенъ быстро подымаетъ руку, чтобы подать знакъ; слуги хватаютъ Альфгильдъ, но въ эту минуту Олафъ въ свадебномъ нарядѣ бросается изъ-за деревьевъ на выступъ).

Олафъ. Я спасаю ее и женюсь на ней!

(Отталкиваетъ отъ нея слугъ и развязываетъ ей руки. Альфгильдъ съ крикомъ падаетъ ему на грудь. Онъ обвиваетъ ея станъ лѣвой рукой, а правую угрожающе подымаетъ кверху).

Всѣ (сначала стоятъ, какъ окаменѣлые, а затѣмъ восклицаютъ). Олафъ Лиліекрансъ!

Фру Кирстенъ. Олафъ Лиліекрансъ! Сынъ мой! Что ты сдѣлалъ? Опозорилъ себя навѣки!

Олафъ. Нѣтъ, я смываю съ себя стыдъ и позоръ, которые навлекъ на себя своимъ поступкомъ съ нею. Я искуплю свой грѣхъ и самъ обрѣту счастье! (Ведетъ Альфгильдъ впередъ) Передъ всѣми громко провозглашаю эту дѣвушку своей невѣстой! Она невинна; я одинъ во всемъ виноватъ. (Становится передъ ней на колѣни) И у ногъ твоихъ прошу тебя забыть и простить.

Альфгильдъ (подымая его). Ахъ, Олафъ! Ты вернулъ мнѣ всю прелесть и красоту міра!

Фру Кирстенъ. Ты хочешь на ней жениться? Хорошо, такъ я не мать тебѣ больше!

Олафъ. Вы этимъ причиняете мнѣ большое горе, хотя вы давно перестали быть мнѣ истинной матерью. Вы пользовались мной лишь какъ орудіемъ для удовлетворенія вашего честолюбія; я былъ слабъ и покорялся. Но теперь я обрѣлъ силы и волю; стою твердо на собственныхъ ногахъ и самъ кладу основу своему счастью.

Фру Кирстенъ. Но ты не думаешь...

Олафъ. Ни о чемъ я не хочу думать больше; я знаю, чего

хочу. Теперь лишь понялъ я свой диковинный сонъ. Мнѣ было предсказано найти прекраснѣйшій цвѣтокъ, оборвать съ него лепестки и развѣять ихъ по вѣтру. Такъ и вышло. Сердце женщины — прекраснѣйшій цвѣтокъ въ мірѣ, и я оборвалъ съ него всѣ его дорогіе лепестки и развѣялъ ихъ по вѣтру. Но утѣшься, Альфгильдъ! Съ ними разлетѣлось также много сѣмянъ, скорбь взрастила ихъ, и здѣсь, въ долинѣ, расцвѣтетъ для насъ богатая, счастливая жизнь, — здѣсь мы поселимся и будемъ жить.

Альфгильдъ. О, теперь я счастлива, какъ въ первую нашу встрѣчу!

Фру Кирстенъ (въ сторону). Ингеборгъ исчезла, эта цвѣтущая долина принадлежитъ Альфгильдъ, — никто другой не заявляетъ на нее правъ... (Вслухъ) Ну, хорошо, Олафъ! Я не хочу противиться твоему счастью. Если ты думаешь обрѣсти его такимъ путемъ, то... я даю вамъ свое согласіе.

Олафъ. Благодарю, матушка, благодарю! Теперь я счастливъ вполнѣ.

Альфгильдъ (обращаясь къ фру Кирстенъ). А ты прощаешь мнѣ мой грѣхъ?

Фру Кирстенъ. Ну, ну! Пожалуй, и я была не безъ грѣха; не будемъ же вспоминать объ этомъ.

Арне. Ну, а я-то какъ же? А моя дочь, съ которой господинъ Олафъ обручился? Ахъ, да... ее, пожалуй, и въ живыхъ-то нѣтъ больше!

Олафъ. Жива, жива!

Арне. Жива? Гдѣ же она? Гдѣ?

Олафъ. Не могу вамъ сказать этого; скажу только, что мы съ нею дружески расторгли нашу помолвку.

Фру Кирстенъ. Видите, господинъ Арне, я...

Арне. Да, да, я не буду неволить свою дочь. Альфгильдъ суждено было выйти за рыцаря; то же можетъ еще выпасть и на долю Ингеборгъ. (Съ достоинствомъ) Вы, благородные господа и достойные мужи, внимайте моему слову. Слыхалъ я, будто я слыву среди васъ невѣждой, не знающимъ рыцарскихъ нравовъ и обычаевъ. Такъ я же вамъ докажу, что врете вы всѣ. Въ старинныхъ хроникахъ разсказывается, что, когда у добраго короля пропадала дочь, онъ обѣщалъ ея руку и полцарства тому, кто найдетъ ее. И я поступлю, какъ тѣ старые, благородные короли: кто найдетъ Ингеборгъ — получитъ ея руку и половину моего добра въ приданое. Согласны?

Молодежь. Да, да, да!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же. Ингеборгъ быстро выходитъ изъ хижины, ведя за руку Геммингa.

Ингеборгъ. Вотъ и я! Геммингъ нашелъ меня!

Всѣ (поражены). Ингеборгъ и Геммингъ! Здѣсь!

Арне (съ горечью). Ахъ, чтобъ...

Ингеборгъ (бросаясь ему на шею). Отецъ, отецъ! Теперь поздно.— ты далъ слово.

Арне. Его оно не касалось. Теперь я все понимаю,— это онъ и похитилъ тебя!

Ингеборгъ. Наоборотъ, отецъ! Это я его похитила!

Арне (испуганно). Да помолчи ты! Съ ума ты сошла?

Ингеборгъ (тихо). Такъ говори скорѣе, что согласенъ. Не то я всѣмъ разскажу, что это я...

Арне. Тсс... тсс! Я вѣдь согласенъ. (Становится между ними и съ горечью смотритъ на Геммингa) Такъ это ты же укралъ и моего сѣраго въ яблокахъ жеребца съ сѣдломъ и уздечкой?

Геммингъ. Ахъ, господинъ Арне!..

Арне. О, Геммингъ, Геммингъ! Ты... (Одумавшись) Ну, теперь ты женихъ моей дочери, такъ оставимъ это дѣло.

Ингеборгъ и **Геммингъ.** О, благодаримъ, благодаримъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же. Торгьердъ съ арфой въ рукахъ.

Торгьердъ. Эге! Людно здѣсь сегодня.

Крестьяне. Музыкантъ Торгьердъ!

Альфгильдъ (бросаясь въ его объятья). Отецъ!

Всѣ. Ея отецъ!

Олафъ. Да, да, старина. Сегодня тутъ людно и весело, и такъ съ этихъ поръ и будетъ. Сегодня сыграютъ свадьбу твоей дочери; по любви идетъ она замужъ, о любви пѣлъ ты ей въ своихъ пѣсняхъ — такъ не станешь противиться.

Торгьердъ. Да будетъ съ вами милость всѣхъ добрыхъ духовъ!

Альфгильдъ. И ты останешься жить съ нами?

Торгьердъ. Нѣтъ, Альфгильдъ, дитя мое! Нѣтъ у пѣвца
Домашняго крова; вдаль, вдаль безъ конца
Влечетъ его внутренней силой могучей.
Бездоменъ всегда тотъ, чья пылкая грудь
Подобна отзывчивой арфѣ пѣвучей:
Нигдѣ онъ не дома; предъ нимъ дальній путь.
Пройти его долженъ пѣвецъ, преклоняя
Ко всякому шороху жизни свой слухъ,
Таинственный смыслъ ея, истинный духъ

Въ природѣ и людяхъ ловя, воспѣвая.
И шумъ водопада, и шелестъ вѣтвей,
Чуть слышные вздохи, нѣмыя рыданья,
Завѣтныя думы людей и мечтанья —
Все, все воплощать долженъ въ пѣснѣ своей!

Олафъ. Но все-жъ навѣщать насъ ты будешь порою?..
Вотъ здѣсь межъ березокъ построимъ мы домъ
И счастливо, Альфгильдъ, съ тобой заживемъ.
Ужъ впредь не подернется взоръ твой слезою,
Чела не покроетъ тоскливая тѣнь, —
Безоблаченъ будетъ твой жизненный день!

Альфгильдъ. Не чаяла я и мечтою крылатой,
Что жизнь можетъ быть столь прекрасной, богатой!..
Я вижу, какъ ночь ни бываетъ черна —
Смѣняется солнечнымъ утромъ она! (Преклоняя колѣни)
Вы, ангелы Божьи, мой путь охраняли,
Меня берегли въ день напасти, печали,
И не дали въ мрачную бездну упасть
И душу отдать чернымъ духамъ во власть!
Теперь вы послали мнѣ радость безъ мѣры!
И я до конца не утрачу въ васъ вѣры,
И если не разумомъ, — сердцемъ, душой
Всегда буду вѣровать въ Промыслъ благой.
Я вѣрю: небесныя силы надъ нами!
Я вѣрю: за бурными, черными днями
День радостный, свѣтлый и тихій идетъ!
Такъ будь же со мною, что будетъ впередъ!
Ничто не страшитъ меня. Съ новою силой
Готова нить жизни прясть твердой рукой!
(Взглянувъ на Ольфа)
Когда-жъ наконецъ мы...
(Прерываетъ и, воздѣвъ руки къ небу, доканчиваетъ)
...пусть эльфъ бѣлокрылый
Слетитъ отнести насъ на небо — домой!

(Всѣ окружаютъ ее. Занавѣсъ падаетъ).

СОЮЗЪ МОЛОДЕЖИ.

Комедія „Союзъ молодежи“ написана Ибсеномъ въ Дрезденѣ зимою 1868—69 года. По выходѣ въ свѣтъ пьеса была доставлена дирекціямъ всѣхъ главныхъ скандинавскихъ театровъ и вскорѣ обошла всю Норвегію, а затѣмъ и Швецію и Данію. Первое изданіе въ 2.000 экз. скоро разошлось, и потребовалось второе, выпущенное въ количествѣ 1.500 экз. Всего же пьеса выдержала семь отдѣльныхъ изданій. Въ 1889 г. собирался поставить ее въ Берлинѣ директоръ Новаго и Резиденцъ-театра Лаутенбургъ, но возникшій между нимъ и передѣлавшимъ пьесу П. Ланге процессъ заставилъ Лаутенбурга отложить постановку, и пьеса была дана въ Берлинѣ впервые только въ 1891 г., въ переводѣ Штродтмана, на сценѣ „Freie Volksbühne“ (Свободный народный театръ).

Какъ авторъ „Союза молодежи“, Ибсенъ, по свидѣтельству Іегера, является „отцомъ современной норвежской комедіи“. „Комедія любви“ явилась первой его попыткой въ этомъ направленіи; но въ ней еще слишкомъ сильно сказывалось обуревавшее писателя въ тѣ годы негодованіе. Въ „Брандѣ“ чувство это достигаетъ наибольшей силы; въ слѣдующемъ произведеніи, „Перѣ Гюнтѣ“, оно проявляется не въ столь острой формѣ, а ко времени созданія „Союза молодежи“ Ибсенъ уже настолько отошелъ сердцемъ, успокоился, что смогъ отъ души посмѣяться надъ тѣми житейскими положеніями, условіями и типами, которые избралъ предметами своей сатиры.

„Политическая жизнь на родинѣ, наблюдаемая Ибсеномъ съ чужбины въ теченіе четырехъ лѣтъ, не могла не производить на него неблагопріятнаго впечатлѣнія. Антагонизмъ двухъ политическихъ партій долженъ былъ казаться ему и мелочнымъ и комичнымъ; въ то время между правой и лѣвой партіями не успѣла еще обозначиться та глубокая принципіальная рознь, которая обнаружилась впослѣдствіи; антагонизмъ этихъ партій держался тогда не на коренномъ различіи міровоззрѣній, а на различномъ пониманіи нѣкоторыхъ вопросовъ политики, и если рознь тѣмъ не менѣе выражалась въ довольно необузданныхъ формахъ, серьезнаго значенія это все-таки имѣть не могло. Это были поистинѣ „бури въ стаканѣ воды“.

„Шестидесятые годы не знали еще настоящихъ политическихъ схватокъ и борьбы партій, какія начались въ 80-хъ годахъ. Для наблюдателя со стороны данное положеніе вещей легко могло показаться простой борьбой между успѣвшими добиться положенія и власти и еще только домогавшимися этого; такая борьба, разумѣется, не могла заключать въ себѣ ничего, что было бы въ состояніи захватить, вдохновить поэта, какъ Ибсенъ. Для него самый исходъ борьбы долженъ былъ представляться довольно-таки безразличнымъ; онъ могъ сказать устами одного

изъ дѣйствующихъ лицъ данной комедіи, Даніила Гейре: „Мнѣ все едино—свинья сожретъ собаку или собака свинью".

„Ибсенъ такимъ образомъ стоялъ на высшей и вполнѣ свободной точкѣ зрѣнія по отношенію къ данной политической розни и спокойно могъ хлестать бичомъ сатиры на обѣ стороны. Онъ одинаково мало пощадилъ и Люннестада съ камергеромъ Братсбергомъ и Стенгора съ Монсеномъ. Камергера Ибсенъ изобразилъ старымъ аристократомъ, отставшимъ отъ вѣка, не понимающимъ потребностей и задачъ своего времени; Люннестада—тонкимъ и расчетливымъ хитрецомъ, человѣкомъ, для котораго всѣ средства хороши, лишь бы привели къ цѣли путемъ, безопаснымъ отъ законной отвѣтственности; Стенгора и Монсена — авантюристами, пробирающимися въ административныя сферы, притомъ перваго, вдобавокъ, фразеромъ, а второго аферистомъ. Ни для одного изъ этихъ лицъ не существуетъ какихъ-либо высшихъ интересовъ, — одни ихъ личные.

„Адвокатъ Стенгоръ—живой типъ, выхваченный изъ шестидесятыхъ годовъ; его фразерство — жаргонъ тогдашнихъ политикановъ средней руки. Либеральная партія того времени была еще начинена національнымъ романтизмомъ; языкъ ея слагался частью изъ „крылатыхъ словъ" Свердрупа *), картинныхъ выраженій Бьёрнстьерне-Бьёрнсона и частью изъ словъ и оборотовъ послѣдователей датскаго грунтвигіанства **), говорившихъ „языкомъ сердца". Особенно много поклонниковъ было у Бьёрнсона (этого народнаго трибуна въ современномъ стилѣ—прибавимъ отъ себя), слѣпо подражавшихъ его оригинальному языку. Но то, что было своеобразнымъ, интересно-оригинальнымъ у даровитаго образца, стало пародіей и карикатурой у мало развитой кучки подражателей. Такого рода подражателя Ибсенъ и изобразилъ въ Стенгорѣ, и жаргонъ послѣдняго схваченъ и переданъ съ безподобными жизненностью и правдивостью.

„Стенгоръ напоминаетъ Пера Гюнта не только своимъ эгоизмомъ, но и раздвоенностью: „Дома — безобразіе, нравственное убожество: въ школѣ—духовный подъемъ; умъ, характеръ, воля, дарованія—все врозь. Что же могло изъ этого выйти, какъ не распадъ личности?"—говоритъ о немъ докторъ Фьельбо. Школьный подъемъ развилъ въ Стенгорѣ способность къ живому, но неглубокому воодушевленію, энтузіазму и краснобайству. Прозябательное существованіе отца выродилось въ ненасытную жажду наслажденія въ сынѣ. Вульгарность и некрасивое ремесло матери тоже оставили слѣды на складѣ его натуры; сынъ закладчицы и ростовщицы совершенно лишенъ всякаго понятія о чести; въ немъ нѣтъ уваженія ни къ себѣ, ни къ другимъ. Онъ не глупъ, но мало развитъ и совершенно лишенъ самокритики; не научившись испытывать и обуздывать себя, онъ всегда дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ минуты и глубоко убѣжденъ въ томъ, что все, что онъ ни скажетъ, ни сдѣлаетъ — кстати, такъ и должно быть. Онъ увлекается собственнымъ краснорѣчіемъ, фраза положительно заѣла его, и это его слѣпое увлеченіе фразой и заключаетъ въ себѣ всю его силу. Прикрывая свое себялюбіе и корыстолюбіе громкими словами, онъ увлекаетъ за собой другихъ, страдающихъ такимъ же отсутствіемъ самокритики, и самъ, ослѣпленный собственнымъ словеснымъ фейерверкомъ, не видитъ своего себялюбія и корыстолюбія во всей ихъ наготѣ. Вотъ почему онъ такъ

*) Выдающійся политическій дѣятель Норвегіи, впослѣдствіи министръ.

**) Грунтвигъ, знаменитый датскій общественный дѣятель, богословъ и поэтъ, основатель «народныхъ университетовъ».

легко и возмущается подобнымъ поведеніемъ въ другихъ, хотя самъ только-что передъ тѣмъ поступалъ точно такъ же. Яркимъ примѣромъ этого служитъ его нотація Бастіану, когда послѣдній открываетъ ему свои виды на мадамъ Рундгольмъ (4-ое дѣйствіе). Стенгоръ потому именно и ослѣпляетъ и проводитъ другихъ, что прежде всего ослѣпляетъ себя самого.

„Къ этимъ свойствамъ присоединяется еще колоссальная самоувѣренность. Стенгоръ прямо влюбленъ въ самого себя и стремится стать такъ же высоко въ глазахъ другихъ, какъ стоитъ въ своихъ собственныхъ. Какъ настоящій выскочка, онъ такъ же тщеславенъ, какъ и беззастѣнчивъ, знать не хочетъ ничего, кромѣ того, что ставитъ своей цѣлью.

„Его краснорѣчіе и его беззастѣнчивость, честолюбіе и самоувѣренность, отсутствіе самокритики и исковерканное самолюбіе—все это дѣлаетъ его опаснымъ человѣкомъ, который можетъ причинить немало бѣдъ и неурядицъ прежде, нежели достигнетъ своей цѣли. Къ счастью, ему присущи еще два качества, которыя въ значительной степени умѣряютъ опасность. Во-первыхъ, его легко раскусить—онъ то и дѣло проговаривается. Искусство лицемѣрія требуетъ значительно болѣе развитой разсудочной дѣятельности, нежели какою отличается онъ. Во-вторыхъ, онъ слишкомъ легковѣренъ и не въ состояніи проникнуть въ чужую хитрость: увлекаемый собственной фразой, онъ увлекается и чужою. И какъ ему проникнуть въ скрытый смыслъ чужихъ фразъ, когда онъ не въ состояніи добраться до смысла даже въ собственныхъ? Эту его ахиллесову пяту отлично подмѣтилъ Люннестадъ, который и водитъ Стенгора за носъ, то и дѣло заставляя его самого компрометировать себя.

„Союзъ молодежи“ — современная высокохудожественная комедія: даже второстепенныя лица въ ней запечатлѣны той жизненностью, вѣрностью дѣйствительности, которыя сдѣлали ее единственной, не имѣвшей себѣ равной въ норвежской литературѣ того времени. И въ смыслѣ формы „Союзъ молодежи“ явился образцовымъ произведеніемъ, открывшимъ новую эпоху драматическаго творчества. Тотъ жизненный драматическій діалогъ, который Ибсенъ пытался создать въ „Комедіи любви“ *), выдержанъ въ „Союзѣ молодежи“ въ совершенствѣ. Реплики дѣйствующихъ лицъ какъ будто не написаны, а сказаны: лица эти болтаютъ, вздорятъ, бранятся—совсѣмъ какъ въ повседневной жизни.

„То обстоятельство, что норвежская публика не сразу поняла и оцѣнила это произведеніе, довольно понятно. Это былъ совершенно новый жанръ въ норвежской литературѣ, и возникъ онъ какъ-то неожиданно, безъ всякой подготовки, такъ что для правильнаго сужденія о немъ попросту недоставало настоящей точки зрѣнія. Въ этомъ произведеніи дало знать себя новое отношеніе къ будничной, реальной жизни; комедія подошла къ этой жизни вплотную, и такъ какъ къ тому же въ ней были выведены представители политическихъ партій, то публика сразу вообразила, что Ибсенъ далъ портреты извѣстныхъ политическихъ дѣятелей; стали даже указывать оригиналы, будто бы послужившіе моделями для дѣйствующихъ лицъ комедіи. Никому и въ голову не приходило, что такое отношеніе къ выдающемуся литературному произведенію являлось унизительной попыткой превратить его въ политическій памфлетъ. И даже тѣ читатели и критики, которые не заходили такъ далеко въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ пьесѣ, все же видѣли въ ней не вкладъ писателя въ литературу, а выходку общественно-

*) Первоначально «Комедія любви» была набросана въ прозѣ.

политическаго дѣятеля. Осмѣяніе либерала Стенгора было отожествлено съ осмѣяніемъ либерализма вообще; того, что сатира пьесы была направлена на обѣ партіи одинаково, совсѣмъ не замѣтили въ первомъ разгарѣ партійнаго фанатизма. Пьесу оцѣнивали, какъ „поэтическую формулировку односторонняго партійнаго взгляда“, — такъ, напримѣръ, выразился о ней критикъ газеты „Aftenbladet“. А разъ установивъ такую оцѣнку пьесы, рецензенту уже ничего не стоило выступить рыцаремъ поэзіи и отъ ея имени накинуться на автора. Критикъ этотъ, оказавшійся Христіаномъ Эльстеромъ *), бросилъ Ибсену рѣзкое обвиненіе въ томъ, что онъ „порвалъ съ собственнымъ прошлымъ, подкапывается подъ то, что прежде самъ отстаивалъ“, что пьеса „знаменуетъ собою измѣну всѣмъ идеаламъ, отрицаніе духа поэзіи, торжество мѣщанскаго духа и прославленіе *дюжиннаго* человѣка“. По мнѣнію этого критика, взрывъ негодованія Сельмы въ 3-мъ дѣйствіи представляетъ „единственный свѣтлый моментъ въ пьесѣ, когда повѣяло свѣжимъ воздухомъ, не зараженнымъ дрянными страстями или пошлой моралью“. Даже выдающіеся писатели того времени оказались повинными въ такомъ же недоразумѣніи. Въ началѣ извѣстнаго стихотворенія Бьёрнсона, посвященнаго Іоганну Свердрупу, заключается явный намекъ на „Союзъ молодежи“. Въ напыщенныхъ выраженіяхъ, свойственныхъ музѣ Бьёрнсона того времени, говорилось, въ переложеніи на обыкновенный языкъ, слѣдующее: „Если я именно теперь украшаю свою пѣснь твоимъ могучимъ именемъ, то не ради того, чтобы оно служило мнѣ боевымъ знаменемъ, — сюда вѣдь не достигаетъ уличная борьба. Но если священная роща, гдѣ совершаются жертвоприношенія поэзіи, не можетъ быть ограждена отъ убійствъ изъ-за угла, если въ этомъ заключается то новое, что находится теперь въ броженіи, то я готовъ сейчасъ же покинуть свой постъ“.

„И консерваторы смотрѣли на пьесу не лучше, проявляя только менѣе требовательности и совершенно игнорируя то, что и представителямъ ихъ партіи досталось на орѣхи, какъ и представителямъ либеральной. Иными словами, публика, критиковавшая пьесу, была охвачена политической горячкой, и такъ какъ горячкамъ вообще свойственно бурное теченіе, то первое представленіе пьесы на сценѣ христіанійскаго театра и сопровождалось бурнымъ приступомъ болѣзни. Появленіе первой современной норвежской комедіи на главной сценѣ Норвегіи совершилось подъ дикій аккомпанементъ шиканья и рукоплесканій, свистковъ и криковъ „ура“.

„Описываемое представленіе состоялось 18 октября 1869 г.; часть публики выражала одобреніе, другая протестовала противъ этого одобренія. На второмъ представленіи, 20 октября, борьба противныхъ партій стала принимать еще болѣе крупные размѣры. Уже послѣ первой реплики Люннестада (слово въ честь 17-го мая) раздались сильные свистки, вызвавшіе отпоръ въ видѣ горячихъ рукоплесканій со стороны сочувствующихъ автору. Состязаніе между свистунами и аплодирующими продолжалось нѣсколько минутъ, такъ что пришлось наконецъ опустить занавѣсъ; затѣмъ вышелъ режиссеръ и спросилъ публику — угодно ли ей досмотрѣть представленіе: если да, то предлагалось соблюдать спокойствіе. Послѣ того представленіе продолжалось безъ перерывовъ до реплики Бастіана въ 4-мъ дѣйствіи о націи: „Ты не знаешь, что такое нація? Народъ, простой народъ; люди, у которыхъ нѣтъ ничего и сами они ничто; люди, связанные по рукамъ и ногамъ...“ Тутъ снова разра-

*) Норвежскій беллетристъ, извѣстный своими разсказами.

зилась буря, которая улеглась лишь мало-по-малу, чтобы съ новой силой возобновиться послѣ паденія занавѣса".

Этотъ взрывъ партійнаго фанатизма публики, имѣвшей возможность заранѣе ознакомиться съ пьесой въ чтеніи, теперь лишь выступаетъ въ истинномъ свѣтѣ, являясь лишнимъ доказательствомъ мѣткости сатиры Ибсена, направленной въ данномъ случаѣ на оба фронта. О томъ же свидѣтельствуетъ число выдержанныхъ пьесою представленій, достигшее въ одной Христіаніи ста пятидесяти. Талантъ и наблюдательность автора оказались сильнѣе и мечущихъ громы газетныхъ статей, и театральныхъ свистковъ и шиканья. Прежде всего опомнилась, здраво взглянула на пьесу норвежская молодежь, скоро уяснившая себѣ, кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ сторонниками „союза молодежи", основаннаго Стенгоромъ. Датская же молодежь сразу оказалась на должной высотѣ пониманія, восторженно привѣтствовала появленіе пьесы Ибсена на сценѣ королевскаго копенгагенскаго театра, гдѣ она прошла съ выдающимся успѣхомъ. Послѣднимъ пьеса немало была обязана блестящему исполненію роли Стенгора Вильгельмомъ Виге, который до того игралъ нѣсколько лѣтъ въ Христіаніи и снискалъ особыя симпатіи Ибсена, высказанныя писателемъ въ прочувствованной статьѣ по поводу отъѣзда даровитаго артиста.

Шлентеръ очень тонко отмѣчаетъ замѣтное въ „Союзѣ молодежи" вліяніе земляка Ибсена по рожденію, знаменитаго датскаго драматурга Гольберга. Но ярче всего сказался въ ней чисто-норвежскій духъ, родныя автору вѣянія жизни, и другой нѣмецкій критикъ-біографъ Ибсена, Лотаръ, очень мѣтко характеризуетъ это обстоятельство, заканчивая свой критическій разборъ пьесы такъ: „Крѣпкой внутренней связью между общественно-бытовыми пьесами Ибсена является и то, что почва, на которой разыгрывается дѣйствіе, все одна и та же. Ибсенъ разсказываетъ намъ о событіяхъ въ какомъ-то маленькомъ городкѣ, гдѣ проѣздъ по улицѣ двухъ незнакомыхъ лицъ уже привлекаетъ всеобщее вниманіе и гдѣ всѣ и каждый дрожатъ отъ страха — какъ бы его интимныя домашнія дѣла не попали (въ карикатурѣ) въ мѣстную газету. Но Ибсенъ тѣмъ и великъ, что, избирая непосредственною мишенью своихъ сатирическихъ стрѣлъ маленькій норвежскій городокъ, косвенно поражаетъ ими все большое европейское общество".

СОЮЗЪ МОЛОДЕЖИ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Камергеръ Братсбергъ, горнозаводчикъ.
Эрикъ Братсбергъ, его сынъ, кандидатъ правъ и коммерсантъ.
Сельма, жена Эрика Братсберга.
Тора, дочь камергера.
Фьельбо, докторъ на заводѣ камергера.
Стенсгоръ, адвокатъ.
Монсенъ, дѣлецъ, владѣлецъ крупнаго имѣнія Сторли.
Рагна, его дочь.
Бастіанъ, его сынъ.
Гелле, домашній учитель въ Сторли.
Рингдаль, управляющій заводомъ камергера.
Андерсъ Люннестадъ, землевладѣлецъ и членъ стортинга.
Данилъ Гейре.
Мадамъ Рундгольменъ, вдова мѣстнаго лавочника.
Аслаксенъ, типографщикъ.
Горничная въ домѣ камергера.
Офиціантъ,
Служанка у мадамъ Рундгольменъ.
Народъ: гости камергера и пр.

Дѣйствіе происходитъ въ южной Норвегіи, въ пригородномъ имѣніи камергера.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Усадебная роща. Праздникъ 17-го мая. Вечеръ. На деревьяхъ горятъ разноцвѣтные бумажные фонарики. Въ глубинѣ рощи музыка и танцы. Посрединѣ трибуна для ораторовъ. Направо у входа палатка-трактиръ. Передъ нею столъ со скамьями. Налѣво, какъ разъ напротивъ, другой столъ, убранный цвѣтами и обставленный стульями.

Масса народу. Люннестадъ, съ распорядительскимъ значкомъ въ петлицѣ, стоитъ на трибунѣ. Рингдаль съ такимъ же значкомъ стоитъ у стола налѣво.

Люннестадъ. Итакъ, почтенные сограждане, да здравствуетъ свобода Норвегіи! Мы унаслѣдовали ее отъ нашихъ предковъ и сохранимъ неприкосновенной для себя и нашихъ потомковъ. Ура! Троекратное ура въ честь семнадцатаго мая!

Народъ. Ура! Ура! Ура!

Рингдаль (когда Люннестадъ спускается съ трибуны). А теперь «ура» и въ честь почтеннаго Люннестада!

Отдѣльные голоса. Шш-шш!..

Множество голосовъ (заглушая ихъ). Ура! Ура! Да здравствуетъ старина Люннестадъ!

(Народъ начинаетъ расходиться. Сквозь толпу пробираются впередъ Монсенъ, Бастіанъ, Стенсгоръ и Аслаксенъ).

Монсенъ. А постарѣлъ же онъ!

Аслаксенъ. Опять насчетъ мѣстныхъ условій распространялся! Хо-хо!

Монсенъ. Ужъ который годъ — я помню — все одна и та же пѣсня. Пойдемте...

Стенсгоръ. Нѣтъ, нѣтъ! Не туда, г. Монсенъ! А то мы совсѣмъ потеряемъ изъ виду вашу дочь.

Монсенъ. Ничего. Сама найдетъ насъ.

Бастіанъ. За нее нечего бояться; съ ней Гелле.

Стенсгоръ. Гелле?

Монсенъ. Да, Гелле. (Дружески подталкивая его) Но я съ вами. И вся наша компанія тутъ. Идите сюда! Тутъ мы будемъ въ сторонкѣ отъ всего этого сброда и можемъ хорошенько потолковать о томъ, что... (Садится у стола налѣво).

Рингдаль (подходя). Извините, г. Монсенъ! Этотъ столъ занятъ...

Стенсгоръ. Занятъ? Кѣмъ?

Рингдаль. Камергеромъ съ семействомъ.

Стенсгоръ (небрежно). Вотъ какъ? Да вѣдь тутъ никого изъ нихъ нѣтъ?

Рингдаль. Но мы ждемъ ихъ съ минуты на минуту.

Стенсгоръ. Такъ пусть они поищутъ другого мѣста. (Беретъ стулъ).

Люннестадъ (положивъ руку на спинку стула). Стулъ этотъ, какъ вамъ сказано, занятъ.

Монсенъ (встаетъ). Пойдемте, г. Стенсгоръ! Намъ вѣдь все равно, гдѣ ни сѣсть. (Переходитъ направо) Эй, кто тутъ! Кельнеръ! Вотъ и кельнера нѣтъ. Чего комитетъ смотритъ? Подите, Аслаксенъ, добудьте намъ четыре бутылки шампанскаго. Самаго лучшаго! Скажите, что Монсенъ угощаетъ.

(Аслаксенъ уходитъ въ палатку: остальные садятся).

Люннестадъ (тихо и мягко ступая, подходитъ къ нимъ и обращается къ Стенсгору). Вы ужъ не прогнѣвайтесь на меня...

Монсенъ. Полно!.. Мы и не думаемъ!

Люннестадъ (Стенсгору). Вѣдь это не я тутъ орудую; комитетъ такъ порѣшилъ...

Монсенъ. Само собой. Комитетъ распоряжается, наше дѣло подчиняться...

Люннестадъ. Мы вѣдь на землѣ камергера. Онъ соблаговолилъ отвести намъ садъ и рощу на этотъ вечеръ, такъ мы и полагали...

Стенсгоръ. Намъ и тутъ отлично, г. Люннестадъ. Только бы насъ оставили въ покоѣ... то-есть чтобы толпа насъ не тѣснила.

Люннестадъ (любезно). Да, да; такъ, значитъ, все хорошо. (Уходитъ въ глубину).

Аслаксенъ (выходя изъ палатки). Сейчасъ подадутъ. (Садится).

Монсенъ. Особый столъ... особое вниманіе комитета! И это въ день празднованія свободы! Вотъ вамъ образчикъ нашихъ порядковъ.

Стенсгоръ. Да скажите на милость, какъ вы все это терпите, добрые люди?

Монсенъ. Все наша старая халатность, видите ли.

Аслаксенъ. Вы у насъ вновѣ, г. Стенсгоръ. А будь вы хоть немножко знакомы съ мѣстными условіями...

Офиціантъ (приноситъ шампанское). Сюда заказывали?

Аслаксенъ. Да, да. Наливайте!

Офиціантъ (наливая бокалы). И вѣдь на вашъ счетъ записать, г. Монсенъ?

Монсенъ. Да, да. Не безпокойтесь.

(Офиціантъ уходитъ).

Монсенъ (чокаясь со Стенсгоромъ). Ну, за ваше здоровье, г. адвокатъ! Очень радъ былъ съ вами познакомиться. Долженъ сказать, что почитаю ваше пребываніе здѣсь за честь для всего округа. Мы столько читали въ газетахъ о вашемъ участіи и въ съѣздѣ любителей пѣнія и въ другихъ. У васъ и даръ слова и расположеніе послужить общественному благу.

Дай Богъ, чтобы вы теперь съ усердіемъ и охотою приня-лись... приялись...

Аслаксенъ. За мѣстныя условія.

Монсенъ. Да, да, за мѣстныя условія. Выпьемъ же за вашъ успѣхъ! (Всѣ пьютъ).

Стенсгоръ. За охотой и усердіемъ дѣло не станетъ.

Монсенъ. Браво! Еще бокалъ по этому поводу.

Стенсгоръ. Нѣтъ, довольно; и то уже...

Монсенъ. Пустяки! Еще бокалъ! Это — древній «кубокъ обѣта»!

(Всѣ чокаются и пьютъ. Въ теченіе слѣдующаго разговора Бастіанъ усердно доливаетъ бокалы).

Монсенъ. Впрочемъ, разъ ужъ зашла рѣчь объ этихъ вещахъ... я долженъ вамъ сказать, что въ сущности-то ворочаетъ всѣмъ здѣсь не камергеръ, а Люннестадъ — подъ сурдинку.

Стенсгоръ. Да, я это съ разныхъ сторонъ слышу. Но не понимаю, какъ такой либералъ...

Монсенъ. Либералъ? Вы считаете Андерса Люннестада либераломъ? Въ молодости онъ, правда, слылъ либераломъ—когда нужно было карабкаться въ гору. Недаромъ же онъ и унаслѣдовалъ отцовское мѣсто въ стортингѣ. Помилуйте! У насъ все вѣдь переходитъ по наслѣдству.

Стенсгоръ. Слѣдовало бы однако положить конецъ такому безобразію.

Аслаксенъ. Да, чортъ возьми, г. адвокатъ, положите-ка!

Стенсгоръ. Я не говорю, что я...

Аслаксенъ. Нѣтъ, именно вы! Вы какъ разъ такой человѣкъ. Вы мастеръ говорить, какъ люди сказываютъ. А что еще лучше—и писать мастеръ. Моя газета къ вашимъ услугамъ.

Монсенъ. Но если вообще дѣйствовать, такъ нужно поскорѣе. На-дняхъ предстоитъ первая подача голосовъ избирателями...

Стенсгоръ. Скажите... у васъ вѣдь столько частныхъ дѣлъ — они бы не помѣшали вамъ, если бы выборъ палъ на васъ?

Монсенъ. Конечно, это было бы въ ущербъ моимъ частнымъ дѣламъ, но когда дѣло идетъ о пользѣ общественной, то, само собой, приходится отбросить въ сторону личныя соображенія.

Стенсгоръ. Прекрасно. И у васъ уже *есть* партія, какъ я отлично замѣтилъ.

Монсенъ. Льщу себя надеждой, что большинство нашей энергичной и дѣльной молодежи...

Аслаксенъ. Гм... гм... Тутъ появились ищейки!..

Гейре (выходя изъ палатки, осматривается близорукими глазами и

подходитъ къ сидящимъ направо). Нельзя ли одолжить мнѣ свободный стулъ? Я бы сѣлъ... вонъ тамъ.

Монсенъ. Скамейки, какъ видите, врыты въ землю. Но почему бы вамъ не присѣсть къ столу?

Гейре. Тутъ? Къ столу? Отчего же, можно. (Садится). Те-те! Шампанское, если не ошибаюсь.

Монсенъ. Да. Не хотите ли бокалъ за компанію?

Гейре. Нѣтъ, спасибо. Шампанское изъ заведенія мадамъ Рундгольменъ... Впрочемъ, ради хорошей компаніи куда ни шло— стаканчикъ... Если только найдется стаканчикъ.

Монсенъ. Бастіанъ, поди принеси.

Бастіанъ. Охъ, Аслаксенъ, принесите вы.

(Аслаксенъ идетъ въ палатку. Молчаніе).

Гейре. Надѣюсь, господа, я не помѣшалъ вамъ? Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь! (Аслаксенъ возвращается со стаканомъ). Благодарю, Аслаксенъ! (Кланяется Стенсгору) Новое лицо. Недавно пріѣхали. Господинъ Стенсго́ръ... Адвокатъ, если не ошибаюсь?

Монсенъ. Совершенно вѣрно. (Знакомитъ ихъ) Адвокатъ Стенсгоръ, господинъ Данiилъ Гейре...

Бастіанъ. Финансистъ.

Гейре. Бывшій, то-есть. Я распростился со всѣми дѣлами; можно сказать, сошелъ со сцены. Только не обанкротился. Нѣтъ, чортъ возьми, вы не думайте!

Монсенъ. Пейте, пейте же, пока играетъ.

Гейре. Мошенничество, изволите видѣть, всякія тамъ каверзы... и тому подобное — однимъ словомъ! Надѣюсь, впрочемъ, что это все временно и скоропреходяще. Какъ только развяжусь со старыми тяжбами да еще кое съ какими дѣлами,— я не я буду, коль не выведу его высокородіе Лиса Патрикѣевича на свѣжую воду. (Чокается) Выпьемъ за успѣхъ! Не хотите? А?

Стенсгоръ. Позвольте сперва узнать, кто это — его высокородіе Лисъ Патрикѣевичъ?

Гейре. Хе-хе! Вы, пожалуйста, не смущайтесь! Или вы подумали, что я намекаю на г. Монсена? Его-то во всякомъ случаѣ нельзя назвать высокороднымъ. Нѣтъ, мой юный другъ, я говорю о камергерѣ Братсбергѣ.

Стенсгоръ. Что такое? Вѣдь, какъ дѣловой человѣкъ, камергеръ, надѣюсь, безупреченъ?

Гейре. Вы такъ полагаете, молодой человѣкъ? Гм... Однимъ словомъ! (Подвигаясь поближе) Лѣтъ двадцать тому назадъ меня считали золотымъ мѣшкомъ. Я получилъ крупное наслѣдство отъ отца. Вы, конечно, слыхали о моемъ отцѣ? Не слыхали?

Про старика Гейре? Его прозвали «золотымъ Гейре». У него были свои корабли. Громадныя деньги зашибалъ при откупахъ. Вызолотилъ всѣ двери и окна въ домѣ. Средства позволяли... однимъ словомъ!.. Оттого его и прозвали «золотымъ Гейре»...

Аслаксенъ. И трубы на крышѣ вызолотилъ?

Гейре. Нѣтъ, это ужъ приврали въ газетахъ. Впрочемъ, это было задолго до васъ. Но онъ много денегъ просадилъ. И я тоже. Во что стала мнѣ одна поѣздка въ Лондонъ! Вы не слыхали о моей поѣздкѣ въ Лондонъ? Цѣлый штатъ возилъ съ собой, настоящій дворъ. Неужто не слыхали? А сколько я порасшвырялъ денегъ на поддержку искусства и наукъ! Сколько молодыхъ талантовъ вывелъ на дорогу!

Аслаксенъ (встаетъ). Благодарю васъ, господа!

Монсенъ. Что? Вы уходите отъ насъ?

Аслаксенъ. Да, хочу пройтись немножко. (Уходитъ).

Гейре (понизивъ голосъ). Вотъ одинъ изъ нихъ. Платитъ мнѣ той же монетой, какъ и всѣ остальные, хе-хе! Вы знаете, я цѣлый годъ выдавалъ ему стипендію, чтобы онъ готовился въ университетъ.

Стенсгоръ. Неужели? Такъ Аслаксенъ учился?

Гейре. Какъ и молодой Монсенъ... И тоже ничего не вышло, какъ и... Ну, однимъ словомъ!.. Что, бишь, я хотѣлъ сказать? Пришлось махнуть на него рукой; я скоро открылъ въ немъ злополучное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ...

Монсенъ. Но вы совсѣмъ забыли, что хотѣли разсказать господину Стенсгору про камергера.

Гейре. Э, длинная это исторія! Когда отецъ мой достигъ зенита, старому камергеру какъ разъ приходилось круто, то-есть отцу нынѣшняго, понимаете; онъ тоже былъ камергеръ...

Бастіанъ. Конечно; у насъ все переходитъ по наслѣдству.

Гейре. Въ томъ числѣ и всѣ милыя качества. Однимъ словомъ — финансовый кризисъ... собственная неосторожность... увлеченія... и онъ такъ запутался въ тысяча восемьсотъ шестнадцатомъ и послѣдующихъ годахъ, что ему пришлось продать часть земель...

Стенсгоръ. А вашъ отецъ купилъ?

Гейре. Купилъ и заплатилъ. Ну, и что же? Я получаю эти земли по наслѣдству, завожу всякія улучшенія...

Бастіанъ. Еще бы!

Гейре. За ваше здоровье! Завожу всякія улучшенія, говорю я, расчищаю лѣса; проходятъ годы, и — вдругъ является господинъ камергеръ, нынѣшній то-есть, и расторгаетъ сдѣлку!

Стенсгоръ. Но, почтеннѣйшій г. Гейре, ваша воля была не соглашаться.

Гейре. Какъ бы не такъ! Онъ напиралъ на несоблюденіе какихъ-то формальностей. Да и, кромѣ того, меня самого какъ разъ постигло тогда временное денежное затрудненіе, которое затѣмъ мало-по-малу обратилось въ хроническое. А далеко ли въ наше время уйдешь безъ капиталовъ?

Монсенъ. Что вѣрно, то вѣрно. Да и съ ними иной разъ недалеко уйдешь. Это я на себѣ испыталъ. И даже мои ни въ чемъ неповинныя дѣти...

Бастіанъ (ударяя кулакомъ по столу). Ухъ! Попадись мнѣ только подъ руку нѣкоторыя особы!..

Стенсгоръ. Ваши дѣти — вы говорите?

Монсенъ. Ну да; вотъ, напримѣръ, Бастіанъ. Развѣ онъ плохо ученъ?

Гейре. Ученъ да и переученъ. Чуть не студентъ, чуть не художникъ, чуть не... Ахъ, виноватъ, въ гражданскіе инженеры-то онъ все-таки вышелъ.

Бастіанъ. Чортъ возьми, я думаю!

Монсенъ. Да, я могу доказать это и счетами и аттестатами. Но кому достаются городскіе подряды? Кому поручаютъ у насъ прокладывать дороги, особенно въ послѣдніе два года? Иностранцамъ... Или во всякомъ случаѣ чужимъ, пришлымъ людямъ, о которыхъ никто ничего не знаетъ.

Гейре. Да, вообще дѣла здѣсь идутъ такъ, что просто срамъ. Вотъ къ Новому году надо было выбрать новаго директора сберегательной кассы. Что же вы думаете? Г. Монсена обошли, а выбрали человѣка, знающаго (покашливаетъ) ...знающаго цѣну деньгамъ, чѣмъ, очевидно, нашъ тароватый хозяинъ не отличается. И всякій разъ такъ, когда нуженъ человѣкъ, пользующійся довѣріемъ. Никогда не выберутъ Монсена, а всегда кого-нибудь, кто пользуется довѣріемъ... власть имущихъ. Н-да, commune suffragium, какъ гласитъ римское право; иначе говоря, не везетъ человѣку на аренѣ общественной дѣятельности, батюшка! Фу, ты, чортъ!.. За ваше здоровье!

Монсенъ. Благодарю. Ну, а теперь скажите, въ какомъ положеніи ваши многочисленныя тяжбы?

Гейре. Все еще въ подготовительномъ; больше я пока ничего не могу вамъ сказать. Но сколько мнѣ изъ-за нихъ строятъ каверзъ! На будущей недѣлѣ я, къ сожалѣнію, вынужденъ притянуть къ суду весь городской совѣтъ.

Бастіанъ. А правду говорятъ, что вы какъ-то разъ самого себя притянули къ суду?

Гейре. Самого себя? Да, но я не явился.

Монсенъ. Ха-ха-ха! Вотъ какъ! Ну?

Гейре. По законной причинѣ. Нужно было переправляться черезъ заливъ, а на бѣду у насъ тогда какъ разъ Бастіанъ мостъ строилъ, и—помните—онъ провалился?

Бастіанъ. Чортъ побери!..

Гейре. Успокойтесь, молодой человѣкъ! Мало ли у насъ бываетъ проваловъ... мостовъ, то-есть. У насъ все вѣдь по наслѣдству... однимъ словомъ!

Монсенъ. Ха-ха-ха! Однимъ словомъ, да. Вынейте-ка вы — «однимъ словомъ». (Стенсгору) Какъ видите, г. Гейре пользуется у насъ правомъ говорить, что ему вздумается.

Гейре. Свобода слова — единственное гражданское право, которое я цѣню.

Стенсгоръ. Жаль только, что это право ограничено закономъ!

Гейре. Хе-хе! У г. адвоката, пожалуй, слюнки потекли при мысли о процессѣ по поводу диффамаціи. А? Не жалѣйте пороху, почтеннѣйшій; я старый практикъ.

Стенсгоръ. То-есть — по части диффамаціи?

Гейре. Прошу прощенія, молодой человѣкъ! Ваше негодованіе, право, дѣлаетъ честь вашему сердцу. Прошу не взыскать со старика за его безцеремонные отзывы о вашихъ отсутствующихъ друзьяхъ.

Стенсгоръ. Отсутствующихъ друзьяхъ?

Гейре. Сыну-то, пожалуй, надо отдать справедливость... однимъ словомъ! И дочери тоже. И если я мимоходомъ этакъ случайно задѣлъ камергера...

Стенсгоръ. Камергера? Такъ это вы его съ семействомъ причисляете къ моимъ друзьямъ?

Гейре. Да кто же дѣлаетъ визиты своимъ недругамъ?

Стенсгоръ. Визиты?

Монсенъ. Что такое?

Гейре. Ай-ай! Опять я, вѣрно, проболтался!..

Монсенъ. Такъ вы были съ визитомъ у камергера?

Стенсгоръ. Вздоръ! Искаженіе фактовъ!

Гейре. Какъ это досадно, право! Но могъ ли я предполагать, что это тайна? (Монсену) Вы, впрочемъ, не примите моихъ словъ слишкомъ буквально. Я вѣдь подразумѣвалъ чисто дѣловое... офиціальное посѣщеніе... Положимъ, во фракѣ и въ желтыхъ перчаткахъ... но что же изъ этого?

Стенсгоръ. Могу васъ завѣрить, что я ни словомъ не обмѣнялся ни съ однимъ изъ членовъ семейства!

Гейре. Неужели? Такъ васъ и во второй разъ не приняли? Въ первый-то разъ, я знаю, объявили, что дома никого нѣтъ.

Стенсгоръ (Монсену). Мнѣ нужно было передать кое-какія бумаги отъ нѣкоего лица изъ Христіаніи, вотъ и все.

Гейре (вставая). Убей меня Богъ, это возмутительно! Молодой человѣкъ, довѣрчивый, неопытный, является въ домъ къ умудренному житейскимъ опытомъ свѣтскому человѣку, стучится въ дверь къ тому, у кого всего вдоволь... однимъ словомъ!.. И свѣтскій человѣкъ захлопываетъ дверь,—дома нѣтъ! Никогда нѣтъ дома, когда нужно... однимъ словомъ. (Съ жаромъ) Просто чортъ знаетъ что! И какая возмутительная грубость вдобавокъ!

Стенсгоръ. Оставимъ эту скучную тему!

Гейре. Дома нѣтъ! Это его-то, когда онъ то и дѣло твердитъ: я всегда дома для порядочныхъ людей.

Стенсгоръ. Онъ это говоритъ?

Гейре. Поговорка у него такая. Господина Монсена тоже никогда не принимаютъ. Но я собственно понять не могу, откуда у него такая ненависть къ *вамъ?* Да, я говорю, ненависть. Знаете, что я слышалъ вчера?

Стенсгоръ. И знать не хочу, что вы тамъ вчера слышали.

Гейре. Значитъ — молчу. Впрочемъ, меня такое выраженіе не особенно удивило — то-есть со стороны камергера. Не понимаю только, зачѣмъ ему понадобилось еще словцо: «подковыра».

Стенсгоръ. Подковыра?

Гейре. Если ужъ вы настаиваете, я вынужденъ сказать вамъ, что камергеръ обозвалъ васъ подковырой и авантюристомъ...

Стенсгоръ (вскочивъ). Какъ!?

Гейре. Подковырой и авантюристомъ... или авантюристомъ и подковырой — за порядокъ словъ не ручаюсь.

Стенсгоръ. И вы сами это слышали?

Гейре. Я? Будь дѣло при мнѣ, г. Стенсгоръ, вы можете быть увѣрены, что я бы заступился за васъ, какъ вы того заслуживаете.

Монсенъ. Вотъ вамъ послѣдствія, когда...

Стенсгоръ. Какъ же этотъ нахалъ осмѣливается?..

Гейре. Ну, ну, ну! Не горячитесь! Ручаюсь головой, что это было сказано въ фигуральномъ смыслѣ. Можетъ-быть, просто такъ, въ шутку. Вы можете завтра же попросить у него объясненія. Васъ вѣдь пригласили на большой обѣдъ? А?

Стенсгоръ. Ни на какой обѣдъ меня не приглашали.

Гейре. Два визита — и не приглашены!..

Стенсгоръ. Подковыра и авантюристъ!.. Что бы это означало?

Монсенъ. Смотрите—легокъ на поминѣ! Пойдемъ, Бастіанъ. (Монсенъ и Бастіанъ уходятъ).

Стенсгоръ. Что бы это означало, г. Гейре?

Гейре. Рѣшительно не могу услужить вамъ отвѣтомъ. Вамъ тяжело? Вашу руку, молодой человѣкъ! Простите, если огорчилъ васъ своею откровенностью. Повѣрьте, вамъ еще предстоитъ отвѣдать горечи на жизненномъ пути. Вы молоды, довѣрчивы и простодушны. Это прекрасно, даже трогательно; но... но... простодушіе — серебро, а опытъ — золото. Это пословица собственнаго изобрѣтенія, батюшка! Съ Богомъ! Прощайте! (Уходитъ).

(Камергеръ Братсбергъ, его дочь Тора и докторъ Фьельбо входятъ справа).

Люннестадъ (у трибуны, хлопая въ ладоши). Слово за г. управляющимъ Рингдалемъ.

Стенсгоръ (громко). Г. Люннестадъ, я требую слова!

Люннестадъ. Послѣ!

Стенсгоръ. Нѣтъ, теперь, сейчасъ!

Люннестадъ. Сейчасъ нельзя! Слово за г. Рингдалемъ!

Рингдаль (съ трибуны). Многоуважаемое собраніе! Въ эту минуту мы имѣемъ честь видѣть среди насъ человѣка съ горячимъ сердцемъ и щедрою рукой; человѣка, на котораго мы въ теченіе многихъ лѣтъ привыкли смотрѣть, какъ на отца, который всегда готовъ помочь и словомъ и дѣломъ, дверь котораго никогда не запиралась для добропорядочныхъ членовъ общества, который... Впрочемъ, нашъ почтенный гость не любитъ длинныхъ рѣчей. Поэтому провозгласимъ «ура» въ честь камергера Братсберга съ семействомъ! Ура!

Толпа. Ура! Ура! Ура!

(Шумные крики восторга. Всѣ окружаютъ камергера, который благодаритъ и пожимаетъ руки тѣмъ, кто поближе).

Стенсгоръ. *Теперь* дадутъ мнѣ слово?

Люннестадъ. Сдѣлайте одолженіе. Трибуна къ вашимъ услугамъ.

Стенсгоръ (вскочивъ на столъ). У меня своя трибуна!

Молодежь (толпясь вокругъ него). Ура!

Камергеръ (доктору). Кто этотъ буянъ?

Фьельбо. Адвокатъ Стенсгоръ.

Камергеръ. А, вотъ кто!

Стенсгоръ. Слушайте, вы, братья и сестры, явившіеся сюда въ праздничномъ настроеніи! Слушайте всѣ, чьи сердца въ этотъ торжественный день свободы преисполнены восторга — хотя восторгъ этотъ и подавленъ! Я чужой здѣсь...

Аслаксенъ. Нѣтъ!

Стенсгоръ. Спасибо за это «нѣтъ»! Я принимаю его, какъ

свидѣтельство глубоко-искренняго желанія и потребности принять меня въ свою среду. Все-таки я здѣсь чужой пока; но, клянусь, сердце мое бьется горячимъ сочувствіемъ къ вашему горю и радости, къ вашимъ нуждамъ и торжеству! Да, если бы только отъ меня зависѣло, то... то...

Аслаксенъ. Отъ васъ и зависитъ, г. адвокатъ!

Люннестадъ. Не перебивайте; вамъ не дано слова!

Стенсгоръ. А вамъ тѣмъ меньше! Долой комитетъ! Свобода въ день свободы, ребята!

Молодежь. Ура! Свобода!

Стенсгоръ. Хотятъ лишить васъ права слова! Вы это слышали? Хотятъ превратить васъ въ безсловесное стадо! Долой это тиранство! Не хочу стоять тутъ и держать рѣчь безсловесной толпѣ! Я хочу разговаривать! И вы должны разговаривать! Поговоримъ же по душѣ!

Толпа (съ возрастающимъ восторгомъ). Ура!

Стенсгоръ. Долой эти безплодныя мертвыя торжества! Золотая, чреватая событіями жатва вырастетъ на нивѣ семнадцатаго мая! Вѣдь это пора весенняго расцвѣта, это дѣвственно-цвѣтущій мѣсяцъ!.. Перваго іюня исполнится два мѣсяца, какъ я поселился здѣсь. Сколько насмотрѣлся я за это время здѣсь величественнаго и мелочнаго, прекраснаго и безобразнаго!

Камергеръ. Скажите, докторъ, о чемъ это онъ собственно?..

Фьельбо. По выраженію типографщика Аслаксена—о мѣстныхъ условіяхъ.

Стенсгоръ. Въ народѣ я наблюдалъ блестящія, удивительныя способности, но наблюдалъ и этотъ вредный, губительный духъ, который давитъ и угнетаетъ способности. Да, я видѣлъ молодыя, горячія, довѣрчивыя сердца, рвущіяся къ дѣятельности, но я видѣлъ и тѣхъ, которые захлопываютъ передъ ними двери!

Тора. Боже!

Камергеръ. Что онъ хочетъ сказать этимъ?

Стенсгоръ. Братья и сестры по неустрашимости! Вокругъ насъ въ воздухѣ нависла сила, призракъ старыхъ гнилыхъ временъ, распространяющій гнетъ и мракъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы разливаться свѣту и вдохновенію. Въ могилу этотъ призракъ!

Толпа. Ура! Ура въ честь семнадцатаго мая!

Тора. Пойдемъ, папа!

Камергеръ. Что за призракъ, чортъ возьми! Докторъ, о комъ онъ говоритъ?

Фьельбо (торопливо), Ахъ, это... (Шепчетъ ему нѣсколько словъ).

Камергеръ. Ага! Неужели?

Тора (тихо доктору). Благодарю!

Стенсгоръ. Если никто другой не хочетъ раздавить дракона, то я готовъ! Но, друзья, намъ нужно сплотиться!

Многіе голоса. Да, да!

Стенсгоръ. Намъ — молодежи! Вѣкъ принадлежитъ намъ, но и мы принадлежимъ вѣку. Наше право — нашъ долгъ. Просторъ каждому дѣлу, каждому рѣшенію, разъ оно служитъ проявленіемъ силы! Слушайте! Заключимъ союзъ! Конецъ царству денежнаго мѣшка здѣсь!

Камергеръ. Браво! (Доктору) Онъ сказалъ: «денежнаго мѣшка», — значитъ, дѣйствительно...

Стенсгоръ. Да, ребята, мы настоящая сила. Наша воля — та звонкая монета, которая теперь будетъ пущена въ оборотъ! Война и пораженіе всѣмъ, кто вздумаетъ помѣшать намъ пустить въ оборотъ эту монету!

Толпа. Ура!

Стенсгоръ. Мнѣ сегодня швырнули презрительное «браво»...

Камергеръ. Нѣтъ!

Стенсгоръ. Все равно. Ни одобреній ни угрозъ не принимаетъ человѣкъ, который твердо знаетъ, чего хочетъ, и стоитъ на своемъ! А теперь — съ Богомъ! Да, въ сущности, мы творимъ Его волю, принимаясь за наше молодое смѣлое дѣло. Итакъ—въ ресторанъ!.. Сейчасъ же организуемъ нашъ союзъ!

Толпа. Понесемъ его на рукахъ!

(Окружающіе подхватываютъ Стенсгора на руки).

Голоса. Говорите еще! Еще! Еще!

Стенсгоръ. Сила въ единеніи! За союзъ молодежи само Провидѣніе! Отъ насъ зависитъ, кто будетъ править міромъ... здѣсь, въ округѣ.

(Толпа съ восторженными криками уноситъ Стенсгора въ палатку).

Мадамъ Рундгольменъ (утирая глаза). Вотъ языкъ у этого человѣка! Расцѣловать мало! Что вы скажете, г. Гейре?

Гейре. Ну, расцѣловать — я бы его не расцѣловалъ.

Мадамъ Рундгольменъ. Вы? Ну, еще бы!

Гейре. А вы, пожалуй, не прочь были бы, мадамъ Рундгольменъ?

Мадамъ Рундгольменъ. У, какой вы противный! (Уходитъ въ палатку. Гейре слѣдуетъ за нею).

Камергеръ. Призракъ... драконъ... и денежный мѣшокъ! Ужасно рѣзко — но кстати!

Люннестадъ (подходя къ нему). Весьма... отъ всей души сожалѣю, г. камергеръ...

Камергеръ. Что, гдѣ же ваше знаніе людей? Впрочемъ, это

со всякимъ можетъ случиться. Спокойной ночи, г. Люннестадъ. Спасибо за сегодняшній вечеръ. (Обращаясь къ Торѣ и доктору) Но какая досада! Я вѣдь обидѣлъ этого славнаго молодого человѣка.

Фьельбо. Какъ такъ?

Тора. Ахъ, это ты насчетъ его визита?..

Камергеръ. Двухъ визитовъ. И все Люннестадъ виноватъ, право. Онъ изобразилъ его мнѣ авантюристомъ и... еще чѣмъ-то... я ужъ не помню. Но, къ счастью, я еще могу поправить дѣло.

Тора. Какимъ образомъ?

Камергеръ. Пойдемъ, Тора, мы сегодня же...

Фьельбо. Стоитъ ли, г. камергеръ?..

Тора (тихо ему). Тсс!..

Камергеръ. Разъ сдѣлана оплошность, надо ее поправить; это нашъ прямой долгъ. Спокойной ночи, докторъ! Такъ я провелъ все-таки пріятный часокъ. Вы мнѣ не то готовили сегодня.

Фьельбо. Я, г. камергеръ?

Камергеръ. Да, да, да. И вы и еще кое-кто...

Фьельбо. Да позвольте узнать, въ чемъ я...

Камергеръ. Г. докторъ, не настаивайте. Я никогда не настаиваю. Ну, Богъ съ вами; доброй ночи.

(Камергеръ и Тора уходятъ налѣво. Фьельбо въ раздумьѣ смотритъ имъ вслѣдъ).

Аслаксенъ (изъ палатки). Эй, кельнеръ! Перо и чернилъ! Ну, г. докторъ, пошла теперь потѣха.

Фьельбо. Какая?

Аслаксенъ. Онъ организуетъ союзъ. Почти организовалъ!

Люннестадъ (подойдя незамѣтно). Много записалось въ члены?

Аслаксенъ. У насъ теперь около тридцати семи человѣкъ, не считая вдовъ и прочихъ. Перо и чернилъ, говорю я! Кельнера нѣтъ? Вотъ вамъ наши мѣстныя условія! (Уходитъ направо).

Люннестадъ. Ухъ! Ну и жаркій денекъ выдался сегодня!

Фьельбо. Боюсь, впереди еще болѣе жаркіе...

Люннестадъ. По-вашему, камергеръ очень разсердился?

Фьельбо. Да нисколько, — самъ видѣли. Но что вы скажете насчетъ новаго союза?

Люннестадъ. Гм... да ничего. Что же тутъ сказать?

Фьельбо. Но вѣдь это начало борьбы за власть у насъ въ округѣ.

Люннестадъ. Да, да. Борьба полезна. Онъ человѣкъ съ большими дарованіями — этотъ Стенсгоръ.

Фьельбо. И стремится проложить себѣ дорогу.

Люннестадъ. Молодежь всегда къ этому стремится. И я стремился, когда былъ молодъ. Что и говорить. А не заглянуть ли туда?

Гейре (выходя изъ палатки). А, г. Люннестадъ, собираетесь возражать, составить оппозицію? А? Хе-хе! Такъ поторопитесь!

Люннестадъ. Успѣется еще, я думаю.

Гейре. Опоздали, батюшка! Впрочемъ, если вы мѣтили въ крестные отцы... (Изъ палатки слышатся крики „ура“). Вотъ понамари аминь поютъ: новорожденный союзъ получилъ крещеніе.

Люннестадъ. Послушать-то, вѣрно, можно; я помолчу. (Входитъ въ палатку).

Гейре. Вотъ вамъ еще одно изъ падающихъ деревьевъ! Теперь ихъ много падетъ. Лѣсъ послѣ бури—вотъ какая будетъ картина. Просто прелесть!

Фьельбо. Но скажите, г. Гейре, вамъ-то какой интересъ?

Гейре. Интересъ? Я не изъ-за интереса, г. докторъ! Если я радуюсь, то лишь за своихъ согражданъ. Здѣсь закипитъ жизнь, появится содержаніе, накопится матеріалъ. А для меня лично?.. Помилуйте, мнѣ-то рѣшительно все равно; я скажу, какъ турецкій султанъ про австрійскаго императора и французскаго короля: мнѣ все едино—свинья сожретъ собаку или собака свинью. (Уходитъ въ глубину рощи направо).

Толпа (въ палаткѣ). Да здравствуетъ адвокатъ Стенсгоръ! Ура! Да здравствуетъ союзъ молодежи! Вина! Пунша! Эй, пива! Ура! Ура!

Бастіанъ (выходя изъ палатки). Благослови Богъ васъ и все человѣчество! (Со слезами въ голосѣ) Докторъ, я такъ переполненъ сегодня... Ухъ! Мнѣ надо что-то сдѣлать.

Фьельбо. Не стѣсняйтесь. Что такое вы хотите сдѣлать?

Бастіанъ. А вотъ пойду туда, гдѣ пляшутъ, и намну бока двумъ-тремъ своимъ пріятелямъ. (Уходитъ направо за палатку).

(Стенсгоръ выходитъ изъ палатки безъ шляпы, въ сильномъ волненіи).

Стенсгоръ. Фьельбо, ты ли это, другъ мой?

Фьельбо. Къ вашимъ услугамъ, г. демагогъ! Тебя, конечно, выбрали?..

Стенсгоръ. Разумѣется, но...

Фьельбо. И какіе же будутъ дальнѣйшіе результаты этого? Какія общественныя должности? Постъ директора банка? Или, можетъ-быть...

Стенсгоръ. Не смѣй мнѣ говорить ничего подобнаго! Ты самъ не думаешь этого. Не такъ ты пустъ и пошлъ, а только прикидываешься.

Фьельбо. Ну, послушаемъ.

Стенсгоръ. Фьельбо! Будь мнѣ попрежнему другомъ! Въ послѣднее время между нами разверзлась пропасть. Ты сталъ такимъ непріятнымъ... твои шутки и насмѣшки оттолкнули меня. Но я былъ неправъ. (Обнимаетъ его) Боже! Какъ я счастливъ!

Фьельбо. И ты? Я тоже, я тоже!

Стенсгоръ. Да вѣдь нужно же быть послѣднимъ негодяемъ, чтобы не стать добрымъ, честнымъ человѣкомъ, когда тебѣ такъ повезетъ! И чѣмъ я могъ заслужить это? Что я сдѣлалъ, за что мнѣ, грѣшному простофилѣ, такія богатыя и щедрыя милости!

Фьельбо. Вотъ моя рука! Такимъ я, право, люблю тебя!

Стенсгоръ. Спасибо! Будь мнѣ вѣрнымъ, истиннымъ другомъ! И я буду тебѣ такимъ же. Какое неизъяснимое счастье обладать даромъ — увлекать за собой массу! Какъ не сдѣлаться добрѣе изъ одного чувства благодарности? И какъ не полюбить всѣхъ людей? Такъ бы вотъ, кажется, и прижалъ ихъ къ сердцу и со слезами попросилъ у нихъ прощенія за то, что Богъ былъ ко мнѣ такъ пристрастенъ и одарилъ меня богаче, нежели ихъ.

Фьельбо (тихо). Да, какъ безконечно много можетъ выпасть на долю одного человѣка! Я теперь въ такомъ настроеніи, что, кажется, не въ состояніи растоптать букашки, листочка на дорогѣ.

Стенсгоръ. Ты?

Фьельбо. Тсс! Не объ этомъ рѣчь. Я хотѣлъ только сказать, что понимаю тебя.

Стенсгоръ. Что за дивная ночь! Музыка и шумное ликованіе народа разносятся далеко вокругъ надъ сонными лугами. А тамъ — какая тишь!.. Тотъ, чья душа не воспринимаетъ духовнаго крещенія въ такія минуты, недостоинъ жить на Божьемъ свѣтѣ!

Фьельбо. Но скажи же мнѣ, что будетъ создано — завтра, послѣзавтра и такъ далѣе?

Стенсгоръ. Создано? Сперва нужно разрушить. Слушай, Фьельбо: мнѣ разъ приснилось... или я видѣлъ это наяву... нѣтъ, это былъ сонъ; но какой живой! Мнѣ казалось, что насталъ день судный. Я видѣлъ передъ собой всю площадь земную. Солнца не было; только какой-то зловѣщій, желтый свѣтъ разливался кругомъ. Съ запада неслась буря, сметая все на пути: сперва сухіе листья, а потомъ и людей. Они все-таки держались на ногахъ, но вихрь обвивалъ одежды вокругъ ихъ тѣла, и они неслись какъ будто сидя. Издали ихъ можно было принять за простыхъ мѣщанъ, бѣгущихъ за своими шля-

нами, сорванными вѣтромъ, но вблизи они оказывались императорами и королями, а гнались они и не могли схватить — хотя, казалось, рукой было подать—за коронами и державами. Ихъ проносились сотни, и никто не могъ понять, въ чемъ дѣло; но многіе стонали и вопили: откуда эта страшная буря? И отвѣтъ данъ былъ голосомъ, эхо котораго рождало бурю!

Фьельбо. Когда ты видѣлъ этотъ сонъ?

Стенсгоръ. Не помню хорошенько; нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Фьельбо. Гдѣ-нибудь въ Европѣ случился мятежъ, а ты, плотно поужинавъ, на сонъ грядущій начитался газетъ.

Стенсгоръ. Такая же дрожь, такой же морозъ пробѣгалъ у меня по спинѣ сегодня. Клянусь исполнить свой долгъ! Я самъ хочу быть такимъ голосомъ...

Фьельбо. Милый мой Стенсгоръ, остановись и подумай. Ты хочешь быть голосомъ? Хорошо. А гдѣ? Въ здѣшнемъ участкѣ? Много-много въ здѣшнемъ уѣздѣ? И кто будетъ твоимъ эхо, рождающимъ бурю? Люди, въ родѣ Монсена, Аслаксена и разжирѣвшаго генія — господина Бастіана. Вмѣсто бѣгущихъ императоровъ и королей мы увидимъ землевладѣльца Люнпестада въ погонѣ за депутатскимъ полномочіемъ. Что же окажется въ результатѣ? Да то же самое, что представилось тебѣ сначала въ сновидѣніи—мѣщане въ бурю.

Стенсгоръ. Въ ближайшемъ будущемъ, да! Но никто не знаетъ, какъ далеко зайдетъ гроза.

Фьельбо. Э, все вздоръ! Какая тамъ гроза?.. Но ты вотъ слѣпо вѣришь всякому вздору и безразсудно нападаешь на лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ людей у насъ...

Стенсгоръ. Неправда!

Фьельбо. Нѣтъ, правда! Монсенъ ухватился за тебя, какъ только ты пріѣхалъ, и, если ты не сумѣешь отдѣлаться отъ него, ты погубишь себя. Камергеръ Братсбергъ превосходный человѣкъ, можешь быть увѣренъ. Знаешь, изъ-за чего Монсенъ воспылалъ къ нему ненавистью? Изъ-за того, что...

Стенсгоръ. Ни слова больше! Я не позволю тебѣ оскорблять моихъ друзей!

Фьельбо. Послушай, Стенсгоръ, подумай хорошенько—другъ ли тебѣ господинъ Монсъ Монсенъ?

Стенсгоръ. Землевладѣлецъ Монсенъ радушно открылъ мнѣ двери своего дома...

Фьельбо. Онъ безуспѣшно открываетъ ихъ лучшимъ членамъ здѣшняго общества.

Стенсгоръ. Кого ты называешь лучшими? Задирающихъ носъ чиновниковъ? Знаю. Но я былъ принятъ у Монсена въ Сторли такъ радушно, съ такимъ почетомъ...

Фьельбо. Съ почетомъ! Вотъ въ чемъ вся и суть!

Стенсгоръ. Вовсе нѣтъ! Меня не подкупишь. Монсенъ человѣкъ даровитый, начитанный, интересующійся общественными вопросами и понимающій...

Фьельбо. Даровитый? Пожалуй, въ своемъ родѣ. Начитанный? Да, онъ получаетъ газеты и вычиталъ изъ нихъ, какія рѣчи ты говорилъ и какія статьи писалъ. Свой же интересъ къ общественнымъ вопросамъ онъ, конечно, доказалъ тѣмъ, что одобрялъ и твои рѣчи и твои статьи.

Стенсгоръ. Слушай, Фьельбо! Опять въ тебѣ старыя дрожди забродили! И когда ты наконецъ откажешься отъ такого низменнаго образа мыслей! Зачѣмъ всегда и во всемъ видѣть только низкія или смѣшныя побужденія? Но ты это не серьезно... Ну вотъ, теперь ты смотришь опять попрежнему! Хочешь, я тебѣ скажу, въ чемъ здѣсь суть? Знаешь ты Рагну?

Фьельбо. Рагну Монсенъ? Немножко.

Стенсгоръ. Да, она изрѣдка бываетъ у камергера.

Фьельбо. Тайкомъ. Онѣ съ фрёкенъ Братсбергъ школьныя подруги.

Стенсгоръ. И что ты о ней скажешь?

Фьельбо. Судя по всему, что я о ней слышалъ, она прекрасная дѣвушка.

Стенсгоръ. Ахъ, видѣлъ бы ты ее въ домашней обстановкѣ! Только и думаетъ о младшихъ братьяхъ и сестрахъ. А какъ за матерью ухаживала! Та, говорятъ, послѣдніе годы жизни была ненормальна.

Фьельбо. Да, да. Я самъ одно время лѣчилъ у нихъ въ домѣ. Но, скажи мнѣ, дружище, вѣдь ты же не...

Стенсгоръ. Да, Фьельбо, я серьезно люблю ее. Тебѣ я могу признаться. Понимаю, что ты удивленъ. Тебя поражаетъ, что я такъ скоро... Ну да, вѣдь ты знаешь, что я былъ объявленъ женихомъ въ Христіаніи?

Фьельбо. Слышалъ.

Стенсгоръ. Дѣло въ томъ, что все это съ начала до конца было ошибкой. Мнѣ пришлось порвать. Такъ было лучше для обѣихъ сторонъ. Повѣрь, я довольно выстрадалъ; совсѣмъ измучился... Но слава Богу, что развязался. Вотъ это-то и заставило меня уѣхать изъ Христіаніи.

Фьельбо. А насчетъ Рагны Монсенъ ты увѣренъ, что серьезно любишь ее?

Стенсгоръ. Вполнѣ; тутъ ошибки быть не можетъ.

Фьельбо. Ну, такъ съ Богомъ рѣшайся на серьезный шагъ. Это великое счастье! О я бы могъ сказать тебѣ много...

Стенсгоръ. Неужели? Она что-нибудь такое говорила? Можетъ-быть, фрёкенъ Братсбергъ?..

Фьельбо. Ты меня не понялъ. Но какъ же ты въ такомъ настроеніи можешь упиваться этой политической оргіей? Какъ могутъ дѣйствовать на тебя какія-то городскія сплетни?

Стенсгоръ. Почему же нѣтъ? Человѣкъ не такая простая машина. По крайней мѣрѣ я не таковъ. Да и, кромѣ того, вся эта борьба и столкновенія какъ разъ помогутъ мнѣ проложить дорогу къ ней.

Фьельбо. Ну и поплая же это дорога!

Стенсгоръ. Фьельбо, я честолюбивъ, ты знаешь. Мнѣ нужно пробиться впередъ. Какъ подумаю, что мнѣ уже тридцать лѣтъ, а я все еще въ самомъ началѣ карьеры, совѣсть такъ и начнетъ меня грызть.

Фьельбо. Только не зубами мудрости.

Стенсгоръ. Съ тобой не сговоришь. У тебя никогда не было никакихъ такихъ бурныхъ стремленій и порывовъ. Ты весь свой вѣкъ слонялся и благодушествовалъ — и студентомъ и по окончаніи курса — сначала за границей, потомъ здѣсь...

Фьельбо. Можетъ-быть; во всякомъ случаѣ, чудесно провелъ время. И такое времяпровожденіе не влечетъ за собой той разслабленности, какую испытываетъ человѣкъ, сойдя съ трибуны послѣ...

Стенсгоръ. Говори о чемъ хочешь, только это ты оставь, слышишь! И грѣхъ тебѣ это трогать. Ты отнимаешь у меня всякій подъемъ...

Фьельбо. Ну, если подъемъ твой такъ непрочень...

Стенсгоръ. Перестань, говорю! Кто далъ тебѣ право вторгаться въ то, что составляетъ мое счастье? Или ты не считаешь меня человѣкомъ искреннимъ?

Фьельбо. О, нѣтъ, напротивъ, клянусь!

Стенсгоръ. Такъ зачѣмъ же поселять во мнѣ чувство пустоты, отвращенія и недовѣрія къ самому себѣ? (Въ палаткѣ шумъ и крики). Слышишь? Слышишь? Пьютъ за мое здоровье. Нѣтъ, если дѣло могло захватить, увлечь столько сердецъ, то, клянусь Богомъ, оно справедливо!

(Фрёкенъ Братсбергъ, фрёкенъ Монсенъ и Гелле выходятъ слѣва на середину площадки).

Гелле (фрёкенъ Братсбергъ). Вотъ, фрёкенъ, адвокатъ Стенсгоръ какъ разъ передъ вами.

Тора. Ну, такъ я не пойду съ вами дальше. Прощай, Рагна! (Гелле) Прощайте!

Гелле и Рагна. Прощайте! Прощайте! (Уходятъ направо).

Тора (подходитъ къ Стенгору). Я дочь горнозаводчика Братсберга. Отецъ поручилъ мнѣ передать вамъ письмо.

Стенгоръ. Мнѣ?

Тора. Да. Вотъ оно. (Хочетъ уйти).

Фьельбо. Не позволите ли проводить васъ?

Тора. Нѣтъ, благодарю. Прощайте. (Уходитъ налѣво).

Стенгоръ (читаетъ при свѣтѣ бумажнаго фонаря). Что такое?

Фьельбо. А что, мой другъ? Что пишетъ камергеръ?

Стенгоръ (разражаясь хохотомъ). Ну, ужъ этого я не ожидалъ.

Фьельбо. Говори же!

Стенгоръ. Камергеръ Братсбергъ — жалкая личность.

Фьельбо. Ты осмѣливаешься?..

Стенгоръ. Жалкая, жалкая! Можешь передать это кому угодно! Впрочемъ... не надо. (Прячетъ письмо) Пусть это останется между нами.

(Народъ выходитъ изъ палатки).

Монсенъ. Г. предсѣдатель!.. Гдѣ же Стенгоръ?

Толпа. Вотъ онъ! Ура!

Люннестадъ. Господинъ адвокатъ забылъ свою шляпу. (Передаетъ ему ее).

Аслаксенъ. Извольте,—вотъ пуншъ. Полный бокалъ.

Стенгоръ. Благодарю; довольно.

Монсенъ. Надѣюсь, господа члены не забудутъ, что завтра рѣшено собраться у меня въ Сторли...

Стенгоръ. Завтра? Да вѣдь не завтра хотѣли...

Монсенъ. Именно завтра. Чтобы составить циркуляръ...

Стенгоръ. Нѣтъ, завтра я, право, не могу. Посмотрю послѣзавтра или... Пока прощайте, господа. Душевное спасибо за сегодняшнее и ура за будущее!

Толпа. Ура! Проводимъ его домой!

Стенгоръ. Благодарю, благодарю! Право, это лишнее...

Аслаксенъ. Нѣтъ, мы васъ всѣ проводимъ!

Стенгоръ. Ну, хорошо. Прощай, Фьельбо; ты вѣдь не пойдешь съ нами?

Фьельбо. Нѣтъ; но я долженъ тебѣ сказать, что насчетъ камергера...

Стенгоръ. Тсс! Я хватилъ черезъ край. Забудемъ это! Ну, почтенные друзья мои, если вы готовы—двинемся. Я впереди!

Монсенъ. Вашу руку, Стенгоръ!

Бастіанъ. Затянемъ пѣсню! Что-нибудь такое — патріотическое!

Толпа. Пѣсню! Пѣсню! Играйте!

(Подъ звуки музыки и хорового пѣнія шествіе направляется въ глубину рощи направо).

Фьельбо (Люннестаду, который остался). Вотъ такъ шествіе!

Люннестадъ. Ничего себѣ. Да и предводитель хоть куда.

Фьельбо. А вы куда теперь, г. Люннестадъ?

Люннестадъ. Я? Домой—да на боковую.

(Кланяется и уходитъ. Докторъ Фьельбо остается одинъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная камергера Братсберга, роскошно обставленная; фортепіано, цвѣты и тропическія растенія. Въ глубинѣ сцены входныя двери. Налѣво дверь въ столовую; направо нѣсколько открытыхъ стеклянныхъ дверей прямо въ садъ.

Типографщикъ Аслаксенъ стоитъ у входныхъ дверей. Горничная направляется въ столовую, неся двѣ вазы съ фруктами.

Горничная. Говорятъ же вамъ, господа еще за столомъ. Зайдите послѣ.

Аслаксенъ. Нѣтъ, нельзя ли мнѣ лучше подождать?

Горничная. Какъ хотите. Можете присѣсть пока.

(Уходитъ въ столовую. Аслаксенъ садится на стулъ у дверей. Пауза. Докторъ Фьельбо входитъ изъ главныхъ дверей).

Фьельбо. А, здравствуйте, Аслаксенъ! И вы тутъ?

Горничная (возвращаясь). Ахъ, какъ вы поздно, г. докторъ!

Фьельбо. Къ больному былъ отозванъ.

Горничная. Камергеръ и барышня ужъ нѣсколько разъ про васъ спрашивали.

Фьельбо. Въ самомъ дѣлѣ?

Горничная. Пожалуйте же! Или сказать, чтобы...

Фьельбо. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно. Я успѣю закусить. Подожду здѣсь.

Горничная. Да они скоро и откушаютъ. (Уходитъ. Пауза).

Аслаксенъ. И вы упускаете такой званый обѣдъ?.. Съ десертомъ, тонкими винами и прочими деликатесами?

Фьельбо. Да, чортъ возьми, тутъ скорѣе можно чувствовать пресыщеніе, чѣмъ недостатокъ въ такихъ обѣдахъ.

Аслаксенъ. Вотъ ужъ никакъ не могу согласиться съ вами.

Фьельбо. Гм! Послушайте, вы кого-нибудь ждете?

Аслаксенъ. Да, кого-то жду, да.

Фьельбо. А какъ у васъ дома? Что жена?

Аслаксенъ. Лежитъ, по обыкновенію, кашляетъ и таетъ, какъ свѣчка.

Фьельбо. А второй сынъ?

Аслаксенъ. Навѣкъ останется калѣкой,—вы же знаете. Видно, такая ужъ наша доля; и говорить не стоитъ.

Фьельбо. Дайте-ка взглянуть на васъ хорошенько.

Аслаксенъ. Ну, что еще?

Фьельбо. Выпили сегодня?

Аслаксенъ. И вчера.

Фьельбо. Вчера; вчера еще куда ни шло, а вотъ сегодня...

Аслаксенъ. А тѣ тамъ... (указывая на столовую) тоже, небось, пьютъ?

Фьельбо. Такъ-то такъ, милѣйшій мой; до извѣстной степени вы правы; но разные люди—разныя положенія.

Аслаксенъ. Я не выбиралъ своего положенія.

Фьельбо. Нѣтъ; Богъ его избралъ вамъ.

Аслаксенъ. Нѣтъ, не Онъ, а люди: Даніилъ Гейре, когда взялъ меня изъ типографіи и посадилъ за книги, и камергеръ, когда разорилъ Даніила Гейре и тѣмъ заставилъ меня вернуться въ типографію.

Фьельбо. Мнѣ-то вы этого не разсказывайте,—я лучше все знаю. Не камергеръ разорилъ Даніила Гейре, а самъ онъ себя разорилъ.

Аслаксенъ. Пусть такъ; но какъ же смѣлъ Даніилъ Гейре разоряться, когда взялъ меня на свое попеченіе? Конечно, и Богъ тутъ не безъ вины. Зачѣмъ Онъ далъ мнѣ способности и дарованія? Правда, они могли бы пригодиться мнѣ и въ положеніи честнаго ремесленника; да вотъ принесла нелегкая этого стараго пустомелю!..

Фьельбо. Нехорошо такъ говорить. Даніилъ Гейре, конечно, искренно желалъ вамъ добра.

Аслаксенъ. Много добра вышло изъ его желанія! Вонъ они тамъ сидятъ теперь, чокаются и провозглашаютъ тосты... и я такъ сиживалъ, былъ не хуже другихъ, одѣтъ съ иголочки... Вотъ была жизнь! Какъ разъ по мнѣ! Я вѣдь столько читалъ и такъ долго мечталъ вкусить отъ благъ міра сего свою долю. И вотъ—тьфу! Долго ли пробылъ Адамъ въ раю? Трахъ!—и весь наборъ разсыпался,—какъ говорятъ у насъ въ типографіи.

Фьельбо. Да, но ваше положеніе было все-таки не такъ ужъ плохо: вы могли вернуться къ своему ремеслу.

Аслаксенъ. Хорошо вамъ толковать. Отвѣдавъ сладкаго, не захочешь горькаго. Я стоялъ на твердой почвѣ,—такъ нѣтъ, пихнули меня на скользкій ледъ... да еще смѣются надо мной, когда поскользнусь.

Фьельбо. Ну, ну; я совсѣмъ не хочу относиться къ вамъ такъ строго.

Аслаксенъ. И хорошо сдѣлаете. Тутъ такая неразбериха!.. Даніилъ Гейре, Провидѣніе, камергеръ, обстоятельства и наконецъ я самъ. Я часто пытался разобраться во всемъ этомъ

и описать, но оно все такъ чертовски запутано, что... (Взглянувъ налѣво) Ага, встаютъ изъ-за стола.

(Гости, мужчины и дамы, весело разговаривая, переходятъ изъ столовой въ садъ. Между ними адвокатъ Стенсгоръ, у котораго съ лѣвой руки Тора, а съ правой Сельма. Докторъ Фьельбо и Аслаксенъ стоятъ у дверей въ глубинѣ сцены).

Стенсгоръ. Я вѣдь здѣсь новичокъ... Куда прикажете?

Сельма. Въ садъ. Надо вамъ показать его.

Стенсгоръ. Да, да; говорятъ — великолѣпный. (Уходятъ направо въ садъ).

Фьельбо. Боже мой, да вѣдь это Стенсгоръ!

Аслаксенъ. Его-то мнѣ и нужно. Цѣлый день бѣгалъ за нимъ, да, на счастье, встрѣтилъ Гейре...

(Данінлъ Гейре и Эрикъ Братсбергъ выходятъ изъ столовой).

Гейре. Хе-хе, ей-Богу, отличный хересъ! Не пилъ такого съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ былъ въ Лондонѣ.

Эрикъ. Да, не правда ли? Такой хересъ можетъ оживить человѣка.

Гейре. Да, да; пріятно видѣть, что твоими деньгами такъ хорошо распоряжаются.

Эрикъ. Какъ? (Засмѣявшись) А! Да, да! (Проходятъ въ садъ).

Фьельбо. Такъ, вы говорите, вамъ нужно повидаться со Стенсгоромъ?

Аслаксенъ. Да.

Фьельбо. По дѣлу?

Аслаксенъ. Понятно; въ газетѣ долженъ появиться отчетъ о вчерашнемъ торжествѣ...

Фьельбо. Такъ видите ли... вамъ придется подождать тамъ...

Аслаксенъ. Въ коридорѣ?

Фьельбо. Въ передней. Здѣсь не время и не мѣсто... Я послѣжу, и какъ только Стенсгоръ на минутку освободится, понимаете?..

Аслаксенъ. Какъ же; что-жъ, подожду, пока не позовутъ. (Уходитъ).

(Камергеръ Братсбергъ, Люннестадъ, Рингдаль и еще нѣсколько мужчинъ выходятъ изъ столовой).

Камергеръ (Люннестаду). По-вашему, это было грубо? Ну, я не стану придираться къ формѣ; а въ содержаніи, могу васъ увѣрить, было много правды.

Люннестадъ. Да, да; если г. камергеръ доволенъ, то я и подавно.

Камергеръ. Я полагаю. А, вотъ наконецъ и нашъ докторъ. И, разумѣется, голодный?

Фьельбо. Ничего, г. камергеръ; до буфета недалеко, — я вѣдь почти какъ дома здѣсь...

Камергеръ. Вотъ какъ! А не рановато ли?

Фьельбо. Какъ? Надѣюсь, вы не въ претензіи? Вы сами же разрѣшили мнѣ...

Камергеръ. Что разрѣшено, то разрѣшено... Ну, ну; такъ и считайте себя дома и ноищите дорогу въ буфетъ. (Слегка ударяетъ его по плечу и обращается къ Люннестаду) Вотъ вамъ! Его можете называть искателемъ счастья и... чѣмъ тамъ еще... не помню.

Фьельбо. Г. камергеръ!..

Люннестадъ. Увѣряю же васъ, что я...

Камергеръ. Послѣ обѣда вредно спорить. Сейчасъ намъ подадутъ туда кофе. (Уходитъ въ садъ. Гости слѣдуютъ за нимъ).

Люннестадъ. Замѣтили вы, докторъ, какой камергеръ сегодня странный?

Фьельбо. Это я еще вчера вечеромъ замѣтилъ.

Люннестадъ. Представьте, онъ непремѣнно хочетъ свалить на меня — будто это я назвалъ Стенсгора авантюристомъ и тому подобнымъ.

Фьельбо. Э, что тамъ, г. Люннестадъ! Если бы даже и такъ? Но, извините меня, надо пойти поздороваться съ дамами. (Уходитъ направо).

Люннестадъ (Рингдалю, который приготовляетъ столъ для картъ). Какимъ образомъ попалъ сюда адвокатъ Стенсгоръ?

Рингдаль. Да, это вы мнѣ скажите. Его сначала не было въ спискѣ.

Люннестадъ. Значитъ, послѣ пригласили. Послѣ его лестнаго отзыва о камергерѣ.

Рингдаль. Да; въ состояніи вы понять это?

Люннестадъ. Понять? О, да.

Рингдаль (тихо). Вы думаете, камергеръ боится его?

Люннестадъ. Нѣтъ, я думаю просто, что онъ остороженъ,— вотъ что я думаю.

(Люннестадъ съ Рингдалемъ, разговаривая, проходятъ въ садъ черезъ крайнія двери въ глубинѣ, а черезъ первыя входятъ въ гостиную изъ сада Сельма и Стенсгоръ).

Сельма. Да, взгляните отсюда. Отсюда видны и колокольня и вся верхняя часть города.

Стенсгоръ. Въ самомъ дѣлѣ. Вотъ не ожидалъ!

Сельма. Не правда ли, восхитительный видъ?

Стенсгоръ. Здѣсь все восхитительно! И садъ, и виды, и солнце, и люди! Боже мой, какъ все это хорошо! И вы живете здѣсь все лѣто?

Сельма. Нѣтъ, мы съ мужемъ бываемъ здѣсь только въ гостяхъ. У насъ свой домъ въ городѣ, гораздо лучше этого. Вотъ вы увидите.

Стенсгоръ. И ваша семья тоже живетъ въ городѣ?

Сельма. Моя семья? Какая семья?

Стенсгоръ. Я не зналъ...

Сельма. У насъ, сказочныхъ принцессъ, не бываетъ семьи.

Стенсгоръ. Сказочныхъ принцессъ?..

Сельма. Самое большее — злая мачеха...

Стенсгоръ ...Вѣдьма, да! Такъ вы — принцесса?

Сельма. Владѣтельница всѣхъ затонувшихъ замковъ, въ которыхъ по ночамъ играетъ музыка. Докторъ Фьельбо полагаетъ, что это очень завидное положеніе, но... да вотъ послушайте!..

Эрикъ (изъ сада). Наконецъ-то удалось отыскать барыньку!

Сельма. Барынька разсказываетъ г. Стенсгору свою біографію.

Эрикъ. Вотъ какъ; а какую роль играетъ въ ея біографіи мужъ?

Сельма. Разумѣется, роль принца. (Стенсгору) Вы знаете, въ сказкѣ всегда появляется принцъ, разрушаетъ чары, и — все перемѣняется къ лучшему, весь міръ ликуетъ, и — сказкѣ конецъ.

Стенсгоръ. О, это было бы слишкомъ коротко!

Сельма. Пожалуй, какъ для кого.

Эрикъ (обнимая ее за талію). Но изъ этой сказки вышла новая; принцесса стала королевой.

Сельма. На тѣхъ же условіяхъ, какъ настоящія принцессы.

Эрикъ. На какихъ условіяхъ?

Сельма. Имъ приходится уѣхать на чужую сторону, далеко отъ родины.

Эрикъ. Не угодно ли сигару, г. Стенсгоръ?

Стенсгоръ. Благодарю; послѣ.

(Докторъ Фьельбо и Тора входятъ изъ сада).

Сельма. А, вотъ и ты, милая Тора! Надѣюсь, ты все-таки не больна?

Тора. Я? Нѣтъ.

Сельма. А я боюсь... Ты эти дни что-то особенно усердно совѣтуешься съ докторомъ.

Тора. Увѣряю тебя...

Сельма. Разсказывай!.. Дай-ка мнѣ пощупать твой пульсъ... Ты вся пылаешь! Милѣйшій докторъ, какъ вы думаете, скоро пройдетъ этотъ жаръ?

Фьельбо. На все свое время.

Тора. Да вѣдь и озноба не лучше.

Сельма. Лучше всего ровная, средняя температура. Мужъ мой того же мнѣнія.

Камергеръ (входитъ изъ сада). Кажется, здѣсь семейный совѣтъ? Не очень-то это вѣжливо по отношенію къ гостямъ.

Тора. Сейчасъ, папа, я...

Камергеръ. А! Такъ это за вами дамы ухаживаютъ, г. Стенсгоръ? Это ужъ я возьму на себя.

Тора (тихо доктору). Останьтесь! (Уходитъ въ садъ).

Эрикъ (предлагая женѣ руку). Могу я предложить вамъ руку, сударыня?

Сельма. Идемъ! (Уходятъ направо).

Камергеръ. Ну, эту парочку не разлучишь.

Фьельбо. Да и грѣшно пытаться.

Камергеръ. Да; за обиженныхъ разумомъ самъ Господь заступается. (Кричитъ въ отворенную дверь) Тора, Тора, пожалуйста, присмотри за Сельмой! Принеси ей шаль, не давай ей разгуливать такъ; она простудится!.. Да, мы, люди, не видимъ дальше своего носа, докторъ. Не знаете ли средства противъ такой близорукости?

Фьельбо. Опытъ. Разъ промахнуться и зарубить себѣ на носу — въ другой разъ быть умнѣе.

Камергеръ. Гм! Благодарю за совѣтъ. Но разъ вы считаете себя здѣсь какъ дома, то не мѣшало бы и вамъ немножко позаняться гостями.

Фьельбо. Хорошо; не пройдемся ли, Стенсгоръ?

Камергеръ. Нѣтъ, милый мой, — вонъ идетъ мой старый пріятель Гейре...

Фьельбо. Да онъ тоже считаетъ себя здѣсь дома.

Камергеръ. Ха-ха-ха! Знаю!

Фьельбо. Ну, такъ мы съ нимъ и составимъ компанію; постараемся скоротать время. (Уходитъ въ садъ).

Стенсгоръ. Г. камергеръ упомянулъ о Даніилѣ Гейре. Долженъ признаться, что меня удивило его присутствіе здѣсь.

Камергеръ. Развѣ? Мы съ г. Гейре школьные товарищи и друзья юности. Кромѣ того, часто сталкивались въ жизни...

Стенсгоръ. Да, г. Гейре немало поразсказалъ вчера вечеромъ объ этихъ столкновеніяхъ.

Камергеръ. Гм!

Стенсгоръ. Не будь его, я бы никогда не погорячился такъ; но у него такая манера отзываться о людяхъ и о событіяхъ, что... Вообще у него презлой языкъ.

Камергеръ. Мой юный другъ, г. Гейре — мой гость; надѣюсь, вы этого не забудете? У меня въ домѣ полная непринужденность... на условіи — не отзываться неуважительно о моихъ знакомыхъ; это не по-рыцарски.

Стенсгоръ. Прошу извиненія!..

Камергеръ. Ну, ну! Вы принадлежите къ молодежи, а она не такъ строго на это смотритъ. Что же до г. Гейре, то я

сомнѣваюсь, чтобы вы его знали основательно. Во всякомъ случаѣ это человѣкъ, которому я безконечно много обязанъ.

Стенсгоръ. Онъ это и говорилъ, но я не думалъ, что...

Камергеръ. Ему я обязанъ лучшимъ сокровищемъ нашей семьи, г. Стенсгоръ! Ему я обязанъ своей невѣсткой. Да, да, въ самомъ дѣлѣ! Данiилъ Гейре покровительствовалъ ей съ дѣтства. Она была чудо-ребенкомъ: десяти лѣтъ отъ роду давала концерты. Вы, вѣрно, слышали о ней: Сельма Шёбломъ?..

Стенсгоръ. Шёбломъ? Какъ же! Ея отецъ былъ шведъ?

Камергеръ. Учитель музыки, да. Онъ пріѣхалъ сюда много лѣтъ тому назадъ. Ну, условія жизни музыканта, вы знаете, вообще не блестящи, да и привычки тоже не всегда клонятся къ его благу... А господинъ Гейре всегда гонялся за талантами; вотъ онъ и воспиталъ дѣвочку и отправилъ ее въ Берлинъ учиться. Потомъ, когда ея отецъ умеръ и положеніе Гейре измѣнилось, она вернулась въ Христіанію, гдѣ ее, конечно, стали принимать въ лучшихъ домахъ. Такимъ-то образомъ мой сынъ и имѣлъ возможность съ ней встрѣтиться.

Стенсгоръ. Да, такимъ образомъ старикъ Гейре дѣйствительно послужилъ орудіемъ...

Камергеръ. Въ жизни все такъ, — одно цѣпляется за другое. Всѣ мы орудія, и вы также, — то-есть разрушающее...

Стенсгоръ. О, господинъ камергеръ, прошу васъ! Мнѣ прямо совѣстно...

Камергеръ. Совѣстно?

Стенсгоръ. Да, это было въ высшей степени неприлично...

Камергеръ. Противъ формы еще, пожалуй, можно было бы возразить кое-что; но смыслъ былъ правиленъ. И вотъ о чемъ я васъ попрошу: если у васъ впредь будетъ что-нибудь такое на сердцѣ, приходите прямо ко мнѣ и выскажитесь откровенно, честно, напрямикъ. Цѣль у всѣхъ у насъ хорошая; моя же обязанность...

Стенсгоръ. И вы позволите мнѣ быть съ вами откровеннымъ?

Камергеръ. Еще бы, конечно. Вы думаете, я не замѣтилъ давно, что мѣстная жизнь по милости нѣкоторыхъ элементовъ приняла направленіе отнюдь не желательное? Но что же мнѣ было дѣлать? При покойномъ королѣ Карлѣ-Іоаннѣ я почти безвыѣздно жилъ въ Стокгольмѣ. Теперь я старъ, да и не въ моемъ характерѣ проводить реформы или вмѣшиваться лично въ общественное движеніе. У васъ, г. Стенсгоръ, напротивъ, всѣ данныя для этого, и мы съ вами должны идти рука объ руку.

Стенсгоръ. Благодарю, г. камергеръ, отъ всей души благодарю.

(Рингдаль и Данiилъ Гейре входятъ изъ сада).

Рингдаль. Я вамъ говорю, что это, вѣрно, недоразумѣніе.

Гейре. Что-о? Вотъ такъ штука! Что-жъ, мнѣ не вѣрить собственнымъ ушамъ?

Камергеръ. Что-нибудь новое, Гейре?

Гейре. Да ничего, кромѣ того, что Люннестадъ собирается сыграть въ руку сторлійцамъ.

Камергеръ. Ты шутишь!

Гейре. Извини, многоуважаемый. Слышалъ изъ его собственныхъ устъ. Землевладѣлецъ Люннестадъ по причинѣ разстроеннаго здоровья желаетъ удалиться въ частную жизнь. Объ остальномъ не трудно догадаться.

Стенсгоръ. И это вы слышали изъ его собственныхъ устъ?

Гейре. Точно такъ! Онъ эту важную новость объявилъ во всеуслышаніе. Хе-хе-хе!

Камергеръ. Но, любезный Рингдаль, какъ же объяснить себѣ это?

Гейре. Казалось бы, угадать не трудно.

Камергеръ. Нѣтъ, все-таки... Вѣдь это важное дѣло для всего округа... Пойдемте, Рингдаль, надо съ нимъ переговорить.

(Камергеръ и Рингдаль уходятъ въ садъ въ ближайшую дверь, а докторъ Фьельбо входитъ изъ сада черезъ дальнюю).

Фьельбо. Камергеръ вышелъ?

Гейре. Тсс! Мудрецы собираются держать совѣтъ! Важная новость, докторъ! Люннестадъ отказывается отъ своего депутатства.

Фьельбо. Не можетъ быть!

Стенсгоръ. Да, какъ тебѣ это покажется?

Гейре. Вотъ заварится каша! Это «союзъ молодежи» начинаетъ дѣйствовать, г. Стенсгоръ. Знаете, какъ вамъ слѣдовало бы назвать вашъ кружокъ? Я вамъ потомъ скажу.

Стенсгоръ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что это нашъ союзъ?..

Гейре. Да я не я — тутъ никакого сомнѣнія. Ну, значитъ, намъ предстоитъ-таки удовольствіе спровадить этого господина землевладѣльца въ стортингъ. Хорошо, кабы его уже и не было тутъ! Я бы съ удовольствіемъ самъ прокатилъ его... однимъ словомъ! Хе-хе-хе! (Уходитъ въ садъ).

Стенсгоръ. Скажи, Фьельбо, какъ ты объяснишь себѣ все это?

Фьельбо. Есть вещи, которыя еще труднѣе себѣ объяснить. Напримѣръ, какимъ образомъ ты здѣсь?

Стенсгоръ. Я? Разумѣется, какъ и всѣ остальные, — приглашенъ.

Фьельбо. Да, знаю, тебя пригласили вчера вечеромъ послѣ твоей рѣчи?

Стенсгоръ. Ну да, и что же?

Фьельбо. Да какъ же ты принялъ такое приглашеніе!

Стенсгоръ. А какого же чорта мнѣ было дѣлать? Не могъ же я обидѣть такихъ милыхъ людей.

Фьельбо. Да? Тутъ не могъ? А въ своей рѣчи могъ?

Стенсгоръ. Вздоръ! Въ своей рѣчи я нападалъ не на личности, а на принципы.

Фьельбо. А какъ ты объясняешь себѣ приглашеніе камергера?

Стенсгоръ. Да, любезный другъ, тутъ можетъ быть только одно объясненіе.

Фьельбо. А именно, что камергеръ боится тебя?

Стенсгоръ. Даю слово, что впредь у него не будетъ повода. Онъ человѣкъ благородный.

Фьельбо. Это вѣрно.

Стенсгоръ. И, право, даже трогательно, что онъ, старикъ, отнесся къ дѣлу такимъ образомъ. А какъ мила была фрёкенъ Братсбергъ, когда передавала письмо!

Фьельбо. Но скажи... у васъ вѣдь не было разговора о вчерашнемъ?

Стенсгоръ. Помилуй, они люди слишкомъ воспитанные, чтобы коснуться чего-либо такого... щекотливаго. Но меня мучитъ совѣсть; я думаю извиниться потомъ...

Фьельбо. Рѣшительно не совѣтовалъ бы тебѣ! Ты не знаешь камергера...

Стенсгоръ. Ну, ну; тогда пусть говорятъ за меня мои поступки.

Фьельбо. Не собираешься же ты порвать съ партіей сторлійцевъ?

Стенсгоръ. Я хочу добиться примиренія. У меня вѣдь уже есть свой кружокъ — нашъ союзъ; а это сила, какъ видишь.

Фьельбо. Ахъ, да, пока я не забылъ — насчетъ любви твоей къ фрёкенъ Монсенъ... Я вчера совѣтовалъ тебѣ серьезно...

Стенсгоръ. Да, да, но это всегда успѣется...

Фьельбо. Нѣтъ, послушай, теперь я обдумалъ хорошенько. Тебѣ надо выбросить изъ головы этотъ планъ.

Стенсгоръ. Да, пожалуй, ты правъ. Жениться на дѣвушкѣ изъ необразованной семьи — почти то же, что жениться на всей семьѣ.

Фьельбо. О, да; и не только по этой причинѣ...

Стенсгоръ. Монсенъ человѣкъ невоспитанный; я это теперь вижу.

Фьельбо. Да, его нельзя назвать свѣтскимъ человѣкомъ.

Стенсгоръ. Еще бы! Онъ дурно отзывается о людяхъ, ко-

торые бываютъ у него въ домѣ; это не по-рыцарски. И кромѣ того въ Сторли во всѣхъ комнатахъ воняетъ скернымъ табакомъ...

Фьельбо. Но, другъ мой, какъ же ты раньше не замѣчалъ этого запаха? Только теперь?..

Стенсгоръ. Благодаря сравненію. Я съ самаго начала попалъ здѣсь у васъ въ ложное положеніе. Попалъ въ руки агитаторовъ, людей партіи, которые прожужжали мнѣ всѣ уши. Этому надо положить конецъ! Не хочу я быть простымъ орудіемъ своекорыстныхъ расчетовъ или грубости и невѣжества!

Фьельбо. Такъ что же ты станешь дѣлать съ вашимъ союзомъ?

Стенсгоръ. Союзъ останется. Онъ основанъ на довольно широкихъ началахъ; то-есть — онъ основанъ для противодѣйствія дурнымъ вліяніямъ... Я только теперь увидѣлъ, откуда идутъ эти вліянія.

Фьельбо. И, ты думаешь, «молодежь» будетъ смотрѣть твоими глазами?

Стенсгоръ. Должна! Полагаю, я имѣю право требовать отъ этихъ молодчиковъ, чтобы они сообразовались съ моими взглядами. Я проницательнѣе и опытнѣе...

Фьельбо. А если они не захотятъ?

Стенсгоръ. Тогда пускай убираются. Не нужно мнѣ ихъ больше. Неужели ты думаешь, что я изъ слѣпого упрямства и жалкой послѣдовательности позволю направить все свое будущее по ложной дорогѣ, которая никогда не приведетъ меня къ цѣли?

Фьельбо. Что ты называешь цѣлью?

Стенсгоръ. Жизнь, которая соотвѣтствуетъ моимъ способностямъ и удовлетворяетъ всѣмъ моимъ интересамъ.

Фьельбо. Безъ туманныхъ фразъ, — въ чемъ ты видишь свою цѣль?

Стенсгоръ. Ну, тебѣ я, положимъ, могу сказать. Цѣль я вижу въ томъ, чтобы со временемъ сдѣлаться членомъ стортинга или государственнаго совѣта и жениться по любви на дѣвушкѣ изъ богатой и знатной семьи.

Фьельбо. Вотъ какъ! И ты разсчитываешь на связи камергера?..

Стенсгоръ. Я разсчитываю на себя самого! Такъ будетъ, такъ должно быть, но все выйдетъ само собой. Ну, да до этого еще далеко. И пусть! Пока же я просто хочу жить и наслаждаться здѣсь красотой и солнечнымъ блескомъ...

Фьельбо. Здѣсь?

Стенсгоръ. Да, здѣсь! Здѣсь утонченные нравы, жизнь, полная изящной прелести; полы, какъ будто только и созданные для

лакированныхъ ботинокъ; глубокія и мягкія кресла; дамы, умѣющія располагаться въ нихъ такъ красиво; здѣсь разговоръ льется такъ легко и изящно; перебрасываются фразами, какъ воланами; здѣсь не услышишь грубаго слова, отъ котораго вдругъ водворяется неловкое молчаніе. О, Фьельбо, здѣсь только я почувствовалъ въ первый разъ, что̀ такое знатный кругъ! Да, и у насъ все-таки есть своя аристократія, небольшой кружокъ аристократовъ по образованію и воспитанію; и къ нему-то я и желаю принадлежать. Развѣ ты не чувствуешь самъ, что здѣсь облагораживаешься, что богатство здѣсь иного сорта? Какъ подумаю о богатствѣ Монсена, оно представляется мнѣ въ видѣ кучъ засаленныхъ бумажекъ, облитыхъ пивомъ векселей и закладныхъ. А здѣсь, здѣсь — металлъ, блестящая звонкая монета! То же самое и съ людьми. Камергеръ — такой красивый, тонкій, изящный старикъ!

Фьельбо. Да.

Стенсгоръ. А сынъ — такой бравый, прямой и дѣловитый!

Фьельбо. Безъ сомнѣнія.

Стенсгоръ. А невѣстка! Жемчужина! Боже ты мой, что̀ за богатая и оригинальная натура!

Фьельбо. То же можно сказать и о Торѣ, о фрёкенъ Братсбергъ.

Стенсгоръ. Да, но она все-таки не такъ выдается.

Фьельбо. О, ты ея не знаешь. Не знаешь, какая это глубокая, скромная, преданная душа.

Стенсгоръ. А невѣстка, невѣстка! Какая прямота, почти до пренебреженія свѣтскими правилами, и въ то же время — какъ любезна, какъ обаятельна!..

Фьельбо. Право, ты влюбленъ въ нее.

Стенсгоръ. Въ замужнюю-то женщину? Съ ума ты сошелъ! Къ чему бы это привело? Нѣтъ; но я влюблюсь, это я навѣрное знаю. Да, да; у нея, безъ сомнѣнія, глубокая, скромная, преданная душа!

Фьельбо. У кого?

Стенсгоръ. У фрёкенъ Братсбергъ, разумѣется.

Фьельбо. Что̀ такое? Да не намѣренъ же ты?..

Стенсгоръ. Богъ свидѣтель!

Фьельбо. Нѣтъ, увѣряю тебя, изъ этого ничего не выйдетъ!

Стенсгоръ. О! Воля всемогуща! Увидишь, что выйдетъ!

Фьельбо. Но вѣдь это положительно легкомысліе какое-то! Вчера фрёкенъ Монсенъ...

Стенсгоръ. Да, вотъ *то* была ошибка, и ты самъ же не совѣтуешь мнѣ...

Фьельбо. Да, я положительно не совѣтую тебѣ думать ни о той ни о другой.

Стенгсгоръ. Вотъ какъ? Пожалуй, ты самъ намѣренъ посвататься за одну изъ нихъ?

Фьельбо. Я? Увѣряю тебя...

Стенгсгоръ. Да если и такъ, это нисколько не остановило бы меня. Если мнѣ становятся поперекъ дороги, хотятъ загородить мнѣ будущее — я ни на кого и ни на что не посмотрю.

Фьельбо. Берегись, чтобы я не заговорилъ такъ же!

Стенгсгоръ. Ты? Какое же право ты имѣешь брать на себя роль опекуна и защитника семейства камергера Братсберга?

Фьельбо. Право друга, по крайней мѣрѣ.

Стенгсгоръ. Э! На такую удочку ты меня не поддѣнешь. Право эгоиста — это такъ! Твое мелочное тщеславіе тѣшитъ роль «своего человѣка» въ домѣ, и потому меня нужно устранить.

Фьельбо. Для тебя это было бы всего лучше. У тебя здѣсь нѣтъ почвы подъ ногами.

Стенгсгоръ. Неужели? Очень благодаренъ! Постараюсь отыскать ее.

Фьельбо. Попробуй, но предсказываю тебѣ, что провалишься.

Стенгсгоръ. Ха-ха! Такъ ты замышляешь исподтишка сыграть со мною штуку? Хорошо, что это выяснилось. Теперь я тебя знаю; ты мой врагъ; единственный мой недругъ здѣсь!

Фьельбо. Не врагъ я тебѣ!

Стенгсгоръ. Врагъ! И всегда имъ былъ — со школьной скамьи. Оглянись кругомъ — какъ всѣ цѣнятъ меня, даромъ что мало меня знаютъ. А ты, напротивъ, давно знаешь меня и никогда не цѣнилъ. Вообще въ тебѣ есть эта недостойная черта, — ты никого не способенъ оцѣнить. Живя въ Христіаніи, ты шлялся по гостинымъ, пробавляясь дешевыми остротами. А это даромъ не проходитъ! Притупляется чутье къ тому, что въ жизни наиболѣе важнаго, стоящаго, возвышающаго, и въ концѣ концовъ самъ оказываешься ни къ чему негоднымъ, ни къ чему неспособнымъ.

Фьельбо. Я ни къ чему не способенъ?

Стенгсгоръ. Развѣ ты когда-нибудь былъ способенъ оцѣнить меня?

Фьельбо. А что мнѣ было цѣнить въ тебѣ?

Стенгсгоръ. Да хоть бы волю... Ее всѣ признаютъ — и простые люди на вчерашнемъ праздникѣ, и камергеръ Братсбергъ и его семейство...

Фьельбо. И Монсенъ съ его присными, и... Ахъ, чортъ возьми, совсѣмъ забылъ! Тамъ тебя ждетъ кто-то...

Стенсгоръ. Кто?

Фьельбо (отходя въ глубину). Одинъ изъ твоихъ цѣнителей. (Отворяетъ дверь и зоветъ) Аслаксенъ, войдите!

Стенсгоръ. Аслаксенъ?

Аслаксенъ (входя). Наконецъ-то!

Фьельбо. До свиданія. Не буду мѣшать друзьямъ. (Уходитъ въ садъ).

Стенсгоръ. За какимъ чортомъ вы сюда явились?

Аслаксенъ. Мнѣ необходимо съ вами поговорить. Вы вчера пообѣщали мнѣ статью объ основаніи союза и...

Стенсгоръ. Она не можетъ теперь появиться... Придется оставить до другого раза.

Аслаксенъ. Невозможно, г. Стенсгоръ: газета должна выйти завтра утромъ...

Стенсгоръ. Пустяки. Все надо измѣнить. Дѣло вступило въ новый фазисъ; прибавились новыя обстоятельства. Мой отзывъ о камергерѣ нужно совсѣмъ передѣлать, прежде чѣмъ печатать статью.

Аслаксенъ. Что вы! Насчетъ камергера — это ужъ отпечатано.

Стенсгоръ. Ну такъ выбросить!

Аслаксенъ. Выбросить?

Стенсгоръ. Да. Я не могу такъ оставить. Что вы на меня такъ смотрите? Или вы думаете, что я не сумѣю руководить союзомъ?

Аслаксенъ. Помилуйте. Но позвольте вамъ сказать одно...

Стенсгоръ. Безъ возраженій, Аслаксенъ; ничего подобнаго я не потерплю.

Аслаксенъ. А знаете ли вы, г. адвокатъ, что ставите на карту послѣдній мой кусокъ хлѣба? Знаете вы это?

Стенсгоръ. Нѣтъ, этого я вовсе не знаю!

Аслаксенъ. Но это такъ. Въ прошедшую зиму, до вашего пріѣзда, газета моя начала подыматься. Скажу вамъ, что я самъ велъ ее и велъ не безъ принциповъ...

Стенсгоръ. Вы?

Аслаксенъ. Да, я. Я сказалъ себѣ: газета держится большой публикой, но большая публика — плохая публика, — таковы мѣстныя условія; и плохой публикѣ нужна плохая газета. Я и велъ газету...

Стенсгоръ. ...Плохо! Это ужъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Аслаксенъ. Да, и тѣмъ держался. Но вотъ явились вы и внесли въ нашъ округъ идеи; газета пріобрѣла окраску, и отъ нея отпали всѣ друзья Андерса Люннестада. Тѣ же, что остались, платятъ плохо...

Стенсгоръ. Но газета стала хорошей.

Аслаксенъ. Я не могу жить хорошей газетой. Теперь надо было поднять движеніе, положить конецъ, какъ вы вчера обѣщали; предполагалось вывести нашихъ великихъ людей на свѣжую воду, печатать про нихъ такія вещи, которыя всѣ бы стали читать, — и вдругъ вы измѣняете!

Стенсгоръ. Ого! Такъ вы разсчитывали, что я, ради вашей выгоды, подыму скандалъ? Нѣтъ, любезнѣйшій, покорно благодарю!

Аслаксенъ. Г. адвокатъ, не доводите меня до крайности, а то плохо будетъ!

Стенсгоръ. Что вы хотите этимъ сказать?

Аслаксенъ. Что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю газету доходною инымъ путемъ. Видитъ Богъ, что я сдѣлаю это неохотно. До вашего пріѣзда я кормился честно — несчастными случаями, самоубійствами и тому подобными невинными вещами, которыхъ иногда и не случалось вовсе. Но вотъ явились вы и все перевернули вверхъ дномъ, — такъ теперь понадобится другая пища...

Стенсгоръ. Ну, я скажу вамъ одно: если вамъ вздумается поступать по-своему, если вы хоть на шагъ отступите отъ моихъ указаній и взволнуете общество ради своихъ грязныхъ корыстныхъ цѣлей, я пойду къ типографщику Альму и создамъ новую газету. У насъ, видите ли, есть деньги! А вашему жалкому листку въ какія-нибудь двѣ недѣли придетъ конецъ!

Аслаксенъ (поблѣднѣвъ). Этого вы не сдѣлаете!

Стенсгоръ. Нѣтъ, сдѣлаю! И сумѣю издавать газету такъ, что она привлечетъ къ себѣ большую публику.

Аслаксенъ. Такъ я сію же минуту пойду къ камергеру Братсбергу...

Стенсгоръ. Вы? Съ какой стати?

Аслаксенъ. А вы съ какой стати?.. Вы думаете, я не понимаю, почему камергеръ пригласилъ васъ? Потому что боится васъ и того, что вы можете сдѣлать. А вы этимъ пользуетесь. Но если онъ боится того, что вы можете сдѣлать, такъ побоится и того, что я могу напечатать, и я хочу этимъ воспользоваться.

Стенсгоръ. Вы осмѣлитесь? Вы! Такое ничтожество!..

Аслаксенъ. А вотъ я вамъ покажу! Если угодно, чтобы я не печаталъ вашей вчерашней рѣчи, пусть камергеръ заплатитъ мнѣ за это!

Стенсгоръ. Посмѣйте только... Вы пьяны...

Аслаксенъ. Пьянъ, да въ мѣру. И стану защищаться, какъ левъ, если вздумаютъ отнять у меня послѣдній кусокъ хлѣба.

Вы себѣ представить не можете, каково у меня дома! Жена не встаетъ съ постели, ребенокъ — калѣка...

Стенсгоръ. Убирайтесь! Вы хотите и меня стащить въ свою грязь? Какое мнѣ дѣло до вашихъ параличныхъ женъ и уродовъ-ребятъ? Если вы осмѣлитесь стать мнѣ поперекъ дороги, заслонить мнѣ хоть одинъ видъ на будущее, я васъ доведу до того, что вы будете жить общественной милостыней — не пройдетъ и года!

Аслаксенъ. Я пережду денекъ...

Стенсгоръ. А! Начинаете приходить въ разумъ!

Аслаксенъ. Выпущу особое прибавленіе съ сообщеніемъ, что редакторъ, вслѣдствіе нездоровья послѣ праздника...

Стенсгоръ. Да, да, сдѣлайте такъ. Можетъ статься, мы и сойдемся опять на будущее время.

Аслаксенъ. Дай Богъ! Не забудьте, г. адвокатъ: газета — мой единственный ягненокъ. (Уходитъ въ главныя двери).

Люннестадъ (входитъ изъ сада въ ближайшую дверь). Ну-съ, господинъ адвокатъ?

Стенсгоръ. Ну-съ, господинъ землевладѣлецъ?

Люннестадъ. Что вы тутъ бродите одни? Если вамъ угодно, я бы побесѣдовалъ съ вами немножко.

Стенсгоръ. Съ удовольствіемъ.

Люннестадъ. Первымъ дѣломъ скажу вамъ, что если до васъ дошли слухи, будто я отзывался о васъ неодобрительно, то вы этому не вѣрьте.

Стенсгоръ. Обо мнѣ? Что же такое могли вы сказать?

Люннестадъ. Увѣряю васъ, ничего. Но тутъ много досужихъ людей, у которыхъ только и дѣла, что ссорить другихъ между собою.

Стенсгоръ. Да, въ общемъ мы съ вами, къ сожалѣнію, съ самаго начала стали въ нѣсколько фальшивыя отношенія.

Люннестадъ. Въ самыя естественныя, г. Стенсгоръ, — въ какія всегда становится старое и новое.

Стенсгоръ. Полно, г. Люннестадъ, вы еще не такъ стары...

Люннестадъ. Да, да... старѣю-таки. Просидѣлъ въ стортингѣ съ тридцать девятаго года. Пора, пожалуй, и на покой.

Стенсгоръ. На покой?

Люннестадъ. Времена пошли другія, видите. На очереди новыя задачи, и, чтобы рѣшить ихъ, нужны новыя силы...

Стенсгоръ. Скажите честно и откровенно, г. Люннестадъ, неужели вы хотите уступить мѣсто Монсену?

Люннестадъ. Монсену? Нѣтъ, Монсену я не уступлю!

Стенсгоръ. Тогда я не понимаю...

Люннестадъ. Однако предположимъ, что я уступилъ бы

Монсену, — вы полагаете, онъ имѣетъ шансы быть выбраннымъ?

Стенсгоръ. Трудно сказать. Правда, выборы начнутся послѣзавтра, и настроеніе, повидимому, недостаточно подготовлено, но...

Люннестадъ. Я не думаю, чтобы ему удалось пройти. Наша партія, то-есть моя и камергера, не подаетъ за него голосовъ. «Моя партія» — это, конечно, только такъ говорится; я подразумѣваю партію собственниковъ-старожиловъ, которые крѣпко сидятъ на землѣ, пустили здѣсь корни. Они Монсена не признаютъ. Монсенъ пришлецъ; никто не знаетъ всей подноготной о немъ и объ его дѣлахъ. Къ тому же ему пришлось повырубить вокругъ себя много лѣсу да не пощадить и людей, чтобы расчистить себѣ мѣсто.

Стенсгоръ. Такъ если, по-вашему, у него нѣтъ никакихъ шансовъ...

Люннестадъ. Гм! У васъ вообще рѣдкія дарованія, г. Стенсгоръ. Господь щедро одарилъ васъ. Одного только не далъ вамъ въ придачу.

Стенсгоръ. Чего же?

Люннестадъ. Скажите — отчего вы никогда не думаете о себѣ? Почему вы совсѣмъ лишены честолюбія?

Стенсгоръ. Честолюбія? Я?

Люннестадъ. Чего вы тутъ стараетесь, тратите свои силы для другихъ? Однимъ словомъ, отчего сами не хотите пробраться въ стортингъ?

Стенсгоръ. Я? Вы шутите!

Люннестадъ. Вы вѣдь, какъ я слышалъ, обезпечили себѣ избирательный цензъ. И если вы теперь не воспользуетесь случаемъ, другой займетъ мѣсто да и засядетъ такъ, что потомъ, пожалуй, трудно будетъ выбить его изъ сѣдла.

Стенсгоръ. Скажите, ради Бога, вы это серьезно говорите, г. Люннестадъ?

Люннестадъ. Да что толку-то, разъ вы не хотите...

Стенсгоръ. Хотите... Хотите! Говоря откровенно, я вовсе не лишенъ честолюбія, какъ вы полагаете. Но развѣ вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что это могло бы удаться?

Люннестадъ. Удаться-то могло бы. Я бы со своей стороны постарался. И камергеръ, вѣроятно, посодѣйствовалъ бы: онъ вѣдь знаетъ ваше краснорѣчіе. А молодежь и такъ вся за васъ...

Стенсгоръ. Г. Люннестадъ, вы, ей-Богу, мой истинный другъ!

Люннестадъ. Это вы только такъ говорите... Будь я вашимъ другомъ, вы бы сняли съ меня бремя; у васъ плечи молодыя, вамъ бы легко было нести его.

Стенсгоръ. Что касается этого — я весь въ вашемъ распоряженіи и не измѣню.

Люннестадъ. Значитъ, вы не прочь?..

Стенсгоръ. Вотъ моя рука!

Люннестадъ. Благодарю! Повѣрьте, г. Стенсгоръ, вы никогда объ этомъ не пожалѣете. Но дѣйствовать надо осторожно. Въ выборщики намъ необходимо пройти обоимъ: мнѣ, чтобы предложить васъ въ свои преемники и немножко проэкзаменовать васъ передъ остальными выборщиками, а вамъ, чтобы имѣть случай высказать свои взгляды...

Стенсгоръ. А разъ только намъ удастся это — мы побѣдимъ. Въ собраніи выборщиковъ вы вѣдь всемогущи.

Люннестадъ. До извѣстной степени. Вамъ, конечно, нужно будетъ пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе, постараться сгладить всѣ шероховатости...

Стенсгоръ. Но не хотите же вы, чтобы я порвалъ съ моей партіей?

Люннестадъ. Взгляните на дѣло похладнокровнѣе. Что это значитъ, что здѣсь двѣ партіи? Это значитъ, что съ одной стороны у насъ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ лицъ или семей, которыя обладаютъ извѣстными общественными благами, то-есть собственностью, независимостью, и принимаютъ участіе въ управленіи страной. Къ этой партіи принадлежу я. Съ другой стороны, здѣсь много молодыхъ согражданъ, которымъ очень бы хотѣлось забрать эти общественныя блага себѣ. Это ваша партія. Но изъ этой партіи вамъ, само собой, самымъ естественнымъ образомъ придется выйти, разъ только вы получите возможность принимать участіе въ управленіи и пріобрѣтете себѣ здѣсь солидное, прочное положеніе собственника... Это, видите ли, необходимо, г. Стенсгоръ.

Стенсгоръ. Я самъ такъ думаю. Но времени мало. Такое положеніе не сразу пріобрѣтается.

Люннестадъ. Н-да, пожалуй, что такъ; но, можетъ-быть, вы пока сумѣете обойтись одними видами...

Стенсгоръ. Видами?..

Люннестадъ. Очень ли вамъ была бы не по душѣ мысль составить себѣ хорошую партію, г. Стенсгоръ? У насъ въ округѣ есть богатыя невѣсты. И такой человѣкъ, какъ вы, съ такими видами на будущее... человѣкъ, который можетъ разсчитывать въ будущемъ на самое видное положеніе — повѣрьте мнѣ, такого человѣка никто не оттолкнетъ, если только онъ поведетъ тонкую игру.

Стенсгоръ. Такъ помогите мнѣ сыграть ее! Ради Бога!.. Вы открываете передо мной такія широкія перспективы!.. Все,

на что я надѣялся, къ чему стремился — стать во главѣ народа, какъ его освободитель, и что̀ грезилось мнѣ лишь въ далекомъ будущемъ, теперь мнѣ кажется такимъ близкимъ, возможнымъ.

Люннестадъ. Да, намъ нужно глядѣть въ оба, г. Стенсгоръ! Я вижу, что честолюбіе уже зашевелилось въ васъ. Это хорошо. Остальное само собой приложится. Ну, благодарю пока. Никогда не забуду, что вы пожелали снять съ моихъ старыхъ плечъ бремя власти.

(Гости и хозяева мало-по-малу собираются изъ сада. Двѣ служанки зажигаютъ свѣчи и лампы и въ теченіе слѣдующихъ сценъ разносятъ угощеніе).

Сельма (идетъ къ фортепіано налѣво, въ глубинѣ). Г. Стенсгоръ, вы къ намъ! Мы хотимъ играть въ фанты.

Стенсгоръ. Съ удовольствіемъ; я въ отличномъ настроеніи!

(Слѣдуетъ за нею въ кружокъ молодежи, гдѣ затѣмъ начинаются приготовленія къ игрѣ: разставляются стулья и проч.).

Эрикъ (тихо). Г. Гейре, что̀ такое папа разсказываетъ?.. Какую-такую рѣчь адвокатъ Стенсгоръ вчера сказалъ на праздникѣ?

Гейре. Хе-хе-хе! Вы развѣ не слыхали?

Эрикъ. Нѣтъ, мы, городскіе жители, вчера были на обѣдѣ и на балу въ клубѣ. Но отецъ говоритъ, что г. Стенсгоръ совсѣмъ порвалъ со сторлійцами, ужасно рѣзко отозвался о Монсенѣ...

Гейре. О Монсенѣ? Нѣтъ, почтеннѣйшій, это вы навѣрно ошиблись.

Эрикъ. Правда, тутъ было столько народу, что мнѣ не удалось хорошенько разобрать, въ чемъ дѣло, но я слышалъ совершенно опредѣленно...

Гейре. Однимъ словомъ, подождите до завтра; газета Аслаксена приподнесетъ вамъ эту исторію къ завтраку. (Отходитъ).

Камергеръ. Ну, любезный Люннестадъ, вы все еще держитесь за свои фантазіи?

Люннестадъ. Это не фантазіи, г. камергеръ; когда человѣку грозятъ, что его вытолкнутъ, лучше ему уйти добровольно.

Камергеръ. Фразы! Никто не думаетъ выталкивать васъ!

Люннестадъ. Гм... я старый барометръ. Въ воздухѣ носится перемѣна. И я уже нашелъ себѣ преемника. Адвокатъ Стенсгоръ готовъ...

Камергеръ. Адвокатъ Стенсгоръ?

Люннестадъ. Да; развѣ я не такъ понялъ? Я принялъ за намекъ слова камергера, что такого человѣка нужно поддержать, быть съ нимъ заодно.

Камергеръ. Я говорилъ это по поводу его похода противъ

развращающаго образа дѣйствій этой кучки гешефтмахеровъ, сторлійцевъ.

Люннестадъ. Но какъ же вы, г. камергеръ, можете быть такъ увѣрены, что Стенсгоръ согласенъ порвать съ этими людьми?

Камергеръ. Дорогой мой, вѣдь это же выяснилось вчера вечеромъ.

Люннестадъ. Вчера вечеромъ?

Камергеръ. Да, когда онъ говорилъ о пагубномъ вліяніи Монсена.

Люннестадъ (пораженный). Монсена?

Камергеръ. Ну да, стоя тамъ на столѣ...

Люннестадъ. На столѣ?

Камергеръ. Онъ былъ ужасно рѣзокъ; назвалъ Монсена денежнымъ мѣшкомъ, василискомъ или дракономъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Ха-ха-ха, забавно было слушать!

Люннестадъ. Забавно?

Камергеръ. Да, я не скрою, Люннестадъ, что мнѣ всегда пріятно, когда подобнымъ людямъ достается по заслугамъ. И вотъ теперь мы должны его поддержать; вѣдь послѣ такихъ свирѣпыхъ нападокъ съ его стороны...

Люннестадъ. Какъ вчера?

Камергеръ. Ну да, да.

Люннестадъ. Со стола, гдѣ онъ стоялъ?..

Камергеръ. Да, да.

Люннестадъ. Нападокъ на Монсена?

Камергеръ. Ну да, на Монсена и его присныхъ. Они, конечно, захотятъ отомстить, что̀ весьма понятно...

Люннестадъ (многозначительно). Адвоката Стенсгора нужно поддержать — это ясно!

Тора. Милый папа, поди и ты играть съ нами!

Камергеръ. Полно, дитя...

Тора. Да, да! Сельма непремѣнно хочетъ.

Камергеръ. Ну, придется покориться. (Тихо Торѣ, идя съ нею къ играющимъ) Печально однако, — Люннестадъ положительно начинаетъ тупѣть; представь, онъ совсѣмъ не понялъ, что Стенсгоръ вчера...

Тора. Иди, иди; теперь нужно играть! (Увлекаетъ его за собой въ кругъ, гдѣ игра уже въ полномъ разгарѣ).

Эрикъ (кричитъ со своего мѣста). Г. Гейре, вы назначены судьей!

Гейре. Хе-хе; это дѣйствительно первое назначеніе въ моей жизни!

Стенсгоръ (также находящійся въ кругу). Васъ избрали, такъ какъ вы хорошо знакомы съ правосудіемъ, г. Гейре.

Гейре. Ахъ, мои дорогіе юные друзья, я съ такимъ удовольствіемъ присудилъ бы васъ всѣхъ... однимъ словомъ!

Стенсгоръ (шмыгнувъ къ Люннестаду, стоящему на авансценѣ налѣво). Вы говорили съ камергеромъ. О чемъ? Не обо мнѣ ли?

Люннестадъ. Къ сожалѣнію, о вчерашней вашей...

Стенсгоръ (съ движеніемъ досады). Чортъ возьми!..

Люннестадъ. Онъ находитъ, что вы были ужасно рѣзки.

Стенсгоръ. Неужели вы думаете, меня это не мучитъ?

Люннестадъ. Вы могли бы теперь это поправить.

Эрикъ (кричитъ имъ). Г. Стенсгоръ, теперь ваша очередь!

Стенсгоръ. Иду, иду! (Скороговоркой Люннестаду) Но какъ поправить?..

Люннестадъ. При случаѣ извинитесь передъ камергеромъ.

Стенсгоръ. Непремѣнно!

Сельма. Скорѣе, скорѣе же!

Стенсгоръ. Иду, фру Братсбергъ! Къ вашимъ услугамъ!

(Игра продолжается шумно и весело. Направо нѣсколько пожилыхъ господъ играютъ въ карты. Люннестадъ усаживается отдѣльно налѣво. Данінлъ Гейре подходитъ и садится рядомъ съ нимъ).

Гейре. Этотъ молокососъ говоритъ, что я хорошо знакомъ съ правосудіемъ!

Люннестадъ. Да, онъ нѣсколько невоздержанъ на языкъ, — этого нельзя отрицать.

Гейре. Вотъ оттого-то вся семья такъ и виляетъ передъ нимъ. Хе-хе, жалко смотрѣть, какъ они его трусятъ.

Люннестадъ. Нѣтъ, тутъ вы промахнулись, Гейре; камергеръ не боится.

Гейре. Не боится? Или вы думаете, я слѣпъ, почтеннѣйшій?

Люннестадъ. Нѣтъ, но... ну, да вы, вѣроятно, сумѣете молчать? Хорошо. Я скажу вамъ, въ чемъ дѣло. Камергеръ думаетъ, что вчерашняя рѣчь относилась къ Монсену.

Гейре. Къ Монсену? Что за вздоръ!

Люннестадъ. Честное слово, г. Гейре. Вѣроятно, Рингдаль или дочка вбили ему это въ голову...

Гейре. И вотъ онъ пригласилъ его на парадный обѣдъ. Нѣтъ, это, чортъ возьми, великолѣпно! Ну, какъ хотите, объ этомъ я не могу умолчать!

Люннестадъ. Тсс! Тсс! Помните, что вы мнѣ обѣщали. Камергеръ вашъ старый товарищъ по школѣ и, хотя обошелся съ вами нѣсколько круто...

Гейре. Хе-хе-хе! Я ему заплачу съ процентами!..

Люннестадъ. Берегитесь. Камергеръ — сила. Со львами шутки плохія.

Гейре. Братсбергъ-то левъ? Пфф! Онъ глупъ, батенька, а я

нѣтъ. О, какія великолѣпныя каверзы, какія шпильки и пилюльки я смастерю изъ этого, когда мнѣ наконецъ удастся двинуть нашъ большой процессъ!

Сельма (кричитъ изъ круга). Г. судья, что̀ дѣлать этому фанту?

Эрикъ (незамѣтно Гейре). Фантъ Стенсгора. Выдумайте что-нибудь поинтереснѣе.

Гейре. Этому фанту? Хе-хе, постойте... Пусть, напримѣръ... однимъ словомъ — пусть скажетъ рѣчь.

Сельма. Фантъ г. Стенсгора!

Эрикъ. Г. Стенсгоръ долженъ держать рѣчь!

Стенсгоръ. Ахъ, нѣтъ, увольте! Я ужъ вчера такъ попался...

Камергеръ. Да напротивъ, г. Стенсгоръ. Я вѣдь тоже кое-что смыслю въ краснорѣчіи.

Люннестадъ (Даніилу Гейре). Боюсь, какъ бы онъ не зарапортовался.

Гейре. Зарапортовался? Хе-хе! Ахъ, вы! Великолѣпная идея! (Тихо Стенсгору) Если вы вчера промахнулись, такъ сегодня можете поправить дѣло!

Стенсгоръ (осѣненный мыслью). Люннестадъ—вотъ и случай!

Люннестадъ (уклончиво). Ведите игру потоньше. (Беретъ свою шляпу и незамѣтно пробирается къ входнымъ дверямъ).

Стенсгоръ. Хорошо, я скажу рѣчь!

Молодыя дамы. Браво! Браво!

Стенсгоръ. Господа, берите бокалы! Я начну въ видѣ сказки; въ этомъ кружкѣ вѣетъ сказочной свѣжестью и жизненной отвагой.

Эрикъ (обращаясь къ дамамъ). Слушайте, слушайте!

(Камергеръ, стоя, беретъ свой стаканчикъ съ карточнаго стола справа; Рингдаль, докторъ Фьельбо и еще нѣсколько мужчинъ входятъ изъ сада).

Стенсгоръ. Стояла весна. На косогоръ прилетѣла молодая кукушка. Кукушка—авантюристка, и вокругъ нея на полѣ собралась большая птичья компанія; явились и дикія и домашнія птицы; сѣменили куры; важно переваливались съ боку на бокъ гуси; тяжелый тетеревъ спустился изъ *сторлійскаго* бора, усѣлся, топорща перья и шумя крыльями, чтобы показаться вдвое больше, и то и дѣло кричалъ: кракъ, кракъ, кракъ, то-есть: я — мѣстный тузъ!

Камергеръ. Великолѣпно! Браво!

Стенсгоръ. Былъ тутъ и старый дятелъ; онъ шнырялъ вверхъ и внизъ по деревьямъ, долбилъ своимъ острымъ клювомъ кору, глоталъ червей и разныхъ надоѣдливыхъ букашекъ; только и слышно было: тукъ, тукъ! Этотъ дятелъ...

Эрикъ. Извините, а не былъ ли это скорѣе анстъ или...

Гейре. Ну, однимъ словомъ!..

Стенсгоръ. Это былъ старый дятелъ. Но вотъ компанія расходилась, — нашла о комъ покудахтать; всѣ столпились и такъ раскудахтались, что и молодая кукушка закудахтала...

Фьельбо (шопотомъ). Ради Бога, замолчи!

Стенсгоръ. Но героемъ былъ орелъ, сидѣвшій спокойно на *крутой горѣ*. О немъ всѣ были одного мнѣнія. «Онъ пугало для всего населенія», — хрипло прокаркала ворона. Но орелъ вдругъ спустился внизъ, выхватилъ кукушку и унесъ ее къ себѣ на высоту. Онъ умѣлъ завоевывать сердца! Оттуда бездомная птица увидѣла все у своихъ ногъ; тамъ, наверху, стояла тишина, сіяло солнце; тамъ она научилась понимать толпу птичьихъ дворовъ и дикихъ косогоровъ!

Фьельбо (громко). Довольно, стопъ! Музыку!

Камергеръ. Тсс! Не мѣшайте ему!

Стенсгоръ. Г. камергеръ, тутъ я кончаю сказку и въ присутствіи всего многочисленнаго общества приношу вамъ мое извиненіе за вчерашнее.

Камергеръ (невольно отступая на шагъ). Мнѣ?..

Стенсгоръ. Благодарю, что вы такъ деликатно отомстили за мои необдуманныя слова. Теперь вы имѣете во мнѣ вооруженнаго борца! Господа, за здоровье орла съ горной вершины, за здоровье камергера Братсберга!

Камергеръ (ощупью ища опереться о столъ). Благодарю, г. адвокатъ!

Гости (большинство въ крайнемъ замѣшательствѣ). Камергеръ!.. Камергеръ Братсбергъ!..

Камергеръ. Господа!.. (Тихо) Тора!

Тора. Папа?

Камергеръ. Ахъ, докторъ, докторъ, что вы надѣлали!

Стенсгоръ (подымая стаканъ, съ сіяющимъ лицомъ). А теперь опять по мѣстамъ! Эй, Фьельбо! Иди къ намъ — въ союзъ молодежи! Мы тутъ такъ разыгрались!

Гейре (стоя на авансценѣ направо). Н-да, нечего сказать — разыгрались!

(Люннестадъ скрывается въ дальнія двери).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Богато убранная пріемная. Въ глубинѣ входныя двери. Налѣво дверь въ кабинетъ камергера; подальше дверь въ гостиную. Направо окно и подальше дверь въ контору и кабинетъ управляющаго заводомъ. Тора въ слезахъ сидитъ на диванѣ налѣво. Камергеръ въ сильномъ волненіи ходитъ взадъ и впередъ.

Камергеръ. Вотъ и финалъ — слезы и стоны...

Тора. Господи, не встрѣчаться бы намъ никогда съ этимъ человѣкомъ!

Камергеръ. Съ кѣмъ?

Тора. Разумѣется, съ этимъ противнымъ адвокатомъ Стенсгоромъ.

Камергеръ. Вѣрнѣе было бы сказать: не встрѣчаться бы намъ никогда съ этимъ противнымъ докторомъ!

Тора. Съ Фьельбо?

Камергеръ. Да, съ Фьельбо, да! Вѣдь это онъ вчера наплелъ мнѣ?..

Тора. Нѣтъ, милый папа, это я...

Камергеръ. Ты? Оба, значитъ? Сговорились — у меня за спиной! Премило!

Тора. Ахъ, папа, если-бъ ты зналъ!..

Камергеръ. О, я ужъ знаю достаточно, — больше, чѣмъ нужно; гораздо больше!

(Докторъ Фьельбо входитъ въ главную дверь).

Фьельбо. Здравствуйте, г. камергеръ! Здравствуйте, фрёкенъ!

Камергеръ (продолжая расхаживать по комнатѣ). А, это вы, зловѣщая птица...

Фьельбо. Да, весьма непріятное происшествіе.

Камергеръ (глядя въ окно). Въ самомъ дѣлѣ, вы находите?

Фьельбо. Полагаю, вы не могли не замѣтить, какъ я все время караулилъ Стенсгора. Но, когда затѣяли игру въ фанты, я, къ несчастью, вообразилъ, что опасность миновала...

Камергеръ (топая ногой). Быть выставленнымъ на посмѣшище такимъ вертопрахомъ! Что должны были подумать обо мнѣ гости? Что я былъ такъ низокъ, хотѣлъ подкупить такую личность, такого, такого... какъ его тамъ назвалъ Люнестадъ?

Фьельбо. Да, но...

Тора (тихо). Молчите!

Камергеръ (послѣ небольшой паузы). Скажите откровенно, докторъ, — я въ самомъ дѣлѣ глупѣе другихъ людей?

Фьельбо. Г. камергеръ, что за вопросъ?

Камергеръ. Но какъ же могло случиться, что, пожалуй, одинъ я не понялъ, къ кому относилась эта проклятая рѣчь?

Фьельбо. Сказать вамъ?

Камергеръ. Разумѣется, сказать.

Фьельбо. Это потому, что вы смотрите на свое положеніе здѣсь, въ округѣ, другими глазами, чѣмъ всѣ остальные.

Камергеръ. Я смотрю на свое положеніе такъ, какъ смотрѣлъ покойный отецъ. Покойному отцу никто бы не посмѣлъ сказать ничего подобнаго.

Фьельбо. Да, но вѣдь покойникъ и скончался, кажется, еще въ тридцатыхъ годахъ.

Камергеръ. Правда, съ тѣхъ поръ многое поразстроилось. Я, впрочемъ, самъ виноватъ. Я слишкомъ много водился съ этими господами. Вотъ теперь и не прогнѣвайся, что тебя ставятъ на одну доску съ хлѣбопашцемъ Люннестадомъ!

Фьельбо. Говоря откровенно, я въ этомъ не вижу ничего унизительнаго.

Камергеръ. О, вы очень хорошо меня понимаете. Я, конечно, не кичусь знатностью, чинами и прочимъ. Но я почитаю — и требую, чтобы и другіе почитали — честное, благородное имя, которое передавалось у насъ изъ рода въ родъ. И я думаю, что разъ человѣкъ выступаетъ, подобно Люннестаду, на арену общественной дѣятельности, то ему ужъ не сохранить свою личность и дѣятельность безъ пятнышка. Поэтому Люннестадъ не можетъ претендовать, если его забрасываютъ грязью. Меня же они должны оставить въ покоѣ,— я вѣдь держусь въ сторонѣ отъ всякихъ партій.

Фьельбо. Не совсѣмъ, г. камергеръ. Вы во всякомъ случаѣ были очень довольны, пока полагали, что стрѣлы были направлены въ Монсена.

Камергеръ. Не напоминайте мнѣ объ этомъ человѣкѣ! Если кто ослабилъ нравственное чувство здѣсь, въ округѣ, такъ это онъ. И, къ сожалѣнію, онъ же вскружилъ голову моему сынку.

Тора. Эрику?

Фьельбо. Вашему сыну?

Камергеръ. Да. Къ чему ему было соваться во всѣ эти коммерческія предпріятія? Все равно путнаго ничего не выйдетъ!

Фьельбо. Но, г. камергеръ, надо же ему жить и...

Камергеръ. Э, будь онъ порасчетливѣе, онъ отлично прожилъ бы на капиталъ, который достался ему послѣ матери.

Фьельбо. Пожалуй, у него и хватило бы *чѣмъ* жить, но — *для чего?*

Камергеръ. Для чего? Ну, если ему еще нужно *для чего* жить, то вѣдь онъ—кандидатъ правъ; могъ бы жить для своей науки.

Фьельбо. Нѣтъ, не могъ бы, — наука эта ему не по душѣ. Къ тому же онъ не могъ надѣяться скоро получить назначеніе. Управленіе вашими имѣніями вы сохранили за собой; дѣтей у вашего сына нѣтъ, воспитывать ему некого, и разъ онъ вдобавокъ имѣетъ передъ глазами заманчивые примѣры— какъ другіе изъ ничего создаютъ полумилліонное состояніе...

Камергеръ. Ну, ужъ и полумилліонное! Будетъ съ нихъ и сотни тысячъ. Но ни полумилліона ни сотни тысячъ нельзя создать изъ ничего, не замаравъ рукъ. Я не говорю — въ глазахъ свѣта. Помилуйте, съ законами еще можно поладить, но съ совѣстью?.. А мой сынъ, конечно, ни на что такое не рѣшится. Такъ можете быть спокойны — коммерсантъ Эрикъ Братсбергъ себѣ полумилліона не составитъ.

(Сельма, въ костюмѣ для прогулки, входитъ въ главныя двери).

Сельма. Здравствуйте! Мужъ здѣсь?

Камергеръ. Здравствуй, дитя мое! Ты ищешь мужа?

Сельма. Да, онъ сказалъ, что собирается сюда. У него рано утромъ былъ Монсенъ и...

Камергеръ. Монсенъ? Развѣ Монсенъ у васъ бываетъ?

Сельма. Иногда; больше по дѣламъ. Но, Тора... милая!.. Ты плакала?

Тора. О, ничего. Это такъ.

Сельма. Нѣтъ, не такъ. Эрикъ былъ разстроенъ, здѣсь тоже... Я вижу по вашимъ лицамъ — что-нибудь да неладно. Скажите, въ чемъ дѣло?

Камергеръ. Ну, ну, во всякомъ случаѣ это не по твоей части. Твоимъ ли нѣжнымъ плечикамъ нести бремя заботъ, крошка? Ступайте-ка обѣ въ гостиную. Если Эрикъ сказалъ, что будетъ, такъ, вѣрно, будетъ.

Сельма. Ну пойдемъ. Да, пожалуйста, не дайте вѣтерку пахнуть на меня! (Обнимая Тору) Охъ, такъ бы и задушила тебя, милая Тора! (Уходитъ съ нею налѣво).

Камергеръ. Ну вотъ, значитъ, спекулянты сошлись! Слѣдовало бы имъ вступить въ компанію. Монсенъ и Братсбергъ — это звучало бы недурно. (Слышится стукъ въ главныя двери) Войдите.

(Адвокатъ Стенсгоръ входитъ).

Камергеръ (отступая на шагъ). Что такое?..

Стенсгоръ. Я опять къ вамъ, г. камергеръ!

Камергеръ. Я это вижу.

Фьельбо. Да ты съ ума сошелъ?

Стенсгоръ. Вы вчера вечеромъ рано ушли къ себѣ. Когда Фьельбо разъяснилъ мнѣ все, васъ уже...

Камергеръ. Прошу васъ... всякое объясненіе излишне.

Стенсгоръ. Совершенно вѣрно; и не думайте, что я за этимъ пришелъ.

Камергеръ. Не за этимъ... ну?

Стенсгоръ. Я знаю, что я васъ оскорбилъ.

Камергеръ. И я это знаю; но прежде, чѣмъ я велю васъ вывести отсюда, вы, можетъ-быть, скажете, зачѣмъ пришли сюда?

Стенсгоръ. Я люблю вашу дочь, г. камергеръ.

Фьельбо. Что?!

Камергеръ. Что онъ говоритъ, докторъ?

Стенсгоръ. Да, вамъ этого не понять, г. камергеръ. Вы человѣкъ старый; вамъ не изъ-за чего бороться...

Камергеръ. И вы осмѣливаетесь!..

Стенсгоръ. Я пришелъ сдѣлать предложеніе вашей дочери, г. камергеръ.

Камергеръ. Вы?.. вы?.. Не присядете ли?..

Стенсгоръ. Благодарю; я постою.

Камергеръ. Что вы на это скажете, докторъ?

Стенсгоръ. Фьельбо скажетъ только одно хорошее; онъ мой другъ, единственный, настоящій другъ мой.

Фьельбо. Нѣтъ, нѣтъ! Никогда въ жизни, разъ ты...

Камергеръ. Такъ съ этой цѣлью вы, г. докторъ, и ввели его къ намъ въ домъ?

Стенсгоръ. Вы обо мнѣ судите только по моему поведенію третьяго-дня и вчера, а этого недостаточно. Я сегодня уже не тотъ, что былъ раньше. Общеніе съ вами и вашей семьей подѣйствовало на меня, какъ благодатный весенній дождь. Въ одну ночь сѣмена пустили ростки! Не отталкивайте меня, не возвращайте къ безотрадной дѣйствительности. Никогда до сихъ поръ не вкушалъ я радостей жизни; онѣ были для меня—журавлями въ небѣ.

Камергеръ. Но моя дочь?..

Стенсгоръ. О, съ ней я полажу.

Камергеръ. Вотъ какъ? Гм!

Стенсгоръ. Да; потому что я этого хочу. Вспомните, что вы вчера мнѣ разсказывали. Вы тоже были недовольны женитьбой вашего сына, а вышло къ лучшему. Ошибки надо зарубать у себя на носу, какъ сказалъ Фьельбо...

Камергеръ. Ахъ, вотъ онъ куда мѣтилъ.

Фьельбо. И не думалъ! Позвольте мнѣ, дорогой г. камергеръ, поговорить съ нимъ наединѣ...

Стенсгоръ. Вздоръ! Не о чемъ мнѣ съ тобой говорить. Послушайте, г. камергеръ! Будьте же благоразумны! Родъ, какъ вашъ, долженъ обновляться кровными связями, иначе ему грозитъ вырожденіе...

Камергеръ. Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ!

Стенсгоръ. Тсс! Тсс! Не горячитесь! Бросьте это скучное важничанье... щепетильничанье. Чортъ возьми! Въ сущности все это однѣ глупости. Сами увидите, какъ будете довольны мной, когда узнаете меня покороче. Да, да, непремѣнно будете довольны — и вы и дочь ваша. Ее я заставлю...

Камергеръ. Что вы скажете, г. докторъ?

Фьельбо. По-моему — это сумасшествіе!

Стенсгоръ. Да, съ твоей стороны это было бы сумасшествіемъ, но на меня, видишь ли, возложена особая миссія въ этомъ прекрасномъ Божьемъ мірѣ. Я не дамъ запугать себя разнымъ вздоромъ, всякими предразсудками!

Камергеръ. Г. адвокатъ, вотъ дверь.

Стенсгоръ. Вы мнѣ указываете?..

Камергеръ. На дверь.

Стенсгоръ. Не дѣлайте этого!

Камергеръ. Вонъ отсюда! Вы авантюристъ, вы... Чортъ, какъ, бишь, это?.. Никакъ не... Вы...

Стенсгоръ. Что — я?

Камергеръ. Вы еще что-то такое, что такъ и вертится у меня на языкѣ, но...

Стенсгоръ. Если вы загородите мнѣ дорогу, — берегитесь!

Камергеръ. Чего?

Стенсгоръ. Я буду преслѣдовать васъ, буду писать противъ васъ въ газетахъ, клеветать на васъ, подкапываться подъ ваше честное имя, гдѣ только можно. Вы будете стонать какъ подъ ударами бича. Вамъ будутъ мерещиться духи, налетающіе на васъ съ облаковъ. Страхъ согнетъ васъ въ три погибели, вы не будете знать, какъ защититься отъ ударовъ... поползете на четверенькахъ, не зная, гдѣ укрыться отъ меня...

Камергеръ. Укройтесь-ка сами — въ желтый домъ. Тамъ ваше мѣсто!

Стенсгоръ. Ха-ха! Дешевый совѣтъ! Но вы лучшаго не могли придумать, г. Братсбергъ! Говорю вамъ: я носитель гнѣва Божьяго! Вы противитесь Его волѣ! Онъ начертилъ мнѣ свѣтлый, блестящій путь! Не загораживайте его мнѣ! Ну, да по всему видно — сегодня отъ васъ ничего не добьешься; но это не бѣда. Пока я требую только, чтобъ вы поговорили съ вашей дочерью. Приготовьте ее; дайте же ей случай выбрать! Подумайте сами, осмотритесь кругомъ. Какого можете вы

найти себѣ зятя между здѣшними тупицами и топтателями проселочныхъ дорогъ? Фьельбо говоритъ, что у нея глубокая, скромная, преданная душа... Ну, теперь вы все знаете. Прощайте, г. камергеръ! Отъ васъ самихъ зависитъ — имѣть во мнѣ друга или врага. Прощайте! (Уходитъ въ главныя двери).

Камергеръ. Вотъ до чего дошло! Вотъ съ какими предложеніями врываются ко мнѣ въ домъ!

Фьельбо. Никто, кромѣ Стенгора, этого себѣ не позволитъ.

Камергеръ. Сегодня онъ, завтра другіе

Фьельбо. Пусть придутъ; я ихъ встрѣчу. Я за васъ въ огонь и воду!

Камергеръ. Вы? Когда вы всему виной! Гм!.. Подобнаго нахала, какъ этотъ Стенгоръ, я еще не встрѣчалъ! И все-таки — чортъ его разберетъ! Въ немъ есть что-то такое, что мнѣ нравится.

Фьельбо. Онъ не безъ способностей...

Камергеръ. Онъ прямолинеенъ, г. докторъ. Онъ не затѣваетъ ничего у васъ за спиной, какъ другіе. Онъ... онъ...

Фьельбо. Не стоитъ объ этомъ говорить. Только будьте тверды, г. камергеръ. Нѣтъ и нѣтъ!

Камергеръ. Ахъ, оставьте вы свои совѣты при себѣ! Будьте увѣрены, что ни онъ ни кто другой...

Рингдаль (изъ двери справа). Извините, г. камергеръ, на одно слово... (Шепчетъ ему).

Камергеръ. Что такое? У васъ!..

Рингдаль. Пришелъ съ задняго крыльца и убѣдительно проситъ позволенія поговорить съ вами.

Камергеръ. Гм! Г. докторъ, подите на минутку къ дамамъ. Тутъ одинъ человѣкъ пришелъ... Но не говорите Сельмѣ о Стенгорѣ и его визитѣ. Ее нельзя вмѣшивать ни въ какія такія дѣла. Желалъ бы я, чтобы вы помолчали и передъ дочерью моей... но... Э, да что толковать! Подите же, пожалуйста!

(Фьельбо уходитъ въ гостиную, Рингдаль—въ контору, откуда немного погодя выходитъ Монсенъ).

Монсенъ (въ дверяхъ). Прошу извиненія, г. камергеръ...

Камергеръ. Ну, ну; войдите, войдите!

Монсенъ. Надѣюсь, у васъ въ семьѣ все обстоитъ благополучно?

Камергеръ. Благодарю. Вамъ что-нибудь нужно?

Монсенъ. Не могу этого сказать. У меня, слава Богу, есть почти все, чего только можно пожелать.

Камергеръ. Такъ, такъ; не всякій это скажетъ.

Монсенъ. Зато я и потрудился для этого, г. камергеръ. Да,

я знаю, вы не особенно благосклонно смотрите на мою дѣятельность.

Камергеръ. Для вашей дѣятельности, вѣроятно, безразлично, какъ бы я на нее ни смотрѣлъ.

Монсенъ. Какъ знать? Во всякомъ случаѣ я въ недалекомъ будущемъ намѣренъ прикончить всѣ свои дѣла.

Камергеръ. Неужели?

Монсенъ. Мнѣ повезло, видите. Я достигъ, чего хотѣлъ, вотъ и подумываю сократиться, — пора.

Камергеръ. Поздравляю — и васъ и многихъ другихъ!

Монсенъ. И разъ я къ тому же могу оказать услугу г. камергеру...

Камергеръ. Мнѣ?

Монсенъ. Когда лангерудскіе лѣса пять лѣтъ тому назадъ продавались съ торговъ, вы тоже торговались.

Камергеръ. Да, но на переторжкѣ вы повысили цѣну, и лѣса остались за вами.

Монсенъ. Вы теперь можете пріобрѣсти ихъ со всѣми лѣсопильнями и прочими благами...

Камергеръ. Послѣ того, какъ вы безжалостно ихъ повырубили...

Монсенъ. Ну, они все еще представляютъ большую цѣнность, и въ вашихъ рукахъ черезъ нѣсколько лѣтъ...

Камергеръ. Благодарю; но, къ сожалѣнію, дѣло это мнѣ не подходитъ.

Монсенъ. А дѣло выгодное, г. камергеръ! Что же до меня... надо вамъ сказать, я затѣялъ крупную спекуляцію и много поставилъ на карту... то-есть, я могу выиграть большой кушъ... тысячъ этакъ сто.

Камергеръ. Сто тысячъ? Сумма дѣйствительно не маленькая.

Монсенъ. Ха-ха-ха! Весьма пріятно приложить такой кушъ къ остальному. Но нельзя выиграть крупнаго сраженія, не имѣя резервовъ, какъ говорится. Свободныхъ же капиталовъ здѣсь маловато; имена, которыя чего-нибудь стоятъ, тоже достаточно использованы.

Камергеръ. Благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ лицъ.

Монсенъ. Рука руку моетъ... Ну, г. камергеръ, такъ не сойдемся? Вы бы получили лѣса почти задаромъ...

Камергеръ. И даромъ не нужно, г. Монсенъ.

Монсенъ. Но вѣдь доброе предложеніе чего-нибудь да стоитъ! Г. камергеръ, не поможете ли вы мнѣ?

Камергеръ. Что вы хотите этимъ сказать?

Монсенъ. Я, конечно, представлю обезпеченіе. Недвижимаго-то имущества у меня вдоволь. Извольте взглянуть на

эти бумаги... Да, смѣю посвятить васъ въ положеніе моихъ дѣлъ...

Камергеръ (отстраняя бумаги). Вы денежной помощи ищете?

Монсенъ. Не наличными, нѣтъ. Мнѣ нужно поручительство, г. камергеръ... Разумѣется, не даромъ; и обезпеченіе представлю, и...

Камергеръ. И вы съ такой просьбой обращаетесь ко мнѣ?

Монсенъ. Именно къ вамъ. Я знаю, вы столько разъ забывали старую непріязнь, когда человѣку приходилось круто.

Камергеръ. Мнѣ слѣдовало бы поблагодарить васъ за ваше хорошее мнѣніе обо мнѣ... особенно въ такое время; но все-таки...

Монсенъ. Не объясните ли вы мнѣ, г. камергеръ, что вы собственно имѣете противъ меня?

Камергеръ. Для чего вамъ это?

Монсенъ. Для того, чтобы поправить наши отношенія. Не помню, чтобы я когда въ чемъ былъ вамъ помѣхой.

Камергеръ. Не помните? Такъ я могу припомнить вамъ такой случай. Я основалъ на заводѣ ссудо-сберегательную кассу для моихъ служащихъ и прочихъ. Но вы начали свои банковыя операціи, и народъ понесъ свои трудовые гроши вамъ.

Монсенъ Понятно, г. камергеръ; я даю болѣе высокіе проценты.

Камергеръ. Да, но и берете тоже.

Монсенъ. Зато я не такъ требователенъ по части поручительства и тому подобнаго.

Камергеръ. Къ сожалѣнію. Поэтому-то мы и видимъ, что заключаются сдѣлки на десять, двадцать тысячъ спецій-далеровъ, а ни у покупателя ни у продавца нѣтъ ни гроша за душой! Вотъ, г. Монсенъ, что я имѣю противъ васъ. И, кромѣ того, еще нѣчто, касающееся меня еще ближе. Вы думаете, что мой сынъ съ моего согласія бросился во всѣ эти аферы?

Монсенъ. Но вѣдь и я тутъ не при чемъ.

Камергеръ. Вашъ примѣръ заразилъ его, какъ и многихъ другихъ. Отчего вы не остались при своемъ прежнемъ дѣлѣ?

Монсенъ. Сплавлять лѣсъ, какъ мой отецъ?

Камергеръ. Или вамъ стыдно было служить у меня? Отецъ вашъ жилъ честно, и его занятіе не мѣшало людямъ уважать его.

Монсенъ. Да, пока онъ не лишился здоровья и въ концѣ концовъ не погибъ на порогахъ вмѣстѣ съ плотомъ. Знаете ли вы жизнь людей этой профессіи, г. камергеръ? Испытали ли вы хоть разъ въ жизни, что терпятъ эти люди, которые работаютъ для васъ въ лѣсныхъ трущобахъ и на горныхъ рѣч-

кахъ въ то время, какъ вы сидите въ теплыхъ, уютныхъ покояхъ и пожинаете плоды ихъ трудовъ? Можете ли вы осуждать такого человѣка за то, что ему захочется выбиться въ люди? Я получилъ образованіе получше, чѣмъ мой отецъ, и способностей у меня, пожалуй, было больше...

Камергеръ. Положимъ, такъ. Но какими способами выбились вы въ люди? Начали торговать водкой; потомъ стали скупать ненадежные векселя и безпощадно взыскивать по нимъ... затѣмъ шли все дальше и дальше. Сколько вы разорили народу, чтобы выбиться въ люди!

Монсенъ. На то и коммерція. Одинъ въ барышахъ, другой въ убыткѣ.

Камергеръ. Но способы, средства? Благодаря вамъ нѣкоторыя почтенныя семейства доведены до того, что живутъ общественною милостыней.

Монсенъ. Данінлъ Гейре тоже недалекъ отъ этого.

Камергеръ. Я понимаю васъ. Но я-то въ своихъ дѣлахъ могу отдать отчетъ и Богу и людямъ. Когда страна послѣ отторженія отъ Даніи бѣдствовала, мой покойный отецъ сверхъ силъ своихъ приносилъ жертвы отечеству. И вотъ часть нашихъ имѣній перешла къ семейству Гейре. Но къ чему же это повело? Въ этихъ имѣніяхъ жили люди, и всѣ они страдали отъ неразумнаго управленія Данінла Гейре. Онъ вырубалъ лѣса въ ущербъ... можно даже сказать, въ разореніе всей общины. Не было ли моей прямой обязанностью прекратить это, разъ я только могъ? А я могъ. Законъ былъ на моей сторонѣ; я имѣлъ полное право выкупить обратно свои родовыя земли.

Монсенъ. Я тоже не провинился противъ законовъ.

Камергеръ. Ну, а противъ собственнаго сознанія и совѣсти своей?.. Вѣроятно, вы не совсѣмъ же лишены ихъ? И какъ безцеремонно нарушили вы здѣсь всѣ старые, добрые порядки, уничтожили должное уваженіе къ богатству! Теперь ужъ не спрашиваютъ: какими путями нажито состояніе, или сколько лѣтъ владѣетъ имъ родъ; спрашиваютъ лишь: сколько у того или у другого. По цифрѣ и судятъ человѣка. Теряю отъ этого, конечно, и я. Мы съ вами стали чуть ли не ровней: наши имена ставятъ рядомъ, такъ какъ мы здѣсь самые крупные собственники. Этого я не могу снести. Такъ вотъ разъ навсегда и знайте, что я имѣю противъ васъ!

Монсенъ. Г. камергеръ, я положу этому конецъ; прикончу всѣ дѣла, уступлю вамъ во всемъ, но прошу васъ, умоляю васъ, помогите мнѣ теперь!

Камергеръ. Нѣтъ.

Монсенъ. Я согласенъ заплатить тѣмъ угодно...

Камергеръ. Заплатить! И вы осмѣливаетесь!..

Монсенъ. Если не ради меня, такъ ради вашего сына!

Камергеръ. Моего сына?

Монсенъ. Да, онъ участвуетъ въ дѣлѣ. Я думаю, что на его долю придется около двадцати тысячъ.

Камергеръ. Барыша?

Монсенъ. Да.

Камергеръ. Но — Боже мой — на чью же долю придется убытокъ?

Монсенъ. Какъ?

Камергеръ. Если мой сынъ получитъ двадцать тысячъ барыша, то кто-нибудь да долженъ потерпѣть такой же убытокъ?

Монсенъ. Предпріятіе вѣрное, выгодное. Больше я ничего не имѣю права сказать. Но мнѣ нужно солидное поручительство. Дайте только свое имя, подпишитесь...

Камергеръ. Подписаться?! На документѣ?

Монсенъ. Всего на десять-пятнадцать тысячъ далеровъ.

Камергеръ. И вы хоть на одну секунду могли подумать, что... Мое имя! Для подобной аферы! Мое имя! Какъ поручителя, значитъ?

Монсенъ. Ради одной формы...

Камергеръ. ...Надувательства! Мое имя! Ни за что! Я никогда не подписывалъ своего имени на чужихъ документахъ...

Монсенъ. Никогда? Ну, это вы преувеличиваете, г. камергеръ.

Камергеръ. Буквально никогда, говорятъ вамъ.

Монсенъ. Нѣтъ, не буквально. Я самъ видѣлъ...

Камергеръ. Что?

Монсенъ. Имя камергера; по крайней мѣрѣ, на одномъ векселѣ.

Камергеръ. Неправда! Вы этого никогда не видѣли.

Монсенъ. Видѣлъ. Вексель на двѣ тысячи далеровъ. Припомните!

Камергеръ. Ни на двѣ ни на десять! Клянусь честью, никогда!

Монсенъ. Тогда это подлогъ.

Камергеръ. Подлогъ?!

Монсенъ. Да, подлогъ; подложный документъ. Я самъ его видѣлъ.

Камергеръ. Подложный!? Подложный! Гдѣ вы его видѣли? У кого?

Монсенъ. Не скажу.

Камергеръ. Ха-ха! Такъ мы постараемся открыть это!

Монсенъ. Послушайте...

Камергеръ. Молчите! Вотъ до чего дошло! Подложный векселъ! Меня замѣшиваютъ въ такую грязь! Ну, тогда не удивительно, что меня ставятъ на одну доску съ прочими. Но я имъ покажу себя!

Монсенъ. Г. камергеръ! Ради васъ самихъ и другихъ...

Камергеръ. Отстаньте отъ меня! Уйдите! Вы — зачинщикъ! Да, вы! Горе тому, черезъ кого приходитъ соблазнъ! Что за жизнь идетъ въ вашемъ домѣ, и съ какими людьми вы знаетесь? Какіе-то невѣдомые господа изъ Христіаніи и Богъ вѣсть откуда, которымъ бы только попить да поѣсть всласть, а съ кѣмъ и гдѣ — все равно. Молчите! Я самъ видѣлъ вашихъ почтенныхъ рождественскихъ гостей, какъ они мчались по дорогѣ съ крикомъ и воемъ, словно стая волковъ! Да за вами есть дѣла и похуже! Скандальныя исторіи съ собственными горничными... Жена ваша лишилась разсудка изъ-за вашего разврата и грубаго обращенія.

Монсенъ. Нѣтъ, это ужъ черезчуръ! Вы пожалѣете объ этихъ словахъ!

Камергеръ. Къ чорту ваши угрозы! Что вы можете сдѣлать мнѣ? Мнѣ! Вы спрашивали, что я имѣю противъ васъ? Теперь вы узнали, знаете, почему я васъ не допускалъ въ порядочный кругъ общества.

Монсенъ. Узнаетъ же меня теперь этотъ порядочный кругъ!

Камергеръ. Вотъ вамъ дорога!

Монсенъ. Я знаю дорогу, г. камергеръ! (Уходитъ въ главныя двери).

Камергеръ (подходитъ къ дверямъ конторы направо и отворяетъ дверь). Рингдаль, Рингдаль! Сюда!

Рингдаль (входитъ). Г. камергеръ?

Камергеръ (у дверей гостиной). Г. докторъ, пожалуйте! Ну, Рингдаль, сбываются теперь мои предсказанія.

Фьельбо (входя). Что прикажете, г. камергеръ?

Рингдаль. Какія предсказанія, г. камергеръ?

Камергеръ. Что вы скажете, докторъ? Вы всегда считали преувеличеніемъ съ моей стороны, когда я говорилъ, что Монсенъ развращаетъ мѣстное населеніе.

Фьельбо. Ну да; въ чемъ же дѣло?

Камергеръ. Здѣшній народъ уже сдѣлалъ большіе успѣхи— вотъ въ чемъ дѣло. Какъ вамъ это покажется: пошли въ ходъ подложные векселя.

Рингдаль. Подложные векселя?

Камергеръ. Да, подложные векселя! И за чьимъ поручительствомъ? За моимъ!

Фьельбо. Господи Боже мой! Да кто же это сдѣлалъ?

Камергеръ. А я почемъ знаю? Развѣ я знаю всѣхъ мошенниковъ? Но я уличу ихъ! Сдѣлайте мнѣ одолженіе, г. докторъ: векселъ долженъ быть учтенъ или въ банкѣ, или въ заводской ссудной кассѣ; поѣзжайте къ Люннестаду—онъ лучше остальныхъ директоровъ банка знаетъ дѣла—и узнайте, есть ли такой векселъ...

Фьельбо. Сію минуту.

Рингдаль. Люннестадъ здѣсь на заводѣ. Сегодня засѣданіе школьнаго совѣта.

Камергеръ. Тѣмъ лучше. Отыщите его и попросите сюда.

Фьельбо. Немедленно исполню. (Уходитъ въ главныя двери).

Камергеръ. А вы, Рингдаль, навѣдайтесь въ ссудную кассу. Какъ только узнаемъ навѣрно, сейчасъ же подамъ заявленіе фогту. Никакой пощады этимъ мошенникамъ!

Рингдаль. Хорошо, г. камергеръ... Боже мой! Вотъ ужъ чего никогда не думалъ! (Уходитъ направо).

(Камергеръ прохаживается взадъ и впередъ по комнатѣ и затѣмъ направляется къ двери кабинета. Эрикъ быстро входитъ въ главныя двери).

Эрикъ. Милый папа...

Камергеръ. А, пришелъ!

Эрикъ. Мнѣ необходимо поговорить съ тобой.

Камергеръ. Гм!.. Я, право, мало расположенъ къ разговорамъ. Что тебѣ нужно?

Эрикъ. Ты знаешь, что я никогда раньше не вмѣшивалъ тебя въ мои дѣла...

Камергеръ. Да, и я усердно просилъ бы уволить меня и впредь.

Эрикъ. Но сегодня я вынужденъ...

Камергеръ. Вынужденъ?..

Эрикъ. Отецъ, помоги мнѣ!

Камергеръ. Деньгами, что ли? Держи карманъ, такъ я тебѣ и далъ...

Эрикъ. Только одинъ единственный разъ! Клянусь, что никогда больше... Надо тебѣ сказать, что я нѣкоторымъ образомъ связанъ съ Монсеномъ...

Камергеръ. Знаю. Вы съ нимъ затѣяли спекуляцію.

Эрикъ. Спекуляцію? Мы? Нѣтъ. Кто это сказалъ?

Камергеръ. Самъ Монсенъ.

Эрикъ. Монсенъ былъ здѣсь?

Камергеръ. Только-что. И я его выгналъ.

Эрикъ. Отецъ, если ты не поможешь мнѣ. я погибъ.

Камергеръ. Ты?

Эрикъ. Да. Монсенъ меня снабдилъ деньгами... онѣ мнѣ ужасно дорого обошлись... и, кромѣ того, наступилъ срокъ...

Камергеръ. Вотъ оно! Что я тебѣ говорилъ?..

Эрикъ. Да, да; но теперь поздно разговаривать...

Камергеръ. Разоренъ! Въ какіе-нибудь два года! Да и какъ ты могъ ожидать чего-нибудь иного? Зачѣмъ тебѣ было связываться съ этими фокусниками, которые втираютъ людямъ очки дутыми капиталами? Эта компанія была не по тебѣ. Чтобы водиться съ такими господами, нужно самому имѣть волчій зубъ, не то плохо придется, какъ самъ теперь видишь.

Эрикъ. Отецъ, ты меня спасешь или нѣтъ?

Камергеръ. Нѣтъ; въ послѣдній разъ говорю—нѣтъ, не хочу!

Эрикъ. Моя честь поставлена на карту...

Камергеръ. Пожалуйста, безъ громкихъ фразъ! Какая тутъ честь быть удачнымъ спекулянтомъ? Скорѣе напротивъ. Ступай домой и сведи балансъ. Расплатись со всѣми и прикончи все, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Эрикъ. Ахъ, ты не знаешь!..

(Сельма и Тора входятъ изъ гостиной).

Сельма. Голосъ Эрика... Боже, что случилось?

Камергеръ. Ничего. Ступайте въ гостиную.

Сельма. Нѣтъ, не пойду. Я хочу знать. Эрикъ, что случилось?

Эрикъ. Я разоренъ!

Тора. Разоренъ!

Камергеръ. Ну вотъ!

Сельма. Какъ это разоренъ?

Эрикъ. Все пропало.

Сельма. Деньги, что ли?

Эрикъ. Деньги, домъ, наслѣдство — все.

Сельма. Да, для тебя это все.

Эрикъ. Сельма, пойдемъ. Теперь ты одна у меня осталась. Придется намъ раздѣлить несчастье.

Сельма. Несчастье? Раздѣлить? (Вскрикиваетъ) Такъ и я гожусь теперь!

Камергеръ. Ради Бога!..

Эрикъ. Что ты говоришь?

Тора. Приди въ себя!

Сельма. Нѣтъ, не хочу! Не могу я больше молчать, лицемѣрить и лгать! Теперь я вамъ все скажу. Ничего я не хочу дѣлить!

Эрикъ. Сельма!

Камергеръ. Дитя мое, что ты говоришь?

Сельма. О, какъ жестоко, безсовѣстно вы всѣ со мной по-

ступали! Мнѣ все только давали, а я ничего не могла дать. Я была какъ нищая между вами. Вы никогда не требовали отъ меня никакой жертвы... Никогда я не годилась ни на какую помощь! Какъ я васъ ненавижу! Какъ вы мнѣ противны!

Эрикъ. Что же это?..

Камергеръ. Она больна; не помнитъ себя.

Сельма. Какъ я жаждала, чтобы вы удѣлили мнѣ хоть каплю изъ вашихъ заботъ, изъ вашихъ печалей! Но если я просила, вы отдѣлывались отъ меня шутками. Вы наряжали меня, какъ куклу; вы играли со мной, какъ съ ребенкомъ. А я бы съ такой радостью перенесла многое... Я жаждала испытать хоть что-нибудь, что волнуетъ, подымаетъ и возвышаетъ душу. А теперь, значитъ, я годна, когда у Эрика ничего больше не осталось? Но я не хочу быть послѣдней соломинкой! Я теперь знать не хочу твоего горя. Уйду отъ тебя. Лучше сдѣлаюсь уличной пѣвицей!.. Оставь меня, оставь меня! (Выбѣгаетъ въ главныя двери).

Камергеръ. Тора! Она это серьезно или...

Тора. О, да; теперь я только поняла, что это серьезно.

Эрикъ. Нѣтъ! Я готовъ потерять все—только не ее! Сельма! (Бросается за нею).

Рингдаль (входитъ справа). Г. камергеръ!..

Камергеръ. Что?

Рингдаль. Я изъ ссудной кассы...

Камергеръ. Изъ ссудной кассы? Ахъ, да, векселъ!..

Рингдаль. Все въ порядкѣ; тамъ ни разу ни учитывали ни одного векселя за вашимъ поручительствомъ.

(Докторъ Фьельбо и Люннестадъ изъ главныхъ дверей).

Фьельбо. Напрасная тревога, г. камергеръ.

Камергеръ. И въ банкѣ тоже нѣтъ?

Люннестадъ. Вотъ уже сколько лѣтъ я стою во главѣ банка и ни разу не видѣлъ вашей подписи... то-есть, конечно, не считая векселя вашего сына.

Камергеръ. Векселя моего сына?!.

Люннестадъ. Да, того векселя за вашимъ поручительствомъ, который былъ учтенъ весной.

Камергеръ. Моего сына? Моего сына? Да какъ же вы!..

Люннестадъ. Помилуйте, припомните: вексель вашего сына на двѣ тысячи далеровъ.

Камергеръ (хватается за спинку кресла). Боже милосердый!..

Фьельбо. Господи!..

Рингдаль. Да не можетъ быть!..

Камергеръ (падая въ кресло). Поговоримъ спокойно. Вексель моего сына за моимъ поручительствомъ? На двѣ тысячи далеровъ?

Фьельбо (Люннестаду). И этотъ вексель въ банкѣ?

Люннестадъ. Нѣтъ; тамъ его нѣтъ больше; Монсенъ на прошлой недѣлѣ выкупилъ его...

Камергеръ. Монсенъ!

Рингдаль. Можетъ-быть, онъ еще на заводѣ; я сейчасъ...

Камергеръ. Останьтесь!

Гейре (входитъ въ главныя двери). Здравствуйте, господа! Здравствуй, почтеннѣйшій! Спасибо за вчерашній пріятный вечерокъ. Ну, разскажу я вамъ!..

Рингдаль. Извините, у насъ спѣшныя дѣла...

Гейре. У другихъ тоже спѣшныя дѣла. Напримѣръ, у Монсена...

Камергеръ. У Монсена?

Гейре. Хе-хе! Великолѣпная исторія! Выборныя интриги въ полномъ ходу. Знаешь, что̀ намѣреваются сдѣлать? Подкупить тебя, многоуважаемый!

Люннестадъ. Подкупить, вы сказали?

Камергеръ. По плодамъ судятъ дерево.

Гейре. Чортъ возьми, я еще никогда не слыхалъ такой дерзости! Захожу я къ мадамъ Рундгольменъ выпить рюмку горькой; тамъ сидятъ Монсенъ и адвокатъ Стенсгоръ и пьютъ портвейнъ... гадость ужасную! Тьфу! Я бы и въ ротъ не взялъ... Они мнѣ, впрочемъ, и не предложили, надо сказать правду. Ну вотъ Монсенъ и говоритъ: — «Хотите пари держать, что камергеръ завтра же при подачѣ голосовъ на выборахъ приметъ нашу сторону?» — «Вотъ какъ? — говорю. — Какимъ же это образомъ?» А онъ говоритъ: — «При помощи вотъ этого векселя!..»

Фьельбо и Рингдаль. Векселя?

Люннестадъ. При подачѣ голосовъ на выборахъ?

Камергеръ. Ну! Дальше?

Гейре. Дальше я не знаю. Я слышалъ, что это былъ вексель въ двѣ тысячи далеровъ. Вотъ какая теперь цѣна знатнымъ господамъ. Просто скандалъ!

Камергеръ. Вексель въ двѣ тысячи далеровъ?

Рингдаль. И вексель у Монсена?

Гейре. Нѣтъ, онъ его передалъ г-ну Стенсгору.

Люннестадъ. Ага!

Фьельбо. Стенсгору?

Камергеръ. Ты это вѣрно знаешь?

Гейре. Ну, еще бы! — «Вы можете пустить его въ дѣло по вашему усмотрѣнію», — сказалъ онъ Стенсгору. Но я не понимаю...

Люннестадъ. Послушайте, г. Гейре, и вы также, г. Рингдаль...

(Всѣ трое разговариваютъ тихо въ глубинѣ сцены).

Фьельбо. Г. камергеръ!

Камергеръ. Что?

Фьельбо. Вексель вашего сына, конечно, не подложный?

Камергеръ. Надо полагать.

Фьельбо. Конечно. Но если теперь объявится и подложный...

Камергеръ. Я не подамъ заявленія фогту.

Фьельбо. Разумѣется. Но этого мало.

Камергеръ (вставая). Больше я ничего не могу сдѣлать.

Фьельбо. Ради Бога! Вы можете и обязаны. Вы должны спасти несчастнаго...

Камергеръ. Какимъ образомъ?

Фьельбо. Очень просто — признать свою подпись.

Камергеръ. Вы думаете, г. докторъ, что въ нашей семьѣ могутъ поступать и такъ и сякъ?

Фьельбо. Я думаю о вашей семьѣ одно хорошее, г. камергеръ.

Камергеръ. И вы могли хоть на минуту предположить, что я въ состояніи солгать? Стакнуться съ поддѣлывателями векселей?

Фьельбо. Знаете ли вы, что изъ этого можетъ выйти?

Камергеръ. Это дѣло преступника и суда. (Уходитъ налѣво).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Большая комната для пріѣзжихъ у мадамъ Рундгольменъ. Въ глубинѣ входная дверь; по обѣимъ сторонамъ по двери поменьше. Направо окно; передъ нимъ письменный столъ, другой столъ подальше, посреди комнаты.

Мадамъ Рундгольменъ (громко за сценой налѣво). А мнѣ дѣла нѣтъ! Скажи имъ, что они пришли сюда подавать голоса, а не пить. Не хотятъ ждать — какъ хотятъ.

Стенсгоръ (изъ входныхъ дверей). Доброе утро! Гм... гм! (Подходитъ къ двери налѣво и стучитъ въ нее) Доброе утро, мадамъ Рундгольменъ!

Мадамъ Рундгольменъ (за сценой). Ну, кто еще тамъ?

Стенсгоръ. Это я — Стенсгоръ. Можно войти?

Мадамъ Рундгольменъ. Нѣтъ, нѣтъ! Боже упаси! Я еще не одѣта.

Стенсгоръ. Что такое? Вы такъ поздно встали сегодня?

Мадамъ Рундгольменъ. Еще черти на кулачкахъ не дрались, какъ я ужъ поднялась; но надо же привести себя въ человѣческій видъ. (Высовывая въ двери голову въ наброшенномъ платкѣ) Ну, что нужно? Нѣтъ, пожалуйста, не смотрите на меня, г. Стенсгоръ!.. Ну, еще кого-то несетъ! (Захлопываетъ дверь).

Аслаксенъ (съ пачкой газетъ входитъ въ главную дверь). Здравствуйте, г. Стенсгоръ!

Стенсгоръ. Ну, напечатано?

Аслаксенъ. Напечатано. Вотъ посмотрите: «Праздникъ семнадцатаго мая. Отъ нашего спеціальнаго корреспондента». Вотъ на второй страницѣ — объ основаніи союза, а сверху ваша рѣчь; всѣ рѣзкости жирнымъ шрифтомъ.

Стенсгоръ. Кажется, все сплошь жирнымъ шрифтомъ?

Аслаксенъ. Да, выходитъ почти сплошь.

Стенсгоръ. Прибавленіе разослано, разумѣется, еще вчера?

Аслаксенъ. Само собой; по всей общинѣ; и подписчикамъ и не-подписчикамъ. Хотите взглянуть? (Передаетъ ему газету).

Стенсгоръ (пробѣгая глазами). «Почтенный Андерсъ Люннестадъ намѣренъ отказаться отъ представительства въ стортингѣ»... «многолѣтнее и безукоризненное служеніе обществу»... «какъ говоритъ поэтъ: отдохни, гражданинъ, ты заслужилъ покой»... Гм! «Въ день свободы основанъ союзъ молодежи... адвокатъ Стенсгоръ... руководящая мысль союза... неотложныя реформы... облегченіе кредита»... Ну что же, изложено недурно. Выборы начались?

Аслаксенъ. Въ полномъ ходу. Весь нашъ союзъ налицо; всѣ имѣющіе и не имѣющіе права голоса.

Стенсгоръ. Ну, чортъ съ ними, съ послѣдними, — между нами, конечно. Теперь ступайте и поговорите съ тѣми, въ комъ вы не увѣрены.

Аслаксенъ. Хорошо, хорошо!

Стенсгоръ. Вы можете сказать имъ, что мы съ Люннестадомъ почти единомышленники...

Аслаксенъ. Будьте покойны; я знаю мѣстныя условія.

Стенсгоръ. И вотъ еще что... будьте благоразумны, Аслаксенъ, не пейте сегодня.

Аслаксенъ. Ну, еще что!..

Стенсгоръ. Потомъ мы устроимъ веселую вечеринку. А теперь помните, какъ важно и для васъ и для вашей газеты... Да, любезнѣйшій, воздержитесь...

Аслаксенъ. И слушать больше не хочу. Каждый, я думаю, самъ за себя отвѣчаетъ. (Уходитъ направо).

Мадамъ Рундгольменъ (входитъ слѣва принаряженная). Ну, г. Стенсгоръ, теперь я могу показаться. Что-нибудь особенное?

Стенсгоръ. Нѣтъ, я только хотѣлъ попросить васъ извѣстить меня, когда Монсенъ пріѣдетъ.

Мадамъ Рундгольменъ. Его сегодня не будетъ.

Стенсгоръ. Не будетъ?

Мадамъ Рундгольменъ. Нѣтъ; онъ проѣхалъ сегодня въ четыре часа утра; онъ вѣдь вѣчно въ дорогѣ; заходилъ и засталъ меня еще въ постели. Хотѣлъ денегъ занять, изволите видѣть.

Стенгоръ. Монсеньъ?..

Мадамъ Рундгольменъ. Страхъ сколько онъ денегъ изводитъ. Дай-то Богъ ему успѣха! И вамъ тоже! Говорятъ, васъ хотятъ выбрать.

Стенгоръ. Меня? Вздоръ. Кто это говоритъ?

Мадамъ Рундгольменъ. Кто-то изъ партіи Люннестада.

(Данінлъ Гейре входитъ).

Гейре. Те-те! Здравствуйте! Надѣюсь, что не помѣшалъ?

Мадамъ Рундгольменъ. Помилуйте, нисколько!

Гейре. Чортъ возьми, какой шикъ! Не для меня ли вы такъ вырядились?

Мадамъ Рундгольменъ. Еще бы! Для кого же и наряжаться, какъ не для холостяковъ?

Гейре. Для женіховъ, мадамъ Рундгольменъ, для женіховъ! Къ сожалѣнію, у меня все время уходитъ на многочисленныя тяжбы...

Мадамъ Рундгольменъ. Ну, жениться всегда есть время.

Гейре. Нѣтъ, куда тамъ! Женитьба какъ разъ такое дѣло, что всего человѣка цѣликомъ беретъ. Но что за бѣда? Не за меня, такъ выходите за другого. Выйти-то вамъ все-таки слѣдуетъ.

Мадамъ Рундгольменъ. Да, знаете, я и то ужъ подумываю.

Гейре. Понятно; кто разъ испыталъ сладости брачной жизни... Покойный Рундгольменъ былъ образцовый...

Мадамъ Рундгольменъ. Не могу этого сказать; грубоватъ былъ покойникъ и выпивалъ къ тому же. Но мужчина — все-таки мужчина.

Гейре. Святая истина, мадамъ Рундгольменъ! Мужчина — мужчина, а вдова — вдова...

Мадамъ Рундгольменъ. А дѣла—дѣла. Голова кругомъ идетъ, какъ подумаешь, сколько у меня дѣла. Покупать всѣ охочи, а какъ дойдетъ до расплаты, такъ нашему брату-продавцу приходится прибѣгать и къ повѣсткамъ, и ко взысканіямъ, и къ описи имущества. Я думаю даже обзавестись постояннымъ адвокатомъ.

Гейре. Въ такомъ случаѣ, мадамъ Рундгольменъ, обзаведитесь Стенгоромъ, — онъ какъ разъ свободенъ...

Мадамъ Рундгольменъ. Ухъ, какой у васъ злой языкъ! И слушать васъ не хочу больше! (Уходитъ направо).

Гейре. Солидная женщина, а? Дѣловитая, проворная. Дѣтей пока нѣтъ; деньги въ банкѣ. Кромѣ того, она не безъ образованія, очень начитана!

Стенгоръ. Ужъ и начитана?

Гейре. Хе-хе! Я думаю! Два года выдавала книги въ би-

бліотекѣ для чтенія. Но сегодня у васъ, вѣрно, совсѣмъ другое въ головѣ?

Стенсгоръ. Ничуть; я врядъ ли даже буду вотировать. А вы за кого подадите голосъ, г. Гейре?

Гейре. У меня нѣтъ голоса, почтеннѣйшій; я больше не собственникъ. Тутъ продавалась всего одна собачья конура, да и та вамъ досталась.

Стенсгоръ. Если вамъ грозитъ участь остаться безъ крова, я вамъ ее уступлю.

Гейре. Хе-хе, шутникъ вы! Охъ, да! Милая юность—всегда въ отличномъ расположеніи духа. Но пойду, однако, взглянуть на звѣринецъ. Говорятъ, весь вашъ союзъ налицо. (Увидавъ доктора Фьельбо, который появляется изъ входной двери) Вотъ и докторъ. Вѣроятно, съ научной цѣлью пришли?

Фьельбо. Съ научной?

Гейре. Да, по случаю эпидеміи; злокачественная выборная горячка въ полномъ разгарѣ. Ну, Господь съ вами, мои юные друзья! (Уходитъ направо).

Стенсгоръ. Скажи скорѣе, ты видѣлся сегодня съ камергеромъ?

Фьельбо. Да.

Стенсгоръ. Что же онъ сказалъ?

Фьельбо. Что онъ сказалъ?

Стенсгоръ. Ну да; я ему писалъ.

Фьельбо. Вотъ какъ? Что же ты писалъ?

Стенсгоръ. Что я твердо надѣюсь получить руку его дочери и хочу поговорить съ нимъ объ этомъ, для чего и явлюсь къ нему завтра.

Фьельбо. Ты бы лучше все-таки отложилъ свой визитъ. Завтра день рожденія камергера, будетъ масса народу...

Стенсгоръ. Вотъ, вотъ; чѣмъ больше, тѣмъ лучше. У меня на рукахъ крупная игра.

Фьельбо. И ты, вѣроятно, далъ это понять?

Стенсгоръ. Какъ это?

Фьельбо. То-есть сдобрилъ свое объясненіе въ любви маленькими угрозами и тому подобнымъ.

Стенсгоръ. Фьельбо, ты читалъ письмо!

Фьельбо. Нѣтъ, увѣряю тебя.

Стенсгоръ. Ну да, откровенно говоря, я ему пригрозилъ.

Фьельбо. Ну, тогда я имѣю кое-что въ родѣ отвѣта тебѣ.

Стенсгоръ. Отвѣта? Давай, давай!

Фьельбо (показываетъ ему запечатанный конвертъ). Посмотри. Камергеръ вотируетъ письменно.

Стенсгоръ. За кого же?

Фьельбо. Во всякомъ случаѣ не за тебя.

Стенсгоръ. За кого же, за кого же? Говори!

Фьельбо. За амтмана и пробста.

Стенсгоръ. Что̀ такое? Даже не за Люннестада?

Фьельбо. Нѣтъ. И знаешь почему? Потому что Люннестадъ намѣренъ выставить своимъ преемникомъ тебя.

Стенсгоръ. Такъ вотъ онъ на что идетъ!

Фьельбо. Да, и онъ прибавилъ: если вы увидите Стенсгора, скажите ему, за кого я вотирую; пусть знаетъ, въ какихъ мы отношеніяхъ.

Стенсгоръ. Хорошо. Пусть будетъ по-его!

Фьельбо. Подумай, Стенсгоръ! Опасно валить старую башню; недолго пострадать самому.

Стенсгоръ. О, я поумнѣлъ за послѣдніе дни.

Фьельбо. Да? А все-таки попрежнему позволяешь старику Люннестаду водить себя за носъ.

Стенсгоръ. Ты думаешь, я не раскусилъ Люннестада? Не вижу, почему онъ сталъ за меня? Только потому, что предположилъ, будто камергеръ на моей сторонѣ, да еще ему хотѣлось расшатать нашъ союзъ и устранить Монсена.

Фьельбо. Но разъ теперь онъ знаетъ, что камергеръ не за тебя...

Стенсгоръ. Онъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы можно было пойти на попятный; а я между тѣмъ воспользовался временемъ и выпустилъ кое-какіе летучіе листки. Большинство его сторонниковъ не явится, а мои всѣ налицо.

Фьельбо. Но отъ выборщика до депутата еще большой скачокъ.

Стенсгоръ. Люннестадъ отлично знаетъ, что если онъ мнѣ измѣнитъ на выборахъ въ стортингъ, то я въ состояніи выжить его изъ коммунальнаго управленія.

Фьельбо. Расчетъ недуренъ. Но, чтобы все это удалось, тебѣ сначала нужно пустить здѣсь болѣе прочные корни.

Стенсгоръ. Да, эти господа вѣчно требуютъ матеріальнаго обезпеченія, равенства интересовъ!

Фьельбо. Вѣрно; поэтому, значитъ, и нужно, чтобы фрёкенъ Братсбергъ стала жертвой?

Стенсгоръ. Жертвой? Тогда я былъ бы попросту подлецъ! Но я вполнѣ убѣжденъ, что она будетъ счастлива. Что̀ это однако, Фьельбо? И у тебя есть какая-то задняя мысль.

Фьельбо. У меня?

Стенсгоръ. Да, ты втихомолку мнѣ противодѣйствуешь. Зачѣмъ? Скажи прямо... Будемъ дѣйствовать на чистоту... Хочешь?

Фьельбо. Откровенно говоря, нѣтъ. Ты слишкомъ опасенъ,

слишкомъ безсовѣстенъ... ну, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ безцеремоненъ, чтобы тебѣ можно было довѣриться. Если ты что-нибудь узнаешь, то не задумаешься воспользоваться этимъ. Но, какъ другъ, я настоятельно совѣтую тебѣ выкинуть изъ головы фрёкенъ Братсбергъ.

Стенсгоръ. Не могу. Мнѣ надо выбраться изъ этого безобразнаго положенія. Я не могу больше жить въ этомъ болотѣ. Мнѣ приходится разгуливать подъ-руку съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, шептаться съ ними по угламъ, пить съ ними водку и хохотать надъ ихъ пивными остротами, быть на ты со всякимъ семинаристомъ и тому подобными полуграмотными бродягами! Какъ тутъ сохранить всю свѣжесть любви къ народу? Я уже чувствую, что и молніеносное слово готово измѣнить мнѣ. Мнѣ нуженъ просторъ, мнѣ недостаетъ воздуха. И на меня иногда нападаетъ такая тоска по изящнымъ женщинамъ... Мнѣ хочется красоты!.. Я лежу тутъ какъ будто въ грязной бухтѣ, а тамъ вдали несется быстрый, прозрачный, голубой потокъ... Да что, тебѣ этого не понять!

Люннестадъ (изъ входной двери). А, вотъ они — люди добрые! Здравствуйте!

Стенсгоръ. Вотъ вамъ новость, г. Люннестадъ! Знаете, за кого вотируетъ камергеръ?

Фьельбо. Молчи; это нечестно!

Стенсгоръ. Мнѣ дѣла нѣтъ! За амтмана и пробста.

Люннестадъ. Мм-да; этого и слѣдовало ожидать. Вы сами испортили ваши отношенія; я васъ такъ убѣдительно просилъ вести игру потоньше.

Стенсгоръ. Я и буду — впредь.

Фьельбо. Берегись, чтобы и другіе не сдѣлали того же. (Уходитъ направо).

Стенсгоръ. У этого человѣка есть что-то на умѣ. Вы не догадываетесь, что именно?

Люннестадъ. Нѣтъ, нѣтъ. Но вотъ что — я вижу, вы постарались въ газетѣ.

Стенсгоръ. Я?

Люннестадъ. Да; пустили по моему адресу такое милое надгробное слово.

Стенсгоръ. Это, конечно, Аслаксенъ, скотина!..

Люннестадъ. Тамъ же помѣщена и ваша рѣчь противъ камергера.

Стенсгоръ. Ничего я не знаю. Если я захочу добраться до камергера, то у меня въ рукахъ оружіе поострѣе!

Люннестадъ. Вотъ какъ!

Стенсгоръ. Вамъ знакомъ этотъ вексель? Взгляните. Надеженъ?

Люннестадъ. Надеженъ? Этотъ вексель?

Стенсгоръ. Да, да; взгляните хорошенько.

Гейре (входитъ справа). Чортъ знаетъ что такое!.. А, вы здѣсь! Прошу васъ, господа, останьтесь такъ! Знаете, что вы мнѣ сейчасъ живо напомнили? Лѣтнюю ночь на крайнемъ сѣверѣ.

Люннестадъ. Странное сравненіе.

Гейре. Напротивъ, самое естественное: заходящее и восходящее солнце рядышкомъ! Ахъ, это было премило! А propos— чортъ знаетъ что тамъ происходитъ! Наши сограждане бѣгаютъ, какъ шальныя куры, кудахчутъ, кричатъ и не знаютъ, на какую насѣсть взлетѣть.

Стенсгоръ. Да, сегодня важный день.

Гейре. Подите вы съ вашей важностью! Нѣтъ, тутъ что-то совсѣмъ другое, милые мои! Шепчутся о крупномъ крахѣ — только не о политическомъ, г. Люннестадъ. Боже сохрани!

Стенсгоръ. Крахѣ?

Гейре. Хе-хе; зашевелился адвокатъ! Да, крахъ; нѣкто готовъ обанкротиться... Уже сѣкира у корня дерева лежитъ... однимъ словомъ! Говорятъ, проѣхали два неизвѣстныхъ господина, но куда, къ кому?.. Вы не знаете ли чего, г. Люннестадъ?

Люннестадъ. Я умѣю держать языкъ за зубами, г. Гейре.

Гейре. Конечно, вы политическій дѣятель, государственный человѣкъ. Хе-хе! Побѣгу однако разузнать, въ чемъ дѣло. Ужасно забавны эти рыцари векселей! Они, какъ бусы, нанизанныя на шнурокъ, — стоитъ одной скатиться, за ней и всѣ остальныя. (Уходитъ).

Стенсгоръ. Есть ли крупица правды въ этой болтовнѣ?

Люннестадъ. Вы мнѣ показали вексель. Мнѣ показалось, онъ подписанъ коммерсантомъ Братсбергомъ?

Стенсгоръ. И камергеромъ также.

Люннестадъ. Потомъ вы меня спросили—надеженъ ли онъ?

Стенсгоръ. Да, да; взгляните.

Люннестадъ. Гм! Не очень-то.

Стенсгоръ. Такъ вы замѣтили?

Люннестадъ. Что?

Стенсгоръ. Что онъ подложный.

Люннестадъ. Подложный? Подложные векселя вообще считаются самыми надежными: ихъ скорѣе всѣхъ выкупаютъ.

Стенсгоръ. Но какъ по-вашему, онъ развѣ не подложный?

Люннестадъ. Увы, едва ли.

Стенсгоръ. Какъ?

Люннестадъ. Боюсь, что найдется слишкомъ много такихъ, г. Стенсгоръ.

Стенсгоръ. Какъ? Да вѣдь нельзя же допустить...

Люннестадъ. Если Эрикъ Братсбергъ скатится со шнурка, то, вѣроятно, скатятся и тѣ, кто поближе къ нему.

Стенсгоръ (схвативъ его за руку). А кто же, по-вашему, ближе всего къ нему?

Люннестадъ. Да кто же ближе отца къ сыну?

Стенсгоръ. Но, Господи Боже мой!..

Люннестадъ. Это не я говорю! Помните, что это все Гейре наговорилъ—о крахѣ, о разорсніи, о...

Стенсгоръ. Для меня это просто громовой ударъ.

Люннестадъ. Охъ, немало теперь вылетитъ въ трубу состоятельныхъ людей. Бываетъ вѣдь, человѣкъ поручится по добротѣ сердечной... наличныя не всегда подъ рукой, а когда имѣнія пойдутъ съ аукціона, то ихъ продаютъ за грошъ.

Стенсгоръ. И все это, конечно, отзывается... отзывается и на дѣтяхъ?

Люннестадъ. Да, мнѣ прямо жаль молодую дѣвушку. Отъ матери ей немного досталось, да и Богъ вѣсть, цѣлы ли еще и эти-то крохи.

Стенсгоръ. О, теперь я понимаю совѣтъ Фьельбо! Онъ все-таки вѣрный другъ!

Люннестадъ. А что говорилъ докторъ Фьельбо?

Стенсгоръ. Онъ слишкомъ преданъ, чтобы говорить что-нибудь; но я его все-таки понимаю. А теперь—и васъ, г. Люннестадъ.

Люннестадъ. Развѣ вы меня до сихъ поръ не понимали?

Стенсгоръ. Не вполнѣ. Я забылъ исторію о крысахъ и топущемъ кораблѣ.

Люннестадъ. Это не совсѣмъ любезно сказано. Но что съ вами? На васъ лица нѣтъ. Боже мой! Не надѣлалъ ли я бѣды?

Стенсгоръ. Какой бѣды?

Люннестадъ. Да, да; я это вижу. Старый я дуракъ! Любезный Стенсгоръ, если вы дѣйствительно любите дѣвушку, то не все ли равно для васъ,—богата она или бѣдна?

Стенсгоръ. Не все ли равно? Да, конечно...

Люннестадъ. Помилуйте, я же знаю, что счастливый бракъ не на деньгахъ строится.

Стенсгоръ. Разумѣется.

Люннестадъ. И при стараніи и усердіи вы, навѣрное, когда-нибудь да станете на ноги. Не бойтесь нужды. Я знаю, что такое любовь; я много читалъ про эти вещи въ юности. Семейное счастье... вѣрная жена... Да, мой другъ, дѣйствуйте такъ, чтобы не каяться впослѣдствіи.

Стенсгоръ. Но что же въ такомъ случаѣ будетъ съ вами?

Люннестадъ. Пусть будетъ, что будетъ! Неужели вы думаете, я могу требовать отъ васъ такой сердечной жертвы?

Стенсгоръ. Но я принесу ее. Докажу вамъ, что у меня хватитъ на это силъ. Тамъ стонетъ въ тоскѣ сердечной народъ... и молча зоветъ меня. Меня трогаетъ его нѣмая мольба! Да развѣ я смѣю теперь отвернуться отъ него?

Люннестадъ. Но какъ же сдѣлаться собственникомъ?..

Стенсгоръ. Я сумѣю удовлетворить требованіямъ моихъ согражданъ въ этомъ отношеніи. Я вижу предъ собою путь, новый путь, и сверну на него! Я откажусь отъ счастья работать до самозабвенія ради любимой женщины. Я скажу своему народу: бери меня, я весь твой!

Люннестадъ (смотритъ на него съ умиленіемъ и жметъ ему руку). Дѣйствительно, у васъ большія дарованія, г. Стенсгоръ! (Уходитъ направо).

(Стенсгоръ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то останавливаясь у окна, то хватаясь за голову. Немного погодя изъ входныхъ дверей появляется Бастіанъ).

Бастіанъ. Вотъ и я!

Стенсгоръ. Ты откуда?

Бастіанъ. Отъ націи.

Стенсгоръ. Отъ націи? Что это значитъ?

Бастіанъ. Ты не знаешь, что значитъ нація? Это значитъ народъ, простой народъ; люди, у которыхъ нѣтъ ничего и сами они ничто; люди, связанные по рукамъ и ногамъ...

Стенсгоръ. Чортъ знаетъ что за обезьяньи ухватки!

Бастіанъ. Что такое?

Стенсгоръ. Я замѣтилъ въ послѣднее время, что ты мнѣ подражаешь во всемъ—вплоть до одежды и почерка. Брось это!

Бастіанъ. Какъ такъ? Мы развѣ не одной партіи?

Стенсгоръ. Да, но я этого не потерплю. Ты себя дѣлаешь посмѣшищемъ.

Бастіанъ. Развѣ я смѣшонъ, когда похожу на тебя?

Стенсгоръ. Да, когда обезьянничаешь съ меня. Будь разуменъ, Монсенъ, и оставь это; противно смотрѣть. Слушай, когда вернется твой отецъ?

Бастіанъ. Ничего не знаю. Онъ, кажется, поѣхалъ въ Христіанію. Пожалуй, раньше недѣли не вернется.

Стенсгоръ. Ты думаешь? Какая досада. Говорятъ, онъ затѣялъ большое дѣло?

Бастіанъ. У меня тоже есть дѣло. Послушай, Стенсгоръ, окажи мнѣ услугу.

Стенсгоръ. Съ удовольствіемъ. Что такое?

Бастіанъ. Я чувствую въ себѣ такія силы... За это я тебя

долженъ благодарить, — ты меня пробудилъ. Надо что-нибудь сдѣлать... Я хочу жениться!

Стенсгоръ. Жениться? На комъ?

Бастіанъ. Тише! Она здѣсь.

Стенсгоръ. На мадамъ Рундгольменъ?

Бастіанъ. Тсс! Да, на ней. Замолви за меня словечко. Мнѣ необходимо имѣть какую-нибудь заручку. Она ведетъ большія дѣла и въ хорошихъ отношеніяхъ съ камергеромъ еще съ тѣхъ поръ, какъ ея сестра служила у него экономкой. Если я добуду ее, то, пожалуй, и общественные подряды останутся за мной. Да и вообще—я ее люблю, чортъ возьми!

Стенсгоръ. О, люблю, люблю! Оставь это отвратительное лицемѣріе!

Бастіанъ. Лицемѣріе?

Стенсгоръ. Да, ты во всякомъ случаѣ лжешь самому себѣ! Говоришь однимъ духомъ и о подрядахъ и о любви. Называй же каждую вещь своимъ именемъ. Тутъ что-то грязное, и я не хочу вмѣшиваться въ это дѣло...

Бастіанъ. Но послушай!..

Стенсгоръ. Говорю тебѣ, оставь! (Обращается къ Фьельбо, входящему справа) Ну, какъ идутъ выборы?

Фьельбо. Для тебя, я думаю, отлично. Я сейчасъ говорилъ съ Люннестадомъ, и онъ сказалъ, что почти всѣ голоса за тебя.

Стенсгоръ. Неужели!

Фьельбо. Но какой отъ этого прокъ? Разъ ты не собственникъ?..

Стенсгоръ (тихо). Ну, не проклятое ли обстоятельство!..

Фьельбо. Нельзя сразу гнаться за двумя зайцами. Если хочешь быть въ выигрышѣ въ одномъ дѣлѣ, надо примириться съ проигрышемъ въ другомъ. Прощай! (Уходитъ черезъ входныя двери).

Бастіанъ. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ выигрышемъ и проигрышемъ?

Стенсгоръ. Это я скажу послѣ. Послушай, любезный Монсенъ, вернемся къ тому, на чемъ мы остановились; я обѣщалъ замолвить за тебя словечко...

Бастіанъ. Обѣщалъ? Мнѣ кажется, напротивъ, ты сказалъ...

Стенсгоръ. Пустяки! Ты не далъ мнѣ договорить. Я хотѣлъ сказать, что неопрятно какъ-то мѣшать свою любовь съ подрядами и тому подобнымъ; это грѣхъ противъ самаго святого чувства; поэтому, любезный другъ, если ты дѣйствительно любишь дѣвушку...

Бастіанъ. Вдову.

Стенсгоръ. Ну, да это все равно. Я хочу сказать, что разъ ты дѣйствительно любишь женщину, то уже одно это должно рѣшить все.

Бастіанъ. По-моему тоже. Значитъ, ты замолвишь за меня слово?

Стенсгоръ. Съ большимъ удовольствіемъ, но—съ условіемъ.

Бастіанъ. Ну?

Стенсгоръ. Услуга за услугу, любезный Бастіанъ. Ты въ свою очередь замолви слово за меня.

Бастіанъ. Я? Кому?

Стенсгоръ. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ ничего не замѣтилъ? А казалось бы, кому ближе было...

Бастіанъ. Да неужели?..

Стенсгоръ. Да, да, Рагнѣ, твоей сестрѣ! Ей! О, ты не знаешь, какъ глубоко тронула меня ея скромность, кротость, домовитость...

Бастіанъ. Да вѣдь не...

Стенсгоръ. Ну какъ же ты, такой проницательный, не замѣтилъ этого?

Бастіанъ. Раньше мнѣ, правда, казалось... Но теперь... Столько разговору о томъ, что ты началъ вилять передъ камергеромъ...

Стенсгоръ. А ну его, камергера! Да, Бастіанъ! Скажу тебѣ откровенно, была минута, когда я колебался, но, слава Богу, это прошло; теперь мнѣ все ясно, ясенъ и тотъ путь, по которому мнѣ слѣдуетъ идти.

Бастіанъ. Вотъ моя рука! Будь увѣренъ, я поговорю. А что касается Рагны — она не посмѣетъ выйти изъ нашей съ отцомъ воли.

Стенсгоръ. Да, но твой отецъ? Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить...

Бастіанъ. Тсс! Чортъ возьми, я слышу голосъ мадамъ Рундгольменъ; замолви же за меня слово, если она не слишкомъ занята. А то, пожалуй, съ ней не сговоришь. Ужъ ты постарайся тутъ, а остальное я беру на себя. Ты не видѣлъ здѣсь Аслаксена?

Стенсгоръ. Онъ, вѣроятно, на выборахъ.

(Бастіанъ уходитъ черезъ входную дверь, и въ то же время мадамъ Рундгольменъ входитъ справа).

Мадамъ Рундгольменъ. Идетъ, какъ по маслу, г. Стенсгоръ. Всѣ подаютъ голоса за васъ.

Стенсгоръ. Прямо удивительно.

Мадамъ Рундгольменъ. Да, Богъ знаетъ, что на это скажетъ самъ Монсенъ?

Стенсгоръ. Мнѣ нужно сказать вамъ словечко, мадамъ Рундгольменъ.

Мадамъ Рундгольменъ. Что такое?

Стенсгоръ. Но расположены ли вы меня выслушать?

Мадамъ Рундгольменъ. Господи! Съ моимъ удовольствіемъ!

Стенсгоръ. Благодарю. Вы только-что говорили о своемъ одиночествѣ...

Мадамъ Рундгольменъ. Не я, а этотъ противный старикашка Гейре...

Стенсгоръ. Вы жаловались, какъ тяжело быть вдовой...

Мадамъ Рундгольменъ. Охъ, Господи! Попробовали бы вы сами, г. Стенсгоръ!

Стенсгоръ. Такъ вотъ, если бы явился бравый молодой человѣкъ...

Мадамъ Рундгольменъ. Бравый молодой человѣкъ?..

Стенсгоръ. Который втайнѣ давно любитъ васъ...

Мадамъ Рундгольменъ. Подите, не хочу и слушать васъ больше!

Стенсгоръ. Нѣтъ, вы должны выслушать. Молодой человѣкъ, который также тяготится своимъ одиночествомъ...

Мадамъ Рундгольменъ. Ну, и что же? Я васъ совсѣмъ не понимаю.

Стенсгоръ. Если бы отъ васъ, мадамъ Рундгольменъ, зависѣло счастье двухъ существъ—васъ самихъ и...

Мадамъ Рундгольменъ. И браваго молодого человѣка?

Стенсгоръ. Да; что бы вы на это сказали?

Мадамъ Рундгольменъ. Полноте, г. Стенсгоръ, неужели вы это въ серьезъ говорите?

Стенсгоръ. Съ какой стати мнѣ васъ обманывать? Вы бы согласились?

Мадамъ Рундгольменъ. Господи! Еще бы! Милый, дорогой мой!..

Стенсгоръ (отступая на шагъ). Что?

Мадамъ Рундгольменъ. Ахъ, кто-то идетъ!

(Рагна Монсенъ, встревоженная, изъ входныхъ дверей).

Рагна. Извините, не здѣсь ли отецъ?

Мадамъ Рундгольменъ. Вашъ отецъ? Да... нѣтъ... я не знаю... извините...

Рагна. Гдѣ же онъ?

Мадамъ Рундгольменъ. Вашъ отецъ? Да... нѣтъ, онъ проѣхалъ...

Стенсгоръ. Въ Христіанію.

Рагна. Не можетъ быть!..

Мадамъ Рундгольменъ. Проѣхалъ—это вѣрно. Но вы не можете себѣ представить, фрёкенъ Монсенъ, какъ я счастлива! Подождите, я сбѣгаю на погребъ за бутылкой настоящаго... (Уходитъ налѣво).

Стенсгоръ. Скажите мнѣ, фрёкенъ, вы въ самомъ дѣлѣ отца ищете?

Рагна. Да вы же слышите.

Стенсгоръ. И вы не знали, что онъ выѣхалъ изъ дому?

Рагна. Ахъ, что̀ я знаю! Мнѣ ничего не говорятъ. Но въ Христіанію?.. Этого не можетъ быть! Они бы встрѣтили его. Прощайте!

Стенсгоръ (заступаетъ ей дорогу). Рагна! Послушайте! Отчего вы такъ перемѣнились ко мнѣ?

Рагна. Я? Пропустите! Дайте мнѣ уйти!..

Стенсгоръ. Нѣтъ, не пущу! Сама судьба васъ сюда послала въ эту минуту. Къ чему эта робость? Прежде вы иначе ко мнѣ относились.

Рагна. Да, слава Богу, что это прошло!

Стенсгоръ. Но отчего?..

Рагна. Я васъ теперь узнала; къ счастью, еще во̀-время.

Стенсгоръ. Вотъ что̀! Такъ меня оклеветали? Можетъ-быть, я и самъ виноватъ отчасти. Меня словно опутали!.. Но теперь я освободился! Когда я вижу васъ, я самъ дѣлаюсь лучше! Васъ я люблю искренно и свято. Васъ, Рагна... и никого больше!

Рагна. Пустите меня! Я васъ боюсь...

Стенсгоръ. Но завтра, Рагна, вы мнѣ позволите придти поговорить съ вами?

Рагна. Да, да; но, ради Бога, только не сегодня.

Стенсгоръ. Только не сегодня? Ура! Какъ я счастливъ!

Мадамъ Рундгольменъ (приноситъ вино и пирожное). Вотъ мы теперь и выпьемъ за счастье и благополучіе!..

Стенсгоръ. За счастье и любовь! Да здравствуютъ любовь и счастье! Ура въ честь завтрашняго дня! (Пьетъ).

Гелле (входя справа и обращаясь къ Рагнѣ). Вы нашли его?

Рагна. Нѣтъ; его здѣсь нѣтъ. Идемъ, идемъ!

Мадамъ Рундгольменъ. Боже мой, да что̀ такое случилось?

Гелле. Ничего. Гости пріѣхали въ Сторли...

Рагна. Благодарю васъ за вашу любезность, мадамъ Рундгольменъ.

Мадамъ Рундгольменъ. Опять къ вамъ гости наѣхали?

Рагна. Да, да; извините, надо скорѣй домой. Прощайте!

Стенсгоръ. Прощайте,—до завтра!

(Гелле и Рагна уходятъ).

Гейре (входитъ справа). Ха-ха! Идетъ какъ по маслу! Только и кудахчутъ: Стенсгоръ, Стенсгоръ, Стенсгоръ! Всѣ его выбираютъ. Теперь и вамъ слѣдовало бы выбрать его, мадамъ Рундгольменъ.

Мадамъ Рундгольменъ. Хи-хи; недурно! Но развѣ всѣ за него?

Гейре. Право слово; г. Стенсгоръ пользуется довѣріемъ народа, какъ говорится. У старика Люннестада лицо какъ кисло-сладкій огурецъ. Заглядѣнье!

Мадамъ Рундгольменъ. И недаромъ они его выберутъ. Если я не могу подать голоса, такъ сумѣю угостить! (Уходитъ налѣво).

Гейре. Вы, кажется, настоящій вдовій баловень, г. Стенсгоръ! Знаете, вамъ бы слѣдовало уцѣпиться за нее, — какъ у Христа за пазухой будете, батюшка!

Стенсгоръ. Уцѣпиться... за мадамъ Рундгольменъ?

Гейре. Именно; это во всѣхъ отношеніяхъ солидная женщина; она здѣсь будетъ первой, когда разсыплется Сторлійскій шалашъ!

Стенсгоръ. Развѣ въ Сторли что-нибудь неладно?

Гейре. Неладно? Да у васъ память коротка, почтеннѣйшій! Вамъ же говорили о банкротствѣ, о крахѣ, о...

Стенсгоръ. Ну да, — а дальше?

Гейре. Дальше? Да это вы мнѣ скажите. Сюда присылали за Монсеномъ, — въ Сторли прибыли два господина...

Стенсгоръ. Гости, — да; это я знаю.

Гейре. Непрошенные гости, мой милый другъ; поговариваютъ о полиціи и о сердитыхъ кредиторахъ. Что-то неладно въ бумагахъ, изволите видѣть! Да, кстати, что это за бумажку далъ вамъ вчера Монсенъ?

Стенсгоръ. Такъ, бумажку... Вы говорите — что-то неладно въ бумагахъ? Послушайте, вы знаете почеркъ камергера?

Гейре. Хе-хе; я думаю!

Стенсгоръ (вынимая вексель). Такъ взгляните.

Гейре. Давайте... Я-таки близорукъ немножко, но... (Посмотрѣвъ) Такъ этотъ вексель, почтеннѣйшій?.. Камергеръ никогда тутъ не прикладывалъ руки.

Стенсгоръ. Никогда? Значитъ, все-таки...

Гейре. Онъ выданъ Монсеномъ?

Стенсгоръ. Нѣтъ, Эрикомъ Братсбергомъ.

Гейре. Вздоръ! Дайте-ка взглянуть еще... (Просматриваетъ вексель и отдаетъ назадъ) Этимъ вы можете закурить сигару.

Стенсгоръ. Что такое? А подпись векселедателя?..

Гейре. Поддѣлано, молодой человѣкъ, поддѣлано, — не будь я Даніилъ Гейре, если не такъ. Стоитъ вглядѣться внимательнѣе — острымъ взглядомъ недовѣрія...

Стенсгоръ. Да какъ же такъ?.. Значитъ, Монсенъ не зналъ...

Гейре. Монсенъ? Да, этотъ молодчикъ, кажется, не зналъ и

не разбиралъ ни своихъ ни чужихъ бумагъ. Хорошо, г. Стенсгоръ, что всему этому придетъ конецъ. Это такое нравственное удовлетвореніе. Ахъ, во мнѣ часто вспыхивало благородное негодованіе, если осмѣлюсь такъ выразиться, при видѣ... однимъ словомъ! Самое забавное въ этой исторіи то, что Монсенъ, когда полетитъ, непремѣнно потянетъ за собой прежде всего Эрика Братсберга, а этотъ камергера...

Стенсгоръ. Да, такъ и Люннестадъ говоритъ.

Гейре. Само собой, но крахъ краху рознь. Увидите, я старый пророкъ! Монсенъ отсидитъ въ тюрьмѣ, Эрикъ Братсбергъ войдетъ съ кредиторами въ соглашеніе, а по дѣламъ камергера учредятъ администрацію; то-есть его кредиторы назначатъ ему двѣ-три тысячи въ годъ пожизненной пенсіи. Вотъ какъ идутъ дѣла на бѣломъ свѣтѣ, г. Стенсгоръ! Я-то знаю, знаю. Какъ говорятъ классики? Fiat justitia, pereat mundus! А это значитъ: фи, какая тутъ юстиція въ этомъ испорченномъ мірѣ, батюшка!

Стенсгоръ (ходитъ взадъ и впередъ). Оба заразъ! Оба пути заграждены!

Гейре. Кой чортъ?..

Стенсгоръ. И какъ разъ теперь... теперь... теперь!

Аслаксенъ (входитъ справа). Поздравляю, поздравляю, г. выборщикъ!

Стенсгоръ. Избрали?

Аслаксенъ. Сто семнадцатью голосами, а Люннестада пятьюдесятью тремя. Остальные голоса раздѣлились.

Гейре. Значитъ, первый шагъ по пути славы сдѣланъ, г. Стенсгоръ.

Аслаксенъ. За это стóитъ и выпить...

Гейре. Да, говорятъ, стóитъ только сдѣлать первый шагъ...

Аслаксенъ (убѣгаетъ налѣво, крича). Давайте пуншу, мадамъ Рундгольменъ! Новый выборщикъ угощаетъ!

(Люннестадъ и за нимъ нѣсколько избирателей входятъ справа).

Гейре (съ участіемъ Люннестаду). Пятьдесятъ три! Вотъ награда убѣленному сѣдинами гражданину!

Люннестадъ (шопотомъ Стенсгору). Вы твердо стоите на томъ, чтобы..?

Стенсгоръ. Что толку, когда все рушится?

Люннестадъ. Вы думаете, игра проиграна?

Аслаксенъ (возвратившись слѣва). Мадамъ Рундгольменъ сама хочетъ угостить; она говоритъ, что ей это ближе всѣхъ.

Стенсгоръ (пораженный мыслью). Мадамъ Рундгольменъ! Ей ближе всѣхъ?..

Люннестадъ. Къ чему?..

Стенсгоръ. Игра еще не проиграна, г. Люннестадъ! (Садится къ столу направо и пишетъ).

Люннестадъ (тихо Аслаксену). Послушайте, Аслаксенъ! Нельзя ли мнѣ помѣстить статейку въ вашей газетѣ послѣзавтра?

Аслаксенъ. Съ полнымъ удовольствіемъ! Что-нибудь рѣзкое?

Люннестадъ. Нѣтъ, совсѣмъ не рѣзкое.

Аслаксенъ. Все равно, я принимаю.

Люннестадъ. Это будетъ мое политическое завѣщаніе; я его напишу сегодня вечеромъ. (Удаляется въ глубину сцены).

Служанка (входитъ слѣва). Вотъ пуншъ; мадамъ прислала.

Аслаксенъ. Ура! Теперь-то мѣстныя условія оживятся!

(Поставивъ чашу съ пуншемъ на столъ по срединѣ комнаты, наливаетъ стаканы и при этомъ усердно пьетъ самъ).

(Бастіанъ Монсенъ входитъ справа).

Бастіанъ (тихо Аслаксену). Вы не забудете про мое письмо?

Аслаксенъ. Будьте спокойны. (Хлопаетъ по боковому карману) Оно тутъ.

Бастіанъ. Постарайтесь передать поскорѣе; какъ только у нея выдастся свободная минутка, — понимаете?

Аслаксенъ. Понимаю. (Кричитъ) Ну, господа, стаканы налиты!

Бастіанъ. Не даромъ будете хлопотать, чортъ побери!

Аслаксенъ. Хорошо, хорошо! (Дѣвушкѣ) Лимончикъ, Карепъ, однимъ духомъ!

(Бастіанъ отходитъ въ сторону).

Стенсгоръ (подходитъ). Послушайте, Аслаксенъ, вы не будете проходить тутъ завтра вечеромъ?

Аслаксенъ. Завтра вечеромъ? Извольте, могу.

Стенсгоръ. Хорошо. Такъ зайдите и передайте мадамъ Рундгольменъ это письмо.

Аслаксенъ. Отъ васъ?

Стенсгоръ. Да, спрячьте въ карманъ. Такъ. Завтра вечеромъ, значитъ.

Аслаксенъ. Непремѣнно, будьте спокойны.

(Служанка приноситъ лимонъ. Стенсгоръ отходитъ къ окну).

Бастіанъ. Ну, что же? Ты говорилъ съ мадамъ Рундгольменъ?

Стенсгоръ. Говорилъ? Да, немножко...

Бастіанъ. И какъ ты думаешь?

Стенсгоръ. Да-а... насъ прервали, и я не могу сказать тебѣ ничего положительнаго.

Бастіанъ. Я все-таки рискну; она страсть жалуется на свое вдовье положеніе. Черезъ часъ хочу все покончить.

Стенсгоръ. Черезъ часъ?..

Бастіанъ (увидѣвъ мадамъ Рундгольменъ, входящую слѣва). Тсс... не надо никому подавать вида. (Отходитъ).

Стенсгоръ (подходя къ Аслаксену, тихо). Возвратите мнѣ письмо.

Аслаксенъ. Назадъ отдать?

Стенсгоръ. Да, живо; я самъ передамъ.

Аслаксенъ. Хорошо; извольте.

(Стенсгоръ, положивъ письмо въ карманъ, вмѣшивается въ толпу).

Мадамъ Рундгольменъ. Что вы скажете насчетъ новаго выборщика, Монсенъ?

Бастіанъ. Отлично. Скажу вамъ, мы со Стенсгоромъ большіе друзья. Меня не удивило бы, если-бъ онъ попалъ и въ стортингъ.

Мадамъ Рундгольменъ. Но врядъ ли это понравится вашему батюшкѣ?

Бастіанъ. Э, у отца столько дѣлъ. Да наконецъ, если выберутъ депутатомъ Стенсгора, честь-то останется въ нашей семьѣ.

Мадамъ Рундгольменъ. Какъ такъ?

Бастіанъ. Онъ собирается жениться.

Мадамъ Рундгольменъ. Боже мой! Онъ что-нибудь сказалъ?

Бастіанъ. Да; я обѣщалъ замолвить за него словечко. Я увѣренъ, что дѣло будетъ въ шляпѣ. Рагнѣ онъ нравится.

Мадамъ Рундгольменъ. Рагнѣ?

Люннестадъ (подойдя поближе). О чемъ вы тутъ такъ усердно шушукаетесь, мадамъ Рундгольмъ?

Мадамъ Рундгольменъ. Подумайте, онъ говоритъ, что Стенсгоръ собирается жениться!..

Люннестадъ. Да, да; но камергера не легко склонить...

Бастіанъ. Камергера?

Люннестадъ. Онъ, кажется, полагаетъ, что она не пара простому адвокату.

Мадамъ Рундгольменъ. Кто? Кто?

Люннестадъ. Его дочь, разумѣется.

Бастіанъ. Да не за нее же онъ собирается посвататься?!

Люннестадъ. Клянусь вамъ!

Мадамъ Рундгольменъ. И вы еще божитесь?

Бастіанъ. А мнѣ онъ говорилъ... Послушайте... мнѣ надо поговорить съ вами.

(Отводитъ Люннестада въ глубину комнаты).

Мадамъ Рундгольменъ (подходя къ Стенсгору). Вамъ надо держать ухо востро, г. Стенсгоръ!

Стенсгоръ. Съ кѣмъ?

Мадамъ Рундгольменъ. Со злыми людьми; тутъ есть такіе, которые всячески стараются очернить васъ.

Стенсгоръ. Пусть ихъ, лишь бы имъ не удалось очернить меня передъ одной особой.

Мадамъ Рундгольменъ. Кто же она?

Стенсгоръ (тайкомъ передаетъ ей письмо). Вотъ прочтите, когда будете одна.

Мадамъ Рундгольменъ. Ахъ, я вѣдь знала!.. (Уходитъ налѣво).

Рингдаль (справа). Ну, слышу, вы побѣдили, г. адвокатъ?

Стенсгоръ. Да, г. управляющій; вопреки стараніямъ вашего высокороднаго принципала.

Рингдаль. А онъ о чемъ старался?

Стенсгоръ. Забаллотировать меня.

Рингдаль. Онъ пользуется своимъ правомъ избирателя, какъ и всякій.

Стенсгоръ. Жаль только, что впредь ему, какъ видно, не удастся имъ пользоваться.

Рингдаль. Что это значитъ?

Стенсгоръ. Ну, да разъ у него въ бумагахъ такая...

Рингдаль. Въ бумагахъ? Какія бумаги? Вы тутъ при чемъ?

Стенсгоръ. Пожалуйста, не притворяйтесь, будто вы ничего не понимаете. Развѣ здѣсь не ждутъ грозы? Грандіознаго краха?

Рингдаль. Да, я слышу объ этомъ со всѣхъ сторонъ.

Стенсгоръ. А развѣ тутъ не замѣшанъ и камергеръ и его сынъ?

Рингдаль. Позвольте спросить, не съ ума ли вы сошли?

Стенсгоръ. Весьма понятно, что вы хотите скрыть это.

Рингдаль. Да развѣ такія вещи можно скрыть?

Стенсгоръ. А развѣ это неправда?

Рингдаль. Тутъ ни крупицы правды, поскольку дѣло касается камергера. Но какъ вы могли повѣрить этому? Кто это вамъ вбилъ въ голову?

Стенсгоръ. Этого я вамъ пока не скажу.

Рингдаль. Все равно. Кто бы ни сказалъ, несомнѣнно, сказалъ съ умысломъ.

Стенсгоръ. Съ умысломъ?

Рингдаль. Да, припомните: нѣтъ ли здѣсь кого, кому выгодно было бы отдалить васъ отъ камергера?

Стенсгоръ. Господи!.. Да, да; есть.

Рингдаль. Камергеръ въ сущности къ вамъ благоволитъ.

Стенсгоръ. Благоволитъ?

Рингдаль. Да; вотъ и хотятъ въ концѣ испортить ваши отношенія, пользуясь вашимъ незнаніемъ мѣстныхъ условій, вашей горячностью и довѣрчивостью...

Стенсгоръ. О, эти змѣи!.. А у мадамъ Рундгольменъ мое письмо!

Рингдаль. Какое письмо?

Стенсгоръ. Нѣтъ, я такъ. Но еще не поздно. Любезнѣй-

шій г. Рингдаль, вы сегодня вечеромъ увидитесь съ камергеромъ?

Рингдаль. Навѣрное.

Стенсгоръ. Передайте ему, что всѣ эти угрозы—онъ знаетъ какія — вздоръ, и что я самъ приду завтра и объясню ему все.

Рингдаль. Вы придете?..

Стенсгоръ. Да, чтобъ доказать ему... Впрочемъ, я сейчасъ докажу!.. Вотъ, г. Рингдаль, передайте отъ меня камергеру этотъ вексель.

Рингдаль. Вексель?..

Стенсгоръ. Да, да; вамъ это непонятно, но вы только передайте ему.

Рингдаль. По правдѣ сказать, г. Стенсгоръ...

Стенсгоръ. И прибавьте отъ меня только эти простыя слова: такъ я поступаю съ людьми, которые хотѣли забаллотировать меня.

Рингдаль. Будьте увѣрены!.. (Уходитъ черезъ входныя двери).

Стенсгоръ. Послушайте, г. Гейре. Какъ вы могли такъ околпачить меня этой исторіей о камергерѣ?

Гейре. Какъ я могъ васъ околпачить?

Стенсгоръ. Да, да; вѣдь это самая гнусная ложь!

Гейре. Вотъ какъ? Очень радъ! Г. Люннестадъ, представьте себѣ, вѣдь это все ложь про камергера!

Люннестадъ. Тсс... фальшивая тревога; развязка, кажется, ближе.

Стенсгоръ. Какъ ближе?

Люннестадъ. Я ничего не знаю; но люди толкуютъ про мадамъ Рундгольменъ.

Стенсгоръ. Что?!

Гейре. А я что предсказывалъ? Эти сношенія съ владѣльцемъ Сторли...

Люннестадъ. Онъ выѣхалъ изъ дому утромъ еще до разсвѣта...

Гейре. И семья разыскиваетъ его...

Люннестадъ. А сынъ старается пристроить сестру.

Стенсгоръ. Пристроить! Она сказала: «завтра»... И ея безпокойство объ отцѣ...

Гейре. Хе-хе! Увидите, онъ, пожалуй, повѣсился!

Аслаксенъ. Кто-нибудь повѣсился?

Люннестадъ. Г. Гейре говоритъ, что Монсенъ...

(Изъ входныхъ дверей появляется Монсенъ).

Монсенъ. Шампанскаго!

Аслаксенъ и другіе. Монсенъ!

Монсенъ. Да, Монсенъ! Монсенъ — разливанное море! Монсенъ — денежный мѣшокъ! Вина, чортъ подери!

Гейре. Но, почтеннѣйшій!..

Стенсгоръ. Вы! Откуда вы?

Монсенъ. Дѣльцо обдѣлалъ! Заработалъ сто тысячъ! Завтра закачу въ Сторли такой обѣдъ!.. Всѣхъ приглашаю! Шампанскаго, говорю! Поздравляю, Стенсгоръ, васъ вѣдь выбрали.

Стенсгоръ. Да. Я вамъ объясню...

Монсенъ. Тьфу! Какое мнѣ дѣло? Вина! Гдѣ мадамъ Рундгольменъ? (Хочетъ пройти налѣво).

Служанка (которая только-что выходила). Туда нельзя: мадамъ читаетъ письмо...

Бастіанъ. Чортъ возьми! (Торопливо уходитъ черезъ входную дверь).

Стенсгоръ. Письмо читаетъ!

Служанка. Да, и сама не своя.

Стенсгоръ. Прощайте, г. Монсенъ; такъ завтра обѣдъ въ Сторли?..

Монсенъ. Прощайте; до завтра!

Стенсгоръ (понизивъ голосъ). Г. Гейре, не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе?

Гейре. Отчего же нѣтъ?

Стенсгоръ. Очерните меня немножко передъ мадамъ Рундгольменъ. Скажите что-нибудь такое двусмысленное; вы на это мастеръ.

Гейре. Что за чортъ?..

Стенсгоръ. Я имѣю свои причины; это просто шутка, пари, которое я держалъ съ однимъ... съ однимъ изъ вашихъ непріятелей...

Гейре. А, понимаю... однимъ словомъ!

Стенсгоръ. Поэтому не испортите дѣла; нужно только возбудить въ ней маленькое сомнѣніе насчетъ меня... Такъ, на время, вы понимаете?

Гейре. Будьте покойны; это я съ такимъ удовольствіемъ!..

Стенсгоръ. Благодарю васъ... Г. Люннестадъ, мы увидимся съ вами завтра утромъ у камергера.

Люннестадъ. У васъ есть надежда?

Стенсгоръ. Тройная!

Люннестадъ. Тройная? Не понимаю...

Стенсгоръ. И не нужно. Впредь самъ постою за себя. (Уходитъ).

Монсенъ (у стола съ пуншемъ). Аслаксенъ! Еще стаканъ! Гдѣ Бастіанъ?

Аслаксенъ. Удралъ! Онъ поручилъ мнѣ передать одно письмо...

Монсенъ. Письмо?

Аслаксенъ. Мадамъ Рундгольменъ.

Монсенъ. Наконецъ-то!

Аслаксенъ. Только онъ велѣлъ отдать не раньше завтрашняго вечера; сказалъ, чтобы ни раньше ни позже. За ваше здоровье!

Гейре (Люннестаду). Скажите, что за шашни у этого Стенсгора съ мадамъ Рундгольменъ?

Люннестадъ (тихо). Онъ сватается къ ней.

Гейре. Опять-таки я угадалъ! Но какъ же онъ просилъ меня очернить его, возбудить насчетъ него сомнѣніе... однимъ словомъ!

Люннестадъ. И вы обѣщали?

Гейре. Разумѣется.

Люннестадъ. А онъ говоритъ о васъ, что вы обѣщаете одно, а дѣлаете другое.

Гейре. Хе-хе! Какой милашка! Ну, на этотъ разъ онъ все-таки ошибется.

Мадамъ Рундгольменъ (показывается съ распечатаннымъ письмомъ въ дверяхъ налѣво). Гдѣ адвокатъ Стенсгоръ?

Гейре. Чмокнулъ вашу дѣвушку, мадамъ Рундгольменъ, и былъ таковъ!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большой салонъ въ домѣ камергера. Въ глубинѣ входныя двери, а направо и налѣво по двери во внутреннія комнаты.
Рингдаль стоитъ около стола направо и перелистываетъ бумаги. Раздается стукъ во входныя двери.

Рингдаль. Войдите!

Фьельбо (входитъ). Здравствуйте!

Рингдаль. Здравствуйте, г. докторъ!

Фьельбо. Все благополучно?

Рингдаль. Благодарю васъ. У насъ здѣсь ничего, но...

Фьельбо. Но?

Рингдаль. Да, вѣроятно, вы слышали важную новость?

Фьельбо. Нѣтъ; что такое?

Рингдаль. Какъ? Вы не слыхали о томъ, что произошло въ Сторли?

Фьельбо. Нѣтъ.

Рингдаль. Монсенъ бѣжалъ ночью.

Фьельбо. Бѣжалъ? Монсенъ?

Рингдаль. Бѣжалъ.

Фьельбо. Господи!

Рингдаль. Тутъ вчера еще ходили странные слухи; но Монсенъ вдругъ вернулся... И, должно-быть, сумѣлъ разыграть комедію...

Фьельбо. Но причина? Причина?

Рингдаль. Говорятъ, огромные убытки по сплаву лѣса... Нѣсколько торговыхъ домовъ въ Христіаніи пріостановили платежи, и...

Фьельбо. И онъ бѣжалъ!

Рингдаль. Какъ полагаютъ, въ Швецію. Утромъ явились въ Сторли власти, все описываютъ и опечатываютъ...

Фьельбо. А несчастная семья?

Рингдаль. Сынъ, кажется, всегда держался въ сторонѣ; во всякомъ случаѣ, я слышалъ, онъ дѣлаетъ видъ, будто это до него не касается.

Фьельбо. Ну, а дочь?

Рингдаль. Тсс!.. Она здѣсь!

Фьельбо. Здѣсь!

Рингдаль. Ихъ домашній учитель Гелле утромъ доставилъ ее съ младшими дѣтьми сюда; фрёкенъ Братсбергъ потихоньку пріютила ихъ у себя.

Фьельбо. Какъ же Рагна переноситъ несчастье?

Рингдаль. Ну, я полагаю, довольно спокойно. Вы понимаете, послѣ того обращенія, которое она терпѣла дома... Кромѣ того, могу вамъ сказать, что она... Тсс!.. Камергеръ!

Камергеръ (входитъ слѣва). А, это вы, любезный докторъ?

Фьельбо. Да, я сегодня выбрался рано. Позвольте же пожелать вамъ всякаго счастья по поводу дня вашего рожденія, г. камергеръ!

Камергеръ. Небольшого счастья дождался я къ этому дню: но все-таки спасибо за пожеланіе; я вѣрю, что оно искренно.

Фьельбо. А позвольте спросить, г. камергеръ...

Камергеръ. Постойте, одно слово: оставьте впредь этотъ титулъ.

Фьельбо. Какъ такъ?

Камергеръ. Я попросту горнозаводчикъ и больше ничего.

Фьельбо. Что за странность?

Камергеръ. Я отказался отъ моего званія и патента. Мое всеподданнѣйшее прошеніе будетъ отправлено сегодня же

Фьельбо. Не мѣшало бы еще обдумать до завтра.

Камергеръ. Оказывая мнѣ милость, принимая меня въ число

своихъ приближенныхъ, его величество король основывался на томъ уваженіи, которымъ пользовался нашъ родъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ.

Фьельбо. И что же?..

Камергеръ. Мой родъ опозоренъ такъ же, какъ и семья Монсена. Вы, вѣроятно, слышали о Монсенѣ?

Фьельбо. Слышалъ.

Камергеръ (Рингдалю). Не знаете ли вы подробностей?

Рингдаль. Ничего, кромѣ того, что онъ потянетъ за собой немало молодыхъ землевладѣльцевъ.

Камергеръ. И моего сына?

Рингдаль. Вашъ сынъ прислалъ мнѣ балансъ. Онъ можетъ расплатиться сполна со всѣми; но у него ничего не останется.

Камергеръ. Гм!.. Такъ я прошу васъ отдать переписать мое прошеніе набѣло.

Рингдаль. Слушаю. (Уходитъ направо).

Фьельбо. Но вы обдумали ли какъ слѣдуетъ? Вѣдь можно все уладить безъ шума.

Камергеръ. Вы полагаете? А отъ себя самого я могу скрыть, что случилось?

Фьельбо. Да что, въ сущности, случилось? Онъ написалъ вамъ, признался въ своемъ легкомысліи, умолялъ о прощеніи. Вѣдь онъ въ первый разъ провинился въ такомъ дѣлѣ. Такъ что же?..

Камергеръ. А вы бы поступили, какъ мой сынъ?

Фьельбо. Второй разъ онъ этого не сдѣлаетъ; вотъ что главное.

Камергеръ. А вы почему знаете?

Фьельбо. Если не по чему другому, такъ по тому, что вы мнѣ разсказали о вашей невѣстѣ. Чѣмъ бы это ни кончилось — оно должно подѣйствовать на него сильнѣйшимъ образомъ отрезвляюще.

Камергеръ (ходитъ взадъ и впередъ). Бѣдная моя Сельма! Наша мирная, счастливая семейная жизнь разстроена.

Фьельбо. Это еще не самое главное! То счастье было мнимое. Скажу вамъ прямо, что вы и тутъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, стояли на пескѣ: васъ ослѣпляло высокомѣріе, г. камергеръ.

Камергеръ (останавливаясь). Меня?

Фьельбо. Да, васъ! Вы гордились фамильной честью; но подвергалась ли когда эта честь испытанію? Увѣрены ли вы, что она устояла бы противъ искушенія?

Камергеръ. Не надо мнѣ вашихъ проповѣдей, г. докторъ. Событія послѣднихъ дней не прошли для меня безслѣдно.

Фьельбо. Я въ этомъ увѣренъ. Но докажите это болѣе мягкимъ сужденіемъ и болѣе яснымъ разумѣніемъ дѣла. Вы упрекаете вашего сына, но что вы для него сдѣлали? Вы позаботились развить его способности, но не старались развить характера. Вы читали ему проповѣди объ его обязанности поддерживать честь фамиліи, но не воспитали его такъ, чтобы благородный образъ дѣйствій сталъ для него внутренней, насущной, безсознательной потребностью.

Камергеръ. Вы думаете?

Фьельбо. И думаю и знаю. Но вѣдь это у насъ обычное явленіе, — всю цѣль видятъ въ ученіи, образованіи ума, а не въ воспитаніи характера. Вотъ мы и видимъ, къ чему это приводитъ; видимъ сотни даровитыхъ, но неподготовленныхъ къ жизни людей, чувства и стремленія которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ ихъ дѣйствіями и поступками. Возьмемъ, напримѣръ, Стенсгора...

Камергеръ. Стенсгора? Хорошо. Что же вы скажете про Стенсгора?

Фьельбо. Сборная работа. Я его знаю съ дѣтства. Отецъ у него былъ дрянь, тряпка, нуль. Держалъ мелочную лавку и давалъ деньги подъ закладъ; да, вѣрнѣе, не онъ, а его жена. Она была женщина грубая; я не знавалъ менѣе женственной особы. Мужа объявила неправоспособнымъ; ни искры чувства. Въ такой семьѣ росъ Стенсгоръ. И въ то же время учился въ гимназіи. «Пусть учится, — говорила мать: — хочу, чтобъ изъ него вышелъ ловкій дѣлецъ». Дома — безобразіе, нравственное убожество, въ школѣ — духовный подъемъ: умъ, характеръ, воля, дарованія — все врозь. Что же и могло изъ этого выйти, какъ не распадъ личности?

Камергеръ. Не знаю, что изъ этого могло выйти, но желалъ бы знать, что наконецъ вы одобрили бы? Отъ Стенсгора нечего ждать, отъ моего сына также; но зато отъ васъ, конечно, отъ васъ!..

Фьельбо. Да, отъ меня, именно отъ меня. О, не улыбайтесь; я не кичусь. Въ моемъ прошломъ есть то, что даетъ человѣку равновѣсіе и увѣренность въ себѣ. Я выросъ въ обстановкѣ, полной мира и гармоніи, въ семьѣ средняго круга. Мать моя — женщина въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ домѣ у насъ никогда не задавались желаніями выше средствъ и способностей; зато не слышно было и жалобъ на разбитыя надежды. И смерть не врывалась въ нашъ кругъ, внося пустоту и лишенія. У насъ въ домѣ была любовь къ прекрасному, но она входила въ наше міросозерцаніе, а не была какимъ-то привѣскомъ; въ насъ не было распущенности ни умственной ни сердечной.

Камергеръ. Скажите! Оттого вы и вышли такимъ совершенствомъ?

Фьельбо. Я далеко этого не думаю. Я говорю только, что условія жизни сложились для меня необычайно благопріятно, и это возлагаетъ на меня извѣстную отвѣтственность.

Камергеръ. Хорошо: но если Стенсгоръ не несетъ такой отвѣтственности, то тѣмъ болѣе надо цѣнить, если онъ все-таки...

Фьельбо. Что? Что?

Камергеръ. Вы судите о немъ несправедливо, любезный мой докторъ! Взгляните. Что вы на это скажете?

Фьельбо. Вексель вашего сына?!

Камергеръ. Да; онъ мнѣ его возвратилъ.

Фьельбо. По доброй волѣ?

Камергеръ. По доброй волѣ и безъ всякихъ условій. Это прекрасно, благородно... И потому съ этого дня двери моего дома открыты для него.

Фьельбо. Подумайте хорошенько! Ради васъ и вашей дочери...

Камергеръ. Подите вы! Онъ во многомъ имѣетъ преимущества передъ вами: онъ, по крайней мѣрѣ, прямолинеенъ, а вы — себѣ на умѣ.

Фьельбо. Я?

Камергеръ. Да, вы! Вы забрали силу тутъ въ домѣ; дѣлаете, что хотите, я съ вами совѣтуюсь, и... все-таки...

Фьельбо. Ну, и все-таки?..

Камергеръ. Все-таки вы себѣ на умѣ... Въ васъ сидитъ... какая-то проклятая... гордость, чего я терпѣть не могу!

Фьельбо. Объяснитесь!

Камергеръ. Объяснитесь? Нѣтъ, это вамъ слѣдовало бы объясниться. Но пускай такъ — подѣломъ вамъ!

Фьельбо. Г. камергеръ, мы другъ друга не понимаемъ. У меня нѣтъ векселя, который я могъ бы возвратить; но, можетъ статься, я принесу бо́льшую жертву.

Камергеръ. Вы? Чѣмъ?

Фьельбо. Молчаніемъ.

Камергеръ. Молчаніемъ! Сказать вамъ, на что меня подмываетъ? Нагрубить, выругаться, вступить въ союзъ молодежи. Вы гордецъ и упрямецъ, г. докторъ... а это неумѣстно въ нашемъ свободномъ обществѣ. Вотъ Стенсгоръ не таковъ; поэтому я и открываю ему двери своего дома. Пусть онъ... пусть... Э, и говорить противно!.. Такъ вамъ и подѣломъ; что посѣешь, то и пожнешь!

Люннестадъ (изъ входныхъ дверей). Поздравляю съ днемъ рожденія, г. камергеръ! Желаю вамъ всякихъ почестей и всего хорошаго...

Камергеръ. А ну ихъ совсѣмъ — готовъ я сказать. Все вздоръ, любезный Люннестадъ! Въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что выдержало бы настоящее испытаніе.

Люннестадъ. Кредиторы Монсена того же мнѣнія.

Камергеръ. Да, взять хоть бы Монсена. Развѣ это не поразило васъ, какъ громомъ?

Люннестадъ. Что-жъ, вы вѣдь давно это предсказывали, г. камергеръ.

Камергеръ. Гм, гм! Это такъ; не дальше, какъ третьягодня, онъ являлся сюда, чтобы нагрѣть меня...

Фьельбо. Можетъ-быть, чтобы спастись?

Люннестадъ. Немыслимое дѣло: онъ слишкомъ запутался. И, по-моему, все вообще къ лучшему.

Камергеръ. Поздравляю! Такъ, по-вашему, и то къ лучшему, что вы вчера потерпѣли пораженіе на выборахъ?

Люннестадъ. Это не было пораженіемъ; все вѣдь шло по-моему. Со Стенгоромъ не бодаться: ему дано то, на что намъ съ вами остается только глядѣть да облизываться.

Камергеръ. Я не совсѣмъ понимаю это выраженіе...

Люннестадъ. Онъ обладаетъ даромъ увлекать за собой толпу. И къ тому же обстоятельства слагаются для него такъ удачно, что ни характеръ, ни убѣжденія, ни общественное положеніе не мѣшаютъ ему либеральничать.

Камергеръ. Полагаю однако, что и мы съ вами либеральны.

Люннестадъ. Еще бы, г. камергеръ; безъ всякаго сомнѣнія. Разница лишь въ томъ, что мы либеральны только за свой страхъ, между тѣмъ какъ Стенгоръ либераленъ и за чужой. Въ этомъ-то и заключается новизна дѣла.

Камергеръ. И вы согласны покровительствовать такому кавардаку?

Люннестадъ. Я читалъ въ старинныхъ книгахъ, что когда-то бывали люди, которые умѣли вызывать духовъ, но не знали, какъ ихъ спровадить.

Камергеръ. Милѣйшій Люннестадъ, я не понимаю, какъ это вы, человѣкъ просвѣщенный...

Люннестадъ. Я знаю, г. камергеръ, что это католическое суевѣріе; но эти новыя идеи, какъ духи, — ихъ тоже не спровадишь, вотъ и приходится ладить съ ними, какъ знаешь.

Камергеръ. Но теперь Монсенъ палъ, и съ нимъ, вѣроятно, сгинетъ и вся эта шайка нарушителей общественнаго спокойствія...

Люннестадъ. Слети Монсенъ двумя-тремя днями раньше, многое было бы совсѣмъ иначе.

Камергеръ. Къ сожалѣнію, вы черезчуръ поспѣшили...

Люннестадъ. Отчасти ради васъ, г. камергеръ.

Камергеръ. Ради меня?

Люннестадъ. Нашей партіи необходимо сохранить весь свой престижъ въ глазахъ общества. Мы представители старой коренной норвежской честности. Если бы я измѣнилъ Стенгору, то, вы знаете, у него въ рукахъ бумага...

Камергеръ. Ея у него нѣтъ больше.

Люннестадъ. Какъ?

Камергеръ. Вотъ она. (Показываетъ ему вексель).

Люннестадъ. Онъ его возвратилъ вамъ?

Камергеръ. Да; и онъ лично — благородный человѣкъ; я долженъ отдать ему справедливость.

Люннестадъ (въ раздумьѣ). Адвокатъ Стенгоръ очень способный малый.

Стенгоръ (останавливаясь на порогѣ входныхъ дверей). Могу я войти?

Камергеръ (идя навстрѣчу). Сдѣлайте одолженіе!

Стенгоръ. И вы примете мое поздравленіе?

Камергеръ. Приму.

Стенгоръ. Такъ примите его тепло и сердечно! И поставьте крестъ на всѣхъ глупыхъ выходкахъ въ письмахъ и въ печати.

Камергеръ. Главное — дѣла, а не слова, г. Стенгоръ.

Стенгоръ. Благослови васъ Богъ за это!

Камергеръ. И съ этого дня, — разъ вы этого желаете, — можете считать себя здѣсь, какъ дома.

Стенгоръ. Могу? Вы позволяете?

(Стукъ въ дверь).

Камергеръ. Войдите.

(Входятъ гости — мѣстные землевладѣльцы, представители общественнаго управленія, администраціи и прочіе. Камергеръ идетъ имъ навстрѣчу, принимаетъ поздравленія и разговариваетъ съ ними).

Тора (выходитъ слѣва и подходитъ къ Стенгору; тихо). Г. Стенгоръ! Позвольте мнѣ потихоньку поблагодарить васъ.

Стенгоръ. Вамъ, фрёкенъ?..

Тора. Папа мнѣ разсказалъ о вашемъ благородномъ поступкѣ.

Стенгоръ. Но...

Тора. О, какъ мы были несправедливы къ вамъ.

Стенгоръ. Вы?

Тора. Но вѣдь вы сами были виноваты... нѣтъ, нѣтъ, мы! О, какъ бы мнѣ хотѣлось теперь загладить нашу вину!

Стенгоръ. Вамъ? Неужели и вы хотѣли бы?.. Въ самомъ дѣлѣ?..

Тора. Всѣ мы; если-бъ только могли...

Камергеръ. Дитя мое, позаботься объ угощеніи.

Тора. Подаютъ. (Идетъ къ дверямъ; навстрѣчу ей идетъ горничная съ виномъ и десертомъ, которыми и обноситъ гостей въ теченіе слѣдующей сцены).

Стенсгоръ. Милѣйшій, добрѣйшій Люннестадъ, я чувствую себя настоящимъ богомъ побѣды!

Люннестадъ. Вы и вчера, вѣроятно, чувствовали себя такъ же?

Стенсгоръ. Э, сегодня совсѣмъ по-другому; сегодня — вѣнецъ всего. Вся жизнь въ ореолѣ, въ сіяніи.

Люннестадъ. Ага! Любовныя мечты!

Стенсгоръ. Нѣтъ, не мечты, а настоящее счастье, счастье любви.

Люннестадъ. Такъ вы ужъ получили отвѣтъ отъ будущаго зятя, отъ Бастіана?

Стенсгоръ. Бастіана?..

Люннестадъ. Да, онъ что-то поминалъ вчера; кажется, онъ обѣщалъ замолвить за васъ словечко одной молодой дѣвицѣ.

Стенсгоръ. Э, вздоръ какой!

Люннестадъ. Вы меня не бойтесь. Если вамъ это еще неизвѣстно, такъ я могу вамъ сообщить: вы побѣдили, г. Стенсгоръ; я узналъ отъ Рингдаля...

Стенсгоръ. Что вы узнали отъ Рингдаля?

Люннестадъ. Что Ранга Монсенъ отдала свое сердце.

Стенсгоръ. Что вы говорите?

Люннестадъ. Говорю, что она обѣщала свою руку...

Стенсгоръ. Руку... руку!.. А отецъ бѣжалъ!

Люннестадъ. Такъ вѣдь не дочь же!

Стенсгоръ. Она обѣщала руку! Въ разгаръ семейнаго скандала! Какъ это неженственно! Это оттолкнетъ любого человѣка съ тонкими чувствами! Но все это одно недоразумѣніе. Я никогда не просилъ Бастіана... съ чего онъ взялъ, оселъ этакій?.. Все равно. Меня это не касается; самъ кашу заварилъ, самъ пусть и расхлебываетъ.

Гейре (изъ выходныхъ дверей). Хе-хе, какое сборище! Понятно! Свидѣтельствуютъ свое почтеніе и преданность — увиваются... И мнѣ, быть-можетъ, позволятъ?..

Камергеръ. Благодарю, старый дружище!

Гейре. Помилуй, высокоуважаемый, — не слишкомъ ужъ снисходи до насъ! (Входятъ новые гости). А вотъ и служители правосудія... карающая власть... однимъ словомъ! (Подходя къ Стенсгору) А, и вы здѣсь, милый мой счастливчикъ! Вашу руку! Примите увѣреніе въ неподдѣльномъ сочувствіи старика!

Стенсгоръ. По какому поводу?

Гейре. Да вы же просили меня вчера набросить на васъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія передъ нею... вы же знаете?..

Стенсгоръ. Ну да: и что же?

Гейре. Я съ такимъ наслажденіемъ исполнилъ ваше желаніе...

Стенсгоръ. Ну, и что же, я васъ спрашиваю? Какъ она приняла это?

Гейре. Само собой, какъ любящая женщина,—расплакалась, хлопнула дверью и не хотѣла ни говорить ни показываться...

Стенсгоръ. Ну, слава Богу!

Гейре. Ахъ, варваръ! Подвергать вдовье сердце такому жестокому испытанію, радоваться мукамъ ревности... Но у любви кошачьи глазки; однимъ словомъ, — когда я сегодня проѣзжалъ мимо дома мадамъ Рундгольменъ, она такая свѣжая, цвѣтущая, стояла у открытаго окна, расчесывая волосы — ни дать ни взять русалка — съ позволенія сказать. О, это основательная женщина.

Стенсгоръ. Ну? А потомъ?..

Гейре. Ну, потомъ она захохотала, какъ сумасшедшая, батюшка! Помахала мнѣ письмомъ и крикнула: — «Письмо отъ жениха, г. Гейре! Я со вчерашняго дня невѣста!»

Стенсгоръ. Что? Невѣста?

Гейре. Отъ души поздравляю, молодой человѣкъ; я такъ несказанно радъ, что могу первый передать вамъ...

Стенсгоръ. Все ерунда! Пустое!

Гейре. Что пустое?

Стенсгоръ. Вы ея не поняли, или она не поняла. Невѣста! Да вы съ ума сошли? Разъ Монсенъ полетѣлъ, такъ вѣдь и она, вѣроятно...

Гейре. Нѣтъ, батюшка! Мадамъ Рундгольменъ твердо стоитъ на ногахъ. Ей-ей!

Стенсгоръ. Все равно. Мысли мои летятъ совсѣмъ въ другую сторону. Это письмо было просто шуткой, на пари; я же вамъ говорилъ. Милѣйшій г. Гейре, сдѣлайте мнѣ одолженіе, не говорите тутъ никому ни слова объ этой глупой исторіи!

Гейре. Понимаю, понимаю! Это надо сохранить втайнѣ; вотъ что называется — романтизмъ. Охъ, да, милая юность все гоняется за поэзіей!

Стенсгоръ. Да, да; только молчите; я васъ отблагодарю потомъ за это, буду вести всѣ ваши тяжбы... Тсс... я полагаюсь на васъ! (Отходитъ).

Камергеръ (между тѣмъ разговариваетъ съ Люннестадомъ). Нѣтъ, Люннестадъ; я не могу повѣрить!..

Люннестадъ. Я побожился, г. камергеръ! Я слышалъ это отъ самого Гейре.

Гейре. Позвольте спросить, что вы слышали отъ меня самого?

Камергеръ. Скажи, пожалуйста, показывалъ ли тебѣ вчера адвокатъ Стенгоръ какой-то вексель?

Гейре. Да, чортъ возьми! Въ чемъ тутъ дѣло?

Камергеръ. Это я тебѣ послѣ скажу. А ты что ему сказалъ?

Люннестадъ. Вы вѣдь увѣрили его, что этотъ вексель подложный?

Гейре. Э! Невинная шутка, чтобы немножко остудить его тріумфаторскій пылъ...

Люннестадъ. Но вы все-таки сказали, что обѣ подписи подложныя?

Гейре. Ну да, чортъ возьми, отчего же и не обѣ?

Камергеръ. Значитъ, все-таки правда!

Люннестадъ. И какъ только онъ узналъ это...

Камергеръ. ...Онъ передалъ вексель Рингдалю!

Люннестадъ. ...Вексель, которымъ не могъ больше угрожать вамъ.

Камергеръ. И разыгрываетъ великодушнаго, опять водитъ меня за носъ, открываетъ себѣ доступъ въ мой домъ, заставляетъ меня благодарить себя!.. Этотъ... этотъ... Такая личность!..

Гейре. Что за странная жестикуляція, высокоуважаемый?

Камергеръ. Послѣ объясню, мой другъ, послѣ. (Отводитъ Люннестада въ сторону) И такой личности вы покровительствуете, расчищаете путь, тянете за уши въ люди!

Люннестадъ. А вы-то сами?

Камергеръ. Охъ, такъ бы вотъ!..

Люннестадъ (показывая на Стенгора, который разговариваетъ съ Торой). Посмотрите! Что же подумаютъ люди?..

Камергеръ. Я скоро выведу ихъ изъ заблужденія.

Люннестадъ. Поздно, г. камергеръ; онъ сумѣетъ проложить себѣ путь; онъ мастеръ лавировать, пускать пыль въ глаза...

Камергеръ. Я тоже умѣю лавировать, г. Люннестадъ!

Люннестадъ. Что же вы хотите сдѣлать?

Камергеръ. Увидите! (Подходитъ къ Фьельбо) Г. докторъ, хотите оказать мнѣ услугу?

Фьельбо. Съ удовольствіемъ!

Камергеръ. Выживите отсюда этого молодчика...

Фьельбо. Стенгора?

Камергеръ. Да, этого авантюриста!.. Я не могу слышать его имени. Выгоните его вонъ!

Фьельбо. Но какъ же я могу?

Камергеръ. Это ваше дѣло; я предоставляю вамъ полную свободу дѣйствій.

Фьельбо. Полную свободу дѣйствій! Вы мнѣ предоставляете? Безусловно?

Камергеръ. Да, чортъ возьми, да!

Фьельбо. Вашу руку, г. камергеръ!

Камергеръ. Вотъ она!

Фьельбо. Съ Богомъ,—теперь или никогда! (Громко) Господа! Могу я попросить у васъ минутку вниманія?

Камергеръ. Слово за докторомъ Фьельбо!

Фьельбо. Имѣю счастье, съ согласія камергера Братсберга, объявить вамъ о своей помолвкѣ съ его дочерью.

(Общее удивленіе. Тора слегка вскрикиваетъ; камергеръ хочетъ сказать что-то, но спохватывается. Шумъ и поздравленія).

Стенсгоръ. Помолвленъ! Ты?!

Гейре. Съ дочерью камергера?.. (Обращаясь къ камергеру) Съ твоей... съ твоей?..

Люннестадъ. Докторъ рехнулся?

Стенсгоръ. Но, г. камергеръ?..

Камергеръ. Что же я подѣлаю? Я человѣкъ либеральный. Присоединяюсь къ союзу молодежи!

Фьельбо. Отъ души благодарю и... прошу прощенія.

Камергеръ. Мы живемъ въ вѣкъ ассоціацій, г. адвокатъ! Да здравствуетъ свободная конкуренція!

Тора. Милый папа!

Люннестадъ. И въ вѣкъ помолвокъ тоже! Я могу объявить еще объ одной...

Стенсгоръ. Вздоръ! Выдумки!

Люннестадъ. Да что вы? Рагна Монсенъ...

Стенсгоръ. Неправда! Неправда, говорятъ вамъ.

Тора. Нѣтъ, папа, правда! Они оба здѣсь!

Камергеръ. Кто? Гдѣ?

Тора. Рагна и Гелле; они тамъ. (Идетъ къ двери направо).

Люннестадъ. Г. Гелле? Такъ вотъ кто!..

Камергеръ. Здѣсь? У насъ? (Также подходитъ къ двери) Сюда, сюда, дитя мое!

Рагна (робко останавливаясь на порогѣ). Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Здѣсь столько народу!

Камергеръ. Не конфузьтесь; чѣмъ же вы виноваты въ томъ, что случилось?

Гелле. Г. камергеръ, она теперь сирота.

Рагна. Будьте нашимъ покровителемъ!

Камергеръ. Буду, буду! Сердечное спасибо, что пришли ко мнѣ!

Гейре. Н-да, въ самомъ дѣлѣ мы переживаемъ вѣкъ помолвокъ! И я могу дополнить списокъ...

Камергеръ. Кто? Ты? Въ твои годы? Какое легкомысліе!

Гейре. Э, ну... однимъ словомъ!..

Люннестадъ. Игра проиграна, г. Стенсгоръ!

Стенсгоръ. Вы думаете? (Громко) Нѣтъ, теперь я дополню списокъ, г. Гейре! Послушайте, господа! И я причалилъ къ тихой пристани.

Камергеръ. Какъ?

Стенсгоръ. Что дѣлать, приходится вести двойную игру, скрывать свои дѣйствительныя намѣренія, гдѣ нужно; я считаю это вполнѣ позволительнымъ, разъ цѣлью служитъ общее благо. Моя будущность опредѣлена, и ее я ставлю выше всего. Я посвящу свою дѣятельность здѣшнему округу; необходимо прояснить броженіе умовъ. Но такое дѣло не по силамъ авантюристу. Чтобы стать во главѣ мѣстнаго общества, нужно быть однимъ изъ его членовъ. Ради этого я и прикрѣпилъ себя къ мѣстнымъ интересамъ нерасторжимыми узами — сердечными узами. Если я подалъ кому поводъ къ недоразумѣніямъ, пусть простятъ. И я помолвленъ.

Камергеръ. Вы?

Фьельбо. Помолвленъ!

Гейре. Могу засвидѣтельствовать.

Камергеръ. Но какимъ образомъ?..

Фьельбо. Помолвленъ? Съ кѣмъ?

Люннестадъ. Да неужели?..

Стенсгоръ. Этотъ союзъ — плодъ совѣщанія ума и сердца. Да, сограждане, я помолвленъ съ мадамъ Рундгольменъ.

Фьельбо. Съ мадамъ Рундгольменъ!

Камергеръ. Съ вдовой деревенскаго лавочника?

Люннестадъ. Гм... вотъ какъ!

Камергеръ. Ничего не разберу! Какимъ же образомъ вы тогда...

Стенсгоръ. Тонкая игра, г. горнозаводчикъ!

Люннестадъ. Способный малый!

Аслаксенъ (заглядывая въ входныя двери). Прошу извиненія...

Камергеръ. Войдите, войдите, Аслаксенъ! И вы съ поздравленіемъ?

Аслаксенъ. Нѣтъ, куда. Я не настолько дерзокъ. Но мнѣ необходимо переговорить съ г. Стенсгоромъ.

Стенсгоръ. Послѣ; вы можете подождать тамъ.

Аслаксенъ. Нѣтъ, чортъ возьми, мнѣ надо вамъ сказать, что...

Стенсгоръ. Молчите! Чего вы лѣзете? Да, господа, пути Провидѣнія неисповѣдимы. Мнѣ нужно было связать себя съ

округомъ прочными узами. И вотъ я встрѣтилъ женщину въ цвѣтѣ лѣтъ, способную создать мнѣ семейный очагъ. И я сбросилъ личину авантюриста. Теперь передъ вами одинъ изъ вашихъ, другъ простого народа. Примите меня! Я готовъ трудиться, положить всѣ свои силы на какомъ угодно посту, на который поставитъ меня ваше довѣріе!

Люннестадъ. Онъ таки-выигралъ игру.

Камергеръ. Но правдѣ, я долженъ сказать... (Служанкѣ, подошедшей къ нему) Ну, что тамъ такое? Чего ты хихикаешь?

Служанка. Тамъ мадамъ Рундгольменъ...

Окружающіе. Мадамъ Рундгольменъ?..

Камергеръ. Да что съ ней?

Служанка. Мадамъ Рундгольменъ ждетъ тамъ со своимъ женихомъ...

Всѣ (перебивая другъ друга). Съ женихомъ? Мадамъ Рундгольменъ? Какими судьбами?..

Стенсгоръ. Что за вздоръ?

Аслаксенъ. Да я же вамъ говорилъ...

Камергеръ (подходя къ двери). Войдите, войдите.

(Бастіанъ Монсенъ и мадамъ Рундгольменъ входятъ подъ-руку. Всеобщее движеніе).

Мадамъ Рундгольменъ. Г. камергеръ, пожалуйста, не прогнѣвайтесь...

Камергеръ. Помилуйте! Что вы!

Мадамъ Рундгольменъ. Я не могла не показать вамъ и фрёкенъ Братсбергъ своего жениха.

Камергеръ. Да, да: вы вѣдь невѣста, но...

Тора. Но мы не знали...

Стенсгоръ (Аслаксену). Да какъ же это?

Аслаксенъ. У меня вчера голова шла кругомъ... отъ хлопотъ, то-есть.

Стенсгоръ. Но она же получила мое письмо?

Аслаксенъ. Нѣтъ; она получила письмо Бастіана Монсена; а ваше-то вотъ оно!

Стенсгоръ. Бастіана?.. А это... (Быстро взглянувъ на адресъ, комкаетъ письмо и прячетъ въ карманъ) Ахъ, вы, проклятая ворона!

Мадамъ Рундгольменъ. Я, конечно, согласилась. Надо быть осторожной, мужчины такіе лукавые; но когда у тебя есть письменное доказательство, что мужчина имѣетъ честныя намѣренія, то... Скажите, пожалуйста! И адвокатъ Стенсгоръ здѣсь! Надѣюсь, г. Стенсгоръ, и вы меня поздравите?

Гейре (Люннестаду). Такъ и ѣстъ его глазами!

Камергеръ. Навѣрно, мадамъ Рундгольменъ. Но не поздравите ли и вы вашу будущую золовку?

Мадамъ Рундгольменъ. Кого?

Тора. Рагну; и она невѣста.

Бастіанъ. Ты, Рагна?..

Мадамъ Рундгольменъ. Вотъ какъ? Да, женихъ мой вѣдь говорилъ, что нѣкто собирается жениться. Желаю вамъ обоимъ счастья, и милости просимъ въ нашу семью, г. адвокатъ!

Фьельбо. Нѣтъ, нѣтъ; это не онъ!

Камергеръ. Нѣтъ, это кандидатъ Гелле. Отличный выборъ. Затѣмъ вамъ слѣдуетъ поздравить и мою дочь!

Мадамъ Рундгольменъ. И фрёкенъ?.. Такъ Люннестадъ все-таки правду сказалъ. Поздравляю, фрёкенъ, поздравляю, г. адвокатъ!

Фьельбо. «Докторъ», слѣдуетъ вамъ сказать.

Мадамъ Рундгольменъ. Какъ?

Фьельбо. Докторъ; вѣдь женихъ — я.

Мадамъ Рундгольменъ. Ничего не разберу.

Камергеръ. Зато я теперь все разобралъ!

Стенсгоръ. Извините, неотложное дѣло...

Камергеръ (тихо). Люннестадъ, какъ, бишь, это слово?..

Люннестадъ. Какое слово?

Камергеръ. Не «авантюристъ», а другое?

Люннестадъ. Подковыра.

Стенсгоръ. Мое почтеніе!

Камергеръ. Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово, г. адвокатъ Стенсгоръ! Одно слово, стоящее десяти, которое долго вертѣлось у меня на языкѣ...

Стенсгоръ (приближаясь къ двери). Извините, я тороплюсь...

Камергеръ (вслѣдъ ему). Подковыра!

Стенсгоръ. Прощайте, прощайте! (Поспѣшно уходитъ).

Камергеръ. Теперь, друзья мои, воздухъ очистился.

Бастіанъ. Г. камергеръ, не поставьте мнѣ въ вину того, что произошло у насъ въ семьѣ.

Камергеръ. Помилуйте! Пусть каждый самъ за себя отвѣчаетъ.

Бастіанъ. Я не принималъ въ дѣлахъ никакого участія.

Сельма (во время предыдущаго разговора выглядывавшая изъ правой двери). Папа! Теперь ты веселъ... Можно ему войти?

Камергеръ. Сельма, ты! Ты за него просишь? А третьяго-дня...

Сельма. Э, съ третьяго-дня много воды утекло! Все хорошо. Теперь я знаю, что и онъ способенъ на глупости...

Камергеръ. И радуешься этому?

Сельма. Да, тому, что онъ способенъ на это; но ему этого больше не позволятъ.

Камергеръ. Веди его сюда! (Сельма уходитъ направо).

Рингдаль (входитъ изъ ближайшей двери направо). Вотъ прошеніе объ отставкѣ.

Камергеръ. Благодарю. Можете его разорвать.

Рингдаль. Разорвать?

Камергеръ. Да, Рингдаль. Не то надо. Я могу все-таки искупить зло, взявшись серьезно за дѣло.

Эрикъ (входитъ съ Сельмой справа). Ты простишь меня?

Камергеръ (передаетъ ему векселъ). Не могу же я быть безжалостнѣе самой судьбы.

Эрикъ. Папа! Я сегодня же прекращу всѣ дѣла, разъ они тебѣ такъ не по сердцу...

Камергеръ. Нѣтъ, спасибо; теперь ты оставайся на своемъ посту. Прочь трусость! Не бѣжать отъ искушенія! Но теперь я съ тобой! (Громко) Знаете новость, господа? Я вступилъ въ компанію съ моимъ сыномъ.

Нѣкоторые изъ гостей. Какъ? Вы, г. камергеръ?

Гейре. Ты, многоуважаемый?..

Камергеръ. Да, это честная и плодотворная дѣятельность. Или, по крайней мѣрѣ, можетъ стать такою. Кромѣ того, теперь у меня нѣтъ больше особыхъ причинъ держаться въ сторонѣ.

Люннестадъ. Послушайте, г. камергеръ, если вы готовы поработать на пользу округа, такъ стыдно было бы мнѣ, старому работнику, бѣжать со своего поста.

Эрикъ. Такъ вы?.. Въ самомъ дѣлѣ?

Люннестадъ. Придется. Послѣ такого сердечнаго горя, какое постигло сегодня адвоката Стенсгора, избави меня Богъ навязывать ему еще государственныя дѣла. Ему нужно освѣжиться, попутешествовать немножко. И я постараюсь помочь ему въ этомъ. Итакъ, сограждане, если я могу вамъ пригодиться, я готовъ...

Гости (жмутъ ему руку). Спасибо, Люннестадъ! Вы все тотъ же! Вы намъ не измѣните!

Камергеръ. Вотъ такъ; теперь скоро все опять пойдетъ на ладъ. Но кто же наконецъ настоящій виновникъ всего?

Фьельбо. Да, Аслаксенъ, объясните-ка!..

Аслаксенъ (испуганно). Я, г. докторъ? Я такъ же неповиненъ ни въ чемъ, какъ младенецъ въ утробѣ матери!

Фьельбо. Но письмо, которое...

Аслаксенъ. Говорю вамъ, я не при чемъ! Тутъ виноваты выборы, Бастіанъ Монсенъ, судьба, случай и пуншъ мадамъ Рундгольменъ. Забыли положить туда лимонъ; я и послалъ служанку за нимъ, а самъ хлопоталъ о прессѣ...

Камергеръ (подходя къ нему ближе). О чемъ? О чемъ?

Аслаксенъ. О прессѣ, г. камергеръ!

Камергеръ. Ну вотъ! Не говорилъ ли я всегда, что пресса въ наше время имѣетъ огромную силу?

Аслаксенъ. Но, г. камергеръ...

Камергеръ. Не скромничайте, Аслаксенъ. Я до сихъ поръ не читалъ вашей газеты, а теперь буду. Прошу васъ высылать мнѣ десять экземпляровъ.

Аслаксенъ. Хоть двадцать, г. камергеръ.

Камергеръ. Ну и отлично, благодарю; высылайте двадцать. А если будете нуждаться въ деньгахъ, приходите ко мнѣ; и я похлопочу о прессѣ. Но впередъ говорю, самъ ничего не буду писать.

Рингдаль (недавно вошедшій). Что я слышу! Ваша дочь просватана?

Камергеръ. Да, что вы на это скажете?

Рингдаль. Отлично! Но когда это случилось?

Фьельбо (поспѣшно). Потомъ все скажу...

Камергеръ. Это случилось этакъ на-дняхъ... семнадцатаго мая.

Фьельбо. Какъ?..

Камергеръ. Въ тотъ самый день, когда Рагна...

Тора. Папа, папа! Такъ ты зналъ?..

Камергеръ. Да, милыя дѣти, я все зналъ.

Фьельбо. О, г. камергеръ!..

Тора. Но кто же могъ?..

Камергеръ. Въ другой разъ вамъ, дѣвицамъ, нужно потише разговаривать, когда я дремлю на балконѣ.

Тора. Боже! Ты сидѣлъ за драпри?

Фьельбо. Теперь я понимаю ваше обращеніе!..

Камергеръ. А вы-то съ вашимъ скрытничаньемъ!..

Фьельбо. Да развѣ вышелъ бы толкъ, если-бъ я заговорилъ раньше?

Камергеръ. Вы правы, Фьельбо... Сперва намъ надо было пережить все это.

Тора (тихо Фьельбо). Да ужъ скрытничать ты мастеръ. Почему ты мнѣ ни слова не сказалъ обо всей этой исторіи со Стенгоромъ?

Фьельбо. Когда ястребъ рѣетъ надъ голубятней, первая наша забота—охранять и защищать свою голубку, но не тревожить ее.

(Мадамъ Рундгольменъ подходитъ къ нимъ).

Гейре (камергеру). Послушай, не будь въ претензіи, но намъ придется отложить нашу тяжбу на неопредѣленное время.

Камергеръ. Да неужели? Ну, ну?

Гейре. Я, видишь ли, взялся быть репортеромъ при газетѣ Аслаксена.

Камергеръ. Очень радъ!

Гейре. Такъ, самъ согласись, такая масса текущихъ дѣлъ...

Камергеръ. Хорошо, хорошо, старый другъ; дѣло не къ спѣху.

Мадамъ Рундгольменъ (Торѣ). Я чуть глаза не выплакала изъ-за этого негоднаго человѣка. Но теперь благодарю Бога за Бастіана. Тотъ такой фальшивый, измѣнчивый, какъ пѣна морская, и такой разборчивый насчетъ сигаръ. Да еще каждый день подавай ему что-нибудь сладкое, настоящій обжора!

Служанка (входитъ слѣва). Кушать подано.

Камергеръ. Господа, прошу покорно! Г. Люннестадъ, вы откушаете у меня, и вы также, г. Аслаксенъ.

Рингдаль. Да, сегодня столько тостовъ будетъ!

Гейре. Да. Надѣюсь, не найдутъ нескромнымъ, если старикъ оставитъ за собой право провозгласить тостъ и за дорогихъ отсутствующихъ?

Люннестадъ. Одинъ изъ нихъ вернется, г. Гейре.

Гейре. Адвокатъ?

Люннестадъ. Да, увидите, господа! Лѣтъ черезъ десять-пятнадцать Стенсгоръ будетъ засѣдать въ народномъ собраніи или въ государственномъ совѣтѣ; пожалуй, и въ обоихъ разомъ.

Фьельбо. Лѣтъ черезъ десять-пятнадцать? Но тогда онъ уже не будетъ стоять во главѣ союза молодежи.

Гейре. Отчего же нѣтъ?

Фьельбо. Оттого, что будетъ тогда довольно сомнительнаго возраста.

Гейре. Ну, батюшка, тогда онъ будетъ во главѣ союза сомнительныхъ. Люннестадъ того же мнѣнія. Онъ говоритъ почти какъ Наполеонъ: «Изъ сомнительныхъ-то и выходятъ политическіе дѣятели». Хе-хе!

Фьельбо. Какъ бы тамъ ни было, *нашъ* союзъ уцѣлѣетъ и въ молодое и въ сомнительное время. И навсегда останется союзомъ молодежи. Когда Стенсгоръ основалъ свой союзъ и былъ поднятъ на руки толпой при кликахъ восторга и ликованія по случаю праздника свободы, онъ сказалъ: «За союзъ молодежи стоитъ само Провидѣніе!». Надѣюсь, что даже богословъ нашъ (указывая на Гелле) позволитъ мнѣ отнести эти слова къ намъ.

Камергеръ. Я того же мнѣнія, друзья. Могу по правдѣ сказать, мы тутъ бродили какъ впотьмахъ, но ангелы-хранители вывели насъ на дорогу.

Люннестадъ. Помилуй Богъ! Довольно-таки посредственные ангелы.

Аслаксенъ. Что-жъ, таковы мѣстныя условія, г. Люннестадъ.

СТОЛПЫ ОБЩЕСТВА.

Написана пьеса въ Мюнхенѣ въ 1877 г., послѣ четырехлѣтняго перерыва литературной дѣятельности Ибсена, — предшествовавшее „Столпамъ общества“ произведеніе его „Императоръ и Галилеянинъ“ вышло въ 1873 г. Въ этотъ промежутокъ времени Ибсенъ былъ занятъ пересмотромъ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ трудовъ для новаго изданія, а также успѣлъ побывать на родинѣ — въ первый разъ послѣ отъѣзда своего оттуда въ 1864 г. „Столпы общества“ и явились какъ бы плодомъ этого посѣщенія родины послѣ десятилѣтняго добровольнаго изгнанничества. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта пьеса явилась первымъ произведеніемъ Ибсена, которое датскій издатель его рѣшился выпустить въ свѣтъ сразу въ 6.000 экз. (11 окт. 1877 г.). Черезъ мѣсяцъ первое изданіе уже разошлось, и было выпущено второе въ 4.000 экз.

Переведена пьеса почти на всѣ европейскіе языки; на нѣмецкомъ вышло одновременно три перевода.

Поставлена пьеса была: въ Даніи — на сценѣ копенгагенскаго королевскаго театра *) и шла съ 1877 г. по 1896 г. 53 раза, въ провинціи же съ 1877 г. по 1880 г. около 100 разъ.

Въ Швеціи и Норвегіи „Столпы общества“ шли много разъ, но точныхъ свѣдѣній о числѣ представленій не имѣется.

Въ Германіи успѣхъ пьесы былъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, — прямо небывалый. Послѣ появленія въ печати ея первыхъ переводовъ въ 1877 г., она была поставлена въ Берлинѣ одновременно въ 5 театрахъ. Къ концу слѣдующаго 1878 г. она шла уже въ 27 театрахъ въ Германіи и Австріи, продолжала завоевывать себѣ все новыя и новыя сцены и въ 1897 г. шла въ 60 театрахъ, а общее число ея представленій достигло неслыханной цифры 1200.

Въ Англіи она была поставлена въ лондонскомъ театрѣ „Gayety“ 15 дек. 1880 г., затѣмъ странствующія труппы перенесли ее и въ Америку, въ Австралію и въ Южную Африку (1892 г.). Кромѣ того, одна американская актриса (мистрисъ Уинслоу), разъѣзжая по Англіи, читала эту пьесу публично въ Лондонѣ и другихъ городахъ.

Во Франціи „Столпы общества“ были поставлены въ театрѣ „L'Oeuvre“ въ іюнѣ 1896 г.

---

*) На этой сценѣ даются представленія и драматическія, и оперныя, и балетныя, чѣмъ и объясняется сравнительно небольшое число драматическихъ представленій вообще и данной пьесы въ частности.

Въ Италіи пьеса шла въ Римѣ на сценѣ театра delle Valle въ январѣ 1893 г. и затѣмъ обошла города средней и сѣверной Италіи.

Въ Америкѣ шла въ декабрѣ 1889 г. на сценѣ нью-іоркскаго театра съ знаменитымъ артистомъ Поссартомъ въ роли консула Берника.

У насъ въ Россіи „Столпы общества" были поставлены въ 1903 г. московскимъ Художественнымъ театромъ, а въ 1905 г. въ петербургскомъ Новомъ театрѣ Яворской.

„Столпами общества" Ибсенъ началъ цѣлый рядъ пьесъ общественно-бытового характера, въ которыхъ ополчился противъ общественной лжи, общественнаго лицемѣрія, эгоизма, узости и пошлости міровоззрѣнія и интересовъ, при чемъ переставъ довольствоваться для своей сатиры типами неудачниковъ, въ родѣ Пера Гюнта или Стенсгора („Союзъ молодежи"), а, напротивъ, сталъ брать самыхъ блестящихъ представителей современнаго общества, слывущихъ въ общественномъ мнѣніи чуть ли не „рыцарями безъ страха и упрека", и, срывая съ нихъ маску, показывать ихъ въ самой непривлядной наготѣ ихъ настоящаго существа.

Рядъ такихъ блестящихъ представителей общества открываетъ консулъ Берникъ. Это самая крупная личность въ городѣ, первоклассный дѣлецъ и общественный дѣятель, настоящій „столпъ общества", образецъ всѣхъ гражданскихъ и семейныхъ добродѣтелей — въ глазахъ общества, на дѣлѣ же — эгоистъ и честолюбецъ. Все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ лишь изъ тщеславія, изъ жажды власти, почета и богатства, но при этомъ тщательно скрываетъ свои истинныя побужденія изъ боязни все того же возвеличившаго его общественнаго мнѣнія. Общество требуетъ громкихъ словъ, показной добродѣтели, — Берникъ съ его сподвижниками и дѣйствуетъ сообразно съ этимъ.

Бичуя въ данномъ случаѣ всевозможные общественные пороки, Ибсенъ по пути изобличаетъ и спеціальное, чисто-норвежское общественное лицемѣріе, находившееся въ полномъ цвѣтѣ какъ разъ въ то время, когда создана была пьеса. Ибсенъ въ „Столпахъ общества" проводитъ идею, что главное различіе крупныхъ міровыхъ обществъ и мелкихъ въ томъ, что въ послѣднихъ еще больше лгутъ, больше лицемѣрятъ, чѣмъ въ первыхъ. Чѣмъ меньше, уже общество, тѣмъ больше путъ налагаетъ оно на каждаго изъ своихъ членовъ, тѣмъ больше мельчаетъ въ немъ личная инициатива, тѣмъ меньше совершается въ немъ крупныхъ или великихъ дѣяній, между тѣмъ какъ существующіе пороки продолжаютъ кишѣть и развиваться подъ спудомъ, подъ прикрытіемъ требованій прописной морали. Тотъ же Берникъ, который въ первую минуту глубоко возмущается намѣреніемъ американскихъ судовладѣльцевъ отправить въ море ненадежное судно, затѣмъ, изъ боязни потерять свое высокое положеніе въ обществѣ, самъ рѣшается на такое же преступленіе.

При появленіи пьесы въ свѣтъ, изобличенное авторомъ общественное лицемѣріе немедленно запротестовало. Норвежская печать принялась увѣрять, что Ибсенъ, сидя тамъ у себя въ Мюнхенѣ, далъ совершенно невѣрную, ложную картину норвежскаго общества. Не прошло однако и десяти лѣтъ, какъ сами факты общественной жизни подтвердили приговоръ Ибсена, и посрамленные имъ лицемѣры не осмѣливались уже больше оспаривать его.

Краснорѣчивое объясненіе того исключительнаго успѣха, которымъ пользовалась эта пьеса въ Германіи, мы находимъ во вступительной

статьѣ П. Шлентера къ „Столпамъ общества“ въ новомъ нѣмецкомъ изданіи собранія сочиненій Ибсена. Изложивъ содержаніе пьесы, Шлентеръ говоритъ:

„Столпы общества“ существуютъ съ 1877 г. Съ теченіемъ времени къ этой пьесѣ стали относиться нѣсколько несправедливо, и именно почитатели Ибсена. Дѣло въ томъ, что дальнѣйшее творчество Ибсена такъ подняло предъявленныя къ нему требованія, что многіе не могутъ уже вполнѣ удовлетворяться этимъ болѣе раннимъ произведеніемъ съ его черезчуръ благополучнымъ исходомъ. Для того однако, кто, какъ я, обязанъ этой побѣдоносной, просвѣтительной пьесѣ двумя величайшими художественными откровеніями, она никогда не можетъ потерять своего глубокаго значенія. Она шла въ Берлинѣ впервые въ 1878 г. въ трехъ загородныхъ театрахъ въ такое время, когда у насъ господствовали на сценѣ Сарду и Дюма. Мы были окружены этой блестящей, кричащей театральной дребеденью, и вдругъ глаза наши открылись. Насъ охватили трепетъ и ликованіе. Мы вмѣстѣ съ Фаустомъ, хотя въ иномъ смыслѣ, готовы были кричать окружавшимъ консула Бернника лицамъ: „Вотъ онъ свѣтъ! Вотъ это свѣтъ!“. Мы не пропускали ни одного представленія, зачитывались пьесой въ невозможномъ нѣмецкомъ переводѣ Вильгельма Ланге. Ни лишенный всякой поэзіи, деревянный переводъ, ни деревянные загородные актеры не могли сломить силы этого мощнаго произведенія. Подобное впечатлѣніе должна была произвести на не совсѣмъ зеленую молодежь за девяносто лѣтъ до того „Коварство и любовь“ Шиллера. Благодаря „Столпамъ общества“ — это и было второе откровеніе — мы научились какъ слѣдуетъ цѣнить норвежскаго писателя. До тѣхъ поръ мы знали Ибсена лишь по имени. Только познакомясь съ этой пьесой, мы полюбили его, полюбили на всю жизнь. Смѣло могу засвидѣтельствовать отъ имени многихъ моихъ сверстниковъ, что подъ вліяніемъ этого художественнаго воплощенія дѣйствительности опредѣлилось все наше эстетическое направленіе, остававшееся господствующимъ въ теченіе всей нашей жизни. Выросшіе въ періодъ государственной политики геніальнѣйшаго реалистическаго направленія, мы очутились лицомъ къ лицу съ проявленіемъ самой мощной реалистической поэзіи. Изъ области будничной жизни, торговли, труда воздвигнулось передъ нами поэтическое творчество, которое захватило насъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе насъ удовлетворяли эпигоны Шиллера или выдохшіеся послѣдки романтизма. Отрадно было жить въ то время, когда творили Шиллеръ и Гёте, отрадно было жить во время расцвѣта романтизма, но и теперь снова стало отрадно жить, ибо при насъ жилъ поэтъ, матеріаломъ для творчества котораго служила современная жизнь. Господинъ Руммель и фру Гольтъ казались намъ такими близкими людьми, что хотѣлось назвать ихъ дядюшкой и тетушкой, и все-таки съ какимъ блескомъ восходило надъ этой близкой, знакомой намъ мелочной жизнью солнце вѣчности! Что значила для насъ избитая фраза Шиллера: „Ehret die Frauen, sie flechten und weben!“—въ сравненіи съ поражающей своей простотой и силой сценкой между двумя старыми дѣвами, Мартой и Лоной, которыя, отправивъ любимцевъ своихъ за счастьемъ, любовно глядятъ имъ вслѣдъ, побѣждая въ себѣ горе разлуки. Такія двѣ тетушки годятся для чего-нибудь получше, нежели вязанье чулокъ и варка кофе. Онѣ и покорили сердца нашей молодежи. Онѣ знали — когда подойти и помочь, когда отступить на второй планъ. „Малый только и бредилъ, какъ бы совсѣмъ стать на свои ноги. Я и выдумала, будто страдаю тоской по родинѣ“, — говоритъ одна; а другая: „Какъ же мнѣ было не устроить его счастье, если я любила его?“. Какой чудесный оптимизмъ! Какая вѣра въ перерождающую силу истинной любви! И затѣмъ со-

бѣдное заключеніе: мужчина преклоняется передъ женщинами, а женщина — передъ идеалами.

„Быть-можетъ, и надо было, подобно мнѣ, воспринять эту пьесу, какъ нѣчто новое, неожиданное, на 23-мъ году жизни, чтобы получить отъ нея и отъ самого автора настоящее, неизгладимое впечатлѣніе, и чтобы Ибсенъ, несмотря на всѣ перемѣны въ его взглядахъ, все оставался бы въ моихъ глазахъ неизмѣннымъ идеалистомъ“.

СТОЛПЫ ОБЩЕСТВА.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Карстенъ Берникъ, богатый коммерсантъ и консулъ.
Бетти Берникъ, жена его.
Олафъ, ихъ сынъ, тринадцати лѣтъ.
Марта, сестра Берника.
Іоганъ Теннесенъ, младшій братъ Бетти Берникъ.
Лона Гессель, сводная сестра Бетти Берникъ.
Гильмаръ Теннесенъ, двоюродный братъ Бетти Берникъ.
Рерлундъ, магистръ богословія.
Руммель, Вигеландъ, Сандстадъ } коммерсанты.
Дина Дорфъ, молодая дѣвушка, живущая въ домѣ Берника.
Крапъ, управляющій дѣлами Берника.
Аунэ, завѣдующій верфью Берника.
Фру Руммель.
Гильда, ея дочь.
Фру Гольтъ, жена почтмейстера.
Нетта, ея дочь.
Фру Люнге, жена доктора.

Городскіе жители, иностранные моряки, пароходные пассажиры и проч.
Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Берника въ норвежскомъ приморскомъ городкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная комната, выходящая въ садъ. На авансценѣ, налѣво, дверь въ кабинетъ Берника: дальше въ той же сторонѣ другая дверь. Направо, посрединѣ, широкія входныя двери. Задняя стѣна почти сплошь стеклянная. Въ ней распахнутыя настежь двери, ведущія на широкую террасу, надъ которой натянутъ тентъ. За террасой часть сада, огороженная желѣзной рѣшеткой съ калиткой на улицу. Послѣдняя застроена свѣтлыми деревянными домиками: на ней время отъ времени появляются прохожіе: кое-кто останавливается, разговариваетъ другъ съ другомъ. На углу маленькая лавочка, гдѣ бойко идетъ торговля. Лѣто. Яркій солнечный день.

Въ комнатѣ, вокругъ большого рабочаго стола, сидятъ дамы. Въ центрѣ занимаетъ мѣсто Бетти Берникъ. По лѣвую руку отъ нея фру Гольтъ съ дочерью; потомъ фру Руммель, также съ дочерью. Направо отъ Бетти—фру Люнге, Марта Берникъ и Дина Дорфъ. Всѣ дамы заняты шитьемъ. Столъ заваленъ полушитымъ и скроеннымъ бѣльемъ и другими частями одежды. Въ глубинѣ сцены, за особымъ столикомъ, на которомъ стоятъ два горшка съ цвѣтами и стаканъ съ сахарной водой, сидитъ магистръ Рёрлундъ: въ рукахъ у него небольшая книга съ золотымъ обрѣзомъ, изъ которой онъ читаетъ вслухъ, но такъ, что до зрителей долетаютъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя слова. Въ саду бѣгаетъ Олафъ Берникъ, стрѣляя въ цѣль изъ самострѣла.

Немного погодя изъ дверей справа въ комнату скромно входитъ завѣдующій верфью Аунэ. Приходъ его нѣсколько отвлекаетъ вниманіе дамъ отъ чтенія. Бетти Берникъ киваетъ ему и указываетъ на первую дверь налѣво. Аунэ осторожно проходитъ черезъ комнату къ дверямъ кабинета Берника и тихонько, съ разстановкой стучитъ въ нее. Дверь отворяется, и изъ кабинета выходитъ управляющій Крапъ со шляпой въ рукахъ и съ кипой бумагъ подъ мышкой.

Крапъ. А, это вы стучали?

Аунэ. Консулъ посылалъ за мной.

Крапъ. Да, но теперь онъ занятъ и поручилъ мнѣ...

Аунэ. Вамъ? Я бы предпочелъ...

Крапъ. ...Поручилъ мнѣ передать вамъ... Вамъ надо прекратить ваши субботнія лекціи для рабочихъ.

Аунэ. Вотъ?.. Я полагалъ, что свободенъ располагать своимъ досугомъ.

Крапъ. Вамъ не слѣдуетъ располагать своимъ досугомъ, чтобы дѣлать народъ негоднымъ въ рабочее время. Въ прошедшую субботу вы говорили, будто новыя машины и новый способъ работы вредны для рабочихъ. Зачѣмъ вы это дѣлаете?

Аунэ. Я дѣлаю это ради пользы общества.

Крапъ. Удивительно! Консулъ говоритъ, что это, напротивъ, разстраиваетъ общество.

Аунэ. Мое общество—не общество консула, г-нъ управляющій! Какъ старшина союза рабочихъ, я...

Крапъ. Прежде всего вы старшина верфи г. консула Берника. И прежде всего должны исполнять свои обязанности по отношенію къ обществу, называемому «фирмой Берникъ», потому что она всѣхъ насъ кормитъ. Вотъ что хотѣлъ сказать вамъ консулъ.

Аунэ. Консулъ сказалъ бы мнѣ это иначе, г-нъ управляющій! Но я понимаю, кому я обязанъ этимъ. Это все проклятый американецъ, который чинится у насъ въ докѣ. Этотъ народецъ хочетъ, чтобы работа шла такъ, какъ у нихъ тамъ за моремъ, ну, а это...

Крапъ. Да, да, да... Ну, мнѣ некогда пускаться въ разсужденія. Теперь вы знаете взглядъ консула — и кончено! Можете вернуться на верфь; вѣроятно, вы тамъ нужны; я самъ скоро буду. (Обращаясь къ дамамъ) Прошу извиненія у дамъ. (Кланяется и уходитъ черезъ садъ на улицу).

(Аунэ тихо уходитъ направо. Магистръ Рёрлундъ, продолжавшій чтеніе во время предыдущаго разговора, который велся вполголоса, захлопываетъ книжку).

Рерлундъ. Итакъ, любезнѣйшія мои слушательницы, вотъ и конецъ.

Фру Руммель. Ахъ, какой поучительный разсказъ!

Фру Гольтъ. И какой высоконравственный!

Бетти. Да, такая книга заставитъ призадуматься.

Рерлундъ. О, да! Она представляетъ благодѣтельный контрастъ съ тѣмъ, что намъ, къ сожалѣнію, приходится встрѣчать ежедневно и въ газетахъ и въ журналахъ. Что въ сущности скрывается подъ этой мишурой и показной роскошью, которую такъ выставляютъ на показъ большіе города и общества? Пустота и гниль, если можно такъ выразиться. Никакихъ нравственныхъ устоевъ! Всѣ они въ настоящее время не что иное, какъ «гробы окрашенные».

Фру Гольтъ. Да, это такъ.

Фру Руммель. За примѣромъ недалеко ходить. Взять хотя бы экипажъ американскаго судна, которое теперь стоитъ тутъ.

Рерлундъ. Ну, о такомъ отребьѣ общества я и говорить не буду. Но вы взгляните на высшіе классы, — что тамъ творится? Вездѣ сомнѣніе, душевная смута, броженіе, расшатанность всѣхъ основъ! А какъ тамъ подорвана семейная жизнь! Какое наглое стремленіе подкопаться подъ самыя святыя истины!

Дина (не поднимая глазъ отъ работы). Но развѣ тамъ не совершаются и великія дѣла?

Рерлундъ. Великія дѣла?.. Я не понимаю...

Фру Гольтъ (удивленно). Что ты, Дина, Богъ съ тобой!

Фру Руммель (одновременно). Да какъ же это можно, Дина?..

Рерлундъ. Врядъ ли было бы хорошо, если бы у насъ завелись подобныя дѣла! Нѣтъ, возблагодаримъ Господа, что у насъ дѣло обстоитъ такъ, какъ обстоитъ. Конечно, и у насъ, къ сожалѣнію, между пшеницей произрастаютъ плевелы, но мы, по крайней мѣрѣ, стараемся выпалывать ихъ по мѣрѣ нашихъ силъ. Надо поддерживать чистоту общественныхъ нравовъ, милостивыя государыни; надо оберегать общество отъ всего того новаго, неиспытаннаго, что желаетъ навязать намъ нашъ нетерпѣливый вѣкъ.

Фру Гольтъ. А сколько, къ сожалѣнію, всего этого!

Фру Руммель. Да вотъ вѣдь въ прошломъ году—за малымъ дѣло стало, а то бы провели и къ намъ желѣзную дорогу.

Бетти. Ну, и, разумѣется, Карстенъ не допустилъ этого.

Рерлундъ. Провидѣніе, сударыня. Вы можете быть увѣрены, что мужъ вашъ былъ орудіемъ высшей воли, когда отказался поддержать эту затѣю.

Бетти. А все-таки газеты-то какъ его бранили! Но мы совсѣмъ забыли поблагодарить васъ, г-нъ магистръ. Въ самомъ дѣлѣ, это больше чѣмъ любезно съ вашей стороны, что вы жертвуете намъ такъ много времени.

Рерлундъ. Пустое: теперь каникулы...

Бетти. Да, да, но все-таки это жертва съ вашей стороны.

Рерлундъ (придвигаетъ свой стулъ поближе). Не стóитъ говорить, сударыня. Не всѣ ли вы приносите себя въ жертву ради добраго дѣла? И не дѣлаете ли вы это съ радостью и съ полною готовностью? Эти нравственно падшія созданія, объ исправленіи которыхъ мы хлопочемъ, не тѣ же ли раненые на полѣ битвы солдаты? Вы, милостивыя государыни, сестры милосердія, которыя щиплютъ корпію для этихъ несчастныхъ пострадавшихъ, нѣжной рукой перевязываютъ ихъ раны, ухаживаютъ за ними, исцѣляютъ...

Бетти. Великій даръ Божій — умѣть все видѣть въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ!

Рерлундъ. Отчасти съ этимъ родишься, но отчасти это и пріобрѣтается при доброй волѣ. Все дѣло въ томъ, чтобы смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія высшихъ нравственныхъ задачъ. (Обращаясь къ Мартѣ) Ну, что вы, напримѣръ, на это скажете, сударыня? Не чувствуете ли вы подъ собой болѣе твердую почву съ тѣхъ поръ, какъ посвятили себя школьному дѣлу?

Марта. Ахъ, ужъ не знаю, что и сказать! Часто, когда я сижу тамъ, въ школѣ, меня такъ и тянетъ далеко-далеко въ бурное море.

Рерлундъ. Это искушеніе, сударыня. Такихъ безпокойныхъ гостей не надо впускать къ себѣ. Бурное море,—это вы, конечно, говорите не буквально; вы разумѣете подъ этимъ большое, волнующееся человѣческое общество, гдѣ столько гибнутъ. И врядъ ли вы въ самомъ дѣлѣ такъ высоко цѣните ту жизнь, шумъ и гулъ которой до васъ долетаютъ извнѣ. Стоитъ только взглянуть на улицу, гдѣ люди въ потѣ лица снуютъ на солнопекѣ по своимъ дѣлишкамъ. Нѣтъ, право, намъ лучше сидится тутъ, въ прохладѣ, спиной туда, откуда идетъ разрушеніе!..

Марта. Да, да, вы, навѣрное, правы.

Рерлундъ. И въ домѣ, какъ этотъ, гдѣ процвѣтаетъ образцовая семейная жизнь, гдѣ царствуетъ миръ и согласіе... (Обращаясь къ хозяйкѣ) Что это вы прислушиваетесь, сударыня?

Бетти (кидая взглядъ на дверь, ведущую въ кабинетъ). Какъ они громко разговариваютъ.

Рерлундъ. Развѣ что-нибудь особенное?

Бетти. Не знаю; я слышу только, мужъ разговариваетъ съ кѣмъ-то.

(Гильмаръ Тённесенъ съ сигарою въ зубахъ входитъ справа, но останавливается при видѣ собранія дамъ).

Гильмаръ. Ахъ, извините, пожалуйста. (Хочетъ уйти).

Бетти. Войди, войди, Гильмаръ, ты намъ не мѣшаешь. Тебѣ что-нибудь нужно?

Гильмаръ. Ничего, я такъ хотѣлъ заглянуть. (Къ дамамъ) Мое почтеніе. (Къ хозяйкѣ) Ну, порѣшили?

Бетти. Насчетъ чего?

Гильмаръ. Да вѣдь у Берника совѣщаніе.

Бетти. Развѣ? Въ чемъ же дѣло?

Гильмаръ. Да опять та же чепуха съ желѣзной дорогой.

Фру Руммель. Да неужели?

Бетти. Бѣдный Карстенъ! Опять ему непріятности.

Рерлундъ. Но какъ же это такъ, г-нъ Тённесенъ? Вѣдь въ прошломъ году консулъ Берникъ ясно далъ понять, что онъ не хочетъ никакой желѣзной дороги.

Гильмаръ. Да и мнѣ такъ кажется, но я встрѣтилъ управляющаго Крапа, и онъ сказалъ, что вопросъ о желѣзной дорогѣ снова поднятъ, и что Берникъ совѣщается съ тремя мѣстными тузами.

Фру Руммель. То-то мнѣ и послышался голосъ мужа.

Гильмаръ. Да, г-нъ Руммель, конечно, участвуетъ; потомъ Сандстадъ и Михаилъ Вигеландъ—«святоша Миша», какъ его зовутъ.

Рерлундъ. Гм!..

Гильмаръ. Ахъ, извините, г-нъ магистръ.

Бетти. Такъ у насъ хорошо, мирно было...

Гильмаръ. Что до меня, я ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобъ они опять погрызлись. Все-таки развлеченіе.

Рерлундъ. О, на мой взглядъ безъ такихъ развлеченій можно и обойтись.

Гильмаръ. Какъ для кого. Нѣкоторыя натуры прямо нуждаются въ хорошей схваткѣ. Но жизнь въ маленькомъ городишкѣ, къ сожалѣнію, не богата такими случаями, да и не всякому дано... (Перелистываетъ книгу магистра) «Женщина на службѣ общества». Это что за чепуха?

Бетти. Господи! Да не говори такъ, Гильмаръ! Ты, вѣрно, не читалъ этой книги?

Гильмаръ. Нѣтъ, да и не намѣренъ.

Бетти. Ты, вѣрно, опять нехорошо себя чувствуешь сегодня?

Гильмаръ. Да, нехорошо.

Бетти. Плохо спалъ ночью?

Гильмаръ. Очень даже плохо. Я вчера вечеромъ пошелъ, ради своей болѣзни, прогуляться; потомъ завернулъ въ клубъ и почиталъ описаніе полярной экспедиціи. Какъ-то закаляешь духъ, слѣдя за борьбой человѣка со стихіями!

Фру Руммель. Но это вамъ должно быть вредно, господинъ Тённесенъ?

Гильмаръ. И даже очень. Я проворочался всю ночь, бредя какимъ-то отвратительнымъ моржомъ, который гонялся за мною.

Олафъ (поднявшись изъ сада на террасу). За тобой моржъ гонялся, дядя?

Гильмаръ. Во снѣ, дурень!.. А ты все еще возишься съ этимъ жалкимъ самострѣломъ? Отчего не достанешь себѣ настоящее ружье?

Олафъ. Я бы очень хотѣлъ, да...

Гильмаръ. Ружье — это я все-таки понимаю; какъ-то щекочетъ нервы: вотъ-вотъ курокъ щелкнетъ!..

Олафъ. Тогда бы я медвѣдей стрѣлялъ! Да вотъ папа не даетъ.

Бетти. Какъ можно вбивать ему въ голову такія вещи?

Гильмаръ. Гм... ну и поколѣніе растетъ у насъ теперь! Кричатъ о подвигахъ,—Боже мой!—а до дѣла дойдетъ... Ни капли серьезнаго стремленія къ тому, чтобы закалить себя, смѣло глядѣть въ глаза опасности!.. Да что ты лѣзешь на меня съ своимъ самострѣломъ, балбесъ этакій! Того и гляди выстрѣлитъ!

Олафъ. Да вѣдь стрѣлы нѣтъ, дядя!

Гильмаръ. Этого ты не можешь знать: а вдругъ все-таки... Убери, говорятъ тебѣ! И чего ты никогда не прокатишься въ Америку на одномъ изъ отцовскихъ кораблей? Увидалъ бы тамъ охоту на буйволовъ или схватку съ краснокожими.

Бетти. Но, Гильмаръ...

Олафъ. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ, дядя! Вдругъ бы встрѣтилъ тамъ дядю Іогана и тетю Лону...

Гильмаръ. Гм!.. Понесъ!

Бетти. Ну, ступай опять въ садъ, Олафъ!

Олафъ. Мама, а на улицу можно?

Бетти. Да, только, смотри, недалеко.

(Олафъ убѣгаетъ черезъ садъ на улицу).

Рерлундъ. Не слѣдовало бы кружить ребенку голову такими фантазіями.

Гильмаръ. Разумѣется, какъ можно! Пусть лучше весь вѣкъ проспитъ за печкой, какъ другіе.

Рерлундъ. А что-жъ вы сами туда не прокатитесь?

Гильмаръ. Я? Съ моимъ-то здоровьемъ! Впрочемъ, кому здѣсь до этого дѣло. Но человѣкъ все-таки имѣетъ извѣстныя обязанности передъ обществомъ... Надо же здѣсь хоть кому-нибудь высоко держать знамя идеи... Ухъ, опять раскричался.

Дамы. Кто, кто?

Гильмаръ. Не знаю. Всѣ они немножко громогласны... Это дѣйствуетъ мнѣ на нервы.

Фру Руммель. Должно-быть, это мужъ мой, г. Тённесенъ. Онъ, знаете, привыкъ говорить въ большихъ собраніяхъ.

Рерлундъ. Да и другіе, кажется, не отстаютъ.

Гильмаръ. Ну, еще бы, помилуйте,—разъ дѣло дойдетъ до кармана, то... У насъ всегда на первомъ планѣ меркантильныя соображенія. Ухъ!

Бетти. Во всякомъ случаѣ это лучше, чѣмъ прежде, когда на первомъ планѣ были одни удовольствія.

Фру Люнге. Да неужели здѣсь прежде было такъ ужасно?

Фру Руммель. И не говорите! Благодарите судьбу, что васъ здѣсь тогда не было.

Фру Гольтъ. Да, у насъ произошли большія перемѣны! Вспомнить только, что творилось тутъ въ дни моей молодости!

Фру Руммель. Да вы возьмите всего четырнадцать-пятнадцать лѣтъ назадъ. Господи помилуй, что тутъ было! Тогда тутъ еще процвѣтали и танцовальный кружокъ и музыкальный...

Марта. И драматическій. Это я хорошо помню.

Фру Руммель. Да, тамъ ставили вашу пьесу, г. Тённесенъ!

Гильмаръ (удаляясь въ глубину сцены). А, есть о чемъ вспоминать...

Рерлундъ. Пьесу господина Тённесена?

Фру Руммель. Это было задолго до васъ, г. магистръ; ее, впрочемъ, всего разъ и сыграли.

Фру Люнге (фру Руммель). Не въ этой ли пьесѣ вы играли любовницу? Помните, вы мнѣ разсказывали?

Фру Руммель (косясь на магистра). Я? Что-то не припомню... Но я хорошо помню, какъ открыто здѣсь жили тогда.

Фру Гольтъ. Я даже знаю дома, гдѣ давали по два званыхъ обѣда въ недѣлю!

Фру Люнге. А тутъ еще играла заѣзжая труппа, я слышала?

Фру Руммель. Ахъ, это было хуже всего.

Фру Гольтъ (пожимаясь). Гм... гм...

Фру Руммель (спохватясь). Труппа? Нѣтъ, впрочемъ, этого я совсѣмъ не помню.

Фру Люнге. Да какъ же! Говорятъ, будто эти господа Богъ знаетъ что̀ тутъ творили!.. А что̀ такое въ сущности было?

Фру Руммель. Въ сущности ровно ничего.

Фру Гольтъ. Диночка, передай мнѣ вонъ то бѣлье.

Бетти (въ то же время). Диночка, поди скажи Катринѣ, чтобы подавала кофе.

Марта. Я съ тобой, Дина.

(Дина и Марта уходятъ во вторыя двери налѣво).

Бетти (вставая). И меня, mesdames, на минуточку извините. Я думаю, лучше пить кофе на террасѣ?.. (Уходитъ на террасу и начинаетъ накрывать столъ. Магистръ Рёрлундъ, стоя въ дверяхъ, разговариваетъ съ нею. Гильмаръ Тённесенъ сидитъ на террасѣ и куритъ).

Фру Руммель (шопотомъ). Господи, фру Люнге, какъ вы меня перепугали!

Фру Люнге. Я?

Фру Гольтъ. Да вѣдь вы сами начали, фру Руммель!

Фру Руммель. Я? Что̀ вы, фру Гольтъ? Я и не заикалась.

Фру Люнге. Да въ чемъ дѣло?

Фру Руммель. Какъ могли вы завести этотъ разговоръ? Помилуйте! Развѣ вы не замѣтили... Дины?

Фру Люнге. Дины? Господи, да развѣ что-нибудь съ Диной?..

Фру Гольтъ. И еще тутъ въ домѣ! Да развѣ вы не знаете, что братъ фру Берникъ...

Фру Люнге. Что̀ же онъ? Я вѣдь ничего не знаю; я здѣсь такъ еще недавно.

Фру Руммель. Да развѣ вы не слыхали... Гм... (Гильдѣ) Ты бы прошлась по саду, Гильда.

Фру Гольтъ (Неттѣ). Поди и ты, Нетта. Пожалуйста, будь поласковѣе съ бѣдной Диной, когда она придетъ.

(Гильда и Нетта уходятъ въ садъ).

Фру Люнге. Ну, что же такое было съ братомъ фру Берникъ?

Фру Руммель. Вы не знаете? Грязная исторія!

Фру Люнге (указывая на Гильмара). Такъ у молодого Тённесена была грязная исторія?

Фру Руммель. Нѣтъ же, фру Люнге! Этотъ Тённесенъ ея двоюродный братъ, а я говорю про родного...

Фру Гольтъ. ...Про безпутнаго Тённесена...

Фру Руммель. Его звали Іоганъ. Онъ бѣжалъ въ Америку.

Фру Гольтъ. Пришлось бѣжать, можете себѣ представить!

Фру Люнге. Значитъ, съ нимъ была грязная исторія?

Фру Руммель. Да, нѣчто такое... Какъ бы это сказать?.. Нѣчто такое съ матерью Дины. Я такъ помню все это, точно это сегодня случилось. Іоганъ Тённесенъ служилъ тогда въ конторѣ старухи Берникъ, а Карстенъ Берникъ только-что вернулся изъ Парижа и еще не былъ женихомъ Бетти.

Фру Люнге. Ну, а грязная-то исторія?

Фру Руммель. Да видите ли, въ ту зиму играла здѣсь труппа Мёллера.

Фру Гольтъ. ...И въ этой труппѣ былъ актеръ Дорфъ съ женой. Вся молодежь была отъ нея безъ ума.

Фру Руммель. Богъ знаетъ, что они въ ней находили. И вотъ разъ актеръ Дорфъ возвращается домой поздно вечеромъ...

Фру Гольтъ. ...Совершенно неожиданно...

Фру Руммель. ...И застаетъ... Нѣтъ, этого и разсказать нельзя!

Фру Гольтъ. Нѣтъ, фру Руммель, ничего онъ не застаетъ; дверь-то была заперта изнутри!

Фру Руммель. То-то и есть; я это же и говорю... застаетъ— дверь запертой. И, вообразите, *тому*, въ комнатѣ, пришлось выскочить въ окошко!

Фру Гольтъ. Изъ мезонина!

Фру Люнге. И это былъ братъ фру Берникъ?

Фру Руммель. Ну да!

Фру Люнге. И потомъ онъ бѣжалъ въ Америку?

Фру Гольтъ. Пришлось бѣжать, вы понимаете?

Фру Руммель. Послѣ-то открылось и еще кое-что, чуть ли не похуже. Подумайте, онъ запустилъ лапу въ кассу!..

Фру Гольтъ. Ну, это еще не навѣрное, фру Руммель; можетъ-быть, однѣ сплетни.

Фру Руммель. Нѣтъ, скажите пожалуйста! Весь городъ зналъ объ этомъ. Старуха Берникъ чуть не обанкротилась изъ-за этого! Это мнѣ мой мужъ тогда же разсказывалъ. Но Боже меня сохрани болтать!

Фру Гольтъ. Во всякомъ случаѣ эти деньги пошли не на мадамъ Дорфъ, потому что она...

Фру Люнге. Да, да, — что же она потомъ съ мужемъ какъ поладила?

Фру Руммель. Да онъ уѣхалъ себѣ, бросилъ и жену и ребенка, а эта госпожа... У нея хватило наглости оставаться здѣсь еще цѣлый годъ. Конечно, она не смѣла больше показываться на сценѣ. Жила стиркой тонкаго бѣлья и шитьемъ на людей.

Фру Гольтъ. Потомъ пыталась завести школу танцевъ...

Фру Руммель. Разумѣется, это не пошло. Какіе же родители довѣрили бы своихъ дѣтей такой... особѣ! Да она недолго и прожила. Этой бѣлоручкѣ, видно, не въ привычку было работать. Кинулось на грудь, и она умерла.

Фру Люнге. Фу, дѣйствительно грязная исторія!

Фру Руммель. Да, вообразите, каково это было пережить Берникамъ? Это темное облако на свѣтломъ горизонтѣ ихъ жизни, какъ однажды выразился мой мужъ. Поэтому, дорогая фру Люнге, никогда и не касайтесь этихъ вещей въ разговорѣ здѣсь въ домѣ.

Фру Гольтъ. И, ради Бога, ни слова также о сводной сестрѣ.

Фру Люнге. Такъ у госпожи Берникъ есть еще сводная сестра?

Фру Руммель. *Была* — къ счастью. Теперь, я полагаю, конецъ этому родству! Вотъ была особа... особаго рода! Вообразите, остригла себѣ волосы, а въ дождикъ ходила въ мужскихъ сапогахъ.

Фру Гольтъ. И когда сводный братецъ — этотъ пропащій субъектъ — бѣжалъ, и весь городъ, разумѣется, былъ возмущенъ, знаете, что она выкинула? Маршъ за нимъ!

Фру Руммель. А какого скандала-то надѣлала передъ отъѣздомъ, фру Гольть!

Фру Гольтъ. Тсс!.. И не говорите!..

Фру Люнге. Господи, и она тоже оскандалилась?

Фру Руммель. Да вотъ послушайте, фру Люнге. Берникъ тогда только-что посватался за Бетти Тённесенъ и явился съ ней подъ-руку къ ея теткѣ объявить о помолвкѣ...

Фру Гольтъ. Бетти съ братомъ остались вѣдь сиротами...

Фру Руммель. ...И вдругъ Лона Гессель—сводная сестра—встаетъ со стула и — трахъ изящнаго, образованнаго Карстена Берника по щекѣ!..

Фру Люнге. Слыханное ли дѣло!

Фру Гольтъ. Это истинная правда.

Фру Руммель. А потомъ уложилась и махнула въ Америку.

Фру Люнге. Вѣрно, она сама мѣтила за Берника?

Фру Руммель. Еще бы! Она-таки, видно, воображала, что изъ нихъ выйдетъ парочка, когда онъ вернется изъ Парижа.

Фру Гольтъ. Да, представьте, что забрала себѣ въ голову! Берникъ, молодой свѣтскій человѣкъ, кавалеръ въ полномъ смыслѣ слова, любимецъ дамъ...

Фру Руммель. ...И вмѣстѣ съ тѣмъ какой приличный, нравственный!..

Фру Люнге. Что же эта особа дѣлаетъ въ Америкѣ?

Фру Руммель. Тутъ, видите ли, занавѣсъ опускается, и врядъ ли слѣдуетъ его подымать, какъ выразился однажды мой мужъ.

Фру Люнге. Что это значитъ?

Фру Руммель. Семейство, конечно, не имѣетъ никакихъ сношеній съ ней, вы понимаете; но весь городъ знаетъ, что она тамъ пѣла за деньги по трактирамъ...

Фру Гольтъ. ...И читала какія-то публичныя лекціи...

Фру Руммель. ...И издала какую-то сумасбродную книжку.

Фру Люнге. Скажите!

Фру Руммель. Да, какъ видно, Лона Гессель тоже темное облако на свѣтломъ горизонтѣ жизни Бернковъ. Теперь вы освѣдомлены, фру Люнге, и, ей-Богу, я заговорила объ этомъ только для того, чтобы предостеречь васъ...

Фру Люнге. Да ужъ будьте спокойны. Но бѣдная Дина Дорфъ! Мнѣ отъ души ее жаль.

Фру Руммель. Ну, для нея-то это было настоящимъ счастьемъ. Подумайте, если-бъ она выросла у такихъ родителей! Мы, конечно, всѣ приняли въ ней участіе и руководили ею, какъ могли. Потомъ Марта Берникъ настояла, чтобы ее взяли сюда въ домъ.

Фру Гольтъ. Но съ ней такъ трудно было справляться. Вы понимаете — всѣ эти дурные примѣры... Такія, какъ она, не то, что наши дѣти; съ нею приходится дѣйствовать осторожно, больше все лаской...

Фру Руммель. Тс!.. Вотъ она! (Громко) Да, правда, Дина такая славная дѣвушка... Ахъ, ты пришла, Дина? А мы тутъ разбираемъ бѣлье.

Фру Гольтъ. Какъ вкусно пахнетъ твой кофе, Диночка.

Бетти (съ террасы). Пожалуйте сюда.

(Марта и Дина помогаютъ служанкѣ подать все нужное къ столу. Всѣ дамы размѣщаются на террасѣ и проявляютъ усиленную ласковость къ Динѣ. Спустя немного Дина переходитъ въ залу и ищетъ свою работу).

Бетти (за столомъ, на террасѣ, разливаетъ кофе). Дина, ты развѣ не хочешь?..

Дина. Нѣтъ, благодарю, мнѣ не хочется. (Присаживается съ работой).

(Магистръ Рёрлундъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Бетти, входитъ въ залу).

Рерлундъ (дѣлая видъ, что ему нужно взять что-то со стола; тихо). Дина!

Дина. Что?

Рерлундъ. Почему вы не хотите оставаться тамъ?

Дина. Когда я вошла съ кофе, я догадалась по лицу вновь пріѣзжей дамы, что разговоръ шелъ обо мнѣ.

Рерлундъ. А вы замѣтили тоже, какъ она была съ вами любезна?

Дина. Я этого не выношу.

Рерлундъ. Строптивый у васъ нравъ, Дина.

Дина. Да.

Рерлундъ. Но зачѣмъ такъ?

Дина. Такая ужъ я есть.

Рерлундъ. Отчего бы вамъ не попытаться измѣниться?..

Дина. Нѣтъ.

Рерлундъ. Почему?

Дина (взглянувъ на него). Я вѣдь принадлежу къ испорченнымъ натурамъ.

Рерлундъ. Нехорошо, Дина.

Дина. Мама тоже была испорченная.

Рерлундъ. Кто вамъ наговорилъ такихъ вещей?

Дина. Никто. Мнѣ никогда ничего не говорятъ. Почему не говорятъ? Всѣ обходятся со мной такъ осторожно, точно я хрустальная. О, какъ я ненавижу это снисхожденіе, это доброе участіе!

Рерлундъ. Милая Дина, я хорошо понимаю, что вамъ здѣсь нѣсколько тягостно, но...

Дина. Ахъ, только бы мнѣ вырваться отсюда! Я бы сумѣла пробить себѣ дорогу, не будь вокругъ меня такихъ... такихъ...

Рерлундъ. Какихъ такихъ?..

Дина. ...Такихъ приличныхъ и строго нравственныхъ людей.

Рерлундъ. Вы это серьезно, Дина?

Дина. Вы отлично понимаете, насколько это серьезно съ моей стороны. Гильду и Нетту каждый день привозятъ сюда служить мнѣ примѣромъ. Мнѣ никогда не стать такой благонравной. Да я и не хочу быть такой. О, только бы мнѣ вырваться отсюда, — я увѣрена, изъ меня вышелъ бы толкъ.

Рерлундъ. Вы и такъ хоть куда, Дина.

Дина. А что мнѣ въ этомъ проку здѣсь?

Рерлундъ. Значитъ, уѣдете?.. Вы серьезно рѣшились?

Дина. Я бы не осталась тутъ дня лишняго, не будь васъ.

Рерлундъ. Скажите мнѣ, Дина, почему вы такъ охотно... бываете со мной?

Дина. Потому что отъ васъ я учусь многому прекрасному.

Рерлундъ. Прекрасному? Вы называете прекраснымъ то, чему я могу научить васъ?

Дина. Да. Или, вѣрнѣе, вы не учите меня, но, когда я слушаю васъ, мнѣ открывается такъ много прекраснаго.

Рерлундъ. Въ чемъ же по-вашему заключается прекрасное?

Дина. Вотъ никогда объ этомъ не думала.

Рерлундъ. Такъ подумайте теперь. Въ чемъ по-вашему прекрасное?

Дина. Прекрасное, это что-то великое... далекое...

Рерлундъ. Гм!.. Дорогая Дина, меня такъ заботитъ ваша судьба.

Дина. Только заботитъ?

Рерлундъ. Вы же, конечно, знаете, какъ безконечно вы мнѣ дороги...

Дина. Будь на моемъ мѣстѣ Гильда или Нетта, вы не боялись бы дать это замѣтить другимъ.

Рерлундъ. Ахъ, Дина, вамъ трудно судить о тысячахъ обстоятельствъ, которыя... Когда человѣкъ поставленъ на стражѣ нравственныхъ устоевъ общества, то... нужна особая осторожность! Если-бъ я могъ быть увѣреннымъ, что мои побужденія будутъ правильно истолкованы... Ну, да это безразлично... Вамъ во что бы то ни стало надо помочь, Дина. Согласны ли вы... когда я приду... когда обстоятельства позволятъ мнѣ придти и сказать вамъ: вотъ моя рука — вы примете ее и будете моей женой? Даете ли вы мнѣ слово, Дина?

Дина. Да.

Рерлундъ. Благодарю, благодарю! Вѣдь и для меня... О Дина, вы мнѣ такъ дороги!.. Тс!.. Идетъ кто-то. Дина, ради меня, идите къ нимъ.

(Дина уходитъ на террасу къ кофейному столу. Изъ кабинета налѣво выходятъ Руммель, Сандстадъ, Вигеландъ и наконецъ Берникъ, съ кипой бумагъ въ рукахъ).

Берникъ. Ну, значитъ, дѣло рѣшено?

Вигеландъ. Да, съ Богомъ!

Руммель. Рѣшено, Берникъ. Ты знаешь, слово норвежца крѣпко, какъ наши скалы.

Берникъ. И никто не измѣнитъ, никто не отстанетъ, несмотря ни на какую оппозицію?

Руммель. Мы съ тобой заодно. Въ огонь и въ воду!

Гильмаръ (входитъ съ террасы). Въ воду? Позвольте спросить, это у васъ желѣзная дорога канула въ воду?

Берникъ. Нѣтъ, напротивъ, она пойдетъ...

Руммель. На всѣхъ парахъ, господинъ Тённесенъ.

Гильмаръ (приближаясь). Да?

Рерлундъ. Какъ такъ?

Бетти (въ дверяхъ террасы). Дорогой Карстенъ! Въ чемъ дѣло?

Берникъ. Ахъ, милочка Бетти, это тебѣ не интересно. (Къ купцамъ) Теперь намъ нужно разослать листы для подписи: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Само собою разумѣется, мы четверо подпишемся первыми. Наше положеніе въ обществѣ обязываетъ насъ не щадить силъ.

Сандстадъ. Само собой, господинъ консулъ.

Руммель. Слово дано, и дѣло должно наладиться.

Берникъ. О, я нисколько не боюсь за результаты. Только бы каждый изъ насъ проводилъ это дѣло въ своемъ кружкѣ. Когда же ему будетъ обезпечено общее сочувствіе гражданъ, само собой должна будетъ принять въ немъ участіе и городская коммуна.

Бетти. Нѣтъ, право, Карстенъ, дай и намъ послушать. Приди сюда и разскажи...

Берникъ. О, милая Бетти, это рѣшительно не по дамской части.

Гильмаръ. Значитъ, ты все-таки рѣшилъ взяться за желѣзную дорогу?

Берникъ. Разумѣется.

Рерлундъ. Но въ прошломъ году, г-нъ консулъ...

Берникъ. То было дѣло другое. Тогда рѣчь шла о приморской линіи...

Вигеландъ. ...А она совершенно излишняя, г. магистръ. У насъ есть пароходы...

Сандстадъ. ...И, кромѣ того, она обошлась бы неимовѣрно дорого...

Руммель. ...И шла бы прямо въ разрѣзъ съ существенными интересами города.

Берникъ. А самое главное, не принесла бы пользы широкимъ слоямъ населенія. Поэтому я тогда и воспротивился и настоялъ на проектѣ внутренней линіи.

Гильмаръ. Да, но эта дорога не коснется сосѣднихъ городовъ.

Берникъ. Она коснется нашего города, милый Гильмаръ, потому что мы проведемъ къ себѣ вѣтку.

Гильмаръ. Ага! Значитъ, новая затѣя?

Руммель. И превосходная затѣя — а?

Рерлундъ. Гм!..

Вигеландъ. Нельзя отрицать, что само Провидѣніе какъ будто предназначило эту мѣстность для такой вѣтки.

Рерлундъ. Вы это серьезно говорите, господинъ Вигеландъ?

Берникъ. Да, признаюсь, я тоже вижу какъ бы перстъ судьбы, что я, во время моей весенней поѣздки по дѣламъ, случайно попалъ въ долину, гдѣ мнѣ раньше не приходилось бывать. И тутъ, какъ молнія, блеснула у меня въ умѣ мысль: вотъ гдѣ удобно провести къ намъ вѣтку. Я отправилъ инженера на развѣдки, и вотъ тутъ у меня уже всѣ предварительныя смѣты... Все въ порядкѣ.

Бетти (все стоя съ другими дамами въ дверяхъ террасы). Но какъ же это, милый Карстенъ, ты все скрывалъ отъ насъ?

Берникъ. Дорогая Бетти, вѣдь вамъ бы все-таки не понять настоящей сути дѣла. Да, впрочемъ, до сегодняшняго дня я никому не заикался объ этомъ. Но теперь рѣшительная минута наступила; теперь пора дѣйствовать открыто и энергично. Пусть бы мнѣ даже пришлось рискнуть всѣмъ своимъ состояніемъ, я все-таки дойду до конца.

Руммель. И мы съ тобой, Берникъ; ты можешь положиться на насъ.

Рерлундъ. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ такъ много ожидаете отъ этого предпріятія, господа?

Берникъ. Еще бы! Какимъ это послужитъ могучимъ рычагомъ для подъема благосостоянія всего нашего общества! Подумайте только, какія лѣсныя угодья станутъ доступными, какіе богатые рудники откроются для разработки! А горныя рѣчки съ безчисленными водопадами? Какое широкое поле откроется для фабричной дѣятельности!

Рерлундъ. И вы не опасаетесь, что оживленныя сношенія съ испорченнымъ внѣшнимъ міромъ...

Берникъ. Будьте спокойны, г. магистръ. Наше трудолюбивое мѣстечко обладаетъ теперь, слава Богу, твердыми нравственными устоями. Мы всѣ прилагали усилія къ оздоровленію почвы, если можно такъ выразиться, и будемъ продолжать, каждый по своей части. Вы, г. магистръ, продолжайте вашу благотворную дѣятельность въ школѣ и въ семьѣ; мы, практическіе, трудовые люди, будемъ служить обществу возможно широкимъ распространеніемъ благосостоянія среди населенія, а наши женщины... пожалуйте поближе, сударыни, это я при васъ скажу: наши женщины, скажу я, наши жены и дочери пусть продолжаютъ неустанно служить дѣлу благотворенія и быть вообще поддержкой и утѣшеніемъ для своихъ близкихъ, какъ моя дорогая Бетти и Марта для меня съ Олафомъ. (Озираясь) Да гдѣ же Олафъ?

Бетти. Ахъ, теперь вѣдь каникулы; его и не удержишь дома.

Берникъ. Ну, значитъ, опять удралъ на пристань! Увидишь, онъ не уймется, пока не стрясется бѣды.

Гильмаръ. Что же? Теперь-то и играть со стихіями...

Фру Руммель. Какъ это мило съ вашей стороны, г. Берникъ, что вы такъ привязаны къ семьѣ!

Берникъ. Да, семья вѣдь ядро общества. Хорошая семья, честные, вѣрные друзья, маленькій, тѣсный кружокъ, куда не могутъ вторгнуться никакіе испорченные, дурные элементы...

(Управляющій Крапъ входитъ справа съ письмами и газетами).

Крапъ. Иностранная почта, г. консулъ, и телеграмма изъ Нью-Іорка.

Берникъ (взявъ телеграмму). А! Отъ акціонеровъ «Индіанки».

Руммель. Такъ почта пришла! Ну, я долженъ откланяться.

Вигеландъ. И я тоже.

Сандстадъ. До свиданія, г. консулъ.

Берникъ. До свиданія, господа. Не забудьте, сегодня въ пять часовъ засѣданіе.

Руммель.
Вигеландъ.
Сандстадъ.
} Да, да, хорошо, будемъ. (Уходятъ направо).

Берникъ (прочитавъ телеграмму). Нѣтъ, это — чисто по-американски! Просто возмутительно!..

Бетти. Господи, Карстенъ, что такое?

Берникъ. Вотъ, г. Крапъ, прочтите.

Крапъ (читаетъ). «Возможно меньше ремонта; спустите «Индіанку», какъ скоро готова; время благопріятное; въ крайнемъ случаѣ будетъ держаться на водѣ грузомъ»... Да, нечего сказать!..

Берникъ. Будетъ держаться грузомъ! Эти господа отлично знаютъ, что съ такимъ грузомъ судно пойдетъ ко дну, какъ камень, случись что-нибудь.

Рерлундъ. Вотъ онѣ—эти восхваляемыя великія націи!

Берникъ. Вы правы; ни малѣйшаго уваженія къ человѣческой жизни, разъ въ дѣло замѣшаны личныя выгоды. (Крапу) Какъ по-вашему? Можно спустить «Индіанку» дня черезъ четыре-пять?

Крапъ. Да, если г. Вигеландъ согласится, чтобы мы пока пріостановили работы на «Пальмѣ».

Берникъ. Гм, не согласится. Ну, займитесь, пожалуйста, корреспонденціей. Постойте, вы не видали Олафа на пристани?

Крапъ. Нѣтъ, г. консулъ. (Уходитъ въ кабинетъ).

Берникъ (опять взглянувъ на телеграмму). Рисковать жизнью восемнадцати человѣкъ — для этихъ господъ ни почемъ.

Гильмаръ. Что же, призваніе моряка — бороться со стихіями.

Вотъ-то должно щекотать нервы, когда между тобою и пучиной только одна тоненькая доска...

Берникъ. Найдется ли у насъ хоть одинъ судохозяинъ, который пошелъ бы на такое дѣло? Ни одного... ни одного!.. (Увидавъ Олафа) Ну, слава Богу, цѣлъ!..

(Съ улицы вбѣгаетъ въ садъ Олафъ съ удочкой въ рукѣ).

Олафъ (еще изъ сада). Дядя Гильмаръ, я видѣлъ пароходъ.

Берникъ. Ты опять былъ на пристани?

Олафъ. Нѣтъ, я только на лодкѣ катался... Вообрази, дядя, высадился цѣлый циркъ съ лошадьми и звѣрями. И страсть сколько пассажировъ!

Фру Руммель. Наконецъ-то мы дождались цирка!

Рерлундъ. Мы?..

Фру Руммель. Ну, конечно, не мы, а...

Дина. Мнѣ бы очень хотѣлось посмотрѣть циркъ!

Олафъ. И мнѣ тоже.

Гильмаръ. Глупая ты голова! Что тамъ смотрѣть? Одна дрессировка. Другое дѣло, когда гаучосъ мчится черезъ пампасы на своемъ огневомъ мустангѣ! Ну, а въ такомъ городишкѣ, какъ нашъ, конечно...

Олафъ (теребя Марту за руку). Тетя Марта, смотри, смотри... вонъ они!

Фру Гольтъ. Ей-Богу, они!

Фру Люнге. У, какіе противные!

(Множество пассажировъ и толпа горожанъ проходятъ по улицѣ).

Фру Руммель. Кажется, изрядные паяцы. Посмотрите, фру Гольтъ, на эту, въ сѣромъ платьѣ: тащитъ на спинѣ саквояжъ!

Фру Гольтъ. Скажите! Надѣла его на ручку зонтика!

Фру Руммель. А вонъ, вѣрно, и самъ антрепренеръ—тотъ, съ бородой. Настоящій разбойникъ. Не гляди на него, Гильда!

Фру Гольтъ. И ты тоже, Нетта!

Олафъ. Мама, антрепренеръ кланяется намъ!

Берникъ. Что?

Бетти. Что ты говоришь, Олафъ?

Фру Руммель. Ей-Богу, и жена его кланяется!

Берникъ. Это ужъ изъ рукъ вонъ!

Марта (невольно вскрикивая). А!..

Бетти. Что съ тобой, Марта?

Марта. Ничего; мнѣ показалось...

Олафъ (внѣ себя отъ радости). Глядите, глядите! Вотъ и остальные съ лошадьми и звѣрями, а вонъ и американцы! Всѣ матросы съ «Индіанки».

(Слышится „Yankee doodle“ съ аккомпанементомъ кларнета и барабана).

Гильмаръ (затыкая уши). Ухъ, ухъ. ухъ!

Рерлундъ. Я полагаю, сударыня, не ретироваться ли намъ? Это не по нашей части. Займемся опять нашей работой.

Бетти. Не опустить ли занавѣски?

Рерлундъ. Да, да; я самъ думалъ.

(Дамы садятся къ столу. Магистръ Рёрлундъ затворяетъ двери на террасу и опускаетъ занавѣски какъ на дверяхъ. такъ и на окнахъ; комната погружается въ полумракъ).

Олафъ (заглядывая за занавѣску). Мама, жена антрепренера моетъ себѣ лицо у фонтана.

Бетти. Какъ? Прямо на площади?

Фру Руммель. Среди бѣла дня!

Гильмаръ. Ну, странствуй я по пустынѣ, и попадись мнѣ ключъ, я бы тоже не задумался... Ухъ, этотъ ужасный кларнетъ!

Рерлундъ. Полиція имѣла бы полное основаніе вмѣшаться.

Берникъ. Ну, къ иностранцамъ нельзя быть слишкомъ строгими; у этого народа нѣтъ того врожденнаго чувства приличія, которое держитъ насъ въ границахъ. Пусть ихъ безобразничаютъ. Намъ-то что до этого? Всѣ эти вольности. противныя обычаямъ и добрымъ нравамъ, къ счастью, чужды нашему обществу, если можно такъ выразиться. Это еще что?!

(Незнакомая дама быстро входитъ въ дверь справа).

Всѣ дамы (тревожнымъ шопотомъ). Наѣздница, жена антрепренера!

Бетти. Боже, что это значитъ?

Марта (вскочивъ). А!..

Дама. Здравствуй, милая Бетти! Здравствуй, Марта! Здравствуй, зять!

Бетти (вскрикиваетъ). Лона!..

Берникъ (отшатываясь). Честное слово!..

Фру Гольтъ. Боже милосердный!..

Фру Руммель. Возможно ли!..

Гильмаръ. Ну!.. Ухъ!

Бетти. Лона!.. Да неужели...

Лона. Я ли это? Я сама. Не стѣсняйся, можно обнять меня.

Гильмаръ. Ухъ! Ухъ!

Бетти. И ты теперь пріѣхала сюда въ качествѣ...

Берникъ. ...И намѣрена выступать публично?!

Лона. Выступать?.. Какъ выступать?..

Берникъ. ...Да я думалъ... въ циркѣ...

Лона. Ха-ха-ха! Да ты въ умѣ ли, зятюшка? Ты думаешь, что я изъ трупны наѣздниковъ? Нѣтъ, я хотя и отвѣдала всякой всячины и смѣшила честной народъ на митингахъ...

Фру Руммель. Гм!..

Лона. ...Но наѣздницей еще не бывала.

Берникъ. Значитъ, все-таки не...

Бетти. Охъ, слава Богу!

Лона. Нѣтъ, мы пріѣхали сами по себѣ, какъ и другіе добрые люди; положимъ, во второмъ классѣ, но къ этому намъ не привыкать стать.

Бетти. Ты говоришь: мы?

Берникъ (сдѣлавъ шагъ къ ней). Кто это мы?

Лона. Разумѣется, я съ мальчугаиомъ.

Всѣ дамы. Съ мальчугаиомъ?!

Гильмаръ. Что?

Рерлундъ. Скажите, пожалуйста!..

Бетти. Что ты хочешь сказать, Лона?

Лона. Разумѣется, я говорю про Джона: у меня вѣдь нѣтъ другого мальчугана, кромѣ Джона, или Іогана, какъ вы его называли.

Бетти. Іоганъ!..

Фру Руммель (тихо фру Люнге). Блудный братъ!

Берникъ (медленно). И Іоганъ съ тобой?

Лона. Да, конечно; развѣ я уѣду безъ него? Но у всѣхъ у васъ такія печальныя лица, сидите въ потемкахъ, шьете что-то бѣлое... Ужъ не умеръ ли кто?

Рерлундъ. Сударыня, вы находитесь въ кружкѣ для спасенія нравственно падшихъ...

Лона (вполголоса). Что вы? Эти скромныя дамочки?..

Фру Руммель. Ну, скажу я вамъ!..

Лона. А, понимаю, понимаю!.. Чортъ возьми, да вѣдь это фру Руммель! А вотъ фру Гольтъ! Да, мы съ вами съ тѣхъ поръ не помолодѣли... Но послушайте, друзья мои, пусть нравственно падшія подождутъ немножко: онѣ не станутъ отъ этого хуже. Въ радостный часъ свиданья...

Рерлундъ. Часъ свиданія не всегда часъ радости.

Лона. Во-отъ? Такъ-то вы толкуете библію, господинъ пасторъ?

Рерлундъ. Я не пасторъ.

Лона. Ну, такъ, вѣрно, будете имъ. Но—фу! какой гнилью несетъ отъ этого «нравственнаго» бѣлья! Точно отъ савана. Я, видите ли, привыкла въ преріяхъ дышать чистымъ воздухомъ.

Берникъ (отирая лобъ). Да, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь что-то душно.

Лона. Погоди, погоди; сейчасъ выберемся изъ склепа! (Подымаетъ занавѣски). Пусть мой мальчуганъ покажется при пол-

номъ освѣщеніи. Вотъ покажу я вамъ молодца — первый сортъ!

Гильмаръ. Ухъ!

Лона (открываетъ двери и окна). Дайте ему только сперва пообчиститься въ отелѣ. На пароходѣ вымазался, какъ чортъ.

Гильмаръ. Ухъ, ухъ!

Лона. «Ухъ»? Господи, да вѣдь это... (Обращаясь къ остальнымъ и показывая пальцемъ на Гильмара) Онъ все еще тутъ шляется да ухаетъ?

Гильмаръ. Я не шляюсь; я лѣчусь...

Рерлундъ. Гм, сударыня, я не думаю...

Лона (увидавъ Олафа). Это твой, Беттн? Давай лапу, мальчуганъ! Или боишься своей старой, безобразной тетки?

Рерлундъ (беря книгу подъ мышку). Я не думаю, сударыни, чтобы мы были сегодня въ настроеніи продолжать нашу работу. Но вѣдь завтра мы опять соберемся?

Лона (въ то время, какъ дамы встаютъ и прощаются). Хорошо, соберемся. Буду непремѣнно.

Рерлундъ. Вы?.. Позвольте спросить, сударыня, что вы собираетесь дѣлать въ нашемъ кружкѣ?

Лона. Собираюсь провѣтрить его, г. пасторъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же.

Бетти сидитъ у рабочаго стола и шьетъ. Немного спустя справа входитъ Берникъ, въ шляпѣ и перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ.

Бетти. Ты уже вернулся, Карстенъ?

Берникъ. Да, ко мнѣ хотѣлъ зайти... одинъ господинъ.

Бетти (со вздохомъ). Да; вѣрно, Іоганъ опять явится.

Берникъ. Хотѣлъ зайти одинъ господинъ, говорю я. (Положивъ шляпу) Куда же дѣвались сегодня всѣ дамы?

Бетти. Фру Руммель съ дочерью сегодня заняты.

Берникъ. Прислали сказать?..

Бетти. Да, у нихъ сегодня много дѣла дома.

Берникъ. Понятно. И другія, разумѣется, тоже не придутъ?

Бетти. Да, имъ тоже сегодня некогда.

Берникъ. Это я могъ бы сказать заранѣе. Гдѣ Олафъ?

Бетти. Я его отпустила ненадолго съ Диной.

Берникъ. Гм... съ Диной, съ этой вѣтреницей!.. Не успѣлъ Іоганъ пріѣхать, какъ она уже прилѣпилась къ нему!

Бетти. Но, мой другъ, Дина ровно вѣдь ничего не знаетъ...

Берникъ. Ну такъ Іогану, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы

имѣть настолько такта, чтобы не оказывать ей особаго вниманія. Я отлично замѣтилъ, какими глазами смотрѣлъ на это нашъ почтенный Вигеландъ.

Бетти (оставляя свою работу). Карстенъ, какъ это понять, что они вернулись?

Берникъ. Гм... у него вѣдь тамъ какая-то ферма, и дѣла его, кажется, не важны. Лона дала вчера понять, что имъ приходится ѣздить во второмъ классѣ.

Бетти. Да, къ сожалѣнію, должно-быть, такъ. Но какъ *она* могла пріѣхать! Она! Послѣ той кровной обиды тебѣ...

Берникъ. Ахъ, не думай объ этихъ старыхъ дрязгахъ!

Бетти. Да могу ли я теперь думать о чемъ другомъ! Вѣдь онъ мнѣ братъ... Да и не изъ-за него я волнуюсь... Ты-то... Тебѣ-то сколько опять непріятностей, Карстенъ! Я до смерти боюсь, что...

Берникъ. Чего ты боишься?

Бетти. Развѣ не могутъ арестовать его за тѣ деньги, которыя пропали у твоей матушки?

Берникъ. Пустяки! Кто можетъ доказать, что деньги пропали?

Бетти. Ахъ, Боже мой, да вѣдь это же весь городъ знаетъ, и ты самъ говорилъ...

Берникъ. Я ничего не говорилъ. И городъ ровно ничего не знаетъ; это все однѣ сплетни.

Бетти. Какой ты великодушный, Карстенъ!

Берникъ. Говорю тебѣ, брось эти воспоминанія. Ты сама не знаешь, какъ разстраиваешь меня, перетряхивая весь этотъ старый хламъ. (Ходитъ взадъ и впередъ и вдругъ швыряетъ трость) И принесла ихъ нелегкая какъ разъ теперь, когда мнѣ необходимо полное сочувствіе общества и прессы... Теперь полетятъ всякія корреспонденціи въ газеты... Хорошо ли я приму нежданныхъ родственниковъ или дурно — все сумѣютъ перетолковать. Пойдутъ рыться въ старомъ хламѣ, какъ ты теперь. Въ такомъ обществѣ, какъ наше... (Швыряя перчатки на столъ) И не съ кѣмъ поговорить, не на кого опереться!

Бетти. Не на кого, Карстенъ?

Берникъ. Да на кого же? И надо же было имъ сѣсть мнѣ на шею какъ разъ теперь! Нѣтъ сомнѣнія, что они устроятъ какой-нибудь скандалъ — особенно она. Вотъ наказаніе имѣть такихъ родственниковъ!

Бетти. Не виновата же я, что...

Берникъ. Въ чемъ ты не виновата? Что ты имъ родня? Святая истина.

Бетти. И не я же звала ихъ домой.

Берникъ. Ну, пошла, поѣхала! Я ихъ не звала, да я ихъ

не выписывала, да я ихъ не тащила за шиворотъ! Знаю я всю эту музыку!

Бетти (плачетъ). Какой ты... недобрый!

Берникъ. Вотъ такъ! Расплачься еще, чтобы дать побольше пищи языкамъ. Оставь эти глупости, Бетти! Поди на террасу. Сюда могутъ придти. Еще увидятъ хозяйку дома съ красными глазами. Вотъ обрадовались бы, если бы разнеслось по городу, что... Слышишь? Кто-то вошелъ въ корридоръ. (Стукъ въ дверь). Войдите!

(Бетти уходитъ на террасу съ работой. Завѣдующій верфью Аунэ входитъ справа).

Аунэ. Мое почтеніе, г. консулъ!

Берникъ. Здравствуйте. Вѣрно, догадались, зачѣмъ я посылалъ за вами?

Аунэ. Управляющій говорилъ вчера, что г. консулъ какъ будто недоволенъ тѣмъ. что...

Берникъ. Я недоволенъ всѣми порядками на верфи, Аунэ. Починка судовъ подвигается тихо. «Пальму» уже давно слѣдовало спустить. Вигеландъ каждый день заходитъ и надоѣдаетъ мнѣ. Тяжелый компаньонъ!

Аунэ. «Пальму» можно спустить послѣзавтра.

Берникъ. Наконецъ-то! Ну, а американское судно, которое стоитъ здѣсь цѣлыхъ пять недѣль и...

Аунэ. «Индіанку»? Я такъ понялъ, что прежде всего надо приналечь на ваше собственное судно.

Берникъ. Я не давалъ вамъ никакого повода для подобнаго предположенія. Слѣдовало также приналечь и на «Индіанку», а этого не сдѣлано.

Аунэ. Дно все сгнило, г. консулъ; чѣмъ больше чинимъ, тѣмъ хуже.

Берникъ. Причина не въ этомъ. Управляющій Крапъ сказалъ мнѣ всю правду. Вы не умѣете работать новыми машинами, которыя я завелъ, или, вѣрнѣе, не хотите.

Аунэ. Г. консулъ, мнѣ теперь за пятьдесятъ. Съ малыхъ лѣтъ я привыкъ къ старому способу работы.

Берникъ. Онъ больше не годится. Не думайте, Аунэ, что я хлопочу изъ-за барышей; я, къ счастью, не нуждаюсь въ этомъ; но у меня есть обязанности передъ обществомъ, въ которомъ я живу, и передъ фирмой, во главѣ которой я стою. Если я не буду за прогрессъ, то его и не дождаться здѣсь.

Аунэ. Я тоже за прогрессъ, г. консулъ.

Берникъ. Да, въ узкомъ смыслѣ, среди рабочаго класса. Знаю я ваши агитаціи. Вы произносите рѣчи, вы баламутите народъ, но когда дѣло доходитъ до прогресса на практикѣ,—

взять хоть бы новыя машины, — то вы уклонястесь, боитесь.

Аунэ. Да, я въ самомъ дѣлѣ боюсь, г. консулъ, боюсь за всѣхъ тѣхъ, кого эти машины лишатъ куска хлѣба. Вы, г. консулъ, часто говорите объ обязанностяхъ къ обществу; но, по-моему, и общество имѣетъ свои обязанности. Какъ же могутъ наука и капиталъ пускать въ ходъ новыя изобрѣтенія, пока общество не воспитало новаго поколѣнія, которое было бы приспособлено пользоваться ими?

Берникъ. Вы слишкомъ много читаете и умствуете, Аунэ. Вамъ это не годится. Это вселяетъ въ васъ недовольство своимъ положеніемъ.

Аунэ. Не то, г. консулъ: но я не могу равнодушно смотрѣть, какъ увольняютъ одного хорошаго работника за другимъ и лишаютъ ихъ хлѣба изъ-за этихъ машинъ.

Берникъ. Гм! Изобрѣтеніе книгопечатанія также лишило хлѣба массу писцовъ.

Аунэ. А такъ ли вы, г. консулъ, цѣнили бы это изобрѣтеніе, будь вы сами тогда писцомъ?

Берникъ. Я васъ позвалъ не для диспута. Я васъ позвалъ, чтобы сказать вамъ: «Индіанка» должна быть спущена послѣзавтра.

Аунэ. Но, г. консулъ...

Берникъ. Послѣзавтра, слышите! Одновременно съ нашимъ собственнымъ судномъ; ни часомъ позже. У меня есть основанія спѣшить. Вы читали сегодня газету? Ну, такъ, значитъ, знаете, что американцы опять натворили безобразій. Этотъ распущенный народъ скоро весь городъ поставитъ вверхъ дномъ: ни одной ночи не проходитъ безъ драки въ трактирѣ или на улицѣ; объ остальныхъ безобразіяхъ я ужъ и не говорю.

Аунэ. Плохой народъ, это вѣрно.

Берникъ. А кого винять за эти безпорядки? Меня! На меня все сваливаютъ! Эти газетныя писаки весьма прозрачно намекаютъ, что мы заняты главнымъ образомъ собственнымъ судномъ. И я, поставившій себѣ задачей вліять на согражданъ силой своего примѣра, долженъ сносить подобныя выходки?.. Нѣтъ, я этого не потерплю! Я не могу позволить такимъ образомъ порочить мое доброе имя.

Аунэ. Ну, репутація г. консула настолько прочна, что не пострадала бы отъ чего-нибудь и побольше.

Берникъ. Не теперь! Теперь мнѣ какъ разъ нужно полное довѣріе, полное сочувствіе всѣхъ согражданъ. Я затѣялъ большое дѣло, какъ вы, вѣрно, слышали, и если злонамѣрен-

нымъ людямъ удастся хоть чуть поколебать безусловное довѣріе ко мнѣ общества, то мнѣ это можетъ надѣлать большихъ хлопотъ. Поэтому я во что бы то ни стало хочу заткнуть ротъ всѣмъ этимъ злостнымъ газетнымъ писакамъ и поэтому назначилъ спускъ судна на послѣзавтра.

Аунэ. Отчего-жъ бы и не сегодня вечеромъ!

Берникъ. По-вашему, я требую невозможнаго?

Аунэ. Да, съ той рабочей силой, которой мы теперь располагаемъ...

Берникъ. Хорошо; тогда придется намъ поискать новыхъ силъ...

Аунэ. Неужели вы хотите уволить еще кого-нибудь изъ старыхъ рабочихъ?

Берникъ. Нѣтъ, объ этомъ я не думаю.

Аунэ. И хорошо. А то это, навѣрно, надѣлало бы шуму и въ городѣ и въ газетахъ.

Берникъ. Весьма возможно; мы этого и не сдѣлаемъ. Но если «Индіанка» не будетъ готова къ отплытію послѣзавтра, то я уволю васъ.

Аунэ (вздрогнувъ). Меня! (Смѣется) Ну, это вы шутите, г. консулъ!

Берникъ. Не очень-то на это разсчитывайте.

Аунэ. Вамъ могла придти мысль уволить меня?.. Меня,— когда и отецъ мой и дѣдъ весь вѣкъ свой прослужили фирмѣ, какъ и я самъ...

Берникъ. Кто же меня вынуждаетъ къ этому?

Аунэ. Вы требуете отъ меня невозможнаго, г. консулъ.

Берникъ. Для доброй воли нѣтъ ничего невозможнаго. Да или нѣтъ? Дайте мнѣ рѣшительный отвѣтъ, или вы получите расчетъ сейчасъ же.

Аунэ (сдѣлавъ шагъ къ нему). Г. консулъ, взвѣсили ли вы хорошенько, что значитъ уволить стараго работника? Вы скажете: пусть найдетъ себѣ другое занятіе. Положимъ, онъ и можетъ найти, но развѣ дѣло этимъ кончается? Побывали бы вы, г. консулъ, въ домѣ уволеннаго работника въ тотъ вечеръ, когда онъ возвращается домой со всѣми своими инструментами.

Берникъ. Вы думаете, мнѣ легко васъ уволить? Развѣ я былъ когда дурнымъ хозяиномъ?

Аунэ. Тѣмъ хуже, г. консулъ. Именно поэтому мои домашніе и не станутъ обвинять васъ. Мнѣ они ничего не скажутъ, не посмѣютъ; но будутъ посматривать на меня искоса и думать: вѣрно, заслужилъ. Вотъ этого-то я и не могу перенести. Хотя я и простой человѣкъ, а привыкъ быть первымъ среди

своихъ. Моя скромная семья—тоже маленькое общество, г. консулъ. И я могъ служить этому обществу опорой потому, что жена моя вѣрила въ меня и дѣти тоже. А теперь все должно рухнуть.

Берникъ. Изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее и жертвовать частными интересами ради общихъ. Иного отвѣта я не могу вамъ дать, да на свѣтѣ и не бываетъ иначе. Но вы упрямы, Аунэ! Вы не потому только противитесь моей волѣ, что не можете поступить иначе, но потому, что не хотите обнаружить превосходства машинъ передъ ручнымъ способомъ работы.

Аунэ. А вы, г. консулъ, настаиваете такъ на своемъ потому, что, увольняя меня, вы, по крайней мѣрѣ, докажете газетамъ, что дѣло стояло не за вами.

Берникъ. А если бы и такъ? Вы же понимаете, о чемъ теперь идетъ рѣчь? Ссориться ли мнѣ съ прессой или расположить ее въ свою пользу въ ту минуту, когда я предпринимаю крупное дѣло для блага общества? Что же? Могу я поступить иначе? Вопросъ сводится къ тому: поддержать ли васъ съ вашей семьей или задушить въ зародышѣ сотни другихъ семей, которыя такъ никогда и не создадутся, если мнѣ не удастся провести того дѣла, во имя котораго я теперь дѣйствую. Поэтому я и предоставляю вамъ выбрать.

Аунэ. Если такъ, то мнѣ нечего сказать больше.

Берникъ. Гм... Любезнѣйшій Аунэ, я искренно жалѣю, что намъ приходится разстаться.

Аунэ. Мы не разстанемся, г. консулъ.

Берникъ. Какъ?

Аунэ. И у простого человѣка есть свои задачи въ жизни.

Берникъ. Конечно, конечно. Итакъ, вы думаете, что можете обѣщать?..

Аунэ. «Индіанка» можетъ выправить свои бумаги послѣзавтра. (Кланяется и уходитъ направо).

Берникъ. Ага, удалось-таки сломить этого стараго упрямца! Хорошее предзнаменованіе.

(Гильмаръ съ сигарой во рту входитъ изъ сада).

Гильмаръ (на террасѣ). Здравствуй, Бетти! Здравствуй, Берникъ!

Бетти. Здравствуй!

Гильмаръ. Какъ видно, плакала. Значитъ, тебѣ уже извѣстно?

Бетти. Что извѣстно?

Гильмаръ. Что скандалъ въ полномъ разгарѣ. Ухъ!

Берникъ. Что это значитъ?

Гильмаръ (входя въ комнату). Да вотъ эти два американца разгуливаютъ по улицамъ съ Диной.

(Бетти тоже переходитъ въ комнату).

Бетти. Да быть не можетъ...

Гильмаръ. Къ сожалѣнію, это такъ. Лона даже оказалась настолько безтактной, что окликнула меня, но я, конечно, сдѣлалъ видъ, будто не слыхалъ.

Берникъ. И, вѣроятно, городъ уже насторожился?

Гильмаръ. Еще бы! Прохожіе останавливались и смотрѣли имъ вслѣдъ. Слухъ распространился по городу, какъ огонь по степи — словно пожаръ въ американскихъ преріяхъ. Во всѣхъ домахъ стояли у окошекъ, поджидая, когда они пройдутъ мимо. Изъ-за каждой занавѣски торчали головы... Ухъ!.. Ты ужъ извини меня, Бетти, что я говорю «ухъ». Все это ужасно дѣйствуетъ на нервы. И если это такъ будетъ продолжаться, придется подумать о продолжительной поѣздкѣ.

Бетти. Но ты могъ поговорить съ нимъ, урезонить его...

Гильмаръ. На улицѣ? Нѣтъ, благодарю покорно. Да вообще, какъ осмѣливается этотъ человѣкъ показываться здѣсь! Посмотримъ, не сократятъ ли его немножко газеты. Извини, Бетти, но...

Берникъ. Ты говоришь, газеты? Развѣ ты уже слышалъ что-нибудь?

Гильмаръ. Да, не безъ того. Когда я ушелъ отъ васъ вчера, я прошелся, ради своей болѣзни, въ клубъ. И какъ только я вошелъ, всѣ разомъ смолкли; значитъ, разговоръ шелъ о двухъ американцахъ. Вдругъ входитъ этотъ нахалъ редакторъ Гаммеръ и во всеуслышаніе поздравляетъ меня съ возвращеніемъ богача-кузена.

Берникъ. Богача?..

Гильмаръ. Да, онъ такъ и сказалъ. Я, конечно, только смѣрилъ его взглядомъ и тѣмъ далъ ему понять, что мнѣ ровно ничего неизвѣстно о богатствѣ Тённесена. А онъ говоритъ: «Вотъ какъ? Это странно! Въ Америкѣ обыкновенно везетъ тому, кому есть съ чѣмъ начать, а вашъ кузенъ, какъ извѣстно, поѣхалъ туда не съ пустыми руками».

Берникъ. Гм! Сдѣлай ты мнѣ такое одолженіе...

Бетти (съ безпокойствомъ). Вотъ видишь, Карстенъ...

Гильмаръ. Какъ бы то ни было, я изъ-за этого субъекта не спалъ всю ночь. А онъ разгуливаетъ себѣ тутъ по улицамъ, какъ ни въ чемъ не бывало! И почему онъ не погибъ тамъ? Просто изъ рукъ вонъ, какъ иные люди живучи.

Бетти. Господи, Гильмаръ, что ты говоришь?

Гильмаръ. Ничего особеннаго. Почему не сломалъ себѣ шею

на желѣзной дорогѣ, не попался въ лапы американскому медвѣдю или Чернопогимъ индѣйцамъ... Даже не скальпированъ!.. Ухъ, вотъ они!

Берникъ (взглянувъ на улицу). И Олафъ съ ними!

Гильмаръ. Еще бы! Какъ имъ не напомнить людямъ, что они принадлежатъ къ первой семьѣ въ городѣ. Глядите, глядите, вонъ всѣ зѣваки повысыпали изъ аптеки, глазѣютъ на нихъ, перешептываются. Нѣтъ, это рѣшительно не подъ силу моимъ нервамъ. Какъ человѣку при такихъ обстоятельствахъ высоко держать знамя идей?..

Берникъ. Они идутъ прямо къ намъ. Послушай, Бетти, я желаю, чтобы ты была съ ними возможно привѣтливѣе.

Бетти. Такъ ты позволяешь, Карстенъ?

Берникъ. Да, да! И тебя тоже прошу, Гильмаръ. Надѣюсь, они здѣсь недолго пробудутъ. И, разъ мы въ своемъ кружкѣ — прошу никакихъ намековъ; мы должны всячески остерегаться обидѣть ихъ.

Бетти. О, какъ ты великодушенъ, Карстенъ!

Берникъ. Ну, ну, оставимъ это!

Бетти. Нѣтъ, дай мнѣ поблагодарить тебя и прости меня, что я такъ погорячилась. Ты имѣлъ полное право...

Берникъ. Довольно, довольно, говорю!

Гильмаръ. Ухъ!

(Іоганъ Тённесенъ съ Диной и вслѣдъ за ними Лона съ Олафомъ входятъ изъ сада).

Лона. Здравствуйте, здравствуйте, милѣйшіе!

Іоганъ. Вездѣ побывали, осматривали старыя мѣста, Карстенъ.

Берникъ. Да, да, много перемѣнъ, не правда ли?

Лона. Во всемъ сказывается достославная и полезная дѣятельность консула Берника. Мы побывали и въ паркѣ, который ты принесъ въ даръ городу.

Берникъ. А, и тамъ?

Лона. «Даръ Карстена Берника» — красуется надъ входомъ. По всему видно, ты здѣсь первая персона.

Іоганъ. И суда у тебя великолѣпныя. Я встрѣтился съ капитаномъ «Пальмы», моимъ старымъ товарищемъ по школѣ...

Лона. И еще ты выстроилъ новое зданіе для школы. Да, какъ я слышала, тебѣ же городъ обязанъ и водопроводомъ и газовымъ освѣщеніемъ?

Берникъ. Надо же быть полезнымъ обществу, въ которомъ живешь.

Лона. Да, это прекрасно, зять; прямо отрадно видѣть, какъ люди тебя цѣнятъ. Кажется, я не изъ тщеславныхъ, а не могла

удержаться, чтобы не напомнить кое-кому изъ встрѣчныхъ, что и мы, дескать, родня...

Гильмаръ. Ухъ!

Лона. Ты на это ухаешь?

Гильмаръ. Нѣтъ, я сказалъ: гм...

Лона. Ну, да Богъ съ тобой, бѣдняга. А вы, кажется, совсѣмъ одни сегодня?

Бетти. Да, одни.

Лона. Мы встрѣтили на площади кое-кого изъ «высоконравственныхъ»; онѣ, видно, куда-то страсть спѣшили. Но намъ вѣдь не удалось еще хорошенько поговорить. Вчера тутъ были эти три желѣзнодорожника да еще этотъ пасторъ...

Гильмаръ. Магистръ.

Лона. *Я* зову его пасторомъ. Но что вы скажете о моихъ трудахъ за эти пятнадцать лѣтъ? Развѣ не молодчина изъ него вышелъ? Кто бы узналъ въ немъ теперь сумасброда, бѣжавшаго съ родины?

Гильмаръ. Гм!..

Іоганъ. Ну, Лона, не слишкомъ ужъ хвастайся.

Лона. Да коли есть чѣмъ! Помилуйте! Больше-то я вѣдь ничего полезнаго на бѣломъ свѣтѣ не сдѣлала. Ну, да и за это одно я имѣю право чувствовать себя не лишней. Да, Іоганъ, какъ подумаю, какъ мы съ тобой начинали тамъ съ пустыми граблями...

Гильмаръ. Руками.

Лона. Я говорю — граблями; не больно-то онѣ были чисты... всѣ въ навозѣ...

Гильмаръ. Ухъ!

Лона. ...Да и пусты вдобавокъ.

Гильмаръ. Пусты? Однако, скажу я!..

Лона. Что скажешь?

Берникъ. Гм!..

Гильмаръ. Скажу — ухъ! (Уходитъ на террасу).

Лона. Что съ нимъ творится?

Берникъ. Не обращай на него вниманія; онъ въ послѣднее время сталъ такой нервный. Но не хочешь ли посмотрѣть нашъ садъ? Ты еще не была тамъ, а у меня теперь какъ разъ свободный часокъ.

Лона. Съ удовольствіемъ; повѣрь, мысленно я часто переносилась сюда, къ вамъ въ садъ.

Бетти. Ты и тамъ найдешь большія перемѣны.

(Берникъ, Бетти и Лона уходятъ въ садъ, гдѣ и гуляютъ во время слѣдующихъ сценъ).

Олафъ (въ дверяхъ террасы). Дядя Гильмаръ! Знаешь, что

меня спросилъ дядя Іоганъ? Не хочу ли я поѣхать съ нимъ въ Америку!

Гильмаръ. Куда тебѣ, дурню! Вѣчно къ материной юбкѣ пришитъ, а туда же...

Олафъ. А больше не хочу. Увидишь, когда я вырасту большой...

Гильмаръ. Чепуха! Въ тебѣ нѣтъ никакого серьезнаго стремленія къ тому, что̀ закаляетъ... (Уходитъ въ садъ).

Іоганъ (Динѣ, которая, стоя въ дверяхъ направо, стряхиваетъ пыль съ платья). Какъ вы разгорѣлись отъ прогулки.

Дина. Да, прелестная прогулка. Не запомню такой.

Іоганъ. Развѣ вамъ не часто случается гулять по утрамъ?

Дина. Нѣтъ, случается, но только все съ Олафомъ.

Іоганъ. Вотъ? Но васъ теперь, пожалуй, тянетъ въ садъ?

Дина. Нѣтъ, я лучше тутъ побуду.

Іоганъ. И я тоже. Значитъ, уговоръ — каждое утро будемъ гулять вмѣстѣ.

Дина. Нѣтъ, г. Тённесенъ, не слѣдовало бы вамъ этого.

Іоганъ. Отчего? Вы же обѣщали?

Дина. Да, но, подумавъ хорошенько... Вамъ не слѣдуетъ гулять со мной...

Іоганъ. Почему же?

Дина. Вы пріѣзжій, и вамъ это непонятно, но знаете...

Іоганъ. Что̀?

Дина. Нѣтъ, я лучше не буду вамъ говорить...

Іоганъ. Напротивъ. Мнѣ вы можете сказать все.

Дина. Ну, вотъ видите, я не такая, какъ другія молодыя дѣвушки. Во мнѣ... со мною... не совсѣмъ ладно... Вотъ вамъ и не слѣдуетъ...

Іоганъ. Ничего не понимаю. Вы же не сдѣлали ничего дурного?

Дина. Не я, а... Нѣтъ, не стану больше говорить объ этомъ. Вы и такъ узнаете отъ другихъ.

Іоганъ. Гм!

Дина. А мнѣ хотѣлось бы спросить васъ кое о чемъ.

Іоганъ. О чемъ же?

Дина. Говорятъ, въ Америкѣ нетрудно пробить себѣ дорогу.

Іоганъ. Ну, не всегда-то легко. Вначалѣ часто приходится круто. Надо много работать.

Дина. Да я бы съ радостью!

Іоганъ. Вы?

Дина. Я могу работать; я крѣпкая, здоровая и кой-чему училась. Марта много со мной занималась.

Іоганъ. Такъ за чѣмъ дѣло стало? Поѣдемъ съ нами.

Дина. Ну, это вы такъ шутите; вы и Олафу предлагали. А вотъ что мнѣ еще хотѣлось бы узнать: очень ли тамъ люди нравственны?

Іоганъ. Нравственны?

Дина. Да, я хочу сказать, такіе ли... приличные и добродѣтельные, какъ здѣшніе?

Іоганъ. Ну, во всякомъ случаѣ, они не такъ ужъ плохи, какъ здѣсь полагаютъ. И вамъ нечего опасаться.

Дина. Вы меня не поняли. Мнѣ бы какъ разъ хотѣлось, чтобы они были не такими ужъ... приличными и высоконравственными!

Іоганъ. Не такими? Какими же имъ быть, по-вашему?

Дина. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы они были попроще.

Іоганъ. Пожалуй, они какъ разъ такіе и есть.

Дина. Тогда хорошо бы мнѣ попасть туда.

Іоганъ. Разумѣется. Вотъ и поѣдемъ съ нами.

Дина. Нѣтъ, съ вами бы я не поѣхала; мнѣ надо одной. О, тамъ изъ меня вышелъ бы толкъ!

Берникъ (въ саду около террасы). Погоди, погоди, Бетти. Я тебѣ принесу. Долго ли простудиться! (Входитъ въ залу и ищетъ шаль жены).

Бетти (изъ сада). Пойдемъ и ты съ нами, Іоганъ! Мы собираемся въ гротъ!

Берникъ. Нѣтъ, пусть Іоганъ тутъ побудетъ. Вотъ, Дина, захвати эту шаль и ступай съ ними. Іоганъ останется со мной, милая Бетти. Надо же мнѣ послушать о его тамошнемъ житьѣ-бытьѣ.

Бетти (изъ сада). Ну хорошо, но потомъ приходи къ намъ; ты вѣдь знаешь, гдѣ насъ искать.

(Бетти, Лона и Дина проходятъ черезъ садъ налѣво).

Берникъ (съ минуту глядитъ имъ вслѣдъ, затѣмъ притворяетъ вторыя двери налѣво, подходитъ къ Іогану и крѣпко жметъ ему обѣ руки). Теперь мы одни, Іоганъ! Позволь же мнѣ поблагодарить тебя.

Іоганъ. Стоитъ ли...

Берникъ. Домомъ, семьей, положеніемъ въ обществѣ — всѣмъ я обязанъ тебѣ.

Іоганъ. Очень радъ, милый Карстенъ, что изъ этой глупой исторіи вышло хоть что-нибудь путное.

Берникъ (снова пожимая ему руки). Спасибо тебѣ, спасибо! Изъ десятка тысячъ ни одинъ не сдѣлалъ бы того, что ты тогда для меня сдѣлалъ.

Іоганъ. Стоитъ объ этомъ толковать! Мы оба были молоды и легко смотрѣли на жизнь! Надо же было кому-нибудь изъ насъ взять вину на себя.

Берникъ. Но кому же скорѣе, какъ не самому виновнику?

Іоганъ. Стопъ. Неповинному какъ разъ скорѣе. Я былъ совершенно свободенъ, сирота; контора надоѣла мнѣ до смерти, и я былъ радъ-радехонекъ избавиться отъ нея. У тебя же была старуха-мать, и вдобавокъ ты только-что потихоньку обручился съ Бетти, а она ужасно тебя любила. Что было бы съ ней, если-бъ она узнала?..

Берникъ. Да, да, да, но...

Іоганъ. И наконецъ развѣ не ради Бетти ты рѣшился тогда покончить эту интрижку съ мадамъ Дорфъ? Ты какъ разъ съ этимъ намѣреніемъ и пришелъ къ ней въ тотъ вечеръ.

Берникъ. Да, въ тотъ злополучный вечеръ, когда этотъ ньянница вернулся домой такъ некстати. Да, Іоганъ, я пошелъ тогда ради Бетти, но все-таки... Ты такъ великодушно принялъ на себя мою вину и уѣхалъ...

Іоганъ. Милый Карстенъ, нечего объ этомъ сокрушаться. Мы же тогда такъ и порѣшили. Нужно было спасти тебя, а ты былъ моимъ другомъ. Я ужасно гордился твоей дружбой. Еще бы! Я тянулъ тутъ лямку простого, незначительнаго обывателя, а ты вернулся изъ-за границы такимъ важнымъ, модникомъ кавалеромъ. Побывалъ и въ Лондонѣ и въ Парижѣ, и все-таки удостоилъ сдѣлать меня своимъ пріятелемъ, хоть я и былъ моложе тебя на четыре года. Ну, конечно, ты тогда ухаживалъ за Бетти, — теперь я это понимаю; но тогда я страсть гордился твоей дружбой! И кто бы не гордился? Всякій бы съ радостью пожертвовалъ собой ради тебя! Что-жъ! Посплетничали бы съ мѣсяцъ да и позабыли. А мнѣ вдобавокъ предстояло вырваться на волю, поглядѣть на свѣтъ Божій.

Берникъ. Гм... Говоря откровенно, дорогой Іоганъ, тутъ все еще не совсѣмъ позабыли объ этой исторіи.

Іоганъ. Не позабыли? Ну и пускай ихъ. Мнѣ не будетъ отъ этого ни тепло ни холодно, когда я опять засяду у себя на фермѣ.

Берникъ. Ты, значитъ, собираешься опять уѣхать?

Іоганъ. Разумѣется.

Берникъ. Надѣюсь однако, не такъ скоро?

Іоганъ. Нѣтъ, возможно скорѣе. Я вѣдь только ради Лоны сюда пріѣхалъ.

Берникъ. Вотъ? Какъ такъ?

Іоганъ. Вотъ видишь ли, Лона теперь не такъ ужъ молода и въ послѣднее время сильно стосковалась по родинѣ. Но Боже упаси сознаться въ этомъ. (Съ улыбкой) Какъ же можно было оставить безъ призора меня, такую буйную головушку, которая уже въ девятнадцать лѣтъ успѣла отличиться...

Берникъ. Ну, и..?

Іоганъ. Да, Карстенъ, какъ мнѣ ни совѣстно, приходится признаться тебѣ...

Берникъ. Надѣюсь, ты не посвятилъ ее въ эту исторію?

Іоганъ. То-то, что посвятилъ. Знаю, что нехорошо сдѣлалъ, да такъ ужъ вышло. Ты себѣ представить не можешь, чѣмъ была для меня Лона. Ты ея всегда терпѣть не могъ, но для меня она была просто родной матерью. Въ первые года, когда намъ приходилось крутенько, какъ она работала! И затѣмъ, когда я долго хворалъ, ничего не могъ зарабатывать и не въ силахъ былъ помѣшать ей, она пошла пѣть по кофейнямъ, произносила публичныя рѣчи, за которыя ее подымали на смѣхъ, даже сочинила какую-то книгу, надъ которой потомъ сама и плакала и смѣялась, — и все ради меня. Могъ ли я послѣ всего этого равнодушно смотрѣть, какъ она тоскуетъ по родинѣ? Я не могъ, Карстенъ! Ну, и сказалъ ей: «поѣзжай, Лона; не бойся за меня; я не такъ легкомысленъ, какъ ты думаешь». И вотъ тогда она и узнала все...

Берникъ. Какъ же она отнеслась?

Іоганъ. Она справедливо разсудила, что разъ я дѣйствительно не чувствую за собой вины, то почему же бы и мнѣ не махнуть сюда на побывку? Но ты будь спокоенъ, Лона не проболтается, да и я въ другой разъ буду держать языкъ за зубами.

Берникъ. Да, да, надѣюсь.

Іоганъ. Вотъ моя рука! И не будемъ больше говорить объ этомъ. Къ счастью, кромѣ этой глупости, за нами, надѣюсь, другихъ не числится. Теперь я хочу хорошенько воспользоваться тѣми немногими днями, которые мнѣ остается еще пробыть здѣсь. Ты себѣ представить не можешь, какую славную прогулку мы сдѣлали сегодня утромъ. Кто бы могъ подумать, что изъ той дѣвчонки, которая терлась тутъ въ театрѣ, изображая разныхъ амурчиковъ и... Но скажи мнѣ, что сталось съ ея родителями?

Берникъ. Да я, мой другъ, ничего больше не знаю кромѣ того, что писалъ тебѣ вскорѣ послѣ твоего отъѣзда. Надѣюсь, ты получилъ оба мои письма?

Іоганъ. Какъ же, какъ же, оба. Этотъ пьяница вѣдь бросилъ ее?

Берникъ. Да, и потомъ въ пьяномъ видѣ самъ убился до смерти.

Іоганъ. И она недолго прожила? Но ты, конечно, потихоньку дѣлалъ для нея, что могъ?

Берникъ. Она была горда; никому ни словомъ ни о чемъ не обмолвилась и не хотѣла принимать никакой помощи.

Іоганъ. Но ты во всякомъ случаѣ хорошо сдѣлалъ, что взялъ къ себѣ Дину.

Берникъ. Конечно. Впрочемъ, это, собственно говоря, Марта устроила.

Іоганъ. Такъ это Марта? Да, Марта... А гдѣ она сегодня?

Берникъ. Она?.. Если не въ школѣ, такъ навѣрное отправилась по своимъ больнымъ.

Іоганъ. Значитъ, это Марта позаботилась о дѣвочкѣ?

Берникъ. Да, у Марты всегда была слабость къ педагогикѣ. Оттого она и поступила учительницей въ городскую школу, что, впрочемъ, съ ея стороны было капитальной глупостью.

Іоганъ. Да, вчера у нея былъ такой усталый видъ. Боюсь, что у нея недостаточно крѣпкое здоровье для этого.

Берникъ. Ну, за здоровье-то ея нечего опасаться. Но для меня это крайне непріятно. Выходитъ, какъ будто я не желаю содержать сестру.

Іоганъ. Содержать? Я думалъ, что у нея свое состояніе?

Берникъ. Ни гроша. Ты, навѣрно, помнишь, какъ туго приходилось тогда матери? Послѣ того, какъ ты уѣхалъ, она нѣкоторое время еще вела свои дѣла съ моей помощью; но для меня это, конечно, не могло быть выгоднымъ. Тогда я вступилъ компаньономъ въ фирму, но и такъ дѣло не пошло. Я вынужденъ былъ поэтому все дѣло взять на себя, и, когда мы произвели расчетъ, оказалось, что на долю матушки почти ничего не приходится. Матушка вскорѣ послѣ этого скончалась, ну, и Марта, конечно, также осталась не при чемъ.

Іоганъ. Бѣдная Марта!

Берникъ. Бѣдная? Это почему? Неужели ты думаешь, что я допускаю ее нуждаться въ чемъ-либо? Нѣтъ, смѣю считать себя хорошимъ братомъ. Она, разумѣется, живетъ у насъ, ѣстъ съ нами за однимъ столомъ, а жалованья ей совершенно достаточно, чтобы одѣться какъ слѣдуетъ. Она женщина одинокая — чего же ей еще нужно?

Іоганъ. Гм! У насъ въ Америкѣ не такъ разсуждаютъ.

Берникъ. Еще бы! Недаромъ у васъ тамъ вѣчныя агитаціи! Но въ нашъ маленькій городокъ зараза, слава Богу, еще не проникла; здѣсь женщины довольствуются приличнымъ, хотя и скромнымъ положеніемъ. Марта, впрочемъ, сама виновата. Она давнымъ-давно могла бы пристроиться, если бы хотѣла.

Іоганъ. То-есть могла бы выйти замужъ?

Берникъ. И даже сдѣлать прекрасную партію. Ей представлялось нѣсколько такихъ, какъ это ни странно: дѣвушка безъ всякихъ средствъ, не первой молодости и при томъ ничѣмъ не выдающаяся...

Іоганъ. Ничѣмъ не выдающаяся?

Берникъ. Ну, я вѣдь вовсе не виню ее въ этомъ. И вообще я не желалъ бы видѣть ее иной. Ты самъ понимаешь, въ такомъ большомъ домѣ, какъ нашъ, свой человѣкъ всегда пригодится.

Іоганъ. Да, но ей-то каково живется?

Берникъ. Ей? Каково? Что же, у нея есть о комъ и о чемъ заботиться. Тутъ и я... и Бетти, и Олафъ, и я. Вѣдь нельзя же все только о себѣ думать — особенно женщинамъ. Каждый изъ насъ является членомъ болѣе или менѣе обширнаго общества, которое онъ долженъ поддерживать и которому долженъ служить. По крайней мѣрѣ я такъ поступаю. (Управляющій Крапъ входитъ справа). Вотъ тебѣ сейчасъ доказательство. Ты думаешь, я занятъ теперь личными дѣлами? Отнюдь нѣтъ. (Обращаясь къ Крапу) Ну?

Крапъ (показывая на кипу бумагъ, тихо). Всѣ купчія готовы.

Берникъ. Отлично! Превосходно!.. Ну, теперь тебѣ придется извинить меня, зять. (Вполголоса и многозначительно) Еще разъ спасибо, Іоганъ, и будь увѣренъ, что, гдѣ и чѣмъ только могу служить тебѣ... Ну, да ты меня понимаешь! Пойдемте, г. Крапъ. (Берникъ и Крапъ уходятъ въ кабинетъ).

Іоганъ (задумчиво смотритъ ему вслѣдъ). Гм!.. (Хочетъ спуститься въ садъ, но останавливается, увидавъ Марту, входящую справа съ корзиной въ рукахъ).

Іоганъ. Вотъ и ты, Марта!

Марта. Ахъ, это ты, Іоганъ?..

Іоганъ. И ты ужъ въ походъ такъ рано?

Марта. Да; ты погоди немножко, сейчасъ, вѣрно, придутъ другіе. (Хочетъ уйти налѣво).

Іоганъ. Послушай, Марта; ты всегда такъ занята и спѣшишь?

Марта. Я?

Іоганъ. И вчера ты какъ будто избѣгала меня; мнѣ не удалось сказать съ тобой и двухъ словъ...

Марта. Да, но...

Іоганъ. Вѣдь мы старые друзья, росли вмѣстѣ, играли...

Марта. Ахъ, Іоганъ, съ тѣхъ поръ много воды утекло.

Іоганъ. Что же, какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ, ни больше ни меньше. По-твоему, я такъ сильно измѣнился?

Марта. Ты? О, да, и ты, хотя...

Іоганъ. Что?

Марта. Нѣтъ, такъ, ничего.

Іоганъ. Ты, кажется, не особенно была рада моему пріѣзду?

Марта. Я такъ долго ждала, Іоганъ... *слишкомъ* долго.

Іоганъ. Ждала? Чтобы я пріѣхалъ?

Марта. Да.

Іоганъ. Зачѣмъ же мнѣ надо было пріѣзжать?

Марта. Чтобы загладить свою вину.

Іоганъ. Мнѣ?

Марта. Ты забылъ, что изъ-за тебя въ позорѣ и нищетѣ умерла женщина? Забылъ, что по твоей винѣ были отравлены лучшіе годы жизни ребенка?

Іоганъ. И это мнѣ приходится слышать отъ тебя! Марта, да неужели твой братъ никогда...

Марта. Что?

Іоганъ. Неужели онъ никогда... Ну да... я хотѣлъ сказать, неужели у него никогда не нашлось слова въ мое оправданіе?

Марта. Ахъ, Іоганъ, ты же знаешь строгія правила Карстена.

Іоганъ. Гм... Конечно, конечно, я знаю строгія правила моего стараго друга Карстена. Но тутъ!.. Ну хорошо. Я только-что говорилъ съ нимъ. Мнѣ кажется, онъ порядочно измѣнился.

Марта. Что ты! Карстенъ всегда былъ превосходнымъ человѣкомъ.

Іоганъ. Я не про то... Ну, да оставимъ это... Гм... теперь я понимаю, какъ ты на меня смотрѣла. Ты ждала возвращенія блуднаго сына.

Марта. Послушай, Іоганъ, я скажу, какъ я на тебя смотрѣла. (Указывая рукой въ садъ) Видишь, съ кѣмъ играетъ Олафъ? Это Дина. Помнишь безсвязное письмо, которое ты написалъ мнѣ передъ отъѣздомъ? Ты просилъ меня вѣрить въ тебя. И я вѣрила, Іоганъ. Я приписывала все дурное, о чемъ здѣсь потомъ носились слухи, заблужденію, легкомыслію, а не злой волѣ...

Іоганъ. Какъ это понять?

Марта. О, ты, навѣрно, понимаешь меня. Но ни слова больше объ этомъ. Уѣхать тебѣ было необходимо, чтобы начать новую жизнь. А я, твоя подруга съ дѣтскихъ лѣтъ, замѣнила тебя здѣсь. Я приняла на себя обязанности, о которыхъ ты забылъ или которыхъ не могъ выполнить. Я говорю тебѣ это, чтобъ ты хоть въ этомъ не упрекалъ себя. Для обиженной дѣвочки я стала матерью, воспитала ее, какъ сумѣла...

Іоганъ. И загубила ради этого свою жизнь!

Марта. Нѣтъ, не загубила. Но ты вернулся поздно, Іоганъ.

Іоганъ. Марта... Если-бъ я могъ тебѣ открыть... Ну, позволь мнѣ по крайней мѣрѣ поблагодарить тебя за твою вѣрную дружбу.

Марта (съ грустной улыбкой). Гм... Значитъ, мы теперь объ-

яснились... Тсс... Кто-то идетъ. Прощай, я теперь не могу... (Уходитъ налѣво).

(Изъ сада входитъ Лона и вслѣдъ за ней Бетти).

Бетти (еще изъ сада). Ради Бога, Лона, какъ же это можно!

Лона. Отстань, мнѣ надо поговорить съ нимъ.

Бетти. Вѣдь это выйдетъ такой скандалъ!.. А ты еще здѣсь, Іоганъ?

Лона. Ну, малый, исчезай! Нечего тебѣ здѣсь киснуть въ комнатѣ. Ступай въ садъ, поболтай съ Диной.

Іоганъ. Я какъ разъ и собирался.

Бетти. Но...

Лона. Послушай, Іоганъ, ты хорошо разглядѣлъ Дину?

Іоганъ. Думаю.

Лона. Тебѣ и слѣдовало глядѣть хорошенько. Какъ разъ въ твоемъ вкусѣ.

Бетти. Лона!..

Іоганъ. Въ моемъ вкусѣ?

Лона. Ну да, такъ—глядѣть, любоваться. Ну, ступай!

Іоганъ. Иду, иду, съ удовольствіемъ. (Уходитъ въ садъ).

Бетти. Лона, я положительно остолбенѣла. Не можетъ быть, чтобы ты это серьезно...

Лона. Даю тебѣ честное слово. Да развѣ это не свѣжая, здоровая и правдивая натура? Какъ разъ жена для Іогана. Такую-то ему и нужно. Это не то, что какая-то престарѣлая родственница.

Бетти. Но Дина! Дина Дорфъ! Подумай же!..

Лона. Я прежде всего думаю о счастьѣ молодца, и здѣсь-то мнѣ какъ разъ надо вмѣшаться; самъ онъ на это не гораздъ. Никогда не засматривался ни на барышень ни на дамъ.

Бетти. Онъ? Іоганъ? Ну, мнѣ кажется, однако, были печальныя доказательства...

Лона. А, къ чорту эту глупую исторію! Гдѣ Карстенъ? Мнѣ надо поговорить съ нимъ.

Бетти. Нѣтъ, нѣтъ, Лона!

Лона. Непремѣнно! Если она нравится ему, а онъ ей — чѣмъ они не пара? Берникъ — умница, сумѣетъ какъ-нибудь все уладить.

Бетти. Ты воображаешь, что подобныя американскія вольности могутъ быть терпимы у насъ...

Лона. Чепуха, Бетти!..

Бетти. ...Что человѣкъ съ такими строгими правилами, какъ Карстенъ...

Лона. Ужъ будто бы съ такими строгими?

Бетти. Что такое? Ты осмѣливаешься?..

Лона. Я осмѣливаюсь сказать, что Берникъ по части этихъ самыхъ правилъ врядъ ли особенно отличается отъ другихъ мужчинъ.

Бетти. Видно, въ тебѣ все еще кипитъ твоя старая ненависть къ нему! Но зачѣмъ же ты вернулась сюда, если до сихъ поръ не могла забыть?.. И не понимаю, какъ у тебя хватило смѣлости показаться ему на глаза послѣ того позорнаго оскорбленія, которое ты нанесла ему тогда.

Лона. Правда, Бетти, я поступила тогда нехорошо; я забылась.

Бетти. И какъ великодушно онъ простилъ тебя, онъ, ни въ чемъ не повинный! Не его же вина была въ самомъ дѣлѣ, что ты возымѣла какія-то надежды. А ты съ тѣхъ поръ и меня ненавидишь. (Плачетъ) Тебѣ всегда завидно было смотрѣть на мое счастье. И теперь ты пріѣхала, чтобы все обрушилось на меня... Пусть весь городъ видитъ, какую родню я принесла Карстену въ приданое. Да, все теперь на меня обрушится, и ты только этого и добиваешься. Какъ это низко!.. (Уходитъ въ слезахъ налѣво).

Лона (глядя ей вслѣдъ). Бѣдная Бетти!

(Берникъ выходитъ изъ кабинета).

Берникъ (стоя въ дверяхъ). Хорошо, хорошо, г. Крапъ; отлично. Пошлите 400 кронъ въ столовыя для бѣдныхъ. (Обернувшись) Лона! (Подходя къ ней) Ты одна? А Бетти не придетъ?

Лона. Нѣтъ. Позвать ее?

Берникъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не надо! Ты не повѣришь, Лона, какъ я горѣлъ нетерпѣніемъ поговорить съ тобой откровенно... попросить у тебя прощенія.

Лона. Послушай, Карстенъ, не будемъ ударяться въ чувствительность; это намъ съ тобой не пристало.

Берникъ. Нѣтъ, выслушай меня, Лона! Я знаю, какими глазами ты на меня смотришь, узнавъ объ исторіи съ матерью Дины. Но, клянусь тебѣ, это было лишь мимолетное увлеченіе; тебя же я любилъ въ свое время искренно и глубоко.

Лона. А зачѣмъ, по-твоему, я вернулась сюда?

Берникъ. Какія бы ни были твои намѣренія, умоляю тебя, не предпринимай ничего, — дай мнѣ сначала оправдаться передъ тобой, Лона, хоть отчасти...

Лона. Теперь ты трусишь... Ты говоришь, что въ свое время любилъ меня искренно и глубоко. Да, ты часто увѣрялъ меня въ этомъ въ своихъ письмахъ и, пожалуй, былъ искрененъ—до нѣкоторой степени,—пока находился въ болѣе

широкихъ, свободныхъ условіяхъ жизни, которыя и тебѣ самому давали смѣлость смотрѣть на жизнь болѣе широко и свободно. Пожалуй, во мнѣ ты находилъ больше характера, больше воли и самостоятельности, чѣмъ у большинства здѣшнихъ обывателей. Кромѣ того, наши отношенія сохранялись въ полной тайнѣ, о нихъ знали только ты да я, и никто не могъ поднять тебя на смѣхъ за твой плохой вкусъ.

Берникъ. Лона, какъ можно такъ думать!..

Лона. Но потомъ, когда ты вернулся, когда услыхалъ, какъ люди глумились надо мной и моими такъ-называемыми странностями...

Берникъ. Дѣйствительно, ты переступала тогда границы.

Лона. Больше на зло всѣмъ этимъ ханжамъ мужескаго и женскаго пола. А когда ты затѣмъ встрѣтился съ очаровательной актрисой...

Берникъ. Все это было одно фатовство и больше ничего. Клянусь тебѣ, во всѣхъ тѣхъ сплетняхъ не было и десятой доли правды.

Лона. Пусть такъ. Но потомъ вернулась Бетти, юная красавица, покорявшая всѣ сердца, и вдобавокъ наслѣдница тетки, тогда какъ про меня стало извѣстно, что я ничего отъ нея не получу...

Берникъ. Вотъ мы и дошли до сути, Лона. Теперь я выскажусь безъ утайки. Я вовсе не влюблялся въ Бетти, не новая любовь заставила меня порвать съ тобой. Мнѣ просто нужны были деньги — до зарѣзу, и я вынужденъ былъ такъ поступить.

Лона. И ты говоришь мнѣ это прямо въ глаза?

Берникъ. Да. Выслушай меня, Лона...

Лона. А мнѣ ты писалъ, что охваченъ непреодолимой любовью къ Бетти, взывалъ къ моему великодушію, умолялъ меня, ради Бетти, молчать обо всемъ, что было между нами...

Берникъ. Я былъ вынужденъ, говорю тебѣ.

Лона. А! Ну, такъ клянусь Богомъ, я не жалѣю, что тогда такъ забылась!

Берникъ. Дай мнѣ выяснить тебѣ толкомъ, спокойно тогдашнее мое положеніе. Матушка, какъ тебѣ извѣстно, стояла тогда во главѣ фирмы сама, но она была совсѣмъ не дѣловой человѣкъ. Меня поспѣшно вызвали домой изъ Парижа; времена были трудныя—общій кризисъ; я долженъ былъ поправить дѣла фирмы. Но что я нашелъ? Я нашелъ,—и это приходилось держать въ глубочайшей тайнѣ, — я нашелъ фирму почти наканунѣ краха. Да, наша старая, почтенная фирма, пережившая уже три поколѣнія, была наканунѣ краха. Что

же мнѣ, сыну, единственному сыну, оставалось дѣлать, какъ не искать источника новыхъ средствъ для спасенія фирмы?

Лона. Итакъ, ты спасъ фирму «Берникъ» за счетъ женщины?

Берникъ. Ты хорошо знаешь, что Бетти меня любила.

Лона. А я?

Берникъ. Повѣрь, Лона, ты никогда не была бы со мной счастлива.

Лона. Такъ ты пожертвовалъ мной, заботясь о моемъ счастьѣ?

Берникъ. Неужели ты думаешь, что мной руководили тогда одни своекорыстныя побужденія? Будь я совершенно одинокъ, вполнѣ свободенъ, я бы смѣло могъ махнуть на все рукой и начать дѣло сызнова. Но ты не знаешь, какую громадную отвѣтственность наслѣдуетъ дѣловой человѣкъ вмѣстѣ со своимъ дѣломъ. Знаешь ли ты, что отъ него зависитъ благополучіе сотенъ и тысячъ семей? Понимаешь ли ты, что, если бы фирма «Берникъ» рухнула, это отозвалось бы самымъ плачевнымъ образомъ на цѣломъ обществѣ, близкомъ намъ и родномъ?

Лона. Такъ ты лжешь всѣ эти пятнадцать лѣтъ тоже ради общества?

Берникъ. Лгу?

Лона. Извѣстно ли Бетти, что̀ предшествовало вашему браку и что̀ вызвало его?

Берникъ. Неужели я безо всякой надобности сталъ бы огорчать ее подобными разоблаченіями?

Лона. Ты говоришь: безо всякой надобности? Да, да; ты вѣдь дѣловой человѣкъ, какъ тебѣ не знать, гдѣ и въ чемъ надобность!.. Но слушай, Карстенъ! Теперь моя очередь выяснить тебѣ дѣло толкомъ и спокойно. Скажи мнѣ, вполнѣ ли ты счастливъ?

Берникъ. То-есть въ семейной жизни?

Лона. Конечно.

Берникъ. Вполнѣ, Лона. Ты недаромъ принесла мнѣ такую жертву. Смѣю сказать, мое счастье росло съ каждымъ годомъ. Бетти и добра и уступчива. Какъ она въ эти пятнадцать лѣтъ научилась приноравливаться къ особенностямъ моего характера...

Лона. Гм!

Берникъ. Прежде у нея были нѣсколько преувеличенныя понятія о любви; она не могла примириться съ мыслью, что пылкая любовь мало-по-малу должна перейти въ тихую дружбу.

Лона. А *теперь* она примирилась?

Берникъ. Вполнѣ. Ты понимаешь, что ежедневное общеніе

со мной не могло не оказать нѣкотораго вліянія на ея умственное развитіе. Людямъ приходится учиться другъ у друга умѣрять свои личныя требованія, чтобы быть въ состояніи удовлетворять требованіямъ того общества, къ которому они принадлежатъ. Эту истину мало-по-малу усвоила себѣ и Бетти, и теперь наша семья служитъ образцомъ для нашихъ согражданъ.

Лона. Но этимъ согражданамъ ничего неизвѣстно о твоемъ обманѣ?

Берникъ. Обманѣ?

Лона. Да, обманѣ, который продолжается вотъ уже пятнадцать лѣтъ?

Берникъ. Ты это называешь...

Лона. Я это называю обманомъ, тройнымъ обманомъ. Ты обманулъ меня, потомъ Бетти и наконецъ Іогана.

Берникъ. Бетти никогда не добивалась, чтобы я высказался.

Лона. Потому что ничего не знала.

Берникъ. И ты не станешь этого добиваться—ради Бетти.

Лона. Зачѣмъ мнѣ? Пусть себѣ надо мной потѣшаются: у меня хребетъ выносливый, и не то еще вынесу...

Берникъ. Іоганъ тоже не станетъ. Онъ самъ далъ мнѣ слово.

Лона. Но ты самъ, Карстенъ? Развѣ у тебя самого нѣтъ потребности покончить со всѣмъ этимъ обманомъ?

Берникъ. Чтобы я добровольно пожертвовалъ своимъ семейнымъ счастьемъ и общественнымъ положеніемъ?..

Лона. Да какія же у тебя права на все это?

Берникъ. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ я ежедневно шагъ за шагомъ пріобрѣталъ эти права своими трудами и своею дѣятельностью на пользу общества.

Лона. Да, ты много потрудился на пользу и себѣ и другимъ. Ты первый человѣкъ въ городѣ. Всѣмъ поневолѣ приходится склоняться предъ тобой, — ты вѣдь образецъ всѣхъ добродѣтелей, на тебѣ ни пятнышка! Твоя семья—образецъ для всѣхъ семей, твоя дѣятельность—тоже для всѣхъ образецъ. Но все это великолѣпное зданіе и ты съ нимъ—стоите на зыбкой почвѣ. Одна минута, одно слово—и ты со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ полетишь кувыркомъ, если не спасешься во-время.

Берникъ. Лона, зачѣмъ ты сюда пріѣхала? Чего ты хочешь?

Лона. Хочу помочь тебѣ укрѣпить подъ собой почву, Карстенъ.

Берникъ. Месть! Ты хочешь отомстить! Я это предчувствовалъ. Но тебѣ это не удастся. Только одинъ человѣкъ могъ бы произнести рѣшающее слово, но онъ будетъ молчать.

Лона. Іоганъ?

Берникъ. Да, Іоганъ. Если кто-либо другой станетъ меня обвинять, я ото всего отопрусь. Я буду бороться не на жизнь, а на смерть съ тѣмъ, кто захочетъ погубить меня. Повторяю, тебѣ это не удастся! Тотъ, кто могъ бы меня погубить, молчитъ и скоро уѣдетъ!

(Руммель и Вигеландъ входятъ справа).

Руммель. Здравствуй, здравствуй, дружище! Пожалуй-ка къ намъ въ коммерческое собраніе; у насъ сегодня дебаты по поводу желѣзной дороги.

Берникъ. Никакъ не могу сейчасъ.

Вигеландъ. Помилуйте, г. консулъ...

Руммель. Намъ непремѣнно нужно тебя. Противъ насъ цѣлая партія. Редакторъ Гаммеръ и другіе, стоящіе за приморскую линію, говорятъ теперь, что новый проектъ прикрываетъ частные интересы...

Берникъ. Ну такъ объясните имъ...

Вигеландъ. Но кто насъ послушаетъ, г. консулъ!..

Руммель. Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ надо самому явиться. Тебя-то ужъ никто не посмѣетъ заподозрѣть ни въ чемъ подобномъ.

Лона. Полагаю.

Берникъ. Говорю я вамъ, не могу. Мнѣ нездоровится... Во всякомъ случаѣ, дайте мнѣ хоть оправиться...

(Магистръ Рёрлундъ входитъ справа).

Рерлундъ. Извините, г. консулъ, я страшно взволнованъ...

Берникъ. Что съ вами?

Рерлундъ. Я долженъ предложить вамъ одинъ вопросъ, г. консулъ. Съ вашего ли разрѣшенія молодая дѣвушка, нашедшая себѣ пріютъ въ вашемъ домѣ, показывается публично въ обществѣ человѣка...

Лона. Какого-такого человѣка, господинъ пасторъ?

Рерлундъ. Человѣка, отъ котораго ей слѣдовало бы держаться дальше, чѣмъ отъ кого бы то ни было!

Лона. Ого!

Рерлундъ. Съ вашего ли разрѣшенія, г. консулъ?

Берникъ (отыскивая шляпу и перчатки). Ничего я не знаю. Извините, я страшно спѣшу на засѣданіе.

(Гильмаръ Тённесенъ входитъ изъ сада и подходитъ ко вторымъ дверямъ налѣво).

Гильмаръ. Бетти! Бетти! Послушай!

Бетти (показываясь въ дверяхъ). Что такое?

Гильмаръ. Надо тебѣ сойти въ садъ и положить конецъ волокитству этого господина! У меня прямо нервы не выдержали. Послушай только, что онъ говоритъ!

Лона. Вотъ какъ! Что же говоритъ этотъ господинъ?

Гильмаръ. Настаиваетъ, чтобы Дина ѣхала съ нимъ въ Америку,—ни больше ни меньше! Ухъ!

Рерлундъ. Возможно ли?

Бетти (Гильмару). Что ты говоришь?

Лона. Вотъ бы отлично!

Берникъ (обращаясь къ Гильмару). Не можетъ быть. Ты ослышался.

Гильмаръ. Такъ ты спроси его самого. Вотъ она, парочкато! Только меня не впутывай!

Берникъ (обращаясь къ Руммелю и Вигеланду). Я сейчасъ приду за вами, господа.

(Руммель и Вигеландъ уходятъ направо. Іоганъ и Дина входятъ изъ сада).

Іоганъ. Ура, Лона! Она ѣдетъ съ нами!

Бетти. Іоганъ! Какое легкомысліе!

Рерлундъ. Можетъ ли быть! Такой колоссальный скандалъ! Какъ сумѣли вы обольстить ее...

Іоганъ. Сударь, что такое вы говорите?

Рерлундъ. Отвѣчайте мнѣ, Дина! Вашъ ли это планъ?.. Сами ли вы рѣшились на это?

Дина. Мнѣ надо уѣхать отсюда.

Рерлундъ. Но съ кѣмъ?.. Съ нимъ?..

Дина. Укажите мнѣ кого-нибудь другого, у кого хватило бы мужества взять меня съ собой.

Рерлундъ. Ну, такъ знайте же, кто онъ таковъ!..

Іоганъ. Замолчите!

Берникъ. Ни слова больше!

Рерлундъ. Плохо тогда служилъ бы я тому обществу, на стражѣ нравственныхъ устоевъ котораго я поставленъ. И непростительно поступилъ бы по отношенію къ этой молодой дѣвушкѣ, въ воспитаніи которой принималъ немалое участіе и которая мнѣ...

Іоганъ. Остерегитесь!..

Рерлундъ. Она *должна* узнать. Дина, этотъ человѣкъ—причина несчастія и позора вашей матери!..

Берникъ. Господинъ магистръ!..

Дина. Онъ!? (Обращаясь къ Іогану) Правда ли это?

Іоганъ. Карстенъ! Отвѣчай ты!

Берникъ. Ни слова больше! Теперь не время объясняться!

Дина. Значитъ, правда!

Рерлундъ. Правда, правда. И этого еще мало! Человѣкъ, которому вы такъ довѣряетесь, бѣжалъ съ родины не съ пустыми руками... Касса вдовы Берникъ... Ея сынъ можетъ это засвидѣтельствовать!

Лона. Лжецъ!

Берникъ. А!..

Бетти. Боже мой, Боже мой!..

Іоганъ (бросаясь на магистра съ поднятой рукой). И ты осмѣливаешься!..

Лона (заступая ему дорогу). Не тронь его, Іоганъ!

Рерлундъ. Да, ударьте меня! Но правда должна восторжествовать, а это правда. Самъ консулъ Берникъ это говорилъ, и весь городъ это знаетъ... Теперь, Дина, вы знаете этого человѣка. (Короткая пауза).

Іоганъ (схвативъ Берника за руку, тихо). Карстенъ! Карстенъ! Что ты сдѣлалъ!

Бетти (въ слезахъ, шопотомъ). О, Карстенъ! Въ какой позоръ я тебя вовлекла!

(Сандстадъ быстро входитъ справа и останавливается, держась за ручку двери).

Сандстадъ. Поторопитесь же, г. консулъ, вы должны... Желѣзная дорога на волоскѣ!

Берникъ (растерянно). Что такое?.. Что я долженъ?..

Лона (серьезно и значительно). Ты долженъ идти поддержать общество!

Сандстадъ. Да, да, поторопитесь; намъ нуженъ весь вашъ нравственный авторитетъ.

Іоганъ (говоритъ Бернику вполголоса). Берникъ, завтра мы поговоримъ съ тобой! (Уходитъ черезъ садъ).

(Берникъ какъ-то машинально уходитъ за Сандстадомъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же.

Берникъ входитъ слѣва сильно взволнованный, съ хлыстомъ въ рукѣ, и оставляетъ дверь полуотворенной.

Берникъ. Вотъ! Такъ-то вѣрнѣе будетъ! Надѣюсь, онъ не забудетъ этой трепки! (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, время отъ времени останавливаясь и обращаясь къ кому-то въ сосѣднюю комнату) Что ты говоришь?.. А я тебѣ говорю, что ты неразумная мать! Ты его балуешь, потворствуешь всѣмъ его продѣлкамъ! Негодяй этакій!.. Не негодяй? А кто же онъ, по-твоему? У меня и такъ хлопотъ полонъ ротъ, а онъ удираетъ ночью изъ дому, пускается въ море на рыбачьей лодчонкѣ, пропадаетъ чуть не цѣлый день, пугаетъ меня до смерти! И этотъ мальчишка еще смѣетъ угрожать, что совсѣмъ сбѣжитъ изъ дому! Пусть только попробуетъ!.. Ты? Я думаю, тебѣ и горя

мало; хоть бы онъ совсѣмъ пропалъ!.. Такъ? Но у меня есть дѣло, которое мнѣ надо завѣщать кому-нибудь послѣ себя, и мнѣ не расчетъ умереть бездѣтнымъ... Безъ разговоровъ, Бетти! Какъ я сказалъ, такъ и будетъ. Онъ посидитъ подъ арестомъ... (Прислушиваясь) Тсс! Чтобы никто не зналъ!

(Управляющій Крапъ входитъ справа).

Крапъ. Можете вы мнѣ удѣлить одну минуту, г-нъ консулъ?

Берникъ (бросая хлыстъ). Могу, могу. Вы съ верфи?

Крапъ. Прямо оттуда. Гм...

Берникъ. Ну? Надѣюсь, «Пальма» въ порядкѣ?

Крапъ. «Пальма» можетъ отплыть завтра, но...

Берникъ. Такъ вы насчетъ «Индіанки»?.. Я такъ и думалъ, что этотъ упрямецъ...

Крапъ. «Индіанка» тоже можетъ отплыть завтра; но, боюсь, она недалеко уйдетъ.

Берникъ. Что это значитъ?

Крапъ. Извините, г. консулъ, дверь не закрыта, и, кажется, тамъ есть кто-то...

Берникъ (затворивъ дверь). Ну, что еще у васъ за секреты?

Крапъ. А то, что завѣдующій верфью Аунэ, видно, намѣренъ пустить «Индіанку» ко дну со всѣмъ грузомъ и экипажемъ.

Берникъ. Помилуй Богъ! Съ чего это вы взяли?

Крапъ. Какъ же иначе объяснить себѣ, г. консулъ?..

Берникъ. Разскажите же мнѣ все вкратцѣ.

Крапъ. Извольте. Вы сами знаете, какъ медленно пошли дѣла на верфи съ тѣхъ поръ, какъ мы завели новыя машины и набрали новыхъ, неопытныхъ рабочихъ...

Берникъ. Да, да.

Крапъ. Захожу я туда утромъ, смотрю, ремонтъ американскаго судна удивительно подвинулся! Большая щель на днѣ— совсѣмъ прогнившее мѣсто, вы знаете?..

Берникъ. Ну такъ что же?

Крапъ. Совершенно исправлено, то-есть — съ виду. Обшито заново. Говорятъ, Аунэ самъ всю ночь проработалъ съ фонаремъ.

Берникъ. Ну, ну, дальше?..

Крапъ. Я таки-призадумался. Рабочіе въ ту пору какъ разъ отдыхали, завтракали, и я пробрался незамѣтно на судно, чтобы осмотрѣть все хорошенько и снаружи и внутри. Трудненько было пробраться въ самый трюмъ, судно вѣдь нагружено, а все-таки удалось убѣдиться. Дѣло не чисто, г. консулъ.

Берникъ. Повѣрить не могу, г. Крапъ. Допустить не могу, чтобы Аунэ...

Крапъ. Къ сожалѣнію, это сущая правда. Дѣло не чисто. Насколько я могъ разсмотрѣть, ни одного бревна новаго не вставлено. Щель только законопачена, забита мѣдными листами и засмолена. Словомъ,—одинъ только видъ. «Индіанкѣ» не доплыть до Нью-Йорка. Она пойдетъ ко дну, какъ треснувшій горшокъ.

Берникъ. Но вѣдь это ужасно! Какая же у него можетъ быть цѣль?

Крапъ. Вѣроятно, хочетъ доказать негодность машинъ, хочетъ отомстить, заставить принять обратно уволенныхъ старыхъ рабочихъ.

Берникъ. И готовъ пожертвовать ради этого жизнью стольких людей!

Крапъ. Онъ недавно высказывалъ, что на «Индіанкѣ» нѣтъ людей, а одни животныя!

Берникъ. Пусть такъ, но какъ онъ не приметъ въ соображеніе, что вѣдь тутъ погибнетъ крупный капиталъ.

Крапъ. Аунэ не особенно благоволитъ къ капиталу, г. консулъ.

Берникъ. Это правда; онъ агитаторъ, любитъ мутить. Но такой безбожный поступокъ!.. Послушайте, г. Крапъ, это дѣло нужно еще разъ разслѣдовать. Никому ни слова. Наша верфь лишится своей репутаціи, если это разнесется.

Крапъ. Разумѣется, но...

Берникъ. Постарайтесь еще разъ во время обѣденнаго отдыха рабочихъ изслѣдовать трюмъ. Я долженъ быть вполнѣ увѣренъ.

Крапъ. Будьте спокойны, г. консулъ. Но позвольте спросить, что же вы затѣмъ намѣрены сдѣлать?

Берникъ. Разумѣется, заявить. Нельзя же намъ сдѣлаться соучастниками прямого преступленія. На моей совѣсти не должно быть пятна. Кромѣ того, такое заявленіе можетъ произвести хорошее впечатлѣніе въ прессѣ и въ обществѣ. Разъ они увидятъ, что я откладываю въ сторону всѣ личные интересы, чтобы дать ходъ правосудію...

Крапъ. Совершенно вѣрно, г. консулъ.

Берникъ. Но прежде всего нужно убѣдиться. А пока ни слова.

Крапъ. Ни слова, г. консулъ, и вы убѣдитесь. (Уходитъ черезъ садъ).

Берникъ (вполголоса). Возмутительно! Но нѣтъ, это невозможно, немыслимо! (Направляется къ дверямъ въ кабинетъ).

Гильмаръ (входитъ справа). Здравствуйте, Берникъ! Поздравляю со вчерашней побѣдой въ собраніи.

Берникъ. Спасибо.

Гильмаръ. Побѣда, говорятъ, была блистательная, побѣда интеллигентнаго общественнаго дѣятеля надъ своекорыстными и отсталыми взглядами. Замѣчательно, какъ ты послѣ вчерашнихъ непріятностей могъ...

Берникъ. Оставь это.

Гильмаръ. Но генеральное сраженіе еще вѣдь не дано.

Берникъ. Ты насчетъ желѣзной дороги, что ли?

Гильмаръ. Да, тебѣ, конечно, извѣстно, что затѣваетъ редакторъ Гаммеръ?

Берникъ (напряженно). Нѣтъ! А что?

Гильмаръ. Онъ уцѣпился за слухъ, который кто-то пустилъ по городу, и готовитъ обличительную статью.

Берникъ. Какой слухъ?

Гильмаръ. Конечно, о скупкѣ земель вдоль проектированной линіи.

Берникъ. Что ты? Развѣ ходитъ такой слухъ?

Гильмаръ. По всему городу. Я слышалъ въ клубѣ, куда заходилъ по пути. Говорятъ, одинъ изъ нашихъ адвокатовъ взялъ на себя втихомолку комиссію скупить всѣ лѣса, всѣ рудники и всѣ водопады...

Берникъ. А не говорятъ—для кого?

Гильмаръ. Въ клубѣ полагаютъ—для иностранной компаніи, которая пронюхала о твоемъ проектѣ и поспѣшила обдѣлать дѣльцо, пока цѣны еще не набиты. Ну, не подлость ли? Ухъ!

Берникъ. Подлость?

Гильмаръ. Ну да, что иностранцы такъ лѣзутъ къ намъ! И вдобавокъ одинъ изъ нашихъ же адвокатовъ нанимается къ нимъ для такихъ услугъ! Теперь, значитъ, всѣ барыши достанутся иностранцамъ!

Берникъ. Но вѣдь это пока еще только слухъ.

Гильмаръ. Ему однако вѣрятъ, и завтра или послѣзавтра редакторъ Гаммеръ преподнесетъ его въ видѣ факта. Въ клубѣ всѣ были возмущены. Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ, что, если этотъ слухъ подтвердится, всѣ немедленно потребуютъ, чтобы ихъ имена были вычеркнуты изъ подписныхъ листовъ.

Берникъ. Не можетъ быть!

Гильмаръ. Какъ? Да почему, ты думаешь, всѣ эти торгаши такъ охотно поддержали твой проектъ? Поди, у нихъ у самихъ ужъ текли слюнки въ чаяніи будущихъ барышей.

Берникъ. Говорю тебѣ, это не можетъ быть! Въ нашемъ маленькомъ обществѣ все-таки настолько-то найдется чувства гражданственности, солидарности во имя общихъ интересовъ, чтобы...

Гильмаръ. Здѣсь? Оптимистъ ты и судишь другихъ по себѣ.

Но я довольно-таки опытный наблюдатель... Здѣсь нѣтъ ни души,— разумѣется, кромѣ насъ съ тобой, — ни души, говорю тебѣ, кто бы держалъ высоко знамя идеи. (Останавливаясь въ дверяхъ террасы) Ухъ! вонъ они опять!

Берникъ. Кто?

Гильмаръ. Да эти два американца. (Глядя въ окно направо) И съ кѣмъ это они? Ей-Богу, съ капитаномъ «Индіанки». Ухъ!

Берникъ. На что онъ имъ понадобился?

Гильмаръ. Что-жъ, компанія довольно подходящая. Говорятъ, онъ тамъ торговалъ невольниками или занимался морскимъ разбоемъ; да кто знаетъ, чѣмъ и эти-то двое тамъ промышляли?

Берникъ. Знаешь, крайне несправедливо такъ думать о нихъ.

Гильмаръ. Да ты вѣдь оптимистъ! Ну, такъ и есть — сюда! Лучше убраться вѣ-время. (Идетъ къ дверямъ налѣво).

(Лона входитъ справа).

Лона. Ты что же это отъ меня бѣжишь, Гильмаръ?

Гильмаръ. Вовсе нѣтъ; я тороплюсь; мнѣ нужно поговорить съ Бетти. (Уходитъ во вторую дверь налѣво).

Берникъ (послѣ небольшой паузы). Ну, Лона?

Лона. Что?

Берникъ. Какими глазами ты на меня смотришь сегодня?

Лона. Такими же, какъ и вчера. Однимъ обманомъ больше или меньше...

Берникъ. Надо выяснить тебѣ это. Куда дѣвался Іоганъ?

Лона. Онъ сейчасъ придетъ; ему нужно было поговорить съ однимъ человѣкомъ.

Берникъ. Послѣ того, что ты вчера слышала, ты понимаешь, что я погибъ, если правда обнаружится.

Лона. Понимаю.

Берникъ. Само собой разумѣется, что я неповиненъ въ томъ преступленіи, о которомъ здѣсь ходили слухи.

Лона. Разумѣется. Но кто же былъ воромъ?

Берникъ. Никто. Никакой кражи и не было. Не пропадало ни гроша.

Лона. Какъ?

Берникъ. Говорю тебѣ, ни гроша.

Лона. Но слухъ? Откуда же взялась эта позорная сплетня, будто Іоганъ...

Берникъ. Лона, съ тобой, мнѣ кажется, я могу быть откровеннымъ, какъ ни съ кѣмъ. Я ничего не скрою отъ тебя. Въ распространеніи этого слуха отчасти виноватъ я.

Лона. Ты? И ты могъ поступить такъ?.. Противъ человѣка, который изъ-за тебя...

Берникъ. Не осуждай меня, вспомни тогдашнее мое положе-

ніе. Вѣдь я вчера объяснилъ тебѣ все. Когда я вернулся на родину, я нашелъ, что матушка запуталась въ цѣломъ рядѣ необдуманныхъ предпріятій; неудача шла за неудачей, какъ будто всѣ бѣды хотѣли разомъ обрушиться на насъ; фирма была наканунѣ краха. Меня охватило какое-то легкомысліе отчаянія... Право, кажется, только изъ желанія забыться я и вступилъ въ ту связь, изъ-за которой Іогану пришлось уѣхать.

Лона. Гм...

Берникъ. Ты, конечно, можешь себѣ представить, что вашъ отъѣздъ вызвалъ безконечные толки. Говорили, что это не первый легкомысленный поступокъ Іогана, что будто Дорфъ получилъ отъ него значительный кушъ въ видѣ отступного: другіе утверждали, будто этотъ кушъ получила она. Съ другой стороны, нельзя было скрыть, что фирма затрудняется платежами. Весьма естественно, что городскія сплетни и связали вмѣстѣ эти два слуха. И такъ какъ она осталась жить здѣсь въ большой бѣдности, то стали утверждать, будто Іоганъ забралъ всѣ деньги съ собой въ Америку, и молва постепенно все увеличивала сумму.

Лона. А ты, Карстенъ?..

Берникъ. Я ухватился за этотъ слухъ, какъ утопающій за соломинку.

Лона. И способствовалъ его распространенію?

Берникъ. Я его не опровергалъ. Кредиторы стали насъ прижимать; мнѣ нужно было ихъ успокоить, чтобы никто не могъ усомниться въ солидности фирмы. Пришлось ссылаться на временное затрудненіе, намекать на особое несчастье и просить, чтобы намъ только дали срокъ, тогда всѣ получатъ свое.

Лона. И всѣ получили свое?

Берникъ. Да, Лона, этотъ слухъ спасъ нашу фирму и сдѣлалъ меня тѣмъ, что я теперь.

Лона. Значитъ, обманъ сдѣлалъ тебя тѣмъ, что ты теперь.

Берникъ. Вѣдь отъ этого же никому не могло быть тогда ущерба. Іоганъ рѣшилъ никогда не возвращаться больше.

Лона. Ты говоришь — никому не могло быть ущерба? Подумай хорошенько и скажи: не послужило ли это въ ущербъ тебѣ самому?

Берникъ. Возьми кого угодно; въ каждой душѣ найдешь хоть одно темное пятнышко, которое приходится тщательно скрывать.

Лона. И вы зовете себя столпами общества?

Берникъ. У общества нѣтъ болѣе надежныхъ.

Лона. Да стоитъ ли тогда вообще поддерживать такое общество? Что въ немъ есть? Наружный блескъ и ложь внутри,

больше ничего. Вотъ ты первый человѣкъ въ городѣ: ты пользуешься всѣми благами міра, вліяніемъ, почетомъ, а ты заклеймилъ невиннаго!

Берникъ. Ты думаешь, я недостаточно глубоко сознаю свою вину передъ нимъ и не готовъ ее загладить?

Лона. Какимъ образомъ? Открывъ все?

Берникъ. И ты могла бы этого требовать?

Лона. Чѣмъ же иначе можешь ты загладить?

Берникъ. Я богатъ, Лона. Пусть Іоганъ заявитъ какія угодно требованія...

Лона. Да, предложи-ка ему денегъ, услышишь, что онъ отвѣтитъ!

Берникъ. Ты развѣ знаешь его намѣренія?

Лона. Нѣтъ. Со вчерашняго дня онъ все молчитъ. Онъ какъ будто разомъ возмужалъ, такъ на него это подѣйствовало.

(Іоганъ входитъ справа).

Берникъ (идя къ нему навстрѣчу). Іоганъ!..

Іоганъ. Сперва я. Вчера утромъ я далъ тебѣ слово молчать.

Берникъ. Да.

Іоганъ. Но я тогда еще не зналъ...

Берникъ. Іоганъ, позволь мнѣ въ двухъ словахъ выяснить тебѣ суть дѣла...

Іоганъ. Не нужно. Я и такъ все хорошо понимаю. Дѣла фирмы тогда пошатнулись, я уѣхалъ, и ты распорядился моимъ добрымъ именемъ, благо некому было заступиться за него... Ну, я не особенно виню тебя за это. Мы оба тогда были молоды и легко смотрѣли на жизнь. Но теперь мнѣ нужно, чтобы правда обнаружилась, и ты обязанъ раскрыть дѣло.

Берникъ. А мнѣ теперь какъ разъ нуженъ весь мой нравственный авторитетъ, и поэтому я не могу теперь раскрыть дѣло.

Іоганъ. Я не про тѣ небылицы, которыя ты распустилъ про меня послѣ моего отъѣзда, пусть ихъ. Но ты долженъ повиниться въ другомъ, въ томъ, что было раньше. Дина будетъ моей женой, и я хочу поселиться съ ней здѣсь, въ городѣ.

Лона. Вотъ какъ?

Берникъ. Съ Диной! Жениться на ней? И жить тутъ, въ городѣ?

Іоганъ. Да, именно тутъ. Я хочу остаться здѣсь на зло всѣмъ этимъ лгунамъ и клеветникамъ. Но она не можетъ быть моей, пока ты не снимешь съ меня обвиненія.

Берникъ. А подумалъ ли ты, что, разъ я признаюсь въ одномъ, я признаюсь и въ другомъ? Ты скажешь, я могу доказать по конторскимъ книгамъ, что никакой кражи не было? Но я этого не могу, книги въ ту пору велись не такъ аккуратно. Да

если-бъ даже и могъ, что бы я этимъ выигралъ? Не оказался ли бы я во всякомъ случаѣ человѣкомъ, который спасся однажды неправдой и потомъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ давалъ этой неправдѣ и всему прочему окрѣпнуть, не дѣлая даже попытки помѣшать этому? Ты не знаешь нашего общества, а то ты зналъ бы, что такое признаніе можетъ только въ конецъ погубить меня.

Іоганъ. Я скажу тебѣ на это только одно, что я хочу жениться на дочери мадамъ Дорфъ и жить съ нею здѣсь, въ городѣ.

Берникъ (отирая лобъ платкомъ). Послушай, Іоганъ, и ты также, Лона. Я нахожусь въ настоящее время въ совершенно исключительномъ положеніи. Если этотъ ударъ обрушится на меня теперь — я погибъ, а со мною погибнетъ и славная, обезпеченная будущность общества, которое все-таки васъ родило и вскормило.

Іоганъ. А если я не обрушу этого удара на тебя, я самъ сгублю все свое счастье и будущее.

Лона. Дальше, Карстенъ.

Берникъ. Такъ слушайте. Все связано съ проектомъ желѣзной дороги, и дѣло это не такъ просто, какъ вы думаете. Вы, вѣрно, слышали, что въ прошломъ году здѣсь хлопотали о приморской желѣзнодорожной линіи? За нее было много вліятельныхъ голосовъ и въ городѣ и въ уѣздѣ, и особенно отстаивали ее газеты. Но я ея не допустилъ, такъ какъ она нанесла бы ущербъ нашему пароходству.

Лона. А ты самъ заинтересованъ въ выгодахъ пароходства?

Берникъ. Да. Но никто не посмѣлъ заподозрѣть меня въ томъ, что мной руководятъ личные интересы. Мое незапятнанное имя оградило меня, какъ щитомъ. Впрочемъ, я-то лично могъ бы снести эти убытки, но городъ не снесъ бы. Тогда остановились на проектѣ внутренней линіи. Когда это было рѣшено, я втихомолку удостовѣрился въ возможности провести сюда къ намъ вѣтку.

Лона. Почему втихомолку, Карстенъ?

Берникъ. Вы слышали о скупкѣ лѣсовъ, рудниковъ и водопадовъ?..

Іоганъ. Да; но это вѣдь какая-то иностранная компанія?

Берникъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ всѣ эти владѣнія, принадлежащія различнымъ лицамъ, не представляютъ почти никакой цѣнности, ихъ поэтому и продавали сравнительно дешево. Но если бы отложить покупку до тѣхъ поръ, пока пошли бы толки о боковой вѣткѣ, владѣльцы заломили бы неслыханныя цѣны.

Лона. Ну, хорошо; что же дальше?

Бернике. Вотъ тутъ-то и кроется обстоятельство, которое можно истолковать различно и которое можетъ не повредить лишь человѣку съ высокой, ничѣмъ не запятнанной репутаціей.

Лона. А именно?..

Бернике. Всѣ эти мѣста скупилъ я.

Лона. Ты?

Іоганъ. За свой счетъ?

Бернике. Да. Теперь, если боковая вѣтка будетъ проведена — я милліонеръ; если нѣтъ — я разоренъ.

Лона. Рискованное предпріятіе, Карстенъ.

Бернике. Я рискнулъ всѣмъ своимъ состояніемъ.

Лона. Я не про состояніе. А если откроется, что...

Бернике. Въ томъ-то вся и штука. Опираясь на мое до сихъ поръ незапятнанное имя, я могу вынести это дѣло на своихъ плечахъ, довести его до конца и сказать своимъ согражданамъ: вотъ чѣмъ рисковалъ я для блага общества!

Лона. Общества?

Бернике. Да, и никто не усомнится въ моихъ побужденіяхъ.

Лона. Здѣсь есть однако люди, которые дѣйствовали болѣе открыто, безъ заднихъ мыслей и постороннихъ расчетовъ...

Бернике. Кто?

Лона. Ну, конечно, Руммель, Сандстадъ и Вигеландъ.

Бернике. Чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ, мнѣ пришлось посвятить ихъ въ дѣло.

Лона. Ну, и..?

Бернике. Они выговорили себѣ пятую долю барыша.

Лона. Вотъ они, столпы общества!

Бернике. Да не само ли общество и заставляетъ насъ идти кривыми путями? Что вышло бы изъ этого дѣла, если бы я сталъ дѣйствовать открыто? Всѣ бросились бы пріобрѣтать земли и, перебивая другъ другу дорогу, дѣйствуя врозь, окончательно испортили бы все. Кромѣ меня здѣсь въ городѣ нѣтъ никого, кто бы сумѣлъ провести такое крупное дѣло. Вообще у насъ способны къ болѣе крупной коммерческой дѣятельности лишь переселившіяся сюда семьи, пришлые элементы, а не коренные. Такъ вотъ совѣсть моя ни въ чемъ меня и не упрекаетъ. Лишь въ моихъ рукахъ всѣ эти земли могутъ стать истинной благодатью для массы людей, которымъ онѣ дадутъ кусокъ хлѣба.

Лона. Въ этомъ отношеніи ты, пожалуй, правъ, Карстенъ.

Іоганъ. Но я-то всей этой массы людей не знаю, а знаю только одно, что все мое счастье поставлено на карту,

Бернике. Какъ и благоденствіе твоего роднаго города! Если

откроются дѣла, которыя бросятъ тѣнь на мое прошлое, всѣ мои противники съ ожесточеніемъ накинутся на меня. Наше общество не прощаетъ даже юношескаго легкомыслія. Пойдутъ рыться въ остальной моей жизни, привяжутся къ тысячамъ мелочей, перетолкуютъ все подъ впечатлѣніемъ вновь открывшихся фактовъ, и я паду подъ бременемъ сплетенъ и клеветъ. Отъ желѣзной дороги мнѣ придется отступиться, а если я отступлюсь, дѣло провалится, и я буду обреченъ разоренію и гражданской смерти.

Лона. Послѣ всего этого тебѣ остается только молчать и уѣхать, Іоганъ.

Берникъ. Да. да, Іоганъ.

Іоганъ. Хорошо. я уѣду и буду молчать; но я вернусь опять и тогда заговорю.

Берникъ. Оставайся тамъ, Іоганъ; молчи, и я готовъ подѣлиться съ тобой...

Іоганъ. Оставь свои деньги при себѣ. Отдай мнѣ мое доброе имя!

Берникъ. Жертвуя своимъ?

Іоганъ. Устраивайся, какъ знаешь, со своимъ обществомъ. Дина должна быть моей женой. Поэтому я завтра же уѣду на «Индіанкѣ»...

Берникъ. На «Индіанкѣ»?

Іоганъ. Да. Капитанъ соглашается взять меня съ собой. Поѣду, продамъ ферму, устрою всѣ дѣла и черезъ два мѣсяца вернусь обратно.

Берникъ. И тогда откроешь?..

Іоганъ. Пусть тогда виновникъ самъ возьметъ на себя свой грѣхъ.

Берникъ. Ты забываешь, что мнѣ въ такомъ случаѣ придется взять на себя и тотъ грѣхъ, въ которомъ я неповиненъ.

Іоганъ. А кто пятнадцать лѣтъ тому назадъ воспользовался этимъ возмутительнымъ слухомъ?

Берникъ. Ты доведешь меня до крайности. И если ты заговоришь, я ото всего отопрусь! Скажу, что это заговоръ противъ меня, месть, уловка, чтобы выжать изъ меня деньги.

Лона. Стыдись, Карстенъ!

Берникъ. Говорю, вы доведете меня до крайности. Я буду бороться не на жизнь, а на смерть! Я ото всего отопрусь!

Іоганъ. У меня въ рукахъ два твоихъ письма. Я нашелъ ихъ въ своемъ чемоданѣ между прочими бумагами. Сегодня утромъ я прочелъ ихъ; они довольно ясны.

Берникъ. И ты ихъ покажешь?

Іоганъ. Если понадобится.

Берникъ. И черезъ два мѣсяца ты опять будешь здѣсь?

Іоганъ. Надѣюсь. Вѣтеръ попутный, черезъ три недѣли я буду въ Нью-Іоркѣ, если «Индіанка» не погибнетъ.

Берникъ (пораженный). Погибнетъ? Зачѣмъ ей погибать?

Іоганъ. И-я того же мнѣнія.

Берникъ (едва слышно). Погибнетъ?

Іоганъ. Ну Берникъ, теперь я предупредилъ тебя: постарайся пока уладить дѣло, какъ знаешь. Прощай! Можешь передать Бетти поклонъ отъ меня, хоть она и приняла меня не какъ сестра. Съ Мартой же я хочу проститься. Пусть она скажетъ Динѣ... дастъ мнѣ слово... (Уходитъ налѣво).

Берникъ (про себя). «Индіанка»?.. (Вдругъ быстро Лонѣ) Лона! Не допускай этого!

Лона. Ты самъ видишь, Карстенъ, онъ меня больше не слушается. (Уходитъ за Іоганомъ налѣво).

Берникъ (въ сильномъ волненіи). Погибнетъ?..

(Управляющій верфью Аунэ входитъ справа).

Аунэ. Извините, г. консулъ... Я не помѣшалъ?

Берникъ (быстро оборачиваясь). Вамъ что?..

Аунэ. Позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ?

Берникъ. Хорошо, только скорѣе. Какой?

Аунэ. Мнѣ хотѣлось бы спросить: такъ-таки мнѣ и откажутъ... безповоротно... если «Индіанка» не отплыветъ завтра?

Берникъ. Что еще? Она же готова къ отплытію?

Аунэ. Такъ-то такъ. Ну, а если все-таки... меня навѣрняка уволятъ?

Берникъ. Къ чему эти праздные вопросы?

Аунэ. Мнѣ это очень нужно знать, г. консулъ. Отвѣтьте мнѣ напрямикъ: меня тогда уволятъ?

Берникъ. Кажется, я своему слову никогда не измѣняю.

Аунэ. Такъ завтра, значитъ, у меня отняли бы мое положеніе въ семьѣ и въ кругу близкихъ людей?.. Я потерялъ бы свое вліяніе на рабочихъ... потерялъ бы всякую возможность быть полезнымъ низшимъ классамъ общества?

Берникъ. Насчетъ этого, Аунэ, мы съ вами покончили разговоръ.

Аунэ. Ну, такъ пусть «Индіанка» отправляется. (Пауза).

Берникъ. Послушайте, я не могу за всѣмъ услѣдить и за все отвѣчать. Вы можете поручиться мнѣ, что ремонтъ законченъ безупречно?

Аунэ. Вы мнѣ дали короткій срокъ, г. консулъ.

Берникъ. По ремонтъ все-таки сдѣланъ основательный?

Аунэ. Что-жъ,—время лѣтнее, погода благопріятная. (Пауза).

Берникъ. Вы еще имѣете что-нибудь сказать?

Аунэ. Нѣтъ; больше ничего, г. консулъ.

Берникъ. Слѣдовательно «Индіанка» отправится въ путь?

Аунэ. Завтра?

Берникъ. Да.

Аунэ. Хорошо. (Кланяется и уходитъ направо).

(Берникъ стоитъ съ минуту въ нерѣшимости; потомъ быстро направляется къ дверямъ, какъ бы намѣреваясь вернуть Аунэ, но останавливается, держась за ручку двери: въ то же время дверь отворяется снаружи, и входитъ управляющій Крапъ).

Крапъ (шопотомъ). Ага! Онъ былъ у васъ. Сознался?

Берникъ. Гм... Вы что-нибудь открыли?

Крапъ. Да что тутъ открывать? Вы, навѣрно, замѣтили по его глазамъ, что у него совѣсть не чиста?

Берникъ. Пустяки; этого никогда нельзя замѣтить. Я спрашиваю, вы что-нибудь открыли?

Крапъ. Не могъ; поздно было; судно уже выводили изъ дока. Но именно эта поспѣшность ясно доказываетъ...

Берникъ. Ничего не доказываетъ. Осмотръ, значитъ, былъ?

Крапъ. Конечно, но...

Берникъ. Вотъ видите! И, конечно, никакихъ упущеній не найдено?

Крапъ. Вы же знаете, г. консулъ, какъ производится осмотръ, особенно на верфяхъ съ такой репутаціей, какъ наша.

Берникъ. Все равно; мы, значитъ, не отвѣчаемъ.

Крапъ. Неужели вы, г. консулъ, не замѣтили по лицу Аунэ, что...

Берникъ. Говорю вамъ, Аунэ меня совершенно успокоилъ.

Крапъ. А я вамъ говорю, что нравственно убѣжденъ въ...

Берникъ. Ну, и что же изъ этого, г. Крапъ? Я вѣдь вижу, въ васъ говоритъ старая непріязнь къ Аунэ. Но если вы хотите свести съ нимъ счеты, то поищите другого случая. Вы знаете, какъ важно для меня, или, вѣрнѣе, для компаніи, чтобы «Индіанка» могла отплыть завтра.

Крапъ. Хорошо, хорошо; слушаю. Но когда-то мы опять услышимъ объ этомъ суднѣ... Гм!

(Вигеландъ входитъ справа).

Вигеландъ. Мое почтеніе, г. консулъ. Найдется минутка свободная?

Берникъ. Къ вашимъ услугамъ, г. Вигеландъ.

Вигеландъ. Я хотѣлъ только узнать, вы не перемѣнили намѣренія отправить завтра «Пальму»?

Берникъ. Нѣтъ; это рѣшено.

Вигеландъ. Но сейчасъ былъ у меня капитанъ и сказалъ, что вывѣшены штормовые сигналы.

Крапъ. Барометръ сильно падаетъ съ утра.

Берникъ. Да? Развѣ предвидится штормъ?

Вигеландъ. Во всякомъ случаѣ, свѣжій вѣтеръ, хотя и не противный; напротивъ.

Берникъ. Гм... Что же вы на это скажете?

Вигеландъ. Скажу, что сказалъ и капитану: «Пальма» въ рукахъ Божьихъ. И, кромѣ того, великъ ли переходъ? А фрахты въ настоящее время стоятъ въ Англіи довольно высокіе, такъ что...

Берникъ. Да, если отложить, то это во всякомъ случаѣ будетъ для насъ убыточно.

Вигеландъ. Да и судно такое солидное, и къ тому же застраховано въ полной суммѣ. Куда больше риску съ «Индіанкой»...

Берникъ. Въ какомъ смыслѣ?

Вигеландъ. Она вѣдь тоже уходитъ завтра?

Берникъ. Да, компанія сильно торопила, и кромѣ того...

Вигеландъ. Ну, если рискуетъ такая старая посудина, да еще съ такимъ экипажемъ, то намъ прямо было бы стыдно...

Берникъ. Да, да. Всѣ бумаги, вѣроятно, при васъ?

Вигеландъ. Тутъ, тутъ.

Берникъ. Хорошо. Такъ пройдите въ кабинетъ съ г. Крапомъ.

Крапъ. Пожалуйте. Сейчасъ все будетъ готово.

Вигеландъ. Благодарю. Остальное же предоставимъ Промыслу, г. консулъ.

(Вигеландъ и Крапъ уходятъ въ кабинетъ налѣво. Изъ сада входитъ магистръ Рёрлундъ).

Рерлундъ. А! Какъ это я застаю васъ дома въ такой часъ, г. консулъ?

Берникъ (задумчиво). Какъ видите.

Рерлундъ. Я зашелъ, собственно, къ вашей супругѣ. Полагаю, она теперь особенно нуждается въ словѣ утѣшенія?

Берникъ. Весьма вѣроятно. Да и мнѣ хотѣлось бы побесѣдовать съ вами.

Рерлундъ. Къ вашимъ услугамъ, г. консулъ. Да что съ вами? Вы такой блѣдный, разстроенный?

Берникъ. Да? Въ самомъ дѣлѣ? Да и какъ же иначе? Столько дѣлъ, хлопотъ и заботъ! И мое собственное большое дѣло и это желѣзнодорожное предпріятіе... Послушайте, г. магистръ, я хочу задать вамъ вопросъ.

Рерлундъ. Сдѣлайте одолженіе, г. консулъ.

Берникъ. Мнѣ пришла одна мысль... Напримѣръ, затѣвается какое-нибудь обширное предпріятіе, которое создастъ благоденствіе тысячъ людей... И требуется принести въ жертву одного?..

Рерлундъ. Какъ это?

Берникъ. Положимъ, человѣкъ задумалъ устроить большую фабрику и знаетъ навѣрно, по опыту, что рано или поздно тутъ не обойдется безъ человѣческихъ жертвъ.

Рерлундъ. Да, это можно предвидѣть навѣрно.

Берникъ. Или другой человѣкъ заводитъ рудники. Онъ беретъ на работу и семейныхъ и одинокихъ людей. И вѣдь навѣрное можно сказать, что не всѣ они уцѣлѣютъ на работѣ?..

Рерлундъ. Увы, да.

Берникъ. Ну вотъ. Такой человѣкъ, слѣдовательно, напередъ знаетъ, что предпріятіе его со временемъ потребуетъ человѣческихъ жертвъ. Но предпріятіе это имѣетъ цѣлью общественную пользу. Каждая принесенная жертва, безъ сомнѣнія, окупится благоденствіемъ сотенъ людей.

Рерлундъ. А, это вы про желѣзную дорогу! Тутъ тоже предстоитъ немало опасныхъ работъ... Выемки, взрывы...

Берникъ. Да, да, про желѣзную дорогу... Конечно, съ проведеніемъ желѣзной дороги тутъ заведутся фабрики, откроются рудники. Но не думаете ли вы все-таки...

Рерлундъ. Любезнѣйшій г. консулъ, вы ужъ черезчуръ совѣстливы. По-моему, если вы положитесь на Промыслъ...

Берникъ. Да, да, конечно, Промыслъ...

Рерлундъ. ...То вамъ не въ чемъ будетъ упрекнуть себя. Стройте себѣ свою желѣзную дорогу съ Богомъ.

Берникъ. А если взять особый случай. Положимъ, нужно произвести взрывъ въ опасномъ мѣстѣ; отъ этого взрыва зависитъ вся постройка. И, положимъ, инженеръ знаетъ, что рабочій, который взорветъ мину, поплатится за это жизнью... А взорвать ее все-таки нужно, и инженеръ обязанъ послать рабочаго...

Рерлундъ. Гм...

Берникъ. Знаю, что вы хотите сказать! Пусть инженеръ самъ возьметъ горящій фитиль и пойдетъ взорвать мину, — онъ совершитъ подвигъ! Но такъ вѣдь не дѣлается! Слѣдовательно онъ пожертвуетъ рабочимъ.

Рерлундъ. Ни одинъ изъ нашихъ инженеровъ не сдѣлаетъ этого.

Берникъ. Но въ большихъ странахъ ни одинъ инженеръ не задумался бы.

Рерлундъ. Въ большихъ странахъ — пожалуй. Общество въ этихъ странахъ до того деморализовано...

Берникъ. Ну, оно дѣлаетъ и много хорошаго.

Рерлундъ. Васъ ли я слышу? Вы всегда...

Берникъ. Въ большихъ странахъ человѣку есть гдѣ развер-

нуться, поработать на пользу общественную. Тамъ не боятся жертвъ ради великаго дѣла. А тутъ — всевозможные предразсудки, разныя мелочныя опасенія парализуютъ всякую предпріимчивость.

Рерлундъ. Развѣ жизнь человѣческая—мелочь?

Берникъ. Да, если эта единичная человѣческая жизнь мѣшаетъ благоденствію тысячъ.

Рерлундъ. Но вы вѣдь берете совершенно невозможный случай, г. консулъ. Я васъ сегодня рѣшительно не понимаю. И вы еще ссылаетесь на большія страны. Да, тамъ! Во что тамъ цѣнится человѣческая жизнь! Тамъ рискуютъ живыми людьми, какъ капиталами! Но у насъ, надѣюсь, приняты иной, болѣе нравственный взглядъ на вещи. Посмотрите на почтенное сословіе нашихъ судовладѣльцевъ. Укажите мнѣ хоть одного, который изъ презрѣнной корысти пожертвовалъ бы хоть одной человѣческой жизнью! И вспомните затѣмъ этихъ мошенниковъ въ большихъ странахъ, которые не задумаются изъ корысти пускать въ море настоящіе плавучіе гробы.

Берникъ. Я не говорю о негодныхъ судахъ!

Рерлундъ. А я говорю о нихъ, г. консулъ.

Берникъ. Да къ чему же? Это не относится къ дѣлу. Охъ, эти трусливыя мелочныя соображенія! Доведись-ка одному изъ нашихъ генераловъ послать свой отрядъ въ огонь и оставить его весь на мѣстѣ, онъ бы потомъ ни одной ночи не уснулъ спокойно! Не такъ въ другихъ мѣстахъ. Послушали бы вы его разсказы...

Рерлундъ. Его? Американца?..

Берникъ. Да. Послушали бы вы, какъ у нихъ въ Америкѣ...

Рерлундъ. Онъ тутъ? Почему вы мнѣ не сказали? Я сейчасъ...

Берникъ. Все это напрасно. Вы ничего съ нимъ не подѣлаете.

Рерлундъ. Увидимъ. Да вотъ онъ!

(Іоганъ входитъ слѣва).

Іоганъ (обращаясь въ сосѣднюю комнату). Ну, хорошо, Дина. Пусть такъ; но я все-таки надѣюсь. Я опять вернусь, и тогда мы столкуемся.

Рерлундъ. Позвольте узнать, на что вы намекаете? Чего вы хотите?

Іоганъ. Хочу, чтобы молодая дѣвушка, передъ которой вы меня вчера очернили, вышла за меня замужъ.

Рерлундъ. За васъ? Замужъ? И вы можете воображать?

Іоганъ. Я хочу жениться на ней.

Рерлундъ. Ну, такъ знайте же! (Подходитъ къ полуотворенной двери) Сударыня, пожалуйста, будьте свидѣтельницей... И вы

также, сударыня. Пусть и Дина придетъ. (Увидавъ Лону) А, и вы здѣсь?

Лона (показываясь въ дверяхъ). И мнѣ придти?

Рерлундъ. Сдѣлайте одолженіе, чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Берникъ. Что вы собираетесь сдѣлать?

(Слѣва входятъ Лона, Бетти, Марта, Дина и Гильмаръ).

Бетти. Г. магистръ, при всемъ моемъ желаніи я не могла помѣшать ему...

Рерлундъ. Такъ *я* это сдѣлаю, сударыня. Дина, вы поступаете неблагоразумно, но я васъ не особенно виню. Вы слишкомъ долго оставались безъ надлежащей нравственной опоры. Я виню себя, что не предложилъ вамъ ее.

Дина. Не надо! Не заговаривайте объ этомъ теперь.

Бетти. Что такое?

Рерлундъ. Именно теперь я и долженъ заговорить объ этомъ, Дина, хотя ваше поведеніе вчера и сегодня сильно усложнило мою задачу. Но ради вашего спасенія я не посмотрю ни на что. Вспомните слово, которое я вамъ далъ, вспомните также, что вы обѣщали мнѣ, когда настанетъ время... Теперь я не смѣю больше откладывать и... (Обращаясь къ Іогану) Эта молодая дѣвушка, которую вы преслѣдуете, моя невѣста!

Бетти. Что вы говорите?

Берникъ. Дина!

Іоганъ. Она? Ваша?..

Марта. Нѣтъ, нѣтъ, Дина!

Лона. Это ложь!

Іоганъ. Дина... онъ говоритъ правду?

Дина (послѣ небольшой паузы). Да.

Рерлундъ. Надѣюсь, это положитъ конецъ всѣмъ ухищреніямъ обольстителя. Пусть все наше общество узнаетъ теперь о шагѣ, сдѣланномъ мною для блага Дины. Я твердо надѣюсь, что его не перетолкуютъ въ дурную сторону. (Бетти) А теперь, сударыня, я думаю, лучше намъ увести ее отсюда и постараться умиротворить ея смятенную душу...

Бетти. Да, пойдемте. О, Дина, какое это счастье для тебя!

(Уходитъ налѣво съ Диной. Магистръ Рёрлундъ слѣдуетъ за ними).

Марта. Прощай, Іоганъ! (Уходитъ).

Гильмаръ (въ дверяхъ террасы). Гм... не ожидалъ!

Лона (проводивъ Дину взглядомъ). Не вѣшай носа, малый! Я останусь тутъ и буду слѣдить за насторомъ. (Уходитъ направо).

Берникъ. Что-жъ, Іоганъ? Теперь не уѣдешь на «Индіанкѣ»?

Іоганъ. Именно теперь-то и уѣду!

Берникъ. Такъ не вернешься, значитъ?

Іоганъ. Вернусь.

Берникъ. Послѣ всего этого? Зачѣмъ же ты вернешься?

Іоганъ. Чтобы отомстить вамъ всѣмъ: уничтожить, кого только могу! (Уходитъ направо).

(Вигеландъ и управляющій Крапъ выходятъ изъ кабинета Берника).

Вигеландъ. Вотъ теперь всѣ бумаги въ порядкѣ, г. консулъ.

Берникъ. Хорошо, хорошо...

Крапъ (тихо). Окончательно ли рѣшено, что «Индіанка» уходитъ завтра?

Берникъ. Окончательно. (Идетъ въ кабинетъ).

(Вигеландъ и Крапъ уходятъ направо. Гильмаръ направляется за ними, но въ эту минуту Олафъ осторожно высовываетъ голову изъ-за двери налѣво).

Олафъ. Дядя! Дядя Гильмаръ!

Гильмаръ. Ухъ, это ты? Зачѣмъ ты сошелъ внизъ? Ты же арестованъ!

Олафъ (входя въ комнату.) Тсс! Дядя Гильмаръ, знаешь новость?

Гильмаръ. Да, знаю, что тебя сегодня высѣкли!

Олафъ (сердито глядя на кабинетъ отца). Больше ему не придется меня сѣчь! Знаешь ты, что дядя Іоганъ завтра уѣзжаетъ съ американцами?

Гильмаръ. Тебѣ-то какое дѣло? Шелъ бы скорѣе наверхъ.

Олафъ. Можетъ-быть, и мнѣ, дядя, удастся поохотиться на буйволовъ.

Гильмаръ. Вздоръ! Такой трусишка, какъ ты...

Олафъ. Погоди! Завтра кое-что узнаешь!

Гильмаръ. Дурень! (Уходитъ черезъ садъ).

(Олафъ, увидавъ Крапа, входящаго справа, убѣгаетъ назадъ въ комнату и запираетъ за собой дверь).

Крапъ (подходитъ къ кабинету Берника и полуотворяетъ дверь). Извините, что опять пришелъ, г. консулъ. Но готовится штормъ. (Молчитъ съ минуту, ожидая отвѣта). «Индіанка» все-таки пойдетъ?

(Послѣ небольшой паузы изъ кабинета слышится голосъ Берника).

Берникъ. «Индіанка» все-таки пойдетъ.

(Крапъ, затворивъ дверь, уходитъ направо.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Рабочій столъ убранъ. Время подъ вечеръ; погода бурная: смеркается. Слуга зажигаетъ лампу; служанки приносятъ цвѣты въ горшкахъ и корзинахъ, лампы, свѣчи и размѣщаютъ все это на столахъ и на тумбахъ вдоль стѣнъ. Руммель во фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ бѣломъ галстукѣ, стоитъ по срединѣ залы и распоряжается убранствомъ.

Руммель (слугѣ.) Зажигайте черезъ одну свѣчу, Яковъ. Не нужно слишкомъ параднаго вида. Все должно быть какъ будто невзначай. И сколько цвѣтовъ... Ну, да ничего! Пусть стоятъ! Какъ будто и всегда такъ...

(Берникъ выходитъ изъ своего кабинета).

Берникъ (останавливаясь въ дверяхъ). Что это значитъ?

Руммель. Ай-ай! Ты дома? (Прислугѣ) Ну, ступайте пока.

(Прислуга уходитъ налѣво).

Берникъ (входя въ залу). Руммель, да что все это значитъ?

Руммель. Это значитъ, что настала самая торжественная минута твоей жизни! Городъ устраиваетъ сегодня вечеромъ въ честь своего перваго гражданина факельное шествіе!

Берникъ. Что ты говоришь?

Руммель. То-есть шествіе съ флагами и съ музыкой. Хотѣли-было прихватить и факелы, да по случаю вѣтреной погоды не рѣшились. А иллюминацію все-таки устроимъ. Что, недурно будетъ, когда появится въ газетахъ?

Берникъ. Послушай, Руммель, я этого не хочу.

Руммель. Теперь уже поздно; черезъ полчаса они будутъ здѣсь.

Берникъ. Почему ты раньше меня не предупредилъ?

Руммель. Именно потому, что опасался возраженій съ твоей стороны. Я только уговорился съ твоей женой: она мнѣ позволила немножко убрать залу, а сама позаботится объ угощеніи.

Берникъ (прислушиваясь). Что это? Они уже идутъ? Мнѣ кажется, будто поютъ?

Руммель (въ дверяхъ террасы). Поютъ? А, это американцы. «Индіанка» снимается съ якоря.

Берникъ. Снимается съ якоря?.. Да... Нѣтъ... Право, я сегодня не могу, Руммель. Мнѣ нездоровится.

Руммель. Да на тебѣ въ самомъ дѣлѣ лица нѣтъ. Ну, чортъ возьми, подтянись! Возьми себя въ руки! Мы съ Сандстадомъ и Вигеландомъ придаемъ огромное значеніе этой манифестаціи и приложили всѣ старанія ее подготовить. Нужно разбить нашихъ противниковъ на голову такимъ выраженіемъ полнаго

къ тебѣ общественнаго сочувствія. Слухи все растутъ. Нельзя больше скрывать скупки земель. Тебѣ необходимо сегодня же подъ гулъ рѣчей, пѣсенъ и звонъ бокаловъ, словомъ, подъ всю эту музыку объявить во всеуслышаніе, чѣмъ ты рискнулъ для блага общества. У насъ можно достигнуть многаго въ такія минуты праздничнo приподнятаго настроенія! Но прежде всего нужно обезпечить себѣ такое настроеніе, не то ниши пропало.

Берникъ. Да, да, да...

Руммель. Особенно, когда дѣло столь деликатное и щекотливое. Но, слава Богу, у тебя такая репутація, Берникъ, что вывезетъ тебя и на этотъ разъ. Только вотъ намъ еще надо уговориться съ тобой насчетъ рѣчей. Гильмаръ Тённесенъ написалъ стихи въ честь тебя. Очень мило начинаются: «Знамя идеи держи высоко!». Магистру Рёрлунду поручено произнести тебѣ привѣтственное слово, и тебѣ, конечно, придется отвѣчать.

Берникъ. Я не могу сегодня, Руммель. Не возьмешь ли ты на себя?..

Руммель. Радъ бы, но это невозможно. Слово будетъ вѣдь, ты понимаешь, обращено непосредственно къ тебѣ, хотя, пожалуй, затронетъ мимоходомъ и насъ. Я уже говорилъ объ этомъ съ Вигеландомъ и Сандстадомъ, и, намъ кажется, тебѣ слѣдовало бы отвѣтить тостомъ за процвѣтаніе общества. Затѣмъ Сандстадъ скажетъ нѣсколько словъ о единеніи между различными слоями общества. Вигеландъ, должно-быть, выскажетъ пожеланіе, чтобы новое предпріятіе не поколебало твердыхъ нравственныхъ устоевъ нашего общества, а я думаю вкратцѣ упомянуть о скромной дѣятельности нашихъ женщинъ, которая тоже имѣетъ свое значеніе для общества. Да ты не слушаешь?..

Берникъ. Нѣтъ, нѣтъ, слушаю. Но скажи мнѣ, погода въ самомъ дѣлѣ такъ расходилась?

Руммель. А, ты безпокоишься насчетъ «Пальмы». Что же, судно хорошо застраховано.

Берникъ. Да, застраховано, но...

Руммель. И въ полной исправности, а вѣдь это главное.

Берникъ. Гм... Да, конечно... если съ судномъ и случится бѣда, то это еще не значитъ, что и люди должны погибнуть. Бываетъ, корабль погибаетъ и грузъ... ну, тамъ, всякій багажъ, чемоданы, документы тоже...

Руммель. И чортъ съ ними, съ чемоданами и съ документами! Очень они нужны!

Берникъ. Какъ?.. Да, да, конечно, я хотѣлъ только сказать... Тсс!.. Опять поютъ...

Руммель. Это на «Пальмѣ».

(Вигеландъ входитъ справа).

Вигеландъ. Вотъ «Пальма» и отчаливаетъ. Добрый вечеръ, г. консулъ.

Берникъ. И вы, опытный морякъ, все-таки твердо держитесь того мнѣнія, что...

Вигеландъ. Я твердо держусь того мнѣнія, что все въ рукахъ Божьихъ, г. консулъ. Кромѣ того, я сейчасъ съ корабля — роздалъ тамъ нѣсколько брошюрокъ, которыя, надѣюсь, принесутъ съ собой благословеніе.

(Сандстадъ и управляющій Крапъ входятъ справа).

Сандстадъ (еще не войдя въ комнату). Да, ужъ если тутъ обойдется благополучно, то... А, добрый вечеръ, добрый вечеръ!

Берникъ. Что-нибудь случилось, г. Крапъ?

Крапъ. Я ничего не говорю, г. консулъ.

Сандстадъ. Весь экипажъ «Индіанки» пьянехонекъ. Не будь я честный человѣкъ, если эти канальи не сгубятъ себя.

(Лона входитъ справа).

Лона (къ Бернику). Ну, кланяется тебѣ.

Берникъ. Уже сѣлъ на пароходъ?

Лона. Во всякомъ случаѣ скоро сядетъ. Мы съ нимъ разстались около отеля.

Берникъ. Онъ стоитъ на своемъ?

Лона. Какъ скала.

Руммель (у окна). Чортъ возьми эти новыя затѣи. Никакъ не могу спустить занавѣсокъ.

Лона. Спустить? А я думала, напротивъ...

Руммель. Сперва надо спустить, сударыня. Вы вѣдь знаете, что сейчасъ предстоитъ?

Лона. Конечно. Дайте я помогу. (Берется за шнурки) Я готова спустить занавѣски для моего зятюшки, хотя предпочла бы поднять.

Руммель. Послѣ такъ и будетъ, сударыня. Когда волны ликующаго народа зальютъ весь садъ, пусть занавѣски подымутся, и люди увидятъ передъ собой пріятно пораженную и счастливую семью. Домъ гражданина долженъ быть какъ стеклянный шкапъ!

(Берникъ какъ будто хочетъ что-то сказать, но быстро поворачивается и уходитъ въ кабинетъ).

Руммель. Да, теперь, господа, послѣднее совѣщаніе. И вы съ нами, г. Крапъ. Вы сообщите намъ нѣкоторыя фактическія данныя.

(Всѣ мужчины уходятъ въ кабинетъ Берника. Лона между тѣмъ успѣла спустить всѣ оконныя занавѣски и собирается опустить зана-

вѣску стеклянныхъ дверей на террасу, какъ вдругъ сверху соскакиваетъ Олафъ съ пледомъ черезъ плечо и узелкомъ въ рукѣ).

Лона. Ахъ, Господи! Какъ ты меня испугалъ, мальчуганъ.

Олафъ (пряча узелокъ). Тсс! Тетя!

Лона. Ты изъ окна выскочилъ? Куда ты?

Олафъ. Тсс! Молчи! Я хочу къ дядѣ Іогану... только на пристань, понимаешь?.. Проститься съ нимъ... Прощай, тетя! (Убѣгаетъ черезъ садъ).

Лона. Куда ты? Олафъ! Олафъ!

(Іоганъ въ дорожномъ платьѣ, съ сумкой черезъ плечо, осторожно входитъ слѣва).

Іоганъ. Лона!

Лона (быстро оборачиваясь). Что! Ты вернулся?

Іоганъ. Остается еще нѣсколько минутъ. Я хочу еще разъ повидаться съ нею. Нельзя намъ такъ разстаться.

(Марта и Дина — обѣ въ пальто, а у Дины кромѣ того въ рукахъ саквояжъ — входятъ слѣва).

Дина. За нимъ! За нимъ!

Марта. Да, да, за нимъ, Дина!

Дина. Вотъ онъ!

Іоганъ. Дина!

Дина. Возьмите меня съ собой!

Іоганъ. Какъ!..

Лона. Ты рѣшилась?

Дина. Да, возьмите меня съ собой! Тотъ, другой, написалъ мнѣ, говорилъ, что сегодня объявитъ всѣмъ...

Іоганъ. Дина, вы его не любите?

Дина. Я никогда не любила этого человѣка. Я утоплюсь, если стану его невѣстой! О, какъ онъ меня вчера унизилъ своими высокомѣрными рѣчами! Какъ онъ далъ мнѣ почувствовать свое великодушіе, что онъ снисходитъ до такого ничтожнаго созданія! Нѣтъ! Я не хочу, чтобы ко мнѣ снисходили! Я хочу вонъ отсюда! Можно мнѣ съ вами?

Іоганъ. Да, да... тысячу разъ да!

Дина. Я недолго буду васъ стѣснять. Только бы добраться туда... Да если поможете мнѣ немножко устроиться въ самомъ началѣ...

Іоганъ. Ура! Не бойтесь! Все уладимъ, Дина.

Лона (указывая на дверь кабинета). Тсс! Тише, тише!

Іоганъ. Дина! Я понесу васъ на рукахъ!

Дина. Нѣтъ, этого я вамъ не позволю. Я хочу сама пробить себѣ дорогу. И тамъ мнѣ это удастся. Только бы прочь отсюда! Ахъ, эти дамы!.. Вы не знаете... И онѣ написали мнѣ сегодня... увѣщевали меня цѣнить выпавшее на мою долю счастье, уповали на его великодушіе. Обѣщали бодрствовать

надо мной, чтобы я оказалась достойной всего этого. У! Меня ужасъ беретъ, какъ подумаю обо всемъ этомъ благонравіи!

Іоганъ. Скажите мнѣ, Дина, вы только изъ-за этого и хотите ѣхать? А я для васъ ничего не значу?

Дина. Нѣтъ, Іоганъ; вы для меня... дороже всѣхъ на свѣтѣ.

Іоганъ. О, Дина!..

Дина. Всѣ говорятъ, что я должна васъ ненавидѣть и презирать, что это мой долгъ; но я не понимаю, почему я это должна, и никогда не пойму.

Лона. И не надо, дитя мое!

Марта. И не надо. А надо выйти за него замужъ.

Іоганъ. Да, да!

Лона. Что? Ну, дай мнѣ расцѣловать тебя, Марта! Этого я отъ тебя не ожидала.

Марта. Я думаю; я и сама этого не ожидала. Но когда-нибудь да надо же было совершиться во мнѣ этому перелому. О, какъ насъ калѣчатъ всѣ эти предразсудки и обычаи! Возстань противъ нихъ, Дина! Выходи за него замужъ. Пусть совершится хоть что-нибудь наперекоръ всѣмъ этимъ правиламъ и обычаямъ!

Іоганъ. Что вы скажете, Дина?

Дина. Да, я хочу быть вашей женой.

Іоганъ. Дина!

Дина. Но сначала я хочу поработать, добиться чего-нибудь, быть чѣмъ-нибудь сама по себѣ, вотъ какъ вы. Я не хочу быть какой-то вещью, которую берутъ.

Лона. Вѣрно, такъ и должно быть!

Іоганъ. Хорошо, буду ждать и надѣяться...

Лона. ...И дождешься своего, малый! А теперь пора!

Іоганъ. Да, пора! Ахъ, Лона, дорогая сестра, еще одно слово... (Отводитъ ее вглубь сцены и о чемъ-то оживленно говоритъ съ нею).

Марта. Дина, счастливица... дай мнѣ взглянуть на тебя, поцѣловать тебя еще разъ... послѣдній разъ!

Дина. Нѣтъ, не послѣдній! Милая, дорогая тетя, мы еще увидимся!

Марта. Никогда! Обѣщай мнѣ, Дина, никогда не возвращаться сюда! (Схватываетъ ее за руки и смотритъ на нее) Тебя ожидаетъ счастье, дорогая моя... тамъ, за моремъ. О, какъ часто, въ часы школьныхъ занятій, тянуло меня туда!.. Какъ тамъ должно быть хорошо! Тамъ и горизонтъ шире и небо выше, чѣмъ у насъ здѣсь, и дышится свободнѣе!..

Дина. Ахъ, тетя! Когда-нибудь и ты къ намъ пріѣдешь.

Марта. Я? Никогда! Тутъ у меня есть свое маленькое дѣло,

для котораго я и буду жить. И теперь, надѣюсь, мнѣ удастся вполнѣ выполнить свое назначеніе.

Дина. Я и представить себѣ не могу, какъ это мы съ тобой разстанемся.

Марта. О, Дина, со многимъ человѣкъ можетъ разстаться. (Цѣлуетъ ее). Не дай только Богъ тебѣ испытать это, милое дитя! Обѣщай мнѣ сдѣлать его счастливымъ.

Дина. Ничего не обѣщаю; ненавижу обѣщанія. Что будетъ — то будетъ.

Марта. Да; такъ и должно быть. Оставайся только всегда такой правдивой и вѣрной самой себѣ!

Дина. Да, тетя!

Лона (кладетъ въ карманъ бумаги, которыя передалъ ей Іоганъ). Отлично, дружокъ! А теперь пора!

Іоганъ. Да, время не терпитъ. Прощай, Лона! Благодарю тебя за всю твою любовь! Прощай, Марта; и тебѣ спасибо за вѣрную дружбу!

Марта. Прощай, Іоганъ! Прощай, Дина! Дай Богъ вамъ полнаго счастья!

(Марта и Лона провожаютъ ихъ до террасы. Іоганъ съ Диной быстро уходятъ черезъ садъ. Лона затворяетъ дверь и спускаетъ занавѣску).

Лона. Теперь мы обѣ одиноки, Марта. Ты лишилась ея, а я—его.

Марта. Ты — его?

Лона. Я почти лишилась его еще тамъ. Малый только и бредилъ, какъ бы совсѣмъ стать на свои ноги. Я и выдумала, будто страдаю тоской по родинѣ.

Марта. Вотъ оно что! Понимаю теперь, зачѣмъ ты пріѣхала. Но онъ опять позоветъ тебя, Лона.

Лона. Старую сводную сестру? На что она ему теперь? Какихъ связей не порываютъ мужчины, стремясь къ счастью!

Марта. Бываетъ.

Лона. Будемъ держаться вмѣстѣ, Марта!

Марта. Развѣ я могу что-нибудь составить для тебя?

Лона. Да кто же, какъ не ты? Обѣ мы съ тобой воспитали пріемныхъ дѣтей. И вотъ — обѣ осиротѣли.

Марта. Да, осиротѣли. Такъ я скажу тебѣ еще: я любила его больше всего на свѣтѣ.

Лона. Марта! (Схвативъ ее за руку) Неужели?

Марта. Вся жизнь моя въ этихъ словахъ. Я любила и ждала его. Каждое лѣто ждала, что онъ пріѣдетъ. И вотъ онъ пріѣхалъ и не обратилъ на меня вниманія.

Лона. Ты его любила? И сама устроила ихъ счастье?

Марта. Какъ же мнѣ было не устроить, если я любила его? Да, я его любила. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ, я жила только для него. Ты спросишь: какія основанія я имѣла надѣяться? О, я думаю, что имѣла. Но когда онъ вернулся, все старое какъ будто стерлось изъ его памяти; онъ не обратилъ на меня и вниманія.

Лона. Дина заслонила тебя, Марта.

Марта. И хорошо, что такъ. Когда онъ уѣзжалъ, мы были съ нимъ ровесники; когда же я снова его увидала, — ужасная минута! — мнѣ сразу стало ясно, что теперь я старше его лѣтъ на десять. Онъ тамъ леталъ вольной птицей въ глубокомъ солнечномъ просторѣ и впивалъ въ себя молодость и здоровье съ каждымъ глоткомъ воздуха, а я сидѣла здѣсь и пряла, пряла...

Лона. ...Нить его счастья, Марта.

Марта. Да, пряла золотую нить. Говорю безъ горечи! Не правда ли, Лона, мы были ему добрыми сестрами?

Лона (крѣпко обнимая ее). Марта!

(Берникъ выходитъ изъ кабинета).

Берникъ (обращаясь къ кому-то въ кабинетѣ). Хорошо, дѣлайте, какъ знаете... Когда придетъ время, я самъ... (Притворяя дверь) А, вы здѣсь? Слушай, Марта, надо тебѣ немножко пріодѣться, да и Бетти скажи. Конечно, не надо ничего особенно наряднаго. Пусть только будетъ мило и изящно, по-домашнему. И надо поторопиться.

Лона. Не забудь еще принять счастливый и веселый видъ, Марта!

Берникъ. И Олафа пошли внизъ. Надо, чтобы онъ былъ возлѣ меня.

Лона. Гм... Олафа...

Марта. Хорошо, я скажу Бетти. (Уходитъ налѣво).

Лона. Итакъ, значитъ, насталъ часъ твоего торжества.

Берникъ (ходитъ взволнованный взадъ и впередъ). Да, насталъ.

Лона. Воображаю, какимъ счастливымъ и гордымъ долженъ чувствовать себя человѣкъ въ такой часъ.

Берникъ (останавливается и смотритъ на нее). Гм!

Лона. Говорятъ, весь городъ будетъ иллюминованъ.

Берникъ. Да, имъ что-то вздумалось...

Лона. Всѣ союзы будутъ налицо со своими значками и флагами. Имя твое зажжется огненными буквами. А ночью во всѣ концы полетятъ телеграммы: «Окруженный счастливой семьей, консулъ Берникъ, одинъ изъ столповъ общества, принималъ отъ своихъ согражданъ заслуженные имъ знаки уваженія и почета».

Берникъ. Да, такъ и будетъ. Станутъ кричать «ура», толпа восторженно будетъ вызывать меня изъ этихъ дверей на террасу, и я буду вынужденъ выходить, кланяться и благодарить.

Лона. Ужъ и вынужденъ!..

Берникъ. А по-твоему, я могу чувствовать себя счастливымъ въ эту минуту?

Лона. Нѣтъ, не думаю, чтобы ты могъ чувствовать себя вполнѣ счастливымъ.

Берникъ. Лона, ты презираешь меня!

Лона. Нѣтъ еще.

Берникъ. И ты не въ правѣ, не въ правѣ презирать меня! Лона, тебѣ не понять, какъ безконечно одинокъ я среди этого общества съ его узкими взглядами и исковерканными понятіями! Мнѣ изъ года въ годъ приходилось понижать свои требованія, направленныя къ достиженію достойной цѣли жизни. Съ виду я сдѣлалъ немало, а въ дѣйствительности — что? Лишь кое-что, пустяки, бездѣлицу. Да здѣсь другого, лучшаго и не потерпятъ. Попытайся я хоть на шагъ опередить господствующіе здѣсь взгляды и стремленія общества — власти моей конецъ. Знаешь ты, что такое мы въ сущности, мы, такъ-называемые столпы общества? Мы — орудія общества и больше ничего.

Лона. Почему ты увидалъ это лишь теперь?

Берникъ. Потому что я много думалъ въ послѣднее время... съ тѣхъ поръ, какъ ты пріѣхала... и особенно сегодня вечеромъ... О, Лона, зачѣмъ я не зналъ тебя вполнѣ... тогда... въ былое время?

Лона. Ну, а если бы зналъ?

Берникъ. Никогда бы я не упустилъ тебя! А будь ты со мной, я не былъ бы тѣмъ, чѣмъ сталъ.

Лона. А ты не думаешь, чѣмъ могла бы стать для тебя та, которую ты выбралъ вмѣсто меня?

Берникъ. Во всякомъ случаѣ я знаю, что она никогда не была для меня тѣмъ, въ чемъ я нуждался.

Лона. Потому что ты никогда не посвящалъ ея въ свои интересы, не установилъ между нею и тобою правдивыхъ свободныхъ отношеній, предоставлялъ ей мучиться, упрекать себя за тотъ позоръ, который ты самъ же обрушилъ на ея родныхъ.

Берникъ. Да, да, да; это все послѣдствія лжи и обмана.

Лона. Ну, такъ чего же ты не сбросишь съ себя всю эту ложь и обманъ?

Берникъ. Теперь?.. Теперь поздно, Лона.

Лона. Скажи мнѣ, Карстенъ, какое удовлетвореніе можешь

ты найти въ этомъ показномъ благополучіи, основанномъ на обманѣ?

Берникъ. Я? Никакого. Я осужденъ погибнуть, какъ и все это исковерканное общество. Но за нами идетъ другое поколѣніе, я работаю для сына, подготовляю ему дѣло жизни. Придетъ же время, когда истина проникнетъ во всѣ общественныя отношенія! На ней-то мой сынъ и построитъ свою жизнь, болѣе счастливую, чѣмъ жизнь его отца.

Лона. А въ глубинѣ-то, въ основаніи все-таки останется ложь? Подумай, какое наслѣдство ты оставляешь своему сыну.

Берникъ (подавляя взрывъ отчаянія). Я оставляю ему наслѣдство еще въ тысячу разъ хуже, чѣмъ ты полагаешь. Но когда-нибудь проклятіе будетъ же снято... И все-таки... (Порывисто) Какъ могли вы обрушить все это на мою голову!.. Но дѣло сдѣлано. Отступать поздно. Не удастся вамъ погубить меня!

(Гильмаръ, встревоженный, съ распечатанной запиской въ рукахъ, быстро входитъ справа).

Гильмаръ. Да вѣдь это же... Бетти, Бетти!

Берникъ. Что тамъ? Идутъ уже?

Гильмаръ. Нѣтъ, нѣтъ, но мнѣ необходимо нужно поговорить съ кѣмъ-нибудь... (Уходитъ налѣво).

Лона. Карстенъ, ты говоришь, что мы пріѣхали погубить тебя! Ну, такъ слушай же, каковъ онъ, этотъ блудный сынъ, котораго ваше благонравное общество чурается, какъ зачумленнаго! Ему больше нѣтъ дѣла до васъ, онъ уѣхалъ...

Берникъ. Но онъ хотѣлъ вернуться...

Лона. Іоганъ никогда не вернется. Онъ уѣхалъ навсегда, и Дина съ нимъ.

Берникъ. Не вернется? И Дина съ нимъ?

Лона. Да, она выходитъ за него замужъ. Они даютъ пощечину всему вашему высоконравственному обществу, такую же пощечину, какъ я когда-то... Но довольно!

Берникъ. И она... она отправилась съ нимъ... на «Индіанкѣ»!..

Лона. Нѣтъ, такого драгоцѣннаго груза онъ не посмѣлъ довѣрить этой безшабашной шайкѣ. Іоганъ съ Диной отправились на «Пальмѣ».

Берникъ. А!.. Значитъ... напрасно... (Быстро подходитъ къ кабинету и отворяетъ дверь) Крапъ! Остановите «Индіанку»! Она не должна выходить въ море сегодня!

Крапъ (изъ кабинета). «Индіанка» уже въ морѣ, г. Берникъ.

Берникъ (затворяетъ дверь и говоритъ упавшимъ голосомъ). Поздно... и напрасно...

Лона. Что ты говоришь?

Берникъ. Ничего, ничего. Оставь меня...

Лона. Гм... Послушай, Карстенъ. Іоганъ просилъ передать тебѣ, что онъ теперь поручилъ мнѣ заботу о его добромъ имени, которымъ онъ когда-то пожертвовалъ ради тебя и которое ты вторично отнялъ у него въ его отсутствіе. Іоганъ будетъ молчать, но предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій. Вотъ оба твои письма у меня въ рукахъ.

Берникъ. У тебя! И теперь... ты хочешь... какъ разъ сегодня... можетъ-быть, даже въ ту самую минуту, когда торжественное шествіе...

Лона. Я пріѣхала сюда не уличать тебя, а встряхнуть тебя нравственно, чтобы ты самъ сознался. Этого не удалось. Оставайся же во лжи. Смотри, я рву твои письма... Бери клочки, вотъ они. Теперь нѣтъ больше уликъ противъ тебя, Карстенъ. Теперь ты въ полной безопасности. Будь счастливъ... если можешь.

Берникъ (глубоко потрясенный). Лона... зачѣмъ ты не сдѣлала этого раньше! Теперь поздно. Вся жизнь моя теперь разбита. Я не человѣкъ больше.

Лона. Да что случилось?

Берникъ. Не спрашивай... но жить я все-таки долженъ... и я хочу жить... ради Олафа. Онъ поправитъ... искупитъ все...

Лона. Карстенъ!..

(Гильмаръ быстро возвращается).

Гильмаръ. Никого нѣтъ, никого, и даже Бетти!

Берникъ. Да что съ тобой?

Гильмаръ. Не смѣю сказать тебѣ.

Берникъ. Что такое?! Ты долженъ сказать!

Гильмаръ. Ну, хорошо. Олафъ бѣжалъ на «Индіанкѣ».

Берникъ (пошатнувшись). Олафъ... на «Индіанкѣ»! Нѣтъ, нѣтъ!

Лона. Должно-быть, такъ! Теперь я понимаю... Я видѣла, какъ онъ выскочилъ изъ окна...

Берникъ (въ дверяхъ кабинета кричитъ въ полномъ отчаяніи). Крапъ, остановите «Индіанку» во что бы то ни стало!

Крапъ (выходя изъ кабинета). Невозможно, г. консулъ. Вы же сами знаете...

Берникъ. Мы *должны* ее остановить! Олафъ тамъ!

Крапъ. Что вы говорите!

Руммель (тоже выходя изъ кабинета). Олафъ бѣжалъ? Не можетъ быть!

Сандстадъ (выходитъ). Его вернутъ съ лоцманомъ, г. консулъ.

Гильмаръ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ мнѣ пишетъ (показываетъ записку), что спрячется въ трюмѣ, пока судно не выйдетъ въ открытое море.

Берникъ. Я его никогда больше не увижу!

Руммель. Что за чепуха! Хорошее, прочное судно, только-что изъ дока!..

Вигеландъ (вышедшій за другими). ...Изъ вашего собственнаго дока, г. консулъ!

Бернике. Говорю вамъ, я никогда больше его не увижу! Я лишился его, Лона, и... теперь я вижу... онъ никогда не былъ моимъ. (Прислушиваясь) Что это такое?

Руммель. Музыка. Шествіе приближается.

Бернике. Я не могу, я не хочу никого принимать!

Руммель. Что ты! Невозможно!

Сандстадъ. Невозможно, г. консулъ. Подумайте, что теперь поставлено на карту!

Бернике. А что мнѣ теперь до всего этого! для кого мнѣ теперь трудиться?

Руммель. Какъ ты можешь спрашивать! Для всѣхъ насъ, для общества.

Вигеландъ. Вѣрно.

Сандстадъ. И вы, вѣроятно, не забыли, г. консулъ, что и мы...

(Марта входитъ слѣва. Издали доносятся звуки музыки).

Марта. Идутъ, а Бетти нѣтъ дома. Не понимаю, куда она...

Бернике. Нѣтъ дома! Вотъ видишь, Лона, рѣшительно не на кого опереться, ни въ часъ радости ни въ часъ горя.

Руммель. Поднимите занавѣски! Пожалуйста, помогите мнѣ, г. Крапъ... и вы, г. Сандстадъ. Какая досада, что семья какъ разъ вся въ разбродѣ! Совсѣмъ не по программѣ!

(Поднимаютъ занавѣски на окнахъ и на дверяхъ. Вся улица иллюминована. На противоположномъ домѣ красуется большой транспарантъ съ надписью: „Ура Карстену Бернику, столпу общества!“).

Бернике (испуганно отшатываясь). Прочь все это! Видѣть не хочу! Потушите! Потушите!

Руммель. Позволь спросить, ты въ умѣ?

Марта. Что съ нимъ, Лона?

Лона. Тсс! (Тихо говоритъ ей что-то).

Бернике. Прочь, говорю! Это издѣвательство! Развѣ вы не видите, всѣ эти огненные языки дразнятъ насъ!

Руммель. Признаюсь, однако...

Бернике. Да что вы понимаете!.. А я, я!.. Это погребальное шествіе!

Крапъ. Гм...

Руммель. Однако послушай... ты ужъ слишкомъ принимаешь къ сердцу...

Сандстадъ. Мальчуганъ только прокатится черезъ Атлантическій океанъ и скоро опять вернется домой.

Вигеландъ. Только положитесь во всемъ на высшій Промыслъ, г. консулъ!

Руммель. И на судно. Берникъ! Вѣдь это же не плавучій гробъ.

Крапъ. Гм...

Руммель. Другое дѣло, будь это одинъ изъ тѣхъ плавучихъ гробовъ, какіе посылаютъ крупныя иностранныя компаніи...

Берникъ. Чувствую, что сѣдѣю...

(Бетти, закутанная въ шаль, входитъ изъ сада).

Бетти. Карстенъ! Карстенъ! Ты знаешь?..

Берникъ. Да, знаю!.. А ты... не видала ничего!.. Гдѣ у тебя были глаза! Ты — мать!..

Бетти. Выслушай меня!..

Берникъ. И какъ ты не слѣдила за нимъ? Теперь я лишился его. Верни мнѣ его, верни, коли можешь!

Бетти. Да, да, верну! Онъ со мной!

Берникъ. Съ тобой?

Всѣ. А!..

Гильмаръ. Я такъ и думалъ!

Марта. Сынъ твой возвращенъ тебѣ, Карстенъ!

Лона. Сумѣй же сохранить его себѣ!

Берникъ (женѣ). Онъ съ тобой? Правду ли ты говоришь? Гдѣ онъ?

Бетти. Не скажу, пока ты его не простишь.

Берникъ. А что тутъ прощать!.. Какъ же ты узнала?..

Бетти. Ты думаешь, мать слѣпа? Я только до смерти боялась, чтобы ты не узналъ. Онъ вчера намекалъ... И когда я увидѣла, что его комната пуста, и нѣтъ ни сумки ни платья...

Берникъ. Ну, ну?..

Бетти. Я побѣжала, захватила Аунэ, и мы съ нимъ въ его лодкѣ... «Индіанка» уже снялась съ якоря, но мы, слава Богу, поспѣли еще во-время. Обыскали трюмъ и... нашли его. О, Карстенъ, не наказывай его!

Берникъ. Бетти!

Бетти. И Аунэ тоже!

Берникъ. Аунэ? При чемъ онъ? «Индіанка» продолжала путь?

Бетти. Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло...

Берникъ. Говори, говори!

Бетти. Аунэ былъ такъ же потрясенъ, какъ и я; поиски затянулись, стемнѣло уже, лоцманъ сталъ отказываться вести судно, и Аунэ рѣшился... отъ твоего имени...

Берникъ. Ну?

Бетти. Задержать пароходъ до завтра.

Крапъ. Гм...

Берникъ. Какое счастье!

Бетти. Ты не сердишься?

Берникъ. Какое огромное счастье, Бетти!

Руммель. Ты ужъ черезчуръ совѣстливъ!

Гильмаръ. Да, когда дѣло доходитъ до маленькой борьбы со стихіями... Ухъ!

Крапъ (стоя у окна). Теперь шествіе входитъ въ садъ, г. консулъ.

Берникъ. Теперь пусть идутъ.

Руммель. Весь садъ полонъ народу.

Сандстадъ. И вся улица биткомъ набита.

Руммель. Весь городъ на ногахъ, Берникъ. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ зажигательный!

Вигеландъ. Надо встрѣтить его со смиренной душой, г. Руммель.

Руммель. Всѣ союзы налицо со своими флагами. Какое шествіе! А вотъ и депутація съ Рёрлундомъ во главѣ.

Берникъ. Пусть теперь идутъ!

Руммель. Но, послушай, ты теперь въ такомъ возбужденіи...

Берникъ. Ну такъ что же?

Руммель. Я, пожалуй, не прочь сказать за тебя...

Берникъ. Нѣтъ, спасибо. Теперь я самъ хочу говорить.

Руммель. Да, но знаешь ли ты, что сказать?

Берникъ. Будь спокоенъ, Руммель! Теперь-то я знаю, что сказать!

(Между тѣмъ музыка стихаетъ. Двери, ведущія на террасу, распахиваются. Магистръ Рёрлундъ входитъ во главѣ депутаціи, за ними двое слугъ несутъ закрытую корзину. Вся зала наполняется народомъ. Въ саду и на улицѣ толпа, надъ которою вздымаются значки и знамена).

Рерлундъ. Достоуважаемый г. консулъ! По удивленію, написанному на вашемъ лицѣ, я вижу, что мы словно незваные гости вторгаемся къ вамъ, въ вашъ мирный домъ, гдѣ васъ окружаетъ ваша счастливая семья, преданные и дѣятельные друзья и сограждане. Но насъ увлекало искреннѣйшее желаніе почтить васъ, выразить вамъ чувства нашего глубокаго уваженія и почтенія къ вашей личности. Не впервые приходится вамъ принимать выраженія такихъ чувствъ, но еще въ первый разъ чествованіе принимаетъ столь обширные размѣры. Мы многократно приносили вамъ нашу благодарность за тѣ прочные нравственные устои, на которыхъ вы, такъ сказать, строите наше общество. Сегодня же мы чествуемъ васъ особенно, — какъ дальновиднаго, неутомимаго, безкорыстнаго и самоотверженнаго гражданина, по иниціативѣ котораго возникаетъ предпріятіе, обѣщающее, по мнѣнію всѣхъ компетентныхъ лицъ, дать могучій толчокъ дальнѣйшему преуспѣянію, процвѣтанію и благоденствію общества.

Многочисленные голоса изъ толпы. Браво! Браво!

Рерлундъ. Господинъ консулъ! Въ теченіе многихъ лѣтъ вы служили всему нашему городу настоящимъ образцомъ. Я уже не говорю здѣсь о вашей образцовой семейной жизни или о вашихъ безукоризненныхъ нравственныхъ принципахъ, — это темы для тихой задушевной бесѣды, а не для торжественной публичной рѣчи. Я говорю о вашей общественной дѣятельности, которая на виду у всѣхъ. Ваши верфи выпускаютъ образцовыя суда, которыя несутъ норвежскій флагъ во всѣ моря свѣта. Многочисленная и счастливая семья рабочихъ видитъ въ васъ родного отца. Создавъ новыя отрасли промышленности, вы положили основаніе благоденствію сотенъ семействъ. Однимъ словомъ — вы столпъ нашего общества въ самомъ высокомъ значеніи этого слова.

Голоса изъ толпы. Браво! Браво!

Рерлундъ. И въ наше время особенно отрадно и дорого видѣть то чистое безкорыстіе, которымъ отличается вся ваша дѣятельность. Теперь вы намѣрены дать намъ... да, почему не сказать этого прямо и просто... желѣзную дорогу.

Многочисленные голоса изъ толпы. Браво! Браво!

Рерлундъ. Предпріятію этому однако, повидимому, суждено еще бороться съ затрудненіями, создаваемыми узкими и своекорыстными соображеніями.

Голоса изъ толпы. Слушайте! Слушайте!

Рерлундъ. Сдѣлалось небезызвѣстнымъ, что нѣкія личности, не принадлежащія къ нашему обществу, опередивъ нашихъ трудолюбивыхъ согражданъ, захватили въ свои руки нѣкоторыя преимущества, которыми по праву долженъ былъ бы воспользоваться нашъ городъ.

Голоса изъ толпы. Да, да! Слушайте!

Рерлундъ. Этотъ достойный сожалѣнія фактъ, конечно, дошелъ и до вашего свѣдѣнія, г. консулъ. Но, несмотря на это, вы непоколебимо преслѣдуете вашу цѣль, памятуя, что истинному гражданину своего отечества не подобаетъ заботиться только о мѣстныхъ интересахъ.

Голоса изъ толпы. Гм!.. Нѣтъ! Да!.. Да!..

Рерлундъ. Итакъ, мы сегодня чествуемъ васъ, какъ гражданина, общественнаго дѣятеля и какъ человѣка, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Да послужитъ ваше предпріятіе къ истинному и прочному благу общества! Правда, желѣзная дорога можетъ облегчить доступъ къ намъ дурнымъ элементамъ, но она же быстро можетъ и избавить насъ отъ нихъ. Да и теперь мы не гарантированы отъ вторженія такихъ дурныхъ элементовъ извнѣ. Но въ томъ, что именно въ этотъ торже-

ственный вечеръ мы, если вѣрить слухамъ, счастливо и скорѣе, чѣмъ надѣялись, избавились отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ...

Голоса изъ толпы. Тсс! тсс!

Рерлундъ. ...Въ этомъ я вижу доброе предзнаменованіе для предпріятія... То же обстоятельство, что я рѣшился затронуть здѣсь подобный вопросъ, ясно доказываетъ, что мы находимся въ домѣ, гдѣ нравственные принципы ставятся выше родственныхъ отношеній.

Голоса изъ толпы. Слушайте! Браво!

Берникъ (въ то же время). Позвольте мнѣ...

Рерлундъ. Еще два слова, г. консулъ. Трудясь такъ долго на пользу города, вы были далеки отъ мысли стяжать этимъ путемъ какую-либо осязательную награду для себя лично. Но это маленькое доказательство признательности вашихъ согражданъ вы не въ правѣ отклонить отъ себя, особенно въ такую знаменательную минуту, когда мы, по увѣренію знающихъ людей, вступаемъ въ новую эру.

Многочисленные голоса изъ толпы. Браво! Слушайте, слушайте!

(Рёрлундъ даетъ знакъ слугамъ, которые подносятъ корзину: депутаты вынимаютъ изъ нея и передаютъ Рёрлунду тѣ предметы, о которыхъ говорится ниже).

Рерлундъ. Итакъ, г. консулъ, имѣемъ честь поднести вамъ серебряный кофейный сервизъ. Пусть онъ украшаетъ вашъ столъ въ тѣ часы, когда мы будемъ имѣть удовольствіе, какъ часто бывало и прежде, собираться вокругъ него въ веселую дружную компанію въ вашемъ гостепріимномъ домѣ... И васъ, господа, всегда съ такою готовностью помогавшихъ первому человѣку въ нашемъ городѣ во всѣхъ его предпріятіяхъ, мы также просимъ принять на память эти бездѣлицы. Вотъ этотъ серебряный бокалъ назначенъ вамъ, г. Руммель. Вы не разъ при звонѣ бокаловъ краснорѣчиво защищали интересы общества. Пусть же почаще представляются вамъ случаи высоко поднимать и осушать этотъ бокалъ за общество! Вамъ, г. Санстадъ, позвольте передать этотъ альбомъ съ карточками согражданъ. Ваша извѣстная, всѣми признанная гуманность стяжала вамъ друзей во всѣхъ кругахъ общества. Вамъ же, г. Вигеландъ, позвольте поднести это собраніе проповѣдей на веленевой бумагѣ въ роскошномъ переплетѣ. Зрѣлость мысли, вырабатываемая временемъ, привела васъ къ глубоко-серьезному взгляду на жизнь, и ваша многолѣтняя дѣятельность среди мірской суеты была облагорожена мыслью о другой, высшей жизни. (Обращаясь къ толпѣ) Затѣмъ, друзья мои, да здрав-

ствуетъ консулъ Берникъ и его сотрудники! Да здравствуютъ столпы нашего общества!

Вся толпа. Да здравствуетъ консулъ Берникъ! Да здравствуютъ столпы общества! Ура! Ура! Ура!

Лона. Поздравляю, зять! (Пауза. Напряженное ожиданіе).

Берникъ (серьезно и медленно). Сограждане! Вашъ представитель сказалъ сейчасъ, что мы сегодня вступаемъ въ новую эру; надѣюсь, что это такъ и будетъ. Но для этого намъ необходимо призвать на помощь истину, — истину, которая до этого самаго вечера почти не находила себѣ пристанища въ нашемъ обществѣ. (Сильное удивленіе среди окружающихъ). Поэтому я прежде всего долженъ отклонить тѣ похвалы, которыми вы, г. магистръ, по установленному обычаю, незаслуженно осыпали меня. Я ихъ не заслуживаю, потому что не былъ безкорыстнымъ дѣятелемъ. Я не всегда гонялся за барышами, это правда, но зато я долженъ сознаться, что главной пружиной моей дѣятельности была жажда власти, вліянія, почета.

Руммель (вполголоса). Это еще что?

Берникъ. Мнѣ, впрочемъ, не въ чемъ упрекать себя по отношенію къ моимъ согражданамъ, такъ какъ думаю, что смѣло могу стать на ряду съ лучшими изъ нихъ.

Многочисленные голоса изъ толпы. Да, да, да!

Берникъ. Но я упрекаю себя въ томъ, что часто имѣлъ слабость сворачивать съ прямого пути, опасаясь извѣстной мнѣ склонности нашего общества искать во всемъ, что дѣлаетъ человѣкъ, дурной, задней мысли. И теперь мнѣ приходится коснуться одного обстоятельства...

Руммель (съ безпокойствомъ). Гм!.. гм!..

Берникъ. Здѣсь носятся слухи о скупкѣ участковъ земель. Всѣ эти участки скупилъ я, я одинъ...

Голоса изъ толпы (шопотомъ). Что онъ говоритъ? Консулъ? Консулъ Берникъ?

Берникъ. Они пока въ моихъ рукахъ. Я, конечно, довѣрился моимъ сотоварищамъ, господамъ Руммелю, Вигеланду и Санстаду, и мы согласились между собой...

Руммель. Неправда! Докажи, докажи!..

Вигеландъ. Мы не входили ни въ какія соглашенія!

Сандстадъ. Скажите однако...

Берникъ. Совершенно вѣрно, мы еще не соглашались относительно того, что я хочу сказать. Но я твердо надѣюсь, что эти господа согласятся со мной, когда я скажу, что сегодня я рѣшилъ всѣ эти участки расписать на акціи. Кто желаетъ, можетъ пріобрѣсти.

Многочисленные голоса изъ толпы. Ура! Да здравствуетъ консулъ Берникъ!

Руммель (тихо Бернику). Какая низкая измѣна...

Сандстадъ (такъ же). Значитъ, надули насъ...

Вигеландъ. Чортъ побери!.. Господи, что я говорю!

Толпа (въ саду). Ура! Ура! Ура!

Берникъ. Тише, господа. Я не имѣю никакого права на такое чествованіе. Я не сразу такъ рѣшилъ. Первоначальнымъ намѣреніемъ моимъ было — оставить все за собой. Да я и теперь того мнѣнія, что всѣ эти участки могутъ принести наибольшія выгоды, лишь находясь въ однѣхъ рукахъ. Но я предоставляю это дѣло на ваше рѣшеніе. Если пожелаютъ, я готовъ вести его самъ по мѣрѣ силъ и умѣнья.

Голоса изъ толпы. Да, да, желаемъ!

Берникъ. Но сперва, сограждане, вы должны узнать меня, каковъ я есть, вполнѣ... Потомъ пусть каждый заглянетъ къ себѣ въ душу, и пусть сбудутся слова, что отнынѣ мы вступаемъ въ новую эру. Старое время, съ его наружной мишурой, внутренней пустотой, лицемѣріемъ, показной моралью и жалкими соображеніями, пусть станетъ для насъ музеемъ, открытымъ для общаго поученія. Въ этотъ же музей сдадимъ—не такъ ли, господа?—и кофейный сервизъ, и бокалъ, и альбомъ, и проповѣди на веленевой бумагѣ въ роскошномъ переплетѣ.

Руммель. Разумѣется.

Вигеландъ (бормочетъ). Если вы взяли остальное, то...

Сандстадъ. Сдѣлайте одолженіе!

Берникъ. Теперь на очереди главный мой расчетъ съ обществомъ. Было сказано, что мы сегодня благополучно избавились отъ нѣкоторыхъ дурныхъ элементовъ. Къ этому могу прибавить то, что еще не всѣмъ извѣстно, а именно, что человѣкъ, о которомъ это было сказано, уѣхалъ не одинъ. Съ нимъ отправилась его будущая жена.

Лона (громко). Дина Дорфъ.

Рерлундъ. Что?!

Бетти. Что ты говоришь? (Сильное волненіе).

Рерлундъ. Бѣжала! Бѣжала... съ нимъ! Не можетъ быть!

Берникъ. Она будетъ его женой, г. магистръ. Прибавлю еще... (Тихо женѣ) Бетти, соберись съ духомъ, чтобы перенести!.. Прибавлю: господа, шапки долой передъ этимъ человѣкомъ! Онъ великодушно взялъ на себя чужую вину. Сограждане, я сбрасываю съ себя гнетъ лжи, который давилъ меня, отравлялъ мнѣ каждую минуту жизни. Вы должны узнать все. Виновникомъ того, что произошло пятнадцать лѣтъ тому назадъ, былъ я!

Бетти (тихо, взволнованно). Карстенъ!..

Марта (такъ же). Ахъ, Іоганъ

Лона. Наконецъ-то ты побѣдилъ себя!

(Безмолвное удивленіе остальныхъ присутствующихъ).

Берникъ. Да, сограждане, я былъ виноватъ, а онъ уѣхалъ. Злонамѣренные и ложные слухи, разнесшіеся послѣ его отъѣзда, причинили зло, котораго теперь уже нѣтъ возможности исправить; прошлаго не вернешь, и я не смѣю роптать на это. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я пошелъ въ гору благодаря этимъ слухамъ; суждено ли мнѣ теперь пасть изъ-за нихъ — это я предоставляю обдумать каждому.

Рерлундъ. Какой страшный ударъ! Первый человѣкъ въ городѣ!.. (Тихо Бетти) О, какъ я жалѣю васъ, сударыня!

Гильмаръ. Такое признаніе! Ну, скажу я вамъ!..

Берникъ. Но не спѣшите рѣшеніемъ сегодня. Прошу всѣхъ разойтись по домамъ, успокоиться и вникнуть въ дѣло хорошенько. Когда возбужденіе утихнетъ, тогда и окажется: проигралъ я или выигралъ своимъ признаніемъ. Прощайте! Мнѣ еще остается пожалѣть о многомъ, многомъ, но это касается только моей совѣсти. Доброй ночи! Прочь всѣ украшенія и праздничное убранство! Всѣ мы чувствуемъ, что они здѣсь не мѣста.

Рерлундъ. Дѣйствительно. (Тихо Бетти) Бѣжала! Значитъ, она была окончательно недостойна меня!

Гильмаръ. Ну, какъ послѣ этого человѣку высоко держать знамя идеи... Ухъ!

(Общее перешептываньe, и зала пустѣетъ. Руммель, Сандстадъ и Вигеландъ также уходятъ въ садъ, горячо споря между собой вполголоса. Гильмаръ потихоньку скрывается направо. Въ залѣ остаются лишь Берникъ, его жена, Марта, Лона и управляющій Кранъ).

(Общее молчаніе).

Берникъ. Бетти, можешь ли ты простить меня?

Бетти (смотритъ на него съ улыбкой). Знаешь, Карстенъ, ты никогда не пробуждалъ во мнѣ такихъ свѣтлыхъ надеждъ, какъ сегодня!

Берникъ. Какъ?

Бетти. Много лѣтъ я думала, что ты когда-то былъ моимъ, но что я потеряла тебя. Теперь же я знаю, что ты никогда не былъ моимъ, но увѣрена, что будешь!

Берникъ (обнимая ее). О, Бетти, я уже твой! Благодаря Лонѣ я сталъ понимать тебя. Но пусть и Олафъ придетъ сюда.

Бетти. Хорошо, я приведу его. Г. Кранъ... (Что-то тихо говоритъ ему, и онъ уходитъ чрезъ террасу).

(Всѣ транспаранты и огни въ саду и на улицѣ понемногу потухаютъ).

Берникъ (тихо). Благодарю, Лона. Ты спасла для меня и во мнѣ все, что было у меня лучшаго.

Лона. А чего же я и добивалась?

Берникъ. Такъ ли, нѣтъ ли?.. Я все еще не вполнѣ понялъ тебя.

Лона. Гм...

Берникъ. Значитъ, ты не изъ ненависти? Не ради мести?.. Зачѣмъ же ты пріѣхала?

Лона. Старая дружба не ржавѣетъ.

Берникъ. Лона!

Лона. Когда Іоганъ разсказалъ мнѣ насчетъ той лжи, я поклялась, что герой моей юности снова возстанетъ изъ нея честнымъ и правднымъ!

Берникъ. Я дурной человѣкъ! Чѣмъ я заслужилъ отъ тебя это?

Лона. Ну, если бы мы, женщины, все спрашивали заслугъ, Карстенъ!..

(Аунэ входитъ изъ сада съ Олафомъ).

Берникъ (бросаясь къ нему). Олафъ!

Олафъ. Папа, даю тебѣ слово, никогда больше...

Берникъ. Не бѣгать?

Олафъ. Да, да, даю тебѣ слово, папа!

Берникъ. И я даю тебѣ слово, что ты никогда больше не будешь имѣть къ тому повода. Учись и расти себѣ, не какъ мой преемникъ, а просто какъ будущій человѣкъ, который найдетъ свою задачу въ жизни.

Олафъ. И ты позволишь мнѣ быть, чѣмъ я хочу?

Берникъ. Позволю.

Олафъ. Спасибо. Такъ я не хочу быть столпомъ общества.

Берникъ. Вотъ какъ? Почему?

Олафъ. Нѣтъ, это должно быть такъ скучно!

Берникъ. Ты долженъ быть самимъ собою, Олафъ, остальное все придетъ само... А вы, Аунэ...

Аунэ. Знаю, г. Берникъ, — я уволенъ.

Берникъ. Нѣтъ, вы останетесь, Аунэ, и... простите меня!

Аунэ. Какъ? «Индіанка» вѣдь не пойдетъ сегодня?

Берникъ. И завтра не пойдетъ. Я далъ вамъ слишкомъ короткій срокъ. Надо осмотрѣть и починить судно основательнѣе.

Аунэ. Слушаю, г. Берникъ! Пустимъ въ ходъ новыя машины!

Берникъ. Это хорошо; но главное, чтобъ работа была выполнена основательно и добросовѣстно. Многое у насъ нуждается въ основательномъ и добросовѣстномъ пересмотрѣ и обновленіи. А теперь доброй ночи, Аунэ!

Аунэ. Спокойной ночи, г. консулъ. Спасибо, спасибо вамъ! (Уходитъ налѣво).

Бетти. Ну, вотъ всѣ и ушли.

Берникъ. И мы одни. Имя мое не горитъ больше огненными буквами, всѣ огни погасли...

Лона. А ты бы желалъ, чтобъ ихъ снова зажгли?

Берникъ. Ни за что въ свѣтѣ! До чего я дошелъ? Вы ужаснулись бы, если-бъ узнали. Я теперь какъ будто очнулся послѣ ужаснаго дурмана! Но я чувствую, что могу еще опять выздоровѣть и помолодѣть. О, подойдите ко мнѣ поближе! Ближе! Бетти!.. Олафъ!.. И ты, Марта!.. Я какъ будто совсѣмъ и не видалъ тебя всѣ эти годы...

Лона. Я думаю; ваше общество — общество старыхъ холостяковъ; вы и не замѣчаете женщинъ.

Берникъ. Правда, правда! И именно поэтому... Да, такъ рѣшено, Лона, ты не уѣдешь отъ насъ?

Бетти. Да, не уѣзжай, Лона!

Лона. Нѣтъ, куда мнѣ теперь уѣзжать! Какъ бросить мнѣ васъ — молодую парочку, которая только-что собирается свить себѣ настоящее гнѣздо. Вѣдь моя судьба — быть пріемной матерью. Мы съ тобой, Марта, двѣ старыя тетки... Куда ты смотришь?

Марта. Какъ небо проясняется! Какъ свѣтло надъ моремъ! «Пальмѣ» везетъ.

Лона. И тѣмъ, кого она везетъ! Ихъ ждетъ счастье.

Берникъ. А намъ — намъ предстоитъ длинный трудовой день. Но пусть онъ придетъ. Только не оставляйте меня вы, преданныя, правдивыя женщины! Въ эти дни я узналъ, что истинные столпы нашего общества — вы, женщины!

Лона. Ну и хрупкіе же столпы, зять! (Положивъ руку на его плечо, многозначительно) Нѣтъ, духъ правды и духъ свободы — вотъ столпы, вотъ устои общества!

Оглавленіе

II ТОМА.

стр.

Борьба за престолъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ 3
Фру Ингеръ изъ Эстрота. Драма въ пяти дѣйствіяхъ 110
Воители въ Гельгеландѣ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ 193
Катилина. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ 248
Богатырскій курганъ. Драматическая поэма въ одномъ дѣйствіи . . 320
Пиръ въ Сольхаугѣ. Лирическая драма въ трехъ дѣйствіяхъ . . . 343
Олафъ Лиліекрансъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ 388
Союзъ молодежи. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ 464
Столпы общества. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ 562

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PT
8852
R9H3
+.?

Ibsen, Henrik
Polnoe sobranie sochine-
nii